УЧЕБНИК НОВОГО ВЕКА

Психология

Учебник для гуманитарных вузов

- Общая психология и теории личности
- Социальная психология
- Историческая и этническая психология
- Юридическая психология
- Психология творчества

Под редакцией

В. Н. ДРУЖИНИНА

Питер

СЕРИЯ
УЧЕБНИК НОВОГО ВЕКА

Психология

Учебник для гуманитарных вузов
Под редакцией
В. Н. ДРУЖИНИНА

Санкт-Петербург
Москва • Харьков • Минск

2001

психология
Учебник для гуманитарных вузов
Под общей редакцией доктора психологических наук, профессора В. Н. Дружинина
Серия «Учебник нового века»

Главный редактор	В. Усманов
Заведующий психологической редакцией	А.Зайцев
Зам. заведующего психологической редакцией	Н. Мигаловская
Ведущий редактор	А.Борин
Редакторы	С. Комаров, Д. Ахапкин
Художник обложки	В.Королева
Иллюстрации	В. Кучукбаев, Н. Резников
Корректор	Н. Баталова
Верстка	Е. Кузьменок

ББК 88я7
УДК 159.9(075)
П86 Психология. Учебник для гуманитарных вузов / Под общ. ред. В. Н. Дружинина. — СПб.: Питер, 2001. — 656 с.: ил. — (Серия «Учебник нового века»).
ISBN 5-272-00260-1

Учебник подготовлен группой ведущих российских ученых и преподавателей в соответствии с требованиями Государственного образовательного стандарта для бакалавров. В общей части учебника излагаются основы психологии как научной дисциплины, базовые сведения о ее структуре, истории, методах и достижениях. Специальная часть посвящена конкретным областям психологической науки, ориентированным на специалистов-гуманитариев.

Предназначен для студентов 1-2 курсов гуманитарных специальностей, для преподавателей кафедр психологии гуманитарных вузов и всех читателей, интересующихся теоретическими и прикладными аспектами психологической науки.

ISBN 5-272-00260-1
ЗАО «Питер Бук». 196105, Санкт-Петербург, ул. Благодатная, 67. Лицензия ИД № 01940 от 05.06.00.

Налоговая льгота - общероссийский классификатор продукции ОК 005-93, том 2; 953000 - книги и брошюры. Подписано в печать 15.11.00. Формат 70x100 1/16 д. Усл. п. л. 52,89. Тираж 7000 экз. Заказ № 2256. Отпечатано с диапозитивов в ГПП «Печатный двор»

Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемый читатель!

Ты держишь в руках необычный учебник. Издательство «Питер» реализует программу выпуска учебников и учебных пособий, предназначенных для студентов и преподавателей непсихологических специальностей, для всех, кто изучает или преподает психологию в рамках обязательной программы высшего образования. Психология с 1994 года входит в число учебных дисциплин Государственного стандарта. Этот учебник предназначен для студентов, обучающихся на гуманитарных факультетах университетов, т. е. для будущих юристов и историков, социологов и филологов, социальных работников и журналистов. Психология по своей уникальной природе объединяет и синтезирует в себе черты естественнонаучной и гуманитарной дисциплины. Для гуманитарного знания психологические факты и законы выполняют функцию объяснительных принципов: психология раскрывает закономерности индивидуального и группового поведения, особенности внутренней духовной жизни людей, природу их способностей, потребностей и т. д. В нашем учебнике излагаются начала фундаментальной психологии, а также отражены основы юридической, исторической, этнической психологии и других отраслей психологической науки, знание которых необходимо современным студентам. Отечественная психология развивалась под влиянием трудов выдающихся российских философов и ученых-гуманитариев: Н. О. Лосского, С. Л. Франка, Г. Г. Шпета, Н. А. Бердяева и многих других. Не случайно получившая мировое признание культурно-историческая концепция развития высших психических функций была разработана российским психологом Л. С. Выготским.

Большинство выдающихся отечественных психологов успешно использовали в своих исследованиях как метод понимания, присущий гуманитарным наукам, так и естественнонаучные методы: наблюдение, измерение, эксперимент. Достаточно назвать фамилии основоположников крупнейших научных школ С. Л. Рубинштейна, Б. Г. Ананьева, А. Н. Леонтьева, Б. М. Теплова. В меру своих сил мы — авторы учебника — старались продолжить эти традиции. Работая над учебником, мы стремились доступно и максимально строго изложить основы современной психологической науки. Главный принцип, которым мы руководствовались, — уважение к студенту. Авторы считают, что интеллектуальный уровень читателя, по крайней мере, не ниже, чем их собственный, и современный студент способен усвоить базовые психологические знания в их «естественной» форме, а не в виде популярных очерков, психологических анекдотов и рассуждений в пределах «здравого смысла». Некоторые трудности, которые неизбежно возникают при знакомстве с новой областью знаний, будут компенсированы радостью понимания, на которое мы рассчитываем.

Учебник содержит основы современных психологических знаний, изложенные в соответствии с принятыми во всем мире стандартами написания учебной и учебно-методической литературы. Каждая часть учебника посвящена какой-либо из основных областей психологического знания. Части состоят из глав, а главы — из параграфов. В конце каждой главы помещены вопросы и список рекомендуемой литературы (только на русском языке). Полный список источников помещен в конце книги.

Разумеется, объем материала, который содержится в этом томе, значительно превышает необходимый для успешной сдачи экзамена или зачета по курсу психологии, читаемом в вузе, но стоит вспомнить великого русского поэта А. Т. Твардовского, который сказал одному молодому драматургу: «Если будете ориентироваться на Шекспира, из вас получится хотя бы Корнейчук, а если ориентироваться на Корнейчука, то и его из вас не выйдет». Чем выше планка, тем выше результат. Мы полагаем, что наша задача — сделать хороший, доступный и современный учебник, а решили мы эту задачу или нет — судить читателям и времени. Конечно, нельзя считать, что вся современная психология содержится в этой книге. Современная научная психология — огромная дифференцированная область человеческой деятельности, которой занимаются сотни тысяч специалистов во всех странах мира. Только в нашей

стране ежегодный выпуск психологов превышает несколько тысяч. В России ежегодно выходят сотни научных и околонаучных психологических книг, издается свыше двадцати психологических журналов и газет. Психология стала популярной и все больше и больше входит в повседневную жизнь людей.

Одна из главных целей, которую ставили перед собой авторы, — создать у читателя адекватное представление о психологической науке и практике, чтобы он мог, прочитав этот учебник, отличить научные психологические знания от ненаучных и в случае жизненной необходимости обратиться за помощью к практическому психологу-специалисту, а не к шарлатану. Мы также хотели, чтобы студент захотел обратиться к другим книгам, посвященным конкретным областям психологии, в частности к тем, которые выпускаются издательством «Питер» в серии «Мастера психологии». Для тех же, кто решит углубить свои знания в фундаментальной психологии, мы рекомендуем справочник «Современная психология», подготовленный коллективом сотрудников Института психологии Российской академии наук.

Авторы благодарят издательство «Питер» за предложения сотрудничества, а также Н. Б. Горюнову за помощь в подготовке рукописи к печати, В. А. Кольцову — за помощь в подборе фотопортретов и Л. В. Брушлинского — за постоянную поддержку.

В. Н. Дружинин

Учебник подготовлен коллективом авторов:

Аверкин Р. Г., аспирант ИП РАН (гл. 6); Александров И. О., к.п.н., ст. науч. сотр. ИП РАН (гл. 1,2);Алмаев Н.А.,к.п.н.,науч.сотр.ИП РАН (гл. 14); Бирюков С. Д., к.п.н., ст. науч. сотр. ИП РАН (гл. 4, 17); Блинникова И. В., к. п. п., ст. науч. сотр. ИП РАН (гл. 10); Бодров В. А.; д. м. н., профессор, засл. деятель науки и техники РФ, главн. науч. сотр. ИП РАН (гл. 23,25,26); Васильев В. Л., д. п. н., профессор СПб университета МВД РФ (гл. 33); Воронин А. Н., к. п. н., ст. науч. сотр. ИП РАН (гл. 2, 26); Греченко Т. Н., д. п. н., ведущий науч. сотр. ИП РАН (гл. 3); Дружинин В. Н., д. п. н., профессор, зав. лабораторией ИП РАН (гл. 5,35); Журавлев А. Л., д. п. н., и. о. зам. директора ИП РАН (гл. 18,19,22); Ильин Е. П., д. п. н., профессор РГПУ им. А. И. Герцена (гл. 8); Кольцова В. А., к. п. н., зав. лабораторией истории психологии и исторической психологии ИП РАН (гл. 30); Лебедева Н. М., д. п. н., ведущий науч. сотр. Института антропологии и этнографии РАН (гл.31,32); Максимова Н.Е., к.п н,, ст. науч. сотр. ИП РАН (гл. 1,2); Орел В.Е., к. п. н., доцент, декан факультета психологии Ярославского государственного университета (гл. 24); Парамей Г. М., к. п. н; ст. науч. сотр. ИП РАН (гл. 5); Позняков В. П., к. п. н., ст. науч. сотр. ИП РАН (гл. 19, 21); Ребеко Т. А.. к. п. н., ст, науч. сотр. ИП РАН (гл. 12); Резников Е. Н., д. п., профессор, ведущий науч. сотр. ИП РАН (гл. 20); Русалов В. М., д. п. н., профессор, зав. лабораторией ИП РАН (гл. 15); Сергиенко Е. А., д. п. н., зав. лабораторией ИП РАН (гл. 5, 16); Соснин В. А., к. п. н., ст. науч. сотр. ИП РАН (гл. 18,19,20,21); Субботин В. Е., к. п. н., науч. сотр. ИП РАН (гл. 9,11,34); Тарабрина Н. В., к. п. н., зав. лабораторией ИП РАН (часть V); Ушаков Д. В., к. п. н., ст. науч. сотр. ИП РАН (гл.13); Ушакова Т. Н., член-корр. РАО, д. п. н., профессор, зав. лабораторией ИП РАН (гл. 14);Харламенкова Н. Е., к. п. н., ст. науч. сотр. ИП РАН (гл. 7,16); Хащенко В. А., к. п. н., ст. науч. сотр. ИП РАН (гл. 18); Хромова В. Л., аспирантка ИП РАН (гл. 19); Шорохова Е. В., д. филос. н., профессор, заслуж. деятель науки РФ, главн. науч. сотр. ИП РАН (гл. 22).

ЧАСТЬ 1. ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Глава 1. Психология как наука

Краткое содержание главы

Методология научного познания. Научные и ненаучные психологические знания. Формирование науки как социального института. Парадигмы. Ценности и нормы науки.

Объяснительные принципы психологии. Принципы взаимодействия, детерминизма, целостности, активности, субъектности, реконструкции.

Предмет и методы психологии. Определение предмета психологического исследования. Экспериментально-реконструктивный метод и методики психологического исследования. Общенаучный характер метода психологии и специфика ее предмета.

1.1. Методология научного познания

Термин «психология» употребляется в нескольких значениях, которые часто смешиваются в обыденном сознании: под ним могут понимать как научное, так и ненаучное психологическое знание.

Каждая научная дисциплина обладает собственными предметом и методом исследования, понятийным и методическим аппаратом, которые соответствуют определенным объяснительным принципам. Психология изучает внутренние, скрытые от внешнего наблюдения структуры и процессы, знание которых необходимо для объяснения поведения человека и животных, а также психологических особенностей как конкретного человека, так и групп людей. Психология как многоотраслевая дисциплина включает в себя фундаментальную психологию, цель которой состоит в установлении фактов, механизмов и законов психической деятельности, а также прикладную психологию, изучающую психические явления в естественной обстановке и использующую полученные в фундаментальной науке знания в конкретных ситуациях и условиях, и практическую психологию, которая использует психологические знания для решения конкретных задач в медицине, педагогике, спорте и т. д.

В рамках ненаучного психологического знания можно выделить несколько областей. Популярная психология предоставляет фундаментальные и практические психологические знания для широкой аудитории, упрощая их и избегая использования профессиональной и научной терминологии; иногда такого рода сведения называют поп-психологией. Позитивная роль популярной психологии состоит в формировании общей психологической культуры обыденного знания и в привлечении интереса к психологии как научной дисциплине. Обыденная психология, как любая система обыденного знания, складывается стихийно на основе популярной психологии, порой неправомерных обобщений и интерпретаций данных научной психологии, религиозных, этнических и культурных установок, нередко имеющих характер предрассудков. Для обыденной психологии характерно смешение научных терминов и бытовых, религиозных и оккультных понятий.

Обыденное знание с бытовой точки зрения не имеет альтернатив, недаром его называют здравым смыслом. Обыденное знание основано на традициях. По мнению Ф. Хайека, «традиция — это результат отбора среди иррациональных или, точнее, не поддающихся обоснованию представлении; именно этот отбор... способствовал численному росту групп, разделявших подобные представления (что вовсе не обязательно было связано с причинами, по которым их придерживались, скажем, с религиозными)» (Хайек Ф., 1992). Понятия обыденного знания не подвергаются систематической рациональной критике, поэтому они, как правило, неполны и противоречивы по сравнению с понятийным аппаратом науки, который вырабатывается в процессе систематического построения научного знания. Обыденное знание фиксирует суждения о частных случаях и при формулировании этих суждений не следует жестким нормам планирования и проведения исследований, а также строгим логическим процедурам, обязательным для научного знания. Обыденное знание представляет собой множество общедоступных и в значительной мере неявных концептуальных конструкций — принципов, максим, правил, убеждений, которые выдержали огромное множество испытаний в общественной практике, в развитии культуры и межкультурных взаимодействий. Из этого следует зависимость обыденного знания от культурной принадлежности его носителей, что противоречит базовой ценности объективности научного знания. В отличие от искусственного языка научной терминологии язык обыденного знания

формируется стихийно, он нечеток, использует размытые понятия самого различного происхождения, что неизбежно приводит к эклектичности знания. Обыденный язык неявно сохраняет концепции, отвергнутые в рамках научного знания, например, в высказываниях «сердцем чувствую», «солнце всходит и заходит» выявляются наивные представления о сердце как чувствилище души и реликты геоцентрической картины мира.

Проведенное сопоставление показывает, что обыденная психология как одна из составляющих обыденного знания не соответствует требованиям, нормам и ценностям построения научного знания и ни по своему происхождению, ни по способу формирования, ни по степени логической согласованности и объективности не может быть включена в состав психологии как научной дисциплины. Этот вывод не снижает высокой оценки обыденной психологии как неотъемлемой части обыденного знания.

Парапсихология, или «околопсихология», сформировалась в XX в. на основе оккультных наук, заимствовав у них основную цель исследования — установление сверхъестественных или выходящих за рамки научного познания возможностей психики человека. Парапсихологи применяют методики экспериментальной психологии для решения собственных задач, но это не может служить достаточным основанием для придания парапсихологии статуса научного знания. В парапсихологии основное внимание уделяют исследованию четырех групп предполагаемых феноменов:

1) телепатия (восприятие одним лицом мыслей другого лица без использования каких-либо известных сенсорных каналов);
2) ясновидение (получение сведений об объектах или событиях без использования органов чувств);
3) проскопия (предвидение будущих мыслей другого лица или будущих событий);
4) психокинез (способность воздействовать на физические объекты или события силой мысли).

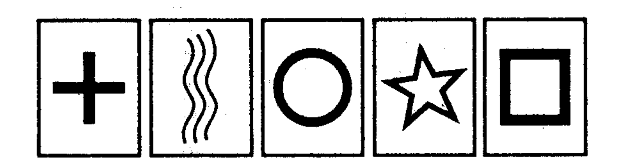

Рис. 1-1. Карты для экспериментов по парапсихологии (Дж. Б. Райн)

Эти феномены представляют собой описанные в терминах некоторого систематического языка верования, которые давно уже относятся к области фольклора и суеверии, т. е. по своему происхождению основные понятия парапсихологии восходят к обыденному знанию древности.

По замечанию Б. Рассела, «при своем возникновении большинство наук было связано с некоторыми формами ложных верований, которые придавали наукам фиктивную ценность. Астрономия была связана с астрологией, химия - с алхимией» (Рассел Б., 1993). Добавим, что ложные верования и фиктивные ценности, связанные с алхимией, утрачены в результате развития химии, а такие же верования и ценности, соответствующие астрологии и сакральным представлениям о душе, сохранились в формах современной астрологии и парапсихологии.

Парапсихологические феномены выявляются лишь в условиях нестрогого опыта, и по мере увеличения строгости исследования они обнаруживаются все реже; положительные предварительные результаты перестают подтверждаться при переходе от поисковой стадии к строгому исследованию. Важно, что при проверке парапсихологических гипотез практически не применяется эксперимент как наиболее строгий тип исследования, который мог бы дать недвусмысленный ответ на вопрос о существовании парапсихологических явлений. Судя по данным литературы, в парапсихологических исследованиях не применяется принцип фальсифицируемости (см. ниже). Все эти наблюдения показывают, что для парапсихологии характерно отклонение от строгих норм проведения научных исследований. Среди крупнейших ученых, которых упоминают как сторонников парапсихологии или допускающих существование парапсихологических феноменов, бросается в глаза отсутствие психологов-профессионалов. Это указывает на принципиальные трудности достижения согласия профессионального психологического сообщества с целями и оценкой результатов парапсихологических исследований.

Проблема специфичности научного познания и его отличия от других практик и традиций познания особенно важна для психологии как относительно молодой дисциплины, поскольку процесс разграничения сферы ее компетенции с обыденным знанием или с паранауками еще продолжается.

Одна из наиболее известных попыток сформулировать критерий, различающий научное и ненаучное знание, была предпринята К. Поппером. По его мнению, научное знание в отличие от ненаучного может быть опровергнуто в процессе эмпирической проверки. Принцип потенциальной опровержимости научной теории Поппер назвал принципом фальсифицируемости. С этой точки зрения ненаучная теория не может быть опровергнута, а научная должна быть потенциально опровержима. Фальсификация может считаться состоявшейся только в том случае, если надежно установлен воспроизводимый эффект, опровергающий теорию (Поппер К., 1983). Опровержение, как и подтверждение, должно строиться в соответствии со всеми научными нормами и ценностями. Используя принцип фальсифицируемости, а также нормы и ценности, регулирующие деятельность научного сообщества, можно проиллюстрировать специфику научного знания.

- **Социальный институт – начало, организующее членов общества в систему отношений, ролей и статусов.**

Формирование науки как социального института. Важнейшая цель науки — приобретение нового знания в соответствии как с уже сформулированными, так и лишь возможными в будущем запросами общества. Чтобы соответствовать этим запросам, знание должно обладать такими свойствами, как обобщенность, надежность, сообщаемость, объективность.

На протяжении всей истории человеческого общества формировались социальные институты, обеспечивающие эти свойства знания. *Социальный институт* — понятие, обозначающее устойчиво воспроизводящуюся систему ценностей, норм, правил (формальных и неформальных), принципов; начало, организующее членов общества в систему отношений, ролей и статусов. Социальные институты следует отличать от конкретных организаций.

Функции производства, сохранения и воспроизведения знаний в различные эпохи выполняли сначала менее специализированные институты, такие как религия, затем более специализированные — философские (например, платоновская Академия, VI - V вв. до н. э.) или медицинские школы (например, Гиппократа и Галена).

В этот период сложились системы донаучного знания, такие как астрология, алхимия, в недрах которых зародились современные научные дисциплины. Эти знания были преимущественно оккультными, т. е. закрытыми для непосвященных, и обладали чертами религиозных учений.

В XVII-XVIII вв. началось формирование науки как социального института, специально предназначенного для получения достаточно надежного, объективного, сообщаемого знания. Именно в этот период были созданы основные национальные академии наук, учебные заведения, подготавливающие специалистов, и научные периодические издания, которые обеспечивали открытый, светский характер науки.

Эволюция научного знания протекает как формирование, конкуренция и смена *парадигм*. Парадигма (от греч. — образец, модель, пример) — понятие, введенное в науковедение Т. Куном (Кун Т., 1977); оно означает тип исследования, принятый определенной группой специалистов за образец.

Парадигма предписывает определить:

— цели изучения (какие законы, закономерности, факты должны быть установлены);

— способы достижения этих целей (какие гипотезы должны быть сформулированы и каков их приоритет, каковы должны быть методы, аппаратура, приемы обработки материала);

— систему критериев оценки соответствия всех компонентов исследования требованиям парадигмы (математико-статистические критерии, критерии валидности, надежности).

- **Парадигма – тип исследования, принятый определенной группой специалистов за образец.**

Согласно концепции Т. Куна, во-первых, парадигма зарождается как принципиально новый способ разрешения оригинально сформулированных актуальных научных проблем. Потенциальными сторонниками новой парадигмы являются специалисты, столкнувшиеся с неспособностью старых парадигм разрешить существующие проблемы и/или с аномалией (невозможностью объяснить полученные факты с позиции парадигмы, в рамках которой эти факты были установлены), а также специалисты, находящиеся в стадии становления, профессионализации.

- **Аномалия — несоответствие задач, поставленных парадигмой, установленным фактам и закономерностям.**

Во-вторых, развитие парадигмы протекает как дифференциация всех существенных сторон организации исследования. Происходит уточнение предполагаемого описания предмета исследования. Вырабатывается все более точный и специализированный язык, терминология. Разработка изощренного оборудования, углубляющаяся специализация языка обеспечивают формулирование все более точно сфокусированных гипотез и параметров искомых фактов. На этой стадии парадигма характеризуется Т. Куном как нормальная наука.

В-третьих, один из результатов развития парадигмы — достижение возможности с высокой степенью точности и достоверности выявлять несоответствие задач, поставленных парадигмой, установленным фактам и закономерностям, т. е. столкновение с аномалией. Чем более строга и развита парадигма, тем более она чувствительна к аномалиям. В зависимости от характера аномалии парадигма либо разрешает кризис и получает возможность развиваться до следующего кризиса, либо складывается революционная ситуация смены исчерпавшей себя парадигмы новым образцом исследования.

Таким образом, эпоха существования парадигмы заключена между двумя последовательными научными революциями, которые призваны преодолеть кризисы, неразрешимые в рамках нормальной науки, через смену наиболее глобальных категорий, объяснительных принципов, методов исследования и/или даже мировоззрения.

Конкуренция парадигм — следствие несопоставимости картин мира, лежащих в их основе, и сходства познавательных задач, стоящих перед ними. Однако важность общенаучных норм и ценностей для любых научных парадигм позволяет сделать межпарадигмальные отношения конструктивными. Эти нормы обеспечивают преемственность парадигм, а также делают неизбежным признание некоторых результатов исследований или опору на эти результаты и, в конечном счете, способствуют развитию общенаучного знания и общенаучной методологии.

Ценности и нормы науки. Функционирование современной науки как социального института регулируется в числе прочих факторов ценностями и нормами, которые расчленяют научное сообщество. Ценности и нормы обеспечивают существование науки как единого целого и предписывают всем членам сообщества предпочтения, образцы и пределы приемлемого и неприемлемого в научной деятельности.

Немотетический подход — исследовательский подход, направленный на установление обобщений.

Идиографический подход — исследовательский подход, ориентированный на описание уникальных, единичных объектов.

К основным ценностям научного сообщества относятся:

1) общенаучный гипотетико-дедуктивный метод, который направлен на выявление причинно-следственных закономерностей на основе строго регламентированной манипуляции объектом исследования и количественной, формальной оценки эффектов воздействия;

2) научное исследование, представляющее собой эффективный инструмент построения обобщенного, надежного, объективного знания, которое может быть передано без искажений и представлено в обобщенной форме — в виде законов, закономерностей, зависимостей;

3) обобщенность научного знания — применимость знания к более или менее широкому кругу объектов или явлений. *Номотетическим* (от греч. νομοζ —закон, τέθμοζ— установление) называют исследовательский подход, направленный на установление обобщений. Ему противопоставляют *идиографический* подход (от греч. ἰδίωσίζ— особое отличие, индивидуальные признаки, особенности, запись, рисунок, изображение), который ориентирован на описание уникальных, единичных объектов. Примерами идиографического подхода в психологии могут служить понимающая психология В. Дильтея и Э. Шпрангера, а также гуманистическая психология.

1.2. Объяснительные принципы психологии

Принципы объяснения — основополагающие положения, предпосылки или концепции, применение которых позволяет содержательно описывать предполагаемые свойства и характеристики объекта исследования и на основании общенаучного метода строить процедуры для получения эмпирического материала, его обобщения и интерпретации.

Принцип взаимодействия и развития. Взаимодействие и развитие — два неразрывных аспекта взаимного влияния объектов, неизбежного в силу пространственно-временной структуры мира. Свойства целостности, структурное разнообразие, эффекты развития, формирование нового получают объяснение на основе этого фундаментального принципа. Неразделимость взаимодействия и развития проявляется в том, что взаимодействие возможно только как развитие, а развитие — это «способ существования... взаимодействующих систем, связанный с образованием качественно новых... структур... за счет развивающего эффекта взаимодействия» (Пономарев Я. А., 1983, с. 14). Структуры, с этой точки зрения, представляют собой фиксированные этапы развития систем.

Для психологии важно выделение как самого процесса взаимодействия и развития, так и продуктов этого процесса — структур, фиксирующих информационные модели совершившихся взаимодействий.

Принцип взаимодействия и развития получил выражение в фундаментальной концепции эволюции. *Эволюция* — это процесс накопления изменений в структуре взаимодействующих объектов и увеличения их разнообразия во времени. Вопреки распространенной точке зрения эволюционная теория не является собственно биологической, она была сформирована и развивалась как междисциплинарная и общенаучная. Согласно этой теории эволюционируют физические, биологические и социальные системы, биогеоценозы, планетные системы, галактики и Вселенная в целом.

- **Эволюция — процесс накопления изменений в структуре взаимодействующих объектов и увеличения их разнообразия во времени.**
  Онтогенез — развитие индивидуальных организмов.
  Филогенез — эволюция биологических видов.

Развитие индивидуальных организмов *(онтогенез)* находится в определенном соотношении с эволюцией биологических видов (*филогенезом*). Это соответствие сформулировано в виде биогенетического закона: онотогенез всякого организма есть краткое и сжатое повторение (рекапитуляция) филогенеза данного вида.

Эволюционный процесс совершается в два этапа:

1) формирование многообразия и его фиксация в специализированных структурах;

2) отбор новых форм по их адаптивной ценности.

Эволюция как процесс порождения нового необратима. Обратимость требовала бы бесследного исчезновения структур, зафиксировавших этапы развития. Эволюция лежит в основе феномена необратимости времени (Пригожий И. С., Стенгерс И., 1991). В процессе эволюции у живых организмов формируются специализированные структуры, фиксирующие модели совершившихся взаимодействий, накопленных как в истории вида, так и в уникальной индивидуальной истории взаимодействий с миром. Компоненты таких структур представляют модели именно целостных взаимоотношений организма с миром, которые не могут быть сведены к отдельным их аспектам:

- ни к объектам как таковым (атрибутивный аспект),
- ни к воздействиям на них (операциональный аспект),
- ни к воздействиям объектов на организм (стимульный аспект),
- ни к цели воздействия (интенциональный аспект),
- ни к результату взаимоотношения (прагматический аспект).

Рассматриваемые далее принципы непосредственно вытекают из принципа взаимодействия и развития (в дальнейшем — принцип взаимодействия) и являются различными формами его конкретизации.

Принцип детерминизма. Согласно этому принципу, все существующее возникает, видоизменяется и прекращает существование закономерно. *Детерминация, или причинность*, — генетическая связь явлений, порождение предшествующим (причиной) последующего (следствия), поэтому принцип детерминизма имеет прямое отношение к принципу взаимодействия в отличие от иных типов закономерностей, связывающих явления, например корреляций (этот тип отношений проявляется в совместной, согласованной вариации переменных и не отражает ни источник, ни направленность влияний, определяющих связь между ними).

Причинная (каузальная) связь асимметрична — она приводит к порождению нового и как процесс развития необратима. Именно отношение генерации, порождения между причиной и следствием, является отличительной чертой причинно-следственной связи, тогда как их последовательность во времени — лишь результат такого отношения. Важно отметить, что причинно-следственные отношения могут быть установлены лишь в эксперименте.

Для круга дисциплин, исследующих живые организмы, и для психологии в том числе, важную роль играет такое явление, как целенаправленность, т. е. направленность на достижение результата или заранее предполагаемого события. Существует традиция объяснения этого явления через специальные виды детерминации, например целевой детерминации, или детерминизма типа обратной связи (Петровский А. В., Ярошевский М, Г., 1994).

Следует различать принцип детерминации как реализации отношения порождения (детерминация лежит в основе развития, возникновения новых объектов, явлений и их свойств) и концепцию детерминизма, при помощи которой описывают взаимодействия объектов в классической механике. Механический, или линейный, детерминизм не обладает таким важнейшим свойством, как необратимость во времени, поскольку классическая механика, изучая статику или динамику объектов и их взаимоотношений, не обладает теоретическим аппаратом для описания их развития и эволюции (Пригожин И. С., Стенгерс И., 1991).

- **Детерминация — генетическая связь явлений.**

Однако представление о цели (будущем состоянии среды) как о причине противоречит тому, что цель будет достигнута в результате целенаправленного действия на среду, и в данной паре событий является следствием. Порядок причины и следствия в этих случаях инвертирован, что приводит к очевидному временному парадоксу. Парадокс легко разрешается, если направленность на цель понимать не как влияние будущего на прошлое, а как реализацию моделей совершившихся ранее целостных взаимодействий, зафиксированных в специальных структурах.

В конце XIX - начале XX в. основные психологические школы и направления принимали идею механического, линейного детерминизма в качестве объяснительного принципа. Д. Н. Узнадзе подверг критике такое использование этой идеи, которую он обобщил в форме постулата непосредственности. Согласно этому постулату, психические явления, включая феномены сознания, являются следствием воздействий объективного мира (Узнадзе Д. Н., 1966).

Именно предполагаемая жесткая связь причин и следствий в механических линейных каузальных взаимоотношениях внутреннего (психического) и внешнего (объективного мира) позволяла использовать постулат непосредственности как обоснование познаваемости психики. Известны частные формулировки постулата непосредственности, например предложенный В. Вундтом принцип замкнутой каузальности психики, согласно которому психические следствия вытекают из психических же причин (Вундт В., 1912).

Содержательная критика этого постулата показала, что введение промежуточных переменных, например таких, как познавательные схемы (в версии когнитивного бихевиоризма) или представление, что культура является фактором, опосредствующим влияния объективного мира на психику, не отменяет постулата (Леонтьев А. Н., 1975; Узнадзе Д. Н., 1966), поскольку суть непосредственности состоит в принятии именно механической линейной версии детерминации, неприменимой для объяснения развивающихся, целостных объектов.

Принцип целостности. Этот принцип применяется для объяснения таких свойств объектов, как сохранение их идентичности при вариации частных характеристик в достаточно широких пределах (например, сохранение идентичности личности на протяжении ее развития); приобретение качественно новых свойств в процессе взаимодействия (например, формирование психики в эволюции живых организмов); несуммируемость свойств частей в свойства целого (известный афоризм: целое не равно сумме своих частей) и т. п.

В истории науки существовали различные версии отношения к феноменам этого круга: от обоснования отрицания рассматриваемых свойств (элементаризм, редукционизм и др.) до признания целостности первичным началом, мистифицирующим суть явления (холизм) (Петровский А. В., Ярошевский М. Г., 1996).

Элементаризм (атомизм) — механистическая версия принципа целостности, предполагающая составленность целого (системы) из элементов и возможность разложения системы в набор (несвязное множество) исходных элементов. Такая трактовка целостности находится в противоречии с принципами взаимодействия, системности, субъектности и др.

Редукционизм (от лат. reductio — снижение, сведение) — принцип, по сути отрицающий целостность объектов. Редукционизм объясняет свойства объектов и явлений через наиболее простые процессы и свойства, лежащие в основе объясняемого.

Редукционистское объяснение может быть дано не только через свойства нижележащего уровня, через редукцию вниз, например как объяснение феноменов восприятия через морфологические свойства нейронов зрительной коры, но и через редукцию вверх, например как объяснение этих же феноменов с использованием понятий социологии и культурологии. Такие объяснения основываются на произвольно выделенных свойствах объекта исследования.

Холизм (от греч. ολοζ— целый,) — версия принципа целостности, постулирующая невыводимость свойств целого из свойств компонентов и признающая целостность первичным, не сводимым ни к чему началом. Заметим, что принцип системности также исходит из того, что целостность объектов является их неотъемлемым качеством, но объясняет их на основе принципов взаимодействия и детерминизма.

Конкретно-научный аспект целостности подчеркивается в формулировке принципа целостности как принципа системности. Согласно этому принципу, свойство целостности присуще особому классу объектов — системам. По определению П. К. Анохина, «система — это множество элементов (компонентов), обладающих генетической общностью, отношения которых носят характер взаимосодействия для обеспечения определенного взаимоотношения с миром» (Анохин П. К., 1978). Система формирует и воспроизводит адаптивные взаимоотношения с окружающей средой, которые обеспечивают ее развитие, т. е. сохранение, воспроизведение, видоизменение и т. д.

Описать конкретную систему позволяют:

1) репертуар — все множество моделей взаимодействий, которые идентифицируют по полезным приспособительным результатам (продуктам взаимодействия) (Анохин П. К., 1978; Швырков В. Б., 1995);

2) структура — относительно устойчивое единство компонентов системы и их взаимоотношений.

Целостность системы как структуры, фиксирующей модели взаимоотношений с миром, обеспечивается общностью происхождения ее компонентов, их общей эволюцией. Результат, достигаемый при актуализации любого взаимодействия из множества аккумулированных, имеет адаптивное значение для всего организма в целом.

Принципы системности и взаимодействия служат обоснованием концепции системогенеза (Анохин П. К., 1978). Эта концепция противостоит концепции развития как органогенеза и описывает развитие организмов как процесс формирования и усложнения систем. Определенная система сформируется как общность компонентов различной анатомической принадлежности, совокупная активность которых обеспечивает достижение важного для жизнедеятельности индивида результата.

Степень онтогенетической зрелости конкретного органа соответствует количеству систем, для обеспечения которых происходила дифференциация (специализация) его морфологических компонентов. С этой точки зрения органы представляют собой множества морфологически фиксированных этапов развития взаимоотношений организма с окружающей средой. Научение, приобретение знаний, формирование структуры субъекта реализуются как процессы системогенеза.

- **Редукционизм —принцип, объясняющий свойства объектов и явлений через наиболее простые процессы и свойства, лежащие в основе объясняемого**.

Элементарнзм —принцип,предполагающий составленность целого из элементов.

Холизм — принцип, постулирующий невыводимость свойств целого из свойств компонентов и признающий целостность первичным началом.

Принцип активности. В основе феномена активности лежит возможность реализации (актуализации) моделей накопленных взаимодействий. Как пишет Я. А. Пономарев, «активность может быть понята как эффект аккумулированных взаимодействий» (Пономарев Я. А., 1983, с. 14). Пространственно-временные и содержательные характеристики активности определяются соответствием свойств реализованных в прошлом взаимодействий, фиксированных в специализированных структурах, целям, достижение которых актуально, характеристикам ситуации, в которой цель будет достигаться, и средствам, которые будут использоваться. Активность обеспечивает непрерывность развития.

Следует различать понятия активности и действия: активность — феномен актуализации фиксированного ранее целостного цикла взаимоотношения, а действие — лишь один из аспектов описания такого цикла.

Противостоящее принципу активности представление о реактивности организмов также основывается на приписывании абсолютного значения одному из аспектов описания взаимодействия, а

именно — влиянию со стороны внешних объектов. Реализующаяся активность мотивирована структурами, аккумулировавшими модели взаимодействий, т. е. субъектом, и характеризуется как предметная по целям и результатам (продуктам) активности.

Принцип субъектности. Фиксация информационных моделей взаимодействий приводит к формированию структур, сохраняющих все многообразие произошедших взаимодействий с миром. Такая структура уникальна, поскольку история ее формирования индивидуальна, способна к саморазвитию, обладает активностью и является ее источником, целостна (в соответствии с принципами взаимодействия, детерминизма, системности и активности). Перечисленные свойства позволяют охарактеризовать такую структуру как субъект взаимодействия.

Субъектами могут быть любые живые системы, которые способны к фиксации и воспроизведению информационных моделей взаимоотношений с миром: животные и человек, индивиды и социальные группы. В зависимости от аспекта рассмотрения взаимодействия могут быть выделены субъекты предметной деятельности, межличностных отношений, социальных отношений. Наиболее новые в истории становления субъекта социальные взаимоотношения реорганизуют и подчиняют другие виды отношений субъекта с миром. Социальные по своему происхождению речь, сознание, способность к рефлексии являются неотъемлемыми характеристиками человека как субъекта социальных отношений (Брушлинский А. В., 1996).

Следует отличать общепсихологический принцип субъектности от феноменов субъективности, непосредственной представленности субъективной реальности каждому из нас. Возможность осознавания некоторых аспектов целостных взаимоотношений с миром присуща субъекту именно социальных отношений.

Принцип реконструкции. Структуры, которые аккумулируют модели взаимодействия с миром (субъект) и процессы их актуализации (т. е. приведение этих структур в активное состояние), недоступны непосредственному изучению. Как правило, их обозначают как внутренние, или скрытые, в отличие от феноменов внешнего, наблюдаемого поведения.

Формулируя свое познавательное отношение к этим структурам и процессам, исследователи выдвигали предположения о доступности этих структур и процессов самонаблюдению (эмпирическая психология, интроспективная психология) или выводили их за рамки исследования (бихевиоризм).

Более продуктивными оказались формулировки проблемы, которые предполагали существование некоторого подобия между наблюдаемыми характеристиками поведения и деятельности, с одной стороны, и характеристиками скрытых психологических структур и процессов — с другой. На основе этой гипотезы были сформулированы положения о единстве поведения и психики, сознания и деятельности (Рубинштейн С. Л., 1997), которые исходят из общности строения доступных (внешних) и скрытых (внутренних) процессов и продуктов взаимодействия.

При такой постановке проблемы остается нерешенным вопрос о границе между внешним и внутренним: она условна, произвольна и ситуативна, поскольку зависит как от теоретической позиции исследователя, так и от его обеспеченности аппаратурой.

Так, понимание поведения как реальности, доступной наблюдению, расплывчато, неопределенно и приводит к парадоксам: использование аппаратуры включает в этот круг, например, активность мышц и отдельных их волокон, точно соответствующую активности мотонейронов спинного мозга. Если не определена граница между внешним и внутренним, то и сами понятия внешнего и внутреннего оказываются неопределенными, и задача выявления отношения подобия между ними становится неразрешимой.

Принцип реконструкции, вытекающий из принципов взаимодействия, детерминизма, целостности, активности и субъектности, позволяет снять проблемы как выделения внешнего и внутреннего, так и определения границы между ними. Так как развивающееся взаимодействие всегда целостно, то различные аспекты рассмотрения этого взаимодействия с необходимостью являются согласованными, т. е. между ними, по определению, существуют отношения подобия.

Общая идея принципа реконструкции состоит в определении отношений подобия между различными составляющими всегда целостного взаимодействия, часть которых доступна для оценки при помощи исследовательских процедур, а часть может быть только реконструирована на основе этих оценок.

Согласно этому принципу, на основе эмпирических оценок одних компонентов взаимодействия (например, временных характеристик поведения, продуктов деятельности, электрической активности мозга и мышечной активности) могут быть реконструированы характеристики других компонентов взаимодействия (структур аккумулированных моделей взаимодействий и процессов их формирования,

реорганизации и актуализации).

1.3. Предмет и методы психологии

Объяснительные принципы взаимодействия, детерминизма, системности, реконструкции, активности, субъектности позволяют перечислить свойства предмета психологии, которые могут быть предсказаны и объяснены на основе этих принципов.

Предметом психологического исследования является структура субъекта и процессы его взаимоотношений с миром. Субъект представляет собой целостную структуру, фиксирующую модели совершенных взаимодействий, актуализация которых проявляется в поведении и деятельности.

- **Предмет психологического исследования — структура субъекта и процессы его взаимоотношения с миром.**

Модели фиксированных взаимоотношений — это компоненты субъекта как системного образования. Многообразие моделей отражает всю историю становления субъекта — фило- и онтогенетическую. Различные аспекты предмета психологии (например, структура субъекта, закономерности его формирования и активности) не могут быть изучены в отрыве друг от друга, поскольку именно отношения их подобия служат обоснованием возможности реконструкции гипотетических компонентов по характеристикам компонентов, изучаемых эмпирически.

В настоящее время общепсихологическим методом, определяющим познавательную позицию исследователя по отношению к предмету исследования, соответствующим общенаучным ценностям и нормам и вытекающим из общенаучного метода (гипотетико-дедуктивного), является экспериментально-реконструктивный метод. Он называется экспериментальным, поскольку именно эксперимент допускает эмпирическую проверку гипотез, и реконструктивным, поскольку решает задачу установления свойств одних компонентов взаимодействия на основе эмпирической оценки других.

В соответствии с особенностями плана проведения исследовании (Дружинин, 2000), их целями и задачами выделяют три основных типа исследований:

1. Доэкспериментальные исследования, примером которых может служить наблюдение, основная цель которого состоит в построении классификаций объектов, событий, явлений. Такие классификации представляют собой обобщенные описания изучаемой действительности. Другие важные цели наблюдения — выявление важных характеристик объекта изучения, установление их типичных значений и т. д. Результаты исследований-наблюдений составляют базис знания, позволяющий строить исследования большей обобщающей силы, — квазиэксперимент и эксперимент. Важно помнить, что наблюдение не является самостоятельным методом психологии.

2. Квазиэксперимент (лат. приставка quasi — напоминающий что-либо). К этому типу относятся исследования с уровнем контроля, недостаточным для обоснования вывода о причинно-следственных отношениях между переменными, которые описывают исследуемый объект и его взаимоотношения с окружением. Примером такого исследования служит корреляционное исследование, целью которого является установление статистически значимых связей между различными свойствами объекта или процесса.

3. Эксперимент — тип исследования, который позволяет проверять гипотезы о причинно-следственных зависимостях. Эксперимент организуется таким образом, чтобы, во-первых, надежно опровергнуть все гипотезы, конкурирующие с основной (исследовательской), и, во-вторых, изолировать изучаемые объекты или явления от влияний неконтролируемых факторов. Для этого кроме экспериментальной группы объектов используют одну или несколько контрольных групп, каждая из которых отличается от экспериментальной группы лишь по одному параметру, влияние которого и проверяется в эксперименте, а во всех остальных отношениях контрольная и экспериментальная группы неотличимы.

Любое снижение контроля преобразует эксперимент в квазиэксперимент, например в корреляционное исследование, или в доэкспериментальное исследование, например в наблюдение.

В современной психологии статусом метода не обладают ни наблюдение, которое представляет собой особый тип исследования, характерный для начальных стадий развития парадигмального знания и обеспечивающий построение классификации объектов и явлений, ни психологическое измерение,

которое обеспечивает квантификацию изучаемых объектов и явлений, ни психодиагностика, которая является фиксированной, стандартизованной формой специального психологического исследования, технологией. В процессе развития психологической науки интроспекция утратила статус метода, а метод понимания не приобрел общепсихологического значения. Ни один из перечисленных претендентов на роль метода психологии не исчерпывает познавательного отношения исследователя к объекту изучения в целом, что составляет важнейшую черту научного метода.

Любое конкретное исследование строится в соответствии с общепсихологическим экспериментально-реконструктивным методом, оно планируется и реализуется на основе предписаний определенной парадигмы, используя точно сфокусированные методики.

Методика — это конкретный набор операций и инструментов, позволяющий охарактеризовать ту или иную сторону исследуемого объекта в соответствии с методом исследования. Методики обеспечивают фиксацию в виде переменных характеристик процесса и продуктов взаимодействия субъекта с миром. Основанием упорядочения методик служит их соответствие определенному аспекту рассмотрения предмета психологического исследования — структур и процессов, обеспечивающих развитие субъекта и его взаимодействия с миром.

Структура субъекта может быть охарактеризована при использовании методик, выявляющих поведенческую специализацию нейронов относительно поведенческих актов или определенных свойств среды («Современная психология», 1999); вскрывающих логические отношения компонентов изучаемой структуры через соотношение продуктов деятельности (Солсо Р.Л., 1996); строение семантических структур сознания или личности (Петренко В. Ф., 1997), когнитивных структур личности (репертуарные решетки Дж. Келли) (Хьелл Л., Зиглер Д., 1997), экспертного знания (Солсо Р. Л., 1996) и т. д.

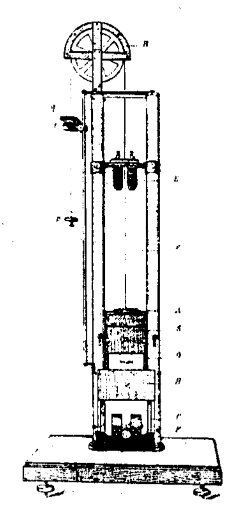

Рис. 1-2. Тахистоскоп — прибор для исследовани скорости восприятия (конец XIX в.). Изобрете Дж. М. Кеттеллом

Процесс актуализации структуры субъекта (или процесс взаимодействия субъекта с миром) может быть исследован при помощи методик регистрации электрической активности мозга (электроэнцефалограмма, связанные с событиями потенциалы, импульсная активность нейронов), электрической активности мышц (электромиограмма), различных временных характеристик поведения и деятельности (время реакции, темп, скорость решения задач), последовательности событий в поведении («Современная психология», 1999). Обобщенные характеристики актуализации структуры субъекта фиксируют психодиагностические методики, например тесты, выявляющие когнитивные стили личности («Современная психология», 1999; Солсо Л. Р., 1996).

Свойства предметной области (или социальной группы), с которой взаимодействует субъект, устанавливают с помощью специализированных логических приемов, построения профессиограмм, социометрических процедур, методик выявления правил и норм конкретной практики («Современная психология», 1999).

Психология — единая научная дисциплина. Единство психологии, несмотря на разнообразие отраслей, определяется единым предметом и единым методом. Разные отрасли и парадигмы разрабатывают различные аспекты единого предмета психологии, используя различные методики в соответствии с единым методом. Психология обладает научным статусом потому, что ее объяснительные принципы и метод находятся в соответствии с общенаучными. Принципы взаимодействия, детерминизма и целостности имеют фундаментальное значение для всех конкретных научных дисциплин.

Концепция эволюции определяет направленность исследований и в естественных, и в гуманитарных дисциплинах. Без принятия во внимание свойств целостности, системности изучаемых объектов планирование и проведение научного исследования невозможно. Хотя принципы активности, субъектности и реконструкции впервые в явной форме были сформулированы применительно к задачам психологии, аналогичные им положения используются и в других научных дисциплинах.

Недоступность непосредственному изучению структуры субъекта и процессов его взаимодействия с миром не определяет специфичность предмета психологии, а является органической чертой любой научной дисциплины. В рамках конкретных парадигм в процессе их развития вырабатываются правила реконструкции этих объектов. К объектам, для которых были созданы условия наблюдаемости, относятся гены в биологии, физические поля и валентность элементов в химии, а также принципиально ненаблюдаемые объекты, такие как виртуальные частицы или наша Галактика в целом. Экспериментально-реконструктивный метод, который решает проблему изучения ненаблюдаемых непосредственно объектов и представляет собой версию гипотетико-дедуктивного метода, также является общенаучным.

Предмет психологии как самостоятельной научной дисциплины обладает собственной спецификой, отличающей его от предметов изучения в других дисциплинах. Структура субъекта и процессы его взаимодействия с миром представляют особый уровень организации живых систем, обеспечивающий возможность фиксации и воспроизведения информационных моделей взаимодействия в специализированных структурах организма. Специфика предмета психологии такова, что не допускает ни редукции вниз — к нейрофизиологии, ни вверх — к социологическим наукам, обладающим собственными предметами исследования, но требует согласования с ними.

В то же время психология разделяет общенаучные объяснительные принципы, общенаучный метод. Важнейшие проблемы психологии не могут быть ни поставлены, ни решены вне контакта с другими дисциплинами. Для изучения происхождения и эволюции психики необходимо применение знаний и методик биологии, генетики, антропологии, сравнительной культурологии; решение психофизиологической проблемы требует привлечения методик нейрофизиологии, нейроанатомии, нейрохимии, математического моделирования, применения теории систем, науки о поведении, ряда медицинских дисциплин; для решения проблемы соотношения биологического и социального формируется широкая интеграция социальных, биологических дисциплин с привлечением всех отраслей психологической науки. Для реконструкции структуры субъекта и процессов его взаимоотношения с миром необходимо изучение характеристик окружения — социального, культурного, предметного, включая особенности профессиональной сферы, привлекая общественные, гуманитарные и технические дисциплины; для описания процесса взаимодействия как коммуникации необходимы приемы семантики, семиотики, таких дисциплин, как лингвистика, теории связи, информации и др.; чтобы изучить закономерности фиксации информационных моделей в структурах организма, применяют методики нейрофизиологии, других наук о мозге, молекулярной биологии, микробиологии, иммунологии и т. д.

В свою очередь результаты, полученные в психологических исследованиях, важны для всех пограничных с психологией дисциплин. В этом проявляется, с одной стороны, комплексный характер современных научных исследований, а с другой — возможность повышения внешней валидностн работ при учете результатов, полученных в пограничных дисциплинах.

Вопросы для повторения

1. Назовите основные различия между научным и ненаучным психологическим знанием.
2. Что такое парадигмы? Какова их роль в эволюции научного знания?
3. Что такое нормальная наука, аномалия?
4. Перечислите основные общенаучные нормы и ценности. Какова их роль в деятельности научного сообщества?

5. Какова роль объяснительных принципов? Как логически связаны основные объяснительные принципы психологии?

6. В чем состоит предмет психологического исследования? Как представление о предмете согласуется с объяснительными принципами?

7. Что определяет специфичность предмета психологии?

8. Что такое субъект? Каковы его основные свойства?

9. Каков метод психологии? Что такое методика? Как соотносятся метод и методики?

Рекомендуемая литература

Анохин П. К. Философские аспекты теории функциональной системы: Избранные труды. — М.: Наука, 1978.-400 с.

Артемьева Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики / Под ред. И. Б. Ханиной. — М.: Смысл, 1999. - 349 с.

Брушлинский А. В. Субъект: мышление, учение, воображение. — М.; Воронеж: Институт практической психологии,1996. — 167 с.

Вундт В. Очерки психологии. — М., 1912.

Дружинин В. Н. Экспериментальная психология: Учеб. пособ. — СПб.: Питер, 2000. — 318 с. — (Учебник нового века).

Кун Т. Структура научных революций. — 2-е изд. / Пер. с англ. И. 3. Налетова.; Общ. ред. Д. Микуленского. — М.: Прогресс, 1977. — 300 с.

Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. — М.: Политиздат, 1975. — 304 с.

Петренко В. Ф. Основы психосемантики. — Смоленск: Изд-во Смоленского гуманитарного ун-та, 1997. — 395с.

Пономарев Я. А. Методологическое введение в психологию. — М.: Наука, 1983. — 205 с.

Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы / Сост. Н. Садовский. — М.: Прогресс, 1983.-605 с.

Пригожин И. С., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. — М.: Прогресс, 1986.

Рубинштейн С. Л. Избранные философско-психологические труды: Основы онтологии, логики и психологии / РАН, Ин-т психологии. — М.: Наука, 1997. — 462 с. — (Памятники психологической мысли).

Современная психология: Справочное руководство/Под ред. В. Н. Дружинина. —М.: Инфра-М, 1999. — 687 с. - (Справочники «ИНФРА-М»).

Солсо Р. Л. Когнитивная психология. — М.: Тривола, 1996. — 598 с.

Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. — М.: Наука, 1966. — 451 с.

Хьелл Л., Зиглер Д.. Теории личности: Основные положения, исследования и применение / Пер. с англ. С. Меленевской, Д. Викторовой. — 2-е изд., испр. — СПб.; Питер, 1998. — 606 с. — (Мастера психологии).

Швырков В. Б. Введение в объективную психологию: Нейрональные основы психики / РАН. Ин-т психологии. - М.: ИП РАН, 1995. - 164 с.

Глава 2. История психологии

Краткое содержание главы

Период формирования психологического знания в рамках других научных дисциплин (IV-V вв. до н. э. — 60-е гг. XIX в.).

Развитие представлений о душе в рамках религиозных систем и ритуалов. Учение о душе. Учения об опыте и о сознании. Общая характеристика допарадигмального периода формирования психологического знания.

Психология как самостоятельная научная дисциплина (60-е гг. XIX в. — настоящее время). Этап формирования первых парадигм. Кризис психологии (10-30-е гг. XX в.). Современное состояние психологии. Основные направления развития психологической науки.

Психологическая наука и психологическая практика. Фундаментальная психология и прикладная психология. Основные направления практической психологии. Сферы практического применения психологического знания.

2.1. Период формирования психологического знания в рамках других научных дисциплин (IV-V вв. до н. э. — 60-е гг. XIX в.)

С позиций методологии науки история психологии может быть описана как последовательность этапов становления представлений о предмете, методе и объяснительных принципах в рамках научных парадигм, в последовательности их возникновения, сосуществования, конкуренции и смены на разных стадиях формирования психологии как единой самостоятельной научной дисциплины.

В истории психологии выделяют период формирования психологического знания в рамках других научных дисциплин и период становления психологии как самостоятельной научной дисциплины.

Наиболее характерными чертами периода формирования психологического знания в рамках других научных дисциплин являются:

1) несамостоятельность психологического знания, представленность его как составной части философских и медицинских учений сначала в виде учения о душе, затем — философской теории познания, учений об опыте и сознании;

2) отсутствие сообщества, которое разделяло бы общие взгляды на предмет и метод изучения;

3) умозрительный характер исследований, несформированность опытного (экспериментального) подхода к исследованиям.

Этому периоду предшествовало возникновение и развитие представлений о душе в рамках религиозных систем и ритуалов, обеспечивающих единство и существование первобытных обществ. Представления о душе давали объяснение таким явлениям, как сон, сновидения, состояния транса, действие запретов (табу), овладение магическими умениями (например, удачей в охоте), смерть и т. п. Общая черта первичных взглядов на психические явления заключалась в неизменном придании им таинственности, сакральности.

Другая важнейшая характеристика этих взглядов – *анимизм* – вера в то, что каждый объект не только живой, но и неживой природы непременно обладает душой и, кроме того, души могут существовать независимо от объектов и представляют собой особые существа.

- **Анимизм — вера в то, что каждый объект обладает душой, которая может существовать независимо от этого объекта.**

Учение о душе (V в. до н. э. - начало XVII в. н. э.). Учение о душе исходно складывалось в рамках древнегреческой философии и медицины. Зарождение науки в Древней Греции связывают с двумя обстоятельствами:

1) наука в качестве особой области человеческой деятельности образовалась как внешняя по отношению к религии и отделилась от нее;

2) упорядоченность космоса (всего сущего) была признана основанной не на власти сверхсущества, а на законе; у греков даже верховные боги были подчинены закону.

Новые представления о душе были не религиозными, сакральными, основанными на традициях, а светскими, открытыми для всех, доступными для систематической рациональной критики. Цель построения учения о душе состояла в выявлении свойств и закономерностей ее существования, т. е. учение о душе имело отчетливый номотетический характер.

Другим событием, которое оказало влияние на развитие учения о душе, был переход от стихийного и иррационального анимизма, согласно которому все события совершаются под влиянием душ природных объектов, к *гилозоизму*— философскому учению, в основе которого лежит представление о неотделимости жизни от материи, о жизни как всеобщем свойстве материи. Это учение ввело исходное положение о целостности наблюдаемого мира. Хотя эта точка зрения, разделяемая, в частности, Демокритом, ведет к *панпсихизму* (представление об одушевленности объектов и живой, и неживой природы), гилозоизм включает душу в сферу действия естественных законов, делает доступным ее изучение.

- **Гилозоизм — философское учение, в основе которого лежит представление о жизни как всеобщем свойстве материи.**

Панпсихизм —представление об одушевленности объектов как живой, так и неживой природы.

Таковы были начальные условия формирования учения о душе и его исходные положения. Развитие именно этих положений надолго определило историю становления психологического знания.

Важнейшие направления развития представлений о душе связаны с учениями Платона (427-347 гг. до н. э.) и Аристотеля (384-322 гг. до н. э.). Платон провел границу между материальным, вещественным, смертным телом и нематериальной, невещественной, бессмертной душой. Индивидуальные души — несовершенные образы единой универсальной мировой души — обладают частью универсального духовного опыта, припоминание которого составляет суть процесса индивидуального познания. Это учение заложило основы философской теории познания и определило ориентацию психологического знания на решение собственно философских, этических, педагогических и религиозных проблем.

Принципиально иное представление о душе было дано Аристотелем в его психологическом трактате «О душе». Согласно Аристотелю, душа — форма живого органического тела, обеспечивающая его предназначение. Душа есть основа всех жизненных проявлений, она неотделима от тела. Это положение решительно противоречит учению Платона о вселении душ при рождении и истечении их при смерти. Но оба они согласны в том, что душа определяет цель активности живого тела. Понятие цели, конечной причины введено Аристотелем для объяснения детерминированности поведения живых организмов. Такое объяснение было телеологично, приводило к парадоксу влияния будущего на прошлое, но позволяло ввести в круг объяснимых феноменов активность живых организмов.

Души организмов разных типов, согласно концепции Аристотеля, выполняют разные функции, представляют разные способности, силы души. Три типа души — растительная, животная и разумная (человеческая) представляют три ступени жизни, обладающие преемственностью. У растений душа выполняет только вегетативные (растительные), собственно метаболические функции; чувственно-двигательные функции души присущи и человеку, и животным, но не растениям; функции разумной души, которой обладает лишь человек, позволяют строить умозаключения, лежащие в основе высшей памяти, произвольного, свободного выбора и т. д.

Таким образом, Аристотель дал одну из наиболее ранних формулировок объяснительных принципов психологии - развития, детерминизма, целостности, активности.

Ученик Платона, последователь Аристотеля Теофраст (372-287 гг. до н. э.) в трактате «Характеры» дал описание 30 различных характеров, развивая аристотелевское представление об этом свойстве человека. Его работа положила начало отдельной линии в популярной психологии, которую продолжили в эпоху Возрождения М. Монтень, в эпоху Просвещения — Ж. Лабрюйер, Ф. Ларошфуко, затем А. фон Книгге («Искусство обращения с людьми», 1788), а в наше время — Дейл Карнеги.

Учение о душе широко использовалось и развивалось в античной медицине. Гиппократ (ок. 460 - ок. 377 до н. э.) сформулировал положение, что органом мышления и ощущений является мозг. Он разработал учение о темпераментах, предполагающее различную роль четырех жидкостей организма (кровь, флегма, желтая желчь и черная желчь), и первым предложил типологию темпераментов, основанную на особенностях телосложения. Рассматривая связь особенностей души, темперамента и типологий людей с физико-климатическими условиями местности (сочинение «О воздухах, водах, местах»), Гиппократ положил начало исследованиям психологических характеристик этносов. Римский врач Клавдий Гален (ок. 130 - ок. 200) продолжил эту линию наблюдений и выявил чувствительные и двигательные функции спинного мозга.

Успехи, достигнутые античными философами и медиками в развитии учения о душе, послужили фундаментом всех дальнейших разработок психологического знания, которые на этом этапе в основном сводились к расширению круга рассматриваемых феноменов. В III-V вв. н. э. в работах Плотина (205-270), Аврелия Августина (354-430) и раннехристианских философов и теологов в качестве предмета исследования выделяется внутренний мир человека, возможности самопознания, впервые появляются описания феноменов сознания, например его интенциональность (направленность на предмет), выделенная Фомой Аквинским (1226-1274).

С V по XIV в. в работах Боэция (480-524), Фомы Аквинского, Дунса Скота(1265-1308) складывается представление о личности. Важно заметить, что мощное влияние христианской теологии, основы которой включали философию неоплатонизма, придавало этим работам этико-теологический характер, приближая его к линии, заложенной учением Платона.

Вершиной и завершением этапа развития психологического знания в рамках учения о душе стала система взглядов Фрэнсиса Бэкона (1561-1626). Исследования души составляли часть единой науки о человеке, построение которой планировал Бэкон. Новизна подхода Бэкона состояла в отказе от умозрительного решения вопросов о природе души и переходе к эмпирическому изучению её способностей.

Однако это намерение не могло быть реализовано, потому что в то время еще не были сформированы представления ни об общенаучном методе, ни о предмете исследования. Бэкон в соответствии с традицией отделил науку о теле от науки о душе, а в учении о душе выделил науку о рациональной божественной душе и душе нерациональной, чувствующей, телесной, общей для человека и животных.

Учение Бэкона возродило идею гилозоизма: способностью выбора обладают и живые, и мертвые тела (например, магнит). Важные новые составляющие учения о душе, введенные Ф. Бэконом, — представление о роли общества и орудий в процессах познания.

Философская теория познания, учения об опыте и о сознании (середина XVII в. - середина XIX в.). Представления о душе радикально изменились после того, как Рене Декарт (1596-1650) ввел понятие «сознание». Оно рассматривалось как критерий, различающий душу и тело. Интроспекция, по мнению Декарта, настолько очевидна, что была применена им для неоспоримого доказательства самого существования субъекта, сформулированного в афоризме *cogito ergo sum* («мыслю, следовательно, существую»). Согласно критерию интроспекции, душой обладает только человек, а животные не имеют души и действуют подобно механическим устройствам. Для объяснения собственно телесных действий у животных и человека Декарт ввел представление о рефлексе, в котором был реализован принцип механистического детерминизма. Суть рефлекса, по Декарту, состоит в том, что внешние воздействия посредством перемещения животных духов по нервам приводят к напряжению определенных мышц, которое и представляет собой действие организма.

Декарт предложил свое решение психофизической проблемы (проблемы соотношения души и тела); по Декарту, существует психофизическое взаимодействие: душа приводит тело в движение, а тело поставляет душе чувственные впечатления. Проблему целостности организма Декарт решал с позиций элементаризма. Представления Декарта о взаимодействия души и тела через движения шишковидной железы и о рефлексе были полностью умозрительны и находились в русле его дуалистической системы

Учение Декарта составило основу нового психологического знания, поскольку оно ввело представления:

- о доступности внутреннего мира через интроспекцию;
- о рефлексе как механизме поведения;
- о ведущей роли внешнего мира в детерминации поведения, а также ее механистическую интерпретацию;
- о психофизической проблеме и ее дуалистическом решении.

- **Гносеология — философская теория познания**

Эти нововведения надолго определили ход развития философского учения о познании, а затем послужили важным фактором при образовании и развитии научных парадигм в психологии.

Учение о сознании формировалось в рамках философской теории познания — *гносеологии*. Эта область философии изучает проблемы природы познания, достоверности и истинности знания. Важно отметить, что многие современные психологические термины, особенно обозначающие процессы, структуры и состояния познавательной сферы (сознание, восприятие, внимание, опыт, репрезентация и т. д.), возникли как термины теории познания. Для философского учения о сознании, которое определялось через доступность самонаблюдению, самопознанию, такие вопросы, как возникает знание и каково происхождение материала знания, — были ключевыми.

К середине XVII в. опыт был принят как предмет философской теории познания. Понятие опыта включало идеи, ощущения, чувства и результаты самонаблюдения. Такое понимание опыта не следует смешивать с опытом работы в какой-либо области, опытом действий или с экспериментированием. В это время сложилось и стало доминировать представление, что знание основывается на опыте, а идеи, которые составляют содержание сознания, появляются на основе опыта. Эта точка зрения восходит к сенсуализму, учению, сложившемуся еще в античности, согласно которому нет ничего в разуме, чего раньше не было бы в чувстве.

Именно важнейшая роль представления об опыте определила название целого направления исследований в рамках философии познания — эмпирическая психология (от греч. εμπειρια— опыт). Этот термин, введенный Христианом Вольером (1679-1754), подчеркивал задачу изучения конкретных явлений психической жизни, используя самонаблюдение, в отличие от рациональной психологии, которая занималась вечной, неизменной, бессмертной душой. Наименование «эмпирическая психология» может создать ложное впечатление, что сутью этого направления было проведение эмпирических исследований в современном понимании этого слова. Учение о сознании формировалось в рамках философии, и, даже используя результаты естественнонаучных работ, оно не имело опытного характера в современном смысле этого слова.

Основой изучения сознания как у предшественников Вольфа — Т. Гоббса(1588-1679) и Дж. Локка (1632-1704), так и у мыслителей, развивавших это учение до второй половины XIX в. - Э. Кондильяка (1715-1780), И. Ф. Гербарта (1776-1841), Р. Г. Лотце (1817-1881), был именно прием интроспекции, их объединяла идея об особой сущности изучаемых явлений, постигаемых исключительно самонаблюдением. Локк, точно следуя философии Декарта, полагал, что разум пассивно отражает воздействия среды, восприятие которых обеспечивается единым процессом перцепции (от лат. perceptio — собирание). Согласно точке зрения Локка, которую разделяли все сторонники эмпиризма, существует внешний опыт, непосредственно основанный на чувствах, его результат — простые идеи, неразложимые на меньшие единицы, и внутренний опыт, который формируется в результате манипуляций ума с простыми идеями, например в процессе самонаблюдения (рефлексии); при этом из простых идей образуются сложные. Понятие «внешний» не означает связи с действиями субъекта или его открытости для стороннего наблюдателя. И внешний, и внутренний опыт доступны только самонаблюдению.

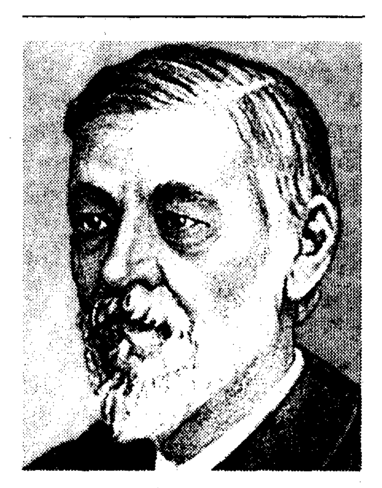
Г. В. Лейбниц (1646-1716) ввел в дополнение к понятию «перцепция» термин «апперцепция», трактуя его как психическую силу, детерминирующую целенаправленность действий, их активный, осознаваемый, произвольный характер. Заметим, что Лейбниц, обосновав понятие апперцепции, в неявной форме ввел объяснительные принципы целостности и активности. Именно апперцепция ответственна за феномены сознания, поскольку перцепция создает лишь такие восприятия, которые не осознаются, лежат в основе непроизвольных поступков. Таким образом, если картезианские и локковские представления о сознании исчерпывали всю феноменологию состояний духа, то Лейбниц впервые выделил круг неосознаваемых, недоступных самонаблюдению явлений.

Процесс соединения простых идей в сложные был назван ассоциацией. Законы ассоциаций были сформулированы еще Аристотелем, но для эмпирической психологии понятие «ассоциация» позволяло объяснить основные феномены сознания и познания, все многообразие знаний и их развития (например, эмоции, умозаключения, научение, появление новых понятий). Такая исключительно важная роль представления об ассоциациях идей в учении о сознании обусловила возникновение ассоциативной психологии, которая не была отделена или противопоставлена эмпирической психологии, а скорее дополняла ее объяснительные возможности, выступала как ее логическое продолжение.

Ассоциативная и эмпирическая психологии в этот период выступали как отрасли философской теории познания и уже поэтому не могли находиться в противоречии. Заметим, что на протяжении XVIII в. списки философов-психологов, ассоцианистов и эмпириков, почти полностью совпадают, хотя, например, в Британии доминировал ассоцианизм. Основные представители ассоцианизма — Дж. Беркли (1685-1753), Д. Юм (1711-1776), Д. Гартли (1705-1757), Дж. Пристли (1733-1804), а также Дж. Ст. Милль (1806-1873) и Г. Спенсер (1820-1903). Во Франции же преимущественно развивалась эмпирическая психология, представленная в трудах философов-просветителей Ж. Ламетри (1709-1751), К. Гельвеция (1715-1771), Э. Кондильяка (1715-1780). В XIX в. она приобрела второе дыхание в работах И. Тэна (1839-1916) и Т. Рибо (1839-1916).

Именно с развитием эмпиризма в философском учении о познании связано возникновение названия новой дисциплины — психологии. Появление термина «психология» принято связывать либо с теологическими трудами деятеля Реформации Филиппа Меланхтона (1497-1560), либо с обозначением особого раздела литературы, введенного в XVI в. философами Р. Гоклениусом и О. Кассманом. Лейбниц предложил для обозначения знания о душе термин «пневматология» (от греч. πνεϋμα — дыхание; дуновение, ветер — предположительная душевная субстанция), но его ученик X. Вольф, опубликовав книги «Эмпирическая психология» (1732) и «Рациональная психология» (1734), ввел в широкое употребление термин «психология».

В конце XVIII — начале XIX вв. психологическое знание начинает выходить за пределы философии — в языкознание (например, в работе И. Гердера «О происхождении языка»), в этнографию (Т. Вайтц начал изучение душевной жизни первобытных народов, М. Лацарус и Г. Штейнталь заложили основы психологии народов), в биологию и медицину.

И. М. Сеченов (1829–1905)

Г. Спенсер сформулировал принцип адаптации организмов к среде, Ч. Дарвин наметил нетелеологическое объяснение целенаправленности поведения, изучал инстинктивное поведение и эмоции, показал эволюционное происхождение некоторых форм поведения человека, Ф. Гальтон (1822-1911) поставил вопрос о наследовании психологических характеристик, английский невролог Х. Джексон (1835-1911), основываясь на эволюционных представлениях, успешно изучал закономерности локализации и распределения обеспечения психических функций различными структурами мозга.

Плодотворный контакт с физиологией и анатомией был развит при разработке идеи Р. Декарта о рефлексе. Доходное умозрительное представление приобрело конкретное анатомо-физиологическое выражение в работах чеха Г. Прохазки (1749-1820), англичанина Ч. Белла (1774-1842) и француза Ф. Мажанди (1783-1855) как рефлекторная дуга, по которой нервное возбуждение распространялось от рецептора к эффектору так, что сенсорный стимул вызывал двигательную реакцию. В 40-е гг. XIX в. принцип рефлекса был перенесен со спинного мозга на головной и стал использоваться при объяснении феноменов восприятия, двигательной активности и т. д.

И. М. Сеченов (1829-1905) на основе представления о рефлексе сформулировал одну из первых программ превращения психологии в научную дисциплину. Сеченов радикально преобразовал само понятие рефлекса, во-первых, рассматривая событие, запускающее рефлекс не как собственно физический стимул, а как раздражитель, имеющий для организма определенное сигнальное значение, соответствующее возможностям организма и отражающее свойства среды, и, во-вторых, сам рефлекс воспринял не просто как распространение возбуждения по нервам от рецептора к эффектору, а как целостный развивающийся акт организма. Это позволило использовать трансформированный им принцип рефлекса для объяснения явлений мышления и воли. Сеченов обосновывал необходимость замены субъективного метода интроспекции на объективный, включения в сферу исследования не только феноменов сознания, но и двигательной активности.

В этот период важнейшей проблемой становилась выработка отношения психологии к таким общенаучным ценностям, сформировавшимся к тому времени в естественнонаучных дисциплинах, как приемы экспериментального исследования, требования к его обобщенности, объективности, количественному характеру знания. Очевидно, что не все эти требования были выполнимы для эмпирической и ассоциативной психологии, однако уже в работах И. Ф. Гербарта появились обоснования применения в психологии математики. Гербарт ввел понятие порога — границы, отделяющей одну область сознания от другой; границу же, разделяющую бессознательное от неясного сознания, обозначил как порог сознания, а раздел ясного и неясного сознания — как порог ясного сознания.

Г. Гельмгольц (1821–1894)

Эти идеи, а также результаты исследований Г. Гельмгольца (1821-1894), в которых была показана конечность скорости протекания нервных процессов, привели к развитию количественных исследований в психологии. Ф. Дондерс (1818-1889) оценил скорость протекания психических процессов. Э. Вебер (1795-1878) установил количественное соотношение между величинами стимулов-раздражителей и ощущений. Г. Фехнер (1801-1887) разработал методики измерения абсолютных и разностных порогов чувствительности, сформулировал закон, согласно которому интенсивность ощущения пропорциональна логарифму величины раздражителя; его исследования положили начало отрасли психологии, названной психофизикой.

Представители научных дисциплин, работающих над психологическими вопросами, предлагали строить психологию по образцу развитых наук — физики или химии — как «механику представлений» (Гербарт), «интеллектуальную физику» (Дж. Милль), «ментальную химию» (Дж. Ст. Милль). Однако ни существенные успехи в исследованиях, ни использование развитых дисциплин в качестве образцов не могли придать психологии статус научной дисциплины до тех пор, пока не были решены вопросы принятия общенаучных ценностей, применения общенаучного метода, а также собственного метода и предмета исследования.

Таким образом, в первый период формирования психологического знания в рамках других научных дисциплин были изжиты донаучные представления о душе как нематериальной бестелесной субстанции, произошел отказ от умозрительного решения вопросов о природе души в пользу изучения феноменов сознания, опыта человека на основе самонаблюдения; сформулирована необходимость перехода от исследований теоретико-познавательного философского типа к конкретно-научным. Этот период можно охарактеризовать как допарадигмальный. Для него характерны:

1) накопление наблюдений, легко доступных для исследователя (например, через самонаблюдение);

2) затрудненность оценки логических противоречий и степени важности наблюдений, в результате чего любые полученные результаты считаются одинаково ценными и уместными;

3) научные парадигмы задаются школами, в которых авторитет руководителя (основателя) снижает роль строгих оценок соответствия результатов основным требованиям к научному знанию;

4) темп частоты смены доминирующих взглядов в допарадигмальный период низок, так, например, интроспекция как прием исследования в допарадигмальный период использовалась в неизменной форме около 200 лет, а для выявления целого комплекса недостатков интроспекции и отказа от нее как психологического метода оказалось достаточным всего 30 лет.

В исследованиях, выполненных в этот период, сложились основные объяснительные принципы — развития, детерминизма, целостности, активности, даны их разнообразные трактовки, которые наряду с понятиями, сформулированными для описания изучаемой реальности (характер, темперамент, восприятие, апперцепция, самонаблюдение, сознание, опыт, поведение и т. д.), на следующем этапе развития психологии играли важнейшую роль при формировании парадигм. К концу этого периода наметилась ориентация организации исследований на общенаучные ценности и нормативы, сложились контакты с уже сформировавшимися самостоятельными науками, были разработаны первые научные программы исследований, которые составили основные необходимые предпосылки формирования психологии как самостоятельной научной дисциплины и парадигм как ее структурных компонентов.

Но все же в этот период не было завершено формирование необходимых составляющих структуры научного знания — собственного предмета и метода, таких институтов, как специализированные лаборатории, научные периодические издания, обеспечивающие коммуникацию научного сообщества, не существовало и самого сообщества профессиональных психологов.

2.2. Психология как самостоятельная научная дисциплина (60-е гг. XIX в. — настоящее время)

С 60-х гг. XIX в. начался новый период развития психологической науки. Основными характерными чертами этого периода являются:

1) появление первых научных парадигм, институтов и психологического профессионального сообщества;

2) формирование внутрипарадигмальных представлений о предмете и методе исследования, развитие представлений, соответствующих различным аспектам предмета исследования в различных парадигмах;

3) согласование представлений о предмете и методе психологии с общенаучными нормами и ценностями;

4) развитие контактов с другими дисциплинами и, как следствие, — возникновение новых парадигм и отраслей психологии;

5) разнообразие и конкуренция парадигм.

Этап формирования первых парадигм (60-е гг. XIX в. — 10-е гг. XX в.). Оформление психологии как самостоятельной научной дисциплины связано с появлением первых научных программ, созданных В. Вундтом и И. М. Сеченовым. Важно заметить, что прогрессивная программа Сеченова оказала сильнейшее влияние на развитие психологических парадигм в России (Н. Н. Ланге, В. М. Бехтерев, И. П. Павлов, А. А. Ухтомский), но при этом не стала самостоятельной парадигмой.

Программа Вундта была ориентирована на общенаучный экспериментальный метод. Как пишет Вундт, «нельзя допустить никакого различия между психологическими и естественнонаучными методами» (Вундт В., 1912; цит. по: Ждан А. Н., 1990). Однако единственным прямым методом психологии Вундт считал самонаблюдение, поскольку предмет психологии — непосредственный опыт, как он дан самому человеку.

В. Вундт (1832 - 1920)

Роль эксперимента ограничивается лишь приданием результатам исследований точности и надежности.

Вундт определил основные задачи психологии:

1) анализ процесса сознания методом интроспекции;

2) выявление элементов сознания;

3) установление закономерностей их соединения.

Очевидно, что программа Вундта логично вытекала из эмпирической и ассоциативной психологии. Используя сложившиеся в философии познания понятия «апперцепция», «ассоциация», «опыт» и полагая, что сложные психические явления не сводятся к сумме составляющих их частей, Вундт унаследовал, хотя и не в явной форме, исторически сложившиеся объяснительные принципы.

Культура эксперимента, ее важность для научной дисциплины были усвоены Вундтом в годы его работы в лаборатории физика и физиолога Г. Гельмгольца. Однако Вундт считал, что метод эксперимента применим только для исследований простейших психологических процессов, но не для изучения высших психических явлений, связанных с языком и культурой, таких как память или научение. Для этих целей, по мнению Вундта, применимы лишь приемы исследования, принятые в социологии и антропологии.

Линия программы Вундта, ориентированная на эксперимент, была зафиксирована в таких его трудах, как «Очерки по теории восприятия» (1862) и «Основания физиологической психологии» (1874), а культурно-историческая линия — в 10-томном труде «Психология народов» (1900-1920). Важно заметить, что экспериментальная линия программы Вундта оказала неизмеримо большее влияние на становящуюся новую дисциплину, чем культурно-историческая (Шульц Д., Шульц С. Э. 1998, с. 93-94). В этом проявилась потребность зарождающегося психологического сообщества в развитии общенаучной культуры исследований.

Важнейшая роль В. Вундта в становлении психологии как самостоятельной научной дисциплины состояла в том, что именно он организовывал первые специализированные институты психологической науки. В 1879 г. Вундт основал научную лабораторию в Лейпциге (Институт экспериментальной психологии), в которой проводились исследования и обучение специалистов-экспериментаторов (подготовлено более 150 психологов из 6 стран мира), а в 1881 г. — научный журнал «Философские исследования» (Philosophische Studien), вопреки названию целиком посвященный психологическим проблемам. Вундт также учредил фиксированное членство в научном психологическом сообществе, благодаря проведению в Париже в 1889 г. Первого международного психологического конгресса.

Интроспекция, предложенная Вундтом в качестве метода психологии, получила дальнейшее развитие в парадигме структурной психологии, которую основал Э. Титченер (1867-1927), продолжатель идей Вундта в США.

Задачи структурной психологии состояли:

1) в «разложении душевного состояния на составные части»;
2) в установлении того, каким образом соединены эти части;
3) в установлении соответствия законов комбинации этих частей с физиологической организацией.

Можно видеть, что эти задачи не находятся в противоречии с задачами психологии, предложенными Вундтом. Отличие состояло в том, что Титченер изучал структуру сознания, отвлекаясь от функциональной роли психики в поведении. Важнейшее нововведение Титченера — метод аналитической интроспекции. В соответствии с парадигмальными требованиями он строго ограничивал возможное содержание отчета испытуемого о самонаблюдении. Так, требовалось, чтобы результаты самонаблюдения давались в терминах элементов структуры сознания, но не в понятиях предметов внешнего мира или стимулов.

Титченер доказывал, что интроспекция у опытных специалистов не отличается от внешнего наблюдения, характерного для любых других научных методов. Он полагал, что хотя интроспекции доступно только собственное сознание, результаты самонаблюдения могут быть по аналогии перенесены на других людей, детей, первобытных людей, животных, психически больных; исследователю следует лишь поставить себя на их место. Такой доведенный до абсурда интроспекционизм с очевидностью демонстрировал слабые стороны и даже неприемлемость интроспективного метода в решении психологических задач.

Другой удар по методу интроспекции был нанесен также последователем Вундта — О. Кюльпе (1862-1915), основателем и лидером вюрцбургской школы. Его взгляды на метод интроспекции отличались от взглядов Вундта. Интроспекция Вундта (как и аналитическая интроспекция Титченера) разворачивалась синхронно с наблюдаемым сознательным опытом. Систематическая интроспекция Кюльпе отделялась от переживания временным промежутком, была ретроспективной (от лат. retro — назад, spectare - смотреть). Испытуемый решал предложенную ему задачу, а потом в подробностях описывал ход психических процессов при ее решении. Эта модификация интроспекции, как полагал Кюльпе, не приводила к раздвоению на наблюдающую и наблюдаемую части субъекта, что давало возможность применения интроспекции к изучению не только простых психических процессов, как это происходило у Вундта, но и мышления. Эти работы показали, что методом систематической интроспекции не удается получить сведения о том, как у субъекта происходит принятие решения, даже мастерам интроспекции не удавалось отметить искомую динамику идей.

Таким образом, к концу XIX в. было обнаружено, что метод интроспекции не раскрывает основных сторон психики хотя бы потому, что круг изучаемых в психологии явлений не исчерпывается феноменами сознания. Уже эти обстоятельства лишают интроспекцию статуса метода. Не менее важно, что интроспекция может быть применима лишь к небольшому числу объектов, соответствующих предмету психологии. Вопреки мнению Титченера, из этой совокупности должны быть исключены объекты, у которых не сформирована, нарушена или отсутствует способность к самонаблюдению: дети, представители некоторых культур, лица с психологическими и неврологическими поражениями, лица, находящиеся в специфических состояниях (сон, стресс, включенность в ответственную деятельность) или подлежащие судебно-медицинской экспертизе, группы и коллективы как предмет психологического исследования, животные.

- **Эмпатия – сопереживание**

Применение самонаблюдения как методики сталкивается с непредсказуемой зависимостью результатов интроспекции от следующих факторов:

1) культурная принадлежность субъекта;

2) степень овладения самонаблюдением, которая ограничивается возрастными особенностями, языковой компетенцией и т. д.;

3) соотнесение нескольких внутренних планов при совмещении основной деятельности и самонаблюдения, от чего не спасает и ретроспективная интроспекция;

4) установка испытуемого на участие в исследовании, его роли во взаимоотношениях с исследователем и др.

Поэтому интроспекция также не является и методикой психологического исследования, а может рассматриваться лишь как неизбежное условие применения некоторых методик психологии (например, опросников) или вспомогательный прием сбора эмпирического материала (рассуждения вслух при решении задач, отчеты испытуемых).

Культурно-исторической линии в исследовательской программе Вундта была противопоставлена понимающая психология историка и литературного критика В. Дильтея и его последователя Э. Шпрангера. Главной задачей психологии они считали не объяснение закономерностей душевной жизни человека, а ее понимание в субъективно переживаемой целостности.

Психология, с их точки зрения, принадлежит не к циклу наук о природе (Naturwissenschaften), таким как физиология, химия и т. п., а к наукам о духе (Geistwissenschaften) — циклу гуманитарных дисциплин, к которому относятся, например, история и культурология. Дильтей и Шпрангер утверждали, что в науках о духе, и в психологии в том числе, не применим естественнонаучный, по сути экспериментальный, метод. Методом гуманитарных наук должен быть метод понимания, который заключается в том, что исследователь должен вчувствоваться в изучаемый объект, поэтому этот метод называют также методом *эмпатии* (сопереживания).

Заметим, что критика интроспективного метода в общих чертах распространяется на метод понимания, поскольку он применим лишь к ограниченной части всей совокупности объектов исследования и может касаться лишь потенциально осознаваемых феноменов. Применение метода понимания неизбежно приводит к ошибочным суждениям, при применении его к животным — к антропоморфным описаниям (переносящим свойства человека на другие объекты), по отношению к детям — к «взрослоцентризму», в межкультурных исследованиях — к «культуроцентризму» и т. п. Поэтому признание метода понимания вырывает психологию из общенаучного контекста и входит в противоречие с основными научными ценностями.

Существенные изменения в представления о предмете и методе психологии были внесены 3. Фрейдом (1856-1939), который основал парадигму психоанализа. История психоанализа служит хорошей иллюстрацией зарождения и развития парадигмы, ее зависимости от идей предшественников и влияния на парадигмы-преемники.

Идея неосознаваемых психических явлений, бессознательного, которое составляет предмет изучения психоанализа, была введена в психологию Г. В. Лейбницем и развита Г. Гельмгольцем (теория бессознательных умозаключений), а также Г. Фехнером, который полагал, что большая часть психической деятельности не обнаруживает себя в сознании. Другие источники психоанализа - неврология (область, в которой специализировался 3. Фрейд), применение гипноза в лечении истерии французскими врачами Ж. Шарко и П. Жане в парижской клинике «Сальпетриер», где Фрейд проходил

стажировку, и др.

Дж. Б. Уотсон (1878–1958)

Психоанализ в его развитой форме, до его превращения в версию популярной психологии, был направлен на изучение личности и строился в соответствии с такими принципами, как принцип детерминизма (в механистической версии), принцип развития (причем одно из важнейших положений психоанализа состоит том, что этапы онтогенеза ребенка фиксируются в виде специфических психических структур), принцип активности, источник которой, согласно учению Фрейда, лежит внутри субъекта

Психоанализ отказался от интроспекции как метода исследования. Для получения исходного материала о глубинных психических структурах и процессах использовался анализ свободных ассоциаций, оговорок, специфики забывания, толкование пересказов сновидений, и т. п. Установление особенностей глубинных психологических структур через интерпретацию этого материала составляет существо нового метода, который Фрейд назвал психоанализом.

Заметим, что даже если первичный материал получают, используя способность к самонаблюдению, например при пересказе сновидений, то самонаблюдение выступает не как метод психологии, а лишь как условие применения методики. Метод психоанализа может быть рассмотрен как отдаленный предшественник метода экспериментальной реконструкции, который, однако, не включает важнейшую экспериментальную составляющую, связывающую его с общенаучным гипотетико-дедуктивным методом и придающую ему статус современного научного метода.

Широта исходной психоаналитической парадигмы позволила ей дифференцироваться на множество неофрейдистских парадигм: аналитическую психологию К. Юнга (1875-1961), индивидуальную психологию А. Адлера (1870-1937), теорию глубинных источников тревоги К. Хорни (1885-1952) и др.

Радикальный переворот в представлениях о предмете и методе психологии был совершен Дж. Б. Уотсоном (1878-1958). Датой рождения бихевиоризма (от англ. behavior — поведение) считают публикацию в 1913 г. статьи «Психология с точки зрения бихевиориста» (Psychology as the Behaviorist Views It) в научном психологическом журнале «Психологическое обозрение» (Psychological Review). С точки зрения этой парадигмы, психология представляет собой объективную экспериментальную отрасль естественных наук (Шульц Д., Шульц С. Э., 1998, с. 281-293). Бихевиористы отвергают метод интроспекции и отказываются от представления о сознании как о предмете психологического исследования, а также полагают, что любые психологические структуры и процессы, не наблюдаемые объективными методами, либо не существуют (поскольку нельзя доказать их существование), либо недоступны для научного исследования. Поэтому критики этой парадигмы часто называют бихевиоризм теорией «пустого организма».

Предмет психологии, с точки зрения бихевиоризма, — поведение, понимаемое как совокупность наблюдаемых мышечных, железистых реакций на внешние стимулы (S). Задача психологии состоит в том, чтобы выявить закономерности связей между стимулами и реакциями (S —> R), а цель — предсказание поведения субъекта и управление им. Методом исследований в бихевиоризме считается поведенческий эксперимент. Бихевиористы вступили в полемику и с теми учеными, которые рассматривали интроспекцию как метод психологии, и с теми, которые считали предметом исследования скрытые психические процессы и структуры.

У бихевиоризма богатая предыстория. Прежде всего это исследования, проведенные зоопсихологами в конце XIX в., целью которых было доказательство механической природы поведения животных — вполне в духе философской концепции Р. Декарта. Так, Ж. Леб (1859-1924), доказывая вынужденный, автоматический характер движений насекомых и животных, утверждал, что существование ассоциативной памяти у животных позволяет научить их определенным образом реагировать на стимулы (см. главу 6). Ближайшим предшественником бихевиористов был Э. Торндайк (1874-1949), который разработал теорию научения, используя объективные методики, в частности, оригинальную методику проб и ошибок. Еще до того, как сложилась парадигма бихевиоризма, Торндайком были сформулированы законы научения — закон эффекта, закон упражнения и др., — которые традиционно включают в список достижений бихевиоризма («Современная психология», 1999). Торндайк также считал, что психология должна изучать поведение. Сами бихевиористы опирались в своих положениях на учение И. П. Павлова (1849-1936) об условных рефлексах, хотя сам Павлов полагал, что они поняли его неверно.

Из объяснительных принципов в бихевиоризме в явной форме использовался принцип детерминизма, его линейная механистическая версия. Принцип развития не был использован в классическом радикальном бихевиоризме. Заметим, что при этом наибольшие успехи были достигнуты в исследованиях научения («Современная психология», 1999). Принцип активности полностью отвергался, даже само понятие активности отсутствовало в лексиконе бихевиористов, полагавших, что организм приводится в действие стимулами, которые могут быть внутренними (тогда это лишь выглядит как активность), и эти стимулы выявляются объективными методиками физиологии. Бихевиористы придерживались механистической версии принципа целостности — элементаризма.

Бихевиористская критика, адресованная интроспективной и глубинной психологии, а позже — когнитивной, во многом способствовала выявлению логических и методологических противоречий в этих парадигмах, однако радикальная линия бихевиоризма, поддерживающая идею «пустого организма» и механистическое понимание объяснительных принципов, просуществовала недолго. Именно идея внутренних психологических структур и процессов внесла раскол в ряды бихевиоризма, когда Э. Толмен сформулировал основные положения когнитивного бихевиоризма.

Популярность смягченных идей бихевиоризма, допустивших использование понятия сознания, была высока, и в 1950-1960-е гг. они были приняты в социальной психологии (теория социального научения Дж. Роттера) и психологии личности (социальная когнитивная теория личности А. Бандуры) (Шульц Д., Шульц С. Э., 1998)

Кризис психологии (10-30-е гг. XX в.). В 1910-1930-е гг. в психологии сформировалось большое количество конкурирующих несовместимых и даже несопоставимых парадигм, которые реализовали потенциально логически возможные версии понимания предмета и метода психологии. В качестве примера следует сопоставить бихевиоризм, суть которого состоит либо в отрицании существования психологических структур и процессов, либо в признании их недоступности для научного исследования, и глубинную психологию, постулирующую существование таких структур и процессов и утверждающую их доступность для изучения. Это была уникальная ситуация в истории науки. Ни в одной дисциплине не происходило столкновение такого множества столь различных парадигм.

Вот только неполный список собственно психологических парадигм, сформировавшихся во время открытого кризиса (их содержательные характеристики см.: Ждан А. Н., 1990; Петровский А. В., Ярошевский М. Г., 1996; Соколова Е. Е., 1995; Шульц Д., Шульц С. Э., 1998): бихевиоризм; когнитивный бихевиоризм Э. Толмена; психоанализ: учения Фрейда, Юнга, Адлера; гештальтпсихология; динамическая психология; К. Левина; описательная психология В. Дильтея и Э. Шпрангера; генетическая психология Ж. Пиаже; культурно-историческая теория Л. С. Выготского; различные версии теории деятельности: М. Я. Басова, С. Л. Рубинштейна; реактология в версия: К. Н. Корнилова и В. М. Бехтерева; психология установки Д. Н. Узнадзе.

Попытки выйти из кризиса, реализуя новые программы исследований, приводили лишь к увеличению числа конкурирующих парадигм. При этом различные парадигмы, школы и направления разрабатывали различные стороны потенциального предмета и соответствующего ему метода психологии. Это положение подтверждается, например возможностью гибридизации даже самых полярных парадигм (когнитивный бихевиоризм Э. Толмена совместил бихевиористские представления о роли стимулов в поведении и отрицаемую бихевиористами концепцию внутренней психологической структуры — когнитивной, или познавательной, карты окружающей среды) или ориентацией конкурирующих парадигм на различные аспекты предмета изучения — теория деятельности Л. С.

Рубинштейна ориентирована на исследование деятельности как процесса, в то время как теория деятельности А. Н. Леонтьева — на изучение структуры деятельности, открывающей доступ к структуре сознания (Леонтьев А. Н., 1975; Рубинштейн С. Л., 1997).

Состояние психологии в 1910-1930-е гг. представляло лишь стадию открытого кризиса, который продолжается до настоящего времени и характеризуется разнообразием и конкуренцией парадигм. Только все множество конкурирующих парадигм в целом соответствует наиболее полному представлению о предмете и методе в психологии, продуктивный выход из кризиса состоит не в доминировании какой-либо одной парадигмы, не в слиянии трудно совместимых логически парадигм, а в эволюционном процессе выработки психологическим сообществом согласованного мнения об основных научных ценностях, принципах, предмете и методе психологии.

Современное состояние психологии. В структуре современной психологии как научной дисциплины представлены все этапы ее становления. Эта память дисциплины во многом определяет возможности и пути ее развития. Однако, если понятия заимствуются из прошлых концепций в неизменной форме, не согласованной с современным положением дел в психологии, это приводит к неприемлемой реставрации донаучных представлений о душе как предмете психологического исследования и принятию интроспекции и понимания как методов психологии. Другим следствием такого подхода может быть эклектичность (взаимная несогласованность понятий, заимствованных из различных источников) разработанных на его основе концепций, как это отмечается у В. Вундта, пытавшегося совместить методы эксперимента и интроспекции.

Строгие требования практики исследования, а также внутри- и межпарадигмальная критика ведут к трансформации заимствованных принципов и понятий. Конкуренция и взаимосвязи парадигм в психологии ведут к ее интенсивному развитию. Можно выделить несколько основных направлений развития психологической науки.

1. Происходит развитие существующих парадигм. Так, на основе теории деятельности А. Н. Леонтьева сформировалась психосемантика (Артемьева Е. Ю., 1999), которая исследует генезис, строение и функционирование системы значений в индивидуальном сознании (Петренко В. Ф., 1997), используя современные методики и не прибегая к методу интроспекции. Эта линия исследований ориентирована на изучение таких культурных феноменов, как политическое сознание, межкультурные различия и т. п.

2. Появляются новые парадигмы. Так, в 1950-1960-е гг. сформировалась гуманистическая психология, предметом изучения которой является уникальная, целостная личность человека. Основателями гуманистической психологии считаются А. Маслоу (1908-1980) и К. Роджерс (1902-1987). Эта парадигма противостоит, с одной стороны, бихевиоризму с его линейным механистическим принципом детерминизма, а с другой — психоанализу, который переоценивает зависимость личности от ее прошлого. В рамках гуманистической психологии основным фактором, детерминирующим личность, считается устремленность к будущему, к полноте свободной реализации своих потенций, самоактуализации, т. е. придается доминирующее значение принципам целостности, целевой детерминации, развития и активности. Следует отметить генетическую связь гуманистической психологии с понимающей психологией, которая определила основные черты и судьбу этой парадигмы. Представители гуманистической психологии не разделяют важнейшие общенаучные ценности, ориентированы исключительно на идиографический подход; экспериментальные исследования в рамках этой парадигмы не получили достаточного развития и не использовались для подтверждения собственных теоретических положений. В настоящее время гуманистическая психология превратилась в область практической психологии (Шульц Д., Шульц С. Э., 1998).

3. Формируются различные версии объяснительных принципов, представлений о предмете и методе психологии. Например, в 1960- 1980-е гг. на основе имеющего глубокие исторические корни принципа целостности сформулирован принцип системности. В различных парадигмах отрабатываются различные аспекты этого принципа.

4. Складываются новые объяснительные принципы. Например, принцип субъектности, который наиболее полно очерчивает предмет и метод психологии, проходит стадию интенсивного развития. Принятие этого принципа связано с возникновением психологии субъекта (Брушлинский А. В., 1996), продолжающей линию теории деятельности С. Л. Рубинштейна и континуально-генетический подход в исследованиях мышления. Принцип реконструкции в настоящее время начинает складываться как модификация общенаучного экспериментального метода применительно к задаче психологии изучения структуры субъекта и процессов ее актуализации. Эти принципы потенциально имеют общенаучное

значение.

5. Наиболее развитые парадигмы осуществляют экспансию на различные отрасли психологии. Например, существенно расширена сфера исследований в когнитивной психологии, которая начала интенсивно формироваться в 1950-е гг. как попытка противостоять доминированию бихевиоризма. Основы этого направления были заложены в работах К. Лешли, показавших несостоятельность бихевиористского понимания организации сложного поведения, Н. Хомского, посвященных исследованию глубинных структур речи, Дж. Миллера, оценившего объем кратковременной памяти («магическое» число 7 ±2). В настоящее время когнитивная психология включает исследования восприятия, памяти, ментальных репрезентаций, переработки информации, моделирование мышления, интеллекта и творчества, искусственного интеллекта, познавательного развития детей (продолжая линию исследований Ж. Пиаже), психолингвистику; она составила два направления в психологии личности — когнитивное (Дж. Келли) и социально-когнитивное (А. Бандура) (Солсо Р. Л., 1995; Хьел Л., Зиглер Д., 1997; Шульц Д., Шульц С. Э., 1998).

6. Развиваются связи психологии с другими дисциплинами. За счет этого происходит зарождение новых отраслей психологии, например, в контакте психологии с языкознанием сформировалась психолингвистика, с неврологией, нейрофизиологией и психофизиологией — нейропсихология, с популяционной генетикой — генетическая психофизиология.

2.3. Психологическая наука и психологическая практика

Психология, как и любая другая наука, делится на фундаментальную и прикладную. Для обеих наук характерно стремление к получению нового знания и его обобщению. Если первую скорее интересуют основополагающие проблемы психики, теоретический аспект рассмотрения этих проблем и их эмпирическая проверка (общая психология, психофизиология, социальная психология, психология развития и др.), то в прикладной науке приоритет отдается изучению психических явлений в естественной обстановке и использованию полученных в фундаментальной науке знаний в конкретных ситуациях и условиях (эргономика, психология рекламы, психология менеджмента, организационная психология, юридическая психология и др.).

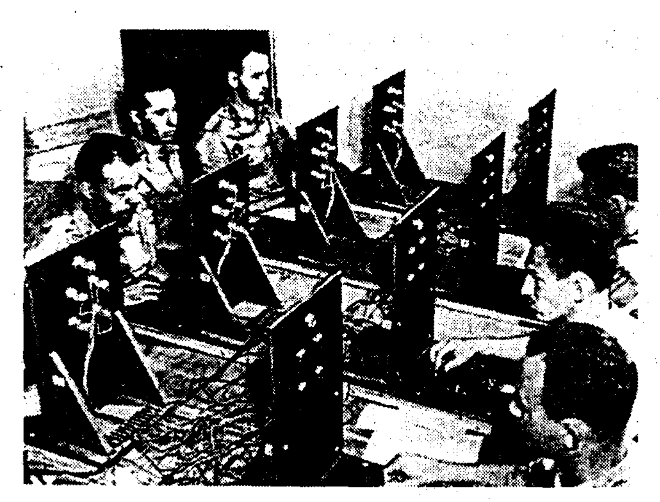

Рис. 2-1. Групповое тестирование времени реакции у пилотов ВВС США

Наряду с этим существует еще одна сфера деятельности психолога — практическая психология, в которой решаются конкретные задачи, а получение нового знания является, как правило, необязательным приложением. Практическая психология — это особый вид деятельности психолога, направленный на решение конкретной практической задачи и предполагающий получение психологической информации о конкретном человеке или группе людей, анализ полученной информации на основе знаний, полученных в фундаментальной или прикладной психологии, разработку (планирование) и реализацию воздействия (как психологического, так и не психологического) на конкретного человека или группу людей с целью их изменения или изменения их поведения. Такая специфика работы практического психолога накладывает на него серьезные обязательства и предопределяет его действия в соответствии с этическими и моральными принципами.

Перечислим наиболее существенные из них.

1. Практический психолог обеспечивает конфиденциальность личностно значимой информации, полученной от клиента на основе личного доверия. Он обязан предупреждать обследуемых о том, кто и для чего может использовать получаемую информацию и какие решения могут быть вынесены на ее основе.

2. Практический психолог несет моральную ответственность за решения, принимаемые на основе предоставляемой им информации, и предупреждает возможные ошибки, допускаемые непрофессионалами в области психологии.

3. Практический психолог должен воздерживаться от действий, ухудшающих состояние клиента и наносящих ему вред, особенно при работе с больными людьми.

Основные направления практической психологии. Направления практической психологии неразрывно связаны с решаемыми в их рамках задачами. Перечень задач, стоящих перед практическим психологом, крайне обширен и зависит от общего характера его работы. Укажем лишь основные. Так, психолог может содействовать в достижении некоторой более общей, не психологической цели. На этом основании различают сферы практического применения психологического знания.

Психолог на предприятии содействует успешному ведению бизнеса (например, промышленный психолог, консультант по социально-психологическим вопросам, организатор и ведущий тренингов и т. п.). Психолог в образовательных учреждениях способствует образовательному процессу (например, школьный психолог, психолог центра профориентации и переориентации и т. п.). Практический психолог в медицинских учреждениях принимает участие в постановке диагноза (особенно психиатрических и психосоматических больных) и немедикаментозном лечении. Наряду с этим есть сферы деятельности, где практический психолог является ведущей фигурой и решает чисто психологические задачи. По этому основанию можно выделить основные направления практической психологии.

- **Психологическое консультирование – оказание помощи в определении, уточнении и решении проблем клиента.**

Это, прежде всего, психотерапия, т. е. лечение при помощи психического воздействия. Этот метод используется для лечения психических, нервных и психосоматических заболеваний (Слободяник А.П. 1977; Рудестам К., 1993). Условно разделяют клинически ориентированную психотерапию, направленную на смягчение и ликвидацию имеющейся симптоматики, и личностно ориентированную психотерапию, ставящую задачей содействие пациенту в решении его личностных проблем, изменении его отношения к социальному положению и самому себе с целью успешной адаптации и преодоления возникающих затруднений. Психотерапия наиболее эффективна тогда, когда психическому фактору в лечении принадлежит определяющая или весьма существенная роль. По этой причине психологи чаще всего работают с неврозами, пограничными психическими состояниями и психосоматическими заболеваниями.

Работая с неврозами, психолог анализирует причины, вызвавшие конфликты, определяющие состояние клиента, и пытается их разрешить. При психотерапии неврозов используются различные методы психотерапевтического воздействия, которые по количеству участников условно можно разделить на методы индивидуальной психотерапии и групповую психотерапию, а по характеру воздействия — на методы личностно ориентированной психотерапии, методы суггестивной психотерапии, методы поведенческой психотерапии.

Наиболее значимой представляется классификация направлений психотерапии по тому учению, на основании которого она возникла. Например, можно говорить о психотерапии, основанной на классическом психоанализе З. Фрейда и неофрейдизме К. Хорни, Э. Фромма, психотерапии, основанной на преодолении травмы рождения О. Ранка, психобиологической психотерапии А. Мейера, психодраме Я. Морено, трансактном анализе Э. Берна, логотерапии В. Франкла, индивидуально-психологической психотерапии А. Адлера, рациональной психотерапии П. Дюбуа, социальной терапии Б. Грейхема, дзен-психотерапии, гештальттерапии Ф. Перлза, телесно ориентированной психотерапии В. Райха. Отдельную группу составляют направления психотерапии, в основу которых положено лечебное влияние искусства (арттерапия, музыкотерапия, имаготерапия) или воздействие природы (натурпсихотерапия)

Другой важной сферой практической психологии является *психологическое консультирование*. В самом общем виде консультирование — это оказание помощи в определении, уточнении и решении

задачи или проблемы, стоящей перед человеком, при условии, что сам консультант не несет ответственности за реализацию решения (не ответственность за принимаемые решения). Другими словами, консультант выступает в роли человека, дающего советы, оставляя за клиентом право воспользоваться этими советами по своему усмотрению. Между психотерапией и консультированием есть много общего, но существенным отличием является то, что консультирование изначально ориентировано на психически здоровых людей, способных взять на себя ответственность за свои поступки. Практика консультирования разнообразна и специализирована; она включает в себя несколько видов консультирования.

1. Семейное консультирование, применяющееся преимущественно для решения проблем взаимоотношений супругов, а также родителей и детей (Алешина Ю. Е., 1994).

2. Личностное консультирование, применяющееся преимущественно для решения проблем обретения смысла жизни, определения и изменения жизненного пути, проблем личностного роста и т. п. Этот вид консультирования часто соприкасается с психотерапией.

3. Управленческое консультирование, применяющееся преимущественно в качестве психологической помощи менеджерам в решении их проблем и для решения проблем взаимодействий с персоналом, а также в вопросах профконсультирования и профориентации (как помощь в решении проблем профессионального самоопределения и выбора профессии) («Управленческое консультирование», 1992; Тобиас Л., 1997).

4. Специфическим видом консультирования является «телефон доверия», позволяющий человеку обратиться за психологической помощью в наиболее трудные моменты его жизни и предупредить, а часто и предотвратить нежелательные действия и поступки (вплоть до суицидов).

Различные виды психологических задач требуют специального образования и специальной практической подготовки, вследствие чего различные виды консультирования существенно отличаются друг от друга по форме и по методам проведения, а смена специализации требует серьезного дополнительного обучения.

Важным видом психологической практики, основанным на использовании психодиагностических методик и позволяющим получать значимую психологическую (в том числе и личностно значимую) информацию о конкретном человеке или группе людей, является практическая психодиагностика, основной процедурой которой является психодиагностическое обследование («Общая психодиагностика», 1987). Особой задачей при проведении психодиагностического обследования является интеграция данных, полученных при использовании различных методик, и составление психологического портрета, отражающего индивидуальность человека. Другой, не менее важной задачей является прогнозирование поведения человека в различных ситуациях и при взаимодействии с другими людьми, что бывает важно, например, при формировании команды, выдвижении человека на руководящую должность, при деятельности в сложных и необычных условиях и т. п. Именно такие задачи решают практические психологи в диагностических центрах и лабораториях, проводя психодиагностические обследования. Если дополнительно требуется оценить степень соответствия данного человека занимаемой должности или возможность выполнения конкретным человеком тех или иных обязанностей, то такого рода задачи выполняются в ассесмент-центрах, проводящих, как правило, независимую оценку кандидатов.

- **Психологическая коррекция — восстановление психических функций, а также устранение или компенсация психических аномалий развития с помощью восстановительного обучения.**

Особым видом психологической практики *является психологическая коррекция*. Особенно ярко она проявляется в нейропсихологии и в возрастной психологии. В нейропсихологии психологическая коррекция является составной частью реабилитационного направления и предполагает восстановление высших психических функций человека при локальных поражениях мозга с помощью специальных методов и приемов восстановительного обучения (Лурия А. Р., 1973; Цветкова Л. С., 1972; Лебединский В. В., 1990). В возрастной психологии усилия практических психологов, занимающихся коррекцией, направлены на устранение или компенсацию психических аномалий развития: эмоциональных, познавательных, психомоторных (Дубровина И. В., 1987).

Сферы практического применения психологического знания. Одним из распространенных видов психологической практики является психологическое обеспечение деятельности предприятия. В России в последнее десятилетие вновь появились частные предприятия, и деятельность психолога на них имеет

свою специфику. Психолог на коммерческом предприятии в зависимости от актуальности стоящих перед фирмой задач принимает участие:

- в рекруитменте и адаптации персонала;
- в асессменте персонала;
- в обучении и повышении квалификации персонала;
- в мотивировании персонала;
- в организации эффективного руководства персоналом;
- в анализе и оптимизации социальной структуры предприятия;
- в управленческом консультировании.

Рассмотрим более подробно некоторые из этих видов работ. Рекруитментом называется комплекс мероприятий по привлечению персонала для работы на фирме. В самых общих чертах это предполагает следующее: определение потребности в персонале, определение профессионально-важных качеств и профессионально значимых ситуаций для вакантных позиций, разработка методов и средств определения профессионального потенциала персонала, разработка методов и процедур профотбора, определение оптимальных процедур отбора претендентов на различные позиции, активные методы поиска и привлечение работников, первичная социальная адаптация персонала. Значительная часть работ по рекруитменту проводится с использованием понятий такой науки, как психология труда, например «профотбор» и «профессионально-важные качества». Однако большая часть знаний, полученных в области психологии труда, на данный момент не актуальна, так как современные специальности и профессии, наиболее важные для деятельности коммерческого предприятия, например, менеджер по продажам, финансовый аналитик, маркетолог, логистик, бухгалтер), ранее либо не изучались, либо содержание этих профессий и специальностей было иным. Поэтому из психологии труда заимствуются в основном методические знания.

Особая проблема - управление персоналом в быстро развивающейся компании. При этом рекруитмент становится основной задачей. Как правило, происходит смена кадровой политики с закрытой на открытую. Стихийно сложившаяся корпоративность подвергается жесткому испытанию. Появляется необходимость формализации социальной структуры фирмы и декларации основных приоритетов и ценностей. Быстро растущая фирма остро нуждается в социальном мифе о своем происхождении и существовании. Без квалифицированной помощи психологов такая работа выполнена быть не может.

Рис. 2-2. Психолог за работой

Другой функцией психолога на современном коммерческом предприятии является асессмент персонала (Базаров Т. Ю., 1995). Часто такая практика осуществляется в центрах асессмента, организованных при крупных фирмах, либо в независимых центрах. В ходе деятельности по асессменту персонала решаются следующие основные задачи:

- оценка возможности успешной деятельности претендентов на ту или иную позицию на конкретном предприятии;
- оценка личностного и управленческого потенциала для последующего продвижения персонала и определения направления совершенствования его личностных и деловых качеств;
- определение «балласта» и «авангарда» среди персонала;
- оценка возможности реабилитации «балласта» и определение возможностей актуального

должностного роста «авангарда», совершенствование его личностных и деловых качеств;

- сбор и анализ информации по вопросам подготовки и проведения асессмента (разработка конкретных программ оценки персонала для различных целей и различных организаций, формирование банка требований к различным позициям на различных предприятиях, описание прямых и косвенных способов оценки эффективности деятельности, а также методов оценки деловых и личностных качеств и др.);

Общий подход к проведению асессмента персонала на конкретном предприятии предполагает следующие виды работ:

1. Определение и согласование целей будущей аттестации (например, оценка интеллектуального и профессионального потенциала сотрудников для проведения реорганизации, асессмент в целях обнаружения «балласта», оценка сотрудников, способных к реализации новой стратегии, асессмент как способ формирования новых рабочих групп и т. п.).

2. Определение позиций, по которым будет проводиться аттестация, предварительное качественное и количественное описание групп сотрудников по этим позициям.

3. Анализ и описание профессиональной деятельности по данным позициям в целях проведения аттестации (проведение экспертной оценки, игровое моделирование фрагментов профессиональной деятельности, анализ результатов деятельности и др.). В ходе такого анализа используется обширный арсенал методических средств, разработанный в различных отраслях прикладной психологии: структурированное интервью, репертуарные решетки, включенное наблюдение, тестирование личностных черт и способностей и др. Результатом такой работы являются «работающие» схемы анализа видов профессиональной деятельности и описания конкретных видов профессиональной деятельности для целей аттестации.

4. Определение общих, профессиональных и специфических требований (критериев и индикаторов оценки) для каждой позиции аттестации (например, индикатор успешности деятельности, индикаторы обучаемости, адаптивности, управленческих навыков и навыков межличностного взаимодействия, индикаторы совместимости толерантности и др.).

5. Подбор методик и методов для проведения аттестации по разным позициям. Разработка оптимальной системы сбора и обработки информации.

6. Подробное описание и операционализация критериев аттестации, в ходе которых разрабатываются схемы получения релевантной информации по выбранным критериям оценки при использовании предложенных методик и методов проведения аттестации.

7. Определение ролей и обязанностей членов комиссии по проведению оценки. Составление программы их подбора, подготовки и обучения.

8. Составление подробных программ проведения аттестации и предполагаемых форм представления результатов асессмента (сводные таблицы, итоговые экспертные заключения, видеоматериалы и т. д.).

9. Проведение асессмента, которое предполагает использование различных методов, предусмотренных процедурой оценки. К этим методам прежде всего относятся ситуационные тесты, моделирующие типичные профессионально важные ситуации, с которыми сталкиваются специалисты в ходе своей работы. Например, если основная деятельность связана с приемом посетителей, то для оценки успешных действий человека в такой ситуации и его умений взаимодействовать с посетителями разрабатываются специальные упражнения, условно называемые «прием жалобщиков». Для оценки успешности деятельности менеджеров по продажам разрабатываются ситуационные тесты, имитирующие наиболее существенные в их работе ситуации «забор» денег за реализованный товар, заключение сделки, реализация «неликвидов» и др. Наряду с ситуационными тестами часто используются традиционные психодиагностические методики, позволяющие оценить особенности мотивации человека, уровень развития интеллекта и креативности, специальных способностей, тех и иных черт личности и многое другое. Нередко при проведении оценки используются специально разработанные анкеты для выяснения мнений и представлений оцениваемых по тому или иному вопросу.

10. Обработка результатов, полученных в ходе проведения асессмента, принятие решений по итогам проведения асессмента и психологическое обеспечение выполния намеченных организационных мероприятий (содействие в обучении, психологическая помощь при прохождении стажировок и т. д.).

Особо следует отметить групповые формы проведения оценки персонала: групповые дискуссии, ролевые игры и организационно-деловые игры. Групповые формы используют, как правило, для оценки деловых и личностных качеств руководителей различных уровней. Именно у них важно определить

коммуникативные и организационные навыки, желание и умение играть различные роли, возникающие по ходу взаимодействия, умение аргументировать и отстаивать занятую позицию, умение склонять на свою сторону собеседника и требовать выполнения коллективного решения в случае его принятия, способность мыслить системно, динамично и гибко. Групповые формы оценки позволяют проследить устоявшиеся стереотипы взаимодействия и стереотипные способы принятия и выполнения решений. Часто групповые формы оценки позволяют реально решить некоторые острые проблемы, стоящие перед фирмой, поскольку в ходе групповой дискуссии или «мозгового штурма» появляются неординарные, эффективные решения.

Очень распространенным видом практики психолога на коммерческом предприятии является управленческое консультирование. Под управленческим консультированием подразумевают помощь в решении всего спектра проблем, стоящих перед руководством фирмы: консультирование по вопросам управления финансовой деятельностью, консультирование по вопросам управления маркетингом, консультирование по вопросам корпоративной стратегии, корпоративной культуры и стиля руководства, консультирование по вопросам внедрения нововведений и др. («Управленческое консультирование», 1992). Психолог, как правило, принимает участие в консультациях по вопросам управления человеческими ресурсами и их развития (например, консультирование по вопросам развития кадрового потенциала или оптимизации трудовых отношений между администрацией и работниками). В зависимости от своей квалификации, личностных предпочтений и специфики отношений с руководством психолог-консультант выступает в той или иной роли: специалист по процессам, специалист по обнаружению фактов, консультант по нахождению альтернатив, помощник в решении проблем, инструктор и преподаватель, технический эксперт, пропагандист. Значительная часть времени при этом отводится на личное консультирование руководителей (Тобиас Л., 1997) (помощь в решении личных проблем, проблемы с руководством подчиненными, преодоление вредных привычек, проблемы взаимодействия с другими людьми, изменение имиджа, поддержка при проведении переговоров и т. д.).

Одним из наиболее эффективных способов совершенствования профессиональных навыков менеджеров и специалистов является социально-психологический тренинг (Марасанов Г. И., 1995). При этом из всех видов тренинга предпочтение отдается тренингу умений, так как он в наименьшей степени затрагивает те или иные личностные образования, не приводит к изменению жизни человека в целом и гарантирует невмешательство во внутренний мир человека. Тренинг умений позволяет расширить арсенал средств, используемых человеком для достижения ранее поставленных целей. Наибольшее распространение получили тренинги «делового общения» (Шмидт Р., 1992), «эффективного ведения переговоров» (Цепцов В. А., 1996; Фишер Р. 1990), «искусства заключения сделок», тренинг «телефонных переговоров», тренинг «искусства продаж»(Ребекка Л. Морган, 1994) и др. При этом следует оговориться, что универсальных тренингов не существует и от психолога коммерческого предприятия требуется либо разработка и проведение специального тренинга, либо адаптация к конкретным условиям ведения бизнеса (Ребекка Л. Морган, 1994; Ладанов И. Д., 1989). Тренинг позволяет не только быстро освоить новые навыки, но и изменить устоявшиеся и неэффективные. Часто проведение тренингов преследует достижение иных, чем обучение, целей: оптимизация отношений в коллективе, дополнительное мотивирование персонала, снятие негативных реакций при нововведениях, повышение корпоративности и т.п.

- **Моббинг— постоянные нападки и притеснения кого-либо со стороны коллег.**

Деятельность современной коммерческой фирмы трудно представить без ведения работ по рекламе своей продукции или предоставляемых фирмой услуг. В условиях жесткой конкуренции психологические аспекты взаимодействия «реклама— потребитель» становятся крайне актуальными (Лебедев А. Н., Боковиков А. К., 1995). При этом важно не только психологически корректно рекламировать товар, но и оказывать психологическое содействие проводящим рекламную кампанию командам, стимулируя их творческую активность.

Особая проблема, к решению которой обязательно привлекают психолога, — конфликтная ситуация. Из всех конфликтных ситуаций, возникающих в ходе деятельности фирмы, участие психолога в разрешении межличностных и внутриличностных конфликтов наиболее эффективно. При этом от психолога ждут быстрого и эффективного разрешения конфликтной ситуации. В содержательном плане конфликты часто сводятся к несовместимости взглядов на межличностное взаимодействие,

существенное различие в темпе деятельности у сотрудников, работающих вместе, стремление к эмансипации отдельных сотрудников, особенно тех, которые создали за время работы на фирме некое «ноу-хау», и многое другое.

Разновидностью конфликтной ситуации является моббинг: постоянные нападки и притеснения кого-либо со стороны коллег (Ваниорек А., Ваниорек Л. 1996). На сегодняшний день моббинг осознан как отдельная психологическая проблема, и ее решение является важнейшим условием нормальной успешной деятельности подразделения и всей фирмы в целом.

Существенным вкладом в повышение эффективности деятельности сотрудников фирмы является участие психолога в работе по определению оптимальных схем оплаты труда и, более широко, участие в разработке систем морального и материального стимулирования. Традиционно такая практика называется мотивацией трудовой деятельности персонала («Управление персоналом организации», 1997) и предполагает внедрение новых форм оплаты труда и участие работника в прибылях фирмы. Нематериальное стимулирование часто сводится к выражению общественного признания. На наш взгляд, было бы уместнее использовать термин «мотивирование персонала» предполагающий индивидуальный подход к стимулированию профессиональной активности на основе индивидуально диагностируемой структуры мотивов трудовой деятельности.

Материальное стимулирование является, пожалуй, самым существенным, но конкретная схема стимулирования зависит от индивидуальных доходов и образа жизни. Так, единовременное увеличение заработной платы на 50 долларов для человека, чьи доходы и расходы примерно равны, является очень значимым. Но для человека, доходы которого значительно превышают его расходы, такое стимулирование является неэффективным. Для таких людей более эффективными способами стимулирования их активности являются доступ к «ресурсам фирмы», пользованию внутренним банком фирмы и участие в акционировании, при условии, что наблюдается существенное повышение доходов.

При доминировании в структуре мотивации иных мотивов (например, профессиональный интерес) на первое место выступает система морального стимулирования. По нашим наблюдениям, в некоторых современных российских фирмах количество сотрудников, для которых моральное стимулирование предпочтительно, составляет 30-40%. Вот лишь некоторые способы морального стимулирования сотрудников фирмы, занятых в области современных телекоммуникаций.

1. Создание системы косвенных оценок заслуг того или иного работника через расширение гласных и негласных привилегий. Систему привилегий необходимо при этом оправдать обеспечением максимумом удобств для сотрудников при выполнении ими своей профессиональной деятельности. К числу таких привилегий относятся: дополнительное обучение, престижные стажировки, предоставление права быть акционером, расширение привилегий по пользованию внутренним банком, отдых за счет фирмы, пользование автомобилем за счет фирмы, временное использование оборудования фирмы.

2. Создание системы поощрений, выходящих за рамки фирмы: информирование широкой профессиональной общественности о реальных достижениях своих сотрудников (например, статьи в журнале с фотографиями всех разработчиков проекта), создание рекламной продукции фирмы, связанной с конкретными работниками, вносящими большой вклад в то или иное дело, памятные листки, благодарственные письма от государственных учреждений, подтверждающие высокий профессиональный уровень сотрудников и их заслуги.

Успешность работы психолога на коммерческом предприятии часто предопределяет удовлетворенность либо неудовлетворенность своей работой у сотрудников. Удовлетворенность трудом при этом связывается со смыслом выполняемой работы в частности и становлением себя как профессионала вообще (Замфир К., 1983). Показатель удовлетворенности работой многие ведущие зарубежные фирмы используют наряду с экономическими показателями как критерий устойчивости фирмы на рынке и успешности ее деятельности в будущем. Для психолога на коммерческом предприятии определение степени удовлетворенности трудом является еще одной достаточно важной задачей.

Работа практического психолога в образовательном учреждении, и прежде всего в школе, содействует оптимальному проведению всего процесса обучения и воспитания и осуществляется в непосредственном взаимодействии с учителями, школьниками и их родителями. Можно выделить два направления работы: актуальное и перспективное. Актуальное направление ориентировано на решение злободневных проблем, связанных с теми или иными трудностями в обучении и воспитании учащихся, нарушениями в их поведении, общении, в формировании их личности. Перспективное направление

нацелено на развитие индивидуальности каждого ребенка, на формирование психологической готовности к сознательной жизни в обществе. При этом основной задачей школьного психолога является создание психологических условий для оптимального и полного развития способностей школьников (Дубровина И. В., Акимова М. К. и др., 1991). Конечно, уровень развития способностей у детей будет различным, но различными будут и задачи, которые ставит и решает психолог по отношению к каждому ребенку. Можно указать наиболее важные задачи, решаемые практическим психологом в школе.

1. Определение готовности к школе — совокупности интеллектуальных, мотивационных и поведенческих характеристик, позволяющих успешно осваивать школьную программу в условиях классного обучения. В случае необходимости психолог участвует в формировании нужных для обучения характеристик и/или рекомендует иную форму обучения (например, семейное обучение).

2. Разработка и осуществление совместно с учителями и родителями развивающих программ с учетом индивидуальных особенностей школьников с целью лучшей адаптации младших школьников к условиям школы.

3. Осуществление контроля и оказание психологической помощи школьникам в переходные периоды и сложные моменты их жизни (пубертатный период, последствия острых и хронических заболеваний, стрессогенные события в жизни школьников и др.)

4. Проведение диагностико-коррекционной работы с «трудными» школьниками (с неуспевающими, недисциплинированными, с детьми, страдающими разного рода нервными и психическими расстройствами, с подростками, стоящими на учете в комиссиях по делам несовершеннолетних, с детьми из «неблагополучных» семей).

5. Проведение диагностического обследования школьников с целью определения интеллектуальных, личностных и эмоционально-волевых особенностей учащихся. Определение аномалий развития и проведение коррекционной работы. Выявление потенциально одаренных детей и создание условий для проявления их одаренности (интеллектуальной, психомоторной, специальной).

6. Определение и устранение психологических причин нарушений межличностных отношений учащихся с учителями, сверстниками, родителями и другими людьми.

7. Консультирование администрации школы, учителей, родителей по психологическим проблемам воспитания и обучения детей.

8. Проведение индивидуального и группового консультирования учащихся по вопросам обучения, психического развития, проблемам жизненного самоопределения, самовоспитания, взаимоотношений со взрослыми и сверстниками, психологическим проблемам сексуального развития и сексуальных взаимоотношений.

9. Проведение профориентационной работы, направленной на выявление и развитие способностей, интересов, а также на формирование адекватной самооценки ценностных ориентаций, жизненных перспектив. Помощь в выборе жизненного профессионального пути и консультирование по вопросам его реализации.

Задачи, решаемые практическим психологом в медицинском учреждении, зависят от типа учреждения. В психиатрических клиниках психолог совместно с психиатром участвует в постановке диагноза и его уточнении. Помимо этого он непосредственно участвует в лечении больных, проводя групповую и индивидуальную психотерапию в зависимости от вида психического расстройства и тяжести заболевания.

В наркологических медицинских заведениях психологи активно участвуют в лечении наркоманий, токсикоманий и алкоголизма, используя специальные виды психотерапии и немедикаментозного лечения. Часто лечение продолжается и после выписки из стационара, при этом психотерапия проводится амбулаторно (Братусь Б.С. Сидоров П. И., 1984). Завершающим этапом такого лечения становится организация территориальных обществ типа общества «анонимных алкоголиков» и содействие их функционировании.

Специфика работы практического психолога при лечении соматических больных зависит от специфики самого заболевания. Можно выделить некоторые группы больных, в успешном лечении и реабилитации которых роль психолога достаточно велика: онкологические больные, больные бронхиальной астмой, гинекологические больные. Психологи помогают больным адекватно воспринять и понять случившееся, способствуют формированию адекватного представления о болезни, себе и предстоящем лечении и совместно с врачами разрабатывают и обучают больных определенным формам поведения, способствующим выздоровлению (например, в случае с астматиками— это приемы

релаксации и отсроченного реагирования на аллергены, для беременных — это приемы ослабления родовых болей и т. п.).

Вопросы для повторения

1. Какие периоды и этапы выделяют в истории психологии? Каковы критерии их выделения?
2. Каковы были первые научные программы психологии?
3. В чем состояли основные условия формирования психологии как самостоятельной науки? Как долго продолжался этот процесс?
4. Какие варианты метода интроспекции были разработаны в первых психологических парадигмах?
5. Что такое метод понимания? Каковы его недостатки?
6. Каковы предмет и метод классического бихевиоризма? Каковы особенности интерпретации объяснительных принципов в бихевиоризме?
7. В чем проявился кризис 1910-1930-х гг. в психологии?
8. Какие тенденции развития характерны для современного состояния психологии?
9. Чем отличаются фундаментальные исследования от прикладных?
10. Что такое практическая психология и чем она отличается от прикладных исследований?
11. В чем различия между психиатрией и клинической психологией?
12. Какие направления практической психологии вы знаете?
13. Каким этическим и моральным принципам должен следовать практический психолог?
14. Что такое психотерапия и какие направления психотерапии вы знаете?
15. Какую консультативную работу проводит практический психолог на предприятии, в образовательном и медицинском учреждениях?
16. Какие психодиагностические задачи решает практический психолог на предприятии, в образовательном и медицинском учреждениях?
17. Какую коррекционную работу проводит практический психолог в школе и медицинских учреждениях?

Рекомендуемая литература

Алешина Ю. Семейное и индивидуальное психологическое консультирование. — М.: Консорциум «Социальное здоровье семьи»,1993.

Базаров Т. Ю. и др. Методы оценки управленческого персонала государственных и коммерческих структур / Т. Ю. Базаров, Беков Ч. А., Аксенова Е. А. — М.,1995.

Братусь Б. С., Сидоров П. И. Психология, клиника и профилактика раннего алкоголизма. — М.: Изд-во МГУ, 1984. - 145 с.

Ваниорек А. ,Ваниорек Л. Моббинг: когда работа становится адом /Пер. с нем. — М.:АО «Интерэксперт», 1996. - 165 с.

Диагностическая и коррекционная работа школьного психолога: Сборник научных трудов / АПН СССР; Под ред. И. В. Дубровиной. - М.: АПН СССР, 1987. - 178 с.

Дубровина И. В., Акимова М. К. Рабочая книга школьного психолога / Под ред. И. В. Дубровиной. — М.: Просвещение, 1991. — 303 с.

Ждан А. Н. История психологии: От античности до наших дней: Учебник. — М.: Изд-во МГУ, 1990. - 366 с.

Замфир К. Удовлетворенность трудом: Мнение социолога. — М.: Политиздат, 1983. — 142 с.

Лебедев А. Н., Боковиков А. К. Экспериментальная психология в российской рекламе / ИП РАН. — М. Изд. центр «Академия», 1995. — 135 с.

Лебединский В. В. и др. Эмоциональные нарушения в детском возрасте и их коррекция / В. В. Лебединский, О. С. Никольская, Е. Р. Баенская, Н. Либлина. — М.: Изд-во МГУ, 1990. —,196 с.

Марасанов Г. И. Методы моделирования и анализа ситуаций в социально-психологическом тренинге. -М.: Совершенство, 1998.

Морган Ребекка Л. Исскуство продавать: как стать профессионалом. — М.: Консэко: Изд-во «Х. Г. С.» 1994. - 158 с.

Общая психодиагностика / Под ред. А. А. Бодалева, В. В. Столина. — М.: МГУ, 1987. — 303 с.

Петровский А. В., Ярошевский М. Г. История психологии: Учеб. пособ. — М.: РГГУ, 1996. — 445 с.
Рассел Б. История западной философии: В 2 т. — М.: МИФ, 1993. — 954 с.

Рудестам К. Групповая психотерапия / Пер. с англ. А. Голубева. — СПб: Питер, 1998. — 373 с. — (Мастера психологии).

Слободяник А. П. Психотерапия, внушение, гипноз. — Киев: Здоров'я, 1977. — 479 с.

Современная психология: Справочное руководство / Под ред. В. Н. Дружинина. — М.: Инфра-М, 1999. -687 с. - (Справочники «ИНФРА-М»).

Соколова Е. Е. Тринадцать диалогов о психологии: Хрестоматия с комментариями по курсу «Введение психологию». — М.: Изд. центр «Академия», 1995. — 651 с. — (Психология для студентов).

Солсо Р. Л. Когнитивная психология. — М.: Тривола, 1996. — 598 с.

Тобиас Л. Психологическое консультирование и менеджмент: Взгляд клинициста / Пер. с англ. А. И. Сотова. — М.: Класс, 1999. — 148 с. — (Библиотека психологии и психотерапии).

Управление персоналом организации: Энц. словарь / Кибанов А. Я. и др.; Под ред. Кибанова А. Я. — М.: Инфра-М, 1997.-451 с.

Управленческое консультирование: В 2-х т. / Под ред. М. Кубра. — М.: СП «Иптерэксперт», 1992. — 667

Фишер Р., Юри У. Путь к согласию или переговоры без поражения.— М.: Наука, 1990.

Харди И. Врач, сестра, больной: психология работы с больными / Под ред. М. В. Коркина. — Будапеш Изд-во АН Венгрии, 1988. - 338 с.

Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности: Основные положения, исследования и применение / Пер. с анг. С. Меленевской, Д. Викторовой. — 2-е изд., испр. — СПб.: Питер, 1998. — 606 с. — (Мастера психологии).

Цветкова Л. С. Восстановительное обучение при локальных поражениях мозга. — М.: Педагогика, 1972. 271с.

Цепцов В. А. Переговоры: Психология, воздействие, практика / Ран, Ин-т психологии. — М.: ИП РАН 1996. - 134 с.

Швырков В. Б. Введение в объективную психологию: Нейронал. основы психики / РАН, Ин-т психологии. - М.: ИП РАН, 1995. - 164 с.

Шмидт Р. Искусство общения / Пер. с нем. — М.: СП «Интерэксперт», 1992. —77 с. — (Практикум делового человека).

Шульц Д., Шульц С. Э. История современной психологии / Пер. с англ. Говорунов А. В. — СПб.: Евразия, 1998.-526 с.

Глава 3. Биологические основы психики

Краткое содержание главы

Развитие психики в филогенезе. Возникновение психики. Психика и поведение. Типы нервной системы. Формирование органов чувств.

Нейрофизиологические механизмы высшей нервной деятельности. Нейронауки. Строение нейрона. Электроэнцефалография.

Центральная нервная система. Морфология ЦНС. Особенности строения мозга у животных. Мозг человека.

Психофизиологическая проблема.

3.1. Развитие психики в филогенезе

Мир вокруг нас постоянно меняется, и все проявления жизни порождаются взаимодействием сил природы. Живые существа должны уметь адаптироваться (приспосабливаться) к новым условиям. Для

адаптации к непостоянству внешнего мира и возникает психика, которая есть только у достаточно высокоорганизованных живых существ, имеющих нервную систему.

С появлением нервной системы организмы получили возможность быстрой адаптации к изменяющимся условиям среды, что дало преимущества в борьбе за существование. Так, млекопитающие и одноклеточные организмы отделены друг от друга пропастью. Они «видят» окружающий мир слишком по-разному. Амеба в своем окружении выделяет только жизненно необходимые для нее объекты, тогда как психическая реальность млекопитающих несравненно богаче. Появление же в эволюции человека стало началом еще более решительных изменений в отношениях организма со средой и сопровождалось соответствующими изменениями в психике.

По своему содержанию психика — это высшая форма отражения объективной реальности. Некоторые философы, психологи и физиологи до сих пор не решили вопроса, когда появилась психика в эволюции живых существ. Можно ли считать, что живое существо уже наделено психикой, если оно реагирует только на жизненно важные стимулы — например на те, от которых лучше укрыться, потому что они опасны? А. Н. Леонтьев (1972) указывает, что на допсихическом уровне живая материя обладает способностью отражать только жизненно значимые воздействия среды, и эта способность называется *простой раздражимостью*. В ходе эволюции возникает новая форма раздражимости — *чувствительность*. От раздражимости она отличается тем, что живое существо «узнает» о присутствии жизненно важно объекта не через непосредственный контакт с ним, а по определенным признакам — сигнальным раздражениям. Возникновение чувствительности как высшей формы раздражимости и является исходным моментом развития психики.

Психика животных неотделима от их поведения. Если психика — это «внутренний мир», то поведение — это совокупность проявлений внешней, в основном двигательной активности.

Чем активнее живое существо ведет себя, тем богаче для него образ этого мира, потому что психическое формируется на основе этой активности. Первопричина всех психических явлений — поведение, посредством которого осуществляется взаимодействие с окружающей средой. Изучением психики животных и их поведения занимается специальная наука — зоопсихология (Фабри К. Э., 1993).

- **Простая раздражимость – способность отражать только жизненно значимые воздействия среды.**
Чувствительность — способность реагировать на сигнальные раздражения.

Усложнение психики и увеличение приспособительных возможностей прямо связано с развитием в ходе эволюции нервной системы. Существует прямая зависимость между уровнем развития нервной системы живого существа и сложностью его взаимодействия с внешним миром (Гаврилов В., 1997). В опытах рыб и обезьян учили различать геометрические фигуры. Оказалось, что рыбы не хуже, чем обезьяны, могут учиться отличать квадрат от треугольника — они быстро плывут к той картинке, около которой им нужно дернуть за бусинку, чтобы получить награду (корм). Но если экспериментатор изменял цвет геометрической фигуры с черного на красный, то все обучение нужно было начинать сначала. Для рыбы черный и красный квадраты — это совершенно разные фигуры! Для собаки же все квадраты объединены в класс «квадрат», все треугольники — в класс «треугольник». Даже щенок, который едва научился ходить, так же хорошо различает фигуры, как и взрослая собака. Строение мозга у рыбы и собаки отличается весьма существенно — мозг собаки имеет борозды, извилины и кору, мозг рыбы остановился на уровне промежуточных структур (рис. 3-1).

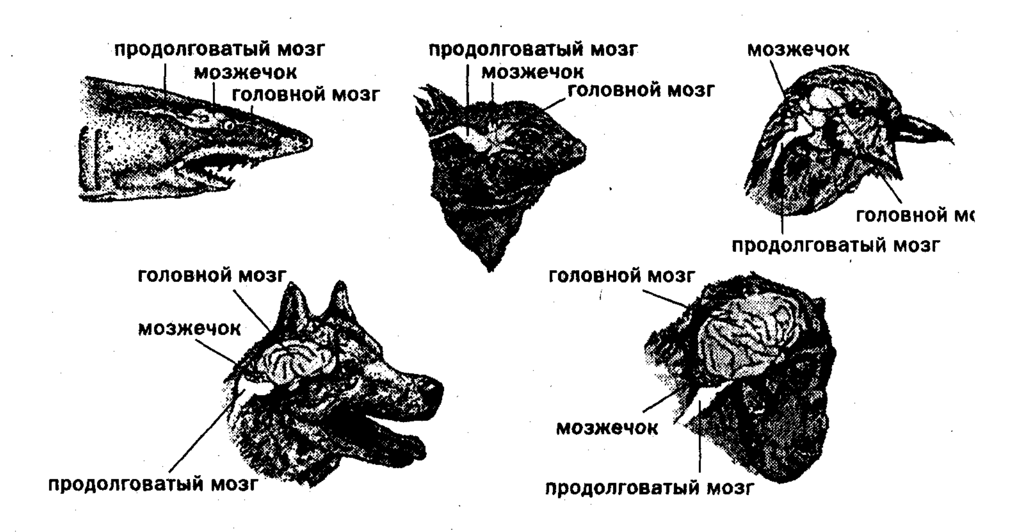

Рис. 3-1. Строение мозга различных животных

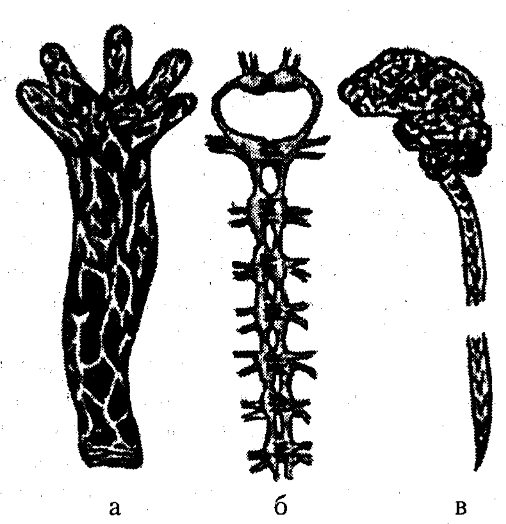

Рис. 3-2. Различные типы нервной системы. Объяснения в тексте

Нервная система прошла в своем развитии путь от сети, волокна которой соединяют чувствительные клетки с сократительной тканью, до сверхсложной структуры мозга современного человеке (Вилли К., 1966). Наиболее древней является сетевидная нервная система (рис 3-2, а). Этот тип нервной системы имеют кишечнополостные животные, например гидра. Возбуждение «разбегается» по нервной системе гидры во всех направлениях. Поэтому реакции ее неточные, как бы приблизительные. Если уколоть ее щупальце иглой, она вся сожмется, тогда как более развитое животное могло бы просто отдернуть щупальце. Сетевидная нервная система обеспечивала ответ живого существа без всяких альтернатив, а более сложный вариант предусматривал «выбор» ответа, потому что связь чувствительных клеток с сократительной тканью происходила через специализированные двигательные клетки. Такова, например, нервная система медузы, у которой в зависимости от локализации раздражения и его силы, по-видимому, возможна и градация ответной реакции.

Более сложная нервная система — узловая (рис. 3-2, б). Нервные узлы располагаются в основном на головном конце тела животного. Узловая нервная система возникает уже у плоских червей. Возбуждение у них передается уже не во все стороны, а в определенном направлении. Это дает выигрыш в быстроте и точности ответных реакций.

И наконец, наиболее сложным уровнем развития нервной системы является мозг — объединение многих слившихся нервных узлов (рис. 3-2, в). У млекопитающих, в особенности у человека, развитие мозга достигает самой высокой ступени (рис. 3-1).

Формирование органов чувств. Мы живем в мире, границы которого определяются возможностями наших органов чувств. Например, существуют звуки, лежащие за пределами возможностей нашего слуха, или же недоступные нашему восприятию запахи и световые лучи. Сенсорные системы человека

сформировались в процессе филогенеза. Чтобы понять особенности их функционирования, рассмотрим эволюцию органов чувств на примере зрения.

Для человека зрение — самое важное чувство, мы даже мыслим зрительными образами и не в состоянии наглядно представить, как можно воспринимать мир на основе звуков, подобно летучей мыши, или запахов, подобно собаке. Причину такой зависимости от зрения, по-видимому, нужно искать в истории происхождения человека.

Реакция на свет обнаружена уже у одноклеточных. На самой ранней стадии развития психики органы чувствительности живых существ постепенно начинают дифференцироваться, обособляться от остальных тканей тела и формировать особые области. Например, у низших животных имеются клетки, служащие чувствительными к свету рецепторами. Они способны различать лишь свет и тьму. Эти клетки могут быть рассеяны по всей коже или группироваться, чаще всего выстилая впадины или углубления, которые дали начало настоящему глазу, создающему изображение. Простейший вид органа зрения мы встречаем у дождевого червя. Весьма вероятно, что фоторецепторы первоначально скрывались в углублениях, потому что там они оказывались защищенными от яркого света, который уменьшал способность улавливать движущую тень, предупреждающую об опасности. По этой причине чувствительность к изменению уровня освещенности была выражена весьма слабо (чувствительность клеток достигается тем, что они содержат зерна светочувствительных пигментов, так что под влиянием изменения светового потока в этих веществах начинают происходить биохимические реакции — они начинают выцветать). Однако даже такой примитивный «глаз» в корне изменяет жизнь живого существа — изменился уровень освещения, значит, во внешнем мире что-то произошло, например, появился враг, от которого упала тень, или же, наоборот, появилась пища, за которой нужно начинать охоту. Иными словами, это — сигнал, и животное должно ответить на него адекватно. Таким образом возникает поведение, которое должно быть эффективным, чтобы выжить. А поведение, как замечательно сказал зоопсихолог Н. Тинберген, эффективно, если оно «возникает в нужный момент и в нужном месте» (Тинберген Н., 1969).

Повсюду в животном мире в основе восприятия света лежит один и тот же процесс — в рецепторах при помощи химической реакции энергия света трансформируется в электрическую. Эффективность работы достигается при помощи различных вспомогательных приспособлений — хрусталика, радужки, зрачка, мышц. Центральный процесс — восприятие света — осуществляется высокоспециализированными клетками, которые называются фоторецепторами. Интересно, что даже внешнее устройство глаза позволяет получать различающиеся по характеристикам качества «картинки». И это на первом этапе создания зрительного образа, когда сетчатка еще не приступила к таинству создания «внутреннего» изображения и работает как фотокамера! Сложнейшие внутренние связи нервных клеток на высших ступенях обработки зрительной информации, по-видимому, создают еще более разнообразные зрительные миры.

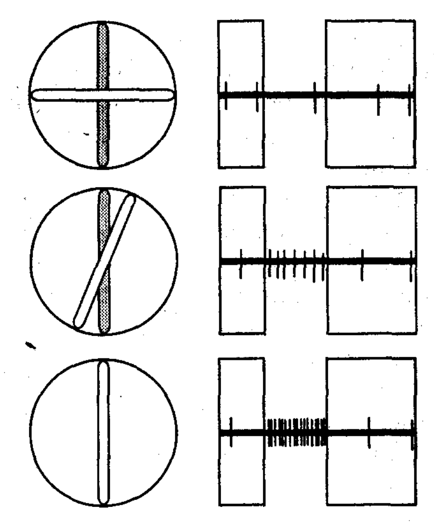

Рис. 3-3. Рецептивное поле коры выделяет линии строго определенного наклона

Эксперименты показывают, что каждый нейрон зрительной системы имеет на сетчатке свое представительство в виде рецептивного поля. Нейроны каждого уровня зрительной системы имеют

характерную структуру рецептивных полей, а таких уровней у высших животных не менее трех: сетчатка, латеральное коленчатое тело (структура среднего мозга) и зрительная кора.

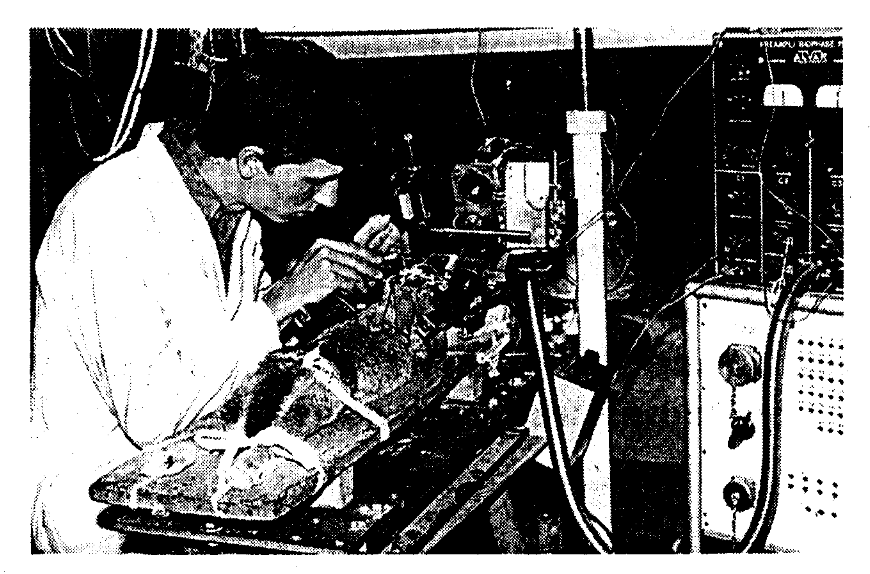

Рис. 3-4. Вживление электродов для регистрации электрической активности отдельных нейронов у кролика (Ю. И. Александров)

Рецептивные поля ганглиозных клеток имеют концентрическую форму и состоят из зон возбуждения и торможения. Кортикальные нейроны «замечают» только темные или светлые полоски, имеющие определенный наклон. Рецепторы сетчатки подключены к клетке коры мозга через множество промежуточных клеток, так что конечная клетка реагирует на элементарное изображение — выделяет его. Д. Хьюбел и Т. Визел ввели в зрительные области головного мозга кошки микроэлектрод диаметром около 0,001 мм. Им удалось обнаружить в зрительной коре нейроны, к которым сходилась информация от многих тысяч фоторецепторов сетчатки (Хьюбел Д., 1990). Эти нейроны имели рецептивные поля, которые получили названия «простые», «сложные» и «сверхсложные». Зрительные объекты (вернее, их элементы), попадающие в рецептивное поле нейрона, вызывают его максимальный ответ в виде нервных импульсов только в том случае, если их характеристики соответствуют «требованиям» нейрона. Например, простые поля адекватны полоскам, имеющим определенный угол наклона и расположение (рис. 3-3). «Сверхсложные» поля выделяют не просто линии, а линии строго определенной длины.

Фактически во всем диапазоне углов наклона линии от 0 ° до 180 ° были обнаружены специфические нейроны, имевшие для идентификации этих линий рецептивные поля с определенной организацией возбудительных и тормозных областей. Например, существуют поля, которые «видят» только горизонтальную линию, движущуюся вверх-вниз, а на вертикальную, гуляющую вправо-влево, не реагируют. Зрительных кортикальных нейронов с рецептивными полями разной сложности насчитываются тысячи, сотни тысяч и миллионы. Их рецептивные поля перекрывают друг друга и позволяют зрительному аппарату с помощью одних и тех же рецепторов оценивать и элементы контура, и яркость, и цвет, причем могут делать это сразу по всему полю зрения. В области наиболее четкой видимости — в центральной ямке сетчатки — сосредоточены поля формы. Ближе к краям — поля яркости и движения, так что даже боковым зрением удается заметить мчащийся автомобиль или вспыхнувший фонарь. Эти рецептивные поля обнаружены у всех млекопитающих, на которых были проведены эксперименты, — у кошек, обезьян, кроликов, сусликов, бурундуков.

Исследователи, изучая рецептивные поля, показывали животным всевозможные линии и кружочки: большие и маленькие, горизонтальные, вертикальные, наклонные, черные, белые и цветные. В зрительной коре всегда отыскивался нейрон, который реагировал только на эту линию и ни на какую другую. Интересно, что клетки настроенных на выделение какой-то определенной линии, можно было обнаружить множество: для этого требовалось продвигать микроэлектрод строго перпендикулярно к поверхности коры, и такие клетки встречались одна за другой. Так в опытах были найдены колонки зрительной коры, которые образованы нейронами, имеющими пустые и сложные рецептивные поля одинаковой ориентации. В дальнейшем обобщение этих результатотв привело к формулированию принципа колонковой организации зрительной коры (Хьюбел Д., 1990). Некоторые нейроны отвечали

только при действии объекта сразу на два глаза — это нейроны бинокулярно управляемые. Часть таких клеток обеспечивает стереоскопическое зрение.

Интересно, что у некоторых существ функцию различения света и темноты выполняет эндокринная железа. Это — перерожденный «третий глаз». У позвоночных этот орган существует только как эпифиз, или шишковидное тело, внутри мозга. Вес эпифиза взрослого человека равен 100-200 мг и по форме напоминает сосновую шишку. С прошлого столетия началось гистологическое изучение эпифиза. Оказалось, многие черты этой железы позволяют считать ее атрофированным органом зрения. В развитом виде третий, или теменной, глаз есть только у ящериц, однако показано, что и у других животных эпифиз реагирует на свет. Если головастика подержать в темноте 30 мин, он резко посветлеет, но если предварительно удалить у него эпифиз, цвет животного не изменится.

Современные исследования дают повод предположить участие эпифиза в биологических часах организма,так как получены данные, демонстрирующие влияние уровня освещенности на его активность (Блум Ф., Лайзерсон Л., Хофстедтер Л., 1988). Например, у птиц восприятие света осуществляется как через глаза, так и прямо через череп именно благодаря эпифизу. (Эпифиз, удаленный у курицы и помещен в чашку Петри, реагирует на изменение освещенности.) Оказывается, в эпифизе исходит превращение серотонина в гормонмелатонин, а это именно то вещество которое связано с учетом времени и световыми циклами.

3.2. Нейрофизиологические механизмы высшей нервной деятельности

Ветвь наук о жизни, связанных с анатомией, физиологией, биохимией, молекулярной биологией нервной ткани и имеющих отношение к поведению и обучению называется нейронаукой. Основные составляющие нейронауки — нейробиология, психофизиология, нейрофизиология.

Нейробиология — общее название науки, занимающейся изучением на многих уровнях (начиная с молекулярного и кончая поведенческим) нервной системы и мозга как ее главного органа. Специалисты в этой области пытаются проникнуть в молекулярные, клеточные, биохимические механизмы нервных процессов. Психофизиология, или психобиология, — область знаний о биологических механизмах психических явлений. Цель ее заключается в том, чтобы понять, как из работы мозга, которая может быть представлена в виде результатов объективных измерений, возникает то, что составляет мир психических явлений. Нейрофизиология изучает тонкие механизмы работы нервных клеток мозга.

Структурной и функциональной единицей мозга является нервная клетка — нейрон. Тела нервных клеток образуют серое вещество мозга, а их отростки, из которых формируются проводящие пути и нервы, — белое вещество. Воздействие раздражителя на рецепторы трансформируется нейронами в электрические процессы. Это — общее правило для любого из органов чувств и для любых сигналов, поступающих извне в нервную систему живого существа: все воздействия из внешнего и внутреннего мира «написаны» языком электрических процессов. Эти процессы могут отражать события разного уровня: например, электрическую активность отдельных нервных клеток, определенных мозговых структур, всего мозга или даже отдельных ионных каналов (микроскопических пор мембраны нейронов (Экклз Дж., 1965)

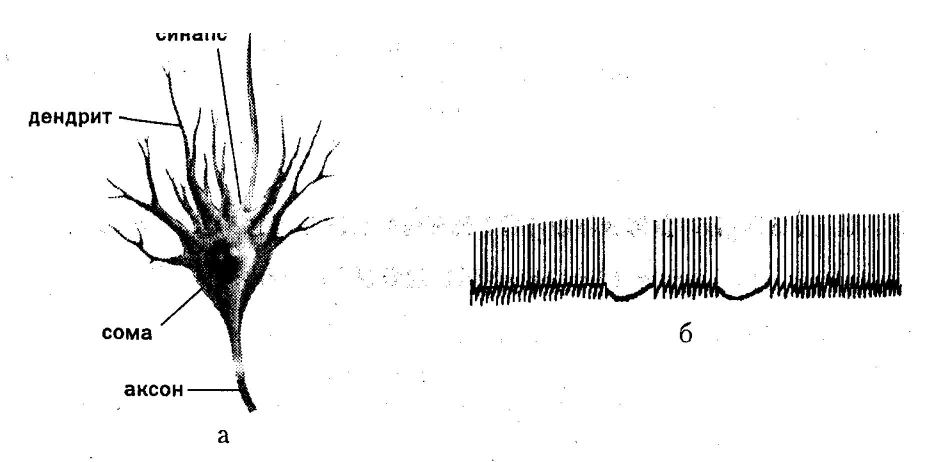

Рис. 3-5. Нейрон и генерируемый им паттерн. Объяснения в тексте

Мозг человека состоит из 10^{12} нервных клеток. Обычная нервная клетка получает информацию от сотен и тысяч других клеток и передает ее сотням и тысячам. Размер их колеблется от 1-2 микрон (фотоэлементы сетчатки) до 1000 микрон (гигантские нейроны моллюсков), цвет — от белого до желтооранжевого и голубоватого. Форма нейронов обычно неправильная, например, бывают клетки, похожие на грецкий орех, что получается из-за складчатости мембраны. Чаще всего нейрон похож на каплю (рис. 3-5, а). Нервные клетки могут иметь много отростков — аксонов и дендритов. По функциональным характеристикам эти отростки различны. Аксоны проводят электрические разряды быстрее (со скоростью до 1,5 м/с) и дальше (до 1,5 м), чем дендриты. Нервная клетка имеет исключительно сложное строение, она является субстратом самых высокоорганизованных физиологических реакций. Нейроны имеют электрический заряд, равный в состоянии покоя примерно -50 милливольт (мВ). Это называется мембранным потенциалом. Нервные клетки могут очень быстро изменять разность потенциалов, измеряемую между внутренним содержимым и внешней поверхностью мембраны, в этом их главное отличие от любой другой клетки тела. При этом возникает электрический разряд — потенциал действия, амплитуда которого достигает 110 мВ в абсолютных единицах, а длительность — одной миллисекунды. Целая серия таких разрядов, разделенных различными временными интервалами, составляет паттерн нейронного разряда (рис. 3-5, б). Генерирование нейроном определенных паттернов и составляет основу кодирования и передачи информации в нервной системе.

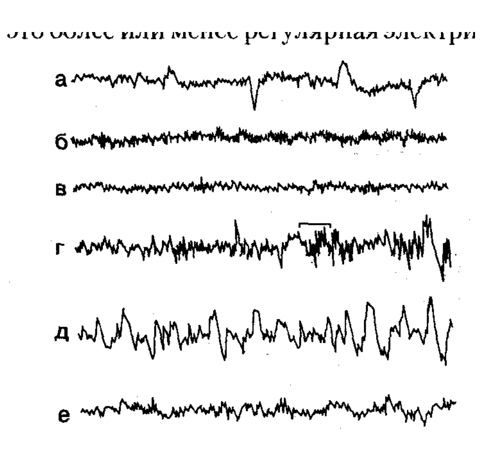

Рис. 3-6. Энцефалограмма человека во время сна

Контакт нейронов друг с другом происходит в синапсах — специализированных структурах. Синапсы могут быть электрическими и химическими. В электрическом синапсе мембраны нервных клеток соприкасаются через специализированный субстрат, улучшающий проведение импульса. В химических синапсах передача сигналов происходит при помощи химического посредника — нейромедиатора. Нейромедиатор выделяется из пресинаптического окончания под влиянием импульсов, пришедших от пресинаптического нейрона. Он «капает» на специальные белковые молекулы — рецепторы, которые дают команду внутриклеточным реакциям, и в результате возникает ответ постсинаптического нейрона.

- **Электроэнцефалография — метод регистрации и анализа электрической активности мозга.**

Для регистрации и анализа электрической активности мозга используется техника электроэнцефалографии (ЭЭГ). Чтобы зарегистрировать электроэнцефалограмму, необходимо на коже головы расположить два электрода. Каждая пара электродов отводит сигнал по одному из нескольких регистрируемых каналов ЭЭГ. Этот сигнал отражает разность потенциалов между процессами, отводимыми двумя электродами. Колебания потенциалов — это проявления спонтанной, или фоновой, активности мозга (рис. 3-6). Исследования, выполненные с использованием регистрации электроэнцефалограммы, показывают, что для бодрствования, сна и промежуточных состояний типичны определенные ритмы мозга (Данилова Н. Н., 1992). ЭЭГ-ритмы также изменяются под влиянием каких-либо внутренних или внешних событий. Альфа-ритм - это более или менее регулярная электрическая активность мозга, частота которой около 10 Герц, особенно ясно выраженная в зрительных отделах мозга. У большинства людей альфа-ритм появляется, когда человек расслабляется и закрывает глаза. Когда человек возбужден или насторожен, альфа-волны замещаются низковольтными нерегулярными быстрыми колебаниями. Это реакции активации-десинхронизации альфа-ритма. Во время сна электрическая активность мозга представлена медленными колебаниями. Нерегулярные медленные волны известны под названием дельта-волн. Например, они могут исходить из области, расположенной поблизости от зоны с каким-либо повреждением. Патологические состояния мозга также отражаются в изменении электроэнцефалограммы. Отсутствие электрических разрядов или развитие патологической активности является серьезным основанием для того, чтобы подозревать болезнь мозга.

Электроэнцефалография используется при исследовании механизмов ритмической активности мозга, поиске структур и элементов, задающих определенный ритм, а также способов синхронизации активности нервных клеток. Другое направление использования ЭЭГ связано с диагностикой функциональных состояний (Данилова Н. Н., 1992).

Применение ЭЭГ в изучении сна позволило показать неоднородность этого исключительно важного состояния для живых существ. Человек спит около трети своей жизни. Зачем организму нужен сон? Самый простой ответ — для отдыха мозга. Но оказывается, во время сна мозг работает порой активнее, чем при бодрствовании. Сон — это особая форма работы мозга.

Опыты с использованием ЭЭГ показали, что сначала регистрируются альфа-волны — и это состояние спокойного бодрствования. Затем начинается стадия сонных «веретен». Мускулы спящего человека расслабляются, пульс замедляется, дыхание становится ровным, в ЭЭГ регистрируются дельта-волны. Такой сон ученые называют медленным. Но вот спящий, не просыпаясь, начинает ворочаться, учащается дыхание, под закрытыми веками заметно быстрое движение глазных яблок. Иногда человек что-то говорит во сне. Это стадия сновидений — быстрый, или парадоксальный, сон. На этой стадии регистрируются быстрые движения глаз, а в ЭЭГ — ритмы, которые характерны для состояния бодрствования. Все стадии сна в ЭЭГ проходят за 60-90 мин, а затем цикл повторяется. За ночь весь блок повторяется 4-6 раз (Шевченко Д. Г., 1997).

У животных при быстром сне, не открываясь, двигаются глаза, а также уши, хвост, подергиваются лапы. У амфибий и рептилий сон еще не разделен на быструю и медленную фазы. У птиц фаза быстрого сна длится всего 5-15 секунд. А у человека, по данным опытов, самое длинное сновидение длилось 2 ч. 23 мин. Когда подопытным кошкам не давали видеть сны, не мешая в то же время спать, в состоянии бодрствования у них возникали галлюцинации, — они могли погнаться за несуществующим предметом. Галлюцинации возникали и у людей. А новорожденные спят исключительно «быстрым» сном. Интересно протекает сон у дельфинов. Оказывается, у них поочередно спит то правое, то левое полушарие мозга. Благодаря этому дельфины не перестают двигаться круглые сутки и могут время от времени всплывать для дыхания.

3.3. Центральная нервная система

Нервная система подразделяется на центральные и периферические отделы (Моренков Э. Д., 1998). Центральная нервная система (ЦНС) представлена головным и спинным мозгом. Она защищена костной тканью черепа и позвоночника и окружена оболочками. Внутри нее находится система

полостей и щелей, получивших название желудочков мозга и заполненных спинномозговой жидкостью. Головной мозг включает стволовые отделы, мозжечок, или малый мозг, а также большой, или конечный, мозг, который присоединяется к стволу посредством переходного отдела — промежуточного мозга. Ствол мозга, в свою очередь, состоит из продолговатого мозга, прилегающего к нему моста и следующего затем среднего мозга. Мозжечок может рассматриваться как дорсальный придаток ствола на уровне моста, вместе с которым он составляет нижний мозг. Промежуточный и конечный мозг являются образованиями переднего мозга; Спинной мозг составляет около 2 % от общего веса мозга, мозжечок — около 10 %, стволовые структуры — немногим менее 6 %. Остальное, т. е. почти $^5/_6$ веса мозга, приходится на конечный мозг. Если рассматривать его сверху, то видны разделенные продольной щелью большие полушария, которые прикрывают другие отделы мозга. Наружная зона полушарий представлена серым веществом — корой, организованной в слоистую структуру. Площадь поверхности коры конечного мозга находится чаще всего в пределах 1000-1200 см^2. Из них лишь около $^1/_3$ находится действительно на поверхности полушарий, а остальное скрыто в глубине многочисленных борозд.

Периферическая нервная система образована черенномозговыми и спинномозговыми нервами, а также сенсорными и вегетативными узлами — ганглиями, представляющими собой скопления нервных клеток, волокон и сопровождающей их ткани.

С функциональной точки зрения выделяют соматическую и вегетативную нервные системы. Последняя состоит из симпатического и парасимпатического отделов, центральные части которых расположены, соответственно, в грудопоясничной области спинного мозга и в стволе (в продолговатом и среднем мозге), а также в крестцовой части спинного мозга.

Строение мозга у животных разных видов неодинаково. У предков млекопитающих, как и у современных рептилий, кора больших полушарий была очень слабо дифференцирована (рис. 3-7). Но на пути от рептилиеподобных предков до современных млекопитающих произошло значительное увеличение коры мозга по сравнению с другими структурами, которые, конечно, тоже подверглись изменениям по размерам, форме, объему (Гаврилов В., 1997). При этом степень увеличения коры мозга отличает приматов от других млекопитающих, а человека — от остальных приматов. Соотношение площади коры мозга у мыши, макаки и человека 1:100:1000, а соотношение объемов коры головного и спинного мозга у крыс и человека — 31:35 и 77:2 соответственно.

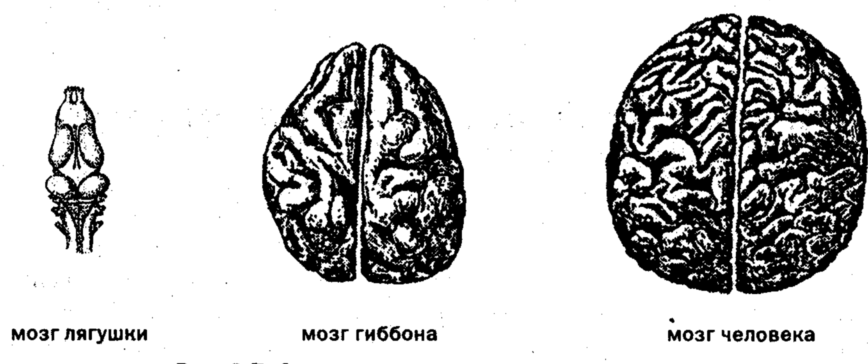

Рис. 3-7. Строение мозга у животных и человека

Сравнивая строение и функции мозга животных и человека, мы можем задать вопрос: в чем же особенность мозга человека? Мы не имеем такого острого зрения, как у орла, не умеем бегать так быстро, как гепард, не умеем летать, как птицы. Но крылья, зоркие глаза, быстрые ноги — это дар природы. Человеку же дано другое, гораздо большее — разум, который восполняет все, недоданное природой. Нет особой зоркости, но есть бинокль, телескоп и микроскоп, нет особой резвости — есть машины и велосипеды, нет крыльев — есть дельтапланы и космические корабли. Разум не только компенсирут отсутствие любых природных приспособлений, но и ускоряет продвижение вперед — от возникновения жизни на Земле до появления крылатых существ прошли сотни миллионов лет, а от возникновения разумного человека до космических полетов значительно меньше (по современным данным, возраст *Homo sapiens* — около 20 000 лет).

Одним из наиболее интересных показателей нервной системы человека является ее изменчивость (Савельев С. В., 1998). В частности, это характерно для головного мозга человека. Он различается у мужчин и женщин, у различных рас, этнических групп и даже внутри одной семьи. Эти различия

весьма устойчивы. Они сохраняются из поколения в поколение и могут быть важной характеристикой изменчивости мозга человека как биологического вида. Вес мозга у новорожденных составляет примерно 350 г, у взрослых мужчин он равен в среднем 1400 г, а у женщин — около 1250 г. Мозг достигает максимального веса между 18 и 30 годами. Удельный вес мозга с сосудами у человека равен приблизительно 1,03. Исследователи собрали колоссальный материал и обнаружили, что каждая раса имеет «свой» средний вес мозга: европеоидная — 1375 г, монголоидная — 1332 г, негроидная — 1244 г, австралоидная — 1185 г (Савельев С. В., 1998). Существует устойчивая весовая и анатомическая разница между мужским и женским мозгом. Вот средние показатели веса мозга в Европе: мужчины — 1375 г, женщины — 1245 г.

Масса головного мозга человека непостоянна. Она меняется на протяжении всей жизни. Сразу после рождения головной мозг постепенно увеличивается. У европейцев начала XX века он достигал максимальной массы к 20-летнему возрасту. Между 20 и 50 годами масса мозга остается постоянной, а после 50 лет начинает постепенно уменьшаться. Это уменьшение составляет примерно 30 г на каждые последующие десять лет жизни. Между 50 и 85—90 годами оно может составлять 100-200 г. В настоящее время наибольшая масса головного мозга у большинства европейских народов и американцев отмечается в 25 лет. Интересно, что у японцев мозг достигает максимальной массы в период от 30 до 40 лет.

3.4. Психофизиологическая проблема

В последние годы благодаря развитию технических средств изучение работы мозга продвигалось исключительно быстро (Безденежных Б. Н., 1997). Исследователям удалось найти методы, с помощью которых можно анализировать взаимодействия различных структур мозга в процессе осуществления определенной психической деятельности. Успехи в понимании принципов работы мозга означают, что некоторые его сложные функции, такие как память и зрение, могут исследоваться ранее недоступными способами. Исследователь не просто выясняет, хорошо ли животное или человек запомнил предъявленный материал, а может анализировать специфическим изменения в работе нервных клеток. Накопленные факты позволяют выдвигать новые гипотезы, которые по-новому трактуют многие механизмы поведения. Но как от этого перейти к психике?

Исследование всего нашего внутреннего мира исторически было отделено от изучения работы мозга естественнонаучными методами. К изучению психического предшествовало два подхода. В первом случае для описания субъективного мира наблюдатель использовал аналогию с собственным внутренним миром, что приводило использованию таких психологических терминов, как воля, цели, чувства, разум. Но это не приводило к пониманию реально существующих материальных механизмов психических явлений. Другой подход использовал исключительно естественонаучные методы и понятия, и это приводило к тому, что исчезал феномен психического: если память рассматривается в контексте пластичности нейронных ответов, биофизических и биохимических реакций, то нет сомнений в ценности таких наблюдений; но как от физических величин и химических реакции перейти к миру психических явлений? Это и есть психофизиологическая проблема, или, в старинной терминологии, проблема взаимоотношения тела и души. Она является пробным камнем для состояния естествознания и философского обобщения. Среди имеющихся решений проблемы наиболее перспективна идея, что психическое и физиологическое - это две сущности одного и того же системного процесса (Александров Ю. И., 1997)

Вопросы для повторения

1. Что такое нейронаука?
2. Какая существует связь между нейрофизиологией и психологией?
3. Чем по своей сути является психика?
4. Есть ли психика у вирусов и растений?
5. Чем раздражимость отличается от чувствительности?
6. Почему психика появляется с чувствительностью?
7. Что такое сигнальная функция?
8. Расскажите об эволюции сенсорных систем на примере зрения.
9. Что такое зрительные рецептивные поля?

10. Что такое эпифиз и каковы его функции?
11. Зачем нужна нервная система?
12. Перечислите основные отделы ЦНС.
13. Что такое периферическая нервная система, соматическая, вегетативная?
14. Каково соотношение площади коры головного и спинного мозга у разных позвоночных животных?
15. Что такое нейрон и чем он отличается от других клеток тела?
16. Что такое нейромедиатор?
17. Чем отличается электрический синапс от химического?
18. В чем суть психофизиологической проблемы?

Рекомендуемая литература

Александров Ю. И. Системная психофизиология // Основы психофизиологии: Учебник /Ю. И. Александров, Д. Г. Шевченко, И. О. Александров; Отв. ред. Ю. И. Александров. — М.: Инфра-М. — 1997. — С. 266-313.

Безденежных Б. Н. Методы психофизиологических исследований // Основы психофизиологии: учеб. пособ. / Отв. ред. Ю. И. Александров. - М.: Изд. дом «Инфра-М», 1997. - 430 с. - С. 24-40

Блум Ф. и др. Мозг, разум, поведение / Пер. с англ.; Ф. Блум, А. Лайзерсон, Л. Хофстедтер. — М.: Мир, 1988.-246 с.

Вилли К. Биология / Пер. с англ. Н. Н. Баевской. — М.: Мир, 1966. — 685 с.

Гаврилов В. Сравнительная психофизиология // Основы психофизиологии: Учеб. пособ. / Отв. ред. Ю. И. Александров. - М.: Изд. дом «Инфра-М», 1997. - 430 с. - С. 384-396:

Гэйто Дж. Молекулярная психобиология. — М.: Мир, 1969.

Данилова Н. Н. Психофизиологическая диагностика функциональных состояний. — М.: Изд-во МГУ, 1992.-192 с.

Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. — М.: Изд-во МГУ, 1972. — 575 с.

Моренков Э. Д. Общий обзор строений центральной нервной системы // Хрестоматия по анатомии центральной нервной системы. — М.: Российское Психологическое Общество, 1998. — С. 6-10.

Рэфф Р., Кофмен Т. Эмбрионы, гены и эволюция. — М.: Мир, 1986.

Савельев С. В. Изменчивость мозга // Хрестоматия по анатомии центральной нервной системы / Российское Психологическое Общество. — М.: Изд-во РПО, 1998.

Тинберген Н. Поведение животных / Пер. с англ. Орлова А. — М.: Мир, 1969. — 192 с.

Фабри К. Э.Зоопсихология. -М.: Изд. МГУ, 1993. - 334 с.

Хьюбел Д. Глаз, мозг, зрение. — М.: Мир, 1990. — 239 с.

Швырков В. Б. Введение в объективную психологию: Нейронал. основы психики / РАН, Ин-т психологии. - М.: ИП РАН, 1995. - 164 с.

Шевченко Д. Г. Сон и сновидения // Основы психофизиологии: Учебник / Ю. И. Александров, Д. Г. Шевченко, И. О. Александров; Отв. ред. Ю. И. Александров. — М.: Инфра-М, 1997. — 430 с, — С. 244-264. — (Высшее образование).

Экклс Дж. Физиология синапсов / Под. ред. П. К. Анохина. — М.: Мир, 1966. — 395 с.

Глава 4. Природная и социальная детерминация психического развития

Краткое содержание главы

Основные подходы к проблеме биологического и социального в психологии. Типологический подход. Концепция индивидуальности. Психогенетический подход. Взаимодействие генотипа и среды.

Изучение различающихся групп. Социобиология. Факторы развития когнитивной сферы.

Механизмы адаптации. Сензитивные периоды развития. Подражание. Научение. Социальное

научение.

4.1. Основные подходы к проблеме биологического и социального в психологии

Первоначально вопрос о детерминации развития человека был поставлен в философии. Традиционно выделяют биологические и социальные факторы развития человека как вида (антропогенез) и индивида (онтогенез).

Действительно, с одной стороны, такие процессы, как дыхание, питание, размножение, ставят человека в один ряд с другими представителями царства животных и являются биологическими (природными, врожденными). С другой стороны, речь, промышленность, сложные общественные процессы, абстрактное мышление принципиальным образом отличают нас от всех остальных живых существ. Естественно, ученые давно задумались над вопросом об отнесении человека к какой-либо из существующих категорий. Биолог скажет, что человек — всего лишь один из представителей отряда приматов. Философ возмутится такой постановкой вопроса и потребует, чтобы биолог научил самую умную обезьяну, например, разговаривать. Примерно таким образом на протяжении нескольких последних столетий спорили друг с другом представители двух непримиримых направлений в науке —«биологизаторы» и «социологизаторы».

У истоков этих двух направлений в науке стояли, соответственно, французский философ Р. Декарт и его английский коллега и оппонент Дж. Локк. Первый сформулировал положение, в соответствии с которым человек появляется на свет с врожденными идеями, которые являются источником подлинного знания. Второй стремился доказать, что душа ребенка подобна «чистой доске», следовательно, в развитии человека решающую роль играет воспитание.

- **Антропогенез - развитие человека как вида.**

На первый взгляд, может показаться, что обсуждаемая проблема носит чисто умозрительный, теоретический характер. Однако во все времена в жизни любого человека биологические особенности имели огромное значение. Достаточно вспомнить хотя бы жесткий отбор новорожденных в древней Спарте. Не меньшую роль играли биологические особенности и в истории человечества, в целом — подавляющее большинство войн носило национальный, а значит в немалой степени биологический характер. В основе расовой дискриминации в Америке, ЮАР, Австралии опять же лежали биологические признаки. С развитием цивилизации более важную роль начинают играть социальные признаки. Это может проявляться, например, в жесткой обусловленности жизненного пути ребенка социальным статусом его родителей.

Только в прошлом веке началось интенсивное изучение индивидуальных особенностей человека, что в основном было связано с развитием промышленности и науки. Знания, накопленные в этой области, стали использоваться в общественной практике. Были разработаны системы профессионального отбора, основанные па индивидуальных особенностях. А в США чрезмерное увлечение идеями измерения интеллекта (IQ) привело к тому, что в 1924-1972 гг. по решению Верховного суда 7501 граждан этой страны с низкими показателями IQ были подвергнуты принудительной стерилизации. Таким образом, вопрос о биологических и социальных факторах формирования психики имеет не только научное, но и практическое значение.

Сама постановка проблемы «биологическое—социальное» в науке основывается на очевидном сочетании в каждом человеке большого количества свойств, одни и которых традиционно изучаются биологическими дисциплинами (генетика, физиология, антропология и т. д.), другие же описываются в терминах гуманитарных наук (философия, психология, социология и др.). При этом представители различных областей знания используют для анализа проблемы специфическую терминологию рассматривают основной объект — человека — в разных аспектах.

Психология полностью унаследовала отмеченную философскую традицию, правда основные споры велись и ведутся вокруг проблем, формулируемых как «соматическое (телесное) — психическое», «врожденное—приобретенное» и «генотипическое-средовое». В психологии первые труды, посвященные соотношению биологических и социальных факторов развития, появились более двух тысяч лет назад.

Типологический подход. Наиболее ранними работами, посвященными в психоло гни обсуждаемой

проблеме, можно считать наблюдения античных авторов (Гиппократ, Гален, Теофраст), позже оформившихся в физиогномику — учение о необходимой связи между внешним обликом человека и его характером. Именно с физиогномикой были связаны античные теории о зависимости телесного и психического склада индивида и народа от климатических условий, а также учение о темпераменте.

- **Физиогномика – учение о связи между внешним обликом человека и его характером.**

Эта традиция была продолжена в прошлом веке итальянским психиатром и антропологом Чезаре Ломброзо (1835-1909), выдвинувшим предположение о наличии анатомо-физизиологических признаков, предопределяющих совершение преступления. Им была разработана «таблица признаков» прирожденного преступника (сплющенный нос, низкий лоб, редкая борода, большие челюсти, высокие скулы и т. д.).

В нашем столетии выдающийся немецкий психиатр Эрнст Кречмер (1888-1964) обратил внимание на то, что двум группам психиатрических заболеваний — маниакально-депрессивному психозу и шизофрении — соответствуют два основных телосложения.

Так, люди, страдающие маниакально-депрессивными психозами, характеризуются пикническим телосложением, характеризующимся округлостью форм, относительно небольшой длиной конечностей, слаборазвитой мускулатурой, значительной жировой прослойкой, «бочкообразной» формой тела. У пикников широкое лицо со слабо очерченным профилем.

Шизофреники же, как правило, имеют астеническое (лептосомное) телосложение, которое отличают узкая грудная клетка и плечи, цилиндрическая форма тела, относительно длинные конечности, тонкий скелет. Лицо у астеников имеет яйцеобразную форму и угловой профиль.

Несколько позже Кречмер выделил еще один (промежуточный) тип конституции - атлетический. У атлетов широкие плечи и узкий таз, что придает телу форму трапеции, хорошо развитая мускулатура, незначительная жировая прослойка. Лицо атлетов, как правило, имеет квадратную или прямоугольную форму. Представители типа телосложения в одинаковой степени подвержены и маниакально-депресси психозам, и шизофрении (рис. 4-1).

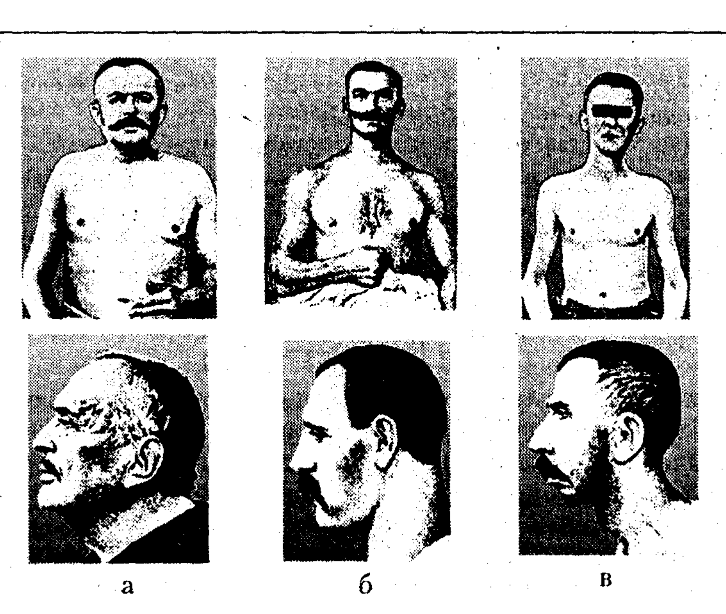

Рис. 4-1. Типы конституции по Э. Кречмеру: а) пикнический; б) атлетический; в) астенический

Распространяя свою типологию на здоровых людей, Кречмер подчеркивал, что принадлежность к тому или иному конституционалыюму типу вовсе не означает фатальную предрасположенность к психическому заболеванию. По мнению Кречмера, те же телесные (биологические) особенности, которые в клинике определяют форму заболевания, в случае нормальных людей связаны со склонностью к различным типам эмоциональных переживаний. Далее автор вводит понятие двух базовых типов темперамента — шизотимическнй (свойственный астеникам) и циклотимический (характерный для пикников). Помимо этого, выделяется и «смешанный» тип темперамента (атлетическое телосложение). Подчеркивая наследственную обусловленность выделяемых особенностей, Кречмер описывает основные «самые частые и постоянно возвращающиеся» признаки темпераментов.

Шизотимический тип:

- необщительный, тихий, сдержанный, серьезный (лишенный юмора), чудаковатый;
- застенчивый, боязливый, тонко чувствующий, сентиментальный, нервный, возбужденный (друг книги и природы);
- послушный, добродушный, честный, равнодушный, тупой, глупый.

Циклотимический тип:

- общительный, добросердечный, ласковый, душевный;
- веселый, юмористичный, живой, горячий;
- тихий, спокойный, впечатлительный, мягкий.

Концепция сомато-психологических типов, предложенная Кречмером, привлекла много сторонников из среды медиков, психиатров и психологов в разных странах. Однако эмпирический материал, собранный последователями Кречмера на более представительных выборках, продемонстрировал низкий уровень связи между типом телосложения и особенностями эмоциональной сферы (такой же результат был получен при проверке предположения Ломброзо), что поставило под вопрос сам принцип переноса закономерностей, полученных в психиатрической клинике, на здоровую часть популяции. Однако подход, использованный Кречмером, впоследствии неоднократно применялся психологами при разработке различных моделей личности.

На тех же позициях биологического детерминизма стояли такие известные психологи нашего столетия, как 3. Фрейд, К. Юнг, Г. Айзенк и др.

Многочисленные острые дискуссии с представителями биологического направления в психологии велись представителями различных психологических школ (бихевиоризм, культурно-исторический подход и т. д.), настаивавшими на ведущей роли обучения, воспитания и других социальных факторов в развитии психики. В ходе этих дискуссий формировалось представление о человеке как сложной системе, обладающей и биологическими, и социальными свойствами.

Концепция индивидуальности. Еще один подход к проблеме биологического и социального последовательно разрабатывался в отечественной психологии Б. Г. Ананьевым и его последователями в рамках концепции индивидуальности. В одной из своих основных работ «Человек как предмет познания» Ананьев так определяет индивидуальность: «Единичный человек как индивидуальность может быть понят лишь как единство и взаимосвязь его свойств как личности и субъекта деятельности, в структуре которых функционируют природные свойства человека как индивида» (Ананьев Б. Г., 1980, т. 1, с. 178). Для наглядности приведем предложенную Ананьевым схему, которая отражает организацию характеристик человека и способы развития его свойств (рис.4-2).

Один из последователей Ананьева, В. С. Мерлин, развивая теорию интегральной индивидуальности, выделял следующие ее системы и подсистемы.

1. Система индивидуальных свойств организма:

-биохимические;

- общесоматические;

-свойства нервной системы (нейродинамические).

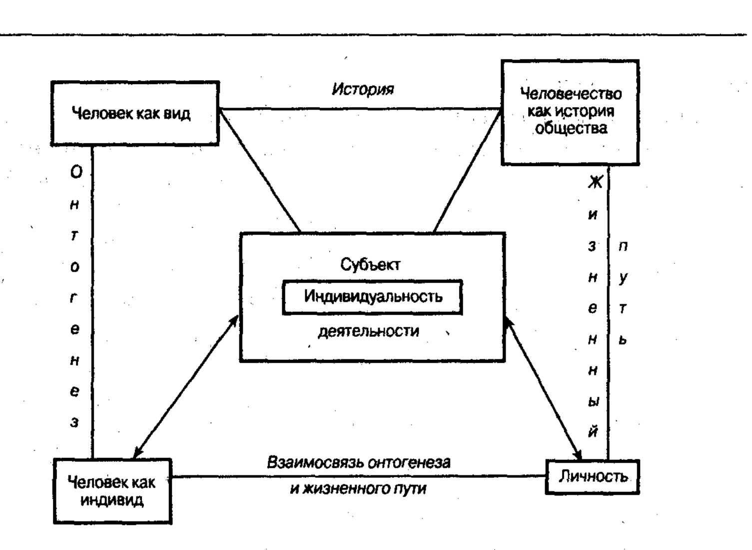

Рис. 4-2. Общая структура человека и взаимосвязи развития его свойств по Б. Г. Ананьеву

2. Система индивидуальных психических свойств:
- психодинамические (свойства темперамента);
- психические свойства личности.

3. Система социально-психологических индивидуальных свойств:
- социальные роли в социальной группе и коллективе;
- социальные роли в социально-исторических общностях.

Таким образом, в ходе развития психологического знания было сформировано понимание индивидуальности как интегральной характеристики человека, подразумевающей иерархическое соотношение его свойств: индивид —> субъект деятельности —> личность —> индивидуальность.

Наряду с этим термин «индивидуальность» используется и в значении «уникальность, неповторимость, индивидуальные особенности». Именно такой аспект рассмотрения индивидуальности характерен для двух психологических дисциплин дифференциальной психологии и психогенетики, общим предметом которых являются источники индивидуальных различий. К обсуждаемой проблеме большее отношение имеет вторая из названных дисциплин, а терминологический аппарат и результаты исследований в области дифференциальной психологии будут более подробно рассмотрены в разделе, посвященном индивидуальным различиям.

Психогенетический подход. В психогенетических исследованиях рассматривается один из аспектов общей проблемы «биологическое— социальное», который может быть обозначен как «генотипическое —средовое»; под генотипом понимается набор генов индивида, понятие «среда» включает в себя все факторы негенетической природы, влияющие на индивида.

Психогенетика (в англоязычной литературе традиционно используется название behavioral genetics — «генетика поведения») сформировалась как междисциплинарная область знаний, в качестве предмета которой выступают наследственные и средовые детерминанты вариативности психологических и психофизиологических функций человека. На современном этапе развития большинство психогенетических исследований нацелено как на определение относительного вклада генетических и средовых факторов в формирование индивидуально-психологических различий, так и на изучение возможных механизмов, опосредующих генетические и средовые влияния на формирование разноуровневых свойств психики.

- **Генотип - набор генов индивида.**

Основными методами современных психогенетических исследований являются близнецовый метод, метод приемных детей и семейный метод.

Близнецовый метод основан на сопоставлении двух типов близнецов:
- монозиготные (МЗ) — развившиеся из одной яйцеклетки — имеют идентичный набор генов;
- дизиготные (ДЗ) — развившиеся из двух и более яйцеклеток — имеют в среднем 50% общих генов (от 25 % до 75 %), то есть не отличаются от родных братьев и сестер. Основными допущениями близнецового метода являются:
- одинаковость средовых влияний для партнеров в парах МЗ и ДЗ близнецов;
- отсутствие систематических различий между близнецами и одиночно рожденными детьми.

Существует несколько разновидностей близнецового метода: классический близнецовый метод, метод контрольного близнеца, метод разлученных близнецов, лонгитюдное исследование близнецов, метод близнецовых семей и т. д.

Применение этого метода связано с рядом ограничений, основным из которых является специфичность близнецов как части популяции — они характеризуются уникальной средой пренатального развития, влияющей на последующее соматическое и психическое развитие. В связи с этим фактом возникает та же ситуация, что и при переносе закономерностей, выявленных в клинике, на нормальную популяцию.

Помимо этого, существует неравенство средовых влияний для членов близнецовых пар, источником которого может быть, например, разделение ролей в близнецовых парах. В крайних случаях отношения между близнецами могут носить либо остро конкурентный характер, что приводит к появлению «эффекта контраста», значительно снижающего показатели конкордантности; с другой стороны, пара может «замкнуться», при этом близнецы ориентируются друг на друга, все делают подчеркнуто одинаково. В последнем случае мы имеем дело с «эффектом ассимиляции», значительно повышающим внутрипарное сходство. Как правило, эти два эффекта в большей степени свойственны двум разным

видам близнецов: первый, «эффект контраста», чаще встречается у дизиготных близнецов, второй — у монозиготных.

Рис. 4-3. Монозиготные близнецы в возрасте 1, 5, 15 и 50 лет

Рис. 4-4. Монозиготные близнецы, выросшие врозь

Применение семейного метода, во-первых, позволяет осуществить сравнение родственников, принадлежащих к одному поколению:

- братьев и сестер, родившихся в одной семье (сибсы);
- детей, имеющих одну мать, но разных отцов, или наоборот (полусибсы);
- двоюродных братьев и сестер,

Во-вторых, этот метод позволяет сравнивать родственников, принадлежащих разным поколениям:

- родителей и детей;
- бабушек (дедушек) и внуков;
- тетей (дядей) и племянников.

В-третьих, с помощью этого метода можно сравнивать супругов, что позволяет получить показатели неслучайного характера брачного выбора (в психогенетике явление называется ассортативностью по психологическим особенностям).

Данный метод также не лишен изъянов — как правило, более генетически близкие родственники имеют и более сходную среду (например, живут в одном доме). Отсюда следует, что генетические и средовые влияния коррелируют между собой. Помимо этого, в семейных исследованиях достаточно актуальна проблема возрастных различий психологических характеристик.

Метод приемных детей, обладая наибольшей дифференцирующей силой, делает разведение генетических и средовых влияний наиболее строгим. При использовании этого метода возможны сопоставления:

- усыновленных детей и их биологических родителей;
- усыновленных детей и их приемных родителей;
- детей-неродственников из одной семьи.

К основным ограничениям этого метода относятся: невозможность проведения исследований в странах с законодательным закреплением тайны усыновления (например, в России); специфичность выборки родителей-отказников и неслучайный характер усыновления по показателям социально-экономического статуса биологических родителей и родителей-усыновителей.

Помимо названных, в психогенетике используются метод анализа родословной или генеалогический метод, и анализ сцепления, позволяющий определить положение генов на хромосоме. В конкретном исследовании возможно применение сочетания нескольких методов.

Результаты психогенетических исследований. Традиционным объектом изучения психогенетнки являются характеристики когнитивной сферы. В настоящее время специалисты в области психогенетики познавательных способностей констатируют, что результаты большинства надежных

измерении интеллекта позволяют говорить о 50-60 % уровне наследуемости фактора общих способностей, хотя в ряде работ (выполненных на взрослых близнецовых выборках) получены более высокие оценки. Так, по итогам близнецовых исследований, проведенных в последние два десятилетия, была получена простая генетическая модель детерминации интеллекта, в которую вошли следующие основные составляющие фенотипической дисперсии общих способностей:

- аддитивная наследуемость — 51 % дисперсии интеллекта;
- общая среда (социально-экономический статус семьи, общие интересы членов семьи, не различающиеся занятия и увлечения) — от 11 до 35 %;
- различающаяся среда—от 14 до 38%.

При этом отмечается, что основной интерес на современном этапе развития проблемы представляет детальный анализ взаимодействия генетических и средовых факторов и влияние этого взаимодействия на формирование общих и специальных способностей.

Дополнительная трудность при определении относительного вклада наследуемости и воспитания в формирование интеллектуальных способностей заключается в том, что более интеллектуально развитые родители, как правило, занимают в обществе более высокое положение и дают своим детям более качественное воспитание. Наиболее полно эта проблема решается в исследованиях приемных и родных детей. Рассмотрим результаты одного из таких исследований, проведенных К. Штерном на группе детей, взятых на усыновление из детских домов штата Миннесота.

Т а б л и ц а 4.1

Средние значения IQ у приемных и родных детей в зависимости от профессии их отцов

Профессия отца	Приемные дети		Родные дети	
	Количество	IQ	Количество	IQ
Инженеры, врачи и т. п.	43	112,6	40	118,6
Бизнесмены, менеджеры и т. п.	38	111,6	42	117,6
Высококвалифицированные рабочие и служащие	44	110,6	43	106,9
Рабочие средней квалификации	45	109,4	46	101,1
Неквалифицированные рабочие	24	107,8	23	102,1

Нетрудно заметить, что между IQ ребенка и профессией его родного отца имеется более жесткая связь, чем в случае приемных детей и их усыновителей. По результатам этого и многих других аналогичных исследований можно прийти к заключению, что, с одной стороны, умственные способности ребенка в большой степени определяются генами, унаследованными им от родителей, с другой стороны, существенное влияние на развитие способностей оказывают средовые факторы.

Таблица 4.2

Оценки влияния наследственных и средовых факторов на интеллект

Возраст	Наследуемость	Общая среда	Различающаяся среда
6 месяцев	0,06	0,69	0,25
9 месяцев	0,32	0,35	0,33
12 месяцев	0,10	0,58	0,32
18 месяцев	0,34	0,48	0,18
24 месяца	0,16	0,65	0,19
30 месяцев	0,40	0,45	0,15

3 года	0,18	0,60	0,12
4 года	0,24	0,59	0,17
5 лет	0,38	0,19	0,15
6 лет	0,54	0,47	0,14
7 лет	0,54	0,32	0,14
8 лет	0,34	0,49	0,17
9 лет	0,36	0,49	0,17
15 лет	0,68	0,20	0,12

Особый интерес представляют данные о возрастной динамике влияния генетических и средовых факторов на дисперсию показателей интеллекта. Такие данные были получены в ходе лонгитюдного Луисвильского проекта (Mathney A. P., Wilson R.S. Dolan A.,Krntz J,1981).

Приведенные в таблице данные наглядно свидетельствуют об увеличении с возрастом роли генотипа в детерминации интеллекта, при этом обращает на себя внимание снижение удельного веса различающихся (случайных) средовых воздействий относительное постоянство влияний семейной среды.

Несколько иные результаты были получены в ходе психогеиетических исследований личности. В ряде обзорных работ, вышедших в последние годы (Eaves L.J. Eysenck H.J., 1989), выделяются два основных аспекта выполненных исследований.

Первый, традиционный, связан с тем, что мы вообще знаем об относительном вкладе генетических и средовых факторов в формирование личности. Например, исследование наиболее распространенной в современных исследованиях пятифакторной модели личности (BigFive), предпринятое Дж. Лоелином (Loehlin J. C., 1992), приводит к следующим основным выводам: аддитивный генетический компонент определяет от 22 до 46% фенотипической дисперсии личностных характеристик; общесемейный средовой компонент играет меньшую роль и детерминирует 0-изменчивости; смешанный третий фактор, включающий неаддитивные генетические или специфические средовые эффекты, характерные для монозиготных находится в пределах 11-19 %. Остальные 44-55 % вариации могут быть предположительно обусловлены различными сочетаниями специфических средовых факторов, генеотип - средовым взаимодействием и ошибкой измерений.

Второй из отмечаемых авторами аспектов связан с возрастными изменениями во внутрипарном сходстве близнецов. В целом ряде работ показано монотонное снижение внутриклассовых корреляций у моно- и дизиготных близнецов по личностным характеристикам с возрастом. Вероятнее всего, такие изменения могут быть объяснены повышением роли индивидуального опыта.

Достаточно интересны данные психогенетических исследований асоциального поведения. В исследовании Д. Розенталя (Rosental D., 1970) применялся классический близнецовый метод. Автор обследовал МЗ и ДЗ близнецов, братья и сестры которых отбывали заключение. Оказалось, что среди взрослых преступнннков, в расчете на 100 человек, у монозиготных — 71, а у дизиготных - 34 партнера по паре также совершали преступления. Для малолетних преступников эти числа оказались равны 85 и 75 соответственно.

Безусловно, в каждом конкретном случае свою роль играют и средовые факторы (плохие домашние условия, бедность, отсутствие родителей, конфликты в школе и на улице и множество других), однако важными для совершения или несовершения преступления факторами наследственного характера являются следующие:

- для многих преступников характерны низкие значения IQ;

- у несовершеннолетних преступников и правонарушителей отклонения от нормы в

электроэнцефалограмме встречаются чаще, чем в среднем по популяции;

- до 60 % несовершеннолетних правонарушителей характеризуются атлетическим телосложением, что может провоцировать склонность к выражению своего недовольства в физических действиях;
- у преступников чаще, чем в среднем по популяции, обнаруживаются хромосомные аномалии.

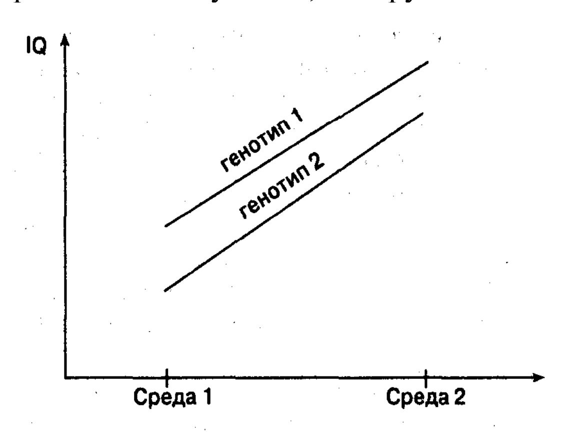

Рис. 4-5. Взаимодействие генотипа и среды

Таким образом, уже упоминавшаяся теория Ломброзо получила частичное подтверждение в более поздних исследованиях, однако взаимосвязи врожденных особенностей с асоциальным поведением оказались намного сложнее, чем изначально предполагалось.

Необходимо обратить внимание на то; что результаты психогенетических исследований носят статистический характер и отражают закономерности фенотипической изменчивости популяции, их перенос на развитие конкретного фенотипа неправомерен. Это означает, что при переходе к конкретному индивиду, отдельной семье, они обладают лишь вероятностной ценностью, позволяющей составить прогноз наиболее вероятного уровня выраженности той или иной психологической характеристики у потомства в зависимости от тех особенностей родителей, генетическая обусловленность которых доказана.

Взаимодействие генотипа и среды. Основной вывод из результатов большинства психогенетических исследований может быть сформулирован следующим образом: в психическом развитии ведущую роль играет взаимодействие генотипа и среды. Примером такого взаимодействия может служить обучение детей с разными генетическими задатками в обычной школе (среда 1) и в гимназии с углубленным изучением предметов (среда 2). Графически эффект взаимодействия генотипов с разными средовыми условиями представлен на рис. 4-5.

Изучение результатов взаимодействия разных генотипов с различными средовыми условиями приводит к выводу, что существует некая норма реакции — свойственный данному генотипу характер реакции на изменения условий среды, определяющий пределы изменения фенотипического признака.

Различают три вида генотип-средового взаимодействия:

1) пассивное, которое не предполагает целенаправленных действий со стороны индивида (например, ребенок эмоционально нестабильных родителей получает и гены, и семейную среду, способствующие развитию у него нейротизма);

2) реактивное, имеющее место в том случае, когда среда «подстраивается» под генотип (например, если часто плачущий ребенок получает положительное подкрепление — игрушки, сладости, — то такая форма поведения закрепляется);

3) активное, которое выражается в целенаправленных действиях индивида, связанных с поиском или созданием среды, способствующей реализации генотипа в фенотипе.

Поскольку в психологии нет возможности экспериментировать с объектом изучения как, например, в физике или сельскохозяйственной генетике, ценность результатов психогенетических исследований для понимания процесса психического развития определяется специфической процедурой получения данных в генетике поведения. Психогенетика пользуется естественными «экспериментальными» ассоциациями (близнецы, приемные дети и др.). Это один из немногих подходов, который позволяет «контролировать» традиционно неконтролируемую переменную психологического исследования — переменную испытуемого — так, в случае монозиготных близнецов идентичность генотипа обеспечивает абсолютное равенство испытуемых по критерию наследственности.

4.2. Изучение различающихся групп

В других работах, выполненных по плану корреляционного исследования, или методом сравнения контрастных групп, равенство изучаемых объектов достигается за счет увеличения количества испытуемых до нескольких тысяч человек. Основной прием, используемый в данном случае, — выделение групп людей, различающихся по одному или нескольким признакам биологического или социального характера. Часто в таких работах используются данные, полученные в ходе переписей населения, социальньно-демографические переменные, просто физические характеристики людей и т. д.

Огромное количество эмпирических данных, собранных с помощью названных методов, накоплено в настоящее время в достаточно молодой области знания - социобиологии — науке, объясняющей все феномены поведения человека (в том числе и социального) с биологических позиций.

- **Социобиология —наука, объясняющая все феномены поведения человека с биологических позиций.**

Одним из классических примеров социобиологических исследований является изучение связи между ростом человека (данный параметр характеризуется в социобиологии человека как «статусный сигнал») и его поведенческими особенностями. В этом направлении собран обширный материал, свидетельствующий о связи абсолютной длины тела с более высоким статусом как отдельного индивида, так и народностей в целом. Так, в исследованиях, проведенных в Питтсбургском университете, было показано, что выпускники выше 185 см имеют доход на 12,5 % больше, чем их однокурсники с ростом менее 180 см. В исследовании английского социолога Сорокина эти данные были дополнены: при росте выше 195 см доходы выпускников университетов опять снижаются.

Для подтверждения верности своего подхода социобиологи привлекают и данные этнографии — высокорослые, но малочисленные представители народностей фулани и массаи руководят низкорослыми племенами в Восточной Африке.

Приведенные примеры демонстрируют одну из крайних точек зрения. В психологии подобные планы исследований использовались в 1950-1960-е гг. В настоящее время трудно найти психолога, который бы говорил о преобладающем влиянии на психическое развитие какого-либо изолированного фактора. Современные дифференциально-психологические исследования направлены на более детальный анализ влияния биологических и социальных факторов на разные стороны психического развития.

Специальный анализ факторов развития когнитивной сферы был предпринят в работе английского психолога Маски-Тейлора (Mascie-Taylor C. G., 1992), посвященной рассмотрению социальных, биологических и генетических факторов, определяющих индивидуальные различия в познавательных способностях. Отличительной особенностью данной работы является то, что автор не просто дает описание факторов, влияющих на формирование индивидуально-психологических различий (таких работ более чем достаточно), но показывает потенциальную неоднозначность их интерпретации в психогенетических исследованиях.

Первый фактор, домашняя среда, являясь традиционным для психогенетических исследований, отличается крайней неоднородностью. Так, к домашним условиям относятся: населенность квартиры; проживание в собственном/арендуемом доме (квартире); размер семьи; порядок рождения. Отмечая неоднородность фактора домашних условий, автор предлагает две гипотезы, описывающие механизмы формирования различий в когнитивной сфере. В соответствии с первой, различные аспекты бытовых условий влияют на разные характеристики развития; вторая гипотеза допускает возможность опосредования влияния условий быта на уровень когнитивного развития особенностями физического развития ребенка. Например, широко известна гипотеза, в соответствии с которой интеллектуальное развитие ребенка связано с интеллектуальным уровнем домашнего окружения (Zjonc R. B., 1979). Данная гипотеза достаточно хорошо объясняет известный факт отрицательной связи уровня интеллекта и порядка рождения. Предположим, каждый из родителей имеет «интеллектуальный уровень» 30. Тогда их первенец попадает в среду с «интеллектуальным потенциалом», равным:

$$(30 + 30 + 0)/3 = 20$$

Если же новорожденный появляется в семье таких же родителей, но уже имеющих одного ребенка, уровень развития интеллекта которого равен, скажем, 4, то соответствующее значение будет равно:

$$(30+30+4+0)/4=16.$$

Вторым фактором сложной природы является уровень квалификации родителей. Влияние уровня

квалификации на интеллектуальное развитие может быть опосредовано такими сопряженными факторами, как стиль воспитания, генетические различия или качество образования, получаемого ребенком. Феномен неполной семьи связан с третьей группой особенностей семейной среды, связанных с развитием когнитивных способностей. Сам феномен неполной семьи может быть обусловлен раз личными причинами: развод, смерть одного из родителей, рождение вне брака и т. д. На интеллект могут оказывать влияние такие переменные, как атмосфера в семье, отягощенная наследственность, материальная обеспеченность. Значительное влияние на уровень развития интеллекта оказывают особенности протекания беременности (интоксикации, курение, употребление алкоголя и др.) и наличие осложнений) при родах, характер питания, пол индивидов, их морфологические особенности (размеры мозга, вес, рост и др.), латерализация функций. Основные результаты многочисленных исследований, посвященных изучению факторов, влияющих на развитие когнитивных способностей, проведенных с использованием метода анализа различий между контрастными группами, представлены в табл. 4.3.

Представляется очевидным, что результаты рассмотренного направления исследований также приводят к заключению о совместной детерминации психического развития природными и социальными факторами.

Таблица 4.3

Факторы, оказывающие влияние на когнитивное развитие детей

Наименование фактора	Положительное влияние	Отрицательное влияние	Разница IQ между группами
Населенность квартиры	<1 человека на комнату	>2 человек на комнату	12
Характер пользования	Персональный санузел	Совместное пользование ванной и туалетом	9
Количество людей в спальне	Отдельная спальня	>3 человек в спальне	6
Характер жилья	Собственное жилье	Арендуемое жилье	4
Количество детей в семье	□2	□4	7
Порядок рождения ребенка	Первенец	5-и ребенок	6
Уровень квалификации родителей	Высшее образование	Неквалифицированный труд	17
Перемены места жительства/школы	□1	□4	3,5
Вес при рождении (в стандартных отклонениях от среднего)	На два больше	На два меньше	6
Рост (в стандартных отклонениях от среднего)	На два больше	На два меньше	6
Группа крови (по системе АВО)	0	АА	8

При рождении мы обладаем набором генетически заданных программ взаимодействия с окружающим миром. Причем эти программы носят обобщенный характер (речевые центры мозга ребенка, например, не ориентированы на какой-то конкретный язык, как показывают случаи

межрасового усыновления младенцев. Основная роль генетически передаваемой информации – успешная адаптация к наиболее устойчивым явлениям окружающего мира. В процессе же онтогенеза мы сталкиваемся как с часто встречающимися (суточный цикл, взаимодействие с матерью и т. п.), так и с уникальными явлениями среды. В случае уникальных средовых воздействий (например, изучение того или иного языка) генетических программ становится недостаточно, они дополняются механизмами прижизненного накопления информации, которая не может быть передана генетически. В ходе развития каждого человека эти два вида механизмов регуляции поведения — врожденные и приобретенные — неразрывно дополняют друг друга и тесно переплетены.

- **Сензитивные периоды — интервалы онтогенеза, в течение которых организм наиболее чувствителен к определенным воздействиям среды.**

4.3. Механизмы адаптации

Генотипическое влияние на процесс развития наиболее ярко проявляется в наличии у человека врожденных рефлексов и инстинктов — достаточно жестко фиксированных поведенческих актов и целостных форм поведения (сосательный рефлекс, инстинкт материнства и т. д.), а также задатков — анатомо-физиологических особенностей мозга и нервной системы, лежащих в основе развития психических особенностей (способностей, темперамента и др.). Рефлексы, инстинкты и задатки в ходе онтогенеза трансформируются и «встраиваются» в целостное индивидуальное поведение. Необходимо подчеркнуть, что генетически обусловленные характеристики, вопреки распространенному мнению, не являются чем-то неизменным. В ходе процесса развития одни гены как бы «включаются», другие — «выключаются». Особенно хорошо это видно на примере *сензитивных периодов развития* — интервалов онтогенеза, в течение которых развивающийся организм наиболее чувствителен к определенным воздействиям окружающей среды (многочисленные «волчьи дети», попавшие в человеческое общество в возрасте старше пяти лет, имели серьезные трудности с усвоением речи именно потому, что был пропущен сензитивный период развития речевых механизмов).

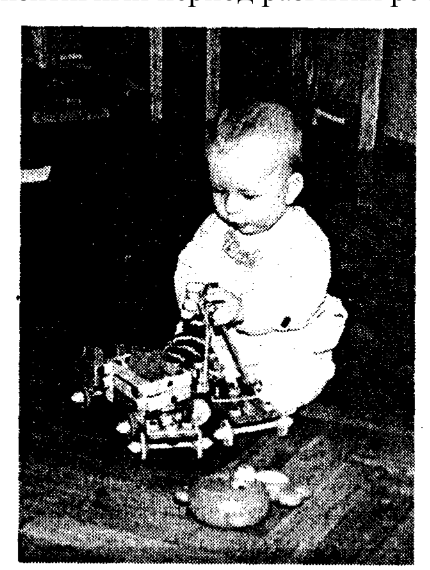

Рис. 4-6. Предметно-манипулятивная деятельность

Рис. 4-7. Подражание

С другой стороны, совершенно очевидно, что успешная адаптация индивида к изменяющейся окружающей среде невозможна без гибкого реагирования организма, а также без усвоения опыта предыдущих поколений, который не может быть закреплен генетически. Ведущая роль в процессе адаптации принадлежит механизмам психики, обеспечивающим обратную связь организма со средой прижизненное накопление навыков, умений и знаний (рис. 4-6).

Первым из таких механизмов в ходе развития и является подражание — воспроизведение ребенком движений, действий, поведенческих актов других людей. Вплоть до конца дошкольного возраста, подражая старшим, ребенок усваивает действия с предметами, навыки самообслуживания, нормы поведения, овладевает речью. Именно подражание лежит в основе научения— процесса формирования поведенческих актов, приспособленных к конкретным условиям среды. Отметим что и подражание, и научение являются общебиологическими механизмами приобретения индивидуального опыта (рис. 4-7).

Специфически человеческим является социальное научение — процесс превращения исторически сформированных, выработанных обществом способов поведения и знаний в различные формы индивидуального поведения. Социальное научение осуществляется в различных формах:

- непосредственно-эмоциональное общение;
- предметно-манипулятивная деятельность;
- игра;
- воспитание;
- учебная деятельность;
- трудовая деятельность.

В ходе социального научения совершенствуются механизмы саморегуляции - на смену внешнему контролю поведения постепенно приходит самоконтроль. Результатом социального научения является усвоение и активное воспроизведение человеком общественного опыта, системы социальных связей и отношений. Именно таким образом обеспечивается новый, негенетический путь передачи информации от поколения к поколению, который иногда называют культурным наследованием. Эта форма передачи предполагает, в отличие от генетической, активность «носителей информации», в качестве которых в данном случае выступают сами люди.

Ознакомившись с основными теоретическими и экспериментальными подходами к проблеме природной и социальной детерминации психического развития, можно констатировать, что на ранних этапах развития психологии были представлены крайние точки зрения. Современная психология рассматривает человека как продукт совместного влияния обоих факторов — генотип определяет потенциальные пределы развития, от среды же зависит, насколько потенциал будет реализован в ходе развития.

Вопросы для повторения

1. Как формулируется проблема биологического и социального в психологии?
2. Как называется наука о связи телесного и психического?
3. Назовите выделенные Э. Кречмсром типы телосложения и соответствующие им типы темпераментов.
4. Назовите основные психологические дисциплины, изучающие влияние природных и социальных факторов на психическое развитие.

5. Какие различают виды взаимодействия генотипа и среды?
6. Что является предметом психогенетики?
7. Какие вы знаете врожденные формы поведения?
8. В каких формах осуществляется социальное научение?
9. Назовите основные методы психогенетических исследований.
10. Как влияет увеличение размеров семьи на интеллект детей?
11. Назовите основные механизмы адаптации.

Рекомендуемая литература

Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды: В 2-х т. Т. 1 / Под. ред. А. А. Бодалева, Б. Ф. Ломова. — М.: Педагогика, 1980. — 230 с. — (Труды для членов и членов-корреспондентов АПН СССР).

Брушлинский А. В. О взаимосвязи природного и социального в психическом развитии человека // Проблемы генетической психофизиологии: Сб. статей. — М.: Наука, 1978. — 123 с. — С. 11-21.

Кречмер Э. Строение тела и характер. — М.: Педагогика-Пресс, 1995. — 607 с. — (Библиотека зарубежной психологии).

Левонтин Р. Человеческая индивидуальность: наследственность и среда /Общ. ред. Ю. Г. Рычкова. — М.: Прогресс - Универс, 1993.-206 с.

Малых.С. Б. и др. Основы психогенетики / Малых С. Б., Егорова М. С., Мешкова Т. А. — М.: Эпидавр, 1998.

Мерлин В. С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. — М.: Педагогика, 1986. — 137 с.

Роль среды и наследственности в формировании индивидуальности человека / Под ред. И. В. Равич-Щербо. - М.: Педагогика, 1988. - 333 с.

Русалов В. М. Биологические основы индивидуально-психологических различий. — М.: Наука, 1979.

Флевел Дж. Генетическая психология Жана Пиаже. — М.: Просвещение, 1967.

Фогель Ф., Мотульский А. Г. Генетика человека: В 3 т. / Под. ред. Ю. Л. Алтухова. — М.: Мир, 1989.

Чуковский К. И. От двух до пяти. —М.: Просвещение, 1966. - 399 с.

Штерн В. Дифференциальная психология и ее методические основы / РАН, Ин-т психологии. — М.: Наука, 1998. — 335 с. — (Памятники психологической мысли).

Штерн В. Психология раннего детства до 6-летнего возраста. — Петроград, 26-я Гос. типография, 1922.

Эрман Л., Парсонс П. Генетика поведения и эволюция / Под ред. Е. Н. Панова. — М.: Мир, 1984 — 566 с.

Ясперс К. Общая психопатология / Пер. с нем. Л. О. Акопяна. — М.: Практика, 1997. — 1053 с.

Глава 5. Структура психики

Краткое содержание главы

Функции психики. Объективная и субъективная реальности. Когнитивная, регулятивная и коммуникативная функции психики. Концепция психической функциональной системы деятельности.

Психические процессы, состояния и свойства. Процессы психической регуляции. Эмоциональные процессы. Процессы принятия решения. Процессы контроля. Познавательные процессы. Коммуникативные процессы. Основные группы психических свойств: особенности темперамента, способности, личностные черты. Основные характеристики психических состояний.

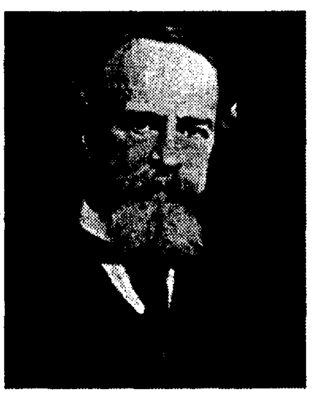
Сознание и бессознательное. Подходы к исследованию сознания и бессознательного. Классификация состояний сознания. Исследования сознания в нейронауке.

Измененные состояния сознания. Спонтанно возникающие, искусственно вызываемые и психотехнически обусловленные ИСС. Сон. Употребление психоактивных веществ.

5.1. Функции психики

Каждый человек является обладателем психической реальности: все мы переживаем эмоции, видим окружающие предметы, чувствуем запахи, — но мало кто задумывался, что все эти явления принадлежат нашей психике, а не внешней реальности Психическая реальность дана нам непосредственно. По большому счету, можно скзать, что каждый из нас и есть психическая реальность и только через нее мы можем судить об окружающем мире. Для чего нужна психика? Она существует для того, чтобы объединить и интерпретировать информацию о мире, соотнести ее с нашими потребностями и регулировать поведение в процессе адаптации — приспособления к реальности. Еще в конце XIX в. У. Джемс считал, что основной функцией психики является регуляция целенаправленного поведения.

В повседневной жизни мы не отличаем субъективную реальность от объективной. Только в особых ситуациях и при особых состояниях она дает о себе знать. Когда образы неадекватны и приводят нас к ошибкам восприятия и неверной оценке сигналов, например удаленности до объекта, мы говорим об иллюзиях. Типичной иллюзией является картина луны над горизонтом. Видимый размер луны в момент захода значительно больше, чем когда она расположена ближе к зениту. Галлюцинации это образы, возникающие у человека без наличия внешних воздействий на органы чувств. Они также манифестируют нам, что психическая реальность самостоятельна и относительно автономна.

У. Джемс (1842–1910)

Нам дана лишь собственная психическая реальность, но мы считаем, судя по поведению и высказываниям других людей, что они тоже испытывают чувства, думают, планируют действия и осуществляют свои намерения как и мы. Но их поведение иногда очень отличается от нашего. Очевидно, у каждого из них есть собственный внутренний мир, в чем-то не похожий на наш. Автолюбители знают, что есть люди, не различающие красный и зеленый или синий и желтый цвета. Существуют люди с абсолютным музыкальным слухом и люди, не способные без фальши прочесть и одну музыкальную фразу. Многообразие психических качеств людей столь велико, что не может не бросаться в глаза.

Итак, главная функция психики — регуляция индивидуального поведения на основе отражения внешней реальности и соотнесения ее с потребностями человека.

Психическая реальность устроена сложно, но ее условно можно разделить на экзопсихику, эндопсихику и интропсихику. Экзопсихикой называется та часть психики человека, которая отражает внешнюю по отношению к его организму реальность. Например, мы считаем источником зрительных образов не наш орган зрения, а предметы внешнего мира. Эндопсихика — это часть психической реальности, отражающая состояние нашего организма. К эндопсихике относятся потребности, эмоции, ощущения комфорта и дискомфорта. В этом случае источником ощущений мы считаем свой организм. Иногда экзопсихику и эндопсихику трудно различить, например ощущение боли является эндопсихическим, хотя источником его является острый нож или горячий утюг, а ощущение холода — несомненно, экзопсихическое, сигнализирующее о внешней температуре, а не о температуре нашего тела, но оно часто «аффективно окрашено» настолько неприятно, что относим мы его к собственному организму («руки замерзли»). Но есть большой класс явлений, которые отличаются и от

эндопсихических, и от экзопсихических. Это интропсихические явления. К ним относятся мысли, волевые усилия, фантазии, сны. Их трудно приписать к некоторым состояниям организма, и невозможно считать их источником внешнюю реальность. Интропсихические процессы и явления можно считать как бы «собственно психическими процессами».

Наличие «душевной жизни» — внутренних диалогов, переживаний, рефлексии не оставляют сомнения в реальности психики. Роль ее не сводится к регуляции сиюминутного поведения, как думал У. Джемс, но, очевидно, связана с определением целостного отношения человека к миру и поиска своего места в нем. Я. А. Пономарев выделяет две функции психики по отношению к внешнему миру: творчество (создание новой реальности) и адаптация (приспособление к существующей реальности). Антитезой творчества является разрушение — уничтожение созданной другими людьми реальности (культуры). Антитезой адаптации является дезадаптация в ее различных формах (неврозы, наркомания, преступное поведение и т. д.).

По отношению к поведению и деятельности человека и других людей следует, вслед за Б. Ф. Ломовым, выделить три основные функции психики: познавательную (когнитивную), регулятивную и коммуникативную; адаптация и творчество возможны только посредством реализации этих функций.

Психика служит человеку для построения «внутренней модели мира», включающей индивида в его взаимодействии со средой. Обеспечивают построение внутренней модели мира познавательные психические процессы

Б. Ф. Ломов (1927–1989)

Вторая важнейшая функция психики — регуляция поведения и деятельности. Психические процессы, обеспечивающие регуляцию поведения, очень разнообразны и разнородны. Мотивационные процессы обеспечивают направленность поведения и уровень его активности. Процессы планирования и целеполагания обеспечивают создание способов и стратегий поведения, выдвижения целей на основе мотивов и потребностей. Процессы принятия решений определяют выбор целей деятельности и средств их достижения. Эмоции обеспечивают отражение наших отношений к реальности, механизм «обратной связи» и регуляцию внутреннего состояния.

Третья функция человеческой психики — коммуникативная. Коммуникативные процессы обеспечивают передачу информации от одного человека к другому, координацию совместной деятельности, установление отношений между людьми. Речь и невербальное общение —основные процессы, обеспечивающие коммуникацию. При этом главным процессом, несомненно, следует считать речь, которая развита только у людей.

Психика представляет собой весьма сложную систему, состоящую из отдельных подсистем, ее элементы иерархически организованы и очень изменчивы. С точки зрения Б. Ф. Ломова, системность, целостность, нерасчлененность психики является основным признаком. Понятие «психическая функциональная система» является развитием и применением в психологии понятия «функциональная система», введенного в научный обиход П. К. Анохиным. Он использовал это понятие для объяснения реализации организмом целостных поведенческих актов. С точки зрения Анохина, любой поведенческий акт направлен на достижение определенного результата, а достижение каждого результата обеспечивает функциональная система - объединение отдельных органов и процессов организма по принципу взаимодействия для координации поведения, направленного на достижение цели.

В. Д. Шадриков (род. 1939)

В психологии концепция «психической функциональной системы деятельности» была разработана В. Д. Шадриковым. Психика представляет собой многоуровневневую иерархию психических функциональных систем, обеспечивающих поведение разного уровня сложности. Психика не только многоуровнева, но и многомерна, т. е. у нее множество свойств и функций. Психические функциональные системы могут выстраиваться в иерархию по разным основаниям. Любая система характеризуется своей структурой, динамикой функционирования, интегральным состоянием (внутренней характеристикой) и системными свойствами. Психика как система также обладает определенной организацией. В ней выделяются психические процессы, психические состояния и психические свойства.

5.2. Психические процессы, состояния и свойства

Психическая функциональная система в действии — это *психический процесс*. Рассмотрим основные психические процессы, наиболее часто выделяемые авторами учебников и руководств по психологии.

Первый «блок» психических процессов, инициирующий и направляющий поведение, — это процессы психической регуляции. Если когнитивные (познавательные) процессы обеспечивают отражение мира и преобразование информации, то роль процессов психической регуляции состоит в обеспечении направленности, интенсивности и временной организации поведения. Рассмотрим кратко основные из них.

Под мотивацией понимается совокупность психических процессов, обеспечивающих уровень энергетики и направленность поведения. Наряду с эмоциональными процессами мотивация инициирует поведение человека и придает определенную субъективную окраску этому поведению. Основным компонентом мотивационного процесса является возникновение потребности —приводящего к возникновению мотивационного напряжения субъективного отражения нужды человека в чем-либо. Опыт удовлетворения потребностей в ходе деятельности приводит к формированию мотива как устойчивого психического образования. А. Н. Леонтьев называл мотив «опредмеченной потребностью». Однако, скорее всего, мотив есть образ «идеального предмета» удовлетворения потребности, основанный на прошлом опыте. В конкретной ситуации мотив актуализируется и возникает мотивационная тенденция к действию.

На основе мотива и отражения реальной ситуации формируется цель действия, план поведения и происходит принятие решения. Формирование и выдвижение целей описывается теориями целеполагания.

Эмоциональные процессы обеспечивают избирательное отношение человека к различным аспектам действительности. Психологическая функция эмоций заключается в оценке явлений окружающей действительности и результатов поведения индивида. Эта оценка внутренне проявляется в форме эмоционального переживания, а внешне — в эмоциональной экспрессии. В основе эмоций лежат физиологические процессы активации различных кортикальных и вегетативных систем, но исследования показали, что физиологическое возбуждение — это необходимое, но недостаточное условие для возникновения специфических эмоций. В эмоции проявляется оценка индивидом возможностей для удовлетворения своих потребностей (не только в данной ситуации, но и в перспективе), поэтому эмоциональные процессы тесно связаны с мотивационными. Для возникновения

эмоции как определенного психологического процесса необходима не только мотивация, сопровождающая мотивационное напряжение, но и когнитивная интерпретация ситуации как благоприятной или неблагоприятной для достижения цели.

В традиционной психологии процессы принятия решения практически не рассматривались. Сегодня им уделяют все большее внимание. Центральный момент принятия решения — выбор варианта действия, который позволит достичь наилучшего результата. В основе принятия решения лежит субъективное переживание человеком вероятности множества событий, а также субъективные оценки полезности или вреда для себя этих событий. Важное значение имеет также оценка степени трудности достижения того или иного исхода. При выборе действия человек руководствуется различными стратегиями и правилами принятия решения. Основным является «правило субъективной оптимальности». Субъективная оптимальность складывается из уверенности в правильности выбранного решения, меры неудовлетворенности им после выбора, отсутствия желания «переиграть решение», т. е. выбрать иной вариант. В старой традиции процессы принятия решения относят к разряду так называемых волевых процессов, которые, на наш взгляд, являются лишь аспектами мотивационной регуляции поведения, а именно мотивационным процессом, позволяющим преодолевать ситуативные трудности «здесь и теперь» ради достижения внеситуативных, отсроченных целей.

Процессы контроля обеспечивают так называемую «произвольную регуляцию» целеустремленного поведения. Эти процессы следуют за мотивационной активацией и принятием решения. Благодаря им возможно выполнение действия и достижени необходимого результата. В теории психической регуляции выделяются следующие процессы контроля поведения: определение цели, формирование ожиданий, оценка условий реализации поведения, оценка результатов (интерпретация обратной связи и представление о самоэффективности). Их можно свести к двум основным «блокам» процессов: 1) процессы, предшествующие действию; 2) оценочные процессы. Теория функциональных систем П. К. Анохина описывает основные этапы контроля и планирования поведения. Особое значение в ней отводится механизмам «обратной связи», которые обеспечивают возможность для сравнения параметров текущего желаемого состояний среды. Они информируют исполнителя о том, что сделано что еще нужно сделать для достижения цели, кроме того они обеспечивают эмоциональную оценку эффективности.

Удовлетворение потребностей возможно только тогда, когда человек обладает информацией о ситуации, в которой он должен действовать. Отражение окружающего мира обеспечивает познавательные процессы. Процессом, связывающим познавательную и психорегулятивную сферу психики, является внимание, которое обеспечивает избирательность отражения, запоминания и переработки информации. Совокупность познавательных процессов обеспечивает отражение важных для жизнедеятельности сторон объективной реальности и создание образа мира. Познавательные процессы свою очередь делятся на группы по разным основаниям.

Сенсорно-перцептивные процессы обеспечивают отражение реальности при непосредственном воздействии сигналов на наши органы чувств. Ощущение связано отражением отдельных сторон, аспектов реальности, а восприятие отражает объекты в их целостности. Образы восприятия часто называют первичными образами.

Процессы памяти, представления и воображения имеют дело со вторичными образами — результатами фиксации, воспроизведения или преобразования первичных образов. На основе вторичных образов строится система личного опыта и функционирует мышление.

Мышление — это процесс опосредованного и обобщенного познания действительности. Результатом мышления является субъективно новое знание, которое нельзя вынести из непосредственного опыта (содержания ощущений, восприятия, представлений). Продукты фантазии тоже являются результатом преобразования прошлого опыта индивида. Но продукт фантазирования может не иметь ничего общего с объективной реальностью. Результаты же мыслительного процесса всегда претендуют на истинность и верифицируемы. Мышление обеспечивает прогнозирование будущего и процесс принятия решения.

Б. Г. Ананьев (1907–1972)

Познавательные процессы отражают пространственно-временные характеристики объективного мира и соотносятся с ними. Память соотносима с прошедшим временем, в ней хранятся следы пережитых мыслей, образов, действий, эмоций и чувств. Отражением актуальной реальности, обеспечивающим адаптацию к настоящему, ведают сенсорно-перцептивные процессы. Воображение, прогнозы, фантазии, процессы целеполагания соотносимы с будущим. И наконец, мышление — процесс, который как бы связывает прошлое, настоящее и будущее, становится над временем, устанавливая связь причин (прошлого), следствий (будущего) и условий реализации причинно-следственных отношений (настоящего). Не случайно в мышлении решающую роль играет обратимость операций, которая дает возможность восстановить начальные условия исходя из результата действия, решить и прямую и обратную ей задачу.

Третьим «блоком» психических процессов являются коммуникативные процессы, обеспечивающие общение между людьми, выражение и понимание мыслей и чувств. До недавнего времени психологи, вслед за Ф. де Соссюром, противопоставляли речь и язык, считая, что предметом психологии является речевое поведение. Однако сегодня более обоснована точка зрения о единстве речи и языка, так как люди говорят только на основе языка, будучи его носителями. Коммуникативный подход к психологии речи и языка сводится к представлению, что речь и язык обеспечивают взаимодействие людей.

Язык — это система знаков (акустических образов), соотнесенная с системой значений (понятий). Языковой знак (например, слово) представляет собой единство означенного и означающего. Субъективные значения называются смыслами. Речь представляет собой целенаправленное использование языка для регуляции взаимодействия между людьми.

Особо выделяется невербальное общение — передача информации с помощью поз, мимики, пантомимики и т. д. Психологи выделяют также невербальные составляющие речевого поведения — тембр голоса, высоту, интонацию, громкость, — которые обеспечивают выражение эмоций в речи и понимание эмоционального состояния говорящего, а также субъективного смысла сказанного.

- **Психический процесс — психическая функциональная система в действии.**

Психическое состояние — внутренняя целостная характеристика индивидуальной психики,относительно неизменная во времени.

Психические свойства — индивидуально-психологические особенности, определяющие постоянные способы взаимодействия человека с миром.

Как любая система, психика человека обладает системными свойствами, имеющими индивидуальную меру выраженности. Люди отличаются друг от друга эмоциональной чувствительностью, уровнем интеллекта, временем реакции, совестливостью, дружелюбием и т. д. Психологи предпочитают говорить об индивидуально-психологических особенностях людей, а не просто о свойствах психики, подчеркивая этим, что выраженность психических свойств проявляется во внешне наблюдаемых различиях в поведении и деятельности людей. К числу основных групп психических свойств относят особенности темперамента, способности (общие и специальные), личностные черты. Считается, что психические свойства индивида относительно неизменны во времени, хотя и могут изменяться в ходе жизни под влиянием средовых воздействий, опыта деятельности и биологических факторов.

В работах Б. Г. Ананьева, В. С. Мерлина, В. М. Русалова, В. Д. Шадрикова и других отечественных психологов подробно разработана теория индивидуально-психологических свойств. Темперамент является наиболее общей формально-динамической характеристикой индивидуального поведения

человека. Как правило, речь идёт об эмоционально-мотивационных особенностях: собственно эмоциональности, активности, темпе, пластичности (В. М. Русалов) и т. д. Классическая теория четырех темпераментов (меланхолик, флегматик, сангвиник, холерик) в настоящее время подвергается ревизии. Условно можно отнести темперамент к индивидуальным свойствам подсистемы психической регуляции поведения (мотивации, эмоции, принятие решения и т. д.).

Способности являются свойствами психических функциональных систем, определяющих продуктивность деятельности; они имеют индивидуальную меру выраженности, не сводятся к приобретению знаний, умений и навыков, но влияют на скорость и легкость овладения ими. Различают общие и специальные способности. Общие способности соотносятся с психикой как целостной системой, специальные — с отдельными ее подсистемами. По мнению В. Д. Шадрикова и В. Н. Дружинина, способности являются свойствами систем, функционирование которых обеспечивает отражен реальности, процессы приобретения, применения и преобразования знания.

Свойства (или черты) личности характеризуют индивида как систему его субъективных отношений к себе, к окружающим людям, группам людей и миру в целом которая проявляется в общении и взаимодействии. Личность является самым интересным и, может быть, самым загадочным предметом психологического исследования. В свойствах личности проявляются психорегулятивные и мотивационные особенности психики конкретного человека. Совокупность личностных свойств образует структуру личности.

Психическое состояние представляет собой внутреннюю целостную характеристику индивидуальной психики, относительно неизменную во времени. По уровню динамичности состояния занимают как бы промежуточное место между процессами и свойствами.

Психические свойства определяют постоянные способы взаимодействия человека с миром, а психические состояния детерминируют активность «здесь и сейчас». Поскольку состояние характеризует в данный момент времени целостную психику, оно является многомерным и включает в себя параметры всех психических процессов (эмоциональных, мотивационных, познавательных и др. Каждое психическое состояние характеризуется одним или несколькими параметрами, выделяющими его из множества состояний. Доминирование в состоянии того или иного познавательного психического процесса, эмоции или уровня активации определяется тем, какую деятельность или поведенческий акт обеспечивает это состояние.

Выделяют следующие основные характеристики психических состояний:
- эмоциональные (тревога, радость, печаль и др.);
- активационные (уровень интенсивности психических процессов);
- тонические (психофизиологический ресурс индивида);
- тензионные (уровень психического напряжения);
- временные (длительность состояния);
- знак состояния (благоприятное или неблагоприятное для деятельности).

Подробно классификация психических состояний изложена Л. В. Куликовым в хрестоматии «Психические состояния» *.

---

* Психические состояния / Сост. и общая редакция Л. В. Куликова. — СПб.: Питер, 2000. — 512 с.: ил. — (Серия «Хрестоматия по психологии»).

Таким образом, психические процессы, состояния и свойства образуют основной понятийный «каркас», на котором строится здание современной психологии.

5.3. Сознание и бессознательное

Представление о *сознании* возникло в философии, является одним из ее основных понятий и означает высший уровень психической активности человека как социального существа. По замечанию Д. Деннетта, человеческое сознание — одна из последних тайн.

Вплоть до Нового времени сознание отождествляли с психикой в целом; Р. Декартом оно трактовалось как созерцание субъектом содержания собственного внутреннего мира. Такое понимание обусловило первые (конец XIX в.) собственно психологические определения сознания как потока феноменально данных переживаний и мыслей (У. Джемс, Э. Б. Титченер), а также метод его изучения — систематическое самонаблюдение (интроспекцию), направленное на выделение элементов сознания

— ощущений, образов и аффектов.

Представление о *бессознательном* как совокупности психических процессов, операций и состояний, не представленных в сознании субъекта, в философии было впервые сформулировано в XVIII в. Г. В. Лейбницем. В XIX в. бессознательное становится предметом психологических исследований (И. Ф. Герберт, Г. Т. Фехнер, В. Вундт). Новый стимул для его изучения дали работы 3. Фрейда в области психопатологии в конце XIX в. Согласно его концепции, бессознательное как психическое содержание, не присутствующее в сознании, оказывает на последнее значительное влияние. Таким образом, к началу XX в. сложилось представление о двух уровнях психического, сознательном и бессознательном, а их изучение получило различное развитие в отдельных направлениях психологии.

В советской психологии сознание являлось одним из ключевых понятий. В теории С. Л. Рубинштейна в становлении сознания субъекта наряду со взаимодействием с природной реальностью акцентировалась роль социального взаимодействия, прежде всего общения. В теории деятельности А. Н. Леонтьева порождение, функционирование и развитие сознания рассматривались как производные структуры задач и условий чувственно-предметной деятельности субъекта.

В западной психологической науке с начала XX в. и на протяжении многих десятилетий сознание и бессознательное исследовались в рамках двух различных методологических подходов, сформулированных В. Дильтеем, — понимающей и объяснительной психологии. Парадигмальное разнообразие сохраняется и в современной психологии. В рамках понимающей психологии сознание рассматривается как феноменальная данность, как понимаемая в переживании внутренняя реальность, подразделяемая на представления, образы и волевые действия; их целостность обусловлена имманентно присущими сознанию и непосредственно переживаемыми связями между разрозненными впечатлениями.

В современной психологии, несмотря на разделяемое всеми понимание феномена сознания, определения типов сознания расходятся. Так, Э. Тулвинг различает:

- простое осознание внешних раздражителей;
- осознание символических репрезентаций окружающего;
- осознание себя и личностного опыта, протяженного во времени.

Г. В. Фартинг предложил различать первичное сознание—простое перцептивное осознание внешних и внутренних раздражителей, и рефлексивное сознание — осмысление собственных сознательных переживаний. Разнообразие определений, скорее способствует исследованию различных аспектов феномена сознания — как эпифеномена и как интенциональной и регулирующей действия ментальной структуры.

В рамках понимающей психологии бессознательное в настоящее время исследуется в психодинамических теориях личности. Оно трактуется как скрытые психические структуры — биологически (3. Фрейд) или социально (Г. Салливан, К. Хорни) обусловленные мотивы, мотивационные ожидания (А. Адлер), подавленные воспоминания и переживания, организованные в комплексы (К. Юнг). Они являются источником психической энергии и, будучи зашифрованы для сознания, обнаруживают себя в поведении и содержании сновидений в семиотически переозначенной форме.

Соотношение сознания и бессознательного было впервые рассмотрено Фрейдом который ввел представление об уровнях строения психики; в современной терминологии их можно описать следующим образом:

- бессознательное — принципиально не доступное сознанию содержание, включающее ценностные установки, ориентации, мотивы и составляющее энергетическо ядро личности;
- подсознательное — эмоционально нагруженные воспоминания, которые могут быть осознаны с помощью техники психоанализа;
- досознательное — содержание, которое при необходимости может легко стать осознанным, например подпороговое восприятие и схема реализации автоматически действий;
- сознание — рефлексивное содержание сознания, поддающееся произвольной регуляции.

В современной психологической науке выделяют различные состояния сознания, дифференцируемые как по характеру феноменальных переживаний, так и по совокупности поведенческих и психофизиологических показателей:

- бессознательное состояние — экстремальное состояние, при котором регистрируются лишь психовегетативные реакции; проявления познавательных и эмоциональных процессов отсутствуют
- сон — состояние, которое предполагает переживание сновидений, различающихся степенью

связанности: от отдельных образов до их упорядоченных последовательностей; допускает подпороговое восприятие и частичное запоминание содержания сновидений;

- бодрствование — состояние осознания окружающего мира и себя, доступное самонаблюдению. Оно включает весь спектр психических проявлений в модусе осознания — восприятие, воспоминание, внимание, мышление и саморегуляцию.

- **Сознание — высший уровень психической активности человека как социального существа.**
Бессознательное— совокупность психических процессов, операций и состояний, не представленных в сознании субъекта.

К особой группе относятся так называемые измененные состояния сознания — гипноз и состояния, возникающие под влиянием психоактивных веществ (алкоголя, наркотиков и др.).

В отличие от понимающей психологии, направленной на описание и толкование феноменов субъективных переживаний, современная когнитивная психология нацелена на объяснение причин и механизмов сознания и бессознательного. В ее рамках уровни строения психики представлены как уровни переработки информации. Такое переформулирование позволило поместить рассматриваемые феномены в контекст экспериментального исследования, где наряду с самонаблюдением в контролируемой ситуации используют объективные методы регистрации поведения и психофизиологических коррелятов. Это позволило приблизиться к пониманию структуры и механизмов действия бессознательного. Варьирование экспериментальных задач, в частности, позволило сделать первые шаги в реконструировании глубинных психических структур, таких как установки, убеждения, мотивы, эмоциональные комплексы переживаний. Варьирование условий стимуляции сделало возможным изучение досознательного уровня, например, механизмов подпорогового восприятия и научения, структуры когнитивных репрезентаций, сценариев автоматических действий и условий преодоления ими порога бессознательного.

Сознание в последние десятилетия является предметом исследования когнитивной нейронауки, ставящей цепью описание нейрональных механизмов его отдельных проявлений. Такому подходу способствовали разработка новых методов исследования активности мозга — функционального магнитного резонанса и магнитной энцефалографии, — а также привлечение методов нейропсихологического анализа частных случаев. Так, к пониманию нейрофизиологических основ состояний сознания позволило приблизиться изучение так называемых быстрых движений глаз во время сна. Наблюдения за пациентами с комиссуротомией (расщепленным мозгом) привели к представлению, что полушария мозга обеспечивают две независимые системы сознания при ведущей роли левого полушария для процессов познания. Наконец, изучение нейропсихологических феноменов одностороннего игнорирования пространства и «слепого видения», при котором пациенты с поражением задних отделов коры не способны к осознанному восприятию зрительных стимулов, но тем не менее угадывают их локализацию, обнаружили, что осознанное восприятие предполагает интеграцию двух кортикальных путей — дорсального («где») и вентрального («что»), - которая осуществляется префронтальной корой головного мозга. Интенсивно продолжающиеся исследования сознания в рамках нейронауки направлены на изучение механизмов, которые реализуют интегрирование восприятия и поведения в индивидуальную временную перспективу и в модель «Я».

5.4. Измененные состояния сознания

Измененные состояния сознания — это то, с чем каждый человек сталкивается своей жизни. Одни такие состояния очень кратковременны и могут быть незаметны для человека, как, например, рассеянность внимания, потеря ясности восприятия окружающего мира, другие, такие как сон, изменения сознания под действием психоактивных веществ, более очевидны и заметно отличаются от привычного состояния человека. На современном этапе развития науки измененные состояния сознания понимаются как способ приспособления сознания к изменению внешних и внутренних условий По определению А. Людвига — психолога, ставшего уже классиком в разработке данной проблемы, — *измененные состояния сознания* было бы корректно понимать как качественный сдвиг в характере психологического функционирования.

ИСС подразделяются на спонтанно возникающие, искусственно вызываемые и психотехнически

обусловленные. Спонтанно возникающие ИСС появляются при обычных для данного человека условиях (например, при засыпании, либо при значительном перенапряжении) или в необычных, но естественных обстоятельствах в частности, при нормальных родах), а также в необычных или экстремальных условиях жизни и работы здорового человека. Искусственно вызываемые ИСС возникают под воздействием психоактивных средств (алкоголя, наркотиков) либо психоактивных процедур (сенсорная изоляция или сенсорная перегрузка). Психотехнически обусловленные ИСС сопровождают процессы психической регуляции или саморегуляции в современной психотерапии, а также в религиозных обрядах традиционных культа и субкультурах. Обычно выделяют возбуждающие (аутогенная тренировка по Шульцу) и успокаивающие (например, голотропная терапия по Грофу) психотехники.

- **Измененное состояние сознания — качественный сдвиг в характере психологического функционирования.**

Измененные состояния сознания являются областью исследований, объединяющей усилия десятков наук: генетики, психофармакологии, физиологии, психиатрии психологии, философии. Последние десятилетия наметился новый этап в исследованиях ИСС в связи с изучением психофизиологических коррелятов, а возможно, и мозговых механизмов ИСС.

Почему для психологии важно изучение ИСС? Вся история развития психологии связана с поиском ответов на вопрос: что такое сознание? Одним из путей изучения сознания является исследование его состояний и их изменений. Именно с разработкой этого направления связывается все больше ожиданий на получение новых представлений о сознании человека. Более того, изучение мозговых механизмов ИСС позволит приблизиться к разгадке тайны человеческой психики. Рассмотрим спонтанно возникающие ИСС на примере соотношения сна и бодрствования и искусственно вызываемые ИСС на примере употребления психоактивных веществ.

Сон. Представляется, что сон и бодрствование являются противоположными состояниями сознания человека. Во сне сознание молчит, а при бодрствовании оно активно. Однако оба эти состояния имеют много общего:

1. Мы думаем, когда спим, так как видим сновидения, хотя тип мышления во сне отличен от типа мышления при бодрствовании.
2. Мы запоминаем события во сне и можем пересказать их во время бодрствования. Это мы знаем из опыта запоминания снов; некоторые сны помнятся всю жизнь.
3. Сон не является абсолютным покоем. Мы двигаемся во сне, а некоторые люди даже ходят.
4. Во сне мы не отключаемся от внешней информации полностью и готовы к приему определенных сигналов, например, родители слышат плач маленького ребенка.
5. Сон не уничтожает наших планов. Так, некоторые люди планируют время пробуждения и встают в строго намеченное время.

Данное сравнение показывает, что нет строгой границы между сном и бодрствованием по наличию психических процессов, протекающих в этих состояниях. Основные данные, полученные за годы многочисленных и разнообразных исследований сна, сводятся к представлению, что сон — это не пассивность и бездеятельность, а иное состояние. Мозг продолжает активно функционировать. Изучение процессов, происходящих в мозге при бодрствовании и сне, показывает, что эти состояния различаются по типу мозговой активности.

Новый этап в понимании сна был открыт с началом применения психофизиологических методов анализа: запись биоэлектрической активности мозга (ЭЭГ), регистрация мышечного тонуса, движений глаз и т. д. Во время сна мозг проходит через несколько различных фаз, которые повторяются примерно каждые полтора часа. Сон состоит из двух качественно различных состояний — медленного сна и быстрого сна. Они отличаются по типам электрической активности мозга, вегетативным показателям (сердечные сокращения, дыхание), тонусу мышц, движениям глаз.

Медленный сон подразделяется на 4 стадии:

1. **Дремота.** На этой стадии исчезает основной биоэлектрический ритм бодрствования — альфа-ритм. Он сменяется низкоамплитудными колебаниями. Это стадия засыпания. На этой стадии у человека могут возникать сноподобные галлюцинации.
2. **Поверхностный сон.** Характеризуется появлением веретен сна — веретенообразный ритм 14-18 колебаний в секунду. При появлении первых веретен сна сознание человека отключается. В паузах между такими веретенами человека легко разбудить.

3-4. **Дельта-сон**. Эти стадии названы так, потому что на них появляются высоко-амплитудные, медленные колебания в ЭЭГ — дельта-волны. Они подразделяются на стадии 3 и 4 на основании выраженности дельта-волн: на 3-й стадии волны занимают 30-50 % всей ЭЭГ, тогда как на 4-й стадии — более 50 %. Это наиболее глубокий период сна. У человека снижен мышечный тонус, отсутствуют движения глаз, становится реже и стабилизируется ритм дыхания и пульс, понижается температура тел (на 0,5 °С). Пробудить человека из дельта-сна очень трудно. Как правило, разбуженный в этих фазах сна человек не помнит сновидений, он плохо ориентируется в окружающем, неверно оценивает временные промежутки (недооценивает время, проведенное во сне). Дельта-сон, период наибольшего отключения от внешнего мира, преобладает в первую половину ночи.

Быстрый сон — это последняя стадия в цикле сна. Она характеризуется ритмами ЭЭГ, похожими на ритмы бодрствования. Усиливается мозговой кровоток при силъ ном мышечном расслаблении, с резкими подергиваниями в отдельных группах мышц. Подобное сочетание активности ЭЭГ и полной мышечной расслабленности объясняет другое название этой стадии сна — парадоксальный сон. Происходят резкие изменения частоты сердечных сокращений и дыхания (серии частых вдохов и выдохов) чередующиеся паузами, эпизодический подъем и спад кровяного давления. Наблюдаются быстрые движения глаз при закрытых веках. Благодаря данной характеристике, иногда данную стадию называют БДГ-сон (быстрых движений глаз, или REM -rapid eye movements). В этой фазе наблюдаются эрекция полового члена у мужчин и клитора у женщин. Порог пробуждения колеблется от низкого до высокого. При пробуждении из этой фазы сна люди в 80-90 % случаев сообщают о сновидениях.

Весь сон состоит из 4-5 циклов, которые начинаются всегда с медленного сна и заканчиваются быстрым. Люди не просыпаются после каждого цикла в отличие от животных. Принципиально сон животных не отличается от сна человека, но медлен ный сон менее дифференцирован.

Человек проводит в сновидениях от одного до двух часов, но многие люди не помнят снов, поскольку просыпаются в других стадиях сна. Очень интересным и мало понятным пока фактом является то, что плод человека начиная с 32 недели внутриутробной жизни проводит 70-80% времени в БДГ-сне (Butterworth G., Harris M 1994).

Многие люди сомневаются в необходимости длительного сна. Другие жалуются на недосыпание, приводящее к ощущению разбитости днем. Этот вопрос подвергается научной проверке. Медицина указывает на недосыпание в современном обществе, что сказывается на состоянии человека и общества в целом, является значительно причиной аварий и катастроф. Эта точка зрения имеет многочисленные экспериментальные подтверждения. Недосыпание отрицательно влияет на настроение, а также на выполнение задач, требующих внимания, быстрой реакции, запоминания и принятия решений. Показано, что если длительность ночного сна уменьшалась на 1,3 -1,5 ч, то это сказывалось на состоянии бодрствования днем. Исследования показали, что потребность сна у молодых людей составляет 8,5 ч за ночь, тогда как фактическая длительность сна — 7,2-7,4 ч. Сон продолжительностью 6,5 ч в течение длительного времени может подорвать здоровье человека. Однако следует подчеркнуть, что существуют значительные индивидуальные вариации продолжительности сна (Блум Ф., Лайзерсон А., Хофстедтер Л., 1988).

Эксперименты с лишением сна людей показали, что организм особенно нуждается в дельта- и быстром сне. После длительного лишения сна, когда людям давали отоспаться, то сначала увеличивался дельта-сон, а затем, на вторую и третью ночь - быстрый сон. После избирательного лишения только дельта-сна или БДГ-сна, потом компенсируются именно эти фазы сна. Исследования показали, что дельта-сон играет важную роль в процессе запоминания. Чем больше сон был насыщен дельта-волнами, тем лучше было запоминание.

Согласно гипотезе В. Ротенберга и В. Аршавского, в быстром сне осуществляется поисковая активность, задачей которой является компенсация отказа от поиска в состоянии бодрствования. Авторы гипотезы указывают на многочисленные факты исследований на животных и человеке, свидетельствующие о том, что при отказе от поиска повышается потребность в быстром сне. При депрессиях и неврозе тревоги время от начала засыпания до наступления быстрого сна может сокращаться до 40 мин, тогда как в норме оно колеблется от 70 до 110 мин. У человека, который попадает в новую, незнакомую ситуацию, повышается готовность активно реагировать на события, усиливается исследовательское поведение, что приводит к уменьшению продолжительности быстрого сна. При маниакальных состояниях, характеризующихся высокой, но неупорядоченной поисковой активностью, быстрый сон сокращен до 15-18 мин за ночь при норме 90-100 мин (Ротенберг В. С., Аршавский В. В., 1984).

Интересную гипотезу значения быстрого сна для здоровья человека высказал Е. Хартман. Он выделил две группы испытуемых: долгоспящих (не менее 9 ч.) и короткоспящих (около 6 часов). Эти группы различались длительностью БДГ-сна. У долгоспящих он занимал почти в два раза больше времени. Психическими особенностями долгоспящих оказались меньшая эмоциональная устойчивость (они все проблемы принимали близко к сердцу), беспокойство, тревожность, перепады настроения. Во сне они как будто спасались от сложностей жизни. Хартман предположил, что восстановление душевного здоровья определяется высокой представленностью БДГ-сна. Опросив людей, имевших различную продолжительность сна в разные периоды жизни, он установил, что сокращение сна приходится на периоды хорошего самочувствия человека, увлеченностью работой, отсутствием проблем. Потребность во сне увеличивается при возникновении проблем, снижении настроения и работоспособности.

Сон всегда считался лучшим средством восстановления физических и душевных сил. Однако понимание причин восстановления было очень различным. Так, И. П. Павлов полагал, что во время сна нервные клетки коры мозга погружены в состояние торможения, их активность снижена, они отдыхают, остаются лишь отдельные очаги корковой активности, которые и продуцируют сновидение. Чем выше нагрузка на мозг, тем быстрее происходит утомляемость его клеток и быстрее наступает сон. Сновидения являются показателем неполного торможения активности клеток мозга, что снижает восстанавливающую функцию сна. Отсюда напрашивался вывод: чем сильнее эмоциональные, психические, информационные нагрузки на мозг человека, тем дольше и глубже должен быть сон. Таким образом, традиционная практика лечения людей, страдающих неврозами, состояла в создании режима восстанавливающего сна, который вызывался снотворными средствами. Однако ни лечебного, ни профилактического эффекта эта тактика не имела, но зато появлялось привыкание к лекарствам и зависимость от них.

Прямо противоположные взгляды на значение сна для человека высказывал 3. Фрейд. Он представлял, что психика человека состоит из трех основных структур: «Я», «Сверх-Я» и «Оно» (подсознательное). Человек не может осознать свои неприемлемые желания и поступки в бодрствующем состоянии, так как «цензура» («Сверх-Я») препятствует этому. Во сне эта цензура ослабевает, и вытесненные желания стремятся вновь попасть в сознание человека («Я») в форме сновидений. Сновидения не всегда содержат явный смысл, они могут быть замаскированы, символичны и условны. Для расшифровки смысла сновидений человек подвергается анализу (психоанализу) с использованием метода свободных ассоциаций и клинической беседы. Осознание скрытых, подавленных мотивов своей жизни позволяет пациенту избавиться от невроза, активно преодолевать неразрешенные проблемы. Таким образом, сновидение выполняет активную защитную функцию клапана парового котла, снижая напряжение в структуре подсознания человека.

Сны поддаются контролю. Опыт контроля над сновидениями пришел из традиционных обычаев народов и используется в современной психотерапии. Примером управления сновидениями может служить традиция синойского племени в Малайзии, где отсутствуют психические болезни, люди необычайно миролюбивы и не агрессивны. В этом племени существует обычай обсуждать по утрам сновидения всей семьей, причем дети участвуют в таких обсуждениях с самого раннего возраста, как только это возможно. Цель данных обсуждений — избавиться от страха, преодолеть неприязнь, стать более уверенным в своих силах. Так, если ребенку снится сон, что он не может догнать дичь, то вся семья планирует сон на следующую ночь, в которой ребенок должен справиться со своей задачей. Таким образом, управление сновидениями приводит к регуляции состояний человека и его психическому здоровью (Гарфилд П., 1994).

Рассмотренные концепции и факты позволяют сделать вывод, что сон является измененным состоянием сознания, выполняющим адаптивную роль для обеспечени функций сознания. Сон расширяет возможности сознания, упорядочивает его содержание, обеспечивая необходимую защиту и реабилитацию.

Искусственно вызванные ИСС. С древних времен люди использовали вещества, изменяющие состояния сознания: стимулирующие или релаксирующие, приводящие ко сну или отгоняющие сон, изменяющие восприятие или приводящие к галлюциннациям. Вещества, которые воздействуют на поведение, сознание и настроение, называются психоактивными, или психотропными. Они включают не только вещества, которые мы называем наркотиками, транквилизаторами, стимуляторами, но и такие знакомые средства как кофе, табак и алкоголь.

При отправлении религиозных обрядов часто применяются психоактивные вещества:

галлюциногенные грибы, на употреблении которых основан весь шаманизм Евразии и обеих Америк; конопля, известная еще в Египте и затем вошедшая в священный обиход скифов; кока — священное растение инков; дурман и белена, используемые в колдовстве; табак в трубках мира; наконец, перебродивший сок винограда, вино — «кровь Христова», — без которого немыслимо таинство причастия.

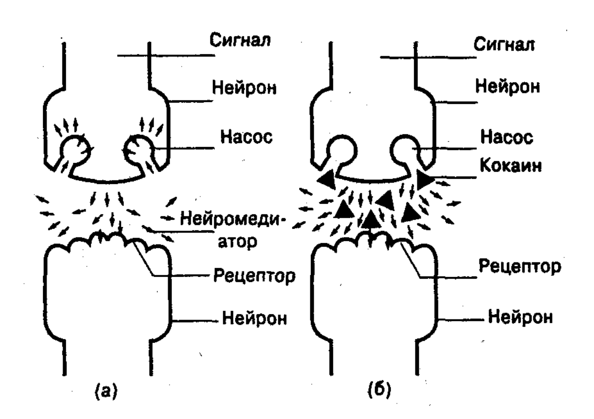

Рис. 5-1. Нейромолекулярный эффект действия кокаина: а) до действия кокаина; б) при действии кокаина.

Во всех зрелых религиях выработаны психотехники, позволяющие достигать ИСС и без помощи психоактивных веществ. Покаяние, молитва, пост, отшельничество, послушание, медитация являются способами расширения сознания, нахождения новых смыслов, средством овладения своим поведением. Употребление же психоактивных веществ не приводило к наркомании, и мирное сосуществование человека с ними продолжалось удивительно долго. Чтобы психоактивные вещества стали наркотиками в современном смысле, потребовались глубочайшие изменения в самой культуре.

В Европе первая вспышка наркомании относится к 1840 г., когда в Англии были приняты меры борьбы с алкоголизмом. В Манчестере аптечные торговцы готовили опиумные пилюли для рабочих, которым алкоголь был не по карману. В Ирландии в то же время началась эпидемия эфиромании, что послужило открытию явления общего наркоза. В США первая вспышка морфинизма была во время гражданской войны, когда морфий использовали для обезболивания при ранениях. В 1970-х гг. волна эмиграции из Китая способствовала распространению курения опиума в США. Однако этого не произошло в России, когда в годы Первой мировой войны на земляные работы было привлечено 400 тыс. китайцев; обычай курить опиум не вышел за рамки китайской общины. В годы революции наиболее ценным объектом конфискации, кроме золота, был кокаин, который считался лекарством от депрессии. В 1920-х гг. во время сухого закона в США получило распространение курение марихуаны, позаимствованное у рабочих-латинос. Таких исторических примеров можно привести множество. Как только в культуре наркотики стали предметом наживы, вышли из-под контроля узкой группы, регулирующей их употребление, они стали эпидемией и трагедией современного общества.

О каком бы веществе из пяти приведенных групп ни шла речь, все они воздействуют на головной мозг человека. Они либо ускоряют передачу сенсорных сигналов, блокируя или видоизменяя их, либо мешают нервным центрам выполнять свои функции. В настоящее время понятно, что в основе эффектов, обусловленных действием психотропных средств, лежит их влияние на нейромедиаторы. Пример влияния кокаина на механизм передачи сигнала нейромедиаторами представлен на рис. 5-1. Действие кокаина блокирует процесс торможения выделения нейромедиаторов, тем самым увеличивая объем нейромедиаторов. Это приводит к ощущению эйфории, чувству необыкновенной энергии, острым сенсорным впечатлениям. Однако при продолжении использования кокаина возникает истощение этих нейромедиаторов. Эйфория замещается тревогой и депрессией.

Многократное употребление психоактивных веществ чаще всего приводит к привыканию. В этом процессе выделяют физическую зависимость и психологическую. При физической зависимости функционирование нейромедиаторов изменяется и организм переходит на внешнее их замещение, принимая наркотики. Организм, таким образом, перестраивается на поступающие извне вещества, которые необходимы для регуляции его активности на биохимическом уровне, что может привести к возникновению синдрома абстиненции: при прекращении приема человек испытывает целый комплекс

неприятных, а иногда и мучительных ощущений. Формирование физической зависимости приводит также к развитию толерантности: требуется все больше и больше вещества, чтобы вызвать тот же эффект. Психологическая зависимость может возникать и в отсутствии физической зависимости. Так, получив эффект облегчения в стрессовой ситуации, например при курении марихуаны, употребление которой не приводит к развитию физической зависимости, человек при повторном стрессе упорно будет использовать это средство.

Вопросы для повторения

1. Каковы основные функции психики?
2. Что такое сознание?
3. Какие познавательные процессы вы знаете?
4. Что такое бессознательное и какова его роль в регуляции поведения?
5. Какие ИСС вы знаете?
6. Чем состояние бодрствования отличается от состояния сна?
7. Из каких стадий состоит цикл сна?
8. В чем состоит значение сна?
9. Что такое психотропные средства?
10. В чем состоит проблема наркомании?

Рекомендуемая литература

Блум Ф. и др. Мозг, разум, поведение / Пер. с англ.; Ф. Блум, А. Лайзерсон, Л. Хофстедтер. — М.: Мир, 1988. - 246 с.

Гарфилд П. Управление сновидениями: Сборник. — М.: Беловодье, 1994. — 192 с.

Годфруа Ж. Что такое психология: В 2-х т. — Т. 1., ч. 2, гл. 4 / Пер. с фр. Н. Н. Алипова; Под ред. Г. Г. Аракелова. - М.: Мир, 1996. - 370 с.

Основы психофизиологии / Ю. И. Александров, Д. Г. Шевченко, И. Александров и др.; Отв. ред. Александров Ю. И. — М.: Изд. дом «Инфра-М», 1997. — 430 с. — (Высшее образование). — гл. 13.

Психология смерти и умирания: Хрестоматия / Сост. Сельченок К. В. — Минск: Харвест, 1998.

Психология человеческих проблем: Хрестоматия / Сост. Сельченок К. В. — Минск: Харвест, 1998. — 1031

Ротенберг В. С., Аршавский В. В. Поисковая активность и адаптация. — М.: Наука, 1984.

Сергиенко Е. А., Рязанова Т. Б. Младенческое лонгитюдное исследование: специфика психического развития // Психологический журнал. - 1999. - Т. 20. - № 2. - С. 39-54,

Современная психология: Справочное руководство/Под ред. В. Н.Дружинина. —М.:Инфра-М, 1999.- 687 с.-(Справочники «ИНФРА-М»).

Спивак Л. И., Спивак Д. Л. Измененные состояния сознания: типология, семиотика, психофизиология// Сознание и физическая реальность. — 1996. — Т. 2. — № 4. — С. 48-55.

Тайны сознания и бессознательного: Хрестоматия / Сост. Сельченок К. В. — Минск: Харвест, 1998.

Глава 6. Научение

Краткое содержание главы

Виды научения. Теории научения. Основные виды научения. Классическое обусловливание. Оперантное обусловливание.

Сложные формы научения. Латентное научение. Когнитивные карты. Инсайт. Перенос. Имитация и научение через наблюдение.

6.1. Виды научения

Научение пронизывает всю нашу жизнь. Мы соприкасаемся с научением в общении с друзьями, в процессе эмоционального развития и социального роста, мы научаемся любить, ненавидеть, правильно (или неправильно) вести себя и т. д. В самом общем виде *научение* можно определить как формирование нового индивидуального опыта в процессе активного взаимоотношения организма со средой. Под индивидуальным опытом в данном случае следует понимать совокупность поведенческих актов, приспособленных к конкретным условиям среды.

Существует множество теорий научения. В каждой из них можно выделить какой-то отдельный аспект изучаемого процесса. Например, бихевиористы при исследовании научения в большей степени опираются на внешне наблюдаемое поведение, которое пытаются контролировать различными воздействиями. Этологи больше внимания уделяют научению в естественных условиях и межвидовым различиям при научении. Когнитивные психологи интересуются тем, какие психические структуры формируются во время научения. Многие из них пытаются смоделировать процессы научения в виде компьютерных программ. Существует даже целое направление: коннекционизм (от англ. *connection* — связь), — которое занимается моделированием процессов научения.

Из всего этого многообразия теорий можно выделить общие положения, с которыми соглашается большинство исследователей.

1. Научение — это постепенное или скачкообразное изменение поведения. Существуют два типа временного протекания процесса научения. Такие формы научения, как классическое или оперантное обусловливание, протекают постепенно, а такие, как импринтинг или инсайт — моментально.

2. Научение — это изменение поведения, не являющееся непосредственно следствием созревания организма, хотя развитие всегда сопровождается научением. Проблема научения тесно связана с проблемой развития и созревания. Иногда в молодом организме сложно отличить результат научения от результата созревания, поэтому научение предпочитают исследовать у взрослых.

3. Научением не является изменение поведения при утомлении или в результате употребления психоактивных веществ,

4. Упражнение улучшает процесс научения.

5. Видовая принадлежность организма определяет возможности его научения.

- **Научение— формирование нового индивидуального опыта в процессе активного взаимоотношения организма со средой.**

Последнее положение — главная заслуга этологов.

В настоящее время (Atkinson R. et at., 1992) выделяют 4 основных вида научения:

- привыкание, суть которого заключается в том, что организм в течение небольшого промежутка времени научается не учитывать или не обращать внимания на повторяющиеся события (например, после возвращения из тихого дачного поселка, где вы провели отпуск, через две-три ночи вы привыкаете к шуму машин и спите спокойно);

- классическое обусловливание, при котором организм научается связывать одно событие с другим, если они постоянно следуют друг за другом, и при возникновении первого события ожидает появления второго;

- оперантное обусловливание характеризует более высокую форму научения; суть его заключается в том, что организм вырабатывает новые способы поведения для достижения своих целей (например, ворона, найдя на улице сухарь, замачивает его в луже, для того чтобы съесть);

- комплексное научение, предполагает не только возникновение новых связей (ассоциаций) между событиями или возникновение новых форм поведения, но и формирование новых стратегий решения задач или отвлеченного знания о нашем окружении.

Привыкание — самый простой вид научения; его интенсивно исследуют с применением регистрации активности отдельных клеток нервной системы у улиток. В дальнейшем мы не будем останавливаться на этой форме научения.

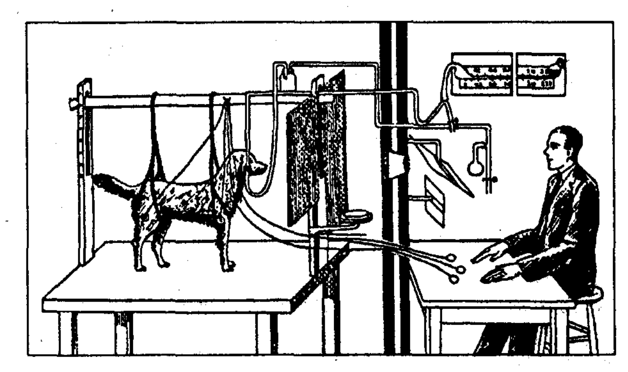

Рис. 6-1. Опыт И. П. Павлова

Классическое обусловливание. И. П. Павлов заметил, что у собаки уже на один вид кормушки выделяется слюна. В предыдущих исследованиях он всегда наблюдал выделение слюны через фистулу (небольшой разрез, который позволяет выводить с помощью трубочки продукты секреции желез наружу) слюнной железы во время поглощения собакой пищи. Но эта собака, по предположению Павлова, научила связывать вид миски со вкусом еды. Вскоре было принято решение проверить, могут ли животные научиться связывать пищу с такими индифферентными (незначимыми) раздражителями, как вспышка света или звонок. В специальную установку с автоматически подаваемой кормушкой помещали собаку и фиксировали ее ремнями (рис. 6-1). Всякий раз после включения звонка животному подавали в кормушке сухарный порошок с мясом. После многократных сочетаний включения звонка с подачей пищи у животных возникало обильное выделение слюны на одно предъявление звонка. То есть собака научалась связывать звонок с пищей.

- **Классическое обусловливание-выработка условных рефлексов.**

Павлов назвал звонок условным раздражителем, а пищу — безусловным раздражителем, вызывающим выделение слюны, или безусловным рефлексом. Выделение слюны в ответ на предъявление условного раздражителя стали называть условным рефлексом. Павлов полагал, что в процессе выработки условных рефлексов устанавливается связь между условным и безусловным раздражителями, в результате чего условный раздражитель заменяет безусловный. Повторное сочетание условного раздражителя с безусловным называется фазой выработки условного рефлекса. После того как условный рефлекс четко возникает на предъявление условного сигнала (звонок), можно приостановить подачу пищи, и тогда выделение слюны в ответ на предъявление условного раздражителя постепенно приостанавливается. Другими словами, происходит угасание условного рефлекса. Это угасание, по мнению Павлова, не приводит к разрушению связи между условным и безусловным раздражителем, так как при возобновлении подачи безусловного раздражителя после условного вскоре восстанавливается и условный рефлекс.

Важно отметить, что в качестве условного раздражителя может выступать любое событие, а в качестве безусловного раздражителя — любое биологически значимое для организма событие или предмет (например, пища, вода или удар током). В зарубежной психологии выработку условных рефлексов стали называть обусловливанием, а после появления ее новых форм — классическим обусловливанием. В рамках сравнительной психологии ученые разработали множество вариантов классического обусловливания и стали применять их для изучения животных разных видов. Например, так вырабатывали условные рефлексы у плоских червей: вспышку света многократно сочетали с ударом тока, вследствие которого черви все время судорожно стягивали свое тело. После нескольких десятков сочетаний черви стягивали тело в ответ на одну вспышку света.

В России после смерти Павлова механизмы выработки условных рефлексов на долгие годы стали основным предметом исследования в физиологии нервной системы. В результате возникла новая наука о высшей нервной деятельности (ВНД), теснейшим образом связанная с учением Павлова. Метод выработки условных рефлексов стали применять и в других научных областях. Так, в психиатрии при лечении алкоголизма вырабатывали условные рефлексы рвоты в ответ на предъявление водки. Для этого больному вначале давали выпить алкоголь, а затем искусственно вызывали рвоту. Вследствие многих сочетаний уже один запах начинал вызывать рвоту у больных. Такой метод «оздоровления» на

медицинском жаргоне называли «водка-рвота», но ввиду того, что условным рефлексам свойственно угасать, он не приводил к внушительным результатам.

В классическом обусловливании условный рефлекс идентичен с безусловным, поэтому организм научается не реализовывать какие-то новые акты, а лишь связывать одно событие с другим. Поэтому когда исследователи хотят обучить животное какому-то новому поведению, они не используют процедуру классического обусловливания.

Оперантное обусловливание. В цирке дрессировщики побуждают зверей совершить какое-то действие, а затем хвалят их и дают маленький кусочек пищи. После того как животное научилось делать это новое действие, его побуждают к совершению следующего действия. Если действие не то, которое нужно дрессировщику, то он не дает животному кусочка пищи, т. е. не поощряет его. Животное начинает совершать разные попытки и в итоге реализует нужное действие.

- **Оперантное обусловливание —научение, в ходе которого приобретение нового опыта и реализация его в поведении приводят к достижению определенной цели.**

Если мы понаблюдаем за поведением собственной собаки, когда она во дворе играет с мячом, то мы заметим, что она может его кусать, прижимать к земле и отпускать или подкидывать его. В естественных условиях обитания организмы не только отвечают на стимулы, но и воздействуют на среду. Но как только организм совершил новое действие, дальнейшее появление этого действия в поведенческом репертуаре будет зависеть от того, каков был его результат. Так, собака чаще будет подбрасывать мяч, если мы будем поощрять это действие поглаживанием или кусочком лакомой пищи.

Оперантное обусловливание (от лат. *operatic* - действие) означает такое научение, в ходе которого приобретение определенного нового опыта и реализация его поведении приводят к достижению определенной цели. Оно позволяет нам воздействовать на среду и присуще не только людям, но и более простым существам, так как паук или таракан. Сам термин был введен Б. Ф. Скиннером, хотя процедуру оперантного обусловливания использовали веками для дрессировки животных. У Скиннера также был предшественник, который вплотную приблизился к описанию этой формы научения.

На рубеже XIX и XX вв. американский исследователь Э. Торндайк пытался выяснить, существует ли у животных разум, или интеллект. Для этого он построил «проблемный ящик» (рис. 6-2), в который помещал голодных котов. Вне клетки находилась пища, как правило, рыба. Животное могло открыть дверку ящика только в том случае, если оно нажало на педаль внутри ящика или потянуло за рычаг. Но коты вначале пытались достать приманку, просовывая лапы сквозь решетку клетки. После серии неудач они обычно обследовали все внутри, производили разнообразные действия. В конце концов животное наступало на рычаг, и дверка открывалась. В результате многочисленных повторных процедур животные постепенно переставали совершать лишние действия и сразу нажимали на педаль.

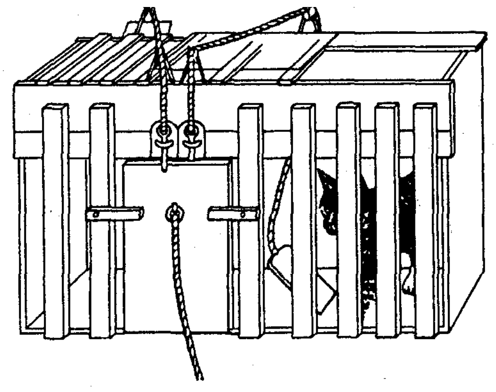

Рис. 6-2. «Проблемный ящик» Э. Торндайка

Э. Торндайк (1874–1949)

Торндайк назвал это научением путем проб и ошибок, поскольку перед тем как животное научается совершать нужный акт, оно реализует множество ошибочных. Такое научение можно представить графически. На рис. 6-3 изображен график, или кривая научения, где по линии абсцисс отложено количество процедур, а по линии ординат — время, за которое животное открывает дверку. По нему можно увидеть, что чем больше раз животное попадало в проблемный ящик, тем быстрее оно оттуда выходило или, другими словами, тем меньше совершалось ошибок перед реализацией нужного действия.

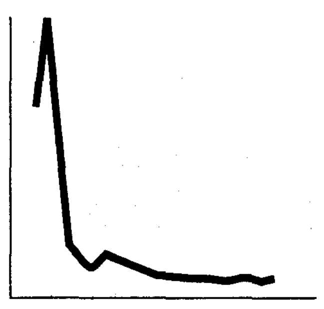

Рис. 6-3. Кривая научения

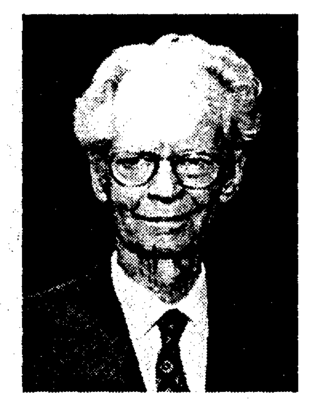
Важно остановиться на одном моменте, который был отмечен американским исследователем и возведен в ранг закона. Он обнаружил, что те действия, которые поощряются, т. е. подкрепляются, с большей вероятностью возникали в последующих пробах, а те, которые не подкреплялись, не использовались животным в последующих пробах. Другими словами, животное научалось совершать только те действия, за которыми следовало подкрепление — это и есть закон эффекта.

Каковы же были выводы Торндайка по поводу разумного поведения животных? Исследователь отрицал наличие у них каких-либо признаков интеллекта, так как научение происходит путем «слепых» проб и ошибок, а механизм научения заключается в установлении связей между стимулами и реакциями. Не вдаваясь в теоретические подробности, отметим только, что уже упоминавшееся направление — бихевиоризм — стало формироваться после публикации работ Торндайка.

Самый радикальный представитель бихевиоризма, Б. Ф. Скиннер, полагал, что оперантное поведение спонтанно и возникает без каких-либо очевидных стимулов, а реактивное поведение является следствием какого-то стимула. Оперантное поведение можно модифицировать путем подкрепления. По сути, поведение можно контролировать и им можно управлять, создав соответствующий порядок подкрепления. Скиннер много экспериментировал, в основном с крысами и голубями, и утверждал, что закономерности научения одинаковы как для животных, так и для человека.

Разберем типичный эксперимент Скиннера. Голодного голубя сажают в так называемый «ящик Скиннера» (рис. 6-4). Внутри ящика нет ничего, кроме кнопки и находящейся под ней кормушки. Голодная птица, попав в клетку, начинает все обследовать, рассматривать и в результате ударяет клювом по кнопке. Опять повторяется поиск: голубь клюет пол или кормушку, в итоге опять клюет кнопку. Так животное в течение некоторого времени несколько раз клюет кнопку. Количество клеваний по кнопке, скажем, за полчаса, условно принимают за исходный оперантный уровень. Далее включают кормушку, и теперь голубь после каждого удара по кнопке получает зернышко. Через некоторое время птица научается клевать кнопку, так как это действие подкрепляется. Чем больше она клюет кнопку,

тем больше она получает пищи. Если голубь будет клевать кнопку с высокой частотой, то это действие характеризуется высоким оперант ным уровнем, если будет клевать ее редко, то действие будет иметь низкий оперантный уровень.

Б. Ф. Скиннер (1904–1990

Оперантный уровень, таким образом, показывает уровень обученности подкрепляемому акту. Но что будет, если перестать подавать подкрепление? Как и в классическом обуславливании, произойдет угасание оперантного поведения. Приведем пример. Маленький мальчик проявлял истерические формы поведения, если родители не уделяли ему нужного внимания, особенно перед сном. Так как родителей такое поведение сильно тревожило, они все время успокаивали его и этим подкрепляли дальнейшее появление истерики. Им посоветовали перестать обращать внимание на ребенка, как бы сильно ни плакал. Отмена подкрепления в форме внимания должна была привести к угнетению, т. е. к исчезновению всех истерических проявлений, что и произошло. Плач мальчика исчез уже через одну неделю.

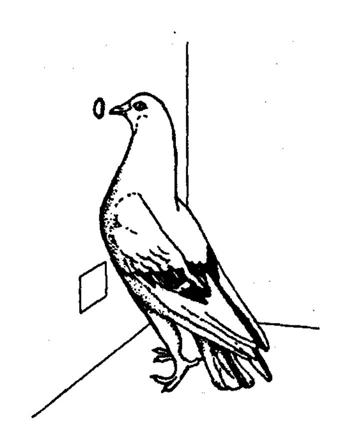

Рис. 6-4. «Ящик Скиннера»

Процедуру оперантного обусловливания применяют для научения животных сложным формам поведения, которые не возникли бы в естественных условиях. Например, медведя можно научить водить мопед, а дельфина — прыгать через горящий круг. Поведение такой сложности можно выработать у животных, применяя процедуру формирования поведения. Для примера приведем ситуацию научения кролика потягиванию кольца.

В небольшой клетке в одном углу находится автоматическая кормушка, напротив, в другом углу, — кольцо. Голодный кролик, попав в клетку, в первые минуты все обнюхивает, становится на задние лапы и выглядывает из клетки. Экспериментатор начинает подавать кормушку с пищей. Кормушка работает с шумом, поэтому животное не сразу залезает в нее. После того как кролик привык к шуму, он уже связывает его с появлением пищи и смело залезает в кормушку за ней. Через некоторое время перестают подавать пищу, после чего кролик вновь начинает осуществлять поисковое поведение. Когда животное поворачивает в сторону кольца, снова подают кормушку с пищей. После множества реализаций поворота кролику начинают давать пищу только в том случае, если он подходит к кольцу. Когда подход к кольцу сформирован, опять перестают подавать пищу. Животное начинает поисковое поведение, повторяет все формы выученных ранее актов, начинает грызть кольцо и тянет его. Срабатывает кормушка. Через некоторое время животное уже научается потягиванию за кольцо.

В оперантном научении особую роль занимает подкрепление. *Подкреплением* называется любой предмет или событие, которое значимо для организма и ради достижения которого им совершается поведение. Выделяют положительное подкрепление и отрицательное подкрепление. В качестве положительного подкрепления всегда выступают биологически необходимые для организма объекты, например пища, вода, половой партнер и т. д. У людей к биологически необходимым объектам добавляются продукты культуры или культурные ценности. Отрицательное подкрепление опасно для жизни, поэтому организм пытается избежать его или предотвратить его действие. В качестве отрицательного подкрепления исследователи часто используют электрический ток или громкий звук, а процедуру научения в таких случаях принято называть аверзивным обусловливанием (от англ. *aversive* — отвращающий).

- **Подкрепление — предмет или событие, которое значимо для организма.**

Теперь нам становится понятно, почему Скиннер полагал, что поведением можно манипулировать через подкрепление. Но на самом деле все оказалось гораздо сложнее. Мак-Фарленд сообщает, что некоторые исследователи пытались научить цыплят стоять спокойно на ровной площадке, чтобы получить вознаграждение, но те все время скребли пол. Другие пытались научить свинью вкладывать в копилку особую монету. Но свинья ни за какое подкрепление не хотела научиться этому, она многократно роняла на пол монету и поднимала опять. Проводили также исследования с голубями, в ходе которых их обучали клевать кнопку либо взмахивать крыльями. Оказалось, что птицы быстрее научались клевать кнопку, если в качестве подкрепления выступала пища (положительное подкрепление), а взмахивать крыльями — если этим поведением они избегали удара электрического тока (негативное подкрепление). С точки зрения Скиннера, голуби должны были научиться клевать кнопку или встряхивать крыльями независимо от рода подкрепления.

Такой парадокс объяснили этологи — исследователи поведения животных в естественных условиях. У голубей акт клевания является частью пищевого поведения, поэтому голубь быстрее научается клевать кнопку, если за этим следует подкрепление в виде пищи. А взмахивание крыльями является частью избегательного поведения, так как птицы совершают этот акт перед тем как взлететь. Ограничения такого рода показывают, что научение связано с имеющимся опытом животного, а также с врожденными формами поведения.

6.2. Сложные формы научения

Латентное научение. Еще в начале века ученые заметили, что крысы быстрее научаются проходить лабиринт, если перед процедурой обучения их просто помещали туда на 20 минут. Было ли это случайностью, либо на научение каким-то образом влиял предшествующий опыт, - предстояло проверить в специальном эксперименте, что и было сделано Р. Блоджетом в 1929 г. Для этого он взял две группы крыс. Одна группа была контрольной, а другая — экспериментальной.

Каждое животное из экспериментальной группы шесть дней подряд помещалось один раз в день в сложный шестикоридорный лабиринт. Исследователь регистрировал время прохождения животного по лабиринту и количество ошибочных действий (вхождение в тупиковую ветвь лабиринта). У выхода крыса вынималась и получала подкрепление только в другом месте и по прошествии нескольких часов. Так как животные в конце лабиринта не получали подкрепление, то они учились проходить лабиринт довольно медленно. На седьмой день исследователь поместил в конце лабиринта кусочек пищи. Вследствие этого уже на восьмой день животные стали проходить лабиринт гораздо лучше, количество ошибок уменьшилось. В дальнейшем первая группа животных догнала по показателям вторую группу, которая обучалась проходить лабиринт в том же порядке, как и первая, только в конце лабиринта животные второй группы все время получали пищу.

Инсайт - моментальное научение.

Л. Кардош, венгерский исследователь научения, по этому поводу пишет: « видно, что животные первой группы в пробежке по лабиринту в каком-то смысле “изменились”, в противном случае сложно было бы объяснить последующее научение более быстрому пробегу по лабиринту» (Kardos L, 1988,

р.141). «Изменение» было воспринято, как научение «чему-то», что является частью обычного научения, но оно скрыто, а характеристики его трудно проследить по кривым научения (рис. 6-5). Такую форму научения назвали латентным (скрытым) научением.

Когнитивные карты. Давайте попробуем представить научение крыс прохождению в лабиринте так, как это объяснил бы Э. Торндайк или любой другой исследователь бихевиористского направления. По предположению Торндайка, животное научается связывать событие (стимул) с реализуемым действием (реакцией), если в итоге действие подкрепляется. В лабиринте для животного может служить стимулом поворот в коридоре. На каждый поворот по коридору лабиринта животное вырабатывает отдельное действие. Но подкрепление находится в самом конце лабиринта, поэтому животное связывает последний поворот с проходом по последнему коридору. Затем животное научается связывать предпоследний поворот с выбором и прохождением правильного коридора, который ведет к последнему коридору, и так далее, пока животное не дойдет до входа в лабиринт. Получается, что при научении прохождения по лабиринту животное учится совершать цепочку реакций с конца лабиринта к началу.

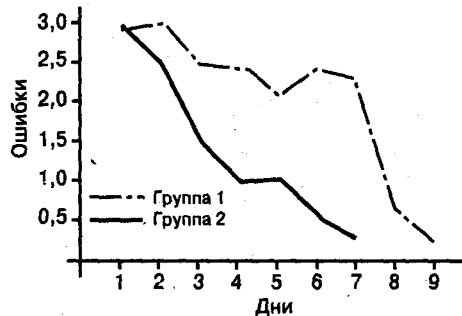

Рис. 6-5. Кривые научения, полученные в экспериментах Р. Блоджеда

- **Перенос — влияние ранее приобретенного индивидуального опыта на его последующее формирование.**

Но если в конце лабиринта не кладется подкрепление, как это делалось в исследованиях с латентным научением у экспериментальной группы, то почему происходит скрытое научение? Получается, что результаты с латентным научением невозможно объяснить с помощью научения путем устанавления связей между «стимулами» и «реакциями».

По мнению Э. Толмена, научение в сложном лабиринте происходит за счет формирования когнитивной карты окружающей обстановки. Когнитивная карта указывает пути (маршруты) и линии поведения и взаимосвязи элементов окружающей среды. Предположения Толмена сыграли в психологии ключевую роль в смещении акцента с внешних причин поведения и научения на внутренние.

Инсайт. Во время Первой мировой войны В. Кёлер, немецкий психолог, был интернирован на остров Тенерифе. Здесь у Прусской Академии находилась опытная станция по изучению человекообразных обезьян. Главное, что интересовало Кёлера, — наблюдается ли интеллект, или разумное поведение, у приматов при решении различных задач. Этот же вопрос задавал и Торндайк, и его вывод был приблизительно таков: у животных не существует разумного поведения; они научаются за счет проб и ошибок и механически связывают стимулы с подкрепляемыми действиями. Работая с шимпанзе, Кёлер пришел к противоположному выводу. По мнению Кёлера, у шимпанзе обнаруживается разумное поведение того же самого рода, что и у человека. Нам предстоит познакомиться с экспериментами, на основе которых исследователем было сделано такое смелое заключение.

Представим помещение, в котором с потолка на нитке свисает апельсин. Но достать его нельзя, так как висит он довольно высоко. В помещении нет ничего кроме трех ящиков. Голодный шимпанзе, попав в такое помещение, пытается дотянуться до приманки. После неудачных попыток животное уходит в угол и ложится на пол. Оно долго смотрит на плод, далее — на ящики. Через некоторое время животное вскакивает, берет ящик, тащит его под приманку, ставит, залезает на него, прыгает и достает желанный плод. Кёлер полагал, что в проблемной ситуации, если не скрыты вспомогательные средства, т. е. вся ситуация выступает в целостности, животные приходят к правильному решению. При этом научение происходит моментально.

Подтверждением моментального научения служит тот факт, что, решив задачу однажды, животное в

дальнейшем решает ее без проблем. Научение, которое обнаружил Кёлер у приматов, отличается от научения путем проб и ошибок, или от оперантного обусловливания, и описывается как феномен *инсайта,* или озарения. Инсайт очень похож на латентное научение, но отождествлять их не стоит, так как при инсайте научение происходит за один раз.

Перенос. И животные, и люди, научаясь чему-то, всегда используют свой старый индивидуальный опыт. Старый опыт может улучшать протекание научения, мы убедились в этом, когда рассматривали латентное научение. Организмы могут использовать ранее выученные действия в совсем другой ситуации. Когда ранее приобретенный индивидуальный опыт влияет на последующее его формирование, мы говорим о переносе. Явление переноса можно продемонстрировать на простых примерах. Шимпанзе Кёлера в одной ситуации сбивал висящий высоко плод с помощью длинной палки. В другой ситуации ставил два ящика друг на друга, но достать приманку не мог, поэтому он бежал за палкой, с которой залезал опять на ящики и сбивал фрукт. После того как мы научились кататься на велосипеде, нам легче будет научиться водить и на мотоцикле. Уже давно замечено, что люди, выучившие какой-то один и иностранный язык, быстрее выучивают второй.

Выделяют два вида переноса: положительный и отрицательный. Положительный перенос улучшает протекание процесса научения. Все вышеприведенные примеры относятся к этому типу переноса. Отрицательный перенос обычно усложняет научение либо не сказывается на нем. Если обучать животных проходить лабиринт с одного конца в другой, а затем учить их же проходить тот же лабиринт, только в обратную сторону, то научение будет проходить медленнее либо точно так же, как в другом новом лабиринте (Kardos L,, 1988).

Имитация и научение через наблюдение. Многие приматы учатся добывать пищу, наблюдая за действиями собратьев. Если молодой шимпанзе увидит, как мать засовывает в муравейник прежде смоченную слюной соломинку, далее достает ее оттуда уже с муравьями, а потом облизывает ее всю и съедает насекомых, он повторяет действие. Очень часто можно увидеть, как маленькие девочки стоят у зеркала и меряют мамино платье, пробуют накраситься губной помадой, а мальчики залезают в папины ботинки, суют карандаш в рот как сигарету и берут в руки портфель.

Формирование нового поведения путем воспроизведения чужих действий принято называть *имитацией* (подражанием). Имитация обеспечивает процесс приобретения специфических видовых форм поведения, она также позволяет передавать видовой опыт от поколения к поколению. Некоторая первичная форма подражания замечена уже у птиц, хотя она тесно связана у них с созреванием. Например, птенцы зяблика после того как они вылупятся из яйца, слушают пение взрослых самцов. В возрасте около 40 дней молодые самцы начинают повторять ранее слышанные песни, и делают это очень неточно. Только в возрасте 60 дней у зябликов пение становится совершенным, что и обеспечивает им в дальнейшем ухаживание за самками.

У людей имитация больше всего выражена в детском возрасте. Дети, подражая своим родителям или каким-то персонажам из фильмов, часто проявляют это в играх. Считается, что имитация происходит без всякого подкрепления, поэтому говорят, что у людей существует готовность к имитации. Эта готовность не осознана, она проявляется, по словам В. Чаньи, в том, что «наблюдая за поведением людей, за их разговором, тоном голоса, за языковыми и стилистическими оборотами, за их манерой одеваться, за их привычками, мы ненамеренно и сами начинаем вести себя, разговаривать, одеваться» (CsanyiV., 1999).

- **Имитация – формирование нового поведения путем воспроизведения чужих действий.**

Американский психолог А. Бандура утверждает, что люди по большей части учатся не путем проб и ошибок, а посредством наблюдения. Это уникальное свойство людей позволяет им достигать великих высот, не рискуя при этом своей жизнью. Довольно сложно разграничить имитацию и научение путем наблюдения, так как сам Бандура полагает, что имитация является частью последнего. Одной из отличительных особенностей имитации является неосознанность. Научение путем наблюдения по большей части протекает осознанно.

Бандура выделяет четыре основных процесса в научении путем наблюдения. Первый — процесс внимания. На этой стадии человек должен обратить внимание на поведение «модели» и правильно его понять. Наблюдая за «моделью», человек запоминает ее поведение в виде информации, которая представлена в репрезентациях. Это — процесс сохранения. Репрезентации бывают невербальными и вербальными: одни возникают путем образного, а другие — путем вербального кодирования. На

третьем этапе (моторно-репродуктивного процесса) происходит перевод символически закодированной информации в действия. Последний этап сильно зависит от мотивационных процессов, т. е. от разных переменных подкрепления. Приведем пример из школьной жизни. Дети наблюдают, как учитель рисует тригонометрические фигуры (первый этап). Моделью в данном случае является учитель. Дети запоминают все движения учителя при рисовании на доске фигур (второй этап). Дома каждый ребенок может попробовать нарисовать запомнившиеся ему фигуры (третий этап). Но одни дети сделают это, потому что боятся не выполнить задание учителя, другие — потому что любят рисовать, и т. д. (четвертый этап).

Концепция Бандуры, по сути, объясняет научение, в ходе которого усваивается социальный и культурный опыт.

Рассмотрев разные формы научения, в заключение нам хотелось бы остановиться на метафоре, которая предложена для эволюции организмов, но применима и к научению. Д. Деннет, автор метафоры, назвал ее «генерирующей и тестирующей вышкой». Она очень упрощена, в этом сознается и сам Деннет. «Вышка» обозначает эволюционный процесс, а «генерирующая» и «тестирующая» — функции, за счет которых обеспечивается протекание этого процесса. Вышка имеет несколько этажей.

По мнению Деннета, вначале была дарвиновская эволюция видов. Протекала она за счет естественного отбора. Возникало множество простейших организмов путем рекомбинаций и мутаций генов. Такие организмы имели фиксированную форму поведения. Они проходили испытания в среде, и только самые лучшие из них выжили и размножились. Это и есть первый этаж вышки, а живущие на ней существа называются «дарвиновскими существами» (рис. 6-6). Автор пишет, что такой процесс прошел многие миллионы циклов, пока среди существ не возникли такие, которые обладали фенотипической гибкостью. Это означает, что помимо врожденных качеств и фиксированных форм поведения новые существа могли изменяться и приобретать новые качества и новый опыт в процессе повторяющихся взаимоотношений со средой. Модификации происходили в организмах, главным образом, по ходу приспособления к разным событиям, которые происходили в окружающей среде. Многие из этих существ погибали, так как не могли реализовать свое поведение в изменившейся среде, но многие выживали, так как имели целый набор актов. Существа генерировали разные акты и далее пробовали применить их по одному. Это происходило до те пор, пока не обнаруживался наиболее подходящий акт.

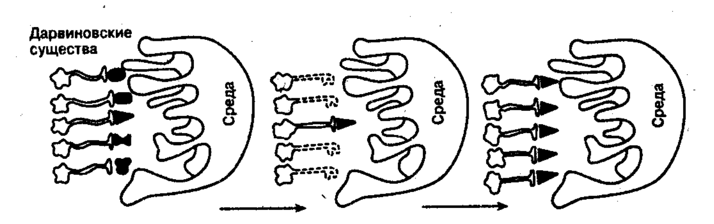

Рис. 6-6. Дарвиновские существа проходят испытания в среде. Наилучший фенотип выживает и размножается

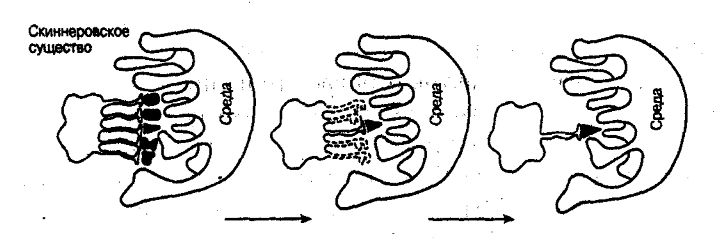

Рис. 6-7. Скиннеровское существо путем проб и ошибок выбирает подкрепляемое средой действие и в дальнейшем использует его

Но каким образом эти существа узнавали про то, подходит ли выбранный акт. Путем положительной либо отрицательной обратной связи, которую организм получал от внешней среды. И эта обратная связь увеличивала либо уменьшала вероятность использования акта в следующий раз (закон эффекта). Можно догадаться, что здесь идет речь об оперантном обусловливании. Очевидно, что такие существа умели оценивать исходящие из среды положительные или отрицательные события, или подкрепления. Деннет называет эти организмы «скиннеровскими существами» (рис. 6-7), так как «Скиннер показал, что такая форма "оперантного обусловливания" является не только аналогией естественного отбора по

Дарвину, но и расширением после него» (Dennett D. C., 1996). Эти существа живут на втором этаже вышки.

Мы с вами видели, что множество животных научается с одного раза, не проходит через сложный путь научения путем проб и ошибок. Для чего возникла такая форма приспособления? Деннет пишет по этому поводу, что «"скиннеровское обусловливание" — хорошая штука, если не предположить, что организм не будет убит в сам начале, в результате своей какой-то фатальной ошибки» (Dennett D. C., 1996). Поэтому более эффективным способом выживания является предварительная селекция возможных форм поведения, или актов. Делается такая селекция для того, чтобы «очевидно видно глупые шаги» заранее были отброшены, перед тем как их реализовать в среде обитания. Животные третьего этажа, «попперовские существа», совершают так предварительную селекцию. Деннет называет эти существа попперовскими, так как К. Поппер отмечал, что такое строение организма позволяет, «чтобы вместо нас самих погибали наши гипотезы» (Popper K. R., 1995).

Каким образом «попперовские существа» совершают предварительную селекцию? Откуда должна приходить обратная связь? Для этого должен быть внутренний фильтр, состоящий из модели (а не точной копии) внешней среды. Эта модель среды содержит максимальное количество информации о наружной среде. Организм с помощью внутреннего проигрывания актов отбирает те из них, которые подкрепляются моделью среды, аналогично тому, как это происходило бы во внешней среде (рис. 6-8). Конечно, и здесь могут возникать ошибки, особенно если организм попадает в какую-то экстраординарную ситуацию, но их становится гораздо меньше! У нас может возникнуть вопрос: а каких животных на самом деле можно считать попперовскими? Деннет полагает, что таковыми являются большинство животных, начиная с самых простых и кончая человеком.

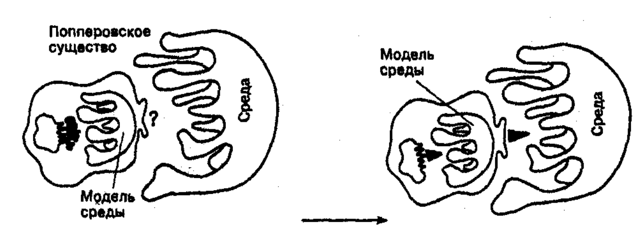

Рис. 6-8. Попперовское существо внутри себя производит предварительный отбор актов, а затем реализует наиболее подходящий

В настоящее время идея попперовских существ все глубже проникает в теорию научения. Накапливаются данные, что процесс научения — это не инструктивный процесс (т. е. когда среда инструктирует организм о том, что ему надо сделать), а скорее всего селективный. Это означает, что внутри организма заранее происходит отбор нужных форм поведения. Где и за счет чего происходят такие процессы? Так как все наше поведение обеспечивается нервной системой, то очевидно, что селекция происходит именно там, точнее, в главной ее части — головном мозге. Множество нейронов, объединяясь в системы, обеспечивают функционирование организма и его поведение. Но как происходит отбор нейронов в эти системы и как протекает селекция разных систем нейронов, при решении задачи или во время научения? Эти вопросы подробно рассматриваются системной психофизиологией.

Вопросы для повторения

1. Назовите положения, общие для различных теорий научения.
2. Какие формы научения не требуют формирования новых действий?
3. Что произойдет, если после условного раздражителя долго не подавать безусловный?
4. По закону эффекта, какое действие должно в будущем чаще использоваться организмом при решении одной и той же задачи?
5. С помощью чего, по мнению Скиннера, можно управлять поведением?
6. Как называется научение, которое протекает незаметно?
7. Что вы знаете о феномене инсайта?
8. Какое научение позволяет нам осваивать общественный опыт, не совершая при этом ничего?

Рекомендуемая литература

Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию / Отв. ред. О. И. Лонгвиненко. — М.: Прогресс. 1988. - 461 с

Мак-Фарленд Д. Поведение животных. — М.: Мир, 1988.

Основы психофизиологии / Ю. И. Александров, Д. Г. Шевченко, И. Александров и др.; Отв. ред. Александров Ю. И. — М.: Инфра-М, 1997. — 430 с. — (Высшее образование).

Современная психология: Справочное руководство / Под ред. В. Н. Дружинина. — М.: Инфра-М, 1999. — 687 с. - (Справочники «ИНФРА-М»).

Фабри К. Э. Основы зоопсихологии. - М.: Изд. МГУ, 1976. - 287 с.

Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология: Сборник статей / Общ. ред. А. Н. Леонтьева. — М.: Прогресс, 1973. - 429 с.

Глава 7. Психология деятельности и адаптация

Краткое содержание главы

Проблема деятельности в психологии. Психическое как процесс. Деятельность и новые аспекты изучения психики. Виды деятельности.

Схема анализа деятельности. Деятельность. Мотив и мотивация. Виды мотивов. Действие. Виды действий. Операция. Психофизиологические основы деятельности.

Творчество. Механизм творческого процесса. Фазы творческого процесса. Креативность

Адаптация и дезадаптация. Аккомодация и ассимиляция как составляющие адаптации Социальная адаптация и социализация. Конструктивные и защитные механизмы адаптации Нарушения процесса адаптации.

7.1. Проблема деятельности в психологии

Деятельность — это процесс активного отношения человека к действительности в ходе которого происходит достижение субъектом поставленных ранее целей, удовлетворение разнообразных потребностей и освоение общественного опыта. В деятельности проявляются, а также, согласно С. Л. Рубинштейну, формируются и развиваются человек и его психика. Введение категории деятельности в психологию изменило представление о психическом как уникальном, специфическом явлении, имеющем статус эпифеномена. Анализ деятельности и особенностей ее влияния на психику позволил по-иному подойти к вопросам исследования психического. Последнее стало рассматриваться и как результат (психический образ, умение, состояние, чувство и др.), и как процесс.

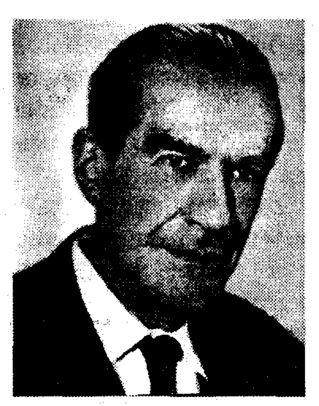

С. Л. Рубинштейн (1889–1960)

По мнению С. Л. Рубинштейна, психическое объективно существует прежде всего как процесс — живой, предельно динамичный, пластичный и гибкий, непрерывный, никогда изначально полностью не заданный и является таковым потому, что оно всегда формируется только в ходе непрерывно

изменяющегося взаимодействия индивида с внешним миром, и следовательно, само непрерывно изменяется и развивается более полно отражая эту динамичность окружающей действительности и тем самым участвуя в регуляции всех действий, поступков и т. д.

При определении деятельности как объекта психологического исследования были раскрыты аспекты изучения психики: процессуальный аспект (психическое анализируется с точки зрения динамики), исторический аспект (позволяет исследовать психическое с точки зрения законов и закономерностей его развития), структурно-функциональный аспект (определяет возможности анализа психического как сложной многоуровневой системы, выполняющей определенные функции).

А. Н. Леонтьев (1903–1979)

Процессуальный, исторический и структурно-функциональный аспекты учитываются при изучении влияния различных видов деятельности на психическое развитие человека.

Игра — особый вид деятельности, в котором исторически закрепились типичные способы действия и взаимодействия людей; включение ребенка в игровую деятельность обеспечивает возможность овладения общественным опытом, накопленным человечеством, а также когнитивное, личностное и нравственное развитие ребенка. Особое значение имеет ролевая игра, в процессе которой ребенок принимает на себя роли взрослых и действует с предметами в соответствии с приписанными значениями. Механизм усвоения социальных ролей через ролевые игры обеспечивает возможность социализации личности, а также развития ее мотивационно-потребностной сферы. Анализ игровой деятельности осуществлен в работах Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, Д. Б. Эльконина и др.

Учебная деятельность — способ усвоения предметных и познавательных действий, в основе которого лежат механизмы преобразования усваиваемого материала, выделения базовых отношений между предметными условиями ситуации в целях решения типичных задач в измененных условиях, обобщения принципа решения, моделирования процесса решения задачи и контроля за ним. Как и любой вид деятельности, учебная деятельность имеет уровневое строение и состоит из отдельных компонентов — действий, операций, условий, потребностей, мотивов, задач.

- **Деятельность — процесс активного отношения человека к действительности, в ходе которого происходит достижение субъектом поставленных ранее целей,удовлетворение разнообразных потребностей и освоение общественного опыта.**

Специфическое соотношение компонентов учебной деятельности определяет ее индивидуальный характер. Проблема учебной деятельности, ее строения, развития и влияния на психическое развитие личности была поставлена и исследована Д. Б. Элькониным, П. Я. Гальпериным, В. В. Давыдовым и продолжает изучаться В. В. Рубцовым и сотрудниками Психологического института РАО.

Трудовая деятельность — процесс активного изменения предметов природы, материальной и духовной жизни общества в целях удовлетворения потребностей человека и создания различных ценностей. Предметом психологического изучения трудовой деятельности выступают психические процессы, факторы, состояния, которые побуждают, программируют и регулируют трудовую активность человека, а также его личностные свойства. Последние определяют специфику деятельности и одновременно изменяются в ней. Трудовая деятельность в целом и ее отдельные аспекты в частности стали предметом анализа для С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, Д. А. Ошанина, К. К. Платонова, О. А. Конопкина, В. Д. Шадрикова и др.

Досуг — один из видов деятельности, направленный на удовлетворение потребности в отдыхе,

развлечениях, познании и творчестве. Досуг обеспечивает развитие личностных, познавательных, нравственных аспектов природы человека, непосредственно не связанных с его профессиональными интересами и, следовательно, выходящих за пределы трудовой деятельности.

Включение человека в различные виды деятельности является необходимым условием полноценного и многообразного развития личности.

7.2. Схема анализа деятельности

Деятельность представляет собой систему, состоящую из отдельных компонентов. Выделяют такие компоненты деятельности, как действия, операции, цели, мотивы и др. Каждый из этих компонентов представлен на определенном уровне деятельности.

Уровень деятельности. Одной из задач психологического анализа деятельности является выяснение побудительных причин, по которым она осуществляется, и мотивов поведения. Мотив (в различных концепциях жестко или пластично) связан с деятельностью как сложной системой. Это — не доступный непосредственному познанию гипотетический конструкт, с помощью которого, согласно X. Хекхаузену, объясняется, как возникает поведение, как оно энергетически обеспечивается, поддерживается, направляется, прекращается и какого рода субъективные реакции происходят при этом в организме.

Существует распространенное мнение, что термином «мотивация» обозначают различные по длительности и силе проявления, которые актуализируются под наблюдением особенностей ситуации, внешних условий, побуждая человека действовать в определенном направлении. Типичными особенностями ситуации, мотивирующей деятельность, являются интенсивность, необычность и новизна стимуляции. Термином *мотив* обозначают побуждения, объясняющие индивидуалыю-психологические различия между людьми в протекании деятельности в идентичных условиях.

Выделяют следующие виды мотивов:

- стремление к достижению успеха;
- избегание неудачи;
- уничижение (подчинение, мазохизм, самобичевание);
- аффилиация (стремление к установлению равных дружеских отношений);
- агрессия (стремление нанести вред другому);
- автономия (потребность в уединении);
- преодоление трудностей (стремление к преодолению препятствий);
- повиновение (подчинение авторитету);
- самооправдание;
- доминирование (стремление к власти);
- демонстративность (артистизм, самолюбование);
- избегание опасности и др.

Уровень действия. Основным предметом изучения в психологической теории деятельности является уровень действия. По словам С. Л. Рубинштейна, задача психологического изучения деятельности состоит именно в том, чтобы, не превращая действие и деятельность в психологические образования, разработать подлинную психологию действия.

- **Мотив — побуждения, объясняющие индивидуально-психологические различия между людьми в протекании деятельности в идентичных условиях.**

Действие — это один из определяющих компонентов деятельности человека, который формируется под влиянием осознанного результата, или цели. Именно действие, его генезис, структура и функции становятся основным предметом изучения в психологической теории деятельности. В структуру действия входят не только реактивные и исполнительные элементы, но и элементы экспрессии, чувствительности, памяти, предвидения и оценки. В целом действие состоит из трех частей: ориентировочной, исполнительной и контролирующей.

Существует несколько оснований для выделения видов действий. По форме психического отражения различают сенсорные, перцептивные, мнемические и др. виды действий. По соответствию различным видам деятельностей выделяют игровые, учебные, трудовые и др. действия. По степени освоения

действия различают внешние и внутренние действия.

В действиях закреплен исторический опыт человечества, передача которого осуществляется в процессе общения ребенка и взрослого, а также двух и более взрослых людей между собой.

Уровень операции. Операция — одна из составляющих деятельности, определяемая условиями выполнения действия. Операция является способом выполнения действия. Одна и та же операция может входить в структуру разных действий. Например, заучивать стихи можно при подготовке к уроку литературы (при совершении учебного действия) или для тренировки памяти (при совершении мнемического действия). Подобным же образом одно и то же действие может выполняться разными операциями: нередко для подготовки к ответственному выступлению оратор использует способ заучивания текста, но иногда он применяет мнемотехнические средства — метод размещения, метод ключевых слов и др. Операции формируются двумя способами: с помощью подражания и путем автоматизации действий. В отличие от действий, операции малоосознаваемы.

Уровень психофизиологических основ деятельности образуют особенности протекания различных психических процессов, специфика системной психофизиологии и др.

Уровневое строение деятельности обеспечивает многозначность взаимодействия субъекта с миром. В процессе этого взаимодействия происходит формирование психического образа, осуществление и изменение опосредованных им отношений человека с предметным миром.

7.3. Творчество

Творчество может рассматриваться двояко — как компонент какой-либо деятельности и как самостоятельная деятельность. Существует мнение, что в любой деятельности присутствует элемент творчества, т. е. момент нового, оригинального подхода к ее выполнению. В этом случае в качестве творческого элемента может выступать любой этап деятельности — от постановки проблемы до поиска операциональных способов выполнения действий. Когда творчество направлено на поиск нового, оптимального, возможно, ранее неизвестного решения, оно обретает статус деятельности и представляет собой сложную многоуровневую систему. В этой системе выделяют специфические мотивы, цели, способы действия, фиксируются особенности их динамики.

Основой творческого процесса является интуитивный механизм, который, по Я. А. Пономареву, определяется двойственностью результата деятельности. Одна часть результата деятельности, соответствуя сознательно поставленной цели, называется прямым продуктом, а другая, не соответствующая цели и полученная помимо сознательного намерения, называется побочным продуктом. Неосознаваемый, побочный продукт деятельности может приводить к неожиданному решению, способ которого не осознается. Это решение называется интуитивным. Основными особенностями интуитивного решения являются наличие чувственного образа, целостного восприятия и неосознанность способа получения результата.

В современных трактовках творческого процесса большое внимание уделяется не столько принципу деятельности, сколько принципу взаимодействия, поскольку, деятельностный подход основан на соответствии цели и результата, а творчество, наоборот, возникает в условиях рассогласования цели и результата.

Творчество понимается как развивающее взаимодействие, механизм движение которого имеет определенные фазы функционирования. Я. А. Пономарев (1976) сопоставил фазы решения творческой задачи взрослым, умственно развитым человеком с формированием способности действовать в уме у детей. Оказалось, что формы поведения детей на этапах развития способности действовать в уме аналогичны формам поведения взрослых на соответствующих стадиях решения творческой задачи

1. Фаза произвольного, логического поиска. На этой стадии актуализируются знания, необходимые для решения творческой задачи, решение которой не может быть получено непосредственно путем логического вывода из имеющихся посылок исследователь осознанно отбирает факты, способствующие эффективному решению, осуществляет обобщение и перенос ранее полученных знаний в новые условия, выдвигает гипотезы, применяет приемы анализа и синтеза исходных данных. На этой стадии преобладает осознанное представление о результате деятельности и способах его целенаправленного достижения.

2. Фаза интуитивного решения. Для этой фазы характерен неосознанный поиск способа решения проблем, в основе которого лежит принцип двойственности результата действия человека, т. е. наличие

прямого (осознаваемого) и побочного (незнаваемого) продуктов действия. При определенных условиях побочный продукт может оказывать регулирующее влияние на действия человека. Такими условиями являются:

- наличие побочного продукта в неосознаваемом опыте;
- высокий уровень поисковой мотивации;
- ясно и просто сформулированная задача;
- отсутствие автоматизации способа действия.

Необходимость в интуитивном решении задачи возникает в случае, если на предыдущей стадии выбранные логические приемы были неадекватны для решения ставленной задачи и требовались иные способы достижения цели. Уровень осознанности поведения на стадии интуитивного решения снижен, и найденное решение выглядит как неожиданное и самопроизвольное.

3. Фаза вербализации интуитивного решения. Интуитивное решение проблемы на предыдущей стадии творческого процесса осуществляется неосознанно. Осознан только результат (факт) решения. На стадии вербализации интуитивного решения осуществляется объяснение способа решения и его вербальное оформление. Основой осознания результата и способа решения проблемы является включение человека в процесс взаимодействия (коммуникации) с любым другим человеком, например экспериментатором, которому и описывается процесс решения задачи.

- **Креативность — интегративное качество психики человека, которое обеспечивает продуктивные преобразования в деятельности личности, позволяя удовлетворять потребность в исследовательской активности.**

4. Фаза формализации вербализованного решения. На этой стадии формулируется задача логического оформления способа решения новой задачи. Процесс формализации решения происходит на сознательном уровне.

Фазы творческого процесса рассматриваются как структурные уровни организации психологического механизма поведения, сменяющие друг друга в ходе его осуществления. Решение творческих задач осуществляется посредством разнообразных сочетаний уровней организации психологического механизма творчества. Общим психологическим критерием творчества является смена доминирующих уровней организации психологического механизма творчества, т. е. тех уровней, которые вовлекаются в процесс решения творческой задачи (постановка проблемы, выбор средств решения и др.).

Творческая активность возникает в условиях решения творческих задач, и любой человек на какое-то время может почувствовать себя творцом. Тем не менее дифференциально-психологический анализ поведения людей в разнообразных жизненных ситуациях показывает, что существует такой тип личности, который использует оригинальные способы решения любых жизненных задач, — это тип творческой личности. Основной особенностью творческой личности является креативность.

Креативность — интегративное качество психики человека, которое обеспечивает продуктивные преобразования в деятельности личности, позволяя удовлетворять потребность в исследовательской активности. Креативная личность отличается от других людей целым рядом особенностей:

— когнитивных (высокая чувствительность к субсенсорным раздражителям; чувствительность к необычному, уникальному, единичному; способность воспринимать явления в определенной системе, комплексно; память на редкие события; развитые воображение и фантазия; развитое дивергентное мышление как стратегия обобщения множества решений одной задачи и др.);

— эмоциональных (высокая эмоциональная возбудимость, преодоление состояния тревожности, наличие стенических эмоций);

— мотивационных (потребность в понимании, исследовании, самовыражении и самоутверждении, потребность в автономии и независимости);

— коммуникативных (инициативность, склонность к лидерству, спонтанность).

Творчество как один из видов деятельности и креативность как устойчивая совокупность черт, способствующих поиску нового, оригинального, нетипичного, обеспечивают прогресс общественного развития. На уровне общественных интересйвкреативность действительно рассматривается как эвристический способ жизнедеятельности, но на уровне социальной группы поведение творческой личности может быть оценено как вид деятельности, не согласующийся с нормами и предписаниями, принятыми в данном сообществе людей. Творчество может рассматриваться как форма поведения, не

согласующаяся с принятыми нормами, но при этом не нарушающая правовые и моральные предписания группы.

7.4. Адаптация и дезадаптация

Адаптацией (от лат. *adaptare* — приспособлять) называется процесс эффективного взаимодействия организма со средой. Этот процесс может осуществляться на разных уровнях (биологическом, психологическом, социальном). На психологическом уровне адаптация осуществляется посредством успешного принятия решений, проявления инициативы, принятия ответственности, антиципации результатов предполагаемых действий и т. д. Ж. Пиаже (1969) рассматривал адаптацию в качестве одн го из главных процессов интеллектуального развития ребенка. В адаптации им были выделены две составляющие — аккомодация и ассимиляция. Аккомодация определялась Пиаже как перестройка механизмов умственной активности с целью усвоения новой информации, а ассимиляция — как присвоение внешнего события и преобразование его в мысленное. Иными словами, адаптация предполагает, что, во-первых, происходит приобретение знаний, умений и навыков, компетентности и мастерства, и, во-вторых, изменяется психическая организация человека — когнитивные (сенсорные, перцептивные, мнемические и др.) и личностные (мотивация, целеполагание, эмоции и др.) процессы.

- **Адаптация— эффективное взаимодействие организма со средой.**

В этой главе мы рассмотрим только уровень социальной адаптации. *Социальная адаптация* — это процесс эффективного взаимодействия с социальной средой. Она соотносится с *социализацией* — процессом взаимодействия с социальной средой, в ходе которого индивид овладевает механизмами социального поведения и усваивает его нормы, имеющие адаптивное значение. Состояние взаимоотношений личности и группы, когда личность без длительных внешних и внутренних конфликтов продуктивно включается в ведущую деятельность, удовлетворяет основные социогенные потребности, идет навстречу ролевым ожиданиям, которые предъявляет к ней группа, переживает состояние самоутверждения и свободы выражения творческих способностей, называется социально-психологической адаптированностью.

В проблемных ситуациях, не связанных с переживанием препятствий на пути достижения цели, адаптация осуществляется с помощью конструктивных механизмов (познавательных процессов, целеобразования, целеполагания, конформного поведения). В ситуации, где ощущается наличие внешних и внутренних барьеров, адаптация осуществляется с помощью защитных механизмов (регрессии, отрицания, формирования реакции, вытеснения, подавления, проекции, идентификации, рационализации, сублимации, юмора и т.д.)

Конструктивные механизмы позволяют адекватно реагировать на изменение социальных условий жизни, используя возможность осуществлять оценку ситуации, анализ, синтез и прогноз событий, антиципацию последствий деятельности. М. И. Бобнева (1978) выделила следующие механизмы адаптации:

- социальное воображение — способность понимать свой опыт и определять свою судьбу, мысленно помещав себя в реальные рамки данного периода развития общества, и осознавать свои возможности;
- социальный интеллект — способность усматривать и улавливать сложные отношения и зависимости в социальной среде;
- реалистичную направленность сознания;
- ориентировку на должное.

М. И. Бобнева (1933–1996)

Защитные механизмы представляют собой систему адаптивных реакций личности, позволяющую снижать тревожность, обеспечивающую целостность «Я-концепции» и устойчивость самооценки благодаря удержанию соответствия между представлениями об окружающем мире и представлениями о себе.

Встречаются следующие способы психологической защиты:

- отрицание — игнорирование травмирующей информации;
- регрессия — возвращение к онтогенетически более ранним, инфантильным стратегиям поведения (плаксивость, демонстрация беспомощности);
- формирование реакции — замена неприемлемых импульсов, эмоциональных состояний на противоположные (враждебность заменяется мягкостью, скупость расточительностью и т. д.);
- вытеснение — устранение из сферы сознания болезненных событий (обычно оно осуществляется в форме забывания);
- подавление — более сознательное, чем при вытеснении, избегание травмирующей информации.

Более зрелыми механизмами защиты считаются:

- проекция — приписывание другим людям свойств, качеств, причин поведения, в которых отказывается себе;
- идентификация — отождествление с реальным или вымышленным персонажем с целью приписывания себе желаемых качеств;
- рационализация — оправдание тех или иных поступков, интерпретация событий с целью снижения их травмирующего влияния на личность (по аналогии с кислым виноградом);
- сублимация — преобразование энергии инстинктивных влечений в социально приемлемые способы деятельности (художественное творчество, изобретательство, профессиональную деятельность);
- юмор — снижение напряжения с помощью апелляции к юмористическим выражениям, рассказам, анекдотам.

- **Социальная адаптация — процесс эффективного взаимодействия с социальной средой.**

Социализация — овладение индивидом в процессе взаимодействия с социальной средой механизмами социального поведения и усвоение его норм, имеющих адаптивное значение.

Нарушения процесса адаптации. Помимо собственно адаптации различают девиантную и патологическую адаптацию. Понятие «девиантная адаптация» объединяет в себе способы адаптации личности, обеспечивающие удовлетворение ее потребностей неприемлемым для группы путем. Различают две формы девиантной адаптации — неконформистскую и новаторскую. Неконформистская девиантная адаптация нередко приводит к конфликтам с группой, новаторская (творческая) девиантная адаптация сопровождается созданием новых способов разрешения проблемных ситуаций. Патологическая адаптация — это процесс, который осуществляется с помощью патологических механизмов и форм поведения и приводит к образованию невротических и психотических синдромов.

Наряду с различными формами адаптации существует явление *дезидаптации.* Дезадаптацией называется процесс, который приводит к нарушению взаимодействия со средой, усугублению проблемной ситуации и сопровождается межличностным и внутриличностными конфликтами. Диагностическими критериями дезадаптации являются нарушения в профессиональной деятельности и в межличностной сфере, а также реакции, выходящие за пределы нормы и ожидаемых реакций на стресс (агрессия, депрессия, аутизм, тревожность и др.). Эти критерии находят свое отражение в

различных определениях дезадаптивного поведения, например в кратком словаре-справочнике «Отклоняющееся поведение молодежи» дезадаптация определяется как «поведение, неадекватное нормам и требованиям ближайшего окружения» (Попов В.А., Заваржина С. А., 1994).

По продолжительности влияния на личность различают временную, устойчивую, ситуативную и общую устойчивую дезадаптированность личности. Временная адаптация связана с включением в новую ситуацию, в которой необходимо адаптироваться (поступление в школу, на работу, рождение ребенка и др.). Устойчивая ситуативная дезадаптированность связана с невозможностью найти приемлемые способы адаптации в специфических условиях при решении проблем (в условиях профессиональной деятельности, в сфере семейных отношений и др.). Общая устойчивая адаптированность — это состояние стабильной неприспособленности личности, активизирующее защитные механизмы.

- **Дезадаптация — процесс, который приводит к нарушению взаимодействия со средой.**

Причинами возникновения состояния дезадаптированности являются:

1) пережитый психосоциальный стресс, вызванный разводом, профессиональными проблемами, хроническими заболеваниями и др.;

2) пережитые экстремальные ситуации — травматические ситуации, в которых человек участвовал непосредственно как свидетель, если они были связаны с восприятием смерти или реальной ее угрозы, тяжелых травм и страданий других людей (или своей собственной), испытывая при этом интенсивный страх, ужас, чувство беспомощности (подобные ситуации вызывают особое состояние — посттравматическое стрессовое расстройство);

3) неблагополучное включение в новую социальную ситуацию или нарушение устоявшихся взаимоотношений в группе.

Состояние дезадаптированности может сопровождаться отклонениями в поведении личности; тогда возникают конфликты, не имеющие явной причины, неадекватные реакции, отказ от выполнения предписаний, по отношению к которым ранее не возникало противодействия. Такого рода предписания обозначаются терминами «социальная норма» и «социальная ценность». Социальные нормы и ценности являются регуляторами социального поведения людей. Социальная норма — это модель должного, общезначимое правило поведения, установленное социальными группами и обществом.

Ненормативное поведение называют отклоняющимся, или девиантным (от лат. *deviatio* — отклонение, уклонение). А. И. Ковалева дает следующее определение: «Отклоняющееся поведение — форма дезорганизации поведения индивида или категории лиц в обществе, обнаруживающая несоответствие сложившимся ожиданиям, моральным и правовым требованиям общества» (Ковалева А. И., 1996). Выход за пределы обычного, нормативного связан со сменой состояния, а также условий и характера деятельности, с совершением особого действия. Такое действие называется *поступком*. Поступок обеспечивает возможность:

2) испытания себя, выявления своих качеств, особенностей, намерений;

3) опробования и выбора способов достижения поставленных целей.

Таким образом, термином “*девиантное поведение*” обозначается отклонение от нормы, связанное с внеинституциональным поведением. Подобное поведение регулируется системой норм, не принятой данной группой, и нередко возникает в подростковом возрасте, поддерживая намерение исследовать, изучать, экспериментировать, выявлять свои потенциальные возможности. «Положительная девиация» коррелирует с творческими способностями и стремлением к их реализации. «Отрицательная девиация» выражается в таких формах поведения, как ложь, обман, грубость, бездействие, агрессивность, курение, драки, пропуски школьных занятий (у детей и подростков), наркомания, алкоголизм.

- **Поступок — действие, совершение которого связано со сменой состояния, а также условий и характера деятельности.**

Девиантное поведение —отклонение от нормы, связанное с внеинституциональным поведением.

Делинквентное поведение — противонормное сознательно осуществляемое поведение, целью которого является уничтожение, изменение, замена норм, принятых данным социальным институтом.

Делинквентное, антиинституциональное поведение (от лат. *delictum* — проступок, правонарушение) — противонормное, сознательно осуществляемое поведение, целью которого является уничтожение, изменение, замена норм, принятых данным социальным институтом. Если критерием девиантного

поведения является поступок, критерием делинквентного поведения — преступление. Делинквентное поведение связано с нарушением социальной нормы, имеющей жесткие санкции, т. е. уголовной нормы, и проявляется в намерении нанести ущерб, вред другому человеку или группе людей. Некоторые авторы не считают делинквентное поведение результатом нарушения уголовной нормы, полагая, что к нему относятся и такие нарушения поведения, как школьные прогулы, сквернословие, т. е. противоправные, но отнюдь не антисоциальные действия. Такой подход размывает границы между девиантным и делинквентным поведением. На самом деле границы между этими формами ненормативного поведения существуют, однако при определенных условиях первая форма поведения легко может трансформироваться во вторую. Среди причин, вызвавших делинквентное поведение в детском и подростковом возрасте, называют:

- влияние родителей (алкоголизм, психические заболевания, неправильные установки по отношению к детям — авторитаризм или излишняя избалованность, антисоциальное поведение, ссоры);
- гиперактивность со сниженным контролем за поведением;
- дисфункции или органические поражения ЦНС;
- депривация от родителей и др.

Вопросы для повторения

1. В чем вы видите психологический смысл исследования деятельности?
2. Какие виды деятельности вам известны?
3. В чем сходство и различие учебной и трудовой деятельности?
4. Почему досуг относят к одному из видов деятельности?
5. Какие фазы творческого процесса вам известны?
6. Что такое креативность?
7. Каковы особенности процесса адаптации и дезадаптации?
8. В чем состоят особенности девиантного поведения?
9. Какие причины лежат в основе делинквентного поведения?
10. Можно ли считать школьные прогулы формой делинквентного поведения?

Рекомендуемая литература

Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. — М.: Наука, 1980. — 335 с. Абульханова-Славская К. А., Брушлинский А. В. Философско-психологическая концепция С. Л. Рубинштейна: К 100-летию со дня рождения / АН СССР, Ин-т психологии; Отв. ред. Е. А. Будилова. М.: Наука, 1989. - 243 с.

А. Н. Леонтьев и современная психология/Под ред. А. В. Запорожца, В. П. Зинченко, О. В. Овчинниковой, О. К. Тихомирова. - М., 1983.

Беличева С. А. Основы превентивной психологии. — М.: Консорциум «Социальное здоровье России», 1993. - 198 с.

Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения. — М.: Наука, 1978. — 311 с.

Братусь Б. С. Аномалии личности. — М.: Мысль, 1988. — 304 с.

Деятельностный подход в психологии: Проблемы и перспективы: Сборник научных трудов / АПН СССР; Под ред. В. В. Давыдова, Д. А. Леонтьева. - М.: АПН РСФСР, 1990. - 180 с.

Дружинин В. Н. Психология общих способностей. — СПб.: Питер, 1999. — 356 с. — (Мастера психологии).

Исследование проблем психологии творчества: Сборник статей / АН СССР, Ин-т психологии; Отв. ред. Я. А. Пономарев. - М.: Наука, 1983. - 336 с.

Калошина И. П. Структура и механизмы творческой деятельности. Нормативный подход. — М.: изд-во МГУ, 1983. - 168 с.

Ковалева А. И. Социализация: норма и отклонение. — М.: Ин-т Молодежи, 1996.

Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М.: Политиздат, 1975. — 304 с.

Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. — Л.: Медицина, 1977. — 208 с.

Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Отв. ред. Ю. Забродин. – М.: Наука, 1989. - 449 с.

Налчаджян А. А. Социально-психологическая адаптация личности. — Ереван: Изд-во АН АрмССР,

1988. — 262 с. — (Формы, механизмы, стратегии).

Отклоняющееся поведение молодежи: Краткий словарь-справочник / Владимир, гос. пед ин-т.; Под ред. В. А. Попова, С. А. Завражина. — Владимир: Ред.- изд. отд. — 1994. — 141 с.

Пиаже Ж. Избранные психологические труды. — М.: Просвещение, 1969. — 435 с.

Пономарев Я. А. Психология творчества. — М.: Наука, 1976. — 303 с.

Психологическая наука в России XX столетия: Проблемы теории и истории / Отв. ред. А. В. Брушлинский. - М.: ИП РАН, 1997. - 177 с.

Психологические исследования творческой деятельности / Под ред. О. К. Тихомирова. — М.: Наука, 1975.-253 с.

Психология творчества: Общая, дифференциальная, прикладная / АН СССР; Под ред. Я. А. Пономарева. - М.: Наука, 1990, - 222 с.

Рубинштейн С. Л. О мышлении и путях его исследования / АН СССР, Ин-т психологии. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. - 347 с.

Рубинштейин С. Л. Основы общей психологии. — СПб.: Питер, 1998. — 705 с. — (Мастера психологии).

Социальная дезадаптация: нарушение поведения у детей и подростков / Независимая ассоциация детских психиатров и психологов; Науч. ред. Н. Вострокнутов. — М.: Независимая ассоциация детских психиатров и психологов, 1996.— 183 с.

Социальная психология личности / Отв. ред. М. И. Бобнева, Е. В. Шорохова. — М.: Наука, 1979. — 344 с.

Тарабрина Н. В., Лазебная Е. О. Синдром посттравматических стрессовых нарушений: современное состояние проблемы // Психологический журнал. — 1996. — Т. 13. — № 2. — С. 14-29.

Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность / Пер. с нем.; Под ред. Б. М. Величковского. — М.: Педагогика, 1986.-406 с.-Т.I.

Шадриков В. Д. Психология деятельности и способности человека: Учеб. пособие для вузов. — М.: Изд. корпорация «Логос», 1996.—318 с.

Шапинский В. А., Мареев В. И. Девиантное поведение и социальный контроль: Учеб. пособ / Науч. ред. А. А. Греков; Рост. гос. пед. ун-т. — Ростов н/Д: Изд-во Рост. гос. пед. ин-та, 1997. — 98 с.

Глава 8. Эмоции и чувства

Краткое содержание главы

Общее представление об эмоциях. Определение эмоций. Виды эмоций.

Роль эмоций. Отражательно-оценочная, управляющая и дезорганизующая роль эмоций. Функции эмоций: защитная, мобилизующая, санкционирующая, компенсаторная, сигнальная, подкрепляющая.

Проявление эмоций. Физиологические и поведенческие характеристики эмоций. Индивидуальные особенности проявления эмоций. Свойства эмоций.

Механизмы эмоций. Теория Джемса—Ланге. Теория У. Кеннона. Исследования П. Барда. Гипотеза П. В. Симонова.

Управление эмоциями. Способы снятия эмоционального напряжения.

Чувства. Соотношение между чувствами и эмоциями. Нравственные чувства. Эстетичские чувства.

8.1. Общее представление об эмоциях

В процессе эволюции животного мира появилась особая форма проявления отражательной функции мозга — эмоции (от лат. *emoveo* — возбуждаю, волную). Он отражают личную значимость внешних и внутренних стимулов, ситуаций, событий для человека, т. е. то, что его волнует, и выражаются в форме переживаний. В психологии эмоции определяются как переживание человеком в данный момент своего отношения к чему-либо (к наличной или будущей ситуации, к другим людям, к самому себе и т. д.). Помимо этого узкого понимания понятие «эмоция» используется и в широком смысле, когда под ней

имеют в виду целостную эмоциональную реакцию личности, включающую не только психический компонент — переживание, но и специфические физиологические изменения в организме, сопутствующие этому переживаниюю. В этом случае можно говорить об эмоциональном состоянии человека. Эмоции имеются и у животных, но у человека они приобретают особую глубину, имеют множество оттенков и сочетаний.

Немецкий философ И. Кант делил эмоции на стенические (от греч. στενοζ - повышающие жизнедеятельность организма, и астенические — ослабляющие ее. Стенический страх заставил лермонтовского Гаруна бежать быстрее лани, а астенический страх приводит людей и животных в оцепенение (что тоже имеет биологический смысл: не выделяться из фона, казаться неживым).

Эмоции делят также на положительные и отрицательные, то есть приятные и неприятные. Филогенетически наиболее древними являются переживания удовольствия и неудовольствия (так называемый эмоциональный тон ощущений), которые направляют поведение человека и животных на сближение с источником удовольствия или на избегание источника неудовольствия. У животных и человека в головном мозге имеются центры удовольствия и неудовольствия, возбуждение которых и дает соответствующие переживания.

В экспериментах в мозг крысы вживляли электрод, с помощью которого раздражали нервный центр удовольствия. Затем крысу научили самораздражать этот центр, для чего она должна была нажимать лапкой на рычаг, замыкая таким образом электрическую цепь. Испытываемое при этом крысой ощущение удовольствия приводило к тому, что она нажимала на рычаг до двух тысяч раз подряд. Сходные явления наблюдались и в клинике нервных болезней, когда по медицинским показаниям больным людям на длительное время вживляли в мозг электроды, стимулируя через них нервные клетки. Возбуждение участка мозга,вызывающее чувство удовольствия, приводило к тому, что после сеанса больной ходил за врачом и просил: «Доктор, пораздражайте меня еще».

Более сложными являются другие положительные (радость, восторг) и отрицательные (гнев, горе, страх) эмоции. П. В. Симонов выделяет смешанные эмоции, когда в одном и том же переживании сочетаются и положительные, и отрицательные оттенки (например, получение удовольствия от страха в «комнате ужасов»).

В зависимости от личностных (вкусов, интересов, нравственных установок, опыта) и темпераментных особенностей людей, а также от ситуации, в которой они находятся, одна и та же причина может вызывать у них разные эмоции. Например, опасность у одних вызывает страх, а у других — радостное, приподнятое настроение. Влияние опыта, установок восприятия проявляется, например, у парашютистов в том, что прыжок с парашютной вышки переживается ими сильнее, чем прыжок с самолета. Объясняется это тем, что близость земли в первом случае делает восприятие высоты более конкретным.

Эмоции различаются по интенсивности и длительности, а также по степени осознанности причины их появления. В связи с этим выделяют настроения, собственно эмоции и аффекты.

Настроение — это слабо выраженное устойчивое эмоциональное состояние, причина которого человеку может быть не ясна. Оно постоянно присутствует у человека в качестве эмоционального тона, повышая или понижая его активность в общении или работе.

Собственно эмоции — это более кратковременное, но достаточно сильно выраженное переживание человеком радости, горя, страха и т. п. Они возникают по поводу удовлетворения или неудовлетворения потребностей и имеют хорошо осознаваемую причину появления.

Аффект — быстро возникающее, очень интенсивное и кратковременное эмоциональное состояние, вызываемое сильным или особо значимым для человека стимулом. Чаще всего аффект является следствием конфликта. Он всегда проявляется бурно и сопровождается снижением способности к переключению внимания, сужением поля восприятия (внимание фокусируется в основном на объекте, вызвавшем аффект). При аффекте мало продумываются последствия совершаемого, вследствие че поведение человека становится импульсивным. Про такого человека говорят, что он не помнит себя, находился в беспамятстве. После аффекта часто наступает упад сил, равнодушие ко всему окружающему или раскаяние в содеянном. Частое проявление аффекта в нормальной обстановке свидетельствует либо о невоспитанности человека, либо об имеющемся у него нервно-психическом заболевании.

- **Аффект — быстро возникающее, очень интенсивное и кратковременное эмоциональное состояние, вызываемое сильным или особо значимым для человека стимулом**

Настроение — это слабо выраженное устойчивое эмоциональное состояние, причина которого человеку может быть

не ясна.
Эмоции – переживание человеком в данный момент своего отношения к чему-либо.

8.2. Роль эмоций

Эмоции играют черезвычайно важную роль в поведении и деятельности человека

Отражательно-оценочная роль эмоций. Эмоции дают субъективную окраску происходящему вокруг нас и в нас самих. Это значит, что на одно и то же событие разные люди могут эмоционально реагировать совершенно различно. Например, у болельщиков проигрыш их любимой команды вызовет разочарование, огорчение, у болельщиков же команды соперника — радость. А определенное произведение искусства может вызывать у разных людей прямо противоположные эмоции. Недаром в народе говорят: «На вкус и цвет товарища нет».

Эмоции помогают оценивать не только прошедшие или происходящие сейчас действия и события, но и будущие, включаясь в процесс вероятностного прогнозирования (предвкушение удовольствия, когда человек идет в театр, или ожидание неприятных переживаний после экзамена, когда студент не успел к нему как следует подготовиться).

Управляющая роль эмоций. Помимо отражения окружающей человека действительности и его отношения к тому или иному объекту или событию эмоции важны для управления поведением человека, являясь одним из психофизиологических механизмов этого управления. Ведь возникновение того или иного отношения к объекту влияет на мотивацию, на процесс принятия решения о действии или поступке, а сопровождающие эмоции физиологические изменения влияют на качество деятельности, работоспособность человека. Играя управляющую поведением и деятельностью человека роль, эмоции выполняют разнообразные положительные функции: защитную, мобилизующую, санкционирующую (переключающую), компенсаторную, сигнальную, подкрепляющую (стабилизирующую), которые часто совмещаются с другом.

Защитная функция эмоций связана с возникновением страха. Он предупреждает человека о реальной или о мнимой опасности, способствуя тем самым лучшему продумыванию возникшей ситуации, более тщательному определению вероятности достижения успеха или неудачи. Тем самым страх защищает человека от неприятных для него последствий, а возможно, и от гибели.

Мобилизующая функция эмоций проявляется, например, в том, что страх может способствовать мобилизации резервов человека за счет выброса в кровь дополнительного количества адреналина, например при активно-оборонительной его форме – (спасении бегством). Способствует мобилизации сил организма и воодушевление, радость.

П. К. Анохин (1898–1974)

Компенсаторная функция эмоций состоит в возмещении информации, недостающей для принятия решения или вынесения суждения о чем-либо. Возникающая при столкновении с незнакомым объектом эмоция придает этому объекту соответствующую окраску (плохой встретился человек или хороший) в связи с его схожестью с ранее встречавшимися объектами. Хотя с помощью эмоции человек выносит обобщенную и не всегда обоснованную оценку объекта и ситуации, она все же помогает ему выйти из тупика, когда он не знает, что ему делать в данной ситуации.

Наличие у эмоций отражательно-оценочной и компенсаторной функций делает возможным

проявление и санкционирующей функции эмоций (идти на контакт с объектом или нет)

Сигнальная функция эмоций связана с воздействием человека или животного на другой живой объект. Эмоция, как правило, имеет внешнее выражение (экспрессию), с помощью которой человек или животное сообщает другому о своем состоянии. Это помогает взаимопониманию при общении, предупреждению агрессии со стороны другого человека или животного, распознаванию потребностей и состояний, имеющихся в данный момент у другого субъекта. Об этой функции эмоций знает уже малыш, который использует ее для достижения своих целей: ведь плач, крик, страдальческая мимика ребенка вызывают у родителей и взрослых сочувствие, а у других детей — понимание, что они сделали что-то плохое. Сигнальная функция эмоций часто сочетается с ее защитной функцией: устрашающий вид в минуту опасности способствует запугиванию другого человека или животного.

Академик П. К. Анохин подчеркивал, что эмоции важны для закрепления, стабилизации рационального поведения животных и человека. Положительные эмоции, возникающие при достижении цели, запоминаются и при соответствующей ситуации могут извлекаться из памяти для получения такого же полезного результата. Отрицательные эмоции, извлекаемые из памяти, наоборот, предупреждают от повторного совершения ошибок. С точки зрения Анохина, эмоциональные переживания закрепились в эволюции как механизм, который удерживает жизненные процессы в оптимальных границах и предупреждает разрушительный характер недостатка или избытка жизненно важных факторов.

Дезорганизующая роль эмоций. Страх может нарушить поведение человека, связанное с достижением какой-либо цели, вызывая у него пассивно-оборонительную реакцию (ступор при сильном страхе, отказ от выполнения задания). Дезорганизующая роль эмоций видна и при злости, когда человек стремится достичь цели во что бы то ни стало, тупо повторяя одни и те же действия, не приводящие к успеху.

При сильном волнении человеку бывает трудно сосредоточиться на задании, он может позабыть, что ему надо делать. Один курсант летного училища при первом самостоятельном полете забыл, как сажать самолет, и смог совершить это только под диктовку с земли своего командира. В другом случае из-за сильного волнения гимнаст (чемпион страны) забыл, выйдя к снаряду, начало упражнения и получил нулевую оценку.

Положительная роль эмоций не связывается прямо с положительными эмоциями, а отрицательная — с отрицательными. Последние могут служить стимулом дл самосовершенствования человека, а первые — явиться поводом для самоуспокоени благодушествования. Многое зависит от целеустремленности человека, от условий его воспитания.

8.3. Проявление эмоций

Как мы уже отметили, эмоция в широком смысле, слова — это психофизиологический феномен, поэтому о переживаниях человека можно судить как по самоотчету человека о переживаемом им состоянии, так и по характеру изменения психомоторики и физиологических параметров: мимике, пантомиме (позе), двигательным реакциям, голосу и вегетативным реакциям (частоте сердечных сокращений, артериальному давлению, частоте дыхания). Наибольшей способностью выражать различные эмоциональные оттенки обладает лицо человека. Еще Леонардо да Винчи говорил, что брови и рот по-разному изменяются при различных причинах плача, а Л. Н. Толстой описывал 85 оттенков выражения глаз и 97 оттенков улыбки, раскрываюий эмоциональное состояние человека. Посмотрите на выражения лиц людей (рис. 8-1) и вы без труда определите большинство эмоций, которые владеют им.

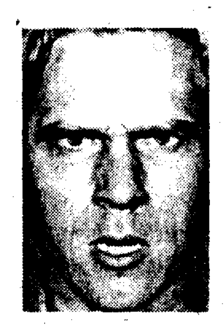

Рис. 8-1. Универсальное выражение эмоций у человека (радость, гнев, удивление, стра

Г. Н. Ланге, один из крупных специалистов по изучению эмоций, привел описание физиологических и поведенческих характеристик радости, печали и гнева. Радость сопровождается возбуждением двигательных центров, из-за чего появляются характерные движения (жестикуляция, подпрыгивания, хлопание в ладоши), усиления кровотока в мелких сосудах (капиллярах), вследствие чего кожа тела краснеет и становится теплее, а внутренние ткани и органы начинают лучше снабжаться кислородом и обмен веществ в них начинает происходить интенсивнее. При печали происходят обратные сдвиги: торможение моторики, сужение кровеносных сосудов. Это вызывает ощущение холода и озноба. Сужение мелких сосудов легких привода оттоку из них крови, в результате ухудшается поступление кислорода в организм, и человек начинает ощущать недостаток воздуха, стеснение и тяжесть в груди и, стараясь облегчить это состояние, начинает делать продолжительные и глубокие вдохи. Внешний вид тоже выдает печального человека. Его движения медленны, руки и голова опущены, голос слабый, а речь растянутая. Гнев сопровождается резким покраснением или же побледнением лица, напряжением мышц шеи, лица и рук (сжимание пальцев в кулак).

У разных людей проявление эмоций различно, в связи с чем говорят о такой личностной характеристике, как экспрессивность. Чем более выражает человек свои эмоции через мимику, жесты, голос, двигательные реакции, тем больше у него выражена экспрессивность. Отсутствие внешнего проявления эмоций не говорит об отсутствии эмоций; человек может скрывать свои переживания, загонять их вглубь, что может стать причиной длительного психического напряжения, отрицательно влияющего на состояние здоровья. Различаются люди и по эмоциональной возбудимости: одни эмоционально реагируют на самые слабые раздражители, другие — только на очень сильные. Вспомним распространенные и не совсем правильные представления о вспыльчивых южанах и невозмутимых жителях северных стран. Кроме того, одни люди склонны чаще переживать положительные эмоции, другие — отрицательные.

Эмоции обладают свойством заразительности. Это значит, что один человек может невольно передавать свое настроение, переживание другим людям, общающимся с ним. Вследствие этого может возникнуть как всеобщее веселье, так и скука или даже паника. Другим свойством эмоций является их способность долгое время храниться в памяти. В связи с этим выделяют особый вид памяти — эмоциональную память.

8.4. Механизмы эмоций

Имеется несколько теорий, объясняющих, почему возникают эмоции. Американский психолог У. Джемс и датский психолог Г. Н. Ланге выдвинули периферическую теорию эмоций, основанную на том, что эмоции связаны с определенными физиологическими реакциями, о которых говорилось выше. Они утверждают, что мы не потому смеемся, что нам смешно, а нам потому смешно, что мы смеемся. Смысл этого парадоксального утверждения заключается в том, что произвольное изменение мимики и позы приводит к непроизвольному появлению соответствующей эмоции. Эти ученые говорили: изобразите гнев — и вы сами начнете переживать это чувство; начните смеяться — и вам станет смешно; попробуйте с утра ходить, еле волоча ноги, с опущенными руками, согнутой спиной и грустной миной на лице — и у вас действительно испортится настроение.

Хотя отрицать наличие условнорефлекторной связи между переживанием эмоции и ее внешним и внутренним проявлением нельзя, содержание эмоции не сводится только к физиологическим

изменениям в организме, поскольку при исключении в эксперименте всех физиологических проявлений субъективное переживание все равно сохранялось. Физиологические же сдвиги происходят при многих эмоциях как вторичное приспособительное явление, например для мобилизации резервных возможностей организма при опасности и порождаемом ею страхе или как форма разрядки возникшего в центральной нервной системе напряжения.

У. Кеннон одним из первых показал ограниченность теории Джемса—Ланге, отметив два обстоятельства. Во-первых, физиологические сдвиги, возникающие при разных эмоциях, бывают весьма похожи друг на друга и не отражают качественное своеобразие эмоций. Во-вторых, полагал У. Кеннон, эти физиологические изменения развертываются медленно, в то время как эмоциональные переживания возникают быстро, то есть предшествуют физиологической реакции. Правда, в более поздних исследованиях П. Барда последнее утверждение не подтвердилось: эмоциональные переживания и физиологические сдвиги, им сопутствующие, возникают почти одновременно.

Интересную гипотезу о причинах появления эмоций выдвинул П. В. Симонов. С утверждает, что эмоции появляются вследствие недостатка или избытка сведений, необходимых для удовлетворения потребности. Степень эмоционального напряжения определяется силой потребности и величиной дефицита информации, необходимой для достижения цели.

В нормальной ситуации человек ориентирует свое поведение на сигналы высоковероятных событий (то есть на то, что в прошлом чаще встречалось). Благодаря этому его поведение в большинстве случаев бывает адекватным и ведет к достижению цели. В условиях полной определенности цель может быть достигнута и без помощи эмоций; у человека не будет ни радости, ни торжества, если он окажется у цели, достижение которой заведомо не вызывало сомнений. Однако в неясных ситуациях, когда человек не располагает точными сведениями для того, чтобы организовать свое поведение по удовлетворению потребности, нужна другая тактика реагирования на сигналы. Отрицательные эмоции, по мнению Симонова, и возникают при недостатке сведений, необходимых для достижения цели, что в жизни бывает чаще всего. Например, эмоция страха развивается при недостатке сведений, необходимых для защиты.

Эмоции способствуют поиску новой информации за счет повышения чувствительности анализаторов (органов чувств), а это, в свою очередь, приводит к реагированию на расширенный диапазон внешних сигналов и улучшает извлечение информации памяти. Вследствие этого при решении задачи могут быть использованы маловероятные или случайные ассоциации, которые в спокойном состоянии не рассматривались бы. Тем самым повышаются шансы достижения цели. Хотя реагирование на расширенный круг сигналов, полезность которых еще неизвестна, избыточно, оно предотвращает пропуск действительно важного сигнала, игнорирование которого может стоить жизни.

Гипотеза П. В. Симонова объясняет некоторые частные случаи возникновения эмоций, но далеко не все. Да и вряд ли механизмы возникновения эмоций можно объяснить только с какой-нибудь одной позиции.

8.5. Управление эмоциями

Поскольку эмоции не всегда желательны, так как при своей избыточности могут дезорганизовать деятельность или их внешнее проявление может поставить человека в неловкое положение, выдав, например, его чувства по отношению к другому, желательно научиться управлять ими и контролировать их внешнее проявления.

Снятию эмоционального напряжения способствуют:

- сосредоточение внимания на технических деталях задания, тактических приемах, а не на значимости результата;
- снижение значимости предстоящей деятельности, придание событию меньшей ценности или вообще переоценка значимости ситуации по типу “не очень - то и хотелось”
- получение дополнительной информации, снимающей неопределенность ситуации;
- разработка запасной отступной стратегии достижения цели на случай неудачи (например, «если не поступлю в этот институт, то пойду в другой»);
- откладывание на время достижения цели в случае осознания невозможности сделать это при наличных знаниях, средствах и т. п.;
- физическая разрядка (как говорил И. П. Павлов, нужно «страсть вогнать в мышцы»); для этого

нужно совершить длительную прогулку, заняться какой-нибудь полезной физической работой и т. д. Иногда такая разрядка происходит у человека как бы сама собой: при крайнем возбуждении он мечется по комнате, перебирает вещи, рвет что-либо и т. д. Тик (непроизвольное сокращение мышц лица), возникающий у многих в момент волнения, тоже является рефлекторной формой моторной разрядки эмоционального напряжения;

- написание письма, запись в дневнике с изложением ситуации и причины, вызвавшей эмоциональное напряжение; этот способ больше подходит для людей замкнутых и скрытных;
- слушание музыки: музыкальной терапией занимались врачи еще в Древней Греции (Гиппократ);
- изображение на лице улыбки в случае негативных переживаний; удерживаемая, улыбка улучшает настроение (в соответствии с теорией Джемса—Ланге);
- активизация чувства юмора, так как смех снижает тревожность;
- мышечное расслабление (релаксация), являющееся элементом аутогенной тренировки и рекомендуемое для снятия тревоги.

Настойчивые попытки воздействовать на очень взволнованного человека при помощи уговоров, убеждения, внушения, как правило, не бывают успешными из-за того, что из всей информации, которая сообщается волнующемуся, он выбирает, воспринимает и учитывает только то, что соответствует его эмоциональному состоянию. Больше того, эмоционально возбужденный человек может обидеться, посчитав, что его не понимают. Лучше дать такому человеку выговориться и даже поплакать. Действительно, учеными установлено, что вместе со слезами из организма удаляется вещество, возбуждающее центральную нервную систему. Следовательно, его удаление при плаче ведет к снижению возбуждения и эмоционального напряжения.

8.6. Чувства

Житейское понимание слова «чувство» настолько широко, что теряет конкретное содержание. Это обозначение ощущений (боль), возвращение сознания после обморока («прийти в чувство») и т. п. Нередко и эмоции называют *чувствами*. В действительности же строго научное использование этого термина ограничивается лишь случаями выражения человеком своего положительного или отрицательного, то есть оценочного отношения к каким-либо объектам. При этом, в отличие от эмоций, отражающих кратковременные переживания, чувства долговременны и могут порой оставаться на всю жизнь. Например, можно получить удовольствие (удовлетворение) от выполненного задания, т. е. испытать положительную эмоцию, а можно быть удовлетворенным своей профессией, иметь к ней положительное отношение, то есть испытывать чувство удовлетворенности.

- **Чувство — выражение человеком долговременного оценочного отношения.**

Чувства выражаются через определенные эмоции в зависимости от того, в какой ситуации оказывается объект, по отношению к которому данный человек проявляет чувство. Например, мать, любя своего ребенка, будет переживать во время его экзаменационной сессии разные эмоции, в зависимости от того, каков будет результат сдачи экзаменов. Когда ребенок пойдет на экзамен, у матери будет тревога, когда он сообщит об успешно сданном экзамене — радость, а при провале — разочарование, досада, злость. Этот и ему подобные примеры показывают, что эмоции и чувства — это не одно и то же.

Таким образом, прямого соответствия между чувствами и эмоциями нет: одна и та же эмоция может выражать разные чувства, и одно и то же чувство может выражаться в разных эмоциях. Доказательством их нетождественности является и более позднее появление чувств в онтогенезе по сравнению с эмоциями.

Особо выделяют так называемые высшие чувства, которые отражают духовный мир человека и связаны с анализом, осмыслением и оценкой происходящего. Человек сознает, почему он ненавидит, гордится, дружит. Высшие чувства отражают социальную сущность человека и могут достигать большой степени обобщенности (например, любовь к Родине). Исходя из того, какая сфера социальных явлений становится объектом высших чувств, их делят на нравственные (моральные) и эстетические.

К нравственным чувствам относятся в первую очередь чувства товарищества, дружбы, любви,

отражающие различную степень привязанности к определенным людям, потребность в общении с ними. Отношение к своим обязанностям, принятым на себя человеком по отношению к другим людям, к обществу называется чувством долга. Несоблюдение этих обязанностей приводит к возникновению отрицательного отношения к себе, выражающегося в чувстве вины, стыда и в угрызениях совести. К нравственным чувствам также относятся чувство жалости, зависти, ревности и другие проявления отношения к человеку или животному.

Эстетические чувства — это отношение человека к прекрасному и уродливому, связанное с пониманием красоты, гармонии, возвышенного и трагического. Эти чувства реализуются через эмоции, которые по своей интенсивности простираются от легкого волнения до глубокой взволнованности, от простой эмоции удовольствия до чувства настоящего эстетического восторга. К этой группе относят и чувство юмора (чувство смешного). При этом, по выражению К. К. Платонова, юмор за шуткой скрывает серьезное отношение к предмету, а ирония за серьезной формулой скрывает шутку. И шутка, и ирония носят обвиняющий, обличительный, но не злобный характер, в отличие от насмешки, и лишены горького смысла, присущего сарказму. Недаром Н. В. Гоголь характеризовал юмор как видимый миру смех сквозь невидимые миру слезы. Чувство юмора может быть врожденным, но оно также является показателем интеллектуального развития личности, ее культурного уровня. У англичан есть пословица: «Нельзя жениться на девушке, которая не смеется над тем, что смешно вам».

Вопросы для повторения

1. Что такое эмоция, чем она отличается от чувства?
2. Какие функции выполняют эмоции в управлении поведением человека и животных?
3. Каково деление эмоций человека на виды по их характеристикам?
4. Какие объяснения механизмов возникновения эмоций выдвинуты учеными?
5. Какие способы управления своими эмоциями вы знаете?
6. Каким образом человек выражает свои чувства?
7. Что такое высшие чувства? На какие группы они делятся?

Рекомендуемая литература

Вилюнас В. К. Психология эмоциональных состояний. — М.: Изд-во МГУ, 1976. — 142 с.

Додонов Б. И. Эмоции как ценность. — М.: Политиздат, 1978. — 272 с.

Изард К. Е. Психология эмоций. — СПб.: Питер, 1999. — 460 с. — (Мастера психологии).

Психология эмоций. Тексты / Под ред. В. Вилюнаса. — М.: Изд-во МГУ, 1984. — 303 с.

Симонов П. В. Высшая нервная деятельность человека: мотивационно-эмоциональные аспекты. — М.: Наука,1975.

Симонов П. В. Что такое эмоция. — М.: Наука, 1966. — 85 с.

Субботин В. Е. Мотивация и эмоции // Современная психология: Справочное руководство / Под ред. В. Н. Дружинина. - М.: Инфра-М, 1999. - 687 с. - С. 397-412. - (Справочники «ИНФРА-М»).

Глава 9. Мотивация и психическая регуляция поведения

Краткое содержание главы

Понятие о мотивации. Определение мотивации. Феноменологический и экспериментальный подходы в изучении мотивации.

Решение проблемы мотивации в рамках бихевиоризма. Принцип гомеостаза. Закон эффекта. Роль потребности и подкрепления в процессе научения.

Психоаналитические теории мотивации. Основные инстинкты по 3. Фрейду. Сублимация. Концепции К. Юнга, А. Адлера, К. Хорни, Э. Фромма.

Гуманистические теории мотивации. Экзистенциализм как философская основа гуманистической психологии. Пять основных групп мотивов человеческого поведения по А. Маслоу

Когнитивные теории мотивации. Теория когнитивного диссонанса. Теория баланса. Сценарии и контрфакты.

Мотивационный контроль действий. Теория функциональной системы. Планы и структура

поведения. Теория четырех стадий действия, или «модель Рубикона». Теория мотивационного контроля Д. Хайленда. Основные структурные блоки контроля действия.

9.1. Понятие о мотивации

Если вы хотя бы раз пытались ответить на один из двух взаимосвязанных вопросов: «К чему стремится этот человек?» и «Насколько сильно он к этому стремится? » - вы волей или неволей занимались анализом мотивации поведения человека.

Мотивация — это совокупность психических процессов, которые придают поведению энергетический импульс и общую направленность. Иначе говоря, мотивация - это движущие силы поведения, т. е. проблема мотивации является проблемой причин поведения индивида.

- **Мотивация —совокупность психических процессов, которые придают поведению энергетический импульс и общую направленность.**

Представьте себя руководителем какой-нибудь организации, например торговой компании. Вы пришли на работу как всегда в 9.00. Секретарша сообщила вам, что вы приглашены на внеочередное собрание учредителей компании. Об этом вас письменно извещает председатель правления. Невольно в голову приходят мысли такого рода «Почему они созвали внеочередное собрание? Почему приглашают меня против обыкновения?» Не успели вы как следует обдумать первую мотивационную загадку, как в 9.30 перед вами возникла другая: из отдела продаж поступила информация об отказе одного из крупных клиентов от возобновления контракта. Вы связываетесь с клиентом, пытаетесь узнать причины отказа, а в ответ слышите нечто уклончивое.

Через 15 минут в кабинет вошла ваша секретарша, принесла бумаги на подпись. Подняв на нее глаза, вы обнаружили на ее лице какое-то странное выражение: то ли радость, то ли скрытое ликование, то ли злорадство. Опять загадка! И это только за 45 минут рабочего времени. Очевидно, что от того, насколько правильными и точными окажутся ваши ответы на эти и другие подобные вопросы, зависит не только ваш успех как менеджера, но и процветание всей организации.

Необходимо отметить, что основные теории мотивации разработаны в двух резко различающихся между собой методологических традициях. Бихевиористские и когнитивистские подходы являются строго экспериментальными, они построены в традициях естественнонаучного знания. Это означает, что каждая теория начинается с выдвижения некоторых постулатов, базовых положений, из этих постулатов выводятся следствия, которые подвергаются экспериментальной проверке, в результате которой происходит неизбежная и необходимая корректировка основных положений теории. В то же время подавляющее большинство психоаналитических и гуманистических концепций разрабатывается и применяется на практике (например, в психотерапии) без какой-либо экспериментальной проверки, что сближает их по методологии с религиозными и эзотерическими учениями. Поэтому они несут в себе чрезмерную долю субъективизма и умозрительности. Сторонники этого (так называемого феноменологического) подхода объясняют нежелание предпринимать экспериментальную проверку следствий своих теорий уникальностью психики человека как объекта исследования, необходимостью использовать приемы понимания, сопереживания, вчувствования и т. п. Против последнего, кстати, никто не возражает: понимание, сопереживание, вчувствование — это компоненты интуиции исследователя, работающего в области гуманитарного знания вообще. Но если мы хотим знать нечто достоверное о природе (в данном случае, о природе человека), необходимо дать природе «высказаться», ответить самой на наши вопросы, а не отвечать за нее. Умение точно ставить вопросы перед природой и предвидеть дальнейший ход «беседы» — это искусство интуиции, а вот умение и желание дать природе «высказаться» — это наука экспериментальной проверки теории.

Что касается экспериментальной традиции в изучении мотивации, то можно отметить, что все большую популярность среди исследователей приобретают когнитивные подходы к решению проблем мотивации: психологи пытаются все глубже понять, как связаны представления, знания человека о мире с его поведением. Несмотря на то, что когнитивистский подход грешит чрезмерным рационализмом (психологи много рассуждают о том, что происходит у человека «в голове», и совсем мало о том, что у

него происходит «в сердце»), когнитивные теории мотивации привели к пониманию, что поведение человека может быть правильно интерпретировано, только когда мы рассматриваем взаимодействие личности и ситуации. Когнитивно ориентированные исследователи пересмотрели тезис бихевиоризма о возможности неограниченного внешнего (ситуативного) влияния на поведение человека. Они сумели взглянуть не только на его поведение, но и на то, что происходит в его психике. В то же время они сохранили строгость эксперимента, присущего бихевиоризму.

9.2. Решение проблемы мотивации в рамках бихевиоризма

Основой активности индивида, с точки зрения бихевиоризма, является некоторая потребность, нужда организма, вызванная отклонением физиологических параметров от оптимального уровня. Здесь важно обратить внимание на то, что речь идет только о физиологических нуждах человека, которые по своему содержанию мало отличаются от потребностей животного. Основой любой активности человека, таким образом, можно считать потребности пить, есть, испытывать сексуальное удовлетворение, находиться в нормальных температурных условиях и т. д.

Люди что-либо делают потому и только потому, что у них существует неудовлетворенность некоторой физиологической потребности или напряжение, вызванное возникшей нуждой. По мнению большинства классических бихевиористов, основным механизмом мотивации является стремление организма снять, снизить напряжение, вызванное возникшей нуждой, вновь привести значения физиологических показателей в норму (Hull C. L, 1929). Данный механизм носит название принципа гомеостаза: при отклонении от нормы система предпринимает некоторые действия с тем, чтобы вернуться в исходное состояние; если же все показатели находятся в пределах нормы, система не делает ничего. Иначе говоря, человек начинает проявлять активность, только когда у него существует некоторая физиологическая нужда (потребность); после же того как потребность удовлетворена (напряжение снято), соответствующая активность прекращается. Простой пример: вы за рулем автомобиля; вы поворачиваете руль только тогда, когда машина отклоняется от желаемого курса.

Если та или иная форма поведения привела к снятию напряжения, к удовлетворению некоторой потребности, то вероятность воспроизведения этой формы поведения в дальнейшем (при возникновении соответствующей нужды) растет («закон эффекта»), и наоборот, если удовлетворение не наступило, то вероятность повторения данного действия уменьшается.

В арсенале каждого из нас множество вариантов поведения: мы умеем ходить, говорить, писать, читать и т. д. Некоторые из нас владеют игрой на музыкальных инструментах, или водят машину, или способны написать стихотворение. Как вырабатываются все эти формы поведения? Процесс научения, или выработки некоторого варианта поведения, по мнению бихевиористов, возможен при наличии двух основных условий: наличия потребности и подкрепления, т. е. того, что эту потребность способно удовлетворить. Голодная крыса мечется по клетке в поисках пищи, случайно нажимает на педаль, вслед за этим открывается кормушка, и голодное животное получает пищу. В дальнейшем при возникновении голода вероятность нажатия этой крысой на педаль при условии получения вслед за этим подкрепления (пищи) будет все больше и больше. В конце концов, животное выработает устойчивое поведение: возникает голод — крыса бежит к педали и нажимает на нее. Легко видеть, что специфика поведения определяется не потребностью самой по себе, а особенностями среды, подкреплением: если бы для того, чтобы получить пищу, было бы необходимо встать на задние лапы, крыса бы в итоге научилась делать и это. Таким образом, способ поведения не связан однозначно с той потребностью, на удовлетворение которой он направлен: поведение формируется под влиянием факторов среды, определяется структурой подкреплений, а вызывается наличием физиологической нужды типа жажды, голода, сексуальной депривации и т. п.

Пример с овладением крысой новых форм поведения может вызвать недоумение у читателя: при чем здесь крысы, в данном случае нас интересует, как объяснить поведение человека? Во-первых, данный пример был приведен, потому что большинство экспериментов классического бихевиоризма выполнено с использованием в качестве испытуемых белых лабораторных крыс. Бихевиористам важно было продемонстрировать механизм формирования нового поведения, который состоит в манипулировании подкреплением по отношению к животному (человеку), испытывающему некоторую физиологическую потребность. Во-вторых, не имеет принципиального значения, крыса это или человек: физиологические

потребности (источники активности) по сути одинаковые, механизм формирования поведения один и тот же: если за некоторым действием вновь и вновь следует подкрепление (пища, вода, сон, особь противоположного пола и т. д.), данное поведение постепенно входит в арсенал живого существа как средство удовлетворения определенной потребности; если подкрепления нет, то живое существо все реже и реже повторяет аналогичные действия. В-третьих, даже сложные виды активности, например чтение, письмо, игра на музыкальных инструментах, можно объяснить, по мнению традиционных бихевиористов, теми же механизмами. Даже так называемое альтруистическое поведение (помощь другим) в принципе не является исключением: человек помогает другим, потому что это способствует благорасположению окружающих, что позволит в дальнейшем занять более высокое социальное положение, пользоваться относительно беспрепятственно разного рода благами, а значит, легко удовлетворять возникающие физиологические нужды.

9.3. Психоаналитические теории мотивации

Основоположником психоаналитической традиции был, как нам уже известно, 3. Фрейд. Одним из центральных положений его теории (Фрейд 3., 1991, 1992а, 19926) является убеждение, что любое поведение человека хотя бы частично обусловлено бессознательными импульсами. Основой мотивации поведения, по мнению Фрейда, является стремление удовлетворить врожденные инстинкты — физические потребности организма. Индивид стремится снизить напряжение до минимального уровня. И в этом плане концепция Фрейда сходна с бихевиористской точкой зрения: тот же принцип гомеостаза и снятия напряжения.

Но есть и существенные отличия. Индивид стремится вернуться в некоторое исходное состояние (которое было нарушено рождением и последующим развитием) вплоть до небытия. Основными инстинктами, по мнению Фрейда, являются инстинкты жизни и смерти. Инстинкт жизни может принимать две основные формы: воспроизведения себе подобных (половая потребность) и поддержания жизни индивида (обычные физиологические потребности). Следует, однако, отметить, что инстинкт жизни первого типа (половая потребность) играет в концепции Фрейда особенно важную роль. Инстинкт смерти является противоположностью инстинкта жизни и выражается в таких, например, формах поведения, как агрессия, мазохизм, самообвинение, самоуничижение.

На первый взгляд, предположение о существовании инстинкта смерти выглядит по меньшей мере странным. Однако необходимо иметь в виду, что для философских воззрений Фрейда был характерен психический дуализм: подчеркивание борьбы и противостояния двух противоположных начал. Динамика этой борьбы собственно и является основой развития и функционирования как отдельного индивида, так и общества в целом. Все во вселенной стремится к неизбежному распаду, исчезновению, и жизнь как способ организации, объединения есть только тот краткий промежуток времени, когда индивид одерживает победу над этим распадом. Но даже в течение этого краткого промежутка времени индивида увлекает за собой инстинкт смерти. Инстинкты жизни (Эрос) и смерти (Танатос) идут рука об руку: любовь соседствует с ненавистью, питание — с обжорством, любовь к себе — с самоистреблением и саморазрушением.

- **Сублимация — направление энергии инстинкта на выполнение видов деятельности, не связанных с прямым удовлетворением потребности.**

Инстинкты обеспечивают индивида энергией, которая является источником его активности. Причем, если непосредственное удовлетворение инстинктивной потребности по каким-либо причинам невозможно (наличие моральных ограничений, страх наказания и т. п.), энергия инстинкта может быть направлена в другое русло: разрядка напряжения может происходить за счет выполнения совсем других — не связанных с инстинктом — видов деятельности. Представьте себе паровой котел, в нем высокое давление, и если не выпустить пар, его может разорвать. Необходимо открыть клапан. Если один из основных клапанов закрыт (например, немедленное сексуальное удовлетворение невозможно), приходится пользоваться другими (политикой, творчеством, бизнесом). Такое направление энергии инстинкта в иное — в отличие от прямого удовлетворения потребности — русло называется сублимацией. Решение проблемы объяснения человеческого поведения, таким образом, состоит в выяснении причин направления инстинктивной энергии в то или иное русло.

Последователи Фрейда во многом отошли от позиций своего учителя. Однако в каждой из

последующих психоаналитических теорий сохранялся некоторый существенный элемент сходства с фрейдизмом: или базовые инстинктоподобные переживания, или бессознательное, а еще чаще — взгляд на источник мотивации как на борьбу противоположных и в принципе непримиримых начал (дуализм).

К. Юнг (1986,1993), например, так же как и Фрейд, считал разрядку напряжения основным механизмом мотивации. Однако, в отличие от Фрейда, он полагал, что организм стремится к самореализации. Общество подавляет не только сексуальные, или «плохие», импульсы, но и здоровые стремления. Одним из наиболее известных понятий в концепции Юнга является коллективное бессознательное, которое содержит опыт всего человечества, мудрость веков, накопленную за всю историю и передающуюся от поколения к поколению. Коллективное бессознательное является основой индивидуального бессознательного, которое играет существенную роль в поведении индивида.

Другой ученик, а впоследствии и оппонент Фрейда, А. Адлер (1995), рассуждал примерно следующим образом. Человек рождается слабым и беспомощным, переживая базовое, универсальное чувство неполноценности. Для того чтобы преодолеть беспомощность и чувство неполноценности, индивид стремится к превосходству и совершенству. Стремление к совершенству, а не к удовольствию, по мнению Адлера, является основным принципом мотивации человека.

К. Хорни (Horney К., 1950) исходила из аналогичного адлеровскому тезиса о беспомощности младенца, но делала из этого в общем бесспорного положения несколько иные выводы. Беспомощный младенец, на ее взгляд, ищет безопасности в потенциально враждебном и опасном мире. Чувство незащищенности может породить базовую тревожность прежде всего в силу таких особенностей родительского отношения и поведения, как отсутствие теплоты в отношении к ребенку или чрезмерная опека. В случае возникновения этой базовой тревожности индивид вырабатывает стратегии поведения, направленные на ее преодоление.

Концепция Э. Фромма (Fromm Е., 1955) в большей степени, чем теории других психоаналитиков, ориентирована на рассмотрение социальных аспектов человеческого поведения. По мнению Фромма, человек в современном обществе чувствует себя в одиночестве, что является прямым результатом его высвобождения из прямой зависимости от природы. Это одиночество породило стремление убежать от свободы в конформизм, зависимость и даже рабство, однако истинными целями человека являются стремления найти свое настоящее «Я», использовать общество, которое он создал, а не быть использованным им, чувствовать себя связанным с другими узами братства и любви.

9.4. Гуманистические теории мотивации

Гуманистическая традиция в психологии, оформившаяся в основном в пятидесятых годах нашего века, является своего рода антиподом психоаналитических воззрений, но, как всякие противоположности, психоанализ и гуманистическая доктрина имеют много общих черт.

Рис. 9-1. Мотивация достижений

Философской основой гуманистической психологии является экзистенциализм (Cofer С. N., Appley М. Н., 1964), декларирующий самоценность индивида в противовес стремительно нараставшей с начала двадцатого столетия стандартизации цивилизованного общества, призывающий принимать вещи такими, какие они есть, требующий разрешить индивиду самому определять свой путь, отрицающий возможность аналитического, рационального познания человеческой сущности. Теоретические построения психологов, представителей гуманистического направления, самым непосредственным

образом перекликаются с перечисленными положениями экзистенциализма. Г. Олпорт (Allport G. W., 1943), например, считал, что для исследования уникальности личности нужны принципиально иные, отличные от традиционных, методы. По мнению Олпорта, нормальный взрослый человек функционально автономен, независим от нужд тела, в основном сознателен, высокоиндивидуален (а не находится во власти вечных, неизменных инстинктов и бессознательного, как полагали психоаналитики).

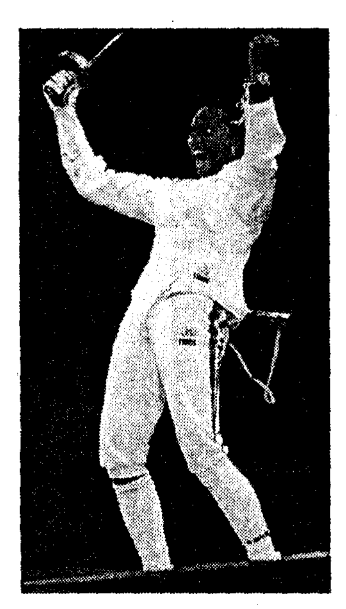

Рис. 9-2. Мотивация достижений

По мнению К. Роджерса (Rogers C. R., 1955), нормальная личность открыта опыту, ее не нужно контролировать или управлять ею. Нужно просто наблюдать личность и участвовать в происходящих в ней процессах. Человек, в свою очередь, должен доверять своим чувствам, прислушиваться к ним. Реализация индивидом своих способностей и потенций — вот основная мотивирующая сила человеческого поведения. Стремление к самореализации, самоосуществлению — вот что главное в человеке. Люди стремятся к тому, чтобы приблизить «Я-идеальное» к реальному «Я».

Одному из представителей гуманистической школы в психологии принадлежит часто упоминающаяся в психологической литературе теория иерархии потребностей (мотивов) (Maslow A. H. 1954). Автор ее, А. Маслоу, выделяет пять основных групп мотивов человеческого поведения: физиологические; безопасности; принадлежности и любви (стремление принадлежать к некоторой социальной группе, быть любимым и любить); оценки (стремление к достижению, приобретению мастерства и компетентности, потребность в престиже и высоком социальном статусе); самореализации (познавательные и эстетические).

Маслоу полагает, что все мотивы инстинктоподобны, имеют врожденный характер, однако актуализация мотивов зависит от того, удовлетворены ли потребности более низкого уровня: удовлетворение нижележащих потребностей является необходимым условием перехода на следующий уровень. Механизм движения вверх по «лестнице» мотивов несколько напоминает процесс шлюзования при движении вверх по течению: пока степень удовлетворения на предыдущем уровне не достигнет необходимого значения, переход на более высокий уровень невозможен. Как утверждает Маслоу, человек стремится подняться все выше и выше по «лестнице» мотивов, и это стремление в основном определяет его поведение. Однако в случае конфликта — когда неудовлетворенными оказываются потребности разных уровней — побеждает низшая потребность.

В качестве экспериментального развития своей теории Маслоу изучал биографии и личностные особенности людей, известных всему миру своими выдающимися творческими успехами, а потому по определению являющихся великими самоактуализаторами. Среди этих людей были Спиноза, Линкольн, Эйнштейн, Рузвельт. В дальнейшем Маслоу обратился к исследованию студентов американских колледжей, отбирая тех, кто подпадал под определение самоактуализаторов. Обнаружилось, что только один процент исследованных студентов обладает искомыми признаками.

Концепция Маслоу в наибольшей степени, по сравнению со всеми остальными гуманистическими

воззрениями, напоминает то, что в науке называют теорией: концепция иерархии потребностей имеет несколько более или менее четких следствий, которые в принципе могут быть проверены экспериментально. Два из них уже были упомянуты. Первое — это то, что необходимым условием перехода на более высокий уровень иерархии является удовлетворение потребностей нижележащих уровней. Второе касается конфликта между побуждениями разных уровней. Теория Маслоу предсказывает победу побуждения низшего уровня.

Следующим интересным положением теории является тезис, что поскольку мотивы низших уровней являются общими для всех людей, поведение, связанное с ними, является относительно хорошо предсказуемым, в то же время проявления высших мотивов, таких как потребность в самоактуализации, предельно индивидуализированы, а поэтому, по сути дела, непредсказуемы.

И наконец, достойно упоминание предлагаемое Маслоу деление мотивов на мотивы нужды и мотивы роста: вторые занимают относительно более высокое положение в иерархии. Основное различие в их функционировании состоит в том, что удовлетворение мотивов нужды приводит к снижению мотивации (по принципу снятия напряжения), а удовлетворение мотивов роста (хотя термин «удовлетворение» здесь не является вполне корректным) — к повышению мотивации.

Несмотря на наличие целого ряда заслуживающих внимания гипотез, догадок и рассуждений, представителями гуманистического (как, впрочем, и психоаналитического) направления так и не были разработаны сколько-нибудь последовательные программы экспериментальных исследований, направленных на проверку своих теоретических положений.

9.5. Когнитивные теории мотивации

Основным тезисом авторов когнитивных теорий (от англ. *cognitive* —познавательный) было убеждение, что поведение индивида направляют знания, представления, мнения о происходящем во внешнем мире, о причинах и следствиях. Знание не является простой совокупностью сведений. Знание — это не «холодная», бесстрастная информация. Представления человека о мире программируют, проектируют будущее поведение. И то, что человек делает и как он это делает, зависит в конечном итоге не только от его фиксированных потребностей, глубинных и извечных стремлений, но и от относительно изменчивых представлений о реальности.

Теория когнитивного диссонанса. Когнитивные теории мотивации, интенсивно разрабатывающиеся в настоящее время, берут свое начало от широко известных работ Л. Фестингера (Festinger L. A., 1957). Ему принадлежит теория когнитивного диссонанса. Эта теория имеет по меньшей два принципиальных достоинства, отличающих хорошую теорию от плохой, научную теорию от ненаучной. Во-первых, она исходит из «максимально общих оснований», если пользоваться выражением Эйнштейна. Во-вторых, из этих общих оснований выведены следствия, которые могут быть подвергнуты экспериментальной проверке. В силу этих обстоятельств работы Фестингера породили огромное количество экспериментальных исследований и целых исследовательских программ, результатом чего стало открытие массы новых — порой парадоксальных — эффектов и закономерностей, представляющих как теоретический, так и практический интерес.

Под *когнитивным диссонансом* Фестингер понимал некоторое противоречие между двумя или более когнициями. Когниция трактуется Фестингером достаточно широко: когниция — это любое знание, мнение или убеждение, касающееся среды, себя или собственного поведения. Диссонанс переживается личностью как состояние дискомфорта, она стремится от него избавиться, восстановить внутреннюю когнитивную гармонию. И именно это стремление является мощным мотивирующим фактором человеческого поведения и отношения к миру.

- **Когнитивный дисонанс – некоторое противоречие между двумя или более когнициями.**
  Когниция – любое знание, мнение или убеждение, касающееся среды, себя или собственного поведения.

Состояние диссонанса между когнициями Х и У возникает тогда, когда из когниции Х следует не У. Состояние консонанса между Х и У, с другой стороны, существует тогда, когда из Х следует У. Человек стремится к внутренней непротиворечивости, к состоянию консонанса. Например, склонный к полноте человек решил сесть на диету (когниция Х), но не может отказать себе в любимом шоколаде (когниция У). Человек, стремящийся похудеть, не должен есть шоколад. Налицо диссонанс. Его возникновение мотивирует человека на редукцию, снятие, уменьшение диссонанса. Для этого, по мнению Фестингера,

у человека есть три основных способа: изменить одну из когниций (в данном случае — перестать есть шоколад или прекратить диету); снизить значимость входящих в диссонантные отношения когниций (решить, что полнота — не такой уж большой грех или что шоколад не дает значительной прибавки веса); добавить новую когницию (например, что хотя шоколад и увеличивает вес, зато благотворно влияет на умственную деятельность).

Когнитивный диссонанс мотивирует, требует своего уменьшения, приводит к изменению отношений, а в итоге — к изменению поведения. Рассмотрим два наиболее известных эффекта, связанных с возникновением и снятием когнитивного диссонанса. Один из них возникает в ситуации поведения, противоречащего оценочному отношению человека к чему-либо (аттитюду). Если человек добровольно (без принуждения) соглашается сделать что-либо, несколько несоответствующее его убеждениям, мнению, и если это поведение не имеет достаточного внешнего оправдания (скажем, вознаграждения), то в дальнейшем убеждения и мнения меняются в сторону большего соответствия поведению. Если, например, человек согласился на поведение, идущее несколько вразрез с его нравственными установками, то следствием этого будет диссонанс между знанием о поведении и нравственными установками, а в дальнейшем последние изменятся в сторону понижения нравственности.

Другой хорошо изученный эффект, полученный в исследованиях когнитивного диссонанса, — диссонанс после трудного решения. Трудным решением называется тот случай, когда альтернативные варианты, из которых необходимо сделать выбор, близки по привлекательности. В таких случаях, как правило, после принятия решения, после того, как выбор сделан, человек переживает когнитивный диссонанс, являющийся результатом следующих противоречий: с одной стороны, в избранном варианте есть негативные черты, а с другой стороны, в отвергнутом варианте есть нечто положительное. Принятое частично плохо, но оно принято. Отвергнутое частично хорошо, но оно отвергнуто.

Таблица 9.1

Виды триад по Хайдеру

№	Типы отношений внутри триад		
	Субъект — Объект	Другой человек — Объект	Субъект — Другой человек
1	+	+	+
2	+	-	-
3	-	-	+
4	-	+	-
5	-	-	-
6	+	+	-
7	-	+	+
8	+	-	+

Экспериментальные исследования последствий трудного решения показали, что после принятия такого решения (со временем) повышается субъективная привлекательность избранного варианта и понижается субъективная привлекательность отвергнутого. Человек таким образом избавляется от когнитивного диссонанса: он убеждает себя в том, что то, что он выбрал, не просто слегка лучше отвергнутого, а значительно лучше, он как бы раздвигает альтернативные варианты: избранное тянет вверх по шкале привлекательности, отвергнутое — вниз. Исходя из этого, можно полагать, что трудные решения увеличивают вероятность поведения, соответствующего избранному варианту. Например, если человек долго мучился выбором между автомобилями «А» и «Б», а в итоге предпочел «Б», то в дальнейшем вероятность выбора автомобилей типа «Б» будет выше, чем до покупки, так как относительная привлекательность последних вырастет.

Теория баланса. После Второй мировой войны, после разрушений, тревог и хаоса у людей обострилась потребность в стабильности, устойчивости и непротиворечивости мира. Поэтому вполне закономерно, что в психологии появился целый ряд теорий, в основу поведения человека ставящих стремление к гармонии. Один из таких примеров — теория когнитивного диссонанса — был

рассмотрен выше. Другим широко известным примером является теория баланса Ф. Хайдера (Heider F., 1958).

Автор теории исходил из следующих принципов. Социальная ситуация может быть описана как совокупность элементов (людей и объектов) и связей между ними. Определенные сочетания элементов и связей являются устойчивыми, сбалансированными, другие — несбалансированными. У людей наблюдается стремление к сбалансированным, гармоничным, непротиворечивым ситуациям. Несбалансированные ситуации, подобно когнитивному диссонансу, вызывают чувства дискомфорта, напряженности и стремление привести ситуацию к сбалансированному виду. Таким образом, одним из источников человеческого поведения, по мнению Хайдера, является потребность в гармоничных, непротиворечивых социальных отношениях. Положение дисбаланса инициирует поведение, направленное на восстановление баланса.

В качестве простейшей социальной ситуации Хайдер рассматривает систему, состоящую из трех элементов (триаду): субъект — другой человек — объект вместе с отношениями между ними: субъект — другой человек, субъект — объект, другой человек — объект. Объект при этом понимается весьма широко: как вещь, процесс, группа людей, предмет, идея и т. д. Отношения внутри триады могут быть положительными и отрицательными. Таким образом, логически возможны восемь видов триад (табл. 9.1).

Первые четыре ситуации являются сбалансированными, остальные — несбалансированными. Скажем, я не люблю лыжные прогулки, мой знакомый(ая) тоже их не любит, между нами позитивные взаимоотношения (сочетание 3). В этом нет никакого противоречия — ситуация сбалансирована. С другой стороны, может оказаться так, что я и ненавистный мне человек одинаково (негативно) относимся к некоторой политической партии (сочетание 5). Это уже дисбаланс: я разделяю мнение со своим врагом.

По мнению Хайдера, ситуации пятого-восьмого видов неустойчивы, вызывают чувство дискомфорта и стремление преобразовать их в одну из первых четырех. В целом же возможны три основные способа снятия дисбаланса:

1) изменить одно из отношений с «+» на «—» или с «—» на «+»: например, если выясняется, что мой друг страшно любит кошек, а я к ним раньше относился довольно прохладно (сочетание 7), то очень возможно, что я со временем изменю свое отношение к этим домашним животным с отрицательного на положительное, а если моя ненависть к кошачьим превосходит привязанность к другу, я могу пересмотреть не свое отношение к кошкам, а свое отношение к другу;

2) уменьшить значимость одного из отношений, т. е. свести одно из отношений к нулю: если моя хорошая знакомая, например, не выносит разговоров на отвлеченные темы, а я их обожаю (сочетание 8), то я могу отстраниться от ее отношения к данному предмету, нейтрализовать его, прекратив беседовать с ней на отвлеченные темы, а утолять свою жажду философствования в беседах с друзьями;

3) дифференцировать положительное и отрицательное отношения: если мой любимый врач говорит, что кофе вреден для меня, имея в виду действие кофеина на сердечно-сосудистую систему, а я без вкуса и запаха кофе не могу прожить и дня (сочетание 8), то можно в принципе перейти на кофе без кофеина, т. е. дифференцировать, разделить свое отношение к кофе на два типа: отношение к кофе с кофеином — как и у врача, отрицательное; отношение к кофе без кофеина - положительное.

Исследования показывают, что в целом выводы теории подтверждаются, а именно, что люди действительно предпочитают ситуации первых четырех видов остальным ситуациям. Основная трудность состоит в том, чтобы предсказать, какой конкретно стратегией восстановления баланса (первой, второй или третьей) будет пользоваться данный человек в конкретной ситуации. И эта проблема далека от своего окончательного решения, так же, впрочем, как и проблема предсказания способа снятия когнитивного диссонанса.

Тем не менее эффект баланса широко используется в практической социальной психологии, и наверное, наиболее характерным примером его применения является реклама, в которой различные известные личности (предположительно, любимые народом) демонстрируют свою любовь и приверженность определенным напиткам, продуктам питания, предметам одежды и т. п. Авторы рекламы ожидают, и как правило не без оснований, что наше (потребителей) нейтральное или даже негативное отношение к тем или иным товарам под влиянием такой рекламы преобразуется в позитивное (переход от сочетания семь к сочетанию один): мы избавимся таким образом от дисбаланса, а производитель — от товара.

- **Контрфакт — представление об альтернативном реальности исходе события.**

Сценарии (скрипты) и контрфакты. В последние годы в психологию мотивации импортируется все больше концепций, рожденных в недрах когнитивной психологии. Например, понятие «сценарий», впервые использованное Р. Шенком и Р. Абельсоном (Schank R. C., Abelson R., 1977) для обозначения информации, отражающей некоторую обычную, привычную последовательность событий, все шире применяется для объяснения процессов мотивации поведения. При этом предполагается, что человек не только усваивает сценарии в готовом виде, но создает их сам, представляя будущий ход событий. Сценарий же, в свою очередь, может играть регулятивную функцию по отношению к поведению. Есть некоторое соответствие между поведением и сценарием: если я детально и последовательно представил себе ссору с некоторым человеком, то вероятность возникновения ссоры в этом случае будет больше, чем если бы я вообще не формировал в голове подобного сценария; мысленное проигрывание сценария успешного выступления на собрании способствует успеху будущего выступления.

Одним из экспериментально обоснованных воплощений идеи сценария в психологии мотивации является концепция функциональной роли контрфактического мышления, или контрфактов. *Контрфактами* называются представления об альтернативном реальности исходе события. Это мышление в сослагательном наклонении по типу «если бы.... то...». Например, после того как студент сдал экзамен на «три», он думает: «Если бы я не болтался по дискотекам, то я бы вполне мог сдать этот экзамен на "четыре" или даже "пять"», или «Если бы я вообще не заглянул в конспект, то мне бы и тройки не видать». Легко видеть, что в первом случае наш нерадивый студент конструирует альтернативный сценарий событий, который привел бы к лучшему по сравнению с реальностью исходу. Иначе говоря, это означает, что он рассматривает нынешнее свое положение как худшее по сравнению с тем, что могло бы быть. Такого рода контрфакты называются идущими вверх. Во втором случае, наоборот, нынешнее положение воспринимается как относительно хорошее, так как могло бы быть и хуже. Это контрфакт, идущий вниз. В исследовании Н. Роса (Roese N.J., 1994) убедительно показано, что идущие вверх контрфакты ухудшают эмоциональное состояние, однако положительно влияют на будущую деятельность, и наоборот, контрфакты, идущие вниз, улучшают эмоциональное состояние, зато приводят к относительному ухудшению последующей деятельности (по сравнению с контрольной группой, не получившей инструкцию на контрфактическое мышление).

Таким образом, стиль (направление) контрфактического мышления оказывает влияние на последующую деятельность и эмоциональное состояние, что открывает возможности для регуляции поведения с помощью самоинструкции или внешнего педагогического воздействия.

9.6. Мотивационный контроль действий

В начале этой главы мы дали определение мотивации как совокупности процессов, придающих поведению энергетический импульс (толчок), являющихся источником его активности, а также задающих общее направление поведению. Группа теорий, которые мы рассмотрим в данном разделе, в меньшей степени, чем предыдущие, посвящена рассмотрению источников активности, зато в большей степени ориентирована на анализ психических механизмов, непосредственно управляющих поведением.

Теория функциональной системы. Основные положения теории функциональной системы были сформулированы П. К. Анохиным еще в 1935 г. Несмотря на то, что Анохин был физиологом и большинство положений его теории основаны на данных физиологических, а не психологических исследований, его теория имеет общий системный характер, а поэтому может быть с успехом использована и используется при анализе психического явлений.

Функциональная система — это система различных процессов, которые формируются применительно к данной ситуации и приводят к полезному для индивида результату (Анохин П. К., 1979). Полезный результат можно трактовать как удовлетворение самых разных потребностей и целей индивида: это может быть нормализация кровяного давления и удачная покупка, насыщение легких кислородом и победа на политических выборах.

Наиболее принципиальным положением теории является то, что системы могут быть самыми разнообразными по типу задач, ими решаемых, и по сложности этих задач, но архитектура систем при

этом остается одной и той же. Это означает, что различные функциональные системы — от системы терморегуляции до системы политического управления — имеют сходную структуру. Основными компонентами любых функциональных систем являются следующие:

- афферентный синтез;
- принятие решения;
- модель результатов действия (акцептор действия) и программа действия;
- действие и его результат;
- обратная связь.

Рассмотрим функции компонентов системы. Афферентный синтез представляет собой обобщение потоков информации, приходящей как снаружи, так и извне. Субкомпонентами афферентного синтеза являются доминирующая мотивация, обстановочная афферентация, пусковая афферентация и память. Функция доминирующей мотивации — обеспечение общей мотивационной активации. «Первопричиной» любого действия является потребность, мотивация. Переевшее животное не будет лихорадочно искать пищу, человек, лишенный честолюбия, мало озабочен стремлением к продвижению по служебной лестнице. Функция обстановочной афферентации — обеспечение общей готовности к действию. Как только в среде появляется то, что способно удовлетворить нашу потребность, включается механизм пусковой афферентации. Пусковая афферентация инициирует поведение. Однако для того чтобы успешно выполнить даже самое простое действие, внешней информации недостаточно. Необходимы соответствующие знания и навыки. Ориентированность функциональной системы на приспособительный, полезный результат формирует избирательный поиск и извлечение информации из памяти.

Другой компонент системы — принятие решения — отвечает за выбор варианта будущего действия, снижает количество степеней свободы, вносит определенность в то, что и как делать (например, пойти после школы работать или продолжить обучение в вузе).

- **Функциональная система — система различных процессов, которые формируются применительно к данной ситуации и приводят к полезному для индивида результату.**

На основе избранного направления действия формируются модель результатов действия (акцептор действия) и программа действия — представления о том, что должно быть достигнуто в итоге и каким образом (какими средствами) это должно быть достигнуто. В ходе выполнения действия и после его завершения процесс его реализации и результат сравниваются с программой и акцептором действия. Иными словами, система получает обратную связь — информацию о ходе реализации программы и результате действия. За счет получения обратной связи система приобретает способность оценивать степень достижения желаемого и корректировать свое поведение.

Сходные концепции психической регуляции действия были независимо и гораздо позднее сформулированы рядом зарубежных исследователей.

Планы и структура поведения. Г. А. Миллер, Е. Галантер и К. X. Прибрам (1965) предлагают следующую схему контроля действия: Test—Operate—Test—Exit (сокращенно TOTE), или Тест—Действие—Тест—Выход (т. е. завершение действия). По мнению авторов теории, поведение вызывается несоответствием между нынешним состоянием организма и желательным или требуемым состоянием. Индивид тестирует (определяет) расхождение между требуемым и наличным состоянием, что-то делает, чтобы устранить обнаруженное несоответствие, снова тестирует ситуацию на наличие расхождения; если расхождение не устранено, то действует снова, а если устранено, прекращает действие, или выходит из цикла. Легко видеть, что, с точки зрения авторов теории, основным принципом контроля поведения является принцип обратной связи, или стремление индивида уменьшить расхождение между целью и наличным состоянием.

Теория четырех стадий действия, или «модель Рубикона». Германские исследователи Хекхаузен и Голвитцер предлагают следующую схему анализа психологического контроля действия (Heckhausen H., 1990). Первый этап действия (точнее, контроля действия) они называют стадией пред-решения. Основная функция этого этапа состоит в выборе варианта будущего действия: человек должен принять решение о том, что делать. Например, решить, в какой вуз пойти учиться. Принять решение так же нелегко, как перейти Рубикон (отсюда второе название теории — «модель Рубикона»). Индивид должен взвесить все «за» и «против» и в итоге на что-то решиться. Принятие решения — формирование намерения (интенции) — знаменует собой переход на следующий этап, который авторы теории

называют «стадия до-действия». На этой стадии человек, имея определенное намерение (например, поступать в такой-то вуз), ожидает, ищет или формирует условия и возможности для реализации намерения (например, выясняет подробности поступления, готовится к вступительным экзаменам).

Как только найдены или сформированы условия для реализации намерения и человек психологически готов к осуществлению действия, начинается переход на этап действия, на котором происходит реализация намерения (взволнованный абитуриент — невыспавшийся и бледный — идет на первый вступительный экзамен). Переход со второй стадии на третью тоже не всем и не всегда дается легко. Часто процесс контроля действия именно в этот момент дает наиболее значительные сбои (иногда начинающего парашютиста просто выталкивают из самолета, потому что сам он может и не решится реализовать твердое и выношенное намерение прыгнуть). И вот, наконец, все позади: экзамены сданы, парашютист приземлился — действие в принципе завершено. Процесс угасания намерения знаменует собой переход на последний этап — после-действия, или оценочный. На этом этапе человек оценивает результаты выполненного действия и размышляет о причинах всего того плохого и хорошего, что им сделано. Важно и в данном случае отметить, что переход на стадию оценки, или выход из действия, далеко не всегда проходит гладко (особенно в случае неудачи). Намерения могут долго не угасать, а находиться в явно активированном состоянии (человек снова и снова переживает и воспроизводит критические моменты прыжка с парашютом или ситуации сдачи вступительных экзаменов).

Теория мотивационного контроля Д. Хайленда. Теория мотивационного контроля является своего рода обобщением идей и концепций, сформировавшихся в недрах кибернетики, теории управления и психологии и имеющих непосредственное отношение к анализу психологических механизмов контроля и планирования действия. Теория представляет собой некоторое общее описание целенаправленного поведения, его структурных компонентов и принципов их взаимодействия. В качестве базового принципа контроля поведения автор данной теории рассматривает обратную связь: некоторый критерий соотнесения сравнивается с перцептивным входом, и различие между ними служит исполнителю действия сигналом, обозначаемым термином «обнаруженное отклонение». Обнаруженное отклонение побуждает исполнителя уменьшить, минимизировать расхождение между критерием соотнесения и перцептивным входом.

Критерий соотнесения представляет собой внутренний стандарт, с которым сравниваются параметры текущей ситуации. У человека существует представление о желательном положении дел: о состоянии внешней или внутренней среды, связанном с его действиями. Это представление и является тем стандартом, с которым сравнивается текущее положение дел. По существу понятие «критерий соотнесения» близко по смыслу к понятию «цель». Различие между ними состоит в том, что первое понятие является более широким, обобщенным.

В теории мотивационного контроля выделяются четыре типа критерия соотнесения: конечное состояние, скорость (темп) продвижения к цели, определенный тип действия и определенная эмоция или другой аспект психического состояния.

Нередко человек формулирует то, к чему он стремится, в терминах некоторого конечного, итогового состояния. Если человек хочет купить пылесос, то он, как правило, представляет себе нечто более или менее конкретное: этот пылесос должен стоить в пределах такой-то суммы, не очень шуметь, быть легким, надежным, не доставлять хлопот в процессе эксплуатации. Если человек пускается в путешествие, то обычно он представляет пункт своего конечного назначения (город, вершину, порт). Часто при определении конечного состояния используется также временной параметр: приготовить пирог к такому-то времени.

Действие можно контролировать не только по степени удаленности от некоторого конечного состояния, но по темпу продвижения к цели. Машинист локомотива, например, следит за временем прохождения промежуточных станций, даже если он не делает там остановок, с тем, чтобы выдерживать необходимую общую среднюю скорость движения и не сбиться с графика. Особенно важную роль критерий соотнесения типа темпа продвижения к цели приобретает в тех случаях, когда конечную цель определить затруднительно или вообще не представляется возможным. Изучение иностранного языка, например, обычно имеет очень расплывчатую конечную цель — свободно владеть языком или читать и говорить без затруднений. В этом и подобных случаях конечное состояние как таковое не задано, известно только, в каком направлении двигаться. Здесь на помощь приходит контроль действия по темпу продвижения к цели: насколько быстро проходит процесс обучения по сравнению с требованиями программы или по сравнению с другими обучающимися.

Критерий соотнесения по типу действия касается не конечного состояния и даже не темпа продвижения к цели, а самого характера действия. Люди часто делают что-то не только и не столько ради достижения некоторой цели в узком смысле слова, но и ради самого процесса деятельности. Им нравится сам процесс, они стремятся к выполнению определенного типа действий. Большинство летчиков летает не только ради продвижения по служебной лестнице, но и потому что они любят летать. Группа мужчин играет часами в домино не столько ради самой победы (результата), сколько ради процесса.

Человека очень интересуют его собственные психические состояния. Он стремится не только к совершению некоторых изменений во внешней среде или в своих взаимоотношениях с ней, но и к определенным эмоциям и чувствам. Большинство людей ходит в театр не для того, чтобы поставить «галочку» («был в театре»), а ради эстетических переживаний. Идя на комедию, мы формируем соответствующее представление о желательном эмоциональном состоянии и бываем очень разочарованы, если обнаруживаем, что спектакль нас вовсе не веселит: расхождение между критерием соотнесения и перцептивным входом слишком велико.

Перцептивный вход является следующим понятием теории мотивационного контроля. В общем виде это понятие можно определить как воспринимаемый и существенный с точки зрения исполнителя действия аспект среды, или информация о текущем состоянии дел.

Выделяются три типа перцептивного входа:

1) некоторый аспект окружающей (внешней) среды;
2) информация о собственных действиях;
3) информация из внутренней среды (чувства, мысли, состояния).

Один из главных выводов, который можно сделать на основе рассмотренных выше классификаций критериев соотнесения и перцептивных входов, состоит в том, что для эффективного управления действием человек нуждается в информации, соответствующей его критериям. Действие страдает не только от того, что цели и задачи не определены, но и от того, что диагностическая информация недоступна, т. е. недоступна та информация, которая могла бы помочь человеку ответить на вопросы: «Туда ли я иду?» и «Как долго еще идти?»

Если же все-таки человек располагает диагностической информацией, то он может с той или иной степенью отчетливости оценить расхождение между критерием соотнесения и перцептивным входом, которое в теории мотивационного контроля называется обнаруженным отклонением. Роль обнаруженного отклонения состоит в том, что оно придает поведению избирательность (направленность) и энергетизирует его. Обнаруженное отклонение — это своего рода мотивация, которая появляется уже в ходе выполнения действия. Субъект мобилизует энергию и направляет ее на «хромающие» аспекты ситуации.

Однако интенсивность поведения связана еще и с чувствительностью к отклонению. Это понятие теории мотивационного контроля отражает важность, или значимость, соответствующей цели для субъекта. Два разных человека или один и тот же человек в разных обстоятельствах могут иметь один и тот же критерий соотнесения и одинаково воспринимать реальность (перцептивный вход), однако вести себя по-разному. И дело здесь в разной чувствительности к отклонению. Например, два соседа по комнате в студенческом общежитии, имея одни и те же критерии чистоты, могут по-разному реагировать на беспорядок в комнате: один при небольшом отклонении от нормы бросается делать в ней уборку, другой раздражает первого своей упрямой терпимостью к беспорядку.

Основные структурные блоки контроля действия. Легко заметить наличие сквозных идей и концепций в рассмотренных выше теоретических моделях психической регуляции поведения. Наиболее существенная черта сходства состоит в том, что все рассмотренные теории являются, так сказать, хронологическими: они рассматривают контроль действия как цикл, начинающийся до действия и завершающийся после окончания предыдущего и перед началом следующего действия. Структура контроля действия, таким образом, представляется состоящей из двух основных компонентов. Во-первых, это интенциональные процессы, или процессы формирования намерения, цели и программы действия. Во-вторых, это оценочные процессы, или процессы соотнесения, сравнения параметров протекания действия с заданными или сформированными целями и программами.

Вопросы для повторения

1. Что такое принцип гомеостаза?
2. Каким потребностям (инстинктам) придавалось первостепенное значение в традиционном психоанализе?
3. В чем сходство и различие психоаналитических и гуманистических концепций мотивации?
4. Что общего между рассмотренными когнитивными теориями мотивации?
5. К какому компоненту структуры контроля действия относятся процессы принятия решения?

Рекомендуемая литература

Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии / Пер. с нем., вступ. ст. А. М. Боковикова. - М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1995. — 291 с. — (Б-ка зарубежной психологии).

Анохин П. К. Системные механизмы высшей нервной деятельности: Избранные труды. — М.: Наука, 1979. - 454 с.

Миллер Г. А. и др. Планы и структура поведения / Г. А. Миллер, Галантер Е., Прибрам К. X. — М.: Прогресс. 1965.

Фрейд 3. Введение в психоанализ. Лекции. — М.: Наука, 1991. — 455 с. — (Классики науки).

Фрейд 3. О психоанализе. Пять лекций // История психологии. Период открытого кризиса: Тексты / Под ред. П. Я. Гальперина. - М.: Изд -во МГУ, 1992. - 362 с.

Фрейд 3. Я и Оно // История психологии. Период открытого кризиса: Тексты / Под ред. П. Я. Гальперина. - М.: Изд-во МГУ, 1992. - 362 с.

Юнг К. Аналитическая психология. — СПб: Кентавр, 1994. — 136 с.

Юнг К. Проблемы души нашего времени / Предисл. А. В. Брушлинского. — М.: Прогресс, 1993. — 329 с.

Глава 10. Внимание

Краткое содержание главы

Проблема внимания в психологии. Проблема внимания в психологии сознания. Критерии внимания. Свойства внимания.

Виды внимания. Классификация У. Джемса. Виды внимания по Н. Ф. Добрынину.

Теоретические направления в исследованиях внимания. Нейрофизиологическое направление. Модели внимания в рамках когнитивной психологии. Исследования внимания в российской психологии.

10.1. Проблема внимания в психологии

Никакой другой психический процесс не упоминается так часто в повседневной жизни и не находит себе с таким трудом место в рамках психологических концепций, как внимание. Часто вниманием объясняются успехи в учебе и работе, а невниманием — ошибки, промахи и неудачи. Особенности внимания с необходимостью диагностируются при приеме детей в школу, при отборе для самой разной профессиональной деятельности, а также для определения текущего состояния человека. Однако в научной психологии проблема внимания стоит несколько особняком, и у исследователей возникают значительные трудности в трактовке этого понятия и тех феноменов, которые за ним стоят. Такое положение связано с двумя важными моментами. Во-первых, многими авторами подчеркивается «несамостоятельность» внимания как психического процесса. Внимание, на первый взгляд, нигде не выступает изолированно от других феноменов и не имеет своего отдельного специфического продукта. Во-вторых, внимание является психическим инструментом активности субъекта, позволяющим ему не быть игрушкой внешних воздействий при взаимодействии с окружающим миром.

В некоторых теоретических подходах отрицается специфика внимания и единая сущность его проявлений. Внимание рассматривается как побочный продукт или характеристика других процессов.

Например, в рамках гештальтпсихологии считалось, что все феномены внимания можно объяснить законами структурного восприятия, т. е. организацией внешних стимулов. Поэтому отдельные исследования внимания считались ненужными и создающими «псевдопроблемы».

Однако тот факт, что внимание неразрывно связано с другими психическими процессами или деятельностью субъекта, нельзя считать доказательством его «несуществования». Вниманием можно управлять, используя внешние или внутренние инструменты. Причем это управление не сводится к управлению деятельностью. Существуют специфические нарушения внимания, которые приводят к изменению поведения, к невозможности выполнять определенную деятельность, но которые отичаются от нарушений восприятия, памяти, мышления. Такие сведения, в основном из области прикладной психологии, не позволяют считать внимание лишь побочным или сопутствующим процессом.

На новом этапе развития представлений о внимании приверженцы когнитивной психологии в большинстве случаев описывают его как отдельную инстанцию и рассматривают либо как блок селекции информации, либо как резервуар ресурсов, либо как пульт управления процессами, либо как специфическую предвосхищающую активность (Величковский Б. М., 1982; Дормышев Ю. Б., Романов В. Я., 1995).

Человек перерабатывает не всю информацию, поступающую из внешнего мира, и реагирует не на все воздействия. Среди всего многообразия стимулов отбираются лишь те, которые связаны с его потребностями и интересами, с его ожиданиями и отношениями, с его целями и задачами. Громкие звуки и яркие вспышки привлекают внимание не просто из-за их повышенной интенсивности, но потому, что такая реакция отвечает потребности живого существа в безопасности. Однако и среди различных потребностей и интересов, среди различных задач делается выбор, внимание сосредоточивается лишь на определенных объектах и лишь на выполнении определенных задач. Поэтому место внимания в той или иной психологической концепции зависит от того, какое значение придается активности субъекта психической деятельности.

Проблема внимания была впервые разработана в рамках психологии сознания. Основной задачей считалось исследование внутреннего опыта человека. Но пока основным методом исследования оставалась интроспекция, проблема внимания ускользала от психологов. Внимание служило лишь «подставкой», инструментом для их ментальных опытов. Используя объективный экспериментальный метод, В. Вундт обнаружил, что простые реакции на зрительный и слуховой стимулы зависят не только от характеристик внешних стимулов, но и от отношения испытуемого к восприятию этого стимула. Простое вхождение какого-либо содержания в сознание он назвал перцепцией (восприятием), а фокусировку ясного сознания на отдельных содержаниях — вниманием, или апперцепцией. Для таких последователей Вундта, как Э. Титченер и Т. Рибо, внимание стало краеугольным камнем их психологических систем (Дормышев Ю. Б., Романов В. Я., 1995).

- **Внимание — осуществление отбора нужной информации, обеспечение избирательных программ действий и сохранение постоянного контроля за их протеканием.**

В начале века эта ситуация резко изменилась. Гештальтпсихологи полагали, что объективная структура поля, а не интенции субъекта определяют восприятие предметов и событий. Бихевиористы отвергали внимание и сознание как главные понятия психологии сознания. Они попытались совершенно отказаться от этих слов, так как ошибочно надеялись, что смогут разработать несколько более точных понятий, которые позволили бы, используя строгие количественные характеристики, объективно описывать соответствующие психологические процессы. Однако спустя сорок лет понятия «сознание» и «внимание» вернулись в психологию (Величковский Б. М., 1982).

На основании чего мы можем утверждать, что имеем дело с механизмами внимания? Какие феномены психической жизни описывает это понятие? В психологии принято выделять следующие критерии внимания:

1. Внешние реакции — моторные, поздно-тонические, вегетативные, обеспечивающие условия лучшего восприятия сигнала. К ним относятся поворот головы, фиксации глаз, мимика и поза сосредоточения, задержка дыхания, вегетативные компоненты ориентировочной реакции.

2. Сосредоточенность на выполнении определенной деятельности. Этот критерий является основным для «деятельностных» подходов к изучению внимания. Он связан с организацией деятельности и контролем за ее выполнением.

3. Увеличение продуктивности когнитивной и исполнительной деятельности. В данном случае речь

идет о повышении эффективности «внимательного» действия (перцептивного, мнемического, мыслительного, моторного) по сравнению с «невнимательным».

4. Избирательность (селективность) информации. Этот критерий выражается в возможности активно воспринимать, запоминать, анализировать только часть поступающей информации, а также в реагировании только на ограниченный круг внешних стимулов.

5. Ясность и отчетливость содержаний сознания, находящихся в поле внимания. Этот субъективный критерий был выдвинут в рамках психологии сознания. Все поле сознания разделялось на фокальную область и периферию. Единицы фокальной области сознания представляются устойчивыми, яркими, а содержания периферии сознания ясно неразличимы и сливаются в пульсирующее облако неопределенной формы. Такая структура сознания возможна не только при восприятии объектов, но и при воспоминаниях и размышлениях.

Исторически внимание принято определять как направленность и сосредоточенность сознания на определенных объектах. Это определение носит на себе явный отпечаток той эпохи, когда психология была «наукой о сознании». Сегодня определять внимание через сознание не совсем корректно, поскольку само сознание является еще более неясным психическим феноменом, который трактуется психологами совершенно по-разному.

Не все феномены внимания связаны с сознанием. Замечательный русский психолог Н. Н. Ланге разделил объективную и субъективную стороны внимания. Он полагал, что в нашем сознании есть как бы одно ярко освещенное место, удаляясь от которого психические явления темнеют или бледнеют, все менее сознаются. Внимание, рассматриваемое объективно, есть не что иное, как относительное господство данного представления в данный момент времени: субъективно же это значит быть сосредоточенным на этом впечатлении (Ланге Н. Н.,1976).

В рамках различных подходов психологи сосредоточиваются на тех или иных проявлениях внимания: на вегетативных реакциях селекции информации, контроле за выполнением деятельности или состоянии сознания. Однако если попытаться обобщить всю феноменологию внимания, то можно прийти к следующему определению: внимание — это осуществление отбора нужной информации, обеспечение избирательных программ действий и сохранение постоянного контроля за их протеканием (Лурия А. Р.,1975). .

В качестве основных свойств внимания выделяют направленность внимания на те или иные объекты и явления (в частности, внешнюю и внутреннюю), степень и объем внимания.

Таблица 10.1

Факторы, способствующие поивлечению внимания

Структура внешних раздражителей (структура внешнего поля)	Структура деятельности субъекта (структура внутреннего поля)
Интенсивность раздражителей Новизна раздражителей Контрастность раздражителей Ритмические раздражители Движение и прекращение движения	Отношение раздражителей к потребностям, интересам Отношение к определенной деятельности и готовность к восприятию определенных стимулов (установка) Целенаправленная организация структуры поля

Степень внимания — это характеристика его интенсивности. В качестве субъективных переживаний оно оценивается как степень их ясности и отчетливости. В современной когнитивной психологии под степенью внимания подразумевают количество ресурсов, вкладываемых в переработку информации, и оценивают ее по уровню или глубине этой переработки. Степень сосредоточенности внимания на объекте называют также концентрацией.

Объем внимания определяют как число простых впечатлений или стимулов, осознаваемых ясно и отчетливо. Степень и объем внимания связаны обратной зависимостью: увеличение объема воспринимаемых элементов приводит к уменьшению степени внимания, и наоборот.

Изменения общей направленности и объема внимания называют отвлечениями, или сдвигами внимания. Оценки частоты колебаний и сдвигов характеризуют устойчивость внимания к данному объекту. Сдвиги внимания с одного объекта на другой называют переключениями внимания.

Возможность удерживать в сфере внимания одновременно несколько объектов называют распределением внимания. Показателями внимания называют количественные характеристики, которые устанавливаются в отношении каждого его свойства. С помощью показателей внимания можно описать индивидуальные особенности каждого человека, а также его состояние в данный момент времени.

10.2. Виды внимания

Существует несколько разных классификаций видов внимания. По У. Джемсу, внимание может быть, во-первых, сенсорным, т. е. непосредственным (если объект вызывает интерес сам по себе), или производным (опосредствованным, если объект вызывает интерес лишь по ассоциации), во-вторых, непроизвольным (пассивным, рефлекторным, не сопровождающимся чувством усилия) или произвольным (активным, сопровождающимся чувством усилия).

Классификация по признаку произвольности является наиболее традиционной. Разделение внимания на произвольное и непроизвольное историки психологии находят уже у Аристотеля, а полное и всестороннее описание этих разновидностей было сделано уже в XVIII в. Позднее это разделение получило серьезное теоретическое обоснование в работах Т. Рибо и Н. Н. Ланге. Побудительные причины непроизвольного внимания находят в особенностях внешних объектов. Источники произвольного внимания целиком определяются субъективными факторами (табл. 10.1). Этот вид внимания подчинен целям и намерениям субъекта.

Однако феноменология внимания настолько обширна, что разделения только на произвольное и непроизвольное явно недостаточно. Поэтому внутри этих видов внимания выделяют различные подвиды. К примеру, в рамках непроизвольного внимания выделяется вынужденное, невольное и привычное. Вынужденным называется внимание, которым очень трудно управлять, его привлекают стимулы повышенной интенсивности (громкие звуки, яркий свет, едкие запахи и т. д.), а также повторяющиеся, движущиеся, необычные стимулы. Невольным называется внимание к объектам, которые связаны с удовлетворением основных потребностей, например голод или жажда, но эти объекты привлекают внимание только при определенных обстоятельствах. Если вы голодны, вы невольно обратите внимание на вывеску кафе, но если нет — то можете и не заметить ее. Привычное внимание связано с основными сферами интересов и деятельности человека. Так, во время совместной прогулки представители разных профессий замечают разные объекты.

В рамках произвольного внимания можно выделить волевое (возникает в случае конфликта между сознательно выбранным направлением деятельности и тенденциями непроизвольного внимания), выжидательное (связано с сознательным ожиданием появления того или иного объекта) и спонтанное (является трансформированным волевым вниманием и возникает в том случае, когда объект, оказавшийся в поле внимания благодаря усилию, остается там благодаря вызываемому им интересу) (Дормышев Ю. Б., Романов В. Я., 1995).

Удачную как по замыслу, так и по исполнению попытку построения классификации видов внимания по единому основанию предпринял Н. Ф. Добрынин (1938). Он предлагает упорядочить все известные формы внимания по изменению активности субъекта, выделяя в этом континууме три участка. На первом он располагает все формы непроизвольного внимания. Второй — отведен для волевого, или собственно произвольного, внимания. Третий участок связан со спонтанным вниманием, или, как его назвал Добрынин, — послепроизвольным вниманием.

10.3. Теоретические направления в исследованиях внимания

Представители нейрофизиологического направления исследований традиционно связывают внимание с понятием доминанты, активации и с понятием ориентировочной реакции (Лурия А. Р., 1973). Понятие «доминанта» было введено в научный словарь русским физиологом А. А. Ухтомским. Согласно его представлениям, возбуждение распределяется по нервной системе неравномерно. Каждая инстинктивная деятельность может создавать в нервной системе очаги оптимального возбуждения, которые приобретают доминирующий характер. Они не только господствуют и тормозят другие очаги нервного возбуждения, но даже усиливаются под влиянием действия посторонних возбуждений. Именно эта характеристики доминанты позволила Ухтомскому расценить ее как физиологический

механизм внимания.

Исходным для современного исследования нейрофизиологических механизмов внимания является тот факт, что избирательный характер протекания психических процессов может быть обеспечен лишь в состоянии бодрствующего мозга. Бодрственный уровень коры головного мозга обеспечивается механизмами, поддерживающими нужный тонус коры и связанными с работой восходящей активирующей ретикулярной формации. Отделение ретикулярной формации от коры головного мозга приводит к снижению тонуса и вызывает сон.

Избирательная активация обеспечивается нисходящими влияниями ретикулярной формации, волокна которой начинаются в коре головного мозга (прежде всего в медиальных и медиобазальных отделах лобных и височных долей) и направляются к двигательным ядрам спинного мозга и к ядрам ствола. Работа нисходящей ретикулярной формации очень важна, так как с ее помощью до ядер мозгового ствола доводятся те избирательные системы возбуждения, которые первоначально возникают в коре головного мозга и являются продуктом высших форм сознательной деятельности человека с ее сложными познавательными процессами и программами прижизненно формируемых действий.

Взаимодействие обеих составных частей активирующей ретикулярной системы и обеспечивает сложнейшие формы саморегуляции активных состояний мозга. Нарушения функционирования ретикулярной формации приводят к нарушениям внимания.

Понятие «ориентировочный рефлекс», введенное в научный словарь И. П. Павловым, связано с активной реакцией животного на каждое изменение обстановки, которое проявляется через общее оживление и ряд избирательных реакций. Павлов образно называл эту реакцию рефлексом «что такое?». Ориентировочные реакции имеют вполне понятный биологический смысл и выражаются в ряде отчетливых электрофизиологических, сосудистых и двигательных реакций: поворот глаз и головы в сторону нового объекта, изменение кожно-гальванической реакции, изменение сосудистых реакций, изменения дыхания, возникновение явлений десинхронизации в биоэлектрических реакциях мозга.

Ориентировочный рефлекс обнаруживает ряд признаков, существенно отличающих его от обычных безусловных рефлексов. При неоднократном повторении одного и того же раздражителя ориентировочная реакция угасает. Организм привыкает к этому раздражителю. Такое привыкание является очень важным механизмом в развитии когнитивной активности ребенка. При этом достаточно лишь незначительного изменения стимула, чтобы ориентировочная реакция появилась снова. Причем к пробуждению приводит не только усиление стимуляции (например, громкости звука), но и ее ослабление. Так, если вы вдруг понизите голос, это привлечет внимание к вашей речи так же, как если бы вы его повысили.

Исследования внимания в когнитивной психологии. Многие современные модели внимания основываются на экспериментальных исследованиях с использованием методического приема, который носит романтическое название «вечеринка с коктейлем». Действительно, вы не можете обойтись без напряжения вашего внимания, когда, находясь в большой комнате, где все громко разговаривают, смеются или даже поют, вы должны слушать собеседника. Эту ситуацию можно смоделировать в экспериментальных условиях, если надеть на испытуемого наушники и подавать на правое ухо одно сообщение, а на левое — другое. Характеристики подаваемых сообщений можно менять. После передачи сообщений испытуемых просят воспроизвести то, что они слышали.

В 1958 г. была опубликована книга Дональда Бродбента «Восприятие и коммуникация», где он сравнивал функционирование внимания с работой электромеханического фильтра, осуществляющего отбор (селекцию) информации и предохраняющего канал передачи информации от перегрузки. Термин прижился в когнитивной психологии и породил значительное число моделей внимания. Все модели такого рода можно условно разделить на модели ранней и поздней селекции. Были предложены и различные компромиссные варианты. Модели ранней селекции (к ним прежде всего относится ранняя модель Бродбента) предполагают, что информация отбирается на основе сенсорных признаков фильтром, работающим по принципу «все или ничего». Модели поздней селекции (наиболее известной является модель Д. Навона) предполагают, что вся поступающая информация параллельно обрабатывается и опознается, после чего отобранная информация сохраняется в памяти, а не отобранная — очень быстро забывается.

Компромиссная модификация модели ранней селекции была предложена Э. Трейсман. Согласно этой модели на ранних этапах информация фильтруется на основе физических признаков, но она не отбрасывается, а лишь «затеняется», ослабляется, а затем на поздних этапах переработки подвергается еще одной селекции по смысловым признакам (Величковский Б. М,, 1982; Дормышев Ю. Б., Романов В.

Я., 1995).

Как альтернативные моделям селекции были предложены модели У. Найссера (Найссер У., 1981) и Дж. Хохберга. Внимание в этих моделях понимается как активное предвосхищение результатов восприятия, ведущее к синтезу сенсорных данных на основе внутренних схем. Найссер разделяет все познавательные процессы на два уровня: грубые, быстрые параллельные процессы предвнимательной обработки и детальные, медленные последовательные процессы фокального внимания. Он подчеркивает циклический, разворачивающийся во времени характер познавательной активности. По его мнению, бессмысленно локализовать воронку ближе к стимулу или ближе к ответу, так как восприятие активно и стимулы неразрывно связаны с ответами. Избирательность — один из аспектов восприятия, обеспечиваемый предвосхищением необходимой информации и непрерывной настройкой перцептивной схемы.

Разработав вместе с коллегами методику избирательного смотрения, Найссер продемонстрировал, что внимание связано не столько с фильтрацией признаков, сколько с циклической организацией деятельности, в частности действий слежения. Был проведен эксперимент, в котором испытуемым предъявляли два наложенных друг на друга фильма. В обоих сюжетах три игрока двигались по комнате и перебрасывали друг другу мяч. В одной экспериментальной ситуации обе записи были полностью идентичны: игроки оказывались одинаково одетыми, в том же самом помещении, с тем же самым мячом; в другой ситуации игроки отличались цветом майки. Одна видеозапись начиналась несколько раньше, и испытуемые должны были ее отслеживать, нажимая на ключ всякий раз, когда мяч в этой игре переходил от одного игрока к другому. Показатель продуктивности решения задачи составил 0,67 для условий полной идентичности и 0,87 для условий различающихся футболок. Когда показывали только одну игру, этот показатель составил 0,96. В дополнительной серии в тот момент, когда испытуемый отслеживал одну из двух наложенных друг на друга видеозаписей, на этом же экране неожиданно появлялась и проходила среди игроков по той же комнате девушка с раскрытым зонтиком. Наивные испытуемые (не имеющие опыта распределения внимания) никак не реагировали на ее появление.

Непредвосхищенная информация также может быть воспринята, но при соблюдении некоторых условий. Во-первых, некоторые стимулы (например, громкие звуки или яркие вспышки) автоматически запускают ориентировочные реакции, дающие начало новым перцептивным циклам. Информация такого рода «навязывает» себя воспринимающему. О таком снятии информации можно сказать, что оно осуществлено на стадии «предвнимания» с тем, чтобы отличить ее от стадии истинного внимания. Второй тип снятия информации на стадии предвнимания происходит скорее как следствие индивидуального опыта, чем в силу врожденной способности. Может случиться так, что человек является более или менее готовым к восприятию некоторых видов информации, которая при своем появлении запускает ориентировочные реакции. Здесь речь идет об индивидуально значимых стимулах, связанных с личными именами, с профессионально значимой информацией и так далее. Информация, получаемая «до внимания», более скудна и фрагментарна, смысл ее лишь в том, что она запускает перцептивный цикл (Величковский Б. М., 1982; Дормышев Ю. Б., Романов В. Я., 1995).

В 1973 году Д. Канеман опубликовал монографию, в которой изложил трактовку внимания как умственного усилия. Это послужило исходной точкой для моделей внимания «второго поколения». Наиболее существенной идей всех теорий такого рода является понятие «ресурс». По мнению Канемана, количество ресурсов, лимитирующих умственные усилия в каждый момент времени, — величина постоянная, хотя она и может изменяться в ограниченных пределах под влиянием активации. Умственное усилие, которое равнозначно акту внимания, определяется не столько желаниями или сознательными интенциями субъекта, сколько сложностью задачи. По мере роста сложности задачи происходит некоторый рост активации, а также увеличивается количество ресурсов внимания, выделяемых на решение задачи. Но количество выделяемых ресурсов постепенно отстает от растущей сложности задачи, что проводит к возникновению ошибок.

Экспериментально свою теорию внимания как умственного усилия Канеман подтверждает на материале исследований одновременного выполнения двух деятельностей. В таких экспериментах оценку результатов при одноврменном выполнении двух задач сравнивают с продуктивностью, которая достигается в условии их раздельного выполнения. Были выявлены следующие закономерности: степень интерференции (отрицательного влияния решения одной задачи на другую) тем больше, чем больше сложность задач и чем они более сходны друг с другом. Можно предположить, что интерферирующие задачи соревнуются за общую мощность. Канеман полагает, что существует единый

ресурс внимания для любых задач, и интерферируют не только задачи, заданные в одной модальности или аналогичные по сути, но и такие совершенно различные деятельности, как ходьба и счет в уме.

Внимание как активность личности. С. Я. Рубинштейн, развивая свою концепцию психической деятельности, полагал, что внимание не имеет собственного содержания. Оно — «сторона всех познавательных процессов сознания, и притом та их сторона, в которой они выступают как деятельность, направленная на объект» (Рубинштейн С. Я., 1999). По мнению Рубинштейна, во внимании проявляется отношение личности к миру, субъекта к субъекту, сознания к предмету. Он писал, что «за вниманием всегда стоят интересы и потребности, установки и направленность личности. Они вызывают изменение отношения к объекту. А изменение отношения к объекту выражается во внимании — в изменении образа этого объекта, его данности сознанию: он становится более ясным и отчетливым, как бы более выпуклым». Подчеркивая активность субъекта, которая проявляется во внимании, Рубинштейн утверждал, что причины внимания лежат не только в субъекте, но и в объекте, а также то, что внимание теснейшим образом связано с деятельностью.

Взгляды, близкие к этим, высказывал Н. Н. Добрынин. Он посвятил всю свою жизнь исследованиям внимания, которое считал формой проявления активности личности. Добрынин полагал, что, описывая внимание, нужно говорить не о направленности сознания на предмет, а о направленности сознания на деятельность с предметом. В его концепции внимание определялось как направленность и сосредоточенность нашей психической деятельности. Под направленностью он понимал выбор деятельности и поддержание этого выбора. Под сосредоточенностью — углубление в данную деятельность и отстранение от всякой другой деятельности (Добрынин Н. Н., 1938).

Внимание как способ управления поведением и функция контроля. Л. С. Выготский рассматривал внимание через призму организации поведения, а его развитие связывал с «овладением» своим поведением, то есть с возможностью произвольно управлять своими действиями. Внимание описывалось как способ регулирования поведения. Как и в остальных психических функциях, Выготский выделял во внимании линию натурального развития и линию культурного развития. Линию натурального развития он связывал с органическим процессом роста и созревания нервного аппарата. Линию культурного развития — с развитием социального взаимодействия и использованием опосредующих стимулов для создания возможности «овладения» самими процессами внимания.

Непроизвольная и произвольная формы внимания представлялись как две стадии развития этой функции в процессе онтогенеза. При этом непроизвольное внимание приравнивалось к непосредственному, а произвольное — к опосредствованному вниманию. На первом этапе внимание существует лишь как «натуральная», непроизвольная функция. Внимание ребенка привлекается внешними стимулами. Он реагирует на интенсивные раздражители, такие как громкий звук, яркий свет, а также на движение.

Однако уже с самых первых дней взрослые начинают управлять вниманием ребенка: они зовут его, потряхивают погремушкой, вкладывают в руку различные предметы. Далее взрослым достаточно лишь указать на предмет, чтобы ребенок обратил на него внимание. Затем ребенок сам начинает указывать на предмет, чтобы привлечь внимание взрослого. Привлекая внимание взрослого, он привлекает и свое собственное внимание и через это начинает управлять им. Выготский писал, что «...в начале развития произвольного внимания стоит указательный палец». В дальнейшем ребенку все меньше нужны внешние средства для управления своим вниманием и поведением. Они заменяются внутренними средствами управления и контроля (Выготский Л. С., 1983).

Идеи Выготского нашли свое продолжение и развитие в теории, разработанной в пятидесятые годы П. Я. Гальпериным. Однако, по сравнению с Выготским, он считал внимание лишь внутренним контролем за поведением и рассматривал его как идеальное, свернутое и автоматизированное действие (Гальперин П. Я., 1958). Внимание — это продукт развития внешней, предметной и развернутой деятельности контроля во внутреннюю форму. Средства и способы контроля субъект находит в окружающей действительности. В зависимости от специфики этого развития получаются различные виды внимания. Непроизвольное внимание складывается стихийно. Маршрут и средства контроля диктуются объектом и текущими состояниями субъекта. Произвольное внимание формируется тогда и в той мере, в каком процесс его становится планомерным. Произвольное внимание — это результат обучения.

Теория Гальперина предполагала не просто рассмотрение внимания как процесса контроля за действиями, но и развитие этого контроля от сознательных к автоматизированным формам. Существование автоматизированной и неавтоматизированной форм обработки информации как

автоматизированных и неавтоматизированных действий никем не подвергается сомнению. В реальной жизни мы постоянно выполняем несколько одновременных действий: идем, смотрим, думаем и т. д. Такой опыт самонаблюдения, казалось бы, не согласуется с данными экспериментов, в которых показывается, насколько сложной является задача совмещения двух действий. Однако большинство совмещений становится возможным благодаря автоматизации или изменению уровня контроля. Похожие взгляды приобретают все большую популярность в современных западных концепциях внимания.

П. Я. Гальперин (1902–1988)

Внимание как результат организации деятельности. Следующий подход к психологическим исследованиям внимания в отечественной психологии связан с развитием идеи уровневой организации деятельности. Ю. Б. Гиппенрейтер, анализируя работы А. Н. Леонтьева, подчеркивала, что природа внимания может быть раскрыта только через анализ деятельности. Она считала, что нельзя приписывать вниманию самостоятельные свойства, что внимание есть феноменальное продуктивное проявление работы ведущего уровня организации деятельности. Данное определение распадается на два: во-первых, подчеркивается эффекторная природа внимания (внимание — лишь отражение в сознании внутренней работы по организации деятельности), во-вторых, указывается на то, что деятельность имеет несколько уровней организации (в большинстве своем неосознаваемых), и внимание связывается лишь с ведущим уровнем этой организации (Гиппенрейтер Ю. Б., 1983). Идея выделения различных уровней организации деятельности принадлежит Н. А. Бернштейну. Она находит все больше сторонников в современной психологии (Величковский Б. М., 1982).

Наличие различных уровней реализации процессов внимания подтверждается в нейропсихологических исследованиях. Е. Д. Хомская выделяет модально-неспецифические и модально-специфические нарушения внимания. Модально неспецифические связаны с тремя различными уровнями функционирования мозговых структур. Первый уровень — это поражение нижних отделов неспецифических структур (уровня продолговатого и среднего мозга). У таких больных наблюдается быстрая истощаемость, резкое сужение объема и нарушение концентрации внимания. Эти симптомы нарушения внимания наблюдаются в любом виде деятельности. Второй уровень связан с поражением диэнцифальных отделов мозга и лимбической системы. Этот уровень, по-видимому, состоит из нескольких подуровней. Однако в настоящее время специфика каждого из них изучена еще недостаточно. При таких поражениях наблюдаются более грубые нарушения внимания. Больные не могут сосредоточиться ни на какой деятельности. Внимание крайне неустойчиво и при выполнении двигательных актов, и при выполнении образных и вербальных задач. Попытки поднять уровень активности этих больных, как правило, не дают результата. Третий уровень связан с поражением медиобазальных отделов лобных и височных долей. Больные с подобными поражениями чрезвычайно реактивны на все стимулы, как будто замечают все, что происходит вокруг (оборачиваются на любой звук, вступают в разговоры, которые ведут между собой соседи) (Хомская Е. Д., 1987).

Вопросы для повторения

1. Как определяли внимание Н. Н. Ланге, А. Я. Лурия, Н. Н. Добрынин, П. Я. Гальперин?
2. Каковы свойства внимания?
3. Какие существуют основные виды внимания?
4. Перечислите основные понятия нейрофизиологического подхода к исследованию внимания.

5. Какие модели внимания существуют в рамках когнитивной психологии?
6. Сформулируйте основные положения теории внимания П. Я. Гальперина.

Рекомендуемая литература

Величковский Б. М. Современная когнитивная психология. — М.: Изд-во МГУ, 1982. — 336 с.

Выготский Л. С. История развития высших психических функций // Собр. соч.: В 6-ти т. Т. 3 / Отв. ред. А. В. Запорожец. - М.: Педагогика, 1983. - 367 с. - С. 5-328.

Гальперин П. Я. К проблеме внимания // Доклады АПН РСФСР. - 1958. - № 3. - С. 33-38. Гиппенрейтер Ю. Б. Деятельность и внимание // А. Н. Леонтьев и современная психология: Сб. стат. / Под. ред. А. В. Запорожца, В. П. Зинченко и др. - М: Изд-во МГУ, 1983. - 288 с. - С. 165-177.

Добрынин Н. Ф. О теории и воспитании внимания // Советская педагогика. — 1938. — № 8. — С. 12-32.

Дормышев Ю. Б., Романов В. Я. Психология внимания. — М: Тривола, 1995. — 357 с.

Ланге Н. Н. Внимание // Хрестоматия по вниманию / Под. ред. А. Н. Леонтьева. — М.: Изд-во МГУ, 1976.-295с.-С. 103-106.

Лурия А. Р. Внимание и память. Материалы к курсу лекций по общей психологии. — М: Изд-во МГУ, 1975.-108 с.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. — СПб.: Питер, 1998. — 705 с. — (Мастера психологии).

Глава 11. Сенсорно-перцептивные процессы

Краткое содержание главы

Психофизика ощущений. Сенсорные и перцептивые процессы. Проблема соотношения физического и психического. Пороги чувствительности. Основной психофизический закон.

Виды ощущений. Кинестетическая и вестибулярная чувствительность. Кожная чувствительность. Вкусовая чувствительность. Обоняние. Слух. Зрение.

Восприятие пространства и движения. Восприятие глубины и удаленности предметов. Восприятие движения. Восприятие формы.

Константность восприятия. Концепции Г. Гельмгольца и Дж. Гибсона. Иллюзии восприятия.

11.1. Психофизика ощущений

Психика начинается с ощущений: если бы мы могли помнить себя в утробе матери, в нашей памяти, наверное, возникли бы только ощущения: неясные звуки, цветовые пятна, вибрации, покачивания.

Ощущение — это процесс первичной обработки информации на уровне отдельных свойств предметов и явлений. Этот уровень обработки информации называется сенсорным. На нем отсутствует целостное представление о том явлении, которое вызвало ощущения. Ощущение — только первичный материал психического образа, который формируется на уровне восприятия.

Восприятие, или перцепция, — это процесс обработки сенсорной информации, результатом которой является отражение окружающего нас мира как совокупности предметов и событий.

- **Ощущение — процесс первичной обработки информации на уровне отдельных свойств предметов и явлений.**

Восприятие — процесс обработки сенсорной информации, результатом которой является отражение окружающего нас мира как совокупности предметов и событий.

Выделение двух стадий обработки информации — сенсорных и перцептивых процессов — во многом является абстракцией. Трудно отделить их друг от друга, как последовательные действия театрального спектакля. Если мы находимся в нормальном состоянии, то идя по ночной улице, мы воспринимаем здания, тротуар, фонари и автомобили, а не просто ощущаем шорохи, блики и вибрации. Перцептивная обработка информации не просто следует за сенсорной с крайне малым временным

интервалом, — эти процессы могут идти параллельно.

Поскольку первичным, элементарным психическим опытом можно считать ощущение, то ученым прежде всего хотелось понять, каким образом физическая стимуляция преобразуется в ощущение. Демокрит, например, полагал, что мы ощущаем внешний мир посредством маленьких, слабых копий объектов, которые, согласно его теории, входят в тело через органы чувств и переносятся духами по неким полым трубкам в чувствительную часть мозга, где они каким-то образом вызывают ощущения.

Прошло много столетий, прежде чем проблема соотношения физического и психического стала объектом экспериментальных исследований. Их основоположником стал Г. Т. Фехнер. В 1860 г. Фехнер опубликовал труд под названием «Элементы психофизики». Неискушенный в психологии человек редко задумывается над тем, что вспышка света и ощущение, ею вызванное, принадлежат хотя и связанным, но различным реальностям: физическому и психическому миру. Фехнер над этим задумался. Основными задачами психофизики он считал изучение соотношения физического и психического мира и количественное описание этого соотношения. В духе научной идеологии того времени Фехнер обратил внимание на элементарные события, происходящие в физической и психической реальности: это были, соответственно, простой физический раздражитель и ощущение.

Г. Т. Фехнер (1801–1887)

Первый вопрос, который интересовал Фехнера, — это проблема порогов чувствительности. Возможности наших органов чувств ограничены: мы можем разговаривать на расстоянии 5, 10, 20 метров, но если наш собеседник удалится от нас на расстояние пяти километров, разговор без применения специальных средств усиления звука станет невозможным. Значит (разумно предположить), как считал Фехнер и его последователи, что все стимулы по физической интенсивности можно разделить на те, которые ощущаются, и те, которые не ощущаются.

Выделяют два типа порогов чувствительности: абсолютный и дифференциальный, или разностный.

Абсолютный порог чувствительности — это такая величина стимула (физического раздражителя), при которой начинает возникать ощущение. Обратимся к рис. 11-1. Все стимулы, которые больше (сильнее, громче, ярче) определенной интенсивности раздражителя, вызывают ощущения (правая часть диапазона). Стоит же нам несколько уменьшить величину стимула (сдвинуть его в левую часть диапазона), как мы перестаем его ощущать.

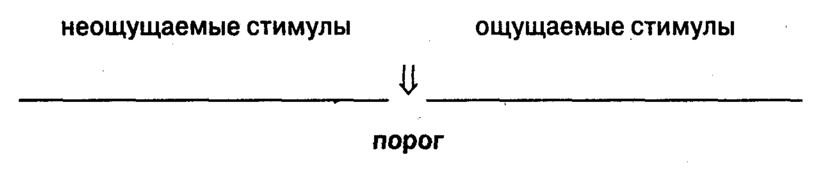

Рис. 11-1. Абсолютный порог чувствительности

Дети похожи на родителей. Иногда мы не можем отличить голос сына от голоса отца, во всяком случае, в первые секунды телефонного разговора. Нам трудно настроить гитару: подстраивая одну струну к другой, мы не слышим разницы в звучании, но наш товарищ с консерваторским образованием говорит, что нужно еще подтянуть на четверть тона. Следовательно, есть такая величина физического различия между стимулами, при которой мы начинаем их различать. Эта величина носит название

дифференциального порога, или порога дифференциальной чувствительности.

Обратимся к рис. 11-2. Если мы уменьшим физическую разницу между стимулами, то различие между ними перестанет ощущаться. Стоит слегка «развести» стимулы по физической интенсивности, как ощущение различия появится.

Несмотря на то, что абсолютный и дифференциальный пороги представляют собой явно различные характеристики, за этими понятиями стоит общий принцип, или, как говорят в науке, одно и то же допущение. Предполагается, что сенсорный ряд — диапазон наших ощущений — дискретен (прерывен): до определенных пределов ощущение есть, а потом пропадает. Причем эта точка зрения распространяется как на абсолютный порог, так и на дифференциальный.

• Абсолютный порог чувствительности – величина стимула, при которой начинает возникать ощущение.

Дифференциальный порог – величина физического различия между стимулами, при которой мы начинаем их различать.

Психометрическая функция – зависимость вероятности обнаружения (различения) стимулов от их интенсивности.

Представление, что наша сенсорная система устроена по пороговому, прерывному принципу, называется концепцией дискретности сенсорного ряда. Казалось бы, вполне разумная идея. О чем тут спорить?! Оказывается, есть о чем. Психофизики, воодушевленные идеей «абсолютного нуля», или точкой исчезновения ощущений, провели сотни экспериментов в надежде найти и раз и навсегда определить пороги чувствительности. Не тут-то было. Помещают испытуемого в специальную, изолированную от шумов экспериментальную комнату, измеряют его пороги, один раз получают одно значение, другой раз — получают другое значение. Это похоже на ситуацию, когда дверь в квартире открывается то с двух с половиной оборотов, то с двух, то с полутора, то вообще с одного, а замок тот же, и закрываете вы его все время ровно на два оборота.

Получается, что порог как бы плавает. Каждый раз мы получаем несколько различные значения - иными словами, даже для очень слабых раздражителей существует некоторая (ненулевая) вероятность их обнаружения, а для отностельно сильных — ненулевая вероятность их необнаружения. Зависимость вероятности обнаружения (различения) стимулов от их интенсивности называется *психометрической* функцией. Как должна выглядеть психометрическая функция, если сенсорная система работает по дискретному принципу? До определенного уровня интенсивности стимула вероятность обнаружения равна нулю, потом — единице (рис. 11-3, а).

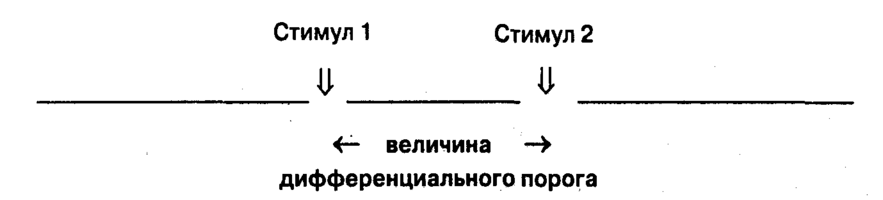

Рис. 11-2. Дифференциальный порог чувствительности

А как она выглядит в действительности? Так, как показано на рис. 11-3, б. Основываясь на результатах психофизических исследований, один из оппонентов Фехнера — И. Мюллер — высказал идею о непрерывности сенсорного ряда, суть которой состоит в том, что не существует порога как такового: любой стимул в принципе может вызвать ощущение. Почему же мы не обнаруживаем некоторые слабые сигналы? Потому что, утверждал Мюллер, на возможность обнаружения стимула влияет не только его физическая интенсивность, но и расположенность сенсорной системы к ощущению. Эта расположенность зависит от множества случайных, плохо контролируемых факторов: усталости наблюдателя, степени его внимательности, мотивации, опыта и т. п. Одни факторы благоприятно действуют на способность наблюдателя к обнаружению сигнала (например, большой опыт), а другие неблагоприятно (например, усталость). Соответственно, неблагоприятные факторы уменьшают способность к обнаружению, а благоприятные — увеличивают. Но в целом, по мнению Мюллера, нет оснований говорить о существовании какой-то особой точки на оси ощущений, где они прерываются, исчезают. Сенсорный ряд непрерывен. Если бы мы могли создать идеальные условия наблюдения, то сенсорная система восприняла бы сколь угодно малый сигнал.

Со времени научной дискуссии между Фехнером и Мюллером прошло уже более ста лет, но

проблема дискретности-непрерывности сенсорного ряда до сих пор не получила окончательного решения. Исходные психофизические идеи вдохновили многих исследователей и позволили им создать массу психофизических концепций, интересных в теоретическом плане и полезных в практическом. Ниже мы коротко рассмотрим наиболее характерные из них.

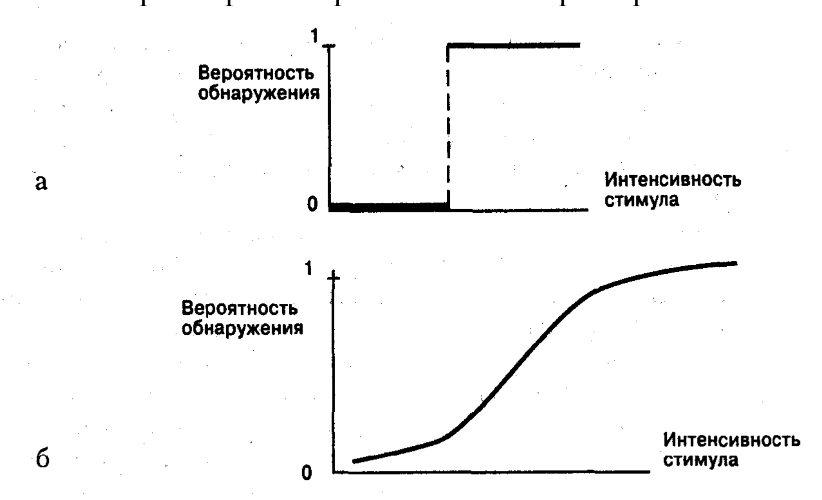

Рис. 11–3. а) Идеальная психометрическая функция (допущение о дискретности); б) Реальная психометрическая функция

Стивенс, Морган и Фолькман в 1941 году сформулировали нейроквантовую теорию, основное допущение которой состоит в том, что единицами нервной системы являются нервные кванты, каждый квант срабатывает по принципу «все или ничего», т. е. срабатывает, когда достигнут его порог, и не срабатывает, когда величина возбуждения ниже порогового уровня. Однако для возникновения ощущения, по мнению авторов теории, недостаточно возбуждения одного кванта. Ощущение возникает только при возбуждении двух нервных квантов. Кроме того, чувствительность организма флуктуирует (изменяется во времени, колеблется) совершенно случайным образом. Эти и другие допущения позволили объяснить некоторые особенности психометрических функций и защитить идею дискретности сенсорного ряда, невзирая на отсутствие в экспериментальных данных психофизиков скачкообразного перехода от необнаружения к обнаружению или от неразличения к различению. Следует отметить, что введение понятия «нервный квант» было малообоснованным: за ним не стояло четких эмпирических данных, оно не имело ясного психофизиологического значения и поэтому само допущение о существовании нервных квантов воспринимается не без сомнений.

Весьма продуктивной оказалась концепция, предложенная Грином и Светсом в 1966 г. и получившая название «теория обнаружения сигнала». Суть этой теории сводится к следующему. Любой сигнал воспринимается на фоне шума. Даже если полностью отсутствуют внешние помехи, сама сенсорная система просто за счет своей работы создает некоторый шум: в нас бьется сердце, по жилам течет кровь, мы дышим и т. д. Этот шум при жизни наблюдателя нельзя отключить (во всяком случае, он вряд ли на это согласится). Поэтому, хотя сенсорная система работает по непрерывному принципу, все равно обнаружение сигнала — вероятностный процесс. Сигнал сливается с шумом, он становится плохо отличимым от него, особенно когда физическая интенсивность самого сигнала очень мала. Наблюдатель, по сути дела, выполняет задачу отличения сигнала от шума. Шум, как ветер, колеблется вокруг некоторого среднего значения: он может быть то совсем слабым, и тут можно с высокой степенью уверенности сказать, что сигнала не было, то усиливается, и в этом случае шум легко перепутать с сигналом. На правильность ответа о наличии сигнала влияют, с одной стороны, собственно сенсорные способности анализаторов (слуха, зрения и т. д.), с другой — компонент принятия решения. Основными факторами принятия решения являются вероятности сигналов и то значение, которое имеют для вас правильные ответы и ошибки обнаружения.

Возьмем в качестве примера контроль качества продукции. Сигналом для контролера является бракованное изделие. Несигналом (шумом) — качественное изделие. Изделий много. Контролер один. Он может ошибаться. Посмотрим, какие возможны варианты сочетаний ответов наблюдателя и истинного положения вещей. Эти сочетания называются исходами процесса обнаружения. Контролер может в принципе дать два типа правильных ответов: оценить качественное изделие как качественное, бракованное — как бракованное; а также два типа неправильных посчитать бракованное качественным и, наоборот, качественное бракованным. Возможные исходы показаны на рис. 11-4.

Если отличить бракованное изделие от не бракованного непросто, если брак плохо отличим от качественных изделий в силу, например, погрешностей измерительной аппаратуры, дефицита времени или усталости контролера, то задача становится пороговой, т. е. различие между физическими событиями настолько незначительно, что это создает проблемы для сенсорной системы: сигнал сливается с шумом, и для того чтобы отличить одно от другого, приходится привлекать некоторые дополнительные (помимо сенсорных) механизмы.

	Ответ «Брак»	Ответ «Нет брака»
Бракованное изделие (сигнал)	правильное обнаружение (попадание)	пропуск сигнала
Качественное изделие (шум)	ложная тревога	правильное отрицание (покой)

Рис. 11-4. Исходы процесса обнаружения сигнала

Это, как указывалось выше, механизмы принятия решения. Если при прочих равных условиях вероятность брака велика (цех имеет плохую репутацию), то наблюдатель при возникновении сомнений будет относительно более склонен отвечать «сигнал», и наоборот, если вероятность брака мала (исполнители исключительно добросовестны), то предпочитаемым ответом будет «нет брака». Сходным образом обстоит дело со значимостями, или ценностями исходов. Если, например, за обнаруженный после контролера брак с него снимают премию, он будет очень придирчив. Если же начальник внушает контролеру, что главное — количество, пусть даже изделия будут слегка некондиционными, то контролер будет выносить вердикт «брак» с очень большой осторожностью. Соответственно, уменьшится процент правильных обнаружений и ложных тревог.

- **Едва заметное различие — минимальное различие между физическими значениями стимулов, которое вызывает ощущение различия.**

Одной из главных заслуг авторов теории обнаружения сигнала является введение в структуру сенсорного процесса составляющей принятия решения. Это, с одной стороны, позволило взглянуть на проблемы ощущения с более высоких системных позиций, а с другой — выработать подход к решению многих прикладных проблем — первоначально чисто военной тематики (работа на радарах и сонарах), а потом и гражданской (контроль качества продукции, процессы восприятия человека человеком и др.).

Современные концепции порогов чувствительности отличаются двумя характерными особенностями. Первая из них состоит в том, что различение и обнаружение трактуется как процесс, неотъемлемой частью которого является неопределенность и случайность. А вторая — в том, что все глубже и глубже исследуются механизмы несенсорного порядка, в широком смысле — механизмы принятия решения, которые «приходят на помощь» сенсорной системе и позволяют тем или иным способом решать сенсорные задачи, несмотря на неопределенность, случайность, смутность и неясность внешнего мира.

Мы проанализировали проблему порогов чувствительности, поставленную еще Фехнером. Другой классической проблемой психофизики, также связанной с именем Фехнера, является проблема зависимости величины ощущения от величины физического стимула, или основного психофизического закона. Но для того чтобы вычислить зависимость одной величины от другой, нужно уметь измерять эти величины. Измерить параметры физического стимула несложно. А как быть с ощущениями?

Фехнер рассуждал следующим образом. Субъект не в состоянии количественно оценить величину возникшего у него ощущения. Например, человек, по мнению Фехнера, не может, не лукавя, ответить на вопрос: «Во сколько раз (в два, три, четыре) твои ощущения сладости от этого чая сильнее ощущений сладости от другого чая?» — он может только сказать, какое из ощущений сильнее. Фехнер предложил использовать в качестве единицы измерения ощущений величину *едва заметного различия*. Эта величина представляет собой минимальное различие между физическими значениями стимулов, которое вызывает ощущение различия (скажем, добавляем в «исходный» чай немного сахара, даем

попробовать человеку, он не замечает различия по сладости с предыдущим — ощущение осталось прежним; добавляем еще немного — не замечает различий; еще немного — заметил; вот эта разница между количеством сахара в «исходном» чае и чае, который уже кажется слаще, и, называется величиной едва заметного различия). Наверное, читатель уже сообразил, что величина едва заметного различия представляет собой не что иное, как величину дифференциального порога. Но за введением понятия «величина едва заметного различия» стоит стремление найти минимальное различие между ощущениями, или минимальное расстояние между «насечками» на «линейке» ощущений.

Обратимся к рис. 11-5. До достижения стимулом определенной физической величины ощущения нет. После достижения абсолютного порога ощущение появляется. Абсолютный порог — нулевая точка на оси ощущений. Но слишком малое различие между стимулами мы не замечаем. Шкала ощущений грубее шкалы физических величин. Нужно увеличить физическую величину на несколько единиц, чтобы получить приращение ощущения в одну единицу. В нашем условном примере для того, чтобы увеличить ощущение от нуля до одного, нужно увеличить стимул на две единицы; чтобы увеличить ощущение от одного до двух, нужно увеличить стимул на три единицы, и т. д. Величина едва заметного различия в первом случае равна двум, во втором — трем.

	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Физический ряд	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
			0		1			2				3
Сенсорный ряд			*		*			*				*

Рис. 11-5. *Соотношение физического и сенсорного рядов*

Далее, если предположить, что минимальные различия между ощущениями (в нижней части рисунка) равны между собой, т. е. что приращение ощущения при возрастании стимула на одно едва заметное различие вызывает всегда одинаковое по величине увеличение ощущения, то измерять ощущения можно, считая количество едва заметных различий, накопленных при увеличении стимула от абсолютного порога. Итак, первое допущение Фехнера, использованное им при выводе формулы основного психофизического закона, состояло в том, что приращение ощущения при приращении величины раздражителя на одно едва заметное различие константно (всегда одно и то же).

Вторым основанием для вывода формулы зависимости ощущения от стимула было так называемое *соотношение Вебера*. Это соотношение было основано на впоследствии экспериментально подтвержденном предположении, что отношение едва заметного различия к величине исходного стимула равно некоторой константной для каждой сенсорной модальности величине. Чем больше интенсивность исходного стимула, тем больше нужно увеличить его, чтобы заметить разницу, т. е. тем больше величина едва заметного различия. В нашем условном примере (рис. 11-5) этот принцип в общем соблюден.

Итак, DDI: I = C, где DDI — величина едва заметного различия, I — величина (интенсивность) исходного стимула, C — константа.

Опираясь на положения о равенстве минимальных различий между ощущениями и соотношение Вебера, Фехнер математически вывел формулу основного психофизического закона:

$$R=C(\lg S-\lg S_0),$$

где R — величина ощущения; C — константа, связанная с соотношением Вебера; S — величина действующего стимула; S_0 — абсолютный порог.

- **Соотношение Вебера – отношение едва заметного различия к величине исходного стимула равно некоторой константной для каждой сенсорной модальности величине.**

Примерно через сто лет после появления книги Фехнера Стивенс выдвинул идею возможности непосредственной количественной оценки человеком своих ощущений. Кроме того, он пересмотрел основной постулат Фехнера о константности минимальных различий между ощущениями: вместо DDR = C Стивенс предложил DDR: R = C. Это соотношение выглядит аналогично соотношению Вебера, но только в нем фигурируют не физические величины, а психические — ощущения. Соотношение Стивенса означает, что отношение минимального приращения ощущения к исходному

ощущению равно постоянной величине. Проще говоря, если мы испытываем слабое ощущение, то чтобы испытать несколько более сильное, нужно лишь незначительное изменение в ощущениях, чтобы почувствовать разницу, а если мы переживаем очень сильное ощущение, то только мощный всплеск в нашей душевной жизни заставит нас заметить, что что-то в наших ощущениях изменилось.

Основываясь на предложенном соотношении, Стивенс математически вывел формулу основного психофизического закона:

$$R=C(S-S_0)^n$$

Зависимость между ощущением и физическим стимулом имеет, по Стивенсу, не логарифмический, а степенной характер. Позднее были предложены другие многочисленные формулы основного психофизического закона. Подводя итоги изложения данной проблемы можно сказать, что психофизическая «общественность» в последнее время склоняется к мнению, что форма соотношения физического и сенсорных рядов зависит от условий наблюдения, задачи, стоящей перед субъектом, и т. п.

11.2. Виды ощущений

Функция **кинестетической и вестибулярной чувствительности** состоит в информировании индивида о его собственных движениях и положении в пространстве. Кинестетические ощущения — это совокупность сенсорной информации, поступающей из мышц, сухожилий и связок. Вестибулярные ощущения основаны на информации, приходящей из полукружных канальцев внутреннего уха. Одна из основных функций системы вестибулярных ощущений, обеспечить устойчивую основу для зрительного наблюдения. Когда мы двигаемся (ходим, бегаем, прыгаем), наша голова тоже приходит в движение. Если бы не было каких-либо компенсаторных, корректирующих механизмов, мы видели бы мир так, как это бывает на видеозаписи, когда оператор снимает на ходу или на бегу: изображение прыгало бы, дрожало, металось из стороны в сторону. За счет же существования рефлекторного механизма, который компенсирует каждое движение головы противоположным по направлению движением глаз, перед нами предстает довольно стабильная картина мира.

Кожная чувствительность обеспечивает индивида информацией о том, что соприкасается с его телом: это может быть предмет или некоторая среда (например, водная или воздушная). Наибольшей чувствительностью обладают ладони, кончики пальцев, губы и язык. Современные исследователи различают четыре разновидности кожной чувствительности: ощущения давления, тепла, холода и боли.

Есть довольно веские основания полагать, что для различных типов кожных ощущений существуют свои специализированные рецепторы (чувствительные клетки). Несколько противоречивая картина складывается при рассмотрении болевой чувствительности. Ряд исследователей полагает, что существуют специализированные болевые рецепторы. По мнению других, боль возникает в ответ на чрезмерную стимуляцию любого кожного рецептора.

Болевая чувствительность имеет крайне важное биологическое значение: болевые ощущения сигнализируют о возможной физической опасности. Человеку, не имеющему болевой чувствительности, а случаи такой патологии наблюдались, постоянно угрожает опасность (Sternbach R.A., 1963; Melzack R., 1973). Вообразите, что произойдет с нами, если мы хотя бы на один день утратим болевую чувствительность. Например, мы можем прикоснуться к горячему утюгу и вовремя не отдернуть руку.

Основной функцией **вкусовой чувствительности** является обеспечение индивида информацией о том, можно ли употребить внутрь данное вещество. Основные вкусовые качества — это кислость, соленость, сладость и горечь. По-видимому, все другие вкусовые ощущения вызываются сочетанием этих четырех качеств. Химическая основа вкусовых ощущений пока недостаточно изучена, поэтому не существует общего ответа на вопрос, какие вещества по своему химическому строению вызывают основные вкусовые ощущения. Специалистам в области пищевых производств приходится в силу этого в большинстве случаев действовать методом проб и ошибок, прибегая к услугам дегустаторов.

Обоняние обеспечивает индивида информацией о наличии в воздухе различных химических веществ. Обоняние играет гораздо меньшую роль в нашей жизни, чем в жизни многих животных. Когда речь заходит об обонянии, невольно вспоминаешь наших четвероногих друзей — собак. Исследования показывают, что чувствительность к запахам у собак больше, чем у нас, примерно в тысячу раз (Marshall D.A., Moulton D.G., 1981; Cain W.S., 1988).

Несмотря на то, что люди обладают относительно слабым обонянием, они все-таки кое на что способны в этом смысле. Примерно двадцать лет назад была проведена серия интересных экспериментов. Участников эксперимента - мужчин и женщин — просили носить футболку в течение 24 часов, не снимая ее, не принимая душ и не пользуясь дезодорантами. Через двадцать четыре часа каждую нестиранную футболку положили в отдельный мешок и дали каждому испытуемому понюхать три футболки, не глядя на них. Одна из футболок принадлежала самому испытуемому, другая — одной из женщин-испытуемых, третья — одному из мужчин-испытуемых. Результаты показали, что три четверти участников этого эксперимента были способны по запаху идентифицировать свою футболку и правильно определить, кому принадлежала каждая из оставшихся: мужчине или женщине (Russell M.J., 1976; McBurney D. H., LevineJ. M., Cavanaugh P. H., 1977).

С помощью **слуха** индивид получает передаваемую посредством волновых колебаний среды информацию о поведении удаленных от него объектов. Основными характеристиками звуковых волн являются амплитуда и частота. Это физические характеристики звука. Они трансформируются при воздействии на нас в психические (сенсорные). Чем больше амплитуда звуковой волны, тем громче нам кажется звук, чем больше его частота, тем выше (тоньше) он нам кажется. Громкость и высота, таким образом, — основные сенсорные характеристики звука.

Здоровый молодой человек слышит звуки в диапазоне примерно от 20 до 20 000 Гц. Один герц соответствует высоте звука, издаваемого предметом, совершающим одно колебание в секунду. Ощущения громкости и высоты взаимосвязаны. Скажем, у человека наибольшая чувствительность к звуку отмечается при частоте звука в 1 000 Гц.

Существует целая группа теорий высотного слуха, или ***восприятия частоты звука***. Британскому физику Э. Резерфорду принадлежит временная теория восприятия частоты. Основные положения этой теории заключаются в следующем: 1) звук вызывает колебания слуховой мембраны, частота которых равна частоте источника звука; 2) ритм колебаний мембраны определяет ритм нервных импульсов, идущих по слуховому нерву. Дальнейшие исследования показали, что максимальная частота нервных импульсов, передающихся по нервному волокну, всего лишь порядка 1 000 Гц, а слышать мы можем звуки гораздо большей частоты.

Г. Гельмгольцем была предложена альтернативная теория восприятия частоты, которая получила название теории местоположения. Теория основана на предположении, что нервная система интерпретирует возбуждения различных участков слуховой мембраны как различные высоты (частоты звука). Например, стимуляция одних участков мембраны вызывает ощущение высокого звука, а возбуждение рецепторов другого участка — ощущение низкого звука. Таким образом, предполагалось, что характер возбуждения рецепторов мембраны, общая картина ее деформации под воздействием звуковой волны зависит от высоты звука.

Экспериментальные исследования, проведенные во второй половине нашего столетия, во многом подтвердили гипотезу Гельмгольца. Однако выяснилось, что с помощью нее оказалось невозможным объяснить восприятие низкочастотных звуков: при частоте ниже 50 Гц звуковая волна деформирует мембрану равномерно, так что рецепторы, расположенные в различных частях мембраны, не отличаются по уровню возбуждения. Как же тогда мы воспринимаем звуки частотой ниже 50 Гц?

Если у временной теории были проблемы с высокими звуками, то у теории местоположения — с низкими звуками. В настоящее время представляется правдоподобным предположение о существовании двух механизмов восприятия частоты: в то время как высокие частоты кодируются (трансформируются в психический образ) так, как это описано в теории местоположения, низкие частоты — в соответствии с временной теорией (Green D. M., 1976; Goldstein E. B., 1989).

Зрение является основным источником информации для человека. Сетчатка глаза имеет два типа рецепторов: палочки и колбочки. Палочки приспособлены к тому, чтобы работать при слабом освещении и давать черно-белую картину мира, а колбочки, наоборот, имеют наибольшую чувствительность в условиях хорошего освещения и обеспечивают цветовое зрение. Наиболее интересной проблемой зрительных ощущений являются механизмы цветового зрения. На этот счет существует множество довольно сложных теорий. Мы рассмотрим лишь наиболее принципиальные подходы.

Одним из них является трихроматическая теория цветового зрения (иначе говоря, трехцветовая). Она состоит в следующем. Существует три различных типа рецепторов (колбочек), ответственных за цветовое зрение. Каждый из этих трех типов рецепторов обладает чувствительностью в широком диапазоне длины световой волны (длина световой волны связана с ощущением того или иного цвета),

но в то же время разные типы колбочек специализируются на восприятии определенных цветов (синего, зеленого или красного): одни обладают наилучшей чувствительностью в одной части диапазона длины волны, другие — в другой его части, третьи — в третьей. Свет определенной длины волны стимулирует каждую из трех групп рецепторов в неодинаковой степени. Паттерны возбуждения — картина, сочетание, соотношение возбуждений — дают ощущения различных цветов и оттенков. К сожалению, трихроматическая теория не объясняет многих экспериментально полученных фактов из области цветового зрения.

Существует и альтернативная концепция — теория оппонентного цвета. С точки зрения сторонников этой теории, зрительная система состоит из двух типов чувствительных к цвету элементов. Один тип реагирует на красную или зеленую часть спектра, другой — на синюю или желтую. Каждый элемент отвечает на внешнее воздействие таким образом, что, если воспользоваться аналогией с чашей весов, один из двух оппонентных цветов может или перевешивать другой или находиться с ним в равном положении. Скажем, в паре синий—желтый перевешивает синий, а в паре красный-зеленый — красный. Что мы будем видеть? Смесь красного и синего, т. е. фиолетовый цвет. Если одна из пар сбалансирована, а другая нет, мы будем видеть один из чистых цветов. Если обе пары цветов между собой сбалансированы, мы не будем видеть никакого цвета.

Две рассмотренные теории конкурируют между собой более 50 лет. Каждая из них хорошо объясняет одни факты и плохо — другие. В силу этого неоднократно предпринимались попытки примирить эти концепции и, подобно тому как это происходило с теориями высотного слуха, создать некоторую общую теорию, включающую в себя в качестве частных случаев обе классические концепции.

11.3. Восприятие пространства и движения

Восприятие глубины и удаленности предметов. Для понимания того, что происходит во внешнем мире, мало идентифицировать объекты, т. е. определить, что мы видим, слышим или осязаем, важно также знать, где это находится. Здесь мы сталкиваемся с одной из фундаментальных проблем восприятия, а именно с проблемой локализации — определения местоположения объектов. Эта и другие проблемы восприятия будут рассмотрены нами на примере зрения. На это есть по меньшей мере две причины: во-первых, зрительный анализатор является ведущим в жизни человека (по оценкам некоторых специалистов, до 90 % процессов обрабатываемой человеком информации приходится на зрительную сенсорно-перцептивную систему), во-вторых, зрительное восприятие изучено лучше других видов восприятия.

Один из основных вопросов восприятия глубины и удаленности предметов состоит в том, почему и за счет чего мы видим мир трехмерным, если на сетчатке глаза мы имеем только двухмерное (плоское) его изображение? Стремление ответить на поставленный вопрос привело к поиску признаков глубины и удаленности — особенностей стимульной ситуации, которые позволяют наблюдателю определить, насколько далеко объект находится от него самого и от других объектов.

Признаки, связанные с соотношением изображений, или проекций, объекта на сетчатки разных глаз, называют бинокулярными признаками глубины и удаленности. Они существуют за счет того, что люди, как правило, видят и смотрят двумя глазами.

За счет того, что наши глаза находятся на некотором расстоянии друг от друга, каждый глаз смотрит на объект с несколько разных позиций. Следовательно, каждый глаз видит один и тот же предмет под разным углом. Это различие в направлениях, или угол между осями зрения двух глаз, называется бинокулярным параллаксом. Сенсорная система «отслеживает» этот угол, его величина служит ей в качестве своеобразной подсказки, признака удаленности предмета: большой угол — предмет близко, маленький угол — предмет далеко. При этом картинки на сетчатках разных глаз получаются неодинаковые. Различие в сетчаточных отображениях называется бинокулярной диспарантностью.

Чтобы убедиться в том, что каждый глаз получает свое изображение предмета, проведите следующий опыт. Возьмите чашку и держите ее перед собой так, чтобы ручка чашки при взгляде обоими глазами была слегка видна — высовывалась из-за края чашки на полсантиметра. Пусть ручка будет справа от вас. Теперь закройте правый глаз. Ручка изчезла из поля зрения или, во всяком случае, несколько «уменьшилась». Откройте правый глаз и закройте левый. Ручка снова появилась.

Мы можем воспринимать удаленность и глубину даже одним глазом. Известно, например, что люди, слепые на один глаз с рождения, воспринимают мир трехмерно. Следовательно, существуют некоторые

признаки удаленности и глубины, связанные с изображением, получаемым одним глазом. В числе таких признаков обычно называют линейную перспективу, суперпозицию, относительный размер предметов и градиент текстуры.

Линейная перспектива как признак удалености отражает тот факт, что прямые линии (например, рельсы) как бы сходятся, удаляясь от нас. Мы часто наблюдаем некоторый объект вписанным в координаты параллельных линий. И если, скажем, один объект находится там, где параллельные линии «сошлись» в большей степени, чем в том месте, где находится другой объект, то нам ясно, что первый из них находится на большем расстоянии от нас (рис. 11-6).

Какой вывод мы можем сделать по поводу относительной удаленности от нас двух объектов, один из которых заслоняет другой? Какой из них ближе: заслоняемый или заслоняющий? Ответ очевиден — заслоняющий. В данном случае при оценке удаленности использовался признак суперпозиции (рис. 11-7).

Рис. 11-6. Линейная перспектива как признак удаленности объекта

Рис. 11-7. Суперпозиция как монокулярный признак удаленности

При прочих равных условиях чем меньше проекция объекта на сетчатку, тем он воспринимается дальше. Это объясняется геометрией зрительной системы. Проекция объекта, находящегося в ста метрах от нас, больше проекции точно такого же объекта, удаленного от нас на расстояние километра (рис. 11-8). Два одинаковых по размеру предмета — А и Б — дают различные по размеру отображения на сетчатке, если находятся на различных расстояниях от наблюдателя.

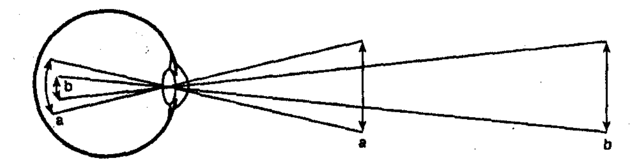

Рис. 11-8. Относительный размер как монокулярный признак удаленности

Когда мы наблюдаем некоторую поверхность, например покрытый галькой берег моря, мы можем судить о глубине пространства по степени близости и размерам однородных объектов, находящихся на поверхности: чем дальше от нас некоторая точка пространства, тем плотнее «упакованы» ее элементы. Это пример признака удаленности и глубины, который получил название «градиент текстуры» (рис. 11-9).

Рис. 11-9. Градиент текстуры как монокулярный признак удаленности

Информацию об удаленности окружающих предметов нам также поставляет наше собственное движение и движение окружающих нас объектов. Движение приводит к тому, что проекция объектов на сетчатке меняется, причем близко расположенные объекты кажутся нам двигающимися относительно быстрее удаленных, что и служит дополнительным признаком при оценке удаленности. Вспомните вид из окна движущегося поезда: солнце неподвижно стоит на горизонте, еще можно успеть рассмотреть автомобили у шлагбаума, а деревья лесополосы пролетают мимо с огромной скоростью.

Восприятие движения. За счет чего мы воспринимаем какой-либо объект как движущийся? На первый взгляд, ответ на этот вопрос может быть очень простым: это происходит за счет того, что проекция объекта, находящегося в движении, перемещается по сетчатке. Но оказывается, что этот ответ не полон в том смысле, что перемещение проекции по сетчатке не является ни необходимым, ни достаточным признаком движения.

Известно, что объект может восприниматься как движущийся, даже если его изображение не перемещается по сетчатке. Представьте себе, что на некотором расстоянии друг от друга находятся две лампочки. Первая зажигается на короткое время и гаснет, потом зажигается вторая и тоже гаснет и т. д. Если временной интервал между зажиганиями лампочек от 30 до 200 миллисекунд, нам кажется, что световая полоса перемещается от одной точки к другой. Это явление называется стробоскопическим эффектом. Он давно используется в мультипликации и световой рекламе.

Другим примером иллюзорного движения является эффект индуцированного движения. Каждый из нас видел луну, движущуюся на фоне облаков. Конечно, не луна движется, а облака, гонимые ветром. Луна практически не перемещается вдоль сетчатки, а воспринимается как движущаяся; облака же перемещаются относительно нас самих, а воспринимаются как неподвижные. Получается, что перемещение вдоль сетчатки не только не обязательный атрибут восприятия движения, но еще и недостаточный. Человеку вообще свойственно приписывать движение тому из двух объектов, который воспринимается фигурой на фоне другого. Фон — это то, что окружает, включает, является большим по отношению к другому объекту, воспринимаемому, соответственно, как фигура.

Для подтверждения приведенного выше положения был проведен следующий эксперимент. Испытуемым, сидящим в темной комнате, предъявляли светящуюся прямоугольную рамку, внутри которой находился светящийся круг. В действительности рамка двигалась вправо, а круг стоял на месте. Тем не менее испытуемые считали, что это круг двигается налево, а рамка стоит на месте (рис. 11-10).

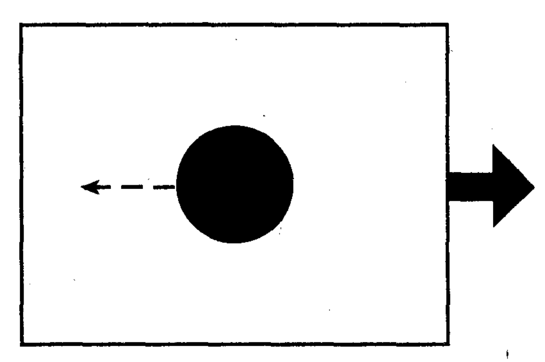

Рис. 11-10. Индуцированное движение

Если перемещение объекта вдоль сетчатки не служит необходимым и достаточным признаком движения, то какими же механизмами можно объяснить восприятие движения? Во-первых, психофизиологи открыли существование специальных мозговых клеток, ответственных за восприятие движения, причем каждый тип клеток лучше реагирует на определенные направление и скорость движения. Во-вторых, движение объекта воспринимается и оценивается лучше в случае относительного движения, т. е. когда он перемещается на структурированном (неоднородном) поле по сравнению со случаем движения на темном или однородном поле. Иначе говоря, когда в поле зрения находится только объект (абсолютное движение), более вероятны ошибки при восприятии движения. В-третьих, в восприятии движения участвует обратная связь — сигналы, информирующие о движении наших глаз и головы: каждый, наверное, ловил себя неоднократно на том, что следит глазами за движущимся объектом.

Восприятие формы. Для восприятия объекта мало видеть, где он находится и куда перемещается; желательно знать, что это за объект, т. е. идентифицировать его. Восприятие формы объекта является важнейшим аспектом его идентификации. Например, для восприятия собаки прежде всего необходимо заметить, что это нечто, стоящее на четырех лапах, имеющее хвост и вытянутую морду. Конечно, также важны цвет и размеры, но форма все-таки имеет решающее значение в процессе идентификации и опознания объектов.

Исследователи восприятия задались вопросом, существуют ли некоторые простейшие элементы формы, на которые объекты любой конфигурации могут быть разложены. Может быть, восприятие формы строится аналогично сбору некоторой машины: из отдельных деталей выстраивается целостный образ. Работы двух известных физиологов (Hubel D. H., Wiesel T. N., 1959, 1979) позволяют полагать, что приведенное выше положение не лишено смысла. Хьюбел и Визел исследовали активность отдельных клеток коры головного мозга в ответ на предъявление различных стимулов. Они обнаружили определенную избирательность некоторых клеток по отношению к некоторым зрительным элементам. Например, одна клетка могла не реагировать или почти не реагировать на горизонтальные линии, но реагировать на вертикальные, а другая, наоборот, реагировать только на горизонтальные линии. Такие клетки были названы детекторами признаков. Кроме того, Хьюбел и Визел обнаружили клетки, которые реагировали на более сложные сочетания форм: например, только на правосторонние углы.

Наряду с информацией, идущей как бы снизу, от отдельных признаков, существует и поток информации сверху, а именно, приступая к процессу опознания объекта, человек формирует набор перцептивных гипотез, ожиданий и установок, которые в общем случае повышают эффективность процесса опознания, ограничивая зону поиска решения, но вместе тем могут приводить к разного рода недоразумениям и ошибкам, когда ожидания и установки существенно расходятся с истинным положением вещей (Арбиб М., 1976; Найссер У., 1981; Эделмен Дж., Маунткасл В., 1981; Натадзе Р. Г., 1960; Узнадзе Д. Н., 1961).

Разбиение некоторой группы объектов на отдельные объекты или выделение в группе объектов отдельных ее составляющих называется перцептивной сегрегацией. Начальной стадией перцептивной сегрегации является выделение фигуры из фона. В привычных ситуациях мы не обращаем на это внимания, но первое, что нужно сделать при восприятии некоторой зрительной информации, это решить, что считать фигурой, а что — фоном. Существуют некоторые особенности зрительной стимуляции, которые сами по себе помогают перцептивной системе отличить фигуру от фона: фон обычно включает в себя фигуру, он содержит меньше деталей и отличительных особенностей по сравнению с фигурой. Обратимся к рис. 11 -11. В данном случае у нас не возникает сомнений в том, где здесь фигура, а где фон: сама зрительная информация подсказывает, что нечто относительно более связное и четко очерченное (светлое пятно) является фигурой.

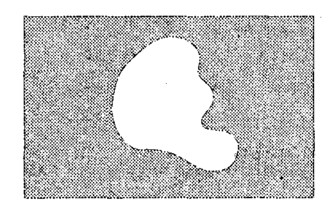

Рис. 11-11. Фигура и фон

Однако объяснять процесс выделения фигуры из фона только особенностями стимуляции было бы неправильно. Это можно наглядно продемонстрировать на примере восприятия двойственных изображений, или изображений со взаимообратимыми фигурой и фоном (рис. 11-12)

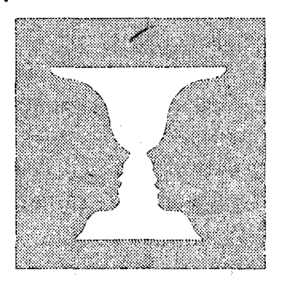

Рис. 11-12. Взаимообратимые фигура и фон: профили или ваза

Когда мы смотрим на это изображение, нам попеременно видятся то ваза, то два человеческих профиля; в каждый момент что-нибудь одно. Такого рода ловушки заставляют задуматься, за счет чего в нормальных условиях существования мы последовательно и достаточно устойчиво принимаем один объект за фигуру, а другой — за фон? Исследования показывают (Weisstein N., Wong E., 1986), что восприятие объекта как фигуры связано с относительно более детальным анализом информации по сравнению с восприятием объекта как фона, проще говоря, фигура — это то, на что мы в данный момент обращаем преимущественное внимание.

В одном из экспериментов испытуемым показывали на короткое время вертикальные или слегка наклоненные линии на фоне классического изображения «профиль или ваза» (рис. 11-13). Причем линии предъявлялись в одном из трех положений: А, В или С. Задача испытуемых была довольно простой: ответить, расположена ли линия вертикально или слегка наклонена. Результаты показали, что процент правильных ответов был относительно выше в том случае, когда линия находилась в той области, которая в данный момент воспринималась испытуемым как фигура. В те моменты, когда испытуемый видел вазу, расположение линии в точке В приводило к большему количеству правильных ответов по сравнению с вариантами расположения в точках А или С; наоборот, когда испытуемый видел профили, ответы были более точными при расположении в точках А или С.

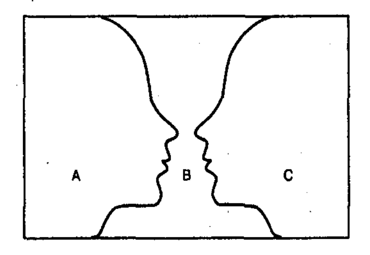

Рис. 11-13. Позиции предъявления стимула (А, В, С)

Образы восприятия характеризуются целостностью. Это означает, что в них представлена некоторая связная картина, образ предмета или события. Мы не воспринимаем дерево за окном как совокупность овальных объектов зеленого цвета, находящихся на фоне черных толстых вертикальных линий и тонких черных линий, большинство из которых находится под некоторым наклоном. Мы видим дерево: ствол, ветви и листья. Данную особенность восприятия особо подчеркивали представители школы гештальпсихологии, основной тезис которой состоял в том, что психические образы, и в частности образы восприятия, — это нечто большее, чем простая сумма элементов. Образ восприятия представляет собой некоторую организацию стимулов. Возникает вопрос: за счет чего становится возможной объединение в целостный образ отдельных элементов стимуляции; иными словами, за счет каких механизмов происходит перцептивная группировка? Почему, например, мы воспринимаем изображение на рис. 11-14 как три пары вертикальных линий, а не просто как шесть вертикальных линий?

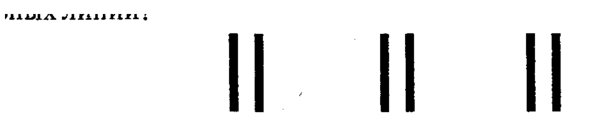

Рис. 11-14. Близость как принцип перцептивной группировки

Гештальтпсихологи сформулировали целый ряд принципов, которым подчиняется перцептивная организация (группировка). Один из таких принципов — близость: чем ближе два элемента друг к другу тем более мы склонны группировать их вместе при восприятии. Действием этого принципа можно объяснить восприятие изображения на рис. 14 как трех пар вертикальных линий: первая и вторая, третья и четвертая, пятая и шестая линии находятся в непосредственной близости друг от друга, поэтому мы склонны группировать их, т. е. воспринимать как целостный объект.

Другим принципом группировки является сходство: сходные объекты объединяются в единый образ. Например, мы группируем звездочки со звездочками на основе их сходства между собой и поэтому видим не просто совокупность нулей и звездочек, а треугольник из звездочек (рис. 11-15).

* 0 * 0 *

0 * 0 * 0

0 0 * 0 0

Рис. 11-15. Сходство как принцип перцептивной группировки

Элементы, образующие плавный, непрерывный контур, воспринимаются как единая фигура — группируются. Этот принцип получил название хорошего продолжения, или непрерывности. Участки линий на рис. 11-16 группируются так, что A объединяется с D, а C с B, а не A с B и C с D, потому что первые пары образуют друг с другом плавный контур.

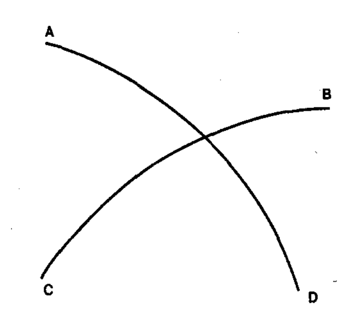

Рис. 11-16. Хорошее продолжение как принцип перцептивной группировки

Если контур фигуры имеет разрывы, то мы склонны как бы заполнять их, дополнять фигуру до некоторго целостного образа. Этот принцип получил название замкнутости. Например, на рис. 11-17 мы видим треугольник, несмотря на разрывы в его контуре.

Интересно, что мы можем видеть контур там, где в действительности его нет. Посмотрите на рис. 11-18. Вы ясно видите белый треугольник, обращенный вершиной вверх. Причем этот белый треугольник воспринимается как более белый, чем фон. На самом деле треугольника как такового нет, кроме того, мнимый треугольник ничуть не белее фона. Этот феномен получил название «эффект субъективного контура» (Kanizsa G., 1976). По мнению многих исследователей восприятия, в основе феномена субъективного контура лежат принципы замкнутости и хорошего продолжения.

На начальном этапе развития гештальтпсихологии ее представители (Koehler W., 1947) настаивали на том, перцептивная организация — это просто функция стимула, результат процессов, идущих снизу вверх. Однако дальнейшие исследования показали, что такие факторы, как опыт субъекта, его установки, оказывают существенное влияние на процессы организации стимульной информации.

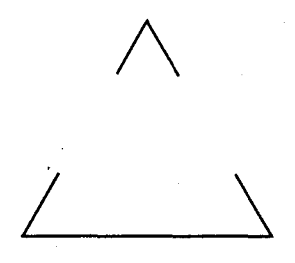

Рис. 11-17. Замкнутость как принцип перцептивной группировки

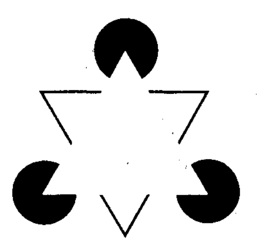

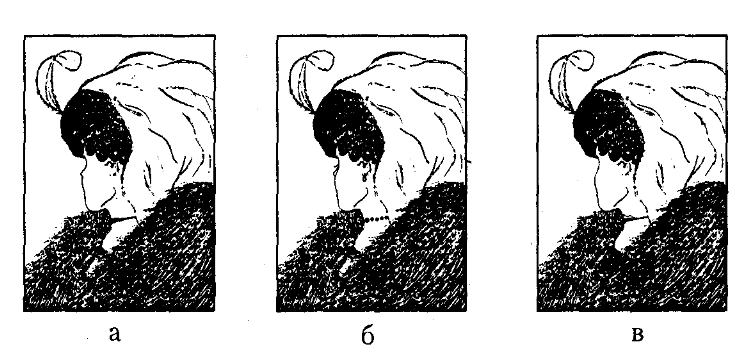
Рис. 11-18. Феномен субъективного контура

Для того чтобы понять, что за объект находится в поле внимания, индивид должен не просто отделить его от фона, объединить элементы в некоторый целостный образ, но и отнести этот образ к некоторой категории, типу объектов, ранее воспринимаемых им. Процесс отнесения образов восприятия к некоторой категории называется процессом опознания, или распознаванием образов.

Интересно, что человек обладает способностью довольно легко распознавать даже сильно измененные образы. Довольно трудно создать программу для компьютерного распознавания рукописного текста, а человек в большинстве случаев понимает текст, написанный от руки, без особого труда. Кроме того, мы воспринимаем форму книги как прямоугольник, несмотря на то что при определенном угле зрения отражение на сетчатке имеет форму трапеции. Мы узнаем знакомую мелодию, если даже ее играют на другом инструменте или в другой тональности. Феномены подобного рода служили гештальтпсихологам одними из главных аргументов в пользу того, что образ восприятия не сводим к сумме его частей.

Но, как и в случае других процессов восприятия, распознавание образов нельзя объяснить только особенностями стимульной ситуации. Значение имеет и «влияние сверху»: эффекты опыта, установок, личностных особенностей воспринимающего и т. п. Например, эффект влияния установки на распознавание образов может быть продемонстрирован следующим экспериментом (Leeper R. W., 1935).

Критическим стимульным материалом в данном эксперименте была двусмысленная картинка (рис. 11-19, а), на которой попеременно можно видеть то молодую женщину, несколько отвернувшуюся от наблюдателя, то старуху в профиль.

а б в

Рис. 11-19. Двусмысленное изображение

Перед демонстрацией двусмысленной картинки одной группе испытуемых показывали недвусмысленное изображение молодой женщины (рис. 11-19, б), а другой группе — недвусмысленное изображение старой (рис. 11-19, в). Выяснилось, что испытуемые первой группы видели на двусмысленной картинке молодую женщину, а испытуемые второй группы — старуху. На идентификацию изображения повлияла установка, сформированная ранее.

11.4. Константность восприятия

Окружающий нас мир подвижен и переменчив: мимо на большой скорости проехал автомобиль, прошел человек, ветер раскачивает кроны деревьев, и солнце то выглянет из облаков, ослепительно озаряя все вокруг, то опять скроется. Представьте себе, если бы мы видели все точно так, как это отражается на сетчатке наших глаз. Удалившийся метров на 50 автомобиль выглядел бы игрушечным,

белый лист бумаги стал бы серым, как только солнце зашло за облака, кроны деревьев воспринимались бы, как на прыгающей картинке испорченного телевизора. К счастью, этого не происходит.

Размеры сетчаточных образов двух мужчин на рис. 11-20, а) соотносятся как 3 к 1. Но согласитесь, что пожилой мужчина не воспринимается в три раза больше, чем другой. Они воспринимаются как приблизительно одинаковые. Извлечем изображение удаленного мужчины из «реальности», не изменяя его, поместим рядом с пожилым (рис. 11-20, б). Теперь видно, что размеры их сетчаточных образов действительно отличаются. Измерьте линейкой того и другого на обеих картинках, и вы увидите, что здесь нет обмана.

а

б

Рис. 11-20. Воспринимаемый размер и расстояние:
а) реальный образ; б) образ без признаков удаленности

Итак, несмотря не непрерывную изменчивость окружающих нас объектов, мы воспринимаем их как относительно постоянные по форме, размеру, цвету и т. д. Эта особенность нашей воспринимающей системы называется ***константностью восприятия***. Для чего она нужна? Прежде всего, если бы ее не было, то нам бы пришлось каждое мгновение пересматривать свое поведение по отношению к окружающим объектам. Константность восприятия помогает нам отвлекаться от несущественных, преходящих изменений и воспринимать объекты как нечто относительно неизменное.

- **Константность восприятия — восприятие объектов как относительно постоянных по форме, размеру, цвету и т. д.**

Распознавание образов —процесс отнесения образов восприятия к некоторой категории.

Каким образом человек компенсирует стремительную изменчивость стимульной информации? Один из ответов на этот вопрос в начале XX в. попытался дать Г. Гельмгольц. Для иллюстрации его концепции воспользуемся примером с константностью величины. Согласно точке зрения Гельмгольца, наблюдатель располагает двумя основными источниками информации. Первый источник — это информация, полученная от сетчаточного отображения объекта, а второй — этого разного рода признаки глубины, которые дают наблюдателю представление об удаленности объекта. Предшествующий опыт научил наблюдателя одному общему правилу: чем дальше расположен объект, тем меньше его сетчаточный образ. Наблюдатель может сделать вывод об истинных размерах предмета, принимая во внимание его «сетчаточный размер», расстояние до него и связь между первым и вторым (сетчаточным образом и расстоянием). В результате наблюдатель как бы уменьшает близко расположенные объекты и увеличивает те, которые расположены далеко. Гельмгольц, конечно, понимал, что в данном случае речь не должна идти о каком-либо сознательном вычислении размера предмета, однако он был убежден, что существует соответствующий бессознательный процесс. Этот процесс был назван Гельмгольцем бесознательными умозаключениями.

Следует отметить, что концепция бессознательных умозаключений — это одна из первых попыток проанализировать влияние высших процессов на восприятие. Суть концепции состояла в том, что восприятие только частично обусловлено сенсорной информацией. Существенную роль в перцепции играют психические процессы более высокого порядка, которые по своей сути сродни мышлению. Точка зрения Гельмгольца близка многим современным исследователям восприятия, которые рассматривают функцию решения проблем (центральный компонент мышления) в качестве одного из компонентов восприятия (Hochberg J., 1981, 1988; Rock I., 1977, 1983, 1986).

Несколько иным образом объясняют константность восприятия Дж. Гибсон и его сторонники (Gibson

J.J., 1950,1966,1979). По мнению Гибсона, в самом сетчаточном образе содержится информация об истинной величине объекта. Размер предмета является не результатом умозаключения, как считал Гельмгольц, а продуктом непосредственного восприятия. Дело в том, что объект, как правило, воспринимается на фоне чего-то — деревьев, листьев, травы, камней. Эти окружающие объекты обеспечивают наблюдателю возможность непосредственного восприятия относительной величины предметов. Причем эта информация содержится не где-нибудь в мышлении, ожиданиях или результатах умозаключений, а непосредственно представлена в сетчаточном образе объекта. Например, человек, стоящий рядом с кустом крыжовника и по высоте превышающий куст в два раза, воспринимается как человек среднего роста.

Как точка зрения Гельмгольца, так и точка зрения Гибсона, по-видимому, имеют право на существование. Во всяком случае, данные одних исследований подтверждают первую из теорий, данные других — вторую.

При исследовании константности восприятия возникает еще один вопрос: имеет ли свойство константности врожденный характер или же, как считал Гельмгольц, оно приобретается в течение жизни? Некоторые наблюдения говорят в пользу того, что константность приобретается и зависит от условий жизни человека. Например, было исследовано восприятие людей, постоянно живущих в густом лесу. В силу сложившихся жизненных условий эти люди никогда не видели предметов, находящихся на большом расстоянии. Как они будут воспринимать удаленные объекты? Оказалось, что когда этим испытуемым показывали объекты на большом расстоянии, они расценивали их как маленькие, а не удаленные. Другой пример. Когда жители равнин смотрят вниз с высоты, предметы, находящиеся внизу, тоже кажутся им не удаленными, а маленькими. О приобретенном характере константности говорит также наблюдение за ослепшим в детстве пациентом, у которого зрение было восстановлено операционным путем в зрелом возрасте. Вскоре после операции этот человек думал, что может выпрыгнуть из окна больницы, не причинив себе вреда, хота высота была порядка 10-12 метров. По-видимому, пациент воспринимал находящееся внизу не как удаленное, а как маленькое («Общая психология», 1986). В то же же время ряд экспериментально установленных фактов говорит о том, что если константность и приобретается в ходе жизни, то довольно быстро. Например, константность величины наблюдается у детей не позже чем на шестом месяце жизни (Bower T. G. R., 1966; McKenzie B. E., Tootell H. E., Day R. H., 1980; Day R. H., McKenzie B. E., 1981); константность формы — на третьем месяце (Caron A. J., Caron R. F., Carlson V. R., 1979; Cook M., Birch R., 1984).

Говорят, что недостатки — это продолжение наших достоинств. По-видимому, нечто подобное справедливо и в отношении наших ошибок. Как это ни странно, некоторые ошибки восприятия (иллюзии) можно объяснить адаптивными (полезными) свойствами нашей перцептивной системы. Мы уже видели, что, несмотря на изменчивость стимульной информации, мы способны в большинстве случаев воспринимать размер предметов как относительно постоянный (или за счет бессознательных умозаключений, или за счет соотнесения с элементами текстуры). Однако в некоторых случаях этот совершенный механизм приводит к иллюзиям.

Одна из классических иллюзий восприятия — иллюзия луны. Посмотрите как-нибудь на луну, находящуюся над горизонтом, а потом сравните ее кажущийся размер (по памяти, конечно) с размером луны в небе (высоко над горизонтом). Над горизонтом луна кажется больше. Эту иллюзию объясняют следующим образом. Горизонт нам кажется дальше, чем небо над головой. Но поскольку перцептивная система, как уже было отмечено, склонна компенсировать расстояние, т. е. при оценке величины предмета делать поправку на расстояние до него: если предмет очень далеко, мы сильно «увеличиваем» его, если не очень далеко, — «увеличиваем» слегка: луна воспринимается больше, когда находится «далеко» (над горизонтом). Это предположение нашло свое подтверждение в экспериментах, в которых изменялась видимая удаленность горизонта: чем дальше был горизонт, тем больше казалась луна (Kaufman L., Rock I., 1962).

Подобное объяснение можно предложить и для другой классической иллюзии — иллюзии железнодорожных путей (рис. 11-21). Верхняя горизонтальная линия кажется больше нижней, видимо, в силу того, что она воспринимается как более удаленная за счет наличия признаков удаленности в виде линейной перспективы, которая создается двумя сходящимися линиями.

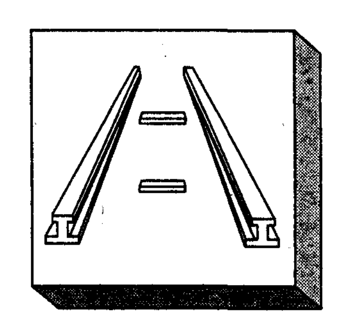

Рис. 11-21. Иллюзия железнодорожных путей

Вопросы для повторения

1. В чем специфика восприятия как уровня переработки информации по сравнению с ощущениями?
2. «Если устранить всевозможные помехи и шумы, можно воспринять любой, сколь угодно малый по величине стимул». Какую из двух концепций отражает данное высказывание: непрерывности или дискретности сенсорного ряда?
3. Какие переменные связывает психометрическая функция?
4. Почему восприятие глубины возможно даже при взгляде одним глазом? Какие признаки глубины и удаленности при этом доступны воспринимающему?
5. Что такое детекторы признаков? Какую роль они играют в восприятии формы?

Рекомендуемая литература

Арбиб М. Метафорический мозг. — М.: Мир. 1976. — 224 с.

Барабанщиков В. А. Околомоторные структуры восприятия / РАН, Ин-т психологии. — М.: ИП РАН, 1997. - 383 с.

Бардин К. В. Проблема порогов чувствительности и психофизические методы / АН СССР, Ин-т психологии. — М.: Наука, 1976. — 395 с.

Бардин К. В., Индлин Ю. А. Начала субъективной психофизики. — М.: ИП РАН, 1993.

Величковский Б. М. Современная когнитивная психология. — М.: Изд-во МГУ, 1982. — 336 с.

Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию / Отв. ред. О. И. Лонгвиненко. — М.: Прогресс. 1988. - 461 с.

Гиппенрейтер Ю. Б. Движения человеческого глаза. — М.: Изд-во МГУ, 1978. — 437 с.

Грегори Р. Л. Глаз и мозг: Психология зрительного восприятия / Отв. ред. А. И. Лурия. — М.: Прогресс, 1970.-271с.

Гуревич Б. Х. Движения глаз как основа пространственного зрения и как модель поведения. — Л.: Наука, 1971.-226 с.

Гусев А.Н.и др. Общепсихологический практикум: Измерения в психологии / А. Н. Гусев, Измайлов Ч. А., Михалевская М. Б. — М.: Смысл, 1997.

Забродин Ю. М., Лебедев А. Н. Психофизиология и психофизика / АН СССР. — М.: Наука, 1977. — 288 с.

Забродин Ю. М. и др. Особенности решения сенсорных задач человеком / Забродин Ю. М., Фришман Е. З., Шляхтин Г. С. - М.: Наука, 1981. - 198 с.

Иган Дж. Теория обнаружения сигнала и анализ рабочих характеристик / Под ред. Б. Ф. Ломова. — М.: Наука, 1983.-216 с.

Логвиненко А. Д. Зрительное восприятие пространства. — М.: Изд. МГУ, 1981. — 224 с.

Митькин А. А. Системная организация зрительных функций / ИП АН СССР; Отв. ред. Б. Ф Ломов. — М.: Наука, 1988. - 200 с.

Найссер У. Познание и реальность / Отв. ред. В. М. Величковский. — М.: Прогресс, 1981. — 230 с.

Натадзе Р. Г. Экспериментальные основы теории установки Д. Н. Узнадзе // Психологическая наука в СССР: Сборник статей: В 2-х т. Т. 2. - М.: АПН СССР, 1960. - 656 с. - С. 114-167.

Носуленко В. Н., Психология слухового восприятия / Отв. ред. Б. Ф. Ломов. — М.: Наука, 1988. — 214 с.

Нотон Д., Старк Л. Движение глаз и зрительное восприятие // Восприятие: механизмы и модели: Сборник научных трудов. — М.: Мир, 1974, — 354 с. — С. 56.

Общая психология: Учебник для студентов пед. ин-тов // Под ред. А. В. Петровского. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Просвещение, 1986. — 463 с.

Светс Дж. и др. Статистическая теория решений и восприятие // Инженерная психология / Светс Дж., Таннер В., Бердсолл Т.; Под ред. Д. Ю. Панова, В. П. Зинченко. — М.: Прогресс, 1964. — 476 с. — С. 269-335.

Смирнов С. Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. — М.: Изд-во МГУ, 1985. .

Солсо Р. Л. Когнитивная психология. — М.: Тривола, 1996. — 598 с. '

Стивенс. Математика, измерение и психофизика // Экспериментальная психология: В 2-х т. — Т. 1 / АН СССР, Ин-т психологии.Под ред. С. Стивенса. — М.: Изд-во иностр. лит., 1960. — 165с. — С. 19-99.

Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. — Тбилиси: Изд-во АН Грузии, 1961. — 210с.

Эделмен Дж., Маунткасл В. Разумный мозг: Кортикал. орг. и селекции групп в теории высш. ф-ции головн. мозга / Пер. с англ. М. Алекссенко; Под. ред. Е. Н. Соколова. — М.: Мир, 1981. — 133 с.

Глава 12. Память

Краткое содержание главы

Основные мнемические процессы. Дискретный и континуальный подходы в исследованиях памяти. Запоминание. Хранение. Воспроизведение. Забывание.

Классификации видов памяти. Произвольная и непроизвольная память. Опосредованное или непосредственное запоминание и воспроизведение. Имплицитная и эксплицитная память. Кратковременная и долговременная память. «Эффект первичности и недавности».

Монистическая и множественная трактовки памяти. Коннекционизм. Информационный подход. Модели памяти в когнитивной психологии.

Функциональный подход в исследованиях памяти. Структурные и функциональные компоненты моделей памяти. Сенсорный регистр. Оперативная память.

Уровни переработки информации. Сенсорный уровень. Лексический и образный уровни.

Память и организация знаний. Виды репрезентаций. Функцинирование знаний.

12.1. Основные мнемические процессы

Память — это способность живой системы фиксировать факт взаимодействия со средой (внешней или внутренней), сохранять результат этого взаимодействия в форме опыта и использовать его в поведении.

Большинство экспериментальных исследований, посвященных памяти, проводилось, исходя из трактовки последней как процесса, включенного в познание. При рассмотрении памяти в контексте когнитивной переработки существует несколько способов квалификации ее собственных продуктов в зависимости от того, как понимается процесс переработки. Если допустить, что этот процесс имеет стадиальный характер, то правомерна попытка отыскания «мнемических» продуктов, специфичных для каждой стадии, и определения границ каждой стадии по этим продуктам. Такое понимание сущности психического процесса — путем его сведения к фазам — получило название дискретного подхода. Основным аргументом в пользу «стадийного» понимания сущности психического процесса являются эмпирически отчетливо выделяемые и относительно независимые факты запоминания, хранения, припоминания и забывания. Однако Миллер показал, что даже допущение о стадиальности не снимает

следующих вопросов:

1. Происходит ли трансформация информации в пределах одной стадии дискретно или континуально?

2. Как (дискретно или континуально) передается информация на следующую стадию?

- **Память — способность (живой системы фиксировать факт взаимодействия со средой, сохранять результат этого взаимодействия в форме опыта и использовать его в поведении.**

Поэтому сторонники «континуальной» трактовки процесса когнитивной переработки предлагают для объяснения тех же «стадий» модели, в основу которых положена идеология нечетких множеств.

При дискретной трактовке мнемической системы принято выделять четыре процесса (или блока), которые описываются собственными закономерностями и имеют выраженные дискретные продукты: запоминание (кодирование), хранение, воспроизведение и забывание. Однако, несмотря на их независимость, эти блоки составляют единую мнемическую систему и могут быть разделены лишь искусственно при соответствующей постановке эксперимента (Фресс П., Пиаже Ж., 1973; Величковский Б. М., 1982; Солсо Р. Л., 1996).

Запоминание. В экспериментальной психологии для оценки запоминания, его продуктивности и длительности используется две парадигмы: запоминание с одного раза и запоминание после многократных повторов (насыщенное). (При этом фиксированными факторами являются условия воспроизведения и запоминаемый материал.) Можно говорить о разной длительности запоминания: краткосрочное, оперативное и длительное. Некоторые авторы отождествляют длительность запоминания и продолжительность хранения; в таком случае говорят о кратковременной, оперативной и долговременной памяти.

Если в основу классификации положить характер целей, то запоминание подразделяют на намеренное (произвольное) и ненамеренное (непроизвольное). В зависимости от используемых средств в процессе запоминания последнее может подразделяться на непосредственное и опосредствованное.

Материал, подлежащий запоминанию, может быть зрительным, слуховым, образным, вербальным, моторным, эмоциональным и т. д. В зависимости от запоминаемого материала различают виды памяти (зрительную, слуховую, образную, вербальную, моторную, эмоциональную и т. д.).

При изучении запоминания используют такие характеристики материала, как его осмысленность и бессмысленность. Так как продуктивность запоминания зависит от осмысленности или бессмысленности материала, то эти характеристики материала используют при описании психического процесса, говоря об осмысленном или механическом запоминании.

Объем материала, степень его однородности и последовательность запоминания несомненно влияют на результативность и стратегию запоминания. Это зафиксировано в феноменах, получивших название «эффект длины», «эффект привычности» и «эффект края». Соответственно выделяют подвиды запоминания: целостное и по частям, привычное и непривычное, массированное и распределенное.

Хранение. Блок хранения имеет свои собственные закономерности и детерминанты. Все, что успешно прошло через запоминание, вовсе не обязательно успешно хранится. Из опыта известно, что некоторые события (вроде бы «неважные» и неприметные) вдруг неожиданно всплывают в актуальном воспоминании или оказывают подспудное влияние на другие когнитивные процессы (чувство языка — на запоминание слов данного языка). Это называется продуктивностью хранения. Кроме того есть и другая характеристика, называемая длительностью хранения. К блоку хранения могут быть отнесены и феномены интерференции (ретроградной и антероградной): одна информация затрудняет хранение другой (соответственно, предыдущей или последующей).

Воспроизведение. Блок воспроизведения объединяет результаты, полученные при разных условиях воспроизведения. По величине отсрочки между запоминанием и воспроизведением последнее подразделяют на непосредственное и отсроченное. В зависимости от характера целей (намеренность или ненамеренность) выделяют прямые и косвенные процедуры воспроизведения (припоминание и узнавание). Например, было показано, что объем припоминания меньше, чем объем узнавания. Специально выделяется феномен реминисценции — отсроченное непроизвольное воспроизведение. Точность и скорость узнавания зависят от знакомости и осмысленности материала: знакомый материал узнается точнее, а осмысленный — быстрее. В специальный раздел выделяются феномены ошибок

воспроизведения и их динамики во времени: различают контаминацию (перепутывание) и конфабуляцию (домысливание).

Забывание. Блок забывания также можно рассматривать как относительно независимый. Особую проблему составляет спонтанная динамика следа. Известно, например, что некоторые события могут «вытесняться», тогда как другие не удается намеренно забыть. Оцениваются временные и точностные характеристики забывания в зависимости от стратегий, которые использовались на предыдущих этапах переработки, особенно при запоминании. И конечно, на забывание влияет модальность заученного материала (образный, вербальный и т. д.), его осмысленность и привычность. Динамика забывания зависит также от функционального и эмоционального состояния испытуемого.

Следом памяти называют результат работы мнемической системы. Под консолидацией следа понимается возрастание силы ассоциаций, а под ослаблением — уменьшение силы связи. Эти понятия пришли в психологию из ассоцианизма.

Впервые силу следа экспериментально изучал Эббингауз. Он придумал списки псевдослов, образованных двумя согласными и одной гласной (ZAC, BOK, SD). Выучив несколько списков, он проверял, сколько слов из каждого списка будет воспроизведено через 20 мин, 1 час, 7-9 часов, 1,2,6 и 31 день. Величину, дополнительную к числу правильно воспроизведенных слов, Эббингауз назвал индексом забывания и построил знаменитую кривую забывания, которую можно было бы назвать кривой воспроизведения.

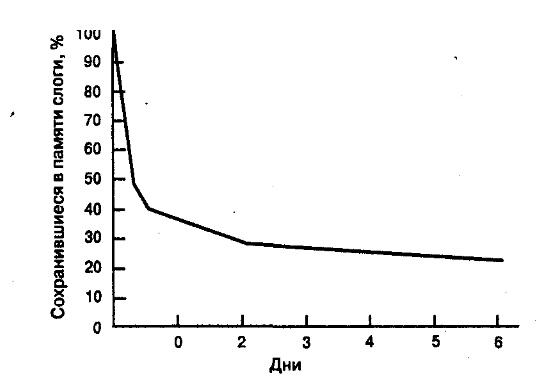

Рис. 12-1. Кривая забывания Эббингауза

Согласно Розенцвейгу, след имеет два свойства: силу и уязвимость. Сила определяет вероятность припоминания и подвержена интерференции. Уязвимость характеризует «хрупкость» следа; она спонтанно уменьшается во времени. Предполагается, что этими двумя свойствами можно объяснить процесс консолидации следа. Первое свойство отвечает за то, что сила следа увеличивается во времени; второе свойство предсказывает снижение уязвимости следа. Поэтому следует различать две формы забывания: первая (обратимая) является проявлением недоступности следа, что может быть вызвано неадекватным контекстом или функциональными нарушениями. Вторая форма (необратимая) является проявлением «хрупкости» следа в результате его «уязвления».

Существует несколько феноменов, которые подтверждают наличие обратимой формы забывания. Во-первых, реминисценция — спонтанное улучшение воспоминания. Реминисценция зависит от качества предварительного обучения; известно, что для появления реминисценции необходим оптимум научения. Во-вторых, амнезия, наступающая после электрошока (от нескольких минут до нескольких часов). Прежде предполагалось, что в данном случае нарушается процесс консолидации. Однако есть все основания полагать, что причиной забывания является не нарушение консолидации, а трудность припоминания. Ж.-Фр. Ламбер приводит данные, что возбуждающие наркотики могут частично снять амнезию, так как шок нарушает не сами следы, а доступ к этим следам. Результаты по имплицитному научению также косвенно подтверждают это объяснение: оптимальным является воспроизведение при «идентичной мотивации», или при идентичном уровне активации.

Ламбер предполагает, что для консолидации следа нужен некий «уровень тревоги». В качестве иллюстрации он ссылается на эффект Камина — улучшение припоминания происходит через несколько минут и через 24 часа. Последнее объясняется режимом функционирования гипоталамо-гипофизарной системы. Первоначальный стресс вызывает высвобождение ацетилхолина (лучшее запоминание), а наступающее после этого истощение ведет к ослаблению силы следов.

Рааймейкерс с соавторами допускает три теоретические возможности для объяснения забывания:

уменьшение силы следа, возрастание «соревнования» с другими следами памяти (интерференция) и изменение природы связи между отдельными элементами, образующими связь на этапе обучения.

Разработано много моделей, описывающих отдельные аспекты процесса долговременного запоминания. Мы ограничимся перечислением отдельных факторов, влияющих на этот процесс:

- число повторений (возрастает по мере увеличения отсрочки воспроизведения);
- знакомость стимула;
- число ментальных повторений, которые зависят от того, как долго информация оставалась в оперативной памяти;
- степень организованности материала и глубина переработки в соответствии с текущими и долгосрочными целями;
- интенции на запоминание и владение стратегиями запоминания.

Как видно, результативность хранения информации в долговременной памяти зависит от многих факторов, одни из которых являются характеристиками предшествующих процессов переработки, другие имеют «локализацию» в самой долговременной памяти.

12.2. Классификации видов памяти

По признаку наличия целей выделяют произвольную и непроизвольную память. Если при рассмотрении блоков запоминания и воспроизведения акцент ставится на используемых мнемических средствах, то говорят об опосредованном или непосредственном запоминании и воспроизведении. Если имеются в виду главным образом взаимозависимости между блоками хранения и воспроизведения, то выделяют имплицитную и эксплицитную память, также называемую осознаваемой и неосознаваемой, или активной и пассивной.

В отечественной психологии с 1960-х гг. изучалась роль мнемических средств в организации и функционировании мнемической системы. А. А. Смирнов (1966), рассматривая генезис мнемической функции, подчеркивал роль внешних опор запоминания. Термины «внешне и внутренне опосредствованная память» были введены А. Н. Леонтьевым (1972) для описания процесса «вращивания» знаковых средств при запоминании. Исследования В. Я. Ляудис (1976) показали, что в процессе развития памяти у детей знаки сначала используются для обозначения и внешней регуляции внутреннего плана представлений, а затем они интериоризуются и начинают выполнять регуляторную функцию в процессах запоминания и припоминания.

П. И. Зинченко (1961) провел серию экспериментов, направленных на изучение произвольного и непроизвольного запоминания. Автор сравнивал продуктивность непроизвольного запоминания одного и того же материала в зависимости от того, какое место занимает этот материал в структуре деятельности (мотив, цель, способ выполнения деятельности). Был получен убедительный результат: материал, связанный с целью, запоминается лучше по сравнению с материалом, связанным с условиями достижения цели; фоновые раздражители запоминались хуже всего.

Автор исследовал особенности запоминания в зависимости от того, насколько активной и содержательной была та мыслительная работа, «внутри которой осуществлялось запоминание». Испытуемым давалась задача механически запомнить слова или найти смысловую связь между словами. Было показано, что чем более осмысливалось содержание слов и чем больше требовалось активности при этом осмысливании, тем лучше запоминались слова.

Впервые эффект имплицитного научения был получен Ребером в 1967 г.: он предлагал испытуемым автомат, который работал по сложной программе. Эту программу, названную «грамматикой», испытуемые имплицитно усваивали, не зная о том, что такая программа существует. *Имплицитная память* — это память без осознания предмета запоминания, или бессознательная память. Осознаваемая память называется *эксплицитной*. Феномены имплицитной памяти были обнаружены не только при моторном научении, но в широком классе задач, который используется в парадигме запечатления. Например, Левики предлагал испытуемым серию фотографий с изображением женщин с длинными и короткими волосами. Демонстрация фотографий женщин с длинными волосами всегда сопровождалась рассказом об их доброте. В тестовой серии испытуемых просили вынести суждение относительно «доброты» ранее не демонстрировавшейся женщины: испытуемый оценивал последнюю как добрую, если у нее были длинные волосы.

- **Имплицитная память — память без осознания предмета запоминания, или бессознательная память. Эксплицитная память — осознаваемая память.**

В 1984 г. Граф и Шехтер описали больных амнезией, которые были способны к имплицитному научению, но имели серьезные нарушения в эксплицитной памяти. Действие имплицитной памяти проявляется в спонтанном отнесении примера к прототипу, в классификации объектов согласно импицитно усвоенному основанию и др. След имплицитной памяти имеет большую силу по сравнению со следом эксплицитной памяти, но одновременно он и более уязвим. При изменении семантического контекста продуктивность действия имплицитной памяти резко снижается. В экспериментах Шехтера и Графа был обнаружен феномен модальной специфичности имплицитной памяти. Оказалось, что имплицитная память чувствительна к смене модальности, особенно при переходе от зрительной к слуховой, тогда как на продуктивность эксплицитной памяти смена модальности не оказывает влияния.

Чувствительность имплицитной памяти к модальности лежит в основе чувства знакомости. Показано, что оценка стимулов как «знакомых» или как «незнакомых» во многом базируется на этом чувстве, причем само оно может быть неосознаваемым.

Наиболее явным и бросающимся в глаза свойством памяти является ее продолжительность. Некоторые события запоминаются надолго, другие оставляют мимолетные следы. Эта характеристика памяти, основанная на длительности хранения и хорошо известная каждому человеку по собственному опыту, нашла отражение в делении памяти на кратковременную и долговременную.

Использование критерия длительности хранения для выделения двух типов памяти приводит к некоторой двусмысленности, так как сама длительность хранения не является безусловной и легко измеримой величиной. Время удержания информации в памяти зависит от таких параметров стимула, как его осмысленность, знакомость, модальность, размер и др.

Кратковременная и долговременная память различаются также и по количеству материала, который удерживается в памяти. Эта характеристика называется объемом, или емкостью памяти. Объем и длительность хранения являются зависимыми параметрами: при определении объема как функции времени получается немонотонная кривая, которая, в частности, интерпретируется как доказательство двух типов памяти.

Классическая позиция состоит в том, что объем памяти является константой, и если количество информации превышает пропускную способность памяти, то «лишняя» информация теряется. В 1956 г. Дж. Миллер предположил, что в кратковременной памяти удерживается неизменное число единиц кратковременной памяти. Объем кратковременной памяти у взрослого человека является фиксированным, будь то единицы зрительной информации (буквы) или слуховой. Этот объем стал известен как «магическое число», равное 7 ± 2. Эта величина изменяется с возрастом; объем непосредственной памяти от 2 до 10 лет увеличивается от 2,5 до 5 единиц.

Для определения объема долговременной памяти невозможно разработать аналогичную (расчетную) экспериментальную процедуру; объем долговременной памяти принято считать бесконечным.

Если испытуемому предложить ряд стимулов для заучивания, а затем попросить его воспроизвести эти стимулы в произвольном порядке, то вероятность воспроизведения первых и последних стимулов будет выше, чем стимулов, расположенных в середине ряда. Этот феномен получил название «эффект первичности и недавности».

12.3. Монистическая и множественная трактовки памяти

Экспериментальное изучение памяти началось в конце XIX в. В двух теоретических подходах, доминировавших в то время (ассоцианизме и психологии сознания), был намечен первый вариант решения проблемы разновидностей памяти.

Монистическая позиция, развиваемая в ассоцианизме, а чуть позже и в бихевиоризме, состояла в утверждении, что, несмотря на видимое различие типов и видов памяти, они отличаются друг от друга не принципиально, а только разной степенью прочности ассоциаций, а последняя — величиной отсрочки между научением (переработкой сигнала) и воспроизведением.

Множественная (двойственная) трактовка памяти была разработана в психологии сознания. Наиболее ярким представителем этой линии исследований был У. Джемс. Используя прежде всего данные интроспекции, он выделил первичную и вторичную память. Содержание первичной памяти составляют

впечатления, непосредственно присутствующие в сознании. Эта память имеет преходящий характер, ее содержание быстро стирается и забывается. Содержанием вторичной памяти являются наши постоянные знания.

Монистическая точка зрения на природу памяти нашла свое развитие в экспериментальных процедурах. Основным требованием к экспериментальной схеме была квантификация условий, при которых образуются и упрочиваются ассоциации (или связи между стимулом и реакцией). Эта экспериментальная процедура вызывала много возражений, так как в основе такой методологии лежит допущение, что длительность физического действия стимула тождественна продолжительности его психологического воздействия и что временной интервал, отделяющий стимул от процесса его воспроизведения, является адекватной единицей для описания психологического феномена памяти.

При множественной трактовке памяти предполагалось, что разные типы памяти порождаются различными процессами. Позже эти два типа памяти (первичная и вторичная) получили название кратковременной и долговременной.

В настоящее время существуют теории, продолжающие как монистическую, так и множественную традицию. К примеру, монистическая позиция получила плодотворное развитие в коннекционизме. Представление о принципиальной несводимости кратковременной памяти и долговременной памяти к единым механизмам развивается в рамках информационного подхода; эту позицию разделяют многие нейро- и патопсихологи.

Начиная с 1980-х гг. интенсивно развивается коннекционистский подход. Сторонники этого подхода исходят из того, что элемент памяти представляет собой гомогенную единицу, а адекватным описанием структуры знания является сеть, в которой различные компоненты, неразличимые с логической точки зрения, отличаются только числом и характером связей с другими компонентами. Аргументом в пользу такого моделирования, несомненно, является сам факт незнания того, что именно является компонентом, а на основе результатов запоминания и иррадиации знаний можем судить только о связях. Эти связи позволяют построить пропозициональные сети с заранее заданными операциями («часть чего-то», «является предикатом» и т. д.). С помощью коннекционистских моделей удается показать, что вклад отдельных компонентов при определении категории не является стабильным, он изменяется в зависимости от того, какие еще компоненты использует испытуемый при выполнении задач.

Аргументация сторонников двойственности памяти обычно сводится к следующему: если бы кратковременная и долговременная память были проявлением единой памяти, то они подчинялись бы единым законам, следовательно, одни и те же факторы должны были бы оказывать сходное действие на мнемический результат в случае его регистрации при небольшой и длительной отсрочках. Такими «критическими» факторами являются число построений и продолжительность интервала между предъявлением двух стимулов (так называемое распределенное и концентрированное научение). Оказывается, что число повторений (одно или несколько) не влияет на результат воспроизведения при отсрочке в 2 с, но уже при отсрочке в 8 с продуктивность воспроизведения оказывается зависимой переменной от числа повторений. Сходная картина обнаружена и в отношении продолжительности интервала предъявления. При небольших отсрочках этот фактор не оказывает влияния на результат воспроизведения, но при отсрочках, превышающих 10 с, он становится значимым.

В пользу существования двух типов памяти говорят и данные, полученные в экспериментах по электрошоку. Такие испытуемые не в состоянии вспомнить отдаленные события, но обнаруживают относительную сохранность воспроизведения в том случае, если опрос производится сразу же после шокового воздействия.

Модели памяти в когнитивной психологии. Идея существования двух типов памяти получила второе дыхание после возникновения кибернетики. Н. Винер в 1948 г. подразделил память на текущую и постоянную. Эта идея была подхвачена психологами в 1950-1960 гг. и выразилась в выделении кратковременной и долговременной памяти. Примерно в то же время появились понятия «оперативная память», «рабочая память», «каталожные ящики», «регистры» и «буфер».

В 1958 г. Бродбент в статье «Перцепция и коммуникация» предложил модель когнитивной переработки, согласно которой перцептивная информация параллельно поступает в сенсорные регистры, соответствующие различным модальностям сигнала. Там она хранится очень короткое время (несколько сот миллисекунд) и затем передается в следующий блок, где уже подвергается последовательной переработке и перекодированию в вербальную форму. Этот блок переработки имеет ограничения, но информация может там храниться значительно дольше (порядка нескольких секунд).

Этот блок соответствует кратковременной памяти. Вероятность перехода информации из кратковременной памяти в долговременную зависит от глубины и качества ее переработки.

Одна из первых моделей, почти дословно воспроизводящая идею Джемса, была предложена Во и Норманом в 1965 г. Авторы полагали, что информация из первичной памяти теряется не просто оттого, что она там постепенно затухает, а из-за того, что она вытесняется вновь поступающей информацией, т. е. из-за интерференции.

Аткинсон и Шифрин (1968) разработали множественную модель памяти, введя дополнительные элементы: не только структурные, но и динамические. Согласно их модели, информация не просто перекачивается из одного блока в другой, а копируется путем перевода в другие коды. Сначала информация поступает на многочисленные сенсорные регистры, где каждый стимул характеризуется набором первичных признаков. Далее информация поступает в кратковременное хранилище, где она сохраняется в течение некоторого периода времени, длительность которого обычно зависит от индивида. Для поддержания информации в кратковременном хранилище испытуемый создает своего рода буферную емкость для повторения, способную удерживать небольшое количество элементов (семь-девять цифр) в течение примерно 30 с. Авторы выделили в кратковременном хранилище особую слуховую вербально-языковую систему, которая обеспечивает повторение информации. Каждый из элементов, поступающих в буфер, вытесняет один из элементов, уже находящихся там. Поступление элементов в буфер может контролироваться. Поэтому кратковременное хранилище можно считать оперативной памятью. Кратковременное хранилище связано с долговременным, откуда могут поступать «вербальные ассоциации» и необходимая для выполнения текущих задач информация. Извлечение информации из долговременного хранилища требует соответствующего выбора стратегии. Одной из операций управления потоком информации является ее повторение в кратковременном хранилище. Информация из кратковременного хранилища поступает в долговременное в результате перекодирования в особый код, который структурирует информацию, обеспечивая тем самым ее долговременное хранение.

12.4. Функциональный подход в исследованиях памяти

Несмотря на успешное развитие моделей памяти, использующих компьютерные метафоры, стало понятно, что аналогия между переработкой информации у человека и компьютера не является удовлетворительной. Прежде всего исследователи столкнулись с фактом влияния таких переменных, как мотивация, интенция, интерес, внимание и осмысленность материала, на результативность мнемической системы. Таким образом, возникла острая необходимость введения не только результативного (объем и длительность хранения), но и функционального критерия для моделирования памяти.

Функциональные компоненты вводились в изначально структурные модели памяти постепенно. В эволюции компьютерной идеологии можно выделить три периода. Сначала были выделены две формы хранения: кратковременная и долговременная. Затем постулировалось различие между сенсорным регистром и собственно кратковременной памятью. И наконец, внутри кратковременной памяти были выделены структурные и функциональные компоненты (кратковременное хранилище и буфер повторения).

Впервые на наличие сенсорной (сверхкратковременной) памяти как отличной от кратковременной указал Аткинсон. Для обозначения этого вида памяти он использовал понятие «сенсорный регистр». Предполагалось, что для каждой модальности существует свой, строго специфичный регистр, где информация хранится непродолжительное время (от нескольких сот миллисекунд до нескольких секунд в зависимости от модальности). Далее информация пассивно перекачивается в кратковременное хранилище.

Понятие «оперативная память» было введено Аткинсоном и Шифриным. Они полагали, что внутри кратковременной памяти можно выделить две составляющие: одна выполняет функцию хранения, вторая — функцию переработки. Авторы обнаружили, что информация не хранится в кратковременной памяти пассивно, а активно поддерживается (в течение 15-30 с) и перекодируется, прежде чем перейти в долговременную память. Для обеспечения оперативной переработки требуются ресурсы, поэтому продуктивность кратковременной памяти (и ее подотдела — оперативной памяти) в значительной мере зависит от аттенционных нагрузок.

В 1974 г. Бэддли и Хитч разработали модель оперативной памяти. Под оперативной памятью понимается система хранения и переработки информации, которая является не модально-специфической, а мультимодальной. Эта система состоит из трех компонентов: центрального исполнительного процессора и двух «систем-рабов», из которых одна специализируется на переработке вербального материала (артикуляционная петля), а вторая, связанная с пространственной зрительной памятью, является зрительной пространственной матрицей. Согласно модели, в артикуляционной петле автоматически поддерживается некоторое количество информации. Это количество зависит от времени, необходимого для вокализации вербального материала, и составляет примерно 1,5-2 с. Поэтому емкость памяти можно выразить либо через количество стимулов, либо через общую длительность проговаривания.

В многочисленных экспериментах было затем показано, что подавление артикуляции (или выполнение задач, требующих участие артикуляционной петли) влечет за собой снижение емкости оперативной памяти. Центральный процессор может увеличить емкость хранения, «включая» ментальные операции повторения.

В теории Ошанина Д. А. (1977) была развита идея оперативного образа — аналога оперативной памяти в зрительной модальности. Оперативный образ складывается при выполнении конкретной деятельности. Его содержание не изоморфно сенсорной информации: в нем акцентированы характеристики объекта, существенные в условиях конкретного действия, и, наоборот, свернуты мало информативные в данный момент свойства объекта.

В исследованиях В. П. Зинченко и его коллег было показано, что процесс формирования перцептивного образа развернут во времени и включает в себя ряд перцептивных действий, начиная с выделения признаков и заканчивая собственно построением образа. Этот образ выполняет оперативную функцию, включающую в том числе и управление конкретным исполнительным действием.

12.5. Уровни переработки информации

Накопленные экспериментальные данные не позволяли интерпретировать результаты работы мнемической системы, исходя только из характеристик сигнала (его модальности и длительности переработки). В методологии психологической науки произошел коренной перелом после того, как в 1972 г. Крэйк и Локхарт разработали новый подход к пониманию сущности процесса переработки информации. Они предложили выделить уровни обработки информации. Каждый стимул может обрабатываться на разных уровнях: начиная с перцептивного и заканчивая более глубоким абстрактным. Оказалось, что некоторые виды памяти соответствуют разным уровням обработки информации. На каждом из уровней может использоваться тот или иной код (зрительный, слуховой), однако характер переработки информации определяется не только кодом поступающей информации, но и сочетанием кода с уровнем переработки.

Предполагается, что слуховой код является предпочтительным для хранения информации в сверхкратковременной памяти. В экспериментах (проведенных на английской выборке) визуально предъявлялись буквы для опознания. Показано, что ошибки происходят из-за слухового перепутывания, а не зрительного, например буква Е из-за сходства произношения перепутывается с буквой С). В зрительной кратковременной памяти информация подвержена более всего пространственной интерференции, на основании чего некоторые авторы делают вывод, что доминирующим кодом кратковременной памяти является пространственный.

При переходе в долговременную память происходит перекодирование информации в вербально-символический код. Но до настоящего времени нет определенности относительно того, как происходит перекодирование (континуально или дискретно) и что из себя представляет семантический код. Одни авторы отождествляют семантический код с вербально-символическим, другие описывают семантический код как амодальный.

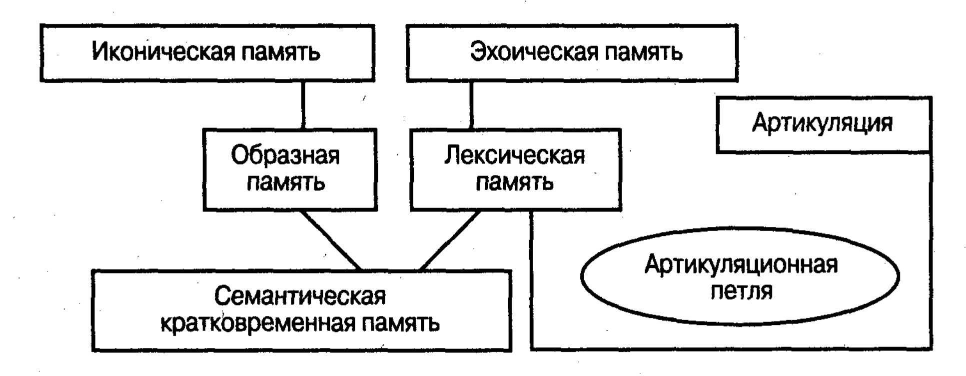

Рис. 12-2. Модулярная репрезентация уровней переработки памяти человека

Сенсорный уровень. В 1961 г. Сперлинг провел эксперименты, направленные на определение объема зрительной кратковременной памяти. Он предъявлял испытуемым матрицу 3x3 или 3 х 4, в каждой клетке которой была написана буква. Время экспозиции равнялось 100 мс. Через некоторый интервал (который варьировал и составлял 0, 300, 700 мс, 1 и 4с) испытуемому подавался звуковой сигнал, отличающийся по высоте тона (низкий, средний, высокий), и испытуемый должен был воспроизвести буквы в той строке, которая соответствует высоте звукового сигнала. Было выявлено 2 феномена. Во-первых, объем кратковременной памяти превышает 7 единиц и составляет 9-12. Во-вторых, время отсрочки является критическим фактором для удержания зрительной информации: начиная с 700 мс процент воспроизведения снижается от 100 % до 20 %. Эта память получила название иконической (см. схему на рис. 12-2). Аткинсон называет этот вид памяти сенсорным регистром. В сенсорном регистре, по мнению Аткинсона, зрительный стимул «оставляет более или менее фотографический след», и затем информация в результате сканирования переходит в кратковременное хранилище. Близкие результаты относительно «фотографического хранения» в первые моменты переработки информации получили в 1967 г. Эриксон и Коллинз. Они последовательно предъявляли испытуемым два набора неструктурированных точек, которые при наложении создавали слово VOH. Авторы выявили критические границы интервала между предъявлением двух стимулов, необходимого для их объединения в образ (от 0 до 50 мс).

В звуковой модальности существует сенсорная память, аналогичная иконической. У. Найссер ввел в 1967 г. понятие «эхоическая память». Как и в случае с иконической памятью, эхоическую можно рассматривать как проявление инертности сенсорного регистра.

В 1971 г. Петерсон и Джонсон сравнили кривые воспроизведения в зрительном и слуховом кодах. Они предъявляли испытуемым последовательность из четырех букв (визуально или акустически) и для предотвращения повторения просили повторять цифры от одного до девяти. На рис. 12-3 показана зависимость воспроизведения от времени предъявления в зрительном и слуховом кодах.

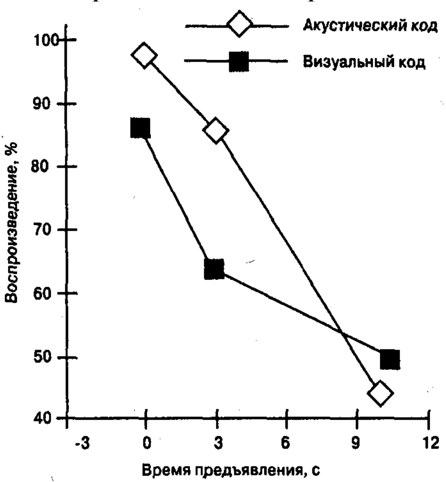

Рис. 12-3. Зависимость воспроизведения информации, предъявляемой в визуальном и акустическом виде, от времени предъявления

Результаты свидетельствуют, что слуховой код имеет преимущество по сравнению со зрительным

при небольших отсрочках воспроизведения после получения информации (от 3 до 5 с). Если отсрочка превышает 10 с, то преимущество имеет информация, которая имеет зрительный код.

В экспериментах Краудера было показано, что в слуховой памяти не распознаются согласные, а только гласные: испытуемые путали (слышали как тождественные) слоги ba, da, ga, но отчетливо различали слоги ba, bi, bou. На этом основании авторы выделили дополнительный блок, который назвали «докатегориальным акустическим регистром».

Дополнительное подтверждение тому, что сначала происходит докатегориальная переработка слуховых сигналов, было получено в экспериментах Балота с соавторами (1986). Испытуемому последовательно произносили вслух серию цифр, которые он должен был вспомнить после того, как будет подан специальный сигнал. В качестве сигнала служил звуковой тон или слово «go». Результаты припоминания свидетельствуют, что в последнем случае имела место интерференция. Однако если слово «go» произносилось иным голосом (по сравнению с голосом экспериментатора, зачитывающего цифры), то интерференция была меньше. Окончательно разница между «интерференцией голосов» исчезала после 20 с отсрочки. Предполагается, что интерферирующее влияние сенсорной информации, сходной по «перцептивной специфике» с информацией сигнала, снижается по мере увеличения времени отсрочки (от 2-3 и до 20 с). Для объяснения полученного феномена было введено понятие «модально-специфическая кратковременная память».

Лексический и образный уровень. Зрительная и слуховая информация объединяются на следующем уровне переработки и образуют код, который называется лексическим. Мортон (1970) высказал предположение, что работа этого модуля обслуживается системой логогенов, структур, специализированных для переработки слов. В этом коде (или в лексической памяти) происходит интеграция фонологических и орфографических характеристик слова, включая моторные компоненты артикуляции каждого слова. Поэтому узнавание и переработка слов с помощью данного модуля не зависят от сенсорного формата входа.

Особый раздел представляют работы, связанные с функционированием образного кода и образной памяти. Результаты многих из этих работ нельзя строго приурочить к одному из выделенных ранее уровней или модулей: к сенсорному регистру, оперативной, кратковременной или долговременной памяти. Большинство авторов соглашается с тем, что образная информация имеет две формы хранения: первая связана с долговременной памятью и составляет основу наших общих знаний о мире, вторая поддерживает процесс манипулирования текущими образами и может быть отнесена к оперативной памяти.

Существуют экспериментальные доказательства функционирования образного кода. Бэддли называет этот модуль переработки кратковременной образной памятью и предполагает, что существует три независимых механизма, лежащих в ее основе: память на паттерны, память на буквы и память на слова.

В экспериментах Филипса и Бэддли (1971) испытуемым предъявляли матрицу 4x4 или 5 x 5, в которых половина клеток была заштрихована. Через разные интервалы времени (от 0,3 до 9 с) испытуемым предъявляли другую матрицу и просили сказать, являются ли матрицы тождественными. Было показано, что по мере возрастания сложности матриц и величины отсрочки снижается продуктивность правильных опознаний. Однако в том случае, если матрицы предъявлялись на одном и том же месте, обнаруженная закономерная связь между сложностью и ответом исчезала. Бэддли выдвигает гипотезу, что в выполнении данной задачи принимают участие два мнемических компонента: один, «быстрый», отвечающий за пространственную локализацию, и второй, более устойчивый к отсрочке, «основанный скорее на паттерне, чем локализации».

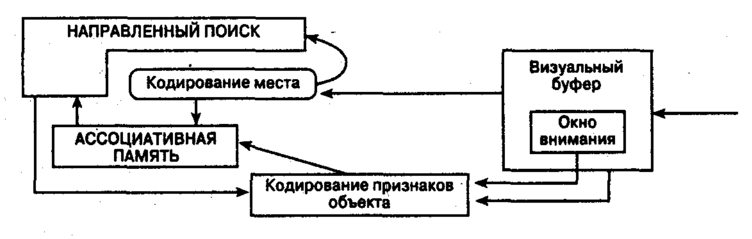

Рис. 12-4. Модель Косслина (1990)

Это объяснение согласуется с современными представлениями о существовании двух систем переработки информации, получивших название «где?» и «что?». В исследованиях Б. М. Величковского

по микрогенезу восприятия было показано, что «выделение глобального пространственного каркаса видимой сцены предшествует операциям, специфицирующим внутреннюю структуру сцены и отдельных объектов». Косслин с соавторами (1990) предложил модель, в которой постулируется существование двух систем репрезентации знаний: модальной (названной зрительным буфером) и амодальной («ассоциативная память», где хранятся описания объектов вместе с их названиями). Через зрительный буфер поступает ограниченное количество информации в виде грубого описания «паттерна». Происходит независимая переработка информации о качестве объекта («что?») и его локализации («где?»). Эти два вида информации поступают в ассоциативную память, где происходит сличение с имеющимися образцами. Если результат сличения не позволяет идентифицировать объект, то посредством «окна внимания» происходит регулировка поиска в блоке зрительного буфера.

12.6. Память и организация знаний

Ле Ни (1988) ввел понятие «репрезентация», с помощью которого удалось зафиксировать одновременно структурную стабильность и динамичность знаний. Он различал репрезентации-типы и временные репрезентации. Первые составляют основу наших знаний о мире и имеют пропозициональную структуру. Вторые представляют собой формы, в которых проявляется знание применительно к данной ситуации. Сходную классификацию предлагает Ришар (1992): он различает собственно знания и текущие репрезентации. Последние являются частью долговременной памяти и отвечают за отражение ситуации применительно к выполняемой деятельности.

Модульные модели памяти не в состоянии ответить на вопрос, почему некоторые знания актуализируются быстро и без труда, тогда как другие знания требуют для своей актуализации усилий, не всегда приводящих к желаемому результату (феномен «вертится на кончике языка»). Была высказана идея, что работа памяти не может быть адекватно описана с помощью статичных модулей, так как знания перерабатываются и актуализируются в соответствии с целями, стоящими перед индивидом.

В организации восприятия участвует моторная память, или перцептивные автоматизмы. В экспериментах не только на зрительной, но и слуховой модальности выявлено много фактов так называемой предперцептивной подготовки, основанной на построении новых моторных команд, смысл которых состоит в настройке работающего сенсорного органа на оптимальное восприятие.

Пространственная память может быть рассмотрена в качестве отдельного модуля, включающего два компонента: знание о соотносительном порядке между объектами и знание об их абсолютном расположении. Наиболее отчетливо взаимозависимость абсолютных и соотносительных компонентов пространственной памяти проявляется в ситуациях пространственной ориентации. Проведено огромное число исследований, имеющих примерно единую схему: испытуемому предлагается реальное расположение объектов или карта местности и требуется по памяти восстановить пространственную организацию объектов (регистрируется время и точность выполнения задания).

Например, в 1935 г. Н. Ф. Шемякин описал два вида пространственных репрезентаций: карты-пути (в которых сохраняются топологические свойства пространства) и карты-обозрения (в которых сохраняются метрические свойства). Автор показал, что в ходе онтогенеза сначала осваиваются карты-пути, а потом — карты-обозрения. В многочисленных экспериментах было продемонстрировано, что по мере приобретения опыта происходит постепенный переход от карты-пути к карте-обозрению.

В современной экспериментальной психологии широко используется парадигма запечатления. Под запечатлением понимают облегчающее (или мешающее) воздействие, которое оказывает запечатляющий стимул на последующую переработку тестового стимула. Эти формы запечатления получили название положительного или отрицательного фактора. В качестве критериев эффекта запечатления используются изменения в латентном времени ответа или изменение стратегии выполнения тестового задания. Сам процесс запечатления интерпретируется как косвенный индикатор того, как происходит переработка информации и какова структура знаний, хранящихся в памяти. Известно несколько видов запечатления, в зависимости от того, к какому уровню была адресована запечатляющая задача: выделяют фонологическое, лексическое и семантическое запечатление.

При фонологическом запечатлении переработка одних слов облегчает называние других, близких по звучанию. При лексическом запечатлении происходит иррадиация облегчающего влияния на лексически близкие слова, например принадлежащие к одним грамматическим формам. Семантическое запечатление выражается в факте влияния семантического контекста на переработку информации,

близкой по смыслу.

При работе с вербальным материалом эффект семантического запечатления проявляется при выполнении следующих тестовых задач: идентификация слов, свободные ассоциации, узнавание слов, завершение слов по фрагменту. На образном материале эффект запечатления обнаружен при выполнении задач визуализации («представьте себе...»), подбора зрительного примера к вербальному высказыванию, идентификации изображений, классификации объектов и др.

Мы рассмотрели два уровня переработки информации и соответствующие им модули памяти. Самый глубокий уровень — концептуальный — «обслуживается» преимущественно семантическим кодом. Предполагается, что именно семантический код лежит в основе памяти и организует структуру знаний, однако он принимает участие и в работе всех вышеперечисленных модулей.

В экспериментальной психологии получены многочисленные свидетельства того, что семантический код видоизменяет работу модулей сенсорно-модальной и кратковременной памяти. Например, данные Шульмана говорят о том, что в кратковременной памяти кодируются и семантические признаки. Автор показал, что происходит перепутывание слов на основе их синонимичности, т. е. в кратковременной памяти происходит семантическая переработка. Результаты экспериментов на селективность внимания свидетельствуют, что игнорируемые сигналы семантически перерабатываются: это, в частности, побудило к пересмотру моделей ранней селекции в пользу моделей поздней селекции.

Одни авторы полагают, что существует единый формат хранения для всех знаний. В развитие такой точки зрения строятся всевозможные модели, которые призваны объяснить, каким образом сущностно одинаковые единицы знания приводят к построению различных по объему и характеру концептов. Сторонники множественных моделей репрезентации исходят из того, что имеется несколько различных форматов хранения, объясняющих многообразие наших знаний. Существует класс теорий, в которых постулируются две формы репрезентации, принципиально несводимые друг к другу. Наибольшее распространение получила дихотомия пропозициональной и аналоговой форм.

Функционирование знаний. Ришар (1998), исследуя природу функционирования знаний, обратил внимание на то, что одни и те же концептуальные знания изменяются в зависимости от того, стоит ли перед испытуемым задача понимания смысла текста или формирования программы действий (автор называет последнее партикуляризацией). Поэтому он предлагает при анализе репрезентаций использовать следующую схему.

Концептуальные репрезентации конституируют наше знание о мире и выражаются при помощи предикативных структур языка. Образные репрезентации отражают пространственные характеристики: формы объектов, их относительный размер и положения, их ориентации. Репрезентации, связанные с действием, — это наше знание о действиях. В последнем можно выделить два аспекта: семантический аспект позволяет понять значение действия и выражается посредством языка. Второй аспект непосредственно связан с исполнением действия, направляет и контролирует его. Первые два типа репрезентаций могут быть отнесены к декларативным знаниям, третий — к процедурным.

Впервые деление на процедурную и декларативную память было описано Кохеном в терминах «знать что» и «знать как». Исследователи обратили внимание, что некоторые больные амнезией имели трудности в припоминании и узнавании, но могли выполнять довольно сложные когнитивные задачи. Затем это деление на процедурное и декларативное знание получило экспериментальное подтверждение в экспериментах на здоровых испытуемых.

Предполагается, что процедурное знание направляется автоматизмами, мало осознается и трудно вербализуется. Для актуализации декларативного знания требуется осознание, и оно чувствительно к аттенционным нагрузкам. Оба вида знания участвуют в процессе когнитивной переработки. Декларативное знание может переходить в процедурное по мере его автоматизации. По мнению Хигби, этот же переход мы наблюдаем в процессе обучения мнемоникам: сначала любая мнемоника является декларативным знанием, а по мере ее упрочения и автоматизации — процедурным.

Какой бы ни была форма репрезентации знаний в долговременной памяти, эти знания необходимо должны быть субъектно ориентированными. Даже беглый обзор мнемотехник позволяет сделать вывод, что та или иная стратегия запоминания и припоминания предполагает знание субъекта о своих мнемических возможностях и умение отделить средство и результат запоминания.

В самом общем виде можно выделить два подхода к пониманию соотношения этих двух типов репрезентаций: либо они интерпретируются как проявление работы единого механизма (монистическая точка зрения), либо для их объяснения вводится два (или несколько) механизмов.

В 1962 г. Тульвинг разделил долговременную память на эпизодическую и семантическую. Первая

имеет темпоральные отметки, относится к специфическим эпизодам, местам и событиям, вторая построена по типу тезауруса. Из-за того, что эпизодическая память привязана к событиям, она подвержена сильным искажениям, если ее содержание осталось не включенным в семантическую память.

В 1976 г. Робинсон ввел понятие «автобиографическая память». Эта память представляет собой сложные ментальные репрезентации сцен и категорий, имеющих личное отношение к индивиду. Автобиографическая память является частью эпизодической памяти.

Нигро и Райссер (1988) обнаружили, что человек может припоминать события о собственных переживаниях, либо принимая позицию стороннего наблюдателя, либо помещая себя внутрь сцены. Содержание припоминания дается с разных точек зрения: в первом случае испытуемый парит над сценой, во втором — находится в ней.

Память о своей памяти называется метапамятью. Это понятие было введено Шнейдером как знание о процессах, относящихся к памяти. Бёринг с соавторами (1987) разработал опросник, позволяющий осуществлять шкальные оценки метапамяти. На основании анализа развития метапамяти в процессе онтогенеза авторы делают вывод, что с возрастом улучшается знание об эффективных стратегиях индивидуального запоминания и особенно об условиях их применения.

Вопросы для повторения

1. Каковы основные мнемические процессы, формы и виды памяти?
2. Что такое имплицитная и эксплицитная память?
3. Что такое эффект первичности и недавности?
4. Каковы коды сенсорной, кратковременной и долговременной памяти?
5. Что такое образный код и образная память; как происходит запоминание и ориентация в пространстве?
6. Что такое эффект запечатления и какие существуют виды запечатления?
7. Что такое семантическая память и как она связана с кодами и уровнями переработки?
8. Что такое прототип и как он участвует в процессе познания?
9. Как соотносятся процедурная и декларативная память, эпизодическая и семантическая память?
10. Что такое автобиографическая память и метапамять?

Рекомендуемая литература

Аткинсон Р. Человеческая память и процесс обучения / Под. ред. Ю. М. Забродина. — М.: Прогресс,1980. — 528с.

Бернштейн Н. А. Физиология движений и активность / Под ред. О. Г. Газенко. — М.: Наука. 1990. — 494 с. — (Классики науки).

Бреденкамп Ю. Связь различных инвариантных гипотез в области психологии памяти // Психологический журнал. - 1995. - Т. 16. - № 3. - С. 74-81.

Величковский Б. М. Современная когнитивная психология. — М.: Изд-во МГУ, 1982. — 336 с.

Гордеева Н. Д. Экспериментальная психология исполнительного действия. — М.; Тривола, 1995. — 321 с.

Зинченко П. И. Непроизвольное запоминание. — М.: Прогресс, 1961. — 562 с.

Исследования памяти / АН СССР, Ин-т психологии; Под ред. Корж Н. Н. — М.: Наука, 1990. — 215 с.

Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. — М.: Изд-во МГУ, 1972. — 575 с.

Ляудис В. Я. Память в процессе развития. — М.: Изд-во МГУ, 1976. — 255 с.

Ментальная репрезентация: динамика и структура / РАН; Под ред. Е. А. Андреевой, В. И. Белопольского, И. В. Блинникова. — М.: Институт психологии РАН, 1997. — 319 с.

Ошанин Д. А. Концепция оперативного отражения в инженерной и общей психологии // Инженерная психология. Теория, методология, практическое применение: Сб. стат. — М.: Наука, 1977. — 256 с. — С. 134-148.

Ришар Ж.-Фр. Ментальная активность: Понимание, рассуждение, нахождение решений / РАН, Ин-т психологии; Дом наук о человеке (Франция). — М.: Институт психологии РАН, 1998. — 232 с.

Смирнов А. А. Проблемы психологии памяти — М.: Просвещение, 1966. — 275 с.

Солсо Р. Л. Когнитивная психология. — М.: Тривола, 1996. — 598 с.

Шемякин Ф. Н. Ориентация в пространстве // Психологическая наука в СССР: Сборник статей: В 2 т. Т 1 / АПН РСФСР. - М.: АПН РСФСР, 1959. - 599 с. - С. 140-192.

Экспериментальная психология: Сб. стат. / Ред.-сост. П. Фресс, Ж. Пиаже.; Общ. ред. А. Н. Леонтьева. — Вып. 4. - М.: Прогресс, 1973. - 343 с.

Глава 13. Мышление и интеллект

Краткое содержание главы

Соотношение понятий «мышление» и «интеллект». Мышление как вид познания. Интеллект и адаптация.

Виды мышления. Наглядно-действенное мышление. Символический интеллект.

Мышление и логика. Структурный анализ в психологии интеллекта. Теория стадий Ж. Пиаже. Развитие представлений о пространстве и времени у детей.

Процесс мышления. Этапы мыслительного процесса. Процесс решения задач по Г. Саймону.

Мышление и творчество. Различия между видами творчества. Роль бессознательного в процессах творчества. Продуктивное и репродуктивное мышление. Теория творческого мышления Я.А.Пономарева.

Индивидуальные особенности интеллекта. Тесты интеллекта. Факторный анализ в сфере интеллектуальных тестов. Креативность.

Возрастные, половые и социальные особенности интеллекта. Корреляция между показателями интеллекта у человека в разном возрасте. Влияние семьи на интеллектуальное развитие детей. Расовые и гендерные различия интеллекта.

13.1. Соотношение понятий «мышление» и «интеллект»

Мышление и интеллект — близкие по содержанию термины. Родство их становится еще яснее, если перейти на обыденную речь. В этом случае интеллекту будет соответствовать слово «ум». Мы говорим «умный человек», обозначая этим индивидуальные особенности интеллекта. Мы можем также сказать, что «ум ребенка с возрастом развивается», — этим передается проблематика развития интеллекта. Термину «мышление» мы можем поставить в соответствие слово «обдумывание». Слово «ум» выражает свойство, способность, а «обдумывание» — процесс. Таким образом, оба термина выражают различные стороны одного и того же явления. Человек, наделенный интеллектом, способен к осуществлению процессов мышления. *Интеллект* — это способность к мышлению, а мышление — процесс реализации интеллекта.

- **Интеллект — способность к мышлению.**
Мышление — опосредованное и обобщенное познание объективной реальности.

Мышление и интеллект с давних пор считаются важнейшими отличительными чертами человека. Недаром для определения вида современного человека используется термин *Homo sapiens* — человек разумный. Человек, потерявший зрение, слух или способность к движению, конечно, несет тяжелую утрату, но не перестает быть человеком. Ведь оглохший Бетховен или ослепший Гомер не перестали для нас быть великими. Тот же, кто совершенно потерял разум, кажется нам пораженным в самой своей человеческой сути.

Прежде всего мышление рассматривается как вид познания. С психологической точки зрения познание выступает как создание представлений внешнего мира, его моделей, или образов. Для того чтобы добраться на работу, нам нужна некоторая пространственная модель дороги между домом и работой. Чтобы понять то, что нам рассказывают на лекции о войнах Александра Македонского, нам нужно создать некоторую внутреннюю модель, изображающую победы великого полководца. Однако

мышление — это не любое познание. Познанием является, например, и восприятие. Матрос, с мачты корабля увидевший на горизонте парусник, также создает определенную умственную модель, представление увиденного. Однако это представление является результатом не мышления, а восприятия. Поэтому *мышление* определяется как опосредованное и обобщенное познание объективной реальности.

Например, выглянув на улицу, человек видит, что крыша соседнего дома мокрая. Это акт восприятия. Если же человек по виду мокрой крыши заключает, что прошел дождь, то мы имеем дело с актом мышления, хотя и очень простым. Мышление является опосредованным в том смысле, что оно выходит за пределы непосредственно данного. По одному факту мы выводим заключение о другом. В случае мышления мы имеем дело не просто с созданием умственной модели на основании наблюдения внешнего мира. Процесс мышления значительно сложнее: вначале создается модель внешних условий, а затем из нее выводится следующая модель. Так, в нашем примере человек создает вначале первую модель, относящуюся к сфере восприятия, — образ мокрой крыши, а затем выводит из нее вторую модель, согласно которой недавно прошел дождь.

Мышление как познание, выходящее за пределы непосредственно данного, является могучим средством биологической адаптации. Животное, которое может по косвенным признакам заключить, где находится его жертва или где больше пищи, собирается ли на него нападать хищник или более сильный сородич, имеет значительно больше шансов выжить, чем животное, не имеющее такой способности. Именно благодаря интеллекту человек занял доминирующее положение на Земле и получил дополнительные средства для биологического выживания. Однако в то же время человеческий интеллект создал и колоссальные разрушительные силы.

С индивидуальной точки зрения, между интеллектом и успехом в деятельности существуют в основном пороговые отношения. Для большинства видов человеческой деятельности существует определенный минимум интеллекта, который обеспечивает возможность успешно заниматься этой деятельностью. Для некоторых видов деятельности (например, математика) этот минимум весьма высок, для других (например, работа курьера) — значительно ниже.

Однако возможно и «горе от ума». Чрезмерный интеллект может отрицательно отражаться на отношениях человека с другими людьми. Так, данные ряда американских исследователей показывают, что очень высокий интеллект может вредить политикам. Для них существует определенный оптимум интеллекта, отклонение от которого как в верхнюю, так и в нижнюю сторону ведет к снижению успехов. Если интеллект политика ниже оптимума, то снижается способность разбираться в ситуации, предсказывать развитие событий и т. д. При значительном превышении оптимума политик становится непонятным для той группы, которой он должен руководить. Чем выше интеллектуальный уровень группы, тем выше оптимум интеллекта для лидера этой группы.

Очень высокий уровень интеллекта (превышающий 155 баллов по тестам IQ) отрицательно сказывается и на адаптации детей, обладающих им. Они опережают своих сверстников в умственном развитии более чем на 4 года и становятся чужими в своих коллективах.

13.2. Виды мышления

Мышление часто ассоциируется у нас с бородатым мудрецом, размышляющим над устройством мироздания. Конечно, теоретическое, научное или философское мышление представляют собой высокоразвитую форму этого процесса. Однако у животных и у детей мы наблюдаем такие формы деятельности, которые вполне подходят под данное выше определение мышления. Возьмем следующий пример из классического опыта В. Келера, проведенного над шимпанзе.

«Шесть молодых животных... запираются в помещении с гладкими стенами, потолок которого (примерно 2 м высотой) они не могут достать; деревянный ящик (50 x 40 x 30 см) стоит почти на середине помещения плашмя, причем открытая его сторона направлена кверху; цель прибита к крыше в углу (в 2,5 м от ящика, если мерить по полу). Все животные безуспешно стараются достать цель прыжком с пола; Султан, однако, скоро оставляет это, беспокойно обходит помещение, внезапно останавливается перед ящиком, хватает его, перевертывает его с ребра на ребро прямо к цели, взбирается на него, когда он находится еще примерно на расстоянии 0,5 м (горизонтально), и, сейчас же прыгнув изо всех сил, срывает цель» (Келер, 1981, с. 241-242).

В этом примере мы видим высокоорганизованное поведение шимпанзе, которое может быть названо

интеллектуальным. Шимпанзе использует здесь орудие, для чего требуется установить ненаблюдаемые отношения объектов, то есть, по данному выше определению, совершить акт мышления. Но мышление протекает здесь не в речевом плане, а в плане реальных действий с внешними предметами. Для обозначения этого явления Келер использовал словосочетание «ручной интеллект». В отечественной психологии прижился термин «наглядно-действенное мышление». Практически синонимично первым двум и выражение, которое использовал Ж. Пиаже, — «сенсо-моторный интеллект».

Мы кратко рассмотрим лишь одну систему понятий, используемую для описания сенсомоторного интеллекта. Эта система понятий предложена Ж. Пиаже, и центральным в ней является понятие «схема». Это понятие вводится как противоположность рефлексу как жестко установленной связи между стимулом и реакцией (ударили под коленом — нога вздрогнула). Схема представляет собой инвариант организации семейства родственных действий. Например, действие хватания, направляемое схемой, не является жестко заданным, оно зависит от того, на какой объект оно направлено: при схватывании погремушки движения пальцев ребенка не такие, как при хватании, скажем, одеяла.

В терминах Пиаже схема действия ассимилирует различные предметы. Ассимиляция новых, неизвестных объектов предполагает изменение схемы, ее аккомодацию. Эти не слишком сложные понятия оказываются чрезвычайно полезными при описании пути развития, который проходит сенсомоторный интеллект.

Исходно описание сенсомоторного интеллекта было разработано Пиаже на материале развития собственных детей в младенческом возрасте (рис. 13-1). Однако этот способ описания применим и к интеллекту животных. В частности, А. Ре провел таким образом исследования развития цыплят. Основным результатом А. Ре было то, что цыплята проходят примерно те же этапы развития, что и человеческие младенцы, причем на первых порах более быстро, только это развитие останавливается намного раньше.

Согласно Пиаже, в развитии сенсомоторного интеллекта можно выделить шесть основных этапов.

Первый этап, занимающий примерно первый месяц жизни ребенка, характеризуется преобладанием врожденных, жестко заданных рефлексов.

Рис. 13-1. Один из феноменов Ж. Пиаже «постоянство существования объектов»

На втором этапе (от одного месяца до четырех) ребенок в результате взаимодействия с окружающим

его миром приобретает первые простые навыки. Происходит аккомодация схем действия к новым предметам. Появляется также взаимная ассимиляция одного предмета разными схемами. Например, взаимная ассимиляция между схемами хватания и сосания заключается в том, что ребенок тянет в рот все, что он схватил, и хватает то, что попало ему в рот. На том же этапе, но несколько позднее происходит взаимная ассимиляция между схемами хватания и зрения. Вначале ребенок задерживает предметы, которые несет ко рту, если они попадают в поле его зрения. Затем он становится способным схватить предмет, который видит. Это происходит, однако, только в том случае, если в поле его зрения попадают и предмет, и рука. Наконец, к завершению этого этапа развития он старается смотреть на то, что он схватил, и, к огорчению матери, стремится схватить все, что видит.

На третьем этапе (примерно 4-8 месяцев) ребенок начинает более активно изучать предметы внешнего мира. Столкнувшись с незнакомым предметом, он исследует его, применяя знакомые схемы: встряхивает, ударяет, царапает, раскачивает. Появляется также «двигательное опознание» предметов. Заметив знакомый предмет, ребенок проделывает как бы эскиз движений, которые ранее применял к нему.

На третьем этапе ребенок еще не способен использовать одно действие в качестве средства совершения другого. Эта способность возникает на четвертом этапе, к концу первого года жизни. Ребенок, к примеру, начинает отстранять руку, препятствующую ему взять предмет. На этом же этапе возникает предвосхищение событий. Так, один из детей Пиаже плачет, предвосхищая разлуку, когда отец встает со стула.

Для пятого этапа (примерно 12-18 месяцев) наиболее характерным когнитивным новообразованием является «открытие новых средств достижения цели путем активного экспериментирования». Это означает, что для достижения какой-либо цели ребенок активно экспериментирует, чтобы обнаружить подходящее средство.

На шестом этапе (18-24 месяца) ребенок становится способен к «инсайту», то есть внезапному, внутреннему, без внешнего экспериментирования, открытию новых средств для достижения цели. Например, ребенок, не видевший до полутора лет палок, может сразу же понять, как с ними обращаться в качестве орудий. Пиаже говорит, что схемы на этом этапе приобретают способность комбинироваться до, а не после их возможного применения.

Дальнейший путь развития интеллекта заключается в его переходе в символический план, связанный с оперированием символами, в первую очередь, словами. До недавнего времени считалось, что символическим интеллектом обладает только человек. Попытки обучить высших животных человеческой речи не приводили к успеху. Тем не менее в 1980-х гг. американцам супругам Гарднерам удалось обучить шимпанзе языку глухонемых. Выяснилось, что трудности предыдущих попыток были связаны не столько с интеллектуальными возможностями животных, сколько с ограничениями их артикуляторного аппарата или фонематического слуха. На языке глухонемых обезьяны оказались способными к достаточно сложным высказываниям: они не только употребляли однословные предложения, но и конструировали фразы из нескольких слов. Некоторые обезьяны употребляли слова даже в переносном смысле, например, слово «грязный» для человека, не выполняющего их желания. Однако по уровню развития речи шимпанзе даже при специальном обучении не превосходит 3-5-летнего человеческого ребенка.

Символический интеллект стал основой развития человеческой культуры. Благодаря ему огромного совершенства достигло и практическое действие. С помощью символического интеллекта осуществляется подготовительный этап сложных человеческих действий: готовятся проекты зданий, инженерных сооружений, ракет и самолетов, исследуются законы природы, на основании которых создается техника.

Символический интеллект изучен в психологии больше, чем сенсомоторный.

13.3. Мышление и логика

Мышление исследует не одна лишь психология. Им также занимаются логика и теория познания. В чем различие предметов этих наук?

С. Л. Рубинштейн (1981, с. 72) пишет: «В теории познания речь идет о проанализированности, обобщенности и т. д. продуктов научного мышления, складывающихся в ходе исторического развития научного знания; в психологии речь идет об анализировании, синтезировании и т. д. как деятельностях

мыслящего индивида». Итак, психология занимается процессом мышления, а логика и теория познания — его продуктом. Нужно, однако, уточнить, что мы здесь понимаем под продуктом.

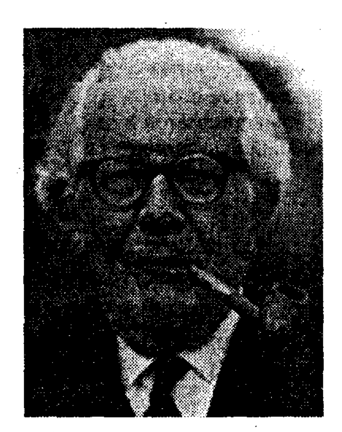
Допустим, мы доказываем теорему, что точка пересечения медиан треугольника делит их в отношении 2 к 1. Под продуктом мышления мы должны понимать не один лишь конечный результат, а всю цепочку вывода от данных условий к доказанному заключению. Процесс же, изучаемый психологией, заключается в выделении нужных свойств геометрических объектов, создании умственной модели и т. д. Процесс мышления может приводить, а может и не приводить к появлению логически правильного продукта. На практике для психологического изучения ошибки часто оказываются более интересными, чем правильное мышление, поскольку они яснее указывают на особенности функционирования механизма мышления.

Возьмем простой пример. Экспериментатор показывает испытуемому две палочки — А и В. Испытуемый констатирует, что А длиннее, чем В. Тогда экспериментатор прячет палочку А и достает вместо нее палочку С. После того, как испытуемый убеждается, что В длиннее, чем С, экспериментатор спрашивает, какая палочка длиннее, А или С. Если испытуемым является нормальный взрослый человек или развитой ребенок старше 7-8лет, он тут же сообразит, что А длиннее. В данном примере на начальном этапе мышления у испытуемого было представление о ситуации, включающее два отношения: A > B и B > C. Затем взрослый испытуемый смог таким образом трансформировать свое представление, что вывел ненаблюдаемое свойство A > C.

С младшими детьми картина иная. Совсем маленький ребенок вообще не сможет понять, какая палочка больше. Дети постарше правильно сравнивают палочки, однако не могут ответить на заключительный вопрос. Например, ребенок до 6-7 лет может сказать, что не видел палочки А и С вместе, поэтому не знает. Самый маленький ребенок, таким образом, не способен даже воспринять отношение A > B. Ребенок постарше может воспринять это отношение, но не способен его помыслить, то есть сделать элементом для вывода ненаблюдаемого свойства. Способность мыслить (выводить ненаблюдаемые свойства) возникает тогда, когда отношения выстраиваются в систему типа A>B> C>D и т. д. Отношения «больше-меньше», таким образом, психологически приобретают смысл только в контексте скоординированной системы всех отношений.

Логично предположить, что сложность трансформации умственной модели зависит от структуры задачи, то есть характера системы отношений, связывающих элементы задачи. Для разных структур сложность вывода умозаключений оказывается различной. Отсюда вытекает сущность структурного анализа в психологии интеллекта.

Заслуга введения структурного анализа в психологию интеллекта принадлежит Ж. Пиаже. Он применил структурный анализ к развитию детского интеллекта. Пиаже систематически исследовал, каким образом ребенок последовательно становится способным мыслить различные структуры, и собрал колоссальный эмпирический материал об особенностях детского интеллекта.

Ж. Пиаже (1896–1980)

Возьмем пример из ранней работы Ж. Пиаже, где у детей до 7-8 лет зафиксированы явления так называемого анимизма и артифициализма.

Анимизм заключается в приписывании одушевленности неодушевленным предметам. Например, ребенок может считать, что облака движутся, чтобы сопровождать нас во время прогулки или чтобы пролить дождь. В объяснении место физической причинности занимает отношение намерения или желания.

Артифициализм - это вера в возникновение предметов и явлений искусственным путем. Например, многие дети, опрошенные Пиаже, считали, что реки вырыты людьми, а из образовавшейся при этом земли возникли горы (следует помнить, что Пиаже проводил свои эксперименты в горной Швейцарии).

Структурный анализ выявляет причину анимизма и артифициализма — отсутствие сформировавшегося понимания причинно-следственных отношений. Дети до 7-8 лет смешивают отношения естественной причинности с отношениями намерения и его реализации.

Важно подчеркнуть, что любая структура может иметь множество конкретных воплощений в содержании. Например, швейцарские дети в конце 1920-х гг. высказывали Пиаже мнение, что Луну сделал «боженька». Московские дети в 1970-х гг. говорили Л. Ф. Обуховой и Г. В. Бурменской, повторявшим эксперименты Пиаже, что Луну установили космонавты. Один и тот же артифициалистский тип объяснения приобретает, таким образом, совершенно различные интерпретации.

Пиаже систематизировал огромный материал по развитию интеллекта ребенка при помощи теории стадий. Как уже говорилось выше, от рождения до 2 лет, по мнению Пиаже, у ребенка развивается сенсомоторный интеллект. С двух лет ребенок уже способен к символическому мышлению. Этот период назван Пиаже стадией дооперационального интеллекта. На этой стадии наблюдается множество феноменов, открытых Пиаже, о которых речь пойдет чуть позже. С 7-8 до 11-12 лет эти феномены исчезают. Эта стадия называется стадией конкретных операций. Но лишь на стадии формальных операций с 11-12 до 15 лет, завершающейся окончательным становлением интеллекта, подросток приобретает способность к осуществлению дедуктивного рассуждения и некоторым другим сложным функциям мышления.

- **Артифициализм — объяснение возникновения предметов и явлений искусственным путем.**

Открытие структурного анализа и разработка методов сбора эмпирического материала составляют непреходящую заслугу Пиаже. В то же время теория стадий и теория группировки операций в настоящее время подвергнуты сильной критике.

К сферам мысли, оперирующим непрерывными величинами, относятся исследованные Пиаже представления о пространстве и времени. Пиаже выделил три рода пространственных отношений: топологические, проективные и эвклидовы.

Топологические отношения относятся к расположенным рядом элементам, осваиваются ребенком раньше других и основываются на группировке операций по сборке-разборке предметов. Проективные и эвклидовы отношения, напротив, связывают элементы на расстоянии и располагают их в упорядоченном пространстве; в случае проективных отношений упорядочивающим фактором является координация точек зрения, проективная прямая, в случае эвклидовых — система координат. Пиаже полагал, что проективные отношения основываются на группировке операций, связанных с маскировкой невидимых частей объекта при смене точки зрения на него. В случае эвклидовых отношений группируются операции перемещения объектов.

Стадии развития детского рисунка, по мнению Пиаже, показывают более раннее возникновение топологических операций по сравнению с проективными и эвклидовыми. Вначале, на стадии неспособности к синтезу, ребенок нарушает все типы пространственных отношений. Для этого возраста типичным является, например, рисунок «головонога», то есть человечка, у которого руки и ноги растут от головы.

Таблица 13.1

Некоторые из известных феноменов, открытых Ж. Пиаже у детей в возрасте до 7-8 лет.

Условия задачи	Действия ребенка до 7-8 лет

Сериация Перед ребенком в беспорядке раскладывают 10 деревянных палочек разной длины. Ребенка просят разложить палочки от самой длинной до самой короткой (faire lechelle).	Ребенок строит серии из 2-3 палочек, затем разрушает их, создает новые такого же размера и т. д.
Включение Перед ребенком кладут 10 деревянных бусинок, из которых 7 зеленых и 3 красных. Ребенка просят сказать, каких бусинок больше: зеленых или деревянных.	Ребенок говорит, что зеленых больше, поскольку красных только три.
Сохранение дискретных величин Перед ребенком ставят вазы и просят подобрать столько цветов, чтобы на каждую вазу приходилось по одному цветку. После того как ребенок ставит по цветку в каждую вазу, цветы собирают в один букет и спрашивают, чего больше — ваз или цветов.	Ребенок считает, что после того, как цветы собираются в один букет, их число не равно числу ваз.

Затем следует фаза «интеллектуального реализма», когда топологические отношения уже соблюдаются, но ребенок еще не координирует разных точек зрения на предмет (проективные отношения) и рисует объект не так, как он выглядел бы с какой-то определенной точки зрения, а так, как этот объект ему известен. Для этой фазы характерен рисунок, на котором разные части предмета представлены в разных ракурсах, «рентгеновские рисунки» и т. д. Наконец, с овладением проективными и эвклидовыми отношениями ребенок вступает в фазу «зрительного реализма».

В экспериментальных исследованиях Пиаже рассмотрел становление проективных отношений (рис. 13-2, 13-3, 13-4, 13-5). Он изучал предсказания детей по поводу формы теней, которые будут отбрасывать предметы при различном их повороте по отношению к источнику света; по поводу того, как будет выглядеть макет, находящийся на столе экспериментатора, при взгляде с другой стороны.

На рис. 13-2 показано, каким образом дети представляют себе сечения некоторых трехмерных фигур. На рис. 13-3 представлены изображения детьми уходящих вдаль рельсов, дороги с тополями и того, как будут видны стрелка и диск при разных углах их поворота. Рис. 13-4 представляет попытки детей разного возраста построить на круглом и прямоугольном столе из игрушечных столбиков прямую линию («линию электропередачи») между столбиками A и B, установленными экспериментатором.

Пиаже показал также постепенное становление эвклидовых отношений в экспериментах по подобию фигур и изображению горизонтали (линии воды в наклонных сосудах). На рис. 13-5 представлено изображение детьми аффинных трансформаций (изменение углов, но не длин сторон) ромба.

Идея работ по времени, скорости и движению возникла у Пиаже, по его собственным словам, в беседах с А. Эйнштейном. Здесь тоже получено немало интересных фактов. Показано, что понятие времени у детей до 7 лет сливается с понятием расстояния. Ребенок отказывается признать, что два поезда двигались одинаковое время, если они прошли разное расстояние.

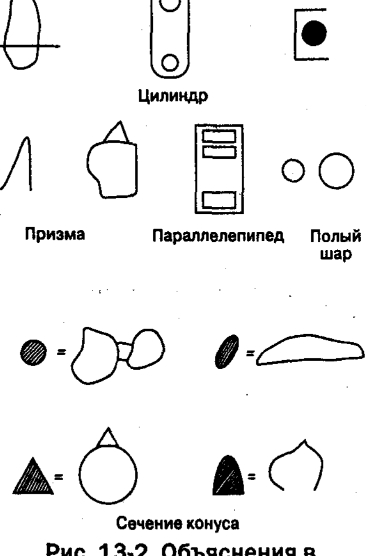

Рис. 13-2. Объяснения в тексте

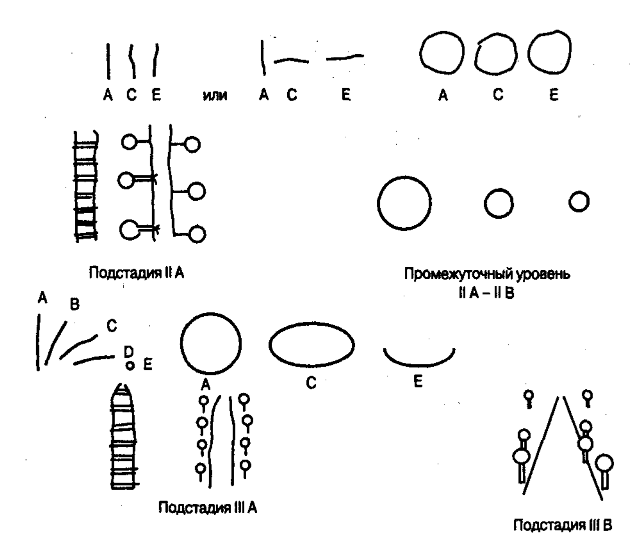

Рис. 13-3. Объяснения в тексте

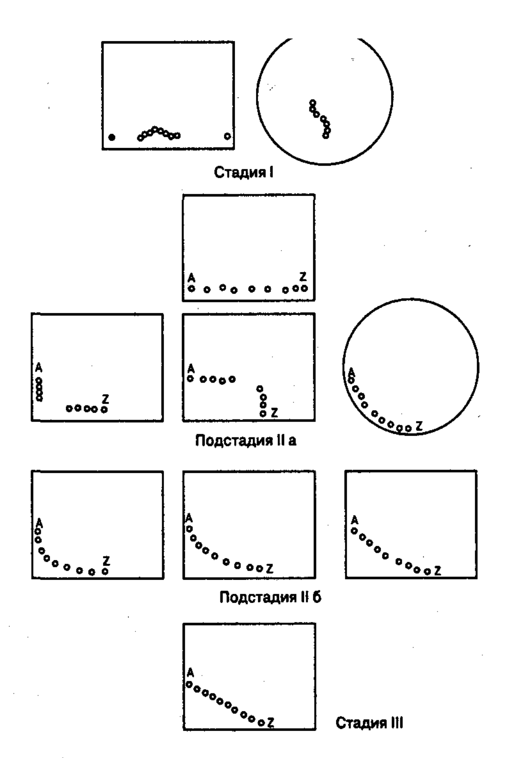

Рис. 13-4. Объяснения в тексте

Он готов считать, что человек А, родившийся раньше человека В, может быть тем не менее моложе, чем В. В эксперименте с водой, льющейся из резервуара в два разных по форме сосуда, было показано, что время наполнения этих сосудов оказывается зависимым в сознании ребенка от формы этих сосудов. Пиаже говорит, что для ребенка существует как бы множество локальных, связанных с различными объектами времен, которые лишь на стадии конкретных операций объединяются в единое ньютоновское время.

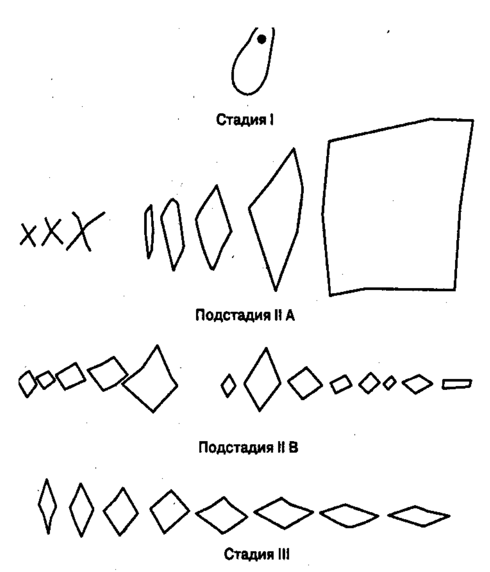

Рис. 13-5. Объяснения в тексте

С 7-8 и до 11-12 лет формирование понятий, о которых говорилось выше, в основном завершается, и описанные феномены у детей исчезают. Однако развитие интеллекта на этом не останавливается. У подростков, согласно Пиаже, должен еще сформироваться так называемый формальный интеллект. Формальный интеллект представляет собой интеллект второго уровня, операции над операциями. Он включает способность к рефлексивному и гипотетико-дедуктивному мышлению, комбинаторике и т. д.

Пиаже, безусловно, удалось добиться впечатляющих результатов. К 1960-м гг. его теория стала доминирующей в области психологии развития интеллекта. Но оборотной стороной повсеместного признания стала усиливающаяся критика (Ушаков Д. В., 1995). В 1970-х и 1980-х гг. было обнаружено столько эмпирических проблем, что теория стадий и теория групп были отвергнуты большинством исследователей.

Наиболее существенной проблемой для теории Пиаже явился «декаляж», то есть неодновременность появления в онтогенезе функций, которые оцениваются теорией как структурно одинаковые. Если учесть, что одновременность онтогенетического развития различных функций является одним из основных положений теории стадий, то легко понять, насколько сильным разрушительным действием обладает декаляж. Собственно феномен декаляжа был открыт и назван самим Пиаже, который, однако, вначале отводил ему роль частного явления, исключения, подтверждающего правило. Со временем выяснилось, однако, что декаляж имеет весьма общий характер.

Исследователи с определенного момента нацелились на то, чтобы показать как можно более раннее появление у ребенка тех функций, которые, согласно Пиаже, должны возникать на стадии конкретных операций, те есть в 7-8 лет. Так, Т. Трабассо на материале сериации, П. Муну и Т. Бауер на сохранении, А. Старки в области понятия числа, Е. Маркман на включении множеств сумели таким образом видоизменить задачи Пиаже, что дети решали их в 5 лет вместо 7-8.

Рассмотрим для примера задачу Пиаже на включение. Е. Маркман предложил заменить название класса собирательным классом. Он предъявлял детям семь цветков — пять маргариток и два тюльпана. На традиционный вопрос Пиаже —«Чего больше: цветков или маргариток?» — дети правильно отвечают не раньше, чем в 7 лет. Но на вопрос Маркмана — «чего больше: цветков в букете или маргариток?» — правильный ответ дети дают значительно раньше. Г. Политцер показал аналогичный результат при вопросе: «Чего больше: маргариток, тюльпанов или цветов?» (Политцер Г., Жорж К., 1996).

Дж. Флейвелл подытожил: маленькие дети способны на большее, чем считал Пиаже, а подростки и взрослые — на меньшее. Важно подчеркнуть, что было показано раннее возникновение оперирования с отношениями, но в строго определенных облегченных экспериментальных условиях.

В настоящее время теория Пиаже находится в довольно своеобразном положении: с одной стороны, практически никто из современных исследователей развития интеллекта не может обойтись без ссылок на факты и их объяснения, данные Пиаже; с другой — никто с Пиаже не согласен. Кроме того, накоплено много новых фактов. Открыты новые сферы, где наблюдаются феномены, сходные с описанными Пиаже.

Одной из наиболее интересных сфер оказалось развитие детских представлений о психике (*child's theory of mind*). В известной работе Виммера и Пернера детям рассказывали про некий персонаж (Макси), который видит, как шоколадку прячут в определенном месте (на кухне). В то время, как Макси уходит, шоколадку из кухни переносят в другое место — в столовую. Теперь Макси возвращается и хочет шоколадку. Детям задают вопрос: где Макси будет искать — на кухне или в столовой? Полученные результаты (дети до 4 лет предполагают, что Макси будет искать в столовой) были интерпретированы в том смысле, что маленькие дети не отличают мысли о предметах (мысль о шоколадке у Макси) от самих предметов (шоколадка).

Некоторые другие факты трудно соотнести с теорией Пиаже. Одни из них, как говорилось выше, свидетельствуют о наличии декаляжей. Другие требуют большего количества подстадий, чем это вытекает из теории Пиаже. К сожалению, в настоящее время не создано синтетической теории, которая могла бы адекватно объяснить все полученные факты. Некоторые теоретики отошли от идеи стадий (Ж. Верньо) и рассматривают умственное развитие как состоящее из множества локальных шагов, связанных с овладением отдельными понятиями.

Неоструктуралисты же сохранили представление о стадиальности развития. Однако они интерпретируют эти стадии по-своему. С их точки зрения, особенности детского интеллекта можно объяснить способами переработки информации. Наиболее часто при этом обращаются к идее детерминации стадий интеллектуального развития объемом кратковременной памяти.

Х. Паскуаль-Леоне, Р. Кейс, К. Фишер и другие считают, что решение сложных задач предполагает возможность одновременно удерживать в сознании значительное число элементов. Способность одновременного удерживания нескольких элементов развивается постепенно (по Х. Паскуаль-Леоне, на одну единицу за два года с возраста от 3 до 15 лет), чем и определяется появление стадий в интеллектуальном развитии.

13.4. Процесс мышления

Как говорилось выше, мышление предполагает создание модели проблемной ситуации и вывод внутри этой модели. Модель создается не на пустом месте, а из «строительных элементов», различных структур репрезентации знаний, находящихся в долговременной памяти. Из этих элементов в поле внимания создается модель, относящаяся только к данной задаче. Мышление, таким образом, — процесс комплексный, в нем задействованы многочисленные психические структуры и процессы, рассматриваемые в других главах учебника.

Первая теория, описывающая процесс мышления, была предложена еще в XIX в. в рамках ассоциативной психологии. Ассоцианисты полагали, что душевная жизнь определяется борьбой между отдельными элементами (идеями) за место в сознании. Объем сознания ограничен, в нем одновременно может находиться небольшое число элементов. Элементы притягивают к себе некоторые другие, т. е. пытаются ввести их в поле сознания, если сами там находятся. Это притяжение между элементами (ассоциация) происходит либо в результате совместного наличия в прошлом опыте, либо по сходству. Например, если наблюдение молнии в моем прошлом опыте сопровождалось тем, что я слышал удар грома, то, вероятно, идея молнии в моем сознании вызовет идею грома. Но также возможно, что эта идея произведет ассоциацию по сходству, например, я подумаю о змее.

Ассоцианисты описывают мыслительный процесс примерно следующим образом. В поле сознания при получении субъектом задачи попадает одновременно условие задачи и цель, которой требуется достигнуть. Условие задачи и цель будут способствовать тому, что в поле сознания попадет такой средний элемент, который связан и с условием задачи, и с целью. Например, если нас спрашивают, смертен ли Сократ, то в нашем сознании появляется идея человека, которым является Сократ и который смертен. По мнению ассоцианистов, мышление начинается с создания представления о проблемной ситуации. Правда, проблемная ситуация понимается ими не как структура, а только как сумма элементов: неважно, в каких отношениях находятся условие задачи и цель, важно лишь, что они присутствуют в сознании.

В современной когнитивной психологии обычно выделяются два этапа в процессе мышления: этап создания модели проблемной ситуации и этап оперирования с этой моделью, понимаемый как поиск в проблемном пространстве. Хотя, как будет видно из дальнейшего, это разделение достаточно условно, мы будем излагать материал в соответствии с этими этапами.

Модель проблемной ситуации возникает не на пустом месте: в ее создании участвуют структуры и схемы знания, находящиеся в долговременной памяти. Здесь происходят те же процессы поиска и извлечения знаний, что и рассматриваемые исследователями памяти. Разница, однако, заключается в том, что процесс мышления требует создания из известных элементов новой модели, тогда как память предполагает простое извлечение того, что было в нее заложено.

Что должна представлять собой создаваемая умственная модель? Рассмотрим две следующие задачи: «На ветке сидело шесть птиц, четыре улетели. Сколько осталось?» и «У Пети было шесть конфет, он съел четыре. Сколько осталось?». Хотя в двух случаях речь идет о совершенно разных объектах, задачи имеют идентичную структуру и для своего решения предполагают одинаковую умственную модель, из которой исключаются семантические подробности и сохраняется лишь «остов», включающий саму структуру, то есть элементы и их отношения. У объектов обрубаются их излишние в контексте задачи семантические характеристики.

Как показывают факты, задачи, обладающие одинаковой структурой при разном содержании, неодинаково сложны для субъекта. Это означает, что структуры хранятся в долговременной памяти вместе с семантической информацией. Другими словами, объекты, о которых мы думаем, уже подталкивают нас к тому, чтобы поставить их в контекст той или иной структуры.

Компьютерная модель ИСААК, разработанная в 1977 г. Дж. Новаком, создает на основании текста школьных задач из области физической статики систему уравнений, которую затем пытается решить, и рисует чертеж условий задачи. Лингвистический анализ, проводимый ИСААКом, стремится свести условия к одному из «канонических рамочных объектов», содержащихся в памяти системы, таких, как твердое тело или массивная точка. Один и тот же физический объект может быть сведен к разным «каноническим рамочным объектам». Например, человек, переносящий доску, может интерпретироваться как точка опоры, а тот же человек, сидящий на доске, — как массивная точка. На следующем этапе ИСААК устанавливает взаимное расположение объектов, создает на этом основании

систему уравнений и рисует чертеж из набора стандартных фигур, зафиксированных в его памяти.

ИСААК моделирует самый простой вариант понимания задачи, при котором уже зафиксирован исходный небольшой набор операциональных структур и существуют простые правила перевода ситуации в эти структуры. Сам же перевод задачи в умственную модель может быть связан и с серьезными трудностями.

Г. Саймон, единственный в настоящее время лауреат Нобелевской премии среди психологов, предложил в 1960-х гг. новое представление процесса решения задач. Рассмотрим это представление на примере шахмат, которые называют дрозофилой когнитивной психологии, поскольку, подобно дрозофиле, шахматы являются удобной моделью изучения других, выходящих за рамки лаборатории явлений, но, как и дрозофила, сами по себе мало интересуют психологов.

В изображенной на рис. 13-6 позиции из шахматной партии черные могут выбрать один из 35 ходов, разрешенных правилами игры. В ответ на каждый из этих ходов у белых есть примерно такое же количество продолжений и т. д. Представим теперь себе эту ситуацию в виде лабиринта. Тогда исходное положение мы можем интерпретировать как комнату, из которой выходит 35 коридоров, каждый из которых ведет в другую комнату, из которой в свою очередь выходит какое-то количество коридоров, ведущих в новые комнаты.

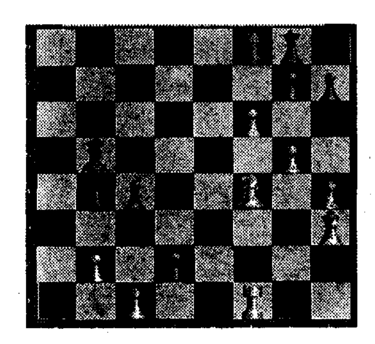

Рис 13-6. Пример позиции из шахматной партии

Этот лабиринт в решении задачи Саймон предложил называть пространством поиска. Ту часть лабиринта, которую субъект уже обследовал к данному моменту решения задачи, Саймон назвал проблемным пространством. С формальной точки зрения, для решения задачи субъект должен произвести такое обследование лабиринта, которое позволит ему найти путь к цели, в случае шахмат — к выигрышу партии. Оптимальным для этого было бы осуществление исчерпывающего поиска, то есть обхода всех коридоров лабиринта. К сожалению, на практике это оказывается невозможным.

Вернемся к позиции, изображенной на рис. 13-6. Игравший в ней черными А. Алехин сделал ход 33.... Фb5-d7+, который, по его собственным словам, был рассчитан на 21 ход (или 41 полуход, то есть ход каждой из сторон) вперед, после чего партия переходила в теоретически выигранный для черных пешечный эндшпиль. Конечно, подобная глубина расчета нетипична: по словам самого Алехина, это наиболее длинная комбинация, рассчитанная им во время практической партии.

Попробуем оценить, сколько вариантов шахматист должен бы был в этом случае рассчитать, если бы он действовал методом полного перебора. Если даже принять, что на каждом ходу был выбор в среднем только из 10 возможностей, то нужно было бы рассчитать 10^{41} вариантов. Это означает, что при скорости счета 1 ход в секунду Алехин, начав расчет в 1922 г., не только не закончил бы его к началу XXI в., но и провел бы в раздумьях без сна, еды и отдыха еще миллиарды лет. Ясно, что такие чудовищные цифры перебора вариантов не имеют никакого отношения к реальному человеческому мышлению, хотя методом полного перебора действует большинство современных шахматных компьютеров, в том числе и *Deep Thought*, победивший чемпиона мира Г. Каспарова.

Для объяснения способности человека выбирать в ходе решения задачи наиболее осмысленные варианты было введено понятие «*эвристика*», то есть такой метод поиска, который со значительной вероятностью позволяет отбирать наиболее удачные способы решения задачи. Рассмотрим пример одной из таких эвристик, пожалуй, наиболее простой. Она называется «эвристикой самого крутого подъема». Представим себе человека, прогуливающегося по неровной местности и поставившего себе цель забраться на вершину самого высокого холма. Местность испещрена тропинками, которые постоянно ветвятся. Для того чтобы сократить число неудачных попыток, человек может

воспользоваться правилом: выбирать всегда ту тропинку, которая круче всех поднимается вверх. Это и есть эвристика самого крутого подъема.

- **Эвристика — метод поиска, который со значительной вероятностью позволяет отбирать наиболее удачные способы решения, задачи.**

Итак, эвристики позволяют сократить дерево перебора. Но являются ли они адекватным описанием человеческого мышления? Вряд ли на этот вопрос можно ответить положительно. Конечно, в ситуации прогулки по пересеченной местности рассмотренная эвристика действительно может применяться человеком. Но выбор тропинки, ведущей вверх, не идет ни в какое сравнение по насыщенности мыслительной деятельности с теми же шахматами, а в отношении решения собственно интеллектуальных задач применение эвристики кажется маловероятным.

Описанная эвристика, как, впрочем, и все другие, не гарантирует успеха: самый крутой подъем может вести на вершину не самого высокого, а второстепенного холма, все же эвристика увеличивает вероятность того, что рассматриваемый вариант ведет к успеху. Легко можно представить, как приложить такую эвристику к другим задачам. Например, в шахматах она может означать первоочередное рассмотрение ходов, приводящих к материальному перевесу, занятию центра фигурами, ослаблению прикрытия вражеского короля и т. д. Используя несколько более изощренный вариант рассмотренной выше эвристики (так называемый «анализ целей и способов»), А. Ньюэлл и Г. Саймон создали программу «Общий решатель задач», которая оказалась способной, в частности, доказать 2/3 теорем одного известного математического трактата.

Вновь возьмем для примера шахматы. Фактически в процессе размышления над ходом происходит не столько выбор из вариантов, сколько включение в модель новых отношений между фигурами. Любая достаточно сложная шахматная позиция включает очень большое число отношений между фигурами. Создавая модель ситуации, шахматист по необходимости отбирает только некоторые из них, наиболее существенные с его точки зрения. На основе этих отношений и строится «проблемное пространство». В процессе обдумывания выявляются новые отношения, те, которые раньше не воспринимались как существенные. Например, установление угрозы вилки с какого-либо поля делает существенным отношение фигуры, защищающей это поле. Только наличие представлений об отношениях фигур может объяснить такие употребляемые при анализе партии термины как угроза, защита, подготовка хода.

Психологически поиск в проблемном пространстве неотличим от предыдущего этапа — создания представления о задаче. Появление какого-либо хода среди рассматриваемых шахматистом при обдумывании есть результат установления отношений фигур, которые и составляют представление о ситуации. Для объяснения того, что происходит при размышлении шахматиста над ходом, можно воспользоваться термином С. Л. Рубинштейна «анализ через синтез»: выявление новых отношений фигур (анализ) происходит в результате переосмысления позиции и постановки новых целей (синтез).

А. В. Брушлинский (1979, с. 154-159) пишет: «...Человек ищет и находит решение мыслительной задачи не по принципу выбора из альтернатив, а на основе строго определенного, непрерывного, но не равномерно формирующегося прогнозирования искомого». И далее: «...Наши эксперименты показывают, что заранее данные, равновероятные и четко отделенные друг от друга альтернативы выбора могут стать таковыми не в начале, а лишь к концу предшествующего им живого процесса мышления. Вот почему, даже когда в ходе такого процесса субъект последовательно анализирует несколько формируемых им способов решения задачи, этот сам по себе существенный факт все же не означает дизъюнктивной ситуации выбора из соответственно нескольких альтернатив. Чтобы выступить в качестве альтернатив, они должны сначала возникнуть и постепенно сформироваться. Полностью сформироваться они могут лишь в конце, в результате живого мыслительного процесса... мышление выступает как выбор из альтернатив не в психологическом, а в формально-логическом плане (когда акцент ставится на уже готовые продукты мыслительной деятельности безотносительно к живому психическому процессу, в результате которого они формируются)».

А. В. Брушлинский (род. 1933)

13.5. Мышление и творчество

Мышление тесно связано с открытием нового, с творчеством.

Однако творчество не может быть отождествлено с мышлением. Мышление, как говорилось выше, — это один из видов познания. Творчество же возможно не только в познании. Наиболее ясный пример — творчество в искусстве. Основой искусства является создание прекрасного. Для этого часто требуется познание, но не оно составляет сущность прекрасного.

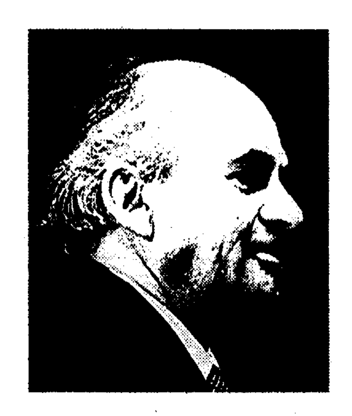
Примечательно, что, казалось бы, родственное поэтическому творчество писателя-прозаика осознается писателями совсем по-другому. Дело, по-видимому, заключается в том, что предмет творчества писателя — образ или сюжет — оформляется в языке, что требует скорее техники, чем вдохновения. В поэзии процесс творчества происходит в момент связывания мысли со словом, в результате чего технический процесс оформления мысли практически отсутствует. В результате в работе прозаика значительное место занимает стадия реализации замысла. В этом плане поэзия является, возможно, наиболее чистым видом творчества.

Различия между видами творчества станут еще более явными, если мы рассмотрим работу ученого или изобретателя. Многочисленные исследования, выполненные биографическим методом, позволили установить типичную последовательность стадий, которую проходит процесс научного открытия. Наиболее известное описание стадий предложено Уолласом, хотя есть сходные классификации и у других авторов.

На первом этапе ученый предпринимает длительные и упорные попытки найти решение проблемы, как правило, без особого успеха. Затем следует пауза, период отдыха, после которого в голову может неожиданно прийти нужная идея. Таким образом, для того чтобы идея появилась, необходим определенный период «инкубации», когда человек ничего не предпринимает сознательно, но тем не менее помимо его сознания происходит какая-то скрытая работа, проявляющаяся затем в «озарении». На последнем этапе ученый разрабатывает идею и находит решение проблемы.

Процесс творчества связан с особенностями задач. В случае научного творчества задача заключается в познании, в случае искусства — в создании. В этом плане творчество инженера приближается к писательскому труду. В искусстве познание (как сбор впечатлений и материалов для произведения) предшествует собственно творчеству. В случаях познания, описанных Пуанкаре и другими, цель более точно определена, вернее, определяется интеллектуально до творчества. В искусстве произведение не отвечает никакой особой цели. В то же время оба вида творчества явно имеют общие черты, среди которых центральная – доминирующая роль неосознанных процессов.

С чем связана активная роль бессознательного в процессах творчества? Свой ответ на этот вопрос предлагает теория крупного отечественного исследователя творческого мышления Я. А. Пономарева.

Я. А. Пономарев
(1920–1997)

Выше говорилось, что наиболее тонкий момент в процессе мышления связан с созданием модели проблемной ситуации из набора структур и схем зданий, хранящихся в долговременной памяти человека. В случае относительно простой задачи субъект обладает хорошо структурированными знаниями, которые позволяют ему достаточно легко создать адекватную модель. Однако отсутствие таких структур в долговременной памяти превращает задачу в творческую.

Пономарев выделил два вида опыта (то есть знаний, хранящихся в памяти субъекта): интуитивный и логический. Интуитивный опыт обладает весьма своеобразными свойствами. Он может быть назван бессознательным по двум причинам: во-первых, он образуется помимо воли субъекта и вне поля его внимания; во-вторых, он не может быть произвольно актуализирован субъектом и проявляется только в действии. Логический опыт, напротив, осознан и может быть применен при возникновении соответствующей задачи.

Что касается собственно мышления, то здесь можно добавить еще и следующее. Известный психолог начала века О. Зельц различал продуктивное и репродуктивное мышление. Продуктивное мышление, в отличие от репродуктивного, предполагает появление нового продукта: знания, материального объекта, произведения искусства. В отечественной психологии разделение продуктивного и репродуктивного мышления проводила 3. И. Калмыкова. С ними не согласен А. В. Брушлинский, который полагает, что в самом понятии мышления заложено появление нового. В противном случае речь идет не о мышлении, а о памяти. Действительно, если мышление связано с переходом от одного состояния умственной модели к другому, оно неизбежно связано с новизной. Все сказанное, однако, не исключает того, что мышление может быть в большей или меньшей степени творческим. Понятно, что заключение по мокрой крыше о том, что прошел дождь, вряд ли можно поставить на одну доску, например, с открытием Ньютоном законов динамики.

Из различных видов искусства литература, вероятно, несет в себе больше всего элементов познания. Например, психологический роман XIX в. включал много интересных психологических наблюдений. И хотя подобного рода замечания о жизни и придают дополнительный интерес художественной литературе, не они составляют ее суть: ведь не будем же мы считать произведением искусства учебник по психологии, даже если бы содержащиеся в нем знания были во много раз богаче тех, что можно найти во всех романах Л. Толстого, вместе взятых. В еще большей мере подобные замечания относятся к музыке или живописи.

Психология является по преимуществу экспериментальной наукой: большинство ее теорий и моделей основано на фактах, добытых в лабораторных условиях. Однако далеко не все интересные психологические феномены на сегодняшний день можно смоделировать экспериментально. К таким феноменам относятся и многие аспекты творчества, которое в реальных условиях вытекает из всего контекста жизни человека, порой годами идущего к главному произведению или открытию своей жизни. В связи с этим большой интерес для психологии представляют свидетельства талантливых людей о процессах их творчества. Самоотчеты, вызывающие доверие своей согласованностью, подчеркивают значительную роль бессознательного. Эти свидетельства, однако, выявляют разную картину в сферах художественного и научного творчества.

Почти общим местом у поэтов оказывается утверждение, что творчество происходит у них как бы само по себе, без их участия, под чью-то диктовку. Процесс поэтического творчества не удается произвольно вызвать, его результат не соответствует ожиданию, творчество приводит к перерождению

человека, оно становится притягательным, как наркотик. Этап озарения у ученых является мгновенным против достаточно долговременных периодов вдохновения у поэтов. Озарение ученого направлено на заранее поставленную цель, тогда как у художника результат нередко уходит от цели. Наконец, подготовительный этап носит совершенно различный характер. Если у ученого он достаточно выражен и связан с сознательными попытками достижения цели, то у художника он, по-видимому, неотличим от суеты повседневной жизни. Собирание материала для поэмы является прообразом этой подготовительной работы, которая не служит достижению цели, а лишь заготавливает материал.

Рассмотрим факты. Типичный эксперимент Я. А. Пономарева строился по следующей схеме. Испытуемому давалась задача, где, сознательно стремясь к некоторой цели, он попутно должен был совершить ряд предметных преобразований, непосредственно на достижение этой цели не направленных. Таким образом, в этой задаче формируется как прямой, так и побочный продукт действия.

Пономарев приводил такой житейский пример для различения прямого и побочного продукта. Ветер из открытого окна сдувает находящиеся на столе бумаги. Чтобы они не улетали, работающий за столом пользуется каким-либо тяжелым предметом. При этом ему безразлично, берет он камень, пепельницу или что-либо еще и на какое именно место листа бумаги кладет его. Прямой продукт действия здесь связан лишь с некоторыми свойствами предмета (объем, масса), существенными с точки зрения цели действия. Другие же свойства предмета (цвет, текстура, некоторые особенности формы) и его положение на листе образуют побочный продукт, не связанный непосредственно с успехом действия.

После завершения первого задания испытуемому давалось следующее, которое проверяло, какой опыт сложился у испытуемого в итоге выполнения первого. Точнее, выяснялось, в каких условиях испытуемые могут воспроизвести те свойства предметов, которые связаны с побочным продуктом действия. В одном из конкретных вариантов своих экспериментов Пономарев просил испытуемых образовать рисунок из фрагментов, находящихся на разных планках. Когда испытуемые выполняли задание, складывающийся рисунок был, естественно, прямым продуктом их действия, и после окончания опыта они легко могли вспомнить, какие рисунки они сложили.

Расположение планок при решенной задаче не было непосредственно связано с целью, которую испытуемый преследовал, оно было побочным продуктом. Когда испытуемого просили сделать чертеж расположения планок или дать словесный отчет, то он оказывался неспособным сделать это, по крайней мере в отношении последних задач. Однако это не означает, что побочный продукт не запечатлевался совсем: те же самые испытуемые могли верно воспроизвести расположение, раскладывая сами планки на столе в перевернутом виде, то есть без опоры на рисунок. Следовательно, в ходе нашей деятельности складывается не только сознательный, но и особый интуитивный опыт, который включает в себя то, что не связано с целью действия и по этой причине не находится в поле нашего внимания. Те свойства предметов, которые не попадают в поле нашего внимания, не исчезают для нас совсем, но и не доступны нашему сознательному контролю. Интуитивный опыт, складывающийся вне сознательного желания субъекта, проявляется только в его действиях.

Пономареву удалось выявить и некоторые другие любопытные свойства интуитивного опыта. В еще одном его эксперименте испытуемым давалась задача «Политипная панель», где от них требовалось надеть по определенным правилам серию планок на панель. Форма итогового расположения планок на панели была побочным продуктом действия. После того как испытуемые относительно легко выполняли задание, им давалась следующая задача, состоявшая в нахождении пути в лабиринте. Идея эксперимента заключалась в том, что оптимальный путь в лабиринте повторял по форме итоговое расположение планок в задаче «Панель».

Результат оказался следующим: если в обычных условиях, проходя лабиринт, испытуемый совершал 70-80 ошибок, то после решения задачи «Панель» — не более 8-10. Самое удивительное, однако, состояло в том, что стоило только потребовать от испытуемого объяснить причину выбора пути в лабиринте, как число ошибок вновь резко возрастало. Пономарев сообщает, что когда он на середине пути ставил этот вопрос испытуемым, совершившим до того 2-3 ошибки, во второй половине пути они совершали 25-30 ошибок. Основной теоретический вывод, который можно сделать из описанного эксперимента, состоит в том, что люди могут функционировать в различных режимах. В хорошо осознанном логическом режиме они не имеют доступа к своему интуитивному опыту. Если же в своих действиях они опираются на интуитивный опыт, то тогда они не могут осуществлять сознательный контроль и рефлексию своих действий.

При решении задачи, которая не является принципиально новой для субъекта, решающий,

функционируя на логическом уровне, актуализирует нужные знания и создает адекватную модель. При столкновении с необычной задачей логические знания субъекта оказываются недостаточными. Тогда функционирование психического механизма, по выражению Пономарева, «спускается» на более интуитивные уровни.

В сфере интуиции опыт менее структурирован, но более богат, поэтому там субъекту иногда удается найти ключ к решению задачи. Это нахождение ключа, как и вся деятельность на интуитивном уровне, эмоционально (рис. 13-7). Если принцип решения на интуитивном уровне найден, субъекту нужно еще оформить его в виде хорошо структурированной модели, перевести на логический уровень. Решающий, как говорил Пономарев, «карабкается» по уровням психологического механизма.

Рис. 13-7. Экспериментальное исследование роли эмоций при решении задач

Теория Пономарева позволяет объяснить описанные выше стадии творческого процесса. Вначале происходит подготовка — субъект безрезультатно использует логические методы решения. Затем наступает фаза созревания: решающий оставляет сознательные попытки, однако взамен включается интуитивный уровень мышления. Эта фаза может завершиться эмоционально окрашенным озарением. Затем остается вновь провести логическую работу по реализации замысла.

Кстати, на важность мало структурированного и порой противоречивого знания обращает внимание другой известный исследователь мышления Н. Н. Поддьяков. По его мнению, именно такое знание образует область роста и развития мышления.

13.6. Индивидуальные особенности интеллекта

Исследование индивидуальных различий интеллекта началось в XIX в., когда Ф. Гальтон заинтересовался проблемой наследуемости гениальности. В 1911 г. появился первый тест для оценки умственного развития детей, созданный французами Бине и Симоном. С тех пор психологами разработано немало тестов интеллекта.

Появление тестов открыло заманчивую возможность операционализации теоретического понятия интеллекта. Для эмпирической науки, какой является современная психология, момент операционализируемости понятий является принципиально важным. Допустим, мы хотим изучить проблему зависимости развития умственных способностей человека от его наследственности и окружающей среды. Чтобы сделать это, современная наука уже не может оставаться на уровне общих рассуждений, а должна собрать соответствующие факты. Эти факты необходимо предполагают тем или иным образом проведенное измерение интеллектуальных способностей. Возникает, однако, вопрос, насколько адекватно тесты измеряют то, что мы вкладываем в понятие ума. Тесты интеллекта представляют собой набор относительно несложных задач с единственным правильным ответом. Тестируемый должен решить в отведенный интервал времени (обычно 20-40 мин.) как можно большее количество из этих задач. Достаточно сомнительно, что эта процедура является адекватным выражением процесса мышления.

При оценке роли тестов интеллекта последнее слово принадлежит фактам. Эти факты касаются связи показателей тестов с реальными творческими достижениями в жизни и результатами выполнения других заданий на творчество. В лонгитюдном исследовании, проведенном с американским размахом,

Л. Термен и его сотрудники 1921 г. обследовали по тестам интеллектуального развития около 150 тыс. школьников Калифорнии в возрасте от 8 до 12 лет. Из них было отобрано 1528 детей (то есть примерно 1 из 100), показавших наиболее высокие результаты. Затем через 6-7,11-19, 30-31 и 60 лет были проведены контрольные исследования жизненных успехов, которых добились высокоинтеллектуальные дети. Выяснилось, что практически все члены выборки Термена добились высокого социального статуса. Все они закончили школу, а 2/3 — университет. Каждый восьмой стал доктором наук. Через 30 лет после первого обследования (то есть примерно к сорокалетнему возрасту) членами выборки Термена было опубликовано 67 книг, получено 150 патентов. Эти показатели в 30 раз превысили уровень контрольной выборки. Кстати, доход среди членов группы был в четыре раза выше среднего по США. В то же время констатируется, что ни один из обследуемых не проявил исключительного таланта в области науки или искусства, который можно было бы рассматривать как вклад в мировую культуру (Дружинин В. Н., 1995,с. 104).

Появление тестов интеллекта позволило поставить ряд исследовательских проблем. Одна из этих проблем, вызвавшая огромный поток работ, — структура интеллектуальных способностей. Означает ли высокий интеллект в сфере, допустим, математики, что человек будет высокоинтеллектуальным в области гуманитарных рассуждений? Или эти способности независимы? Такого рода вопросы сводятся к более общему: существует ли общий механизм выполнения любой интеллектуальной деятельности или различные ее виды выполняются отдельными локальными механизмами?

Для ответа на эти вопросы развилось целое направление исследований, использующее факторный анализ в сфере интеллектуальных тестов. Примечательно, что именно для решения задачи исследования интеллектуальных способностей и был создан этот математический метод. Для понимания дальнейшего необходимо кратко пояснить суть факторного анализа. Представим, что мы даем нашим испытуемым две задачи. Для простоты возьмем примеры, не относящиеся к сфере психологии: пусть это будет задача достижения максимальной мощности на велоэргометре и задача приседания со штангой. Допустим, что выполнение этих задач требует от человека одного и того же свойства — силы ног. Тогда те испытуемые, которые обладают этим свойством, будут хорошо справляться и с первой задачей, и со второй. Те же люди, у кого ноги слабые, будут справляться с обеими задачами плохо. В математических терминах это означает, что между задачами будет наблюдаться высокая корреляция.

Предложим теперь нашим испытуемым другие задачи, предъявляющие высокие требования, допустим, к скорости реакции. Пусть это будет нажатие кнопки при предъявлении зрительного стимула и способность поймать мяч, пущенный с близкого расстояния. Эти задачи будут коррелировать друг с другом, однако корреляция этих задач с первыми двумя будет низкой, скорее всего — близкой к нулю. Те люди, у которых быстрая реакция, не обязательно обладают большой силой ног. Таким образом, если мы предъявим большое количество задач большому количеству испытуемых, то высокая корреляция между какими-либо задачами будет свидетельствовать о том, что в их решении участвует некоторый общий механизм (или механизмы). Факторный анализ является таким математическим методом, который позволяет свести эти корреляции воедино и выявить их организующие принципы. Подробнее о факторном анализе можно прочитать в многочисленных руководствах (Харман, 1973)

К. Спирмен, положивший в 1927 г. начало разработке факторного анализа, полагал, что существует единый фактор, определяющий успешность решения задач от наиболее сложных математических до сенсомоторных проб. Он назвал его фактором G (от англ. *general* — общий). Решение любой конкретной задачи человеком зависит от развития у него как способности, связанной с фактором G, так и от набора специфических способностей, необходимых для решения узкого класса задач. Эти специальные способности носят у Спирмена название S-факторов (от англ. *special* — специальный). Между общим фактором и частными в этой модели постулируется существование факторов промежуточной степени общности, которые участвуют в решении достаточно широких классов задач. Спирмен выделил три промежуточных фактора интеллекта: числовой, пространственный и вербальный. Роль фактора G наиболее велика при решении математических задач и задач на понятийное мышление. Для сенсомоторных задач роль общего фактора уменьшается при увеличении влияния специальных факторов.

Главным оппонентом Спирмена стал другой американский ученый, Л. Терстоун, который отрицал наличие фактора G. По мнению Терстоуна, существует набор независимых способностей, которые определяют успешность интеллектуальной деятельности. Из 12 выделенных им способностей в экспериментальных исследованиях чаще всего подтверждается семь: словесное понимание, речевая беглость, числовой фактор, пространственный фактор, ассоциативная память, скорость восприятия,

индуктивный фактор.

Наибольшего влияния из факторных теорий к началу 1970-х гг. добилась, пожалуй, «кубическая» модель Д. Гилфорда, который пытался использовать факторный анализ не для поиска основных способностей, а для подтверждения априорно выдвинутой теории. Он считал, что наши способности определяются тремя основными категориями: операциями, содержанием и продуктами. Среди операций в исходном варианте своей модели Гилфорд (1965) различал познание, память, дивергентное и конвергентное мыщление и оценку, среди содержаний — образное, символическое, семантическое и поведенческое; среди продуктов — элементы, классы, отношения, системы, преобразования, предвидения (рис. 13-8).

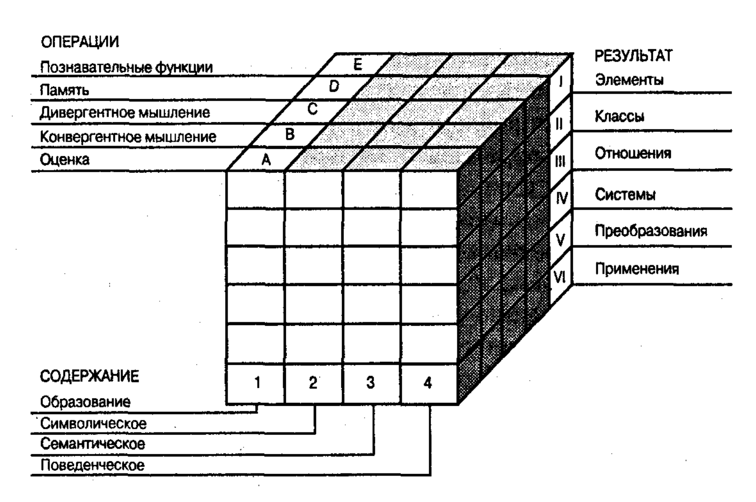

Рис. 13-8. Модель интеллекта по Дж. Гилфорду

Любая задача имеет тот или иной вид содержания, предполагает осуществление определенной операции, которая приводит к соответствующему продукту. Например, задача, где требуется получить слово, вставив гласные буквы в «з_л_в» (слово «залив»), разворачивается на символическом материале (буквы), связана с операцией познания и приводит к элементу в качестве продукта. Если же мы попросим испытуемого продолжить ряд «лом — мол, куб — бук, сон — нос...», то, по мнению Гилфорда, это будет задача на конвергентное мышление, относящееся к отношениям, на символическом содержании. В общей сложности, таким образом, выделяется 4x5x6=120 типов задач (в более поздней версии теории — 150), каждому из которых соответствует определенная способность.

Для обоснования своей теории Гилфорд систематически использовал так называемый конфирматорный факторный анализ с субъективным вращением. Этот вариант факторного анализа направлен не на то, чтобы автоматически выявлять факторы, а на то, чтобы подтвердить или не подтвердить факторную модель, заложенную исследователем. В настоящее время, однако, математические методы Гилфорда подвергнуты резкой критике. Показано, что его данные могут быть легко объяснены, исходя из другой факторной модели (Стернберг Р., Григоренко Е. Л., 1997).

Среди категорий, выделенных Гилфордом, одна вызвала наибольший интерес у последующих исследователей. Речь идет об операции дивергентного мышления. По мысли Гилфорда, дивергентное мышление — это мышление в разных направлениях, при котором получается множество возможных решений, а не один правильный ответ. Например, в одном из тестов дивергентного мышления испытуемого просят за восемь минут перечислить все возможные способы употребления кирпича. Если испытуемый говорит, что из кирпича можно построить дом, амбар, гараж, школу, камин, аллею, то можно считать, что он обладает высокой беглостью ответов (много различных предложений), но низкой, гибкостью (все ответы однотипны). Субъект, обладающий высокой гибкостью, может перечислить, например, следующие варианты употребления: зафиксировать дверь, сделать груз для бумаги, заколотить гвоздь, сделать красную пудру, подложить под колесо машины, использовать как подставку для сковородки. Эти ответы различаются также по оригинальности: некоторые из них приходят в голову практически всем людям из одной социальной группы, другие — лишь единицам. Интерес к проблеме дивергентного мышления определялся тем, что оно рассматривалось Гилфордом как основной компонент творческих способностей. Е. Торранс, последователь Гилфорда, разработал тест креативности, который является довольно популярным, в том числе в нашей стране.

Психометрическое определение интеллекта, то есть то, что измеряют тесты интеллекта на сегодняшний день, является очень эмпирическим, не имея солидной теоретической базы, и несравненно уже, чем способность к мышлению. Кроме того, появившееся в русле психометрического подхода понятие «креативность» отобрало часть нагрузки у понятия «интеллект». Существующие на сегодняшний день способы измерения интеллекта отстают от теоретического определения этого понятия. В результате к тестовым оценкам интеллекта нужно относиться с определенной осторожностью.

13.7. Возрастные, половые и социальные особенности интеллекта

Существует высокая корреляция между измерениями интеллекта у одного и того же человека в разном возрасте. Другими словами, если человек в детстве, например, в 6 лет демонстрирует высокий тестовый интеллект, то с большой вероятностью и в 15, и в 30, и в 70 лет он будет показывать высокие результаты по интеллектуальным тестам (естественно, относительно людей своего возраста). Эти высокие корреляции выявлены для тестов, измеряющих репрезентативный интеллект, которые могут использоваться никак не раньше, чем с 3 лет. В первые же два года жизни, как отмечалось выше, интеллект ребенка развивается не в репрезентативной, а в сенсомоторной сфере. Созданные для оценки сенсомоторных способностей тесты, однако, не позволяют предсказать последующих достижений в сфере репрезентативного интеллекта. В то же время в психологической литературе существуют данные, позволяющие считать хорошим признаком развития интеллекта в будущем заинтересованность младенца при реакции на новые объекты. Следует подчеркнуть, что связь способностей в раннем и более позднем возрасте носит статистический характер. Другими словами, высокий уровень интеллекта у ребенка дает серьезные основания надеяться на высокий уровень интеллекта во взрослом возрасте, но не является стопроцентной гарантией.

Многие выдающиеся люди отличались в детстве большими способностями. Одним из самых феноменальных образцов ранней одаренности был Блез Паскаль. Хилый, легко возбудимый, болезненный от рождения, он был изолирован отцом от языков и математики, которым обучали его сестер. Но, живя в одном с ними доме, слушая их разговоры, он так быстро впитывал знания, что к четырем годам не только читал и писал, но и с необыкновенной легкостью производил в уме сложные вычисления.

Как-то Блез, которому тогда было 9 лет, услышал за обедом звук, издаваемый посудой при ударе. Не удовлетворившись объяснением отца, он несколько дней экспериментировал, стуча по разным предметам. Итогом стал «Трактат о звуках», вывод которого состоял в следующем: звук возникает от сотрясения частиц ударяемого предмета, эти сотрясения достигают нашего уха через воздух, сила звука пропорциональна размаху колебаний, тон — частоте колебаний вещества.

Стоило отцу рассказать сыну о существовании геометрии и о принципах построения фигур, как воображение ребенка заработало с такой силой, что несколько дней спустя, еще ничего о геометрии не зная, он вторично изобрел геометрию, самостоятельно дойдя до 32-го предложения первой книги Евклида: сумма углов треугольника равна двум прямым. Когда же в руки 12-летнего Блеза попали учебники, через считанные месяцы он уже превзошел своего учителя — отца. С 13 лет юный Паскаль на равных участвовал в заседаниях математического кружка Мерсенна.

Не стоит, однако, думать, что не существует противоположных примеров, хотя они и встречаются значительно реже. Один из наиболее известных — Альберт Эйнштейн, который в 15-летнем возрасте был исключен из гимназии за неуспеваемость. Теперь, правда, трудно определить, в чем здесь заключалось дело: в чрезвычайно позднем развитии интеллекта у Эйнштейна или в том, что учителя не распознали способности необычного ученика. Как сообщает Е. Торранс, 30 % учеников, исключаемых из американских школ, составляют интеллектуально одаренные дети. Наиболее печальна участь тех вундеркиндов, которым не суждено во взрослом возрасте осуществить что-либо, достойное надежд, которые они подавали в детстве. Таковы судьбы певца Робертино Лоретти и маленькой французской поэтессы Мину Друэ.

Если мы будем при помощи тестов измерять интеллект у людей разного возраста, то выявим следующую закономерность. До 17-18 лет интеллект с возрастом повышается, переживая как периоды бурного роста, так и временного замедления поступательного движения. Так, при быстром прогрессе в районе 7 и 11 лет около 12-летнего возраста подросток по причине гормональных перестроек может

даже несколько снизить свои результаты. Затем в течение некоторого времени показатели остаются неизменными, после чего происходит снижение интеллекта с возрастом. Разные тесты имеют несколько разные графики. По тем тестам, которые предполагают использование накопленного опыта, показатели испытуемых позднее достигают максимума и значительно позже начинают снижаться. Способность же решать задачи на выявление связей, не относящихся к прошлому опыту, раньше формируется, но и обнаруживает тенденцию к снижению в более раннем возрасте. На рис. 13-9 представлен график зависимости интеллекта от возраста, составленный на основании использования теста Равена. Как хорошо видно на графике, среди более интеллектуально развитых испытуемых снижение происходит существенно позже и значительно слабее выражено, чем у менее развитых.

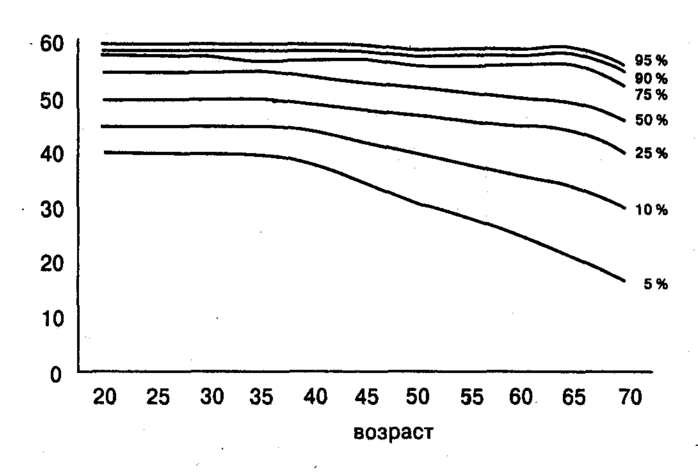

Рис. 13-9. Продуктивная способность как функция возраста

Можно ли по приведенным данным сделать вывод, что у человека уже в 35-40 лет способности претерпевают обратное развитие? Оказывается, нет. Дело в том, что нужно учесть еще одно явление — интеллектуальную акселерацию. За почти целое столетие, прошедшее со времени создания первого теста, было накоплено множество данных о нормах интеллекта для разного времени и разных стран. Эти данные показывают, что средние результаты решения тестов на интеллект в большинстве стран мира неуклонно и достаточно существенно растут. Так, по выборке США результаты по тесту Равена возрастают на одно стандартное отклонение за поколение. Это означает, что 50 % бабушек и дедушек во времена их внуков в США были бы отправлены в школы для отстающих детей. Следствием интеллектуальной акселерации является то, что люди более старшего возраста, в меньшей степени испытавшие влияние этого процесса, показывают не столь высокие показатели не в результате возрастного снижения, а по причине того, что их поколение в целом демонстрирует менее высокие результаты. Если внести поправку на интеллектуальную акселерацию, то регресс в 40-летнем возрасте окажется иллюзорным.

Если интеллект достигает максимальных значений уже в очень молодом возрасте, то успех в интеллектуальной профессиональной деятельности приходит значительно позднее. Для того чтобы обладать развитым мышлением в сфере, например, математики и биологии, нужно не только быть умным человеком, но и овладеть рядом специальных умений. Речь идет не о знаниях, а именно об умениях: например, профессор математики или физики отличается от аспиранта не столько объемом знаний, сколько способностью ставить и решать задачи. Для овладения этими умениями требуется длительная работа. Г. Саймон, исследуя шахматистов, предложил правило «десятилетней практики»: для достижения международного уровня человек должен заниматься шахматами не менее 10 лет. Максимального для себя результата человек достигает еще позднее. Исследования выявили аналогичные закономерности и в других профессиональных сферах. Отсюда следует, что наиболее высокие результаты в профессиональной деятельности люди демонстрируют обычно после 35 лет.

Д. Саймонтон на основании изучения биографии 2026 ученых установил, что выход на уровень высших профессиональных достижений происходит в среднем в возрасте от 37-38 (для химиков, математиков и физиков) до 42 лет (для медиков и представителей наук о Земле). Саймонтон считает, что эти достижения связаны не столько с возрастом ученого, сколько с продолжительностью его карьеры. Те ученые, научная карьера которых началась не в 20, а в 30 лет, по мнению Саймонтона, придут к своим высшим достижениям не в 40, а в 50 лет и будут продуктивными до более позднего

возраста. В шахматах пик успехов достигается несколько раньше, чем в науках, и приходится в среднем на 35-летний возраст. Аналогично практическая мудрость, умение ориентироваться в жизненных ситуациях еще долго развивается после того, как формирование психометрического интеллекта завершилось. Поэтому недаром Конституция США разрешает баллотироваться на пост президента страны людям не моложе 35 лет.

Вернемся теперь к проблеме интеллектуальной акселерации. Ее причины остаются не вполне ясными. Можно было бы предположить, что причиной роста интеллекта является совершенствование системы образования. Однако рост интеллекта в дошкольном возрасте, то есть до того, как ребенок подвергнется влиянию системы образования, ничуть не уступает тому, что отмечается в более позднем возрасте. Более того, из множества программ, специально созданных для развития интеллекта у детей, лишь очень немногие достигают результата, причем результата весьма скромного. Аналогичным образом должно быть отметено предположение о положительном влиянии телевидения: интеллектуальная акселерация наблюдается в различных странах, независимо от распространения там телевидения.

Дж. Равен считает, что причина лежит в улучшении питания, здравоохранения и гигиены. В пользу этого предположения свидетельствует тот факт, что параллельно с интеллектуальной идет и физическая акселерация: увеличение роста, веса людей и их атлетических возможностей. Известен также постоянный рост мировых рекордов в спорте: в некоторых дисциплинах рекорды с начала века повысились на величину около 50 %. Кроме того, существует уже достаточно свидетельств того, что дети высокоинтеллектуальных родителей также с большой вероятностью имеют высокий интеллект. Это происходит как по причине генетической передачи, так и в результате положительного влияния воспитания интеллектуальных родителей. Семья, таким образом, выступает основной ячейкой передачи интеллекта в обществе.

Интересные данные получены по влиянию семьи на интеллектуальное развитие детей. Р. Зайонц исследовал зависимость интеллекта детей от их количества в семье, порядка и интервала их рождения (рис. 13-10). Для этого он ввел понятие «интеллектуальный климат», который определяется средним интеллектом членов семьи. Если интеллект взрослого можно принять за максимальный, то у детей он ниже с минимумом у новорожденного. Таким образом, максимальный интеллектуальный климат характеризует семью, состоящую из одних взрослых. При рождении ребенка средний интеллект семьи падает. Чем больше в семье детей и меньше их возраст, тем ниже интеллектуальный климат. Это рассуждение Зайонц дополняет еще одной предпосылкой: прирост интеллекта ребенка в каждый год его жизни пропорционален интеллектуальному климату его семьи, причем влияние семьи асимптотически снижается с взрослением ребенка. Используя эти идеи и дополнив их некоторыми математическими предположениями, Зайонц вывел сложную формулу, которая довольно хорошо объяснила реальные данные, полученные на выборке из более чем 300 тыс. призывников 19-летнего возраста.

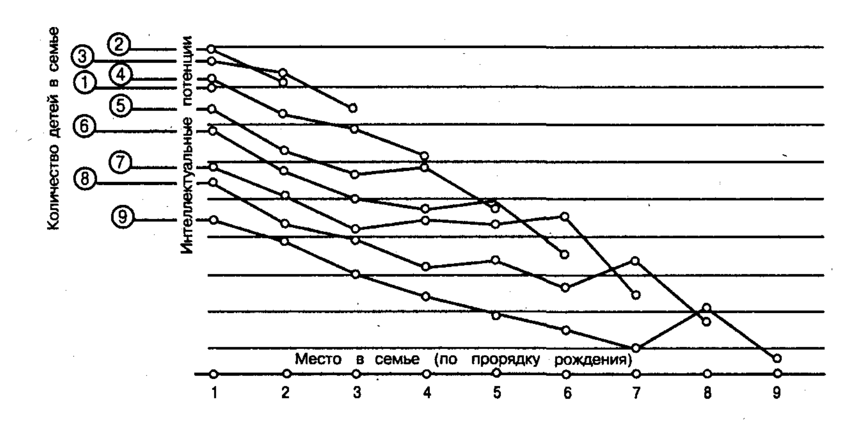

Рис. 13-10. Зависимость интеллекта детей от их количества в семье, порядка и интервала их рождения

Используя свою формулу, Зайонц предсказал также и изменение показателей школьников США по тестам интеллекта на основании колебаний рождаемости в стране. Работу Зайонца критикуют за слишком формальный подход, не учитывающий всех особенностей семьи, однако она представляет несомненный интерес в плане предсказания глобальных соотношений.

В нашей стране цикл исследований по влиянию социальной среды на интеллект проведен В. Н.

Дружининым и его учениками. Ими уточнено, в частности, явление так называемого «материнского эффекта». Этот эффект заключается в том, что интеллект ребенка в большей степени зависит от интеллекта матери, чем от интеллекта отца, хотя с генетической точки зрения влияние обоих родителей должно быть одинаковым. В лаборатории Дружинина показано, что в действительности на интеллект ребенка больше влияет не мать, а тот родитель, который эмоционально ближе. В большинстве случаев эмоционально близким родителем является мать, откуда и возникает «материнский эффект». Таким образом, становится яснее, что, в плане формирования интеллекта, семья — это не просто сумма ее членов, образующая интеллектуальный климат, а сложная структура, обладающая различными, в том числе эмоциональными зависимостями.

Все сказанное, конечно, не отрицает генетической детерминации интеллекта. Средовые влияния действительны лишь в определенных пределах, наряду с генетическими факторами, которые определяют, по разным оценкам, от 40 до 80 % дисперсии интеллектуальных показателей внутри одной популяции.

Большие страсти, выходящие за пределы академических кругов, вызывает вопрос о расовых различиях интеллекта. Один американский психолог, отстаивая теорию генетического неравенства рас в сфере интеллекта, даже был вынужден скрываться в своем доме под охраной. Авторы расистских теорий интеллекта обосновывают их различием результатов, которые показывают при интеллектуальном тестировании представители разных рас. Так, в США и Южной Африке белое население демонстрирует значительно более высокие результаты, чем цветное. Кстати, при этом в ряде случаев представители монголоидной расы превосходят белых.

Дело, однако, здесь может заключаться вовсе не в генетических различиях, а в условиях жизни и воспитания. Ведь не секрет, что в упомянутых странах негритянское население образует в большинстве случаев низшие слои общества. Свидетельством в пользу такой трактовки является тот факт, что эти различия со временем сглаживаются и в настоящее время оказываются менее выраженными, чем, скажем, 50 лет назад. Интересно отметить, что различия по интеллекту наблюдаются в некоторых случаях внутри одной страны между группами, принадлежащими к одной расе, но говорящими на разных языках. Например, такого рода устойчивые различия зарегистрированы между бельгийцами, говорящими на французском и валлонском языках. Вообще, высшие, более образованные слои общества в современных развитых государствах превосходят низшие, менее образованные слои по уровню интеллекта.

Во многих странах мира в настоящее время средние показатели по тестам интеллекта, когда их можно адаптировать, оказываются примерно одинаковыми. Так, при проведении исследования в 1980 г. нормы теста Равена в Великобритании, Восточной и Западной Германии, Чехословакии, Австралии, Новой Зеландии, городах континентального Китая и у белого населения США оказались очень близки по средним значениям и дисперсии. Это тем более примечательный факт, что он отмечается на фоне «интеллектуальной акселерации». Оказывается, что психометрические нормы интеллекта параллельно эволюционируют во многих странах. В некоторых других странах по тому же тесту Равена зафиксированы значительно менее высокие нормы. Это относится к Бразилии, Ирландии, Пуэрто-Рико и Перу.

Другой вопрос в сфере психологии интеллекта, который вызывает идеологические дискуссии, — это гендерные различия. Большинство исследователей полагает, что в целом среднее развитие интеллекта примерно одинаково у мужчин и женщин. В то же время у мужчин больше разброс: среди них больше как очень умных, так и очень глупых. Между мужчинами и женщинами наблюдается также некоторая разница в выраженности различных сторон интеллекта. До пятилетнего возраста этих различий нет. С пяти лет мальчики начинают превосходить девочек в сфере пространственного интеллекта и манипулирования, а девочки мальчиков — в области вербальных способностей.

Мужчины значимо превосходят женщин в математических способностях. По данным американской исследовательницы К. Бенбоу, среди особо одаренных в математике людей на 13 мужчин приходится лишь одна женщина. Споры вызывает природа этих различий. Одни исследователи считают, что их можно объяснить генетически. Другие, феминистски ориентированные, утверждают, что их основа — наше общество, которое ставит мужчин и женщин в неравные условия.

Вопросы для повторения

1. Что такое мышление? Что такое интеллект?
2. За счет чего интеллект обеспечивает адаптацию субъекта к окружению?
3. Что такое наглядно-действенное мышление? Мыслят ли животные?
4. В чем сходство и различие предмета психологии мышления и логики?
5. Каковы основные стадии развития интеллекта, по Ж. Пиаже?
6. Опишите, пожалуйста, основные феномены детского интеллекта, открытые Ж. Пиаже.
7. В чем состоят основные слабости теории Ж. Пиаже?
8. Каковы тенденции психологии развития интеллекта после Ж. Пиаже?
9. В чем состояли основные положения теории мышления в ассоциативной психологии?
10. Как разворачивается процесс понимания условий задачи?
11. Описывает ли модель эвристического поиска в проблемном пространстве реальное решение задач человеком?
12. Какова роль бессознательного в художественном и научном творчестве?
13. Расскажите об интуитивном и логическом в решении творческих задач.
14. Позволяют ли тесты интеллекта предсказать успешность человека в творчестве и профессиональной деятельности?
15. Какие основные компоненты интеллекта выявляют наиболее известные факторные теории?
16. Является ли раннее проявление одаренности хорошим прогностическим показателем в отношении творческих достижений человека в зрелом возрасте?
17. В каком возрасте человек достигает максимальных показателей в тестах интеллекта и реальной творческой деятельности?
18. Какое влияние на формирование интеллекта оказывает семья?
19. Расскажите об интеллектуальной акселерации и ее причинах.
20. В чем заключаются основные гендерные различия интеллекта?

Рекомендуемая литература

Брушлинский А. В. Мышление и прогнозирование. - М.: Мысль, 1979. - 230 с.

Гилфорд Д. Три стороны интеллекта // Психология мышления / Ред. А. М. Матюшкин. — М.: Прогресс, 1965. - 525 с. - С. 433-456.

Дружинин В. Н. Психология общих способностей. — СПб.: Питер, 1999. — 356 с. — (Мастера психологии).

Келер В. Исследование интеллекта человекоподобных обезьян // Хрестоматия по общей психологии:

Психология мышления / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтера, В. Петухова. — М.: Изд-во МГУ, 1981 — 400 с — С. 235-249.

Пиаже Ж. Избранные психологические труды. — М.: Просвещение, 1969. — 435 с.

Пономарев Я. А. Психология творчества. — М.: Наука, 1976. — 303 с.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. — СПб.: Питер, 1998. — 705 с, — (Мастера психологии),

Стернберг Р., Григоренко Е. Л. Модель структуры интеллекта Гилфорда: структура без фундамента // Основные современные концепции творчества и одаренности / Под ред. Д. Б. Богоявленской. — М.: Молодая гвардия, 1997. - 402 с. - С 111-126. - (Библиотека «Одаренные дети»),

Ушаков Д. В. Проблемы и надежды франкоязычной когнитивной психологии // Иностранная психология. - 1995. - № 5. - С. 5-8.

Харман Д. Факторный анализ. — М.: Финансы и статистика, 1973.

Глава 14. Речь

Содержание

Общая психологическая характеристика речи. Функция речи. Речь и психические феномены. Речь и язык.

Эволюция идей о природе языка и речи. Античные ученые о проблеме природы и происхождения языка. Идея рациональности. Внешние воздействия и язык. Внутренние психологические способности и

язык. Язык и дух. Язык и мысль. Язык и природа. Язык как система. Эмпирические исследования речи. Вторая сигнальная система как механизм речевой деятельности. Речь как форма поведения. Психолингвистика.

Речевое развитие. Ранний речевой онтогенез. Речевое развитие от года до школьного возраста.

Основные психологические аспекты функционирования речи. Общий контур речевого взаимодействия. Проблема внутренней речи в психологии. Когнитивные модели речи. Речь и мышление.

Личность в речи. Речь и темперамент. Речь и характер. Индивидуальные особенности человека и письменная речь. Проекции в речи.

Практические приложения использования речи. Практическая риторика. Нарушения речевой функции.

14.1. Общая психологическая характеристика речи

Человеческая речь — совершенно особый и необыкновенно богатый канал выразительности. Одно звучание голоса во многом характеризует текущие психические переживания говорящего. Еще большее значение для понимания человека имеет то, о чем он говорит, какие выбирает темы, насколько учитывает собеседника, умеет его убедить и увлечь, какие использует языковые формы и многое другое, что мы обычно называем содержанием речи. Именно эта сторона речи глубоко и в то же время динамично отражает текущую направленность сознания говорящего и многие другие стороны его психологии. Возможность речи выражать психический мир человека практически безгранична. С позиции психологии речь — это вынесенная вовне психика субъекта и, соответственно, одна из важнейших психологических функций, дающая человеку возможность быть понятым окружающими.

Речь переводит психические феномены в доступный наблюдению процесс. И наоборот, в случае понимания звучащей речи такой процесс превращается в мысль, психологический продукт. Каким образом происходит переход от мысли к слову и от слова к мысли - составляет коренной вопрос научных исследований и является глубинным фундаментом многих исследований речи. Нельзя считать, что данная проблема исчерпывающе разработана в современной науке. Однако немало данных для ее разрешений содержится в фактах развития речевой способности у ребенка.

Каждый психически здоровый человек с раннего детства обнаруживает способность говорить. Что такое язык с психологической точки зрения? В чем сущность связи между языком и речью? Специалисты, работающие в рассматриваемой области, по-разному отвечают на эти вопросы. Одни из них вовсе не делают различия между речью и языком. Другие противопоставляют их, утверждая, что в паре понятий «речь—язык» к компетенции психологии относится только речь как феномен индивидуальной природы, язык же — явление не психологическое, а социальное, и потому изучается лингвистикой.

14.2. Эволюция идей о природе языка и речи

Загадка человеческого слова встала перед учеными с давних времен. По дошедшим до нас источникам, уже в эпоху античности стояла проблема природы и происхождения языка. Обсуждались вопросы, как связаны между собой звук и значение, чем слово отличается от обозначаемой вещи, можно ли через имя воздействовать на носителя имени, каким образом человек выражает себя в речи.

Первая известная науке теория происхождения языка, ссылаясь на Библию, говорила о его божественном начале. При этом также давался ответ на вопрос, почему в мире много языков. Объяснялось, что на всей земле был сначала один язык и один народ. Но однажды люди затеяли дело, не угодное Господу, — стали строить город и Вавилонскую башню высотой до небес. Желая помешать им, Бог смешал их языки, чтобы они не понимали друг друга. Образовалось вавилонское столпотворение, и люди рассеялись по земле каждый со своим языком.

Еще древними греками был поставлен вопрос, сохранивший свое значение вплоть до наших дней: является ли язык плодом соглашения между людьми или в нем отражается естественное сходство между словом и называющейся им вещью. Сторонники первой позиции стали называться

конвенционалистами (их авторитетный представитель — Аристотель). Натуралисты, напротив, считали форму слова не случайной, а связанной с его функцией, содержанием. В одном из своих диалогов Платон приводит аргументы в пользу существования глубокой внутренней связи между звучанием слова и его смыслом. По Платону, слово — это орудие обучения и распределения сущностей, подобно тому как челнок — орудие распределения нити на прядильном станке. Для каждого дела отыскивается орудие, назначенное ему от природы. Когда же человек сам создает орудие, он должен придать ему не какой угодно вид, а именно такой, какой назначен природой. Такую работу по наименованию вещей, созданию языка, производят лучшие умы среди людей, «законодатели». Они умеют воплощать в звуках то самое имя, какое в каждом случае назначено от природы.

Платон подробно рассматривает вопрос о «естественности» изобретаемых слов. На примерах он показывает, что в словах путем использования подражания звучанию или другим сенсорным признакам так или иначе воспроизводится обозначаемый предмет. Поскольку не все слова языка поддаются такого рода «объяснению», то вводится идея их испорченности в результате хождения среди людей. Порой испорченность возникает при заимствовании слов из других языков.

XVII век принес с собой идею рациональности в понимании природы языка. Эта идея восходила к авторитетнейшему философу Рене Декарту. В своей работе «Рассуждения о методе для хорошего направления разума и отыскании истины в науках» он утверждал, что в основе нашего мышления лежат рациональные врожденные идеи: числа, фигуры, логические и математические понятия. Из этих идей возникает язык. Хорошо развитое мышление порождает ясный и логичный язык. Логика мысли отражается в логике языка. Каждому акту мысли есть соответствие в языке.

Такого рода рациональное отношение к речи и языку отразилось в появившемся в 1660 г. исследовании под названием «Грамматика общая и рациональная». Его авторами были двое молодых ученых А. Арно и К. Лансло, философ и лингвист. В этом исследовании была последовательно выражена рационалистическая идея Декарта. Грамматика, по мысли авторов, исследует универсальные законы выражения мысли в слове, прежде всего — в предложении. Она изобретается, придумывается людьми, в ней проявляются операции рассудка. Каждому акту сознания — созерцанию, суждению, умозаключению — соответствует своя грамматическая операция. Грамматика призвана выражать логику. Последовательно рассматривая разные стороны языка (буквы, слоги, слова, лексику, синтаксис), авторы стремились проследить эту связь. Поскольку в ряде моментов эта связь не была обнаружена, ученые объяснили это тем, что логика образует высший, рациональный слой языка, однако в процессе его использования возникают «испорченные» формы, которые создают низший слой повседневного языка. Идеи «Грамматики» имели своих более ранних предшественников, а также и более поздних последователей вплоть до наших дней (Степанов Ю. С., 1998,с. 271).

Английский ученый Джон Локк высказал идею первенства внешних воздействий в усвоении языка. Локк принадлежал к плеяде философов, получивших имя сенсуалистов. Их основная позиция — постараться понять человеческую психику (как имеющую естественное происхождение) посредством впечатлений, поступающих через органы чувств. Знаменитая формула Локка гласит: «Нет ничего в интеллекте, чего не было бы в чувствах».

В трактате «Опыт о человеческом разуме» Локк помещает главу «О словах». Здесь он выступает как конвенционалист. По мнению Локка, слова — это произвольно выбранные обозначения идей. Они вовсе не отражают естественных связей между специфическими звуками и определенными идеями. Назначение слов — быть понятными символами для выражения идей. Слова являются символами идей, а идеи — это «подлинное и непосредственное наполнение» знака. В то же время с помощью слов создаются общие и абстрактные идеи. Это дает возможность человеку развиться в особое, высшее существо на земле.

Готфрид Лейбниц, немецкий философ, математик, лингвист, энциклопедист с широким кругом интересов, поднял тему внутренних способностей, определяющих возникновение и функционирование языка. К формуле Локка «Нет ничего в интеллекте, чего не было бы в чувствах» он остроумно добавил: «...кроме самого интеллекта». В своей работе «Новые опыты о человеческом разуме» (1704) он непосредственно полемизировал со своим именитым оппонентом. По Лейбницу, душа изначально содержит в себе основания различных понятий, которые только пробуждаются внешними объектами. Врожденные идеи заключены в разуме, как прожилки камня в глыбе мрамора.

Слова — не конвенциональные знаки. Они «вовсе не так произвольны и случайны, как это представляется некоторым, поскольку вообще нет ничего случайного в мире, и только наше незнание не позволяет иногда выяснить скрытую от нас причину». Лейбниц утверждал, что естественная природа

языков основана на звуках. Поэтому он активно занимался этимологическим анализом, прослеживал исторические пути происхождения словесных форм, полагая, что в их основе лежит нечто примитивное, первоначальное. В этой связи он изучал этимологию языков Азии, Исландии, Африки, составлял обширные списки семейств слов. Лейбниц до конца жизни искал в природе «некий философский язык», который бы «помог в анализе нашего мышления». Он также изобретал его сам с опорой на математическую символику и логику.

На смену рационализму XIX в. принес «романтическую» идею: язык — проявление человеческого духа. Сущность языка состоит в том, как дух обнаруживает себя в нем. Крупнейшим представителем этой позиции стал немецкий ученый Вильгельм Гумбольдт (1767-1835). Знаток многих языков, он исследовал, как языки разных типов образуют слова, каковы способы обозначения их родства, как слова связываются в предложении и каким образом обозначается эта связь. Он пришел к мысли, что эти операции необходимы человеческому духу для самовыражения, и они представляют собой «чисто умственную» сторону языка, его внутреннюю форму. Внутренняя форма языка тесно связана со сферой понятий человека, его видением мира. Даже при, казалось бы, простом наименовании предметов человек выражает не сам предмет, а свой взгляд на него. Давая имя предмету, человек относит его к системе, затрагивает общие отношения и логические понятия.

По мысли Гумбольдта, язык выражает дух не только отдельного человека, но и целого народа. Существуют языки реалистические (например, греческий) и субъективные (например, немецкий). Национальный характер языка проявляется в словосочинении, речевых периодах. Богатство понятий увеличивает их сложность. Народы с сильным поэтическим и философским духом имеют развитой и сложный язык.

Гумбольдта принято считать лингвистом. Однако его глубокое проникновение во внутреннюю структуру языка в ее связи с человеческим духом дает все основания рассматривать его работы как психолингвистические. Не удивительно, что многие его последователи развивали именно психологическую сторону его учения.

Среди последователей Гумбольдта видное место принадлежит нашему соотечественнику А. А. Потебне (1835-1891). Он, как и Гумбольдт, опирался в своем исследовании на знание многих языков. Главная тема его труда — вопрос о соотношении языка и мысли. Эта тема, по его мнению, исчерпывает все языковедение. Основная идея Потебни состояла в том, что язык формирует мысль, является порождающим мысль механизмом. Отсюда возникает возможность увидеть в языкознании материал для изучения развития мысли. Так, грамматические категории дают возможность развиться основным категориям мысли. Построение предложений можно рассматривать как взаимодействие понятийных категорий. Рост предикативности в языке связан с эволюцией сознания, когда идея процесса, динамики становится ведущей. В этих общих воззрениях Потебни на природу языка можно видеть развитие той линии, которая связана с идеей «промежуточного мира» (мира, создаваемого языком) Вайсгербера, гипотезой лингвистической относительности Сепира—Уорфа.

Крупнейшим ученым конца XIX — начала XX вв., разрабатывавшим вопросы психологии языка и речи в связи с природными основаниями, стал В. Вундт. Среди многих изученных им психологических проблем была проблема языка и речи, рассмотренная не только в психологическом, но и естественнонаучном аспекте. Он интересовался вопросом происхождения человеческого языка и объяснял его общей присущей людям способностью выражать свои чувства и аффекты. Язык, по мнению Вундта, имеет то же происхождение, что и жесты, крики радости или горя, являясь средством выражения психологических состояний и эмоциональной сферы. В связи с этой точкой зрения Вундт анализировал язык жестов маленьких детей и глухонемых, сравнивал жесты первобытных народов и европейцев. Большое значение он придавал использованию в речи природных звуков, считая, что звукоподражание и звуковые жесты составляют натуральную основу человеческого языка. Наблюдаемую в ходе времени изменчивость языков он объяснял сдвигами в звуковой структуре, которые вызваны причинами физиологического и психологического характера: затруднениями в произнесении, смешением звуков, заимствованиями из одного языка в другой, влиянием социального окружения, культуры.

- **Речь – использование языка.**

Идея системности языка была введена в научный обиход швейцарским лингвистом рубежа XIX и XX вв. Ф. де Соссюром (1857-1913). Его подход положил начало новому направлению — структурализму, глубоко проникшему теперь в разные науки: лингвистику, литературоведение, социологию. Разработки Соссюра также оказали сильное влияние на психологию. Он провел строгую границу между языком и речью. Язык — это надындивидуальное, общее явление, социальное по своей природе. Речь состоит в использовании языка, она текуча, неустойчива, переменчива. Язык — предмет изучения лингвистики, речь — психологии.

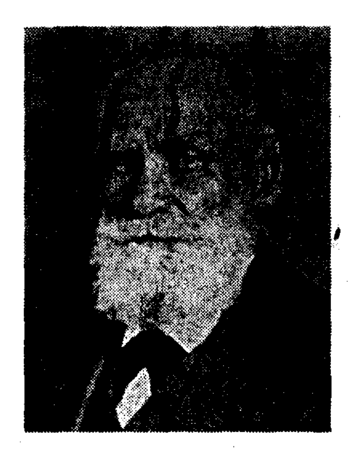
Соссюр имел свою точку зрения на язык. Если до него лингвисты изучали прежде всего историю изменения языков (историческое языкознание), то он обратил внимание на то, что каждый язык имеет свою внутреннюю организацию — структуру, образованную отношениями входящих в нее элементов. Элементами языковой структуры являются знаки. Каждый знак содержит в себе две стороны: означающее (например, звучание слова) и означаемое (мыслительное содержание, связанное с данным словом). Означающее и означаемое входят в языковую систему, подчиняясь одному общему принципу: каждый знак имеет свой набор «дифференциальных признаков», отличающих его от любого другого знака данного языка. Так, слова «мел» и «мель», имея общие фонетические элементы, различаются одним дифференциальным признаком — мягкостью конечной согласной. Фонетические дифференциальные признаки образуют специфичность означающего.

Означаемые отличаются одно от другого набором дифференциальных семантических признаков, тем самым каждое из них занимает свое уникальное место в понятийной сетке субъекта. В результате этого создается целостная система языка. Она обладает определенной устойчивостью, но при изменении какого-либо ее компонента, например заимствовании из другого языка фонетического или семантического элемента, вся система переходит в другое состояние.

Вплоть до XX в. исследования речи носили преимущественно глобальный характер, ставились и обсуждались вопросы, наиболее общего свойства: происхождения языка, его природы, связи с рациональной или эмоциональной стороной психики. Такого рода подход соответствовал существовавшему тогда уровню развития естественных и гуманитарных наук. В то же время для дальнейшего развития этой области было необходимо накопление конкретных фактических данных, проверка и уточнение гипотез, порой сужение сферы исследования для достижения более точных результатов.

Именно это и произошло в начале XX в., когда в науке активно развивался эксперимент, начиналось формирование психологии как позитивной науки, опиравшейся на объективные факты. В области исследования речи появились темы конкретно-эмпирического характера. Сначала исследователи пользовались первым доступным объективным методом — наблюдением. Стали накапливаться описания развития детской речи (ее онтогенеза). Внимание ученых привлекли факты речевых ошибок типа оговорок, собирались и издавались словари такого рода форм речевых проявлений. Объектом исследований стали речевые нарушения, наблюдаемые при отставании в развитии, мозговых травмах. Несколько позднее появились темы взаимоотношения речи и мышления, речевой памяти, внутренней и эгоцентрической речи, биологического и социального в языке и речи. Возник поток исследований по отдельным, порой частным проблемам.

Вместе с накоплением эмпирических данных в первые десятилетия XX в. в рассматриваемую область были внесены важные теоретические предложения. Среди них следует отметить идею И. П. Павлова о второй сигнальной системе как сложном физиологическом механизме, осуществляющем речевую деятельность. Концепция второй сигнальной системы была сформулирована в конце жизни ученого и не получила серьезного развития при его участии. Однако она способствовала укреплению естественнонаучной позиции и ориентации на изучение механизмов речи. Поэтому павловский подход подготовил почву для появления когнитивного направления в современной психолингвистике, которое как раз и направлено на точное описание скрытых механизмов речевых процессов.

И. П. Павлов (1849–1936)

Главная направленность идеи второй сигнальной системы состояла в том, чтобы выявить в сложнейшей речевой деятельности человека некоторые простые основания, сопоставимые с высшей нервной (условнорефлекторной) деятельностью животных. Павлов обратился к феномену слова, предположив, что оно несет на себе функцию особого рода сигнала, действующего в сфере высшей нервной деятельности человека. По мысли Павлова, слово — это сигнал, который обобщает непосредственные сигналы, создавая возможность отвлечения и абстрагирования от непосредственной действительности. Тем самым вся высшая нервная деятельность человека преобразуется, поскольку возникает основа для отвлеченного мышления, а в конечном счете и для научного познания.

Некоторые из ближайших последователей Павлова пытались неоправданно прямолинейно реализовать в экспериментах идею второй сигнальной системы, разрабатывая так называемую методику речевого подкрепления (А. Г. Иванов-Смоленский). Другая линия исследований, инициированная Н. И. Красногорским, оказалась более адекватной и успешной. Этим ученым был впервые экспериментально выявлен важный факт существования физиологических механизмов связи между словами. В экспериментах Н. И. Красногорского и его сотрудника А. Я. Федорова такого рода связи были обнаружены между одновидовыми и однородовыми словами (названиями птиц). В последующих исследованиях отечественных и зарубежных авторов (Г. Разрана, Б. Риса, Л. А. Шварц, О. С. Виноградовой, А. Р. Лурии, Т. Н. Ушаковой и др.) был выявлен условнорефлекторный характер связей между словами и показано, что такие связи являются физиологическим основанием так называемых «вербальных сетей», или «семантических полей». Были накоплены свидетельства тому, что связи между словами вырабатываются в жизненном опыте и оказываются достаточно стабильными. Все слова человеческого лексикона хранятся «внедренными» в материю вербальной сети, и этой материи принадлежит важнейшая роль в общем речевом механизме. Эти данные легли в основу современных представлений о физиологических механизмах вербальной памяти человека. В настоящее время такого рода связи описываются и активно исследуются в психолингвистике в форме вербальных ассоциаций.

В русле бихевиоризма детально разрабатывалась идея о том, что речь представляет собой одну из форм поведения. Возможность описания речи с помощью тех же понятий, которыми описываются другие формы поведения человека, обстоятельно аргументирована в книге Б. Ф. Скиннера «Вербальное поведение» (1957). Люди приучаются употреблять определенную речевую форму в некоторых повторяющихся ситуациях. По сути, происходит выработка обусловленной вербальной реакции. Она подкрепляется взаимным пониманием людей и их адекватными действиями. Повторное возникновение данной ситуации автоматически вызывает ту же вербальную реакцию в скрытой или явной форме. Одна словесная реакция может служить побудительным стимулом для другой словесной реакции. Возникает цепь рефлекторных актов, используемых людьми в общении между собой. Эта цепь образует «вербальное поведение».

Бихевиористский подход к речи направлен на выявление в сложных процессах речевого общения людей некоторых повторяющихся стереотипных форм, поддающихся относительно простому описанию. Это направление в известном смысле сохраняет свое значение и в наши дни. Однако существуют и другие подходы к исследованию речи. К. Ясперс, например, рассматривал речь как универсальную форму человеческого творчества. Поэтому современные исследования в большей степени ориентируются на нестереотипные, продуктивные и творческие возможности речи.

Психолингвистика. Следующий период развития история идей и подходов к выяснению природы

феномена языка и речи стал выразительно называться психолингвистическим.

Психолингвистика — это научное направление, которое изучает природу и функционирование языка и речи, используя данные и подходы двух наук — психологии и лингвистики. Обе эти науки со своими теориями, историей, предметом и методами исследований кроме несовпадающих областей имеют также и некоторую «общую зону» интересов. Так, в психологии среди многих ее разделов существует раздел, изучающий речь и язык. Лингвистика, или языкознание, является наукой, занимающейся языком и, в известной мере, речью. Таким образом, оказывается, что обе науки имеют во многом совпадающий объект исследования.

- **Психолингвистика — научное направление, которое изучает природу и функционирование языка и речи, используя данные и подходы двух наук — психологии и лингвистики.**

Одной из главных задач психологии является изучение природы речевой способности: связи языка и речи с другими психическими функциями (восприятием, моторикой, мышлением, чувствами), развития языка и речи в онто- и филогенезе, их функционирования в социуме. Таким образом, психология изучает человеческое, субъектное измерение функционирования речи и языка. Лингвистика в большей мере направлена на описание и характеристику собственно языковых свойств. Отсюда — внимание к организации системы языка, его лексики, грамматики, выявление особенностей языковых жанров, национальных языков и языковых групп. Подчеркивание значения феноменологии проявилось, в частности, в том, что существовали периоды, когда лидеры лингвистической мысли отказывались от рассмотрения содержательной, смысловой стороны языка, считая ее посторонней предмету языкознания (Ф. де Соссюр). Вместе с тем между обеими науками на протяжении их еще «допсихолингвистического» существования обнаруживалось взаимное тяготение. В лингвистике было немало авторов, принадлежащих к так называемому психологическому направлению, в психологии же работали многие профессиональные лингвисты.

В психолингвистике реализуется направленность на проведение комплексных исследований. Психологические данные развивают психолингвистическую теорию в плане придания ей естественнонаучной и социальной ориентированности. Явления языка и речи рассматриваются в контексте биологических и социальных закономерностей функционирования психики человека. Важное место занимают исследования нейрофизиологических механизмов речи. В свою очередь, лингвистика расширяет область психолингвистических исследований, предоставляя факты описания языковых и речевых феноменов, в том числе на материале различных национальных языков, характеризуя их системную организацию и проявления, закономерности развития и изменений.

На основании сказанного можно выявить общий признак, отличающий психолингвистические исследования, — использование (явное или неявное) данных, позиций, подходов и психологии и лингвистики с целью развития знаний о природе речи и языка.

Принято считать, что современная психолингвистика возникла в 1953 г., когда на семинар в Блумингтоне собрался цвет психологического и лингвистического сообщества, возглавлявшийся такими известными учеными, как Ч. Осгуд, Дж. Кэрролл, Ш. Себеок. В результате двухмесячной совместной работы появилась книга под названием «Психолингвистика» *. Она положила начало научному направлению, продолжающему и сейчас свое активное развитие, дала ему имя и утвердила идею соединения подходов и знаний двух до той поры разделенных областей — психологии и лингвистики. Такое соединение было осуществлено на основе теоретической модели поведения, предложенной Ч. Осгудом. Центром теории Осгуда является уровневая модель поведения. Эти уровни следующие: мотивационный (его единицы — предложения), семантический (единицы — словесные элементы предложения), уровень последовательностей (единицы — фонетически оформленные слова), интеграционный (единицы — слоги). Модель, таким образом, охватывает общим каркасом основные этапы речевого процесса у человека, начиная с восприятия речи, включая внутреннюю переработку речевого материала и кончая произнесением речи.

* Psycholinguistics. A survey of theory and research problems. Ed. by Ch. Osgood and T. Sebeoc. Baltimore, 1954.

Названная книга послужила толчком к появлению множества работ по психолингвистике. В различных странах мира возник живой интерес к этой науке, многие психологи и лингвисты занялись психолингвистическими исследованиями. Новая наука нашла отражение в энциклопедических изданиях; появились специализированные журналы.

Примерно через 10 лет начался новый этап психолингвистики, связанный с именем Н. Хомского и обращением к так называемой трансформационной, или генеративной, грамматике. В работе «Синтаксические структуры» (1957) Хомский развил идею, согласно которой знание родного языка — это система правил, называющаяся грамматикой языка. Структура грамматики описывается правилами трансформаций. Эти же правила реализуются говорящим человеком в процессе речи.

Н. Хомский (род. 1928)

Хомский опирался на представление о поверхностной и глубинной структуре предложений. Поверхностная структура — та, которую мы слышим, глубинная же связана со смыслом (например, в предложениях «Полиция разогнала демонстрацию» и «Демонстрация разогнана полицией» разная поверхностная и одинаковая глубинная структура). Трансформационная грамматика содержит набор правил, позволяющих описать глубинную структуру предложения и создать на ее основе множество синтаксически правильных поверхностных вариантов.

Лингвистическая модель затем была перенесена на функционирование психики и использована в экспериментальных исследованиях. Гипотеза была простой: человек, строя свою речь, пользуется системой трансформационных грамматических правил, и это можно выявить экспериментальным образом. На основе этой гипотезы было произведено много экспериментов. Проводились измерения времени, в течение которого испытуемые переводили активные утвердительные предложения в пассивную, отрицательную и вопросительную формы. Изучалось запоминание предложений разной трансформационной сложности. Исследовался процесс сопоставления наглядно воспринимаемого материала (картинок) и описывающих их предложений разной трансформационной структуры (Слобин Д., 1966).

Результаты проведенных экспериментов первоначально, казалось бы, свидетельствовали в пользу трансформационной грамматики, однако исходная гипотеза подтверждалась лишь при искусственных условиях оперировании языком. Когда же человек использует язык в естественных условиях, с полноценным включением семантических отношений, соответствие исчезает. Такого рода результат исследований привел к тому, что последующие поиски были связаны с активным введением семантического компонента в модели речевой деятельности. Осгуд провел исследование связи речевых описаний с действительностью. В эксперименте анализировались тексты описания испытуемыми простой ситуации: мужчина бросает мяч, мяч летит мимо корзины и т. п. На основании полученных данных Осгуд приходит к заключению, что трансформационная грамматика не может описать способность говорящего использовать язык, поскольку факторы ситуации являются скорее перцептивными и когнитивными. А это именно то, что игнорирует трансформационная грамматика.

Осгуд с самого начала возникновения современной психолингвистики придал семантическому аспекту основополагающее значение. С его именем связано возникновение направления, получившего имя «психосемантика» и приобретшего многих последователей. В 1957 г. им предложен путь количественного измерения субъективной семантики слов, так называемый метод семантического дифференциала. В основу метода положен прием субъективного шкалирования испытуемым предъявляемых слов по выявленным автором шкалам. По экспериментальным данным этими шкалами оказались: оценка (»хороший— плохой»), сила (»сильный— слабый»), активность (»активный— пассивный»). Предъявляя испытуемым разные слова с заданием определить выраженность изучаемого признака на соответствующей шкале (значения от +3 до -3), исследователь выявляет семантические различия (семантическую дифференцированность) предлагаемых слов. Область современной

психосемантики существенно расширилась, в нее входят исследования структур сознания человека, социологические исследования массового сознания, массовой коммуникации, психология рекламы, исследование содержания текстов и т. д.

В 1980 г. в одной из своих работ Осгуд разработал понятие глубинной когнитивной системы, обеспечивающей переработку семантической информации. По его мнению, система грамматики языка является вторичной по отношению к общей семантической системе психики человека. Последняя обрабатывает как языковой, так и перцептивный материал, включает сферу отвлеченных понятий. Многие элементы семантической системы складываются в раннем детском возрасте, еще в доязыковом познании. Понимание и создание речевой продукции в большой мере зависит от общей базы знаний человека, контекста речи и понимания действительности говорящим и слушающим. Построение речи, по Осгуду, направляется не столько логическими основаниями, сколько семантическими медиационными признаками элементов лексикона, словами. Автор фактически реализует свои ранние психосемантические представления: дифференциально-семантические признаки, выразители эмоционально-оценочного отношения, по его мысли, представляют собой наиболее обобщенную форму знаний о мире. Они и являются теми медиаторами, которые объединяют мир и язык. Здесь следует отметить большое сходство тезисов Осгуда с предложенной существенно раньше идеей Н. И. Жинкина об универсальном предметном коде внутренней речи.

Проблемы семантики речи составляют содержание многих современных работ. Характеризуя же в самом общем плане направление текущих психолингвистических исследований, следует отметить их когнитивистскую направленность. Это значит, что, с одной стороны, к психолингвистическим исследованиям по стилю их проведения предъявляются высокие современные требования точности, выверенности и доказательности; с другой стороны, речевые феномены рассматриваются в контексте других когнитивных явлений, как общие по своей природе. Отметим также разнообразие проводимых разработок, присутствие многих векторов в ведущихся поисках. Проводимые исследования имеют достаточно свободный и разнообразный характер. Предлагаемые теоретические модели обычно относятся к когнитивистскому типу.

Психолингвистика в нашей стране. Психолингвистические направления, развившиеся в нашей стране, имеют различных идейных предшественников. Чаще других в этом контексте называются имена психологов Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна. Названные авторы хотя и не были психолингвистами, но оказали несомненное влияние на последующие психолингвистические разработки.

Одной из наиболее ранних фундаментальных разработок, проведенных непосредственно в области психологии языка и речи, стали исследования Н. И. Жинкина. В 1958 г. вышла его широко известная книга «Механизмы речи», привлекшая к этой теме многих специалистов. Основной фактический материал, представленный в книге, строился на кинорентгенографической съемке артикуляторных органов во время произнесения испытуемыми заданных фраз. Направленность же всего исследования состояла в том, чтобы на основе этой модели выявить общие правила и закономерности функционирования механизмов речи. В работе были выделены два принципиальных механизма, действующие при произнесении: один из них управляет дискретными структурами (артикуляторными), другой образует непрерывность, плавность говорения (слогообразование). Переходя от этого случая к общему механизму, Жинкин показал, что и язык является системой дискретных элементов пяти уровней (начиная с дифференциальных признаков и кончая алфавитом сочетаемости слов) (Жинкин Н. И., 1998, с. 81). Речь же осуществляет непрерывное регулирование в форме отбора звуков для составления слов и отбора слов для составления предложений.

Изучение артикуляторных, внешнерегистрируемых проявлений привело автора к выводу о том, что внутренняя речь является важнейшим элементом речемыслительного механизма. В этом звене, по мнению Жинкина, происходит перевод воспринимаемого текста во внутренний код, причем этот код является универсальным и предметным (УПК). С его помощью принимающий речь человек преобразует ее в модель отрезка действительности. «Понимать надо не речь, а действительность», — остроумно отметил автор (Жинкин Н. И., 1982:92). Идея образного кода внутренней речи имеет много сторонников.

В более поздних работах Жинкин (1998, с. 8-36; 1982) рассматривал широкий спектр вопросов функционирования речи и языка в контексте проблем передачи информации. В то же время он подчеркивал необходимость разработки общих проблем распознавания и синтеза речи с опорой на конкретные экспериментальные и психофизиологические данные.

Жинкин имел многочисленных последователей (И. А. Зимняя, Т. М. Дридзе, Г. Д. Чистякова, В. И. Тункель и др.), развивших и продолживших его начинания. В исследовании И. А. Зимней (1985) разработана модель формирования и формулирования мысли посредством языка. Ею подчеркнута роль мотивации при говорении, разграничен предмет говорения (мысль), средство говорения (язык) и способ (речь).

В развитии отечественной психолингвистики важную роль как в организационном, так и научном плане сыграла Московская психолингвистическая школа, возглавляемая А. А. Леонтьевым. Уже с 1960-х гг. стали выпускаться книги, дающие информацию об основных позициях зарубежной психолингвистики (Леонтьев А. А., 1967), организовывались постоянно действующие семинары, активизировались научные силы, предложена собственная теоретическая позиция в области психолингвистических исследований (Леонтьев А. А., 1969).

В рамках указанной школы разработана теория речевой деятельности, реализующая деятельностный подход, представленный в психологии А. Н. Леонтьевым. Центральной частью теории речевой деятельности стала принципиальная схема порождения речи, «реализующаяся независимо от выбора конкретной порождающей модели» (Леонтьев А. А., 1999, с. 113). Порождение, согласно этой теории, проходит несколько этапов. Первым из них является внутреннее программирование высказывания, включающее «содержательное ядро» будущего высказывания и иерархию пропозиций, лежащих в основании программы. На следующем этапе происходит грамматико-семантическая реализация внутренней программы, включающая несколько подэтапов: перевод программы на объективный код, введение линейного принципа, синтаксическое прогнозирование, действие механизма синтаксического контроля. На основе внутреннего семантико-грамматического программирования высказывания осуществляется его моторное программирование, в результате которого человек произносит осмысленную и грамматически оформленную речь. А. А. Леонтьев подчеркивает, что описанные операции являются не реальными действиями говорящего, а «скорее своего рода граничными условиями», оставляющими простор для применения различных эвристических приемов (Леонтьев А. А., 1999, с. 120).

Во многом сходную последовательность этапов порождения высказывания описывает Т. В. Ахутина (1989), используя как основание своей модели данные афазических расстройств.

Значительное место в отечественных психолингвистических разработках заняла тема организации и функционирования ментального лексикона. Основным предметом исследований стали вербальные ассоциации человека, изучаемые на материале разных языков (Залевская А. А.,1977,1990; Караулов Ю. Н., 1976,1994; Уфимцева Н. В., 1993, 1998 и др.). На основе экспериментальных фактов разработаны теоретические представления об организации ассоциативных полей, видах вербальных связей, их функционировании как средства доступа к информационному тезаурусу человеческого сознания, о возможности кодирования значения в словах. В других работах (Виноградова О. С., 1959; Лурия А. Р., Виноградова О. С., 1971, Ушакова Т. Н., 1976, 1979,1991) представлены экспериментальные данные, проливающие свет на физиологический механизм связанности слов в нервной системе человека.

Крупной психолингвистической темой явилась проблема языка и сознания, образа мира говорящего человека, языковой личности (Белянин В. П., 1996; Караулов Ю. Н., 1987; Тарасов Е. Ф., 1996; Уфимцева Н. В., 1993; Ушакова Т. Н. и др., 1995). Немало оригинальных разработок проведено в направлении психологического исследования текста (Н. И. Жинкин, Т. М. Дридзе, Н. Д. Павлова, Т. Н. Ушакова и др.).

Линия когнитивно и механизменно ориентированных психолингвистических исследований последовательно развивается коллективом лаборатории психологии речи и психолингвистики в составе Института психологии РАН (Т. Н. Ушакова, Н. Д. Павлова, Н. А. Алмаев, И. А. Зачесова, В. В. Латынов, Н. Б. Михайлова, В. А. Цепцов, Л. А. Шустова и др.). Выработано целостное представление о речевом механизме говорящего человека, реализующего основные речевые функции. На основе цикла экспериментальных работ лаборатории построена обобщающая теоретическая модель, в главных чертах описывающая процессы, происходящие при порождении и восприятии речи (Ушакова Т. Н., 1991). В качестве важнейшего элемента выделено звено внутренней речи как механизма переработки в нервной системе говорящего субъекта информации, связанной с подготовкой будущего высказывания и пониманием воспринятой речи. С опорой на экспериментальные факты показано, что внутренняя речь имеет сложную иерархическую организацию и включает специализированные функциональные структуры, вырабатываемые в онтогенезе человека и закрепляющие языковые знания говорящего. Важное место среди них занимают ассоциативные поля, «вербальные сети», обеспечивающие связь

употребляемых в речи слов.

Поскольку текст в широком смысле является главной формой речевого продукта, лаборатория осуществила большой круг исследований психологического аспекта текста. Развито представление о системообразующей роли намерения в речепорождении (Ушакова Т. Н. и др., 2000). Разработан метод интент-анализа текста.

Большое место в разработках заняли исследования речевого онтогенеза (Ушакова Т. Н., 1979,1999; Ушакова Т. Н., Бартенева 3. С., Шустова Л. А., 2000). Получены новые данные о раннем, предречевом развитии, дающие возможность выявить природные корни речевой способности младенца. Выявлен аспект саморазвития языковой системы у маленького ребенка, что проявляется, в частности, в детском словотворчестве.

Проводятся также работы прикладного характера: исследование конфликтных выступлений, анализ и квалификация современных политических дискуссий, проведение экспертиз, анализ переговоров, речевая диагностика и консультирование, речевое управление техникой и др.

14.3. Речевой онтогенез

Изучение речевого развития ребенка позволяет естественно подойти к другим проблемам исследования речи. Именно так рассматривались исследования детской речи уже на первых же порах становления научной психологии, в начале XX в. Тогда появилось значительное количество публикаций в нашей стране и за рубежом, где описывались многие факты этого процесса (Н. А. Рыбников, А. Н. Гвоздев, К. Бюлер, К. и В. Штерны и др.). Вклад в эту литературу внесли не только ученые — психологи и лингвисты, — но и представители других профессий, интересующиеся родители, детские писатели. В результате разностороннего сбора материала ход речевого онтогенеза относительно давно оказался хорошо изученным с фактической точки зрения.

В настоящее время исследования приобрели еще больший масштаб. В некоторых странах работают объединенные коллективы исследователей, получающие материалы на огромных выборках детей. Их усилия направлены на то, чтобы определить возрастные и индивидуальные нормы формирования разных сторон речевой способности ребенка; рассматриваются данные усвоения детьми языков разного типа, выявляются формы существующих отклонений.

Наряду со сбором эмпирического материала работают постоянные семинары и конгрессы, решающие задачу аккумуляции знаний, их анализа, разработки адекватных теоретических представлений. Издаются специализированные журналы: Journal of Child Language, Journal of Child Development, Child Development, Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior, International Psycholinguistics и др.

Основные факты речевого развития, как и их теоретическое понимание, будут представлены здесь в двух разделах, относящихся к:

а) раннему периоду жизни, от рождения до года;

б) периоду от года до школьного возраста (до 7 лет).

Эти периоды разделены потому, что обычно в районе года (возможно, и раньше, но чаще — позднее) в развитии детей, в том числе речевом, происходят важные изменения, в результате которых возникают качественно новые особенности в их психической и, в частности, речевой деятельности. Время перехода к речевому периоду неодинаково у разных (вполне нормальных и здоровых) детей. Поэтому при разделении указанных периодов важен не конкретный календарный момент, а качественные особенности развития, проявление новых форм психологического функционирования.

Ранний речевой онтогенез (от рождения до года). Отрезок онтогенеза от рождения до 12-14 мес. обычно квалифицируется как предречевой, или дословесный. По его завершении у нормально развивающегося ребенка, как правило, появляются первые слова. Для описания данного периода (сенсомоторного интеллекта, по Ж. Пиаже) удобно выделять в нем стадии, появление каждой из них связано с возникновением новых психологических возможностей младенца. В последующем изложении на каждой стадии будут выделены три основные линии младенческого развития: а) двигательные проявления; б) формы общения; в) вокализации. Возрастные границы между стадиями, повторим, приблизительны и индивидуально вариативны.

На первой стадии (первый месяц жизни ребенка) в поведении новорожденного преобладают прирожденные рефлексы, и развитие идет за счет медленных пошаговых приспособлений простых рефлексов к условиям внешней среды. Пиаже отмечает, что младенец первого месяца жизни находится

в состоянии глубокого эгоцентризма, внешняя действительность для него смутна, слабо отделена от него самого.

Однако очень рано новорожденный обнаруживает зачаточные формы общения с близкими. Так, присутствие матери уже в первую неделю жизни малыша оказывает успокоительное действие. На второй неделе ласковое голосовое обращение к ребенку, тактильный контакт с ним начинают вызывать реакцию сосредоточения и замирания (Лисина М. И., 1997). Существуют данные, позволяющие установить еще более раннюю датировку начальных форм контакта ребенка со взрослым. Это указывает на естественно обусловленную основу общения и очень раннее ее проявление.

Первые голосовые реакции ребенка совершенно отчетливы. Появление на свет в норме сопровождается криком новорожденного, и первые месяцы жизни здоровые дети плачут достаточно много. Крик и плач новорожденных является биологически полезной функцией, помогающей окружающим понимать неблагоприятные для новорожденного ситуации и устранять их. У начальных голосовых проявлений новорожденных существует сугубо психологическая функция, которая состоит в том, что с их помощью выражаются субъективные состояния малыша. На первом месяце жизни с помощью крика и плача ребенок выражает свои лишь негативные недифференцированные состояния. В результате постепенного развития общих психофизиологических механизмов эти голосовые явления позднее оказываются способными выражать позитивные состояния, а затем при нормальном развитии ребенка превратятся в его речь.

На второй стадии (обычно второй-четвертый месяцы) прирожденные рефлексы под влиянием опыта и повторений преобразуются, возникают первые простые двигательные навыки. Механизмом возникновения новых возможностей Пиаже считает так называемые циркулярные реакции. Они состоят в том, что, совершив некоторое действие (порой случайно), младенец затем многократно повторяет его. Вследствие повторения действие закрепляется, образуя прочную схему. В результате этого создается новая поведенческая форма. Первые случаи циркулярной реакции обычно сосредоточены на теле ребенка — это так называемые первичные циркулярные реакции. Типичным примером могут служить акты, предваряющие хватание: ребенок скребет предмет, привлекший его внимание, пытается его схватить, отпускает и снова повторяет последовательность: скребет, схватывает, отпускает. Такие последовательности повторяются многократно, в результате чего малыш научается более или менее ловко удерживать предметы в руках.

Формы общения младенца со старшими на данной стадии становятся более явными, расширяется сфера их проявлений. На втором-третьем месяцах жизни появляется «комплекс оживления» (Н. М. Щелованов). Ребенок реагирует на приближение взрослого радостным возбуждением — на лице у него появляется улыбка, моторика тела усиливается, возникают неоформленные вокализации.

Характерным феноменом в области общения становятся циркулярные формы — повторяющиеся проявления одних и тех же реакций. Замечено, что матери интуитивно улавливают циркулярность действий малышей. По данным ряда западных исследований, большинство игр, которые используют матери со своими малышами в это время, включают ритмические повторения воздействий на них, вызывающие повторяющиеся ответные реакции детей.

Изменения наблюдаются и в голосовых проявлениях младенца. В 2-4 месяца появляются первичные вокализации, известные как гуление, переходящее позднее в лепет (в англоязычной терминологии и то и другое обозначается словами babble, babbling). Первичные вокализации имеют спонтанный характер и проявляются у ребенка в состоянии спокойного бодрствования. На слух они воспринимаются как гласноподобные звуки, близкие к нейтральным гласным взрослых. Эти проявления, очевидно, имеют чисто биологические основания, поскольку по всему миру дети гулят практически одинаково, независимо от языкового окружения. Гулят и лепечут как нормально слышащие дети, так и глухие от рождения. Гуление — это первичная циркулярная форма голосовой активности малыша. Она свидетельствует о «пробуждении» и постепенном нарастании через повторение латентных двигательных программ.

На третьей стадии развития (пятый-восьмой месяцы) циркулярные реакции переходят во вторичную форму. Это понятие относится к более развитым поведенческим формам. Важным приобретением третьей стадии становится возникновение первых форм преднамеренности. Они проявляются в нацеленности ребенка на объект, наличии промежуточных действий, служащих средством достижения цели, в произвольном приспособлении к новой ситуации. Общение малыша с окружающими обнаруживает тенденцию к расширению своей сферы и появлению реакций, которые могут быть сближены с преднамеренными.

В голосовых проявлениях младенца этого возраста сохраняется крик и плач, гуление переходит в форму, которую можно квалифицировать как лепет. Особенность лепета в его зрелой форме составляет наличие в вокализациях слоговых элементов и неоднократное повторение малышом одного и того же или сходных слогов, например «та-та-та», «па-па», «ма-ба-ба» и т. п. Лепет также можно рассматривать как форму развитой (вторичной) циркулярной реакции, включающей элементы произвольного управления со стороны ребенка.

Для четвертой стадии (около 9-12 мес.) становится характерным отчетливое проявление преднамеренных форм двигательного поведения. Для ребенка теперь обычно достигать поставленной цели путем преодоления препятствия на своем пути.

В общении младенцев рассматриваемого возраста с окружающими возникают и развиваются так называемые конвенциональные, или условленные, формы общения (Бейтс Э., 1984). Младенец обращается ко взрослому в поисках помощи, подает побудительные сигналы — хнычет, выражает беспокойство и т. д. Такого рода коммуникативные сигналы становятся затем постоянными и понимаемыми общающимися сторонами, т. е. конвенциализируются. Их внешнее выражение приобретает черты лаконичности, они как бы только намекают на желательное действие.

Голосовые проявления ребенка на данной стадии развития включают плач и крик в ответ на неприятные воздействия, а в эмоционально нейтральной или позитивной ситуации — гуление и лепет. Дополнительно к этим феноменам обнаруживается значимое для речевого развития явление произвольной, хотя и неоформленной вокализации — «младенческое пение». Оно состоит в том, что малыш производит вокализации различной аффективной окраски. «Младенческое пение» завершает формирование дословесного «коммуникативного каркаса»: оказывается сформированной способность выразить в конвенциональной форме свои желания в ситуации общения, побудить окружающих к их исполнению, использовать для этого произвольно управляемые голосовые сигналы. Однако сами голосовые сигналы остаются еще неоформленными, «дословесными». И вот в конце этого этапа психического развития обычно возникают первые детские слова. Эти слова чрезвычайно специфичны, часто мало похожи на соответствующие слова окружающих как по звучанию, так особенно и по значению (Кларк Е., 1984). И все же взрослые отличают их появление и отмечают их значимость для успешного психического развития ребенка.

В анализе дословесного развития младенца естественно встает вопрос: в чем состоит побудительная сила того механизма, который осуществляет голосовую активность? Ответ на этот вопрос дает гипотеза, согласно которой мозг человека, подобно всякому другому органу, работает по принципу «взять—отдать». Это значит, что поступающие в мозг сенсорные сигналы вызывают тенденцию адекватной ответной реакции. Голосовое реагирование, богатое разнообразными возможностями и активное от рождения, является удобной формой такого рода реагирования. По сути, в своей начальной форме это есть общий принцип рефлекса. В речевой области он становится основой как бы внутренней активности речи, ее направленности, постоянно проявляющейся в более зрелом возрасте.

Необходимо также отметить, что в определенной временной точке дословесного развития становится специфически значимым фактор речевого общения окружающих с младенцем. Это тот момент, когда малыш оказывается способным воспринимать речевые образцы для имитации, а тем самым и для усвоения используемого окружающими языка.

Речевое развитие от года до школьного возраста (от 1 года до 7 лет). Обычно к концу первого — началу второго года жизни у ребенка на фоне продолжающегося лепета и «младенческого пения» появляются звукокомплексы, которые квалифицируются окружающими как первые детские слова. По своему звуковому оформлению они могут быть близкими к лепетным звукокомплексам (типа «ма-ма», «па-па») и получили название «нянечные слова». Их звучание оказывается сходным у детей всего мира. Принципиальное отличие первых слов от лепета заключается в их осмысленности, отмечаемой окружающими. Эта осмысленность довольно трудно поддается объективному определению. Первые детские слова обычно не имеют прямых референтов, т. е. не называют конкретные предметы или явления мира. Их семантика своеобразна, вследствие чего их квалифицируют порой как однословные предложения. Это своеобразие состоит в том, что одним словом малыш обозначает целую ситуацию, причем одно и то же слово может относиться ко многим ситуациям.

К 2-летнему возрасту словарь малышей порой насчитывает до 25 слов. В дальнейшем происходит его быстрый рост. Словарь 6-летних детей доходит в среднем уже до 15 000 слов, а к возрасту 10-12 лет практически сравнивается по объему с житейским словарем окружающих.

В возрасте от 1,5 до 2,5 лет при нормальном темпе развития происходит важный сдвиг в речевых

проявлениях малышей — они начинают использовать соединение слов, появляются двухсловные предложения. Эти предложения часто имеют телеграфный стиль, т. е. грамматически не оформлены. Их семантическая направленность — указание местоположения объекта, описание событий, действий и др. Например: «Тося там, мама пруа (ушла), папа бай-бай (спит), еще моко (молока)» и т. п. Дальнейшее развитие двухсловных предложений связано с употреблением грамматических форм. В русском языке, представляющем собой по лингвистическому определению язык синтетического типа, это связано с появлением флексий, т. е. изменением грамматической формы слов при их сочетании. Например: «Моко (молоко) кипит. Мама хорошая. Папа большой». Это знаменательный момент речевого развития, обнаруживающий формирование грамматики в языке ребенка.

С этим моментом связано появление так называемого детского словотворчества, которое наблюдается обычно с 2,5—3 лет вплоть до школьного возраста. Термином «детское словотворчество» обозначается широко распространенное (а возможно, и всегда существующее в скрытом виде) явление детской речи. Оно состоит в том, что в ходе повседневного общения или игры малыши спонтанно включают в свою речь слова такой структуры, какая не используется в языке окружающих и тем самым не может быть имитационно усвоена ребенком. Это особые, «изобретенные» слова (неологизмы). По своей семантике они понятны и уместны в употреблении. Например: «брос» (то, что брошено), «кат» (действие катания), «пургинки» (частицы пурги), «сгибчивая» (береза), «долгее» (дольше), «стотая» (сотая), «саморубка» (мясорубка) и др. (Ушакова Т. Н., 1979; Чуковский К. И., 1966).

Существует еще один феномен детской речи периода 3-7 лет, получивший довольно широкое освещение в научной литературе и впервые описанный Ж. Пиаже под названием «эгоцентрическая речь» (Пиаже Ж., 1997). В этом феномене проявляются особенности коммуникативной стороны детской речи, состоящие в том, что дети указанного возраста в некоторых ситуациях (играя, рисуя и т. п.) говорят ни к кому не обращаясь, сами для себя, как бы думая вслух. По Пиаже, в возрасте 3-4 лет доля эгоцентрической речи (коэффициент эгоцентричности) составляет более 40 %, затем эта речь постепенно угасает, практически исчезая к школьному возрасту.

Развитие речи продолжается в школе. В связи с обучением чтению и письму собственная речь становится объектом анализа ребенка, что придает ей рефлексивный характер. При обучении дети усваивают новые понятия и связанные с ними слова и термины. Начинают осмысленно употребляться такие слова, как «причина», «время» и т. п. Вместе с расширением сферы общения у ребенка развивается способность использовать речь для установления и поддержания социальных отношений, т. е. развивается прагматический аспект его языка. Чрезвычайно важно, что дети научаются читать, понимать, а позднее и давать речевые описания событий. Это становится основой для их приобщения к широкому кругу знаний, представленных в книгах, т. е. к человеческой культуре.

Мы видели, что граница первого и второго года является рубежной. Этот рубеж определяется появлением первых слов. На этой границе обнаруживается, что речевые механизмы включают в себя семантическую и артикуляторно-звуковую составляющие.

Семантическая составляющая в пределах первого года представлена негативными или позитивными психическими состояниями, отражаемыми в диффузных вокализациях. Позднее, при появлении первых слов, она трансформируется в семантические состояния, соответствующие своему словесному выражению и образующие его значение. Семантическое состояние, связанное с первыми детскими словами, заметно отличается от такового у взрослого носителя языка. Оно носит диффузный характер, в нем отсутствуют референтная направленность (т. е. оно не указывает на конкретный объект мира) и индивидуальное своеобразие.

Значительные изменения в семантической составляющей происходят на протяжении всего дошкольного детства. В ряде исследований показано, что эти изменения определяются ходом когнитивного развития ребенка, которое является первичным по отношению к формированию грамматических форм (Слобин Д., 1984; Брунер Дж., 1984). В определенной последовательности (от наиболее простых и наглядных случаев) ребенок усваивает семантические отношения в их категориальном обобщении: категории местоположения объекта, действия, агента, совершающего действие, его объекта и т. д. Подобные семантические отношения ребенок начинает выражать раньше, чем у него появляются адекватные языковые формы. Например, локативные понятия (местоположение предмета), возникающие раньше других, во многих языках дети обозначают «обходным путем»: используя порой вспомогательные слова (типа «там») или соединение неоформленных слов: «кастрюля плита» (вместо «кастрюля на плите») и т. п. Вновь возникающее семантическое содержание обнаруживает свою первичность по сравнению с языковой формой, поскольку сначала выражается ста-

рым способом, новые же формы вводятся в употребление постепенно.

Еще одна важная линия развития семантики у детей состоит в придании наименований новым предметам, а также уточнение, дифференцирование сферы применения усваиваемых слов. Эта сторона семантического развития идет путем постепенного и длительного накопления заимствований и поправок от социума, не заканчиваясь в детском возрасте, а продолжаясь всю жизнь индивида.

Свою линию развития проходит артикуляторно-звуковая составляющая речевого механизма. С появлением первых имитированных слов происходит активное уточнение артикуляторной регуляции, дифференцирование способа произнесения накапливаемых слов. Здесь довольно существенна роль взрослых, дающих поправки малышам.

Другая линия развития произнесения слов — появление детского словотворчества. Исследования показали, что строение детских неологизмов отражает важные процессы, происходящие в скрытых словесных структурах мозга ребенка (Ушакова Т. Н., 1979). Словесные структуры с общими элементами взаимодействуют между собой, в результате чего происходит дробление первоначально нерасчлененных психофизиологических единиц. В результате вычленяются и консолидируются такие части словесных структур, которые по лингвистической терминологии являются корнями и аффиксами слов. Эти элементы оказываются чрезвычайно важными для формирования обобщающих категориальных словесных структур (парадигм словоизменения и словообразования). На материале этих элементов у ребенка независимо от его сознания и воли начинают закладываться основы той громадной системы, которая образует грамматику языка.

Возникновение названных элементов создает также принципиально новую возможность для процесса создания из них новых слов, что и обнаруживается в детском словотворчестве. Такого рода продуцирование новых слов открывает для ребенка особый путь овладения языком — не столько имитирование вслед за окружающими, сколько изобретение в соответствии с законами, заложенными в структуре действующего языка. Таким образом, через детское словотворчество открывается важный фактор речевого развития на рассматриваемом этапе: внутренняя спонтанная активность в отношении воспринимаемого извне речевого материала. Эта активность обусловлена, с одной стороны, особенностями функционирования психики ребенка, а с другой — возможностями, предоставляемыми организацией усваиваемого языка.

Тот же фактор спонтанной активности обнаруживается в явлении эгоцентрической речи. Однако здесь этот фактор действует в ином аспекте. Эгоцентрическая речь — это проявление внутренней мотивированности речевого процесса в целом. Ребенок говорит эгоцентрически потому, что у него есть настоятельная потребность, или интенция, говорить, даже если его не слушают. Эту интенцию можно рассматривать как действие описанного выше принципа экстериоризации внутренних состояний. Значение направленности развивающейся детской речи постоянно подчеркивается исследователями (Бейтс Э., 1984; Слобин Д., 1984).

Изменения, происходящие в элементах речевого механизма на протяжении дошкольного детства, оказываются независимыми от произвольных усилий и сознания малыша и в норме сопровождаются лишь небольшими управляющими воздействиями со стороны окружающих. Это означает, что усвоение основных элементов действующего языка (его лексики и грамматики) происходит при активном действии спонтанных внутренних сил ребенка и при пассивном предоставлении языковых данных со стороны носителей языка.

14.4. Основные психологические аспекты функционирования речи

Полная форма речевого процесса предполагает участие в нем не менее двух партнеров — коммуникантов. Направляемое и принимаемое сообщения образуют контур речевого взаимодействия (рис. 14-1). Каждый из его участников может становиться то говорящим, то слушающим.

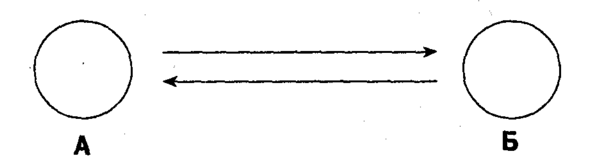

Рис. 14-1. Контур речевого взаимодействия

Представленная схема явилась основой различных направлений психологического исследования речи. Объектом этих исследований стал произносительный элемент речевого контура — органы речи, особенности интонации (Н. И. Жинкин, 1958). Проведено немало исследований восприятия речи слушающим (Зимняя И. А., 1976; Залевская А. А., 1999,с.237-262).

Однако схема речевого взаимодействия выявляет лишь самые общие и большей частью внешние черты организации речи. Она оставляет в стороне важнейшие психологические компоненты, связанные с глубинными речевыми процессами. Для создания речевого сообщения необходим скрытый от внешнего наблюдателя подготавливающий и мотивирующий процесс. Для понимания принятого сообщения и адекватной реакции на него также требуется внутренняя психологическая деятельность. Такого рода простые факты обратили внимание исследователей на особую область психической реальности — внутреннюю речь.

Рассматриваются два вида внутреннеречевых процессов. Первый из них — это речь «про себя», т. е. беззвучное говорение, которое при озвучивании становится обычной, «внешней» речью. Второй представляет собой явление, качественно отличное от внешней речи, и направлен на переработку воспринятой речи и подготовку высказываний. Беззвучное говорение составляет объект интереса ученых, занимающихся исследованием мышления. В результате подобных исследований разработан прием озвучивания скрытых психических процессов с целью выявления хода мысли («Современная психология», 1999, с. 247). Внутренняя переработка связанной со словом информации происходит при порождении человеком его внешне выражаемой речи, а также при восприятии и понимании им речи окружающих. Исследование этого феномена, непосредственно касающегося механизмов речи, оказалось ключевой темой психолингвистики, особенно ее когнитивного направления.

В разработке темы внутренней речи приняли участие многие видные психологи нашей страны. Однако их суждения оказались далеко не единодушными. Широко известна концепция внутренней речи, предложенная Л. С. Выготским (1956). По мысли автора, внутренняя речь происходит из речи эгоцентрической. Поэтому структурные особенности последней позволяют судить о внутренней речи, недоступной для наблюдения прямым способом. Наблюдения за характером эгоцентрической речи позволили выявить основную особенность внутренней речи — ее сокращенный характер. При этом сокращен как синтаксис внутренней речи (опускаются подлежащее и связанные с ним слова, остаются предикаты), так и ее фонетическая сторона. Структура внутренней речи предикативна. Фонетическая сторона также почти полностью сокращена, слова понимаются по намерению говорящего произнести их.

Л. С. Выготский (1896–1934)

Наиболее значима семантическая сторона внутренней речи. Слова нагружаются смыслом, образуют агглютинированные единства и являются как бы «сгустками смысла», результатом чего является

идиоматичность словесных значений, их непереводимость на язык внешней речи, понятность только самому говорящему.

Утверждение Выготского о том, что внутренняя речь приходит на смену эгоцентрической речи в позднем дошкольном возрасте, оспорено П. Я. Гальпериным, П. П. Блонским и другими авторами. Они обратили внимание на то, что внутренняя речь необходимо должна предшествовать всякому акту говорения.

Б. Г. Ананьев развил свое представление о природе и структуре внутренней речи, исследуя речь людей, страдающих сенсорной и моторной афазией. Он подчеркнул различие понятий «внутренняя речь» и «внутреннее говорение». Им описаны три фазы внутренней речи как механизма подготовки будущей внешней речи: установка на наречение; внутреннее наречение, в котором присутствуют структуры будущего подлежащего и сказуемого; указательные определения места нареченной мысли в суждении.

С развитием психологической науки и возникновением психолингвистики укрепилось и расширилось представление о внутренней речи как звене скрытой переработки вербальной информации. А. А. Леонтьев (1974) полагает, что внутренняя программа будущей речи складывается из «смысловых вех», соответствующих субъекту, предикату или объекту.

По мнению Н. И. Жинкина (1982), при подготовке сообщения не обязательно используются только словесные элементы. Ими могут быть образы, наглядные схемы. Код внутренней речи субъективен, он формируется вместе с общим психическим развитием ребенка.

Тема внутренней речи явилась предтечей современного когнитивизма в психолингвистике. Основной объект когнитивной психологии — репрезентация знаний и объектов внешнего мира в психике человека, внутренние структуры и механизмы переработки этих знаний. Когнитивизм возродил и укрепил идею «внутреннего образа», «внутренних механизмов психических процессов», существовавшую в науке и в докогнитивистский период. Для современного этапа развития когнитивной психологии характерна работа с так называемыми моделями. Последние представляют собой выраженные в наглядной форме теоретические взгляды исследователей на те или иные явления когнитивной сферы.

Модели могут быть основаны на эмпирических данных, наблюдениях, эксперименте, а также логических выводах из теорий. Выражаемые в модельной форме теоретические позиции порой могут быть очень сложными, как во многих случаях при описании речевых и речемыслительных процессов и структур. Эта форма нужна для того, чтобы сделать такого рода теории более понятными для слушателя и читателя. Открываются возможности делать те или иные предсказания, которые нередко дают новое направление исследовательской мысли.

В настоящее время существует ряд моделей, описывающих речемыслительные процессы. Из зарубежных пользуется известностью модель понимания В. Кинча с сотрудниками (1979), построенная на основе анализа процессов, включающихся в обработку и понимание текста («Современная психология», 1999, с. 287). Модель предлагает правила работы с естественным текстом и разработана на основе анализа конкретных текстовых образцов. Модель продуцирования речи В. Левелта (1989) описывает конкретные структуры, необходимые для осуществления речевой функции, и фактически дает их номенклатуру («Современная психология», 1999, с. 289). В отечественной психолингвистике предложено немало различных модельных форм представления теоретических взглядов на процесс речепроизводства и понимания речи (Залевская А. А., 1999, с. 203-263).

В качестве примера рассмотрим модель речемыслительного механизма, разработанную в Институте психологии РАН (Ушакова Т. Н., 1991). В нашем изложении мы отдаем предпочтение данной модели по нескольким основаниям. Во-первых, она описывает единый речемыслительный механизм, функционирующий как при производстве речи, так и при ее понимании. Это более адекватно действительности в сравнении с раздельными моделями порождения и восприятия речи, как это представлено в учебнике А. А. Залевской. Во-вторых, в модели с опорой на экспериментальные факты, полученные в лаборатории, проработаны функциональные структуры, выполняющие различные речемыслительные операции. Опора на такого рода структурные основания дает возможность оперировать в большой мере операционализируемыми понятиями, что является важным требованием современной когнитивной психологии, однако далеко не всегда выполняется в научной практике.

Предлагаемая модель ориентирована на ситуацию взаимодействия коммуникантов, каждый из которых имеет следующие основные блоки речевого механизма: восприятие речи (Вс), ее произнесение (Пр) и центральное смыслообразующее звено (Ц) (рис. 14-2). Функции блока восприятия и блока

произнесения служебны, они выполняют задачу доставки информации субъекту и выведения ее от субъекта вовне. В центральном звене осуществляются основные смыслообразующие функции и хранение языкового опыта.

Каждый из блоков производит специфические кодовые операции. Звено восприятия при устной коммуникации перерабатывает поступившие из внешнего мира акустические сигналы, преобразуя их в нервные паттерны, и решается задача распознавания и дифференцирования одного паттерна от другого. В центральном звене не происходит кодового перехода, поскольку здесь осуществляется внутренняя переработка информации. В звене произнесения внутренние кодовые команды переводятся в сигналы-команды артикуляторным органам. Параметры этих выходных сигналов строго регламентированы, они определяются закономерностями функционирования артикуляторного аппарата, производящего объективный продукт: звучание, соответствующее нормам используемого языка.

В центральном звене существует несколько функциональных уровней. Первый (нижний уровень) составляют образования, связанные с запечатлением и хранением разных сторон слова: его звучания, значения, соотнесенности с внешним миром. Эти образования названы «базовыми» на том основании, что речь воспринимается именно через внешнюю форму слов — их звучание, написание. Произносимая речь также передается словами, поступающими в соответствующей форме в блок произнесения. На рис. 14-2 показана связь первого уровня с блоком восприятия и произнесения.

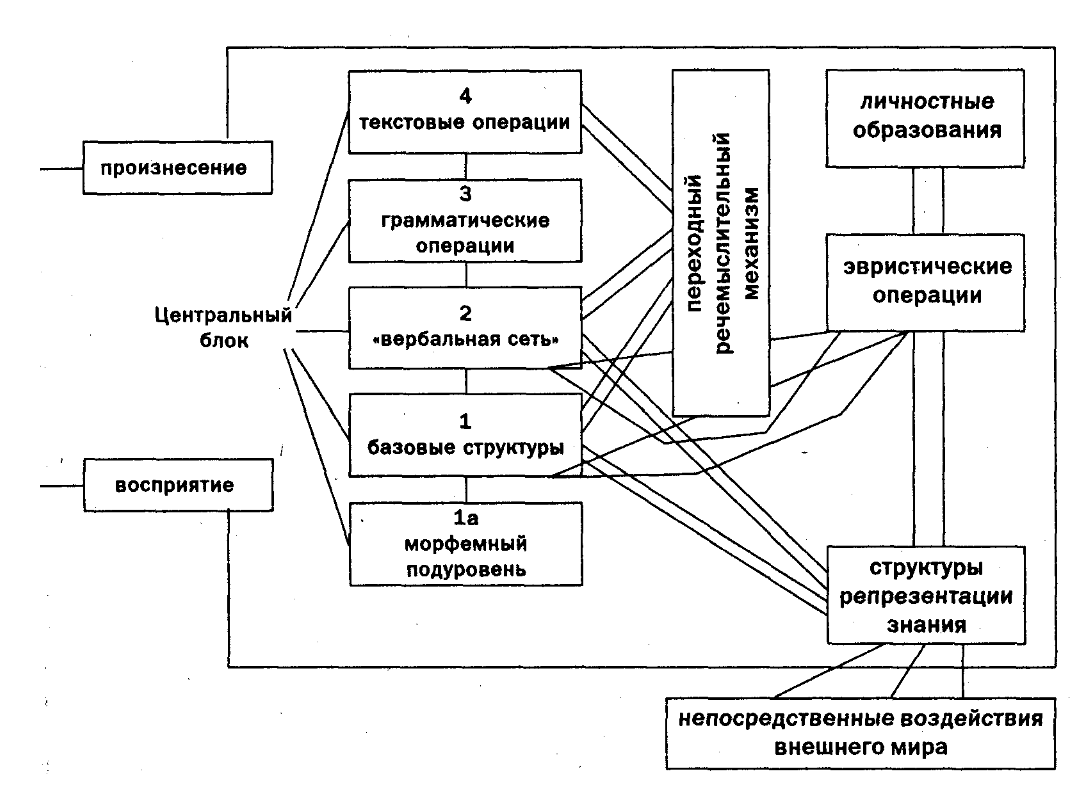

Рис. 14-2. Модель речемыслительного процесса

Базовый уровень дополняется его подуровнем, который образуется возникающими из членения слов элементами. Как показано в предыдущем разделе, они проявляются в детском словотворчестве. Эти элементы обозначаются лингвистами термином «морфемы». В языках синтетического типа из них складываются грамматические категории.

Второй уровень внутренней речи составляет система межсловесных («межбазовых») связей, или «вербальная сеть». Этой сетью охватываются все слова используемого человеком языка, образуя нечто вроде сплошной материи, где различные по семантике и фонетике слова находятся в разной степени взаимной удаленности или близости. Особенности функционирования сети определяют многие речевые проявления: «семантические поля», синонимию и антонимию слов, их податливость к заменам, понимание многозначных слов, словесные ассоциации.

Третий уровень внутреннеречевой иерархии — это грамматические структуры. Динамические процессы на этом уровне обеспечивают грамматическую форму порождаемых предложений.

Наконец на четвертом, верхнем уровне иерархии происходит управление порождением текстов и их

обменами между коммуникантами.

Данная сложная система структур и функциональных образований психики человека формируется с раннего детства под воздействием многих факторов (требований социума, языка окружающих, внутренних мотивационных факторов субъекта, созревания его мозга). Функционирование этой системы во взрослом возрасте происходит в тесном взаимодействии с другими когнитивными структурами и функциями, прежде всего теми, которые обеспечивают познание и мышление.

В правой части схемы на рис. 14-2 представлены структуры такого рода. Люди вербализуют то, что они воспринимают через органы чувств, посредством общения, а также материал мыслительного процесса: условия, гипотезы, результаты решения разнообразных задач. Соответственно в схему включены структуры репрезентации знаний и эвристические операции. Кроме текущих впечатлений и процессов, в речевом продукте находят отражение наиболее общие и стабильные мыслительные и личностные образования: жизненные и научные обобщения, оценки, морально-нравственные позиции.

Протекание процесса обработки информации с использованием описанных структур будет различным в разных условиях коммуникации, при говорении, при слушании. Во всех случаях, однако, должна происходить активация всех уровней центрального внутреннеречевого звена в координации с желаемой и достигаемой целью, условиями и аудиторией общения, условиями свободной устной речи или составления письменных текстов и действием многих других факторов.

Речь и мышление. Вопрос о связи речи с мышлением является в определенном смысле ключевым в психологии речи. Очевидно, что нормальная речь непременно осмысленна, поскольку в выражении смысла состоит ее основная функция. Вместе с тем формы связи мысли и слова трудно представимы. Каким образом можно объяснить связь психического явления — мысли — и звучащего, физически регистрируемого слова?

Для решения данной проблемы предложен богатый спектр суждений. На одном полюсе этого спектра — позиция классического бихевиоризма (мышление — это беззвучная речь), на другом — представление, сформировавшееся в рамках вюрцбургской школы (мышление и речь имеют разное происхождение и представляют собой различные сущности). Отождествлению речи и мышления или, напротив, их полному размежеванию противостоит представление об их взаимосвязи: по выражению С. Л. Рубинштейна, между мышлением и речью существует единство, но не тождество. Эта точка зрения, разделяемая многими психологами, требует, однако, дальнейшей конкретизации — необходимо ответить на вопрос: в чем заключается эта взаимосвязь, как мысль воплощается в слове?

Попробуем найти ответы на возникающие вопросы, опираясь, с одной стороны, на данные современной психологии, описывающей сущность мыслительного процесса («Современная психология», 1999, с. 241-252), а с другой — на данные о природе речевой семантики, представленные в разделах онтогенеза речи и модели речевого процесса.

Мышление в общем случае представляет собой целенаправленный процесс, состоящий в решении определенного вида задач или выведении умозаключений. Согласно существующим данным, мыслительный процесс включает ряд компонентов (механизмов), которые могут быть различными при решении разных типов задач. Общими компонентами мышления являются:

- создание умственных моделей ситуации, включающих условия и цель задачи;
- взаимодействие поступающей информации с репертуаром знаний и схем, хранящихся в долговременной памяти;
- манипулирование моделью;
- выявление результата, отвечающего исходным условиям задачи.

Ход решения задачи, или оперирование умственной моделью, может протекать в различных режимах: логическом, хорошо осознаваемом и подлежащем речевому выражению, и интуитивном, при котором субъект мыслительного процесса не осознает и не может описать словами ход своих умственных действий.

Таким образом, мы видим, что мышление представляет собой специальную когнитивную функцию, состоящую в создании нового ментального продукта. Ход мыслительного процесса в одних случаях может быть отражен в речи мыслящего субъекта, в других — нет, т. е. он не связан с речью необходимым образом.

Назовем теперь основные компоненты, задействованные в речевом процессе. При порождении речи исходным компонентом является семантическое состояние (включающее представления субъекта, возникающие у него модели ситуаций, его эмоциональные переживания), а также мотивирующий импульс к вербализации данного семантического состояния. Далее актуализируются ранее

выработанные связи данного семантического состояния с вербальными структурами и семантическими полями, а также происходит активизация иерархических уровней языковых структур. На последнем этапе речепорождения включается артикуляторный механизм и осуществляется говорение. Основными компонентами процесса понимания речи являются: активизация воспринимающего канала (слухового, зрительного), дешифрующие операции в иерархических языковых структурах и создание ментальной модели ситуации, понимание. Во всех видах речевого процесса его осуществляют механизмы, представленные преимущественно в левой части схемы (рис.14-2).

Сравнение механизмов мыслительных и речевых процессов позволяет выявить различие и пересечение их сфер действия. Обратим внимание на то, что в речевом процессе — при продуцировании речи и ее восприятии — в начале или конце процесса необходимо наличие важнейшего семантического компонента, для которого адекватен термин «понимание». Данный компонент (с точки зрения его механизма) может быть квалифицирован как наличие модели действительности (ситуации) в когнитивной сфере субъекта. Этот семантический компонент необходим для того, чтобы произносимая речь была полноценной, осмысленной, и чтобы она была понятна слушателю. Такого же типа семантический компонент — понимание, наличие модели действительности (ситуации) — необходим, как показано выше, и в мыслительном процессе.

Таким образом, мы можем заключить, что пересечение речи и мышления происходит в семантическом компоненте — понимании элементов действительности. Для мыслительного процесса этот компонент служит материалом для осуществления необходимых операций; для речевого процесса — стартовой площадкой для вербализации, словесных описаний. Специфика речевого процесса и его основная функция — создание вербального продукта, адекватного семантическому содержанию, и его экстериоризация. Именно поэтому речь может быть включена в любой психический процесс, содержащий такого рода семантический компонент. Таким процессом может быть не только мышление и восприятие, но и эмоциональное переживание.

Анализ соотношения речевых и мыслительных процессов представляет речь как некую «многовалентную» сущность, что допускает ее включение в разного вида когнитивные функции. Однако свойством «многовалентности» обладает также и мышление. Мыслительные процессы возможны в вербальной форме, на материале зрительных, слуховых и других перцептивных сигналов.

Известны формы продуманной речи, учитывающей собеседника, аудиторию, соблюдающей принятые нормы в соотношении говорения и выслушивания и т. п., а в итоге приводящей к желательным для говорящего результатам. (Сфера такого рода норм и приемов рассматривается обычно под рубрикой речевого искусства.) Такого рода «умная речь» — результат создания говорящим, предварительно или оперативно, умственной модели ситуации общения, учет ответной реакции слушателя, нахождение адекватных ответных форм, привлечение соответствующего речевого репертуара и др. Названные операции являются мыслительными по своему существу, что свидетельствует о принципиальной возможности включения мышления в организацию речевого общения *.

---

* Не забудем при этом, однако, что существуют и ситуации «глупой речи», где говорящие — часто в ситуации стресса, в споре или ссоре — говорят импульсивно, упуская из вида реакцию собеседника, важные стороны ситуации и т. п.

14.5. Личность в речи

Являясь одним из важнейших средств выражения, речь обладает также и значительным психодиагностическим потенциалом. По речи человека можно многое узнать о нем. Научные исследования в области распознавания индивидуальных особенностей человека по речи стремятся найти ее устойчивые характеристики. При этом возможны два пути: исследовать формально-динамические характеристики речи (темп, особенности коммуникации, модуляции голоса, громкость и т. п.) и содержательные характеристики (тематика речи, проекции).

Согласно одной из наиболее современных теорий темперамента (Русалов В. М., 1997, с. 46-48), речь позволяет оценить коммуникативную сферу личности, которая имеет четыре базовых измерения: эргичность (выносливость), скорость, пластичность и эмоциональность. Например, при низкой коммуникативной эргичности испытуемый предпочитает отвечать кратко, не задает вопросы, в разговор включается с трудом, молчалив; его речь тихая, монотонная, интонации печальные. При низкой эмоциональности голос человека спокойный, уверенный, при высокой же отмечаются резкие интонации

(падающие или восходящие), персеверации, обилие отрицательных эмоциональных компонентов (печали, гнева, грусти, страха), обилие междометий, много шумовых эффектов.

Характер, а также ценностные устремления людей проявляются не только в том, как они говорят, но и в том, о чем они говорят, т. е. в темах, постоянно присутствующих в их речи. Вполне очевидно, что в речи психастеника, будут постоянно звучать мотивы тревоги, неуверенности, сомнения. В речи истероидной, демонстративной личности будет стремление преувеличить и выставить напоказ особенности своего «я», сообщения о каких-то особых интенсивных в том или ином отношении переживаниях и т. п. Нередко именно по тематике речи мы и распознаем те или иные личностные особенности человека.

В конце XIX — начале XX вв. возникает интерес также к исследованию того, как проявляются индивидуальные особенности людей в письменной речи, в тексте. В. Штерн пишет: «Ломброзо и другие выдвинули положения, что гениальность и психопатия находятся в близком родстве друг с другом. Этим был дан повод психиатру рассматривать с точки зрения его специальности великих личностей истории и современности. Так возникла патография — тот вид биографии, который стремится вскрыть причинное значение телесной конституции, соматических и психических заболеваний, наследственной отягченности, признаков дегенеративности, истерических и эпилептических состояний, сексуальных извращений, склонности к алкоголизму и других патологических признаков для понимания деятельности героя» (Штерн В., 1998, с. 210).

Волна интереса к патографиям и биографическим исследованиям великих писателей была в те годы велика. В цитированной работе Штерна приводится солидный список трудов, посвященный этим темам. В настоящее время подобные исследования проводятся в основном в рамках различных подходов психоаналитической парадигмы.

Примечательна работа З. Фрейда о Ф. М. Достоевском. Интересно, что Фрейд практически не рассматривает эпилепсию Достоевского в качестве фактора, влиявшего на содержание и тематику его произведений. Другого взгляда на этот предмет придерживались такие психиатры, как Т. Е. Сегалов, опубликовавший в 1911 г. на немецком языке небольшую работу «Болезнь Достоевского».

К исторической ограниченности патографических исследований тех лет следует отнести использование слишком широких и одновременно слишком неоднозначных по содержанию терминов, таких как «вырождение» (дегенерация), «латентная гомосексуальность». В настоящее время употребление данных терминов является анахронизмом. В качестве образца патографического исследования мы можем рекомендовать работу К. Ясперса «Стриндберг и Ван Гог».

Заслуживают внимания работы И. Д. Ермакова о творчестве Гоголя и Пушкина как первые попытки проследить психическое состояние и особенности формирования личности автора по содержанию произведения. Ключевую роль в таком анализе играет понятие «проекция», т. е. приписывание нейтральным объектам описания тех или иных свойств в зависимости от состояния человека. В своем анализе Ермаков ограничивался всякий раз одним произведением, что увеличивало риск субъективизма оценок и недоказуемости выводов.

Может быть, более валидной и показательной оказалась попытка исследования творчества Пушкина, Тютчева и Баратынского, предпринятая в те же годы А. Белым. Он подсчитывал и классифицировал все прилагательные, глаголы, наречия, относящиеся к элементам природы — солнцу, луне, ветру и т. п. — в произведениях этих авторов. Получилось, например, что Пушкин почти в 80 % случаев говорит «луна» вместо «месяц», тогда как Тютчев — наоборот. Белый делает следующий вывод: «Целостное овладение природой у Пушкина, а у Тютчева целостное растворение; этого овладения и этого растворения в поэзии Баратынского нет: у него природа раздвоена».

В настоящее время в зарубежной психологии в области психодиагностики по тексту выделяется направление, возглавляемое американским исследователем Л. Готтшалком. Контент-анализ Готтшалка — Глезера был разработан авторами в 1969 г. и является применением техники контент-анализа для измерения аффектов. Они понимали аффекты как состояния чувств, которые имеют качественные и количественные характеристики. У этих состояний есть как субъективные психологические компоненты, так и физиологические, биохимические и поведенческие составляющие.

Авторы исходили из следующих основных принципов:

1) аффекты влияют на мышление и речь;

2) измеряя частоту слов, встречающихся в речи, можно определить меру выраженности аффекта;

3)мера выраженности аффекта определяется частотой аффективных состояний, личной вовлеченностью в аффект и направленностью аффекта;

4) на аффекты влияют механизмы защиты и адаптации;
5) личностная вовлеченность и направленность могут быть подсчитаны.

Авторы описали следующие шкалы контент-анализа: тревоги, враждебности, социальной отчужденности и личностной дезорганизации (шизофреническая), когнитивных и интеллектуальных повреждений, депрессии, надежды. При этом каждая шкала состоит из множества подшкал. Например, шкала тревоги состоит из следующих подшкал:

- боязнь смерти (все слова, относящиеся к смерти, умиранию, угрозе смерти или тревоге по этому поводу);
- «кастрационная тревога» (упоминания о травмах, повреждениях или опасения подобных явлений);
- тревога разлучения (упоминания об одиночестве, потере поддержки, потере любимого объекта или опасения таковых);
- тревога вины (упоминания о недружественной критике, недоверии, обвинениях, виновности или угрозе таковых);
- тревога стыда (упоминания о смешном, неадекватном, о конфузах, неловкостях или страх перечисленного);
- диффузная, или неспецифическая, тревога (упоминания о страхе без указания на его источник).

Для измерения тревоги (или других шкал) используются тексты, соответствующие по объему пятиминутной свободной речи. Испытуемого просят рассказать о каком-то очень важном или драматическом событии его жизни. Затем текст транскрибируется, т. е. слова и выражения, составляющие этот текст, разносятся по перечисленным выше категориям в соответствии с очень строгими правилами. Количество упоминаний по каждой из категорий дает сырые баллы, которые затем переводятся в стандартные оценки.

Данный тест не раз применялся в различных социально-психологических и биомедицинских исследованиях. Неоднократные проверки на валидность и надежность имели вполне удовлетворительные результаты. В настоящее время имеется компьютерная программа, анализирующая английские тексты по данной методике. Среди исследователей из других стран, прежде всего Германии, предпринимаются попытки адаптировать некоторые шкалы данной методики для других языков.

14.6. Практические приложения использования речи

Наряду с фундаментальными исследованиями речи существуют разработки ее практической стороны, т. е. прикладная психолингвистика. Она занимается проблемами, связанными с функционированием речи в практической жизни людей, изучает речевое общение в личностной сфере человека и его профессиональной деятельности. Область прикладной психолингвистики достаточно широка. Это связано с тем, что речь вплетена во всю жизнедеятельность человека, включена в подавляющую часть его социальных и личностных контактов.

Потребность в научных психологических знаниях наблюдается во многих практических ситуациях. Здесь мы отметим только две противоположные позиции. На одной из них решается задача достижения человеком максимально высокого уровня использования речи, владения речевым искусством с целью оказания эффективного влияния на людей. Такая задача стоит, например, в профессиональной деятельности специалистов, работающих в области человеческих отношений. К этой области относится, по сути, вся политическая и управленческая деятельность в государстве. Владение речевым искусством полезно и во многих других профессиях. На другом полюсе находятся ситуации, связанные с задачей компенсации речевых дефектов разного происхождения, возникших в результате болезней, несчастных случаев, генетических отклонений. Эти дефекты или недоразвития могут иметь разную степень выраженности и глубины. Задача психологической помощи состоит в том, чтобы поднять речевую функцию до такого уровня, который позволяет субъекту приспособиться к нормальной социальной жизни.

Практическая риторика. Речь оказывает воздействие на людей, и это воздействие может приводить к различным результатам. Практическая действенность речи ставит задачу понимания этой способности и ее использования. Поэтому уже с древности люди заинтересовались проблемами речевого воздействия, в связи с чем возникла античная риторика.

Интерес к этой области велик и в наши дни. Во многих странах существуют учреждения по

воспитанию и поддержанию культуры речевого общения и коммуникации. В США действует Американская ассоциация академических преподавателей публичной речи. Студенты колледжей обучаются развитию навыков правильной речи, умению общаться с людьми разного статуса, возраста, положения. Считается, что владение правильной речью — предпосылка успеха в любой сфере деятельности. В Японии разработаны и практикуются школьные курсы по говорению, слушанию, чтению и письму. В нашей стране также действуют различные тренинги и курсы для развития навыков публичных выступлений, деловых переговоров, разрешения конфликтов.

Старая риторика основное внимание уделяла логичности изложения, убедительности аргументации и занималась прежде всего публичными выступлениями ораторов. Психологические данные и практика наших дней показывают, что речь не может оцениваться лишь с одной стороны — в плане ее логичности. Ситуация речевого общения представляет сложную психологическую систему со многими элементами, включая личностный компонент. Чем больше сторон этого явления учтено и согласовано, тем успешнее результат. Современная риторика занимается анализом различных сторон речевой коммуникации.

Особенность нового подхода состоит в том, что личностным формам взаимодействия людей в разговоре и общении придается первостепенное значение. Рассматриваются разные ситуации взаимодействия коммуникантов: непосредственное (при разговоре «лицом к лицу») или опосредованное (при выступлении по телевидению или радио). Выявляется, как люди в общении воздействуют друг на друга и добиваются исполнения своих желаний. Рассматриваются способы организации диалогов, полилогов, анализируются речевые роли собеседников, тактики их речевого поведения, активные или пассивные позиции в разговоре. Разрабатываются техники манипулирования собеседником: его запугивание, увещевание, введение в заблуждение, лесть, эмоциональные призывы и т. п. Показано, что при использовании рационального убеждения важно учитывать ответные действия собеседника или оппонента. Полезно продумывать возможные контраргументы, критику предполагаемых возражений, приемы логической и эмоциональной борьбы.

Рис. 14-3. Ораторская речь

Рис. 14-4. Беседа в аудитории (А. Р. Лурия)

Предметом интереса современной риторики становятся не только трибунные речи, но и широкий спектр других форм коммуникации: общение хорошо знакомых людей в свободной обстановке, взаимодействие небольших групп в официальной ситуации, публичные выступления на митингах, многолюдных собраниях, участие в теле- и радиопередачах «на весь мир». Каждому из названных видов ситуации общения присущ свой тип речевого и общего поведения.

Приведем в качестве примера наблюдения о характере обращения с большими массами людей, которые приводятся в книге С. Московичи «Век толп» (1996). Автор отмечает, что с толпой бесполезно говорить на языке логики. Если вы хотите добиться ее понимания, нужно помнить об особенностях ее психологии.

Толпа безразлична к противоречию, и это возникает из-за того, что она мыслит не по законам разума. Ее мышление «автоматическое», наполненное стереотипными ассоциациями и клише, она легко принимает и смешивает несовместимые позиции и мнения. «Масса может перейти... от одного мнения к диаметрально противоположному, даже не заметив этого или, заметив, не попытаться это исправить».

Толпа исключительно чувствительна к «жизненности» предлагаемых идей. Жизненность проявляется в том, что масса реагирует на то, что вызывает ее непосредственный интерес, пробуждает близкие каждому воспоминания и образы. Такие образы не доказывают, а захватывают. «Если вы слушаете речь,

перегруженную цифрами и статистическими данными, вы заскучаете и затруднитесь понять, в чем же вас хотели убедить. Несколько колоритных образов, ярких аналогий или же фильм, комикс гораздо сильнее действуют на воображение и получают эмоциональный отклик».

Масса нуждается в том, чтобы внушаемые ей идеи многократно повторялись. Повторяемость превращает идею-понятие в идею-действие. В местах, где люди собираются — на площадях, стадионах, улицах, — они не могут рассуждать, а только подвергаются внушающим воздействиям. Идеи здесь должны упроститься, факты сгуститься, принять образную форму. Они воздействуют на глубинные мотивы человеческого поведения и автоматически его запускают.

К счастью, общение между людьми не исчерпывается взаимодействием массового характера. При деловом общении люди продуктивно рассматривают факты и логическую аргументацию, с близкими и друзьями — опираются на доверительные отношения. При всем разнообразии ситуаций общения все они имеют общие принципы организации. Практическая риторика занимается их выявлением и описанием.

Нарушения речевой функции. Речевые нарушения могут происходить в любом звене речевого механизма: произносительном, воспринимающем, смысловом.

Распространенным произносительным дефектом является заикание. Порой оно имеет тяжелые формы и доставляет страдание заикающемуся человеку, накладывая отпечаток на всю его жизнь. Более легкие дефекты проявляются в форме несовершенства произнесения отдельных звуков или их сочетаний. Произносительные дефекты речи в большинстве случаев поддаются коррекции, хотя нередко требуют от человека упорной работы под руководством специалиста-психолога, логопеда. Отклонения в восприятии устной речи связаны с нарушением слухового анализатора, причем как в его периферической, так и центральной части. Изменения восприятия речевых звуков могут проявляться в полной глухоте, разной степени снижении чувствительности ко всем речевым звукам или к отдельным из них. Нарушения смыслового звена речи обычно наступают в результате повреждения мозговых речевых зон, что может происходить из-за мозговых травм разной этиологии — нарушения мозгового кровообращения, механических воздействий.

Возникающая полная или частичная потеря речи называется афазией. Существуют различные ее формы:

- моторная (больной испытывает трудности в произнесении слов);
- сенсорная (больной не понимает устную речь или написанные слова);
- синтаксическая (больной не может соединять слова или не понимает фразы);
- амнестическая (больной испытывает затруднения в назывании предметов);
- глобальная, представляющая сочетание различных форм.

Дифференцированная диагностика афазии не проста и требует последовательного выявления факторов, вызывающих болезнь. Состояние фонематического слуха оказывается ведущим при сенсорной афазии. При ее амнестической форме важны показатели объема восприятия, состояния вербальной памяти. Моторная афазия требует выявления состояния артикуляторного аппарата, а также способности переключения с одного речевого элемента на другой — со звука на звук при построении слова и со слова на слово при произнесении предложения. Такого рода диагностика является прерогативой специалиста — нейропсихолога и врача-невропатолога.

- **Афазия— полная или частичная потеря речи.**

Нарушения речи разного характера обнаруживаются в ходе онтогенеза детей, имеющих отягченную наследственность, патологию внутриутробного развития или родовую травму. Основной формой речевых отклонений бывают задержки развития разной степени глубины и проявления.

Исследование и коррекция речевых нарушений в детском возрасте представляет хорошо разработанную область. В ней занято значительное число логопедов-практиков и исследовательских коллективов, например Институт коррекционной педагогики РАО в Москве. Существуют методические пособия для специалистов, позволяющие грамотно проводить диагностику при обследовании речи детей (Филичева Т. Б. и др., 1989; Власенко И. Т., Чиркина Г. В., 1992). Отличительная особенность такого обследования состоит в том, что оно имеет всесторонний характер. Предлагаются пробы для того, чтобы характеризовать возможность ребенка воспринимать и произносить речевые звуки. Разработаны приемы выявления понимания обращенной к ребенку речи. Определяется объем пассивного и активного словаря, оформленность грамматического строя, навыки владения связной

речью.

При патологии речи требуется помощь специалистов разного профиля: медиков, педагогов, психологов. Психологи, как правило, включаются в постановку дифференцированного диагноза, при котором принимаются во внимание общие теоретические представления о природе и психологических механизмах наблюдаемого дефекта, а также в разработку плана и средств коррекции дефекта.

Вопросы для повторения

1. Каковы средства внешнего выражения психических состояний и процессов субъекта?
2. В чем состоят особенности речевого выражения психического мира субъекта?
3. Каковы особенности стадии раннего речевого развития?
4. Каковы скрытые механизмы предречевого развития младенца первого года жизни?
5. Каковы скрытые механизмы речевого развития ребенка от года до семи лет?
6. Каков общий контур речевого взаимодействия?
7. Как понимается в психологии феномен внутренней речи?
8. Что такое когнитивные модели речи?
9. Каково соотношение мышления и речи?
10. Каковы принципиальные отличия современной риторики от античной?
11. Каковы основные нарушения речевого механизма и методы их выявления?

Рекомендуемая литература

Алмаев Н. А. Динамическая визуализация как метод исследования языкового сознания // Языковое сознание: формирование и функционирование. —М., 1998.

Арио А., Лансло К. Всеобщая рациональная грамматика: (Грамматика Пор-Рояля). / Пер. с фр. Ю. С. Маслова; ЛГУ. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1991.

Ахутина Т.В. Порождение речи: нейролингвистический анализ синтаксиса. — М., 1989.

Бейтс Э. Интенции, конвенции, символы // Психолингвистика: Сб. стат. / Сост. А. М. Шахнарович. — М.: Прогресс, 1984. - 293 с. - С. 50-103.

Брунер Дж. Онтогенез речевых актов // Психолингвистика: Сб. статей / Сост. А. М. Шахнарович. — М.: Прогресс, 1984. - 293 с. - С. 21-50.

Бюлер К. Духовное развитие ребенка. — М.: Новая Москва, 1924.

Власенко И. Т., Чиркина Г. В. Методы обследования речи детей. — М.,1992.

Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. Мышление и речь.: Проблемы психологического развития ребенка / Под. ред. А. Н. Леонтьева. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956. — 51 с.

Гвоздев А. Н. Вопросы изучения детской речи. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961. — 471 с.

Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. — М. 1997.

Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. — М., 1985.

Жинкин Н. И. Механизмы речи. - М.: АПН РСФСР, 1958. - 370 с.

Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. — М., 1982.

Жинкин Н. И. Язык. Речь. Творчество. М.: Лабиринт, 1998.

Залевская А. А. Введение в психолингвистику. — М.: РГГУ, 1999 .

Зимняя И. А. Функциональная психологическая схема формирования и формулирования мысли посредством языка// Исследование речевого мышления в психолингвистике. — М., 1985.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М., 1987.

Караулов Ю. П., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Русский ассоциативный словарь. Т. 1-6. - М.,1994-1999.

Кларк Е. Универсальные категории: о семантике слов-классификаторов и значениях первых слов, усваиваемых детьми // Психолингвистика: Сборник статей / Сост. А. Шахнарович. — М.: Прогресс, 1984. — 293 с.-С. 221-241.

Кольцова М. М. Ребенок учится говорить. — М.: Сов. Россия, 1979. — 192 с.

Латынов В. В. Исследование социальных представлений методом интент-анализа // Языковое сознание: формирование и функционирование. — М., 1998.

Леонгард К. Акцентуированные личности // Психология и психоанализ характера: Хрестоматия / Под. ред. Д. Я. Райгородского. — Самара: Изд. дом «Бахрах», 1998.

Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. — М.: Смысл, 1999.

Леонтьев А. А. Психолингвистика. — Л., 1967.

Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. — М.: Наука, 1969.-307 с.

Лисина М. И. Общение, личность и психика ребенка / Под ред. А. Г. Рузской; Акад. пед. и соц. наук — Москва; Воронеж: Ин-т практической психологии; НПО «МОДЭК»,1997. — 383 с.

Павлова А. А., Шустова Л. А. Методика выявления особенностей речевого развития детей // Вопр. психологии. 1987. №6.

Павлова Н.Д., Ушакова Т.Н. Речь, язык, коммуникация. Современная психология. Ред. В.Н.Дружинин. — М.,1998.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики. — Смоленск, 1997.

Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. — М.; Л.: Огиз, 1932.

Потебня А.А. Мысль и язык// Эстетика и поэтика. — М., 1976.

Психолингвистика. Ред. А. М.Шахнарович.— М., 1984.

Рац У., Михайлова Н. Б. Новый метод диагностики языковой компетенции: Ц-тест. //Иностранная психология. 1995. №5.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. — СПб.: Питер, 1998. — 705 с. — (Мастера психологии). — Глава 9. Речь.

Русалов В. М. Опросник формально-динамических свойств индивидуальности: (ОФДСИ): Методическое пособие / РАН, Ин-т психологии. — М.: Изд-во АО «Диалог-МГУ», 1997. — 50 с.

Рыбников Н. А. Язык ребенка. — М.; Л.: Госиздат, 1926.

Слобин Д. Когнитивные предпосылки развития грамматики // Психолингвистика: Сборник статей / Сост. А. Шахнарович. - М.: Прогресс, 1984. - 293 с. - С. 143-208.

Современная психология: Справочное руководство / Под ред. В. Н. Дружинина. — М.: Инфра-М, 1999. — 687 с. — (Справочники «ИНФРА-М»). — Раздел 3.8. Речь, язык, коммуникация.

Соссюр Ф. Труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1977. — 695 с.

Степанов Ю. С. Язык и метод: К современной философии языка. — М.: Яз. рус. культуры, 1998. — 779 с. — (Язык. Семиотика. Культура).

Уфимцева Н. В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских// Языковое сознание: формирование и функционирование. — М., 1998. С. 135-170.

Ушакова Т. Н. Детская речь — ее истоки и первые шаги в развитии // Психол. журн. 1999. Т.20. №3. С. 59-69.

Ушакова Т. Н. Природные основания речеязыковой способности // Языковое сознание: формирование и функционирование / РАН, Ин-т языкознания; Отв. ред. Н. В. Уфимцева. — М.: РАН, Ин-т Языкознания, 1998. - 255 с.

Ушакова Т. Н. Психология речи и психолингвистика// Психол. журн. Т.12. №6. 1991. С.12-25.

Ушакова Т. Н. Функциональные структуры второй сигнальной системы. — М.: Наука, 1979. — 848 с.

Филичева Т. Б., Чевелева Н. А., Чиркина Г. Б. Основы логопедии. — М., 1989.

Флевел Дж. Генетическая психология Жана Пиаже. — М.: Просвещение, 1967.

Хомский Н. Язык и мышление. — М., 1972.

Чуковский К. И. От двух до пяти. — М.: Просвещение, 1966. — 399 с.

Штерн В. Дифференциальная психология и ее методические основы / РАН, Ин-т психологии. — М.: Наука, 1998. — 335 с. — (Памятники психологической мысли).

Штерн В. Психология раннего детства до 6-летнего возраста. — Петроград, 26-я Гос. типография,

1922.

Ясперс К. Общая психопатология / Пер. с нем. Л. О. Акопяна. — М.: Практика, 1997. — 1053 с.

ЧАСТЬ II. ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Глава 15. Теории личности

Краткое содержание главы

Проблема личности в психологии. Основные подходы к изучению личности. Уровни анализа личности как психологического образования.

Психодинамическая теория личности. Либидо. Фазы развития личности по 3. Фрейду. Ид, эго и суперэго.

Аналитическая теория личности. Архетипы. Коллективное бессознательное. Экстраверсия и интроверсия.

Гуманистическая теория личности. «Клиническое» и «мотивационное» направления. Самоактуализация. Пять уровней мотивации по А. Маслоу. Структура «Я». Характеристики целостной личности.

Когнитивная теория личности. Личностный конструкт. Суперординатные и субординатные конструкты. «Ядерные» и периферические конструкты.

Поведенческая теория личности. Рефлекторное и социальное направления. Рефлексы и социальные навыки как элементы личности. Самоэффективность. Субъективная значимость и доступность.

Деятельностная теория личности. Деятельность как источник развития личности. Интериоризация. Предметность и субъектность как характеристики деятельности. Четырехкомпонентная модель личности.

Диспозициональная теория личности. «Жесткое», «мягкое» и промежуточное (формально-динамическое) направления. Теория черт. Формально-динамические и содержательные свойства личности.

15.1. Проблема личности в психологии

Каждый из нас имеет какое-то свое представление о личности. Чаще всего личность ассоциируется с популярностью, публичным «имиджем», силой воли, высокой уверенностью в себе, развитым самосознанием и т. д. У одних людей эти качества проявляются более отчетливо, у других — менее. Кто из нас не задумывался, почему это происходит? Почему, например, одни люди более агрессивны, чем другие? Одни ведут себя в любой ситуации спокойно, другие находятся в постоянном напряжении и т. д.? В этом разделе мы постараемся дать ответы на подобные вопросы.

В современной психологии выделяют семь основных подходов к изучению личности. Каждый подход имеет свою теорию, свои представления о свойствах и структуре личности, свои методы их измерения. Вот почему можно предложить лишь следующее схематическое определение: *личность* — это многомерная и многоуровневая система психологических характеристик, которые обеспечивают индивидуальное своеобразие, временную и ситуативную устойчивость поведения человека.

- **Личность — многомерная и многоуровневая система психологических характеристик, которые обеспечивают индивидуальное своеобразие, временную и ситуативную устойчивость поведения человека.**

Теория личности — это совокупность гипотез, или предположений о природе и механизмах развития личности. Теория личности пытается не только объяснить, но и предсказать поведение человека (Хьелл А., Зиглер Д., 1997). Основные вопросы, на которые должна ответить теория личности, заключаются в следующем:

1. Каков характер главных источников развития личности — врожденный или приобретенный?
2. Какой возрастной период наиболее важен для формирования личности?
3. Какие процессы являются доминирующими в структуре личности — сознательные (рациональные) или бессознательные (иррациональные)?
4. Обладает ли личность свободой воли, и в какой степени человек осуществляет контроль над своим поведением?
5. Является ли личный (внутренний) мир человека субъективным, или внутренний мир объективен и может быть выявлен с помощью объективных методов?

Каждый психолог придерживается определенных ответов на поставленные выше вопросы. В науке о личности сложилось семь довольно устойчивых комбинаций таких ответов, или теорий личности. Выделяют психодинамическую, аналитическую, гуманистическую, когнитивную, поведенческую, деятельностную и диспозициональную теории личности.

Существует три уровня анализа личности как психологического образования: свойства отдельных «элементов» личности, компоненты («блоки») личности и свойства целостной личности. Соотношение свойств и блоков личности всех трех уровней называют структурой личности. Некоторые теории, а иногда и разные авторы в рамках одной и той же теории, обращают внимание не на все уровни, а лишь на один из них. Названия элементов и блоков личности при этом сильно варьируют. Отдельные свойства часто называют характеристиками, чертами, диспозициями, особенностями характера, качествами, дименсиями, факторами, шкалами личности, а блоки — компонентами, сферами, инстанциями, аспектами, подструктурами.

Каждая теория позволяет построить одну или несколько структурных моделей личности. Большинство моделей являются умозрительными, и лишь немногие, в основном диспозициональные, построены с использованием современных математических методов.

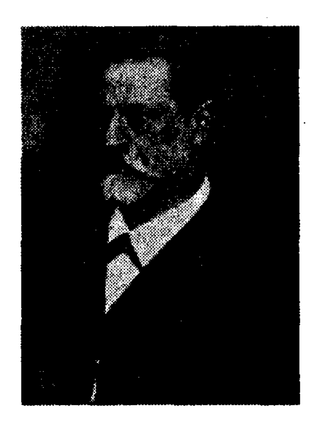
Рассмотрим каждый подход более подробно. В конце изложения каждой теории попытаемся дать более развернутое определение личности в рамках каждого подхода и ответить на такой вопрос: «Почему одни люди более агрессивны, чем другие?»

15.2. Психодинамическая теория личности

Основоположником психодинамической теории личности, также известной под названием «классический психоанализ», является австрийский ученый 3. Фрейд.

По мнению Фрейда, главным источником развития личности являются врожденные биологические факторы (инстинкты), а точнее, общая биологическая энергия — *либидо* (от лат. *libido* — влечение, желание). Эта энергия направлена, во-первых, на продолжение рода (сексуальное влечение) и, во-вторых, на разрушение (агрессивное влечение) (Фрейд 3., 1989). Личность формируется в течение первых шести лет жизни. Доминирует в структуре личности бессознательное. Сексуальные и агрессивные влечения, составляющие основную часть либидо, человеком не осознаются.

Фрейд утверждал, что личность не обладает никакой свободой воли. Поведение человека полностью детерминировано его сексуальными и агрессивными мотивами, которые он называл ид (оно). Что касается внутреннего мира личности, то в рамках данного подхода он полностью субъективен. Человек находится в плену собственного внутреннего мира, истинное содержание мотива скрыто за «фасадом» поведения. И только описки, обмолвки, сновидения, а также специальные методы могут дать более или менее точную информацию о личности человека.

З. Фрейд (1856–1939)

Основные психологические свойства отдельных «элементов» личности часто называют чертами характера (Фрейд З., 1989). Эти свойства формируются у человека в раннем детстве.

На первой, так называемой «оральной» фазе развития (от рождения до 1,5 лет), резкий и грубый отказ матери кормить ребенка грудью формирует у ребенка такие психологические свойства, как недоверие, сверхнезависимость и сверхактивность, и наоборот, длительное кормление (более 1,5 лет) может привести к формированию доверчивой, пассивной и зависимой личности. На второй (от 1,5 до 3 лет), «анальной», фазе грубое наказание ребенка в процессе обучения туалетным навыкам порождает «анальные» свойства характера — жадность, чистоплотность, пунктуальность. Попустительское отношение родителей к обучению ребенка туалетным навыкам может привести к формированию непунктуальной, щедрой и даже творческой личности.

На третьем, «фаллическом», самом важном этапе развития ребенка (от 3 до 6 лет), происходит формирование «комплекса Эдипа» у мальчиков и «комплекса Электры» у девочек. Комплекс Эдипа выражается в том, что мальчик ненавидит своего отца за то, что тот прерывает его первые эротические влечения к противоположному полу (к матери). Отсюда — агрессивный характер, незаконопослушное поведение, связанное с неприятием семейных и социальных нормативов, которые символизирует отец. Комплекс Электры (тяга к отцу и неприятие матери) формирует у девочек отчуждение в отношениях между дочерью и матерью.

Фрейд выделяет три основных концептуальных блока, или инстанции личности:

1) *ид* («оно») — главная структура личности, состоящая из совокупности бессознательных (сексуальных и агрессивных) побуждений; ид функционирует в соответствии с принципом удовольствия;

2) *эго* («я») — совокупность преимущественно осознаваемых человеком познавательных и исполнительных функций психики, представляющих, в широком смысле, все наши знания о реальном мире; эго — это структура, которая призвана обслуживать ид, функционирует в соответствии с принципом реальности и регулирует процесс взаимодействия между ид и суперэго и выступает ареной непрекращающейся борьбы между ними;

3) *суперэго* («сверх-я») — структура, содержащая социальные нормы, установки, моральные ценности того общества, в котором живет человек.

Ид, эго и суперэго находятся в постоянной борьбе за психическую энергию из-за ограниченного объема либидо. Сильные конфликты могут привести человека к психологическим проблемам, заболеваниям. Для снятия напряжённости этих конфликтов личность вырабатывает специальные «защитные механизмы», которые функционируют бессознательно и скрывают истинное содержание мотивов поведения. Защитные механизмы являются целостными свойствами личности. Вот некоторые из них: вытеснение (перевод в подсознание мыслей и чувств, причиняющих страдания); проекция (процесс, посредством которого личность приписывает собственные неприемлемые мысли и чувства другим людям, возлагая таким образом на них вину за свои недостатки или промахи); замещение (переадресовка агрессии от более угрожающего объекта к менее угрожающему); реактивное образование (подавление неприемлемых побуждений и замена их в поведении на противоположные побуждения); сублимация (замена неприемлемых сексуальных или агрессивных побуждений на социально приемлемые формы поведения в целях адаптации). У каждого человека есть свой набор защитных механизмов, сформированных в детстве.

Таким образом, в рамках психодинамической теории личность есть система сексуальных и

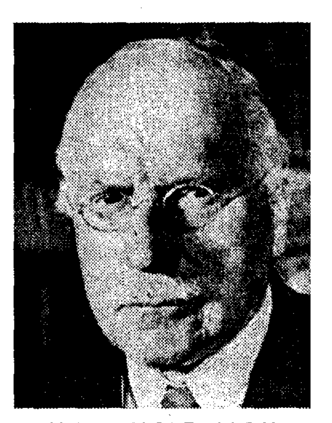
агрессивных мотивов, с одной стороны, и защитных механизмов - с другой, а структура личности представляет собой индивидуально различное соотношение отдельных свойств, отдельных блоков (инстанций) и защитных механизмов.

На поставленный контрольный вопрос «Почему одни люди более агрессивны, чем другие?» в рамках теории классического психоанализа можно ответить следующим образом: потому что в самой природе человека содержатся агрессивные влечения, а структуры эго и суперэго развиты недостаточно, чтобы им противостоять.

- **Либидо – общая биологическая энергия.**
  Ид – совокупность бессознательных побуждений.
  Эго – совокупность преимущественно осознаваемых человеком познавательных и исполнительных функций психики.
  Суперэго – психическая структура, содержащая социальные нормы, установки, моральные ценности общества.

15.3. Аналитическая теория личности

Аналитическая теория личности близка к теории классического психоанализа, так как имеет с ней много общих корней. Многие представители этого направления были учениками 3. Фрейда. Однако было бы неверным считать, что аналитическая теория является неким новым, более совершенным этапом в развитии классического психоанализа. Это — качественно другой подход, основанный на ряде новых теоретических положений. Наиболее ярким представителем этого подхода является швейцарский исследователь К. Юнг.

К. Юнг (1875–1961)

Главным источником развития личности Юнг считал врожденные психологические факторы. Человек получает по наследству от родителей готовые первичные идеи — «архетипы». Некоторые архетипы универсальны, например идеи Бога, добра и зла, и присущи всем народам. Но есть архетипы культурно- и индивидуально-специфические. Юнг предполагал, что архетипы отражаются в сновидениях, фантазиях и нередко встречаются в виде символов, используемых в искусстве, литературе, архитектуре и религии (Юнг К., 1994). Смысл жизни каждого человека — наполнить врожденные архетипы конкретным содержанием.

- **Архетипы — наследственно передающиеся первичные идеи.**
  Коллективное бессознательное — совокупность всех врожденных архетипов.

По мнению Юнга, личность формируется в течение всей жизни. В структуре личности доминирует бессознательное, основная часть которого составляет «коллективное бессознательное» — совокупность всех врожденных архетипов. Свобода воли личности ограничена. Поведение человека фактически подчинено его врожденным архетипам, или коллективному бессознательному. Внутренний мир человека, в рамках данной теории, полностью субъективен. Раскрыть свой мир личность способна только через свои сновидения и отношения к символам культуры и искусства. Истинное содержание личности скрыто от постороннего наблюдателя.

Основными элементами личности являются психологические свойства отдельных реализованных

архетипов данного человека. Эти свойства также часто называют чертами характера (Юнг К., 1994). Например, свойства архетипа «персона» (маска) — это все наши психологические характеристики, роли, которые мы выставляем напоказ; свойства архетипа «тень» — это наши истинные психологические чувства, которые мы прячем от людей; свойства архетипа «анимус» (дух) — быть мужественным, твердым, смелым; защищать, охранять, охотиться и т. д.; свойства архетипа «анима» (душа) — нежность, мягкость, заботливость.

В аналитической модели выделяют три основных концептуальных блока, или сферы, личности:

1. Коллективное бессознательное — основная структура личности, в которой сосредоточен весь культурно-исторический опыт человечества, представленный в психике человека в виде унаследованных архетипов.

2. Индивидуальное бессознательное — совокупность «комплексов», или эмоционально заряженных мыслей и чувств, вытесненных из сознания. Примером комплекса может служить «комплекс власти», когда человек всю свою психическую энергию тратит на деятельность, прямо или косвенно связанную со стремлением к власти, не осознавая этого.

3. Индивидуальное сознательное — структура, служащая основой самосознания и включающая те мысли, чувства, воспоминания и ощущения, благодаря которым мы осознаем себя, регулируем свою сознательную деятельность.

Целостность личности достигается за счет действия архетипа «самость». Главная цель этого архетипа — «индивидуация» человека, или выход из коллективного бессознательного. Это достигается благодаря тому, что «самость» организует, координирует, интегрирует все структуры психики человека в единое целое и создает уникальность, неповторимость жизни каждого отдельного человека. У самости существует два способа, две установки такой интеграции:

- *экстраверсия* — установка, заключающаяся в том, чтобы наполнить врожденные архетипы внешней информацией (ориентация на объект);
- *интроверсия* — ориентация на внутренний мир, на собственные переживания (на субъект).

- **Экстраверсия — ориентация на объект.**
  Интроверсия— ориентация на внутренний мир,на собственные переживания.

В каждом человеке существует одновременно и экстраверт, и интроверт. Однако степень их выраженности может быть совершено различной.

Кроме того, Юнг выделял четыре подтипа переработки информации: мыслительный, чувственный, ощущающий и интуитивный, доминирование одного из которых придает своеобразие экстравертивной или интровертивной установке человека. Таким образом, в типологии Юнга можно выделить восемь подтипов личности.

В качестве примера приведем характеристики двух типов личности:

1. Экстраверт-мыслительный — сфокусирован на изучении внешнего мира, практичен, заинтересован в получении фактов, логичен, хороший ученый.

2. Интроверт-мыслительный — заинтересован в понимании собственных идей, рассудителен, бьется над философскими проблемами, ищет смысл собственной жизни, держится на расстоянии от людей.

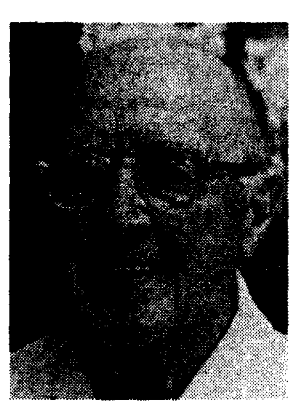
Согласно аналитической теории, личность — это совокупность врожденных и реализованных архетипов, а структура личности определяется как индивидуальное своеобразие соотношения отдельных свойств архетипов, отдельных блоков бессознательного и сознательного, а также экстравертированной или интровертированной установок личности.

Ответ на контрольный вопрос «Почему одни люди более агрессивны, чем другие?» можно теоретически сформулировать следующим образом: потому что они родились с соответствующими архетипами (воина, преступника и т. д.) и социальная среда позволила им «наполнить» эти архетипы.

15.4. Гуманистическая теория личности

В гуманистической теории личности выделяется два основных направления. Первое, «клиническое» (ориентированное преимущественно на клинику), представлено во взглядах американского психолога К. Роджерса. Основоположником второго, «мотивационного», направления является американский исследователь А. Маслоу. Несмотря на некоторые отличия между этими двумя направлениями, их

объединяет много общего.

К. Роджерс (1902–1987)

Главным источником развития личности представители гуманистической психологии считают врожденные тенденции к самоактуализации. Развитие личности есть развертывание этих врожденных тенденций. Согласно К. Роджерсу, в психике человека существуют две врожденные тенденции. Первая, названная им «самоактуализирующейся тенденцией», содержит изначально в свернутом виде будущие свойства личности человека. Вторая — «организмический отслеживающий процесс» — представляет собой механизм контроля за развитием личности. На основе этих тенденций у человека в процессе развития возникает особая личностная структура «Я», которая включает «идеальное Я» и «реальное Я». Эти подструктуры структуры «Я» находятся в сложных отношениях — от полной гармонии (конгруэнтности) до полной дисгармонии (Роджерс К., 1994).

Цель жизни, согласно К. Роджерсу, — реализовать весь свой врожденный потенциал, быть «полностью функционирующей личностью», т. е. человеком, который использует все свои способности и таланты, реализует свой потенциал и движется к полному познанию себя, своих переживаний, следуя своей истинной природе.

А. Маслоу выделил два типа потребностей, лежащих в основе развития личности: «дефицитарные», которые прекращаются после их удовлетворения, и «ростовые», которые, напротив, только усиливаются после их реализации. Всего, по Маслоу, существует пять уровней мотивации:

1) физиологический (потребности в еде, сне);
2) потребности в безопасности (потребность в квартире, работе);
3) потребности в принадлежности, отражающие потребности одного человека в другом человеке, например в создании семьи;
4) уровень самооценки (потребность в самоуважении, компетенции, достоинстве);
5) потребность в самоактуализации (метапотребности в творчестве, красоте, целостности и т. д.).

Потребности первых двух уровней относятся к дефицитарным, третий уровень потребностей считается промежуточным, на четвертом и пятом уровнях находятся ростовые потребности.

Маслоу сформулировал закон поступательного развития мотивации, согласно которому мотивация человека развивается поступательно: движение на более высокий уровень происходит в том случае, если удовлетворены (в основном) потребности низшего уровня. Другими словами, если человек голоден и у него нет крыши над головой, то ему будет трудно создать семью и тем более испытывать уважение к себе или заниматься творчеством.

Наиболее важными для человека являются потребности в самоактуализации. Самоактуализация — не конечное состояние совершенства человека. Ни один человек не становится настолько самоактуализированным, чтобы отбросить все мотивы. У каждого человека всегда остаются таланты для дальнейшего развития. Человек, достигший пятого уровня, называется «психологически здоровой личностью» (Маслоу А., 1999).

По мнению гуманистов, решающего возрастного периода не существует, личность формируется и развивается в течение всей жизни. Однако ранние периоды жизни (детство и юношество) играют особую роль в развитии личности. В личности доминируют рациональные процессы, где бессознательное возникает лишь временно, когда по тем или иным причинам блокируется процесс самоактуализации. Гуманисты считают, что личность обладает полной свободой воли. Человек осознает себя, осознает свои поступки, строит планы, ищет смыслы жизни. Человек — творец собственной

личности, творец своего счастья.

Внутренний мир человека, его мысли, чувства и эмоции для гуманистов не есть прямое отражение действительности. Каждый человек интерпретирует реальность в соответствии со своим субъективным восприятием. Внутренний мир человека в полной мере доступен только ему самому. Основу действий человека составляют субъективное восприятие и субъективные переживания. Только субъективный опыт является ключом к пониманию поведения конкретного человека.

В гуманистической модели личности основными концептуальными «единицами» выступают:

1) «реальное Я» — совокупность мыслей, чувств и переживаний «здесь и сейчас» (Роджерс К., 1994);

2) «идеальное Я» — совокупность мыслей, чувств и переживаний, которые человек хотел бы иметь для реализации своего личностного потенциала.

3) потребности в самоактуализации — врожденные потребности, определяющие рост и развитие личности (Маслоу А., 1997).

Хотя «реальное Я» и «идеальное Я» являются довольно размытыми понятиями, тем не менее существует способ измерения их конгруэнтности (совпадения). Высокий показатель конгруэнтности свидетельствует об относительно высокой гармонии «реального Я» и «идеального Я» (о высокой самооценке). При низких же значениях конгруэнтности (низкой самооценке) отмечается высокий уровень тревожности, признаки депрессии.

При рождении обе подструктуры структуры «Я» полностью конгруэнтны, и поэтому человек изначально добр и счастлив. Впоследствии, благодаря взаимодействию с окружающей средой, расхождения между «реальным Я» и «идеальным Я» могут приводить к искаженному восприятию реальности — субцепции, по терминологии К. Роджерса. При сильных и длительных расхождениях между «реальным Я» и «идеальным Я» могут возникать психологические проблемы.

Студенты с высокой самооценкой в случае неудачи (например, провала на экзамене) пытаются установить контакт с преподавателем и пересдать предмет еще раз. При повторных попытках их показатели только улучшаются. Студенты же с низким уровнем самооценки отказываются от дальнейших попыток пересдать экзамен, преувеличивают свои трудности, избегают ситуаций, где они могли бы проявить себя, чаще страдают одиночеством.

В качестве блоков личности в этой теории выступают пять уровней потребностей человека по А. Маслоу.

Целостность личности достигается в том случае, когда конгруэнтность между «реальным Я» и «идеальным Я» приближается к единице. Целостность личности — основное качество «полностью функционирующей личности». Смысл воспитания и коррекции личности состоит в развитии целостной личности.

Целостная личность, во-первых, стремится к установлению хорошего психологического контакта со своими друзьями и близкими, к раскрытию им своих скрытых эмоций и тайн; во-вторых, четко знает, кто она есть на самом деле («реальное Я») и кем бы она хотела быть («идеальное Я»); в-третьих, максимально открыта к новому опыту и принимает жизнь такой, как она есть «здесь и сейчас»; в-четвертых, практикует безусловное позитивное отношение ко всем людям; в-пятых, тренирует в себе эмпатию к другим людям, т. е. пытается понять внутренний мир другого человека и смотреть на другого человека его глазами.

Целостную личность характеризуют:

1) эффективное восприятие реальности;

2) спонтанность, простота и естественность поведения;

3) ориентация на решение проблемы, на дело;

4) постоянная «детскость» восприятия;

5) частые переживания «пиковых» чувств, экстаза;

6) искреннее желание помочь всему человечеству;

7) глубокие межличностные отношения;

8) высокие моральные стандарты.

Таким образом, в рамках гуманистического подхода, личность — это внутренний мир человеческого «Я» как результат самоактуализации, а структура личности — это индивидуальное соотношение «реального Я» и «идеального Я», а также индивидуальный уровень развития потребностей в самоактуализации.

На контрольный вопрос «Почему одни люди более агрессивны, чем другие?» гуманисты отвечают следующим образом: потому что в силу определенных обстоятельств на пути их роста и развития

возник временный блок (резкое расхождение между «реальным Я» и «идеальным Я», застревание на низших уровнях потребностей), удалив который, они смогут снова вернуться к нормальному (неагрессивному) поведению.

15.5. Когнитивная теория личности

Когнитивная теория личности близка к гуманистической, однако в ней имеется ряд существенных отличий. Основоположником этого подхода является американский психолог Дж. Келли (1905-1967). По его мнению, единственное, что человек хочет знать в жизни, — это то, что с ним произошло и что с ним произойдет в будущем.

Главным источником развития личности, согласно Келли, является среда, социальное окружение. Когнитивная теория личности подчеркивает влияние интеллектуальных процессов на поведение человека. В этой теории любой человек сравнивается с ученым, проверяющим гипотезы о природе вещей и делающим прогноз будущих событий. Любое событие открыто для многократного интерпретирования. Главным понятием в этом направлении является «конструкт» (от англ. *construct* — строить). Это понятие включает в себя особенности всех известных познавательных процессов (восприятия, памяти, мышления и речи). Благодаря конструктам человек не только познает мир, но и устанавливает межличностные отношения. Конструкты, которые лежат в основе этих отношений, называются личностными конструктами (Франселла Ф., Баннистер Д., 1987). Конструкт — это своеобразный классификатор-шаблон нашего восприятия других людей и себя.

Дж. Келли (1905–1967)

Келли открыл и описал главные механизмы функционирования личностных конструктов, а также сформулировал основополагающий постулат и 11 следствий. Постулат утверждает, что личностные процессы психологически канализированы таким образом, чтобы обеспечить человеку максимальное предсказание событий. Все остальные следствия уточняют этот основной постулат.

С точки зрения Келли, каждый из нас строит и проверяет гипотезы, одним словом, решает проблему, является ли данный человек спортивным или неспортивным, музыкальным или немузыкальным, интеллигентным или неинтеллигентным и т. д., пользуясь соответствующими конструктами (классификаторами). Каждый конструкт имеет «дихотомию» (два полюса): «спортивный - неспортивный», «музыкальный-немузыкальный» и т. д. Человек выбирает произвольно тот полюс дихотомического конструкта, тот исход, который лучше описывает событие, т. е. обладает лучшей прогностической ценностью. Одни конструкты пригодны для описания лишь узкого круга событий, в то время как другие обладают широким диапазоном применимости. Например, конструкт «умный-глупый» вряд ли годится для описания погоды, а вот конструкт «хороший-плохой» пригоден фактически на все случаи жизни.

Люди отличаются не только количеством конструктов, но и их местоположением. Те конструкты, которые актуализируются в сознании быстрее, называются суперординатными, а которые медленнее — субординатными. Например, если, встретив какого-то человека, вы сразу оцениваете его с точки зрения того, является ли он умным или глупым, и только потом — добрым или злым, то ваш конструкт «умный-глупый» является суперординатным, а конструкт «добрый-злой» — субординатным.

Дружба, любовь и вообще нормальные взаимоотношения между людьми возможны только тогда,

когда люди имеют сходные конструкты. Действительно, трудно представить себе ситуацию, чтобы успешно общались два человека, у одного из которых доминирует конструкт «порядочный-непорядочный», а у другого такого конструкта нет вообще.

Конструктная система не является статическим образованием, а находится в постоянном изменении под влиянием опыта, т. е. личность формируется и развивается в течение всей жизни. В личности доминирует преимущественно «сознательное». Бессознательное может относиться только к отдаленным (субординантным) конструктам, которыми при интерпретации воспринимаемых событий человек пользуется редко.

Келли полагал, что личность обладает ограниченной свободой воли. Конструктная система, сложившаяся у человека в течение жизни, содержит в себе известные ограничения. Однако он не считал, что жизнь человека полностью детерминирована. В любой ситуации человек способен сконструировать альтернативные предсказания. Внешний мир — не злой и не добрый, а такой, каким мы конструируем его в своей голове. В конечном итоге, по мнению когнитивистов, судьба человека находится в его руках. Внутренний мир человека субъективен и является, по мнению когнитивистов, его собственным порождением. Каждый человек воспринимает и интерпретирует внешнюю реальность через собственный внутренний мир.

Основным концептуальным элементом является личностный «конструкт». У каждого человека имеется своя собственная система личностных конструктов, которая делится на два уровня (блока):

1. Блок «ядерных» конструктов — это примерно 50 основных конструктов, которые находятся на вершине конструктной системы, т. е. в постоянном фокусе оперативного сознания. Этими конструктами человек пользуется наиболее часто при взаимодействии с другими людьми.
2. Блок периферических конструктов — это все остальные конструкты. Количество этих конструктов сугубо индивидуально и может варьировать от сотен до нескольких тысяч.

Целостные свойства личности выступают как результат совместного функционирования обоих блоков, всех конструктов. Выделяют два типа целостной личности: когнитивно сложная личность (личность, у которой имеется большое количество конструктов) и когнитивно простая личность (личность с небольшим набором конструктов).

Когнитивно сложная личность, по сравнению с когнитивно простой, отличается следующими характеристиками:

1) имеет лучшее психическое здоровье;
2) лучше справляется со стрессом;
3) имеет более высокий уровень самоооценки;
4) более адаптивна к новым ситуациям.

Для оценки личностных конструктов (их качества и количества) существуют специальные методы. Наиболее известный из них «тест репертуарной решетки» (Франселла Ф., Баннистер Д., 1987).

Испытуемый сравнивает одновременно между собой триады (список и последовательность триад составляются заранее из людей, играющих важную роль в прошлой или настоящей жизни данного испытуемого) с целью выявления таких психологических характеристик, которые есть у двух из сравниваемых трех людей, но отсутствуют у третьего человека.

Например, вам предстоит сравнить преподавателя, которого вы любите, свою жену (или мужа) и себя. Предположим, вы считаете, что у вас и вашего преподавателя есть общее психологическое свойство — общительность, а у вашего супруга(и) такое качество отсутствует. Следовательно, в вашей конструктной системе есть такой конструкт — «общительность-необщительность». Таким образом, сравнивая себя и других людей, вы раскрываете систему своих собственных личностных конструктов.

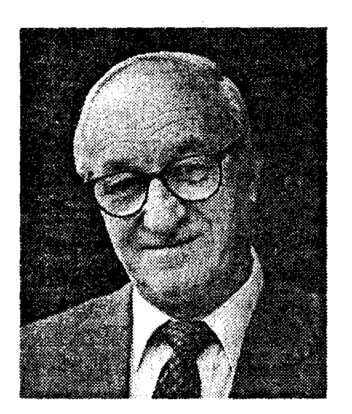
Согласно когнитивной теории, личность — это система организованных личностных конструктов, в которых перерабатывается (воспринимается и интерпретируется) личный опыт человека. Структура личности в рамках данного подхода рассматривается как индивидуально своеобразная иерархия конструктов.

На контрольный вопрос «Почему одни люди более агрессивны, чем другие?» когнитивисты отвечают так: потому что у агрессивных людей имеется особая конструктная система личности. Они иначе воспринимают и интерпретируют мир, в частности, лучше запоминают события, связанные с агрессивным поведением.

15.6. Поведенческая теория личности

Поведенческая теория личности имеет еще и другое название — «наученческая», поскольку главный тезис данной теории гласит: наша личность является продуктом научения.

Существуют два направления в поведенческой теории личности — рефлекторное и социальное. Рефлекторное направление представлено работами известных американских бихевиористов Дж. Уотсона и Б. Скиннера. Основоположниками социального направления являются американские исследователи А. Бандура и Дж. Роттер.

А. Бандура (род. 1925)

Главным источником развития личности, согласно обоим направлениям, является среда в самом широком смысле этого слова. В личности нет ничего от генетического или психологического наследования. Личность является продуктом научения, а ее свойства — это обобщенные поведенческие рефлексы и социальные навыки. С точки зрения бихевиористов, можно по заказу сформировать любой тип личности — труженика или бандита, поэта или торговца. Например, Уотсон не делал никаких различий между выработкой эмоциональных реакций у человека и слюноотделительного рефлекса у собаки, полагая, что все эмоциональные свойства личности (страх, тревога, радость, гнев и т. д.) являются результатом выработки классических условных рефлексов. Скиннер, утверждал, что личность — это совокупность социальных навыков, сформировавшихся в результате оперантного научения. Оперантом Скиннер называл любое изменение среды в результате какого-либо моторного акта. Человек стремится совершать те операнты, после которых следует подкрепление, и избегает тех, за которыми следует наказание. Таким образом, в результате определенной системы подкреплений и наказаний человек приобретает новые социальные навыки и, соответственно, новые свойства личности — доброту или честность, агрессивность или альтруизм (Годфруа Ж., 1992; Скиннер Б. Ф., 1978).

По мнению представителей второго направления, важную роль в развитии личности играют не столько внешние, сколько внутренние факторы, например ожидание, цель, значимость и т. д. Бандура назвал поведение человека, детерминированное внутренними факторами, саморегуляцией. Основная задача саморегуляции — обеспечивать самоэффективность, т. е. совершать только те формы поведения, которые человек может реализовать, опираясь на внутренние факторы в каждый данный момент. Внутренние факторы действуют по своим внутренним законам, хотя и возникли из прошлого опыта в результате научения через подражание (Хьелл А., Зиглер Д., 1997). Роттер является еще большим когнитивистом, чем Бандура. Для объяснения поведения человека он вводит специальное понятие «поведенческий потенциал», которое означает меру вероятности того, какое поведение будет совершать человек в данной ситуации. Потенциал поведения складывается из двух компонентов: субъективной значимости подкрепления данного поведения (насколько предстоящее подкрепление ценно, значимо для человека) и доступности данного подкрепления (насколько предстоящее подкрепление в данной ситуации может быть реализовано).

Бихевиористы считают, что личность формируется и развивается в течение всей жизни по мере социализации, воспитания и научения. Однако ранние годы жизни человека они рассматривают как более важные. Основа любых знаний, способностей, в том числе творческих и духовных, по их мнению, закладывается в детстве. В личности рациональные и иррациональные процессы представлены в равной мере. Их противопоставление не имеет смысла. Все зависит от типа и сложности поведения. В одних случаях человек может четко осознавать свои поступки и свое поведение, в других — нет.

Согласно поведенческой теории, человек практически полностью лишен свободы воли. Наше поведение детерминировано внешними обстоятельствами. Мы часто ведем себя как марионетки и не

осознаем последствий своего поведения, поскольку выученные нами социальные навыки и рефлексы от длительного употребления уже давно автоматизированы. Внутренний мир человека объективен. В нем все от среды. Личность полностью объективизируется в поведенческих проявлениях. Никакого «фасада» нет. Наше поведение и есть личность. Поведенческие признаки личности поддаются операционализации и объективному измерению.

В качестве элементов личности в бихевиористской теории личности выступают рефлексы или социальные навыки. Постулируется, что список социальных навыков (т. с. свойств, характеристик, черт личности), присущих конкретному человеку, определяется его социальным опытом (научением). Свойства личности и требования социального окружения человека совпадают. Если вы воспитывались в доброй, спокойной семье и вас поощряли за доброту и спокойствие, то вы будете иметь свойства доброго и спокойного человека. А если вы грустны и печальны или отличаетесь повышенной ранимостью, то это также не ваша вина; вы — продукт общества и воспитания.

Важно подчеркнуть, что проблема подкрепления у бихевиористов не сводится только к пище. Представители этого направления утверждают, что для человека существует своя экологически валидная иерархия подкреплений. Для ребенка наиболее мощным, после пищевого, подкреплением является активностное подкрепление (посмотреть телевизор, видео), затем — манипулятивное (поиграть, порисовать), далее — поссессиальное (от англ. *possess* — владеть) подкрепление (посидеть на папином стуле, надеть мамину юбку) и, наконец — социальное подкрепление (похвалить, обнять, ободрить и т. д.).

Если в рамках рефлекторного направления поведенческой теории фактически отрицается существование определенных блоков личности, то представители социально-наученческого направления считают выделение таких блоков вполне возможным.

В поведенческой модели выделяют три основных концептуальных блока личности. Основной блок — самоэффективность, которая является своего рода когнитивным конструктом «могу - не могу». А. Бандура определял эту структуру как веру, убеждение или ожидание получения будущего подкрепления. Этот блок детерминирует успешность совершения определенного поведения, или успешность усвоения новых социальных навыков. Если человек принимает решение: «Могу», — то он приступает к выполнению определенного действия, если же человек выносит вердикт: «Не могу», — то он отказывается от выполнения данного действия или от его усвоения. Например, если вы решили, что не сможете выучить китайский язык, то никакая сила не заставит вас это сделать. А если вы решили, что сможете это сделать, то рано или поздно вы его выучите.

По мнению Бандуры, существует четыре основных условия, которые определяют формирование у человека уверенности в том, что он может и чего не может сделать:

1) прошлый опыт (знания, навыки); например, если раньше мог, то и сейчас, по-видимому, смогу;

2) самоинструкция; например, «Я могу это сделать!»;

3) повышенное эмоциональное настроение (алкоголь, музыка, любовь);

4) (самое главное условие) наблюдение, моделирование, подражание поведению других людей (наблюдение за реальной жизнью, просмотр кинофильмов, чтение книг и т. д.); например, «Если другие могут, то и я смогу!».

Дж. Роттер выделяет два основных внутренних блока личности — субъективную значимость (структура, оценивающая предстоящее подкрепление) и доступность (структура, связанная с ожиданием получения подкрепления на основе прошлого опыта). Эти блоки не функционируют самостоятельно, а образуют более общий блок, называемый поведенческим потенциалом, или блоком когнитивной мотивации (Хьелл А., Зиглер Д., 1997).

Целостные свойства личности проявляются в единстве действия блоков субъективной значимости и доступности. Люди, которые не видят связи (или видят слабую связь) между своим поведением (своими усилиями, своими действиями) и их результатами (подкреплениями), по мнению Роттера, имеют внешний, или экстернальный «локус контроля». «Экстерналы» — это люди, которые не управляют ситуацией и надеются в своей жизни на авось. Люди, которые видят четкую связь между своим поведением (своими усилиями, своими действиями) и результатами своего поведения, имеют внутренний, или интернальный «локус контроля». «Интерналы» — это люди, которые управляют ситуацией, контролируют ее, она им доступна.

Таким образом, в рамках данного подхода, личность — это система социальных навыков и условных рефлексов, с одной стороны, и система внутренних факторов: самоэффективности, субъективной значимости и доступности — с другой. Согласно поведенческой теории личности, структура личности

— это сложно организованная иерархия рефлексов или социальных навыков, в которой ведущую роль играют внутренние блоки самоэффективности, субъективной значимости и доступности.

Ответ на контрольный вопрос «Почему одни люди более агрессивны, чем другие?» в рамках данной теории формулируется следующим образом: потому что в процессе воспитания этих людей поощряли за агрессивное поведение, их окружение состояло из агрессивных людей и само агрессивное поведение для них является субъективно значимым и доступным.

15.7. Деятельностная теория личности

Эта теория получила наибольшее распространение в отечественной психологии. Среди исследователей, внесших наибольший вклад в ее развитие, следует назвать прежде всего С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, К. А. Абульханову-Славскую и А. В. Брушлинского. Данная теория имеет ряд общих черт с поведенческой теорией личности, особенно с ее социально-наученческим направлением, а также с гуманистической и когнитивной теориями.

В этом подходе отрицается биологическое и тем более психологическое наследование личностных свойств. Главным источником развития личности, согласно этой теории, является деятельность. Деятельность понимается как сложная динамическая система взаимодействий субъекта (активного человека) с миром (с обществом), в процессе которых и формируются свойства личности (Леонтьев А. Н., 1975). Сформированная личность (внутреннее) в дальнейшем становится опосредствующим звеном, через которое внешнее оказывает влияние на человека (Рубинштейн С. Л., 1997).

Принципиальное отличие деятельностной теории от поведенческой заключается в том, что средством научения здесь выступает не рефлекс, а особый механизм интериоризации, благодаря которому происходит усвоение общественно-исторического опыта. Основными характеристиками деятельности являются предметность и субъектность. Специфика предметности состоит в том, что объекты внешнего мира воздействуют на субъект не непосредственно, а лишь будучи преобразованными в процессе самой деятельности.

Предметность — это характеристика, которая присуща только человеческой деятельности и проявляется прежде всего в понятиях языка, социальных ролях, ценностях. В отличие от А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейн и его последователи подчеркивают, что деятельность личности (и сама личность) понимается не как особая разновидность психической активности, а как реальная, объективно наблюдаемая практическая (а не символическая), творческая, самостоятельная деятельность конкретного человека (Абульханова-Славская К. А., 1980; Брушлинский А. В., 1994).

Субъектность означает, что человек сам является носителем своей активности, собственным источником преобразования внешнего мира, действительности. Субъектность выражается в намерениях, потребностях, мотивах, установках, отношениях, целях, определяющих направленность и избирательность деятельности, в личностном смысле, т. е. значении деятельности для самого человека.

Представители деятельностного подхода считают, что личность формируется и развивается в течение всей жизни в той мере, в какой человек продолжает играть социальную роль, быть включенным в социальную деятельность. Человек не является пассивным наблюдателем, он — активный участник социальных преобразований, активный субъект воспитания и обучения. Детство и юношеские годы тем не менее рассматриваются в этой теории как наиболее важные для формирования личности. Представители этой теории верят в позитивные изменения личности человека по мере социального прогресса.

По мнению представителей данного подхода, в личности основное место занимает сознание, причем структуры сознания не даны человеку изначально, а формируются в раннем детстве в процессе общения и деятельности. Бессознательное имеет место только в случае автоматизированных операций. Сознание личности полностью зависит от общественного бытия, ее деятельности, от общественных отношений и конкретных условий, в которые она включена. Человек обладает свободой воли лишь в той мере, в какой это позволяют социально усвоенные свойства сознания, например рефлексия, внутренний диалогизм. Свобода — это осознанная необходимость. Внутренний мир человека и субъективен, и объективен одновременно. Все зависит от уровня включения субъекта в конкретную деятельность. Отдельные аспекты и свойства личности могут быть объективизированы в поведенческих проявлениях и поддаются операционализации и объективному измерению.

В рамках деятельностного подхода в качестве элементов личности выступают отдельные свойства,

или черты личности; принято считать, что свойства личности образуются в результате деятельности, которая осуществляется всегда в конкретном общественно-историческом контексте - ЛеонтьевА. Н., 1975). В этой связи свойства личности рассматриваются как социально (нормативно) детерминированные. Например, настойчивость формируется в таких видах деятельности, где субъект проявляет самостоятельность, независимость. Настойчивый человек действует смело, активно, отстаивает свои права на самостоятельность и требует от окружающих признания этого. Список свойств личности фактически безграничен и задается многообразием видов деятельности, в которые включен человек как субъект (Абульханова-Славская К. А., 1980).

- **Направленность – система устойчивых предпочтений и мотивов личности, задающая главные тенденции поведения личности.**

Характер – совокупность морально-нравственных и волевых свойств человека.

Самоконтроль – совокупность свойств саморегуляции, связанных с осознанием личностью самой себя.

Количество блоков личности и их содержание в существенной степени зависит от теоретических воззрений авторов. Некоторые авторы, например Л. И. Божович (1997), выделяют в личности только один центральной блок — мотивационную сферу личности. Другие включают в структуру личности и те свойства, которые обычно рассматриваются в рамках других подходов, например, поведенческого или диспозиционального. К. К. Платонов (1986) включает в структуру личности такие блоки, как знания, навыки, приобретенные в опыте, путем обучения (данная подструктура является типичной для поведенческого подхода), а также блок «темперамент», который рассматривается как один из важнейших блоков личности в рамках диспозиционального подхода.

В деятельностном подходе наиболее популярной является четырехкомпонентная модель личности, которая в качестве основных структурных блоков включает в себя направленность, способности, характер и самоконтроль.

Направленность — это система устойчивых предпочтений и мотивов (интересов, идеалов, установок) личности, задающая главные тенденции поведения личности. Человек с ярко выраженной направленностью обладает трудолюбием, целеустремленностью.

Способности — индивидуально-психологические свойства, которые обеспечивают успешность деятельности. Выделяют общие и специальные (музыкальные, математические и т. д.) способности. Способности между собой взаимосвязаны. Одна из способностей является ведущей, в то время как другие играют вспомогательную роль. Люди отличаются не только по уровню общих способностей, но и по сочетанию специальных способностей. Например, хороший музыкант может быть плохим математиком, и наоборот.

Характер — совокупность морально-нравственных и волевых свойств человека. К моральным свойствам относятся чуткость или черствость в отношениях к людям, ответственность по отношению к общественным обязанностям, скромность. Морально-нравственные свойства отражают представления личности об основных нормативных действиях человека, закрепленных в привычках, обычаях и традициях. Волевые качества включают решительность, настойчивость, мужество и самообладание, которые обеспечивают определенный стиль поведения и способ решения практических задач. На основании выраженности моральных и волевых свойств человека выделяют следующие разновидности характера: морально-волевой, аморально-волевой, морально-абулический (абулия — отсутствие воли), аморально-абулический.

Человек, обладающий морально-волевым характером, социально активен, постоянно соблюдает социальные нормы и для их соблюдения прикладывает волевые усилия. Про такого человека говорят, что он решительный, настойчивый, мужественный, честный. Человек с аморально-волевым характером не признает социальных норм и все свои волевые усилия направляет на удовлетворение своих собственных целей. Люди с морально-абулическим характером признают полезность и важность социальных норм, однако, будучи безвольными, часто, не желая того, в силу обстоятельств совершают антисоциальные поступки. Люди с аморально-абулическим типом характера безразличны к социальным нормам и не предпринимают никаких усилий, чтобы их выполнять.

Самоконтроль — это совокупность свойств саморегуляции, связанная с осознанием личностью самой себя. Данный блок надстраивается над всеми остальными блоками и осуществляет над ними контроль: усиление или ослабление деятельности, коррекцию действий и поступков, предвосхищение и планирование деятельности и т. д. (Ковалев А. Г., 1965).

Все блоки личности действуют взаимосвязано и образуют системные, целостные свойства. Среди них основное место принадлежит экзистенционально-бытийным свойствам личности. Эти свойства связаны с целостным представлением личности о самой себе (самоотношение), о своем «Я», о смысле бытия, об ответственности, о предназначении в этом мире. Целостные свойства делают личность разумной, целенаправленной. Личность с выраженными экзистенционально-бытийными свойствами является духовно богатой, цельной и мудрой.

Таким образом, в рамках деятельностного подхода личность — это сознательный субъект, занимающий определенное положение в обществе и выполняющий социально полезную общественную роль. Структура личности — это сложно организованная иерархия отдельных свойств, блоков (направленности, способностей, характера, самоконтроля) и системных экзистенционально-бытийных целостных свойств личности.

На контрольный вопрос «Почему одни люди более агрессивны, чем другие?» последователи этой теории могли бы ответить следующим образом: потому что у этих людей в процессе их деятельности (учебной, трудовой и т. д.) в определенной социальной среде сформировались целенаправленно-осознанные намерения наносить другим людям физический или психический вред, а механизмы самоконтроля оказались не развитыми.

15.8. Диспозициональная теория личности

Диспозициональная (от англ. *disposition* — предрасположенность) теория имеет три основных направления: «жесткое», «мягкое» и промежуточное — формально-динамическое.

Главным источником развития личности, согласно этому подходу, являются факторы генно-средового взаимодействия, причем одни направления подчеркивают преимущественно влияния со стороны генетики, другие — со стороны среды.

«Жесткое» направление пытается установить строгое соответствие между определенными жесткими биологическими структурами человека: свойствами телосложения, нервной системой или мозгом, с одной стороны, и определенными личностными свойствами — с другой. При этом утверждается, что как сами жесткие биологические структуры, так и связанные с ними личностные образования зависят от общих генетических факторов. Так, немецкий исследователь Э. Кречмер установил связь между телесной конституцией и типом характера, а также между телосложением и склонностью к определенному психическому заболеванию (Кречмер Э., 1924).

Например, люди астенического телосложения (худые, с длинными конечностями, впалой грудью) несколько чаще, чем представители других типов телосложения, обладают «шизоидным» характером (замкнуты, необщительны) и заболевают шизофренией. Лица пикнического телосложения (обильное жироотложение, выпуклый живот) несколько чаще, чем другие люди, обладают «циклотимическим» характером (резкие перепады настроения — от возвышенного до печального) и чаще заболевают маниакально-депрессивным психозом.

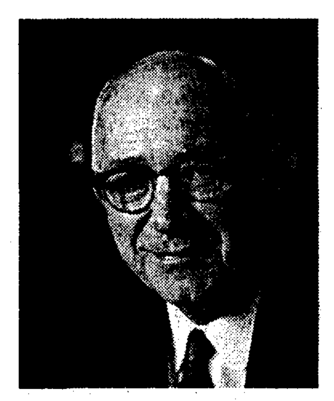
Английский исследователь Г. Айзенк предположил, что такая личностная черта, как «интроверсия-экстраверсия» (замкнутость-общительность) обусловлена функционированием особой структуры мозга — ретикулярной формации. У интровертов ретикулярная формация обеспечивает более высокий тонус коры, и поэтому они избегают контактов с внешним миром, — им не нужна излишняя сенсорная стимуляция. Экстраверты, наоборот, тянутся к внешней сенсорной стимуляции (к людям, острой пище и т. д.) потому, что у них пониженный тонус коры, — их ретикулярная формация не обеспечивает корковые структуры мозга необходимым уровнем корковой активации.

«Мягкое» направление диспозициональной теории личности утверждает, что личностные особенности, безусловно, зависят от биологических свойств человеческого организма, однако от каких именно и насколько — не входит в круг их исследовательских задач.

Среди исследователей данного направления наиболее известным является Г. Оллпорт — основоположник теории черт. *Черта* — это предрасположенность человека вести себя сходным образом в различное время и в различных ситуациях. Например, про человека, который постоянно разговорчив и дома, и на работе, можно сказать, что у него выражена такая черта, как общительность. Постоянство черты обусловлено, по мнению Оллпорта, определенным набором психофизиологических характеристик человека.

- **Черта — предрасположенность человека вести себя сходным образом в различное время и в различных ситуациях.**

Помимо черт Оллпорт выделял у человека особую надличностную структуру — проприум (от лат. *proprium* -собственно, «я сам»). Понятие «проприум» близко к понятию «Я» гуманистической психологии. В него входят высшие цели, смыслы, моральные установки человека. В развитии проприума основную роль Оллпорт отводил обществу, хотя и считал, что черты могут оказывать косвенное воздействие на формирование тех или иных особенностей проприума. Человека, имеющего развитый проприум, Оллпорт называл зрелой личностью (Оллпорт Г., 1998).

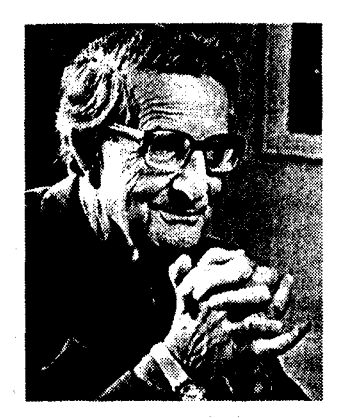
Г. Оллпорт (1897–1967)

Формально-динамическое направление представлено в основном работами отечественных психологов Б. М. Теплова и В. Д. Небылицына. Основной отличительной особенностью данного направления является утверждение, что в личности человека существуют два уровня, два разных аспекта личностных свойств — формально-динамический и содержательный. Содержательные свойства личности близки к понятию проприума. Они являются продуктом воспитания, научения, деятельности и охватывают не только знания, умения, навыки, но и все богатство внутреннего мира человека: интеллект, характер, смыслы, установки, цели и т. д.

По мнению диспозиционалистов, личность развивается в течение всей жизни. Однако ранние годы жизни, включая период полового созревания, рассматриваются как наиболее важные. Данная теория предполагает, что люди, несмотря на постоянные изменения в структуре их поведения, обладают в целом определенными устойчивыми внутренними качествами (темпераментом, чертами). Диспозиционалисты считают, что в личности представлены как сознательное, так и бессознательное. При этом рациональные процессы более характерны для высших структур личности — проприума, а иррациональные для низших — темперамента.

Согласно диспозициональной теории, человек обладает ограниченной свободой воли. Поведение человека в известной степени детерминировано эволюционными и генетическими факторами, а также темпераментом и чертами.

Внутренний мир человека, в частности темперамент и черты, преимущественно объективен и может быть зафиксирован объективными методами. Любые физиологические проявления, в том числе электроэнцефалограмма, речевые реакции и т. д., свидетельствуют о тех или иных свойствах темперамента и черт. Данное обстоятельство послужило основой создания специального научного направления — дифференциальной психофизиологии, изучающей биологические основы личности и индивидуально-психологические различия (Теплов Б. М., 1990; Небылицын В. Д., 1990).

Г. Айзенк (род. 1916)

Среди «жестких» структурных моделей наиболее известной является модель личности, построенная Г. Айзенком, который отождествлял личностные свойства со свойствами темперамента. В его модели представлены три фундаментальных свойства или димензии, личности: интроверсия-экстраверсия, нейротизм (эмоциональная неустойчивость) - эмоциональная стабильность, психотизм. *Нейротизм* — это свойства личности, связанные с высокой раздражительностью и возбудимостью. Невротики (лица с высокими значениями нейротизма) легко впадают в панику, возбудимы, беспокойны, тогда как эмоционально-стабильные люди уравновешены, спокойны. *Психотизм* объединяет свойства личности, отражающие безразличие, равнодушие к другим людям, неприятие социальных нормативов.

- **Нейротизм — свойства личности, связанные с высокой раздражительностью и возбудимостью.**

Психотизм — свойства личности, отражающие безразличие, равнодушие к другим людям, неприятие социальных нормативов.

Представители «мягкого» направления, в частности Г. Оллпорт, выделяют три разновидности черт:

1. Кардинальная черта присуща только одному человеку и не допускает сравнений данного человека с другими людьми. Кардинальная черта настолько пронизывает человека, что почти все его поступки можно вывести из этой черты. Немногие люди обладают кардинальными чертами. Например, мать Тереза обладала такой чертой — она была милосердна, сострадательна к другим людям.
2. Общие черты характерны для большинства людей в пределах данной культуры. Среди общих черт обычно называют пунктуальность, общительность, добросовестность и т. д. По мнению Оллпорта, таких черт у человека не более десяти.
3. Вторичные черты менее устойчивы, чем общие. Это предпочтения в еде, одежде и т. д.

Последователи Оллпорта, используя различные математические приемы, в частности факторный анализ, попытались выявить количество общих черт у человека. Вопрос о соответствии черт, выделенных на базе клинических данных, и черт, полученных на норме с помощью факторного анализа, является предметом специальных научных исследований (Мельников В. М., Ямпольский Л. Т., 1985).

Представители формально-динамического направления в качестве основного элемента личности выделяют четыре основные формально-динамические свойства личности:

1) эргичность — уровень психического напряжения, выносливость;
2) пластичность — легкость переключения с одних программ поведения на другие;
3) скорость — индивидуальный темп поведения;
4) эмоциональный порог — чувствительность к обратной связи, к несовпадению реального и планируемого поведения.

Каждое из этих свойств может быть выделено в трех сферах поведения человека: психомоторной, интеллектуальной и коммуникативной. У каждого человека выделяют в целом 12 формально-динамических свойств.

К этим четырем основным свойствам добавляют еще и так называемые содержательные свойства личности (Русалов В. М., 1979), которые в рамках данного направления не имеют своей специфики и совпадают со свойствами, выделяемыми в рамках деятельностного подхода (знания, умения, навыки, характер, смыслы, установки, цели и т. д.)

Основным блоком личности в рамках диспозиционального подхода является темперамент. Как было

сказано выше, некоторые авторы, например Г. Айзенк, даже отождествляют темперамент с личностью. Определенные соотношения свойств темперамента составляют типы темперамента.

Айзенк дает следующие характеристики типов темперамента:

Холерик - эмоционально неустойчивый экстраверт. Радражительный, беспокойный, агрессивный, возбудимый, изменчивый, импульсивный, оптимистичный, активный.

Меланхолик — эмоционально неустойчивый интроверт. Изменчив по настроению, ригидный, трезвый, пессимистичный, молчаливый, неконтактный, спокойный.

Сангвиник — эмоционально стабильный экстраверт. Беззаботный, живой, легок на подъем, разговорчивый, общительный.

Флегматик — эмоционально стабильный интроверт. Безмятежный, уравновешенный, надежный, самоуправляемый, мирный, задумчивый, заботливый, пассивный.

Однако есть и другие точки зрения, согласно которым темперамент не является компонентом личности. Например, В. С. Мерлин полагал, что темперамент представляет особый самостоятельный психодинамический уровень в структуре интегральной индивидуальности, который существенно отличается от личности. Темперамент охватывает только те характеристики психических свойств, которые представляют собой определенную динамическую систему (Мерлин В. С, 1986). Г. Оллпорт также не включал темперамент в структуру личности. Он утверждал, что темперамент не является первичным материалом, из которого строится личность, но в то же время указывал на важность темперамента, который, будучи генетически наследственной структурой, влияет на развитие черт личности.

Формально-динамические свойства личности являются темпераментом в узком, истинном смысле этого слова, поскольку представляют собой обобщенные врожденные свойства функциональных систем поведения человека (Русалов В. М., 1999).

По В. Д. Небылицыну, темперамент с формально-динамической точки зрения представляет собой две взаимосвязанных подструктуры: активность и эмоциональность (Небылицын В. Д., 1990). Определенные соотношения активности и эмоциональности образуют формально-динамические типы темперамента. Активность — мера энергодинамической напряженности в процессе взаимодействия человека со средой, которая включает в себя эргичность, пластичность и скорость поведения человека. Эмоциональность — характеристика человека со стороны чувствительности (реактивности, ранимости) к неудачам.

Следует отметить, что в рамках диспозиционального подхода фактически отсутствует в качестве самостоятельного такое важнейшее личностное образование, как характер. Данное понятие часто отождествляют с общим понятием личности, особенно в клинике, или с понятием характера, принятым в деятельностном подходе, сводящем его к морально-волевой сфере человека. По мнению Г. Оллпорта, характер — это социальная оценка личности, а не самостоятельная структура внутри личности.

Целостность поведения человека характеризуется через проприум. Человек с развитым проприумом называется зрелой личностью. Зрелая личность обладает следующими свойствами:

1) имеет широкие границы «Я», может посмотреть на себя со стороны;

2) способна к теплым, сердечным, дружеским отношениям;

3) имеет положительное представление о самой себе, способна терпимо относиться к раздражающим ее явлениям, а также к собственным недостаткам;

4) адекватно воспринимает действительность, обладает квалификацией и познаниями в своей сфере деятельности, имеет конкретную цель деятельности;

5) способна к самопознанию, имеет четкое представление о своих собственных сильных сторонах и слабостях;

6) обладает цельной жизненной философией.

Таким образом, в рамках диспозиционального подхода личность - это сложная система формально-динамических свойств (темперамента), черт и социально-обусловленных свойств проприума. Структура личности — это организованная иерархия отдельных биологически детерминированных свойств, входящих в определенные соотношения и образующих определенные типы темперамента и черт, а также совокупность содержательных свойств, составляющих проприум человека.

С точки зрения представителей диспозиционального подхода, ответ на контрольный вопрос «Почему одни люди более агрессивны, чем другие?» будет таков: потому что у этих людей имеются определенные биологические предпосылки, определенные черты и свойства темперамента, а их содержательные свойства проприума являются недостаточно зрелыми.

Вопросы для повторения

1. Каковы основные критерии отличия различных теорий личности?
2. Почему существует не одна, а много теорий личности?
3. В чем сходство и различие классического психоанализа 3. Фрейда и аналитической теории личности К. Юнга?
4. Что такое «архетип»?
5. Что такое «полностью функционирующая личность»?
6. Как происходит развитие потребностей по А. Маслоу?
7. Как понимал свободу воли Дж. Келли?
8. Каковы основные свойства личностных конструктов?
9. Как формируется самоэффективность по А. Бандуре?
10. Какова функция поведенческого потенциала?
11. Как связаны между собой деятельность и личность?
12. Какова роль субъекта в формировании личности?
13. В чем состоит принципиальное отличие диспозиционального подхода к изучению личности от деятельностного?
14. Каковы основные факторы развития личности у диспозиционалистов?
15. Каковы основные уровни изучения личности?
16. Каковы основные блоки личности по 3. Фрейду?
17. Какие свойства характера связаны с архетипами «анимус» и «анима»?
18. В чем заключается различие «реального Я» и «идеального Я»?
19. Какой вид потребностей доминирует у человека, создающего семью?
20. Какого человека можно назвать «когнитивно простым»?
21. Почему «когнитивно сложные» люди лучше справляются со стрессом?
22. Какой когнитивный конструкт напоминает блок самоэффективности по А. Бандуре?
23. Каковы основные блоки личности по Дж. Роттеру?
24. Что такое характер в деятельностной модели личности?
25. В чем проявляются экзистенционально-бытийные свойства личности?
26. В чем принципиальное различие понятия темпераменту Г. Айзенка и у В. Д. Небылицына?
27. Каковы основные формально-динамические свойства личности?

Рекомендуемая литература

Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. — М.: Наука, 1980. — 335 с.

Божович Л. И. Избранные психологические труды: Проблемы формирования личности / Под. ред. Д. И. Фельдштейна. — М.: Междунар. пед. акад., 1995. — 209 с.

Брушлинский А. В. Проблемы психологии субъекта. — М.: ИП РАН, 1994. — 346 с.

Годфруа Ж. Что такое психология: В 2-х т. — Т. 1. Ч. 2, гл. 4 / Пер. с фр. Н. Н. Алипова; Под ред. Г. Г. Аракелова. - М.: Мир, 1996. - 370 с.

Ковалев А. Г. Психология личности. — М.: Просвещение, 1965. — 254 с.

Кречмер Э. Строение тела и характер. — М.: Педагогика-Пресс, 1995. — 607 с. — (Библиотека зарубежной психологии).

Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М.: Политиздат, 1975. — 304 с.

Маслоу А. Мотивация и личность. — СПб.: Евразия, 1999. — 479 с.

Мельников В. М., Ямпольский Л. Т. Введение в экспериментальную психологию личности: Учеб. пособие. — М.: Просвещение, 1985. — 319 с.

Мерлин В. С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. — М.: Педагогика, 1986. — 137 с.

Небылицын В. Д. Избранные психологические труды / Под ред. Б. Ф. Ломова. — М.: Педагогика, 1990. — 403 с.

Оллпорт Г. В. Личность в психологии. - М.: КСП+; СПб.: ЮВЕНТА, 1998. - 345 с. - (Теории личности).

Платонов К. К. Структура и развитие личности. — М.: Наука, 1986.

Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека / Пер. с англ. М. Исениной; Общ. ред. И. Е. Исенина. - М.: Прогресс, 1994. - 479 с.

Рубинштейн С. Л. Избранные философско-психологические труды: Основы онтологии, логики и психологии / РАН, Ин-т психологии. — М.: Наука, 1997. — 462 с. — (Памятники психологической мысли).

Русалов В. М. Биологические основы индивидуально-психологических различий. — М.: Наука, 1979.

Русалов В. М. Темперамент // Современная психология: Справочное руководство / Под ред. В. Н. Дружинина. - М.: Инфра-М, 1999. - 687 с.

Скиннер Б. Ф. Размышления о бихевиоризме и обществе. — М., 1978.

Теплов Б. М. Избранные труды: В 2 т. / Ред. - сост. Н. С. Лейтес. — М.: Педагогика, 1985.

Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности/ Общ. ред. Ю. М. Забродина. — М.: Прогресс, 1987. - 232 с.

Фрейд 3. Введение в психоанализ. Лекции. — М.: Наука, 1991. — 455 с. — (Классики науки).

Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности: Основные положения, исследования и применение / Пер. с англ. С. Меленевской, Д. Викторовой. — 2-е изд., испр. — СПб.: Питер, 1998. — 606 с. — (Мастера психологии).

Юнг К. Аналитическая психология. — СПб.: Кентавр, 1994. — 136 с.

Глава 16. Психическое развитие личности

Краткое содержание главы

Факторы психического развития человека. Биологические и средовые факторы. Данные психогенетики. «Эпигенетический ландшафт». Стадиальность и непрерывность психического развития.

Периодизации психического развития. Гетерохронность развития. Сензитивные и критические периоды. Периодизации жизненного цикла человека.

Периодизации когнитивного развития. Периодизация Ж. Пиаже. Стадии детства по А. Баллону. Уровни нравственного развития по Л. Колбергу. Исследования возрастной динамики когнитивных способностей. Периодизации личностного развития человека по 3. Фрейду, Э. Эриксону, Д. Б.Эльконину.

Планирование и выбор жизненного пути. Жизненный путь как проблема. Жизненные планы и жизненный сценарий.

16.1. Факторы психического развития человека

Развитие психики человека непрерывно в течении жизни. Эти изменения особенно очевидны при сравнении младенца, школьника, взрослого человека и старика. Как вы уже знаете, развитие организма от момента образования зародыша до его смерти называется онтогенезом (от греч. Οντοζ - сущее + γενεσιζ,— происхождение). Термин «онтогенез» был введен немецким биологом Э. Геккелем. Много веков существует загадка появления сознания, эмоциональных переживаний, творческих взлетов, сложного внутреннего мира у человека, который при рождении так хрупок и беспомощен, лишен возможности сказать о своих переживаниях и нуждах.

Психология всегда рассматривала проблему психического развития как одну из центральных. От ответа на вопросы «Как возникает психика? Что определяет ее развитие?» зависит и теоретический, и практический фундамент психологии. Еще в рамках философских концепций высказывались противоположные взгляды на природу психики. Одни ученые отдавали предпочтение среде как источнику психического и отрицали роль врожденных, биологических факторов в психическом развитии человека; другие, наоборот, считали, что природа — идеальный творец, и дети с рождения наделены «хорошей» природой, нужно лишь довериться ей, не мешать естественному развитию.

Современная психология развития отказалась от противопоставления биологических и средовых (социальных, культурных) факторов в пользу понимания важности и тех и других в психическом развитии человека. Однако перед психологией стоит задача раскрыть представление об их единстве. Этот вопрос интенсивно изучает психогенетика. Уже получены существенные данные о роли генетических и средовых факторов в развитии интеллекта человека, некоторых заболеваниях (например, алкоголизма, аутизма), ведутся интенсивные исследования темперамента и личности человека.

Генетическим исследованиям адресованы два вопроса психологии развития: «Изменяется ли наследуемость в процессе развития?» и «Как генетические факторы распределены на разных возрастных отрезках?» Когда оцениваются эффекты наследуемости, то важным является представление, возрастает ли роль наследственности в процессе жизненного цикла либо она становится менее значительна. Большинство людей и даже специалистов, профессионально занимающихся проблемой развития, ответят, что роль наследственности становится менее важной в жизни человека с возрастом. Кажется, что жизненные события, образование, работа и другой опыт аккумулируются в течение жизни. Этот факт предполагает, что окружающая среда, особенности образа жизни оказывают возрастающее влияние на фенотипические различия, что с необходимостью ведет к уменьшению роли наследуемости. Наследуемость большинству людей представляется раз и навсегда заданной, а генетические эффекты неизменными от начала жизни до ее конца.

Данные генетики поведения дают другие ответы на два эти вопроса. Генетические факторы становятся возрастающе важными, особенно для общей когнитивной способности в течение жизни (Равич-Щербо И. А., Марютина Т. М., Григоренко Е. Л., 1999). Например, лонгитюдное исследование (прослеживающее развитие одних и тех же людей на протяжении определенного времени) приемных детей в Колорадском проекте (*Colorado Adoption Project*) представило данные по общей когнитивной способности (интеллекте) в диапазоне от младенчества до подросткового возраста. Корреляции между биологическими родителями и их родными детьми, которые живут от них отдельно, увеличивается на 0,18 у младенцев, 0,20 — у 10-летних детей и 0,30 — у подростков. Корреляции между приемными родителями и приемными детьми равнялись нулю. Данные означают, что семейная среда не так важна для общей когнитивной способности.

Различие между монозиготными и дизиготными близнецами увеличивается особенно сильно во взрослом возрасте. Значение наследуемости монозоготных близнецов, выросших раздельно, оценивалось на уровне 75 % по сумме пяти исследований. В шведском исследовании близнецов в возрасте 60 лет, выросших вместе и врозь, наследуемость оценивалась на уровне 80% (Сергиенко Е. А., Рязанова Т. Б., 1999). Это означает, что различие между людьми в их интеллектуальном развитии на 80 % обусловлены действием генов.

Другим важнейшим фактом для понимания природы психического развития являются данные об уменьшении эффектов общей среды в развитии. Мировая литература по близнецам указывает, что влияние общей среды на развитие интеллекта становится незначительным во взрослом возрасте, тогда как ее вклад в индивидуальные различия в детстве оценивается на уровне 25 % (Сергиенко Е. А., Рязанова Т. Б.,1999).

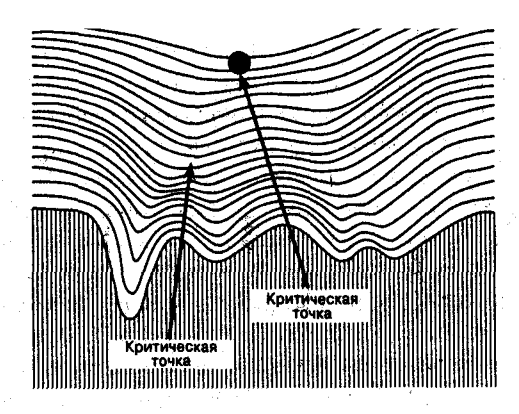

Рис. 16-1. Эпигенетический ландшафт

Ответ на вопрос о постоянстве величины генетических эффектов в процессе развития анализируется в области психогенетики при помощи лонгитюдных исследований. Психогенетические исследования показали, что влияние генетических и средовых факторов неравномерно представлено как в различных

аспектах психического развития, так и в течение жизни человека. Данные, полученные в настоящее время, позволяют выделить два важных переходных периода генетических влияний в развитии интеллекта. Первый — это переход от младенчества к раннему детству, и второй — переход от раннего детства к младшему школьному возрасту. Все теории когнитивного развития выделяют эти периоды как важнейшие.

Данные психологии развития и психогенетики указывают на то, что генетические и средовые факторы определяют становление человека. Большой вклад наследственности в интеллектуальное развитие является результатом того, что активизированы все генетические программы. Незначительный же вклад генетического фактора на раннем этапе развития интеллекта указывает на то, что для реализации потенциала человека факторы среды (формы обучения, родители, общество) должны максимально способствовать реализации его генетических возможностей.

Представить себе, как происходит взаимодействие природных и средовых факторов, хорошо помогает понятие «эпигенетический ландшафт», использовавшееся Ч. Уадингтоном как метафора процесса развития. На рис. 16-1 представлена схема эпигенетического ландшафта. Темный шар обозначает развивающийся организм, расположенный среди холмов и впадин, вдоль которых он может катиться, следуя возможным путям развития. Ландшафт накладывает ограничения на движение катящегося шара, по мере того как он спускается с горы. Какой-то случай в окружающей среде может подтолкнуть шар к изменению курса, и он попадет в более глубокую впадину, которую труднее преодолеть, чем более мелкую.

Промежутки между впадинами эпигенетического ландшафта могут быть представлены как критические точки в развитии, в которых процесс развития обретает некоторые конкретные формы, в зависимости от установленных факторов среды и времени. Переходы между соединяющимися впадинами могут отражать процесс развития между основными изменениями. Склон впадины показывает скорость процесса развития: неглубокие впадины отражают относительно устойчивые состояния, а крутые впадины отражают периоды быстрых изменений и переходы от одного способа организации к другому. Влияния среды в зонах переходов могут иметь более серьезные последствия, но те же самые события могут и не иметь последствий в других точках эпигенетического ландшафта.

Метафора эпигенетического ландшафта иллюстрирует важный принцип развития. Он заключается в том, что один и тот же результат может быть достигнут разными путями. Этот принцип «завершающего равенства» объясняет, каким именно образом развитие одного индивида может быть более медленным, чем развитие другого.

Современная психология располагает значительным объемом знаний о развитии человека, начиная с пренатального периода (до рождения). Один из основных вопросов касается того, можно ли представить ход развития в виде непрерывных изменений, постепенно совершающихся с человеком, или это процесс скачкообразный (постадийный)? Понятие «стадии» используется здесь достаточно специфически, подразумевая сущностные изменения в характеристиках индивида, которые реорганизуют его поведение. Американский психолог Дж. Флэвелл предложил следующие критерии стадий развития:

1. Стадии выделяются на основе качественных изменений. Они связаны не столько с возможностью делать что-то лучше или больше, сколько с тем, чтобы делать это по-другому. Например, ребенок сначала начинает передвигаться, ползая по полу, а затем начинает ходить. Это качественно иной тип локомоции, и поэтому данный аспект моторного развития является одной из характеристик стадии развития.

2. Переход от одной стадии к другой отмечается множеством одномоментных изменений различных аспектов детского поведения. Например, когда дети учатся говорить, это предполагает понимание символического значения слов. Но в то же время они начинают использовать в игре символические свойства объектов, воображая, что кубик — это машина, а кукла — человек. Таким образом, на данной стадии наблюдается широкое распространение эффекта освоения символических функций.

3. Переходы между стадиями обычно происходят очень быстро. Хорошим примером является стремительное увеличение размеров тела подростка. Похожая быстрая реорганизация наблюдается и в других областях. Осваивая родной язык, ребенок сначала научается первым 20 словам, после чего происходит экспотенциальный рост количества выученных слов.

Психологи, принимающие концепцию стадийного развития (Ж. Пиаже, 3. Фрейд, Л. С. Выготский, Д. Б. Эльконин, Э. Эриксон и др.), далеко не во всем согласны друг с другом. Однако они признают,

что стадийность развития не исключает, а скорее предполагает непрерывность этого процесса. Более того, непрерывность процесса развития и обеспечивает преемственность на различных его стадиях.

16.2. Периодизации психического развития

Развитие человека индивидуально. В его онтогенезе реализуются как общие закономерности развития представителя вида *Homo sapiens*, так и индивидуальные особенности развития каждого человека.

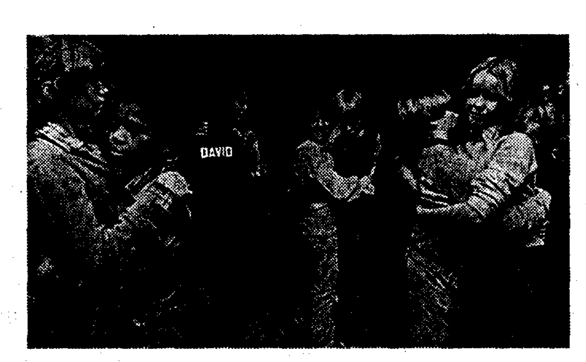

Рис. 16-2. Девочки развиваются с опережением мальчиков на 2 года

Каждый человек имеет уникальные вариации генетических программ и уникальные обстоятельства, в которых эти программы реализуются. Таким образом, в развитии человека можно рассматривать универсальные и индивидуальные закономерности жизненного цикла, формирования психических способностей и становления психики в целом. Одной из закономерностей развития человека является его цикличность. Периодизация психического развития — это попытка выделить общие закономерности, которым подчиняется жизненный цикл человека.

Развитие имеет сложную организацию во времени. Ценность каждого года и даже месяца жизни человека имеет разное значение, которое определяется прежде всего тем, какое место этот временной диапазон занимает в цикле развития. Так, отставание в интеллектуальном развитии на 6 месяцев для 2-летнего ребенка является очень серьезным показателем неблагополучия, тогда как то же отставание для ребенка 6 лет рассматривается как некоторое снижение темпа развития, а у ребенка 16 лет считается и вовсе незначительным.

Вторая особенность состоит в гетерохронности (от греч. ετεροζ— другой + χρονοζ— время) развития. Это означает, что развитие человека происходит неравномерно как в отношении разных психических процессов, так и в отношении отдельных аспектов индивидуального развития человека. Так, процессы восприятия характеризуются ранними сроками развития, тогда как развитие эстетического восприятия человека происходит в зрелые периоды его жизни.

Формирование самосознания человека происходит в процессе всей жизни, но дифференцированное осознание себя как члена общества характерно для юношеского возраста. Более того, индивидуально гетерохронность может выражаться в несовпадении физического, хронологического и психологического возраста, в котором могут также наблюдаться неравномерности умственного, социально-психологического и эмоционального аспектов развития. Например, интеллектуально развитый взрослый человек может демонстрировать социально неадекватные формы поведения, характерные для подросткого возраста. Гетерохронность развития связана с сензитивными и критическми периодами развития.

Сензитивный период — это временной диапазон, максимально чувствительный и благоприятный для развития той или иной функции, той или иной способности человека. Например, сензитивным периодом в развитии речи является возраст от 9 месяцев до 2 лет. Это не означает, что речевая функция не развивалась ни до, ни после этого возраста. Это означает, что именно в этот период ребенок должен иметь опыт речевого общения, поддержку и поощрение взрослых в его речевых попытках, желание выразить свои чувства речевым образом. Интересно, что во всех культурах сензитивный период развития речи один и тот же.

Критическим периодом является диапазон развития, когда функция или способность могут быть реализованы только в этот период. Критические периоды в человеческом развитии чрезвычайно редки.

Они встречаются в период пренатального развития или на самых ранних этапах развития младенца. Если функция или способность не имели возможности актуализации в критический период своего развития, они могут быть потеряны безвозвратно. Примером критического периода в развитии человека может служить развитие бинокулярного зрения у младенцев. Критический период для развития стереоскопического зрения определяется от 13 недель до 2-летнего возраста. Если у ребенка косоглазие (страбизм), поврежден один глаз или врожденная катаракта одного или обоих глаз и дефекты не исправлены в данный период, то стереоскопическое зрение у него будет неразвито, компенсация данного нарушения в более позднем возрасте уже невозможна.

У психологов не существует единого мнения по вопросу о критических периодах. Л. С. Выготский считал, что психическое развитие ребенка имеет стабильные и кризисные этапы. Кризисные этапы — это время поворота в психическом развитии, когда происходит появление новых психических образований, которые он называл новообразованиями. Развитие речи приводит к тому, что мышление становится речевым, а речь — интеллектуальной у детей уже 2-летнего возраста. Однако данное понимание кризисных этапов скорее соответствует определению сензитивного периода.

Потребность в нахождении закономерностей развития человека в процессе жизни существовала с древних времен. Приведем для примера некоторые периодизации жизненного цикла человека, известные с древности до наших дней (цит. по Гамезо М. В., Герасимова В. С., Горелова Г. Г. и др. 1999).

Древнекитайская классификация

Молодость	до 20 лет
Возраст вступления в брак	до 30 лет
Возраст выполнения общественных обязанностей	до 40 лет
Познание собственных заблуждений	до 50 лет
Последний период творческой жизни	до 60 лет
Желанный возраст	до 70 лет
Старость	от 70 лет

Классификация возрастов жизни по Пифагору (VI в. до н. э.)

Период становления	0-20 лет (весна)
Молодой человек	20-40 лет (лето)
Человек в расцвете сил	40-60 лет (осень)
Старый и угасающий человек	60-80 лет (зима)

Классификация возрастов жизни по Гиппократу (IV в. до н. э.)

Первый период	0-7 лет
Второй период	7-14 лет
Третий период	14-21 год
Четвертый период	21-28 лет
Пятый период	28-35 лет
Шестой период	35-42 года
Седьмой период	42-49 лет
Восьмой период	49-56 лет
Девятый период	56-63 лет
Десятый период	63-70 лет

Традиционное деление жизненного цикла по Годфруа Ж. (1992)

В настоящее время жизненный цикл традиционно разделяется на четыре больших периода: пренатальный (внутриутробный), детство, отрочество и зрелость. В свою очередь каждый из этих периодов состоит из трех стадий, обладающих своими особенностями.

1. Пренатальный период 266 дней

стадия зиготы	от момента оплодотворения до 14 дней
стадия эмбриона	от 14 дней до 2 месяцев анатомическая и физиологическая дифференцировка органов
стадия плода	от 3 месяцев до момента родов развитие систем и функций, необходимых для жизни во внешней среде (с 7-го месяца плод приобретает возможность выжить в воздушной среде)

2. Детство

стадия первого детства	от рождения до 3 лет развитие функциональной независимости и речи
стадия второго детства	3-6 лет развитие личности ребенка и когнитивных процессов
стадия третьего детства	6-12 лет приобретение основных когнитивных и социальных навыков

3. Отрочество

пубертатный возраст	12-16 лет половое созревание, формирование новых представлений о себе
ювенильный возраст	16-18 лет приспособление подростков к семье, школе, сверстникам
юность	18-20 лет переход от отрочества к зрелости, свойственно чувство психологической независимости и социальной безответственности

4. Зрелость

стадия ранней зрелости	20-40 лет интенсивная личная жизнь, профессиональная деятельность
зрелый возраст	40-60 лет стабильность и продуктивность в профессиональном и социальном отношениях
завершающий период зрелости	60-65 лет отход от активной жизни
первая старость	65-75 лет
преклонный возраст	после 75 лет

Приведенные примеры классификаций жизненного цикла человека указывают на существенные разногласия в возрастном делении. Причиной этих разногласий являются различные основания и критерии, которые были положены в основу классификации жизненного цикла человека.

Разделение жизненного цикла человека на периоды позволяет лучше понять закономерности развития человека и специфику возрастных этапов. Обозначение периодов развития и временные рамки определяются концептуальными представлениями автора периодизации о наиболее важных, существенных сторонах развития.

16.3. Периодизации когнитивного развития

Как вы уже знаете, Ж. Пиаже выделял в развитии интеллекта четыре основные стадии развития: стадию сенсомоторного интеллекта (от рождения до 2-летнего возраста), стадию дооперационального мышления (от 2 до 7 лет), стадию конкретных операций (7-11 лет) и стадию формальных операций (от 11-12 до 14-15).

Периодизация Пиаже исключительно посвящена когнитивному развитию, которое автор абсолютизировал и считал основой всей психической жизни человека. Он не рассматривал вопрос о связи между познанием и аффективной сферой. Ребенок в концепции Пиаже приходит к социуму долгим путем, расставаясь со своим эгоцентризмом. По мнению же А. Баллона, ребенок с самого рождения обречен на активную социализацию из-за своей полной беспомощности. Поэтому Валлон

рассматривает когнитивное развитие в связи с личностным становлением самостоятельности ребенка. Он выделяет следующие стадии детства:

1. *Импульсивная стадия* (до 6 месяцев) — стадия рефлекторных ответов на воздействие. Постепенно рефлексы сменяются контролируемыми движениями с новыми формами поведения, однако эти изменения связаны в основном с питанием ребенка.

2. *Эмоциональная стадия* (от 6 до 10 месяцев) характеризуется накоплением репертуара эмоций (страх, гнев, радость, удивление и т. д.), что необходимо для социальной коммуникации: ребенок может выразить свои желания, намерения, показать свое состояние, может также оценить состояние и отношения других людей, распознавая их эмоции.

3. *Сенсомоторная стадия* (от 10 до 14 месяцев). Образуется связь между действиями с предметами и перцептивными впечатлениями, которые получает ребенок, что становится основой практического мышления: если потрясти погремушку, то она зазвучит, если повернуть куклу — можно увидеть ее лицо.

4. *Проективная стадия* (от 14 месяцев до 3 лет) связана с развитием ходьбы и речи. Ребенок приобретает новые возможности освоения окружения, может воздействовать на объекты, исследовать их свойства, что позволяет перейти к их категоризации и называнию (обозначению категорий). Новые возможности делают ребенка более независимым, что способствует росту самоутверждения индивида.

5. *Персоналистическая стадия* (от 3 до 6 лет) включает три периода, связанные с развитием независимости ребенка и обогащением его «Я».

В 3-летнем возрасте наблюдается период противопоставления, необходимый для развития «Я» ребенка. Ребенок выделяет себя от других и сопоставляет себя с другими, что способствует развитию его когнитивных способностей и лучшей дифференциации предметов окружения.

В 4 года у ребенка происходит процесс принятия себя, в силу чего отмечается нарциссический период, когда ребенок стремится выставить себя в самом выгодном свете, получить благоприятные впечатления о себе и развить положительную самооценку. Рост представлений о себе также сопровождается все более абстрактным восприятием окружающего, означающего новый когнитивный рост.

В 5 лет главным механизмом, обеспечивающим развитие, становится подражание. Этот механизм позволяет ребенку освоить социальные роли и отношения. Однако на всем протяжении этой стадии развития мышление ребенка остается синкретичным, что не позволяет ему устанавливать причинно-следственные связи между явлениями и событиями.

6. *Учебная стадия* (от 6 до 12-14 лет) — стадия, на которой ребенок опирается более на суть вещей и явлений, чем на их видимость. Это способствует углублению знаний об окружающем мире, приводит к возрастанию независимости ребенка.

7. *Стадия полового созревания*. Ребенок сосредоточен на собственном «Я». Поиск большей независимости и своей индивидуальности дает возможность открыть новый ракурс вещей и явлений, что развивает абстрактное мышление и логику суждений.

Сравнение двух периодизаций развития — Пиаже и Баллона — позволяет выделить сходство и различия между ними. Сходство состоит в том, что характеристики особенностей когнитивного развития в детском возрасте тождественны. Отличие концепции Баллона от теории Пиаже определяется прежде всего тем, что Баллон рассматривает когнитивное развитие как один из аспектов психического развития ребенка, тогда как Пиаже интересует только один вопрос: как ребенок, наделенный рефлексами, приходит к знаниям и взрослой логике мышления.

Пиаже считает интеллектуальное развитие ребенка основой других аспектов психического развития. Так, по его мнению, развитие нравственности тесно связано с когнитивными возможностями. Для того чтобы выносить какие-то моральные оценки, ребенок должен усвоить правила рассуждения в мыслительном плане. Пиаже одним из первых начал исследовать нравственное развитие, предлагая детям моральные дилеммы. Например: «Джон, помогая маме, нечаянно разбил 15 чашек, а Анри нарочно разбил одну чашку. Кто больше провинился, Джон или Анри?»

Дети 7-летнего возраста выбирают Джона, полагая, что ответственность за свое поведение основана на причиненном ущербе. Однако дети 9 лет выбирают Анри, потому что он совершил намеренно дурной поступок.

Рис. 16-3. Кукла виновата. Начальный этап нравственного развития личности по Л. Колбергу

Исследования Пиаже с использованием моральных диллем продолжил Л. Колберг. Он выделял следующие уровни нравственного развития:

А. *Преднравственный уровень* (от 4 до 10 лет). На этом уровне поступки определяются внешними обстоятельствами и точка зрения других людей не учитывается. На первой стадии этого уровня суждения выносятся на основе того, будет ли поступок наказан или удостоится похвалы. На второй стадии суждение о поступке выносится в связи с той пользой, которую благодаря ему можно будет извлечь.

Б. *Конвенциональный уровень* (от 10 до 13 лет). Поступки оцениваются в соответствии с нормами, принятыми в обществе. Ребенок ориентируется на оценки других людей. На третьей стадии главным критерием суждения является одобрение или неодобрение других людей. На четвертой стадии ребенок ориентируется на общепринятые нормы и законы.

В. *Постконвенциональный уровень* (с 13 лет) оценивается Колбергом как истинная нравственность, поскольку человек исходит из своих собственных критериев, что предполагает высокий уровень мыслительного развития. На пятой стадии суждение о поступке основано на уважении прав человека и признании демократических норм. На шестой стадии основным судьей является совесть, независимо от мнения других людей и общепринятых норм.

У детей, начиная с 13-летнего возраста, преднравственный уровень вытесняется конвенциональным и, в меньшей мере, постконвенциональным. Колберг отмечает, что многие люди так и не переходят на четвертую стадию нравственного развития, а шестой стадии достигают только 10% людей старше 16-летнего возраста.

Периодизация нравственного развития Л. Колберга также касается лишь одного из аспектов психического развития человека, хотя и связанного с когнитивными возможностями детей разного возраста.

Как мы видим, рассмотренные концепции прослеживают когнитивное развитие человека до подросткового возраста, полагая, что в этом возрасте данная функция достигла уровня зрелости. Однако это не так. Интеллектуальное развитие продолжается и изменяется в течение всего жизненного цикла. Это подтверждают имеющиеся в отечественной и зарубежной психологии факты.

Молодость является важным этапом в развитии умственных способностей человека: интенсивно развивается творческое мышление, умение обобщать, повышается способность к абстрактному мышлению. На первый план в молодости выступает способность поиска оригинальных, нестереотипных решений, реализация своего мировоззрения, достижение жизненных целей.

Многочисленные исследования показали, что в различные периоды жизни человека наблюдается неравномерное развитие психических функций. Так, наиболее высокая степень восприимчивости к профессиональному и социальному опыту отмечается в возрасте от 18 до 25 лет. При незначительном увеличении общего интеллекта в период от 18 до 46 лет соотношение внимания, памяти и мышления претерпевают значительные колебания.

В 26-29 лет происходит снижение функций памяти и мышления, что может быть связано с тем, что на первый план выступают межличностные проблемы: определение жизненной позиции, создание

семьи, освоение новой социальной роли в трудовом коллективе. В период от 30 до 33 лет наблюдается высокий подъем всех интеллектуальных функций, который начинает снижаться к 40 годам. На рис. 16-4 представлена динамика познавательных процессов в данном возрастном диапазоне (цит. по Гамезо М. В., Герасимова В. С., Горелова Г. Г. и др., 1999).

У взрослого человека интеллектуальная деятельность достигает наиболее высокого уровня развития при условии творческой активности независимо от ее формы. Экспериментальные исследования отечественных и зарубежных психологов показали, что наибольшего подъема научное творчество достигает к 35-40 и 40-45 годам жизни. Средние значения максимального выражения творческой активности для многих специальностей отмечаются в 35-39 лет.

В разных науках творческие способности достигают своего наивысшего расцвета в разном возрасте. Для математики, физики, химии — до 30-34 лет; для медицины, географии — 35-39 лет; для многих фундаментальных научных дисциплин, включая философию — 40-55 лет, при этом максимальная продуктивность ученых наблюдается в возрасте 47 лет.

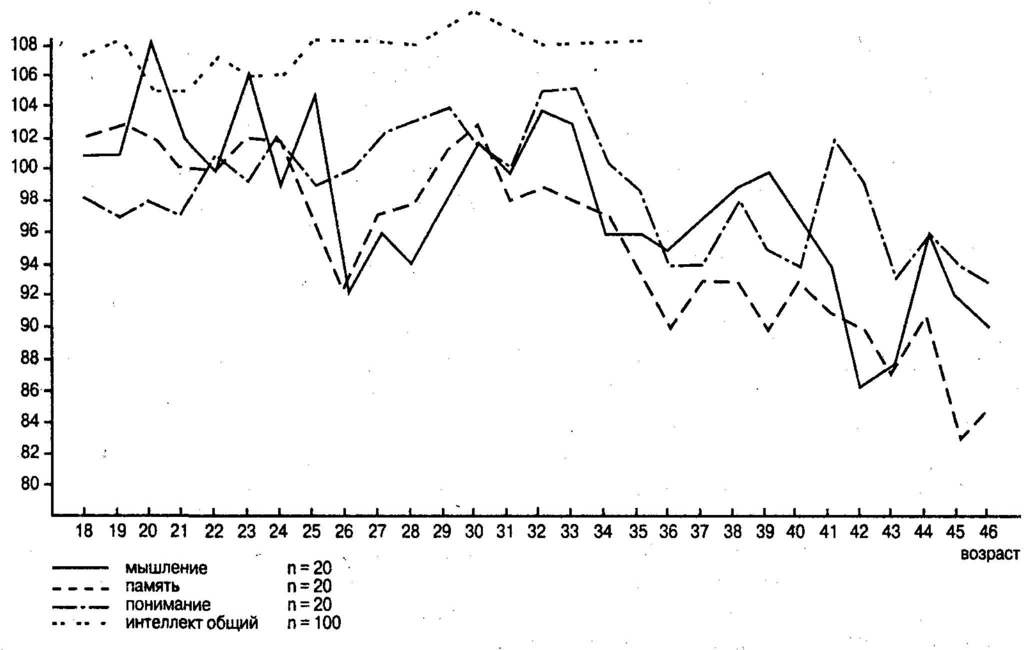

Рис. 16-4. Динамика познавательных процессов

Б. Г. Ананьев показал, что интенсивность старения интеллектуальных функций зависит от двух факторов: одаренности человека (внутреннего фактора) и образования (внешнего фактора). Становление целостной функциональной основы интеллектуальной деятельности человека происходит до 35-летнего возраста. В период от 26 до 35 лет повышается интеграция межфункциональных систем, тогда как в период между 35 и 46 годами начинает усиливаться жесткость связей между функциями. Это означает, что наряду с ростом интеллектуальной активности и продуктивности в привычной профессиональной деятельности, возможности освоения новых областей знаний и навыков затруднены. Отсюда вытекает необходимость системы непрерывного образования как условия высокой эффективности интеллектуальных функций человека.

Период геронтогенеза (старения), согласно международной классификации, начинается с 60 лет у мужчин и с 55 — у женщин. Различного рода изменения человека как индивида, происходящие в пожилом и старческом возрасте, направлены на то, чтобы актуализировать потенциальные, резервные возможности, имеющиеся и сформированные у человека в предыдущие периоды онтогенеза. Роль личности в сохранении индивидуальной организации и регуляции активности в период геронтогенеза усиливается.

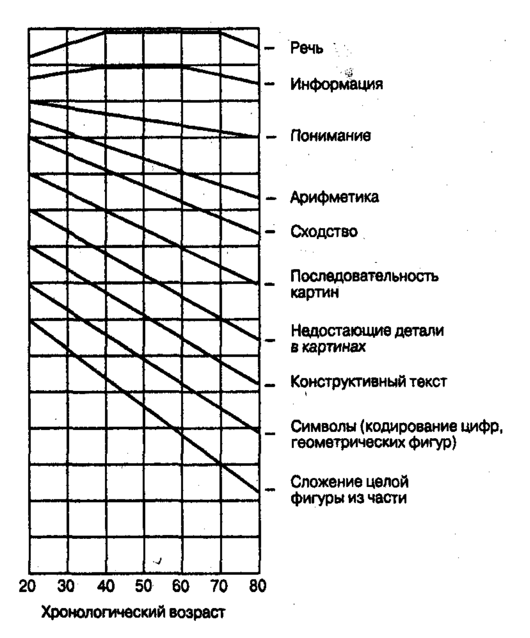

Рис. 16-5. Онтогенетические изменения вербальных и невербальных функций

По данным исследований, неравномерность и разнородность процесса старения касается также и когнитивных функций: восприятия, памяти, мышления. Так, у людей 70-90 лет особенно страдает механическая память, когда следует запомнить информацию точно и последовательно, например, выучить стихотворение, тогда как семантическое запоминание сохраняется значительно лучше, особенно той информации, которая затрагивает сущностные интересы индивида.

Исследование динамики когнитивных способностей (вербальных и невербальных) у людей от 20 до 80 лет представлена на рис. 16-5 (цит. по: Гамезо М. В., Герасимова В. С., Горелова Г. Г. и др., 1999). Из графика видно, что умственные способности (такие как словарный запас и владение абстрактными понятиями) не снижаются до 60-летнего возраста и изменяются незначительно к 80 годам.

Имеются многочисленные данные о сохранении высокой жизнеспособности и работоспособности человека не только в пожилом, но и старческом возрасте. Здесь существенную роль играет целый ряд факторов: уровень образования, род занятий, зрелость личности. Особое значение имеет творческая активность личности, которая способна противодействовать процессам инволюции.

Включеность в профессиональную деятельность способствует сохранению именно ведущих для этой деятельности функций. Так, у ученых не изменяется с возрастом запас слов и общая эрудиция, у пожилых инженеров — пространственные и комбинаторные способности, у бухгалтеров — скорость арифметических действий, у водителей, моряков и летчиков до глубокой старости сохраняются острота зрения и величина поля зрения.

Психологическое старение многообразно и разнолико. От типа протекания периода старения может зависеть и творческая активность человека. Ф. Гизе выделяет три типа старости:

1) «старик-негативист», отрицающий у себя какие-либо признаки старения;

2) «старик-экстраверт», признающий наступление старости через внешние признаки (выросли дети, появились новые технологии, изменились взгляды, изменился круг общения и т. д.);

3) «старик-интроверт», человек для которого характерно острое переживание процесса старения, он теряет интерес к новому, погружается в свои воспоминания, живет прошлым, стремится к покою.

Периодизации личностного развития человека. Представления о личности в разных концепциях и теориях очень различны. Одни концепции считают личность продуктом разворачивающейся биологической тенденции, другие — продуктом социума и культуры. Приведем примеры периодизации развития личности, наиболее известные в психологической литературе.

По Фрейду, развитие личности соответствует психосексуальному развитию человека. Движущей силой развития личности является врожденная энергия — либидо. В разные возрастные периоды развития человека она реализуется через эрогенные зоны, характерные для данного возраста. Если либидо не получает своего удовлетворения на данном этапе развития или удовлетворяется неадекватным образом, то происходит остановка развития человека на данной стадии и у него фиксируются определенные черты личности. Фрейд выделил пять стадий личностного развития.

1. *Оральная стадия* (от рождения до года). Удовлетворение либидо достигается за счет орального контакта во время сосания, покусывания или жевания. Невозможность реализации либидо на этой стадии приводит впоследствии к возникновению таких пороков, как курение, чревоугодие, словесная агрессия. Личность человека характеризуется такой чертой, как зависимость от окружения и пассивность.

2. *Анальная стадия* (от 1 до 2 лет). Приучение ребенка к чистоплотности ведет к перемещению удовлетворения либидо в анальную область тела. Нарушения развития на этой стадии могут быть обусловлены неверным поведением родителей. Родители могут придавать слишком большое значение данному процессу, постоянно фиксировать внимание ребенка на необходимости соблюдать чистоту тела, выражать либо бурную радость удачным действиям ребенка, либо отвращение к его экскрементам. Суровость в процессе приучения к чистоплотности рождает у ребенка страх потерять контроль над своим сфинктером, не оправдать ожидания родителей. Непоследовательное поведение родителей также является фактором, нарушающим развитие на данной стадии. Они хаотично приучают ребенка к туалету, то ругают, то хвалят его. Такая неупорядоченность требований и действий рождает трудности в регуляции поведения ребенка, что также нарушает его развитие.

Фиксация ребенка на этой стадии приводит к развитию таких черт личности, как пунктуальность (точная своевременность действий), скупость (стремление все сберечь для себя), чрезмерная чистоплотность (стремление убрать все грязное) или упрямство (немотивированное, систематическое сопротивление или отказ делать то, чего ожидают другие люди).

3. *Фаллическая стадия* (от 2 до 5 лет). Ребенок интересуется своими половыми органами и половыми органами других детей. Он начинает постигать половые отличия мальчиков и девочек. На фаллической стадии развивается эдипов комплекс у мальчиков и комплекс Электры у девочек. Суть комплекса состоит в том, что ребенок испытывает нежные чувства к родителю противоположного пола и агрессию по отношению к родителю своего пола, которого ребенок считает соперником и подсознательно хочет устранить. Конфликт, связанный с эдиповым комплексом, разрешается путем отказа ребенка от нежных чувств к родителю противоположного пола и отождествления себя с родителем того же пола, что представляется меньшим злом для ребенка, чем агрессивные чувства.

Комплекс Эдипа может быть рассмотрен как необходимый этап психосексуального развития ребенка. Становление полового сознания предполагает представление не только о своем поле, но и о другом, то есть должно быть представление не только о мужском, но и о женском. Возникающая нежная любовь к родителю противоположного пола выполняет функцию освоения форм поведения, ролей, способов выражения чувств другого пола. Возврат к отождествлению с родителем своего пола позволяет перевести половое развитие на новый уровень биполярной ориентации, где ребенок учится не только ценностям, ролям и стереотипам, свойственным его полу, но и сравнивает их со свойственными другому.

Фиксация на этой стадии может лежать в основе некоторых гомосексуальных ориентаций (когда ребенок отождествляет себя с родителем противоположного пола), а также может обусловить в дальнейшем выбор партнера как заместителя родителя (жена-мать, муж-отец).

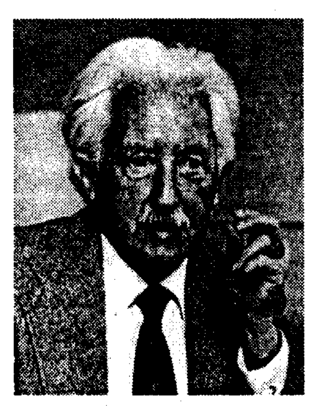
4. *Латентный период* (от 6 до 11 лет). Само название этого периода указывает на скрытый характер проявления либидо. Характерно явное снижение сексуальной активности и интересов к сексуальным вопросам. Центральными моментами данного этапа становятся обучение и социализация. Ребенок осваивает формы поведения, свойственные каждому полу. Фрейд не указывает на возможности фиксации на этой стадии развития. Однако можно предположить, что недостаточное освоение форм, установок полового поведения может привести к фиксации в виде психического инфантилизма, неадекватного понимания своей половой роли и половой роли противоположного пола.

5. *Генитальная стадия* (начинается при половом созревании). Подростки начинают ориентироваться на половое удовлетворение с партнерами противоположного пола. Человек приближается к зрелости, критериями которой Фрейд считал способность работать и любить. Любить другого человека ради него самого, а не потому, что он соответствует подсознательным установкам, сложившимся в результате фиксаций на предыдущих стадиях.

Теория Фрейда сводит все богатство человеческой личности к психосексуальному развитию. Однако, занимая важное место в человеческой жизни, психосексуальное развитие не может служить единственным стержнем личностного становления. Более того, представляя развитие личности как развертывание некой биологически заданной энергии, Фрейд по сути отказывает человеку в возможности собственного выбора, самосовершенствования.

Особенно энергичную критику вызывает утверждение Фрейда о большем личностном совершенстве мужчин по сравнению с женщинами. Неполноценность женского развития кроется в их подсознательной зависти к пенису, что препятствует психосексуальному, а следовательно, и личностному развитию.

Ограничения концепции развития личности Фрейда были компенсированы в теории развития «эго-идентичности» (тождественности «Я») последователя Фрейда Э. Эриксона. Развивая психоанализ, он внес существенные изменения в понимание движущих сил развития человеческой личности. Теорию Эриксона называют также эпигенетической теорией развития личности. Эриксон, не отказываясь от основ психоанализа, развил идею ведущей роли социума в развитии представлений человека о своем «Я».

Э. Эриксон (1902–1994)

Эриксон предположил, что наряду с описанными Фрейдом фазами психосексуального развития существуют стадии развития «Я», в ходе которых индивид устанавливает основные ориентиры по отношению к себе и своей социальной среде. Становление личности, по Эриксону, не заканчивается в подростковом возрасте, а происходит всю жизнь. Каждой стадии присущи свои собственные параметры развития, которые могут принимать положительные или отрицательные значения. Благоприятный или неблагоприятный исход кризиса данной стадии будет определять возможность последующего расцвета личности.

Эриксон описал восемь кризисов в развитии эго-идентичности человека и, таким образом, представил свою картину периодизации жизненного цикла человека.

Первая стадия — *орально-сенсорная* (от рождения до года). Эта стадия («кризис первого года жизни») соответствует классической психоаналитической оральной стадии и связана с тем, удовлетворяются или не удовлетворяются основные физиологические потребности ребенка. В случае удачного социального взаимодействия будет формироваться доверие к окружающему миру, а в случае неудачного — недоверие.

Вторая стадия — *мышечно - анальная* (от 1 до 3 лет) совпадает с анальной стадией Фрейда. В этот период, полагает Эриксон, у ребенка развивается чувство автономности на основе овладения моторными навыками, психическими способностями, навыками чистоплотности. Если родители оказывают поддержку ребенку, не торопят его, не ругают за просчеты, кризис имеет положительный итог. Если родители бранят ребенка, считают его неумелым или не дают возможности самому достичь желаемого результата, будет реализован отрицательный полюс его развития. У ребенка возникнет чувство стыда и неуверенности в своих силах.

Третья стадия — *локомоторно-генитальная* (от 4 до 6 лет). Ребенок на этой стадии осваивает многие сложные психомоторные навыки (езда на велосипеде, лыжах, коньках), придумывает игры, способен занять себя и даже быть помощником. Социальный параметр этой стадии развивается между чувством инициативы на одном полюсе и чувством вины на другом. Взрослые, которые способствуют проявлению инициативы ребенка, осуществлению его планов, помогают ему пройти кризис с положительным результатом. Тогда как сомнения взрослых в возможностях ребенка, нежелание и боязнь его инициативности приводят к тому, что ребенок уносит чувство вины на следующую стадию развития.

Четвертая стадия — *латентная* (от 6 до 11 лет). Это период обучения в школе, когда у ребенка особенно актуализированы познавательные способности и он осваивает знания и навыки данного

социума. Взрослые, поощряя тягу ребенка к освоению нового, к достижению результатов, поддерживают в нем чувство компетентности. Насмешки дома и в школе, неудачи в учебе и дружбе со сверстниками способствуют развитию у ребенка чувства неполноценности, которое будет трудно преодолеть на следующих стадиях развития.

Пятая стадия - *кризис подросткового возраста*. Эриксон считает, что возникающий в этот период параметр связи с окружающим колеблется между положительным полюсом идентификации «Я» и отрицательным полюсом путаницы ролей. Подросток созревает физиологически и психологически, и у него появляются новые взгляды на вещи, новый подход к жизни, новые ощущения собственного тела. У подростка встает задача объединить все, что он теперь знает о самом себе, своих новых ролях, в единое целое, осмыслить все это, связать с прошлым и проецировать в будущее.

Если подросток справляется с этой задачей психосоциальной идентификации, то у него появляется ощущение видения себя в перспективе, продолжении. На этой стадии родители играют только косвенную роль. Кризис подросткового возраста есть результат всех предыдущих. Если у ребенка было доверие к миру, чувство инициативы, компетентности, то его шансы на идентификацию, то есть на опознание собственной индивидуальности, значительно возрастают. Для недоверчивого, стыдливого, неуверенного, осознающего свою неполноценность подростка решить задачу идентификации будет очень сложно.

Подросток не может определить свое «Я», и у него появляются симптомы путаницы ролей и неуверенность в понимании того, кто он такой и куда идет. Подобная путаница ролей часто приводит подростков в группы правонарушителей, наркоманов, алкоголиков. Однако отрицательное прохождение кризиса подросткового возраста еще не означает, что человек останется неприкаянным на всю последующую жизнь, а тот, кто обрел ясные представления о своем «Я», не будет разочарован в столкновениях с жизнью. Эриксон подчеркивал, что жизнь представляет непрерывную смену аспектов развития, и успешное решение проблем на одной стадии не гарантирует человеку отсутствия проблем на последующих,

Шестая стадия — *ранней зрелости* (20-25 лет). Специфический для этой стадии параметр заключен между положительным полюсом близости и отрицательным — отчужденности (одиночества). Под близостью Эриксон понимает не только физическую близость к кому-либо, но и близость к «Я». Такое обретение себя в другом человеке возможно при построении семьи или в дружбе. Но если ни в браке, ни в дружбе человек не достигает близости, тогда его уделом становится одиночество — состояние человека, которому не с кем разделить свою жизнь, не о ком заботиться.

Седьмая стадия — *средняя зрелость* (26 лет - 64 года). Основная проблема этой стадии — выбор между продуктивностью и инертностью. Продуктивность связана с заботой о будущем поколении, о понимании общечеловеческого контекста не только собственной жизни, но и жизни своих детей. На этой стадии появляется новый параметр личности с «общечеловечностью» на одном конце шкалы и самопоглощенностью на другом. Общечеловечностью Эриксон называл способность человека интересоваться судьбами людей за пределами семейного круга, задумываться над жизнью будущих поколений, интересоваться формами будущего мироустройства. Подобное чувство возникает не только при наличии собственных детей. Тот, у кого это чувство сопричастности человечеству не выработалось, сосредоточивается полностью на себе, и главной его заботой становится удовлетворение своих потребностей и собственный комфорт.

Восьмая стадия — *поздняя зрелость*, завершающая жизненный цикл; относится к возрасту от 65 лет до смерти человека. Это время, когда люди оглядываются назад и пересматривают свои жизненные решения. Эриксон считал, что для этой стадии характерен не столько новый психосоциальный кризис, сколько суммирование, интеграция и оценка всех прошлых стадий развития. «Только у того, кто каким-то образом заботился о делах и людях, переживал триумфы и поражения в жизни, был вдохновителем для других и выдвигал идеи, могут постепенно созреть плоды семи предшествующих стадий. Я не знаю лучшего определения для этого, чем эго-интеграция» (цит. по: Хьелл Л., Зиглер Д., 1997).

Безусловным достоинством периодизации психосоциального развития Э. Эриксона является классификация всего жизненного цикла человека и построение периодизации на основе анализа центрального звена личности человека — его «Я».

К периодизациям развития, которые в качестве основания рассматривают причины, движущие силы развития, выделяя существенные характеристики каждой стадии, традиционно относят периодизации Л. С. Выготского и Д. Б. Эльконина. Рассмотрим периодизацию развития Д. Б. Эльконина как наиболее разработанную.

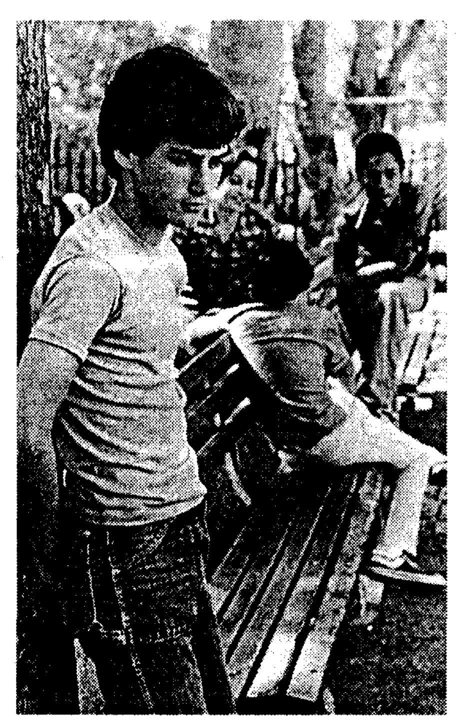

Рис. 16-6. Подростковый возраст. Боязнь отвержения группой

Основанием периодизации психического развития для Эльконина послужили положения культурно-исторической теории Л. С. Выготского и теория деятельности А. Н. Леонтьева. Источником психического развития является внешняя практическая деятельность ребенка. Однако не всякая деятельность становится источником психического развития. В рамках ведущей деятельности происходит формирование центральных возрастных новообразований. Развитие ребенка изначально социально. В социальном взаимодействии лежат истоки психических новообразований.

Эльконин рассматривал ребенка как целостную личность, активно познающую окружающий мир: мир предметов и мир людей. Существуют, следовательно, две системы отношений; «ребенок-вещь» и «ребенок-взрослый». Вещь, имея определенные физические свойства, несет в себе и общественно выработанные способы своего употребления, способы действий с нею. Таким образом, вещь — это общественный предмет, действиям с которым ребенок должен научиться с помощью взрослого.

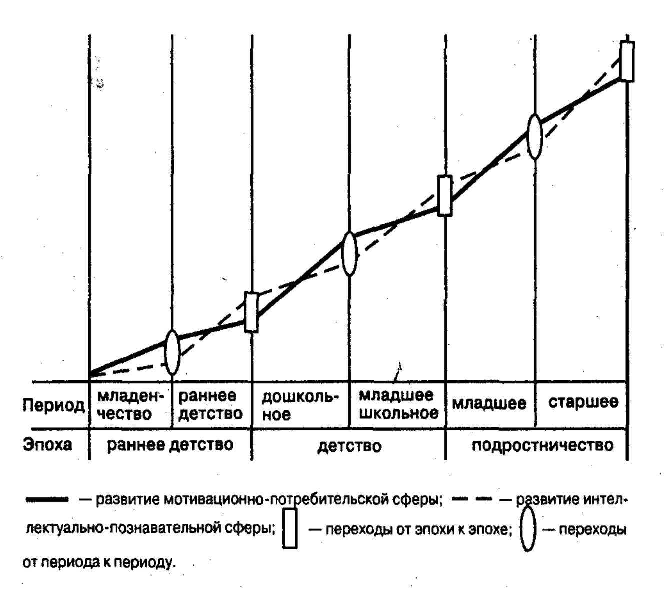

Рис. 16-7. Периодизация психического развития ребенка по Д. Б. Эльконину

Взрослый выступает перед ребенком не столько как человек, сколько как представитель определенного общества, имеющий социальные роли, установки, мотивы, стереотипы действий, в том числе и стереотипы воспитания. Следовательно, взрослый — это «общественный» взрослый.

Деятельность ребенка внутри систем «ребенок - общественный предмет» и «ребенок - общественный взрослый» представляет единый процесс, в котором формируется сама личность ребенка. Однако, составляя единый процесс освоения систем «ребенок-вещь» и «ребенок-взрослый» в рамках ведущей деятельности данного возраста, одна из систем выступает на первый план, занимая доминирующее положение. Следовательно, сменяющие друг друга ведущие деятельности определяют последовательное чередование систем «ребенок-вещь» и «ребенок-взрослый». В табл. 16.1 представлены возрастные периоды смены ведущей деятельности.

Таблица 16.1

Периодизация психического развития Д.Б. Эльконина

Возрастные периоды	Ведущая деятельность	Система отношений
Младенческий (0-1 год)	Общение со взрослым	человек—человек
Раннее детство	Предметная деятельность	человек —вещь
Дошкольный возраст	Игра	человек—человек
Младший школьный возраст	Учебная деятельность	человек —вещь
Подростковый возраст	Общение со сверстниками	человек—человек
Юношеский возраст	Учебно-профессиональная деятельность	человек —вещь

Все ведущие деятельности можно разбить на две группы, в зависимости от системы, которая является доминирующей. Первую группу ведущих деятельностей составляют те, которые ориентируют детей на формирование норм отношений между людьми. Это непосредственно-эмоциональное общение младенца, ролевая игра дошкольника, личностное общение подростка. Они отличаются друг от друга содержательно, но представляют собой деятельности одного типа, имеющие отношение с системой «ребенок - общественный взрослый», или «человек-человек».

Во вторую группу входят деятельности, благодаря которым у ребенка формируются представления о предметном мире и способах действий в нем. Это предметно-манипулятивная деятельность ребенка раннего возраста, учебная деятельность младшего школьника и учебно-профессиональная деятельность юноши. Деятельности второй группы имеют дело в основном с системой «ребенок - общественный предмет», или «человек - вещь». В деятельностях первой группы развивается преимущественно мотивационно-потребностная сфера, тогда как в деятельностях второй группы — интеллектуально-познавательная. Эти две линии образуют единый процесс развития личности, но с преобладанием одной из сфер на каждом возрастном этапе. На рис. 16-7 схематично представлена периодизация психического развития Эльконина (Кулагина И. Ю. 1996).

К каждой точке своего развития ребенок подходит с известным расхождением между тем, что он усвоил из системы отношений «человек-человек», и тем, что он усвоил из системы отношений «человек-вещь». Как раз те моменты, когда это расхождение принимает наибольшую величину, и называются кризисами, после которых идет развитие той стороны, которая отставала в предыдущий период. Но каждая из сторон подготавливает развитие следующей.

Сам Эльконин так определяет теоретическое и практическое значение гипотезы о периодичности процессов психического развития:

- во-первых, она позволяет преодолеть существующий в детской психологии разрыв между мотивационно-потребностной и интеллектуально-познавательной сторонами развития личности;

- во-вторых, дает возможность рассмотреть процесс психического развития не как линейный, а как идущий по восходящей спирали;

- в-третьих, она открывает путь к изучению связей, существующих между отдельными периодами, к установлению функционального значения всякого предшествующего периода для наступления последующего;

- в-четвертых, эта гипотеза представляет такое расчленение психического развития на эпохи и стадии, которое соответствует внутренним законам этого развития, а не каким-либо внешним по отношению к нему факторам.

На первый взгляд, стройная периодизация психического развития Эльконина вызывает серьезную критику, поскольку в этой теории все психическое развитие детерминировано внешней практической деятельностью. Это означает, что в психике человека не может быть ничего, чего бы ранее не было в практической деятельности. Такое уподобление психического внешне-практическому не оставляет места индивидуальным особенностям развития ребенка, перечеркивает возможность спонтанного развития. Более того, данная концепция представляет собой очевидное социологизаторство, то есть универсализацию роли социума и полное игнорирование природных (генетических) основ развития психики человека. Хотя в концепции и утверждается развитие личности, однако остается неясным, как же изменяется личность ребенка и каковы ее особенности на каждом возрастном этапе.

Но несмотря на критические замечания, не позволяющие рассматривать данную периодизацию как вскрывающую сущностные причины психического развития, сама смена принципа доминирующей темы развития принципом единства познавательных и мотивационно-личностных сторон психического развития представляется чрезвычайно полезной для понимания развития человека.

Рассмотренные нами периодизации жизненного цикла человека являются фактически классификациями развития одной из сторон психического развития человека. Видимо, создание целостной, интегративной периодизации психического развития человека — дело будущего. Это потребует не только интенсивных эмпирических исследований и теоретических поисков, но и взаимодействия с другими областями психологии, а также биологией и генетикой.

Анализ приведенных периодизаций психического развития показывает, что, несмотря на разные основания и ограниченность классификаций, многие из них отмечают одни и те же возрастные периоды в жизни человека, которые, по-видимому, являются стадиями развития, имеющими качественные особенности. В табл. 16.2 представлен сравнительный анализ некоторых рассмотренных ранее периодизаций психического развития.

Таблица 16.2

Сравнение периодизаций психического развития.

Возраст	Пиаже	Эльконин	Фрейд	Эриксон	Традиционная классификация
0-1 год.	сенсомоторная стадия	общение	оральная	орально-сенсорная (доверие — недоверие)	первое детство
1-2 года		предметная деятельность	анальная	мышечно-анальная (автономия — стыд и сомнения)	
3-6 лет	дооперационального мышления	игровая деятельность	фаллическая	локомоторно-генитальная (инициатива — вина)	второе детство
7-12 лет	конкретных операций	учебная деятельность	латентная	латентная	третье детство
12-16 лет	формальных операций	общение со сверстниками	генитальная	подростковая (эго-идентичность — спутанность ролей)	пубертатный период
16-18 лет	-	учебно-профессиональная деятельность	-		ювенильный период

20-25 лет	-	-	-	ранняя зрелость (близость — изоляция)	юность
25-40 лет	-	-	-	средняя зрелость (продуктив-ность — застой)	ранняя зрелость
40-60 (64) лет	-	-	-		зрелый возраст
60-65 лет	-	-	-	поздняя зрелость (Эго-интеграция — отчаяние)	завершение зрелости
65-75 лет	-	-	-		первая старость
после 75 лет	-	-	-		преклонный возраст

16.4. Планирование и выбор жизненного пути

Проблема жизненного пути человека была сформулирована в психологии в целях наиболее полного и адекватного исследования психологических особенностей личности. Она дополняла работы, посвященные исследованию структуры личности, выявлению движущих сил развития личности, проверке гипотезы о влиянии личностных особенностей на познавательные процессы. Проблема жизненного пути была поставлена Ш. Бюлер, но исследована позднее — в ряде работ отечественных и зарубежных психологов.

Осознание необходимости обсуждения в психологических кругах проблемы жизненного пути возникло вслед за изменением представлений о человеке в целом и о личности в частности. Личность стала рассматриваться двояко: и как объект, и как субъект жизни. Как объект жизненного процесса личность подвергается воздействию условий, событий жизни, находится под влиянием социальных отношений, культурных традиций и нравственных законов. Обладая качеством субъекта жизни, личность организует и структурирует свою жизнь, регулирует ее ход, выбирает и осуществляет избранное направление.

Обсуждение проблемы жизненного пути личности ведется с помощью целого ряда понятий: «жизненный путь», «стратегия жизни», «жизненная цель», «жизненная перспектива», «психологическая перспектива», «личностная перспектива», «жизненные задачи», «пространство и время жизни», «инициатива» и «ответственность», «стиль жизни», «жизненный план», «сценарий жизни».

Ниже приводятся определения этих понятий.

Жизненный путь — процесс развития человека в качестве субъекта собственной жизни, в ходе которого осуществляется регуляция жизненного процесса и формирование устойчивой и, одновременно, пластичной структуры личности.

Стратегия жизни — способ организации жизненного процесса.

Жизненная цель — представление об основном результате (результатах) или событии (событиях), которые должны произойти в жизни, интегрирующие все частные события и оправдывающие человеческое существование.

Жизненная перспектива — совокупность обстоятельств и условий жизни, которые обеспечивают эффективность личностного роста.

Психологическая перспектива — когнитивная способность предвидеть будущее.

Личностная перспектива — готовность к будущему в настоящем.

Жизненные задачи — реализация жизненной цели в реально происходящих жизненных событиях.

Пространство и время жизни — психологические характеристики организации жизненного процесса; пространство рассматривается как свойство протяженности жизненного процесса, время — как свойство его регуляции.

Инициатива — своевременная формулировка жизненных задач и включенность личности в процесс их выполнения.

Ответственность — умение принимать жизненно важные решения и обеспечивать контроль за их выполнением.

Стиль жизни — уникальная конфигурация личностных черт, мотивов, когнитивных стилей и способов приспособления к реальности, характерная для поведения индивидуума и обеспечивающая постоянство его поведения.

- **Жизненный путь — процесс развития человека в качестве субъекта собственной жизни, в ходе которого осуществляется регуляция жизненного процесса и формирование устойчивой и пластичной структуры личности.**

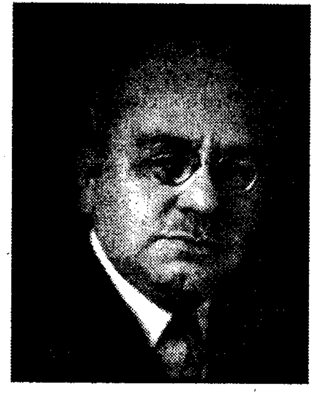
Современные психологические исследования показывают, что выбор и планирование индивидуальной стратегии жизни (осознанно или неосознанно) осуществляются самой личностью благодаря наличию у нее права на этот выбор.

Жизненные планы и жизненный сценарий. Структурным воплощением жизненного процесса и его позитивной части — жизненной перспективы — становится жизненный план, который представляет собой стратегию жизни. Совокупность жизненных тактик образует жизненный сценарий. Существуют, по крайней мере, два подхода к объяснению процесса структурирования жизненного пути с помощью ее планирования и сценарного воплощения.

Согласно первому подходу, представленному работами отечественных авторов (С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев и др.), личность осознанно выбирает и регулирует процесс жизни. Подчеркивается роль родителей в формировании представлений ребенка о целях и структуре жизненного пути. В конечном итоге, по выражению С. Л. Рубинштейна, человек сам определяет свое отношение к жизни, гармонично или дисгармонично связывая между собой трагедию, драму и комедию. Он полагает, что только определенные соотношения этих мировоззренческих чувств этически оправданы, приемлемы, закономерны как выражение отношения человека к типичным ситуациям жизни.

Второй подход (А. Адлер, К. Роджерс, Э. Берн и др.) построен на уверенности в преимущественно бессознательном выборе жизненного плана и жизненного сценария, который осуществляется на ранних стадиях развития ребенка. Согласно этим концепциям, жизненный план рассматривается как прогнозирование собственной жизни и ее реализация в представлениях и чувствованиях, а сценарий жизни — как постепенно развертывающийся жизненный план, ограничивающий и структурирующий жизненное пространство личности.

На выбор жизненного сценария влияет целый ряд факторов, которые обсуждаются в рамках этого подхода. Такими факторами являются порядок рождения ребенка в семье, влияние родителей (их действий, оценок, эмоциональной поддержки или депривации и др.), влияние дедушек и бабушек, принятие ребенком своего имени и фамилии, случайные экстремальные события и др.

А. Адлер (1870–1937)

Жизненный план формируется на основе ранних жизненных событий, впечатлений, которые соотносятся с каким-либо знакомым ребенку сценарием, заимствованным из сказки, рассказа, истории,

мифа, легенды, картины, Сценарий запускается в детском возрасте. В подростковый период он проходит стадию доработки, приобретает определенную структуру. Позднее он используется взрослым человеком для структурирования жизненного пространства, оптимального взаимодействия с окружающим миром и прогнозирования ближайшего и отдаленного будущего.

Основными составляющими сценария являются:

1) герой, с которым идентифицирует себя ребенок;

2) антигерой, который воплощает отвергаемые ребенком черты;

3) идеальный герой, черты характера которого пока отсутствуют у ребенка, но именно он определяет направление личностного роста;

4) сюжет — модель событий;

5) другие персонажи, участвующие в жизненном процессе;

6) свод нравственных правил.

Личность способна выбирать разные сценарии или модели поведения. Одни из них могут способствовать успеху, другие — приводить к неудаче, но все они позволяют ребенку и взрослому структурировать жизнь, задавать ей определенное направление, которое обеспечивает возможность достижения жизненной цели.

В соответствии с теоретическими и эмпирическими исследованиями жизненных планов разрабатываются психотерапевтические приемы, направленные на диагностику, а в случае необходимости — и на изменение «сценария неудачника».

Вопросы для повторения

1. Что такое гетерохронность развития?
2. В чем суть метафоры эпигенетического ландшафта?
3. Что такое сензитивный и критический периоды развития?
4. Каковы критерии выделения стадий развития?
5. Расскажите о периодизации интеллектуального развития Ж. Пиаже.
6. В чем отличие периодизации А. Баллона от классификации Ж. Пиаже?
7. Каковы особенности когнитивного развития людей зрелого и пожилого возраста?
8. Какие основные стадии и этапы выделяются в традиционной классификации жизненного цикла человека?
9. Какие периодизации личностного развития Вы знаете?
10. Каковы принципы, положенные в основу периодизации Э. Эриксона?
11. Какие основные теоретические положения лежат в основе периодизации Д. Б. Эльконина?
12. Что общего и в чем отличие различных периодизаций психического развития?

Рекомендуемая литература

Абульханова-Славская К. А. Личностная регуляция времени // Психология личности в социалистическом обществе: В 2 ч. — Ч. II. Личность и ее жизненный путь. — М.: Наука, 1990. — 295 с.

Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. — М.: Мысль, 1991. — 299 с.

Абульханова-Славская К. А., Брушлинский А. В. Философско-психологическая концепция С. Л. Рубинштейна: К 100-летию со дня рождения / АН СССР, Ин-т психологии; Отв. ред. Е. А. Будилова. — М.: Наука, 1989. - 243 с.

Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии / Пер. с нем., вступ. ст. А. М. Боковикова — М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1995. — 291 с. — (Б-ка зарубежной психологии).

Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. — Л.: Изд- во ЛГУ, 1968. — 339 с.

Берн Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы / Пер. с англ.; Общ. ред. М. С. Мацковского. — СПб.: Лениздат, 1992. - 399 с.

Гамезо М. В. и др. Возрастная психология: личность от молодости до старости: Учеб. пособие / М. В. Гамезо, Герасимова В. С., Горелова Г. Г., Орлова Л. М. — М.: Пед. о-во России: «Ноосфера», 1999. — 269 с.

Годфруа Ж. Что такое психология: В 2-х т. — Т. 1. Ч. 2, гл. 4 / Пер. с фр. Н. Н. Алипова; Под ред. Г. Г. Аракелова. - М.: Мир, 1996. - 370 с.

Жизненный путь личности: Вопросы теории и методологии социально-психологических исследований / Отв. ред. Л. В. Сохань; АН УССР. - Киев: Наукова думка, 1987. - 277 с.

Кулагина И. Ю. Возрастная психология: Развитие ребенка от рождения до 17 лет: Учеб. пособ. / Университет Российской академии образования, — М.: Изд-во УРАО, 1998. — 175 с.

Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Отв. ред. Ю. Забродин. — М.: Наука, 1989. - 449 с. Марютина Т. М. Об использовании понятия «критический» и «сензитивный» период индивидуального развития // Психологический журнал. — 1981. — Т. 2. — № 1. — С. 145-153.

Равич-Щербо И. А. и др. Психогенетика: Учебник / Равич-Щербо И. А., Марютина Т. М., Григоренко Е. Л. — М.: Аспект-пресс, 1999. — 447 с.

Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. — М.: Педагогика, 1976.

Сергиенко Е. А., Рязанова Т. Б. Младенческое лонгитюдное исследование: специфика психического развития // Психологический журнал. - 1999. - Т. 20. - № 2. - С. 39-54.

Сергиенко Е. А. и др. Развитие близнецов и особенности их воспитания / Сергиенко Е. А, Рязанова Т. Б., Виленская Г. А., Дозорцева А. В.; РАН, Ин-т психологии. - М.: ИП РАН, 1996 - 68 с,

Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности: Основные положения, исследования и применение / Пер. с англ. С. Меленевской, Д. Викторовой. — 2-е изд., испр. — СПб.: Питер, 1998. — 606 с. — (Мастера психологии).

Элкинд Д. Эрик Эриксон и восемь стадий человеческой жизни / Пер. с англ. — М.: Когито-центр, 1996. — 16с.

Эльконин Д. Б. Психическое развитие в детских возрастах. — М.: Изд. Ин-т практ. психологии. — Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. - 287 с.

Глава 17. Психология индивидуальных различий

Краткое содержание главы

История становления дифференциальной психологии. Взгляды античных ученых на индивидуальные различия. Формирование дифференциальной психологии как самостоятельной научной дисциплины.

Предмет и методы дифференциальной психологии. Задачи дифференциальной психологии. Психологические тесты. Статистические методы в дифференциальной психологии.

Основные направления дифференциально-психологических исследований. Изучение биологических основ индивидуальных различий. Теория черт. Лексикографический подход. Непосредственный анализ индивидуальных и групповых различий.

Тестирование личности. Личностные опросники. Проективные методики. Объективные методы исследования личности.

17.1. История становления дифференциальной психологии

С огромным разнообразием внешнего облика людей и их психологических особенностей мы сталкиваемся с первых дней жизни — среди тысяч лиц, проходящих перед нашими глазами, трудно найти два неотличимых друг от друга. То же самое можно сказать и о психологическом облике наших знакомых — у каждого есть что-то особенное, неповторимое.

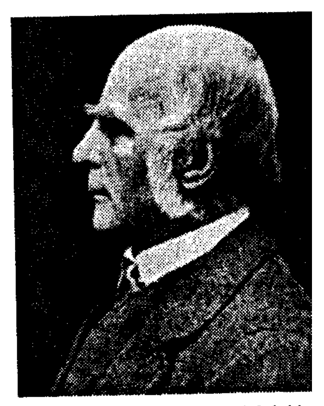
Наряду с этим разнообразием существует и поразительное сходство между людьми, составляющее человеческую природу и определяющее нашу принадлежность к биологическому виду *Homo sapiens*. В повседневной жизни, в зависимости от ситуации, мы ориентируемся как на сходство между людьми, так и на различия — знакомясь с новым человеком, мы автоматически относим его к своему биологическому виду и только после этого, в процессе общения и взаимодействия с ним, накапливаем информацию об особенностях этого человека.

Любая наука, изучающая человека, сталкивается с противоречием между сходством и различием. Так, в медицине давно подмечено, что одно и то же заболевание у разных людей протекает по-разному, а осваивая общий курс средней школы, мы используем разные индивидуальные приемы обучения. Совершенно закономерно, что проблема индивидуальных различий не перестает интересовать

психологов уже несколько тысячелетий.

Первое систематизированное описание индивидуальных особенностей поведения принадлежит ученику Платона Теофрасту и изложено в трактате «Характеры». Отмеченные Теофрастом характеристики вполне могут быть применены и для описания наших современников. Так, спустя две тысячи лет, английский исследователь Робак (Roback A. A., 1931) отмечал: «Благодаря авторам античности и их прототипам, с определенной долей уверенности можно утверждать, что природа людей, разделенных веками и океанами, остается той же, иначе говоря, люди характеризуются одними и теми же индивидуальными различиями, будь то древние греки или американцы двадцатого столетия». Работа Теофраста стала первым опытом идиографического подхода в психологии, суть которого сводится к акцентированию уникальности каждой личности, описанию ее своеобразия и особенностей.

Гиппократ заложил основы другого подхода к решению того же вопроса. Созданное им учение о четырех типах темперамента получило развитие в работах его последователя Галена и дало начало номотетическому подходу в психологии. В рамках этого подхода основной акцент ставится на вскрытии причинно-следственных связей и закономерностей, объясняющих поведение человека.

Ф. Гальтон (1822–1911)

Как самостоятельная научная дисциплина дифференциальная психология начала формироваться со второй половины XIX в. Первые систематические исследования индивидуальных различий были проведены английским ученым Ф. Гальтоном. Находясь под влиянием эволюционных идей своего двоюродного брата, Ч. Дарвина, Гальтон организовал массовые обследования больших выборок испытуемых для изучения наследственной обусловленности способностей человека. Для этих целей им была организована специальная лаборатория на Международной медицинской выставке в 1884 г, Именно Гальтон разработал специальные измерительные процедуры и методы анализа данных. Наряду с антропометрическими показателями у испытуемых оценивались скорость реакции и особенности восприятия.

Рис. 17-1. Лаборатория Ф. Гальтона

За год работы сотрудниками лаборатории было обследовано более 9 тыс. испытуемых. Однако, несмотря на внушительные масштабы эмпирической работы, результаты получились достаточно

скромными, что было связано с неадекватным выбором показателей способностей — преимущественно сенсорных характеристик человека.

Работы Гальтона и запросы практики дали мощный импульс разработке более сложных процедур тестирования способностей. В 1904 г. во Франции появляется новая процедура оценки уровня развития способностей по более сложным проявлениям — особенностям памяти, внимания, успешности решения задач. Автор этого метода, А. Бине, предложил в качестве показателя интеллектуального развития использовать умственный возраст — соответствие уровня развития ребенка средним показателям детей определенной возрастной группы.

В 1912 г. немецким психологом В. Штерном был предложен широко применяемый вплоть до нашего времени показатель интеллектуального развития, который численно равен отношению умственного возраста ребенка к его хронологическому возрасту. Этот показатель получил название коэффициента интеллекта (IQ). Двенадцатью годами раньше, в 1900 г., в своей работе «О психологии индивидуальных различий» Штерн предложил название «дифференциальная психология».

Таким образом, в начале нашего века сложилась психологическая дисциплина, изучающая индивидуально-психологические различия. Были определены основные задачи исследований, оформлен понятийный аппарат, предложены первые методы математического анализа данных. Дальнейшее развитие дифференциальной психологии связано с такими именами, как Г. Айзенк, Р. Кеттелл, А. Анастази, Б. М. Теплов, В. Д. Небылицын и др.

17.2. Предмет и методы дифференциальной психологии

Наиболее общим содержанием предмета дифференциальной психологии являются различия между людьми и группами людей. Однако это слишком общее определение. Поэтому психологи посчитали целесообразным раскрыть содержание предмета дифференциальной психологии в конкретных задачах, решаемых исследователями индивидуальных различий. Можно назвать четыре таких задачи:

1. Выделение наиболее существенных, информативных психологических характеристик человека, изучение их структуры.
2. Изучение пределов, в которых психологические признаки изменяются (межиндивидуальная вариативность).
3. Изучение различий между группами людей.
4. Выявление факторов, лежащих в основе индивидуально-психологических различий.

Становление дифференциальной психологии неразрывно связано с разработкой измерительных процедур. Из всего арсенала психодиагностических методов наибольшую ценность для научного описания личности представляют психологические тесты, включающие в себя опросники, проективные методы и объективные методы. Именно психологические тесты и составляют основной измерительный инструментарии дифференциальной психологии. Выбор метода конкретного дифференциально-психологического исследования целиком определяется задачами, на решение которых оно направлено. Одной из отличительных особенностей тестов является количественная оценка измеряемого признака, что дает возможность использовать статистические методы при анализе полученных данных.

- **Дифференциальная психология – наука о психологических различиях между людьми и группами людей.**

Развитие статистических методов в немалой степени обусловило прогресс дифференциальной психологии. Уже в первых массовых исследованиях психологических характеристик было обнаружено, что частота встречаемости показателя (например, время реакции) повышается, если он близок к среднему значению по выборке. Эта закономерность получила название «частотное распределение». Графически частотное распределение можно представить, если по горизонтальной оси откладывать величину изучаемого признака в диапазонах, а по вертикальной — количество людей, попадающих в каждый диапазон выраженности признака (рис. 17-2).

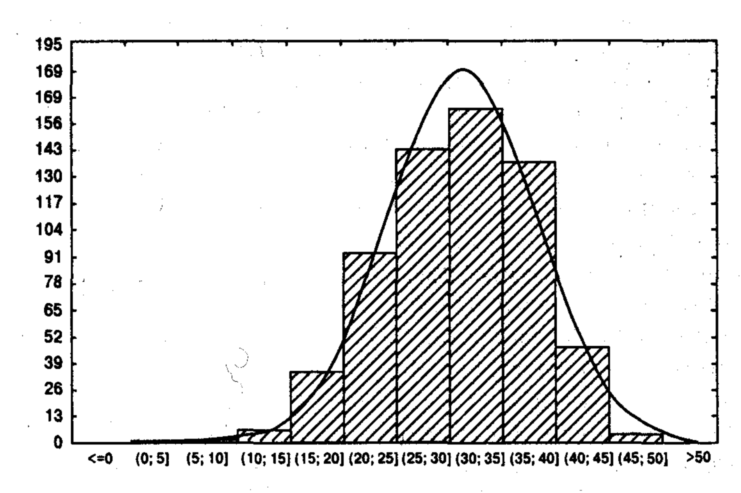

Рис. 17-2. Частотное распределение

Кривая линия на рисунке является апроксимацией данного частотного распределения и называется кривой нормального распределения. Нормальное распределение описывается двумя основными статистическими характеристиками — средним значением и дисперсией.

Предположим, при измерении количества ошибок у шести испытуемых были получены показатели, представленные в первом столбце табл. 17.1. Среднее значение вычисляется как частное от деления суммы всех значений на количество испытуемых (x/6). В нашем примере среднее значение равно 5. Вычитая среднее значение из значения признака, мы получим индивидуальные отклонения от среднего (d). Дисперсия (ss^2) определяется как среднее арифметическое квадратов отклонений (в нашем примере $d^2/_6$).

Помимо этих двух показателей в дифференциальной психологии часто используется стандартное отклонение (ss), вычисляемое как квадратный корень из дисперсии.

Рассмотренные статистические показатели используются для описания распределения одной характеристики, однако перед исследователем часто встает вопрос о соотношении между несколькими переменными. Для этих целей учеником Гальтона К. Спирменом был разработан специальный показатель — коэффициент корреляции (r). Величина этого показателя изменяется в пределах от -1 до 1, и связь между характеристиками увеличивается при удалении значения коэффициента от 0.

Таблица 17.1

Вычисление среднего значения и дисперсии.

Значение признака, x	Отклонение от среднего, d	Квадрат отклонения, d^2
1	-4	16
2	-3	9
4	-1	1
5	0	0
7	2	4
11	6	36
Среднее значение 5		Дисперсия 11

17.3. Основные направления дифференциально-психологических исследований

Можно выделить два основных направления исследований индивидуальных различий, одно из которых отвечает на вопрос «Что отличает людей друг от друга?», другое — на вопрос «Как эти

различия проявляются и формируются?».

Первое направление связано с изучением структуры психологических свойств. Основной задачей этого направления является выделение психологических свойств, наиболее важных для дальнейшего сравнительного анализа. Решение этой проблемы носит принципиальный характер для дифференциальной психологии, в рамках этого направления велись основные методологические споры, решался вопрос о статусе дифференциальной психологии как науки.

Примером тому может служить дискуссия между сторонниками идиографического подхода, ярчайшим представителем которого являлся Г. Оллпорт, и приверженцами номотетического подхода (Р. Кеттелл, Г. Айзенк и их последователи). Основным предметом дискуссии стало положение Оллпорта, в соответствии с которым черты личности, являясь сами по себе абстракцией, образуют в каждом конкретном случае неповторимое индивидуальное сочетание, что делает невозможным сравнение людей между собой (Allport G. W., 1937).

Кеттелл, возражая Оллпорту, подчеркивал, что проблема уникальности не является специфической особенностью исследований личности, неповторимость предмета изучения характерна для всех естественных наук: в астрономии не найдено абсолютно одинаковых планет или звезд, два автомобиля, сошедшие с одного конвейера, могут существенно отличаться друг от друга, даже атомы водорода неидентичны, и т. д. Уникальность объекта тем не менее не стала препятствием на пути развития астрономии, физики, химии, других естественных наук. Решение этого вопроса Кеттелл, а вслед за ним и Айзенк видели в последовательном применении при исследованиях личности естественнонаучного подхода.

Основным результатом этих исследований стали разнообразные модели психических свойств: темперамента, интеллекта, характера, — а также соответствующие методы психологических измерений.

Круг вопросов, связанный с выбором параметров для описания индивидуальных различий, традиционно называется проблемой признака. Выбор психологических переменных для конкретного сравнительного исследования определяется в первую очередь спецификой модели личности, в рамках которой работает исследователь.

В первой главе этого раздела представлен обзор существующих представлений о структуре личности, поэтому ниже мы рассмотрим только те из них, которые наиболее часто используются для изучения индивидуально-психологических различий.

Б. М. Теплов (1896–1965)

Одним из первых опытов выделения устойчивых индивидуально-психологических характеристик для описания особенностей является изучение биологических основ индивидуальных различий. В. М. Русалов так характеризует это направление в психологии личности: «Среди многочисленных направлений изучения личности и индивидуальных различий биологически ориентированный подход является, пожалуй, наиболее плодотворным. Обладая рядом принципиальных преимуществ, он позволяет объединить в себе не только объективные методы естественнонаучного подхода и прежде всего эволюционно-биологические представления, но и концепции, разработанные в других направлениях психологии, изучающих личность» (Русалов В. М.,1993).

Традиция биологически ориентированного подхода к личности, имея истоки в античной Греции, только в нашем столетии приобрела статус самостоятельного научного направления. Первоначально в основном изучался темперамент, однако с течением времени сфера исследований расширялась, и на

сегодняшний день существует широкий спектр биологических теорий личности — от структурных биохимических и нейропсихологических теорий темперамента (Д. А. Грей, П. Неттер) до эволюционных теорий механизмов поведения (Д. Басс).

В российской психологии данный подход последовательно реализуется в дифференциальной психофизиологии — научной школе, основанной Б. М. Тепловым и В. Д. Небылицыным. В основу этого направления были положены представления И. П. Павлова о типах высшей нервной деятельности. Акцент в исследованиях был сделан на изучении основных свойств нервной системы (табл. 17.2).

Таблица 17.2

Содержание основных свойств нервной системы (Небылицын, 1966)

Название	Содержание
Динамичность	Скорость образования условных реакций
Сила	Работоспособность и выносливость нервной системы
Подвижность	Скорость смены возбуждения торможением и торможения возбуждением
Лабильность	Скорость возникновения и прекращения нервных процессов

Изучение свойств нервной системы проводилось с использованием непроизвольных показателей деятельности — электроэнцефалографических условных рефлексов, параметров времени реакции на стимулы разной интенсивности и сенсорных показателей. В результате проведенных исследований удалось выявить особенности нервной деятельности, тесно связанные с психологическими характеристиками.

К числу широко распространенных концепций этого направления относятся представленная на рис. 17-3 модель Г. Айзенка (1985, с. 159) и модель М. Цукермана (Zuckerman M., 1990). Последняя включает в себя следующие характеристики: социабельность, эмоциональность, активность, «импульсивный несоциализированный поиск ощущений», «агрессивный поиск ощущений». Выраженность свойств, входящих в эти модели личности, оценивается с помощью разработанных авторами опросников.

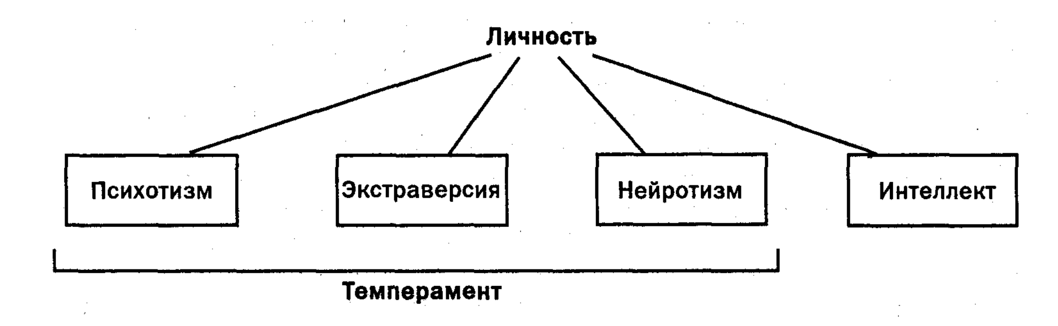

Рис. 17-3. Структура личностных свойств по Айзенку

Другим подходом к выделению психологических характеристик, имеющих выраженные индивидуальные различия, является теория черт. Основной гипотезой теории черт является предположение, что психологические особенности могут быть описаны с помощью устойчивых, проявляющихся в разных ситуациях и различающихся по степени выраженности у разных людей характеристик или черт.

Большинство психологических черт выделены с применением лексикографического метода. В основе этого подхода лежит идея Ф. Гальтона об отражении наиболее значимых индивидуально-психологических различий в структуре натурального языка.

Одной из первых и наиболее распространенных структурных моделей является 16-факторная модель личности, разработанная Р. Кеттеллом (16 PF), в которой исходный набор черт личности получен путем анализа слов английского языка. При определении исходного набора элементов структуры автором был использован список слов английского языка, обозначающих устойчивые характеристики поведения и

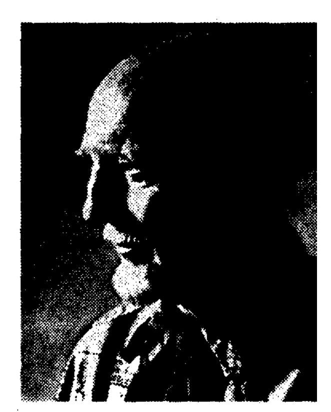
черты личности. Исходный список из 4 500 слов, составленный Оллпортом и Одбертом (Allport G. W., Odbert H. S., 1936), был сокращен Кеттеллом посредством выделения синонимических групп до 171 слова.

В качестве исходного материала для факторизации автором использовались три вида данных:

1. L-данные (*real-live ratings*), полученные путем формализации оценок поведения испытуемых в течение некоторого периода времени.

2. Q- данные (*questionnaire data*) полученные с помощью опросников и других методов самооценки.

3. Т-данные (*objective test data*) — результаты измерения объективных (физиологических, динамометрических, моторных, вербальных и т. п.) характеристик поведения испытуемых.

Р. Кеттелл (род. 1905)

В результате факторизации L- и Q-данных Кеттеллом было выделено 16 факторов первого порядка, содержательный анализ которых позволил автору интерпретировать их как черты личности. В результате проведенных к настоящему времени исследований была показана низкая воспроизводимость предложенной Кеттеллом структуры факторов первого порядка на разных выборках.

Другой широко распространенной факторной моделью личности является предложенная У. Т. Норманом (Norman W. T., 1963) так называемая «Большая пятерка», включающая в себя пять факторов: экстраверсия (*extroversion*); дружелюбие (*agreableness*); добросовестность, сознательность (*conscientiousness*); нейротизм (*neuroticism*) и культура (*culture*). Эта модель была переработана в исследованиях американских психологов Р. Маккрэя и П. Т. Косты (McCrae R., Costa P. T., 1987); они заменили в разработанном ими «Пятифакторном опроснике» (*Five-Factor Inventory*) название фактора «культура» на «открытость» (*opennes*).

За последнее десятилетие проведен целый ряд кросскультурных исследований разных форм, показавших достаточно высокую воспроизводимость пятифакторной структуры в разных странах мира. Следовательно, свойства, выделенные на основании используемых в английском языке терминов, не являются специфичными для англоязычной выборки. Обращает на себя внимание и тот факт, что черты, выделенные посредством лексикографического подхода, частично включают в себя свойства, выделяемые в диспозициональных моделях.

Второе направление дифференциально-психологических исследований связано с непосредственным анализом индивидуальных и групповых различий. В рамках этого направления исследовались группы людей, выделенных по разным основаниям, а также решались вопросы об источниках индивидуально-психологических различий.

К числу наиболее очевидных оснований для выделения групп людей относится половая принадлежность. Действительно, кроме различий между расами, этническими группами и социальными классами существует одно, которое первично в нашем сознании и представлении о себе — это различие между мужчинами и женщинами.

Анатомические различия, очевидные уже при рождении, увеличиваются от детства к взрослости; параллельно с анатомическим развитием формируется «Я-образ», специфический для каждого пола. В любом обществе существует разделение труда в зависимости от пола, есть «мужские» и «женские» профессии, мода, стереотипы поведения. Универсальность культурного различения мужчины и женщины в истории часто служила доказательством того, что социальные различия между полами коренятся в генах. Кажется почти очевидным, что различия между полами в поведении и социальных ролях являются частью той же самой биологической дифференциации, которая позволяет акушеру

определить пол родившегося ребенка.

Однако результаты многочисленных исследований позволяют с уверенностью говорить о существовании достоверных различий между полами лишь по некоторым психологическим свойствам:

1. Мальчики начинают устойчиво превосходить девочек по агрессивности начиная с 2-летнего возраста. Значительно более высокий уровень агрессии проявляется в самых различных сферах — вербальных проявлениях, играх, фантазиях.

2. Эмоциональность, измеряемая разными методами — от наблюдений за интенсивностью и продолжительностью эмоциональных реакций у новорожденных до опросниковых шкал тревожности и эмоциональности, также демонстрирует устойчивые половые различия. Мальчики и мужчины более эмоционально стабильны, меньше подвержены страхам, менее тревожны.

3. Начиная с 2-летнего возраста девочки демонстрируют более высокий уровень вербальных способностей - они больше общаются с другими детьми, их речь более правильная, используемые обороты более сложные. К началу школьного возраста эти различия перестают быть достоверными; они появляются вновь после окончания начальной школы и выражаются в большей беглости речи и скорости чтения у девочек. В пожилом возрасте у женщин дольше сохраняются вербальные функции.

В подростковом возрасте появляются выраженные различия по пространственным и математическим способностям. Мальчики и мужчины более успешны в решении математических задач и выполнении заданий, требующих операций с пространственными образами.

Перечисленные характеристики не зависят от таких параметров, как особенности ситуации, уровень образования, профессиональный статус; другими словами, они носят устойчивый характер. При этом необходимо подчеркнуть, что наряду с биологической обусловленностью половых различий существенную роль играют процессы, происходящие в обществе.

Отмечаемое в последнее время уменьшение проявления половых различий дает основание предположить большую связь половых различий с обучением и воспитанием детей. Так, в последние десятилетия рушатся стереотипы, в соответствии с которыми, например, технические специальности и математика считались «не женским делом».

Наряду с влиянием общества весьма существенной для формирования половых различий является семейная среда, служащая проводником стереотипов, сложившихся в обществе. Например, одним из объяснений лучшего развития вербальных способностей у девочек может служить тот факт, что матери разговаривают с новорожденными дочерьми значительно больше, чем с сыновьями.

С пятидесятых годов XX в. ведутся систематические исследования индивидуально-психологических различий между представителями разных этнических групп. Достаточно большое количество исследований посвящено изучению различий в развитии новорожденных. Американский психолог Р. Фридман, сравнивая новорожденных из трех этнических групп — выходцев из северной Европы, азиатов (японцев и китайцев) и индейцев навахо, пришел к выводу о большей адаптивности новорожденных индейцев и азиатов. Дети европейцев более возбудимы и активны, дольше успокаиваются. В аналогичном сравнительном исследовании чернокожих и белых младенцев было показано, что африканцы характеризуются более быстрым темпом развития — легче вырабатывают моторные навыки, раньше начинают ходить.

Исследования различий между расами в школьном и взрослом возрасте проводились преимущественно по характеристикам интеллекта. Была обнаружена следующая тенденция в успешности выполнения заданий интеллектуальных тестов: лучше всех справляются с задачами дети монголоидной расы, за ними следуют европеоиды, затем негроиды и американские индейцы.

В 1969 г. американский психолог А. Дженсен, основываясь на материале большого количества психогенетических исследований, сделал вывод о генетической обусловленности интеллектуальных различий между белыми и черными американцами. Действительно, такие различия (около 15 баллов) были обнаружены в большинстве исследований. Однако примерно такие же различия были установлены и между привилегированными и ограниченными в правах группами населения (каста неприкасаемых в Индии). Подобные данные дают основания для предположения о социальных причинах межрасовых различий интеллекта.

Эта гипотеза была проверена в специальных исследованиях, где группы американцев африканского и европейского происхождения уравнивались по целому ряду параметров —социально-экономическому статусу, размеру семьи, стилю воспитания детей, образованию и т. д. При таких составах экспериментальных выборок расовых различий по интеллекту обнаружено не было. Такие же результаты были получены и в исследовании родившихся в Германии после Второй мировой войны

внебрачных детей от белых и чернокожих американских солдат.

Таким образом, можно заключить, что гипотеза о биологической обусловленности расовых различий по интеллекту не получила экспериментального подтверждения.

Принадлежность человека к определенной социальной группе, как мы видели выше, используется некоторыми исследователями для объяснения причин половых и расовых различий. При анализе различий между группами с разным социально-экономическим статусом учитываются такие характеристики, как уровень образования, профессиональный статус, жилищные условия, доход, особенности питания и многие другие.

Можно выделить два подхода к изучению индивидуально-психологических различий между социальными группами. Первый из них предполагает сравнение людей из среднего класса с представителями малообеспеченных групп населения. Результатом таких исследований является определение набора психологических особенностей, по которым сравниваемые группы различаются. В рамках второго подхода изучается корреляционная связь психологических характеристик с уровнем качества жизни (в разных исследованиях выделяется от 5 до 7 градаций).

Совместный анализ результатов исследований, проведенных с использованием разных методов анализа, позволяет сделать следующие выводы:

1. Различия в социальном положении людей проявляются на протяжении всего жизненного пути человека — от особенностей пренатального развития (питание матери во время беременности, качество медицинского обслуживания) до приобретения профессии (тип учебного заведения, свобода выбора рода занятий).

2. В онтогенезе происходит взаимное влияние социально-экономических особенностей интеллекта: чем выше социальный статус семьи, тем выше интеллект ребенка, что в свою очередь приводит к повышению качества жизни ребенка в процессе взросления и профессионального становления.

3. Семьи с различающимся качеством жизни характеризуются разными стилями воспитания — родители с низким социальным статусом более авторитарны, чаще прибегают к принуждению, не склонны к поощрению самостоятельности ребенка.

Подводя итог рассмотрению результатов исследования групповых различий, следует обратить внимание на особенности интерпретации приведенных данных. Следует помнить, что основным методом рассмотренных работ является сопоставление средних групповых значений. В случае обнаружения различий между группами проводится проверка их значимости по статистическим критериям (например, t-критерий). В случае, если различия оказались статистически достоверными, мы можем говорить только о средних значениях, ни в коем случае не распространяя этот вывод на конкретных людей. Необходимо помнить, что внутригрупповые различия всегда больше, чем межгрупповые — различия между женщинами, например, больше, чем различия между средней женщиной и средним мужчиной.

17.4. Тестирование личности

Знакомство с проблемой индивидуальных различий было бы неполным без рассмотрения вопросов, связанных с методами оценки личностных характеристик, используемых в психологии. Как уже отмечалось, для целей дифференциально-психологического исследования наибольшую ценность представляют личностные тесты — методики для измерения эмоциональных, мотивационных, межличностных свойств индивида, его интересов и предпочтений.

По мнению одного из ведущих специалистов в области психодиагностики, А. Анастази (1982), большинство из нескольких сотен существующих психологических тестов следует рассматривать либо как средство для клинической оценки, либо как инструмент научного исследования.

Традиционно выделяется три основные разновидности тестов личности: личностные опросники, проективные методики и объективные методы исследования личности. Рассмотрим каждую из них.

Личностные опросники. Этот вид тестов личности относятся к измерительным методикам типа «карандаш-бумага», что позволяет использовать их при групповом обследовании. Личностные опросники представляют собой серии стандартных вербальных стимулов —вопросов или утверждений, ответы на которые рассматриваются как поведенческие реакции человека.

Классическим примером личностного опросника является миннесотский многоаспектный личностный опросник (MMPI). Он содержит 550 утверждений с вариантами ответов «верно»,

«неверно», «не могу сказать» и дает показатели по следующим 10 основным диагностическим шкалам:

1. Шкала ипохондрии — определяет близость обследуемого к астеноневротическому типу личности. («У меня часто бывает такое чувство, будто голова стянута обручем».)

2. Шкала депрессии — оценивает степень субъективной депрессии, морального дискомфорта. («У меня беспокойный, прерывистый сон».)

3. Шкала истерии—разработана для выявления склонности к использованию симптомов физического заболевания в качестве средства разрешения сложных ситуаций. («Я часто ощущаю комок в горле».)

4. Шкала психопатии — направлена на диагностику склонности к асоциальным поступкам. («Иногда мне хочется уйти из дома».)

5. Шкала мужественности—женственности — измеряет степень отождествления с половой ролью, предписываемой обществом. («Я очень люблю охоту».)

6. Шкала паранойи — оценивает склонность к подозрительности, наличие сверхценных идей. («Я думаю, что за мной следят».)

7. Шкала психастении — устанавливает склонность к навязчивым страхам, действиям. («Меня беспокоит, что я могу сойти с ума».)

8. Шкала шизофрении — направлена на диагностику аутичного, погруженного в себя типа личности. («Когда вокруг никого нет, я слышу странные вещи».)

9. Шкала гипомании — определяет склонность к навязчивым идеям. («Я — значительная личность».)

10. Шкала социальной интроверсии — оценивает направленность на себя или на внешний мир. («Мне нравится ходить туда, где шумно и весело».)

Тест используется как для диагностики психиатрических заболеваний, так и в исследовательской работе.

При создании этого опросника 8 из 10 шкал были разработаны эмпирически, с использованием критериальной оценки утверждений — их значения существенно различались в группах больных и нормальных испытуемых. В качестве критерия выступал психиатрический диагноз в однородных группах больных.

Утверждения для шкалы «мужественность—женственность» отбирались по частоте ответов на них у мужчин и женщин. Шкала социальной интроверсии создавалась по результатам обследования двух контрастных групп студентов, отобранных по крайним значениям теста на экстраверсию—интроверсию.

Отличительной особенностью MMPI является наличие в его структуре трех «контрольных» шкал — лжи, надежности и коррекции. Эти шкалы позволяют оценить степень небрежности, непонимания или симуляции при выполнении теста. Шкала лжи основана на утверждениях, побуждающих испытуемого представить себя в благоприятном свете в ущерб правдивости ответа. Шкала надежности состоит из утверждений, на которые большинство людей отвечают одинаковым образом. Причинами высоких показателей по этой шкале могут быть ошибки при обработке результатов, небрежность при ответах, выраженная эксцентричность или преднамеренная симуляция. Шкала коррекции позволяет определить отношение испытуемого к ситуации тестирования. Высокие показатели могут означать защитную реакцию на ситуацию тестирования или попытку приукрасить себя. Низкие показатели свидетельствуют о повышенной честности или самокритичности, либо о попытке показать себя в невыгодном свете.

На примере MMPI можно рассмотреть проблемы, возникающие при использовании опросникового метода исследования личности. Основные из них связаны с надежностью получаемых показателей.

Во-первых, это установка на социально одобряемые ответы. Социальная желательность ответов, названная А. Эдвардсом «эффектом фасада», связана с часто неосознаваемым стремлением людей выдвигать на первый план свои хорошие стороны. В случае MMPI этот источник ошибки частично устраняется за счет введения контрольных шкал — протоколы тестирования с высокими значениями по первым двум контрольным шкалам рассматриваются как ненадежные и не интерпретируются.

Во-вторых, это предпочтение ответов. В специальных исследованиях было показано, что существует целый ряд установок, искажающих ответы испытуемых. Одна из них получила название «молчаливое согласие» — предпочтение утвердительных (или отрицательных) ответов. При разработке опросников влияние этой тенденции снимается за счет того, что число вопросов, утвердительный ответ на которые является позитивным признаком измеряемого свойства, должно быть равно числу вопросов, для которых таким ответом будет отрицательный. Помимо этого, результаты тестирования могут зависеть

от таких условий, как восприятие испытуемым экспериментатора, его желание сохранить представление о себе, понравиться экспериментатору и др.

В-третьих, это низкая воспроизводимость результатов тестирования. В исследованиях, проведенных методом повторного тестирования выборок испытуемых, было показано, что даже при непродолжительных интервалах между двумя тестированиями их результаты слабо коррелировали между собой. Как правило, такие результаты получаются при диагностике психологических характеристик с высокой интраиндивидуальной вариативностью. Исследование таких характеристик для дифференциальной психологии не представляет интереса ввиду их низкой временной и межситуативной устойчивости.

Помимо изложенных способов снижения неоднозначности тестовых показателей в дифференциальной психологии используется общий методический прием, направленный на устранение потенциальных источников смещения показателей — стандартизация всех переменных ситуации тестирования.

Наряду с рассмотренным тестом в исследовательских целях широко используется созданный на его основе Калифорнийский личностный опросник (CPI), состоящий из 480 утверждений и позволяющий получить оценки по 20 шкалам (Тарабрина Н. В., Графинина Н. А., 1992).

К этой же группе психологических тестов относятся опросники, разработанные с использованием метода факторного анализа, а также многочисленный класс опросников, направленных на изучение интересов, ценностей, мнений и установок.

Проективные методики. Этот вид личностных тестов объединяется по признаку слабой структурированности предлагаемой испытуемому задачи. При этом предполагается, что тестовый материал выполняет функцию своеобразного экрана, на который испытуемый «проецирует» свои интеллектуальные и личностные особенности, потребности, актуальные конфликты. Для того чтобы не ограничивать активность испытуемого, процедура тестирования минимально регламентирована. Характерной особенностью проективных методик является глобальность подхода к оценке личности. Как правило, внимание акцентируется на общей картине личности, а не на отдельных ее свойствах.

Одной из самых известных, методик этого вида является Тест чернильных пятен Роршаха (рис 17-4). Используемый преимущественно в клинике, он состоит из 10 карточек с двухсторонне симметричными пятнами, как черно-белыми, так и цветными. Испытуемого просят рассказать, что он видит на каждой из карточек. Кроме ответов испытуемого при тестировании фиксируются время, эмоциональные проявления, положение, в котором испытуемый держит карточку, и др.

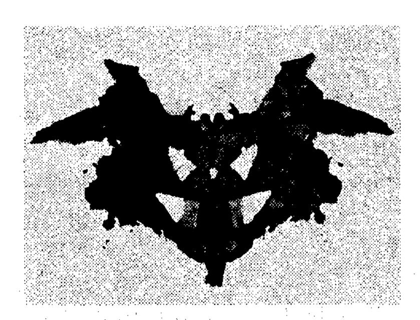

Рис. 17-4. Одно из «пятен» теста Роршаха

Формальная обработка результатов тестирования заключается в классификации ответов по содержанию. Выделяются такие категории, как фигуры человека и животных, неодушевленные предметы, географические карты, растения, пятна крови и т. д. Для исследовательских целей интерес могут представлять такие показатели, как разнообразие, популярность или уникальность ответов, а также некоторые другие.

Другая популярная проективная методика — Тематический апперцепционный тест (TAT), характеризуется большей структурированностью стимульного материала (рис. 17-5). Этот тест включает в себя 19 черно-белых сюжетных картинок неопределенного содержания и одну пустую карточку. Испытуемого просят составить рассказ по каждой картинке, объяснив, что предшествовало изображенному событию, что чувствуют и думают изображенные люди и чем все кончится. При предъявлении пустой карточки предлагается представить, что и на ней изображена какая-то картинка, описать ее и составить рассказ по той же схеме. Процедура регистрации и интерпретации ответов

сходна с используемой в тесте Роршаха.

ТАТ и родственные тесты (их существует огромное количество) применяются в самых разнообразных целях: изучение потребностной, межличностных отношений, агрессивности и т. д. В исследовательских целях возможно групповое проведение тестирования в письменной форме.

Другим классом этого вида тестов являются *вербальные проективные методики*. К ним относится Тест словесных ассоциаций — первая из примененных в психологии проективных методик, систематизированная Ф. Гальтоном в 1879 г. Процедура проведения этого теста заключается в предъявлении испытуемому серии не связанных по смыслу слов, на каждое из которых просят сказать первое пришедшее на ум слово. Первоначально тест использовался в целях исследования умственной деятельности; в последующие годы методика получила широкую популярность в среде психоаналитиков и клинических психологов. Данный метод используется и при проверках на «детекторе лжи».

Рис. 17-5. Сюжетная картинка ТАТ

Другой вербальной проективной методикой является Тест незаконченных предложений. Обычно начальные слова предложений подбираются так, чтобы не ограничивать разнообразие возможных предложений («Меня беспокоит...», «Женщины...» и т. п.). При использовании этого метода часто незаконченные предложения формулируются так, чтобы спровоцировать испытуемого на ответы, относящиеся к изучаемым свойствам личности.

Своеобразной комбинацией вербальных и перцептивных проективных методик является Тест фрустрации Розенцвейга (рис. 17-6).

Рис. 17-6. Тестовое задание методики Розенцвейга

Отдельную группу образуют *экспрессивные проективные методики*. Эта достаточно широкая категория проективных методик объединяет большое количество техник интерпретации свободного самовыражения. Несмотря на то что в качестве диагностических средств исследовались почти все виды художественной, технической и других разновидностей человеческой деятельности, наиболее широко распространены рисуночные методики — «нарисуй человека», «несуществующее животное» и др.

Проективные методики имеют ряд достоинств (простота процедуры, свободная форма взаимодействия испытуемого с экспериментатором), но их широкое использование в исследовательских целях затруднено по причине низкой стандартизации, трудности формализации результатов тестирования, высокой степени субъективности получаемых показателей.

Объективные методы исследования личности. К этой группе личностных тестов относится достаточно большая и неоднородная группа процедур, требующих от испытуемого перцептивных, когнитивных или оценочных ответов. Выполнение этих тестов предполагает ориентацию на задачу, а не на ответ, как в личностных опросниках. Цель теста замаскирована, испытуемый не осознает, какой аспект его поведения оценивается. Задачи, предъявляемые испытуемому в этих тестах, структурированы, что выгодно отличает их от проективных методик.

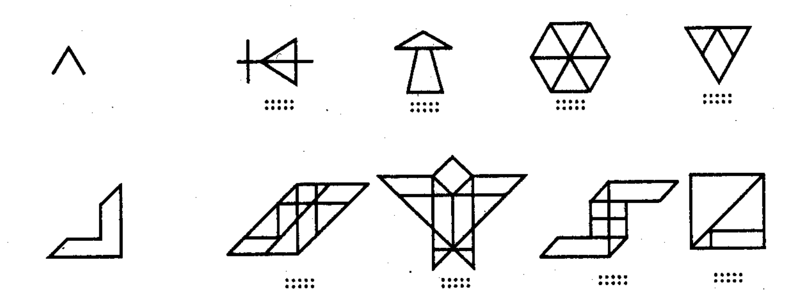

Рис. 17-7. Фигуры Готшальда. Какой из четырех рисунков справа содержит фигуру, изображенную слева?

Первые попытки разработки объективных тестов были предприняты Р. Кеттеллом при разработке факторного опросника личности в целях получения Т-данных. Разработанный Кеттеллом набор измерительных процедур охватывал довольно широкий круг индивидуальных особенностей — от физиологических показателей до музыкальных предпочтений и понимания юмора.

Другая группа объективных тестов личности была разработана в рамках исследований когнитивного стиля, понимаемого как предпочитаемые данным человеком и типичные для него способы восприятия, запоминания, мышления и решения проблемных ситуаций. Данная группа тестов носит перцептивный характер, наиболее известными среди них являются тесты «скорость узнавания» и «фигуры Готшальда» (рис. 17-7).

Наряду с рассмотренными характеристиками личности в дифференциально-психологических исследованиях используются показатели ситуационных тестов, личностные конструкты, а также оценки средовых параметров.

Вопросы для повторения

1. Кто провел первое исследование индивидуально-психологических различий?
2. Чем отличается номотетический подход от идиографического?
3. Назовите виды психологических тестов.
4. Перечислите психологические свойства, входящие в «Большую пятерку».
5. В чем проявляются основные психологические различия между полами?

Рекомендуемая литература

Анастази А. Психологическое тестирование: В 2-х кн. Кн. 2 / Пер. с англ., предисл. К. М. Гуревича. — М.: Педагогика, 1982. - 318 с.

Березин Ф. Б. и др. Методика многостороннего исследования личности (в клинической медицине и психогигиене) / Ф. Б. Березин, М. П. Мирошников, Р. В. Рожанец. — М.: Медицина, 1976. — 176 с.

Грей Д. А. Нейропсихология темперамента // Иностранная психология. — 1993. — № 1-2. — С. 24-36.

Егорова М. С. Психология индивидуальных различий / Ин-т «Открытое общество». — М.: Планета детей, 1997. - 327 с.

Забродин Ю. М., Похилько В. И., Шмелев А. Г. Статистические и семантические проблемы конструирования и адаптации многофакторных личностных тест-опросников // Психологический журнал. — 1987. - № 8. - С. 79-89.

Мельников В. М., Ямпольский Л. Т. Введение в экспериментальную психологию личности: Учеб. пособие. — М.: Просвещение, 1985. — 319 с.

Небылицын В. Д. Основные свойства нервной системы человека. — М.: Просвещение, 1966. — 383 с.

Неттер П. Биохимические переменные в исследованиях темперамента // Иностранная психология. — 1993.-№1-2.-С. 49-56.

Русалов В. М. Актуальные проблемы психологии личности и индивидуальных различий // Иностранная психология. - 1993. - № 1-2. - С. 7-8.

Собчик Л. Н. Пособие по применению MMPI. - М.: МЗ РСФСР, 1971. - 63 с.

Тарабрина Н. В., Графинина Н. А. Новый вариант калифорнийского психологического опросника // Методики анализа и контроля трудовой деятельности и функциональных состояний/ ИП РАН. — М.: Изд-во ИП РАН. - 1992. - С. 250-260.

Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности: Основные положения, исследования и применение / Пер. с англ. С. Меленевской, Д. Викторовой. — 2-е изд., испр. — СПб.: Питер, 1998. — 606 с. — (Мастера психологии).

ЧАСТЬ III. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Глава 18. Введение в социальную психологию

Краткое содержание главы

Предмет и структура социальной психологии. Определение социальной психологии. Объекты исследования в социальной психологии. Структура социальной психологии. Интеграция социальной психологии в системе наук.

История отечественной социальной психологии. Становление социальной психологии (60-е гг. XIX - начало XX в.). Развитие социальной психологии (20-е - первая половина 30-х гг. XX в.). Стагнация социальной психологии (вторая половина 30-х - первая половина 50-х гг. XX в.). Возрождение социальной психологии (вторая половина 50-х - вторая половина 70-х гг. XX в.).

История зарубежной социальной психологии. Зарождение социально-психологических идей в общественных и естественных науках. Отпочкование социальной психологии от родительских дисциплин (психологии и социологии) и превращение ее в самостоятельную науку. Возникновение и развитие экспериментальной социальной психологии.

Методы социально-психологического исследования. Наблюдение. Анализ документов. Опрос. Социометрия. Групповая оценки Личности (ГОЛ). Тесты. Шкалы измерения социальных установок. Аппаратурный метод.

18.1. Предмет и структура социальной психологии

Современные представления о предмете социальной психологии весьма неоднородны, что

характерно для большинства пограничных отраслей науки, к которым относится и социальная психология. Она изучает следующие явления:

1. Психологические процессы, состояния и свойства индивида, которые проявляются в результате его включения в отношения с другими людьми, в различные социальные группы (семью, различные коллективы и т. д.) и в целом в систему социальных отношений (экономических, политических, управленческих, и др.) Наиболее часто изучаются такие проявления личности в группах, как общительность, агрессивность и конфликтогенность.

2. Феномен взаимодействия между людьми (общения), например супружеского, детско-родительского, психотерапевтического; взаимодействие может быть не только межличностным, но и между личностью и группой, а также межгрупповым.

3. Психические процессы, состояния и свойства различных социальных групп как целостных образований, отличающихся друг от друга и не сводимых к какому бы то ни было индивиду. Наибольший интерес социальных психологов вызывают исследования социально-психологического климата группы и конфликтных отношений (групповых состояний), лидерства и групповых действий (групповых процессов), сработанности и конфликтности (групповые свойства) и др.

4. Массовые психические явления, такие как поведение толпы, паника, слухи, мода, массовые энтузиазм, апатия, страхи и т. д.

Таким образом, *социальная психология* изучает психические явления (Процессы, состояния и свойства), характеризующие индивида и группу как субъектов социального взаимодействия.

- **Социальная психология — наука о психических явлениях (процессах, состояниях и свойствах), характеризующих индивида и группу как субъектов социального взаимодействия.**

В зависимости от того или иного понимания предмета социальной психологии выделяются основные объекты ее изучения, то есть носители социально-психологических явлений.

К ним относятся следующие: личность в группе (системе отношений), взаимодействие в системе «личность-личность» (родитель-ребенок, руководитель-исполнитель, психолог-клиент и т. д.), малая группа (семья, воинский экипаж, группа друзей и т. п.), взаимодействие в системе «личность-группа» (лидер-ведомые, командир-взвод, новичок-школьный класс и т. д.), взаимодействие в системе «группа —группа» (соревнование команд, групповые переговоры, межгрупповые конфликты и т. д.), большая социальная группа (этнос, партия, социальный слой, территориальная группа и т. п.)

Структура социальной психологии в каждый исторический период ее развития есть результат взаимодействия двух противоположных, тесно связанных между собой процессов:

а) дифференциации, т. е. разделения, дробления социальной психологии на составные ее части, разделы;

б) интеграции ее с другими (не только психологическими) отраслями науки, причем интеграции как социальной психологии в целом, так и отдельных составляющих ее частей.

Процессы разделения социальной психологии происходят по многим основаниям, однако уже оформилось несколько главных направлений:

1. Ведущая ориентация на различные (теоретический, эмпирический, экспериментальный и практический) методы анализа социально-психологических явлений порождает соответственно теоретическую, эмпирическую (включая экспериментальную) и практическую социальную психологию. Эти взаимосвязанные части по-разному реализуют основные функции социальной психологии как науки: описательную, объяснительную, прогностическую и функцию воздействия.

2. В результате изучения различных видов жизнедеятельности человека и его общностей сложились соответствующие им отрасли социальной психологии: труда, общения, социального познания и творчества, игры. В свою очередь, в социальной психологии труда сформировались отрасли, изучающие отдельные виды трудовой деятельности: управление, руководство, предпринимательство, инженерный труд и т. д.

3. В соответствии с приложением социально-психологических знаний в различных сферах общественной жизни социальная психология традиционно дифференцируется на следующие ее практические отрасли: промышленная, сельского хозяйства, торговли, образования, науки, политики, массовых коммуникаций, спорта, искусства. В настоящее время интенсивно формируются социальная психология экономики, рекламы, культуры, досуга и др.

4) В соответствии с основными объектами исследования современная социальная психология

дифференцировалась на следующие разделы:

— социальная психология личности;

— психология межличностного взаимодействия (общения и отношений);

— психология малых групп;

— психология межгруппового взаимодействия;

— психология больших социальных групп и массовых явлений.

Кроме того, постепенно формируется раздел, который можно было бы назвать «психология общества». В настоящее время социальная психология не имеет, в отличие от социологии, своих специфических методов изучения общества, что затрудняет формирование такого раздела.

Структуру современной социальной психологии невозможно понять, не рассмотрев процесс ее интеграции в системе наук. Как минимум, выделяются два основных контура интеграции: внешний и внутренний.

Внешний контур интеграции относится к ее объединению с многочисленными психологическими отраслями, на стыке с которыми возникли относительно самостоятельные подотрасли — части социальной психологии. Например, социальная психология личности сформировалась как результат интеграции социальной психологии с психологией личности, а социальная психология труда — социальной психологии с психологией труда. Можно констатировать, что в итоге такой интеграции к концу 90-х гг. XX в. уже оформилось порядка десяти подотраслей социальной психологии, представленных на схеме.

Процесс интеграции социальной психологии с другими психологическими отраслями интенсивно продолжается: в настоящее время формируются социально-экономическая, социально-экологическая, социально-историческая и другие подотрасли социальной психологии.

Внутренний контур интеграции относится к развитию самой социальной психологии и проявляется в процессах объединения различных составных частей социальной психологии, появившихся в результате процессов ее дифференциации.

Во-первых, внутренняя интеграция касается одновременного применения теоретического, эмпирического и практического методов анализа социально-психологических явлений, что неизбежно порождает комплексные типы исследований в социальной психологии, такие как теоретико-экспериментальные, экспериментально-прикладные и т. п.

Во-вторых, она ярко проявляется в одновременном изучении различных взаимосвязанных объектов социальной психологии, например личности и малых трудовых групп (бригад) в организации, малых групп в больших социальных группах, личности (например, лидера) в большой социальной группе (например, в партии или общественном движении).

В-третьих, наиболее очевидным направлением внутренней интеграции является объединение тех частей социальной психологии, которые дифференцировались по видам жизнедеятельности людей и сферам общественной жизни. В результате возникло множество интересных и, главное, полезных научно-практических направлений, таких как психология руководства педагогическим коллективом (Р. Х. Шакуров), социальная психология творчества инженеров (Э. С. Чугунова и др.), психология руководства научным коллективом (А. Г. Аллахвердян и др.), психология социального познания в процессах труда и общения (О. Г. Кукосян и др.) и т. д.

В настоящее время процесс структурирования социальной психологии не завершен, и мы являемся свидетелями закономерного рождения новых составных ее частей.

18.2. История отечественной социальной психологии

Отечественная социальная психология возникла в середине XIX в. В своем становлении она прошла следующие этапы:

— зарождение социально-психологических идей в общественных и естественных науках;

— отпочкование от родительских дисциплин (психологии и социологии) и превращение в самостоятельную науку;

— возникновение и развитие экспериментальной социальной психологии.

В основе периодизации истории социальной психологии в нашей стране лежат специфические общественно-исторические условия, внутренняя логика развития самой психологии и развитие смежных научных дисциплин. По этим основаниям в истории отечественной социальной психологии

выделяют четыре периода.

Становление социальной психологии (60-е гг. XIX - начало XX в.). Особенностью первого периода было зарождение социально-психологических идей внутри естественных и общественных наук. Обращалось внимание на психологические особенности людей, поведения личности в группе, групповых процессов, общения и совместной деятельности.

Так, в военной науке и практике выделялись психологический анализ воинской деятельности, психология боя, психологические особенности воинского коллектива, психология толпы, психология полководца.

В юридической науке и практике выделялись такие проблемы, как психология судебной деятельности, психология преступления и преступника. Значительное количество работ было посвящено изучению социально-психологических особенностей суда присяжных, общению и совместной деятельности в преступном мире и др.

Параллельно западной социальной психологии в России интенсивно развивалась психология народа. Накоплен колоссальный эмпирический материал при изучении русской народности (языка, склада, обычаев, нравов). Г. Спенсер даже выражал сожаление, что незнание русского языка мешает ему использовать эти материалы для целей социальной психологии. Аналогичное сожаление высказал и В. Вундт — один из создателей психологии народов на Западе.

В медицинской науке и психиатрической практике формировался целый ряд социально-психологических идей. Они касались психологии личности больного человека, включенного в систему взаимоотношений с другими людьми. Уникальный социально-психологический материал был получен при исследовании массовых психических явлений — кликушества, мерячения (Будилова Е.А., 1983).

Социально-психологические идеи в этот период успешно развивали представители общественных наук. В социологии выделилась целая психологическая школа. Наиболее ярким представителем этой школы был Н. К. Михайловский. По его мнению, социально-психологическому фактору принадлежит решающая роль в ходе исторического процесса. Действующие силы социального развития — это герои-предводители и толпа. Герой (вожак) управляет толпой, он аккумулирует разрозненные возникающие в толпе чувства, инстинкты, мысли. Отношения между героем и толпой определяются характером данного исторического момента, определенного строя, личными свойствами героя, психическими настроениями толпы. Психологическими факторами развития общества являются подражание, общественное настроение и социальное поведение. Михайловскому принадлежит первенство в разработке проблем подражания, по сравнению с Г. Тардом (на это указывал сам Тард).

Выдающееся значение в развитии социальной психологии в русле естественных наук имеют труды В. М. Бехтерева. Одна из его работ, опубликованная в 1898 г. и посвященная роли внушения в общественной жизни, является по существу первым специальным социально-психологическим произведением. Фундаментальный труд Бехтерева «Коллективная рефлексология» (1921) может рассматриваться как первый в России учебник по социальной психологии. В этой книге дано развернутое определение предмета социальной психологии. Таким предметом, по Бехтереву, является изучение деятельности участников собраний в широком смысле этого слова.

Бехтерев выделил системообразующие признаки коллектива: общность задач и интересов побуждает коллектив к единству действий. Органическое включение личности в общность привело ученого к пониманию коллектива как собирательной личности. В качестве социально-психологических феноменов он выделяет: взаимодействие, взаимоотношение, общение; в качестве коллективных — наследственные рефлексы, настроение, сосредоточение, наблюдение, творчество, согласование действий. Объединяют людей в коллективы: взаимовнушение, взаимоподражание, взаимоиндукция.

Бехтерев обобщил большой эмпирический материал, полученный социально-психологическими методами наблюдения, опроса, применением анкет. А экспериментальные исследования влияния общения и совместной деятельности на формирование процессов восприятия и памяти явились началом экспериментальной социальной психологии в России.

Развитие социальной психологии (20-е - первая половина 30-х гг. XX в.). Характерная особенность этого периода — поиск своего пути в развитии мировой социально-психологической мысли. Этот поиск осуществляется как в дискуссиях с основными школами зарубежной социальной психологии, так и путем освоения марксистских идей и их применения к пониманию социально-психологических явлений.

Развернувшаяся в этот период общая дискуссия об отношении марксизма и психологии касалась и социальной психологии. В этой дискуссии приняли участие Л. Н. Войтоловский, М. А. Рейснер, А. Б.

Залкинд, Ю. В. Франкфурт, К. Н. Корнилов, Г. И. Челпанов. Суть этой дискуссии — обсуждение предмета социальной психологии, соотношения индивидуальной и социальной психологии, соотношения социологии и социальной психологии. Особое место в этой дискуссии занимал Г. И. Челпанов. Он говорил о необходимости существования социальной психологии наряду с психологией индивидуальной, экспериментальной. Социальная психология, по его мнению, изучает общественно-детерминированные психические явления. Она тесно связана с идеологией, теорией марксизма.

Вторым направлением социальной психологии в этот период было исследование проблемы коллективов. В теории коллективов (соотношении индивида и коллектива), их классификации, закономерностях развития участвовали многие социальные психологи (Б. В. Беляев, Л. Бызов. Л. Н. Войтоловский, А. С. Залужный,М. А. Рейснер, Г. А. Фортунатов). В этот период был заложен фундамент последующих исследований психологии групп и коллективов в отечественной науке.

К 1930-м гг. относится пик развития социально-психологических исследований в прикладных отраслях, особенно в педологии и психотехнике. Так, в области педагогической практики исследования проводились по проблемам взаимоотношения коллектива и личности, факторов формирования детских коллективов. Особое место занимали работы по изучению структуры детских коллективов, стадий их развития, феномена вожачества, психологических проблем беспризорности и др.

В области изучения производственной деятельности решались социально-психологические проблемы профессиональной пригодности, утомляемости, аварийности и травматизма, монотоний, проблемы становления профессионала, гуманизации техники в системе «человек—машина». Преимущественно социально-психологическую составляющую в психологии труда образовывали исследования проблем руководства трудовыми коллективами (стиль управления, роль атмосферы и настроения), соревнования, конфликта. Социальных психологов привлекали также проблемы безработицы.

Стагнация социальной психологии (вторая половина 30-х - первая половина 50-х гг. XX в.). Во второй половине 1930-х гг. ситуация в стране и в науке резко меняется. Начинается изоляция отечественной науки от западной, усиление идеологического контроля над наукой, сгущение атмосферы декретирования и администрирования. Этот период сопровождался:

1) теоретическим обоснованием ненужности социальной психологии: так как все психические явления социально детерминированы, нет необходимости выделять социально-психологические феномены и изучающую их науку;

2) резкой критикой идеологической направленности западной социальной психологии, полным расхождением в понимании общественных явлений, психологизаторством в социологии. Конкретные оценки отдельных школ и авторов нередко переносились на социальную психологию в целом. Это привело к тому, что социальная психология попала в разряд лженаук;

3) практической невостребованностью результатов социально-психологических исследований;

4) идеологическим давлением на науку, которое нашло свое отражение в Постановлении ЦК ВКП(б) 1936 г. «О педологических извращениях в системе наркомпросов». Его последствием стал запрет педологии, пострадали также психотехника и социальная психология.

Период перерыва в естественном развитии социальной психологии продолжался до второй половины 1950-х гг. Но и в этот период не было полного отсутствия социально-психологических исследований.

Три блока проблем привлекали ученых. Прежде всего продолжалась разработка методологических проблем. Она осуществлялась в русле общей психологии. Трудами Б. Г. Ананьева, С. Л. Рубинштейна, разработавших методологические принципы психологии — принцип детерминизма, единства сознания и деятельности, развития, культурно-исторической концепции, закладывался теоретический и методологический фундамент социальной психологии.

Второй блок проблем касался социальной психологии коллектива. Образ социальной психологии в этот период определили взгляды А. С. Макаренко, который вошел в историю социальной психологии как исследователь коллектива и воспитания личности в коллективе. Ему принадлежит определение коллектива, которое стало отправным в разработке социально-психологической проблематики в последующие десятилетия.

По мнению Макаренко, коллектив — это целеустремленный комплекс организованных личностей, обладающих органами управления. Это контактная совокупность, социальный организм. Его основные признаки: наличие общих целей, определенная структура, органы, координирующие деятельность коллектива и представляющие его интересы. Коллектив — часть общества, органически связанная с

другими коллективами. Макаренко выделил два вида коллективов — первичный и вторичный. Коллектив в своем развитии проходит ряд этапов. Макаренко поставил вопрос о необходимости целостного исследования личности. Главная теоретическая и практическая задача — изучение личности в коллективе. Положение Макаренко «воспитание личности в коллективе, посредством коллектива, для коллектива» стало девизом. Наиболее широко и последовательно учение А. С. Макаренко освещено и развито в работах А. Л. Шнирмана.

Третий блок проблем в этот период был связан с практической ориентацией социальной психологии. К этому периоду относятся исследования школьных коллективов, формирования личности, механизмов взаимоотношений коллектива и личности, роли руководителя в педагогическом процессе. Зарождалась практическая психология отношений.

Продолжает развиваться промышленная проблематика в социальной психологии. Особое внимание привлекает психология производственных бригад, коллективный стахановский труд, ударничество, развитие индивидуального и коллективного трудового соревнования. Объектами психологических исследований стали проблемы инициативности, влияния оценок членов группы на развитие творчества, на производительность труда.

Возрождение социальной психологии (вторая половина 50-х - вторая половина 70-х гг. XX в.). Этот период характеризуется «потеплением» общей атмосферы, ослаблением администрирования в науке, снижением идеологического контроля, демократизацией во всех сферах жизни. Психологическая наука в 1950-х гг. отстояла свое право на самостоятельное существование в острых дискуссиях с физиологами. Общая психология стала надежной опорой для развития социальной психологии.

В нашей стране начался период возрождения социальной психологии, которая формировалась как самостоятельная наука. Критериями ее самостоятельности выступили:

— осознание представителями этой науки уровня ее развития, состояния ее исследований;
— определение места данной науки в системе других наук;
— определение предмета и объектов ее исследований;
— выделение и определение основных категорий и закономерностей;
— институционализация науки;
— подготовка специалистов, публикации трудов, учебников;
— организация съездов, конференций, симпозиумов.

Этим критериям соответствовало и общее состояние социальной психологии в нашей стране. Начало расматриваемого периода связывают с дискуссией по социальной психологии, открывшейся публикацией статьи А. Г. Ковалева «О социальной психологии» *. Эти дискуссии продолжались в журналах «Вопросы психологии», «Вопросы философии», на II съезде психологов СССР, на многочисленных конференциях, семинарах и т. д. Содержанием дискуссий были предмет социальной психологии, ее место в системе наук, методы исследования, практический потенциал, основные направления ее дальнейшего развития и актуальные задачи.

* См.: Вестник ЛГУ. - 1959. - № 11.

Завершением четвертого периода, логически переходящего в современное состояние, была кристаллизация социально-психологической проблематики. В качестве основных проблем выделились:

— методологические и теоретические проблемы;
— проблемы коллектива;
— социальная психология личности;
— социально-психологические проблемы деятельности;
— психология общения.

18.3. История зарубежной социальной психологии

Западные специалисты определяют социальную психологию как науку, изучающую взаимозависимость поведения людей и факта их взаимоотношений и взаимодействий. Эта взаимозависимость означает, что поведение индивида рассматривается одновременно и как результат, и как причина поведения других людей.

В историческом плане процесс развития любой научной дисциплины, и социальной психологии в том числе, приблизительно один и тот же — зарождение социально-психологических идей в рамках

философии и постепенное отпочкование их от системы философского знания. В нашем случае это произошло через первоначальное отпочкование двух других дисциплин — психологии и социологии, давших непосредственно жизнь социальной психологии.

Исторически социальная психология возникла в начале XX в. как реакция на «асоциальную» природу общей психологии: как будто ей, социальной психологии, была вменена задача социализации психологии и персонализации в изучении общества. Годом ее рождения принято считать 1908-й, когда были опубликованы первые две книги по социальной психологии — «Введение в социальную психологию» английского психолога В. Макдаугалла и «Социальная психология» американского социолога Э. Росса.

Известно, что исследовательский интерес к изучению социального поведения людей возник и сформировался уже во второй половине XIX в. и был ознаменован появлением работ по условно называемой «народной психологии», анализирующей способы взаимоотношения личности и общества (признание примата личности или примата общества). «Психология народов» как одна из первых форм социально-психологических теорий сложилась в середине XIX в. в Германии (М. Лацарус, Г. Штейнталь и В. Вундт). «Психология масс» — другая форма первых социально-психологических теорий — родилась во Франции во второй половине XIX в. (С. Сигеле и Г. Лебон).

Начало научной социальной психологии на Западе обычно связывают с работами В. Меде в Европе и Ф. Оллпорта в США в 20-е гг. XX в. Они сформулировали требования превращения социальной психологии в экспериментальную дисциплину и перешли к систематическому экспериментальному изучению социально-психологических явлений в группах. В развитии психологии к этому времени сформировались три теоретические школы — психоанализ, бихевиоризм и гештальт-психология, на положения и идеи которых стала опираться социальная психология. Особенно привлекательными были идеи бихевиористского подхода, наиболее соответствовавшие идеалу построения строго экспериментальной дисциплины. Под влиянием экспериментальной методологии, которую социальная психология начала интенсивно использовать в период между двумя мировыми войнами, первоначальная интегративная задача «социализации» психологии в основном редуцировалась до изучения влияния управляемого социального окружения на индивидуальное поведение в лабораторных условиях.

Ценой, которую социальная психология заплатила за свою экспериментальную жесткость, была потеря релевантности результатов. Освобождение от чар экспериментального подхода привело к кризису 1960-1970-х гг., когда было предложено много альтернативных подходов развития этой дисциплины. Главным эффектом этого кризиса явилась либерализация социальной психологии и освобождение ее от искусственности лабораторного эксперимента. В последние годы больше внимания уделяется изучению социального поведения в естественных условиях, а также изучению социального и культурного контекста с использованием методов наблюдения и современных корреляционных методик.

Теоретико-методологическое развитие западной социальной психологии происходило как в русле общепсихологических направлений — бихевиоризма и фрейдизма, так и новых собственно социально-психологических школ и направлений, к которым относятся:

— необихевиоризм (Э. Богардус, Г. Оллпорт, В. Ламберт, Р. Бейлс, Г. Хоуменс, Э. Мэйо и др.);
— неофрейдизм (К. Хорни, Э. Фромм, А. Кардинер; Э. Шиллз, А. Адлер);
— теория поля и групповой динамики (К. Левин, Р. Липпит, Р. Уайт, Л. Фестингер, Г. Келли);
— социометрия (Дж. Морено, Э. Дженнинге, Дж. Крисуэл; Н. Бронденбреннер и др.);
— трансактивная психология (Э. Кентрил, Ф. Килпатрик, В. Иттельсон, А. Эймес и др.);
— гуманистическая психология (К. Роджерс и др.);
— когнитивистские теории, а также интеракционизм (Г. Мид, Г. Блумер, М. Кун, Т. Сарбин; Р. Мерон и др.), который представляет социологический источник в развитии социальной психологии.

Традиционно социальная психология делится на три области исследования: изучение индивидуального социального поведения; изучение диадического социального взаимодействия и коммуникативных процессов; изучение малых групп и психологическое изучение социальных проблем.

Как показывают современные зарубежные обзоры, социальная психология занимается изучением широкого спектра проблем. К числу наиболее активно разрабатываемых в современных исследованиях можно отнести:

1) процессы атрибуции;
2) групповые процессы;

3) оказание помощи;
4) аттракция и аффилиация;
5) агрессия;
6) преступления;
7) установки и их изучение;
8)социальное познание;
9) социальное развитие личности (социализация);
10) кросскультурные исследования.

18.4. Методы социально-психологического исследования

Социально-психологическое исследование — это вид научного исследования, проводимого с целью установления психологических закономерностей взаимодействия индивидуального и коллективного субъектов. Основными источниками информации о социально-психологических явлениях принято считать:

а) характеристики реального поведения и деятельности личности и группы (поступки и действия, вербальное и невербальное поведение, образ и стиль жизни и т. д.);

б) особенности индивидуального и группового сознания: социальные установки, ценностные ориентации, оценки, мнения, убеждения, отношения, социальные представления, ожидания и т. п.

в) слабоосознаваемые или неосознаваемые характеристики личности и группы (имплицитные представления, социальные стереотипы и предрассудки, архетипы и т.п.);

г) характеристики продуктов материальной и духовной деятельности личности и группы;

д) отдельные события жизнедеятельности личности и группы, ситуации социального взаимодействия и т. д.

Среди методов эмпирического исследования наиболее широкое распространение в социальной психологии получили следующие: наблюдение, анализ документов, опрос, социометрия, групповая оценки личности (ГОЛ), тесты, шкалы измерения социальных установок и аппаратурный метод.

Метод наблюдения. В зависимости от роли наблюдателя в ситуации исследования различают включенное (участвующее) и невключенное (простое) наблюдение. Включенное наблюдение предполагает непосредственное взаимодействие исследователя с изучаемой группой. Наблюдатель выступает полноправным членом группы. Классическими примерами таких исследований являются изучение Н. Андерсоном жизни бродяг, У. Уайтом — эмигрантов, В. Б. Ольшанским — ценностных ориентаций молодых рабочих и др. Невключенное наблюдение регистрирует социально-психологические явления со стороны, без взаимодействия с изучаемым человеком или группой. При этом наблюдение может проводиться открыто или незаметно для исследуемого объекта.

По условиям организации наблюдения делятся на полевые (в естественных условиях жизни личности или группы) и лабораторные (в искусственных условиях).

Много внимания уделяется способам повышения достоверности получаемых с помощью наблюдения данных, например разработке надежных схем (программ) наблюдения, использованию технических средств регистрации поведения и деятельности личности или группы, специальной подготовке наблюдателей и т. д.

Метод анализа документов является разновидностью общепсихологического метода анализа продуктов человеческой деятельности. У. Томас и Ф. Знанецки впервые в социальной психологии применили этот метод для исследования феномена социальной установки.

Документы обычно различаются по:
1) способу фиксации информации (рукописные, печатные, фото-, кино- и видеодокументы);
2) целевому назначению (естественные, специальные и целевые);
3) степени персонификации (личные и безличные);
4) статусу (официальные и неофициальные) и т. д.

Методы анализа документов различаются на качественные (или неформализованные) и количественные (формализованные). В основе любого метода лежат процессы понимания текста и интерпретации исследователем содержащейся в нем информации. Количественные методы анализа документов получили широкое распространение в 30-40-х гг. XX в. в связи с разработкой специальной процедуры —контент-анализа, который является способом перевода интерпретированной текстовой информации в количественные показатели с последующей математико-статистической обработкой

(Семенов В. Е., 1983).

Метод опроса получил наиболее широкое применение в социально-психологических исследованиях. Его суть состоит в получении информации об объективных или субъективных фактах со слов опрашиваемых (респондентов).

Опросы делятся на два основных типа:

а) интервью (очный опрос); проводится в форме непосредственных вопросов-ответов;

б) анкетирование (заочный опрос); предполагает самостоятельное заполнение вопросника (анкеты) самими респондентами.

В социальной психологии опросы применяются в следующих случаях:

1) для сбора предварительной информации на ранних стадиях исследования;
2) для апробации или пилотажного испытания нового методического инструментария;
3) как дополнительное средство уточнения, расширения и контроля получаемых данных;
4) как основной эмпирический метод сбора социально-психологической информации.

К основным видам интервью относятся стандартизированное и нестандартизированное. В первом случае предполагаются стандартные (не изменяющиеся для всех респондентов) формулировки вопросов и их последовательность. В нестандартизированном интервью исследователь руководствуется лишь общим планом опроса, формулируя вопросы и определяя их последовательность в соответствии с конкретной ситуацией и ответами респондента.

По сравнению с результатами анкетирования интервью дает более содержательную информацию. Однако его недостатком является трудноконтролируемое влияние личности и профессионального уровня исследователя на опрашиваемого, что может приводить к снижению объективности получаемой информации. Основные преимущества анкетирования состоят в возможности выполнения массовых опросов и его профессиональной доступности.

Метод социометрии разработан Дж. Морено для исследования эмоционально-психологических отношений в малой группе. Социометрическая процедура предполагает опрос каждого члена малой группы с целью установления возможности его участия (или неучастия) в определенном виде совместной деятельности или ситуации.

- **Социометрия — процедура, предполагающая опрос каждого члена малой группы с целью установления возможности его участия (или неучастия) в определенном виде совместной деятельности или ситуации.**

Непараметрическая процедура в социометрии проводится без ограничения количества предпочтений или отклонений членов группы. Параметрическая процедура предполагает строго фиксированное число предпочтений или отклонений, что позволяет стандартизировать их условия в группах различной численности.

Результаты использования социометрии могут быть представлены в виде социометрии (таблиц), социограмм, графически отображающих структуру отношений в группе, и социометрических индексов, количественно представляющих психологические отношения в группе. Надежность социометрических данных зависит прежде всего от силы социометрического критерия (вопроса) как основания для предпочтений или отклонений членов группы.

К числу известных разновидностей социометрического метода относятся шкала приемлемости, аутосоциометрия, коммуникометрия и др.

Наиболее существенные недостатки метода социометрии:

а) невозможность выявления мотивов межличностных предпочтений или отвержений;

б) высокая вероятность искажения результатов из-за неискренних ответов или психологической защиты;

в) возможность использования лишь в группах, имеющих опыт группового взаимодействия.

Метод групповой оценки личности (ГОЛ) — это способ получения характеристики человека через взаимные оценки членов группы. Метод ГОЛ основан на феномене групповых представлений о каждом члене группы как результате взаимного познания людей в процессах их совместной деятельности и общения.

С помощью этого метода оцениваются качества человека по предлагаемому их перечню с использованием приемов:

а) прямого оценивания по n-балльной шкале;

б) ранжирования качеств;

в) попарного сравнения качеств и др.

Содержание оцениваемых качеств определяется целями исследования, а их число варьируется у разных исследователей в диапазоне от 20 до 180.

Адекватность измерения качеств с помощью ГОЛ зависит от познавательных способностей оценивающих, особенностей оцениваемых членов группы, их взаимной позиции в группе, опыта их взаимодействия и т. д. (Чугунова Э. С., 1986).

- **Групповая оценка личности — способ получения характеристики человека через взаимные оценки членов группы.**

Тесты не являются специфическим социально-психологическим методом, однако широко применяются для диагностики разных групп, межличностного, межгруппового и других видов взаимодействия, социальной перцепции, социально-психологических свойств личности (социального интеллекта, социальной компетентности, стиля лидерства и др.).

В социальной психологии наиболее известны тесты диагностики интерперсональных отношений Т. Лири, совместимости В. Шутца, перцептивной биполяризации Ф. Фидлера и др.

Шкалы измерения социальных установок занимают особое место среди тестов в социально-психологических исследованиях. Они позволяют количественно измерять направленность и интенсивность психологической готовности личности к определенному поведению по отношению к различным социальным категориям стимулов (работе, политике, социальным группам и т. д.). В отличие от опросов шкалы установок измеряют одномерную изучаемую переменную, а не распределение мнений. Однако одной из сложностей использования шкал является необходимость предварительного определения специальной процедуры их построения.

Наиболее известными являются шкалы измерения социальных установок по Л. Терстоуну, Р. Лайкерту, Л. Гутману, шкала социальной дистанции Е. Богардуса и др.

Эксперимент в социальной психологии — это специально организованная (в естественных или искусственных условиях) процедура, направленная на установление причинно-следственных связей между изучаемыми явлениями, хотя бы одно из которых относится к категории социально-психологических (процессов, состояний или свойств).

Среди специфических признаков социально-психологического эксперимента выделяют:

— искусственное моделирование изучаемых социально-психологических явлений или жесткий контроль естественных условий исследования, т. е. создание экспериментальной ситуации;

— активное воздействие исследователя на изучаемые явления, так называемое варьирование переменных;

— измерение ответных форм поведения личности или группы (испытуемых) на это воздействие;

— требование воспроизводимости результатов и т. д.

В зависимости от условий, в которых организован эксперимент, его разделяют на лабораторный и естественный.

Метод эксперимента является одним из наиболее строгих способов получения эмпирических данных, поэтому становление социальной психологии как науки во многом обязано использованию эксперимента в изучении социально-психологических явлений. Классические исследования группового эффекта (т. е. влияния группы на поведение индивида), выполненные в самом начале 20-х гг. XX в. В. Меде в Германии, Ф. Оллпортом в США и В. М. Бехтеревым в России, фактически заложили основы экспериментальной социальной психологии.

Метод эксперимента приобретал все большее значение в социальной психологии по мере ее развития, при этом совершенствовалась и техника этого метода. Однако в социальной психологии эксперимент критикуют прежде всего за его низкую экологическую валидность, т. е. трудность перенесения результатов и выводов, полученных в экспериментальной ситуации, на реальную жизнедеятельность личности и тем более группы. Другая проблема заключается в сложности интерпретации данных, полученных в искусственных (лабораторных) условиях.

Аппаратурный метод чрезвычайно способствовал развитию экспериментальных процедур исследования социально-психологических феноменов групповой деятельности. В основе конструирования и классификации аппаратурных способов исследования лежат несколько принципов:

— технический (функциональные возможности модели, способы регистрации различных компонентов деятельности и т. п.);

— общепсихологический (включенность ведущих психических процессов в моделируемую групповую деятельность);

— социально-психологический (тип взаимосвязанности индивидуальных действий при выполнении групповых заданий).

На основе этих принципов разработаны разнообразные конкретные модели: совместная сборка «Арки», проведение штифта по «Лабиринту», групповое управление движущимся объектом в «Групповом сенсомоторном интеграторе» и «Кибернометре» и т. д. (Чернышев А. С., 1980). Результаты этих исследований используются для решения практических задач диагностики, комплектования малых групп и их подготовки к совместной работе.

Вопросы для повторения

1. Какие представления сложились в современной социальной психологии о ее предмете?
2. Приведите примеры разных социально-психологических явлений: психических процессов, состояний и свойств личности или группы.
3. Перечислите основные объекты исследования в социальной психологии.
4. Каковы составляющие части (разделы) социальной психологии?
5. Что такое внешний и внутренний контуры интеграции социальной психологии?
6. Какие периоды выделяются в истории отечественной социальной психологии?
7. Каков вклад Н. К. Михайловского в зарождение социальной психологии в России?
8. Кто является автором и чему посвящено первое в России специальное социально-психологическое исследование?
9. В чем состоят основные заслуги В. М. Бехтерева в развитии социальной психологии?
10. Какова роль А. С. Макаренко в исследованиях психологии коллектива и личности?
11. Какова основная причина формирования социальной психологии как самостоятельной научной дисциплины?
12. Назовите первые публикации по социальной психологии на Западе.
13. Какова основная причина кризиса западной социальной психологии 1960-1970-х годов?
14. Назовите основные теоретико-методологические ориентации в зарубежной социальной психологии.
15. Перечислите проблемы, наиболее активно разрабатываемые в современных социально-психологических исследованиях.
16. Назовите основные методы социально-психологического исследования.
17. Каковы достоинства и недостатки очного и заочного опросов?
18. Для решения каких задач используется социометрический метод исследования?
19. В чем состоят основные трудности применения эксперимента в социальной психологии?

Рекомендуемая литература

Андреева Г. М. Социальная психология. — М.: Изд-во МГУ, 1988. — 429 с.

Бехтерев В. М. Избранные работы по социальной психологии / Отв. ред. Е. А. Будилова, Е. И. Степанова; РАН, Ин-т психологии. — М.: Наука, 1994. — 399 с. — (Памятники психологической мысли).

Будилова Е. А. Социально-психологические проблемы в русской науке. — М.: Наука, 1983. — 232 с.

Лекции по методике конкретных социальных исследований / Под ред. Г. М. Андреевой. — М.: Изд-во МГУ, 1972. - 72 с.

Методики социально-психологического исследования личности и малых групп: Сборник научных трудов / ИП РАН; Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Журавлева. - М.: ИП РАН, 1995. - 196 с.

Методики социально-психологической диагностики личности и группы: Сборник научных трудов /АН СССР, Ин-т психологии; Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Хащенко. - М.: ИП АН СССР, 1990. - 217 с.

Методология и методы социальной психологии: Сборник статей / АН СССР, Ин-т психологии; Отв. ред. Е. В.Шорохова. - М.: Наука, 1977. - 247 с.

Методы социальной психологии / Под ред. Е. С. Кузьмина, В. Е. Семенова. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. — 175с.

Парыгин Б. Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории / ИГУП. — СПб.: ИГУП, 1999. - 134 с.

Современная психология: Справочное руководство / Под ред. В. Н. Дружинина. — М.: Инфра-М, 1999. - 687 с. - (Справочники «ИНФРА-М»). - С. 466-484.

Чернышев А. С. Лабораторный эксперимент в социально-психологическом изучении организованности коллектива // Психологический журнал. — Т. 1. — 1980. — № 4. — С. 84-94.

Чугунова Э. С. Социально-психологические особенности творческой активности инженеров / Отв. ред В. Я. Ядов.; ЛГУ. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. - 160 с.

Шихирев П. Н. Современная социальная психология.: Учеб. пособ. для студ. вузов. — М.: ИП РАН, 1999. -447с.

Глава 19. Социальная психология личности

Краткое содержание главы

Социальные установки, стереотипы и предрассудки личности. Структура социальной установки. Свойства социальных установок. Функции социальных установок. Автостереотип и гетеростереотип.

«Я-концепция» как социально-психологический феномен. Вклад У. Джемса в разработку идеи «Я-концепции». Теория «Я-концепции», разработанная в рамках феноменологического подхода. «Я-концепция» как структура установок. Развитие идеи «Я-концепции» в рамках символического интеракционизма.

19.1. Социальные установки, стереотипы и предрассудки личности

Понятие «социальная установка» используется для обозначения односторонней психологической связи человека с людьми, любыми одушевленными и неодушевленными объектами и явлениями окружающей его действительности. В исследованиях социальных установок главное место занимает сам социальный объект установки, который служит как бы общим знаменателем, вмещающим в себя разнообразие индивидуальных установок. Понятие «установка» ввели в обиход социальной психологии Т. и Ф. Знанецки. Они определяли социальную установку как процесс переживания личностью значимости социального объекта.

Хотя в современной социальной психологии существуют различные определения социальной установки, чаще пользуются тем, которое было дано Г. Оллпортом: *социальная установка* — это состояние психологической готовности личности вести себя определенным образом в отношении объекта, детерминированное ее прошлым опытом.

- **Социальная установка – состояние психологической готовности личности вести себя определенным образом в отношении объекта, детерминированное ее прошлым опытом.**

Для сглаживания серьезных расхождений в определениях, даваемых этому понятию, М. Смит в 1942 г. предложил различать в структуре установки три ее взаимосвязанных компонента: когнитивный, эмоциональный и поведенческий (П. Н. Шихирев, 1999) (рис.19-1).

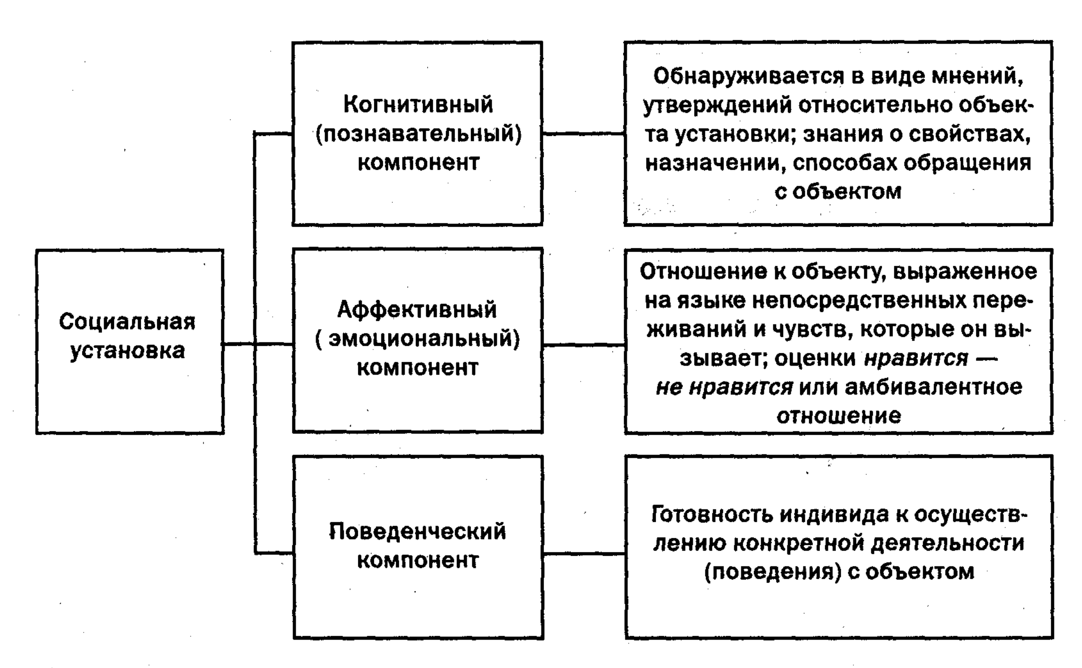

Рис. 19-1. Структура социальной установки по М. Смиту

Установка как целостное явление формируется на основе не только собственного опыта индивида, но и опыта, полученного от других людей, и поэтому главным путем передачи установок выступает словесная (вербальная) форма. Установки такого вида, когда в своем личном опыте человек имеет дело с отдельным, единичным объектом, называют частными (парциальными). Обобщенные установки, т. е. установки на совокупность однородных объектов, обязаны своим происхождением межличностной и массовой коммуникации Они служат фактором упрочения установок индивида, так как выслушивание мнений, согласующихся со взглядами самого индивида, укрепляет его в правильности его собственных установок и поощряет в дальнейшем его обращение за информацией к тому же источнику.

Основными свойствами установок выступают устойчивость и изменчивость. Если индивид во всех разнообразных ситуациях реализует ставший для него привычным и естественным способ поведения в отношении объекта, то это свидетельствует об устойчивости его установки.

В качестве одного из факторов изменения установок исследовалось воздействие средств массовой коммуникации. Так, поступающая новая информация об объекте установки определенным образом соотносится с уже имеющимися знаниями с целью определения того, совместима она с ней или нет. Если установка содержит в себе информационные противоречия («когнитивный диссонанс»), например, одновременно осознаваемые вред и польза объекта, то под влиянием поступления новой информации и рациональных аргументов в ней могут происходить изменения. Так, изменение установки весьма вероятно под влиянием сведений, открывающих, что объект соответствует интересам и нуждам индивида в большей степени, чем тот предполагал раньше. В результате оценка в отношении объекта может меняться с отрицательной на положительную, а вслед за ней меняется и поведение индивида.

Свое влияние на поведение и деятельность установка проявляет как практический определитель вещей и явлений, на которые направлены жизненные интересы человека и которые нежелательны, неприятны для него. Соответственно, различают виды установок по их модальности:

- положительные («за» объект);
- отрицательные («против» объекта);
- нейтральные.

Основная функция установки - регуляция социального поведения индивида. Система индивидуальных установок обеспечивает возможность его ориентировки в социальной действительности.

Однако существует известное как парадокс Ла-Пьера систематическое расхождение заявленных установок на объект и поведения, диктуемого ситуацией. В реальной ситуации, при наличии нескольких потенциальных объектов, установка, проявляющаяся в поведении, называется доминантной, остальные - субдоминантными (латентными, скрытыми).

Рис. 19-2. Взаимное кормление — кашмирский обычай высшего гостеприимства

Защитная функция социальной установки достигается благодаря тенденции к единообразию установок у ближайшего социального окружения, например между членами одной семьи или трудового коллектива. Такое «подравнивание» индивидом его социальных установок под существующие нормативы служит для того чтобы производить хорошее впечатление о себе и получать социальное одобрение. Таким образом, социальная установка защищает самооценку субъекта в группе, если он думает и действует определенным образом и воздерживается от иного, несанкционированного отношения.

Устойчивые и закрытые от влияния нового опыта формы существования установки - это стереотипы и предрассудки. В структуре стереотипа главную роль играет его эмоциональный заряд, который однозначно указывает, что принято, а что неприемлемо, что вообще «хорошо» или «плохо» применительно к любому объекту Стереотип обязан своим происхождением развитию сети массовой коммуникации, он формирует упрощенные и поверхностные представления о явлениях действительности. Благодаря ему легкость и быстрота выделения якобы существенных деталей в любом вопросе может при более детальной проверке оказаться всего лишь банальностью или художественным штампом.

Если объектом стереотипа выступает другой человек, то ведущими признаками часто оказываются его пол, национальность, профессия, а прочие различия неоправданно игнорируются. Наиболее характерной особенностью является деление людей на «своих» и «чужих», причем «свои» воспринимаются идеализированно, им приписываются отличия по положительным качествам (автостереотип), а «чужие» наделяются негативными оценками (гетеростереотип) (Шихирев П. Н., 1999).

В когнитивном компоненте предрассудка содержатся искаженные, иррациональные, абсурдные знания об объекте, не соответствующие новому опыту, меняющейся действительности. Относительно неодушевленных объектов это, например, разного рода суеверия, а в социальной сфере — обоснования расовых, этнических, классово-экономических различий. Значение предрассудка как иллюзорного, фантастического объяснения действительности в том, что он косвенно способствует сохранению социального неравенства, тормозит прогрессивные перемены (Майерс Д., 1998).

- **Я-концепция — сложный составной образ или картина, включающая в себя совокупность представлений личности о себе самой вместе с эмоционально-оценочными компонентами этих представлений.**

19.2. «Я-концепция» как социально-психологический феномен

Психология «Я-концепции» как одна из социально-психологических схем личности в теоретико-концептуальном плане в целом опирается на положения феноменологического подхода или гуманистической психологии, символического интеракционизма и в незначительной степени психоанализа.

«Я-концепция» — это сложный составной образ, или картина, включающая в себя совокупность представлений личности о себе самой вместе с эмоционально-оценочными компонентами этих

представлений. «Я-концепция» личности формируется в процессе жизни человека на основе взаимодействий со своим психологическим окружением и реализует мотивационно-регуляторную функцию в поведении личности.

Рис. 19-3. Социально-успешная личность — «триумфатор» (А. Делон)

Термин «Я-концепция» появился в научном языке на рубеже XIX-XX вв. в связи с представлениями о дуальной природе человека как познающего субъекта и познаваемого объекта. Американский психолог У. Джемс в книге «Принципы психологии» (1890) первый предложил идею «Я-концепции» и внес существенный вклад в ее разработку. Согласно Джемсу, глобальное «Я» (личность) содержит в себе два аспекта: эмпирического объекта (Me), познаваемого субъективным оценивающим сознанием (I).

«Я» как объект содержит в себе четыре аспекта:

- духовное «Я»;
- материальное «Я»;
- социальное «Я»;
- телесное «Я».

Эти аспекты образуют для каждого человека уникальный образ, или совокупность представлений о себе как личности. Кроме этого Джеме предложил формулу оценивания личностью самой себя. Формула самооценки выражается в сравнении достигнутых успехов с уровнем притязаний:

$$\text{самооценка} = \frac{\text{Успехи}}{\text{притязания}}$$

Рис. 19-4. Аутсайдер (Новый Арбат, Москва)

Феноменологический подход к поведению (гуманистическая психология), в котором теория «Я-концепции» стала связующим интегративным принципом, интерпретирует поведение на языке феноменального поля субъекта как субъективно воспринимаемой и осознаваемой реальности индивида (К. Левин), а не на языке аналитических категорий, конструируемых внешним наблюдателем. В целом теория «Я-концепции», разработанная в рамках феноменологического подхода, сводится к следующим положениям:

1. Поведение является продуктом восприятия индивида, которое по своей природе феноменологично: психологическая реальность индивида — это не объективная реальность как таковая, а продукт его субъективного восприятия в момент поведения.
2. Центральной, интегрирующей точкой феноменального поля индивида является «Я-концепция», вокруг которой организуются все образы восприятия.
3. «Я-концепция» — это одновременно и продукт восприятия, и совокупность представлений, в которой содержатся ценности, привнесенные из социокультурной среды.
4. С формированием «Я-концепции» поведение в целом начинает регулироваться ею.
5. «Я-концепция» относительно согласована во времени и ситуативных контекстах, в этом состоит ее прогностическая ценность.
6. Потребность в положительном отношении других людей возникает параллельно с формированием «Я-концепции». Потребность в своем положительном отношении к себе (потребность в положительной самооценке) возникает через усвоение опыта положительной оценки себя другими людьми.
7. Для снятия расхождений между данными текущего жизненного опыта и «Я-концепцией» используются различные защитные стратегии.
8. Существует одно главное мотивационное побуждение человека — потребность в самоактуализации, в поддержании и повышении ценности своей «Я-концепции».

Дальнейшее развитие теории «Я-концепции» шло в направлении унификации концептуально-терминологического аппарата для описания «Я-концепции» и поисков надежных эмпирических референтов для изменения, результатом чего стало представление ее как совокупности, или структуры установок индивида на самого себя (Р. Бернс). Эта структура может быть представлена в виде схемы (рис. 19-5). Установки группируются в три категории:

- реальное «Я» (каким себя представляет индивид на данный момент);
- социальное «Я» (как, по мнению индивида, его представляют другие люди)

- идеальное «Я» (каким индивиду хотелось бы быть).

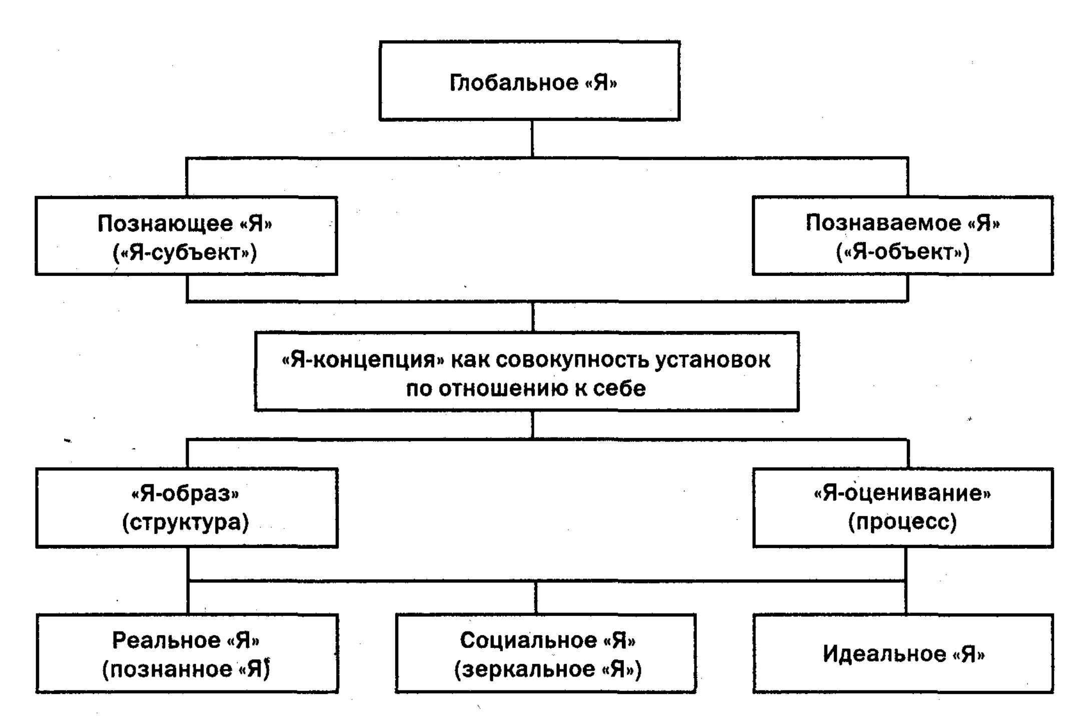

Рис. 19-5. Структура «Я-концепции»

Понимание «Я-концепции» как структуры установок отражает ее структурно-динамический характер. Образ «Я» (структура представлений о себе самом) складывается из когнитивных составляющих установок (ролевые, статусные, имущественные, ценностные характеристики человека). Все они входят в образ «Я» с разными весами, т. е. образуют иерархию с точки зрения субъективной значимости.

Второй компонент — динамический, процессуальный — это эмоционально-оценочный компонент. Источниками оценочных суждений индивида о себе самом являются:

а) социокультурные стандарты и нормы социального окружения;

б) социальные реакции других людей на индивида (их субъективная интерпретация);

в) индивидуальные критерии и стандарты, усвоенные индивидом в жизни.

Фактически индивид реализует два процесса самооценки:

- сравнение реального «Я» с идеальным «Я»;
- сравнение реального «Я» с социальным «Я».

Социальная психология признает межличностно детерминированную и, следовательно, поддающуюся воздействиям природу «Я-концепции», но в то же время во многом игнорирует стабилизационные и объединяющие качества, приписываемые ей в гуманистических формулировках. Такой взгляд во многом обязан школе символического интеракционизма в социальной психологии. В частности, Ч. Кули (1902) предложил концепцию «зеркального Я», в которой «Я-концепция» формируется на основе субъективно интерпретируемой обратной связи от других как основного источника данных о себе в процессе символического взаимодействия между индивидом и его различными первичными группами. Г. Мид (1934) в своей теории «обобщенного другого» главным условием развития «Я-концепции» считал способность индивида принимать роль другого, с тем чтобы установки другого по отношению к индивиду могли бы быть им оценены и интериоризированы. Объединение таких оценочных представлений «обобщенного другого» и есть главный источник формирования «Я-концепции» и внутренней регуляции поведения индивида.

Однако представление «Я-концепции» преимущественно целиком интерпсихическим, а не интрапсихическим феноменом может привести к экстремальному ситуационизму. Хотя и есть много свидетельств тому, что «Я-концепция» индивида подвержена изменениям при целенаправленных воздействиях извне (например, при психотерапии), нельзя игнорировать многократно эмпирически подтвержденный факт транситуациональной согласованности «Я-концепции» здоровой личности.

Вопросы для повторения

1. Что понимают под социальным объектом установки?
2. Какие функции установок вы знаете?
3. За счет чего может обеспечиваться устойчивость установки?
4. В чем состоит сходство и различие между стереотипами и предрассудками?
5. Что такое «Я-концепция» личности?
6. Сформулируйте основные положения концепции У. Джемса.
7. Перечислите основные положения теории «Я-копцепции», разработанной в рамках феноменологического подхода.
8. Какова структура «Я-концепции»?
9. Перечислите основные представления о «Я-концепции», существующие в символическом интеракционизме.

Рекомендуемая литература

Анастази А. Психологическое тестирование.: В 2-х кн. Кн.2 / Пер. с англ., предисл. К. М.Гуревича. — М.: Педагогика, 1982. - 318 с. - С. 169-182.

Андреева Г. М. Социальная психология. - М.: Изд-во МГУ, 1988. - 429 с. - С. 348-367.

Бернс Р. Развитие «Я-концепции» и воспитание / Общ. ред. В. Я. Пилиповского. — М.: Прогресс, 1986. — 420с.

Майерс Д. Социальная психология / Пер. с англ. В. Гаврилова и др. — СПб.: Питер, 1998. — 682 с. — Гл. 4, 11. — (Мастера психологии).

Надирашвили Ш. А. Социальные ориентации личности // Социальная психология личности: Сб. стат. Глава 8 / Под ред. М. И. Бобневой, Е. В. Шороховой. - М.: Наука, 1979. - 352 с. - С. 43.

Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека / Пер. с англ. М. Исениной; Общ. ред. И. Е. Исенина. — М.: Прогресс, 1994. — 479 с.

Шихирев П. Н. Современная социальная психология в Западной Европе: Проблемы методологии и теории / Отв. ред. Е. В. Шорохова. - М., 1985. - 175 с. - С. 109-114.

Шихирев П. Н. Современная социальная психология США. — М.: Наука, 1979. — 229 с.

Ядов В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности //Методологические проблемы социальной психологии / Отв. ред. Е. В. Шорохова. — М.: Наука, 1975. — 295 с. — С. 89-105.

Глава 20. Психология межличностного взаимодействия

Краткое содержание главы

Межличностное восприятие и понимание. Основные задачи межличностного взаимодействия. Субъект и объект межличностного познания. Процесс познания человека.

Межличностные отношения. Динамика межличностных отношений. Механизм регулирования межперсональных отношений и условия их развития.

Психология общения. Общение и деятельность. Структура общения. Функции общения.

Психология межличностного воздействия. Сущность психологического воздействия. Стратегия, тактика, средства, методы, формы и критерии эффективности воздействия.

20.1. Межличностное восприятие и понимание

Для структурирования многочисленных результатов исследований по межличностному взаимодействию используется системный подход, элементами которого являются субъект, объект и процесс межличностного взаимодействия (рис. 20-1).

В содержательном плане рассматриваются три основные задачи межличностного взаимодействия: межличностное восприятие и понимание человека, формирование межличностных отношений и оказание психологического воздействия.

Понятие «восприятие человека человеком» недостаточно для полного познания людей.

Впоследствии к нему добавилось понятие «понимание человека», что предполагает подключение к процессу восприятия человека и других познавательных процессов. Эффективность восприятия связана с социально-психологической наблюдательностью — свойством личности, позволяющем ей улавливать в поведении человека малозаметные, но существенные для его понимания особенности.

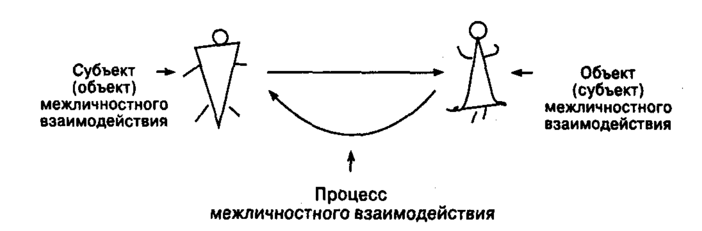

Рис. 20-1. Системный подход к межличностному взаимодействию

Особенности воспринимающего зависят от пола, возраста, национальности, темперамента, состояния здоровья, установок, опыта общения, профессиональных и личностных особенностей и др. Женщины, по сравнению с мужчинами, точнее идентифицируют эмоциональные состояния и межличностные отношения людей. С возрастом легче дифференцируются эмоциональные состояния. Человек воспринимает окружающий его мир через призму своего национального образа жизни. Успешнее определяют различные психические состояния и межличностные отношения те люди, которые имеют более высокий уровень социального интеллекта.

Объектом познания является как физический, так и социальный облик человека. При восприятии фиксируется первоначально физический облик, к которому относятся анатомические, физиологические, функциональные и паралингвистические характеристики. К анатомическим (соматическим) особенностям относятся рост, голова, руки и др. Физиологические характеристики включают дыхание, кровообращение, потоотделение и т. д. Функциональные особенности включают осанку, позу и походку. Паралингвистические (невербальные) особенности общения включают мимику, жесты и телодвижения. Однозначные эмоции несложно дифференцировать, а смешанные и слабовыраженные психические состояния распознаются гораздо труднее (рис. 20-2).

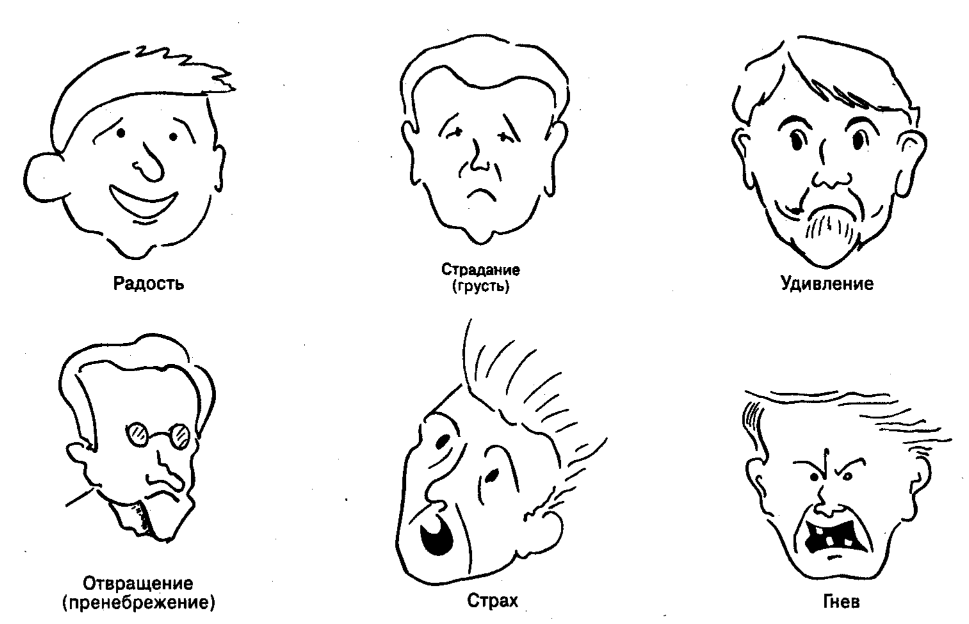

Рис. 20-2. Дифференциация эмоций

Социальный облик предполагает социальное оформление внешности, речевые, экстралингвистические, проксемические и деятельностные характеристики. Социальное оформление внешности (внешний облик) включает одежду человека, его обувь, украшения и другие аксессуары. Проксемические особенности общения относятся к расстоянию между общающимися и их взаимному расположению. Примером из художественной литературы, демонстрирующим умение определять по особенностям речи место рождения и профессию, является профессор фонетики Хиггинс из пьесы Б.

Шоу «Пигмалион». Экстралингвистические особенности речи предполагают своеобразие голоса, тембр, высоту и т. д. При восприятии человека социальные особенности, по сравнению с физическим обликом, наиболее информативны.

Процесс познания человека включает механизмы, искажающие представления о воспринимаемом, механизмы межличностного познания, обратную связь от объекта и условия, в которых происходит восприятие. Механизмы, искажающие формирующийся образ воспринимаемого, ограничивают возможность объективного познания людей. Наиболее значимыми из них являются: механизм первичности, или новизны (сводится к тому, что первое впечатление о воспринимаемом влияет на последующее формирование образа познаваемого объекта); механизм проекции (перенос на людей психических особенностей воспринимающих); механизм стереотипизации (отнесение воспринимаемого человека к одному из известных субъекту типов людей); механизм этноцентризма (пропуск всей информации через фильтр, связанный с этническим образом жизни воспринимающего).

Для восприятия человека и его понимания субъект неосознанно выбирает различные механизмы межличностного познания. Основным является механизм интерпретации (соотнесения) личностного опыта познания людей вообще с восприятием данного человека. Механизм идентификации в межличностном познании представляет отождествление себя с другим человеком. Субъект также использует механизм каузальной атрибуции (приписывание воспринимаемому определенных мотивов и причин, объясняющих его поступки и другие особенности). Механизм рефлексии другого человека в межличностном познании включает осознание субъектом того, как он воспринимается объектом. При межличностном восприятии и понимании объекта существует достаточно строгий порядок функционирования механизмов межличностного познания (от простых к сложным).

В ходе межличностного познания субъект учитывает поступающую к нему по различным сенсорным каналам информацию, свидетельствующую об изменении состояния партнера по общению. Обратная связь от объекта восприятия выполняет для субъекта осведомительную и корригирующую функцию в процессе восприятия объекта.

К условиям восприятия человека человеком относятся ситуации, время и место общения. Сокращение времени при восприятии объекта снижает возможность воспринимающего получить достаточную информацию о нем. При длительном и тесном контакте у оценивающих начинают проявляться снисходительность и фаворитизм (от лат. *favor* — благосклонность).

20.2. Межличностные отношения

Межличностные отношения являются составной частью взаимодействия и рассматриваются в его контексте. Межличностные отношения — это объективно переживаемые, в разной степени осознаваемые взаимосвязи между людьми. В их основе лежат разнообразные эмоциональные состояния взаимодействующих людей и их психологические особенности (Н. Н. Обозов). В отличие от деловых отношений межличностные связи иногда называют экспрессивными, эмоциональными.

Развитие межличностных отношений обусловливается полом, возрастом, национальностью и многими другими факторами. У женщин круг общения значительно меньше, чем у мужчин. В межличностном общении они испытывают потребность в самораскрытии, передаче другим личностной информации о себе. Они чаще жалуются на одиночество (И. С. Кон). Для женщин более значимы особенности, проявляющиеся в межличностных отношениях, а для мужчин — деловые качества. В разных национальных общностях межперсональные связи строятся с учетом положения человека в обществе, половозрастных статусов, принадлежности к различным социальным слоям и др.

Процесс развития межличностных отношений включает в себя динамику, механизм регулирования межперсональных отношений и условия их развития.

Межличностные отношения развиваются в динамике: они зарождаются, закрепляются, достигают определенной зрелости, после чего могут постепенно ослабляться. Динамика развития межличностных отношений проходит несколько этапов: знакомство, приятельские, товарищеские и дружеские отношения. Знакомства осуществляются в зависимости от социокультурных норм общества. Приятельские отношения формируют готовность к дальнейшему развитию межличностных отношений. На этапе товарищеских отношений происходит сближение взглядов и оказание поддержки друг другу (недаром говорят «поступить по-товарищески», «товарищ по оружию»). Дружеские отношения имеют общее предметное содержание — общность интересов, целей деятельности и т. д.

Можно выделить утилитарную (инструментально-деловую) и эмоционально-экспрессивную (эмоционально-исповедальную) дружбу (И. С. Кон).

Механизмом развития межличностных отношений является эмпатия — отклик одной личности на переживания другой. Эмпатия имеет несколько уровней (Н. Н. Обозов). Первый уровень включает когнитивную эмпатию, проявляющуюся в виде понимания психического состояния другого человека (без изменения своего состояния). Второй уровень предполагает эмпатию в форме не только понимания состояния объекта, но и сопереживания ему, т. е. эмоциональную эмпатию. Третий уровень включает когнитивные, эмоциональные и, главное, поведенческие компоненты. Данный уровень предполагает межличностную идентификацию, которая является мысленной (воспринимаемой и понимаемой), чувственной (сопереживаемой) и действенной. Между этими тремя уровнями эмпатии существуют сложные, иерархически организованные взаимосвязи. Различные формы эмпатии и ее интенсивности могут быть присущи как субъекту, так и объекту общения. Высокий уровень эмпатийности обусловливает эмоциональность, отзывчивость и др.

Условия развития межличностных отношений существенно влияют на их динамику и формы проявления. В городских условиях, по сравнению с сельской местностью, межличностные контакты более многочисленны, быстро заводятся и так же быстро прерываются. Влияние временного фактора различно в зависимости от этнической среды: в восточных культурах развитие межличностных отношений как бы растянуто во времени, а в западных — спрессовано, динамично.

20.3. Психология общения

Категория «общение» является одной из центральных в психологической науке наряду с такими категориями, как «мышление», «поведение», «личность», «отношения». «Сквозной характер» проблемы общения становится понятным, если дать одно из типичных определений межличностного общения. В соответствии с этим определением, межличностное общение — это процесс взаимодействия по крайней мере двух лиц, направленный на взаимное познание, установление и развитие взаимоотношений и предполагающий взаимовлияние на состояния, взгляды, поведение и регуляцию совместной деятельности участников этого процесса.

За последние 20-25 лет изучение проблемы общения стало одним из ведущих направлений исследований в психологической науке и особенно в социальной психологии. Ее перемещение в центр психологических исследований объясняется изменением методологической ситуации, отчетливо определившейся в социальной психологии в последние два десятилетия. Из предмета исследования общение одновременно превратилось и в способ, принцип изучения вначале познавательных процессов, а затем и личности человека в целом (Знаков В., 1994).

Общение не является предметом только психологического исследования, поэтому с необходимостью встает задача выявления специфически психологического аспекта этой категории (Ломов Б. Ф., 1984). При этом вопрос о связи общения с деятельностью является основополагающим; одним из методологических принципов раскрытия этой взаимосвязи является идея единства общения и деятельности (Андреева Г. М., 1988). Исходя из этого принципа под *общением* понимается реальность человеческих отношений, предполагающая любые формы совместной деятельности людей.

Однако характер этой связи понимается по-разному. Иногда деятельность и общение рассматриваются как две стороны социального бытия человека; в других случаях общение понимается как элемент любой деятельности, а последняя рассматривается как условие общения вообще (Леонтьев А. А., 1965). И наконец, общение можно интерпретировать как особый вид деятельности (Леонтьев А. А., 1975).

Необходимо отметить, что в подавляющем большинстве психологических трактовок деятельности основу ее определений и категориально-понятийного аппарата составляют отношения «субъект-объект», охватывающие все-таки лишь одну сторону социального бытия человека. В связи с этим возникает необходимость разработки категории общения, раскрывающей другую, не менее существенную сторону социального бытия человека, а именно — отношений «субъект—субъект(ы)».

Здесь можно привести мнение В. В. Знакова, которое отражает существующие в современной отечественной психологии представления о категории общения: «Общением я буду называть такую форму взаимодействия субъектов, которая изначально мотивируется их стремлением выявить психические качества друг друга и в ходе которой формируются межличностные отношения между

ними... Под совместной деятельностью далее будут подразумеваться ситуации, в которых межличностное общение людей подчинено общей цели — решению конкретной задачи» (Знаков В. В., 1994).

Субъектно-субъектный подход к проблеме взаимосвязи общения и деятельности преодолевает одностороннее понимание деятельности лишь как субъект-объектного отношения. В отечественной психологии этот подход реализуется посредством методологического принципа общения как субъект-субъектного взаимодействия, теоретически и экспериментально разработанного Б. Ф. Ломовым (1984) и его сотрудниками. Рассматриваемое в этом плане общение выступает как особая самостоятельная форма активности субъекта. Ее результат — не столько преобразованный предмет (материальный или идеальный), сколько отношения человека с человеком, с другими людьми. В процессе общения осуществляется не только взаимный обмен деятельностью, но и представлениями, идеями, чувствами, проявляется и развивается система отношений «субъект—субъект(ы)».

В целом теоретическая и экспериментальная разработка принципа общения в отечественной социальной психологии представлена в ряде коллективных работ, цитированных выше, а также в работах «Психологические исследования общения» (1985), «Познание и общение» (1988).

В работе А. В. Брушлинского и В. А. Поликарпова (1990) наряду с этим дано критическое осмысление данного методологического принципа, а также перечислены наиболее известные циклы исследований, в которых проанализирована вся многоаспектная проблематика общения в отечественной психологической науке.

- **Общение — реальность человеческих отношений, предполагающая любые формы совместной деятельности людей.**

Структура общения. В отечественной социальной психологии проблема структуры общения занимает важное место. Методологическая проработка этого вопроса на данный момент позволяет выделить совокупность достаточно общепринятых представлений о структуре общения (Андреева Г. М., 1988; Ломов Б. Ф., 1981; Знаков В. В., 1994), выступающих общеметодологическим ориентиром организации исследований.

Под структурой объекта в науке понимается порядок устойчивых связей между элементами объекта исследования, обеспечивающих его целостность как явления при внешних и внутренних изменениях. К проблеме структуры общения можно подойти по-разному, как через выделение уровней анализа этого явления, так и через перечисление его основных функций. Обычно выделяют по крайней мере три уровня анализа (Ломов Б. Ф., 1984):

1. Макроуровень: общение индивида с другими людьми рассматривается как важнейшая сторона его образа жизни. На этом уровне процесс общения изучается в интервалах времени, сопоставимых с длительностью человеческой жизни, с акцентом на анализ психического развития индивида. Общение здесь выступает как сложная развивающаяся сеть взаимосвязей индивида с другими людьми и социальными группами.

2. Мезауровень (средний уровень): общение рассматривается как сменяющаяся совокупность целенаправленных логически завершаемых контактов или ситуаций взаимодействия, в которых оказываются люди в процессе текущей жизнедеятельности на конкретных временных отрезках своей жизни. Главный акцент в изучении общения на этом уровне делается на содержательных компонентах ситуаций общения — «по поводу чего» и «с какой целью». Вокруг этого стержня темы, предмета общения раскрывается динамика общения, анализируются используемые средства (вербальные и невербальные) и фазы, или этапы, общения, в ходе которых осуществляется обмен представлениями, идеями, переживаниями.

3. Микроуровень: здесь главный акцент делается на анализе элементарных единиц общения как сопряженных актов, или трансакций. Важно подчеркнуть, что элементарная единица общения — это не смена перемежающихся поведенческих актов его участников, а их взаимодействие. Она включает не только действие одного из партнеров, но и связанное с ним содействие или противодействие другого (например, «вопрос-ответ», «побуждение к действию - действие», «сообщение информации - отношение к ней» и т. п.).

Каждый из перечисленных уровней анализа требует специального теоретико-методологического и методического обеспечения, а также своего особого понятийного аппарата. И поскольку многие проблемы психологии комплексны, встает задача разработки способов выявления взаимосвязей между

разными уровнями и раскрытия принципов этих взаимосвязей.

Под функциями общения понимаются те роли и задачи, которые выполняет общение в процессе социального бытия человека. Функции общения многообразны, и существуют различные основания для их классификации.

Одним из общепринятых оснований классификации является выделение в общении трех взаимосвязанных сторон, или характеристик — информационной, интерактивной и перцептивной (Андреева Г. М., 1980). В соответствии с этим выделяются информационно-коммуникативная, регуляционно-коммуникативная и аффективно-коммуникативная функции (Ломов Б. Ф., 1984).

Информационно-коммуникативная функция общения заключается в любом виде обмена информацией между взаимодействующими индивидами. Обмен информацией в человеческом общении имеет свою специфику. Во-первых, мы имеем дело с отношением двух индивидов, каждый из которых является активным субъектом (в отличие от технического устройства). Во-вторых, обмен информацией обязательно предполагает взаимодействие мыслей, чувств и поведения партнеров. В-третьих, они должны обладать единой или сходной системой кодификации/декодификации сообщений.

Передача любой информации возможна посредством различных знаковых систем. Обычно различают вербальную (в качестве знаковой системы используется речь) и невербальную (различные неречевые знаковые системы) коммуникацию.

В свою очередь, невербальная коммуникация также имеет несколько форм:

- кинетику (оптико-кинетическая система, включающая в себя жесты, мимику, пантомиму);
- паралингвистику (система вокализации голоса, паузы, покашливания и т. п.);
- проксемику (нормы организации пространства и времени в общении);
- визуальное общение (система контакта глазами).

Иногда отдельно рассматривается как специфическая знаковая система совокупность запахов, которыми обладают партнеры по общению.

Регуляционно-коммуникативная (интерактивная) функция общения заключается в регуляции поведения и непосредственной организации совместной деятельности людей в процессе их взаимодействия. Здесь следует сказать несколько слов о традиции использования понятий взаимодействия и общения в социальной психологии. Понятие взаимодействия используется двояко: во-первых, для характеристики действительных реальных контактов людей (действий, контрдействий, содействий) в процессе совместной деятельности; во-вторых, для описания взаимных влияний (воздействий) друг на друга в ходе совместной деятельности, или шире — в процессе социальной активности.

В процессе общения как взаимодействии (вербальном, физическом, невербальном) индивид может воздействовать на мотивы, цели, программы, принятие решений, на выполнение и контроль действий, т. е. на все составляющие деятельности своего партнера, включая взаимную стимуляцию и коррекцию поведения.

Аффективно-коммуникативная функция общения связана с регуляцией эмоциональной сферы человека. Общение — важнейшая детерминанта эмоциональных состояний человека. Весь спектр специфически человеческих эмоций возникает и развивается в условиях общения людей — происходит либо сближение эмоциональных состояний, либо их поляризация, взаимное усиление или ослабление.

Можно привести другую классификационную схему функций общения, в которой наряду с перечисленными отдельно выделяются и другие функции: организация совместной деятельности; познание людьми друг друга; формирование и развитие межличностных отношений. Отчасти такая классификация дана в монографии В. В. Знакова (1994); познавательная же функция в целом входит в перцептивную функцию, выделенную Г. М. Андреевой (1988).

Сопоставление двух классификационных схем позволяет условно включить функции познания, формирования межличностных отношений и аффективно-коммуникативную в перцептивную функцию общения как более емкую и многомерную (Андреева Г. М., 1988). При изучении перцептивной стороны общения используется специальный концептуально-терминологический аппарат, включающий ряд понятий и определений и позволяющий анализировать разные аспекты социальной перцепции в процессе общения.

Во-первых, общение невозможно без определенного уровня взаимопонимания общающихся субъектов. Понимание — это определенная форма воспроизведения объекта в знании, возникающая у субъекта в процессе взаимодействия с познаваемой реальностью (Знаков В. В., 1994). В случае общения объектом познаваемой реальности является другой человек, партнер по общению. При этом понимание

можно рассматривать с двух сторон: как отражение в сознании взаимодействующих субъектов целей, мотивов, эмоций, установок друг друга; и как принятие этих целей, позволяющих устанавливать взаимоотношения. Поэтому в общении целесообразно говорить не вообще о социальной перцепции, а о межличностной перцепции или восприятии. Некоторые же исследователи предпочитают говорить не о восприятии, а о познании другого (Бодалев А. А., 1965,1983).

Рис. 20-3. Межличностное общение

Основными механизмами взаимопонимания в процессе общения являются идентификация, эмпатия и рефлексия. Термин «идентификация» имеет в социальной психологии несколько значений. В проблематике общения *идентификация* - это мысленный процесс уподобления себя партнеру по общению с целью познать и понять его мысли и представления. Под эмпатией также понимается мысленный процесс уподобления себя другому человеку, но с целью «понять» переживания и чувства познаваемого человека. Слово «понимание» здесь используется в метафорическом смысле — эмпатия есть «аффективное понимание».

Как видно из определений, идентификация и эмпатия очень близки по содержанию, и часто в психологической литературе термин «эмпатия» имеет расширительное толкование — в него включаются процессы понимания как мыслей, так и чувств партнера по общению. При этом, говоря о процессе эмпатии, нужно иметь в виду и безусловно положительное отношение к личности. Это означает два момента:

а) принятие личности человека в целостности;

б) собственная эмоциональная нейтральность, отсутствие оценочных суждений о воспринимаемом (Соснин В. А., 1996).

Рефлексия в проблеме понимания друг друга — это осмысление индивидом того, как он воспринимается и понимается партнером по общению. В ходе взаимного отражения участников общения рефлексия является своеобразной обратной связью, которая способствует формированию и стратегии поведения субъектов общения, и коррекции их понимания особенностей внутреннего мира друг друга.

Еще одним механизмом понимания в общении является межличностная аттракция. *Аттракция* (от англ. *attract* — притягивать, привлекать) — это процесс формирования привлекательности какого-то человека для воспринимающего, результатом чего является формирование межличностных отношений. В настоящее время формируется расширенная трактовка процесса аттракции как формирования эмоционально-оценочных представлений друг о друге и о своих межличностных взаимоотношениях (как положительных, так и отрицательных) как своего рода социальной установки с преобладанием эмоционально-оценочного компонента.

Рассмотренные классификации функций общения, естественно, не исключают друг друга. Более того, существуют еще и другие варианты классификаций. Это, в свою очередь, предполагает, что феномен общения как многомерное явление необходимо изучать с помощью методов системного анализа.

- **Идентификация – мысленный процесс уподобления себя партнеру по общению с целью познать и понять его**

мысли.

Рефлексия – осмысление индивидом того, как он воспринимается и понимается партнером по общению.

Аттракция – процесс формирования привлекательности человекадля воспринимающего, результатом чего является формирование межличностных отношений.

20.4. Психология межличностного воздействия

Сущность психологического воздействия сводится к взаимному обмену информацией и взаимодействию. С содержательной стороны психологическое воздействие может быть педагогическим, управленческим, идеологическим и т. д. и осуществляться на разных уровнях психики: на осознаваемом и неосознаваемом.

Субъект психологического воздействия может выступать в роли организатора, исполнителя (коммуникатора) и даже исследователя своего процесса воздействия. Эффективность воздействия зависит от пола, возраста, социального статуса и многих других составляющих субъекта, а главное, от его профессиональной и психологической подготовленности к оказанию воздействия на партнера по общению.

Субъект межличностного воздействия:

- изучает объект и ситуацию, в которой осуществляется воздействие;
- выбирает стратегию, тактику и средства воздействия;
- учитывает поступающие от объекта сигналы об успешности—неуспешности воздействия;
- организует противодействие объекту (при возможном контрвоздействии объекта на субъект) и т. д.

В том случае, если реципиент не согласен с предлагаемой ему информацией и стремится снизить эффект оказываемого на него воздействия, коммуникатор имеет возможность использовать закономерности рефлексивного управления или манипулятивного воздействия.

Объект межличностного воздействия (реципиент), будучи активным элементом системы воздействия, перерабатывает предлагаемую ему информацию и может не соглашаться с субъектом, а в отдельных случаях, осуществлять контрвоздействие на коммуникатора. Объект соотносит предлагаемую ему коммуникатором информацию с имеющимися у него ценностными ориентациями и своим жизненным опытом, после чего принимает решения. К характеристикам объекта, влияющим на эффективность воздействия на него, относятся пол, возраст, национальность, профессия, образование, опыт участия в коммуникационном обмене и другие особенности.

Процесс межличностного психологического воздействия (влияния), будучи в свою очередь многомерной системой, включает стратегию, тактику, средства, методы, формы, аргументацию и критерии эффективности воздействия. Стратегия — это способы действий субъекта по достижению главной цели психологического воздействия на реципиента. Тактика — это решение промежуточных задач психологического воздействия посредством использования различных психологических приемов.

В социальной психологии выделяют вербальные (речь) и невербальные (паралингвистические) особенности средств воздействия. К методам воздействия относятся убеждение * и принуждение (на уровне сознания), а также внушение, заражение и подражание (на неосознаваемом уровне психики). Последние три метода относятся к социально-психологическим. Формы межличностного воздействия могут быть речевые (письменные и устные) и наглядные. Система аргументации предполагает как мировоззренческие (абстрактные) доказательства, так и сведения конкретного характера (цифровая и фактологическая информация легче запоминается и сопоставляется). Желательно учитывать принципы отбора и предъявления информации — доказательность и удовлетворение информационных потребностей конкретного объекта, а также коммуникационные барьеры (познавательные, социально-психологические и др.).

---

* Слово *убеждение* используется в двух смыслах: как метод и как процесс.

Критерии эффективности воздействия делятся на стратегические (отсроченные в перспективе, например мировоззренческие) и тактические (промежуточные), которыми руководствуются непосредственно в процессе воздействия на партнера (речевые высказывания, мимика и др.) *. В качестве промежуточных критериев эффективности межличностного воздействия субъект может использовать изменение психофизиологических, функциональных, паралингвистических, вербальных, проксемических и поведенческих характеристик объекта. Использование критериев желательно осуществлять в системе, сопоставляя их различную интенсивность и частоту проявления.

* Проблема критериев в научной литературе разработана недостаточно.

Условия воздействия включают место и время общения, а также количество участников, на которых оказывается воздействие.

Вопросы для повторения

1. Какие особенности субъекта влияют на восприятие людей?
2. Что входит в воспринимаемый облик объекта?
3. Каким образом влияют механизмы познания и искажающие механизмы на адекватность образа воспринимаемого человека?
4. Как влияют основные характеристики процесса психологического воздействия на его эффективность?
5. Каким образом субъект учитывает свои характеристики и особенности объекта для организации эффективного воздействия?
6. Дайте одно из определений межличностного общения.
7. Раскройте содержание методологического принципа общения в социальной психологии.
8. Что такое структура общения?
9. Перечислите основные классификационные схемы функций общения и раскройте их содержание.
10. Опишите основные механизмы взаимопонимания в процессе общения.
11. Как влияют основные характеристики процесса психологического воздействия на его эффективность?
12. Каким образом субъект учитывает свои характеристики и особенности объекта для организации эффективного воздействия?

Рекомендуемая литература

Андреева Г. М. Социальная психология. — М.: Изд-во МГУ, 1988. — 429 с.

Бодалев А. А. Восприятие и понимание человека человеком. — М.: Изд-во МГУ, 1982. — 199 с.

Бодалев А. А. Личность и общение: Избранные труды. — М.: Педагогика, 1983. — 271 с.

Брушлинский А. В., Поликарпов В. А. Мышление и общение. — Минск: Изд-во «Университетское», 1990. — 212с.

Знаков В. В. Понимание в познании и общении / РАН. — М.: ИП РАН, 1994. — 235 с.

Кон И. С. Дружба: Этико-психологический очерк. — М.: Политиздат, 1987. — 255 с.

Леонтьев А. А. Общение как объект психологического исследования // Методологические проблемы психологии / Отв. ред. Е. В. Шорохова. - М.: Наука, 1975. - 295 с. - С. 79.

Леонтьев А. А. Проблемы развития психики. — М.: Наука, 1985. — 73 с.

Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Отв. ред. Ю. Забродин. — М.: Наука, 1989. - 449 с.

Обозов Н. Н. Межличностные отношения. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. — 151 с.

Панкратов В. Н. Уловки в спорах и их нейтрализация. — М.: Рос. пед. агентство, 1996. — 136 с.

Проблемы общения в психологии: Сборник статей / АН; Ин-т социологии.; Отв. ред. Б. Ф. Ломов. — М.: Наука, 1981.-280 с.

Резников Е. Н. Межличностное восприятие и понимание // Современная психология: Справочное руководство / Под ред. В. Н. Дружинина. - М.: Инфра-М, 1999. - 687 с. - С. 508-516.

Резников Е. Н. Межличностные отношения // Современная психология: Справочное руководство / Под ред. В. Н. Дружинина. - М.: Инфра-М, 1999. - 687 с. - С. 516-523.

Соснин В. А., Лунев П. А. Как стать хозяином положения. Анатомия эффективного общения. Руководство практического психолога / ИП РАН. — М.: Academia, 1996. — 219 с.

Глава 21. Психология малых групп и межгруппового взаимодействия

Краткое содержание главы

Виды и структура малой группы. Количественные признаки малой группы. Виды малых групп. Формальная и неформальная структура малой группы. Коммуникативная и ролевая структура малой группы.

Лидерство в малых группах. Признаки лидерства. Функции лидера. Виды лидерства. Психологические качества лидера. Классификации стилей лидерства.

Конформизм и групповое давление. Нормативное и информационное влияние. Внешний и внутренний конформизм.

Развитие малой группы. Концепция Л. И. Уманского. Модель развития малой группы Б. Такмена. Психологические механизмы развития малой группы.

Психология межгруппового взаимодействия. Этноцентризм. Внутригрупповой фаворитизм. Внешнегрупповая дискриминация. Социальная категоризация, социальная идентификация и социальное сравнение.

Психология внутри- и межгрупповых конфликтов. Организационный конфликт. Управление групповыми конфликтами. Стратегии вмешательства.

21.1. Виды и структура малой группы

Малая группа — это небольшое по размеру объединение людей, связанных непосредственным взаимодействием. Ее нижние и верхние границы определяются качественными признаками, основными из которых являются контактность и целостность. Контактность — это возможность каждого члена группы регулярно общаться друг с другом, воспринимать и оценивать друг друга, обмениваться информацией, взаимными оценками и воздействиями. Целостность определяется как социальная и психологическая общность индивидов, входящих в группу, позволяющая воспринимать их как единое целое.

- **Малая группа – небольшое по размеру объединение людей, связанных непосредственным взаимодействием.**

За нижнюю границу размеров малой группы большинство специалистов принимает три человека, поскольку в группе из двух человек (диаде) групповые социально-психологические феномены протекают особым образом. Верхняя граница малой группы определяется ее качественными признаками и обычно не превышает 20-30 человек. Оптимальный размер малой группы зависит от характера выполняемой совместной деятельности и находится в пределах 5-12 человек. В меньших по размеру группах скорее возникает феномен социального пресыщения, группы большего размера легче распадаются на более мелкие, в которых индивиды связаны более тесными контактами. В этой связи принято выделять группы первичные, то есть наименьшие по размеру и далее не делимые общности, и вторичные, формально представляющие собой единые общности, но включающие в себя несколько первичных групп.

Малые группы являются основным объектом лабораторных экспериментов в социальной психологии. Поэтому необходимо различать группы искусственные (лабораторные), специально создаваемые для решения научных задач, и естественные, существующие независимо от воли исследователя (рис. 21-1).

Формальные группы — группы, членство и взаимоотношение в которых носят преимущественно формальный характер, то есть определяются формальными предписаниями и договоренностями. Формальными малыми группами являются прежде всего первичные коллективы подразделений социальных организаций и институтов. Организационные и институциональные малые группы представляют собой элементы социальной структуры общества и создаются для удовлетворения общественных потребностей. Ведущей сферой активности и основным психологическим механизмом объединения индивидов в рамках организационных и институциональных малых групп является совместная деятельность. Неформальные группы — объединения людей, возникающие на основе внутренних, присущих индивидам потребностей в общении, принадлежности, понимании, симпатии и любви.

В субъективном, психологическом плане группы (и формальные, и неформальные) образуются в

процессе реализации индивидами потребностей в общении, однако в рамках неформальных групп общение и возникающие на его основе психологические взаимоотношения являются ведущей сферой активности, и в этом плане центральным феноменом психологии малых групп является психологическая общность.

Значимость групповых ценностей, норм, оценок для индивида называется референтностью малой группы. Основными функциями референтной группы являются сравнительная и нормативная (предоставление индивиду возможности соотносить свои мнения и поведение с принятыми в группе и оценивать их с точки зрения соответствия групповым нормам и ценностям).

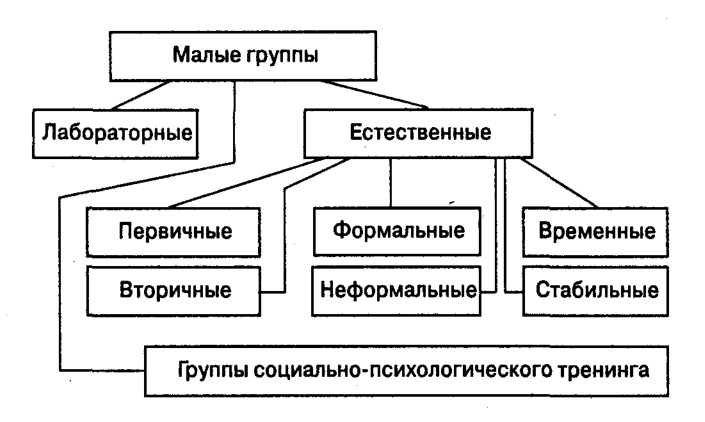

Рис. 21-1. Виды малых групп

Рис. 21-2. Неформальная малая группа

По времени существования выделяются группы временные, в рамках которых объединение индивидов ограничено во времени (участники групповой дискуссии или соседи по купе в поезде), и стабильные, относительное постоянство существования которых определяется их предназначением и долговременными целями функционирования (семья, трудовые и учебные группы).

В зависимости от степени произвольности решения индивидом вопроса о вхождении в ту или иную группу, участии в ее жизнедеятельности и уходе из нее группы делятся на открытые и закрытые.

С практической точки зрения особый интерес представляют группы социально-психологического тренинга и психокоррекционные — временные группы, специально создаваемые для формирования навыков эффективного общения, взаимопонимания и решения психологических проблем под руководством психолога-тренера (Рудестам К., 1997).

Системный подход в исследовании психологии малых групп и коллективов предполагает анализ многообразия связей и отношений в малых группах, которые должны рассматриваться одновременно и как субъекты совместной деятельности, и как субъекты общения и межличностных отношений («Совместная деятельность», 1988).

Структура малой группы — это совокупность связей, складывающихся в ней между индивидами. Поскольку основными сферами активности индивидов в малой группе являются совместная деятельность и общение, при исследовании малых групп наиболее часто выделяют структуру связей и отношений, порождаемых совместной деятельностью (функциональных, организационных,

экономических, управленческих), и структуру связей, порождаемых общением и психологическими отношениями (коммуникативную структуру, структуру эмоциональных отношений, ролевую и неформально-статусную структуру).

При исследовании формальных групп и организаций вслед за Э. Мэйо принято выделять формальную и неформальную структуру группы. Для изучения неформальной структуры малой группы наиболее часто используют метод социометрии, предложенный Д. Морено. Основными характеристиками неформальной структуры малой группы, выявляемыми с помощью социометрии, являются:

- социометрический статус членов группы, т. е. положение, которое они занимают в системе межличностных предпочтений и отклонений;
- характеристики взаимных предпочтений и отклонений;
- наличие микрогрупп, члены которых связаны отношениями взаимных предпочтений, и характер отношений между ними;
- относительное число взаимных предпочтений (так называемая социометрическая сплоченность группы) (рис. 21-3).

Рис. 21-3. Социограмма-мишень, представляющая взаимоотношения в группе, состоящей из 11 человек

Коммуникативная структура малой группы — это совокупность связей между индивидами. В этой структуре особое значение имеют:

- положение, которое индивиды занимают в системе коммуникаций (доступ к получению и передаче информации, циркулирующей в группе, объем информации, важной для осуществления жизнедеятельности группы);
- направленность и интенсивность коммуникаций в группе.

В группах с централизованными коммуникативными структурами коммуникации осуществляются через одного индивида, занимающего центральную позицию. Это способствует повышению управляемости группы и более быстрому решению простых задач. В группах с децентрализованными коммуникативными структурами возможности индивидов участвовать в коммуникациях распределены более равномерно. Такие группы успешнее решают сложные и творческие задачи, в них выше удовлетворенность индивидов членством в группе (рис. 21-4).

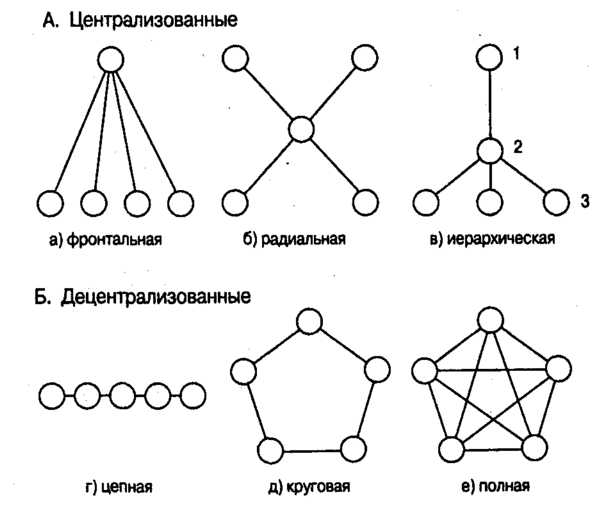

Рис. 21-4. Типы коммуникативных структур малых групп

Ролевая структура малой группы — это совокупность отношений между индивидами. В этой структуре особое значение имеет распределение групповых ролей, т. е. типичных способов поведения, предписываемых, ожидаемых и реализуемых участниками группового процесса. Так, при анализе группового решения задач выделяются роли «генератора идей», «критика», «мотиватора» и т. д. При анализе деятельности психокоррекционных групп выделяются роли «объединителя», «козла отпущения», «сектанта» и т. д. В наиболее общем виде при анализе процесса взаимодействия в группе выделяются роли, связанные с решением задач, и роли, связанные с оказанием поддержки другим членам группы (табл. 21.1). Анализ ролевой структуры малой группы позволяет определить, какие именно ролевые функции и в какой степени реализуются участниками группового взаимодействия.

Структура социальной власти и влияния в малой группе — это совокупность связей между индивидами, характеризуемая направленностью и интенсивностью их взаимного влияния. В зависимости от способа осуществления влияния выделяют различные типы социальной власти: вознаграждения, принуждения, легитимной, экспертной и референтной (Д. Френч, Б. Равен). Основными характеристиками структуры социальной власти и влияния являются системы связей, лежащих в основе руководства группой как официально закрепленного социального влияния (если речь идет о формально организованной группе) и как неофициального (неформального) влияния, в основе которого лежит феномен лидерства.

Таблица 21.1

Роли, связанные с решением задач и оказанием поддержки

(адаптировано из Benne and Sheats, 1948, из книги: Рудестам К. Групповая психотерапия. — СПб.: Питер, 1997)

Решение задач	Оказание поддержки
Инициатор	*Вдохновитель*
Предлагает новые идеи и подходы к проблемам и целям группы. Предлагает способы преодоления трудностей и решения задач.	Поддерживает начинания других, выказывает понимание чужих идей и мнений.
Разработчик	*Гармонизатор*
Детально прорабатывает идеи и предложения, выдвинутые другими членами группы.	Служит посредником в ситуациях, когда между членами группы возникают разногласия, и таким образом сохраняет в группе гармонию.
Координатор	*Примиритель*
Комбинирует идеи и предложения и пытается координировать деятельность других членов группы.	Поступается в чем-то своим мнением, чтобы привести в соответствие мнения других, и таким образом поддерживает в группе гармонию.

Контролер Направляет группу к ее целям, подводит итог того, что в ней уже произошло, выявляет отклонения и от намеченного курса.	*Диспетчер* Создает возможности для общения, побуждая к нему других членов группы и помогая им, и регулирует процессы общения.
Оценщик Критически оценивает работу группы и предложения других, сравнивая их с существующими стандартами выполнения поставленной задачи	*Нормировщик* Формулирует или применяет стандарты для оценки происходящих в группе процессов.
Погонщик Стимулирует группу и подталкивает ее членов к действиям, к новым решениям и к тому, чтобы сделать больше уже сделанного.	*Ведомый* Пассивно следует за группой. Выступает в роли зрителя и слушателя в групповых дискуссиях и при принятии решений.

21.2. Лидерство в малых группах

Лидерство в малой группе — это феномен воздействия или влияния индивида на мнения, оценки, отношения и поведение группы в целом или отдельных ее членов.

Основными признаками лидерства являются:

- более высокая активность и инициативность индивида при решении группой совместных задач;
- большая информированность о решаемой задаче, о членах группы и о ситуации в целом;
- более выраженная способность оказывать влияние на других членов группы;
- большее соответствие поведения социальным установкам, ценностям и нормам, принятым в данной группе;
- большая выраженность личных качеств, эталонных для данной группы.

Основные функции лидера — организация совместной жизнедеятельности в различных ее сферах, выработка и поддержание групповых норм, внешнее представительство группы во взаимоотношениях с другими группами, принятие ответственности за результаты групповой деятельности, установление и поддержание благоприятных социально-психологических отношений в группе.

В соответствии с выделением двух основных сфер жизнедеятельности малой группы — деловой, связанной с осуществлением совместной деятельности и решением групповых задач, и эмоциональной, связанной с процессом общения и развития психологических отношений между членами группы, — выделяют два основных вида лидерства — лидерство в деловой сфере («инструментальное лидерство») и лидерство в эмоциональной сфере («экспрессивное лидерство»). Эти два вида лидерства могут быть персонифицированы в одном лице, но чаще они распределяются между разными членами группы. В зависимости от степени выраженности направленности на ту или иную сферу жизнедеятельности группы можно выделить типы лидеров, ориентированных:

- на решение групповых задач;
- на общение и взаимоотношения в группе;
- универсальных лидеров.

Внутри каждой из сфер групповой жизнедеятельности могут быть выделены более дифференцированные виды лидеров: лидер-организатор, лидер-специалист, лидер-мотиватор, лидер-генератор эмоционального настроя и т. д.

Феномен лидерства определяется взаимодействием ряда переменных, основными из которых являются психологические характеристики личности самого лидера, социально-психологические характеристики членов малой группы, характер решаемых задач и особенности ситуации, в которой находится группа.

- **Лидерство — феномен воздействия или влияния индивида на мнения, оценки, отношения и поведение группы в целом или отдельных ее членов.**

В настоящее время имеются серьезные возражения по поводу существования универсального набора психологических качеств, делающих человека лидером. В частности, Р. Стогдилл, проведя комплексный обзор исследований в области лидерства, отмечает, что изучение личностных качеств лидеров дает противоречивые результаты. К числу наиболее часто упоминаемых исследователями личных качеств эффективных лидеров относятся интеллект, стремление к знаниям, доминантность, уверенность в себе, эмоциональная уравновешенность, стрессоустойчивость, креативность, стремление к достижению, предприимчивость, надежность, ответственность, независимость, общительность.

Однако, как показывают исследования, взаимосвязь между степенью выраженности отдельных качеств и эффективностью лидерства носит неоднозначный характер, в разных ситуациях эффективные лидеры обнаруживают разные качества. Р. Стогдилл сделал вывод, что не существует такого набора личных качеств, который присутствует у всех эффективных лидеров, и что структура личных качеств лидера должна соотноситься с личными качествами членов группы, содержанием групповой деятельности и конкретными решаемыми задачами.

Представители поведенческого подхода к исследованию лидерства считают, что лидером становится человек, который обладает нужной формой поведения. В рамках этого подхода были выполнены многочисленные исследования стилей лидерства и разработаны их классификации.

Наибольшую известность получили классификации стилей лидерства К. Левина, описавшего автократический, демократический и либеральный стили лидерства, и Р. Лайкерта, выделявшего стиль лидерства, ориентированный на задачу, и стиль лидерства, ориентированный на человека. Результаты эмпирических исследований свидетельствуют об отсутствии однозначной связи между характеристиками стиля лидерства и его эффективностью.

Сторонники ситуационного подхода (Ф. Фидлер, Т. Митчел, Р. Хаус, П. Херси, К. Бланшар) пришли к выводу, что эффективность лидерства определяется соответствием качеств лидера и особенностей его поведения в ситуации (по характеру решаемой задачи, степени благоприятности отношений лидера с членами группы, величине реальной власти, которой обладает лидер в группе и др.). Ф. Фидлер обнаружил интересную закономерность: стиль лидерства, ориентированный на задачу, чаще эффективен в наиболее и наименее благоприятных ситуациях, а стиль, ориентированный на человека, — в умеренно благоприятных условиях.

21.3. Конформизм и групповое давление

Конформизм (от лат. *conformis* — подобный) — это изменение мнений, установок и поведения индивидов под влиянием окружающих. В классических экспериментах М. Шерифа, С. Аша, Р. Кратчфилда и С. Милграма было показано, что под влиянием высказываний и поведения, демонстрируемых специально проинструктированными испытуемыми (так называемой подставной группой), значительная часть участников эксперимента изменяла свои первоначальные суждения, оценки и поведение.

С. Е. Аш (род. 1907)

Групповое давление - это процесс влияния установок, норм, ценностей и поведения членов группы на мнения и поведение индивида. Нормативное влияние характеризуется принятием индивидом мнения большинства в качестве групповой нормы, зависимостью индивида от группы и его стремлением к

согласованию своего поведения и своих установок с поведением и установками группы. Информационное влияние характеризуется влиянием других членов группы как источника информации, важной для принятия решения и учитываемой индивидом.

Внешний конформизм (уступчивость, приспособление) характеризуется внешним согласием с мнением группы или поведением, соответствующим групповым нормам, при котором внутренне индивид проявляет несогласие, но не демонстрирует его, чтобы не вступать в открытую конфронтацию с группой. Внутренний конформизм (одобрение, согласие) характеризуется изменением первоначальной позиции индивида в пользу группы.

Внешне сходное «конформное» поведение может иметь в своей основе принципиально разные психологические механизмы. Психологическими механизмами внутреннего конформизма могут служить идентификация (полное или частичное уподобление индивида партнеру по взаимодействию или группе в целом в силу позитивного эмоционального отношения к ним) и интернализация, т. е. внутреннее усвоение установок и ценностей других индивидов или группы в целом, принятие их как своих собственных.

- **Конформизм — изменение мнений, установок и поведения индивидов под влиянием окружающих.**

Групповое давление —процесс влияния установок, норм, ценностей и поведения членов группы на мнения и поведение индивида.

21.4. Развитие малой группы

Развитие малой группы представляет собой процесс смены этапов, или стадий, различающихся по характеру доминирующих тенденций во внутригрупповых отношениях: дифференциации и интеграции.

В концепции Л. И. Уманского (1980) поэтапное развитие группы характеризуется последовательной сменой стадий, различающихся степенью психологической интегрированности в деловой и эмоциональной сферах. Номинальная группа характеризуется внешним, формальным объединением индивидов вокруг поставленных социальных задач. Группа-ассоциация характеризуется межличностной интеграцией в сфере эмоциональных отношений. Группа-кооперация характеризуется преобладанием интегративных тенденций в сфере деловых отношений. Группа-автономия обладает высоким внутренним единством как в сфере деловых, так и в сфере эмоциональных отношений. Изоляция группы и концентрация активности ее членов на узкогрупповых целях приводит к формированию группы-корпорации. Отличительной особенностью коллектива является его интеграция с другими группами на основе направленности на более широкие социально значимые цели. Динамика коллективообразования представляет собой сложный процесс, включающий как этапы быстрого продвижения по уровням, так и периоды длительного пребывания на одном и том же уровне и даже его снижения. В этом случае группы могут характеризоваться внутренней антипатией, эгоизмом в межличностных отношениях («интраэгоизм», по Л. У. Уманскому), конфликтностью, агрессивностью как формами проявления дезинтеграции.

Модель развития малой группы, предложенная американским психологом Б. Такменом, основана на выделении двух основных сфер, или измерений, групповой жизнедеятельности: деловой, связанной с решением групповой задачи, и межличностной, связанной с развитием групповой структуры.

В сфере деловой активности Б. Такмен выделяет следующие стадии:

1) ориентировка в задаче и поиск оптимального способа ее решения;

2) эмоциональные реакции на требования задачи, противодействие членов группы требованиям, предъявляемым к ним в связи с решением задачи и противоречащим их собственным намерениям;

3) открытый обмен информацией с целью достижения более глубокого понимания намерений друг друга и поиска альтернатив;

4) принятие решения и активные совместные действия по его реализации.

В сфере межличностной активности Б. Такмен выделяет такие стадии:

1) «проверка и зависимость», ориентировка членов группы в характере действий друг друга и поиск взаимоприемлемого поведения;

'2) «внутренний конфликт», связанный с нарушением взаимодействия и отсутствием единства в группе;

3) «развитие групповой сплоченности», преодоление разногласий и разрешение конфликтов;

4) «функционально-ролевая согласованность», связанная с образованием ролевой структуры группы,

соответствующей содержанию групповой задачи (Кричевский Р. Л., Дубовская Е. М., 1991, с. 52-53).

Выделяют следующие психологические механизмы развития малой группы:

1. Разрешение внутригрупповых противоречий: между растущими потенциальными возможностями и реально выполняемой деятельностью, между растущим стремлением индивидов к самореализации и усиливающейся тенденцией интеграции с группой.
2. «Психологический обмен» — предоставление группой более высокого психологического статуса индивидам в ответ на более высокий вклад в ее жизнедеятельность.
3. «Идиосинкразический кредит» — предоставление группой высокостатусным ее членам возможности отклоняться от групповых норм, вносить изменения в жизнедеятельность группы при условии, что они будут способствовать более полному достижению ее целей.

21.5. Психология межгруппового взаимодействия

Предметом исследования психологии межгруппового взаимодействия являются психологические закономерности поведения и взаимодействия между людьми, обусловленные их принадлежностью к тем или иным социальным группам (большим или малым).

Одним из первых ученых, обративших внимание на психологические закономерности отношений между группами, был У. Самнер, описавший в опубликованной в 1906 г. работе «Народные обычаи» феномен этноцентризма. *Этноцентризм* - это свойство сознания этнической группы, связанное с преувеличением положительно оцениваемых характеристик собственной этнической группы, ценности и нормы которой выступают центром, критерием оценки всех других групп. Этноцентризм проявляется в чувстве превосходства своей этнической и культурной группы и одновременной неприязни, враждебности по отошению к другим группам.

- **Этноцентризм — свойство сознания этнической группы, связанное с преувеличением положительно оцениваемых характеристик собственной этнической группы, ценности и нормы которой выступают центром, критерием оценки всех других групп.**

Отличительной особенностью межгрупповых отношений является субъективность, пристрастность межгруппового восприятия и оценивания, которая проявляется в таких феноменах, как стереотипы и предрассудки (Майерс Д., 1997).

Исследования, посвященные психологии межгрупповых отношений, можно объединить в рамках основных подходов (Агеев В. С., 1990). Т. Адорно показал, что враждебное отношение к представителям других этнических групп связано с определенным набором психологических качеств, характерных для так называемой авторитарной личности:

- установка на неукоснительное почитание внутригрупповых авторитетов;
- чрезмерная озабоченность вопросами статуса и власти;
- стереотипность суждений и оценок;
- нетерпимость к неопределенности;
- склонность подчиняться людям, наделенным властью;
- нетерпимость к тем, кто находится на более низком статусном уровне.

И. Берковитц продемонстрировал в своих исследованиях феномен генерализации агрессии: демонстрация испытуемым фильмов со сценами жестокости приводит к усилению проявлений агрессивности в отношении представителей других групп, сходных с теми, кто выступал в роли источника фрустрации или был жертвой демонстрируемых актов жестокости.

М. Шериф в полевых экспериментах показал, что ситуация конкурентного взаимодействия, в основе которого лежит объективный конфликт интересов, приводит к усилению проявлений межгрупповой агрессии и враждебности и одновременному усилению внутригрупповой сплоченности.

Экспериментальные исследования феномена *внутригруппового фаворитизма* (тенденции оказывать предпочтение своей группе в противовес интересам другой), проведенные Тэджфелом и Д. Тернером, показали, что одного только факта распределения испытуемых на группы, сходные по какому-либо малозначимому признаку, достаточно для того, чтобы индивиды демонстрировали более позитивные установки по отношению к тем, кто, по их мнению, входил в одну группу с ними, и более негативные установки по отношению к тем, кто входил в другую группу.

- **Внутригрупповой фаворитизм — тенденция оказывать предпочтение своей группе в противовес интересам другой.**
Внешнегрупповая дискриминация — тенденция к установлению различий в оценках «своей» и «чужой» группы в пользу «своей».

Теория социальной идентичности Г. Тэджфела и Д. Тернера объясняет феномены внутригруппового фаворитизма и *внешнегрупповой дискриминации* (тенденции к установлению различий в оценках «своей» и «чужой» группы, как правило, в пользу «своей» группы) как результат серии когнитивных процессов, связанных с установлением сходства и различий между представителями различных социальных групп: социальной категоризации, социальной идентификации и социального сравнения.

Социальная категоризация — это когнитивный процесс упорядочения индивидом своего социального окружения путем распределения социальных объектов (в том числе окружающих людей и себя самого) по группам (категориям), имеющим сходство по значимым для индивида критериям. Социальная идентификация — это процесс отнесения индивидом себя к тем или иным социальным категориям, субъективное переживание им своей групповой социальной принадлежности. Социальное сравнение — это процесс соотнесения качественных признаков различных социальных групп, результатом которого является установление различий между ними, т. е. межгрупповая дифференциация.

Внутригрупповой фаворитизм и внешнегрупповая дискриминация являются заключительным звеном в серии когнитивных процессов, их неизбежность диктуется потребностью личности в позитивной социальной идентичности, необходимой для поддержания позитивного образа «Я».

21.6. Психология внутри- и межгрупповых конфликтов

Конфликты в организации — это неотъемлемая составляющая любой современной организации. Конфликт может нести в себе как положительные, так и отрицательные функции. Хотя часто говорят, что определенный уровень конфликта может быть функциональным, большинство рекомендаций по организационным конфликтам преимущественно опирается на методы его разрешения, редукции или минимизации. Но конфликт не обязательно должен устраняться вовсе, скорее им нужно эффективно управлять.

Организационный конфликт — это интерактивное состояние, проявляемое в разногласиях, различиях или несовместимостях между индивидами и группами. Это процесс развития и разрешения противоречивости взаимодействий и взаимоотношений членов организации в контексте организационного функционирования.

- **Организационный конфликт – интерктивное состояние, проявляемое в разногласиях, различиях или несовместимостях между индивидами и групами.**

Организационный конфликт может существовать:

а) на внутригрупповом уровне (руководитель-подчиненный: руководитель-подразделение; между рядовыми членами группы; ролевые конфликты);

б) на межгрупповом уровне (вертикальный — между подразделениями разного уровня организационной структуры; горизонтальный — между подразделениями одного уровня; ролевые — из-за неопределенности взаимопересекающихся сфер ответственности и контроля).

Наиболее частыми причинами конфликтов на межгрупповом уровне являются:

- взаимозависимость производственных задач и целей;
- неопределенность или противоречивость норм и критериев оценки различных видов труда;
- неодинаковые условия труда, оплаты, перспективы роста, предоставления социальных благ;
- конкуренция за ресурсы и фонды;
- различия в профессиональной подготовке, ценностях, образовании, стилях общения, социальном статусе членов разных групп;
- несовершенство межгрупповых каналов коммуникации;
- функционально-ролевая неопределенность.

Существуют различные способы, или стили, поведения для регулирования межличностных конфликтов в организации. Р. Блейк и Дж. Мутон впервые предложили концептуальную схему для

классификации типов, или стилей, управления конфликтами на межличностном уровне, состоящую из пяти типов (принуждение, уход, сглаживание, компромисс, разрешение проблем).

В 1976 г. эта схема была модернизирована К. Томасом. В 1985 г. М. Рахим, используя аналогичную концептуализацию, предложил свою классификацию (рис. 21 -5).

Ориентация на себя		высокая	низкая
Ориентация на других	высокая	интегрирование	уступчивость
		компромисс	
	низкая	доминирование	избегание

Рис. 21-5. Двухпараметрическая модель стилей управления межличностными конфликтами

«Ориентация на себя» означает степень стремления индивида удовлетворить свои потребности и интересы. «Ориентация на других» означает степень стремления или предрасположенности индивида удовлетворять потребности и ожидания других. Комбинации этих параметров дают пять стилей, или способов, управления конфликтами:

1. Интегрирование — высокая ориентация на себя и на других. Этот стиль включает открытость, обмен информацией, выяснение и проверку различий для достижения эффективного решения, приемлемого для обеих сторон.
2. Уступчивость или сглаживание — низкая ориентация на себя и высокая ориентация на других. Этот стиль ассоциируется с попытками преуменьшать важность различий и подчеркивать, акцентировать внимание на общности, совпадениях, чтобы удовлетворить потребности других, пренебрегая своими собственными интересами.
3. Доминирование — высокая ориентация на себя и низкая ориентация на других. Этот стиль идентифицируется с ориентацией «выиграть—проиграть» или с «силовым» поведением с целью добиться победы.
4. Избегание — низкая ориентация на себя и на других. Этот стиль ассоциируется с уходом в сторону, удалением себя (психологически или физически) из ситуации конфликта.
5. Компромисс — средняя ориентация на себя и на других. Этот стиль включает тактику «ты — мне, я — тебе», т. е. обе стороны что-то теряют, чтобы достичь взаимоприемлемого решения.

Вопрос об эффективности стилей длительное время находился в фокусе анализа исследователей. Обычно считается, что интегративный стиль наиболее эффективен. Однако использование разных стилей зависит от конкретных ситуаций. Результаты исследований показывают, что интегративный стиль и в определенной мере компромиссный наиболее приемлемы для управления стратегическими проблемами, а остальные — для тактических или повседневных проблем (Левицкий Р. и др., 1997).

Управление групповыми конфликтами в организациях включает два процесса — диагностику конфликта и выбор и применение стратегии вмешательства (рис. 21-6).

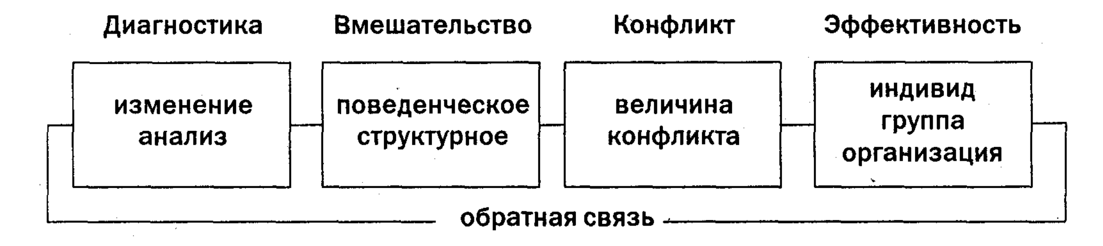

Рис. 21-6. Модель управления организационными конфликтами

Исчерпывающий диагноз включает измерение параметров конфликта и анализ диагностических данных. Измерению подлежат следующие параметры:

1) величина или интенсивность конфликта на индивидуальном, групповом и межгрупповом уровнях;

2) стили управления конфликтами;

3) источники интенсивности и основания выбора стилей;

4) индивидуальная, групповая и организационная эффективность.

Анализ данных включает оценку интенсивности конфликта, классификацию конфликтных стилей по подразделениям и их сопоставление с соответствующими нормами, а также установление взаимосвязи интенсивности конфликта, конфликтных стилей, их источников и эффективности. Диагноз должен дать ответ на вопросы — есть ли необходимость вмешательства и какой конкретно тип стратегии необходимо использовать. Обычно результаты диагноза обсуждаются представительной группой руководителей с привлечением специалистов.

Существует два подхода к выбору и использованию стратегий вмешательства в управлении конфликтами: поведенческий и структурный. В стратегиях вмешательства, ориентированных на поведение, делается акцент на повышение групповой и организационной эффективности через изменение организационной культуры (установок, норм, ценностей, убеждений и т. д.) и, как следствие, поведения. Процедуры вмешательства (Т-тренинг, ролевой анализ, трансактные процедуры, методы группового развития, межгрупповая лаборатория и т. д.) ориентированы на обучение членов организации различным стилям управления конфликтами и диагностике ситуаций, в которых можно использовать эти стили.

В структурных стратегиях повышение эффективности взаимодействия достигается посредством изменения структурных характеристик: механизмов дифференциации и интеграции, систем коммуникации, вознаграждений и наказаний. Здесь используются методы обогащения труда, реструктурирование рабочих мест, социотехнические изменения трудового процесса и т. д.

Вопросы для повторения

1. Дайте определение малой группы, назовите ее основные качественные признаки, перечислите основные виды малых групп.
2. Почему люди объединяются в малые группы? Назовите основные механизмы образования малых групп (формальных и неформальных).
3. Перечислите основные характеристики социометрической структуры малой группы.
4. Расскажите об основных типах коммуникативных структур малой группы.
5. Приведите примеры проявления феноменов группового давления и конформизма.
6. Назовите основные теории и классификации лидерства.
7. Расскажите об основных этапах, которые проходит группа в своем развитии.
8. Расскажите об экспериментальных исследованиях межгруппового взаимодействия.
9. Расскажите об основных феноменах межгруппового взаимодействия.
10. Дайте определение организационного конфликта и его классификацию.
11. Охарактеризуйте способы разрешения конфликтов на межличностном уровне.
12. Раскройте содержание процедуры диагностики групповых конфликтов в организации.
13. Опишите модель управления групповыми конфликтами в организации.
14. Перечислите возможные стратегии управления групповыми конфликтами в организации.

Рекомендуемая литература

Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие: Социально-психологические проблемы. — М.: Изд-во МГУ, 1990. - 239 с.

Андреева Г. М. Социальная психология. — М.: Изд-во МГУ, 1988. — 429 с. — С. 348-367.

Кричевский Р. Л., Дубовская Е. М. Психология малой группы: Теоретический и прикладной аспекты. — М.: Изд-во МГУ, 1991.-205 с.

Майерс Д. Социальная психология / Пер. с англ. В. Гаврилова и др. — СПб.: Питер, 1998. — 682 с. — Гл. 4, 11. — (Мастера психологии).

Рудестам К. Групповая психотерапия / Пер. с англ. А. Голубева. — СПб: Питер, 1998. — 373 с. — (Мастера психологии).

Совместная деятельность в условиях организационно-экономических изменений / Отв. ред. А. Л. Журавлев. - М.: ИП РАН, 1997. - 142 с.

Совместная деятельность: методология, теория, практика / АН СССР; Ин-т психологии; Отв. ред. А. Л. Журавлев, П. Н. Шихирев, Е. В. Шорохова. - М.: Наука, 1988. - 228 с.

Соснин В. А. Автономные рабочие группы: теория и практика метода в исследованиях западной

организационной психологии // Психологический журнал. - 1990. - Т. 11. - № 6. - С. 28-37.
Уманский Л. И. Психология организаторской деятельности школьников. — М.: Просвещение, 1980. — 160 с.

Глава 22. Психология больших социальных групп и массовых явлений

Краткое содержание главы

Психология больших социальных групп. Виды больших социальных групп. Уровни развития больших социальных групп. Психические явления в больших социальных группах.

Психология толпы. Признаки толпы. Виды толп. Формально-структурные характеристики толпы. Психологические особенности поведения человека в толпе.

Массовые явления в больших диффузных группах. Основные признаки большой диффузной группы. Психология слухов. Психология паники.

22.1. Психология больших социальных групп

Каждый человек включен в различные социальные общности, или большие группы. Существуют два вида общностей людей, которые определяют специфические социально-психологические особенности групп. Основанием для разделения этих видов групп служит характер связей. В первом случае — это объективные социальные связи данной общности. Так, социальный класс как большую группу характеризует место, которое он занимает в системе объективных социально-экономических отношений и которое определяется общественным разделением труда. Основанием для выделения нации как социальной группы служит определенная система объективных социальных связей. Для половозрастных общностей существуют реальные социально-демографические характеристики. Принадлежность людей к этим группам не зависит от их воли и сознания. Она определена объективно. К другому типу общностей относятся группы, принадлежность к которым является результатом сознательного стремления людей к объединению на основе общих целей и ценностей. Примерами таких общностей являются профессиональные ассоциации, партии, общественные движения. Психологические явления составляют основание этих объединений. Это — психологические общности.

Большие социальные группы классифицируются и по другим признакам.

По длительности существования выделяют более долговременные (классы, нации) и менее долговременные (митинги, аудитории, толпа) группы. *По характеру организованности* группы делятся на стихийно возникающие (толпа) и сознательно организованные (партии, ассоциации). Можно также говорить об *условных и реальных группах*. При этом существенным считается признак контактности и взаимодействия. Половозрастные и профессиональные группы являются не реальными, а условными. К реальным большим группам с короткими, но тесными контактами относятся митинги и собрания. Большие социальные группы могут быть открытыми и закрытыми. Членство в последних определяется внутренними установлениями групп.

В своем развитии социальные группы проходят ряд этапов. Согласно классификации Г.Г. Дилигенского, таких уровней три.

Первый (самый низкий) уровень — типологический. Он характеризуется тем, что члены-группы объективно сходны между собой по каким-то признакам. Эти признаки могут иметь существенное значение в регуляции их индивидуального поведения, но не становятся основанием для создания психологической общности. Примером служат предприниматели на первых этапах формирования этой социальной группы. Каждый из них занимается своим делом, осуществляя специфический вид деятельности.

Второй уровень характеризуется тем, что члены социальной группы осознают свою принадлежность к данной общности, идентифицируют себя с ее членами. Это уровень идентификации. В примере с предпринимателями этот уровень означает, что они причисляют себя к новой социальной общности.

Третий уровень предполагает, что члены группы осознают общность своих интересов и готовы к совместным действиям во имя коллективных целей. По Дилигенскому, это уровень солидарности.

Данный уровень также можно назвать уровнем интегрированности. Предприниматели, осознавая общность своих интересов, объединяются в ассоциации, союзы, корпорации, устанавливают взаимные контакты с другими объединениями; на общих собраниях, съездах вырабатывают программу, стратегию и тактику деятельности.

Психические явления в больших социальных группах выделяются по сферам психики — когнитивной, потребностно-мотивационной, аффективной и регулятивно-волевой.

К когнитивной сфере относятся коллективные представления, социальное мышление, общественное мнение, общественное сознание и др. Содержание когнитивных процессов определяется общественно-историческим развитием. В историческом процессе меняются механизмы познавательной деятельности. Ярким примером является современное российское общество, претерпевшее глубокие изменения в период коренных социально-экономических и политических преобразований в стране. Известны также особенности восточного и западного стилей мышления.

Мотивационно-потребностная сфера характеризуется общегрупповой мотивацией, групповыми потребностями, интересами, ценностями, целями, установками, идеалами.

Потребности как элемент общественной психологии возникают и развиваются в процессе жизни и деятельности человека. Особый интерес для психологии социальных групп имеет деление групповых потребностей на два вида:

1) потребности группы как данной системы, нуждающейся в определенных условиях своего функционирования;

2) потребности большинства личностей, входящих в данную группу, т. е. типичные для группы потребности.

- **Образ жизни – совокупность устоявшихся типичных форм жизнедеятельности.**

В сравнительном исследовании истории развития психологических особенностей российского крестьянства (Зотова О. И., Новиков В. В., Шорохова Е. В., 1983) были показаны существенные изменения потребностей в разные исторические периоды развития России.

В интересах группы субъективно отражаются материальные условия существования общности. В них выражается направленность психики и деятельности на удовлетворение потребностей. В общественных интересах отражаются потребности общества в целом и отдельных социальных групп. В процессе общественного развития интересы претерпевают изменения. Например, интерес к предпринимательству в России возник в ходе социально-экономических преобразований.

В мотивационной сфере существенное место занимают жизненные ориентации. Они представляют собой систему предпочтений, проявляющихся в осознанном или бессознательном избирательном поведении, выборе и принятии решения в альтернативных условиях. В них выражаются цели деятельности группы, личностей, отношение к будущему. Они определяют предпочитаемую сферу жизнедеятельности.

Идеалы выступают высшей формой побуждения социальной деятельности. Идеал в социально-психологическом плане — это образное отражение какого-нибудь реального или нереального желаемого явления.

Аффективная сфера психологии больших социальных групп включает чувства, эмоции и настроения. Специфическими для больших социальных групп являются социальные чувства. Носителями этих чувств являются объединения людей, социальные общности. В социальных чувствах отражается эмоциональное отношение к фактам, ситуациям, учреждениям социальной действительности. Феномен общественных настроений является одним из важнейших в психологии больших групп, в яркой форме отражающим отношения и оценки людьми состояния объективных процессов, господствующих в обществе в разные периоды развития. Диапазон положительных и отрицательных общественных настроений очень велик. На одном его полюсе могут находиться настроения воодушевления, энтузиазма, оптимизма, на другом — упадка, растерянности, пессимизма.

Регулятивно-волевую, или деятельностную, сферу психологии больших групп составляют коллективная деятельность и групповое поведение. В деятельности больших социальных групп выделяют цели, структуру, субъектов и формы деятельности. По своему социальному назначению существенно различаются профессиональная деятельность и общественная.

Все рассмотренные выше сферы психологии больших социальных групп органически взаимосвязаны. Их своеобразное сочетание в определенных конкретно-исторических условиях

проявляется двояким образом:

1) как характеристика типичной личности представителя определенной общности;

2) как характеристика психического склада общности (народа, класса, нации и т. д.).

Психический склад — это наиболее устойчивое образование в психологии общности. К нему относятся социальный характер, традиции, обычаи. Социальный характер группы определяется специфической культурой, системой знаков, символов, привычек, нравов. Он формируется в конкретных условиях под воздействием социального бытия, той системы ценностей и ориентации, в которых происходит процесс социализации. Социальный характер с определенной логикой детерминирует одни поступки и исключает другие. Традициями называются исторически сложившиеся под влиянием определенных условий жизни узаконенные способы воспроизведения правил, норм поведения, отношений людей. Обычаи — это прочно установившиеся в той или иной социальной группе правила реагирования на конкретные события, осуществления некоторых общественно и личностно значимых событий (особые моменты трудовой деятельности, быта, важные события в жизни человека: рождение, свадьба, праздники и др.) Обычай хранит определенный опыт, является символом определенных ценностей, выработанных обществом, приучает уважать их. Он воспитывает определенное отношение к группе, личности (например, отношение к старшим).

Целостную характеристику психологических особенностей социальных групп представляет *образ жизни* как совокупность устоявшихся типичных форм жизнедеятельности народов, классов, других социальных групп, отдельных людей в материальном и духовном производстве, в общественно-политической и семейно-бытовой сферах. По образу жизни можно определить как люди живут, какими действиями и поступками руководствуются, каково их мышление, потребности, интересы, идеалы, умонастроения, содержание общения, какие цели они преследуют. В образе жизни общности, отдельного человека выражается система их отношений к обществу, труду, другим общностям, другим людям, к себе. Эти отношения многообразными способами отражаются в мировоззрении, ценностных ориентациях, жизненных позициях, социальных установках, потребностях, стиле жизни и поведения. Психологические особенности с разной интенсивностью проявляются у разных социальных групп. Яркие формы они приобретают, например, в психологии наций и этнических общностей.

22.2. Психология толпы

Есть типичные жизненные ситуации и обстоятельства, в которых легко образуется многочисленное скопление людей (толпа). К ним относятся следующие:

— стихийные бедствия (землетрясения, крупные наводнения, пожары);

— общественный транспорт и транспортные узлы (вокзалы, метро и т. д.);

— массовые зрелища (спортивные матчи, эстрадные концерты и т. п.);

— политические акции (митинги, демонстрации, политические выборы, забастовки и другие акции протеста);

— места массовых гуляний и отдыха (стадионы, площади и улицы городов, помещения и площадки для крупных дискотек) и др.

Толпой обычно называют такое скопление людей, которое в той или иной степени соответствует следующим признакам:

— многочисленность (в малочисленных группах с трудом возникают или совсем не возникают типичные психологические феномены толпы);

— высокая контактность, т. е. каждый человек находится на близком расстоянии с другим, фактически входя в персональные пространства;

— эмоциональная возбужденность (типичными психологическими состояниями данной группы являются динамические, неуравновешенные состояния: повышенное эмоциональное возбуждение, волнение людей и т. п.);

— неорганизованность, или стихийность (толпа чаще всего образуется стихийно, изначально имеет слабую организованность);

— отсутствие общей, всеми осознаваемой цели (общая для всех цель, как правило, отсутствует или, при ее наличии, слабо осознается большинством людей; кроме того, цели могут легко утрачиваться, первоначальные цели часто подменяются другими, нередко подставными и т. п.).

Таким образом, под толпой необходимо понимать стихийно возникшее (или утратившее организованность) и характеризующееся отсутствием общей для всех осознанной цели многочисленное скопление людей, находящихся в непосредственных контактах друг с другом и в состоянии повышенного эмоционального возбуждения.

Виды толп. Различные виды толп выделяются на основании того, каким вышеперечисленным признакам они соответствуют или какие новые специфические признаки у них появляются.

По степени активности толпы делятся на пассивные, активные и агрессивные.

Пассивные (спокойные) толпы отличаются прежде всего отсутствием эмоционального возбуждения. В таком состоянии люди слабо связаны друг с другом, они не обмениваются информацией и не могут совершать какие-то совместные действия. Люди, включенные в пассивные толпы, либо спокойно стоят в ожидании чего-то (например, встречающие на вокзале заранее ожидают приходящий поезд или собравшиеся на митинг ожидают его начала), либо хаотично и относительно независимо друг от друга спокойно передвигаются (например, люди, рассматривающие на площади исторические и культурные памятники, или так называемые транспортные толпы, образующиеся в метро или рядом с вокзалами).

Активной толпой является всякая толпа, находящаяся в состоянии разной степени эмоционального возбуждения. Эмоциональная заряженность способствует появлению психологической готовности людей совместно действовать, у них формируются сходные социальные установки на определенные формы поведения, возрастает теснота связей между людьми, интенсивность обмена информацией и т. д. При этом необходимо различать толпы в состоянии установочной (внутренней) активности, которые психологически готовы совместно действовать, но еще не действуют, и реально действующие толпы, т. е. активные и внутренне, и внешне.

В агрессивной толпе уровень эмоционального возбуждения и, соответственно, внутренней и внешней активности существенно возрастает. Здесь принципиально появление нового состояния: накапливается психическое напряжение людей, основанное на возможных чувствах фрустрации, отчаяния, гнева и др. Чтобы толпа перешла из просто активного состояния в агрессивное, необходим всем понятный возбуждающий стимул (например, слух), вызывающий общее возмущение, негодование. И все же главная особенность агрессивной толпы — это деструктивное (разрушительное) поведение по отношению к окружающим предметам и людям. Например, типичными агрессивными толпами нередко становятся группы спортивных болельщиков-фанатов, поведение которых приводит к большим разрушениям на стадионах, улицах, во дворцах спорта.

Толпы, объединенные чувством страха, вызванного опасностью для жизни или нормального функционирования людей, делятся на спасающиеся и панические.

У них много общих характеристик:

— сильное эмоциональное возбуждение, основанное на остром переживании страха;

- низкий уровень осознания своих действий;
- некритичное отношение к обстановке и т. д.

Такие толпы могут возникать в различных общественных местах (театрах, гостиницах и т. п.) в случаях пожаров или другой опасности, на улицах и площадях крупных городов в условиях неожиданно приближающейся природной угрозы (урагана, грозы и т. п.). Однако между ними есть и различия. Панические толпы отличаются от спасающихся прежде всего более высокой степенью угрозы для людей, полной утратой всякой организации; поведение людей походит на механические, автоматически совершаемые действия, а их психическое состояние характеризуется так называемым суженным сознанием, когда люди многое из окружающего не воспринимают и могут вести себя неадекватно. Спасающиеся толпы поддаются некоторой организации. Люди сохраняют остаточную способность к произвольной регуляции своего поведения, что позволяет им быть более адекватными окружающей обстановке, а их поведение сохраняет элементы предсказуемости.

Особым и довольно редко встречающимся видом толпы является стяжательская (иногда ее называют мародерской). Она представляет собой скопление чрезвычайно активно действующих людей, нацеленных на захват различных материальных ценностей, ставших легко доступными в результате стихийных бедствий — землетрясений, наводнениях, крупных пожаров, техногенных катастроф и т. п.

Толпы также могут быть демонстрирующими, т. е. выражающими свое отношение к каким-либо социальным событиям, действиям властей или в целом к условиям жизни. Они могут принципиально различаться друг от друга по степени своей организованности и целенаправленности и в зависимости от этого приобретать или утрачивать признаки толпы. Жизненная практика показывает, что даже тщательно организованные акции, с одной стороны, под влиянием различных факторов или просто со

временем легко могут терять организованность и целенаправленность, а с другой — могут вызвать, не желая того, образование новых толп, затрудняющих организованное проведение этих акций. Поэтому для управления демонстрирующими группами людей целесообразно знать и учитывать психологию толпы.

- **Толпа — стихийно возникшее (или утратившее организованность) и характеризующееся отсутствием общей для всех осознанной цели многочисленное скопление людей, находящихся в непосредственных контактах друг с другом и в состоянии повышенного эмоционального возбуждения.**

Структура толпы. В открытых пространствах толпа формируется кольцеобразно, имея центр, или ядро, и периферийные слои, поэтому в результате нарастания она приобретает форму неправильного круга. В ограниченных пространствах толпа приобретает форму этих пространств, например большие скопления людей на улице по форме похожи на вытянутый эллипс, а движущаяся по улице толпа походит на усеченную пирамиду и т. д.

Величина толпы определяется количеством собравшихся людей. Оценка ее величины есть специальная и практически важная задача, которая решается подготовленными специалистами. (Оценка величины толпы зависит от отношения к ней оценивающего, поэтому точнее всего величину оценивают те, кто нейтрально относится к оцениваемой толпе.)

Плотность толпы определяется числом людей, приходящихся на 1 кв. м, поэтому плотность чаще оценивают сверху прямым взором, с помощью фотосъемки или специальными приборами.

Всякая толпа, как уже говорилось, имеет определенный уровень активности, который оценивается по моторным показателям (наличие и скорость передвижения людей от центра толпы к периферии и наоборот) и информационным показателям (наличие и скорость передачи информации, идущей от центра толпы к периферии и наоборот). Всякая динамика толпы в центробежно-центростремительном направлении свидетельствует о ее активности.

Каждая толпа имеет внутреннюю структуру (состав). Несколько проще выявляется структура толпы по половозрастным признакам, сложнее — по образовательному уровню, имущественному статусу людей или роду их занятий (если нет непосредственно указывающих на это признаков). Наиболее сложно выявлять структуру толпы по интересам, ценностным ориентациям людей, по их отношению к тем или иным социальным нормам и т. д. Однако именно последнее практически наиболее необходимо, так как позволяет заранее выявлять толпы с неоднозначными ценностями. Это является предпосылкой к агрессивному поведению внутри толпы и требует соответствующей профилактики — разведения антагонистически настроенных частей толпы.

Психологические особенности поведения человека в толпе. С давних времен известно, что один и тот же человек в толпе и вне толпы ведет себя по-разному. Поведение человека в толпе характеризуется следующими признаками:

1. Снижение самоконтроля (интернальности). У человека усиливается зависимость от толпы, он неосознанно подчиняется внешнему влиянию большой группы людей, т. е. возрастает экстернальность его поведения и снижается способность к произвольной регуляции собственного поведения.

2. Деиндивидуализация поведения людей в толпе — они постепенно утрачивают индивидуальность своего поведения, как бы уравниваясь, приходя к одному и тому же уровню психологических проявлений в поведении. Разные люди в поведении становятся похожими друг на друга.

3. Неспособность удерживать внимание на одном и том же объекте. Толпа в целом проявляет сниженные интеллектуальные качества, по сравнению с составляющими ее индивидами, взятыми вне толпы. Среди особенностей интеллекта наиболее ярко проявляются возросшая некритичность мышления и легкая переключаемость внимания, которая определяется внешними условиями.

4. Характерные особенности переработки информации. Человек в толпе легко воспринимает разнообразную информацию, быстро перерабатывает ее и распространяет, при этом совершенно непроизвольно искажая, трансформируя воспринятую информацию, то есть порождая слухи.

5. Повышенная внушаемость. Человек в толпе легко может поверить в необычную информацию, заведомо невыполнимые обещания (например, политиков на выборах), следовать невероятным и нередко даже абсурдным призывам, лозунгам и т. п.

6. Повышенная физическая, психофизиологическая и психическая активация. В толпе, особенно в активной, происходит мобилизация всех ресурсов индивида, поэтому человек может проявить такие физические и психологические качества, которые становятся ему недоступными вне толпы, например

поднять что-то тяжелое, быстро бежать, высоко прыгать и т. п.

7. Нетипичность, необычность поведения. По сравнению с привычными условиями, человек часто проявляет неожиданные даже для него самого формы поведения (часто он потом не может поверить, что он совершал какие-то действия). Поэтому поведение человека, как и толпы в целом, характеризуется непредсказуемостью.

Феномен толпы привлекает большой интерес исследователей и практических работников потому, что толпа бывает чрезвычайно опасной, причем как для окружающих, так и для людей в толпе.

22.3. Массовые явления в больших диффузных группах

Под термином «диффузная» понимается рассеянная, распределенная группа, имеющая общие социально-психологические признаки, основными среди которых являются следующие;

- «размытые», т. е. нечетко очерченные границы; ее составляет неопределенная совокупность людей;
- слабая взаимосвязь и лишь эпизодическое взаимодействие; для диффузной группы характерны, во-первых, локальные связи (например, между членами семей, близкими родственниками, соседями или сослуживцами по работе), а во-вторых, опосредованные связи через интересующие информационные источники, отдельных представителей интересуемого социального объекта или через причастность к его действиям;
- высокая динамичность, изменчивость, т. е. состав диффузной группы легко может меняться: люди могут выходить и входить в нее без затруднений, поэтому она относится к числу открытых и высокомобильных групп;
- низкая интегрированность, слабая сплоченность; однако это может не относиться к отдельным локальным ее частям.

Таким образом, *большая диффузная группа* — это многочисленная, но нечетко определенная по составу, высокодинамичная и низкоинтегрированная совокупность людей, лишь локально и опосредствованно связанных друг с другом.

- **Большая диффузная группа— многочисленная, но нечетко определенная по составу, высокодинамичная и низкоинтегрированная совокупность людей, лишь локально и опосредованно связанных друг с другом.**

Примерами большой диффузной группы являются жители того или иного населенного пункта или его части (поселка, района города, города в целом и т. п.), постоянные зрители каких-то конкретных теле- или радиопередач (например, зрители телесериала «Санта-Барбара» или телеигры «Поле чудес» и т. д.), постоянные читатели периодических изданий (газет, журналов и т. п.), спортивные болельщики конкретной команды, почитатели (любители) того или иного театра и т. д.

Психология слухов. Слухи относятся к числу наиболее распространенных массовых явлений в больших диффузных группах, хотя они имеют и более широкое распространение, обязательно возникая в толпах и других больших социальных группах, включая общество в целом. При этом социально-психологические закономерности их возникновения и распространения являются общими.

Во-первых, слухи возникают в связи с важными для людей событиями или значимыми для них социальными объектами (например, о предстоящей денежной реформе или какой-то угрозе для нормальной жизнедеятельности людей). Информация о незначимом или значимом только для узкого круга людей обычно широко не распространяется.

- **Слухи — форма искаженной информации о значимом объекте, циркулирующей в больших диффузных группах в условиях неопределенности и социально-психологической нестабильности.**

Во-вторых, они возникают в условиях неопределенности, когда информация совсем отсутствует, или явно недостаточна, или является противоречивой и тем самым порождает неопределенность (примером является вызвавшая массовые слухи в конце апреля - мае 1986 г. несогласованная информация об уровне радиоактивного загрязнения территорий в результате Чернобыльской катастрофы).

В-третьих, важным условием, способствующим зарождению и распространению слухов, является политическая и экономическая нестабильность в общности, в которую входит интересующая диффузная группа. Это может быть город, регион или общество в целом. Нестабильность, особенно резко меняющиеся условия, порождает массовую тревогу, состояние общего дискомфорта,

неуверенность в своем будущем или будущем своих детей и т. п.

В-четвертых, благоприятным фактором порождения слухов становится желание людей стать свидетелями чего-то необычного в жизни, какой-то сенсации или чуда и т. п. В привычно текущей жизни, узнав информацию о необычном явлении, человек стремится передать ее другим людям — это очень благоприятная почва для зарождения слухов.

Слухи — это форма искаженной информации о значимом объекте, циркулирующей в больших диффузных группах в условиях неопределенности и социально-психологической нестабильности.

Слухи помогают человеку адаптироваться к изменяющейся социальной среде, выполняя некоторые важные функции:

- слухи, с одной стороны, удовлетворяют естественную социальную потребность человека в познании окружающего мира, с другой — стимулируют эту потребность;
- слухи в значительной степени снимают или по меньшей мере снижают неопределенность, в которой человек не может пребывать длительное время, т. е. слухи делают социальную среду для человека субъективно более ясной, понятной;
- слухи не только помогают человеку сориентироваться в ситуации, но и регулируют его поведение, которое в соответствии с ней может изменяться;
- социальный опыт человека показывает, что нередко слухи возникают вокруг событий, которые отсроченно могут состояться, хотя и не в том варианте, который составлял их содержание; в этом реализуется функция предвосхищения социальных событий, что помогает человеку что-то предусмотреть, внести коррективы либо в свои представления, в отношения к социальным явлениям, либо в реальное поведение.

Рис. 22-1. Эмоциональное заражение в большой сплоченной группе. Болельщики на стадионе «Динамо»

Общая стратегия профилактики слухов состоит в том, чтобы противодействовать условиям, способствующим их возникновению и распространению. Поэтому, учитывая вышеописанные благоприятные для слухов условия, необходимо следующее:

- добиваться высокой степени информированности больших диффузных групп о наиболее важных для них событиях; информация при этом должна быть доступной для понимания и непротиворечивой, что позволит снимать неопределенность, в экстремальных же условиях необходимо организовать регулярную работу специальных источников информации;
- целенаправленно снижать значимость тех социальных объектов, событий или явлений, вокруг которых прогнозируется возникновение слухов (такая работа, например, проводилась российским телевидением перед деноминацией рубля в 1998 г.);
- позитивное профилактическое воздействие на слухи оказывают условия политической, экономической, межнациональной стабильности и устойчивости развития тех общностей, в которые входят большие диффузные группы (город, регион или общество в целом); это существенно снижает состояние тревоги, напряженности людей и предотвращает слухи;
- в ситуациях, когда слухи уже возникли, важно выяснить их действительные причины и только после этого проводить разъяснительную работу, сделать эти причины достоянием людей, которые легче поймут и объяснят для себя складывающуюся социальную ситуацию и будут к ней относиться менее

эмоционально;

- в благоприятных для слухов условиях появляются их активные распространители (число и уровень их активности увеличиваются с возрастанием степени экстремальности условия жизни людей), которые могут представлять серьезную угрозу, поэтому необходимо выявлять распространителей слухов и нейтрализовывать их влияние на группу.

Таким образом, практическая задача управления слухами становится наиболее важной в любых условиях, опасных для нормального проживания людей, а именно: предвоенная и военная обстановка, различные стихийные бедствия, техногенные катастрофы, крупные аварии, места большого скопления людей и т. п. В таких условиях важны определенность воспринимаемой обстановки и упорядоченность действий людей.

Психология паники. Наиболее важными характеристиками паники являются следующие:

- паника возникает, как и всякое массовое явление, в группах большой численности (толпе, многочисленной диффузной группе, массовом скоплении людей);
- паника вызывается чувством неуправляемого страха, основанного на реальной или мнимой угрозе;
- паника — это чаще всего стихийно возникающее, неорганизованное состояние и поведение людей;
- для людей в паническом состоянии характерна так называемая поведенческая неопределенность (состояние растерянности, хаотичность в действиях и неадекватность поведения в целом).

- **Паника — стихийно возникающее состояние и поведение большой совокупности людей, находящихся в условиях поведенческой неопределенности в повышенном эмоциональном возбуждении от бесконтрольного чувства страха.**

Паника — это стихийно возникающее состояние и поведение большой совокупности людей, находящихся в условиях поведенческой неопределенности в повышенном эмоциональном возбуждении от бесконтрольного чувства страха. Известно, что паника возникает далеко не во всяком скоплении людей; решающим становится сочетание многих условий, действие различных факторов, наиболее важными среди которых являются следующие:

1. Общая психологическая атмосфера тревоги и неуверенности большой группы людей в случаях опасности или в результате продолжительного периода переживания негативных эмоций и чувств (например, жизнь под регулярными бомбежками). Такая атмосфера является предпанической, т. е. предшествующей и способствующей возникновению паники.
2. Одним из решающих факторов является наличие возбуждающих и стимулирующих панику слухов, например подогревающих предстоящую опасность или степень ее негативных последствий (так нередко было на радиоактивно загрязненных территориях после Чернобыльской катастрофы).
3. Принципиальными оказываются личностные качества людей и наличие предрасположенных к панике, так называемых паникеров. Очень важным условием возникновения паники становится доля таких людей в большой группе. Известно, что иногда достаточно и 1 % паникующих, чтобы паникой была охвачена вся многочисленная группа людей.
4. Паника возникает при стечении не только общих, но и разнообразных частных и конкретных условий жизни большой группы в каждый конкретный период времени. Такие стечения обстоятельств предусматривать сложнее всего ввиду многочисленности характеристик физической и социальной среды.

Психологические особенности поведения людей в условиях паники были изучены в классическом исследовании X. Кэнтрила, посвященном изучению массовой паники в США в 1938 г., вызванной радиоспектаклем «Вторжение с Марса» (по Г. Уэллсу). Около 1 млн американцев восприняли эту радиопередачу как репортаж с места событий. В результате исследования были выделены четыре группы людей, в разной степени поддавшихся панике. Первую группу составили те, которые испытали легкое чувство страха, но засомневались в реальности таких событий и, подумав, самостоятельно пришли к выводу о невозможности вторжения марсиан. Вторая группа включала тех, кто в состоянии переживаемого страха не смог самостоятельно решить, поэтому попытался проверить с помощью других реальность этих событий (обращались к соседям, знакомым, на радио и т. п.) и только после этого приходили к отрицательному заключению. В третью группу вошли те, кто, испытав сильное чувство страха, не смог проверить реальность происходившего с помощью других, поэтому оставался при своем первом впечатлении о полной реальности вторжения марсиан. И четвертую группу составили те, кто сразу паниковал, даже не пытаясь что-то узнать, уточнить или проверить.

Возникновение панических состояний оказалось связанным с целым рядом характеристик людей, особенно важными среди которых являются социально-демографические признаки. Высокий уровень образованности, информированность о космических явлениях тормозили развитие панических состояний. Обратные характеристики, т. е. низкий уровень образованности и информированности, способствовали паническим настроениям людей. Другим важным признаком оказался имущественный статус: чаще паниковали люди из плохо обеспеченных семей, с низким уровнем материального благосостояния. При этом оказал влияние не сам по себе статус, а общие чувства тревожности, неуверенности, составляющие психологическую готовность такого класса людей к паническому восприятию событий. Важными были также половозрастные признаки: женщины и дети испытывали более сильный страх и намного легче поддавались панике. Наряду с социально-демографическими характеристиками существенную роль играют психологические свойства личности, особенно такие, как некритичность мышления, выраженная личностная тревожность и повышенная внушаемость — качества, предрасполагающие к возникновению панических состояний.

Вопросы для повторения

1. На какие виды разделяются большие социальные группы?
2. Дайте характеристику уровням развития больших групп.
3. Какие основные сферы психических явлений характеризуют большие группы?
4. В каких формах проявляется психология больших социальных групп?
5. Какие признаки характеризуют толпу как социальную группу?
6. Назовите основные виды толпы.
7. Чем отличаются панические толпы от спасающихся?
8. Что относится к формально-структурным характеристикам толпы?
9. С какой целью необходимо выявлять внутреннюю структуру толпы?
10. Чем наиболее принципиально различается поведение человека в толпе и вне толпы?
11. Что понимается под большой диффузной группой?
12. Какие социальные условия являются благоприятными для возникновения слухов в больших группах?
13. В чем состоят основные функции слухов?
14. Какими способами осуществляется профилактика слухов в больших группах?
15. Что характеризует панику как социально-психологическое явление?
16. Какие социальные условия способствуют возникновению паники в больших социальных группах?
17. На какие группы (типы) разделяются люди по их поведению в условиях паники?
18. Что предрасполагает к возникновению панических состояний людей?

Рекомендуемая литература

Дилигенский Г. Г. Некоторые методологические проблемы исследования психологии больших групп // Методологические проблемы социальной психологии / Отв. ред. Е. В. Шорохова. — М.: Наука, 1975. — 295 с.- С.196-205.

Зотова О. И. и др. Особенности психологии крестьянства. Прошлое и настоящее / О. И. Зотова, В. В Новиков, Е. В. Шорохова - М.: Наука, 1983. - 168 с.

Кэнтрил Х. Чудовища вокруг нас // Страх: Антология. Философия маргиналии проф. П. Гуревича / Сост. П. С. Гуревич. - М.: Алетейа, 1998. - 402 с. - С. 52-70. - (Страсти человеческие).

Маккей Ч. Наиболее распространенные заблуждения и безумства толпы. — М.: АЛЬПИНА, 1998. — 332 с.

Московичи С. Век толп: Исторический трактат по психологии масс / Пер. с фр.; Предисл. А. В. Брушлинского; ИП РАН, Дом наук о человеке (Франция). — М.: Центр психологии и психотерапии, 1996. -478с.

Парыгин Б. Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории / ИГУП. — СПб.: ИГУП, 1999. - 134 с.

Психология масс: Хрестоматия. — Самара: БАХРАХ, 1998.

Психология толп / Сост. А. Бовиков. - М.: Институт психологии РАН, 1998. - 412 с.

Рощин С. К. Психология толпы: анализ прошлых исследований и проблемы сегодняшнего дня

//Психологический журнал - 1990. -.Т. 11. - № 5. - С. 3-16.
Современная психология: Справочное руководство / Под ред. В. Н. Дружинина. - М.: Инфра-М, 1999. - 687 с. - (Справочники «ИНФРА-М»).
Социальная психология / Под ред. Е. С. Кузьмина, В. Е. Семенова. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1973. - 167 с.
Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений / РАН, Ин-т психологии; Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова, В. А. Хащенко и др. - М.: ИП РАН, 1998. - 259 с.

ЧАСТЬ IV. ПСИХОЛОГИЯ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Глава 23. Психологические основы профессиоведения

Краткое содержание главы

Психология и труд. Задачи психологии трудовой деятельности. Труд, профессия, специальность. Психологическое содержание труда.

Методы изучения трудовой деятельности. Классификация методов изучения трудовой деятельности. Профессиография/Принципы составления профессиограммы.

Классификация трудовой деятельности. Классификация видов труда. Классификация профессий.

Формирование личности профессионала. Профессионализация субъекта труда. Личность и деятельность. Возрастные и биографические кризисы.

Работоспособность субъекта труда. Структура понятия «работоспособность субъекта труда». Динамика работоспособности. Показатели работоспособности.

Надежность субъекта труда. Профессиональная надежность субъекта труда. Функциональная надежность субъекта труда.

23.1. Психология и труд

В современном обществе возрастает роль психологических знаний о трудовой деятельности человека в связи с особенностями социально-экономического и технического развития всех сфер и форм нашей жизни, увеличением сложности, ответственности и опасности многих видов труда, повышением требований к уровню функциональных резервов человека при выполнении профессиональных задач.

Знания психологических закономерностей трудовой деятельности, возможностей и ограничений человека в реализации трудовых задач, законов взаимной адаптации человека и орудий труда являются целью и предметом научно-практической дисциплины «психология трудовой деятельности».

Психология трудовой деятельности — это отрасль психологической науки, изучающая условия, пути и методы научно обоснованного решения практических задач в области функционирования и формирования человека как субъекта труда.

- **Психология трудовой деятельности — отрасль психологической науки, изучающая условия, пути и методы научно обоснованного решения практических задач в области функционирования и формирования человека как субъекта труда.**

Основными задачами психологии трудовой деятельности являются изучение и разработка практических рекомендаций по следующим проблемам:

1) психологические особенности конкретных видов профессиональной деятельности (ее средств, содержания, условий и организации, анализ ошибок, классификация профессий и т. д.);

2) влияние индивидуально-психологических особенностей человека на эффективность, надежность,

безопасность труда;

3) психологические закономерности формирования профессиональной пригодности человека (профориентация, профотбор, профподготовка, адаптация к труду);

4) функциональные состояния субъекта труда (утомление, эмоциональное напряжение, стресс, монотония и др.) и методы их диагностики, профилактики и коррекции;

5) психологические закономерности взаимодействия человека и техники;

6) инженерно-психологическое обеспечение (проектирование, оценка) процесса создания и эксплуатации новой техники и т. д.

Психология трудовой деятельности занимается не только изучением и обоснованием путей, методов и средств совершенствования деятельности, но также исследованием фундаментальных явлений психики человека (формирование субъекта труда, механизмы регуляции состояний, роль личностных особенностей в трудовом поведении, формирование профессиональных способностей и т. д.).

Взаимоотношение психологии и труда как социально-экономического процесса преобразования окружающего мира строятся на основе ряда принципиальных положений о сущности психологии трудовой деятельности:

- она направлена не только на облегчение труда человека, но и стремится сделать его более продуктивным, созидательным, безопасным, приносящим удовлетворение и материальный достаток;

- она стремится приспособить труд к человеку и человека к труду (идея господства человека над природой, техникой, другими людьми спорна, а иногда и абсурдна);

- она отражает существенную изменчивость и значительные индивидуальные различия состояния психики, свойственные разным людям в трудовой деятельности.

Труд, профессия, специальность. *Труд* — это целесообразная деятельность по преобразованию окружающего мира для удовлетворения потребностей человека. Труд является одним из основных видов осознанной активности человека, которая служит средством и способом его самореализации в личной и общественной жизни, общения, познания себя и окружающего мира, развития себя как личности, самоутверждения, создания материальных и духовных ценностей и личного достатка. Достижение указанных целей труда обеспечивается следующими его функциями (рис. 23-1):

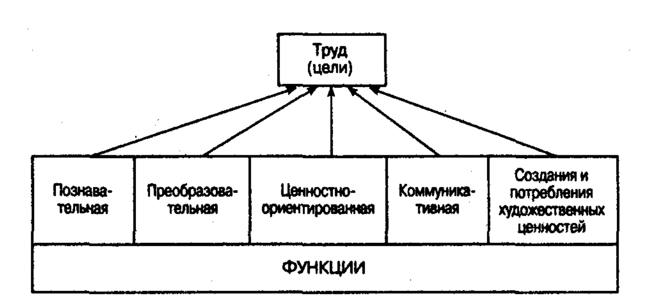

Рис. 23-1. Функции труда

- **Труд — деятельность по преобразованию окружающего мира с целью удовлетворения потребностей человека.**
Профессия — совокупность форм деятельности, объединенных родственными особенностями.
Специальность — конкретная форма деятельности в рамках определенной профессии.

Реализация функций труда требует создания определенных предпосылок для его успешной реализации:

1) отбор людей, наиболее пригодных для конкретной деятельности;

2) профессиональная подготовка;

3) рациональные условия и организация трудового процесса;

4) удобство и эффективность орудий труда;

5) адекватность возможностей человека рабочим нагрузкам;

6) система безопасности труда, сохранения профессионального здоровья и долголетия, психологической поддержки работоспособности.

Труд (его содержание, условия, цели) должен способствовать развитию личности человека, приносить ему радость и удовлетворение достигнутыми результатами. В психологии является

доказанным и приобрело силу аксиомы утверждение, чти «психика человека проявляется и формируется в деятельности. Развитие личности... происходит не в любой деятельности, но в нормально напряженной за счет инициативы, активности, мотивов субъекта этой деятельности...» (Климов Е. А., 1996). Труд — это процесс реализации человеческих ресурсов в области психологических, физиологических, профессиональных и других функциональных возможностей человека, величина которых неодинакова у разных людей и меняется в зависимости от возраста, профессиональной подготовленности, состояния здоровья и т. д.

Решение многих прикладных задач по совершенствованию трудовой деятельности, а также изучение фундаментальных явлений психической активности человека связаны с необходимостью рассмотрения особенностей взаимосвязи различных компонентов структуры трудовой деятельности (рис. 23-2).

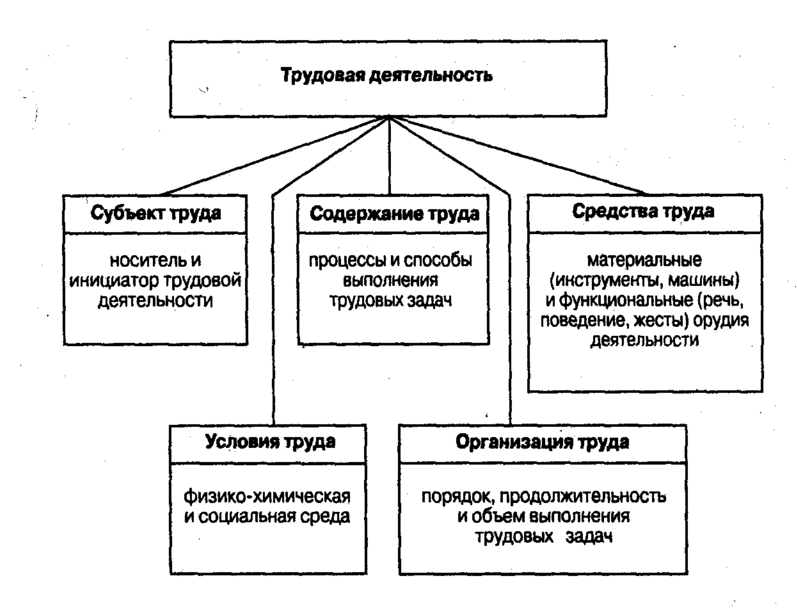

Рис. 23-2. Структура компонентов трудовой деятельности

Представленная на рисунке схема совокупного субъекта трудовой деятельности носит название эрготической системы (от греч. εργον — работа).

Особенности конкретной профессии отражают содержание определенной трудовой деятельности, хотя ее элементы могут быть присущи и другим профессиям, а само содержание понятия профессия не сводится только к характеристике сущности данной деятельности. *Профессия* — это совокупность форм деятельности, объединенных родственными особенностями объекта, содержания, средств, организации, результата труда и требованиями к подготовке субъекта труда. В этом понятии отражены разные уровни и различные стороны конкретных видов трудовой деятельности:

1) объект и предмет труда, его содержание, условия и организация;

2) целевая функция и характер результата труда;

3) особенности субъекта труда — его знания, навыки, умения, способности;

4) экономические и социальные стороны — трудоустройство, удовлетворение материальных потребностей, утверждение социального статуса;

5) вид деятельности, характерный для совокупности людей, объединенных единой направленностью, занятых в единой предметной области.

Специальность — это конкретная форма деятельности, которая характеризуется специфическими особенностями целей, процесса, средств труда и профессиональной подготовки субъекта труда. Понятие «специальность» обычно используется для характеристики относительно частного и более конкретного вида деятельности (внутри профессии), что отражает возможность более или менее дробного разделения труда (например, профессия — врач, специальность — терапевт, хирург, окулист и т. д.).

Психологическое содержание труда. Каждый конкретный вид трудовой деятельности реализуется определенным нормативно одобренным (наиболее эффективным, экономичным) способом. В процессе освоения профессии человек превращает этот предписанный способ в индивидуальный, присущий

только ему способ деятельности, отражая в нем свои личные особенности, в том числе и психологические. Внутренней, интимной стороной овладения профессией является формирование на основе индивидуальных качеств субъекта труда *психологической системы деятельности* как совокупности психических свойств, качеств субъекта труда, организованной для выполнения функций конкретной деятельности.

- **Психологическая система деятельности — совокупность психических свойств, качеств субъекта труда, организованная для выполнения функций конкретной деятельности.**

Развитие психологической системы деятельности происходит как в процессе профессиональной подготовки субъекта труда, так и при последующем становлении профессионала, его совершенствовании. Формирование этой системы означает включение в процесс освоения деятельности профессионально значимых для нее функциональных блоков субъекта, их опредмечивание (наполнение предметным содержанием), ориентация на реализацию конкретных рабочих функций, а также установление и закрепление взаимосвязей между отдельными блоками.

На рис. 23-3 представлена структурная схема функциональных блоков психологической системы деятельности. Она включает:

1) мотивы деятельности, ее побудительные силы (материальные, познавательные, эстетические и т. д.);

2) цели деятельности, которые формируют ее содержание и выражаются в конкретных ожидаемых результатах;

3) программы деятельности, которые отражают представления о реальном ее содержании и процессе;

4) информационная основа деятельности —совокупность информации о ее предметных и субъектных условиях реализации (в форме как реальных сигналов, так и образов, представлений этих сигналов, включая конкретные профессиональные знания);

5) процессы принятия решения — выявление проблемной ситуации, выдвижение гипотез (вариантов решений), определение принципа решения, выработка суждения о вариантах решения, их оценка (выбор наиболее оптимального варианта);

6) психомоторные процессы и рабочие действия реализуют деятельность в форме процедур, моторных актов и участвуют в регуляции деятельности (по механизму обратной связи);

7) профессионально важные качества — психологические особенности субъекта труда, отражающие влияние конкретного трудового процесса на совокупности индивидуально-психологических качеств, функций.

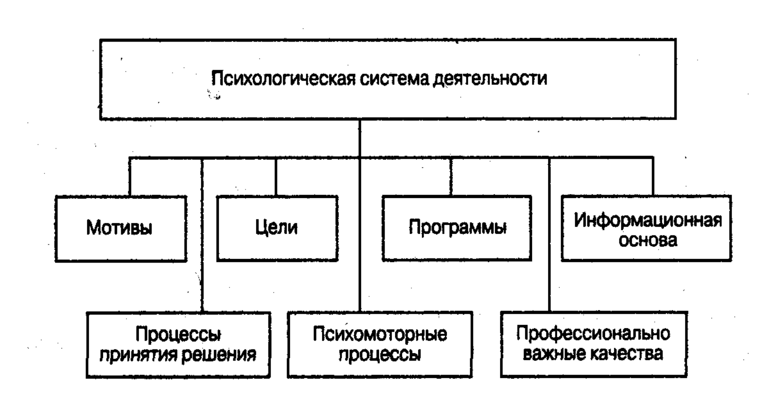

Рис. 23-3. Структурная схема психологической системы деятельности

23.2. Методы изучения трудовой деятельности

Психологическое изучение трудовой деятельности предусматривает использование совокупности методов и частных методических приемов (методик). Познание психологических явлений, закономерностей трудовой деятельности человека и обоснование практических рекомендаций по ее

совершенствованию, обеспечению эффективности и безопасности труда предусматривают получение и использование научных фактов, данных о психологических характеристиках трудовой деятельности. Основным инструментом в этой работе является комплекс конкретных методик психологического исследования, которые можно объединить в следующие классы методов:

1) анализ рабочих документов (руководства, инструкции и т. п.) — для общего ознакомления со спецификой конкретной деятельности;

2) наблюдение за рабочим процессом — для сбора визуальной информации о содержании деятельности;

3) хронометраж — оценка временных параметров трудового процесса;

4) опрос (беседа, анкетирование, экспертные оценки и др.) — получение письменной и устной информации от субъекта труда;

5) самонаблюдение и самоотчет — воспроизведение субъектом труда своих личных впечатлений, суждений, переживаний в связи с выполнением трудовых задач;

6) трудовой метод — информация об особенностях деятельности от экспериментатора, включенного в трудовой процесс;

7) биографический метод — анализ жизненного и профессионального пути;

8) физиолого-гигиенические методы — изучение условий деятельности;

9) эксперимент (естественный и лабораторный) — изучение психологических особенностей субъекта труда (психометрические тесты, личностные опросники, психофизиологические, физиологические и биохимические методы).

Описание перечисленных методов представлено в ряде руководств, справочников, пособий и монографий.

Метод профессиографии. Анализ психологических особенностей трудовой деятельности (профессии) основывается на всестороннем ее изучении и определенной систематизации полученных количественных и качественных данных. Такой комплексный метод изучения и описания содержательных и структурных характеристик профессии в целях установления особенностей взаимоотношения субъекта труда с компонентами деятельности (ее содержанием, средствами, условиями, организацией) и ее функционального обеспечения называется *профессиографией.* Итогом изучения деятельности должна быть ее *профессиограмма* — описание различных объективных характеристик профессии, и *психограмма* — описание психологических характеристик деятельности.

- **Профессиография – комплексный метод изучения и описания содержательных и структурных характеристк профессии.**
  Профессиограмма – описание различных объективных характеристик профессии.
  Психограмма – описание психологических характеристик деятельности.

Составление профессиограммы производится в соответствии со следующими принципами:

1) специфичность (конкретность) описания определенной деятельности;
2) комплексность изучения;
3) динамичность изучения (с учетом развития, изменения деятельности);
4) системность (изучение взаимосвязей и взаимовлияний отдельных характеристик деятельности);
5) идентичность приемов (для корректного сравнения профессий);
6) использование качественно-количественных методов.

Профессиограмма должна содержать характеристику:

— общих сведений о профессии (наименование, назначение, обязанности персонала, показатели результативности труда и т. д.);

— содержания деятельности (анализ основных задач, особенности потоков информации, анализ ошибок и т. д.);

— средств деятельности (тип средств отображения информации и органов управления, их размещение, обзор, досягаемость до рукояток и т. д.);

— условий деятельности (санитарно-гигиенических, социально-психологических, эстетических и т. п.);

— организации деятельности (вид и величина рабочей нагрузки, режим труда и отдыха и т. д.);

— субъекта деятельности (загрузка функций, функциональные состояния, коммуникативные особенности и т. д.);

Психограмма деятельности должна отражать требования и характеристики мотивационных, когнитивных, эмоционально-волевых, характерологических и других профессионально важных качеств субъекта труда.

23.3. Классификация трудовой деятельности

Классификация видов труда. Для каждого этапа развития общества, его социально-экономического уклада, достижений научно-технического прогресса характерно появление новых и отмирание старых видов трудовой деятельности. Этот процесс в значительной степени обусловливается и отражается в изменениях конкретных компонентов деятельности и характеристик субъекта труда (самосознания, самоопределения молодежи и т. д.) и людских ресурсов (численность, качественный состав и т. д.), содержания задач труда, вида рабочих нагрузок, орудий труда, особенностей условий и организации трудового процесса.

Разнообразие характеристик трудовой деятельности определяют возможности многофакторной систематизации (классификации) ее видов по различным классификационным признакам. В качестве примера можно привести один из фрагментов такой классификации.

1. По характеру рабочей нагрузки субъекта труда и его усилий по реализации трудовых задач выделяют физический и умственный труд.

2. По характеристикам цели труда, рабочей нагрузки, организации трудового процесса умственный труд подразделяется на:

— оперативный (управляющий), операторский (информационное взаимодействие с техникой), творческий (стандартный — преподавание, лечебная работа и др., нестандартный — научная работа, сочинение музыкальных, литературных произведений и др.), эвристический (изобретательство);

— динамический и статический;

— однообразный (монотонный) и разнообразный (по содержанию, темпу и т. п.);

3. В зависимости от условий деятельности выделяют труд в комфортных условиях (гигиенические параметры среды в пределах нормативных значений), в необычных условиях при постоянном воздействии неблагоприятных факторов (повышенное давление — водолазные работы, низкие температуры — полярники, информационные перегрузки — диспетчерская работа и т. д.), в экспериментальных условиях (при повышенной ответственности за успех в работе, здоровье людей и сохранность техники, а также при опасности для жизни, вредности для здоровья и т. д.).

4. По форме организации деятельности выделяют следующие виды труда:

— регламентированный (с определенным распорядком работы), нерегламентированный (со свободным распорядком), смешанный (пересменка, вахта);

— индивидуальный и коллективный (совместный).

Совместная деятельность — это организованная система трудовой активности совокупности субъектов труда, объединенных единством мотивов и целей деятельности, ее пространственно-временных условий, управлением и согласованием составляющих ее индивидуальных деятельностей. В современном обществе фактически любая трудовая деятельность по содержанию и форме организации объективно становится все более совместной. Индивидуальную деятельность можно только условно рассматривать как изолированную и замкнутую систему, так как реально она всегда включена в структуру совместной деятельности. Психологическая структура совместной деятельности включает такие ее компоненты, как общая цель и конкретные задачи, общий мотив, совместные действия и общий результат.

Основные признаки совместной деятельности и свойства ее субъекта тесно взаимосвязаны. Среди основных характеристик субъекта совместной деятельности необходимо выделить целенаправленность, мотивированность, уровень целостности, организованность (управляемость), результативность (продуктивность), пространственные и временные особенности условий жизнедеятельности коллективного субъекта (группы).

Классификация профессий. Мир профессий и специальностей очень многообразен и динамичен — по данным отечественных и зарубежных справочников насчитывается от 7 до 35 тысяч их наименований. В психологии для решения ряда научно-практических задач (профориентация, профотбор и др.) требуется систематизация профессий, их распределение и сравнение по каким-либо профессиональным или психологическим признакам (сложность или опасность труда, величина

нагрузки, цели труда, психическая напряженность и т. д.).

Е. А. Климовым предложена «четырехъярусная классификация профессий», которая построена на основе многофакторного принципа.

Первый ярус составляют пять типов профессий по признаку различий их объектных систем:

1) человек—живая природа (Ч-П) — агроном, микробиолог и т. п.;

2) человек—техника (Ч-Т) — слесарь, механик, оператор ЭВМ и т. п.;

3) человек—человек (Ч-Ч) — врач, учитель, продавец и т. п.;

4) человек—знаковая система (Ч-З) — математик, редактор и т. п.;

5) человек—художественный образ (Ч-Х) — дирижер, художник, артист и т. п.

На втором ярусе в пределах каждого типа профессий выделяются три класса по признаку целей труда:

1) гностические (от греч. γνωσιζ— знание) профессии (Г) — дегустатор (Ч-П), контролер (Ч-Т), социолог (Ч-Ч), корректор (Ч-З), искусствовед (Ч-Х) и т. п.;

2) преобразующие профессии (П) — мастер-животновод (Ч-П), токарь (Ч-З), учитель (Ч-Ч), бухгалтер (Ч-З), цветовод-декоратор (Ч-Х) и т. п.;

3) изыскательские профессии (И) — летчик-наблюдатель (Ч-П), инженер-конструктор (Ч-Т), воспитатель (Ч-Ч), программист (Ч-З), композитор (Ч-Х) и т. п.

На третьем ярусе каждый из предыдущих трех классов профессий разделяется на четыре отдела по признаку основных орудий (средств) труда:

1) профессии ручного труда (Р) — контролер слесарных работ (Г - Ч-Т), лаборант химического анализа (Г - Ч-П), ветеринар (П - Ч-П), слесарь (П - Ч-Т) и т. п.;

2) профессии машинно-ручного труда (М) — токарь, водитель автомобиля, машинист экскаватора и т. п.;

3) профессии, связанные с применением автоматических и автоматизированных систем (А) — оператор станков с программным управлением, авиадиспетчер, сменный оператор АЭС и т. п.;

4) профессии, связанные с преобладанием функциональных средств труда (Ф), — актер, акробат и т. п.

На четвертом ярусе в каждом из четырех отделов профессий выделяются четыре группы профессий по признаку условий труда (У):

1) работа в помещении с нормальным микроклиматом (М) — лаборанты, бухгалтеры и т. п.;

2) работа на открытом воздухе (О) — агроном, монтажник, инспектор ГАИ и т. п.;

3) работа в необычных условиях (Н) — водолаз, высотник, шахтер, пожарный и т. п.;

4) работа в условиях повышенной ответственности (М) — воспитатель детсада, учитель, следователь и т. п.

Выделенные четыре группы (яруса) признаков являются частично совпадающими. Предложенная классификация позволяет, во-первых, дать обзорную схему карты мира профессий и, во-вторых, составить (используя условные литерные обозначения) примерную формулу определенной профессии.

Изложенная классификация предназначена не для того, чтобы разложить все профессии по своим клеточкам, — это невозможно и не нужно. Надо помнить, что большинство профессий характеризуется множеством разнотипных признаков. Но в любом сложном множестве полезно проводить некоторые хотя бы ориентировочные различения.

23.4. Формирование личности профессионала

Профессионализация субъекта труда. Понятие «субъект труда» является фундаментальной категорией психологии. Она отражает способность человека действовать осознанно, активно, целенаправленно, то есть на основе психического отражения предметного мира и в интересах познания и преобразования окружающей действительности. Субъектом труда может быть не только конкретный человек (индивид), но и социальная группа (рабочий коллектив). Таким образом, *субъект труда* — это активно действующий, познающий и преобразующий, обладающий сознанием и волей индивид или социальная группа.

- **Субъект труда — это активно действующий, познающий и преобразующий, обладающий сознанием и волей индивид или социальная группа.**

Для того чтобы стать субъектом труда, необходимо:

1) достижение высокого уровня развития способностей и других профессионально важных качеств личности;
2) удовлетворенность трудом;
3) адекватное отражение объекта труда;
4) развитие системы саморегуляции;
5) усвоение общественно выработанных способов деятельности;
6) развитие навыков самооценки, чувства самоутверждения и самоуважения.

Психологическая сущность проблемы становления, формирования профессионала, развитие его личности опирается на два основных понятия: «профессионализация субъекта труда» и «профессионал». *Профессионализация* — это формирование специфических видов трудовой активности человека (личности) на основе развития совокупности профессионально ориентированных его характеристик (психологических, физиологических, поведенческих, рабочих), обеспечивающих функцию регуляции становления и совершенствования субъекта труда. *Профессионал* — это специалист в определенной области трудовой деятельности, достигший требуемого уровня мастерства для эффективного выполнения предписанных задач. С позиций психологических особенностей этого понятия, профессионал — это субъект труда, у которого профессионально важные для конкретной деятельности индивидуально-психологические особенности, во-первых, соответствуют требованиям этой деятельности (с точки зрения возможностей их реализации), во-вторых, представляют относительно устойчивую (для определенных условий) и пластичную структуру и, в-третьих, обеспечивают формирование и реализацию операционной (предметно-ориентированной) сферы личности, которая и определяет необходимый уровень эффективности труда.

- **Профессионализация – формирование специфических видов трудовой активности человека.**
  Профессионал – специалист в определенной области трудовой деятельности.

Профессионализацию субъекта труда следует рассматривать в четырех направлениях:

1. Как процесс его социализации — усвоения индивидом социальных норм (культуры), преобразования социального опыта в собственные профессионально ориентированные установки, интересы, ценности, принятия социальной роли, общественной задачи, вхождения в социальную среду и приспособления к ней и т. д.

2. Как процесс развития личности, т. е. как специфическую форму активности, целостное, закономерное изменение количественных и качественных характеристик субъекта труда. Его психическое развитие отражает законы и программы онтогенеза (индивидуального развития человека) и филогенеза (развитие человеческого рода), проявляется в возрастной периодизации, зависит от уровня его активности и характера основной деятельности (Абульханова К. А., Ананьев Б. Г., Анцыферова Л. И., Выготский Л. С. и т. д.). Профессиональное развитие заключается в формировании у человека прежде всего профессиональных способностей и мотивов труда, соответствующих требованиям деятельности, и зависит от содержания трудового процесса, условий его реализации, особенностей профессиональной карьеры и т. д.

3. Как профессиональную самореализацию индивида на жизненном пути, в ходе которой профессионализация обусловливается процессами самопознания, саморегуляции, самоконтроля и самооценки личности, влиянием событийно-биографических факторов — действий, поступков, решений, — жизненного опыта, стиля жизни и т. д. Развитие и профессионализация на протяжении жизненного пути отражаются в возрастных периодах, в стадиях (этапах) жизнедеятельности человека, зависит от жизненных противоречий между требованиями общества и стремлением самой личности к развитию и самореализации, планами и их исполнением, социализацией и индивидуализацией личности и т. д. Место профессионализации в жизненном пути личности — это этап трудового пути (профессиональный путь, трудовая биография, творческий путь личности).

4. Как форму активности личности, которая в психологии рассматривается в соотношении с деятельностью, выступая как динамическое условие ее становления и динамическое условие ее собственного движения. Н. А. Бернштейн отмечал, что активность человека — это процесс моделирования потребного будущего и целенаправленного его достижения в ходе воздействия на себя и на окружающие условия. Профессионализация как форма активности имеет свою структуру, которая включает мотивы (побудительные силы) профессионализации, ее цели (достижения), представления о

программе реализации этого процесса, информационную основу трудовой деятельности, принятие решения на этапах этого процесса, контрольные операции по проверке принятых решений.

Таким образом, профессионализация — это функция личности и общества, а оценка продуктивности этого процесса проводится по социальным и личностным показателям эффективности деятельности и развития субъекта труда.

Личность и деятельность. Процесс формирования личности профессионала обусловливается синтезом возможностей, способностей, активности личности и требованиями деятельности. Основной смысл содержания проблемы сводится к формулам:

- «проявление личности в профессии», т. е. в выборе и овладении профессией, в удовлетворении личностных познавательных интересов;
- «развитие личности в деятельности», что отражается в формировании профессионально ориентированных качеств человека (его организма и личностных черт), расширении сферы познания окружающего мира, развитии форм и содержания предмета общения.

Формирование личности профессионала характеризуется внутренней противоречивостью процессов индивидуального развития человека — неравномерностью изменений и гетерохронностью (разновременностью) фаз развития, а также зависимостью психического развития от смены различных видов деятельности на профессиональном пути и в течение коротких промежутков времени.

Профессиональная деятельность человека задает направление развития его личности. Каждая профессия формирует сходные интересы, установки, черты личности, манеру поведения и т. д. В этой связи можно говорить об *идентификации личности с профессией*, то есть о процессе адаптации личности к требованиям конкретной деятельности. Иногда приобретенные человеком особенности личности проявляются и в других жизненных условиях и ситуациях.

Отрицательным проявлением этого процесса является так называемая *профессиональная деформация личности,* когда профессиональные привычки, стиль мышления и общения и другие особенности личности гипертрофируются и отражаются на взаимодействии с другими людьми (например, у врачей — грубоватый юмор, снижение уровня эмоциональных переживаний, у учителей — авторитарность, категоричность суждений, поучающая манера общения и т. д.).

- **Идентификация личности с профессией — процесс адаптации личности к требованиям конкретной деятельности.**

Профессиональная деформация личности — гипертрофированное развитие профессиональных особенностей личности.

Развитию личности профессионала способствует построение «образа Я» профессионала, т. е. представления о себе как о профессионале, а также создание образа профессионала как эталонной модели его личности, — соотношение этих двух образов, оценка их рассогласования, выработка стратегии приближения к эталонной модели и стремление к ней определяют один из путей развития личности.

Не всякая трудовая деятельность развивает личность, и не всякое развитие профессиональных способностей равнозначно развитию личности. Оно так же, как и появление потребности в труде, связано с достижением субъектом чувства удовлетворенности от процесса и результатов деятельности, наличием стремления к преодолению трудностей и успешностью решения сложных задач, желанием проявить свои возможности в трудовом процессе.

Возрастные и биографические кризисы. Важной особенностью психического развития субъекта труда является возможность возникновения кризисных явлений, связанных с замедлением или даже регрессией в развитии. При всем индивидуальном своеобразии жизненного пути каждого человека можно выявить и некоторые общие закономерности, в том числе «нормативные жизненные кризисы». Особенно существенна взаимосвязь с профессиональным развитием нормативных кризисов взрослой жизни.

Первый нормативный кризис в период ранней взрослости связан с задачей окончательного перехода к самостоятельной жизни и трудовой деятельности, — он проявляется в трудности вхождения в жесткий трудовой режим, неуверенности в своих возможностях, адаптации к трудовым взаимоотношениям и т. д.

После завершения периода профессиональной адаптации (после 4-5 лет работы) может наступить

следующий кризисный период («кризис 30-летия»), который возникает в случае неудовлетворения личных запросов (прибавка к зарплате, повышение статуса и т. п.) и проявляется в отрицательных эмоциях, снижении профессионального интереса или трудовом перенапряжении.

Нормативный «кризис середины жизни» (40-50 лет) в профессиональной деятельности часто воспринимается как возможность последнего рывка в достижении желаемого профессионального уровня и часто сопровождается увеличением темпов работы, дополнительными нагрузками, следствием чего может быть перенапряжение, переутомление, апатия, депрессия, психосоматические заболевания.

Тяжело переживается и предпенсионный кризис (55-60 лет), связанный с завершением профессиональной карьеры, отсутствием равнозначной ее замены другими видами деятельности, недостаточной критичностью в оценке ситуации, естественным снижением функциональных возможностей организма, сопутствующими заболеваниями.

С профессиональной деятельностью связана возможность возникновения так называемых «биографических кризисов» (Р. А. Ахмеров), которые могут не только оказывать влияние на эффектность и качество трудового процесса, но также изменять самооценку и самоуважение субъекта труда. Во-первых, это «кризис нереализованности», связанный с субъективной недооценкой результатов пройденного жизненного пути или с опасением низкой оценки достижений субъекта представителями новой социальной среды, в которую он перешел. Во-вторых, это «кризис опустошенности», который возникает в ситуации, когда в субъективной картине жизненного пути слабо представлены связи от прошлого и настоящего в будущее, — он проявляется в переживаниях отсутствия конкретных целей, несмотря на наличие определенных трудовых достижений и объективных возможностей в профессиональной деятельности. В-третьих, это «кризис бесперспективности», который связан с неясностью планов, проектов, путей самоопределения, самореализации в тех или иных возможных ролях, отсутствием замыслов на будущее, непониманием потенциальных связей событий.

Возрастное, профессиональное и психическое развитие человека как субъекта труда можно представить в виде следующих стадий:

I. Допрофессиональное развитие.

1. Стадия предыгры (от 3 лет).
2. Стадия игры (период дошкольного детства - от 3 до 7-8 лет).
3. Стадия овладения учебной деятельностью (период младшего школьного возраста—от 7-8 до 11-12 лет);

II. Развитие в период выбора профессий.

4. Стадия оптации (период осознанной подготовки к жизни, к труду, планирования профессионального пути, выбора профессии — от 12-13 до 14-18 лет).

III. Развитие в период профессиональной подготовки и дальнейшего становления профессионала.

5. Стадия профессионального обучения (от 15-19 до 16-23 лет).
6. Стадия профессиональной адаптации (от 17-21 до 24-27 лет).
7. Стадия развития профессионала (от 21-27 до 45-50 лет).
8. Стадия реализации профессионала (от 46-50 до 60-65 лет).
9. Стадия спада (свыше 61-65 лет).

Характерные психологические и профессиональные особенности для каждой стадии развития личности представлены в ряде специальных работ.

- **Работоспособность— возможность выполнять конкретную работу в течение заданного времени с необходимым уровнем эффективности и качества.**

23.5. Работоспособность субъекта труда

Успешность выполнения трудовых задач и удовлетворенность этим процессом во многом зависит от уровня работоспособности субъекта труда, которая формируется в результате выполнения человеком конкретной деятельности, проявляется и оценивается в ходе ее реализации. Работоспособность — это социально-биологическое свойство человека, отражающее его возможность выполнять конкретную работу в течение заданного времени с необходимым уровнем эффективности и качества. *Работоспособность* определяется комплектом профессиональных, психологических и физиологических качеств субъекта труда (рис. 23-4).

Уровень, степень устойчивости, динамика работоспособности зависит от инженерно-психологических, гигиенических и других характеристик, средств (орудий), содержания, условий и организации конкретной деятельности, а также от системы психолого-физиологического прогнозирования и формирования профессиональной пригодности, то есть системы отбора и подготовки специалистов. Уровень работоспособности отражает, во-первых, потенциальные возможности субъекта выполнять конкретную работу, его личные профессионально ориентированные ресурсы и функциональные резервы и, во-вторых, мобилизационные возможности личности активизировать эти ресурсы и резервы в необходимый рабочий период. Степень устойчивости работоспособности обусловливается сопротивляемостью организма и личности к воздействию неблагоприятных факторов деятельности, а также запасом прочности, натренированностью, развитием профессионально значимых качеств субъекта труда.

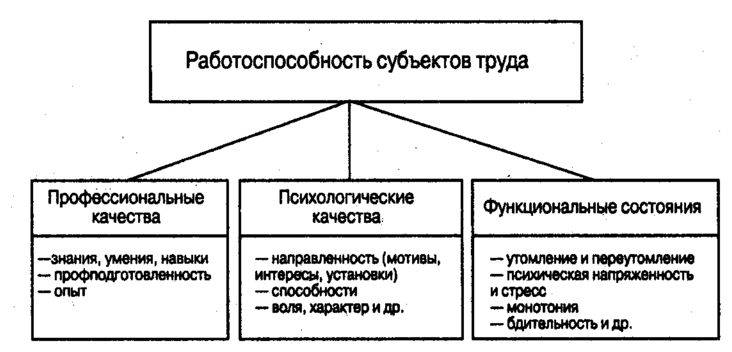

Рис. 23-4. Структура понятия «работоспособность субъекта труда»

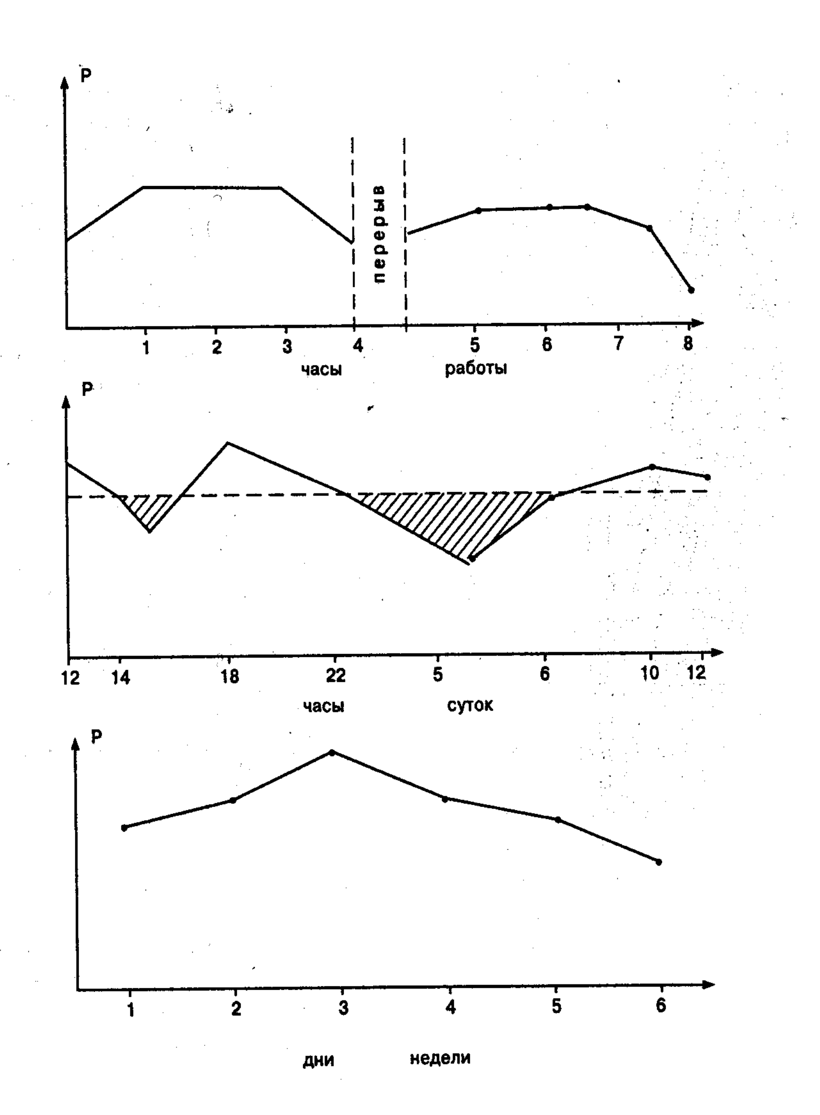

Рис. 23-5. Изменение работоспособности в течение рабочей смены, суток, недели

Динамика работоспособности. В течение рабочей смены, суток, недели и за более продолжительные периоды времени отмечаются изменения уровня работоспособности, что связано с активацией и истощением ресурсов организма, колебанием активности психических процессов, развитием неблагоприятных функциональных состояний. Характеристика динамики работоспособности наглядно отражена на кривой работы (рис. 23-5), которая объединяет совокупность показателей продуктивности труда и оперативного состояния психофизиологических функций (функциональная цена деятельности).

Динамика работоспособности имеет несколько стадий.

Стадия врабатывания (нарастающей работоспособности) — отмечается некоторое увеличение продуктивности труда, усиление обменных процессов, деятельности нервной и сердечно-сосудистой системы, возрастание активности психических процессов; возможна гиперреакция организма, неустойчивость рабочих действий, ухудшение скорости и точности восприятия и т. п.

Стадия устойчивой работоспособности — проявляется в наиболее высокой и стабильной продуктивности и надежности труда, адекватности функциональных реакций величине рабочей нагрузки, устойчивости психических процессов, оптимальности волевых усилий, чувстве удовлетворенности процессом и результатами труда.

Стадия снижения работоспособности (развивающегося утомления) — вначале характеризуется возникновением чувства усталости, снижением интереса к текущей работе, затем нарастает напряженность психических и физиологических функций, увеличиваются волевые усилия для сохранения необходимой продуктивности и качества деятельности и, наконец, при продолжении работы нарушаются профессиональные параметры деятельности — снижается производительность труда, появляются ошибочные действия, падает мотивация к труду, ухудшается общее самочувствие, настроение. Иногда в конце этой стадии может возникнуть либо фаза срыва — полная дискоординация функций организма и отказ от работы, либо фаза конечного порыва — сознательная мобилизация оставшихся психических и физиологических резервов с временным, резким повышением эффективности труда.

Стадия восстановления работоспособности характеризуется развитием восстановительных процессов в организме, снижением психического напряжения и накоплением функциональных резервов. Различают текущее восстановление — в процессе работы после завершения ее наиболее напряженных этапов; срочное восстановление — непосредственно после окончания всей работы; отставленное восстановление — на протяжении многих часов после завершения работы; медико-психологическая реабилитация — восстановление после острых и хронических рабочих перенапряжений с применением активных средств воздействия на психические, физиологические и физические функции и качества субъекта труда.

Показатели работоспособности. Для оценки уровня работоспособности используется ряд показателей. Прямые (профессиональные) показатели характеризуют эффективность и надежность выполнения трудовых задач (отдельных действий, операций) в реальной деятельности или при решении «рабочих тестов» — стандартизированных по объему, времени и условиям выполнения заданий, моделирующих элементы трудовой деятельности. На практике оценка работоспособности часто производится на основе использования именно ее прямых показателей.

Косвенные (функциональные) показатели отражают текущее функциональное состояние организма, его резервные возможности и уровень активации профессионально значимых психических функций. Их оценка производится путем объективных измерений с использованием физиологических методов и тестов, а также на основе сбора и анализа данных субъективного состояния психических и соматических (телесных) функций.

23.6. Надежность субъекта труда

Обеспечение заданного (высокого) качества деятельности в различных ее профессиональных сферах в значительной степени определяется уровнем надежности субъекта труда. *Профессиональная надежность субъекта труда* — это уровень безотказности, безошибочности и своевременности его

рабочих операций при взаимодействии с технической системой или другими специалистами. Надежность является совокупным качеством, свойством человека, которое обусловливается его профессиональной подготовленностью и опытом, степенью направленности личности на деятельность, уровнем способностей и другими профессионально важными психологическими качествами.

Основным критерием профессиональной надежности являются понятия «отказ» — прекращение действий или деятельности, и «ошибка» — неправильное действие, приводящее к отклонению в деятельности управляемой техники (или человека) за допустимые пределы. Состояние функциональных систем организма и психики, степень развития и реактивности профессионально важных качеств и функций человека влияют на уровень профессиональной надежности человека. Наличие указанной связи определило необходимость использования понятия «функциональная надежность».

Функциональная надежность субъекта труда — это свойство функциональных систем человека обеспечивать его динамическую устойчивость в выполнении профессиональной задачи в течение определенного времени и с заданным качеством. Данное свойство проявляется в адекватном требованиям деятельности уровне развития профессионально значимых психических и физиологических функций и механизмов их регуляции в нормальных и экстремальных условиях.

- **Профессиональная надежность субъекта труда — уровень безотказности, безошибочности и своевременности рабочих операций.**

Функциональная надежность субъекта труда — свойство функциональных систем человека обеспечивать его динамическую устойчивость в выполнении профессиональной задачи в течение определенного времени и с за данным качеством.

Вопросы

1. Какие основные задачи решаются психологией трудовой деятельности?
2. Расскажите о методах изучения трудовой деятельности.
3. В чем заключаются принципы и методы классификации профессий по Е. А. Климову?
4. Какие психологические закономерности характеризуют особенности взаимоотношений категорий «личность» и «деятельность»?
5. Когда и каким образом проявляются возрастные и биологические кризисы в жизни человека?
6. В чем заключается психологическая характеристика категории «работоспособность субъекта труда»?
7. Какие стадии изменения работоспособности характеризуют ее в течение рабочей смены (дня) и в чем их особенности?
8. Расскажите о профессиональной и функциональной надежности субъекта труда.

Рекомендуемая литература

Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. — Л.: Изд- во ЛГУ, 1968. — 339 с.

Анцыферова Л. И. О динамическом подходе к динамическому изучению личности // Психологический журнал. - 1981. - № 2. - С. 8-18.

Бодров В. А. Работоспособность человека-оператора и пути ее повышения // Психологический журнал. — 1987. Т. 8. - № 3. - С. 107-117.

Бодров В. А., Орлов В. Я. Психология и надежность: человек в системах управления техникой / РАН, Институт психологии. — М.: Институт психологии РАН, 1998. — 285 с.

Загрядский В. П., Егоров А. С. Психофизиология умственного труда. — Л.: Наука, 1973. — 110с.

Загрядский В. П., Сулимо-Самуйлло 3. К. Методы исследования в физиологии труда.: Методическое пособие / ВМА им. С. М. Кирова. - Л.: Б. и., 1976. - 110 с.

Зараковский Г. М. Психофизиологический анализ трудовой деятельности. — М.: Наука, 1966. — 114с.

Климов Е. А. Введение в психологию труда: Учебник. — М.: Культура и спорт: ЮНИТИ, 1998. — 343 .с.

Климов Е. А. Образ мира в разнотипных профессиях: Учеб. пособие. — М.: Изд-во МГУ, 1995. — 222 с.

Климов Е. А. Психология профессионала: Учеб. пособие. — М.; Воронеж: Институт практической психологии, 1996.-509 с.

Кулагин Б. В. Основы профессиональной психодиагностики. — Л.: Медицина, 1984. — 216 с.

Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Отв. ред. Ю. Забродин. — М.: Наука, 1989. - 449 с.

Психологические исследования проблемы формирования личности профессионала / Под. ред. В. А. Бодрова. - М.: ИП РАН СССР, 1991. - 124 с.

Романова Е. С., Суворова Г. А. Психологические основы профессиографии: Практикум. — М.: МГПИ, 1990. - 142 с.

Шадриков В. Д. Деятельность и способности. — М.: Изд. корпорация «Логос», 1994. — 315 с.

Глава 24. Профессиональное развитие личности

Краткое содержание главы

Соотношение личности и профессии. Проблема профессионального становления личности. Этапы профессионализации личности. Стадии профессионального развития.

Прогрессивная стадия профессионального развития личности. Формирование мотивов профессиональной деятельности. Формирование профессиональных знаний и представлений. Формирование профессионально-важных качеств личности.

Регрессивная стадия профессионального развития личности. Профессиональная деформация личности. Проявления профессиональной деформации в мотивационной и познавательной сферах. Профессиональная деформация личностных характеристик. Феномен психического выгорания.

24.1. Соотношение личности и профессии

Проблема профессионального становления личности является отражением более общей проблемы соотношения личности и профессии в целом. Существуют две основных парадигмы этого взаимодействия. Первая заключается в отрицании влияния профессии на личность. Сторонники этого подхода исходят из традиционного, идущего от древнегреческой идеалистической философии тезиса об изначальной «профессиональности» человека. Это означает, что, выбрав профессию, личность не изменяется на пути ее освоения и осуществления трудовых функций.

В частности, американский исследователь Ф. Парсонс считал, что для правильного выбора профессии индивиду необходимо иметь ясное представление о себе и своих способностях. Помимо этого он должен знать о требованиях, предъявляемых к нему профессией, и возможностях реализации поставленных целей. Заканчивается этап выбора установлением соответствия между требованиями профессии и способностями личности. Такой подход демонстрировал слишком упрощенный взгляд на личность и профессию. Под личностью понимался относительно независимый друг от друга механический комплекс способностей и черт. Аналогичный взгляд существовал и на профессию, которая воспринималась как механическая сумма заданий и трудовых функций. Соотнесение независимых личностных особенностей с соответствующими профессиональными функциями и составляло механизм выбора профессии. Если в ходе выполнения деятельности обнаруживалось несоответствие вышеназванных компонентов, человек менял свою профессию (Crites S., 1964).

Вторая парадигма взаимодействия профессии и личности характерна для большинства зарубежных исследователей и является общепринятом в отечественной психологии (Шадриков В. Д., 1982; Кудрявцев Т. В., 1986; Абульханова-Славская К. А., 1991; Поваренков Ю. П., 1991; Климов Е. А., 1996). Она заключается в признании факта влияния профессии на личность и изменении личности в ходе профессионального развития. Процесс формирования личности профессионала получил в отечественной психологии название профессионализации. Этот процесс начинается с момента выбора профессии и длится в течение всей профессиональной жизни человека. Выделяют четыре этапа профессионализации:

1) поиск и выбор профессии;
2) освоение профессии;
3) социальная и профессиональная адаптация;
4) выполнение профессиональной деятельности.

На каждом из этих этапов происходит смена ведущих механизмов детерминации деятельности, меняются ее цели. Если на начальных этапах субъект ставит перед собой цель освоить профессию и приспособиться к ее требованиям, то на последующих он может стремиться изменить ее содержание и условия (Кудрявцев Т. В., 1986).

Профессиональное развитие является неотъемлемой частью профессионализации личности. Начинается оно на стадии освоения профессии и продолжается на последующих этапах. Более того, оно не заканчивается на стадии самостоятельного выполнения деятельности, а продолжается вплоть до полного отхода человека от дел, приобретая специфическую форму и содержание (Поваренков Ю. П.,1991).

Таким образом, профессиональное развитие — довольно сложный процесс, имеющий циклический характер; человек не только совершенствует свои знания, умения и навыки, развивает профессиональные способности, но может испытывать и отрицательное воздействие этого процесса. Такое воздействие приводит к появлению разного рода деформаций и состояний, снижающих не только профессиональные успехи, но и негативно проявляющихся в «непрофессиональной» жизни. В этой связи можно говорить о восходящей (прогрессивной) и нисходящей (регрессивной) стадиях профессионального развития.

24.2. Прогрессивная стадия профессионального развития личности

Данная стадия профессионального развития личности прежде всего связана с формированием мотивов профессиональной деятельности и структуры профессиональных способностей, знаний, умений и навыков (Поваренков Ю. П., 1991).

Профессиональная мотивация представляет собой систему внутренних побуждений, которые вызывают трудовую активность человека, направляют ее на достижение профессиональных целей и регулируют структуру и функции деятельности. Существует большое количество разнообразных классификаций мотивов трудовой деятельности. В качестве примера можно привести широко известную классификацию потребностей, предложенную американским психологом А. Маслоу. Он выделяет пять уровней потребностей:

1) физиологические потребности (голод, жажда, сексуальность и т. д.);
2) потребности в безопасности (защита от страданий, неудобств);
3) потребности в социальных связях (сопереживание, общение, любовь, дружба и т. д.);
4) потребность в самоуважении (признание, уважение, одобрение);
5) потребность в самоактуализации (потребность в понимании и осмыслении собственного пути, реализации своих возможностей и способностей).

В профессиональной деятельности удовлетворяются все потребности, но способы их удовлетворения могут быть различными. Потребности более низкого уровня удовлетворяются косвенным путем через получение необходимых материальных средств. Получая заработную плату, человек может купить продукты, одежду, приобрести жилище, оплатить медицинские услуги или сделать сбережения, удовлетворяя тем самым физиологические потребности и обеспечивая себе физическую и социальную безопасность в будущем. Что касается высших потребностей, то их удовлетворение в труде происходит непосредственно.

Формирование мотивации профессиональной деятельности осуществляется в двух направлениях: в превращении общих мотивов личности в профессиональные и в изменении системы профессиональных мотивов в связи с изменением уровня профессионализации (Поваренков Ю. П., 1991). Реализация первого направления заключается в том, что в ходе профессионального развития потребности человека находят свой предмет в профессиональной деятельности. Мотивация человека наполняется профессиональным содержанием. Личность оценивает профессию с точки зрения возможности удовлетворения в ней все большего числа своих потребностей. Чем больше возможностей предоставляет профессия для удовлетворения потребностей и интересов человека, тем выше его включенность в профессиональную деятельность. Наивысшей эффективности в трудовой деятельности человек достигает тогда, когда профессия приобретает для него смысл. Смысл определяется личностной значимостью профессии для человека, пристрастным личностно опосредованным отношением к труду. Для достижения успехов в профессиональной деятельности человек должен уметь «видеть» все новые смыслы профессии. Отсутствие такой способности приводит к потере интереса к работе и при

малейших трудностях — к падению эффективности деятельности и удовлетворенности трудом (Маркова А. К., 1996).

Другое направление формирования мотивов субъекта связано с изменением мотивации на разных этапах профессионального становления. Традиционно в психологии выделяют две группы мотивов трудовой деятельности: внутренние мотивы, связанные с самим процессом труда, и внешние мотивы, находящиеся вне его содержания. В первом случае процесс труда доставляет человеку удовольствие и радость, активизирует личность на приобретение новых знаний и навыков, развитие профессиональных способностей. Во втором случае в качестве мотивов выступают значимые для личности факторы, например материальная выгода, социальное признание и т. д. На различных этапах профессионального развития разные мотивы оказываются доминирующими, обеспечивая наибольшую включенность субъекта в освоение и выполнение деятельности. Результаты исследований показывают, что в процессе овладения профессией возрастает роль внутренней мотивации, связанной с самоутверждением себя как профессионала. Вместе с тем смена доминирующей мотивации является глубоко индивидуальным процессом и зависит от личностных особенностей, условий труда или обучения, организации деятельности (Маркова А. К., 1996).

Познание человеком окружающего мира — неотъемлемая часть его жизни. Результатом этого процесса являются знания, понятия, представления, концептуальные модели. Познание, включенное в реальную профессиональную деятельность и подчиненное ее целям, называется практическим, или профессиональным, познанием. В ходе профессионального познания происходит отражение производственной ситуации, которая, в широком смысле слова, представляет собой систему объективных и субъективных факторов, детерминирующих деятельность. К числу таких факторов относятся параметры внешней среды, влияющие на выполнение деятельности (условия труда, характер производственных заданий, состояние оборудования и т. д.), а также личностные особенности индивида, познавательные и двигательные способности. Результатом отражения является формирование индивидуальной основы профессиональной деятельности (ИОПД) (Поваренков Ю. П., 1991).

В экспериментальных исследованиях, проведенных на материале различных видов профессиональной деятельности, было установлено, что производственная ситуация отражается человеком на двух уровнях. Ма первом уровне (познавательном) человек использует всю информацию, которая известна ему о ситуации, понятна и доступна. На втором уровне (регулятивном) человек сосредоточивает свое внимание только на той информации, которую он будет непосредственно использовать в деятельности. Поэтому регулятивная структура ИОПД по своему количественному составу меньше познавательной. Анализ динамики обеих структур ИОПД позволил выделить ряд ее закономерностей в процессе профессионального развития. На начальных этапах профессионального становления развитие обеих структур совпадает, наблюдается значительный рост их количественного состава. Затем, начиная с определенного этапа профессионализации, их динамика перестает совпадать. Познавательная структура продолжает увеличиваться, а регулятивная — уменьшается (Шадриков В. Д., 1982).

В частности, исследования по формированию ИОПД у сварщиков показывают, что на первых этапах обучения происходит увеличение числа информационных признаков, которые используют ученики при овладении профессией. Этот процесс является ведущим и определяет успешность выполнения деятельности. В частности, если слабо успевающие ученики используют около 16 признаков, то среднеуспевающие — до 22. Но наряду с накоплением признаков происходит их оценка с точки зрения значимости для деятельности, устанавливается ценность каждого из них. В результате такой оценки часть признаков перестает активно использоваться в деятельности. Ко второму курсу количество признаков сокращается в среднем до 10,5, т. е. начинает осуществляться переход от когнитивной структуры к регулятивной. На последующих этапах овладения профессией помимо чисто количественного сокращения происходит качественная перестройка структуры информационных признаков. Она заключается в том, что устанавливаются связи между отдельными признаками. Это приводит к появлению целостных признаков, по которым происходит опознание ситуации. Характерной особенностью таких признаков является их поливалентный (многозначный) характер — приобретение ими значения, которое раньше предавалось другими признаками. Формирование поливалентных признаков приводит к дальнейшему сокращению ИОПД. В частности, мастера производственного обучения, которые являются сварщиками высокой квалификации, используют всего три признака, обеспечивающих высокую степень выполнения деятельности. Ведущими среди них

являются признаки «сила тока» и «длина дуги», имеющие самый высокий уровень ннтегративности и пронизывающие всю структуру информационных признаков (Поваренков Ю.П., Шадриков В. Д., 1979).

Формирование познавательных структур в процессе профессионального развития связано не только с содержанием деятельности и способствующей ее выполнению информационной основой. Другим аспектом этого процесса является формирование представления о личности профессионала, а именно тех психологических характеристиках, которые в наибольшей степени обеспечивают успешность выполнения профессиональных обязанностей. Формирование адекватного представления о личности профессионала способствует учету своих достоинств и недостатков, что в конечном итоге ведет к успешному овладению профессией. Исследования показывают, что в процессе профессионализации происходит перестройка представлений о личностных особенностях профессионала в направлении наполнения его личности профессиональным содержанием. Например, исследования динамики представлений о ряде профессий показывают, что по мере профессионального становления личности происходит смещение акцента с общечеловеческих, морально-нравственных качеств в сторону профессиональных и организаторских характеристик. Установлено, что решающую роль в формировании адекватного представления о профессии играет содержание профессионального обучения, в частности, соотношение между теоретической и практической его частью.

В психологической литературе под *профессионально важными качествами* (ПВК) принято понимать любые качества субъекта, включенные в процесс деятельности и обеспечивающие эффективность ее выполнения по параметрам производительности, качества труда и надежности. С этой точки зрения профессионально важными качествами могут выступать свойства нервной системы, свойства психических процессов, личностные особенности, характеристики направленности, знания и убеждения (Шадриков В. Д., 1982). В контексте нашего изложения под профессионально важными качествами мы будем понимать профессиональные способности и характеристики личности, обеспечивающие эффективное выполнение деятельности.

- **Профессионально важные качества — любые качества субъекта, включенные в процесс деятельности и обеспечивающие эффективность ее выполнения по параметрам производительности, качества труда и надежности.**

Профессиональные способности — это свойства психических процессов (восприятия, памяти, внимания, мышления, воображения) и психомоторные функции (координация движений рук и ног, сенсомоторная координация и т. д.), обеспечивающие эффективность деятельности (Шадриков В. Д., 1981). Основным вопросом формирования профессиональных способностей является вопрос о том, как из общих способностей развиваются способности профессиональные. Ответом на этот вопрос является концепция функциональных и операционных механизмов, обеспечивающих развитие любой психической функции, предложенная видным отечественным психологом Б. Г. Ананьевым. Под функциональными механизмами понимается та нейрофизиологическая основа, которая закладывается генетически и составляет природную основу человека. Так, для процессов восприятия такой основой будет состояние нервной системы человека и его органов чувств. Операционные механизмы надстраиваются над функциональными в процессе обучения, воспитания и накопления индивидуального опыта. Для каждой психической функции (памяти, восприятия, мышления) формируются свои операционные механизмы. Для процессов восприятия это будет система измерительных, соизмерительных, корректирующих и других перцептивных действий (Ананьев Б. Г., 1980). Операционные механизмы являются более подвижными, и именно они в первую очередь подвергаются изменениям в процессе профессионализации. Спецификой этого процесса является переход операционных механизмов в оперативные, что представляет собой их перестройку в соответствии с требованиями деятельности (Шадриков В. Д., 1982). Проще говоря, общие способности наполняются профессиональным содержанием и таким образом превращаются в профессиональные. Например, в профессиональной деятельности водителя автотранспорта, часового мастера, токаря и хирурга важна координация движений обеих рук. Функциональным механизмом данного качества является развитие нервной системы и состояние двигательного аппарата человека. Операциональным механизмом является система движений, их четкость и точность. Однако сами по себе эти характеристики еще не являются профессиональной способностью. Отличная координация двигательных действий у хирурга не гарантирует, что он будет так же точен и ловок при переключении скоростей, а водителя с его хорошо развитой профессиональной способностью никто не

поставит за операционный стол. Профессиональные способности начинают появляться только тогда, когда сенсомоторная деятельность наполнится профессионально-технологическим содержанием, и это содержание будет различным для хирурга, водителя или часового мастера («Профконсультационная работа», 1980).

Таким образом, общий для всех специалистов психологический механизм реализуется затем в различных профессиональных способностях. При этом общие сенсомоторные способности получают свое дальнейшее специфическое развитие в зависимости от того, какое место в структуре профессиональной деятельности они занимают.

Исследования показывают, что на разных этапах профессионализации доминирующими являются разные группы качеств. При этом наблюдается гетерохронность развития общих и профессиональных способностей. Это значит, что они формируются в разное время (Шадриков В. Д., Дружинин В. Н., 1979; Шрейдер Р. В., 1980). В частности, при овладении профессией токаря на первых этапах профессионализации ведущими по уровню развития являются: кратковременная образная память, память на движения, невербальный интеллект. Наименьший уровень развития относительно других имеют сенсомоторная координация, техническое мышление, координация движений обеих рук. На второй стадии профессионализации развитие исследуемых характеристик имеет равномерный характер, а на третьем этапе сенсомоторная координация, техническое мышление, координация движений обеих рук, т. е. собственно профессиональные качества, играющие главную роль в освоении деятельности, приобретают ведущее значение (Шрейдер Р. В., 1980). Соотношение общих и специальных способностей в структуре ПВК будет зависеть от специфики профессиональной деятельности. Чем в большей степени ее выполнение зависит от специальных способностей, тем раньше эти способности будут проявляться при освоении профессии.

Анализ данных, полученных на разных профессиях, позволил выделить четыре этапа в формировании профессиональных способностей при овладении профессией (Шадриков В.Д.,1981):

1) вхождение в деятельность;
2) первичная профессионализация;
3)стабилизация;
4) вторичная профессионализация.

На первом этапе ученик осваивает деятельность по инструкции, не имея собственного опыта. Система профессиональных способностей еще не сформирована. Ведущим профессионально важным качеством является долговременная память и ряд специальных ПВК, число которых очень ограничено.

На втором этапе, по мере приобретения индивидуального опыта, происходит развитие ведущих ПВК первого этана. При этом возрастает роль тех профессиональных качеств, которые отвечают за прием информации. Их развитие происходит на базе ПВК первого этапа.

В фазе стабилизации профессиональные способности, отвечающие за прием и переработку информации, выступают на первый план, в то время как часть профессиональных способностей выпадает из структур ПВК. Притом в количественном плане эти качества могут оставаться на высоком уровне. На этом этапе деятельность начинает реализовываться в индивидуальном способе ее выполнения. Субъект обращает больше внимания на прогнозирование и планирование деятельности по сравнению с ее исполнительной частью.

Наконец, на последнем этапе происходит смена ПВК. Субъект переходит от системы профессиональных способностей, реализующих деятельность до накопления профессионального опыта, к системе ПВК, основанной на личном опыте.

В отличие от формирования профессиональных способностей в процессе овладения деятельностью, развитие личностных особенностей под влиянием профессии изучено менее подробно. Установлено, что в процессе профессионализации изменяются многие свойства личности, отмечено изменение даже наиболее стабильных характеристик, таких как свойства темперамента, эмоциональная реактивность. Например, тревожность повышается на начальных этапах профессионального развития, затем снижается, при стаже от трех до пяти лет она становится неадекватно низкой и затем вновь повышается до оптимального для данной деятельности уровня (Грановская Р. М., 1988).

Развитие личностных особенностей при овладении профессией и ее осуществлении зависит от специфики труда. Например, профессия юриста вырабатывает у человека самообладание, наблюдательность, бдительность. При этом формирование тех или иных характеристик личности как ПВК может осуществляться на неосознаваемом уровне. Работник может не замечать изменений, которые происходят в его личности.

Развитие личностных особенностей в процессе профессионализации может идти не только за счет «непосредственного» приспособления личности к профессии, но и за счет «компенсаторного» профессионального приспособления. Это означает, что субъект под влиянием требований профессии может с помощью волевых усилии преодолеть в себе определенные личностные черты, которые мешают выполнению деятельности. Например, если требования профессии предполагают постоянный контакт с людьми, то личность может преодолеть свою природную застенчивость и постепенно втягиваться в общение с людьми («История советской психологии труда», 1983).

24.3. Регрессивная стадия профессионального развития личности

Как правило, труд положительно влияет на человека и его личностные особенности. Однако профессиональное развитие может носить и нисходящий характер. Отрицательное воздействие профессии на личность может носить частичный или полный характер. При частичном регрессе профессионального развития затрагивается какой-то один его элемент. Полный регресс означает, что негативные процессы затронули отдельные структуры психологической системы деятельности, приводя к их разрушению, что может снизить эффективность выполнения деятельности. Признаком негативного влияния профессии на личность является появление самых разных профессиональных деформаций или специфических состояний, например психического выгорания.

Слово «деформация» (от лат. *deformatio* — искажение) означает изменение физических характеристик тела под воздействием внешней среды. Под профессиональной деформацией понимают всякое изменение, вызванное профессией, наступающее в организме и приобретающее стойкий характер («История советской психологии труда», 1983). Деформация распространяется на все стороны физической и психической организации человека, которые изменяются под влиянием профессии. Это влияние носит явно отрицательный характер, что очевидно из примеров, приводимых исследователями (искривление позвоночника и близорукость у конторских служащих, льстивость швейцаров). Профессиональная деформация может привести к затруднениям в повседневной жизни и снижению эффективности труда.

Механизм возникновения профессиональной деформации имеет довольно сложную динамику. Первоначально неблагоприятные условия труда вызывают негативные изменения в профессиональной деятельности, в поведении. Затем, по мере повторения трудных ситуаций, эти отрицательные изменения могут накапливаться и в личности, приводя к ее перестройке, что далее проявляется в повседневном поведении и общении. Установлено также, что сначала возникают временные негативные психические состояния и установки, затем начинают исчезать положительные качества. Позднее на месте положительных свойств возникают негативные психические качества, изменяющие личностный профиль работника (Маркова А. К., 1996).

Профессиональная деформация может иметь довольно сложную динамику проявлений в трудовой деятельности человека и затрагивать различные стороны психики: мотивационную, когнитивную, сферу личностных качеств. Ее результатом могут быть специфические установки и представления, появление определенных черт личности (Орел В. Е., 19996).

Деформация тех или иных структур личности может возникнуть как следствие прогрессивного развития определенных черт характера, познавательных образований, мотивов в результате высокой степени специализации деятельности. Гипертрофированное развитие указанных характеристик приводит к тому, что они начинают проявляться не только в профессиональной деятельности, но и проникают в другие сферы жизни человека. Выполнение профессиональных обязанностей при этом существенно не страдает.

Профессиональная деформация мотивационной сферы может проявляться в чрезмерной увлеченности какой-либо профессиональной сферой при снижении интереса к другим. Известным примером такой деформации может служить феномен «трудоголизма», когда человек большую часть времени проводит на рабочем месте, он говорит и думает только о работе, теряя интерес к остальным сферам жизни. Труд при этом, по выражению Л. Н. Толстого, оказывается «нравственно анестезирующим средством вроде курения или вина для скрывания от себя неправильности и порочности жизни» (цит. по: Маркова А. К., 1996). Труд в этом случае является своего рода «защитой», попыткой уйти от тех трудностей и проблем, которые возникают в жизни человека. С другой стороны, личность может высокоэффективно работать в какой-либо области, посвящая этому все свое время, что

приводит к отсутствию интересов и активности в других сферах. В частности, Ч. Дарвин высказывал сожаление по поводу того, что усиленные занятия в области биологии полностью занимали все его время, в результате чего он не имел возможности следить за новинками художественной литературы, интересоваться музыкой и живописью.

Профессиональная деформация знаний также может быть результатом глубокой специализации в какой-либо одной профессиональной сфере. Человек ограничивает сферу своих познаний тем, что необходимо ему для эффективного выполнения своих обязанностей, демонстрируя при этом полную неосведомленность в других областях. «Невежество Холмса было так же поразительно, как и его знания. О современной литературе, политике и философии он почти не имел представления. Мне случилось упомянуть имя Томаса Карлейля, и Холмс наивно спросил — кто он такой и чем знаменит. Но когда оказалось, что он ровно ничего не знает ни о теории Коперника, ни о строении Солнечной системы, я просто опешил от изумления. — ...На кой черт она мне? — перебил он нетерпеливо. — Ну, хорошо, пусть, как вы говорите, мы вращаемся вокруг Солнца. А если бы я узнал, что мы вращаемся вокруг Луны, много бы это помогло мне или моей работе?» *

---

* Конан Дойл А. Этюд и багровых тонах. — М., 1991. — С. 17.

Другой формой проявления этого феномена являются профессиональные стереотипы и установки (Грановская Р. М., 1988; Петренко В. Ф., 1988). Они представляют собой определенный уровень достигнутого мастерства и проявляются в знаниях, автоматизированных умениях и навыках, подсознательных установках, не загружающих сознания. Отрицательное влияние стереотипов проявляется в упрощенном подходе к решению проблем, в представлении о том, что данный уровень знаний и представлений может обеспечить успешность деятельности (Маркова А. К., 1996). В ряде профессий эти стереотипы и установки очень опасны. Примером такой профессии может служить деятельность следователя. Подозрительность как вид деформации неизбежно приводит к предвзятости, к обвинительному уклону в следственной деятельности. Этот феномен получил название «обвинительный уклон» и представляет собой неосознаваемую установку на то, что человек, чья вина еще не доказана, определенно совершил преступление. В исследованиях было выявлено наличие установки на обвинение у всех специальностей юридической профессии, начиная с работников прокуратуры и заканчивая адвокатами (Панасюк А. Ю., 1992). Сформированные у профессионалов стереотипы и установки также могут мешать освоению новых профессий. В частности, в проведенных нами исследованиях, было показано, что наличие стереотипов в сознании может затруднить процесс адаптации врачей, получающих специальность медицинского психолога, к новой профессии и влияет на представление о ней. Представления о профессии психолога у медиков и педагогов и у психологов, имеющих базовое образование и успешно работающих в своей области, имеют определенные различия. Так, обе группы выделяют такие качества, как умение расположить к себе, доброжелательность, внимательность к людям. Однако если психологи относят эти качества к разряду профессиональной компетенции, то врачи и учителя этого не делают. Причиной этого может быть перенос старых моделей на новые условия. В традиционной медицине и педагогике существует образ врача (педагога) как профессионала-манипулятора, включающий такие характеристики, как доминирование, авторитарность, требовательность, управление поведением пациента или ученика. В противоположность врачам и педагогам, психологи строят свой образ в контексте психологически ориентированной модели (Орел В. Е., 1996).

Уровень профессиональной деформации личностных особенностей изучен несколько хуже. Отмечается, что сформированные под влиянием той или иной профессии личностные особенности существенно затрудняют взаимодействие человека в социуме, особенно в непрофессиональной деятельности.

В частности, многих учителей отличает дидактическая манера речи, стремление поучать и воспитывать. Если такая тенденция абсолютно оправдана в школе, то в сфере межличностных отношений она раздражает людей. Для учителей также характерен и упрощенный подход к проблемам. Это качество необходимо в школе для того, чтобы сделать объясняемый материал более доступным, однако вне профессиональной деятельности оно порождает ригидность и прямолинейность мышления (Грановская Р. М., 1988; Рогов Е. И., 1998).

Профессиональная деформация личностных особенностей также может возникнуть вследствие чрезмерного развития одной черты, необходимой для успешного выполнения профессиональных

обязанностей и распространившей свое влияние на «непрофессиональную» сферу жизни субъекта. Например, следователь в своей работе сталкивается с обманом, коварством и лицемерием. На основании этого у него может выработаться повышенная критичность и излишняя бдительность. Дальнейшее заострение этих черт может привести к развитию чрезмерной подозрительности, когда следователь в каждом человеке видит преступника, причем эта черта проявляется не только в профессиональной деятельности, но распространяется и на семейные и бытовые отношения (Грановская Р. М., 1988).

Деформация одних личностных особенностей может компенсироваться развитием других. Так у работников исправительно-трудовых учреждений под влиянием профессии формируются такие специфические личностные особенности, как ригидность поведения и познавательной сферы, сужение круга интересов и общения. Деформация указанных характеристик сопровождается высоким уровнем выраженности таких личностных черт, как аккуратность, пунктуальность, добросовестность. Кроме того, различные психологические структуры в разной степени подвержены деформации. Согласно нашим данным, эмоционально-мотивационная сфера деформируется в большей степени, чем блок личностных характеристик (Орел В. Е., 1996).

Другим проявлением отрицательного воздействия профессии на личность является феномен психического выгорания, широко известный на Западе и практически не исследованный в отечественной науке. В отличие от профессиональной деформации психическое выгорание можно в большей степени отнести к случаю полного регресса профессионального развития, поскольку оно затрагивает личность в целом, разрушая ее и оказывая негативное влияние на эффективность трудовой деятельности. Впервые этот феномен был описан Л. Фреденбергером, который наблюдал большое количество работников, испытывающих постепенное эмоциональное истощение, потерю мотивации и работоспособности. Исследователь назвал этот феномен термином *burnout* (выгорание), употреблявшимся в разговорной речи для обозначения эффекта хронической зависимости от наркотиков. Одновременно с наблюдениями Х. Фреденбергера социальный психолог К. Маслач, занимаясь изучением когнитивных стратегий людей, используемых для борьбы с эмоциональным возбуждением, установила, что исследуемые феномены оказывают влияние на профессиональную идентификацию и поведение работников. Она обнаружила, что юристы также называют это явление выгоранием (*Professional burnout*, 1993).

- **Психическое выгорание —синдром, включающий в себя эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию профессиональных достижений.**

В настоящее время существует множество разнообразных подходов к описанию психического выгорания, которые объединяются в три больших категории в зависимости от источника его возникновения.

Представители интерперсональных подходов усматривают традиционную причину выгорания в асимметрии отношений между работниками и клиентами, что подчеркивает важность межличностных взаимоотношений в возникновении выгорания. В частности, К. Маслач полагает, что основной причиной выгорания являются напряженные отношения между клиентами и работниками. Психологическая опасность таких взаимоотношений заключается в том, что профессионалы имеют дело с человеческими проблемами, несущими в себе отрицательный эмоциональный заряд, который тяжким бременем ложится на их плечи.

Среди индивидуальных подходов наиболее популярным является экзистенциальный подход, основным представителем которого является А. Пайнс. По ее мнению, выгорание с наибольшей вероятностью возникает у работников социальной сферы с высоким уровнем притязаний. Когда высоко мотивированные специалисты, отождествляющие себя со своей работой и считающие ее высокозначимой и общественно полезной, терпят неудачи в достижении своих целей и чувствуют, что не способны внести весомый вклад, они испытывают выгорание. Работа, которая была смыслом жизни для индивида, вызывает у него разочарование, развитие которого и приводит к выгоранию.

В отличие от вышеназванных подходов, организационный подход фокусирует свое внимание на факторах рабочей среды как главных источниках выгорания. К таким факторам относятся большой объем работы и прежде всего ее рутинного компонента, суженная область контактов с клиентами, отсутствие самостоятельности в работе и некоторые другие. Несмотря на наличие разнообразных подходов, все исследователи этого феномена сходятся в следующем:

1. *Психическое выгорание* представляет собой синдром, включающий в себя эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию профессиональных достижений. Под эмоциональным истощением понимается чувство эмоциональной опустошенности и усталости, вызванное собственной работой. Деперсонализация предполагает циничное отношение к труду и объектам своего труда. В частности, в социальной сфере деперсонализация предполагает бесчувственное, негуманное отношение к клиентам, приходящим для лечения, консультации, получения образования и других социальных услуг. Наконец, редукция профессиональных достижений представляет собой возникновение у работников чувства некомпетентности в своей профессиональной сфере, осознание неуспеха в ней.

2. Данный феномен является профессиональным. В какой-то степени он отражает специфику работы с людьми — профессиональной сферы, в которой был впервые обнаружен. Вместе с тем исследования последних лет позволили существенно расширить сферу его распространения, включив в нее профессии, не связанные с социальной сферой.

3. Данный феномен является необратимым. Возникнув у человека, он продолжает развиваться, и можно только определенным образом затормозить этот процесс. Исследования показывают, что кратковременный отход от труда временно снимает действие выгорания, однако после возобновления профессиональных обязанностей оно полностью восстанавливается.

Классическое описание данного феномена мы находим у немецкого писателя Т. Манна в его знаменитом романс «Будденброки», где создан образ человека, содержащего в себе основные черты выгорания, такие как чрезвычайное утомление, потеря идеалов и следования им, а также потеря любви к работе. «Томас Будденброк чувствовал себя безмерно усталым, надломленным. Того, что ему дано было достигнуть, он достиг и прекрасно отдавал себе отчет, что вершина его жизненного пути уже пройдена, если только, поправлял он себя, на таком заурядном и низменном пути можно вообще говорить о вершинах... Пусто было у него на сердце: он больше не вынашивал никаких планов, не видел перед собой работы, которой можно предаться с радостью и воодушевлением... Отсутствие интереса, способного захватить его, обнищание, опустошение души — опустошение такое полное, что он почти непрестанно ощущал его как тупую, гнетущую тоску, — в соединении с неумолимым внутренним долгом, с упорной решимостью скрывать свою немощь и соблюдать *les dehors* сделали существование Томаса Будденброка искусственным, надуманным, превратили каждое его слово, каждое движение, каждый, даже самый будничный его поступок в напряженное, подтачивающее силы лицедейство» *.

* *Манн Т.* Будденброки. – М., 1982.- с. 540-544

Выгорание представляет собой самостоятельный феномен, не сводимый к другим состояниям, встречающимся в профессиональной деятельности (стресс, утомление, депрессия). Хотя некоторые исследователи склонны рассматривать психическое выгорание как длительный рабочий стресс, переживание воздействия стрессовых факторов, большинство исследователей сходится во мнении, что стресс и выгорание — это хотя и родственные, но относительно самостоятельные феномены. Соотношение между выгоранием и стрессом может быть рассмотрено с позиций временного фрактора и успешности адаптации. Различие между стрессом и выгоранием кроется прежде всего в длительности процесса. Выгорание представляет собой длительный, «растянутый» во времени рабочий стресс. С точки зрения Г. Селье, стресс представляет собой адаптивный синдром, который мобилизует все стороны психики человека, выгорание же является срывом в адаптации. Другим различием между стрессом и выгоранием является степень их распространенности. В то время как стресс может испытывать каждый, выгорание является прерогативой людей, имеющих высокий уровень достижений (Орел В. Е., 1999г). В отличие от стресса, возникающего в бесчисленном множестве ситуаций (например, война, стихийные бедствия, болезнь, безработица, различные ситуации на работе), выгорание чаще проявляется именно при работе с людьми. Стресс не обязательно может быть причиной выгорания. Люди способны прекрасно работать в стрессовых условиях, если считают, что их работа важна и значима (Орел В. Е., 1999г).

Таким образом, хотя и существует некоторая общность между стрессом и выгоранием, последнее можно считать относительно самостоятельным феноменом.

Некоторые исследователи связывают выгорание с депрессией и разочарованием в работе. Действительно, эти понятия могут тесно коррелировать друг с другом, и довольно трудно найти различия между ними. Х. Фреденбергер указывал, что депрессия всегда сопровождается чувством вины, выгорание же всегда сопровождается чувством гнева. К сожалению, данный тезис имел только клинические доказательства. Вместе с тем различие между выгоранием и депрессией обусловлены

большей степенью универсальности последней. Если выгорание проявляется только в профессиональной деятельности, депрессия более глобальна, и ее действие просматривается в различных жизненных контекстах. Исследования связи депрессии и составляющих выгорания показывают наличие тесной корреляции депрессии и эмоционального истощения. Что касается связи между депрессией и остальными составляющими психического выгорания, то она просматривается довольно слабо. Следовательно, вывод многих авторов о совпадении (перекрытии) понятий «выгорание» и «депрессия» верен лишь отчасти (Орел В. Е., 1999г).

Основное различие между выгоранием и утомлением заключается в том, что в последнем случае человек способен быстро восстановиться, а в первом — нет. Анализ субъективных ощущений людей, испытывающих синдром выгорания, показывает, что хотя они и чувствуют себя физически истощенными, но описывают это ощущение как существенно отличающееся от «нормального» физического утомления. Кроме того, утомление как результат физических упражнений может сопровождаться чувством успешности в достижении каких-либо целей и с этой точки зрения является положительным опытом. Выгорание же связано с чувством неудачи и является негативным опытом (Орел В. Е., 1999 г).

Среди факторов, вызывающих выгорание, особое место занимают индивидуальные особенности личности и социально-демографические характеристики, с одной стороны, и факторы рабочей среды — с другой. Среди социально-демографических характеристик наиболее тесную связь с выгоранием обнаруживает возраст.

Что касается личностных особенностей, то высокий уровень выгорания тесно связан с пассивными тактиками сопротивления, внешним «локусом контроля», низкой степенью личностной выносливости. Показано также наличие положительной связи между выгоранием и агрессивностью, тревожностью и отрицательной — между выгоранием и чувством групповой сплоченности. Среди факторов рабочей среды наиболее важными являются степень самостоятельности и независимости сотрудника в выполнении своей работы, наличие социальной поддержки от коллег и руководства, а также возможность участвовать в принятии решений, важных для организации.

Исследования последних лет не только подтвердили жизненность этой структуры, но позволили существенно расширить сферу ее распространения, включив в нее профессии, не связанные с социальной сферой. В некоторых зарубежных исследованиях отмечается наличие выгорания в профессиях инженерного труда, среди работников телесервиса и некоторых других. Например, психологические исследования моряков показывают, что длительное пребывание вдали от дома, автоматизация труда на судах, приводящая к сокращению персонала, способствуют не только развитию традиционных для данной сферы состояний одиночества и тоски по дому, но и выгорания.

Исследование ряда других профессиональных феноменов в профессиях «несоциальной сферы» подтверждает сказанное выше. В частности, описанное в литературе явление «излетанности» у летчиков определяется как потеря направленности пилота на выполнение своей профессиональной деятельности. Летчик теряет интерес к своему делу, у него появляется боязнь полетов, неуверенность в своих силах, потеря ответственности за исход полета. В конечном итоге у пилотов возникает желание поменять профессию, списаться на нелетную работу (Пономаренко В. А., 1992). Описание данного феномена во многом согласуется с описанием психического выгорания. Симптомы выгорания и «излетанности» одинаково проявляются в потере человеком удовлетворения от своей настоящей профессиональной деятельности, в снижении мотивации в профессиональной сфере, в эмоциональном, психическом и физическом истощении. Это позволяет рассматривать «излетанность» как проявление выгорания в летной профессии.

Естественно, что наличие психического выгорания заставляет людей искать различные способы его преодоления, например обращение в психотерапевтические службы, оптимизация условий работы и др.

Таким образом, профессия может существенным образом менять характер человека, приводя как к положительным, так и отрицательным последствиям. Трудность борьбы с профессиональной деформацией заключается в том, что она, как правило, не осознается работником. Поэтому профессионалам очень важно знать о возможных последствиях этого явления и более объективно относиться к своим недостаткам в процессе взаимодействия с окружающими в повседневной и профессиональной жизни.

Вопросы для повторения

1. Какие четыре основные стадии профессионализации вы знаете?

2. В чем заключается отрицательное воздействие профессионального развития?

3. В каких направлениях осуществляется формирование мотивации профессиональной деятельности?

4. Каковы аспекты формирования познавательных структур в процессе профессионального развития?

5. Что представляет собой производственная ситуация?

6. Какие качества субъекта называются профессионально важными?

7. Каковы основные этапы формирования профессиональных способностей в процессе овладения профессией?

8. Каким образом происходит развитие личностных особенностей пол влиянием профессии?

9. В чем заключается механизм возникновения профессиональной деформации?

10. В каких сферах жизнедеятельности человека может проявляться профессиональная деформация? Каким образом деформация влияет на поведение человека?

11. В чем сущность феномена психического выгорания?

12. В чем заключается основное различие между психическим выгоранием и утомлением?

Рекомендуемая литература

Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. — М., 1991.

Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. — М., 1980. Т. 1.

Грановская Р. М. Элементы практической психологии. — Л.: ЛГУ, 1988.

История советской психологии труда: Тексты / Ред. В. П. Зинченко, В. М. Мунинов, О. Г. Носкова. - М, 1983.

Климов Е. А. Психология профессионала. — М.,1996.

Кудрявцев Т. В. Психология профессионального обучения и воспитания. -- М., 1986.

Маркова А. К. Психология профессионализма. — М., 1996.

Орел В. Е. Исследование феномена психического выгорания в отечественной и зарубежной психологии // Проблемы общей и организационной психологии. — Ярославль, 1999 г. — С. 76-97.

Орел В. Е. Психологическое изучение влияния профессии на личность // Реферативный сборник избранных работ по грантам в области гуманитарных наук. — Екатеринбург, 1999., С. 113-115.

Панасюк А. Ю. Обвинительный уклон в зеркале психологического исследования // Психол. ж. — 1992. - Т. 13. - № 3. - С. 54-65.

Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. — М., 1988.

Поваренков Ю. П. Психология становления профессионала. — Курск, 1991.

Рогов Е. И. Учитель как объект психологического исследования. — М., 1998.

Поваренков Ю. П., Шадриков В. Д. Исследование динамики информационной основы деятельности на разных атапах формирования ПСД // Проблемы индустриальной психологии. — Ярославль, 1979.

Пономаренко В. А. Психология жизни и труда летчика. — М., 1992.

Профконсультационная работа со старшеклассниками / Ред. Б. А. Федоришин. — Киев, 1980.

Шадриков В. Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. — М., 1982.

Шадриков В. Д. Введение в психологическую теорию профессионального обучения. — Ярославль, 1981.

Шадриков В. Д., Дружинин В. Н. Формирование подсистемы профессионально-важных качеств в процессе профессионализации // Проблемы индустриальной психологии. — Ярославль, 1979. —С. 3-18.

Шрейдер Р. В. Уровень профессионализации как фактор, определяющий структуру профессионально-важных качеств // Проблема системогенеза деятельности. — Ярославль, 1980. — С. 56-67.

Crites S. The vocational choice. — N.Y., 1964.

Professional burnout: Recent developments in the theory and research / Ed. W. B. Shaufeli, Cr. Maslach & T. Marek. Washington DC: Taylor&Francis, 1993.

Глава 25. Функциональные состояния субъекта труда

Краткое содержание главы

Общая характеристика функциональных состояний. Показатели функциональных состояний. Формирование функционального состояния. Структура функционального состояния. Классификация функциональных состояний.

Утомление. Причины утомления. Виды утомления.

Психологический стресс. Общее представление о психологическом стрессе. Когнитивная теория стресса.

Психологическая готовность к деятельности. Длительная готовность и временное состояние готовности. Структура состояния психологической готовности. Процесс формирования состояния психологической готовности.

Приемы управления функциональными состояниями. Способы поддержания работоспособности. Основные направления индивидуальной профилактики и коррекции неблагоприятных функциональных состояний.

25.1. Общая характеристика функциональных состояний

Деятельность человека сопровождается ответной реакцией его психических и физиологических функций, которая отражает, во-первых, процессы адаптации к реальному или ожидаемому воздействию рабочей нагрузки, факторов окружающей среды, эмоциональных переживаний и, во-вторых, характеризует остаточные процессы после этих взаимодействий. Функциональные реакции человека, задаваемые конкретным содержанием деятельности, всегда специфичны и целостны (взаимосвязаны, взаимообусловлены). Это дает основание говорить о *функциональном состоянии* — системной реакции организма и психики человека, выражающейся в виде интегрального динамического комплекса наличных характеристик физиологических, психологических, поведенческих функций и качеств, которые обусловливают выполнение деятельности. Понятие «функциональное состояние» возникло в физиологии труда для характеристики мобилизационных возможностей и энергетических затрат работающего организма.

К функциональным состояниям можно отнести целый ряд специфических психических состояний, проявляющихся в процессе деятельности и влияющих на ее эффективность. Психическое состояние — это целостная характеристика психической деятельности за определенный период времени, показывающая своеобразие протекания психических процессов в зависимости от отражаемых предметов и явлений действительности, предшествующего состояния и психических свойств личности.

Выделяют следующие показатели функциональных состояний:

- субъективные реакции;
- изменения вегетосоматических и психических функций;
- продуктивность и качество работы.

Внешние критерии развития того или иного состояния проявляются в показателях эффективности деятельности (производительность—продуктивность, качество—надежность). Эффективность деятельности — это не только ее результативность, продуктивность, но и приспособленность системы к достижению поставленной перед ней задачи. Внутренние критерии изменения состояния и эффективности деятельности заключаются в характеристиках цены деятельности, то есть в величине физиологических и психических затрат энергии при выполнении трудовых задач. Чем выше цена, тем напряженнее процесс выполнения задачи.

Формирование функционального состояния. Функциональное состояние формируется и изменяется под влиянием воздействия ряда особенностей субъекта труда и самой деятельности. К этим особенностям относятся следующие характеристики человека:

1) степень профессиональной пригодности к конкретной деятельности;
2) уровень подготовленности к выполнению трудовых задач;
3) величина индивидуальных ресурсов и функциональных резервов для энергетического и информационного обеспечения деятельности;
4) состояние здоровья;
5) отношение к труду.

Важное значение в развитии того или иного состояния имеют факторы трудового процесса: степень сложности, опасности, напряженности, вредности труда; величина и содержание рабочей нагрузки (ее структура, интенсивность и продолжительность воздействия); степень адекватности трудовой задачи и средств деятельности психолого-физиологическим возможностям человека. Формирование функционального состояния определяется также воздействием на человека неблагоприятных факторов рабочей среды (ухудшение микроклимата и газового состава воздуха, шум, вибрация, электромагнитные излучения и т. д.), ухудшением психологического климата в рабочей группе (межличностные конфликты, недостаточная психологическая совместимость), а также зависит от нарушений привычного жизненного уклада, биологических ритмов и стереотипов жизнедеятельности в результате использования нерациональных или непривычных режимов труда и отдыха (ночные рабочие смены, вахтовый метод работы, перелеты на большие расстояния).

- **Функциональное состояние — интегральный динамический комплекс наличных характеристик физиологических, психологических, поведенческих функций и качеств, которые обусловливают выполнение деятельности.**

Структура функционального состояния. Функциональные состояния, отражающие особенности реализуемой деятельности, характеризуются обязательным наличием следующих компонентов:

- энергетический — физиологические реакции, обеспечивающие требуемый уровень энерготрат (от биохимического до уровня отдельных систем: кровообращения, дыхания и др.);
- сенсорный — характеризует возможности по приему и первичной обработке поступающей информации (пороги ощущения, адаптация к сигналам и др.);
- информационный — обеспечивает дальнейшую обработку информации и принятие решений на ее основе (память, мышление);
- эффекторный — ответственный за реализацию принятых решений в поведенческих актах (скорость, темп, точность реакций, координация движений, рабочие действия и др.);
- активационный — определяет направленность и степень напряженности деятельности и характеризует актуальную способность человека к реализации имеющихся у него качеств и личностных свойств (особенности гормональной активности и нервной регуляции, уровень внимания, мотивации, эмоционально-волевого напряжения).

Классификация функциональных состояний. Все частные виды функциональных состояний классифицируются по определенным признакам — по влиянию на показатели деятельности, по механизму формирования реакции, по внешним и внутренним проявлениям и т. д.

Психические состояния можно различать:

- по характеру причин возникновения (личностные и ситуативные);
- по уровню развития: глубокие (страсть) и поверхностные (настроение);
- по направленности реакций: действующие положительно (вдохновение) и отрицательно (апатия);
- по уровню осознанности;
- по длительности проявления и т. д.

Одна из классификаций основана на соотношении функциональных состояний с различными характеристиками деятельности, выполняемой субъектом. Полноценное выполнение трудовых задач предполагает установление функционального состояния, которое обеспечивает эффективную работу человека. Это положение определяет возможность использования классификационного критерия допустимости и недопустимости состояния с точки зрения эффективности и «цены деятельности», — отсюда состояния классифицируются на разрешенные и запрещенные для конкретной работы. В зависимости от характера деятельности и требований к ее результату одно и то же состояние (например, утомление) может быть разрешенным или запрещенным.

В соответствии с механизмами формирования функционального состояния выделяется состояние «адекватной мобилизации» (оптимальное соответствие ответной реакции комплексу воздействующих факторов) и состояние «динамического рассогласования» (отсутствие адекватности ответной реакции задачам и условиям выполняемой деятельности).

Классификация состояний может осуществляться с помощью характеристики содержания и протекания трудового процесса, например состояние монотонии (однообразие деятельности), сенсорного голода (в ситуациях дефицита сенсорной информации), психологического стресса, состояния тревоги и т. д.

- **Монотония — однообразие деятельности**.

Особый класс составляют эмоциональные состояния, отражающие отношение субъекта к ситуации и внутреннюю оценку возможности реализовать свои потребности в определенных условиях деятельности. Эти состояния проявляются в настроении, эмоциях (страх, радость и т. д.), аффектах, влечении, страсти, а также в переживаниях общебиологической направленности (голод, половое влечение, ярость). Вне зависимости от качества и смыслового содержания эмоциональных состояний все они могут быть разделены на две группы: эмоциональное напряжение, обеспечивающее адекватное требованиям трудовой ситуации повышение расходов внутренних ресурсов, и эмоциональная напряженность, приводящая к нарушению выполняемой деятельности.

Ряд неблагоприятных психических состояний связан с существенными изменениями в рабочей активности. Например, состояние «преждевременной психической демобилизации» отражает эмоциональную разрядку, снижение бдительности после выполнения сложной части задания, «дремотное» состояние возникает при ограничении активности, состояние «эйфории» связано с переживанием успеха еще не завершенной деятельности, состояние «фобии» отмечается при воздействии ряда факторов (высота, вода, сложная трудовая ситуация).

Некоторые виды деятельности вызывают развитие экстремальных состояний — реакции организма и психики в ответ на воздействие чрезмерных значений привычных и необычных факторов внешней среды и трудового процесса (высокие и низкие температуры, вибрации, шум, недостаток кислорода, избыточность информации и т. п.), в результате чего возникает рассогласование в деятельности системы функциональной регуляции состояния человека.

25.2. Утомление

Состояние утомления сопровождает все виды деятельности человека. Оно является нормальной реакцией организма на рабочую нагрузку, но в острых и хронических формах вызывает нарушение работоспособности. *Утомление* — это «функциональное состояние, которое возникает в результате интенсивной или (и) длительной рабочей нагрузки и проявляется во временном нарушении ряда психических и физиологических функций индивида, а также снижении эффективности и качества труда» (Бодров В. А., 1988). При продолжительном воздействии чрезмерных нагрузок и отсутствии условий для полноценного восстановления функциональных нарушений состояние утомления может перейти в переутомление (рис. 24-1).

- **Утомление — временное нарушении ряда психических и физиологических функций в результате рабочей нагрузки.**

Основной причиной утомления является интенсивная и длительная рабочая нагрузка. Для умственного утомления такая нагрузка обычно связана с интеллектуальной деятельностью по преобразованию большого потока информации, работой при временных ограничениях, сложности и ответственности задания. Нагрузкой может быть и физическая работа по поддержанию вынужденной позы, перемещению органов управлений и т. д.

К дополнительным причинам утомления, которые могут ускорить развитие этого состояния или усилить выраженность его проявлений, следует отнести:

- воздействие на организм неблагоприятных факторов среды (шум, вибрация, гипоксия и т. д.);
- повышенное нервно-психическое напряжение, эмоциональный стресс;
- чрезмерную по интенсивности физическую и умственную нагрузку перед основной работой (физкультура и спорт, домашняя работа и т. д.).

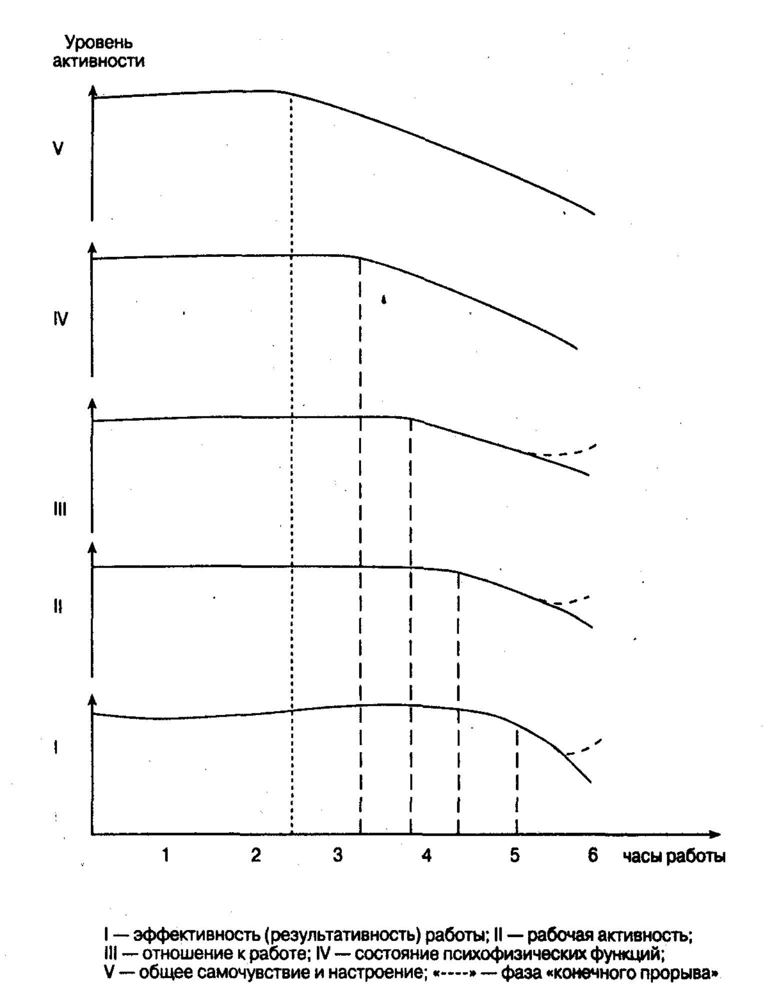

Рис. 25-1. Изменение функциональных показателей человека в процессе развития утомления

В качестве факторов, предрасполагающих к возникновению утомления, выступают: нарушение рационального режима труда, отдыха и питания; длительные перерывы между работой (профессиональная дезадаптация); остаточные функциональные нарушения (снижение резервов организма) после болезни; недостаточное физическое развитие; наличие вредных привычек; недостаточный уровень физической подготовленности и т. д.

По видам утомление может быть физическим, умственным, эмоциональным и смешанным; общим и локальным; мышечным, зрительным, слуховым, интеллектуальным (творческим).

По формам это состояние классифицируется на компенсируемое, острое, хроническое утомление и переутомление. Современная классификация утомления (табл. 25.1) построена на основе учета трех групп показателей:

1) причины его возникновения;
2) симптомы проявления;
3) способы и продолжительность восстановления работоспособности.

Таблица 25.1

Классификация утомления

Показатели	Утомление			Переутомление
	компенсируемое	острое	хроническое	

Причины возникновения (рабочая нагрузка)	Кратковременная, умеренной интенсивности	Кратковременная, интенсивная	Многократная (длительная), интенсивная	Многократная, длительная, чрезмерной интенсивности
Симптомы: 1) профессиональные (эффективность и качество работы)	Без нарушений	Без существенных нарушений	Существенные нарушения	Существенные нарушения, ошибки, отказы
2) функциональные — субъективные	Чувство усталости в конце работы	Чувство усталости после нагрузки	Постоянная усталость, общая слабость, нарушения сна, снижение интереса к работе	Постоянная усталость, апатия, слабость, нарушения сна, бессонница, потеря интереса к работе, снижение бдительности
— объективные	Незначительные вегетативные реакции	Нарушение функций анализаторов и вегетативных систем после нагрузки	Выраженные и стойкие нарушения функций анализаторов и вегетативных систем, ухудшение психических процессов и биохимических показателей	
Мероприятия по восстановлению	Кратковременный отдых		Продолжительный отдых	Лечение и реабилитация

25.3. Психологический стресс

Термин «стресс» (от англ. *stress* — давление, напряжение) заимствован из техники. В физиологии, психологии, медицине этот термин применяется для обозначения обширного круга состояний человека, возникающих в ответ на разнообразные экстремальные воздействия.

Для обозначения неспецифической реакции организма (общего адаптационного синдрома) в ответ на любое неблагоприятное воздействие понятие «стресс» первоначально использовалось в физиологии. В последующем возникло много толкований этого понятия, что позволило Г. Селье отметить, что «стресс, подобно теории относительности, является научной концепцией, которая страдает от смешения в сознании представлений, отражающих хорошее знание проблемы и недостаточное ее понимание».

Психологический стресс — это состояние чрезмерной психической напряженности и дезорганизации поведения, которое развивается в результате угрозы или реального воздействия экстремальных факторов социального, психологического, экологического и профессионального характера (рис. 25-2). Анализ психологического стресса требует учета как значимости ситуации для субъекта, так и его личностных характеристик. Стресс в значительной степени является продуктом образа мысли и оценки ситуации, знания собственных возможностей, степени обученности способам управления и стратегии поведения в экстремальных условиях. Психологический стресс представляет собой прежде всего состояние тревоги за жизнь, здоровье, успех, благополучие.

- **Психологический стресс — состояние чрезмерной психической напряженности и дезорганизации поведения.**

В качестве стрессовой может быть признана только такая реакция индивида, которая достигает пороговых уровней его психологических и физиологических возможностей. Изменение поведения при стрессе является специфическим и более интегральным показателем характера ответа на воздействие, чем отдельные функциональные показатели. В состоянии стресса у человека часто доминирует форма поведения с повышением возбудимости, выражающаяся в дезорганизации поведения, утрате ряда ранее

приобретенных реакций, преобладании стереотипных ответов, появлении ошибочных действий. Л. А. Китаев-Смык выделил две наиболее общие формы изменений поведенческой активности при кратковременных, но достаточно интенсивных стрессовых воздействиях: активно-эмоциональная, направленная на удаление экстремального фактора (агрессия, бегство), и пассивно-эмоциональная, проявляющаяся в ожидании окончания воздействия экстремального фактора (уменьшение активности, снижение эффективности защитных действий).

Когнитивная теория стресса. Наиболее полно процессы зарождения, развития и проявления психологического стресса представлены в когнитивной теории стресса, основу которой составляют положения о роли субъективной познавательной оценки угрозы неблагоприятного воздействия и своей возможности преодоления стресса (Лазарус Р., 1970). Угроза рассматривается как состояние ожидания субъектом вредного, нежелательного влияния внешних условий и стимулов. «Вредоносные» свойства стимула (условий) оцениваются по характеристикам интенсивности воздействия, степени неопределенности значения стимула и времени воздействия, а также ресурсов индивида по преодолению такого воздействия.

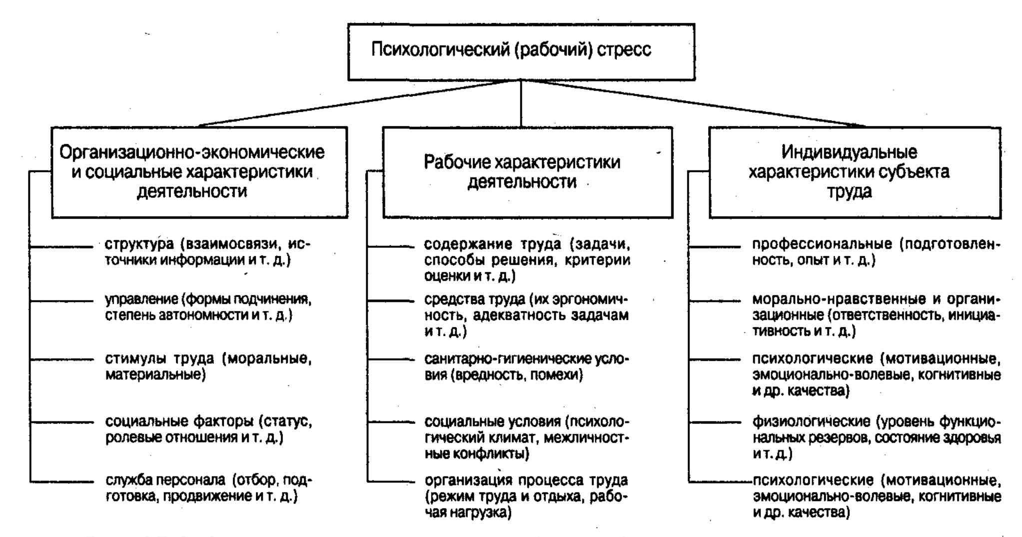

Рис. 25-2. Схема основных источников (причин) развития психологического (рабочего) стресса

Психологический стресс отличается от всех других его видов наличием в структуре развития этого состояния опосредующей переменной — угрозы, то есть сведений, символов, предвосхищающих будущее столкновение человека с какой-то опасной для него ситуацией. Процессы оценки угрозы, связанные с анализом значения ситуации и отношением к ней, осуществляются на основе преобразования текущей и прошлой информации об особенностях неблагоприятного события, предвосхищения характера его развития и проявления.

Различаются три типа стрессовых оценок:

1) травмирующая потеря, утрата (реальная или ожидаемая) чего-либо, что имеет большое личное значение (смерть супруга, потеря работы и т. п.);

2) угроза воздействия, которая требует от человека способностей (возможностей), превышающих те, которыми он владеет;

3) сложная задача, проблема, ответственная и потенциально рискованная ситуация.

Для преодоления стресса предполагается использование первичной оценки ситуации с точки зрения ее угрозы для субъекта, вторичной оценки, определяющей соотношение между способностью субъекта к преодолению стресса и требованиями, предъявляемыми ситуацией, и переоценки, основанной на сопоставлении первых двух оценок. В результате такого сопоставления может произойти изменение первичной оценки и, вследствие этого, пересмотр своих возможностей воздействовать на данную ситуацию, т. е. коррекция вторичной оценки.

Оценку события как стрессового определяют три основных фактора: 1) эмоции, ассоциирующиеся с данным событием, — как первичный предупреждающий сигнал, как регулятор поведения, как возбуждающий фактор; 2) неопределенность события с точки зрения возможности или момента наступления, силы воздействия, объема необходимых знаний для предупреждения или ликвидации

угрозы, степени сложности с позиции когнитивных способностей и опыта субъекта; 3) значимость события для конкретного человека, его субъективная оценка степени важности для достижения необходимого результата деятельности, вредности или опасности последствий этого события и т. д.

Из когнитивной теории стресса делается ряд важных заключений. Во-первых, одинаковые внешние события могут являться или не являться стрессогенными для разных людей, — личные когнитивные оценки внешних событий определяют степень их стрессогенного значения для конкретного субъекта. Во-вторых, одни и те же люди могут в одном случае воспринимать одно и то же событие как стрессорное, а в другом как обычное, нормальное, — такие различия связаны с изменениями в физиологическом состоянии и психическом статусе субъекта.

25.4. Психологическая готовность к деятельности

Психологическая готовность является психическим состоянием, которое характеризуется мобилизацией ресурсов субъекта труда на оперативное или долгосрочное выполнение конкретной деятельности или трудовой задачи. Это состояние помогает успешно выполнять свои обязанности, правильно использовать знания, опыт, личные качества, сохранять самоконтроль и перестраивать деятельность при появлении непредвиденных препятствий.

- **Психологическая готовность —психическое состояние, которое характеризуется мобилизацией ресурсов субъекта труда на выполнение конкретной деятельности.**

Различают длительную готовность и временное состояние готовности, синонимами которого являются «предстартовое состояние» (Н. Д. Левитов), состояние «оперативного покоя» (А. А. Ухтомский) и состояние «бдительности» (Л. С. Нарсесян, В. Н. Пушкин).

Длительная готовность представляет собой структуру, в которую входят:

1) положительное отношение к тому или иному виду деятельности, профессии;

2) черты характера, способности, темперамент, мотивация, адекватные требованиям деятельности;

3) необходимые знания, навыки, умения;

4) устойчивые профессионально важные особенности восприятия, внимания, мышления, эмоционально-волевые процессы.

Временная готовность отражает особенности и требования предстоящей ситуации. Ее основными чертами являются относительная устойчивость, действенность влияния на процесс деятельности, соответствие структуры готовности оптимальным условиям достижения цели.

Динамическая структура состояния психологической готовности к сложным видам деятельности — это целостное образование, включающее в себя ряд личностных характеристик, основными из которых являются:

1) мотивационные — потребность успешно выполнять поставленную задачу, интерес к деятельности, стремление добиться успеха и показать себя с лучшей стороны;

2) познавательные — понимание обязанностей, трудовой задачи, оценка ее значимости для достижения конечных результатов деятельности и для себя лично (с точки зрения престижа, статуса), представление вероятных изменений обстановки и т. д.;

3) эмоциональные — чувство профессиональной и социальной ответственности, уверенность в успехе, воодушевление;

4) волевые — управление собой и мобилизация сил, сосредоточение на задаче, отвлечение от мешающих воздействий, преодоление сомнений, боязни.

Процесс формирования состояния психологической готовности к деятельности представляет собой последовательность взаимосвязанных процедур и действий:

- осознание своих потребностей, требований общества, коллектива или поставленной другими людьми задачи;

- осознание целей выполнения задач, решение которых приведет к удовлетворению потребностей или выполнению поставленной задачи;

- осмысливание и оценка условий, в которых будут протекать предстоящие события, актуализация опыта, связанного с решением задач и выполнением требований подобного рода;

- определение на основе опыта и оценки предстоящих условий деятельности наиболее рациональных

и возможных (вспомогательных) способов решения задач или выполнения требований;

- прогнозирование проявления своих интеллектуальных, эмоциональных, мотивационных и волевых процессов, оценка соотношения своих возможностей, уровня притязаний и необходимости достижения определенного результата;
- мобилизация сил в соответствии с условиями и задачей, самовнушение веры в успешное достижение цели.

25.5. Приемы управления функциональными состояниями

Обеспечение эффективности выполнения профессиональных задач, безопасности труда и сохранения профессионального здоровья требует создания условий для поддержания работоспособности на необходимом уровне. Сохранение (повышение) работоспособности за счет предотвращения нарушений функционального состояния или формирования благоприятных состояний возможно путем:

- создания системы обеспечения профессиональной пригодности специалистов (разработка методов и показателей для их отбора и подготовки);
- разработки эргономических рекомендаций по проектированию, созданию и эксплуатации системы «человек-машина-среда», основанных на учете психологических, физиологических, антропометрических и других возможностей человека в средствах, содержании, условиях и организации деятельности;
- обоснования и использования методов и средств непосредственного воздействия на конкретного специалиста, которые можно объединить в классы по их содержанию, процедуре использования, механизмам воздействия.

Основные направления индивидуальной профилактики и коррекции неблагоприятных функциональных состояний представлены в табл. 25.2.

Наиболее доступным и эффективным средством профилактики функциональных нарушений и сохранения высокой работоспособности для некоторых профессий является регламентация труда с учетом индивидуальных особенностей конкретного субъекта. При таком подходе к организации режима труда и отдыха, рабочей нагрузки (ее объема, степени тяжести) должно учитываться текущее функциональное состояние индивида, его профессиональный опыт и подготовленность, уровень мотивации и волевые качества, резервные возможности организма. Величина рабочей нагрузки не должна приводить к функциональному перенапряжению, но следует помнить, что определенное ее превышение комфортного уровня вызывает тренирующий, развивающий эффект и обеспечивает в дальнейшем рост работоспособности. Выбор формы и содержания отдыха определяется характером причин и признаков нарушения функционального состояния. При сильном утомлении показано применение пассивного отдыха (продолжительный сон, чтение литературы, просмотр телепередач и т. п.). Основным принципом активного отдыха является периодическая смена деятельности, чередование умственного и физического труда.

Одним из методов психогенного управления функциональным состоянием является аутогенная тренировка, различные варианты которой нашли широкое применение в клинической практике, в психологии спорта и физиологии труда. На основе аутогенной тренировки создан метод психосоматической саморегуляции, в которой все словесные формулы разделены по отдельным урокам и имеют свое специальное назначение — мышечная релаксация (расслабление), произвольное расширение кровеносных сосудов (представление чувства тепла), произвольное управление дыханием и ритмом сердечных сокращений и т. п.

Таблица 25.2

Классификация приемов управления функциональным состоянием

Формы воздействия	Средства и методы

Организационные	— индивидуальная регламентация труда: рабочая нагрузка, режим труда, отдыха и питания;
Психологические	— психогенные: аутотренинг, психосоматическая саморегуляция, гипноз, функциональная музыка и цветомузыка; — рефлексологические воздействие (электротоком, массажем, лазером) на биологически активные точки и зоны кожи;
Физиолого-гигиенические и электрофизиологические	— дыхание кислородом и искусственными газовыми смесями, ускоренная температурная адаптация, регуляция среды обитания (динамическая освещенность и др.), закаливание организма; — электростимуляция нервно-мышечного аппарата и электротранквилизация активности коры головного мозга, воздействие электромагнитным излучением;
Фармакологические	— стимуляторы центральной нервной системы, транквилизаторы, адаптогены, психоседативные (успокаивающие) препараты;
Физические	— общая и специальная физическая подготовка, спорт; — активный отдых: физзарядка, турпоходы, пешеходные прогулки, рыбалка и т. п.; — массаж, душ, ванны, сауна.

Основная задача тренировок заключается в освоении трех методических приемов:

1) аутогенной релаксации, предназначенной для самоуспокоения и снятия чрезмерного нервно-психического напряжения;

2) аутогенной стимуляции, направленной на снятие явлений утомления или оперативного повышения работоспособности;

3) релаксидеомоторной тренировки для формирования образного представления рабочего овладения состоянием при выполнении трудовых задач.

В настоящее время наука располагает довольно большим количеством фармакологических средств, способствующих коррекции функционального состояния и повышению работоспособности. С этой целью могут быть использованы различные препараты:

- для мобилизации резервных возможностей организма — стимуляторы центральной нервной системы (феналин, сиднокарб и др.);
- для улучшения обменных процессов, нормализации энергетического баланса — психоэнергизаторы (амивис, бемитил и др.);
- для предотвращения воздействия на организм неблагоприятных факторов — актопротекторы (бромантин, бемитил и др.);
- для ускорения и закрепления эффектов адаптации организма — адаптогены (корень женьшеня, элеутерококк и др.);
- для регуляции эмоционального состояния — транквилизаторы (триоксазин, мебикар и др.).

Следует отметить, что применение фармакологических средств целесообразно лишь в качестве временной меры поддержания или повышения работоспособности человека в особых условиях деятельности и должно проводиться по назначению врача с учетом индивидуальных особенностей человека.

Вопросы

1. В чем заключается сущность понятия «функциональное состояние» и какие факторы определяют его формирование?
2. В чем заключаются основные принципы классификации состояния утомления?
3. В чем заключаются различия в понятиях «стресс» и «психологический стресс»?
4. В чем основная суть когнитивной теории стресса?
5. Какие виды психологического стресса вам известны и каковы основные причины их

развития?

6. Перечислите основные компоненты структуры состояния психологической готовности к деятельности и определите различия между временной и длительной готовностью.

7. Какие этапы и условия формирования состояния психологической готовности к деятельности вам известны?

8. Перечислите основные направления мероприятий психологического обеспечения трудовой деятельности в целях поддержания работоспособности и профилактики нарушений функционального состояния.

9. Приведите классификацию приемов управления функциональным состоянием и определите направленность регулирующего воздействия методов и средств каждого класса приемов.

Литература

Авиационная медицина: Руководство / Под ред. Н. М. Рудного, П. В. Васильева, С. А. Гозулева. — М.: Медицина, 1986. - 534 с. - С. 407-418.

Бодров В. А. Проблема утомления летного состава // Физиология человека. — 1988. — № 5.

Бодров В. А. Психологический стресс: развитие учения и современное состояние проблемы / РАН, Ин-т психологии. - М.: ИП РАН, 1995. - 136 с.

Дикая Л. Г., Гримак Л. П. Теоретические и экспериментальные проблемы управления психическим состоянием человека // Вопросы кибернетики. Психические состояния и эффективность деятельности. — М.: Наука, 1983. - 234 с.

Дьяченко М. И. и др. Готовность к деятельности в напряженных ситуациях / Дьяченко М. И., Кандыбович Л. А., Пономоренко В. А. — Минск: Изд-во «Университетское», 1985. — 206 с.

Зинченко В. П. и др. Психометрика утомления / Зинченко В. П., Леонова А. Б., Стрелков Ю. К.; Научн. ред. А. Л. Журавлев. - М.: Изд-во МГУ, 1977. - 129 с.

Китаев-Смык Л. А. Психология стресса. — М.: Наука, 1983. — 368 с.

Лазарус Р. Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс / Под. ред. Л. Леви. - Л.: Медицина, 1970. - 104 с.

Левитов Н. Д. О психических состояниях человека. — М.: Просвещение, 1964. — 344 с.

Леонова А. Б. Психодиагностика функциональных состояний человека. — М.: Изд-во МГУ, 1984. — 199 с.

Медведев В. И., Леонова А. Б. Функциональные состояния человека // Физиология трудовой деятельности / Отв. ред. В. И. Медведев, В. С. Аверьянов; РАН. - СПб.: Наука, 1993. - 522 с. - С. 30.

Медведев В. И. Функциональные состояния оператора // Эргономика: Принципы и рекомендации: Сборник статей. Вып. 1. - М.: ВНИИТЭ, 1970. - 120 с.

Мясищев В. Н. Личность и неврозы. — Л.: ЛГУ, 1960. — 426 с.

Наенко Н. И. Психическая напряженность. — М.: МГУ, 1976. — 112 с.

Розенблат В. В. Проблема утомления. — М.: Наука, 1975. — 220 с.

Селье Г. На уровне целого организма. — М.: Наука, 1972.

Селье Г. Стресс без дистресса. — М.: Прогресс, 1979.

Глава 26. Психология профессиональной пригодности

Краткое содержание главы

Профессиональные способности и мотивация. Профессиональная пригодность. Задатки, способности и одаренность. Общие и специальные способности. Развитие способностей. Мотивация в трудовой деятельности.

Психологическая диагностика и прогностика. Определение психодиагностики. Классификации психодиагностических методик.

Профессиональная ориентация. Профессиональное самоопределение. Формы профориентационной деятельности. Функции профориентации. Формы консультационной работы.

Профессиональный психологический отбор. Разработка системы психологического отбора.

Методики, используемые для проведения психологического отбора. Критерии оценки профессиональной эффективности.

Психологические основы профессиональной подготовки и адаптации к труду. Профессиональные знания, умения и навыки. Психологические особенности адаптации к труду.

26.1. Профессиональные способности и мотивация

Эффективность трудовой деятельности, удовлетворенность процессом и результатами труда, перспективы профессиональной карьеры в значительной степени зависят от пригодности субъекта труда к выполнению конкретных рабочих функций. *Профессиональная пригодность* как соответствие человека требованиям конкретной трудовой деятельности:

- определяется соотношением требований профессии и индивидуальных особенностей человека;
- имеет конкретный объект реализации (определенная категория людей и вид деятельности, этап профессионализации);
- отражает состояние, степень развития совокупности индивидуальных качеств человека (качества личности, способности, физическое развитие и т. д.);
- является динамическим свойством системы деятельности (развитие субъекта труда и изменчивость объекта труда).

- **Профессиональная пригодность – сответствие человека требованиям конкретной трудовой деятельности.**

Психологической основой профессиональной пригодности является проблема оценки и развития способностей человека и других индивидуальных качеств, необходимых для трудовой деятельности. Научно-практические направления работы по формированию профессиональной пригодности включают разработку и реализацию системы психологического обеспечения профессиональной ориентации, отбора, подготовки и адаптации человека к трудовой деятельности.

Термин «способности» имеет много толкований, и до настоящего времени нет его однозначного определения. В англоязычной литературе по психологии широко используется термин *capasity,* обозначающий предельные возможности, определяемые и ограничиваемые конституцией человека, его потенциальные возможности, которые могут быть реализованы при благоприятных обстоятельствах. То, как действует человек в данный момент, зависит от его способности, умения, возможности для реальной активности (*ability*).

Наиболее полную и последовательную систему основных понятий теории способностей дал Б. М. Теплов. Он дал следующие определения таких категорий, как задатки, способности и одаренность.

Задатки — анатомо-физиологические особенности человека, которые лежат в основе развития способностей.

Способности — индивидуально-психологические особенности, проявляющиеся в успешности выполнения какой-либо деятельности, в легкости и быстроте ее усвоения или успешности приобретения знаний, но не сводимые к знаниям, умениям и навыкам.

Одаренность — индивидуально и качественно своеобразное сочетание способностей, от которых зависит возможность успеха в деятельности.

- **Способности— психическое свойство, проявляющееся в успешности освоения и реализации деятельности.**
  Задатки —врожденные особенности, лежащие в основе развития способностей.
  Одаренность — индивидуальное сочетание способностей, от которых зависит успешность деятельности.

Попытка подойти к определению понятий «способность» и «одаренность» с позиций разработанной П. К. Анохиным теории функциональных систем была предпринята В. Д. Шадриковым. Психическая деятельность представляется ему как активность отдельных функциональных систем, реализующих определенные психические функции. Эти функции характеризуются свойствами (способностями), благодаря которым человек ощущает, мыслит, действует, запоминает и т. д. По Шадрикову, способности — это свойство функциональных систем, реализующих отдельные психические функции, которые имеют индивидуальную меру выраженности, проявляющуюся в успешности и качественном своеобразии освоения и реализации деятельности. Данное определение указывает на то, что

способности целесообразно соотносить с соответствующими психическими функциями, которые реализуются в психических процессах. Следовательно, способности можно отождествлять со свойствами познавательных и психомоторных процессов.

Другое дело — одаренность, которая представляет собой индивидуально-своеобразное сочетание способностей, — она должна соотноситься с конкретной деятельностью. Одаренность определяется Шадриковым как системное качество совместно работающих функциональных систем, реализующих различные психические функции, которые включены в функциональную систему деятельности и имеют индивидуальную меру выраженности, проявляющуюся в успешности и качественном своеобразии выполнения деятельности.

Соотношение общих и специальных способностей строится на представлении о том, что общие способности являются фундаментом освоения любой деятельности, а специальные способности определяют успешность освоения определенной деятельности. Понятие «профессиональные способности» характеризует индивидуально-психологические возможности субъекта труда успешно осваивать и выполнять трудовую деятельность на всем протяжении профессионального пути с учетом развития личности и изменения требований деятельности. Профессиональные способности — это совокупность общих и специальных свойств отдельных психических функций и их системных отношений, которые имеют индивидуальное своеобразие (меру выраженности) в обеспечении успешного освоения и реализации деятельности.

Успешность освоения и реализации трудовой деятельности определяется не только особенностями познавательных и психомоторных процессов, характеризующих способности, но и такими психологическими характеристиками субъекта труда, как особенности мотивации, черты характера, эмоционально-волевые качества и особенности темперамента. Вся совокупность психологических качеств личности, а также целый ряд физических, антропометрических, физиологических характеристик человека, которые влияют на успешность освоения и выполнения конкретной деятельности (или совокупности деятельностей), получила название «профессионально-важные качества субъекта труда». Конкретный перечень этих качеств для каждой деятельности специфичен и определяется по результатам психологического анализа деятельности и составления ее профессиограммы и психограммы.

Профессиональные способности находятся в постоянном развитии, которое заключается в совершенствовании отдельных профессионально значимых психических качеств (познавательных и психомоторных процессов и функций), а также в установлении между ними специфических взаимосвязей и взаимозависимостей (системных качеств), соответствующих требованиям изменяющейся деятельности.

Изучение развития способностей проводится, во-первых, на уровне оценки результатов реализации отдельных психических свойств в показателях деятельности и, во-вторых, на аналитическом уровне, когда развитие способностей представляется через описание определяющих их психических процессов — учитывается динамика психических свойств (способностей) и психических функций, оцениваются их предельные значения, оптимальные условия и эффективность проявления.

Одной из основных закономерностей развития способностей является отмеченная еще Б. Г. Ананьевым неравномерность изменений и гетерохронность (разновременность) фаз развития психических функций.

Мотивация в трудовой деятельности. Применительно к трудовой деятельности представляет интерес теория потребностей Д. Макклеланда, считающего, что людям в ходе выполнения деятельности присущи три основных типа мотивации: власти, достижения и причастности к социальной группе (аффилиации).

Стремление властвовать выражается в желании воздействовать на других людей и управлять ими, в откровенности и энергичности, в стремлении отстаивать свои позиции. Мотивация достижения связывается с выполняемой человеком деятельностью как внутреннее, относительно устойчивое стремление к успехам в различных формах трудовой активности. Некоторые профессии предопределяют успешность в своей области в зависимости от типа мотивации достижения: так для авиадиспетчера предпочтительнее мотивация избегания неудачи, поскольку цена ошибки очень высока, а для коммивояжера только мотивация достижения успеха (и как следствие, терпимость, устойчивость к неудачам) позволяет выполнять свою работу. Стремление человека быть в обществе других людей, состоять членом конкретной социальной группы направляет его на выбор определенной сферы профессиональной деятельности (связанной с общением) и обусловливает характер выполнения

профессиональных обязанностей. Такие люди в первую очередь налаживают и поддерживают социальные контакты, не мыслят себя вне межличностных отношений в деловой сфере, при этом достижение конкретного результата заслоняется привлекательностью и смыслом социальных отношений.

Попытка содержательно описать наиболее типичные мотивы профессиональной деятельности представлена в двухфакторной теории Ф. Герцберга.

В первую группу факторов входят мотивы, определяющие повышение производительности труда: хороший заработок, шансы продвижения по службе, поощрение успеха в труде, содержание работы и т. д. Вторая группа мотивов связана в первую очередь с привлекательностью труда: работа без напряжения и стрессов, комфорт на рабочем месте, хорошее отношение с сотрудниками и руководством и т. д.

Существует еще один аспект различий в мотивации. Согласно теории мотивации В. Врума, активное намерение достичь определенной цели зависит от трех переменных:

1) ожидание (оценка вероятности) того, что предполагаемые усилия дадут желаемые результаты (если связи между затрачиваемыми усилиями и результатом нет, то мотивация ослабевает или исчезает совсем);

2) ожидание того, что полученные результаты повлекут за собой ожидаемое вознаграждение (отсутствие связи между ними или несоответствие этой связи представлениям о вознаграждении снижает уровень мотивации);

3) валентность (ценность) для конкретного человека получаемого вознаграждения.

26.2. Психологическая диагностика и прогностика

Исследования и практические решения по многим направлениям и проблемам психологической науки и практики основаны на применении методов психологической диагностики. *Психодиагностика* — это научно-практическая дисциплина, разрабатывающая методы распознавания и измерения индивидуально-психологических особенностей человека.

- **Психодиагностика — наука о распознавании и измерении психологических особенностей человека.**

Психодиагностика как теоретическая и экспериментальная дисциплина направлена на создание концепции психологических измерений. Методологической основой психодиагностики выступает психометрика, разрабатывающая технологию создания конкретных психодиагностических методик.

Психодиагностика как прикладная отрасль психологии включает в себя, помимо методического обеспечения, технологические приемы установления контакта психодиагноста с обследуемым в различных диагностических ситуациях, правила регистрации результатов обследования, составления диагностических заключений и т. д.

По способу получения информации психодиагностические методики разделяются на объективные — стандартизированные испытания (тесты), и клинические методы, ориентированные на понимание, интерпретацию — беседа, слабостандартизированные проективные методики и т. п. В тестах преобладает количественный подход к описанию и измерению психической реальности; в клинических методах — качественный, допускающий использование различных признаков и процедур для выявления одного и того же качества. Использование клинических методов требует высокой квалификации психодиагноста.

Следующим основанием для классификации психодиагностических методик является психологическое содержание измеряемого качества. По этому признаку методики можно разделить на группы диагностики познавательных способностей, специальных способностей, личностных черт, самосознания, мотивационной сферы, эмоциональности, качеств темперамента, межличностных отношений и т. д.

Одним из оснований для классификации методик может быть характер технологических операций психодиагноста при проведении обследования. По этому критерию можно выделить аппаратурные методики диагностики психофизиологических показателей, аппаратурные поведенческие методики,

тесты способностей, методики диагностики креативности, личностные опросники, методики субъективного шкалирования, проективные методики, структурированное интервью, клиническую беседу, ситуационное тестирование, различные интерактивные методики (тренинга, ролевые игры, организационно-деятельностные игры).

26.3. Профессиональная ориентация

На жизненном и профессиональном пути человека периодически возникают ситуации, требующие определения дальнейшего направления своего развития. Одной из основных задач на этом пути является выбор профессии. Эта процедура, как правило, требует психологической помощи, консультирования, поддержки. Выбор профессии является, во-первых, более или менее длительным процессом ориентации в мире профессий. Во-вторых, на жизненном пути возможна неоднократная смена профессий, — именно поэтому данная ситуация характерна не только для молодежи, но и для людей в зрелом возрасте.

Основным видом психологической помощи в выборе трудовой деятельности является *профессиональная ориентация* — система мероприятий по ознакомлению с миром профессий и содействию в выборе профессии сообразно желаниям, склонностям и интересам человека и с учетом его способностей и возможности работать в избранной профессии. Профориентация — это научно обоснованное управление процессом сознательного самоопределения людей в целях удовлетворения их личных потребностей самореализации в труде и общественных потребностей в воспроизводстве трудовых ресурсов. *Профессиональное самоопределение* — это выбор профессии на основании анализа, оценки внутренних ресурсов субъекта выбора и соотнесения их с требованиями профессии и последующее формирование его как субъекта труда и профессионала.

Процесс профессионального самоопределения состоит из следующих стадий:

1) возникновение и формирование профессиональных намерений и первоначальная ориентировка в различных сферах труда;

2) профессиональное обучение как освоение выбранной профессии;

3) профессиональная адаптация — формирование индивидуального стиля деятельности и включение в систему производственных и социальных отношений;

4) самореализация в труде — выполнение или невыполнение тех ожиданий, которые связаны с профессиональным трудом.

Индивидуальная ситуация выбора профессии при всем многообразии у каждого человека имеет некоторую общую структуру, которая включает: позиции старших членов семьи, сверстников, учителей; личные профессиональные планы; способности, умения, достигнутый уровень развития как субъекта труда; уровень притязаний на общественное признание; информированность; склонность, интерес к тем или иным видам деятельности; общую активность, самооценку, уверенность в достижении успеха, уровень саморегуляции.

Профориентация предполагает наличие системы мероприятий, направленных на разработку и реализацию рекомендаций по профессиональному самоопределению. Эта система включает ряд специфических и взаимосвязанных форм профориентационной деятельности:

- психологическое изучение профессий — профессиография, психография, обоснование профессиональных требований к субъекту, классификация профессий;
- профессиональное воспитание — развитие интересов, склонностей, способностей, личностных качеств в различных видах деятельности (познавательной, коммуникативной, игровой,учебной,трудовой);
- профессиональное просвещение (профинформация) — обеспечение формирования знаний о мире профессий и условиях правильного их выбора, информирование о способах и условиях овладения профессией, пропаганда общественно значимых профессий и т. д.;
- профессиональная консультация — система психолого-педагогических и медицинских мероприятий по изучению и оценке способностей и функциональных возможностей человека с целью помощи ему в обоснованном выборе профессии;
- профессиональная адаптация — приспособление человека к профессиональным, социальным и психологическим факторам трудовой деятельности и формирование у субъекта индивидуального стиля

деятельности.

Профессиональная ориентация реализует следующие личные и общественные функции:

- социальная функция — усвоение молодежью определенной системы социальных норм, ценностей и знаний, необходимых для адекватного выполнения профессиональной деятельности;
- психолого-педагогическая функция — выявление и формирование интересов, склонностей, личностных особенностей, оказание помощи молодежи в выборе профессии, наиболее соответствующей психологическим качествам конкретного субъекта, определение путей, способов и условий оптимального развития этих качеств;
- медико-физиологическая функция — выявление ограничений в состоянии здоровья для выбора конкретной профессии и коррекция профессиональных планов в соответствии с физиологическими возможностями организма;
- экономическая функция — улучшение качественного состава работников, повышение удовлетворенности трудом, снижение текучести кадров, повышение профессиональной активности работников.

- **Профессиональная ориентация — система мероприятий по ознакомлению с миром профессий и содействию в выборе профессии.**

Профессиональное самоопределение —выбор профессии и последующее формирование человека как профессионала.

Наиболее активное психологическое обеспечение профориентационной работы производится на этапе профессиональной консультации. Существует несколько взаимосвязанных форм консультационной работы:

1) информационно-справочная,—предоставление сведений об условиях и каналах трудоустройства, требованиях приема на учебу и работу, возможностях освоения различных профессий, сроках подготовки и т. д.;
2) психодиагностическая — психологическое обследование и оценка соответствия индивидуальных особенностей личности требованиям отдельных профессий;
3) психокоррекционная — помощь в выборе профессии и коррекции этого выбора, рекомендации путей и методов исправления отклонений в психической сфере и поведении;
4) медицинская — оценка состояния здоровья и выявление ограничений для выбора конкретной профессии.

Проведение профконсультационной работы требует соблюдения ряда принципов при обследовании личности, основными из которых являются добровольность участия в обследовании, активность субъекта выбора профессии, комплексность подхода к обследованию субъекта (оценка личностных, познавательных, эмоционально-волевых и других качеств), индивидуальный подход, отражающий изучение психологических особенностей конкретной личности в связи с определенной специальностью, конфиденциальность диагностической информации, а также персональная ответственность психолога за процедуру и результаты обследования.

Психологическое обследование при проведении профконсультации проводится в групповом и, главным образом, индивидуальном вариантах, в форме беседы и психодиагностического обследования, с целью формирования обоснованного индивидуального профессионального плана.

Каждая профориентационная ситуация по-своему уникальна, но можно выделить наиболее часто встречающиеся ситуации:

1) оптант (человек, выбирающий профессию) хорошо ориентирован в мире профессий, выбрал себе профессию, но хочет получить подтверждение правильности своего выбора;

2) оптант имеет несколько вариантов профессионального плана и испытывает трудности с выбором, — следует выяснить степень обоснованности его планов;

3) оптант не имеет профессионального плана, но проявляет явную склонность к определенной профессии, — необходимо помочь в построении профессионального плана;

4) у оптанта нет ни профессионального плана, ни выраженных склонностей к какому-либо виду деятельности — следует провести обширную психодиагностическую работу, выяснить причины отсутствия плана, начать его формирование и т. п.

Психологическое профконсультирование предъявляет высокие требования к личности самого профконсультанта и требует от него серьезной профессиональной подготовки.

26.4. Профессиональный психологический отбор

Одним из этапов в реализации стремления к профессиональному мастерству на основе учета характера склонностей, интересов и возможностей конкретного индивида является проведение профессионального отбора кандидатов на обучение или на выполнение реальной деятельности. *Профессиональный отбор* — это комплекс мероприятий, направленных на выявление лиц, в наибольшей степени соответствующих требованиям конкретной специальности по своим индивидуальным качествам. Профессиональный отбор включает в себя изучение социальных характеристик человека и уровня его общеобразовательной и специальной подготовленности, а также медицинское и психологическое обследование, — эти направления изучения человека часто выступают как самостоятельные виды отбора, которые, однако, тесно связаны и взаимно дополняют друг друга.

Психологический отбор — это процедура изучения и оценки степени развития психических и психофизиологических качеств человека, требуемых конкретной профессией, что способствует успешному овладению профессией и последующей эффективной деятельности. В процессе психологического отбора в зависимости от его задач, характера контингента и профессиональных требований может быть предусмотрена оценка, во-первых, биологически устойчивых психофизиологических качеств (пороги ощущения и восприятия, типологические свойства высшей нервной деятельности, психомоторные качества и т. д.), во-вторых, социально-психологических характеристик (направленность личности, коммуникативность, склонность к лидерству, конформизм и т. д.), в-третьих, особенностей психических процессов, состояний и свойств. В практическом отношении психологический отбор может разрабатываться и проводиться либо в полном своем объеме (по всем трем направлениям) для всестороннего изучения личности, либо только в виде психофизиологического отбора (водители, связисты и т. п.) или социально-психологического отбора (на руководящие специальности или должности).

При разработке системы психологического отбора необходимо соблюдать принцип научной обоснованности организационно-методических рекомендаций по отбору. Это предполагает исследование таких вопросов, как актуальность отбора, его задачи и методы. Необходимость создания системы психологического отбора определяется зависимостью успеха подготовки специалистов от выраженности профессионально значимых качеств личности и наличием резкой дифференциации между хорошими и плохими студентами или специалистами, в основе которой лежат индивидуальные особенности. Подбор методов оценки и критерии профессиональной пригодности определяются конкретными задачами отбора, в соответствии с которыми будут существенно различаться и требования к абитуриенту или молодому специалисту. По характеру задач различается отбор на обучение и для реальной деятельности (в простых или экстремальных условиях). Процедура обследования кандидатов при психологическом отборе предусматривает оценку профессионально значимых качеств личности. В качестве методик изучения индивидуально-психологических особенностей личности используется большой арсенал методических приемов, из которого экспериментальным путем определяется их комплекс, наиболее информативный и прогностически ценный для решения задачи отбора на конкретную профессию.

Разработка системы психологического отбора завершается проверкой эффективности использования ее методических и критериальных рекомендаций путем их сопоставления с внешними объективными показателями успешности обучения или реальной деятельности представителей контрольной группы, а также составлением организационно-методических указаний по проведению отбора.

Методики, используемые для проведения психологического отбора, должны отвечать определенным требованиям по критериям валидности, надежности и дифференицированности. Валидность методики указывает, что и насколько точно она измеряет. Надежность методики определяется постоянством результатов, полученных при повторных (и в равных условиях) обследованиях одного и того же лица по конкретной методике. Дифференцированность методики означает, что каждая методика должна быть направлена на оценку определенной психической функции или их совокупности.

Для определения прогностической ценности методики необходимо произвести сравнение результатов экспериментального психологического обследования лиц с различным уровнем профессиональной подготовленности. Выбранные критерии оценки профессиональной эффективности должны удовлетворять следующие требования:

1) адекватность оценок с точки зрения целей отбора и особенностей профессиональной

деятельности, — они должны характеризовать ту деятельность, на которую предусматривается отбирать кандидатов;

2) объективность оценок, т. е. преимущественное использование количественных показателей профессиональной эффективности (статистические данные о числе случаев отстранений от учебы или деятельности, показатели скорости и качества овладения элементами профессии, показатели надежности выполнения работы и т. д.);

3) комплексность критериев, т. е. необходимость использования оценочных показателей профессиональной эффективности, характеризующих различные стороны ее проявления, с последующим выделением ведущего критерия или применением обобщающей оценки.

- **Профессиональный отбор — выявление лиц, соответствующих по своим индивидуальным качествам требованиям конкретной специальности.**

Психологический отбор — оценка психических и психофизиологических качеств человека, требуемых конкретной профессией.

26.5. Психологические основы профессиональной подготовки и адаптации к труду

Универсальным средством формирования профессиональной пригодности является профессиональная подготовка специалистов, включающая их обучение и тренировку. В процессе обучения той или иной специальности человек овладевает определенной системой знаний, навыков и умений.

Профессиональные знания — это характеризующие особенности конкретной деятельности сведения, которые необходимы для эффективной ее реализации. Знания могут выступать в форме наглядных представлений (образов) и понятий, являющихся абстрактным и обобщенным отражением действительности.

Навыки — это действия, доведенные до определенной степени совершенства, выполняемые легко, быстро, экономно, с наивысшим результатом и с наименьшим напряжением. Как отмечал С. Л. Рубинштейн, важная роль навыков заключается в том, что они разгружают сознательную деятельность от регулирования относительно элементарных актов, вследствие чего она может направляться на решение более сложных задач. Но не всякое действие надо доводить до автоматизма — иногда это может быть даже вредным из-за потери оперативного контроля (особенно в сложных условиях работы) за качеством его исполнения. Профессиональные навыки подразделяются на сенсорно-перцептивные (навыки восприятия), моторные (двигательные навыки) и интеллектуальные (приемы решения задач).

В формировании двигательного навыка можно выделить следующие этапы:

1) предварительный — формируется программа навыка, расчленяются отдельные движения на компоненты, производятся пробные, ориентировочные движения, отбирается необходимая информация для конкретного навыка;

2) аналитический (генерализованный) — движения выполняются раздельно, производится чувственный анализ силы, величины, длительности каждого движения;

3) синтетический (детерминированный) — отдельные элементы действий объединяются в одно целое, формируется обобщенный образ, в который входит последовательная совокупность движений;

4) этап автоматизации — устраняются излишние движения, внимание перемещается с процесса действия на его результат, образуется ритм движения, формируется произвольная регуляция его темпа.

Этапность в формировании профессиональных навыков четко прослеживается в процессе обучения летчика на тренажере (рис. 26-1).

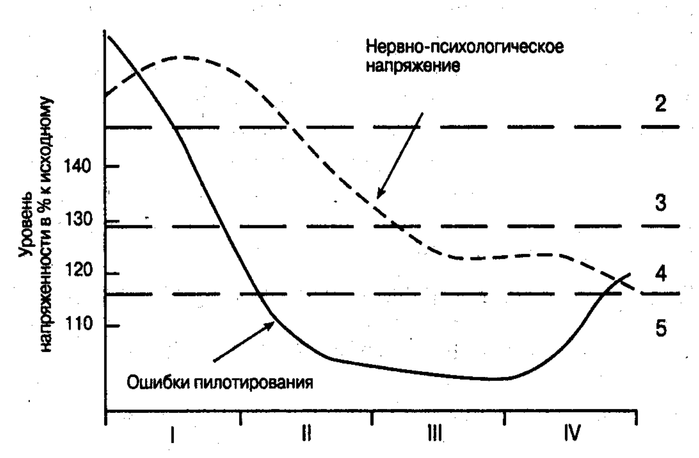

Рис. 26-1. Интегральная ошибка пилотирования и напряженность летчика при обучении на тренажере: I, II, III, IV – стадии обучения; 2, 3, 4, 5 – балльные оценки качества пилотирования

Сформированные навыки существуют не изолированно друг от друга, они вступают во взаимодействие: старые навыки в одних случаях способствуют овладению новыми (положительный перенос навыков), в других — тормозят их образование (интерференция навыков).

Основным средством формирования навыка является упражнение. Упражнение — организованное определенным образом повторное многократное выполнение действий с целью развития навыков и умений. Эффективность использования упражнений определяется наличием четкой цели, последовательным и постепенным усложнением, оценкой результата, самоконтролем процесса упражнения, системой обратной связи за результатом обучения, активностью обучаемого, полнотой и определенностью инструкции.

На базе знаний и навыков в результате упражнений (при обучении и в реальной деятельности) формируется умение человека работать. *Умение* — это сложное психическое образование, определяющее знание и понимание необходимых способов реализации профессиональных навыков в обычных (штатных) и нестандартных условиях трудового процесса. Умение и навык соотносятся так же, как программа действия и его реализация. Умения предполагают разные варианты реализации действий.

- **Профессиональные знания —сведения, необходимые для эффективной реализации конкретной деятельности.**
  Навык — действие, доведенное до определенной степени совершенства.
  Умение — способность реализации профессиональных навыков в различных условиях трудового процесса.

Для поддержания на заданном уровне приобретенных в процессе обучения навыков и умений, а также для их развития путем моделирования (имитации) условий реальной деятельности необходимо проведение профессиональных тренировок. Одним из основных средств тренировки являются тренажеры. Использование тренажеров повышает эффективность подготовки за счет таких их преимуществ, как возможность многократного повторения отрабатываемых действий в ограниченное время, быстрое выявление и устранение ошибок, тесное общение методиста с обучаемым и др.

Процесс тренировки проявляется как в совершенствовании качества деятельности, так и в снижении нервно-психической реакции обучаемого, уменьшении энергетической, информационной, психической цены деятельности. Известно, что высокая оценка при тренировке может быть достигнута за счет избыточного напряжения сил, работы на пределе психофизиологических возможностей. При этом надежность деятельности, особенно в усложненных условиях, снижается.

Тренировка связана с нагрузкой, которая отражается на состоянии психических и физиологических функций человека. Степень этой нагрузки снижается по мере усвоения учебного задания, формирования оптимальных способов действия, экономизации энергетических и интеллектуальных усилий. Поэтому для характеристики качества навыка необходимо использовать не только показатели деятельности (выполнение нормативов упражнения), но и данные о функциональной «стоимости» достижения практических результатов. На рис. 26-2 видно, что по мере становления навыка и улучшения качества деятельности (уменьшения ошибки пилотирования) отмечается снижение частоты пульса и увеличение резерва внимания до уровня, соответствующего сложности выполняемого задания.

В данном примере можно предположить, что к 15-17-й тренировке у курсантов формируется еще неустойчивый навык, задача выполняется с большим напряжением и только после 25-27 повторений этого упражнения отмечается достаточно стойкий навык пилотирования, что подтверждается стабилизацией вегетативного его компонента.

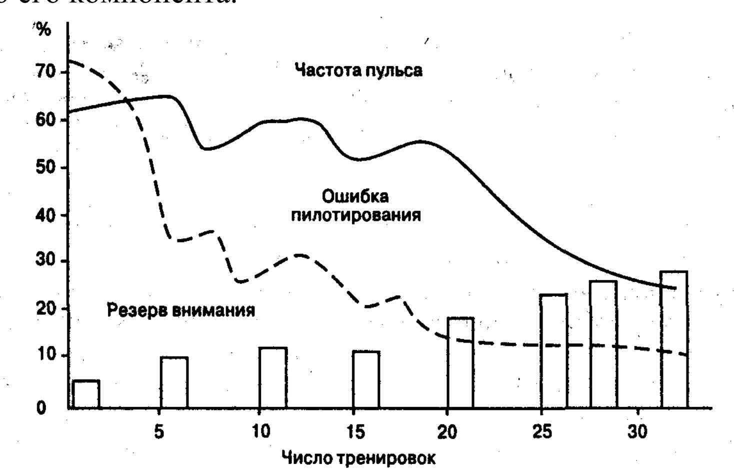

Рис. 26-2. Изменение частоты пульса, резерва внимания и качества деятельности (%) курсантов в процессе тренировок на тренажере

Психологические особенности адаптации к труду. Активное взаимодействие человека с окружающей средой сопровождается процессом его адаптации (приспособления) к ней. Включение человека в трудовую деятельность также вызывает развитие адаптивных реакций организма и психики человека в ответ на воздействие непривычных внешних и внутренних факторов труда. *Адаптация к труду* — это процесс перестройки и приспособления личностных, энергетических, информационных, операциональных и других структур и систем субъекта труда к особенностям трудовой деятельности в целях наиболее эффективной его саморегуляции на этапах профессионального пути.

Степень активности субъекта труда влияет на эффективность профессиональной адаптации, которая может проявляться либо в зависимости субъекта от профессиональной среды, либо в его стремлении эту среду преобразовать в соответствии со своими установками, требованиями и возможностями.

Адаптация человека к трудовой деятельности осуществляется в несколько этапов: первичная адаптация, период стабилизации, возможная дезадаптация, вторичная адаптация, возрастное снижение адаптивных возможностей. Процесс адаптации является непрерывным, но он активизируется, когда в системе «субъект труда — профессиональная среда» возникает рассогласование. В процессе адаптации можно выделить три периода: адаптивное напряжение, стабилизация, адаптивное истощение. Эти периоды отражают соотношение состояния энергетических, информационных, поведенческих ресурсов субъекта труда и требований производственной среды.

Профессиональная адаптация проявляется в форме производственных, физиологических, психологических и социальных факторов регуляции приспособительных процессов и признаков адаптации. Профессиональная (производственная) адаптация характеризуется повышением эффективности, качества и безопасности труда, ростом самостоятельности и проявлением творчества в работе. Психологическая адаптация проявляется в повышении функциональной надежности, эмоциональной устойчивости к воздействию неблагоприятных факторов деятельности, в адекватности эмоциональных переживаний профессиональных успехов и неудач. Социальная адаптация отражается в процессах принятия и усвоения норм поведения, свойственных для конкретной организации, и своей социальной роли в группе.

Можно выделить две стратегии процесса профессиональной адаптации:

1) конформную, отражающую стремление соответствовать нормам конкретной профессиональной среды, использовать советы и указания руководителей и коллег, достигать согласия в межличностных отношениях и т. д.;

2) творческую, проявляющуюся в стремлении к самостоятельности, в поиске более совершенных приемов работы, рационализации орудий и организации труда и т. д.

Выбор стратегии адаптации определяется уровнем пластичности нервной системы. Лица с низким уровнем выраженности таких свойств нейродинамических процессов, как их лабильность и подвижность, адаптируются к социальному окружению в основном за счет эмоционально-волевого

компонента личности. У лиц с высоким уровнем пластичности адаптация происходит преимущественно за счет коммуникативных характеристик личности и рационального поведения.

Важное место среди психологических механизмов адаптации занимает самооценка. Завышение самооценки провоцирует постановку целей, превышающих возможности, занижение самооценки — пассивность, боязнь ответственности. Результатом неадекватной самооценки и в том и в другом случае является недостаточная профессиональная адаптация к труду и неполная реализация возможностей человека в профессиональной деятельности.

- **Адаптация к труду - процесс приспособления субъекта труда к особенностям трудовой деятельности.**

Вопросы

1. В чем заключается различие понятий «способности», «одаренность», «профессионально важные качества» и «профессиональные способности»?
2. Какие теории потребностей и мотивов вам известны и в чем их основное содержание?
3. Назовите основные классы психодиагностических методик и дайте их конкретную характеристику.
4. Каково содержание понятия «профессиональное самоопределение» и что включается в структуру самоопределения конкретного человека?
5. Назовите структурные формы профориентационной работы и дайте характеристику их содержания.
6. Какие формы профконсультационной работы вам известны и на основе каких принципов они строятся?
7. В чем заключается принцип научной обоснованности рекомендаций по психологическому отбору?
8. Какие требования следует предъявлять к методикам психологического отбора и как проводится проверка их соответствия этим требованиям?
9. Каким основным требованиям должна отвечать процедура проведения психологического отбора?
10. В чем заключаются психологические особенности процесса профессионального обучения?
11. Какие основные особенности присущи процессу адаптации к труду? Виды и стратегии адаптации, личность и адаптация.

Литература

Авиационная медицина: Руководство / Под ред. Н. М. Рудного, П. В. Васильева, С. А. Гозулова. — М.: Медицина, 1986. - 534 с.

Анастази А. Психологическое тестирование.: В 2-х кн. Кн. 2 / Пер. с англ., предисл. К. М. Гуревича. — М.: Педагогика, 1982. - 318 с.

Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирование личности. — М.: Мысль, 1976. — 342 с. — (Фундаментальная психология).

Бодров В. А. Проблемы профессионального психологического отбора // Психологический журнал. — 1985. - Т. 6.-№ 2. - С. 103-106.

Бодров В. А. и др. Психологический отбор летчиков и космонавтов / Бодров В. А., Малкин В. Б., Покровский Б. Л., Шпаченко Д. И. — М.: Наука, 1984. — 264 с. — (Проблемы космической биологии / АН СССР; Отд. физиологии.; т. 48).

Венда В. Ф. Перспективы развития психологической теории обучения // Психологический журнал. — 1980. - Т. 1. - № 4.

Дружинин В. Н. Психологическая диагностика способностей: теоретические основы: В 2 ч. — Саратов: Изд-во СГУ, 1990. - 292 с.

Дружинин В. Н. Психология общих способностей. — СПб.: Питер, 1999. — 356 с. — (Мастера психологии).

Завалишина Д. Н. Психологическая структура способностей // Развитие и диагностика способностей: Сборник научных трудов / Под ред. В. Н. Дружинина. — М.: Наука, 1991. — 236 с.

Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения: Учебное пособие. — Ростов н/Д.: Феникс, 1996. - 509 с.

Климов Е. А. Психология профессионала: Учебное пособие. — М.; Воронеж: Институт практической психологии, 1996. - 509 с.
Климов Е. А. Психолого-педагогические проблемы профконсультации. — М.: Знание, 1983. — 95 с.
Кудрявцев Г. В. Психологические основы профобучения. — М.: Педагогика, 1988. — 286 с.
Кулагин Б. В. Основы профессиональной психодиагностики. — Л.: Медицина, 1984. — 216 с.
Лучшие психологические тесты для профотбора и профориентации / Отв. ред. А. Ф. Кудряшов. — Петрозаводск: Петроком,1992.— 318 с.
Общая психодиагностика / Под ред. А. А. Бодалева, В. В. Столина. — М.: МГУ, 1987. — 303 с.
Основы психодиагностики: Учеб. пособ. для студ. вузов / Под общ. ред. Н. К Акимова и др. — Ростов н/Д.: Феникс, 1996. - 540 с.
Платонов К. К. Проблемы способностей. — М.: Наука, 1972.
Практикум по психодиагностике. Прикладная психодиагностика. — М.: Изд-во МГУ, 1989. — 176 с.
Пряжников Н. С. Профессиональное и личностное самоопределение. — М.; Воронеж: НПО Модэк, 1996.
Психологическая диагностика: проблемы и решения / Под ред. К. М. Гуревича. — М.: Педагогика, 1981. — 177 с.
Психологические проблемы подготовки специалистов с использованием тренажерных средств / Под ред. В. А. Бодрова. - М.: ИП АН СССР, 1988. - 283 с.
Психологическое обеспечение профессиональной деятельности / Под ред. Г. С. Никифорова. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 1991. - 151 с.
Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. — М.: Педагогика, 1989. — Т. 2. — Ч. 4.
Теплов Б. М. Избранные труды: В 2 т. / Ред.- сост. Н. С. Лейтес. — М.: Педагогика, 1985.
Теплов Б. М. Проблемы индивидуальных различий. — М.: АПН РСФСР, 1961. — 536 с.
Хекхаузен X. Мотивация и деятельность / Пер. с нем.; Под ред. Б. М. Величковского. — М.: Педагогика, 1986.-406 с.
Человеческий фактор. В 6 т. Т. 3. Ч. 2 / Под ред. Г. Салвенди; Пер. с англ. В. П. Зинченко. — М.: Мир, 1991.-487 с.
Шадриков В. Д. Деятельность и способности. — М.: Изд. корпорация «Логос», 1994. — 315 с.
Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. — М.: Наука, 1982.
Шадриков В. Д. Проблемы профессиональных способностей // Психол. журнал. — 1982. — Т. 3. — № 5.

ЧАСТЬ V. КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Глава 27. Основные формы нарушений психических процессов

Краткое содержание главы

Клиническая психология и психиатрия. Представления людей о психическом здоровье. Задачи клинической психологии и психиатрии.

Расстройства ощущения. Психическая гиперестезия. Психическая гипестезия. Психическая анестезия. Сенестопатия. Синестезия.

Расстройства восприятия. Агнозии. Иллюзии. Галлюцинации. Дереализация.

Расстройства внимания. Модально-неспецифичные и модально-специфические нарушения внимания.

Нарушения памяти. Гипермнезии, гипомнезии и амнезии. Парамнезии. Фотографическая память. Эйдетизм.

27.1. Клиническая психология и психиатрия

Представление о психическом здоровье возникает у человека очень рано. «Сумасшедший», «псих», «ненормальный» — эпитеты, которыми щедро награждают дети своих сверстников и взрослых, сталкиваясь с чем-то необычным в их рассуждениях и поступках. Взрослые также используют подобные выражения не менее часто, т. е. кажется, что практически каждый может отличить психически здорового человека от психически больного. Но часто основанием для постановки «диагноза» служат существующие в данном обществе представления о «правильном» поведении. В соответствие с этими представлениями некоторые вполне здоровые по клиническим меркам люди, чьи взгляды и поступки не укладываются в общепринятые рамки, нередко воспринимаются как «ненормальные». Однако не только обычные люди, но и специалисты — психологи и врачи — далеко не всегда едины в своих подходах к оценке психических расстройств.

Основные науки, которые изучают психическую патологию, — это психиатрия и клиническая (медицинская) психология.

Клиническая психология изучает:

- как воздействуют различные психологические факторы на возникновение, развитие и лечение болезней;
- как влияют различные заболевания на психику человека и его поведение;
- как влияют особенности взаимоотношений больного человека с медицинским персоналом и окружающей его микросредой на процесс выздоровления.

В задачи клинической психологии также входит разработка принципов и методов психологического исследования в клинике, создание и изучение психологических методов воздействия на психику человека в лечебных и профилактических целях.

Психиатрия относится к медицинским дисциплинам, и следовательно, ее основная задача - это лечение и профилактика (предупреждение) психических болезней.

До настоящего времени остается дискуссионным вопрос о разграничении предмета теоретических разделов клинической психологии и психиатрии: патопсихологии и психопатологии. Трудности такого разграничения неизбежны, так как обе науки имеют дело с одним и тем же объектом — нарушениями психической деятельности. Различие между психопатологией и патопсихологией можно видеть в том, что первая, будучи клинической дисциплиной, оперирует медицинскими категориями (этиология, патогенез, симптом, синдром), основываясь при этом главным образом на клиническом методе, в то время как патопсихология изучает закономерности нарушений психики, пользуясь психологическими методами и понятиями.

В настоящее время печатается много работ по психиатрии, психотерапии, клинической психологии, в том числе и научно-популярных изданий. Многие люди в попытках самостоятельно разобраться в своих собственных психологических проблемах или оценить поведение кого-то из окружения с точки зрения «нормальности» начинают читать специальную литературу. Иногда это полезно, однако следует помнить, что в случае возникновения состояний, с которыми человек не может справиться, необходимо обращаться к специалисту — врачу-психиатру или клиническому психологу.

Между тем в обществе существует стойкое предубеждение, своего рода страх перед обращением к психиатру или психологу, и отчасти это связано с тем, что отдельные психические расстройства могут служить ограничениями в социальном функционировании человека. Преодолеть этот страх будет возможно при росте общей психологической культуры населения.

В современной психиатрии существуют разные подходы к диагностике психических заболеваний, но при этом, с одной стороны, наблюдается отчетливая тенденция к интеграции, а с другой — существует общая система терминов и понятий, благодаря которой психиатры и клинические психологи разных теоретических направлений понимают друг друга.

27.2. Расстройства ощущения

Одним из начальных этапов анализа психического состояния пациентов является исследование их чувственного познания, к которому относят ощущение, восприятие и представление. Нарушения этих психических процессов в психопатологии относят к симптомам (отдельным признакам) психических расстройств. Специфические сочетания симптомов носят названия психопатологических синдромов. В клинической психологии синдромальный подход также имеет место, но чаще психологи выделяют устойчивые комплексы взаимосвязанных психологических признаков, характерных для определенного психического заболевания.

Прежде всего при анализе патологии ощущений обращают внимание на изменение порогов чувствительности, которое может происходить как в сторону понижения, так и в сторону повышения. Понижение порогов чувствительности проявляется *психической гиперестезией* — обостренным, усиленным чувственным восприятием при воздействии обычных или даже слабых раздражителей. Это происходит как на уровне отдельных анализаторов (острое до непереносимости восприятие обычных запахов — гиперосмия; непереносимость обычных звуков — гиперакузия и т. д.), так и их сочетаний (например и свет, и звук кажутся очень сильными). Очень часто гиперестезия сопровождается повышением раздражительности.

Наблюдается два варианта повышения порогов чувствительности. *Психическая гипестезия* — понижение чувствительности к внешним раздражителям, окружающий мир при этом становится блеклым, теряет яркость. Звуки воспринимаются приглушенно, голоса теряют индивидуальность, свет кажется тусклым, краски — серыми, стертыми. *Психическая анестезия* — потеря чувствительности, исчезновение ощущений как со стороны отдельных анализаторов, так и нескольких сразу при их полной анатомо-физиологической сохранности. Это может касаться как отдельных анализаторов (утрата тактильной чувствительности, чаще всего на отдельных участках тела, утрата зрения или слуха с одной или обеих сторон), так и нескольких сразу (например, выпадение слуха и зрения одновременно). При такой патологии необходимо самое тщательное объективное обследование, в первую очередь неврологическое (при кожной анестезии, например, участки потери ощущений не соответствуют зонам иннервации), а также другие специальные методы обследования.

Другой формой патологии ощущений является *сенестопатия* — неопределенные, часто трудно локализуемые, мигрирующие ощущения, возникающие в различных частях тела или внутренних органах (покалывание, давление, жжение, скручивание, стягивание) и не связанные с какими-либо телесными заболеваниями.

Синестезия — особенности чувственного восприятия, заключающиеся в том, что внешний раздражитель, адресованный к одному анализатору, вызывает одновременно ответ какого-то другого или нескольких анализаторов. Синестезии могут встречаться и в норме — у одаренных музыкантов, поэтов, художников. Они могут возникать как временная патология при действии психотомиметических средств.

- **Психическая гиперестезия— обостренное, усиленное чувственное восприятие при воздействии обычных или даже слабых раздражителей.**

Психическая гипестезия — понижение чувствительности к внешним раздражителям.

Психическая анестезия — потеря чувствительности, исчезновение ощущений как со стороны отдельных анализаторов, так и нескольких сразу при их полной анатомо-физиологической сохранности.

Синестопатия— неопределенные, часто трудно локализуемые, мигрирующие ощущения, возникающие в различных частях тела или внутренних органах и не связанные с какими-либо телесными заболеваниями.

Синестезия — особенности чувственного восприятия, заключающиеся в том, что внешний раздражитель, адресованный одному анализатору, вызывает одновременно ответ какого-то другого или нескольких анализаторов.

27.3. Расстройства восприятия

Патология восприятия возникает, когда по разным причинам нарушается идентификация субъективного образа восприятия с воспринимаемым образом, и протекает на фоне нарушения автоматизации различных психических процессов. Нарушения восприятия весьма разнообразны, их изучают как психологи, так и психиатры. В отечественной школе нейропсихологии, созданной А. Р.Лурией, выделены и изучены нарушения восприятия при различных поражениях коры головного

мозга и ближайших подкорковых структур, вызывающих агнозии. *Агнозией* называется затрудненность узнавания предметов и звуков. При агнозиях восприятие нарушается в своей специфически человеческой характеристике как процесс, обладающий функцией обобщения и условности, Так, при поражении вторичных отделов коры больших полушарий головного мозга сохраняется элементарная чувствительность, но при этом утрачивается способность к анализу и синтезу поступающей информации, что вызывает нарушение различных видов восприятия при относительной сохранности элементарных зрительных функций. В зависимости от локализации поражения головного мозга возникают разные виды агнозий: зрительные, слуховые и тактильные,

Существуют нарушения восприятия в форме расстройства схемы тела, при котором происходит искажение привычных представлений о размерах и форме своего тела или отдельных его частей, об их расположении или о положении всего тела. Например, больному кажется, что его голова увеличилась до огромных размеров, ноги растут прямо из головы, а туловище исчезло. Тем не менее критическое отношение к этому сохраняется, и под контролем зрения эти измененные представления, как правило, исчезают, больной воспринимает свое тело в обычном, привычном для него виде. Но стоит ему закрыть глаза, как голова вновь становится непомерно большой и т. д.

Расстройства схемы тела нередко сопровождаются метаморфопсиями — искаженным восприятием одного или нескольких объектов внешнего мира. Кроме того, искаженное восприятие окружающих предметов выражается в том, что они кажутся больному меньше или больше их натуральной величины (микропсия, макропсия), увеличивается их число (полиопсия), они перемещаются (оптическая аллестезия), валятся на больного, вдавливаются в него, находятся в бурном движении (оптическая буря). Иногда в грубо измененном виде воспринимаются не только величина и форма предметов, но и пространственные отношения: больному кажется, что стены комнаты сближаются, рушатся, падают на него или, напротив, раздвигаются, пол становится волнообразным, пространство как бы разрывается.

- **Агнозия — затрудненность узнавания предметов, звуков.**

Иллюзия — расстройство восприятия, при котором реальные явления или предметы воспринимаются человеком в измененном, ошибочном виде.

Галлюцинация — расстройство восприятия, при котором человек видит, слышит, ощущает то, что в реальной действительности не существует, т. е .это восприятие без объекта.

Дереализация — расстройство восприятия, при котором окружающие больного предметы, люди, животные воспринимается измененными, что сопровождается чувством их чуждости, неестественности, нереальности.

Иллюзии — расстройства восприятия, при которых реальные явления или предметы воспринимаются человеком в измененном, ошибочном виде. Иллюзорное восприятие может возникать и на фоне полного психического здоровья, когда искаженная перцепция связана либо с недостатком того или иного органа чувств, либо с проявлением одного из законов физики, например ложка в стакане чая кажется преломленной. Иллюзии, связанные с нарушением психической деятельности, чаще всего подразделяются на аффективные, или аффектогенные, вербальные и парэйдолические.

Аффективные (аффектогенные) иллюзии возникают под влиянием интенсивных эмоций. Человек, охваченный ужасом или в состоянии чрезмерного нервного напряжения, ошибочно воспринимает ветку дерева за окном как качающийся скелет и т. д.

Вербальные иллюзии — ошибочное восприятие смысла слов, речи окружающих, вместо нейтральной речи больной слышит речь иного содержания, адресованную, как правило, ему (обычно угрозы, ругательства, обвинения).

Парэйдолические иллюзии — зрительные иллюзии, когда действительно существующие образы (игра светотени, морозные узоры, скопления облаков и т. д.) замещаются фантастическими образами. Парэйдолии возникают независимо от желания и воли больного, но как исключение парэйдолические иллюзии бывают у здоровых людей, особенно одаренных художников. Например, Леонардо да Винчи тренировками усиливал эту «способность к воображению» и призывал к тому же других художников («Трактат о живописи»).

Галлюцинации — это расстройства восприятия, при которых человек видит, слышит, ощущает то, что в реальной действительности не существует, т. е. это восприятие без объекта. К галлюцинациям не относятся миражи, так как видение миражей основано на физических законах. Так же как иллюзии, галлюцинации подразделяются по органам чувств: слуховые, зрительные, обонятельные, вкусовые, тактильные и так называемые галлюцинации общего чувства, к которым чаще всего относят висцеральные и мышечные галлюцинации. Могут быть и комбинированные галлюцинации (например,

больной видит змею, слышит ее шипение и чувствует ее холодное прикосновение).

Наиболее существенным и диагностически важным является разделение галлюцинаций на истинные и ложные (псевдогаллюцинации).

Истинные галлюцинации всегда спроецированы вовне, связаны с реальной, действительно существующей обстановкой («голос» слышится из-за реальной стены; «ведьма» сидит на реальном стуле, опираясь на метлу, и т. д.), у больных нет никаких сомнений в их действительном существовании, галлюцинаторные образы так же ярки и естественны для галлюцинирующего, как и реальные вещи и иногда воспринимаются больными даже более ярко и отчетливо, чем действительно существующие предметы и явления.

Ложные галлюцинации, или псевдогаллюцинации, чаще всего проецируются внутрь тела больного, галлюцинаторные образы находятся, как правило, в его голове (например, внутри головы слышатся голоса). Псевдогаллюцинации напоминают представления, но в отличие от них не зависят от воли человека, носят навязчивый характер и обладают оформленностью псевдогаллюцинаторных образов.

В некоторых, довольно редких случаях псевдогаллюцинаторные образы проецируются вовне, и тогда они, в отличие от истинных галлюцинаций, совершенно не связаны с реальной обстановкой. Более того, в момент галлюцинирования эта обстановка как бы куда-то исчезает, больной в это время воспринимает только свой галлюцинаторный образ. Момент появления псевдогаллюцинаций, которые не вызывают у больного никаких сомнений в их реальности, всегда сопровождается чувством сделанности, подстроенности, наведенности этих голосов или видений.

Галлюцинации классифицируются также по анализаторам. Слуховые галлюцинации — патологическое восприятие каких-то слов, речей, разговоров, а также отдельных звуков или шумов. Словесные (вербальные) галлюцинации бывают самыми различными по содержанию: больного «окликают», он «слышит» голос, называющий его имя или фамилию, он может слышать целые фразы или даже длинные речи, произносимые одним или несколькими голосами.

Очень опасны для самого больного, а также для его окружения императивные галлюцинации, содержание которых носит повелительный характер, например больной слышит приказы: ударить или убить кого-то или себя, нанести себе повреждение. Такие больные нуждаются в особом надзоре и уходе. Слуховые галлюцинации иногда носят комментирующий характер, когда больной «слышит речи» обо всем, о чем бы он ни подумал или что бы ни сделал.

Зрительные галлюцинации бывают либо элементарными (зигзаги, искры, огонь), либо предметными, когда перед взором больного возникают разнообразные картины: страшные, необычные животные, устрашающие фигуры и предметы или части тела человека и т. д. Иногда это целые сцены, больной может видеть, например, панораму поля и т. д. В некоторых случаях у больного может возникнуть галлюцинация двойника, т. е. он видит свой собственный образ.

Наблюдаются также обонятельные галлюцинации; чаще всего больной чувствует неприятные запахи — гниющего мяса, гари, тления. Гораздо реже возникает незнакомый запах, а еще реже приятный, поэтому больные с обонятельными галлюцинациями часто отказываются от еды, так как уверены, что их кормят отравленной или испорченной пищей. Галлюцинации могут быть тактильные — ложные ощущения прикосновения к телу, жжения или холода, больной иногда ощущает, что его кусают или царапают, что на теле появляется какая-то жидкость или по нему ползают насекомые.

Висцеральные галлюцинации — это ощущение присутствия в собственном теле каких-то предметов, животных, червей («в животе лягушка сидит», «в мочевом пузыре головастики расплодились», «в сердце клин вбит»).

Гипнагогическими галлюцинациями называются зрительные обманы восприятия, появляющиеся обычно вечером перед засыпанием, при закрытых глазах, что делает их более родственными псевдогаллюцинациям, чем истинным галлюцинациям (нет связи с реальной обстановкой). Эти галлюцинации могут быть единичными, множественными, сценоподобными, иногда калейдоскопическими («у меня в глазах какой-то калейдоскоп», «у меня теперь собственный телевизор»). Больной видит какие-то гримасничающие, показывающие ему язык, подмигивающие рожи, чудовищ, причудливые растения. Значительно реже такие галлюцинации могут возникать во время другого переходного состояния — при пробуждении. Подобные галлюцинации, также возникающие при закрытых глазах, носят название гипнопомпических. Оба этих вида галлюцинаций нередко бывают одними из первых предвестников белой горячки или какого-то другого интоксикационного психоза.

Функциональные галлюцинации возникают на фоне реального раздражителя, действующего на органы чувств, и только в течение его действия. Классический пример, описанный В. А. Гиляровским:

больная, как только из крана начинала литься вода, слышала слова: «Иди домой, Наденька». Слуховые галлюцинации тут же исчезали, когда кран закрывался. Таким же образом могут возникать зрительные, тактильные и другие галлюцинации. От истинных галлюцинаций функциональные отличаются наличием реального раздражителя, хотя и имеют совершенно иное содержание, а от иллюзий — тем, что воспринимаются параллельно с реальным раздражителем (он не трансформируется в какие-то «голоса», «видения» и т. д.).

Во время сеанса гипноза могут возникнуть внушенные галлюцинации, когда человек будет чувствовать, например, запах розы, сбрасывать с себя «обвивающую» его веревку. При известной готовности к галлюцинированию возможно появление галлюцинаций и тогда, когда спонтанно эти обманы чувств уже не появляются (например, если человек только что перенес делирий, особенно алкогольный). Существуют также различные вызванные галлюцинации. Симптом Липмана — вызывание зрительных галлюцинаций легким нажатием на глазные яблоки больного (иногда к надавливанию следует добавить и соответствующее внушение). Симптом чистого листа (симптом Рейхардта) заключается в том, что если больному дать чистый лист бумаги и предложить читать, он увидит на листе текст и прочтет его. Подобным образом, если больному дать в руку телефонную трубку, он начнет говорить по телефону (симптом Ашаффенбурга).

Дереализация — это расстройство восприятия, при котором окружающие больного предметы, люди, животные воспринимается измененными, что сопровождается чувством их чуждости, неестественности, нереальности. При этом больным чаще всего даже трудно определить, что и каким образом изменилось, поэтому, описывая свои необычные переживания, они говорят, что «деревья и дома будто бы нарисованы, хоть я и знаю, что они настоящие», «все кругом какое-то неживое», «все какое-то другое, как будто бы я вижу все это во сне» и т. д. Нарушения восприятия при дереализации проявляются измененным отражением пространственных отношений («как будто все куда-то отодвинулось и выглядит каким-то плоским, нарисованным») и измененным восприятием времени («время течет медленно, как бы остановилось» или, наоборот, «все пролетает слишком быстро»). В состоянии дереализации нарушение восприятия окружающей действительности может касаться как нескольких анализаторов одновременно (изменение зрительных, слуховых, тактильных, вкусовых и других образов), так и какого-то одного из них (преимущественно зрительного или слухового). Выраженная степень дереализации иногда сопровождается исчезновением ощущений настоящего момента, и больные не могут сказать, что они сегодня делали, с кем виделись и т. д.

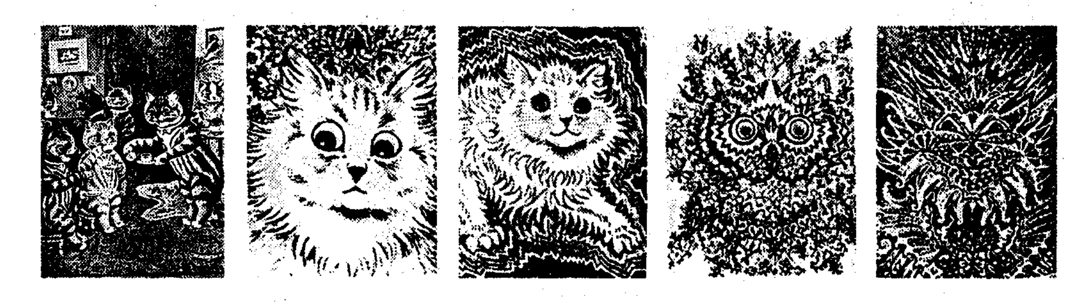

Рис. 27-1. Художник Луис Уайн (1860–1939) всю жизнь рисовал только кошек в человеческих ситуациях. Он болел шизофренией. По его картинам, написанным в разное время, можно проследить, как под влиянием болезни происходил распад восприятия

Дереализация нередко комбинируется с деперсонализацией, особенно в виде аутодеперсонализации, когда у больного изменяется осознание своего образа, собственное лицо в зеркале кажется ему незнакомым.

Сходными с состоянием дереализации являются такие симптомы, как уже виденное (*deja vu*), уже пережитое (*deja vecu*), уже испытанное (*deja eprouve*), уже слышанное (*deja entendu*). Содержание этих симптомов состоит в том, что незнакомая, совершенно новая обстановка на какое-то, очень короткое, мгновение кажется знакомой, уже когда-то виденной, а слова, сказанные окружающими людьми, — когда-то слышанными. В противоположность этим переживаниям бывает, что хорошо знакомая ситуация воспринимается, также на очень короткое время, совершенно чуждой, незнакомой, никогда не виденной (*jamais vu*). Эти явления довольно часто встречаются и у здоровых людей, особенно в состояниях утомления, при недосыпании и перенапряжении. В этих состояниях может появляться и чувство дереализации.

Особенности патологии чувственного познания зависят не только от характера заболевания, его клинической формы, остроты и стадии, но и от возраста больного (рис. 27-1). Наиболее тщательное изучение нарушений ощущения и восприятия в детском и подростковом возрасте проведено Г. Е. Сухаревой. Сенестопатии могут появляться у детей с 5-7 лет, чаще всего они проецируются в области органов брюшной полости. В юношеском возрасте расстройства восприятии практически не отличаются от таковых в зрелом.

27.4. Расстройства внимания

В психиатрии отдельные симптомы нарушения внимания, как правило, не выделяются, хотя в процессе клинического обследования неспособность сосредоточиться, рассеянность больного всегда отмечается в рамках определения психопатологических синдромов. Специальные исследования нарушений внимания как важной характеристики психической деятельности проводятся психологами, для чего существуют специально разработанные психологические методики. Известно, что показатели внимания отдельного человека могут значительно варьировать в зависимости от утомления и общего состояния организма, от условий среды, а также от отношения человека к соответствующей деятельности. Нарушения внимания обычно наблюдаются при психогенно и соматогенно обусловленных астенических состояниях и весьма своеобразно проявляются при поражениях различных структур головного мозга. Выделяют два основных типа нарушений внимания:

1. Модально-неспецифичные нарушения внимания распространяются на любые формы и уровни внимания. Больной не может сосредоточиться на стимулах любой модальности (зрительных, слуховых, тактильных и др.). Подобного рода нарушения характерны для больных с органическими поражениями головного мозга, особенно его неспецифических срединных структур разных уровней.
2. Модально-специфические нарушения внимания проявляются только в одной сфере, например только в зрительной, слуховой, тактильной сфере или в сфере движений. Это особый тип нарушений внимания, который в клинике локальных поражений головного мозга описывался как явление игнорирования тех или иных стимулов.

27.5. Нарушения памяти

Проявления расстройств памяти чрезвычайно разнообразны, и с целью их классификации выделяют два основных варианта патологии памяти. Первый — это дисмнезии, к которым относятся гипермнезия, гипомнезия и амнезия.

Гипермнезией называется усиленное вспоминание, которое сочетается с ослаблением запоминания текущей информации. При этом особенно страдает произвольное запоминание. У больных с гипермнезией происходит непроизвольное «оживление» памяти, вспоминаются давно забытые события, которые малоактуальны для него в настоящем.

Гипомнезия проявляется в нарушении способности запоминать, удерживать, воспроизводить отдельные события и факты или их отдельные части. Это так называемая «прорешливая» память, когда больной вспоминает только наиболее яркие и важные для него впечатления. Легкая степень гипомнезии — это ослабленная способность к воспроизведению имен, цифр, дат и т. п.

Амнезия — это полное выпадение из памяти событий, фактов и ситуаций, имевших место в определенный временной отрезок жизни. Выделяют несколько вариантов амнезий.

Ретроградная амнезия — выпадение из памяти событий, предшествующих острому периоду болезни, особенно если при этом происходит потеря сознания, например при травмах головного мозга, при отравлении и т. п. Ретроградная амнезия может охватывать различный отрезок времени (от нескольких минут до нескольких дней, недель, месяцев, лет).

Антероградная амнезия — выпадение из памяти, полное или частичное, событий, произошедших непосредственно после периода состояния нарушенного сознания или болезненного психического состояния. Продолжительность антероградной амнезии во времени также может быть различной. Нередко встречается и сочетание этих двух видов амнезий, в таком случае говорят о ретроантероградной амнезии.

Фиксационная амнезия — потеря способности запоминать, фиксировать текущие события — все, что

в данный момент имело место, тут же больным забывается. Больные с таким расстройством памяти забывают, где находится их кровать, не могут запомнить имени своего лечащего врача и т. п.

Прогрессирующая амнезия — это распад памяти в соответствии с законом Рибо; вначале исчезает память о наиболее поздно запечатленных событиях и фактах, более же ранние исчезают в последнюю очередь. По этому закону происходит и так называемое физиологическое старение памяти.

Кроме этих вариантов амнезий также выделяют аффектогенную, или психогенную, амнезию, когда под влиянием неприятного аффекта совпавшие с ним по времени события не вспоминаются.

Вторым вариантом патологии памяти являются *парамнезии* — ошибочные, ложные, превратные воспоминания. Человек может вспоминать действительно имевшие место события, только относить их к совсем иному времени. Это явление называется псевдореминисценциями — ложными воспоминаниями. Конфабуляции — другой вид парамнезий — вымышленные воспоминания, совершенно не соответствующие действительности, когда больной сообщает о том, чего в действительности никогда не было. В конфабуляциях часто присутствует элемент фантазии. Криптомнезии — такого рода парамнезии, когда человек не может вспомнить, когда было то или иное событие, во сне или наяву, написал ли он стихотворение или просто запомнил когда-то прочитанное, был ли он на концерте известного музыканта или только слышал его в записи и т. п.

Очень редко встречается так называемая фотографическая память, когда человек, только что прочитав несколько страниц незнакомого текста, может тут же повторить на память все прочитанное почти без ошибок.

Близок к фотографической памяти и феномен, называемый эйдетизмом, в целом относимый не только к памяти, но и к области представлений. *Эйдетизм* — это явление, при котором представление зеркально воспроизводит восприятие. Здесь также участвует память в ее ярком образном виде: предмет или явление после исчезновения сохраняет в сознании человека свой живой наглядный образ. Эйдетизм как нормальное явление бывает у маленьких детей с их способностью к яркому образному восприятию и чрезвычайно редко встречается у взрослых. Например, ребенок, посмотрев на фотографию и перевернув ее обратной стороной, может в точности описать виденное.

Гипермнезия — усиленное вспоминание, которое сочетается с ослаблением запоминания текущей информации.

Гипомнезия - нарушение способности запоминать, удерживать, воспроизводить отдельные события и факты или их отдельные части.

Амнезия — полное выпадение из памяти событий, фактов и ситуаций, имевших место в определенный временной отрезок жизни.

Парамнезия — ошибочное, ложное, превратное воспоминание.

Эйдетизм — явление, при котором предмет или явление после исчезновения сохраняет в сознании человека свой живой наглядный образ.

Вопросы для повторения

1. Что такое психическая норма и психическая болезнь?
2. В чем различия между психиатрией и клинической психологией?
3. Какова роль психики в возникновении и течении болезней?
4. Опишите основные формы нарушений ощущения.
5. Что называется иллюзией? Приведите примеры иллюзий у здоровых людей и больных.
6. Что такое галлюцинация? В чем состоит основное различие между иллюзиями и галлюцинациями?
7. Каковы основные формы нарушений внимания?
8. В чем выражаются основные формы расстройств памяти?

Рекомендуемая литература

Александров А. А. Современная психотерапия. — СПб.: Академический проект, 1997.

Еникеева Д. Д. Популярные основы психиатрии. — Донецк: Сталкер.1997. — 525 с.

Зейгарник Б. В. Патопсихология: Учебник. — М.: Изд-во МГУ, 1976. — 238 с.

Каплан Г. И., Сэдок Б. Дж. Клиническая психиатрия: В 2 т. / Пер. с англ. В. В. Стрелец; — М.: Медицина, 1994.-1192 с.

Карвасарский Б. Д. Медицинская психология. — Л.: Медицина, 1982. — 271 с.

Лурия А. Р. Основы нейропсихологии. — М.: Изд-во МГУ, 1973. — 374 с.

Соколова Е. Т. Мотивация и восприятие в норме и патологии. — М.: Изд-во МГУ, 1976. — 128 с.

Тарабрина Н. В. Психологические последствия войны // Психологическое обозрение. — 1996. — № 1(2).

Хамская Е. Д. Нейропсихологическая диагностика / Под ред. Е. Д. Хомской. — М.: Изд-во МГУ, 1994. — 226 с.

Хэзлем М. Т. Психиатрия / Пер. с англ. Г. А. Лубочкова. — Львов: Инициатива, 1998. — 609 с. — (Классики зарубежной психологии).

Глава 28. Расстройства познавательной деятельности и личностно-эмоциональной сферы

Краткое содержание главы

Нарушения интеллекта. Органическая деменция. Тотальное слабоумие. Частичное (дисмнестическое) слабоумие. Олигофрения. Основные синдромы нарушений памяти и интеллекта.

Нарушения мышления. Расстройства формы мышления. Нарушения содержательной стороны мышления (навязчивые, сверхценные и бредовые идеи). Основные бредовые синдромы.

Нарушения эмоций. Нарушения эмоционального реагирования. Симптомы расстройств настроения (гипертимия и гипотимия).

Нарушения сознания. Симптомы помрачения сознания. Синдромы выключения сознания. Синдромы помрачения сознания.

Нарушения личности. Нарушение структуры иерархии мотивов. Формирование патологических потребностей и мотивов. Нарушение смыслообразования. Нарушение саморегуляции и опосредования. Нарушение критичности и спонтанности поведения.

28.1. Нарушения интеллекта

Целостная познавательная деятельность человека осуществляется с помощью интеллекта, который, как известно, обеспечивается совокупной деятельностью познавательных психических процессов, среди которых особое значение имеют мышление и речь. Расстройства интеллектуальной деятельности — это изменение процесса рационального познания, умозаключений, суждений, критических способностей. Из расстройств, относящихся непосредственно к интеллектуальным, выделяют группу нарушений психики под общим названием «слабоумие».

Различают так называемую *деменцию* (приобретенное слабоумие) и *олигофрению* (врожденное слабоумие).

Органической деменцией называется слабоумие, вызванное главным образом сосудистыми заболеваниями головного мозга, сифилитическими и старческими психозами, травмами головного мозга. Органическое слабоумие обычно делят на две группы: тотальное (диффузное, глобальное) и частичное (дисмнестическое, парциальное, лакунарное).

Тотальное слабоумие — это стойкое снижение всех интеллектуальных функций, слабость суждений, отсутствие критики своему состоянию. Примером тому может служить так называемая сенильная деменция (слабоумие старческого возраста), также слабоумие при прогрессивном параличе.

Частичное (дисмнестическое) слабоумие характеризуется выраженными нарушениями памяти. Остальные интеллектуальные функции страдают главным образом вторично, поскольку нарушается память —«входные ворота интеллекта». Такие больные сохраняют способность к суждениям, у них наблюдается критическое отношение к своему состоянию. Им трудно усваивать новое, но старые знания, особенно профессиональные, хорошо закрепленные, могут сохраняться у них довольно долго. Ввиду критического отношения к себе такие больные понимают свое положение, стараются избегать разговора, в котором они могли бы обнаружить расстройства памяти, пользуются постоянно записной книжкой, пишут заранее, что им надо сказать или сделать. Типичная картина частичного слабоумия может наблюдаться при церебральном атеросклерозе или сифилисе головного мозга.

Среди приобретенного слабоумия выделяют также шизофреническое и эпилептическое слабоумие.

Шизофреническое слабоумие, называемое еще апатическим, или атактическим, характеризуется интеллектуальной бездеятельностью, безынициативностью, в то время как предпосылки к умственной деятельности еще могут сохраняться длительное время. Интеллект таких больных сравнивают со шкафом, полным книг, которыми никто не пользуется, или с музыкальным инструментом, закрытым на ключ в футляре.

Эпилептическое слабоумие выражается не только в значительном снижении памяти, но и в своеобразном изменении мышления, когда человек начинает терять способность различать главное и второстепенное, ему все кажется важным, все мелочи — значительными. Мышление становится вязким, непродуктивным, патологически обстоятельным, больной никак не может выразить свою мысль (недаром эпилептическое мышление называют иногда лабиринтным). Характерно также сужение круга интересов, концентрация внимания исключительно на своем состоянии (концентрическое слабоумие).

Олигофрения (умственная отсталость) — наследственное, врожденное или приобретенное в первые годы жизни слабоумие, выражающееся в общем психическом недоразвитии (с преобладанием в первую очередь интеллектуального дефекта) и в затруднении вследствие этого социальной адаптации. Эти дефекты интеллекта должны проявиться в возрасте до 18 лет. Существует более 300 наследственно обусловленных заболеваний, которые могут стать причинами умственной отсталости. Олигофрения — это не болезненный процесс, а патологическое состояние, возникшее в результате воздействия различных вредоносных факторов (помимо наследственного) в период внутриутробного развития или же в младенчестве. По тяжести олигофрения делится на три ее формы: дебильность, имбецильность и идиотию. Основная особенность олигофрении заключается в диффузном и тотальном недоразвитии или поражении психики в целом. При тяжелых формах олигофрении (идиотии и имбецильности) больные практически неспособны к интеллектуальной деятельности. При дебильности нарушены высшие формы мышления — способность к анализу, синтезу и абстрагированию. Отсутствует также логическое мышление. Речь олигофрена также нарушена. В эмоциональной сфере преобладают «низшие» эмоции, отсутствует способность контролировать свои влечения.

Деменция— приобретенное слабоумие.

Олигофрения - (умственная отсталость)— наследственное, врожденное или приобретенное в первые годы жизни слабоумие, выражающееся в общем психическом недоразвитии (с преобладанием в первую очередь интеллектуального дефекта) и в затруднении вследствие этого социальной адаптации.

Основные синдромы нарушений памяти и интеллекта. Синдром Корсакова является разновидностью амнестического синдрома. Его основу составляет невозможность запоминать текущие события (фиксационная амнезия) при более или менее сохранной памяти на прошлое. В связи с этим возникает нарушение ориентировки (так называемая амнестическая дезориентировка). В первую очередь это касается времени. Кроме того, имеется дезориентировка в месте и окружающей действительности. И еще один характерный симптом этого синдрома — парамнезии.

Органический (энцефалопатический, психоорганический) синдром состоит из триады Вальтера—Бюеля, включающей в себя:

1) эмоциональную лабильность, эмоциональное недержание;
2) расстройство памяти;
3) снижение интеллекта.

Больные становятся беспомощными, с трудом ориентируются (прежде всего нарушается ориентировка во времени, так как постоянно приходится запоминать новые числа), сложно адаптируются к новой ситуации, плохо ее понимают. У них ослабляется воля, снижается работоспособность, они легко переходят от слез к улыбке и наоборот. Нередки варианты психопатоподобного поведения.

К. Шнайдер выделяет четыре варианта (стадии) психоорганического синдрома: астенический, эксплозивный, эйфорический, апатический.

Органический синдром может возникать при самых разных заболеваниях: при непосредственном поражении головного мозга (опухоли, травмы, сосудистая патология атеросклеротического, сифилитического и иного происхождения); при соматогениях (как следствие заболевания печени, почек, легких и т. д.); при алкоголизме, наркоманиях, токсикоманиях, отравлении различными токсическими веществами; при заболеваниях, протекающих с атрофическими процессами в головном мозге (например, болезнь Альцгеймера, болезнь Пика и др.). Этот синдром сопровождается различными

неврологическими расстройствами.

Психоорганический синдром, как правило, необратим, хотя и может дать некоторое обратное развитие в результате применения соответствующей терапии.

Подобные нарушения также встречаются при психиатрических заболеваниях позднего возраста.

28.2. Нарушения мышления

Нарушения мышления являются одним из наиболее часто встречающихся симптомов при психических заболеваниях. При установления диагноза заболевания психиатр часто руководствуется наличием того или иного вида нарушений мышления. Однако единой классификации или единого принципа анализа этих расстройств нет. Происходит это потому, что при описании и анализе нарушений мышления исследователи базировались на различных философско-методологических положениях и различных психологических теориях мышления. Симптомы патологии мышления крайне разнообразны. Один из подходов к их классификации заключается в разделении симптомов нарушений мышления по формам и содержанию.

К расстройствам формы мышления относят нарушение темпа (динамики) мыслительной деятельности. Оно выражается в ускорении или замедлении мыслительных процессов. Ускорение мышления проявляется в том, что мысли очень быстро сменяют друг друга, их так много, что больные, несмотря на очень быструю («пулеметную») речь, все-таки не успевают их высказывать. Внешне такая речь больных может напоминать шизофазию (разорванную речь), однако если ее записать, например на магнитофон, то потом можно найти в ней определенный смысл, чего нет при шизофазии. Наиболее демонстративно этот вид нарушений выражается в «скачке идей» (*fuga idearum*), когда мысли больных, молниеносно сменяя друг друга, переключаются с одного предмета на другой так быстро, что уже трудно бывает уловить в них какой-нибудь общий смысл.

Замедление мышления характеризуется бедностью ассоциаций, замедленным течением ассоциативного процесса, его заторможенностью. Больные с такими явлениями жалуются, что у них «часами не бывает в голове никаких мыслей». Подобные нарушения часто встречаются у больных эпилепсией, иногда они встречаются у больных с отдаленными последствиями тяжелых травм головного мозга, при некоторых формах умственной отсталости. Такие больные обычно отвечают на вопросы очень лаконично, односложно, иногда только словами «да» и «нет».

Нарушение подвижности мышления, или патологическая обстоятельность, заключается в чрезвычайной вязкости, тугоподвижности мыслительных процессов; больным очень трудно переключиться с одной темы на другую, они застревают на самых незначительных деталях, им все кажется важным, нужным — каждая мелочь, каждый штрих; они не могут выделить главного, основного, существенного. Патологическая обстоятельность мышления характеризуется очень малой продуктивностью, подчас же вообще непонятно, что больной хотел сказать, какой смысл имела его длинная витиеватая речь (лабиринтное мышление).

Персеверация мышления — патологическое застревание, задержка на одних и тех же представлениях, что клинически выражается в повторении (иногда очень длительном) одних и тех же фраз или слов. Чаще всего такие больные могут правильно ответить только на первый вопрос врача, а затем уже однообразно повторяют тот же ответ или части его.

Нарушение операциональной стороны мышления проявляется в снижении уровня обобщения, при котором в суждениях больных доминируют непосредственные представления о предметах и явлениях, оперирование общими признаками заменяется установлением сугубо конкретных связей между предметами.

При искажении процесса обобщения словесно-логические связи мало опираются на конкретные свойства и признаки предметов и явлений, характерно возникновение очень большого числа ненаправленных, случайных ассоциаций, отражающих лишь чрезвычайно общие связи.

Резонерство — это расстройство мышления, которое определяется клиницистами как «склонность к бесплодному мудрствованию», тенденции к непродуктивным многоречивым суждениям. Механизмом «резонерства» является не столько нарушение интеллектуальных операций, сколько повышенная аффективность, неадекватное отношение, стремление подвести любое, даже незначительное явление под какую-нибудь концепцию.

Паралогичное мышление характеризуется расстройством логических связей в мышлении; выводы, которые делает больной в таких случаях, не только не закономерны, но часто абсолютно нелепы.

Разорванность мышления выражается в отсутствии связи между отдельными мыслями или даже отдельными словами. Речь такого больного может быть совершенно непонятной, лишенной всякого смысла, и поэтому ее нередко называют словесной окрошкой, словесным салатом.

Паралогичное мышление, резонерство и разорванность мышления наиболее характерны для шизофрении.

К нарушениям содержательной стороны мышления относят навязчивые, сверхценные и бредовые идеи.

Навязчивые идеи относятся к навязчивым состояниям (навязчивостям, или обсессиям) и рассматриваются как их частный вариант.

При навязчивых состояниях у человека помимо его воли возникают («навязываются») какие-то мысли, страхи, влечения, сомнения, действия. Человек не может избавиться от них, несмотря на критическое к ним отношение. Навязчивые состояния — не обязательно симптом болезни, они могут встречаться и у здоровых людей.

Навязчивые мысли (навязчивые идеи) заключаются в появлении совершенно ненужных мыслей (умственная жвачка, мысли-паразиты), например, о том, почему у человека две ноги, а у собаки — четыре, почему у людей глаза разного цвета и т. п. Возникновение этих мыслей не зависит от желания человека, они носят неотступный характер, от них невозможно избавиться. Как правило, навязчивости сопровождаются неприятными переживаниями, душевным дискомфортом.

Навязчивости проявляются в таких формах, как навязчивый счет — непреодолимое стремление считать все, что попадается на пути: количество ступенек на лестнице, окна в домах и т. п., а также в стремлении к более сложным действиям, например складывать цифры, составляющие номер того или иного телефона, подсчитывать общее число всех букв на странице книги.

Навязчивые сомнения — это навязчивые мысли с мучительной неуверенностью в правильности и завершенности своих действий, сопровождаемые обычно неприятным, тягостным чувством. Больные постоянно стремятся проверить себя, при этом не успокаиваясь. Нередко страдающий такими сомнениями человек по нескольку раз возвращается домой, чтобы проверить, закрыл ли он дверь, выключил ли перед уходом газ, погасил ли свет, но стоит ему отойти, как он вновь начинает беспокоиться, завершил ли он это действие.

Навязчивые воспоминания характеризуются непроизвольным появлением ярких воспоминаний, обычно о чем-то неприятном, о том, что человек хотел бы забыть (например, навязчиво вспоминается какой-то тягостный для больного разговор, все детали смешного положения, в которое он когда-то попал, обстановка экзамена, на котором он с позором провалился и где ему было так стыдно).

Навязчивые страхи называются *фобиями*. В структуре этого симптома — высок удельный вес эмоционального компонента, однако традиционно фобии рассматриваются при изучении патологии рационального познания.

Фобия – навязчивый страх.

Нозофобии — это навязчивые страхи заболеть тем или иным заболеванием (кардиофобия, сифилофобия, канцерофобия) или даже умереть от этой болезни. Существует и навязчивый страх смерти — танатофобия. Нередко встречаются фобофобии: человек, тяжело переживавший приступ навязчивого страха, потом испытывает уже страх самого страха (нового приступа).

Страх пространства, а также процессов и явлений, происходящих в нем, может проявляться как боязнь открытых пространств (агорафобия), закрытых помещений (клаустрофобия), пустых помещений (кенофобия), как страх ходить (базофобия) и т. д.

Социофобии — это страхи, содержанием которых являются различные аспекты межперсональных отношений: лалофобия — страх публичных выступлений; антропофобия — боязнь общения с людьми; мифофобия — страх солгать, невольно сказать неправду; эрейтофобия — страх покраснеть в общественном месте, особенно во время щекотливого разговора, когда все могут подумать, что у больного «не совсем чистая совесть»; гинекофобия — боязнь общения с женщинами; андрофобия — страх перед половым актом и т. д. Разнообразие фобий поражает воображение здоровых людей, свободных от них, хотя справедливости ради необходимо отметить, что наличие тех или иных страхов, не доходящих до уровня фобий, присуще многим людям.

Фобии обычно сопровождаются появлением выраженной вегетативной реакции: человек резко бледнеет или краснеет, потеет, у него учащается дыхание и сердцебиение. Характерно, что обычно вполне критическое отношение к своему состоянию, понимание несостоятельности, необоснованности навязчивых страхов в момент приступа последних исчезает, и тогда человек действительно уверен, что «немедленно умрет от инфаркта», «скончается от кровоизлияния в мозг», «погибнет от заражения крови».

Навязчивые влечения (навязчивые желания) выражаются в появлении неприятных для человека желаний (плюнуть в затылок впереди сидящего человека, дернуть за нос встречного, выскочить из машины на большой скорости), всю нелепость и болезненность которых он понимает. Особенность подобных влечений в том, что они не переходят в действие, но для человека очень неприятны и мучительны.

Очень мучительны для больных и контрастные навязчивости, выражающиеся в хульных, кощунственных навязчивых мыслях, чувствах и страхах, оскорбляющих морально-этическую, нравственную сущность человека. Подобно навязчивым желаниям, влечениям и т. д., контрастные навязчивости также никогда не реализуются.

Навязчивые действия характеризуются непроизвольным выполнением движений, чаще всего совершаемых автоматически: человек во время разговора крутит в руках кусок бумаги, ломает спички, чертит карандашом фигуры, накручивает на палец прядь волос, без всякого смысла переставляет предметы на столе, во время чтения грызет ногти, дергает себя за ухо. Сюда же относятся и такие действия и движения, как шмыгание носом, прищелкивание пальцами, покусывание губ, постоянное одергивание пиджака, непроизвольное потирание рук и др. В отличие от массы других навязчивостей эти движения и действия совершаются автоматически, выполнение их не сопровождается никакими неприятными чувствами, их просто не замечают. Более того, человек усилием воли может их задержать, помня о них, может их не совершать, но стоит ему чем-то отвлечься, как он снова начинает непроизвольно крутить в руках карандаш, перебирать лежащие перед ним на столе предметы.

Ритуалы — это навязчивые действия и движения, совершаемые больными в качестве необходимого обряда при наличии у них фобий или мучительных сомнений. Эти ритуальные движения или действия (подчас очень сложные и длительные) выполняются больными для защиты от ожидаемого несчастья или успокоения при навязчивых сомнениях. Например, больная с навязчивым страхом загрязнения так часто моет руки, что в день расходует по куску мыла. Больной с навязчивым страхом пожара время от времени поворачивается трижды вокруг своей оси, испытывая после этого на какой-то период успокоение.

Сверхценные идеи выражаются в убеждениях и мыслях, возникающих в связи с какими-то действительными фактами или событиями, но приобретающих для человека особую значимость, определяющих все его поведение. Они характеризуются большой эмоциональной насыщенностью, выраженным эмоциональным подкреплением. Например, человек, действительно пишущий стихи и, может быть, удостоившийся за это когда-то похвалы, начинает думать, что он гениальный поэт, и вести себя соответствующим образом. Непризнание же его окружающими он расценивает как происки недоброжелателей, зависть, непонимание и в этом своем убеждении уже не считается ни с какими фактами. Такие сверхценные идеи собственной исключительности могут возникать и по поводу других чрезвычайно переоцениваемых способностей: музыкальных, вокальных, писательских. Может переоцениваться и собственная склонность к научной деятельности, изобретательству, реформаторству. Возможны сверхценные идеи физического недостатка, недоброжелательного отношения и т. д. Сверхценные идеи особенно характерны для психопатических личностей.

Бредовые идеи (бред) — наиболее качественно выраженное расстройство мышления. Это такое расстройство, при котором возникают непоколебимые суждения и умозаключения, не соответствующие действительности. Бред является формальным признаком психоза, выступая одним из основных признаков психических заболеваний. От обычных человеческих заблуждений бред отличается следующим:

1) он всегда возникает на болезненной основе, это всегда симптом болезни;

2) человек полностью убежден в достоверности своих ошибочных идей;

3) бред не поддается никакой коррекции, никакому разубеждению со стороны;

4) бредовые убеждения имеют для больного чрезвычайную значимость, так или иначе они влияют на его поведение, определяют его поступки.

- **Бред — расстройство, при котором возникают непоколебимые суждения и умозаключения, не соответствующие действительности.**

Человек, который просто заблуждается, при разубеждении может отказаться от ошибочных умозаключений. Никакими фактическими доказательствами бредового больного разубедить не удастся. По клиническому содержанию (по теме бреда) все бредовые идеи с известной долей схематизма можно разделить на три большие группы: 1) бредовые идеи преследования; 2) бредовые идеи величия; 3) бредовые идеи самоуничижения (депрессивный бред).

Бред преследования (персекетурный бред) означает патологическую убежденность в том, что «преследователи» находятся в непосредственном окружений больного, ходят за ним по улице, подстерегают его под окнами дома, под видом больных проникают вслед за ним в клинику.

К бредовым идеям преследования относится бред отношения — патологическое убеждение человека, что все имеет к нему отношение: окружающие смеются над ним, перемигиваются по его адресу, он вызывает их насмешливое или даже брезгливое к себе отношение. Такие больные перестают посещать общественные места, пользоваться общественным транспортом, ходить в театр или на лекции, так как убеждены, что стоит им только появиться, как все тут же замечают их, насмешливо улыбаются, как-то подозрительно смотрят, плохо говорят о них Разновидностью бреда отношения является сенситивный бред отношения, который формируется, как правило, на основе таких особенностей личности, как застенчивость, впечатлительность, ранимость, мнительность.

Бред отравления — это болезненная убежденность человека в том, что его хотят отравить, поэтому он отказывается от еды («постоянно яд в пищу подсыпают»), не принимает лекарств («под видом лечения отравить хотят»), не покупает расфасованных продуктов («я же знаю, что мне дадут бутылку с отравленным молоком»).

Бред воздействия может иметь много различных вариантов: больной убежден, что на него на расстоянии воздействуют гипнозом, электричеством, радиацией, влияя таким образом на его мышление, поступки, вызывая у него сексуальное возбуждение и т. п.

Бред материального ущерба — это убежденность в том, что окружающие постоянно обворовывают больного, крадут его вещи и деньги, носят его одежду, получают за него его зарплату или пенсию, портят его имущество, морят его голодом.

При бреде порчи, или околдования, у больного появляется убежденность в том, что он стал жертвой колдовства, его «испортили заговором», «дали выпить какого-то зелья» и он «теперь стал совсем немощным», от него «осталась одна только тень», его «сглазили дурные глаза». Такой бред не следует смешивать с суевериями, когда подобные идеи носят характер простого заблуждения и не являются следствием болезни.

Бред ревности — это убеждение в неверности сексуального партнера. Бред ревности может встречаться при различных заболеваниях, в частности при алкоголизме.

Бредовые идеи величия также разнообразны. При бреде изобретательства больной убежден, что он сделал выдающееся открытие: изобрел вечный двигатель, открыл причину рака, нашел средство для максимального продления человеческой жизни, изобрел «эликсир вечной молодости», «средство для усовершенствования человеческой породы». Близок к этому и бред реформаторства, когда больной убежден, что «открыл идею преобразования мира» и совершит «гениальную реформу».

Бред высокого происхождения — это убежденность больного в том, что он сын всемирно известного писателя, кинозвезды, «последний отпрыск дома Романовых» и т. д., а «те, кто считается сейчас родителями», всего лишь «воспитатели», «подставные лица», «родители в условном смысле».

Любовный, эротический (сексуальный) бред выражается в твердой убежденности больного в необыкновенно сильной любви к нему какого-то человека, возможно, даже и незнакомого, но, как правило, это известные люди — артисты, музыканты, политики. Такие больные настойчиво добиваются встречи с «возлюбленным» или «любимой», буквально преследуют их, все поведение окружающих и особенно «предмета любви», по их мнению, подтверждает правильность их мысли.

Нелепый бред величия (мегаломанический бред) характеризуется фантастичностью, грандиозностью, порой сказочностью событий, которые, по утверждению больного, уже свершились. Этот вид бреда характерен для прогрессивного паралича.

Бредовые идеи самоуничижения (депрессивный бред) проявляются в форме бреда самоуничижения, самообвинения, виновности, греховности. Это очень близкие по клиническому содержанию патологические идеи о своих мнимых ошибках, несуществующих грехах, несовершенных

преступлениях («вся жизнь — сплошная цепь ошибок и преступлений»). Такие больные часто убеждены, что своими ошибками и поступками они погубили не только свою жизнь, но и жизнь своих близких, что они «всем в тягость» и т. д. Они ожидают наказания, убеждены в его необходимости или неизбежности (« не понимаю, как меня земля держит», «нет такой кары, которой я бы не заслужил»). Подобные бредовые идеи особенно характерны для больных с пресенильными психозами.

Ипохондрический бред — это болезненная убежденность в наличии заболевания (рак, сифилис, СПИД, «воспаление всех внутренностей», нарушение обмена веществ), поражения всего организма или отдельных частей тела («кровь свернулась, сердце не работает, конец уже скоро»). Иногда больные утверждают, что они уже не существуют, что у них нет внутренностей и т. д. Разновидность ипохондрического бреда называется бредом отрицания, или нигилистическим бредом. Реже такое бредовое отрицание касается не собственного организма, а внешнего мира: «все погибло», «солнце погасло», «земля провалилась», «мир куда-то исчез» (подобный бред так и называется — бред гибели мира).

У одного и того же больного может быть либо одна бредовая идея, либо сразу несколько (например, существование одновременно бреда величия и преследования). Кроме того, один вид бредовых идей может переходить в другой (так называемая трансформация бреда).

Индуцированное бредовое расстройство возникает, когда близкий больному человек начинает разделять его бредовые идеи. Такое «заражение» болезненными взглядами происходит при тесном совместном проживании, когда заболевший всегда пользовался большим авторитетом, безграничным доверием и сильной привязанностью, был умнее и образованнее того, кто стал в конце концов разделять его бредовые идеи. Облегчает «заражение» наличие у индуцируемого таких особенностей, как внушаемость, ограниченность, а в ряде случаев даже дебильность, а также медленное развитие и некоторое правдоподобие бредовых идей у «индуктора». По своему содержанию индуцированный бред может быть любого содержания (любовный, величия и т. д.), но чаще всего это бред преследования. Индуцированный бред встречается нечасто и обычно непрочен, он быстро и бесследно исчезает при разъединении с больным человеком. Изредка индуцированный бред возникает не у одного, а у нескольких человек. Этот факт был одной из причин широко распространенных (особенно в Средние века) так называемых психических эпидемий.

Конформный бред представляет собой одинаковые по содержанию бредовые идеи, возникающие у двух близких между собой психически больных (например, у матери и дочери).

Независимо от клинического содержания все бредовые идеи делятся на две основные разновидности: первичный бред и бред чувственный (образный).

Первичный бред возникает вследствие нарушения логического познания, патологической интерпретации действительности, при этом чувственное познание практически не нарушается. При построении первичного бреда, основанного на субъективной логике, больной опирается на реальные факты и события, но трактует их очень избирательно: берется только то, что подкрепляет бред и способствует его дальнейшему развитию, в то время как все контрфакты игнорируются и отбрасываются. Первичный бред (называемый также интерпретативным, или систематизированным) очень стоек и является системой последовательных построений, все более расширяющейся, усложняющейся и детализирующейся. Примером первичного бреда может быть бред реформаторства, любовный, изобретательства и т. д.

Чувственный (образный) бред возникает при нарушении преимущественно чувственного познания. В его структуре превалируют яркие образные представления в виде воображения, различных фантазий, вымыслов, грез. В отличие от первичного бреда, который какое-то время может быть единственным психопатологическим образованием, чувственный бред сразу же возникает в сопровождении ряда иных расстройств в виде галлюцинаций, страха, тревоги, психомоторного возбуждения и т. д. Чувственный образный бред, в отличие от длительно, хронически существующего первичного бреда, возникает остро, как какой-то этап развития болезни, он обычно нестоек, фабула его изменчива, но в то же время яркая, образная. Помимо очень типичных эмоциональных нарушений, главным образом в виде тревожного напряжения, страхов или, наоборот, экстаза, восторга, нередки такие симптомы, как бредовое восприятие, бредовая ориентировка, симптом инсценировки, симптом ложного узнавания, симптом положительного и отрицательного двойника. Чувственный бред имеет различное по своей клинической фабуле содержание (бред преследования, бред особого смысла, особого значения, бред величия). Одним из проявлений чувственного бреда может быть фантастический бред.

Основные бредовые синдромы. Паранойяльный синдром характеризуется постепенным

формированием систематизированного бреда, вначале он особенно эмоционально насыщен и до какой-то степени правдоподобен, лишен явных нелепостей. При этом бреде не бывает галлюцинаций (ни истинных, ни псевдогаллюцинаций). В ряде случаев рассматриваемый вид бреда может формироваться на основе сверхценной идеи. По содержанию это чаще всего бред изобретательства, ревности, физического недостатка, любовный, сутяжный. Как правило, он очень стоек.

Галлюцинаторно-параноидный синдром включает в себя бредовые идеи и галлюцинации. Одной из разновидностей этого синдрома является синдром Кандинского-Клерамбо (синдром психического автоматизма), состоящий из псевдогаллюцинаций, бредовых идей воздействия (психического, физического, гипнотического) и явлений психического автоматизма. Последние выражаются в чувстве неестественности, отчужденности, «сделанности» собственных движений, поступков, собственного мышления. Все симптомы, составляющие синдром Кандинского-Клерамбо, тесно между собой связаны; псевдогаллюцинации сопровождаются чувством сделанности, т. е. связаны с бредом воздействия, с ним же связаны явления психического автоматизма и такие входящие в состав синдрома нарушения, как «чувство овладения» (больной «не принадлежит себе») и так называемый синдром внутренней открытости — устойчивое убеждение, что все помыслы человека, в том числе и самые интимные, сейчас же становятся известны всем окружающим. Нередки и такие симптомы, как «эхо мыслей» (как только человек о чем-либо подумает, тут же слышит звучание этих мыслей и уверен, что все окружающие это обязательно слышат).

Парафренный (парафренический) синдром состоит из систематизированного бреда преследования и величия (обычно фантастического характера), а также явлений психического автоматизма и псевдогаллюцинаций. Нередко сочетается с повышенным настроением.

Синдром Котара представляет собой сочетание тяжелой депрессии и бреда отрицания. Однако в состав этого синдрома могут входить и такие бредовые идеи, как бред гибели мира, бред мучительного бессмертия и бред отрицательного величия (бред злого могущества). Бред мучительного бессмертия заключается в убежденности, что больной никогда не умрет, будет вечно жить и вечно мучиться. Бред отрицательного величия, или злого могущества, характеризуется стойкой убежденностью, что уже само существование больного приносит всем окружающим, а то и всему миру, огромный вред, непоправимый ущерб.

Синдром дисморфомании-дисморфофобии состоит из идей физического недостатка, бреда отношения и пониженного настроения, иногда вплоть до тяжелой депрессии с мыслями о самоубийстве. Сама идея физического недостатка чаще всего является бредом паранойяльного типа (когда мысли об уродстве касаются совершенно правильной части лица или тела), реже — сверхценной идеей (в этом случае небольшой дефект, например несколько искривленные ноги, воспринимается как «жуткое уродство»). Больные с дисморфофобией настойчиво стремятся «исправить» мнимые физические недостатки, активно посещают хирургов, добиваясь непоказанной им косметической операции.

Бредовые синдромы не являются чем-то постоянным и неизменным, одна их форма может переходить в другую. В частности, паранойяльный синдром может сменяться синдромом Кандинского —Клерамбо, а тот в свою очередь парафренным, что нередко и бывает при параноидной шизофрении.

У детей бредовые идеи возникают очень редко. Им более свойственно патологическое фантазирование, отличающееся от обычной детской склонности к фантазиям определенной нелепостью, несвязанностью с конкретной реальной обстановкой.

28.3. Нарушения эмоций

Симптомы эмоциональных нарушений многочисленны и разнообразны. Они имеют большое диагностическое значение при определении патологии собственно эмоциональной сферы, а также при определении степени выраженности психопатологических синдромов. Среди симптомов нарушений эмоций обычно выделяют нарушения эмоционального реагирования (острые и неадекватные по интенсивности эмоциональные реакции на различные внешние события и ситуации) и симптомы расстройств настроения.

Выделяют два варианта расстройств настроения: усиление и ослабление эмоциональности. К расстройствам с усилением эмоциональности относятся гипертимия, при которой человек находится в таких эмоциональных состояниях, как эйфория, благодушие или экстаз.

Эйфория — это веселое, «лучезарное» и радостное состояние. Человек испытывает прилив бодрости, хорошо, даже прекрасно чувствует себя физически, ему легко решать все вопросы, он стремится к бурной деятельности. При этом высока вероятность, что собственные возможности переоцениваются. *Благодушие* — это беспечное и беззаботное эмоциональное состояние с оттенком «полного удовлетворения», без стремления к деятельности. *Экстазом* называется наивысший уровень «приподнятости» эмоций, экзальтация. При экстазе переживания часто имеют религиозный или мистический оттенок.

Сниженное настроение — *гипотимия* — также выражается в различных эмоциональных состояниях (рис. 27-1).

Эйфория — веселое, «лучезарное» и радостное состояние.

Благодушие — беспечное и беззаботное эмоциональное состояние с оттенком «полного удовлетворения», без стремления к деятельности.

Экстаз — наивысший уровень «приподнятости» эмоций, экзальтация.

Гипотимия — сниженное настроение.

Тоска — это переживание с преобладанием грусти, подавленности, безысходности. Внимание фиксировано только на отрицательных событиях, настоящее, прошлое и будущее воспринимаются в мрачных тонах. Тоска, которая сопровождается тягостными для человека ощущениями мучительного сжатия и стеснения за грудиной, носит название «предсердечной», или «витальной».

Рис. 28-1. Депрессивное состояние

Тревога характеризуется переживанием внутреннего беспокойства и внутреннего волнения, ожиданием неприятности, предчувствием беды, катастрофы. Чувство тревоги обычно сопровождается стеснением и напряжением «где-то в груди», а также ему часто сопутствуют двигательное беспокойство, «не могу найти себе места», и вегетативные реакции. Тревога может перерасти в панику, при которой больные мечутся или застывают в ужасе, ожидая катастрофу.

Злобно-тоскливое настроение с оттенком тревожности, с выраженной степенью недовольства собой и окружающими называется дисфорией. Она часто сопровождается интенсивными аффективными реакциями гневливости, ярости с агрессией, отчаяния с суицидальными тенденциями.

Эмоциональная слабость проявляется в лабильности, неустойчивости настроения, изменении его под влиянием незначительных событий. У больных легко могут возникать состояния умиления, сентиментальности с появлением слезливости (слабодушие).

Болезненным психическим бесчувствием называется мучительное переживание «утраты всех человеческих чувств» — любви к близким, сострадания, горя, тоски.

К нарушениям настроения со снижением эмоциональности также относятся такие состояния, как апатия, эмоциональная монотонность, эмоциональное огрубение, эмоциональная тупость.

Все перечисленные симптомы, свидетельствующие об усилении или снижении эмоциональности, не зависят от того, каковы эти эмоции — положительные или отрицательные.

28.4. Нарушения сознания

Симптомы помрачения сознания. Одним из основных признаков нарушенного сознания является отрешенность от окружающего мира — измененность восприятия происходящего, что выражается во фрагментарном и непоследовательном отражении событий. При состояниях нарушенного сознания у больных наблюдается дезориентировка во времени и месте, может наблюдаться дезориентировка в ситуации. Они утрачивают способность оценивать обстановку, не понимают, что происходит.

Особым видом дезориентировки является двойная ориентировка, когда больной одновременно находится как бы в двух ситуациях. Такие больные живут как бы в двух мирах, в двух планах. Иногда двойная ориентировка сопровождается переживанием симптомов положительного и отрицательного двойника.

Синдромы выключения сознания. Оглушенное состояние сознания характеризуется резким повышением порога для всех внешних раздражителей, затрудненным образованием ассоциаций. В этом состоянии лица таких больных совершенно лишены эмоционального выражения. Больной говорит односложно, поскольку психическая деятельность обеднена, мыслей и воспоминаний мало, сновидений нет, желания отсутствуют, движения скудны. Продуктивной психопатологической симптоматики обычно не выявляется.

Грубая ориентировка сохранена, но более тонкая и дифференцированная нарушена. После выхода из состояния оглушения у больного в памяти сохраняются отдельные фрагменты имевшей место ситуации.

Чаще всего оглушенное состояние сознания встречается при острых нарушениях ЦНС, при инфекционных заболеваниях, отравлениях, черепно-мозговых травмах.

Легкой степенью оглушения является обнубиляции (вуаль на сознание). Такой больной напоминает человека в состоянии легкого опьянения. У такого больного несколько рассеянно внимание, он не может сразу собраться, чтобы правильно ответить, затруднено и замедлено восприятие событий, поэтому кажется, что он отвечает невпопад. Настроение бывает несколько повышено. Глубина обнубиляции обычно колеблется.

Сопор — это состояние, следующее по тяжести за оглушением, когда сохраняются простые психические реакции на внешние воздействия, зрачковые, корнеальные и конъюнктивальные реакции.

Кома — это самая сильная степень выраженности нарушения сознания. Характеризуется полным угнетением психической деятельности. В этом состоянии отсутствуют защитные двигательные реакции, угасают рефлексы и возникают патологические рефлексы.

Синдромы помрачения сознания. Делирий характеризуется противоположными оглушенности признаками: понижением порога ко всем раздражителям, богатством психопатологической симптоматики (иллюзорно-галлюцинаторной с возбуждением). В начальном периоде делириозного помрачения сознания проявляется изменением восприятия окружающего. Раздражители, которые ранее не мешали больному, начинают им восприниматься как более сильные и раздражающие. Затем появляются нарушения сна, возникают гипнагогические галлюцинации, из-за которых больной не может уснуть. На следующем этапе, как правило, вечером, появляются парэйдолические иллюзии. Затем появляются зрительные галлюцинации, иногда как продолжение парэйдолических иллюзий.

При делириозном состоянии могут быть светлые промежутки, когда на короткий период сознание проясняется. Это чаще наблюдается в утренние часы или при активном привлечении внимания больного, при разговоре с ним. Наедине он снова начинает галлюцинировать. Делирий обычно проходит после длительного сна, однако к следующей ночи возможны рецидивы галлюцинаторных переживаний.

Делириозные помрачения сознания наблюдаются при хронических интоксикациях, инфекционных и соматических заболеваниях, интоксикации при ожоговой болезни, черепно-мозговых травмах и других органических заболеваниях головного мозга. Несмотря на яркость психопатологических проявлений приделирии, В. А. Гиляровский считал, что это реакция относительно сохранного мозга.

Онейроидное (сновидное) помрачение сознания характеризуется наплывом непроизвольно возникающих фантастических, сновидно-бредовых представлений в виде законченных по содержанию картин, следующих в определенной последовательности и образующих единое целое. Это состояние сопровождается частичной или полной отрешенностью от окружающего, расстройством самосознания, депрессивным или маниакальным аффектом, признаками кататонии, сохранением в сознании содержания переживаний при амнезии на окружающие события.

На первых этапах развития онейроида наблюдаются нарушения сна, затем бред инсценировки: все воспринимается как специально подстроенное, как будто бы для больного специально разыгрываются сцены. В этом периоде имеет место двойная ориентировка; больной живет как бы в двух мирах, двух планах, в реальной ситуации и в вымышленной, фантастической. При этом события причудливо переплетаются в сознании.

Онейроидное помрачение сознания наблюдается, как правило, при приступообразной шизофрении и значительно реже — при других заболеваниях.

Сумеречное помрачение сознания — это внезапно возникающее и внезапно прекращающееся помрачение сознания с последующей амнезией, при котором больной может совершать взаимосвязанные, последовательные действия, часто обусловленные бредом, галлюцинациями, бурными аффектами страха, отчаяния, злобы. Если делирий можно определить как иллюзорно-галлюцинаторное помрачение сознания, а онейроид — как грезоподобное, то для сумеречного помрачения сознания нет такого общего определения. Однако есть признаки, характеризующие это помрачение сознания: пароксизмальность возникновения и прекращения; сохранность автоматизированной деятельности; полная амнезия на период сумеречного помрачения сознания.

При наличии бреда и галлюцинаций поведение больного становится крайне опасным, так как действия его обусловлены психопатологической симпоматикой или острейшими аффективными состояниями с переживанием ярости или отчаяния.

28.5. Нарушения личности

Классификация личностных нарушений по-прежнему остается одним из спорных вопросов в клинической психологии. Ниже приведены те личностные изменения, анализ которых может быть проведен в рамках наиболее разработанных в отечественной психологии подходов, а именно системного и деятельностного

Нарушение структуры иерархии мотивов. Изменение иерархии и опосредованности мотивов означает нарушение сложной организации деятельности человека. Деятельность теряет специфически человеческую характеристику: из опосредованной она становится импульсивной. Исчезают «дальние» мотивы, некая потребность (в случае, например, алкоголизма) переходит во влечение, которое становится доминирующим в жизни больного.

Формирование патологических потребностей и мотивов. Известно, что под воздействием различных стрессоров самосознание человека может меняться. Оно также может меняться в результате нарушения рефлексии. Искаженное отражение собственной личности может привести к специфическим расстройствам, принять характер изменения физического образа «Я», которое описано в психиатрической литературе в виде не только синдрома дисморфобии, деперсонализации, но и нервной анорексии.

Нарушение смыслообразования. Ослабление и искажение побудительной и смыслообразующей функций мотива приводит к нарушениям деятельности. В одних случаях это выражается в том, что смыслообразующая функция мотива ослабляется, мотив превращается в только знаемый. Так, больной знает, что к близким надо хорошо относиться, но при этом он оскорбляет и избивает свою мать. В других случаях происходит сужение круга смысловых образований. Это выражается в том, что мотив, сохраняя до известной степени побудительную силу, придает смысл относительно меньшему кругу явлений, чем до заболевания. В результате многое из того, что ранее имело для больного личностный смысл, постепенно теряет его. В результате исчезает и побудительная сила мотива.

Нарушение саморегуляции и опосредования. Проблема опосредования с необходимостью встает при анализе вопроса о компенсаторных и защитных механизмах. Необходимость учитывать процесс саморегуляции особенно отчетливо выступает при исследовании больных, находящихся в реактивном состоянии после психических травм. Показано, что при реактивном состоянии отмечается фиксированность на травмирующих переживаниях, преобладает эмоциональная оценка ситуаций. Нарушение саморегуляции проявляется и при исследовании соотношения дальних целей и осуществляемой деятельности. Так, у больных эпилепсией и шизофренией дальние цели не участвуют в регуляции их поведения. У больных шизофренией теряется смыслообразующая функция дальних целей; у больных эпилепсией дальние цели, так же как и их деятельность, становятся инертными.

Нарушение критичности и спонтанности поведения. Нарушение критичности проявляется по-

разному; оно может выступать в виде нецеленаправленных действий, расторможенности поведения, нецеленаправленности суждений, когда человек не сравнивает свои действия с их результатами, когда он не замечает своих ошибок и не исправляет их.

Аспонтанность поведения проявляется в таких симптомах, как ситуационное поведение и персеверации. Ситуационое поведение заключает в себе тенденцию к чрезмерно быстрой смене реакций. Симптом персеверации был описан А. Р. Лурией в 1943 г. у больных с нарушением премоторной зоны мозга. Выполнив какой-либо компонент движения, больные не могли переключиться на другой его компонент. Ситуационное поведение и персеверации являются индикаторами того, что деятельность больного лишена смысловой характеристики и замещается действиями, за которыми не стоит смыслообразующий мотив.

Вопросы для повторения

1. В чем могут выражаться нарушения эмоций?
2. В каких основных видах проявляются нарушения мышления?
3. Расскажите о навязчивых, сверхценных и бредовых идеях.
4. Опишите основные формы нарушений интеллекта.
5. Что вы знаете о формах и уровнях умственной отсталости?
6. В чем выражаются нарушения личности?

Рекомендуемая литература

Александров А. А. Современная психотерапия. — СПб.: Академический проект, 1997.

Братусь Б. С. Аномалии личности. — М.: Мысль, 1988. - 304 с.

Еникеева Д.Д. Популярные основы психиатрии. — Донецк: Сталкер, 1997. — 525 с.

Зейгарник Б. В. Патопсихология. - М.: Изд-во МГУ, 1976. - 238 с.

Каплан Г. И., Сэдок Б. Дж. Клиническая психиатрия: В 2 т. / Пер. с англ. В. В. Стрелец. — М.: Медицина, 1994.-1192 с.

Карвасарский Б. Д. Медицинская психология. — Л.: Медицина, 1982. — 271 с.

Карвасарский Б. Д. Психотерапия. — М.: Медицина, 1985. — 308 с

Лебединский В. В. Аутизм как модель эмоционального дизонтогенеза // Вестник МГУ. — Серия 14. Психология. - 1996. - № 2. - С. 32-45.

Личко А. Е. Психопатии и аномалии характера у подростков. — Л.: Медицина, 1977. — 208 с.

Лурия А. Р. Основы нейропсихологии. — М.: Изд-во МГУ, 1973. — 374 с.

Тарабрина Н. В. Психологические последствия войны // Психологическое обозрение. — 1996. — № 1(2).

Хамская Е. Д. Нейропсихологическая диагностика / Под ред. Е. Д. Хомской. — М.: Изд-во МГУ, 1994. — 226 с.

Хэзлем М. Т. Психиатрия / Пер. с англ. Г. А. Лубочкова. — Львов: Инициатива, 1998. — 609 с. — (Классики зарубежной психологии).

Глава 29. Основные психические заболевания, их лечение и профилактика

Краткое содержание главы

Шизофрения. Шизофрения как отдельное заболевание. Симптомы шизофрении. Классификация форм шизофрении.

Маниакально-депрессивный психоз. Суть маниакально-депрессивного психоза. Признаки депрессивной фазы. Симптомы маниакального состояния. Дистимия.

Психогенные заболевания. Неврозы (неврастения, истерия, невроз навязчивых состояний). Реактивный психоз.

Психопатии. Диагностические критерии психопатии. Конституциональные психопатии. Психопатическое развитие.

Психосоматика. Основные направления психосоматической медицины (психоаналитическое,

экзистенциальное и теория стресса Г. Селье). Концепция «психологии телесности» В. В. Николаевой и Г. А. Ариной.

Алкоголизм. Умеренное употребление алкоголя и бытовое пьянство. Характерные особенности первой, второй и третьей стадий алкоголизма.

Наркомании и токсикомании. Классификация наркотических веществ. Наркотизм и токсикоманическое поведение. Злоупотребление наркотическими веществами. Симптомы физической зависимости.

Психологические основы психотерапии и реабилитации. Определение психотерапии. Концепция личностно-ориентированной (реконструктивной) психотерапии. Понятие о реабилитации**.**

Психогигиена. Психогигиена и психопрофилактика. Основные задачи психогигиены. Разделы психогигиены.

Психофармакология. Предмет, задачи и методы психофармакологии. Разделы психофармакологии.

Психология посттравматического стресса. Проблема посттравматического стресса. Основные понятия, используемые в работах по изучению травматического стресса.

29.1. Шизофрения

В качестве отдельного заболевания шизофрению выделил в конце XIX в. немецкий психиатр Э. Крепелин. Он назвал его *dementia praecox* («раннее слабоумие»). Крепелин определил, что развивающаяся в юности или в молодые годы группа психических расстройств быстро приводит к глубокому личностному дефекту. До этого разные формы шизофрении считались самостоятельными психическими болезнями. Само название «шизофрения» в 1920-х гг. ввел в употребление швейцарский психиатр Э. Блейер (иногда шизофрению так и называют — болезнь Блейера). В отличие от Крепелина, он считал, что шизофрения может возникать не только в молодые годы, но и в зрелом возрасте. Исследования этих ученых положили начало учению о шизофрении. В дальнейшем этому заболеванию было посвящено множество научных работ, но до сих пор к единому мнению психиатры не пришли.

В отечественной психиатрии шизофренией (от греч. σχιζο — расщепляю, φρεν — душа) обозначают группу сходных психических расстройств неясной этиологии, у которых, вероятно, имеются общие эндогенные патогенетические механизмы развития в виде наследственной аномалии, не проявляющейся до определенного периода жизни. Без лечения характерно прогрессирующее или приступообразное течение, обычно завершающееся однотипной картиной изменения личности (дефекта) с дезорганизацией психических функций (мышления, эмоций, психомоторик — всего поведения в целом) при сохранности памяти и приобретенных ранее знаний (рис. 28-1).

- **Шизофрения — психическое расстройство неясной этиологии, для которого характерно прогрессирующее или приступообразное течение, обычно завершающееся однотипной картиной изменения личности (дефекта) с дезорганизацией психических функций (мышления, эмоций,психомоторики — всего поведения в целом)при сохранности памяти и приобретенных ранее знаний.**

Некоторые психические расстройства иногда включают в рамки шизофрении как особые ее формы, иногда же рассматривают как отдельные психические заболевания. К ним относятся бредовые (параноидные) психозы (например, паранойя), отличающиеся по картине от параноидной шизофрении, шизоаффективные психозы (обладающие сходством с маниакально-депрессивным психозом) и вялотекущая (малопрогредиентная, латентная, «пограничная») шизофрения.

При всех формах шизофрении встречаются симптомы (степень их выраженности различна), которые относят к числу основных (их называют также «негативными», так как они отражают ущерб, нанесенный болезнью психике). Прежде всего это симптом эмоционального снижения. Оно начинается с нарастающей холодности больных к близким и значимым для них людям; безразличия к окружающему, безучастности к тому, что непосредственно касается больного, утраты прежних интересов и увлечений. Проявления эмоций ослабляются и упрощаются. В начале заболевания может наблюдаться избирательная немотивированная неприязнь больного к тем, кто его любит и заботится о нем. Часто больной становится неряшливым и нечистоплотным. Снижение эмоций бывает столь

выраженным, что его называют «эмоциональной тупостью». Но даже это может быть внешне незаметным, и лишь сам больной жалуется на то, что потерял способность радоваться и горевать, волноваться или испытывать интерес. У некоторых больных наблюдается «эмоциональная амбивалентность» — одновременное существование двух противоположных эмоций: любви и ненависти или интереса и отвращения к чему-либо.

Нарушения логического мышления при шизофрении иногда достигает крайности, речь больного становится совершенно разорванной, состоящей из сумбурного набора обрывков фраз («словесная окрошка»). Но обычно нарушения выражены гораздо менее резко: в виде «соскальзываний» — нелогичного перехода от одной мысли к другой (чего сам больной не замечает), придумывания «неологизмов» — новых вычурных слов, и склонности к пустому резонерству, бесплодным рассуждениям. В начальных стадиях заболевания подобные нарушения мышления вообще могут быть незаметны, но при обследовании патопсихологическими методами выявляются искажения процесса обобщения, которое осуществляется по несущественным признакам.

Одновременно с эмоциональным снижением наблюдаются и волевые нарушения, которые называются *абулией* (дословно «безволие»), что проявляется полным или частичным отсутствием побуждений к деятельности, падением активности, потерей интереса ко всему. В тяжелых случаях больные перестают даже элементарно обслуживать себя, не моются, испражняются где попало, мочатся под себя, целые дни валяются в постели или сидят в одной позе. В начале заболевания они забрасывают занятия и работу, запускают все домашние дела, ни за что не могут приняться, никак не могут собраться что-нибудь делать. Все это называют «падением энергетического потенциала».

Рис. 29-1. Больной гебефренической формой шизофрении

Аутизм — утрата контактов с окружающими, уход от действительности во внутренний мир, отгороженность, замкнутость — не всегда включается в число основных симптомов, так как может быть и при шизоидной психопатии. Однако аутизм при шизофрении носит другой характер. При шизофрении аутичность проявляется не просто как отгороженность и замкнутость, а как утрата связей с прежним окружением при выраженной степени аутизма и полная недоступность в тяжелых случаях. Появление этого признака диагностически значимо, если ранее он отсутствовал. К симптомам шизофрении относят также негативизм, который выражается в бессмысленном противодействии, немотивированном отказе больного от любого действия, движения или в сопротивлении его осуществлению. Речевой негативизм проявляется мутизмом. Это такое нарушение волевой сферы, при котором больной вообще не разговаривает при полной сохранности способности разговаривать и понимать обращенную к нему речь.

Абулия — полное или частичное отсутствие побуждений к деятельности, падение активности, потеря интереса ко всему.

Аутизм — утрата контактов с окружающими, уход от действительности во внутренний мир, отгороженность, замкнутость.

С тех пор как шизофрения была определена, предлагалось множество классификаций форм этого заболевания. Можно выделить основные клинические варианты шизофрении с характерным набором симптомов.

Гебефрения характеризуется расстройством мышления; возможны бред и галлюцинации; чаще всего возникает в поздней юности.

Параноидная шизофрения — наиболее часто встречающаяся форма, обычно возникает в среднем возрасте. Характерен бред воздействия, преследования и отношения. Реже встречаются другие виды бреда — заражения, отравления, метаморфозы, ревности, величия и т. д. Вред преследования отличается неопределенностью и заумностью (какие-то таинственные организации, террористические группы замышляют расправиться с больным).

При кататонии доминируют симптомы расстройства моторных функций и поведения: от излишней и иногда неистовой двигательной активности до полной заторможенности, состояния ступора, мутизма, негативизма, восковой гибкости.

Простая шизофрения обычно протекает с разнообразными психопатоподобными нарушениями. Преобладают утрата жизненного тонуса и эмоциональное отупение.

Резидуальная шизофрения характеризуется наличием общих шизофренических симтомов, наблюдаемых после перенесенного острого шизофренического приступа.

Проведенные по всему миру исследования показали (с незначительными расхождениями), что распространенность шизофрении составляет чуть менее 1 % от популяции в целом. Основным средством лечения в настоящее время являются антипсихотические лекарственные препараты. Биологическую терапию важно сочетать с социально-реабилитационнами мерами.

29.2. Маниакально-депрессивный психоз

Маниакально-депрессивный психоз (МДП) относится к числу тяжелых психических заболеваний. В американской психиатрической школе МДП относят к классу биполярных расстройств, в немецкой школе — к биполярной депрессии. МДП также называют маниакально-депрессивным заболеванием, циркулярным психозом или циклофренией. МДП является эндогенным заболеванием, которое протекает в виде приступов или фаз с аффективными расстройствами и светлыми промежутками между приступами (ремиссиями). В отличие от шизофрении при МДП не наблюдаются изменения личности, независимо от количества перенесенных приступов. Заболевание может протекать в виде биполярных приступов (маниакально-депрессивный психоз) и монополярных (монополярный депрессивный психоз и монополярный маниакальный психоз). Термин «маниакально-депрессивный психоз» ввел в конце XIX в. Э. Крепелин, который обозначал им все формы периодических психозов.

Маниакально-депрессивный психоз (МДП) — эндогенное психическое заболевание, которое протекает в виде приступов или фаз с аффективными расстройствами и светлыми промежутками между приступами (ремиссиями).

Для маниакально-депрессивного психоза характерна сезонность возникновения фаз. Известно, что у некоторых больных фазы возникают в определенные месяцы, чаще осенью и весной. Число фаз различно: у части больных фазы возникают ежегодно, у других наблюдается только одна фаза на протяжении всей жизни. Продолжительность фаз различна — от нескольких дней до нескольких лет, в среднем 3-6 месяцев.

Признаки депрессивной фазы — пониженное настроение, подавленность, тоска; их выраженность может варьировать от легкой подавленности и безрадостности до переживания витальной тоски с безысходностью, отчаянием. Особенно мучительными бывают переживания «предсердечной тоски» с ощущениями тяжести или жгучей боли в области сердца. Еще более мучительны «моральные

страдания», глубина и тяжесть которых несравнимо мучительнее физической боли. Перед началом депрессивной фазы часто бывают нарушения сна, аппетита, неприятные ощущения в области сердца, сердцебиения, сухость во рту, запоры, задержка месячных у женщин. Такое состояние ошибочно расценивается как соматическое заболевание, например функциональное нарушение сердечно-сосудистой системы. В легких случаях эмоциональные нарушения выражаются подавленным настроением. Это, как правило, сомнения, неуверенность в своем будущем, плохое самочувствие, психическая и физическая утомляемость. В тяжелых случаях возникает мучительное переживание тоски, и ничто не может вывести больного из этого состояния. Пиком аффекта тоски является так называемый «взрыв тоски» (*raptus melancholicus*), во время которого возбужденный больной стремится нанести себе повреждения, может совершить суицидную попытку.

Депрессивная фаза МДП характеризуется достаточно четкими суточными колебаниями состояния: тоска и тревога появляются в ранние утренние часы, к вечеру «тоска как бы отпускет». Внешность больных соответствует их состоянию: скорбное и печальное выражение сухих и редко мигающих глаз, сдвинутые брови, плотно сжатые губы, углы рта опущены, согбенная поза, опущенная голова. Мышление таких больных замедленно, с бедными ассоциациями, внимание сосредоточивается с трудом. Мысли о смерти и самоубийстве у депрессивных больных почти постоянны, именно поэтому это состояние очень опасно, и лечение таких больных следует проводить в стационаре.

Одной из форм депрессии является маскированная депрессия. Симптомы ее проявлений напоминают соматические расстройства: жалобы на мучительные боли в области сердца, позвоночника, кишечника. Больные обращаются к врачу, подвергаются многочисленным исследованиям. Поскольку не всегда больной в этих поисках помощи находит соответствующего специалиста, способного «разглядеть» за фасадом многочисленных соматических жалоб психотическое расстройство — депрессию, то у таких больных всегда есть опасность суицида. Кроме того, существует опасность формирования у них наркомании, так как на разных этапах болезни из-за жалоб на боли им неизбежно назначают болеутоляющие, в том числе наркотические препараты. Во время депрессивной фазы также возможно злоупотребление алкоголем. Вначале с исчезновением приступа употребление алкоголя прекращается, но в дальнейшем происходит формирование алкоголизма.

Маниакальные состояния (фазы) характеризуются противоположными депрессии симптомами: повышенным настроением, ускорением мыслительных процессов и двигательной активности до степени возбуждения. Маниакальные состояния могут быть относительно легкие — гипомании, средней выраженности — типичные маниакальные состояния, и тяжелые — мания с бредом величия, мания со спутанностью.

Развитие маниакального состояния обычно происходит постепенно. Начинается оно с прилива бодрости и улучшения настроения. Появляется ощущение физического и психического благополучия. Окружающее воспринимается в радужных красках, все психические процессы протекают легко, интеллектуальная деятельность продуктивна. Больные мало спят, легко встают по утрам, быстро включаются в привычную деятельность, справляются со всеми своими обязанностями, не испытывают сомнений и колебаний в принятии решений. Самооценка обычно повышена, мимика живая, преобладает веселое настроение и никакие неприятности не могут его испортить. Аппетит чаще также повышается, отмечаются колебания артериального давления в сторону гипертензии, наблюдается тахикардия.

При усилении маниакального состояния нарастает неадекватность: больные говорят об их «неиссякаемой» энергии, о жажде деятельности и при этом их интеллектуальная продуктивность резко снижается, в основном за счет неспособности сосредоточить внимание. В маниакальном состоянии больные начинают писать стихи, рисовать, сочинять музыку — все это крайне беспорядочно. Усиливается сексуальность, легко заводятся случайные связи, некоторые больные становятся грубыми и циничными. Мышление ускоряется до такой степени, что больной не успевает выразить полностью охватившие его мысли, поэтому речь производит впечатление бессвязной. Возникает так называемая «скачка идей»(*fuga idearum*). В выраженных случаях формируется бред величия, однако нелепых и причудливых бредовых идей, как бывает при шизофрении, не возникает.

Дистимия — менее тяжелая форма биполярного расстройства, когда депрессивные и маниакальные фазы проходят на субклиническом уровне, т. е. в виде гипоманиакального и субдепрессивного состояний. Дистимия — довольно распространенное явление и в силу невыраженности как подъема, так и спада настроения часто не диагностируется. В гипоманиакальном состоянии человек обычно чувствует прилив энергии, беспричинно повышенное настроение, у него «все хорошо», и в этот период

продуктивность деятельности, как правило, повышается. Бывает дистимия без гипоманикальных фаз. В этих случаях больной дистимией переживает фазы пониженного настроения, которые чаще всего бывают непродолжительны и проходят без особых последствий.

Распространенность маниакально-депрессивного психоза и состояний, относящихся к этому заболеванию, доходит до 8 % среди населения.

29.3. Психогенные заболевания

Психогенные заболевания (психогении) — класс психических расстройств, вызванных воздействием на человека неблагоприятных психических факторов. Сюда входят реактивные психозы, психосоматические нарушения, неврозы, аномальные реакции (патохарактерологические и невротические) и психогенное развитие личности, возникающее под влиянием психической травмы или в психотравмирующей ситуации. Следует подчеркнуть, что в случаях психогений болезнь возникает после психической травматизации человека. Она сопровождается, как правило, гаммой отрицательных эмоций: гнева, интенсивного страха, ненависти, отвращения и т. д. При этом всегда можно выявить психологически понятные взаимосвязи между особенностями психотравмирующей ситуации и содержанием психопатологических проявлений. Кроме того, протекание психогенных расстройств зависит от самого наличия травмирующей ситуации и при ее дезактуализации, как правило, происходит ослабление симптоматики.

Неврозы — психические расстройства, которые возникают в результате нарушения особенно значимых жизненных отношений человека и проявляются в основном психогенно обусловленными эмоциональными и соматовегетативными расстройствами при отсутствии психотических явлений.

В определении В. А. Гиляровского приводится несколько признаков, которые характеризуют неврозы: психогенный характер возникновения, личностные особенности больного, вегетативные и соматические расстройства, стремление к преодолению болезни, переработке личностью сложившейся ситуации и возникшей болезненной симптоматики. Обычно, давая определение неврозу, оцениваются первые три признака, хотя весьма важными для диагностики невроза являются критерий, характеризующий отношение к ситуации возникшей болезни, и борьба с целью ее преодоления.

В рамках психодинамической теории определение неврозов основано на установленной взаимосвязи между симптомом, пусковой ситуацией и характером ранней детской травматизации.

Неврастения — наиболее распространенная форма невротического расстройства. Она характеризуется повышенной возбудимостью, раздражительностью, утомляемостью и быстрой истощаемостью. Неврастения возникает на фоне нервного истощения, вызываемого переутомлением. Причиной этого переутомления является внутриличностный конфликт. Суть этого конфликта заключается в несоответствии нервно-психических возможностей человека тем требованиям, которые он предъявляет себе в процессе выполнения деятельности. Состояние утомления выступает в этом случае сигналом к ее прекращению. Однако требования, которые человек предъявляет себе, заставляют его усилием воли преодолевать это утомление и продолжать, например, выполнять большой объем работы в сжатые сроки. Все это часто сочетается с сокращением времени для сна, и в итоге человек оказывается на грани полного нервного истощения. В результате появляется симптоматика, которая рассматривается как стержневое расстройство при неврастении, — «раздражительная слабость» (по определению И. П. Павлова).

Больной бурно реагирует по самому незначительному поводу, что было нехарактерно для него раньше, эмоциональные реакции при этом непродолжительны, так как быстро наступает истощение. Часто все это сопровождается слезами и рыданиями на фоне вегетативных реакций (тахикардии, потливости, похолодания конечностей), которые довольно быстро проходят. Как правило нарушается сон, становясь беспокойным и прерывистым.

Хуже всего самочувствие неврастеника по утрам, к вечеру оно может улучшаться. Однако ощущение утомленности и усталости сопровождает его почти все время. Интеллектуальная деятельность затрудняется, появляется рассеянность, резко падает трудоспособность. Иногда у больного возникают кратковременные и пугающие его ощущения, что у него прекратилась мыслительная деятельность —«мышление остановилось». Появляются головные боли, которые носят стягивающий, давящий характер («каска неврастеника»). Повышается чувствительность к внешним раздражителям, больной реагирует на яркий свет и шум раздражением и усилением головной боли. Как у мужчин, так и у

женщин наблюдаются сексуальные расстройства. Снижается или пропадает аппетит.

Легкие неврастенические проявления могут наблюдаться у любого человека при переутомлении. При лечении неврастении показана психотерапия, направленная на выявление внешних и внутриличностных причин, вызвавших этот невроз.

Истерический невроз (истерия) — это болезнь, которую известный французский психиатр Ж. М. Шарко назвал «великой симулянткой», так как ее симптомы могут напоминать проявления самых разнообразных болезней. Он же и выделил основные симптомы этой формы невроза, которая по частоте занимает среди неврозов второе место после неврастении.

Истерический невроз чаще всего возникает в молодом возрасте, его развитие обусловлено наличием определенного «истерического» личностного набора черт. Прежде всего это внушаемость и самовнушаемость, личностная незрелость (инфантилизм), склонность к демонстративному выражению эмоций, эгоцентризм, эмоциональная неустойчивость, впечатлительность и «жажда признания».

Невроз — психическое расстройство, которое возникает в результате нарушения особенно значимых жизненных отношений человека и проявляется в основном психогенно обусловленными эмоциональными и соматовегетативными расстройствами при отсутствии психотических явлений.

Э. Крепелин полагал, что при истерии происходит распространение эмоций на все области психических и соматических функций и превращение их в симптомы болезни, которые соответствуют искаженным и преувеличенным формам душевных переживаний. Он также считал, что у каждого человека при очень сильном волнении могут исчезнуть голос, подкоситься ноги и т. д. У истерической личности в результате лабильности психики эти нарушения возникают очень легко и так же легко закрепляются.

Проявления истерического невроза разнообразны: от параличей и парезов до потери способности говорить. Ощущения, которые испытывают и описывают больные, могут быть похожи на органические расстройства, что затрудняет своевременную диагностику.

Однако типичные раньше параличи и парезы, астазия-абазия теперь наблюдаются редко. Психиатры говорят об «интеллектуализации» истерии. Вместо параличей больные жалуются на слабость в руках и ногах, обычно возникающую при волнениях. Они отмечают, что ноги делаются как ватные, подкашиваются, одна нога вдруг слабеет, или появляются тяжесть, пошатывание при ходьбе. Эти симптомы, как правило, демонстративны: когда за больным перестают наблюдать, они становятся менее выраженными. Реже встречается в настоящее время и мутизм (невозможность говорить); вместо него чаще наблюдаются заикание, запинки в речи, трудности в произношении отдельных слов и т. д.

При истерическом неврозе больные, с одной стороны, всегда подчеркивают исключительность своих страданий, говорят об «ужасных», «непереносимых» болях, всячески подчеркивают необыкновенный, неизвестный ранее характер симптомов. Эмоциональные нарушения характеризуются лабильностью, настроение быстро меняется, часто возникают бурные аффективные реакции со слезами и рыданиями.

Течение истерического невроза бывает волнообразным. При неблагоприятно складывающихся обстоятельствах истерическая невротическая симптоматика усиливается, и постепенно на первый план начинают выступать аффективные расстройства. В интеллектуальной деятельности появляются черты эмоциональной логики, эгоцентрическая оценка себя и своего состояния, в поведении — элементы демонстративности, театральности со стремлением любой ценой привлечь к себе внимание. Истерический невроз необходимо лечить у врача-психотерапевта, особенно обращая внимание на деонтологические аспекты.

Невроз навязчивых состояний (психастения, или невроз навязчивости) проявляется в виде навязчивых страхов (фобий), представлений, воспоминаний, сомнений и навязчивых действий. Этот невроз по сравнению с истерией и неврастенией встречается гораздо реже и, как правило, возникает у людей мыслительного типа с тревожно-мнительным характером.

Болезнь, как и при других формах неврозов, начинается после воздействия психотравмирующего фактора, который после личностной «проработки» бывает трудно определить в процессе психотерапевтического лечения. Симптоматика этого невроза состоит из навязчивых страхов (фобий), навязчивых мыслей (обсессий) и навязчивых действий (компульсивные расстройства). Общим для этих симптомов является их постоянство и повторяемость, а также субъективная невозможность избавиться от них при критическом отношении к ним больного. Фобии при неврозе навязчивых состояний разнообразны, и их сочетание с навязчивыми действиями делает состояние таких больных очень

тяжелым. При лечении также применяется психотерапия.

Под *реактивным психозом* понимают расстройство психики, возникающее под влиянием психической травмы и проявляющееся целиком или преимущественно неадекватным отражением реального мира с нарушением поведения, изменением различных сторон психической деятельности с возникновением не свойственных нормальной психике явлений (бред, галлюцинации и др.).

Для всех реактивных психозов характерно наличие продуктивной психопатологической симптоматики, аффективно-суженного состояния сознания, в результате чего утрачивается способность адекватно оценивать ситуацию и свое состояние.

Реактивные психозы можно в зависимости от характера психической травмы и клинической картины разделить на три группы:

1) аффективно-шоковые реакции, возникающие обычно при глобальной угрозе жизни большим контингентам людей (землетрясения, наводнения, катастрофы и т. д.);

2) истерические реактивные психозы, которые возникают, как правило, в ситуациях, угрожающих свободе личности;

3) психогенные психотические расстройства (параноиды, депрессии), обусловленные субъективно значимыми психическими травмами, т. е. психическими травмами, имеющими значение для определенной личности.

- **Реактивный психоз — расстройство психики, возникающее под влиянием психической травмы и проявляющееся целиком или преимущественно неадекватным отражением реального мира с нарушением поведения, изменением различных сторон психической деятельности с возникновением не свойственных нормальной психике явлений (бред, галлюцинации и др.).**

29.4. Психопатии

Психопатия — аномалия характера, которая, по словам выдающегося московского психиатра П. Б. Ганнушкина, определяет психический облик, накладывая властный отпечаток на весь душевный склад, в течение жизни не подвергается сколько-нибудь резким изменениям и мешает приспосабливаться к социальной среде. К основным диагностическим критериям психопатии относятся:

1) тотальность патологических черт характера; они проявляются везде — дома и на работе, в труде и на отдыхе, в обыденных условиях и при эмоциональных стрессах;

2) стабильность патологических черт характера; они сохраняются на протяжении всей жизни, хотя впервые выявляются в разном возрасте, чаще всего в подростковом, иногда с самого детства;

3) социальная дезадаптация является следствием именно патологических черт характера, а не обусловлена неблагоприятной средой.

Конституциональные (генуинные, «ядерные») психопатии обусловлены наследственностью. Психопатические проявления очевидны даже при самых благоприятных условиях жизни. Наследственную обусловленность психопатических черт, как правило, удается проследить у кого-то из родителей или других кровных родственников.

Психопатическое, или патохарактерологическое, развитие («приобретенные психопатии») является следствием неправильного воспитания или продолжительного дурного влияния окружающей среды, особенно в раннем детском или подростковом возрастах. Далеко не у всех детей, подверженных влиянию одинаковых хронических психогенных факторов, отмечается психопатическое развитие. Эти влияния должны упасть на «подходящую почву», которой чаще всего служит акцентуация характера. При этом необходимо не просто любое продолжительное неблагоприятное социально-психологическое воздействие, а лишь такое, которое адресуется к «точке наименьшего сопротивления» данного типа акцентуации. Только в исключительно тяжких условиях возможно формирование психопатического склада личности практически у каждого ребенка (например, воспитание с раннего детства в закрытом учреждении с суровым режимом и жестокими взаимоотношениями).

- **Психопатия — аномалия характера, которая определяет психический облик, накладывая отпечаток на весь душевный склад, в течение жизни не подвергается сколько-нибудь резким изменениям и мешает приспосабливаться к социальной среде.**

29.5. Психосоматика

Термин «психосоматика» появился в начале XIX в., тогда же возникло и родственное ему понятие «соматопсихика». Основной предметной областью, в рамках которой изучалась психосоматика как в западной, так и в отечественной науке, стала медицина. В центре внимания исследователей-клиницистов оказались психогенные конверсионные расстройства, психовегетативные нарушения в структуре неврозов и маскированных депрессий, вторичные психогенные нарушения телесных функций у больных с хроническими соматическими заболеваниями, а также изменения психики, отягчающие течение основного (соматического) заболевания. Условно можно выделить следующие направления психосоматической медицины: психоаналитическое, экзистенциальное (антропологическое) и теория стресса Г. Селье.

Зарождение психосоматической медицины связывают с работами 3. Фрейда. Доминирующие концепции этого направления определены в истории болезни Анны О., в которой Фрейдом впервые было представлено возникновение физического симптома по механизму конверсии. Важный шаг в сторону дифференциации психосоматических расстройств на явления конверсионной истерии и так называемые вегетативные неврозы сделал Ф. Александер. Он подчеркивал роль вытесненной агрессии в происхождении психосоматических расстройств. В экзистенциальном направлении болезнь рассматривается как «экзистенциальное бедственное состояние» во внутренней истории жизни человека. Представители этого направления видят свою задачу в понимании смысла болезненного симптома в связи с духовной экзистенцией больного. Смысл симптомообразования важнее, чем определенные соматические формы его проявления. В рамках исследований по проблемам стресса изучена роль различных стрессоров в происхождении соматических расстройств.

Новый подход в рамках психосоматической проблемы предлагают В. В. Николаева и Г. А. Арина. Видя препятствие для «плодотворной теоретической формулировки» в том предрассудке, что собственно человеческое в человеке ограничивается психикой, авторы разрабатывают концепцию «психологии телесности». Предметом психологии телесности являются закономерности развития телесности человека на разных этапах онтогенеза, условия и факторы, влияющие на формирование нормальных и патологических явлений телесности, а также ее структура и психологические механизмы функционирования в качестве человеческого, т. е. культурно детерминированного феномена в норме и патологии.

29.6. Алкоголизм

Алкоголизм относится к заболеваниям, вызванным употреблением психоактивных веществ. Любое вещество, будь оно синтетическим или природным, обладающее способностью при однократном приеме изменить психическое и физическое состояние человека, а при систематическом его употреблении — вызвать привыкание к нему (психическую и физическую зависимость), называется психоактивным. К таким веществам относятся алкоголь, производные опия, каннабиса, седативные и снотворные препараты, кокаин, стимуляторы (включая кофеин), галлюциногены, табак, летучие растворители.

За последние десятилетия наблюдается повсеместный рост алкоголизма, особенно среди молодежи и женщин. По оценкам разных авторов, в развитых странах им страдает 3-5 % населения, а в странах, которые принято называть винодельческими (Франция, Италия), — до 8-10%.

Обычно различают умеренное употребление алкоголя и злоупотребление, или бытовое пьянство. При умеренном употреблении спиртное принимается редко, по общепринятым традиционным поводам, 1-2 раза в месяц, в небольших количествах слабоалкольных напитков. Внешние признаки опьянения при таком употреблении мало заметны и поведение контролируется. Злоупотреблением считается систематическое употребление спиртного в разных дозах и по разным поводам. При злоупотреблении алкоголем, или бытовом пьянстве, отсутствует тяга к спиртному и другие признаки *алкоголизма,* который относится к числу хронических болезней. Он развивается в результате длительного злоупотребления спиртными напитками и характеризуется патологическим влечением к спиртному, психической, а затем и физической зависимостью от алкоголя. Алкоголизм не относится к числу

психотических расстройств, однако он может сопровождаться алкогольными психозами, возникающими как из-за хронического отравления организма самим алкоголем, так и вызванными им соматическими нарушениями, в особенности функций печени. Воздействие алкоголя на организм человека проявляется в форме алкогольного опьянения, которое затрагивает и изменяет психическое и физическое состояние. Тяжесть этих изменений зависит не только от дозы алкоголя, но и от особенностей организма, в частности, скорости его всасывания из желудочно-кишечного тракта и чувствительности к нему организма. Чувствительность повышается при утомлении, голодании, недосыпании, охлаждении и перегревании. Восприимчивость алкоголя высока у детей, подростков, стариков и у ослабленных людей. Большую роль в переносимости алкоголя играют генетические факторы, определяющие активность ферментов, перерабатывающих алкоголь. Некоторым народам Крайнего Севера присуща крайняя непереносимость алкоголя, у них даже от умеренных доз алкоголя может наступить опасное для жизни коматозное состояние, что генетически обусловлено низкой активностью этих ферментов.

- **Алкоголизм — заболевание, которое развивается в результате длительного злоупотребления спиртными напитками и характеризуется патологическим влечением к спиртному, психической, а затем и физической зависимостью от алкоголя.**

Выделяют три стадии алкоголизма.

На *первой стадии* алкоголизма одним из самых первых и ранних его симптомов является тяга к спиртному (патологическое влечение к алкоголю). Этот признак к тому же еще и один из самых стойких, он существует на протяжении всего заболевания, имея тенденцию утяжеляться. При этом сам пьющий человек может долго не осознавать этого, объясняя свои частые выпивки ситуационными факторами. Установить наличие патологической тяги бывает непросто не только из-за отсутствия пациентом осознания своего влечения, но и потому, что пьющие люди склонны к сокрытию этого факта. Поэтому нарколог бывает вынужден определять наличие патологического влечения по косвенным признакам, в частности, путем опроса родственников или близких знакомых больного.

Одним из показательных признаков тяги к алкоголю является характерное изменение поведения в ожидании выпивки: заметное оживление и повышение настроения, суетливость — все свидетельствует, что человек в предвкушении радостного для него действия. Желание выпить возникает независимо от воли человека и поэтому относится к числу навязчивостей. Несмотря на то, что это желание часто сопровождается борьбой мотивов «за» и «против», чаще всего побеждает «за». Это уже симптом психической зависимости, когда алкоголь становится постоянно необходимым средством для поднятия настроения, обретения чувства уверенности и свободы, отвлечения от неприятностей и невзгод, облегчения контактов с окружающими, эмоциональной разрядки. Выпивки делаются главным интересом в жизни: все помыслы сосредоточиваются на них, придумываются поводы, изыскиваются компании, всякое событие прежде всего рассматривается как причина для выпивки. Ради этого забрасываются другие дела, развлечения, хобби, не сулящие застолий, знакомства. На выпивку тратятся деньги, предназначенные на самое необходимое, они становятся регулярными — по 2-3 раза в неделю и чаще.

Из-за того что организм адаптируется к воздействию алкоголя, происходит повышение толерантности т, е. увеличение минимальной дозы, способной вызвать хотя бы легкое опьянение. На первой стадии алкоголику для опьянения требуется доза в 2-3 раза большая, чем прежде. Однако после длительного перерыва в выпивках толерантность может падать. У подростков и юношей толерантность может расти без возникновения алкоголизма за счет физического развития, увеличения массы тела.

Утрата контроля над собой способствует тому, что, начав пить, человек не может остановиться и напивается до степени тяжелого опьянения, при котором патологическое влечение к алкоголю еще более усиливается. Однако иногда контроль утрачивается только на второй стадии алкоголизма. Уже на первой стадии алкоголизма могут появиться палимпсесты — из памяти выпадают отдельные периоды опьянения, во время которых человек был способен действовать и говорить таким образом, что другие могли не заметить его состояния. Но чаще такие провалы в памяти появляются на второй стадии алкоголизма.

Вторая стадия алкоголизма характеризуется возникновением физической зависимости от алкоголя. Суть этой зависимости состоит в том, что регулярное поступление алкоголя в организм становится необходимым условием для поддержания гомеостаза организма. Злоупотребление алкоголем вызывает

перестройку биохимических процессов и приводит к перестройке ферментной системы, ответственной за переработку алкоголя.

На второй стадии возникает компульсивное (вторичное, неодолимое) влечение к алкоголю, основанное на физической зависимости. Потребность в алкоголе становится похожей на первичные (биологические) потребности человека типа голода и жажды. Отсутствие алкоголя вызывает болезненные расстройство — абстинентный синдром. Это состояние возникает вследствие прекращения поступления привычной дозы алкоголя. Основная особенность этого синдрома состоит в том, что все нарушения на время устраняются или смягчаются приемом спиртных напитков. Синдром абстиненции проявляется психическими, неврологическими и соматическими расстройствами. Больной в этом состоянии испытывает крайнее раздражение, беспричинную тревогу, у него нарушается и становится беспокойным сон, во время которого ему снятся кошмары. Возникает мышечный тремор (особенно пальцев рук), больного лихорадит, его мучает жажда, у него теряется аппетит. Больные жалуются на головную боль и сердцебиение. Часто повышается артериальное давление. Состояние абстиненции способствует появлению депрессии с суицидными попытками или депрессии с истинными суицидными намерениями. Также могут возникнуть паранойяльные идеи ревности, преследования, отношения. В тяжелых случаях развивается алкогольный делирий («белая горячка») или судорожные припадки («алкогольная эпилепсия»). Абстинентный синдром резко обостряет вторичное патологическое влечение к алкоголю, оно становится неодолимым. Абстиненции развивается через 12-24 часа после принятия алкоголя и продолжается в зависимости от ее тяжести от 1-2 суток до 1-2 недель.

На второй стадии алкоголизма толерантность к алкоголю может возрастать в 5 и более раз по сравнению с первоначальной опьяняющей дозой. На этой стадии наступает потеря ситуационного контроля — больному неважно где, с кем и что пить. Учащаются провалы в памяти.

Картина опьянения на второй стадии изменяется: эйфория становится короче и слабее. На смену ей приходят раздражительность, взрывчатость, недовольство, склонность к скандалам и агрессии. Часть больных пьянствует постоянно, а часть — периодически. Встречается также промежуточная форма. Практически каждый вечер больные выпивают большие дозы спиртного, а по утрам — небольшие («похмеляются»), чтобы избежать похмельного синдрома. Больные, которые злоупотребляют алкоголем, периодически могут страдать запоями, которые бывают истинными и ложными. Между запоями возможно умеренное злоупотребление, или даже полное воздержание.

Истинные запои — это особая и тяжелая форма алкоголизма (также называемая дипсоманией), когда полностью утрачивается контроль как за количеством потребляемого алкоголя, так и за собственным поведением. Алкоголика во время запоя уже не волнуют никакие дела, и он озабочен только одним — выпить. Чаще всего запойный алкоголизм развивается на фоне циклоидной акцентуации характера или циклотимии. Запойный период длится несколько дней, при этом в первые дни обнаруживается высокая толерантность к алкоголю, через несколько дней запоя она уменьшается. В течение запоя может возникнуть множество психических и соматических нарушений. Резкое прекращение тяжелого запоя (невозможность достать спиртное) может вызвать очень тяжелые психические расстройства — галлюцинации и белую горячку (алкогольный делирий), что иногда приводит к летальному исходу. Период запоя нередко заканчивается аверсионным синдромом — полным отвращением к алкоголю, один вид которого вызывает тошноту и рвоту. После этого в течение нескольких недель или месяцев больные полностью воздерживаются от выпивок до наступления следующей аффективной фазы.

Ложные запои (псевдозапои) возникают также на второй стадии алкоголизма. Они тесно связаны с образом жизни больного, возникая в определенные периоды: конец рабочей недели, получка и т. д. От этих факторов, которые можно отнести к социально-психологическим, зависит периодичность пьянства, в их основе не лежат никакие аффективные фазы. Длительность запоев различна, они могут быть прерваны либо активным противодействием ближайшего окружения (угроза уволить с работы, угроза развода), либо по причине отсутствия спиртных напитков.

Вторая стадия алкоголизма — это тот этап развития болезни, когда изменения личности становятся отчетливо выраженными. Происходит так называемая алкогольная деградация личности: больные становятся лживыми, грубыми, иногда до жестокости, эгоистичными, безответственными, возникает «алкогольный юмор». В целом личностные изменения касаются морально-нравственной сферы, происходит ее нивелировка. Все прежние привязанности и интересы угасают. Происходит заострение характерологических черт и поведенческих паттернов у психопатических и акцентуированных личностей. Так, гипертимики становятся более эйфоричными, неразборчивыми в знакомствах,

склонными к нарушениям правил и законов, к риску, безалаберному образу жизни; шизоиды еще более замыкаются, а эпилептоиды становятся эксплозивными и более дисфоричными; присущие истерическим личностям демонстративность и театральность усиливаются до грубой балаганности. У подростков и молодежи подобное может происходить еще на первой стадии алкоголизма. Помимо личностных изменений происходят и нарушения в интеллектуальной сфере: снижается память, ухудшается внимание, больные становятся малоспособными к интеллектуальной деятельности. Все это приводит к социальной дезадаптации больного.

Одно из проявлений личностных изменений при алкоголизме — появление алкогольной анозогнозии, которая на этой стадии становится отчетливо заметной. Даже после тяжелого похмелья алкоголик не признает себя больным, игнорируя все совершенно очевидные факты. Никакое прямое убеждение на него не действует, он настойчиво отвергает диагноз алкоголизма. Именно в наличии анозогнозии заключается одна из основных трудностей привлечения больных в специализированные клиники для их лечения.

Соматические осложнения алкоголизма начинаются и становятся выраженными также на второй стадии. Особенно поражается печень, вплоть до ее дистрофии. Может развиваться хронический алкогольный гепатит. Нарушения функций печени доходят до стадии ее цирроза. Частым осложнением является алкогольная кардиомиопатия, которая проявляется тахикардией, расширением границ сердца, приглушением сердечных тонов, одышкой. Алкоголизм способствует также развитию язвенной болезни желудка и двенадцатиперстной кишки.

Сексуальные нарушения при алкоголизме обладают динамикой: от повышения сексуальной активности на первой стадии до ослабления сексуальной потенции — на второй. У мужчин ухудшается эрекция, появляется преждевременная эякуляция, что может сочетаться с усилением чувства ревности к супругам и сожительницам.

Третья стадия алкоголизма (алкогольной деградации) называется конечной, или энцефалопатической, стадией. Главным ее признаком выступает снижение толерантности к алкоголю. Вначале уменьшается разовая доза, и выраженное опьянение наступает от все уменьшающихся доз спиртного. Суточная доза при этом остается прежней: больной пьет в течение дня маленькими порциями, а основную часть суточной дозы выпивает вечером. Постепенно происходит снижение суточной дозы, переход от крепких напитков к более слабым и, что еще хуже, замена алкогольных напитков на суррогаты. Самоконтроль в состоянии утрачивается быстро и полностью. Алкогольная деградация личности прогрессирует и проявляется своеобразно — прежние заостренные на второй стадии черты определенного типа акцентуации сглаживаются. Особенно становится заметна утрата эмоциональных привязанностей. Больные безразличны к близким, пренебрегают самыми элементарными моральными и этическими принципами, правилами общежития. Самокритика отсутствует. Характерно сочетание эйфоричности с грубым цинизмом, плоским «алкогольным» юмором, которые чередуется с дисфориями и агрессивными действиями.

Абстиненция протекает крайне тяжело, сопровождается бессонницей, тревогой, страхом, выраженными неврологическими и соматическими нарушениями. Во время абстиненции может развиться делирий или судорожный припадок.

На третьей стадии алкоголизма возникают также «псевдоабстиненции» — состояния, похожие на абстинентный синдром, когда присутствуют почти все его признаки: мышечный тремор, потливость и ознобы, бессонница, тревога и депрессия. Псевдоабстиненция развивается во время ремиссии — после длительного (недели, месяцы) воздержания от алкоголя. В этот период влечение к алкоголю снова становится неодолимым. Как правило, это происходит после или во время острых соматических заболеваний или после эмоционального стресса. Псевдоабстиненции могут возникать периодически и без видимых причин.

Риск алкоголизма остается высоким у детей алкоголиков, включая тех, которые с младенчества воспитывались непьющими приемными родителями. Совпадение алкоголизма у монозиготных близнецов отмечается значительно чаще, чем у дизиготных. Существуют целые народности с крайне низкой толерантностью к алкоголю. Наследуется не сам алкоголизм, а предрасположение к нему, высокий риск его развития, если начинается злоупотребление. Например, наследоваться могут некоторые черты характера, способствующие самому злоупотреолению —«гедонистические стремления» при неустойчивом типе психопатии и акцентуации характера. Наследственной может быть недостаточность некоторых ферментных систем, отчего толерантность к алкоголю оказывается низкой.

Еще одно заболевание, связанное с употреблением алкоголя, — алкогольная эмбриопатия. Она

возникает в том случае, когда мать во время беременности регулярно злоупотребляла спиртными напитками. Алкоголь легко проникает через плацентарный барьер (так же как и в молоко кормящей матери). Новорожденные у таких матерей обнаруживают признаки зависимости от алкоголя, выражающиеся в наличии абстинентного синдрома.

29.7. Наркомании и токсикомании

Наркомания, как и алкоголизм, относится к классу расстройств, вызванных действием психоактивных веществ, в данном случае — наркотиков. Эти вещества включены в Официальный перечень наркотиков Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), а также в официальный государственный список веществ, подлежащих особому контролю за их употреблением. По Международной классификации все наркотические вещества разделены на следующие группы:

- препараты опия;
- снотворные и седативные вещества;
- кокаин;
- препараты индийской конопли;
- психостимуляторы;
- галлюциногены.

Перечень наркотиков постоянно пересматривается, так как происходит расширение списка веществ, обладающих психоактивным действием. Однако если вещество или средство обладает подобными свойствами, но с государственной точки зрения не представляет большой социальной опасности, то наркотиком оно не признается (примером может служить алкоголь). Одно и то же лекарственное средство в разные годы может то не считаться наркотиком, то включаться в их число. Так, из снотворных препаратов барбамил отнесен к наркотикам лишь с середины 1980-х гг., хотя это вещество способно вызывать и психическую, и физическую зависимость. Приобретение, хранение, перевозка и пересылка наркотиков является уголовно наказуемым деянием.

Наркомания — это болезнь, которая возникает в результате систематического употребления наркотиков и проявляется в психической, а иногда и физической зависимости от них. Сильную психическую зависимость способны вызывать все наркотики, Но по поводу физической зависимости существуют разные точки зрения. Безусловна физическая зависимость от препаратов опия, остается не совсем ясной зависимость от марихуаны, в отношении кокаина считается, что она отсутствует.

- **Наркомания— болезнь, которая возникает в результате систематического употребления наркотиков и проявляется в психической, а иногда и физической зависимости от них.**

Теми же свойствами, что и наркотики, обладают психоактивные токсические вещества, т. е. они также изменяют психическое состояние и вызывают зависимость от них. Однако в официальный список они не включены. Например, некоторые транквилизаторы (сибазон) или используемые в виде ингаляций летучие растворители.

Злоупотребление наркотиками или психоактивными токсическими веществами без зависимости от них не принято считать наркоманией или токсикоманией. Такое поведение предлагается называть наркотизмом или токсикоманическим поведением, эпизодическом злоупотреблением и др. Психологи используют термин «аддиктивное поведение» (от англ. *addiction* — пагубная привычка, порочная склонность). Такое поведение возникает по разным, чаще всего социально-психологическим причинам и требует для его коррекции скорее социально-психологических мер, чем медицинских.

Состояние, которое возникает после приема наркотика, называют наркотическим опьянением, или наркотической интоксикацией. Проявления этого состояния различны и зависят от вида принятых наркотиков, употребленной дозы и индивидуальных особенностей организма. Кроме того имеет значение ситуация, в которой пребывает больной наркоманией, — может ли он в ней вести себя так, как ему в данный момент хочется, или же необходимо скрывать проявления наркотического опьянения.

Толерантность к воздействию наркотика определяется способностью переносить увеличивающиеся дозы наркотического вещества. С течением времени наркотизации эффект от приема прежней дозы ослабевает и возникает потребность ее увеличить. Как и при алкоголизме, при наркомании толерантность возрастает в первой стадии, стабилизируется — во второй и снижается — в третьей.

Злоупотреблением наркотическими веществами называется этап наркотизации, когда прием психоактивных веществ еще не стал систематическим и наркомания или токсикомания еще не сформировалась. На этом этапе толерантность возрастает, но не очень быстро. Иногда это бывает прием не наркотических, а лекарственных препаратов, но это все равно злоупотребление наркотиками, так как употребление препаратов происходит не с лечебной целью, а ради достижения наркотического опьянения.

Психическая зависимость начинает проявляться как все более сильное, интенсивное желание продолжить употребление данного вещества, и если это желание не удовлетворяется, то возникает напряжение, беспокойство и резкое усиление влечения к данному веществу. Чтобы избавиться от дискомфорта, наркоманы добывают наркотик любыми путями, пренебрегая неприятными и даже опасными последствиями. Это влечение иногда неточно называют обсессивным (навязчивым), хотя в отличие от невротических навязчивостей больные наркоманией таким влечением не тяготятся и болезненным его не считают. Одним из признаков психической зависимости является то, что больной постоянно стремится контактировать с другими лицами, злоупотребляющими этим же веществом.

От индивидуальной психической зависимости следует отличать групповую (конформную) психическую зависимость, особенно выраженную при аддиктивном поведении у подростков и молодежи. В этих случаях влечение возникает только тогда, когда собирается «своя компания», постоянно вместе злоупотребляющая каким-либо веществом. За ее пределами влечение не проявляется, а при отрыве от нее — исчезает.

Физическая зависимость, как правило, развивается на второй стадии наркомании и токсикоманий, когда вещество, которым злоупотребляли, становится постоянно необходимым для поддержания нормального функционирования организма. Перерыв в его регулярном поступлении в организм вызывает болезненное состояние (абстинентный синдром), проявляющееся не только психическими, но и выраженными соматическими и неврологическими нарушениями, которые исчезают после введения очередной дозы привычного вещества.

Абстинентный синдром служит главным проявлением физической зависимости. Он развивается обычно через несколько часов после того, как в организм не поступила очередная доза наркотика или иного токсического вещества. Вместо эйфории наступает депрессия, вместо ленивого довольства — беспокойство и тревога, вместо усиления активности — апатия и т. д. Соматические и неврологические нарушения могут даже преобладать над психическими. Это крайне тяжелое состояние, которое бывает просто невозможно перенести, и, промучившись какое-то время, решивший до этого «завязать» наркоман вновь вынужден принимать дозу.

Компульсивное (неодолимое) влечение — это второй симптом физической зависимости. Если навязчивое (обсессивное) влечение больной еще способен преодолеть усилием воли, то при возникновении компульсивного он уже не в состоянии ему противостоять. Больной не способен даже скрывать или как-то маскировать это влечение.

Третий симптом физической зависимости заключается в неспособности нормально себя чувствовать без употребления наркотика.

Для наркоманий и токсикоманий характерна анозогнозия (активное нежелание и неспособность признать наличие зависимости от психоактивного вещества, т. е. считать себя больным). И только в состоянии выраженной физической зависимости с тяжелым абстинентным синдромом наркоман соглашается с диагнозом.

Термины «полинаркомания» и «политоксикомания» иногда используются необоснованно. Ими обозначают все случаи, когда больной употребляет два и более наркотиков и других токсичных веществ. Диагноз полинаркомании или политоксикомании можно ставить только тогда, когда имеется зависимость от двух и более психоактивных веществ. Если установлена одновременная зависимость от одного наркотического и другого ненаркотического вещества, то это принято называть «осложненной наркоманией».

29.8. Психологические основы психотерапии и реабилитации

Известный тезис «лечить не болезнь, а больного» в настоящее время трансформировался в упрочившееся понимание необходимости использования системного подхода в лечении больного, что предполагает динамическую взаимосвязь биологической терапии, психотерапии и социотерапии

(Карвасарский Б. Д., 1992).

Психотерапия — это планируемый процесс психологического воздействия, направленный на редукцию болезненной симптоматики как с помощью научения, так и путем структурной перестройки личности.

- **Психотерапия — планируемый процесс психологического воздействия, направленный на редукцию болезненной симптоматики как с помощью научения, так и путем структурной перестройки личности.**

Психологические методы лечения в настоящее время представлены разнообразными психотерапевтическими техниками, создававшимися на основе гуманистического, психодинамического, поведенческого, когнитивного и других теоретико-методологических подходов (рис. 29-2,29-3). При этом почти каждый из существующих психотерапевтических методов претендует на универсальность. В отечественной медицинской психологии наиболее разработана патогенетическая психотерапия, созданная на основе теории отношений личности В. Н. Мясищева. Учение об отношениях личности послужило основой для разработки концепции личностно-ориентированной (реконструктивной) психотерапии. Преимуществом этого подхода является его открытость к интеграции с отдельными методическими приемами и теоретическими положениями других систем психотерапии. Это является крайне актуальным для современного этапа развития психотерапии, так как альтернативность и даже антагонизм основных психотерапевтических направлений все больше осознается как фактор, ограничивающий дальнейшее развитие этого метода лечения. В этом же направлении ведутся работы по созданию интегрально-полифонической теории психологического консультирования и психотерапии, включающей основные западные школы в качестве частных случаев.

Рис. 29-2. Групповая психотерапевтическая сессия

Рис. 29-3. Индивидуальный сеанс психотерапии

Процесс реабилитации понимается как системная деятельность, направленная на восстановление личного и социального статуса больного (полного или частичного) особым методом, главное содержание которого состоит в опосредовании через личность лечебно-восстановительных воздействий и мероприятий. Актуальной задачей здесь становится разработка психологической теории психотерапии и психологических основ восстановительной терапии.

29.9. Психогигиена

Психогигиена — часть общей гигиены, разрабатывающая мероприятия по сохранению и укреплению нервно-психического здоровья человека. Психогигиена тесно связана с психопрофилактикой, направленной на устранение факторов, вредно отражающихся на психике человека, и использование факторов, положительно на нее влияющих.

Основные задачи психогигиены:

- изучение влияния различных условий среды - производственных, бытовых, социальных — на психику человека;

- разработка оптимальных норм труда, отдыха и быта; внедрение в практику мероприятий по укреплению нервной системы, повышению ее сопротивляемости вредным воздействиям и обеспечению наилучших условий для нормального развития и функционирования психики человека;

- пропаганда психогигиенических знаний.

Выделяют следующие разделы психогигиены: психогигиена труда, быта, семьи, половой жизни, возрастная, военная, спортивная, космическая, педагогическая, психогигиена умственного труда.

Психогигиена — часть общей гигиены, разрабатывающая мероприятия по сохранению и укреплению нервно-психического здоровья человека

Психофармакология — раздел фармакологии, изучающий как влияние психотропных средств на ЦНС, психические состояния и деятельность, так и их применение для лечения нервно-психических заболеваний.

29.10. Психофармакология

Психофармакология определяется как раздел фармакологии, изучающий как влияние психотропных средств на ЦНС, психические состояния и деятельность, так и их применение для лечения нервно-психических заболеваний.

Психофармакология изучает влияние препаратов на эмоциональную и интеллектуальную сферы, а также на поведенческие реакции с помощью специальных психологических тестов и психофизиологических методик (ЭЭГ, вызванные потенциалы, миограмма, кожно-гальваническая реакция и др.). Основная задача клинической психофармакологии — повышение эффективности и безопасности применения психо-тропных средств, индивидуализации фармакотерапии психических заболеваний. Экспериментальная психофармакология изучает влияние химических веществ на ЦНС животных с целью поиска новых психотропных средств, а также исследует механизмы действия известных средств на молекулярном и клеточном уровнях. Один из разделов психофармакологии изучает фармакокинетику психотропных средств, их судьбу в организме: всасывание из места введения, динамику распределения по органам и тканям и т. д.

29.11. Психология посттравматического стресса

За последние десятилетия в мировой науке резко возросло количество научно-практических исследований, посвященных травматическому и посттравматическому стрессу. Организованы и активно работают Международное и Европейское общества по изучению травматического стресса, проводятся ежегодные встречи их участников, ежегодно проводится Всемирный конгресс по травматическому стрессу.

Можно говорить о том, что исследования в области травматического стресса и его последствий для человека выделились в самостоятельную междисциплинарную область науки. В нашей стране, несмотря на высокую актуальность этой проблемы, ее разработка находится на начальной стадии,

имеются отдельные научные коллективы психологов и психиатров, которые занимаются исследованиями в этой области. Не только в отечественной, но и в мировой клинико-психологической практике крайне мало изучены вопросы отдаленных психологических последствий стресса, вызванного переживаниями тяжелой болезни, реальной утраты здоровья, а также угрозой смерти. Исключением являются многочисленные зарубежные исследования посттравматического стрессового расстройства у лиц, получивших ранения и травмы во время боевых действий.

При всей многоаспектности явлений переживания и последействия травматического стресса исследования влияния травматического стресса на психику человека в отечественной науке на ее современном этапе выступают в качестве одного из актуальнейших и перспективных направлений в клинической психологии.

Учитывая недостаточную разработанность этой области, ограничимся изложением основных понятий, используемых в работах по изучению травматического стресса:

Травматическая ситуация — ситуация экстремального стресса (стихийные и технологические катастрофы, военные действия, насилие, угроза жизни) (рис. 28-4).

Травматические стрессоры — факторы высокой интенсивности, угрожающие существованию человека.

Психический стресс — эмоциональное состояние неспецифической адаптации к стрессовой ситуации, которое может становиться хроническим, продолжающим оказывать воздействие на психику человека и после выхода из психотравмирующей ситуации.

Рис. 29-4. Посттравматический стресс (Д. Тернли. Война в Персидском заливе)

Травматический стресс — психический стресс высокой интенсивности, сопровождающийся переживаниями сильного страха, ужаса и беспомощности.

Травматические стрессовые реакции — личностные и поведенческие реакции, возникающие во время переживания травматического стресса.

Посттравматические стрессовые реакции — эмоциональные, личностные и поведенческие изменения, появившиеся у человека после выхода из травматической ситуации.

Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) — синдром отсроченных специфических реакций на пребывание в травматической ситуации, проявляющихся в симптомах упорного воспроизведения в сознании человека травматической ситуации или ее отдельных элементов, настойчивом избегании стимулов, связанных с травмой, и возросшем (не имевшем места до травмы) уровне физиологической возбудимости.

Вопросы для повторения

1. В чем различия между психотическими и невротическими расстройствами?
2. Что такое психогенные расстройства?
3. Что такое психопатия?
4. В каких основных формах психических расстройств выражается воздействие на человека психоактивных веществ?
5. Что такое психосоматика?
6. Что такое посттравматическое стрессовое расстройство?

Рекомендуемая литература

Александров А. А. Современная психотерапия. — СПб.: Академический проект, 1997.

Братусь Б. С. Аномалии личности. — М.: Мысль, 1988. — 304 с.

Еникеева Д.Д. Популярные основы психиатрии. — Донецк: Сталкер, 1997. — 525 с.

Зейгарник Б. В. Патопсихология. — М.: Изд-во МГУ, 1986. — 238 с.

Каплан Г. И., Сэдок Б. Дж. Клиническая психиатрия: В 2 т. / Пер. с англ. В. В. Стрелец. — М.: Медицина, 1994.-1192 с.

Карвасарский Б. Д. Медицинская психология. — Л.: Медицина, 1982. — 271 с.

Карвасарский Б. Д. Психотерапия. - М.: Медицина, 1985. - 308 с.

Лебединский В. В. Аутизм как модель эмоционального дизонтогенеза // Вестник МГУ: Серия 14. Психология. — 1996. — № 2.

Личко А. Е. Психопатии и аномалии характера у подростков. — Л., 1977.

Николаева В. В., Арина Г. А. От традиционной психосоматики к психологии телесности // Вестник МГУ. - Серия 14. Психология. - 1996. - № 2, - С. 32-45.

Психосоматическая проблема: психологический аспект / Под. ред. Ю. Ф. Полякова, В В. Николаевой - М., 1992.

Рудестам К. Групповая психотерапия /Пер. с англ. А. Голубева. - СПб: Питер, 1998. - 373 с. -(Мастера психологии).

Тарабрина Н. В. Психологические последствия войны // Психологическое обозрение — 1996 — № 1(2).

Хомская Е. Д. Нейропсихологическая диагностика. — М.: Изд-во МГУ, 1994. — 226 с.

Хэзлем М. Т. Психиатрия / Пер. с англ. Г. А. Лубочкова. - Львов: Инициатива, 1998. - 609 с. - (Классики зарубежной психологии).

ЧАСТЬ VI. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Глава 30. Историческая психология (508)

Глава 30. Историческая психология

Содержание

Историческая психология как наука. Развитие историко-психологического знания в разных странах. Исследования последних десятилетий. Человек как субъект и объект исторического процесса. Специфика объекта исторической психологии.

Предмет и задачи исторической психологии. Историческая обусловленность психики. Психологические факторы исторического процесса. Определения предмета исторической психологии.

Проблема метода в исторической психологии. Двойственность исторической психологии. Метод психолого-исторической реконструкции. Схема процедуры психолого-исторической реконструкции.

Специфика психического мира человека прошлого (на примере древних греков периода архаики). Изучение проблемной области. Постановка задач в общем виде. Выдвижение гипотез. Подбор базы источников. Анализ текста. Изучение дополнительных данных смежных наук. Создание языка для описания найденных закономерностей (формирование психологической модели).

30.1. Историческая психология как наука

Историческая психология — новая область знания, оформившаяся в мировой науке в качестве

самостоятельной дисциплины в 40-е гг. XX в., носящая пограничный характер и формирующаяся на стыке психологии с широким кругом гуманитарных наук — историей, социологией, культурологией и др.

Являясь молодой научной дисциплиной, историческая психология в то же время имеет большую предысторию. Истоки ее возникновения восходят к тем ранним этапам историогенеза, когда у человека возникает осознание его исторической принадлежности, появляется и начинает развиваться историко-психологическая рефлексия.

Развитие историко-психологического знания в разных странах существенно различалось по хронологическим рамкам, направлению рассматриваемых вопросов и содержанию идей. Так, в России историко-психологическая проблематика зарождается раньше, чем в других странах. Она представлена уже в первой половине XIX в. в работах славянофилов и западников, ярко отражена в деятельности членов Географического общества и развивается в русле исследования психологии русского народа.

В европейской науке выделение историко-психологических проблем, изучение психологии народов по продуктам их духовной деятельности, а также первые попытки историко-эволюционного исследования психики возникают во второй половине XIX в. Здесь следует выделить работы Г. Спенсера, Л. Леви-Брюля, К. Леви-Строса, Х. Штейнталя, М. Лацаруса, В. Вундта, В. Дильтея. Эмпирических исследований на данном этапе практически еще не было, и разработки носили описательный характер.

Проблемы исторической психологии в отечественной психологии первой половины XX в. рассматривались в работах Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, А. Р. Лурии, Б. Д. Поршнева, Л. И. Ациферовой, О. М. Тутунджяна, В. Г. Иоффе, И. Д. Рожанкского и др. Л. С. Выготский выдвинул принцип культурно-исторической детерминации психики, ставший одним из оснований построения новой научной дисциплины. Осуществлялся критический анализ зарубежных школ исторической психологии (главным образом французской). В работах А. Р. Лурии сделана попытка эмпирического изучения исторического развития познавательных процессов. Интересные исследования, касающиеся становления человека и его психики в ходе антропогенеза и первых стадий исторического развития общества, провел Б. Д. Поршнев. Однако указанные работы являлись единичными и не сумели обеспечить создание специального направления психологии — исторической психологии. Эмпирический базис исследований был крайне ограничен. Фактически не было сделано серьезных шагов от декларации исторического характера психических процессов к их конкретно-эмпирическому изучению.

Растущий интерес к проблемам исторической психологии и развертывание исследований в данной области наметились в нашей стране в последние десятилетия. В 1980-1990-е гг. вышел ряд серьезных обобщающих трудов, освещающих методологические проблемы данной области (Белявский И. Г., 1991; Шкуратов В. А., 1994, 1997, и др.), изданы первые учебники (Шкуратов В. А., 1997; Боброва Е. Ю., 1997), проведена серия интересных историко-психологических исследований (Спицина Л. В., 1994; Барская А. Д., 1998, 1999, и др.). Историческая психология, таким образом, начинает обретать свой теоретический каркас и эмпирический фундамент. И хотя эта наука еще не признана как самостоятельная, на ряде психологических факультетов она уже введена в качестве специального учебного курса (Московский университет, Санкт-Петербургский университет, Московский институт молодежи). Проблемы исторической психологии в последние годы становятся предметом обсуждения на всесоюзных и международных научных конференциях. Примеры тому — систематически проводящиеся в Самаре конференции по проблемам российского сознания и особенностям провинциального менталитета, конференции по истории психологии «Московские встречи» (1992,1993) и др.

Чем же объясняется столь растущий интерес к данной проблематике в последние годы? Отвечая на этот вопрос, необходимо выделить ряд причин как социально-культурного, так и логико-научного характера.

Актуальность и значимость исторической психологии в значительной мере обусловлена теми глубинными и кардинальными изменениями, которые в настоящее время происходят во всех сферах современного российского общества. Изменяется система социально-экономических отношений, существовавшая в течение многих десятилетий; серьезные трансформации происходят в сфере духовной жизни, в мировоззрении и сознании человека. И в этих условиях естественным образом возрастает интерес к вопросам истории, стремление понять корни и истоки всех современных событий, своего собственного статуса и позиции в изменяющемся мире, обостряется рефлексия относительно

закономерностей и тенденций исторического развития вообще. Как отмечал известный русский философ Н. И. Бердяев в своей работе «Смысл истории», само понятие «историческое» отражает дух общественных перемен и становится объективно востребованным и осознается в полной мере именно в переломные периоды истории. «Для понимания "исторического", для того, чтобы мысль была обращена к восприятию "исторического" и к его осмыслению, необходимо пройти через некое раздвоение. В те эпохи, когда дух человеческий пребывает целостно и органически в какой-либо вполне кристаллизованной, вполне устоявшейся... осевшей эпохе, не возникают, с надлежащей остротой... вопросы об историческом движении и о смысле истории. Пребывание в целостной исторической эпохе не благоприятствует историческому познанию.

Нужно, чтобы произошло расщепление, раздвоение в исторической жизни и в человеческом сознании для того, чтобы явилась возможность противоположения исторического объекта и субъекта; нужно, чтобы наступила рефлексия, для того, чтобы началось историческое познание...» (Бердяев Н. А., 1990. С. 5).

Но что означает понять историю, проникнуть в ее глубинные механизмы, осознать ее сущностные характеристики? Это значит за чередой и мельканием событий увидеть прежде всего их творцов, озвучить историю, заставить ее говорить человеческим голосом. Ведь человек — это системообразующая, интегральная составляющая целостного исторического процесса, его субъект. Благодаря своей активной деятельности, своему отношению к действительности человек творит и преобразует историю, является ее главной созидающей и движущей силой. Любые общественно-исторические преобразования, решение тех или иных социальных проблем возможно только на основе их осознания и принятия человеком, его заинтересованности в их осуществлении, т. е. предполагает апелляцию к человеческой составляющей исторического процесса. От активности людей, их воли, характера их включенности в общественную жизнь зависят результаты и ход развития истории. Поэтому важно понять, как человек вписывается в историю на каждом витке ее развития, как он реагирует на общественно-исторические процессы, что привносится им в историю и как на нее влияют идеи, устремления, представления, переживания людей. А это обращает нас непосредственно к исследованию проблем исторической психологии.

Человек — не только субъект истории, но одновременно он выступает ее объектом, продуктом. По своей природе он является общественным существом — в обществе и во взаимодействии с людьми, с миром культуры он получает условия и источники своего развития, осваивает систему значений, формируется как личность. Труд, общение и культура определили становление человека в процессе его историогенеза и выступают как важнейшие условия развития психики и социализации каждого конкретного человека в процессе его онтогенетического развития. Человеческая психика и ее высший продукт — сознание человека — подчиняются в первую очередь историческим закономерностям. Создав историю, человек оказывается органически включенным в нее и как ее неотъемлемый элемент, и как ее творец, и как ее продукт. Тем самым бытие человека становится историческим, т. е. человек существует в контексте определенного исторически развивающегося общества — в контексте истории.

Каждый человек несет в себе отпечаток своей культуры, своего исторического времени. С изменением общества меняется психология человека — установки, ценности, потребности, интересы. Преобразуя историю, человек изменяет и свой внутренний мир.

Очевидно, что недооценка психологической составляющей в реальном историческом процессе чревата серьезными последствиями в практическом плане. Возникает дисгармония общественно-исторического и психологического планов развития, что является питательной почвой для развития социальных противоречий и конфликтов, обусловливает негативное или индифферентное отношение человека к действительности, его социальную пассивность. В нашей стране данная проблемная область не являлась до последних лет предметом глубокого научного и практического рассмотрения. Это объясняется, во-первых, существовавшей в нашем обществе гомогенной социальной структурой, отсутствием качественных различий в социальных позициях и интересах различных общественных групп, что в свою очередь исключало социальные противоречия и определяло относительную стабильность общества. Вторая причина — в формах руководства обществом, среди которых доминировали административно-командные методы и использование политических рычагов воздействия при игнорировании социально-психологических факторов и средств общественного развития. Наконец, важным обстоятельством, определившим невнимание к рассматриваемой проблематике, явилась господствующая в нашей стране идеология с характерным для нее принципом экономического детерминизма. Главное внимание при решении вопросов общественного развития

обращалось на экономические, производственные отношения, рассматриваемые как главные, основополагающие, онтологически первичные. Все остальные подструктуры общества выступали как выводящиеся из них и их отражающие, вторичные, надстроечные. Как писал по этому поводу Н. А. Бердяев, «вся жизнь... вся духовная культура, вся человеческая культура... есть лишь отражение, рефлекс, а не подлинная реальность. Происходит... процесс обездушивания истории...» (Бердяев Н. А., 1990. С. 10). Русский философ С. Н. Булгаков видел главный недостаток взглядов марксизма на общество и человека в утрате этим учением реального живого человека и замене его некоей схемой.

В современных условиях, когда общество преобразуется в своих основах, становится мобильным, утрачивает однородность, а благосостояние человека зависит от его активности, игнорирование психологического фактора уже невозможно. Все сказанное убедительно свидетельствует об актуальности рассмотрения проблемы «человек-история».

Наряду с практической значимостью исследование проблем исторической психологии имеет серьезное теоретическое значение. Она занимает особую нишу в психологии и связана с разработкой ряда ее ключевых направлений.

Предметом изучения в исторической психологии выступает особый класс детерминант — исторические детерминанты развития психики субъекта (как индивидуального, так и коллективного). Человек или группа рассматриваются здесь как носители исторических норм и ценностей. Историческая психология исследует, таким образом, высшие этажи психики — социально-историческое сознание как ту реальность, которая связывает человека с обществом, цивилизацией, историей в целом. Изучается соотношение истории развития человека и его психического мира с историей человечества; рассматривается, как человек вписывается в историю, творя ее, и как он сам определяется в своем психическом развитии историей.

Рассматривая человека в контексте истории как постоянно развивающегося и изменяющегося процесса, историческая психология имеет дело с динамичными аспектами психического мира и изучает историогенез человечества и человека. Тем самым она представляет собой область генетической психологии.

Теоретическое значение исторической психологии определяется также спецификой ее объекта. Им может быть личность, общество, массовые явления, но исследуемые обязательно в связи с определенным историческим контекстом, в их исторической обусловленности, к тому же часто удаленные от нас, скрытые за толщей веков (например, при изучении психологических особенностей человека античности, Средневековья). Исследование психологических феноменов в контексте истории расширяет границы психологического познания, вводя в него макроуровневые факторы и условия, а также позволяет осуществить диалог прошлого и настоящего. Как отмечал Л. Февр (1989), историко-психологическое исследование ориентировано на разговор с мертвыми от имени живых и во имя живых. Особенность исторической психологии состоит в том, что она априорно предполагает в качестве своего объекта и исследует реального целостного человека, тем самым, по сути, реализуя принцип целостного подхода в психологии. Наконец, в русле исторической психологии возникают широкие возможности для изучения человека как активного, действующего существа, воплощающего и объективирующего свои психологические свойства в продуктах деятельности и изучаемого по этим продуктам. Следует отметить, что субъектно-деятельностный подход, развиваемый в работах С. Л. Рубинштейна, А. В. Брушлинского, К. А. Абульхановой, в настоящее время определяется как наиболее перспективное направление развития психологической науки.

Особенность исторической психологии заключается в ее междисциплинарном статусе: исследование человека в истории с необходимостью предопределяет взаимодействие психолога с социологами, культурологами, историками, использование данных и методов источниковедения. Тем самым делаются важные шаги к организации междисциплинарных исследований, развитию комплексного подхода в психологии, реализации выдвинутой Б. Г. Ананьевым программы формирования комплексного человекознания.

Развитие исторической психологии отражает еще одну новую тенденцию в психологии — стремление к более полному освоению и использованию идиографических подходов и методов. Х. Вольф в XVIII в., а позже — В. Виндельбанд, Г. Риккерт, В. Вундт разделяли все науки, включая и психологию, на номотетические (ориентированные на выявление закономерностей исследуемых явлений, их объяснение, и апеллирующие к данным, полученным на больших статистических выборках) и идиографические (имеющие целью описание отдельных явлений в их индивидуальных проявлениях). Первые традиционно относятся к сфере естественнонаучного знания, вторые —

гуманитарного. Отечественная психология советского периода в течение долгих лет развивалась в сугубо естественнонаучном духе. Гуманитарные подходы в ней были представлены до последнего времени крайне незначительно. Историческая психология может реально заполнить данный пробел. С одной стороны, имея в качестве своего объекта, как правило, единичные явления, историческая психология тем самым относится к области идиографического знания, с другой стороны, стремясь строго научно исследовать рассматриваемые проблемы, она базируется на принципах естественнонаучного анализа. То есть в русле исторической психологии осуществляется синтез естественнонаучных и гуманистических подходов в психологическом познании человека, что представляется чрезвычайно перспективным и соответствующим главным тенденциям современного научного поиска вообще.

Таким образом, разработка проблем исторической психологии выводит исследователя одновременно на решение целого ряда важных и перспективных задач и направлений развития психологического знания.

30.2. Предмет и задачи исторической психологии

Можно выделить несколько задач исторической психологии. Первая из них — изучение исторической обусловленности психики. Например, И. Г. Белявский считает, что главная задача исторической психологии — раскрытие историогенеза психики (Белявский И. Г., 1991). Один из основоположников исторической психологии И. Мейерсон также говорит об этой науке как о «генетической психологии».

Наряду с рассмотрением становления психики в ходе эволюции не менее важной задачей является ее структурно-функциональное изучение на разных этапах развития человеческой цивилизации и истории. Так, представляет интерес реконструкция психологических особенностей человека и социально-психологических характеристик первобытного общества, античной и средневековой культур и т. д. Эту задачу специально выделяет В. А. Шкуратов. В работах отечественных психологов проведен глубокий анализ психологии средневекового человека (А. Я. Гуревич), исследована структура и функциональные особенности психического мира гомеровского человека периода древнегреческой архаики (А. Д. Барская), дана психологическая характеристика русского крестьянства периода Средневековья (А. Н. Артемова) и т. д.

Историческая психология также ставит задачу исследования психологических факторов исторического процесса на разных этапах его развития. В качестве примера может быть приведена работа В. Райха, в которой с фрейдистских позиций раскрыты психологические предпосылки формирования фашистской идеологии, сводящиеся им к присущей человеку тоталитарного общества иррациональности, к подавлению его первичных сексуальных желаний и возникающей на этой почве пассивности, готовности подчиниться силе. Стремление осмыслить историю через рассмотрение действий народа или исторической личности присуще многим русским мыслителям: Н. И. Карееву, К. Д. Кавелину, П. Л. Лаврову, Н. К. Михайловскому, В. М. Бехтереву и др.

Исходя из сказанного выше можно попытаться дать определение предмета исторической психологии.

В. А. Шкуратов определяет историческую психологию как область знания, направленную на изучение «психологического склада отдельных исторических эпох, а также изменений психики и личности человека в специальном культурном макровремени, именуемом историей» (Шкуратов В. А., 1997. С.15). При таком определении из сферы рассмотрения исторической психологии выпадают проблемы историогенеза, становления человеческой психики и сознания, составляющие весьма важный аспект исследования.

Достаточно широкое определение исторической психологии дается Е. Ю. Бобровой: *«Исторической психологией»* мы называем научную дисциплину, целью которой является соизмерение истории человека и истории человечества. Историческая психология обнаруживает и изучает законы взаимоизменчивости общества и человека в ходе истории, выявляет зависимости между историческими и психологическими феноменами, описывает закономерности формирования личности как объекта и субъекта исторического процесса» (Боброва Е.Ю.,1997.С.5).

Историческая психология — наука, выявляющая зависимости между историческими и психологическими феноменами и описывающая закономерности формирования личности как объекта и субъекта исторического

процесса.

30.3. Проблема метода в исторической психологии

Вопрос о методе и методике исследования остается одним из ключевых и одновременно наименее разработанных в исторической психологии. Как уже отмечалось, историческая психология развивается на стыке двух наук, одна из которых базируется на естественнонаучной методологии, а другая — на принципах гуманитарного знания. Поэтому при построении метода историко-психологического исследования необходимо иметь в виду и учитывать указанную двойственность.

Проблема метода в исторической психологии имеет принципиальное значение и играет важную роль как в формировании исторической психологии как научной дисциплины, обеспечении ее соответствия требованиям и критериям научности (строгость, точность, объективность и доказательность), так и в разграничении историко-психологического исследования и смежных с ней областей научного познания. Имея общий с культурологией, историей, этнологией объект исследования — культурные памятники и исторические источники, являющиеся продуктом деятельности человека и воплотившие в себе его психологические свойства и характеристики, — историческая психология в то же время отличается от них своим предметом, имеет собственную нишу, свои особые интересы. Ее отличие, по словам В. А. Шкуратова, состоит в использовании специфических инструментальных и теоретико-языковых средств описания психической жизни людей в прошлом, а также проявляется в предметно-эпистемологическом плане. Нам представляется, что наиболее важный критерий разграничения сферы исторической психологии с другими науками, обращающимися к исследованию историко-культурных феноменов, — используемый ею метод психолого-исторической реконструкции, ориентированный на изучение психики на материале прошлого.

Важность рассмотрения проблемы метода определяется также тем, что наблюдается существенный разрыв между общими принципами и критериями научности исследования, выдвигаемыми в теории, и конкретными методическими средствами, используемыми отдельными исследователями. Яркое подтверждение тому — парадоксальная ситуация, сложившаяся в последние годы в отечественной исторической психологии, где на фоне появления серьезных обобщающих теоретических трудов и учебных пособий по-прежнему остаются не разработанными проблемы метода, все еще недостаточным является эмпирический базис. При проведении конкретных исследований ученые применяют старые методы интерпретации и понимания, традиционно используемые в разных дисциплинах историко-культурологического цикла и уходящие своими корнями в философию гуманитарного знания. Суть их составляет искусство истолкования, интерпретации текстов, «погружение» и «вживание» в источники. Но при обращении к научным критериям обнаруживается, что указанные методы относятся скорее к искусству, целиком зависящему от интуиции автора, а не к науке, нацеленной на получение точных объективных результатов.

Характерно, что и историки, оставаясь в целом в русле традиций интуитивного познания, также осознали потребность в преобразовании своего метода с целью повышения достоверности получаемых на его основе научных данных. Подобные тенденции четко проявляются в работах Й. Хёйзинги (1988), Л. Февра(1989), А. Я. Гуревича (1981) и др. То есть происходит встречное движение, сближение позиций историков и психологов в разработке подходов к изучению человека минувших эпох.

Осознание необходимости синтеза общетеоретических представлений и исследовательских процедур, важности адекватных способов решения психолого-исторических вопросов побудило нас к разработке методических средств. В этом плане в качестве наиболее перспективного нами был выделен введенный в научный арсенал в последние годы, но все еще не получивший должного развития и теоретического осмысления метод психолого-исторической реконструкции. Мы поставили задачу операционализации исследовательской процедуры психолого-исторической реконструкции и установления тем самым необходимых связей между общетеоретическими положениями, касающимися воссоздания прошлого, и эмпирическими разработками.

Указанная задача решалась коллективом сотрудников лаборатории истории психологии и исторической психологии Института психологии РАН.

Первым шагом стала разработка В. А. Кольцовой и Л. В. Спицыной общей схемы процедуры психолого-исторической реконструкции. Рассматривая данный метод как реальную возможность получения объективных знаний о психике людей минувших эпох, авторы попытались раскрыть и

описать его с точки зрения анализа основных этапов, «которые проходит на своем пути психолог, восстанавливающий интересующие его психологические реалии конкретной эпохи» (Спицына Л. В., 1994. С. 14). Соответственно, в качестве первого этапа выступает формулировка психологической проблемы, которая выдвигается исследователем исходя из нерешенных актуальных вопросов, продиктованных практикой сегодняшнего дня. На втором этапе осуществляется подбор и обоснование наиболее операционализируемой и отвечающей задачам и предмету исследования теоретической модели, опирающейся на соответствующие идеи и положения современной психологической науки. Теоретическая модель служит концептуальной рамкой, наложение которой на содержащийся в источниках материал позволяет вычленить соответствующую задачам исследования информацию, провести ее содержательный анализ и интерпретацию. Третий этап психолого-исторической реконструкции включает выделение и обоснование круга источников в соответствии с поставленной проблемой и заданной теоретической моделью. И наконец, четвертый этап представляет собой анализ и реконструкцию отобранных источников. Выдвижение и подробное описание этих этапов, на наш взгляд, было важным шагом в конкретной разработке процедуры психолого-исторической реконструкции. Указанный вариант восстановительной процедуры был апробирован в работе Л. В. Спицыной, выполненной в лаборатории и посвященной психолого-исторической реконструкции особенностей общения людей в 1920-е гг. в России.

Дальнейшие собственные разработки в области исторической психологии, а также осмысление опыта других исследователей привели к выводу о невозможности использования строго фиксированной процедуры психолого-исторической реконструкции при решении различных задач. Обнаружилась необходимость модификации этой процедуры в зависимости, во-первых, от характера научной проблемы, рассматриваемой в исследовании, во-вторых, от специфики изучаемого периода. Хотя выделенные нами основные блоки реконструкционного процесса являются, безусловно, универсальными.

30.4. Специфика психического мира человека прошлого (на примере древних греков периода архаики)

Представляется интересной предложенная А. Д. Барской усложненная схема и процедура поэтапной психолого-исторической реконструкции (Барская А. Д., 1997). Эта схема использовалась при изучении психических особенностей человека в эпоху зарождения современной европейской цивилизации (на материале эпических поэм Гомера). Главное отличие предлагаемой процедуры состоит в том, что она носит не линейный, а циклический характер, является более детализированной и выявляет некоторые процессы, протекающие, как правило, интуитивно. На рис. 30-1 в свернутом и обобщенном виде представлена предложенная автором блок-схема реального процесса психолого-исторического исследования, как принципиально многомерного и интуитивно протекающего одновременно в нескольких плоскостях (блоках, циклах). Операционализированные в данной модели блоки и циклы выступают в качестве внешней методической опоры при проведении реконструкции. Каждый блок имеет конкретные содержательно-функциональные характеристики и взаимодействует с другими звеньями общей структуры психолого-исторической реконструкции. Следует иметь в виду, что операции, относимые к определенным блокам, могут реализовываться неоднократно, образуя тем самым циклы исследовательского процесса.

Начальный цикл описывает задачу, решаемую исследователем на первых этапах работы, и охватывает исходную, предварительную стадию исследовательского поиска, стимулируемую существующим у ученого интересом к проблемной области. Еще до начала собственно психологической реконструкции предполагается углубленное знакомство с проблемной областью, выделяемой для научного исследования, осознание ее теоретической и практической значимости, места в системе психологического знания, уровня разработанности, выявление в ней пробелов и так называемых «белых пятен». Поэтому блок I начального цикла назван автором «изучение проблемной области» (рис. 30-2).

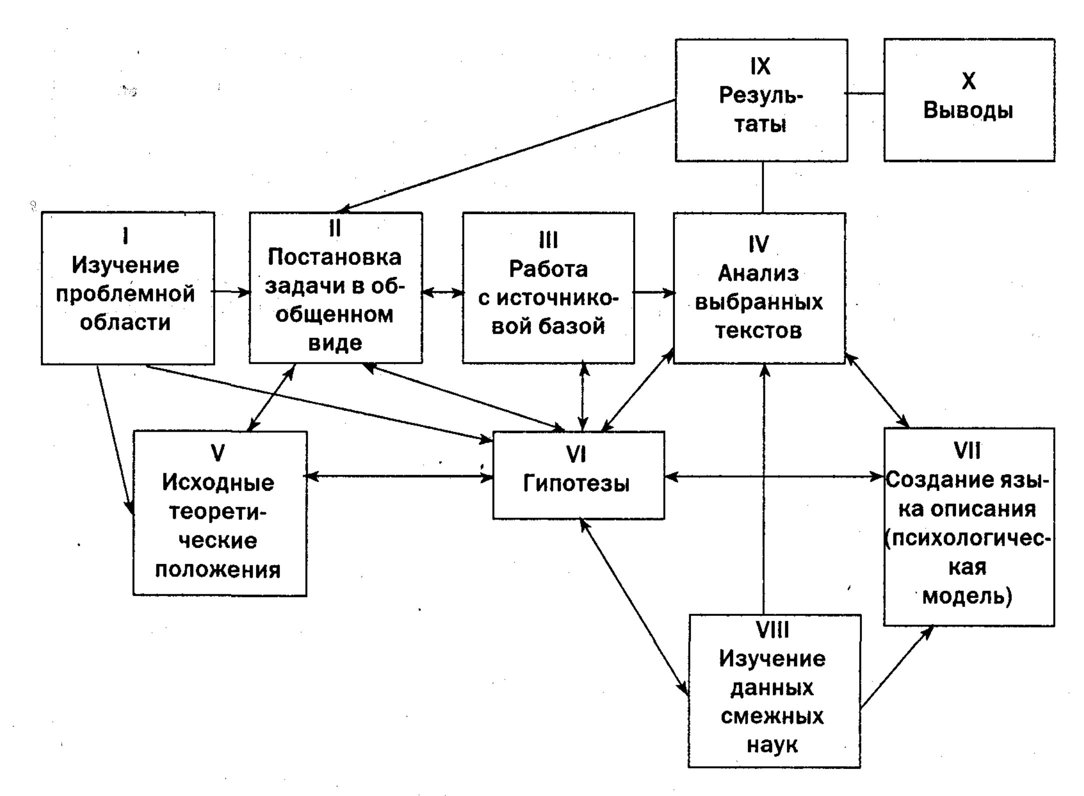

Рис 30-1. Блок-схема психолого-исторической реконструкции

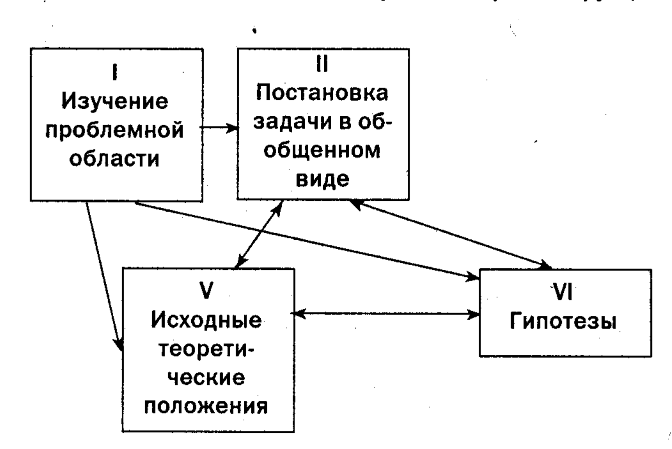

Рис. 30-2. Блок-схема начального цикла

Для иллюстрации сошлемся на эмпирическую работу, проведенную Барской и посвященную изучению специфики психического мира древних греков периода архаики. Приступая к исследованию, автор исходил из определенного уровня проработанности интересующей его проблемной области. Установлено, что положение об историогенезе психики выдвигалось психологами уже достаточно давно. Однако не психологи, а культурологи первыми выдвинули идею о радикальных изменениях в мышлении и психике в целом в определенный период античности. Среди психологов эти идеи разделял Ж.-П. Вернан, сторонник и последователь основателя французской школы исторической психологии И. Мейерсона. Но и его работы по античности (Вернан Ж. П., 1988) носили скорее культурологический, чем психологический характер. Таким образом, вопрос о существовании особой стадии развития психики в античности оставался неизученным с психологической точки зрения, хотя среди историков культуры эта проблема широко обсуждалась. Тем самым было установлено, что имеет место совпадение личного интереса исследователя и объективной значимости разработки указанной проблемы. Предварительный анализ привел автора и к ряду заключений более общего порядка: о необходимости более тесной связи исторической психологии как пограничной научной дисциплины с другими смежными науками; о подборе определенной системы источников, отражающих исследуемый отдаленный исторический период; о поиске или создании психологической модели, адекватной исследуемой проблеме и рассматриваемому временному периоду.

Результатом начального цикла является углубление и конкретизация темы исследования. Поэтому блок II начального цикла назван автором «постановка задач в наиболее общем виде». Непосредственно

вытекая из предыдущего блока, применительно к данному конкретному исследованию он состоит в попытке осуществить реконструкцию особенностей психического склада человека указанной эпохи, причем целостно, обобщенно, а не в виде характеристики отдельных психических феноменов. Для этих целей привлекается накопленный фактический материал из смежных областей, а также выделяются опорные психологические положения и идеи, выступающие в качестве теоретической модели.

Блок III начального цикла именуется автором «исходные теоретические положения». Что же может служить теоретической моделью? Это может быть и какая-либо из существующих в психологической науке концепций, взятая в готовом виде, и специально сконструированная для данного исследования новая теоретическая конструкция, включающая совокупность положений, вычлененных из разных теорий. При этом необходимо соблюдение двух условий: 1) обязательное соответствие теоретической модели целям и задачам исследования; 2) в случае отбора и синтеза общетеоретических идей из разных психологических концепций необходимо их объединение в целостную теоретическую структуру.

Что касается проводимой автором реконструкции психики человека периода античности, то в этом случае оказалось невозможным использовать какую-либо одну готовую теоретическую модель. Это объясняется, во-первых, спецификой рассматриваемого исторического периода — достаточно удаленной эпохи, во-вторых, характером исследовательской задачи — воссоздание не какого-либо одного психического феномена, а целостной картины душевной жизни. Поэтому на начальном этапе А. Д. Барской были выдвинуты психологические принципы достаточно общего характера, на основании которых впоследствии строилась более детализированная теоретическая модель.

Понимание психики как постоянно развивающейся системы обусловило выделение в качестве исходных ряда общих положений генетических теорий — идеи интериоризации (П. Жане, Л. С. Выготский), основных принципов развития самосознания, общих представлений о развитии саморегуляции человека. Причем большая часть положений этих концепций разрабатывалась на материале онтогенеза, и поэтому возникла необходимость их переосмысления применительно к изучению проблем историогенеза. В итоге в работе Барской были сформулированы тезисы, что в ходе истории, как и в процессе онтогенеза, происходит своеобразная интериоризация внешнего опыта и сворачивание экстериоризированных способностей во внутреннем плане. Вследствие этого человек все более успешно овладевает средствами саморегуляции, происходит развитие абстрактно-логической составляющей мышления, что в личностной сфере отражается в углублении рефлексии и самосознания. Таким образом, в качестве критериев уровня развития психики в процессе историогенеза использовались характер средств организации психической деятельности и особенности взаимодействия индивидуума с миром.

Выделение указанных исходных положений рождает множество гипотетических предположений, требующих проверки. Поэтому четвертым блоком в начальный цикл автор включает блок, обозначенный им как «гипотезы». Этот блок оценивается как центральный, с которым связаны практически все остальные, а гипотетичность рассматривается как суть процедуры психолого-исторической реконструкции. Характер гипотез в процессе реконструкции изменяется. На первом этапе они возникают из дискуссий в смежных с психологией научных областях и тех выводов, которые можно сделать предварительно, исходя из теоретических положений. Эти гипотезы служат отправной точкой при последующем анализе текста.

Четыре блока составляют единый цикл, так как в ходе исследования расширение знаний в проблемной области сопровождается неоднократными повторами, прохождением по всем звеньям цикла и возникновением новых гипотез. Например, после изучения дискуссии этнографов и антропологов появилось предположение о возможности экстраполяции ряда конкретных характеристик психики, обнаруженных у современных дикарей, на архаического человека, хотя и с некоторыми модификациями.

Следующий цикл процедуры — «подбор базы источников».

Формирование базы источников составляет важнейший этап в проведении историко-психологического исследования. Историческая психология — наука, изучающая прошлое, а его воссоздание осуществляется только на основе источников. В связи с этим исторический источник — неотъемлемый компонент и необходимое условие проведения историко-психологического исследования. Исторический источник понимается в источниковедении как любой продукт культуры, созданный человеком в определенных конкретно-исторических условиях и содержащий в себе информацию как о его субъекте-творце, так и о времени его создания.

Отбор источников осуществляется исходя из поставленной задачи и первоначальных гипотез. Так,

решая задачу психолого-исторической реконструкции особенностей общения людей в послереволюционный период, Л. В. Спицына выделила совокупность источников, представляющих логически связанную, иерархически организованную структуру и максимально полно отражающих интересующую ее проблему (Спицына Л. В., 1994). Указанную структуру образуют: 1) нормативные документы — постановления Коммунистической партии, труды ее главных идеологов, — содержащие новые, утверждающиеся после 1917 г., требования и классовые по своему характеру нормы отношений и общения в обществе диктатуры пролетариата; 2) научные материалы — работы ученых 1920-х гг., относящиеся к разным областям знания (психологии, философии, этики, педагогики) и включающие определенное осмысление и теоретическое обоснование происходящих в обществе инноваций в сфере социального взаимодействия людей; 3) данные публицистики — статьи в популярных массовых изданиях 1920-х гг., содержащие описание примеров разных форм человеческого общения в послереволюционной России и характеризующие отношение людей к новым нормам, утверждающимся в сфере межличностных отношений в это время.

Исследование психики человека гомеровского времени в работе Барской предполагало прежде всего выявление соотношения логического и алогического элементов в мышлении архаического человека. Для проверки данного аспекта требовался соответствующий круг источников. Автор принял решение, что больше для этих целей подходит литературное наследие, а не философское. Главным источником были выбраны эпические поэмы Гомера — первый дошедший до нас полный письменный источник периода древнегреческой архаики.

С другой стороны, знакомство с реальными источниками вносит существенные коррективы в формулировку и конкретизацию исходной, довольно общей задачи. Что касается исследования А. Д. Барской, то ограниченность базы источников, во-первых, заставила отказаться от претензии на реконструкцию психики человека указанного периода во всей ее целостности и остановиться лишь на описании наиболее ее характерных черт, во-вторых, привела к уточнению рассматриваемого временного периода: VIII в. до н. э., а не V в. до н. э., как первоначально предполагалось. На рис. 30-3 представлена блок-схема цикла работы с базой источников.

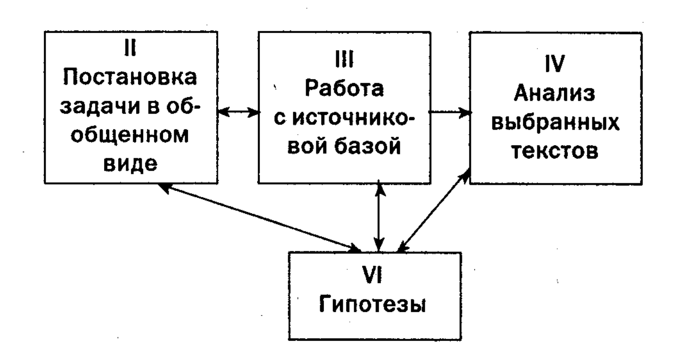

Рис. 30-3. Блок-схема цикла работы с базой источников

Следующий цикл назван автором основным (рис. 30-4). На этом этапе имеют место следующие процессы:

1) формирование психологической модели;
2) анализ текста в соответствии с вырабатываемой моделью;
3) усовершенствование и подтверждение модели на основе привлечения данных других наук;
4) обобщение и выработка соответствующего языка для описания полученных результатов.

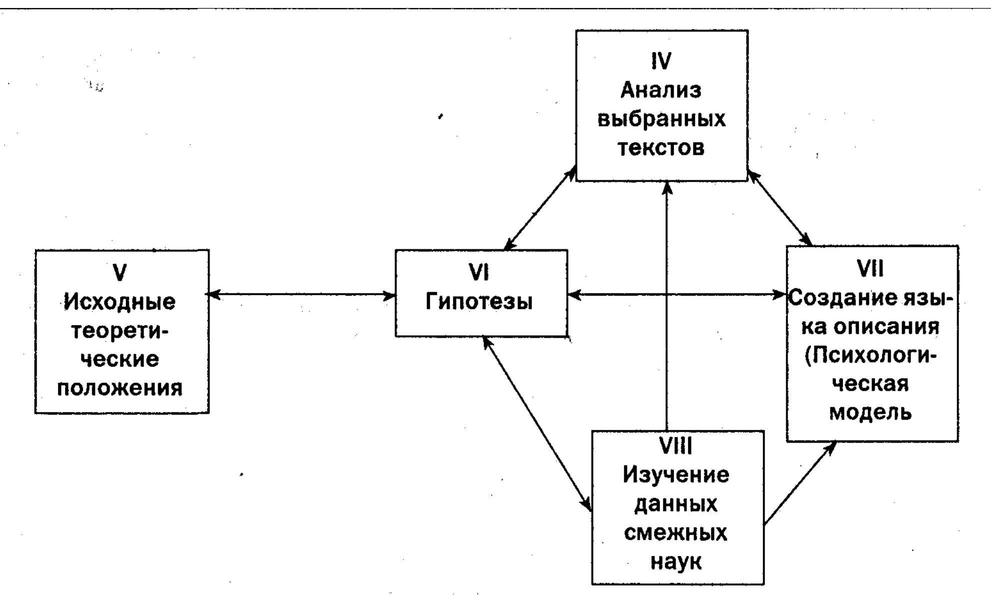

Рис. 30-4. Блок-схема основного цикла

Центральным в этом цикле является блок IV, названный «анализ текста». Процедура анализа источников опирается на общие принципы источниковедческого анализа. В психологической литературе она не получила достаточного освещения. Спицына указывает, что это «не простое ознакомление с текстом, а совокупность аналитико-синтетических процедур» (Спицына Л. В., 1994. С. 15). К сожалению, и лингвистика пока не дает серьезных опорных точек для решения данной задачи. В большинстве наиболее влиятельных лингвистических направлений предметом изучения является формальная структура языка, и самой крупной его единицей выступает предложение (Сгалл П., 1978). Хотя очевидно, необходим анализ не только формы, но и содержания текста. Продуктивные попытки соединения количественного и качественного анализа текстов представлены в исследованиях, проводящихся сотрудниками лаборатории психологии речи Института психологии РАН под руководством Т. Н. Ушаковой, а также в структурной модели анализа текста, предложенной Т. М. Дридзе (1984). Так, Дридзе предлагает при реконструкции того или иного объекта проводить анализ текста с точки зрения его вторичной информативности. Источником вторичной информативности являются не основные, а второстепенные элементы текста: иллюстрации к основным идеям, описание ситуаций и отношений к ним, общий фон, «фоново-событийный», «фоново-субъективный», «фоново-образный» аспекты.

Еще ближе к решению этой проблемы подходит *герменевтика* — традиция и способы толкования многозначных или не поддающихся уточнению текстов (большей частью древних), — выделяющая основные принципы и структуры понимания. Представляется интересным, например, описанный Хайдеггером принцип круговой «предструктуры» понимания. По мнению Хайдеггера, истолкователь текста, сколь бы беспристрастным он не стремился быть, приступает к исследованию всегда уже вооруженный предварительными понятиями, от которых он отталкивается, «пробрасывая» на всех этапах «предмнения и «предусмотрения» вперед (Гадамер X. Г., 1988. С. 318). Даже если исследователь и не выдвигает изначально определенных гипотез, стремясь максимально вжиться в источник и проникнуть в его суть, имплицитно он всегда имеет некоторые предположения, которые могут вносить субъективизм в его рассуждения. Таким образом, герменевтика сама указывает на уязвимые позиции в ее методе истолкования текстов.

- **Герменевтика — традиция и способы толкования многозначных или не поддающихся уточнению текстов (большей частью древних)**

Циклическая структура психолого-исторической реконструкции допускает наличие предварительных гипотез. При этом дальнейшая система проверки и перепроверки явных и неявных гипотез должна максимально исключить субъективизм исследователя. Для этого надо быть открытым новизне исследуемого материала, стремиться понять его максимально полно, вникнуть в его сущность и раскрыть его содержание. Наиболее продуктивным является, видимо, неселективный, полный охват всех описываемых в источнике явлений, сочетающийся с их анализом в русле выдвинутых гипотез. При

этом важно учитывать также особенности источника. Этот вопрос, в частности, остро встал в работе Барской при анализе содержания такого специфического источника, как поэмы Гомера. Для того чтобы отделить реальность переживаний и мыслей от явного художественного вымысла, содержащегося в эпическом повествовании, автор счел необходимым ориентироваться в первую очередь не на содержание анализируемого психического феномена, а на его процессуальную сторону. Например, при выявлении механизмов функционирования мышления в фокусе внимания исследователя оказывались не мифологические сюжеты текста поэм, а тщательно рассматриваемый процесс вынесения суждения или решения жизненной задачи ее героями. Таким образом, содержание поэм было использовано не прямо, а косвенно; рассматривалось не то, что думали, чувствовали, делали герои поэм, а то, как они это делали.

Следующий блок, задействованный в основном цикле, — «изучение дополнительных данных смежных наук». При реконструкции человека периода древнегреческой культуры, например, ценную информацию для исследования дали работы по классической филологии, этнографии и сравнительному языкознанию, позволившие максимально полно выявить и задействовать в анализе все элементы формы литературного произведения. Продуктивным оказалось также направление языкознания, исследующее связь между уровнем развития языка и мышления. Указанная связь проявляется в замене устойчивых словосочетаний общими понятиями, а менее дифференцированных языковых конструкций — более точными и структурно сложными, в историческом образовании сложных предложений из простых и т. д. (Мельничук А. С., 1967). Большой интерес представляет также учет закономерностей языкового развития, указывающий на некоторое сходство праязыков и языков современных примитивных племен, а также рассмотрение характерных особенностей древних языков вообще (обилие синонимов, не развитая система подчинительных союзов, специфика падежной формы и т. д.) и древнегреческого языка в частности (наличие значительного числа архаизмов). Автор высказывает мнение, что чем более выражены эти особенности, тем более очевидны отклонения в характере мышления человека древней цивилизации по сравнению с современным. Этот вывод базируется на признании того, что, во-первых, язык отражает бессознательные перемены в психике человека; во-вторых, с его помощью демонстрируется развитие наличного умственного инструментария. Очевидно, например, что понятийная система языка развивалась в направлении увеличения количества абстрактных понятий, которые изначально были наполнены более конкретным содержанием. Поэтому анализ развития абстрактных понятий помогает осознать, какие данные внешнего и внутреннего опыта подвергались осмыслению и обобщению на определенном историческом этапе.

При этом подчеркивается, что многие факты и закономерности развития древнегреческого языка пока не удается переосмыслить в психологических терминах, поскольку эти закономерности не отражают автоматически особенности развития мышления.

Специальной задачей и этапом реконструкции выступает создание целостного языка описания рассматриваемых явлений, иначе говоря, формирование психологической модели. Этому в блок-схеме соответствует блок VII — «создание языка для описания найденных закономерностей». Сумма гипотез, выявленных на разных стадиях работы, не составляет еще психологической модели. Ее создание требует упорядочения полученных гипотез, а также их соотнесения с исходными теоретическими предположениями и данными смежных наук.

В работе Барской психологическая модель свелась к следующим положениям. В указанный период имеет место тип мышления, не отличающийся принципиально от современного по законам своего функционирования. Вместе с тем для него характерны:

1) более тесная связь внешнего и внутреннего мира;
2) меньшая интериоризованностъ отдельных операций;
3) преобладание наглядно-образного компонента;
4) доминирование эмоциональной регуляции над рациональной;
5) своеобразие рефлексии, этических и эстетических представлений древнейших греков.

Заключительный цикл исследования включает блок результатов и блок выводов. Полученные результаты анализа текста соотносятся с исходными задачами, на основании чего и делаются выводы.

Таким образом, предлагаемый вариант процедуры психолого-исторической реконструкции носит комплексный характер и сочетает достоинства уже существовавших методов с высокой гипотетичностью, структурной организацией и системой взаимопроверки, что открывает широкие перспективы для дальнейших исследований.

Вопросы для повторения

1. Чем обусловлена актуальность и значимость исторической психологии?
2. В чем заключается исторический характер бытия человека?
3. Какими последствиями чревата недооценка психологической составляющей в реальном историческом процессе?
4. Раскройте специфику объекта историко-психологического исследования.
5. Дайте определение предмета исторической психологии.
6. В чем заключается сущность метода психолого-исторической реконструкции?
7. Каковы основные блоки процесса психолого-исторического исследования?
8. Чем характеризуется тип мышления древних греков периода архаики (по результатам исследования А. Д. Барской)?

Рекомендуемая литература

Барская А. Д. Особенности мышления гомеровского человека // Вестник МГУ. — Сер. 14. Психология. 1997. - С.23-32.

Белявский И. Г. Историческая психология. — Одесса, 1991.

Бердяев Н. А. Смысл истории. — М., 1990.

Боброва Е. Ю. Основы исторической психологии. — СПб, 1997.

Вернан Ж. П. Происхождение древнегреческой мысли. — М., 1988.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. — М., 1981.

Гадамер Х. Г. Истина и метод.— М., 1988.

Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. — М., 1984.

Мельничук А. С. О роли мышления в формировании структуры языка // Язык и мышление. — М., 1967.

Сгалл П. К программе лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. — М., 1978.

Спицына Л. В. Историко-психологическая реконструкция становления форм и способов общения в советском обществе в послереволюционный период (10-е — 20-е годы XX столетия) / Автореферат дисс. канд.псих. наук. — М.,1994.

Февр Л. Бои за историю. — М., 1989.

Хёйзинга Й. Осень средневековья. — М,, 1988.

Шкуратов В.А. Историческая психология. — Ростов-на-Дону, 1994.

Шкуратов В. А. Историческая психология. — М.: Смысл, 1997.

ЧАСТЬ VII. ЭТНИЧЕСКАЯ И КРОССКУЛЬТУРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Глава 31. Этническая психология как наука

Краткое содержание главы

Предмет, история и задачи этнической психологии. Психологическая антропология. Кросскультурная психология. Этническая психология. Цели и основные задачи этнопсихологии.

Основные понятия этнической и кросскультурной психологии. Этнос. Этническое самосознание и этническая идентичность. Культура.

Психологическое измерение культур. Культурный синдром. Виды культурного синдрома по Г. Триандису. Измерения культур по Г. Хофстеду.

31.1. Предмет, история и задачи этнической психологии

В современной системе психологических знаний существует два подхода к изучению обусловленности психологии человека его этнической (культурной) принадлежностью. В западной (прежде всего американской) науке изучением связи культуры и психологии занимаются психологическая антропология и кросскультурная психология. В отечественной научной традиции, идущей от европейской философской мысли, подобные исследования ведутся в рамках этнической психологии.

Психологическая антропология возникла в 30-х годах XX в. как междисциплинарное направление исследований, отражающее желание культурных антропологов проникнуть во внутреннюю жизнь индивидов, обусловленную их социализацией. Яркими представителями этого направления были Р. Бенедикт, М. Мид, К. Клакхорн, Р. Линтон, К. Дюбуа и др. Основной предмет психологической антропологии — изучение того, как человек мыслит, чувствует, эмоционально реагирует и действует в условиях разных культур (Белик А. А.,1993). Отличительной особенностью этой дисциплины является то, что она зародилась внутри культурной антропологии и служила развитию, прежде всего, этой науки.

Кросскультурная (или сравнительно-культурная) психология занимается изучением сходств и различий в психологии индивидов, принадлежащих к разным культурным и этническим группам; связей психологических различий с социокультурными, экологическими и биологическими особенностями, а также изучением современных изменений этих различий (Berry J. et al., 1992).

Современные подходы в кросскультурной психологии также нацелены на поиск универсалий, т. е. того, что остается универсальным в психологии человека в разных культурах. В настоящее время из узкой, довольно экзотической для психологии специальности кросскультурная психология стала устоявшейся отраслью, объединяющей сотни ученых из многих частей мира. В 1973 г. в Директории кросскультурных исследований и исследователей было указано уже 1125 ученых из 65 стран мира, в настоящее время их число еще более выросло. Большинство из них представляет университеты США и Европы, часть — университеты стран Азии, Африки и Латинской Америки. Многие из них являются членами таких профессиональных организаций, как *Inetmational Organization for Cross-cultural Psychology и The Society for Cross-Cultural Research*. Исследования по кросскультурной психологии сейчас приоритетны для пяти международных психологических журналов.

Этническая психология — это междисциплинарная наука, имеющая, как минимум, двух «родителей» — этнографию (этнологию) и собственно психологию. Первоначально целью этнической психологии было изучение психологических особенностей, духовной культуры народов. Уже во второй половине XIX столетия сформировались самые общие понятия этнопсихологии — «психология народов», «национальный характер», «народный дух»; также появился термин «этническая (или этнографическая) психология» (Рибо Т., 1886). Одновременно развивалось и философско-психологическое направление в этнопсихологии (Х. Штейнталь, М. Лацарус, В. Вундт, Г. Лебон и др.). Основным методом исследования в тот период был анализ проявлений человеческого духа в языке, обычаях, мифах, т. е. в сфере духовной культуры разных народов. Отечественная этническая психология в историческом контексте связана с именами языковедов и литературоведов Д. Овсянико-Куликовского и А. Потебни, этнографов Н. Надеждина и К. Кавелина, философа Г. Шпета.

В настоящее время этническая психология в России переживает период бурного развития. Реалии нашей жизни стимулировали многочисленные эмпирические исследования, нацеленные на изучение трансформации этнической идентичности, динамики межэтнических итнишении, миграции, аккультурации, проблемы этнических меньшинств и др. В настоящее время *этнопсихология* — это наука, изучающая психологические особенности индивида или группы людей, связанные с этнической или культурной принадлежностью и проявляющиеся на сознательном и бессознательном уровнях.

- **Этнопсихология — наука, изучающая психологические особенности индивида или группы людей, связанные с этнической или культурной принадлежностью и проявляющиеся на сознательном и бессознательном уровнях.**

Цели этнической психологии состоят в выявлении психологических механизмов формирования позитивной этнической и культурной идентичности, а также в изучении психологических механизмов формирования этнической толерантности на групповом и личностном уровнях. Исследователю любой этнической культуры необходимо сделать попытку понять и объяснить данную этническую культуру, ее духовно-философскую сущность, специфические культурные механизмы регуляции сознания и

поведения человека (в частности, механизмы преодоления кризисов и стрессовых ситуаций), особенности ценностной структуры данной культуры, типы ее социальной организации, принципы внутри- и внешнегруппового взаимодействия. Это должно способствовать формированию стойкой и осознанной позитивной идентичности, которая является единственным надежным буфером как на пути этнической маргинальности, так и на пути формирования иррациональной этнической нетерпимости. Для формирования и поддержания этнической толерантности необходимо искать пути взаимопонимания и тождественности культур на основе общих для всего человечества нравственных ценностей.

Основные задачи этнической психологии на современном этапе ее развития могут быть сформулированы таким образом:

1) исследование социально-психологических проблем межэтнического взаимодействия (межэтнического восприятия; межэтнической напряженности; этноцентризма и этнической интолерантности; изменяющейся этнической идентичности; этнических миграций и аккультурации и др.);

2) изучение особенностей формирования и актуализации этнической идентичности на индивидуально-личностном уровне; проблем личностной саморегуляции в межэтническом взаимодействии; особенностей трансформации этнической идентичности личности; этнопсихотерапии и других аспектов этничности как индивидуально-личностной характеристики человека;

3) создание и апробирование программ и методов социально-психологического тренинга успешного межкультурного взаимодействия и методов этнопсихологической коррекции личности;

4) развитие теории этнической психологии с целью понимания психологических законов влияния этнической и культурной принадлежности на жизнь человека.

31.2. Основные понятия этнической и кросскультурной психологии

Этнос. В современной этнологической науке не существует единого понимания, что же такое этнос, какова его сущность, природа и строение. Согласно наиболее распространенному определению, *этнос* — это исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями языка, культуры и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (Бромлей Ю. В., 1983).

Этнос — исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями языка, культуры и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании.

Существуют и другие подходы к пониманию природы этноса. Так, Л. Н. Гумилев рассматривал этнос прежде всего как природное явление. В его понимании этнос — это тот или иной коллектив людей (динамическая система), противопоставляющий себя всем прочим аналогичным коллективам («мы» и «не мы»), имеющий свою особую внутреннюю структуру и оригинальный стереотип поведения (Гумилев Л. Н., 1993). Он полагал, что этнический стереотип поведения не передается по наследству, а усваивается ребенком в процессе культурной социализации, является довольно прочным и практически неизменным в течение всей жизни человека. Для иллюстрации этнического стереотипа поведения Гумилев приводит шутливый пример ситуации в трамвае, куда вошел буйный пьяница. По мнению Гумилева, едущие в трамвае и принадлежащие к разным этносам пассажиры поведут себя по-разному: русский пожалеет пьяного и уступит ему место, татарин брезгливо отойдет в сторону, немец позовет милиционера, а грузин может ответить физической агрессией на буйное поведение пассажира.

Особняком стоит оригинальный подход, согласно которому «...этносы представляют собой пространственно ограниченные "сгустки" специфической культурной информации, а межэтнические контакты — обмен такой информацией» (Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н., 1972). В подобном толковании происходит переход от понимания этноса как реальной группы людей на другой уровень — информационно-когнитивный, где главным и определяющим признаком этноса являются не люди как носители специфической культурной информации, а сама эта информация, ее содержание, специфичность, подлежащая обмену на другую специфичность в межэтническом контакте, который

тоже предстает как новое явление, а именно — как процесс информационного обмена. Такое понимание этноса ближе всего к предмету этнической психологии, поскольку это предполагает изучение информационной составляющей, специфического содержания этнических образов и представлений, или этнического сознания.

Этническое самосознание и этническая идентичность. В отечественной этнопсихологии и этносоциологии основным предметом теоретических и эмпирических исследований долгое время было этническое самосознание — осознание индивидами собственной принадлежности к определенной этнической общности. Традиции исследования этнического самосознания в отечественной науке имеют широкую теоретическую и эмпирическую базу. Позднее было выделено более широкое понятие «этническое сознание», которое описывает всю совокупность представлений членов этнической общности о своем и других этносах, включая социально-психологические установки и стереотипы. В таком понимании этническое самосознание — это часть этнического сознания, отражающая восприятие и представление индивидов о себе как представителях определенной этнической общности.

«Этничность» и «этническая идентичность» — понятия довольно новые, вошедшие в научный обиход лишь с середины XX в. (первое употребление термина «этничность» приписывается американскому социологу Д. Рисману в 1953 г.). Этническая идентичность понимается как часть социальной идентичности, а именно — представление человека о себе как о члене определенной этнической группы наряду с эмоциональным и ценностным значением, приписываемым этому членству. В рамках концепции социальной идентичности Г. Тэджфела, индивиду свойственно оценивать этническую группу, к которой он принадлежит, позитивно, и этот положительный когнитивный уклон в пользу «своей» группы получил название «внутригрупповой фаворитизм». Такая позитивная оценка своей этнической группы является естественным социально-психологическим механизмом, обеспечивающим на индивидуальном уровне необходимое личности самоуважение, а на групповом уровне — сохранение этнической культуры и передачу ее последующим поколениям.

Обратной стороной внутригруппового фаворитизма считается такое явление, как внешнегрупповая враждебность, или негативная оценка других этнических групп. Как показывают исследования Г. Тэджфела, внешнегрупповая враждебность может возникнуть и без выраженного межэтнического противостояния или конфликта, являясь когнитивным следствием деления человечества на группы (социальной категоризации). Хорошей иллюстрацией наличия в этническом сознании внутригруппового фаворитизма и внешнегрупповой враждебности являются этнические стереотипы — упрощенные, схематизированные, эмоционально окрашенные и чрезвычайно устойчивые образы какой-либо этнической группы, легко распространяемые на всех ее представителей. В современной этнопсихологии выделяют этнические автостереотипы — представления и характеристики членов своей этнической группы и этнические гетеростереотипы — образы представителей других этнических групп. Как показывают многочисленные эмпирические исследования, практически всегда этнические автостереотипы отличаются значительно большей позитивностью, чем этнические гетеростереотипы. Выделяют три основных функции этнического стереотипа: познавательную, коммуникативную и функцию защиты позитивной этнической идентичности. Последняя функция — защита позитивной этнической идентичности — осуществляется с помощью социально-психологического феномена внутригруппового фаворитизма и внешнегрупповой враждебности, который также имеет и другое название — «этноцентризм».

Этноцентризм — это восприятие и интерпретация поведения других через призму своей культуры. Оценки различий между группами по типу «мы лучше, они — хуже» известны давно. Термин «этноцентризм» был введен У. Самнером в 1906 г., который считал, что в сознании людей существует тенденция использовать стандарты своей группы для оценки других групп, располагая свою группу на вершине иерархии и рассматривая другие группы как ниже стоящие. Наша собственная культура задает нам когнитивную матрицу для понимания мира, так называемую «картину мира». Если мы все время живем в одной культуре, то естественным для нас будет считать свою культуру стандартом. Многие культуры само понятие «человек» определяют через название своей культурной группы (племени), таким образом, люди из других культур не воспринимаются как действительно «люди». Так, для древних греков, люди, не говорящие по-гречески, были «варварами» (от звукосочетания «вар-вар» — непонятная речь). Общее правило гласит: чем больше культурные или поведенческие различия, тем больше потенциальный негативизм их оценки.

Этноцентризм – восприятие и интерпретация поведения других через призму своей культуры.

Культура. Как для этнической психологии основополагающим понятием является «этнос», так для кросскультурной психологии понятие «культура» является базовым теоретическим конструктом. В английском языке слово «культура» используется во многих смыслах. Оно может означать расу, национальность или этничность, музыку, изобразительное искусство, пищу, одежду, ритуалы, традиции и т. д. Это слово стало популярным в США в последнее десятилетие и связано с такими понятиями, как «культурное разнообразие», «культурный плюрализм», «мультикультурализм». Если, например, в Японии употребить слово «культура», японцы подумают в первую очередь об аранжировке цветов, в России — о театре, музыке или манерах поведения.

Культура — это сложное понятие, относящееся как к материальным (пища, одежда), социальным (организация и структура общества) явлениям, так и к индивидуальному поведению. Культура проявляется в человеческой деятельности, ритуалах, традициях. Она представляет собой комплекс созданных людьми объективных и субъективных элементов, которые в прошлом обеспечили выживание жителей определенной экологической ниши, став общими для тех, кто говорил на одном языке и жил вместе в одно и то же время (Triandis H. C., 1994). Отсюда следует, что необходимо изучать не только представителей культуры, но и экологические и исторические факторы, которые могут объяснить, почему определенные элементы культуры приобрели первостепенное значение в данной культуре.

Природа предоставляет человеку определенные ресурсы, которые делают возможными определенные виды деятельности (земледелие, охота, рыболовство и т. д.). Некоторые из них могут особенно удачно вознаграждаться, благодаря этому закрепляться среди членов данной культуры, переходя в ранг обычаев. Эти виды деятельности создают особый способ видения социальной среды и формируют элементы субъективной культуры: развивается язык, рождаются нормы, ценности, роли и особенности самоконцепций (представлений о себе). Когда представления и нормы разделяются большинством людей в группе, они становятся элементами данной культуры и начинают определять индивидуальное и групповое поведение. Например, природные условия, в которых выживание зависит от охоты и ловли рыбы, отличаются от тех, где выживание зависит от успешного земледелия. В обществах, где развиты охота и рыболовство, люди должны передвигаться за своей добычей, значит, в такой среде успеха достигают люди сильные, физически выносливые, смелые и уверенные в себе. Воспитание детей в таких культурах направлено на развитие этих качеств, и социализация основана на том, что родители предоставляют детям максимальную свободу и поощряют независимость. В земледельческих культурах часто требуется кооперация (многие крестьяне объединяются для создания ирригационных каналов, сбора и хранения урожая, проведения посевной кампании и т. д.). Человек независимый и неконформный не подходит для такой кооперации. В результате социализация в таких культурах поощряет взаимозависимость, ответственность и стремление к согласованности.

Но культуру формирует не только экология, но и история. Например, войны изменяют взгляд людей на себя. Японцы, в частности, изменили самовосприятие после Второй мировой войны: при этом сами они радикально не изменились, но поменяли роль воинственного агрессора на роль сильного экономического соперника. Считается, что поражение в войне страны-агрессора способно в сильной степени изменить представление о себе у представителей данной культуры, способствуя переосмыслению ценностей, целей и результатов поведения, продиктованного данными ценностями и целями. В целом это приводит к более адекватному групповому поведению, что часто вознаграждается экономическим и духовным возрождением. К резкому культурному изменению приводят не только войны, но и революции, кардинальные перемены экономического и общественного строя, которые время от времени переживают все страны и культуры.

Таким образом, экология и история — главные факторы, формирующие культуру, влияющие на поведение членов культуры и тем самым создающие способы социализации детей в данной культуре. Следует отметить, что культура является как социальным, так и индивидуальным психологическим конструктом. Индивидуальные различия в культуре могут проявляться в разной степени усвоения индивидом установок, ценностей, верований и моделей поведения, которые составляют данную культуру.

31.3. Психологическое измерение культур

Для классификации культур в кросскультурной психологии были предложены понятия «культурный синдром» (Triandis H., 1994) и «измерение культур» (Hofstede G., 1980,1984). Культурный синдром — это определенный набор ценностей, установок, верований, норм и моделей поведения, которыми одна группа культур отличается от другой. Триандис выделил три культурных синдрома: «простота — сложность», «индивидуализм—коллективизм» и «открытость—закрытость».

Чем более сложной является культура, тем более внимательно люди в ней относятся ко времени. Например, на вопрос «Если у вас назначена встреча с другом, как долго вы намерены ждать его?» люди в индустриальных культурах (США, Япония) давали ответ в минутах, люди в культурах, средних по сложности (Греция, Италия) — в часах, а в наименее сложных (некоторые культуры Африки, Латинской Америки) — в сутках. Представления о времени различны в разных типах культур: на Западе время понимается как линейный вектор от прошлого через настоящее к будущему. Во многих культурах Востока время рассматривается как непрерывность повторяющихся циклов в природе и человеческой жизни. В западных культурах принято делать одно дело в единицу времени и разговоры вести последовательно, а не одновременно. В других культурах (например, Саудовская Аравия) вполне приемлемо вести разговоры одновременно с несколькими людьми.

Также, чем более сложной считается культура, тем более специфичны в ней роли, в менее сложных культурах роли более диффузны, размыты. Например, в сложных культурах от продавца ожидается определенная модель поведения, основанная на его социальной роли, и покупателя совершенно не интересуют религиозные взгляды продавца, его партийная принадлежность и т. д. В менее сложных культурах, например в Иране, религиозная принадлежность человека — главный определяющий фактор его социального поведения, и это может влиять на оценку его социальной роли окружающими.

В результате разного отношения ко времени может возникнуть непонимание: представители сложных культур могут расценивать длительное опоздание или одновременный разговор со многими людьми как неуважение к ним лично. Различия в степени специфичности ролей также могут привести к непониманию: в культурах, где роли диффузны, трудно разделить человека и его идеи, поэтому критика идей небезопасна, — она может быть воспринята как критика данного человека в целом, что в таких культурах недопустимо. С другой стороны, в культурах с диффузными ролями к вам могут демонстрировать хорошее отношение, считая в душе полным ничтожеством, что практически невозможно в западных культурах. Но при этом представителям культур с диффузными ролями поведение людей из культур Запада представляется грубым и высокомерным.

«Индивидуализм—коллективизм» выделяется теоретиками разных дисциплин как главное измерение культур. Индивидуалистической может быть названа культура, в которой индивидуальные цели ее членов не менее (если не более) важны, чем групповые. Коллективистская культура, наоборот, характеризуется тем, что в ней групповые цели превалируют над индивидуальными. В каждой культуре люди имеют как индивидуалистические, так и коллективистские тенденции сознания и поведения, однако индивидуализм характерен для Запада, а коллективизм — для Востока и Африки.

В индивидуалистических культурах личная идентичность превалирует над групповой, которая является определяющей в коллективистских культурах. В индивидуалистических культурах поведение личности определяется ее мотивацией к достижению, а в коллективистских — принадлежностью к группе. Уверенность в себе — ценность, значимая в обоих типах культур, но по-разному: в коллективистских культурах это означает: «Я не являюсь обузой для своей группы», а в индивидуалистических: «Я могу делать то, что мне надо».

Современные исследования разделяют коллективизм на два типа: горизонтальный (характеризует взаимную зависимость людей друг от друга) и вертикальный (означает служение индивида группе). Оба типа коллективизма тесно коррелируют между собой. Люди в индивидуалистических культурах часто отдают приоритет своим личным целям, даже когда они входят в конфликт с целями значимых групп (семья, рабочий коллектив, приятельская компания). Представители коллективистских культур, соответственно, отдают преимущество целям группы, что особенно заметно у тех, кто придерживается вертикального коллективизма. Например, в коллективистских культурах люди могут жить рядом с состарившимися родителями, даже когда при этом страдает их карьера или им не нравится климат данной местности. В индивидуалистических культурах взрослые дети выберут лучший климат или работу вне зависимости, близко это или далеко от их родителей. Людям из коллективистских культур такое поведение может представляться эгоистическим.

Главная предпосылка индивидуализма, по мнению Г. Триандиса, — уровень благосостояния. Г. Хофстед выявил значимую корреляцию между долей валового национального продукта на душу

населения и выраженностью индивидуализма (Hofstede G., 1980). Считается, что финансовое благополучие ведет к социальной и психологической независимости. Наиболее состоятельные и образованные слои общества в любой культуре имеют тенденцию быть более индивидуалистически настроенными. Миграции, социальная мобильность и урбанизация также способствуют росту индивидуализма. В то же время, проявление индивидуалистических или коллективистских тенденций зависит не только от культуры, но и от социального контекста: человек может демонстрировать коллективистские тенденции в семье и среди близких друзей и индивидуалистическое поведение — на работе или с незнакомыми людьми.

Чем отличается поведение людей, придерживающихся норм индивидуализма или коллективизма? Исследования показали, что в коллективистских культурах поведение людей трактуется с позиций норм, принятых в данной культуре, а в индивидуалистических — объясняется личностными особенностями и установками самого индивида. В коллективистских культурах успех человека чаще приписывается помощи других людей, богатству и т. д., а в индивидуалистических культурах успех приписывается способностям личности. Неудача, в свою очередь, в коллективистских культурах трактуется как следствие лени, а в индивидуалистических — как результат неблагоприятного стечения обстоятельств. В коллективистских культурах человек чаще сам приспосабливается к ситуации, чем меняет ситуацию «под себя», в индивидуалистических же культурах, наоборот, он стремится изменить ситуацию «в свою пользу». В коллективистских культурах людям свойственно знать (и рассказывать) больше о других, чем о себе, а в индивидуалистических культурах индивид больше склонен знать (и говорить) о себе, чем о других. Г. Триандис с коллегами разработал тренинг общения индивидуалистов с коллективистами и наоборот. Ими было предложено 46 практических советов для межкультурного общения (Лебедева Н. М., 1999). В традиционных культурах обычно ниже уровень преступности, что связано с типом социализации. Забота о детях, поощрение взаимной зависимости позволяют в большей степени избежать проблем, связанных с алкоголизмом и наркоманией.

К недостаткам коллективизма относятся: авторитаризм и давление на личность (например, детей часто заставляют выбирать не то, что нравится им самим, а то, что нравится родителям); высокая вероятность установления автократических режимов; низкая ценность отдельной человеческой личности и даже человеческой жизни.

Для культур, основанных на индивидуализме, характерны акцент на правах отдельной личности, демократия, мультикультурализм. Наказывается один человек и только за свои проступки в соответствии с законом. Личность может развивать свои таланты, и это выгодно всему обществу, так как экономика развивается в результате предприимчивости отдельных людей.

Недостатками индивидуализма являются одиночество, семейные конфликты, разводы. Свобода приводит к отчуждению, детской преступности, наркотикам, СПИДу. Моральные авторитеты отсутствуют, и все держится на законах. Возрастает риск сердечно-сосудистых заболеваний. Исследования показали, что высокая ценность и ожидание богатства негативно коррелируют с успехом и благосостоянием. Оказалось, что поведенческие нарушения и преступления выше среди «материалистов». С высоким стремлением к власти, желанием контролировать, подавлять других (комплекс мотивов, свойственных индивидуалистическим культурам) связан высокий уровень дистрессов. Сейчас многие международные корпорации осознали, что индивидуализм в какой-то степени тормозит развитие экономики — сложность обучения персонала требует больших затрат от компаний на подготовку служащих, которые в любой момент могут уйти в другую компанию, повинуясь психологии индивидуализма. Поэтому компании, не желая готовить персонал для своих конкурентов, часто не хотят тратиться на достойное обучение своих сотрудников.

Согласно измерениям Г. Хофстеда, культурами индивидуалистического типа являются культуры США, Австралии, Великобритании, Канады, Нидерландов, Новой Зеландии, Швеции, Бельгии, Дании, Франции, Италии, Ирландии, Германии и др. Коллективистскими же культурами можно считать культуры Кореи, Пакистана, Перу, Тайваня, Колумбии, Венесуэлы, Коста-Рики, Гватемалы, Эквадора, Индонезии, Португалии, Японии, Китая и др. Русскую культуру Хофстед также причисляет к культурам коллективистского типа.

В «закрытых» культурах люди должны вести себя в соответствии с групповыми нормами, и нарушение норм строго карается. В «открытых» культурах наблюдается большая терпимость к отклонению поведения индивидов от общепринятых норм. Для людей из «закрытых» культур значимы предсказуемость, определенность и безопасность: им важно знать, что другие люди намерены делать, и если те поступают непредсказуемо и неожиданно, это психологически травмирует членов «закрытых»

культур.

Индивиды из «закрытых» культур склонны воспринимать людей из «открытых» культур как недисциплинированных, своевольных и капризных, в то время как люди из «открытых» культур, в свою очередь, трактуют поведение представителей «закрытых» культур как негибкое и бескомпромиссное.

Здесь необходимо отвлечься от конкретных персон и подумать об условиях жизни и аспектах социализации в данных культурах: в «закрытых» культурах индивид, если отступит от норм, попадет в сложную ситуацию, поэтому он вынужден их соблюдать и ждать этого соблюдения от других (часто коллективный гнев в «закрытых» культурах направляется на смельчака, осмелившегося все-таки нарушить нормы: «нам нельзя, а ему можно?!»). А в «открытых» культурах, чтобы чего-то достичь, необходимо быть свободным, в том числе и от ограничивающих индивидуальное творчество и деятельность норм. Подобный анализ помогает избавиться от собственного этноцентризма при анализе поведения людей из других культур.

Еще три измерения культур были выявлены Хофстедом в результате большого эмпирического кросскультурного исследования: избегание неопределенности (*uncertainty avoidance*), дистанция власти (*power distance*) и маскулинность—феминность (*masculinity-feminity*) (Hofstede G.,1980).

Культуры в исследовании Хофстеда были условно поделены на культуры с высоким и низким уровнями избегания неопределенности. Культуры с высоким уровнем избегания неопределенности (в основном, культуры коллективистского типа) имеют низкий уровень толерантности к неопределенности, что выражается в высоком уровне тревожности и тенденции к «выбросу энергии» (агрессивному поведению). Индивидам из таких культур свойственна высокая потребность в формализованных правилах и нормах поведения и в «абсолютном доверии». Данные культуры также характеризуются низкой толерантностью к людям или группам с отличающимися идеями или поведением. В таких культурах присутствует выраженная тенденция к внутригрупповому согласию. В то же время представители данных культур характеризуются ярким проявлением эмоций в отличие от членов культур с низким уровнем избегания неопределенности. Индивиды из культур с высоким уровнем избегания неопределенности больше сопротивляются любым изменениям, имеют более высокий уровень тревожности, нетерпимы к двусмысленности, больше беспокоятся о будущем, считают верность своему правительству самой большой добродетелью, имеют низкую мотивацию к достижению, мало склонны к риску.

Культуры с низким уровнем избегания неопределенности имеют более низкий уровень стрессов, принимают разногласия в своей среде и характеризуются большей склонностью к риску.

Высокий уровень избегания неопределенности характеризует культуры стран Латинской Америки, Африки, а также культуры стран Ближнего Востока, Грецию, Бельгию, Францию, Испанию, Израиль, Японию, Корею, Португалию, Югославию и др. Низкий уровень избегания неопределенности характерен для культур таких стран, как Дания, Великобритания, Гонконг, Ямайка, Сингапур, Малайзия, Ирландия и ряда других.

Дистанция власти определяется как степень неравномерности распределения власти с точки зрения членов данного общества. Индивиды из культур с большой дистанцией власти считают, что власть — это наиболее важная часть общественной жизни, поэтому люди, облеченные властью, рассматривают своих подчиненных как сильно отличающихся от них самих. В культурах такого типа акцент делается в основном на принудительную власть, в то время как в культурах с низкой дистанцией власти господствует мнение, что только легитимная власть подлинна, и компетентная власть предпочитается власти простой силы и принуждения. Родители из культур с высоким уровнем дистанции власти поощряют в своих детях обязательность и исполнительность, а студенты в данных культурах демонстрируют более конформное поведение и более авторитарные установки, чем в культурах с низкой дистанцией власти.

В социальных организациях культур с высокой дистанцией власти господствует более жесткий стиль управления; подчиненным свойствен больший страх перед выражением несогласия с начальством, потерей доверия сослуживцев в сравнении с культурами с низкой дистанцией власти. «Путь к благоденствию» в понимании членов культур с низкой дистанцией власти включает знания, любовь и счастье, а в понимании членов культур с высокой дистанцией власти — родовитость, наследство, скупость, хитрость и временами даже нечестность.

Согласно данным Хофстеда, высокий уровень дистанции власти характерен для большинства африканских, латиноамериканских и восточных культур, а также для таких стран, как Индия, Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур, Турция, Таиланд, Югославия, Бельгия, Франция и др.

Культуры с низкой дистанцией власти — это культуры таких стран, как Австрия, Дания, Израиль, Швеция, Швейцария, Финляндия, Германия, Великобритания, Канада, США и др.

Высокая степень маскулинности (выраженности «мужского начала»), согласно Хофстеду, означает высокую ценность в данной культуре материальных вещей, власти и представительности. Культуры, в которых в качестве главных ценностей превалирует сам человек, его воспитание и смысл жизни, считаются феминными (или основанными на «женском начале»).

В культурах маскулинного типа подчеркивается различие в половых ролях, исполнительность, амбициозность и независимость. В культурах феминного типа половые роли обычно не столь строго фиксированы, и упор делается на взаимную зависимость и служение друг другу. Люди в маскулинных культурах имеют более сильную мотивацию к достижению, в работе они видят смысл жизни, склонны считать интересы компании своими собственными интересами и центром своей личной жизни, способны очень напряженно работать. В данных культурах существуют значимые расхождения в оценке мужчин и женщин, занимающих одно и то же положение, в сторону более высокой оценки мужчин, а признание, успех и конкуренция рассматриваются как главные источники удовлетворенности работой.

Иногда люди из разных культур смотрят друг на друга со взаимным пренебрежением: для представителей маскулинных культур люди из феминных культур недостаточно деятельны, а для вторых первые недостаточно заботливы и щедры. Примерами могут служить Швеция (феминная культура), которая помогает бедным странам больше других стран в мире, и Япония (маскулинная культура), которая по этому показателю «скупее» всех.

Культурами маскулинного типа считаются культуры Австралии, Австрии, Колумбии, Германии, Великобритании, Ирландии, Италии, Японии, Мексики, Филиппин, Южной Африки, Швейцарии, Венесуэлы, США, Канады и др. Культурами феминного типа являются культуры Чили, Коста-Рики, Дании, Нидерландов, Норвегии, Швеции, Югославии и др. Согласно мнениям некоторых зарубежных исследователей, Россия относится к странам с культурой феминного типа. Используя данные измерения, необходимо помнить, что со временем общества и культуры претерпевают значительные изменения. Согласно данным исследований, студенты в Японии в настоящее время более являются индивидуалистами, чем коллективистами, несмотря на то что в целом японская культура коллективистская.

Вопросы для повторения

1. Перечислите основные сходства и отличия между этнической и кросскультурной психологией.
2. Какие существуют подходы к пониманию природы этноса?
3. Чем понятие «этническое самосознание» отличается от понятия «этничность» или «этническая идентичность»?
4. Что такое этноцентризм? Какие способы его уменьшений вы знаете?
5. Какова роль экологического и исторического факторов в формировании культуры?
6. Какое измерение культур считается главным?
7. Назовите особенности культур маскулинного типа.

Рекомендуемая литература

Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества// Расы и народы: Ежегодник. — Вып.2 — М.: Наука, 1972.

Белик А. А. Психологическая антропология: История и теория. / РАН, Ин-т этнологии и антропологии. - М.: ИЭИА, 1993. - 190 с.

Гумилев Л. Н. Этносфера: История людей и история природы. — М., 1993.

Егорова А. И. Исследование полоролевых стереотипов народа саха // Этническая психология и общество. - М., 1997. - С.183-190.

Лебедева Н. М. Социальная психология этнических миграций. — М., 1993.

Лебедева Н. М. Новая Русская Диаспора: социально-психологический анализ. — М., 1997.

Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросскультуриую психологию. — М., 1999.

Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. — М., 1999.

Стефаненко Т. Г., Шлягина Е. И., Ениколопов С. Н. Методы этнопсихологического исследования. — М., 1993.

Сусоколов А. А. Структурные факторы самоорганизации этноса // Расы и народы. — М., 1990 — Вып. 20 — С.5-36.

Шихирев П.Н. Перспективы теоретического развития этнической психологии. // Этническая психология и общество. — М., 1997. — С. 11-17.

Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию. — СПб, 1996. Этническая психология и общество / СПбГУ. — СПб : Изд-во СПб ГУ, 1994. — 168 с

Berry J. W. Er Pleasants M. Ethnic tolerance in plural societies. — Paper given at the International Conference on Authoritarism and Dogmatism. — N.Y., 1984.

Berry J. W., Poortinga Y.H., Segall M.N. Er Dasen P.R. Cross-cultural psychology: Research and applications. -N.Y.,1992.

Furnham A., Bochner S. Culture Shock: Psychological reactions to unfamiliar environments. — L.& N.Y., 1986.

Hofstede G. Culture's consequences: international differences in work-related values. — Beverly Hills, 1984.

Triandis H. C. Psychology and culture // Annual Review of Psychology. — 1973. — Vol. 24.

Triandis H. C. Culture and social behavior. — N. Y., 1994

Глава 32. Прикладные аспекты этнической психологии

Краткое содержание главы

Личность и культура. «Базовая личность» и «модальная личность». «Национальный характер». Самоконцепции как культурный феномен.

Психология общения и культура. Модель Г. Триандиса. Кросскультурные исследования половых ролей. Культура и вербальное общение. Культура и невербальное общение.

Психология этнических миграций и аккультурации. Этапы миграционного процесса. Гипотеза культурного шока. Стратегии аккультурации. Последствия межкультурных контактов.

32.1. Личность и культура

Выявлением взаимосвязей между личностью и культурой особенно плодотворно занимались психологические антропологи, принадлежавшие к научной школе «культура и личность». Исследования М. Мид и ее коллег, психоаналитика А. Кардинера и антропологов Р. Линтона и К. Дюбуа, стимулировали поиск новых путей в изучении взаимосвязи культуры и личности, приведшие к возникновению понятий «базовая личность» и «модальная личность».

Согласно данному подходу, у каждого народа существует своя базовая структура личности, которая передается из поколения в поколение посредством социализации и в какой-то мере определяет судьбу данного народа. Особый интерес представителей данного направления вызывали внутриличностные конфликты, возникающие в подсознании и порождаемые трудностями начальной стадии социализации. Это, в свою очередь, вызывало трудности прохождения вторичного этапа социализации и формировало механизмы психологической защиты, в основном механизмы проекции. Многочисленные эмпирические исследования, проведенные среди аборигенных народов Полинезии и Крайнего Севера, содержали психоаналитические интерпретации полученных данных. Так, А. Кардинер, анализируя культуру народа зуни, делал вывод о том, что достаточно миролюбивый характер этого племени обусловлен закрепленным в структуре социальной организации туземного общества сильным чувством стыда. Это чувство стыда является результатом слишком жесткого семейного воспитания, когда ребенок, целиком зависящий от настроения родителей, подвергается наказанию за малейший проступок. По мере взросления этого ребенка страх перед наказанием трансформируется в страх перед личной неуспешностью в социуме, сопровождаемый чувством стыда за свои социально неодобряемые поступки. Культура племен, до сих пор сохраняющих каннибализм, интерпретировалась А. Кардинером с точки зрения действия Эдипова комплекса.

Позже понятие «базовая структура личности» было дополнено эмпирическим понятием «модальная личность». Этот подход был основан на систематическом сборе индивидуальных данных и предположений, что более достойный объект исследования — это наиболее часто встречающийся в данной культуре тип личности. «Модальная личность» имеет два больших преимущества перед «базовой структурой личности» для понимания отношений между культурой и личностью:

1) все или даже большинство членов общества не могут иметь одну и ту же структуру личности;

2) в исследованиях «модальной личности» данные наблюдения, биографические данные и результаты тестов собираются независимо и обычно публикуются, что значительно повышает достоверность выводов и статистического анализа.

В рамках этого подхода в основном использовались проективные тесты: тест Роршаха, тест незаконченных предложений и тест тематической апперцепции (ТАТ). По выражению одного из авторов, с конца 1940-х — начала 1950-х гг. тест Роршаха был любимой «забавой» психологических антропологов. Они надеялись, что он будет особенно полезен в работе с бесписьменными народами. Но он «не прижился», так как классическая интерпретация его результатов могла считаться валидной для европейских и американских психически больных. Это вызывало трудности в интерпретации данных, полученных, к примеру, при исследовании индейцев. Более часто использовался тест Г. Мюррея (ТАТ).

Несомненной заслугой исследований школы «культура и личность» был поворот от субъективных этнографических описаний к поддающимся верификации психологическим исследованиям. Основная идея этой парадигмы состоит в том, что каждое общество может быть охарактеризовано через «типичную личность», и эти характеристики могут быть сравнимы. Однако данные психологических тестов, отличающиеся у представителей разных культур, не всегда поддаются объяснению через призму культуры, да и сами тесты никогда не были свободны от влияния культуры. Логическим продолжением исследований данного типа явилось изучение «национального характера».

Считается, что традиции житейского и литературного описания национальных характеров восходят к античности (Теофрасту, Тациту) и более современным авторам: Л. Барцини, писавшему об итальянцах, или философу-интуитивисту Н. Лосскому с его исследованием характера русского народа. В этническом сознании каждого народа в стереотипной форме присутствуют представления о типичных представителях той или иной нации: англичане — консервативны, французы — возбудимы и легкомысленны, немцы — аккуратны и трудолюбивы, испанцы — горды и т. д. Таким образом, существует широко распространенное положение, что представители различных наций имеют общие, но отличные от других характерные черты.

Изучение «национального характера» в США началось в связи со Второй мировой войной. Считалось, что понимание психологии врагов и их лидеров будет полезно как в планировании операций в ходе войны, так и в проведении послевоенной государственной политики. После вступления США в войну столь известные антропологи, как Р. Бенедикт, К. Клакхорн и другие переехали в Вашингтон, чтобы принять участие в исследовании национального характера. Согласно свидетельству М. Мид, с 1943 г. в различных правительственных службах в Вашингтоне было много психологов и антропологов, занимающихся проблемами национального характера и развитием техник для изучения культур и дистанции между ними. Хорошей иллюстрацией этого направления могут служить примеры исследования национального характера, в частности, японцев, немцев и русских, проводимых в те годы.

По мнению самих американцев, наиболее экзотичным врагом в этой войне была Япония. Поведение японского правительства, да и просто японских солдат часто ставило американцев в тупик. Например, их поражал фанатизм японских солдат в их преданности императору и готовности покончить с собой в случае неудачи. Но что еще более поражало американцев, так это парадоксальное поведение пленных японцев: они, казалось, были готовы к немедленной измене и с энтузиазмом работали на своих захватчиков. Этим фактам попытался дать объяснение К. Клакхорн. По его мнению, японские военнопленные воспринимали себя как «социально мертвых»: их отношения с семьей, друзьями, страной они считали закончившимися. Но так как физически они были живы, то надеялись быть принятыми новым обществом: были готовы вступить в американскую армию, снабжали ее детальной информацией и т. д. На основании этого американские антропологи заключили, что мораль японского общества ситуативна. Р. Бенедикт, изучавшая японскую культуру и после окончания войны, написала книгу «Хризантема и меч». В ней она интерпретировала такие, казалось бы, несовместимые качества, как утонченный эстетизм японцев и известный всему миру милитаризм.

Стержнем характера взрослого японца американские антропологи сочли долг или обязанность. Этот вывод был сделан на основании того, что японцы среднего возраста имеют гораздо меньше личной

свободы, чем дети или старики, что является полной противоположностью американского общества, где дети и старики, напротив, имеют меньше личной свободы, чем люди «в расцвете лет». Такова «суть» японского национального характера, увиденная глазами американских культурных антропологов в середине XX в.

Немецкий национальный характер изучал талантливый ученик З. Фрейда Э. Фромм. Он хотел понять: почему немецкий народ поддался диктаторскому режиму Гитлера? Появление нацистского движения в Германии он попытался объяснить тем, что в Германии преобладает так называемый авторитарный тип личности. Личность такого типа обязательна и услужлива по отношению к вышестоящим, но ведет себя в повелительной и презрительной манере по отношению к подчиненным. Фромм считал, что личности с таким характером тревожно реагируют на демократические институты и демонстрируют сильную тенденцию «бегства от свободы» в авторитарные системы, в которых ощущают себя более комфортно. Идеи «авторитаризма» на многие десятилетия привлекли к себе внимание социальных психологов.

В центре некоторых исследований стояла личность Гитлера. В частности, в работе У. Лангера упор делался на личную жизнь фюрера, на его неврозы и стиль лидерства. Например, хотя большинство немцев называли свою землю «отчей», Гитлер всегда называл ее «материнской землей». Отсюда У. Лангер сделал вывод, что Гитлер перенес свой Эдипов комплекс на германскую нацию и проецировал свою ненависть к отцу на старую и разрушенную Австрийскую империю. Личность Гитлера также изучал известный психолог Э. Эриксон. Он выявил так называемую «новую идентичность», которую фанатичный германский национализм и расизм предложил немецким подросткам. Эта идентичность была изначально ущербной, так как строилась в противовес негативной идентичности евреев, для которой были использованы антисемитские стереотипы, так что сильной, чистой и хорошей немецкая «высшая раса» была не сама по себе, а по контрасту с другими, «низшими» и не имеющими права на существование.

Русский национальный характер занял свое место в фокусе исследований зарубежных антропологов сразу после Второй мировой войны. Британский антрополог Д. Горер выдвинул свою «пеленочную» гипотезу, М. Мид ее развила и популяризировала, а Э. Эриксон адаптировал ее в своей статье «Легенда о юности М. Горького». Д. Горер считал, что русским свойственна традиция туго пеленать младенцев с ранних месяцев их жизни. Это, по его мнению, приводит к тому, что они растут сильными и сдержанными, в противном случае они легко могли бы себя поранить. На короткое время их освобождают от пеленок, моют и активно с ними играют. Горер образно связал эту альтернативу между длительным периодом неподвижности и коротким периодом мускульной активности и интенсивного социального взаимодействия с определенными аспектами русского национального характера и внешней политики России. Многие русские, по его мнению, испытывают сильные душевные порывы и короткие всплески социальной активности в промежутках долгих периодов депрессии и «самокопания». Эта же тенденция, по его мнению, характеризует и политическую жизнь общества: длительные периоды покорности сильным внешним авторитетам перемежаются яркими периодами интенсивной революционной деятельности.

Конечно, было много исследований русского национального характера, выходящих за рамки так называемого «пеленочного» комплекса. Результаты клинических интервью и психологического тестирования привели к созданию «модальной личности» великоросса. По мнению американских антропологов, это «теплая, человечная, очень зависимая, стремящаяся к социальному присоединению, лабильная (эмоционально нестабильная), сильная, но недисциплинированная личность, нуждающаяся в подчинении властному авторитету» (Kaplan B., 1961). Поскольку правящая в ту пору Коммунистическая партия насаждала абсолютно другой идеальный тип личности, то, по мнению К. Клакхона, этот внутренний конфликт привел к драме русского национального характера, в которой малочисленная национальная элита пыталась заставить большинство народа усвоить образ, совершенно противоположный традиционному русскому характеру.

С конца 1960-х гг. интерес к исследованиям национального характера упал, однако в политологии эта тема до сих пор пользуется популярностью, хотя профессиональные психологи смотрят на данные подходы довольно скептически. Недавно была опубликована книга К. Касьяновой «О русском национальном характере», в которой автор привела сравнительные данные исследования американской и русской выборок по тесту MMPI (Миннесотский многофакторный личностный опросник). С помощью оригинальной и глубокой интерпретации исторического и социологического характера автор иллюстрирует наиболее явные отличия и выдвигает стройную и интересную концепцию узловых

моментов русского национального менталитета. Особое внимание уделяется анализу так называемых «социальных архетипов», которые бессознательно определяют мотивы поведения в типичных для нашей культуры социальных ситуациях. Очень интересным и важным представляется анализ таких культурных ценностей, как терпение, страдание, смирение (которые являются орудием и результатом внутреннего делания, устроения души человека в противовес деланию внешнему или труду). Касьянова отмечает, что труду в системе ценностей русской культуры отводится явно подчиненное место и его невозможно перевести в другой разряд, не нарушив всей системы (Касьянова К., 1994).

Основной пафос этого исследования в том, что России в наше время как никогда важно осознать и осмыслить свои культурные или социальные архетипы, лежащие в основе национальной психологии, с тем, чтобы не отвергать их, а разумно и бережно «встроить» в бурно идущий процесс общественного развития, а может быть, в критические моменты и выверять по ним этот процесс.

Проблемы русского национального характера на современном этапе развития России волнуют многих исследователей. В типологической модели личности Б. С. Братуся приводятся описательные характеристики психологических типов личности в русской, советской и западноевропейской культурах, а также тип «перестроечной личности». Исходя из доминирующего способа отношения к себе и другим людям Братусь предлагает четыре основных уровня в структуре личности: эгоцентрический, группоцентрический, просоциальный и духовно-эсхатологический. Русскую культуру он характеризует как среду формирования прежде всего личности духовно-эсхатологического уровня, советскую культуру — как среду воспитания личности группоцентрического уровня, а западноевропейскую — как формирующую личность просоциального типа. Типу перестроечной личности, по мнению автора, свойственно переходное потребностно-мотивационное состояние: есть желание, но нет предмета, ему отвечающего. Очень важно, считает автор, не ошибиться в выборе этого «предмета», определяя ход развития России, и советует, по примеру Толстого, «брать выше», ибо жизнь «снесет»: «для достижения реального и возможного необходимо стремиться к идеальному и невозможному» (Братусь Б. С., 1994).

Самым важным в данных исследованиях является то, что культура анализируется исследователями, которые находятся внутри ее, т. е. знают, понимают и принимают эту культуру. Это очень важный момент для верного понимания любой культуры. В этнопсихологии, как ни в одной другой области знаний, более верным и непредвзятым оказывается взгляд на культуру изнутри, так как именно такой взгляд не имеет невольного этноцентрического искажения, основанного на другой этнической картине мира.

Самоконцепции как культурный феномен. Самоконцепции представляют собой совокупность мыслей и чувств индивида по отношению к себе как объекту (Gudykunst et al., 1988). Они включают социальную и личную идентичность (самотождественность). Социальная идентичность индивида — функция его «групповых членств», его представлений о себе как о члене различных социальных групп. Личная идентичность — функция его индивидуально-личностных характеристик, представление о себе как индивиде и личности. Социальная идентичность — это часть самоконцепции индивида, происходящая из осознания собственного членства в социальных группах, вместе с ценностным и эмоциональным значением, приписываемым этому членству (Tajfel H., 1982). Социальная идентичность основана на разделяемых членами группы представлениях и убеждениях. У. Мак-Гир и его коллеги установили, что этничность (как групповое членство) возникает в сознании индивидов как часть спонтанной самоконцепции в том случае, когда члены этнической группы резко отличаются от социального окружения. Это согласуется с положением М. Бревера, что принадлежность к определенному этносу более важна для групп меньшинств, чем для этнического большинства (Gudykunst W. et al,, 1988).

Логично предположить, что групповое членство является более важным для членов коллективистских культур, чем для членов индивидуалистических культур. В кросскультурных исследованиях было установлено, что китайцам, например, свойственны более ориентированные на группу самоконцепции, чем американцам. Из этого можно сделать вывод, что коллективистские культуры больше поощряют и воспитывают социальную идентичность, а индивидуалистические — личную. В более позднем исследовании М. Бревер с коллегами в Гонконге выявил, что пол доминирует над этничностью в желаемом уровне близости: дети всех обследованных этнических групп желали большей близости с представителями того же пола, чем с представителями своего этноса, но противоположного пола. В то же время этничность доминировала, когда оценивалось сходство с собой: члены внутри группы воспринимались более похожими, чем представители того же пола (Gudykunst W.

et al., 1988). Эти результаты говорят в пользу иерархичности социальной идентичности, когда в разных ситуациях на первое место выходит разная групповая принадлежность.

Понятие «лицо» присутствует практически во всех культурах. «Лицо» — это образ человека, проецируемый в ситуацию отношений, или идентичность, определяемая совместно участниками коммуникации. В разных культурах разная степень представления о себе проецируется в «лицо», или, иными словами, допускается и приветствуется разная степень самораскрытия в публичном проявлении. С. Тинг-Томи принадлежит интересная теория о связи культуры с созданием «лица». Согласно этой теории, в некоторых культурах (индивидуалистических: Австралии, Германии и США) делом личной чести считается поддержание соответствия между частным «я» и публичным самопредъявлением («лицом»). В других культурах (коллективистских: Китай, Корея, Япония) «я» — понятие, определяемое ситуацией и контекстом отношений. Так, в китайской культуре «я» определяется через многочисленные пересечения социальных и личных отношений данного человека. В большинстве коллективистских культур образ «я» формируется и поддерживается в процессе активного социального взаимодействия, в то время как в индивидуалистических культурах «я» — внутрипсихический феномен, достаточно независимый от социального контекста.

«Создание лица», по образному выражению У. Гудикунста, — символический фронт, на котором члены всех культур сражаются за свой публичный образ, где способы и стили борьбы за свое «лицо» могут сильно варьировать в разных культурах. Например, в культурах, поощряющих прямой стиль взаимодействия в повседневной жизни (индивидуалистические культуры: Германия, Швеция, США и др.), прямота в общении не воспринимается как посягательство или угроза «лицу» другого. В культурах, поощряющих непрямой стиль взаимодействия (коллективистские культуры: Китай, Япония, Корея, Вьетнам и др.), прямой стиль коммуникации воспринимается как угрожающий и ущемляющий «лицо» другого.

В индивидуалистических культурах люди больше заботятся о поддержании собственного «лица», а в коллективистских — о поддержании как собственного «лица», так и «лица» другого человека. Кроме этого, в индивидуалистических культурах ценностями являются свобода выбора и возможность автономии, а в коллективистских культурах — взаимная зависимость, взаимные обязательства и возможность «быть вместе».

Современные кросскультурные исследования личности переместились в сферу детального анализа культурных особенностей социальной и личной идентичности, так как попытки создать на новом уровне целостный концепт очередной «базовой» или «модальной» личности, так же как и «национального характера», заранее обречены на провал вследствие сложности, уникальности и непредсказуемости такого понятия, как человеческая личность.

32.2. Психология общения и культура

В процессе роста и развития, прежде чем ребенок идет в школу и даже прежде чем он овладевает родным языком, он начинает усваивать культуру, к которой принадлежит. Он усваивает ее в ритмах и течении времени, в способах невербального общения с близкими и незнакомыми людьми, в стилях мышления и в особенностях отношения к природе, домашней среде, самому себе и другим людям. Все это называется процессом социализации, который, большей частью, происходит полубессознательно и на этом глубоком уровне определяет наши желания и поступки, наше «видение мира».

Модель связи культуры и общения по Триандису. Основное положение, лежащее в основе модели Г. Триандиса, заключается в том, что культура влияет на процесс общения не прямо, а косвенно — через факторы ситуации общения (ценности, нормы, роли, социальные когнитивные и аффективные процессы и т.д.), которые и обусловливают процессы коммуникации.

Нормы, правила, роли — это факторы ситуации межкулькультурного, взаимодействия, оказывающие влияние на эффективность общения. Они в значительной степени обусловлены культурой и влияют на то, как мы кодируем и декодируем вербальную и невербальную информацию, отчего зависит степень понимания собеседниками друг друга, а значит, и успешность самого общения.

Нормы — это принципы, предписывающие поведение в той или иной культуре, разделяемые членами данной культуры. Нормы включают в себя:

- коллективную оценку того, каким должно быть поведение представителя данной культуры;
- коллективную интерпретацию того, что значит то или иное поведение;

- частные реакции на поведение, включая попытки наложения санкций на «нежелательные» варианты поведения.

Нормы — принципы, предписывающие поведение в той или иной культуре, разделяемые членами данной культуры

Исследователи выделяют две основные нормы, оказывающие заметное влияние на поведение членов разных культур в ситуациях межличностного взаимодействия — нормы правосудия и взаимности. Норма правосудия складывается из двух различных и в чем-то противоположных значений: справедливости и равенства. Норма справедливости означает, что в сознании людей существует некий баланс между тем, что они дают и что получают взамен, будь то материальные блага, обмен услугами, а также чувствами» например любовью или ненавистью. Норма справедливости тесно связана с понятием заслуженности («что заслужил, то и получил»). Иной смысл у нормы равенства: социальная награда распределяется поровну между участниками взаимодействия независимо от вклада и потребностей каждого из индивидов.

Согласно данным кросскультурных исследований, люди, принадлежащие к индивидуалистическим культурам, чаще соглашаются с нормой справедливости, а члены коллективистских культур поддерживают норму равенства. При исследовании нормы правосудия в Японии и США установлено, что при распределении наград японские студенты предпочитают норму равенства, а американские — норму справедливости. Аналогичные исследования нормы правосудия у китайцев и американцев обнаружили ту же тенденцию: китайцы предпочитают норму равенства, а американцы — норму справедливости. Выявлены также и половые различия внутри культур. Так, китайцы-мужчины чаще предпочитали норму равенства, чем китайские женщины, а те, в свою очередь больше, чем мужчины, ценили норму справедливости. У американских респондентов все было наоборот: мужчины чаще предпочитали норму справедливости, чем женщины, а женщины — норму равенства. По мнению исследователей, норма справедливости служит индивидуальным интересам личности, а норма равенства — общим интересам членов группы. В культурах, ценящих норму справедливости, поощряются индивидуальные вклады, идеи, права и обязанности отдельной личности. Культуры, ценящие нормы равенства, признают важность групповой гармонии и согласия, прав и обязанностей личности по отношению к группе.

В нашей стране также изучалось отношение к законам, понимание справедливости и прав личности, мотивировки законопослушности у отечественных респондентов в контексте сравнения их морально-правовых суждений с суждениями представителей других стран (США, Дании, Италии и др.). Как показал сравнительный анализ, у российских респондентов более развитой оказалась способность к изменению и нарушению законов, чем у респондентов из других стран. Результаты исследования позволяют говорить о том, что в сознании отечественных респондентов изначально, существует разграничение понятий «закон» и «мораль», что и вызвало трудности в определении «справедливого закона», так как понятие «справедливость» у русских связано с областью нравственности, а законы считаются несправедливыми, бездействующими и необъективными. Данные результаты сравниваются с показателями Д. Тапп, согласно которым в сознании респондентов стран Запада понятия «закон», «мораль», «справедливость» на первоначальном уровне морального развития слиты воедино. Интересные данные о понимании русскими правды и лжи, коренящиеся в российской историко-культурной традиции, представлены в работах В. В. Знакова. Согласно его исследованиям, не только в прошлом, но и сегодня русские считают морально-приемлемой так называемую «ложь во спасение». С помощью экспериментов, проведенных на различных российских выборках, автором был выявлен феномен «нравственной лжи», состоящий в том, что статистически значимое большинство респондентов согласилось дать в суде ложные показания ради спасения невиновного обвиняемого. Сами респонденты объясняют это тем, что несовершенство законов допускает возможность осуждения невиновного, поэтому ложные показания в суде во имя спасения невиновного человека в психологическом и нравственном плане перестают быть ложными. Такая ложь понимается как «атрибут честности», необходимое условие справедливого отношения к людям, попавшим в беду. Истоки такого отношения, по мнению автора, коренятся в различном понимании «правды» и «истины» в русской культурной традиции. «Правда» в сознании русских понимается как категория, выражающая целостное мировоззрение человека, понятие, основанное на вере, традициях, представлении о справедливости в отношениях между людьми («жить по правде»), а «истина» — только «общезначимая обезличенная

констатация соответствия высказывания действительности». Как неоднократно отмечал Ф. М. Достоевский, когда русский человек вынужден выбирать между истиной и справедливостью, то он скорее предпочтет ложь, чем несправедливость. Таким образом, по мнению В. В. Знакова, «истина» и «справедливость» в сознании русского человека могут быть понятиями разного порядка, и справедливость всегда будет дороже истины, даже если для ее восстановления приходится прибегать ко лжи. Это — один из ключевых моментов отношения к понятиям «правда», «ложь», «справедливость», «мораль», «закон» в русском этническом сознании.

Сходная ситуация прослеживается в культурах, где законы государства воспринимаются как «нереалистичные» или не согласующиеся с традициями. Например, угонщики скота в Сардинии соединяют норму равенства и справедливости воедино. Они рассуждают так: «Бог хочет, чтобы у всех было поровну, поэтому мы забираем скот у тех, кто имеет много скота, тем самым следуя пожеланиям Бога». Конечно, воровство скота противоречит итальянским законам, но угонщики скота использовали эту норму задолго до того, как Италия стала государством (Triandis H., 1994). Было выявлено, что угон скота не считается преступлением и во многих других культура. В подобных ситуациях присутствуют как бы две нормы: одна, согласующаяся с нормами традиционной культуры, и вторая, отражающая государственные законы. Особенно отчетливо это проявляется в ситуации с этническими и культурными меньшинствами (баски в Испании, ирландцы в Великобритании, некоторые народы Северного Кавказа в России и т. д.). В таких случаях популяции, недостаточно интегрированные в культуру доминирующего большинства (т. е. несогласные с тем, что они обязаны подчиняться законам страны), находятся в перманентной ситуации непонимания с правительством страны. В случаях с субъектами федераций, основанными по национально-культурному признаку, необходимо иметь в виду, что там могут работать, как минимум, две нормативные системы — традиционная и государственная, и понимать, что нормы, укорененные в сознании народа многовековой историко-культурной традицией, несомненно, являются более мощными регуляторами поведения, чем государственные законы. Их нужно умело «встраивать» в регуляцию правовых отношений в регионе.

Правила — это предписания, говорящие, как должно вести себя в данной ситуации. В отличие от норм, в сильной степени «пропитанных культурой», правила общения более индивидуализированы и зависят от ситуации и личностных особенностей включенных в общение людей.

Чем больше потребность общества в координации деятельности людей, тем выше требования к точности и понятности правил поведения. Исходя из этого можно предположить, что в коллективистских культурах выше потребность в координации деятельности, чем в индивидуалистических, соответственно и правила в таких культурах должны быть более четкими и ясными. В кросскультурном исследовании М. Аргайла с соавторами, проведенном в 1986 г. в Великобритании, Японии, Гонконге и Италии (изучалось отношение к 33 правилам в 22 ситуациях общения), было установлено, что практически все типы социальных отношений регулируются структурой социально-одобряемых правил, но некоторые правила характеризуются особой универсальностью и присутствуют в большинстве исследованных ситуаций (например, в отношениях мужа и жены, доктора и пациента и т. д.). Эти универсальные правила таковы:

1) следует уважать частные права другого человека;
2) следует смотреть в глаза собеседнику во время разговора;
3) не следует обсуждать с другими то, что было сказано конфиденциально;
4) не следует проявлять сексуальную активность в отношениях с другим человеком;
5) не следует публично критиковать другого человека;
6) следует возвращать долги, услуги, любезности, сколь бы малы они ни были.

В исследовании в Японии, Гонконге, Италии и Великобритании была доказана универсальность правила уважения частных прав другого человека. Правило сохранения тайны подтвердилось в Гонконге, Италии и Британии, но не соблюдалось в японской культуре. Правило недопустимости публичной критики «работало» в Японии и Гонконге, а в Британии, и особенно в Италии, часто нарушалось. Это можно объяснить тем, что в коллективистских культурах (Япония и Гонконг) соблюдение данного правила гарантирует предупреждение публичных столкновений и причинения ущерба «лицу» другого, в то время как в индивидуалистических культурах вербальное самораскрытие важнее сохранения групповой гармонии, поэтому в данных культурах менее настаивают на следовании этому правилу. Правила поведения тесно связаны с исполнением той или иной роли в конкретной ситуации взаимодействия.

Роль — это система ожиданий определенного поведения от субъекта, связанная с его позицией в

группе (примеры позиций: профессор, студент, мать, отец, учитель, ученик, юрист, продавец, пассажир и т. д.). От каждого субъекта, занимающего ту или иную позицию, ожидается поведение в соответствии с его ролью.

Степень личностной значимости ролевых отношений хорошо иллюстрируется в исследовании Г. Триандисом американцев в Греции в 1967 г. Он установил, что греки воспринимают поведение американцев на службе как «бесчеловечно-законническое, ригидное, холодное и чересчур нацеленное на производительность». Несмотря на то, что греки воспринимают свои организации как в высшей степени бюрократические, решения в них часто принимаются на основе дружеских отношений и личностных норм и правил. Греки не могут понять разделения между «служебным» и «дружеским» поведением. Таким образом, в греческой культуре ролевым отношениям приписывается большая личностная значимость по сравнению с американской культурой.

Кросскультурные исследования половых ролей. Согласно теории Хофстеда, различия в половых ролях зависят от степени маскулинности или феминности той или иной культуры (Hofstede G., 1980). В исследовании, проведенном в Японии и США, изучались концепции «независимости» и «покорности» в половых ролях. Испытуемым предлагалось определить степень близости 20 понятий к понятиям «мужчина» и «женщина». Результаты исследования показали, что американцы ценят независимость больше покорности и в мужчинах, и в женщинах, а японцы ценят независимость больше покорности только у мужчин. Любопытным фактом явилось то, что японские мужчины видят «идеальную женщину» менее покорной, чем японские женщины, что отражает их желание изменения женских ролей. В ряде кросскультурных исследований установлено, что феминные культуры с низкой дистанцией власти (Дания, Финляндия, Норвегия и Швеция) имеют личностно-ориентированные семьи, в то время как культуры с высокой дистанцией власти и с ярко выраженной маскулинностью (Греция, Япония, Малайзия, Мексика) имеют семьи, ориентированные на жесткие полоролевые позиции. В личностно-ориентированных семьях власть распределяется более или менее равномерно, поощряется уникальность и развитие каждого члена семьи, а также активное участие всех в принятии внутрисемейных решений. В позиционно-ориентированных семьях власть обычно распределяется неравномерно, родители (чаще отец) — авторитарные фигуры, которые держат под контролем процесс принятия решений в семейной жизни, семья построена иерархично и младшие члены семьи не имеют «права голоса».

Кросскультурные исследования семейных ролей показали, что в индивидуалистических культурах более близкими являются ролевые отношения между мужем и женой (по «горизонтали»), а в коллективистских культурах — между родителями и детьми (по «вертикали»). Интересное наблюдение было сделано американской компанией Би-Би-Си: вьетнамский американец 21 года (сын американского солдата и вьетнамки) получил разрешение правительства США на эмиграцию в США. Ему разрешалось взять с собой или свою мать, или жену с ребенком. Он выбрал мать (в согласии с большей значимостью родительско-детских отношений в коллективистской культуре Вьетнама). Позднее он обратился с ходатайством в правительство США о разрешении на приезд его жены и ребенка. Он поступил абсолютно правильно: американское правительство более симпатизировало его желанию воссоединиться с женой и сыном, чем с матерью (Triandis H., 1994).

Китайский исследователь Хсу выделил культуры, в которых наиболее значимыми отношениями являются отношения между матерью и сыном (Индия), отцом и сыном (Китай), супругами (культуры Запада). В культурах, где наиболее значимыми ролями являются роли «отец—сын», обычно другие роли имеют много общего с этими ролями: например, «начальник—подчиненный», «учитель—ученик», «правитель—народ». Значимость ролей «муж—жена» говорит о равенстве, и это также влияет на другие роли, поэтому в западных культурах вышестоящие чувствуют потребность общаться с нижестоящими на равных.

В нашей стране проводилось исследование полоролевых стереотипов в сознании народа саха (Егорова А. И., 1997). В результате исследования было выявлено, что наиболее положительно оцениваемыми у обоих полов оказались образы «идеального мужчины» и «идеальной женщины», затем — «традиционного мужчины» и «традиционной женщины», а наиболее негативно оцениваемым — образ «современного мужчины». По результатам исследования были сделаны выводы, что автостереотипы женщин в целом менее консервативны и менее традиционны, чем гетеростеротипы мужчин. Автор объясняет данный факт тем, что процессы эмансипации в семейно-брачной сфере в культуре саха осуществляются скорее через женщин, чем через мужчин. Важным выводом исследования является то, что автор считает не всегда оправданным формирование стереотипов под

влиянием норм традиционной культуры. Например, существует тенденция завышать требования к маскулинизации мужчин со стороны общества, что может вызвать у мужчин формирование завышенных требований к себе, и вследствие этого могут появиться серьезные трудности в самореализации. Поэтому, по мнению автора, мужчины чаще, чем женщины, испытывают трудности в адаптации к резко меняющимся социальным условиям. Остается добавить, что данные выводы верны не только в отношении представителей народа саха, но и многих других народов России, в том числе и русского.

Культура и вербальное общение. В процессе вербальной социализации усваиваются нормы и правила взаимодействия, модели этнических «картин мира», ценности и представления, на основе которых формируется культурная и полоролевая идентичность ребенка. На различных стадиях овладения языком дети учатся не столько языку самому по себе, сколько образцам и стилям речевого взаимодействия, которые позволяют им выступать в роли компетентных собеседников в повседневных ситуациях.

В кросскультурной психологи выделяют четыре измерения стилей вербальной коммуникации:

1) прямой и непрямой стили;

2) искусный (вычурный) и краткий (сжатый) стили;

3) личностный и ситуационный стили;

4) инструментальный и аффективный стили.

Прямой вербальный стиль характерен для речевых сообщений, которые выражают истинные намерения говорящего в виде его желаний, потребностей и ожиданий в процессе общения. Непрямой стиль свойствен речевым сообщениям, которые камуфлируют и скрывают истинные интенции говорящего (его желания, цели, потребности) в ситуации общения. Большинство исследователей считает, что непрямой стиль общения — ведущий стиль вербальной коммуникации в коллективистских культурах, а прямой стиль — преобладающий тип вербальной коммуникации в индивидуалистических культурах.

Искусный, или вычурный, стиль — это использование богатого, экспрессивного языка в общении. Сжатый стиль означает употребление лаконичных, сдержанных высказываний, пауз и молчания в повседневной коммуникации. Использование вычурного стиля характерно для многих ближневосточных культур, краткий же стиль вербальной коммуникации свойствен многим азиатским культурам и некоторым культурам американских индейцев.

Личностный вербальный стиль ставит в центр общения индивида, а ситуационный — его роль. При этом личностный стиль прибегает к использованию лингвистических средств для усиления «Я-идентичности», а ситуационный — к подчеркиванию ролевой идентичности. Стиль общения отражает доминирующие ценности культуры. Ситуационный стиль вербального общения использует язык, в котором отражается иерархический социальный порядок и асимметричные ролевые позиции. Личностный стиль использует язык, отражающий порядок социального равенства и симметричные ролевые позиции. Культуры Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (Малайзия, Индия, Индонезия) и многие африканские (Гана, Нигерия, Сьерра-Леоне) имеют высокие показатели по шкале дистанции власти, являются коллективистскими культурами и предпочитают ситуационный стиль вербального взаимодействия. Культуры Австралии, Северной Европы (Дания, Финляндия, Швеция) и США имеют низкие показатели по шкале дистанции власти, являются индивидуалистическими культурами и предпочитают личностный стиль вербальной коммуникации.

Инструментальный стиль вербальной коммуникации ориентирован на говорящего и цель коммуникации, а аффективный — на слушающего и на процесс коммуникации. Сравнивая вербальные коммуникативные стили США и Японии, Р. Окабе охарактеризовал инструментальный стиль общения в США как «избирательный» взгляд на мир, а аффективно-интуитивный стиль японского общения он определил как «приспосабливающийся». Это разделение своими корнями уходит в философию взаимодействия человека с миром, присутствующую в ценностях каждой культуры. «Избирательный» взгляд на мир означает, что люди могут изменять свою окружающую среду и управлять ею в своих целях, и говорящий, таким образом, строит свое сообщение с целью убедить собеседника или изменить сами отношения. «Приспосабливающийся» взгляд на мир означает, что люди скорее должны приспособить себя к своей среде, чем изменять и эксплуатировать ее, поэтому говорящий стремится приспособить себя к чувствам своих слушателей, а те, в свою очередь, — более точно понять чувства говорящего, чтобы как можно меньше искажать данную им реальность, внося в нее свои поправки. «Избирательный» взгляд на мир разделяет роли говорящего и слушающего на отдельные категории,

«приспосабливающийся» объединяет их в единое целое. Члены индивидуалистических культур предпочитают инструментальный стиль вербального взаимодействия, для которого характерны ориентация на цель общения, говорящего, самовыражение, самопрезентацию и на прямое воздействие на собеседника и отношения. Инструментальный стиль направлен на поддержание своего собственного «лица» и удовлетворение потребности в автономии и уединении. Примерами культур, использующих инструментальный стиль, могут служить Дания, Нидерланды, Швеция и США. Члены коллективистских культур, напротив, предпочитают аффективный стиль взаимодействия, для которого характерны ориентации на процесс общения, на слушающего, на «приспособление» к чувствам и потребностям собеседника, на достижение групповой гармонии. Он направлен на поддержание «лица» как говорящего, так и слушающего и на удовлетворение потребности в объединении. Аффективный стиль вербальной коммуникации характерен для большинства азиатских, латиноамериканских и арабских культур.

Поскольку все варианты вербальных коммуникативных стилей присутствуют практически во всех культурах, каждая культура придает свое значение и приписывает свою нормативную ценность различным способам взаимодействия. В каждом случае стиль вербального взаимодействия отражает глубокие морально-философские основы культуры, ее специфическую «картину мира». При этом следует помнить, что стиль — это гораздо больше, чем знание языка, так как он переносится и в другие языки, которыми овладевает человек. Стиль во многом отражает этнический стереотип поведения, и именно он усваивается ребенком в ранние годы его жизни и составляет неотъемлемую (и часто неосознаваемую) характерную черту присущего ему способа взаимодействия с окружающим миром и другими людьми.

Культура и невербальное общение. Еще до усвоения родного языка ребенок учится понимать невербальный (внеречевой) контекст общения, который помогает кодировать и декодировать речевые сообщения. Язык невербальных сообщений может безошибочно интерпретироваться человеком, воспитанным в данной культуре, и часто помогает правильно понять смысл вербального сообщения и вообще контекст отношений.

Проксемика — отделение личной территории, включающее персонализацию места, объекта и общения, которые становятся собственностью человека или группы лиц (Gudykunst W. et al., 1988). Ограждение «своего» пространства тем или иным способом означает подчеркивание чувства личной идентичности, или «самости». Согласно теории проксемики Холла, использование межличностной дистанции помогает индивидам регулировать степень близости, держа под контролем проявление чувств и эмоций. Хотя представителям всех культур свойственно отделять пространство для себя или своей группы, тем не менее ощущение простора или тесноты, посягательства на пространство и уважение чужого пространства довольно значительно отличаются в разных культурах. Ключевое отличие состоит в регуляции межличностной дистанции и проявлении чувств. Согласно данным исследований, высокая потребность в тесном личном контакте и близости в проявлении чувств характерна для латиноамериканских культур, стран Южной и Восточной Европы и арабских культур, низкая же отличает культуры стран Дальнего Востока (Япония, Корея), Центральной и Юго-Восточной Азии, Северной Европы и США.

В исследовании межличностной дистанции в Японии, Венесуэле и США было установлено, что когда японцы говорят на своем родном языке, они сидят дальше всех друг от друга, американцы занимают срединное положение, а венесуэльцы — ближе всех. При этом женщины во всех культурах располагаются ближе друг к другу, чем мужчины. Когда члены других культур общаются на английском языке, они используют межличностные дистанции, характерные для норм американской культуры, а не те, которые приняты в их родных культурах и которые «оживают», когда языком общения становится родной язык. Когда люди говорят на родном языке, это влечет за собой целый комплекс соответствующего культурно окрашенного поведения. Интересно, что мигранты, длительное время живущие в другой культуре, постепенно перенимают дистанцию, свойственную этой культуре. Согласно данным кросскультурных исследований, представители средиземноморских культур (Греция, южная Италия) предпочитают более близкую межличностную дистанцию в общении, чем жители стран Северной Европы (Швеция, Финляндия, Дания). В некоторых коллективистских культурах существуют большие различия в дистанции в зависимости от типа отношений, как, например, в Аргентине, где позитивно окрашенные отношения предполагают общение на близкой дистанции, а негативно окрашенные — на далекой. Другие культуры, например ближневосточные (Ирак), не делают таких различий. В исследовании М. Бонда с соавторами отмечалось, что представители

индивидуалистических культур оказывают активное и агрессивное сопротивление в случае нарушения их личного пространства, в то время как представители коллективистских культур в таких случаях ограничиваются пассивным отпором.

В разных культурах придается разный смысл и значение тактильному взаимодействию. В низкоконтактных культурах оно употребляется гораздо реже, чем в высококонтактных. Люди из коллективистских культур, стремясь к проявлению чувства близости, испытывают потребность в тактильном взаимодействии больше, чем представители индивидуалистических культур, склонные к сдержанности в проявлении чувств. Согласно данным Холла, арабы обычно ощущают дискомфорт в общении с американцами из-за отсутствия тесного тактильного контакта в общении с ними. Американцы же, в свою очередь, воспринимают потребность арабов в тесном физическом контакте как посягательство на свое личное пространство, что вызывает у них чувство тревоги.

Согласно наблюдению, на арабов возможность почувствовать запах друга действует успокаивающе. Обоняние для них — способ быть «включенным» в другого, и отказать другому в обонянии своего запаха означало бы поступить постыдно. В некоторых провинциях Ближнего Востока сваты, приглашенные посмотреть невесту для родственника, иногда просят разрешения понюхать ее. Их цель не в том, чтобы убедиться в ее чистоплотности, то, что они ищут — некий томительный аромат ее гнева или неудовольствия. Бурмисы выражают свои аффекты, прижимаясь ртами и носами к щеке и сильно вдыхая запах другого. Жители Самоа выражают свои аффекты, также прикасаясь носами и нюхая друг друга. Американцы же, напротив, поддерживают дистанцию и подавляют свое обоняние (Gudykunst W. et al.,1988). Тенденция американцев оставлять без внимания обоняние арабов часто приводит к недоверию арабов к истинным чувствам собеседника-американца; американцы же испытывают дискомфорт от нарушения арабами их автономии и личного пространства.

Сравнительно-культурное исследование тактильного поведения в латиноамериканских культурах и США показало, что латиноамериканцы более часто используют тактильное взаимодействие в общении, чем североамериканцы. Согласно данным другого исследования, японцы чаще общаются тактильно с людьми своего пола, а американцы — противоположного, при этом японские женщины более склонны к тактильному взаимодействию, чем японские мужчины. В культурах Средиземноморья, наоборот, тактильное общение более свойственно мужчинам, чем женщинам. Эти данные подтверждают мнение о том, что в целом дальневосточные культуры являются низкоконтактными, американская и североевропейские — среднеконтактными, а ближневосточные и средиземноморские — высококонтактными.

Выделяют пять основных функций невербального общения:

1) выражение межличностных отношений;
2) выражение чувств и эмоций;
3) управление процессом вербального общения;
4) обмен ритуалами;
5) регуляция самопредъявлений.

Главная цель невербального общения, связывающая все пять функций воедино, — это достижение межличностной синхронности. Межличностная синхронность означает согласованность ритмических движений между двумя людьми на вербальном и невербальном уровнях. Каждая деталь человеческого поведения включена в единый ритмический процесс, и можно с уверенностью сказать, что поведение индивидов регулируется сложной иерархией ритмов общения. Проводя исследование с использованием киносъемки кинестетических движений и проксемики, Холл обнаружил, что дистанции между людьми в разговоре всегда строятся с невероятной точностью, что процесс общения строго ритмичен и что индивиды как бы располагаются в совместном «танце», который ими практически не осознается. Холл также установил, что люди из стран Латинской Америки, Азии и Африки кажутся более «осведомленными» об этих ритмических движениях, чем люди из стран Северной Европы и США. Это объясняет, почему люди из первой группы культур более сензитивны и более настроены на процессы межличностной синхронизации, чем представители второй группы культур. Поскольку члены индивидуалистических культур несовершенны на невербальном уровне, они больше полагаются на процесс вербального самораскрытия.

Установлено, что межличностная синхронность или согласованность достигается в том случае, когда невербальное общение между двумя индивидами нацелено на широту, уникальность, продуктивность, уступчивость, спонтанность и когда имеет место открытый и спокойный обмен мнениями. Межличностная несогласованность возникает тогда, когда невербальное общение между двумя людьми

становится затрудненным, стилизованным, появляется ригидность, скованность, неловкость, нерешительность, формальность и опасность открытого осуждения или оскорбления. Межличностная синхронность отражает растущую симпатию, взаимное внимание, крепнущую связь, а межличностная несогласованность — растущую антипатию, отвержение и безразличие.

Рядом ученых предложено понятие «коммуникативная компетентность». Это означает понимание и усвоение культурно специфического значения норм и ценностей, моделей вербального и невербального поведения в различных культурах. Отсюда вытекает практическое следствие: люди, стремящиеся достичь коммуникативной компетентности в индивидуалистических культурах, должны основное внимание уделять изучению языка. Люди, нацеленные на достижение коммуникативной компетентности в коллективистских культурах, должны уделять особое внимание овладению невербальными способами общения.

32.3. Психология этнических миграций и аккультурации

Под этническими миграциями понимаются случаи массовых перемещений, когда представители того или иного этноса (этнокультурной группы) добровольно или вынужденно покидают территорию места формирования этноса (или его длительного проживания) и переселяются в иное географическое или культурное пространство. Этнические миграции, появившись в человеческой истории, создали новую ситуацию, которая в психологическом плане требует от человека (и человечества в целом) понимания как иного взгляда на мир, запечатленного в других этнических культурах, так и этнических основ собственного существования.

Психологические проблемы этнических миграций наиболее ярко раскрываются в следующих этапах или ступенях миграционного процесса:

а) причины и мотивы миграции и эмиграции;

б) адаптация мигрантов к иной этнокультурной среде;

в) адаптация мигрантов к иной природной (географической) среде;

г) трансформация этнической идентичности у различных поколений мигрантов.

Наиболее теоретически и эмпирически разработанной темой в психологии миграций является проблема психологической адаптации мигрантов к иной этнокультурной среде. Первоначальное теоретическое развитие она получила в исследованиях, посвященных так называемому «культурному шоку» — явлению, изучаемому на стыке кросскультурной психологии и психиатрии.

Культурный шок — это шок от нового. Гипотеза культурного шока основана на том, что опыт новой культуры является неприятным или шоковым частью потому, что он неожидан, а частью потому, что он может привести к негативной оценке собственной культуры (Furnham A., Bochner S., 1986). Каждая культура имеет множество символов социального окружения, как вербальных, так и невербальных (жестов, мимики) способов общения, с помощью которых мы ориентируемся и действуем в ситуациях повседневной жизни, наш душевный мир зависит от этих сигналов, многие из которых мы даже не осознаем. Когда вся эта незримая система свободной ориентации в мире внезапно становится неадекватной в условиях новой культуры, человек испытывает глубокое нервное потрясение. Огромное число исследований по миграции и психическому здоровью можно свести к двум глобальным выводам:

1. Обычно среди мигрантов больше психических заболеваний, чем среди коренных жителей. Есть ряд исключений из этого правила, но в целом результаты многочисленных исследований подтверждают этот вывод.

2. Существуют важные различия между группами мигрантов как в отношении степени, так и в отношении типа психических расстройств, которыми они страдают. Например, англичане в Австралии имеют более высокий уровень алкоголизма (по сравнению с коренным населением), в то время как выходцы с запада Индии в Англии имеют высокую частоту случаев заболевания шизофренией. А. Фарнхем и С. Бочнер делают вывод, что существуют общие универсальные, специфические субкультурные и индивидуальные факторы, которые, действуя вместе, продуцируют или препятствуют психическим заболеваниям в среде переселенцев (Furnham A., Bochner S., 1986). В кросскультурной психологии существует ряд концепций, или теорий, так называемых традиционных и современных, которые пытаются объяснить связь между миграцией и психическим здоровьем (Лебедева Н. М., 1999).

В русле работ, посвященных исследованию «культурного шока», также возникло предположение, что одним из наиболее существенных факторов, влияющих на адаптацию к иной культуре, являются

культурные различия между культурой страны выхода и культурой страны поселения мигрантов. Исследователи психологической адаптации приняли концепцию культурной дистанции для анализа количества дистрессов, испытываемых иностранными студентами. Английский психолог И. Бабикер предположил, что степень одиночества в новой культуре и сопутствующих ему дистрессов была функцией культурной дистанции между культурой страны выхода и культурой страны, в которой обучались иностранные студенты. Им была создана шкала для измерения индекса культурной дистанции (CDI), с помощью которой дается прямая, объективная оценка несоответствия между двумя культурами, которое может и не сопровождаться субъективным восприятием этих различий. Установлено, что приезжие из стран с более «далекой» культурой испытывали большие трудности в сфере формального общения, близких отношений и в установлении контакта. В согласии с моделью культурного научения авторы пришли к выводу, что данные трудности следуют в основном из отсутствия у иностранных студентов соответствующих социальных навыков, с помощью которых преодолеваются трудности специфических социальных ситуаций (Furnham A., Bochner S., 1986).

В последнее время многие исследователи отдают преимущество теории тренинга социальных навыков, которая рассматривает «перемещение» в иную культуру как ситуацию, в которой прежние навыки социального взаимодействия бессильны. В такой ситуации человек нуждается в овладении подобными навыками новой культуры, в чем ему может помочь специально организованный тренинг. Этому пониманию способствовала появившаяся одновременно с концепцией «культурного шока» концепция U-образной кривой приспособления, или идея, что переселенцы в иную культурную среду проходят через три основных стадии: начальная стадия приподнятости и оптимизма, за ней следует период фрустрации и депрессии, сменяемый постепенно чувством соответствия и удовлетворения.

Многие исследователи указывают на связь между адаптацией к культуре и личностным ростом. Было высказано предположение, что люди, которые ощущают себя комфортно более чем в одной культуре, интеллектуально и эмоционально больше удовлетворены жизнью, чем монокультурные индивиды. Кроме того, многими экспериментами подтверждается, что дети, перемещенные в насыщенную, сложную и изменчивую среду, впоследствии лучше выполняют целый ряд интеллектуальных и когнитивных задач, чем дети, выросшие в однообразной и сенсорно ограниченной среде. Изучение детей-билингвов показало, что они значительно лучше, чем моноязычные дети, выполняют разные когнитивные задачи. Существует предположение о связи между этноцентризмом и одноязычием. Также считается, что опытные и умелые в культурных контактах личности имеют в своем арсенале больший ранг возможностей преодоления жизненных проблем, т. е. это способствует повышению адаптивных возможностей индивида. Из этого С. Бочнер делает вывод, что индивиды, овладевшие навыками многих культур, являются представителями человечества в будущем, так как благодаря возрастанию количества кросскультурных контактов мир продолжает «сжиматься» (Furnham A., Bochntr S., 1986).

На основе модели «культурного научения», было предложено пять типов программ кросскультурной ориентации (Brislin R. W., 1979):

1) тренинг самосознания, в котором личность познает культурные основания собственного поведения;

2) когнитивный тренинг, в котором людям дается информация о другой культуре;

3) тренинг атрибуции, который учит давать характеристики ситуациям, объясняющим социальное поведение с точки зрения другой культуры;

4) поведенческий тренинг;

5) обучение практическим навыкам.

Аккультурация — феномен, появляющийся тогда, когда группы индивидов из разных культур вступают в непосредственный и продолжительный контакт, последствиями которого являются изменения элементов оригинальной культуры одной или обеих групп (Berry J., 1990). С начала 1990-х годов более предпочитаемой и адекватной моделью изучения психологической адаптации мигрантов (по сравнению с господствовавшей в 70-80-х годах. XX в. моделью «культурного шока») считается так называемый «стресс аккультурации» (Berry J., 1990). Данная модель описывает ситуацию, когда люди, адаптируясь в иной культуре, не могут с легкостью изменить свой поведенческий репертуар, и у них появляется серьезный конфликт в процессе аккультурации. Преимущества этой модели: а) связь с психологическими моделями стресса; б) термин «шок» подразумевает негативный опыт, а в стрессе доступны и другие психологические процессы (оценка проблемы и стратегии преодоления стресса); в) источники возникших проблем лежат не в культуре, а в межкультурном взаимодействии (в процессе аккультурации).

Согласно теории аккультурации, разработанной Дж. Берри, этот процесс связан с двумя основными проблемами: поддержание культуры (в какой степени признается важность сохранения культурной идентичности) и участие в межкультурных контактах (в какой степени следует включаться в иную культуру или оставаться среди «своих»). В зависимости от комбинации ответов на эти два важнейших вопроса выделяют четыре основных стратегии аккультурации: ассимиляция, сепарация, маргинализация и интеграция (Berry J., 1990).

Ассимиляция — вариант аккультурации, при котором эмигрант полностью идентифицируется с новой культурой и отрицает культуру этнического меньшинства, к которому принадлежит. Сепарация означает, что представители этнического меньшинства отрицают культуру большинства и сохраняют свои этнические особенности. Если мигрант не идентифицирует себя ни с культурой этнического большинства, ни с культурой этнического меньшинства, то результатом является этнокультурная маргинализация. Это может быть следствием отсутствия возможности (или интереса) поддержания культурной идентичности (часто из-за вынужденных или навязанных культурных потерь) и отсутствия желания установления отношений с окружающим обществом (из-за отвержения доминирующей культурой или дискриминации). Интеграция характеризуется идентификацией как со старой, так и с новой культурами.

В более ранних исследованиях считалось, что лучший вариант культурной адаптации — ассимиляция с доминирующей культурой. В соответствии с современным взглядом на данную проблему более реальным и более успешным для этнических меньшинств является бикультурализм, достигаемый в процессе интеграции. При этом сохранение этнической идентичности, долгое время рассматриваемое как дисфункциональное, на самом деле может играть позитивную роль по уменьшению культурного шока для недобровольных мигрантов и поддержания позитивной самоидентификации (Berry J. et al., 199.2). Предполагается, что недоминантные группы и их члены свободны в выборе стратегии аккультурации, но это не всегда так. Маргинализация редко является результатом свободного выбора индивидов, чаще они становятся маргиналами в результате попыток насильственной ассимиляции («давящий пресс») в сочетании с насильственным отторжением (сегрегацией). Только интеграция может быть добровольно выбранной и успешной стратегией аккультурации у групп этнических меньшинств, когда основные установки доминирующей группы по отношению к культурным различиям — открытость и принятие. Для достижения интеграции требуется взаимное приспособление, включающее в себя принятие обеими группами права всех этнических групп жить как культурно различные народы. Эта стратегия требует от недоминантной группы адаптации к основным ценностям доминирующего общества, а доминирующее большинство должно быть готово адаптировать свои социальные институты к потребностям всех этнических групп мультикультурного общества. Выборы стратегий аккультурации, как и установки на них, могут широко варьировать.

В современной литературе по аккультурации проводится разделение между социокультурной и психологической адаптацией как конечными результатами долговременной аккультурации. В настоящее время введен третий вариант адаптации — экономическая адаптация. Она характеризуется наличием или отсутствием работы, удовлетворенностью ею, уровнем профессиональных достижений и благосостояния в новой культуре. Психологическая адаптация (определяемая психологической удовлетворенностью и хорошим физиологическим самочувствием) и социокультурная адаптация (то, как индивиды преодолевают трудности повседневной жизни в новом культурном контексте) эмпирически взаимосвязаны (коэффициент корреляции 0,4-0,5). Анализ факторов, влияющих на адаптацию, выявил их взаимную дополнительность: хорошая психологическая адаптация зависит от личностных переменных, событий жизни и социальной поддержки, а хорошая социокультурная адаптация зависит от знания культуры, степени включенности в контакты и межгрупповых установок. Оба аспекта адаптации обычно зависят от успешной убежденности в преимуществах стратегии интеграции и минимальной культурной дистанции.

Конечный результат аккультурации — достигнутая долговременная адаптация, которая характеризуется относительно стабильными изменениями в индивидуальном или групповом сознании в ответ на требования среды. Адаптация может и не привести к взаимному соответствию индивидов и среды, она может включать в себя не только приспособление, но и сопротивление и попытки изменить свою среду или измениться взаимно. В этом смысле адаптация — не обязательно позитивный результат; в современных подходах используется биполярный смысл понятия адаптации: она может быть крайне разнообразна и представляет собой определенный континуум от позитивных значений к негативным: от ситуации, в которой индивиды справляются со своей новой жизнью очень успешно, до той, в которой

они не способны вписаться в новое общество.

Последствия межкультурных контактов. Основным результатом массовых этнических миграций становятся межэтнические (межкультурные) контакты на групповом уровне, когда этнические мигранты вступают в более или менее длительное межкультурное взаимодействие с представителями доминирующей культуры. Последствия межэтнических контактов на групповом уровне могут быть представлены в виде четырех максимально общих и взаимоисключающих категорий, данных в исторической перспективе: геноцид, ассимиляция, сегрегация и интеграция.

Геноцид — это ситуация, когда одна этническая или культурная группа, обычно численно доминирующая или обладающая превосходящими технологическими ресурсами, уничтожает членов другой этнической (или культурной) группы, с которыми она вступает в контакт. В оправдание обычно выдвигается тезис о расовой, этнической или психической неполноценности группы, подвергающейся уничтожению. Это часто случалось в истории в результате так называемых «великих завоеваний». В настоящее время геноцид может возникать как результат или следствие мировых и локальных войн, конфликтов. В психологическом плане геноцид — это выражение предельной нетерпимости к иному образу жизни, другой «картине мира» (этнической или культурной) вплоть до физического уничтожения ее носителей. В основе подобной нетерпимости кроется отсутствие уверенности в позитивности образа «мы», которое, в результате действия механизмов психологической защиты, ведет к ненависти и агрессии против других. Данная агрессия, благодаря действию психологического механизма каузальной атрибуции (приписывания причин) в сознании ее носителей, объясняется «благородными мотивами» и, таким образом, получает статус легитимности на период ее активного проявления.

Ассимиляция — термин, используемый для описания поглощения одной культуры другой. Это происходит, когда этнокультурная группа добровольно или вынужденно адаптируется к обычаям, ценностям, жизненным стилям доминирующей культуры. После нескольких поколений такой ассимиляции члены группы меньшинства имеют тенденцию становиться культурно и даже физически неотличимыми от коренных жителей, что приводит к фактическому исчезновению этнической культуры меньшинства. Принуждение к ассимиляции может привести к чувствам неполноценности, самоуничижения и даже ненависти к себе у представителей этнического меньшинства. В психологическом плане ассимиляция — это проявление более «мягкого» варианта нетерпимости к иной культуре, когда ее представители «принуждаются» жить по меркам доминирующей этнической культуры. Здесь работает тот же психологический механизм неприятия другой «картины мира», которая несет в себе угрозу сомнения в правильности и универсальности твоей собственной «картины мира», угрозу позитивности образа «мы», поэтому всех «других» нужно сделать «своими». Добровольная ассимиляция, цель которой — выжить среди «других», — это стремление психологически защититься от возможной агрессии путем вхождения в более массовое и сильное «мы», тем самым усиливая его позитивный образ.

Сегрегация — пример изолированного, независимого существования этнических культур. Внутри одного общества сегрегация может происходить или по воле доминирующего большинства, добивающегося отстранения определенных групп меньшинств от ключевых позиций; или исходить от самих групп меньшинств, активно добивающихся отдельного положения, культурной независимости, национальных школ, земельных владений или других форм собственности на основе этнической принадлежности, санкций против межнациональных браков и т. д. (самосегрегация). На межгосударственном уровне это означает стремление групп к изоляции друг от друга. С психологической точки зрения сегрегация представляет собой больший прогресс в плане межкультурного взаимодействия. Этнокультурные группы психологически «допускают» существование других культурных и этнических групп, с иным, свойственным им видением мира, но как бы «на расстоянии». Это психологическое расстояние необходимо им для сохранения позитивного образа «мы», сомнения в котором не возникают благодаря искусственному удалению других «картин мира».

Все вышеперечисленные варианты «решают» проблему контакта между культурно различными народами либо путем уничтожения людей, отличных от них (геноцид), либо путем уничтожения отличающейся культуры (ассимиляция), либо посредством уничтожения контактов с иными культурами (сегрегация). Другими словами, эти «решения» имеют целью разрушить трудности межкультурного контакта (психологического, и более того, духовного плана) путем уничтожения самого факта этого контакта. Между тем проблемы межкультурных отношений могут быть разрешены только тогда,

считают А. Фэрнхем и С. Бочнер, когда будет общепризнано, что человеческие группы имеют право сохранять свои культурные особенности, если они этого желают. Данный принцип должен лежать как в основе отношений между государствами, так и в основе отношений культурно различных групп внутри одного общества. Модель подобного контакта основана на принципе интеграции и описывает структуру культурно-совместимого общества.

Интеграция — такой принцип совместимости, когда разные группы сохраняют свои, присущие им культурные индивидуальности, хотя в то же время объединяются в единое общество на другом, равно значимом для них основании. В психологическом плане это — наиболее позитивный вид межкультурного взаимодействия, в котором члены этнических (культурных) групп полностью справляются с трудностями принятия другого образа жизни, другой «картины мира» и даже находят положительные моменты в такой разности и подобном взаимном существовании. Примеры интеграции в таком понимании достаточно редки, так как, на наш взгляд, человечество только подходит к признанию права различных культурных групп сохранять свою индивидуальность и к возможности научиться воспринимать данный факт без чувства личной ущемленности, что сплошь и рядом присутствует в межэтнических контактах.

В результатах групповых межкультурных контактов: геноциде, ассимиляции, сегрегации и интеграции можно увидеть единую последовательную линию, показывающую, как люди постепенно «учились» уживаться с непохожими на них людьми, как от полной нетерпимости к культурным различиям совершался переход ко все более сложным и толерантным формам взаимодействия. Социальной и кросскультурной психологии еще предстоит понять, что обеспечивает полноценный контакт культур, не приводящий к ущербу ни одной из них. Но некоторые факторы, способствующие такому контакту, уже известны. В исследованиях Д. Берри и М. Плизента, посвященных проблеме этнической толерантности в многонациональных обществах, установлено, что уверенность в своей собственной позитивной групповой идентичности может дать основание для уважения других групп. Для понимания и «принятия» других надо уважать собственную культуру, быть уверенным в ее ценном и позитивном значении и чаще вступать в контакты с другими, отличными от нее культурами — таковы известные нам на сегодняшний день составляющие формулы межкультурной толерантности.

Как показывает мировой опыт, не может быть иной успешной стратегии аккультурации иноэтничного населения, чем интеграция, т. е. тенденция сохранения собственной культурной принадлежности наряду с тенденцией овладения культурой «титульного» этноса. В этом случае единственная идеология и политика доминирующего общества — мультикультурализм, т. е. позитивное отношение к наличию в обществе различных этнокультурных групп и добровольная адаптация социальных институтов общества к потребностям разных культурных групп. Международный опыт существования полиэтнических обществ предлагает такое развитие национальной политики, которое не требует от нетитульного населения вынужденных культурных потерь (ассимиляция), не способствует образованию гетто (сегрегация). При этом в школьном образовании и социальном законодательстве таких обществ должны подчеркиваться выгоды плюрализма, а представление о непомерно дорогой социальной и личностной цене этнических предубеждений и дискриминации должно быть сформировано у каждого гражданина. В продвижении к этим целям может помочь психологическое изучение отношений к разным этнокультурным группам и установок на мультикультурализм у граждан полиэтнических обществ. Навстречу культурному разнообразию должны идти и изменения в социальных институтах (в сфере политики, образования, здоровья и др.). На индивидуальном уровне нетитульное население необходимо информировать о выгодах поддержания своей культуры (прежде всего это — психологическая защита и социальная поддержка). Это может распространяться путем взаимодействия этнокультурных общин и таким образом способствовать уменьшению стресса, связанного с ассимиляцией. С другой стороны, участие представителей этнических меньшинств в работе государственных институтов в желаемой мере (в сфере образования, службах занятости, сфере законодательства) может уменьшить стрессы сепарации и информировать об опасностях маргинализации (в случае отсутствия идентификации с собственной культурой и культурой доминирующего общества).

Наиболее важный акцент необходимо делать на том, что аккультурация означает взаимное приспособление (т. е. интеграцию). Здесь очевидны уступки с обеих сторон: для доминирующего общества — в изменении школьного образования и государственных служб, а для аккультурирующихся групп — в утрате элементов собственной культуры, которые ценны, но не адаптивны. Несмотря на видимые сложности этого взаимного движения навстречу друг другу, потери от другой (не

направленной на интеграцию) политики намного больше, особенно в случае сегрегации и маргинализации. Необходимо, чтобы члены полиэтнических обществ понимали и принимали выгоды культурного разнообразия, которое является одной из «красок жизни», способствует здоровой конкуренции и повышает способность общества к адаптации. Это значит, что социальной системе, когда она встречается с изменяющимися условиями в результате экологических или политических катаклизмов, становятся доступны альтернативные способы жизни.

Мир стоит перед серьезной дилеммой: развиваться по принципу «открытого» общества или разделяться по признаку этнической или культурной близости-отдаленности. Обе эти тенденции важны для успешного развития, суть дела — в их разумной гармонии и сочетании. Критерием в их предпочтении должна выступать личность: каждому гражданину страны, вне зависимости от его этнической или религиозной принадлежности, должна быть гарантирована возможность полноценного развития. В контексте нашего динамичного времени это значит, что человека в попытке обретения новой социальной идентичности взамен утраченной не будут вынуждать отказываться от своей этнической или гражданской принадлежности. Сохранение этих важнейших составляющих позитивной социальной идентичности — залог этнической толерантности, а значит, гарантия социального и этнического мира.

Вопросы для повторения

1. Каковы основные различия понятий «базовая личность» и «модальная личность»?
2. Существует ли связь между культурой и типом национального характера?
3. Каковы основные отличия между социальной и личной идентичностью в кросскультурном преломлении?
4. Какие культурные измерения влияют на поддержание «своего» и «чужого» «лица»?
5. В чем суть модели Триандиса о связи культуры и общения?
6. От каких культурных особенностей зависит предпочтение норм равенства и справедливости?
7. В чем может крыться причина «слабого» правового сознания в некоторых культурах? Всегда ли совпадают правовые и моральные нормы?
8. Каковы основные отличия культурных правил от норм?
9. Какие особенности культуры влияют на выбор стилей вербальной коммуникации?
10. Что такое проксемика и как она подвержена влиянию культуры?
11. Какие ценности культуры отражает высокая и низкая потребность в тактильном взаимодействии?
12. Как может быть достигнута межличностная синхронность в межкультурном общении?
13. Каковы основные психологические проблемы этнических миграций?
14. В чем состоит гипотеза «культурного шока»?
15. Каковы основные отличия модели «стресса аккультурации» от гипотезы «культурного шока»?
16. Какие основные стратегии аккультурации предложены Д. Берри? В чем их особенности?
17. От чего зависит успешность социокультурной и психологической адаптации мигрантов?
18. Какие последствия межкультурных контактов вы знаете и чем они отличаются друг от друга?
19. На чем основана идеология мультикультурализма и в чем ее преимущества?

Рекомендуемая литература

Братусь Б. С. Психология. Нравственность.Культура. — М.: Изд-во МГУ, 1994.

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. — М.: Наука, 1983.

Егорова А.И. Исследование полоролевых стереотипов народа саха // Этническая психология и общество. - М., 1997. - С.183-190.

Знаков В.В. Понимание правды и лжи в русской историко-культурной традиции. // Этническая психология и общество. - М., 1997. - С. 119-126.

Касьянова К. О русском национальном характере. — М., 1994.

Кон И. С. К проблеме национального характера // История и психология: Сб. стат. — М.: Наука, 1971.

Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. — М., 1977.

Лосский Н. О. Характер русского народа. — Париж, 1957.

Фромм Э. Бегство от свободы. — М., 1989.

Argyle M. Intercultural communication // Cultures in Contact: Studies in Cross-Cultural Interaction. —

Oxford, 1982.
Babiker I. E. et al. The measurement of culture distance // Social Psychiatry. - 1980. - V. 15. - P. 101-116.
Bock Ph. Continuties in Psychological Anthropology. — San-Francisco, 1980.
Brislin R.W. Orientation programs for cross-cultural preparation // Perspectives on Cross-cultural Psychology. — N. Y.,1979.
Gudykunst W. et al., Culture and interpersonal communication. — Beverly Hills, 1988.
Furnham A., Bochner S. Culture Shock: Psychological reactions to unfamiliar environments, — L.& N.Y.. 1986.
Kaplan B.(Ed.) Studying personality cross-culturally. — N; Y.,1961.
Le-Vine R. A., Campbell D. T. Ethnocentrism: theories ofconflict, ethnic attitudes and group behavior. — N. Y., 1972.
Matsumoto D. Culture and Psychology. — N. Y., 1996.
Tajfel H. Social identity and intergroup relations. — N. Y., 1982.
Triandis H.C. Psychology and culture // Annual Review of Psychology. — 1973. — V. 24.
Triandis H.C. Culture and social behavior. - N.Y., 1994.

ЧАСТЬ VIII. ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Глава 33. Основы юридической психологии

Краткое содержание главы

Методологические основы юридической психологии. Принципы системного анализа в юридической психологии. Объект изучения юридической психологии и психологии юридического труда. Методологические принципы юридической психологии. Этапы психологического исследования правоохранительной деятельности.

Задачи юридической психологии. Психологическая культура юриста. Профессиональная деформация. Развитие профессиональных качеств.

Предмет и система юридической психологии. Структура юридической психологии. Общая и особенная части юридической психологии. История развития и современное состояние юридической психологии.

Перспективы развития юридической психологии. Профессиографическое направление. Следственно-психологическое направление. Использование психолога в процессе раскрытия преступлений.

33.1. Методологические основы юридической психологии

Юридическая психология — это научная дисциплина, в центре внимания которой находятся проблемы согласования человека и права как элементов единой системы. Успешному развитию юридической психологии способствует системный подход.

Юридическая психология включает в себя различные области научных знаний, является прикладной наукой и в равной мере принадлежит как психологии, так и юриспруденции. В области общественных отношений, регулируемых нормами права, психическая деятельность людей приобретает своеобразные черты, которые обусловлены спецификой человеческой деятельности в сфере правового регулирования.

Являясь активным членом общества, человек совершает поступки, которые подчиняются определенным правилам. Эти правила, обязательные для какого-то конкретного множества людей, называются нормами поведения, которые устанавливаются самими людьми в интересах либо всего общества, либо отдельных групп и классов.

Все нормы поведения обычно делят на технические и социальные. Первые регулируют деятельность человека по использованию природных ресурсов (нормы расхода топлива, электроэнергии, воды и т. п.) и орудий труда. Социальные нормы регулируют человеческие действия в отношениях между людьми и включают в себя обычаи, мораль и право. Все социальные нормы, исходя из принятых в обществе оценок, требуют либо воздержания от определенных поступков, либо совершения каких-то активных действий.

Методологическая особенность юридической психологии состоит в том, что центр тяжести в познании переносится на личность как субъект деятельности. Таким образом, если право в первую очередь выделяет в человеке правонарушителя, то юридическая психология исследует человека в правонарушителе, свидетеле, потерпевшем и т. п.

Для юридической психологии характерно системное исследование процесса деятельности во взаимосвязи со структурой личности и системой правовых норм. Только системный метод позволяет достаточно глубоко проанализировать взаимодействие этих структур и выявить основные психологические закономерности такого взаимодействия, дать достаточно полное описание процесса с учетом всех его элементов.

Для юридической психологии продуктивно применение одного из принципов системного анализа — иерархии систем, — суть которого заключается в том, что любая система рассматривается как часть другой, более широкой системы, а ее элементы — как самостоятельные системы. Этот принцип позволяет, с одной стороны, акцентировать внимание на многоуровневой организации изучаемой действительности, а с другой стороны, представляет возможность сосредоточить исследование на определенном качественно своеобразном явлении.

Представляет интерес высказывание М. Ф. Орзиха: «"Поведенческая" проблематика правоведения должна разрабатываться в свете теории социально-правовой активности личности. Это обеспечивает возможность не только определения действенности правовых средств, степени достижения целей законодателя, но дает более полное представление о личности как деятеле, субъекте правовой деятельности, о механизме правового воздействия на личность, социальном и личностном потенциале права и эффективности его социального действия на различных стадиях развертывания правовой активности (в процессе принятия решения, осуществления правового действия, его правовой оценки). На этой основе возможно теоретическое и конкретно-социологическое изучение интенсивности правовой деятельности личности, определение ее меры, степени в условиях демократического политико-правового режима, разработка рекомендаций по интенсификации этой деятельности» (Орзих М. Ф., 1975. С. 48).

Функция и назначение отдельных частей могут быть поняты только в контексте целого. Психология пошла преимущественно по пути дифференциации целого, анализа частей и их связей друг с другом.

Объектом изучения юридической психологии и психологии юридического труда является человек как субъект правоохранительной деятельности и участник правоотношений. В этом аспекте человека изучают юриспруденция, философия, психология и ряд других наук. Задача юридической психологии — в первую очередь исследовать и установить психологические закономерности деятельности и личности человека в области правового регулирования и разработать практические рекомендации по повышению эффективности правоприменительной деятельности

Методология этой дисциплины отличается тем, что личность изучается в динамике правонарушения, в процессе его реконструкции по материалам следственного и судебного дела. Это дает уникальную возможность познания целого ряда психических закономерностей, наблюдать и исследовать которые в иных условиях невозможно или крайне затруднительно (действие человека, когда его жизни угрожает смертельная опасность, в аварийных ситуациях, в криминогенных конфликтах и т. п.). Это обстоятельство позволяет широко использовать данные юридической психологии в смежных психологических дисциплинах.

Одним из методологических принципов юридической психологии является личностный подход. Юридическая психология всегда имеет объектом исследования личность, поскольку именно к ней адресована система правовых норм. Это позволяет построить структуру личности и выделить такие ее элементы, которые являются значимыми в криминогенных ситуациях, в различных сторонах правоохранительной деятельности, при разработке стратегии ресоциализации правонарушителей и т. д.

Одна из важных задач юридической психологии — выделение внутренних личностных предпосылок, которые во взаимодействии с определенными внешними факторами могут создать для данной личности криминогенную ситуацию, т. е. выделение криминогенных личностных качеств и

предпосылок.

В этой связи особую ценность приобретает развитие ведущей в отечественной науке общепсихологической теории деятельности (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, А. В. Запорожец и др.).

Деятельность — одна из основных психологических категорий. Однако общепризнанного ее определения не существует.

С. Л. Рубинштейн отмечает органическую связь между деятельностью и сознанием человека. По его мнению, деятельность — это «процесс, посредством которого реализуется то или иное отношение человека к окружающему его миру — другим людям, к задачам, которые ставит перед ним жизнь» (Рубинштейн С. Л., 1957. С. 256).

Любая деятельность включает цель, условия, в которых она дана, способы и средства ее достижения, мотив, ради которого человек стремится к достижению определенной цели и который сам выступает в качестве отдаленно высшей цели, и, наконец, результат деятельности. Личность человека характеризуется прежде всего теми основными, кардинальными целями, которые являются смыслом жизни человека и движущими силами его деятельности, поведения. Основные цели интегрируют личность. Известно, что еще У. Джемс определил личность как «борца за цели». Личность, действительно, реально существует лишь в процессе достижения целей, выработки планов деятельности, поисков способов их осуществления, оценки результатов и т. п. Перефразируя известное положение С. Л. Рубинштейна, можно сказать, что основным способом существования личности является процесс, деятельность.

А. Н. Леонтьев считал, что содержание деятельности — это «единица жизни, опосредованной психическим отражением, реальная функция которого состоит в том, что ориентирует субъекта в предметном мире» (Леонтьев А. Н., 1972).

К. К. Платонов дает следующее определение: «Человеческая деятельность или, что является синонимом, сознательная деятельность — это такая форма взаимосвязи со средой, в которой человек осуществляет сознательно поставленную цель... Структура любой деятельности может быть уложена в такую общую схему: цель—мотив—способ—результат» (Платонов К. К., 1972. С. 150-151).

Исследование сложной, многоцелевой интеллектуальной деятельности (например, юридической) возможно только с включением в процесс исследования самого деятеля, его личности, и результаты таких исследований дают возможность решить наиболее актуальные вопросы системы психологии юридического труда. На первоначальном этапе таких исследований важно сосредоточить внимание на наиболее типических сторонах правоохранительной деятельности. Познание психологических закономерностей деятельности этой профессии создает предпосылки для выявления закономерностей, характерных для юридической деятельности вообще и правоохранительной деятельности в частности.

Примером реализации системного метода в психологии юридического труда может служить профессиограмма, которая представляет собой сложную иерархическую структуру. Каждая из шести сторон профессиограммы отражает, во-первых, определенный цикл профессиональной деятельности, а во-вторых, в ней реализуются личностные качества, навыки, умения, а также знания, которые обеспечивают профессиональный успех на этом уровне деятельности (Васильев В. Л., 2000).

Исследование интегральной индивидуальности (например, личности следователя) осуществляется на основе системного подхода. Одно из главных методологических требований этого подхода заключается в том, что характеристика системы в целом требует иных понятий, чем характеристика отдельных иерархических уровней. Системный подход требует установления многомерных связей между множеством различных показателей, а кривые регрессии (корреляции) отражают связи лишь между двумя параметрами. В этой связи представляет интерес высказывание В. С. Мерлина, что «если психолог выжал из человека сто графиков, это отнюдь не значит, что он познал его индивидуальность» (Мерлин В. С., 1978. С. 17).

На следующем этапе психологического исследования правоохранительной деятельности основной целью должен быть переход от анализа отдельных сторон этой деятельности к построению системы, которая отражала бы все стороны деятельности в их динамике и иерархической зависимости. Дополняя системно-структурный подход принципом иерархии, мы разделяем точку зрения К. К. Платонова, который рассматривает все психические феномены как ступени иерархической лестницы, у которой низшие структуры подчинены (субординированы) высшим, а высшие, включая в себя низшие и опираясь на них, не сводятся к их сумме, так как переходы от ступени к ступени осуществляются как скачки на основе появления новых системных качеств. Окончательной целью такого исследования

должно быть построение динамической иерархической системы «личность-деятельность», например «личность следователя — следственная деятельность».

Психические состояния так же, как и устойчивые особенности характера и личности потерпевшего, правонарушителя, свидетеля, развиваются и протекают не иначе, как подчиняясь общепсихологическим и психофизиологическим законам. Специфика предмета юридической психологии заключается в своеобразии видения этих состояний, в исследовании их правового значения в процессе установления истины, в поисках научно обоснованных методов снижения возможности нарушения правовых норм путем психологической коррекции этих состояний, равно как и свойств личности правонарушителей.

Следователь, производя предварительное следствие, и суд, разбирая дело в судебном заседании, выясняют сложные переплетения человеческих взаимоотношений, порой трудно поддающиеся учету психологические качества людей, мотивы, по которым человек совершил преступление. Так, в делах об убийстве, о доведении до самоубийства, об умышленном нанесении тяжких телесных повреждений, о хулиганстве, о кражах рассматриваются, по существу, психологические вопросы — корысти и мести, коварства и жестокости, любви и ревности и др. При этом судьи, прокуроры, следователи, работники органов дознания имеют дело не только с преступниками, но и с самыми различными людьми, выступающими в качестве свидетелей, потерпевших, экспертов, понятых. Личность каждого из них сложилась в определенных условиях общественной жизни, индивидуален стиль их мышления, неодинаковы их характеры, своеобразны их отношения к самим себе, к окружающему миру.

Точное представление о том, почему мы поступаем так, а не иначе, дает нам возможность лучше понять свою жизнь и более сознательно строить ее. Судья и следователь, прокурор и защитник, администратор и воспитатель исправительных колоний должны быть вооружены психологическими знаниями, позволяющими правильно ориентироваться в сложных и запутанных отношениях и конфликтах, в которых им приходится разбираться. Бесспорно, что значение психологической науки необходимо каждому, кто имеет дело с людьми, кто признан воздействовать на них, воспитывать их. Наука о психической жизни и деятельности человека, изучающая такие процессы, как ощущение и восприятие, память и мышление, чувства и воля, свойства личности с такими индивидуальными особенностями, как темперамент, характер, склонности, не может не иметь самого прямого отношения к раскрытию и расследованию преступлений, рассмотрению дел в суде.

33.2. Задачи юридической психологии

В значительной степени задачи юридической психологии определяются потребностями в совершенствовании практической деятельности органов правосудия.

Работники следствия и суда, повседневно сталкиваясь с разнообразными проявлениями психики подследственного, потерпевшего, свидетеля, конечно, стараются разобраться в сложностях их душевного мира с тем, чтобы правильно понять его и должным образом оценить. Особенность самой профессии следователя, прокурора и судьи состоит в том, что она постепенно формирует определенные знания о человеческой психике, заставляя оперировать положениями практической психологии и быть в какой-то мере осведомленным в этой области. Однако объем и качество интуитивных знаний не могут выйти за рамки индивидуального опыта и личных данных того или иного работника. Кроме того, такие эмпирические знания о душевном мире человека, приобретаемые от случая к случаю, бессистемны, и поэтому они не могут удовлетворять все возрастающие требования жизни. Для наиболее объективного и квалифицированного решения множества вопросов, постоянно возникающих перед судебно-следственными работниками, наряду с юридической и общей эрудицией, профессиональным опытом требуются также и научные психологические знания.

Занимаясь исследованием теневых сторон жизни, иногда в самых отталкивающих ее проявлениях, следователи и судьи должны уметь сохранить личную невосприимчивость (иммунитет) к отрицательным влияниям и избежать нежелательного искажения личности, так называемой профессиональной деформации (подозрительность, самоуверенность, обвинительный уклон и т. п.). Особенности труда этих работников делают необходимой морально-психологическую закалку, так как они связаны со значительным напряжением умственных и моральных сил.

Психологическая культура юриста включает: комплекс общепсихологических знаний, в особенности в области психологии личности и деятельности, знание психологии юридического труда и психологических характеристик отдельных юридических профессий, навыки и приемы использования

этих знаний в профессиональных ситуациях в процессе общения.

Юристам необходимо уметь рационально распределять свои силы и способности, чтобы сохранить результативность труда на протяжении всего рабочего дня, владеть профессиональными психологическими качествами, чтобы при наименьшей затрате нервной энергии получать оптимальные доказательственные данные. В последовательном развитии таких профессиональных качеств, как гибкость ума и характера, острая наблюдательность и цепкая память, самообладание и выдержка, принципиальность и справедливость, организованность и самостоятельность, большое значение имеют рекомендации психологической науки, которая указывает верные пути и средства их формирования. Наряду с этим дальнейшее повышение эффективности труда судебно-следственных работников требует всесторонней, глубокой разработки психологических основ криминалистической тактики, а также психологии других участников уголовного судопроизводства (обвиняемого, потерпевшего, свидетеля и др.). Психологическая компетентность судебно-следственных работников помогает предотвратить чреватые тяжелыми последствиями ошибки, которые могут возникнуть при суждении о человеческих поступках вследствие недоучета психологических моментов.

33.3. Предмет и система юридической психологии

Юридическая психология — научно-практическая дисциплина, которая изучает психологические закономерности системы «человек—право» и разрабатывает рекомендации, направленные на повышение эффективности этой системы. Психологические закономерности в рассматриваемой области проявляются в деятельности правопослушной и деятельности, связанной с теми или иными правонарушениями. Этими методологическими предпосылками, а также принципом иерархии определяется структура юридической психологии, в которой последовательно анализируются психологические закономерности в сфере правопослушного поведения и в сфере социальной патологии (рис. 33-1).

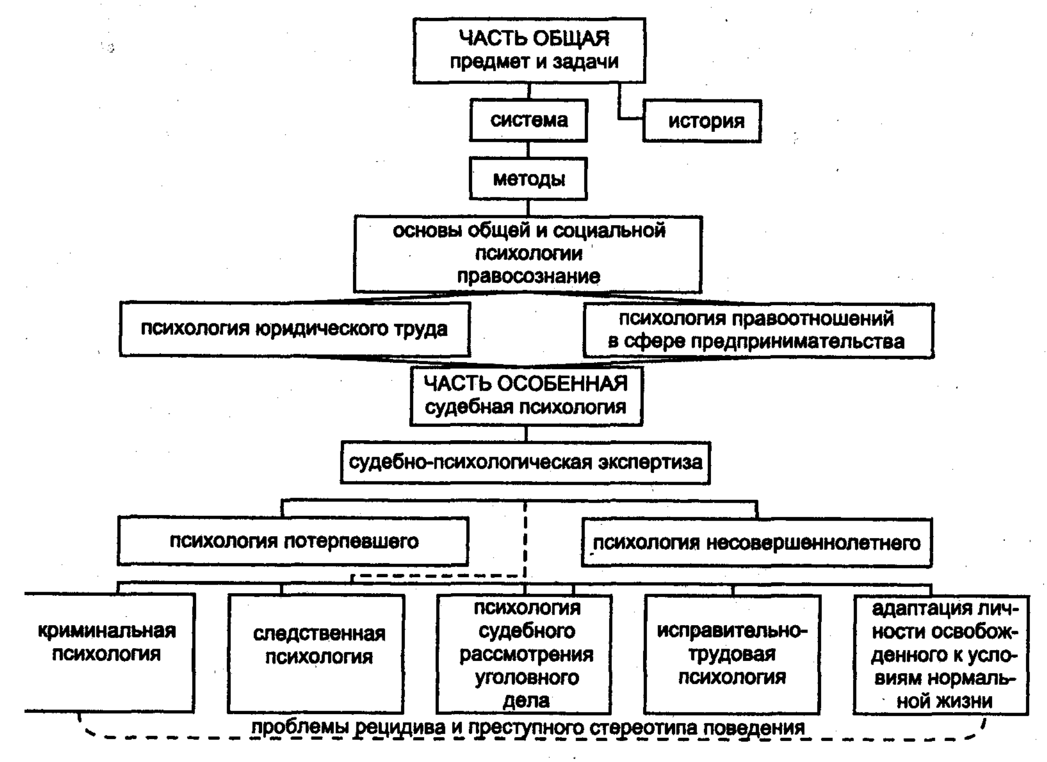

Рис. 33-1. Структура юридической психологии

Юридическая психология —научно-практическая дисциплина,которая изучает психологические закономерности системы «человек—право» и разрабатывает рекомендации, направленные на повышение эффективности этой системы.

В общей части юридической психологии излагаются предмет, система, история, методы, связь с другими научными дисциплинами, а также основы общей и социальной психологии. В этой части также рассматриваются психологические аспекты правоотношений в сфере предпринимательской

деятельности. К общей части принадлежит также самостоятельная научная дисциплина — «Психология юридического труда», в которой в частности рассматриваются проблемы психологического сопровождения деятельности правоведа и предупреждения профессиональной деформации.

Особенная часть юридической психологии, которую часто называют судебной психологией, состоит из следующих разделов: криминальная психология, психология потерпевшего, психология правонарушений несовершеннолетних, следственная психология, психология судебного процесса, судебно-психологическая экспертиза и исправительно-трудовая (пенитенциарная)психология.

Юридическая психология — самостоятельная психологическая дисциплина, изучающая человека во всей полноте. С другой стороны, в этой научной дисциплине ярко выражены юридические аспекты, которые обусловливают комплекс объективных закономерностей, изучаемых данной дисциплиной. Она разрабатывает психологические основы:

1) правопослушного поведения (правосознание, мораль, общественное мнение, социальные стереотипы);

2) преступного поведения (структура личности преступника, преступный стереотип, структура преступной группы, криминогенная ситуация, структура личности потерпевшего и их роль в генезисе преступного поведения);

3) правоохранительной деятельности (профилактика правонарушений, следственная психология, психология судебного процесса, судебно-психологическая экспертиза);

4) ресоциализации правонарушителей (пенитенциарная психология, психология адаптации после освобождения из ИТУ);

5) психологии несовершеннолетних (психологические особенности проблем, изложенных в пунктах 1-4).

Юридическая психология решает следующие задачи:

- изучение психологических закономерностей воздействия права и правоохранительной деятельности на отдельных лиц, группы, коллективы;

- разработка научных рекомендаций по повышению эффективности правоприменительной деятельности, строгому соблюдению законности, успешному осуществлению задач правосудия и перевоспитания лиц, совершивших преступление.

Наряду с развитием криминальной психологии, психологии потерпевшего, следственной психологии и других дисциплин, входящих в структуру особенной части юридической психологии, за последние годы в нашей стране получили развитие исследования психологии юридического труда, в частности отдельных его сторон, профессиограмм юридических профессий, профессионального отбора и профессиональной ориентации в области юриспруденции.

Для оптимизации правоохранительной деятельности необходимо, с одной стороны, подробное описание всех сторон этой сложной профессиональной деятельности, личностных качеств и навыков, которые в ней реализуются, и, с другой — научно обоснованные рекомендации о соответствии конкретной человеческой личности объективным требованиям, предъявляемым к профессии юристов, о методике подбора и расстановки юридических кадров.

Психология юридического труда — самостоятельная психологическая дисциплина: комплекс основных изучаемых ею проблем связан с юридической профессиографией, профессиональной консультацией и ориентацией, профессиональным отбором и профессиональным воспитанием, специализацией и предупреждением профессиональной деформации работников правоохранительных органов, т. е. обеспечивает психологическое сопровождение правоведа на всех этапах его служебной карьеры. Однако есть целый ряд пограничных аспектов, по которым эта дисциплина входит в систему юридической психологии: например, индивидуальные особенности личности работника и их реализация в правоохранительной деятельности (индивидуальный стиль допроса), доминирование различных этапов, роль личностных качеств в достижении успеха (или неуспеха) в различных профессиональных ситуациях и т. д.

Синтез психологии и юриспруденции в научных дисциплинах—юридической психологии и психологии юридического труда — должен привести к взаимному обогащению этих наук, решению одной из наиболее актуальных задач в этой области — повышению эффективности правоохранительной деятельности.

Юридическая психология прошла сложный путь развития прежде чем оформилась в самостоятельную научную дисциплину. Ниже мы кратко остановимся на развитии юридической психологии в нашей стране в течение трех последних десятилетий.

В 1965-1966 гг. началось чтение специальных курсов юридической психологии в юридических вузах Москвы, Ленинграда, Минска и некоторых других городов. В 1966 г. Министерством высшего и среднего образования СССР был проведен Всесоюзный семинар по вопросам преподавания юридической психологии и основных проблем этой науки. В мае 1971 г. в Москве состоялась первая Всесоюзная конференция по судебной психологии. В 1971 г. в Тбилиси на IV Всесоюзном съезде психологов судебная психология была представлена отдельной секцией.

Осенью 1986 г. в Тарту (Эстония) прошла Всесоюзная конференция по юридической психологии. На этой конференции собрались и выступили с докладами и сообщениями представители всех республик и регионов Советского Союза. В этих докладах широко обсуждались проблемы методологии и структуры юридической психологии, задачи ее отдельных отраслей (криминальной психологии, психологии потерпевшего, психологии предварительного следствия и др.), а также предполагаемая структура вузовского курса этой дисциплины и методика ее преподавания.

Существенный вклад в становление и развитие юридической психологии внесли В. В. Романов и М. И. Еникеев: первый — в сфере внедрения юридической психологии в военную юстицию, а второй — в области организации преподавания этой дисциплины в московских вузах. В последние годы опубликован ряд работ по проблеме использования психолога в качестве специалиста и эксперта на предварительном и судебном следствии (Енгалычев В. Ф., Шипшин С. С., 1997; Сафуанов Ф. С., 1998; Нагаев В. В., 2000).

В июне 1989 г. в Ленинграде на базе ИПК прокурорско-следственных работников был организован Всесоюзный семинар-совещание преподавателей юридической психологии. Его участники рассмотрели и утвердили предложенную в докладе проф. В. Л. Васильева программу вузовского курса предмета «Юридическая психология». В соответствии с этой программой В. Л. Васильевым был создан учебник «Юридическая психология» (Васильев В. Л., 1991), который к настоящему времени выдержал три издания.

Для современной науки характерно совмещение двух противоположных тенденций — возрастающей дифференциации и интеграции различных наук. Возникновение специальных дисциплин объясняется, конечно, растущей дифференциацией и прогрессом аналитических методов науки. Однако в области человекознания эта тенденция переплетается с синтетическими подходами к реальным целостным или сложным видам человеческой деятельности. Поэтому специализация знаний в этой области чаще всего сочетается с комплексным объединением отдельных частных концепций в общую теорию (Ананьев Б. Г., 1977. С, 14)

Изучение генезиса правонарушений характеризуется различными подходами к этим явлениям в зависимости от научной дисциплины, поскольку структура конкретного правонарушения может быть проанализирована с разных точек зрения. Юридический подход характеризует его как деяние, состоящее из четырех элементов: объекта, субъекта, объективной и субъективной сторон. Для криминологии, социологии и психологии более продуктивен динамичный, генетический подход, позволяющий изучить поведение человека в развитии.

Идея комплексного подхода к определению предмета и задач криминальной психологии высказывалась еще в середине 1920-х годов С. В. Познышевым. «Криминальная психология, — писал он, — изучает все те психические состояния личности, которые оказывают то или иное влияние на уголовную ответственность, и предмет криминальной психологии составляет не отдельные психические процессы в возможном мысленном их обосновании, а личность в известном круге ее проявлений, относящихся к области преступления или борьбы с ним» (Познышев С. В. Криминальная психология. М,, 1926. С. 9).

Жизнеспособность любой общественной системы определяется теми условиями, которые она создает и предоставляет для самореализации большинства самодеятельного населения. Наряду с этим процессом, в любом обществе в той или иной степени также представлено манипулирование как альтернатива созидания. В этой связи для юридической психологии актуальным представляется исследование психологических аспектов генезиса возникновения и развития теневой экономики и коррупции и дальнейшее психологическое исследование этих явлений как факторов, способствующих развитию организованной преступности.

Структура теневой экономики развивается в общественном организме тем шире и многообразнее, чем меньше возможности представляется для законного предпринимательства, что, в свою очередь, связано с низким уровнем компетентности государственного аппарата и высокой степенью его коррумпированности. Фактором, поддерживающим коррупцию и теневую экономику, является

психология так называемого двойного стандарта поведения. Наконец, психологической предпосылкой развития теневой экономики и коррупции является манипулирование индивидуальным и общественным сознанием, способствующее латентности этих явлений, их мимикрии и видоизменению. В арсенале коррупции — взяточничество, лоббирование, протекционизм, переход политических лидеров и государственных чиновников на должности почетных президентов коммерческих компаний, создание таможенных и налоговых привилегий и т. д.

Например, вследствие манипулирования в сфере потребления электроэнергии возникает система теневой экономики (бартер, векселя и посредники), которая блокирует активное взаимодействие между производителями и потребителями и создает предпосылки для возникновения организованной преступности. Российская экономика попадает в порочный круг из-за того, что энергия, вырабатываемая неэффективными электростанциями, неоправданно дорога, государство не платит за электроэнергию, поэтому энергетики вынуждены перекладывать долги государства на предприятия, которые тоже не хотят платить деньгами за энергию по вдвое завышенным тарифам и расплачиваются товарами. На завышенные вдвое бартерные цены начисляются налоги, превосходящие те суммы, которые можно выручить за бартер в живых деньгах; чтобы не платить эти налоги, предприятия обрастают посредниками; не получив налоги, государство оказывается не в силах расплатиться за электроэнергию и т. д.

К началу проведения экономических реформ в России сложилась достаточно своеобразная ситуация, которую организаторы преобразований, очевидно, представляли себе недостаточно хорошо. Так, первым источником развития ситуации по криминальному типу стали экономические преступники и их капиталы, которые сформировались в период застоя и для которых было характерно получать прибыли в сфере теневой экономики. Второй источник — коррумпированные представители государственной и партийной номенклатуры. Третий источник — профессиональная общеуголовная преступность, которая, с одной стороны, паразитировала на деятелях теневой экономики, а с другой — использовалась этими деятелями для сокрытия следов хищения, преступного воздействия на нежелательных свидетелей и т. п.

Теневая экономика и коррупция создают предпосылки для развития организованной преступности, представляющей собой иерархически организованную систему с разведкой и контрразведкой, распределением сфер влияния и коррумпированными связями.

Важная задача криминальной психологии — выделить внутренние личностные предпосылки, которые во взаимодействии с определенной внешней ситуацией могут создать криминогенную ситуацию, т. е. определить криминогенные личностные качества и предпосылки. Далее, в рамках криминальной психологии устанавливаются специфические особенности личности, которые причинно обусловливают в ней криминогенные предпосылки (дефекты правосознания, нравственности, культуры эмоций и т. д.), а также устанавливается причинная связь между выявленными дефектами и склонностью к совершению определенной категории преступлений. Криминальная психология исследует механизм иммунитета личности к криминогенной ситуации и через познание закономерностей этого явления разрабатывает рекомендации по профилактике преступности.

Аналогичные задачи («по другую сторону барьера») в криминогенной ситуации ставит и должна решать психология потерпевшего, которая изучает факторы формирования личности потерпевшего, его поведение в генезисе преступления, а также разрабатывает практические рекомендации по методике допроса потерпевшего и воспитания у людей морально-волевых качеств, которые обеспечивали бы защиту от преступного посягательства. Психология потерпевшего тесно связана с уголовным правом, криминологией, социальной психологией и психологией личности.

Психологические исследования личности потерпевшего и его деятельности представляются весьма актуальными, так как способствуют решению целого ряда вопросов: более правильной квалификации преступлений, изучению их причин и условий, более всестороннему расследованию уголовных дел, обнаружению новых доказательств и т. д.

Проблема включает в себя следующие аспекты: методы исследования личности потерпевшего, изучение поведения потерпевшего непосредственно перед событием преступления, в момент события преступления, после него и, наконец, в стадии предварительного следствия.

Сложная проблема формирования преступного умысла может быть достаточно глубоко исследована в первую очередь в рамках криминальной психологии и психологии потерпевшего.

В особом разделе криминальная психология исследует психологические аспекты неосторожной преступности, в том числе бытовую и профессиональную неосторожность.

Преступность — большое социальное зло, а преступность несовершеннолетних — это зло, многократно увеличенное. Значительное количество особо опасных рецидивистов свое первое преступление совершили в возрасте до 18 лет. Общество, желающее избавиться от преступности, прежде всего должно правильно воспитывать детей.

В подавляющем большинстве случаев в число подростков-правонарушителей попадают те, у которых не сложились отношения в школьном коллективе, кто по разным причинам покинул школу, стал беспризорником и т. п.

Таким образом, юридическая психология исследует асоциальное поведение несовершеннолетнего и влияние на него факторов внешней микросреды, а также особенности личности подростка, которые обусловливают его индивидуальное реагирование на различные «жизненные неудачи», и разрабатывает рекомендации, направленные на профилактику детской и юношеской преступности.

Предварительное следствие — это целенаправленный процесс, целью которого является реконструкция (восстановление) события преступления, имевшего место в прошлом, по следам, обнаруженным следователем в настоящем (ст. ст. 20, 21 УПК РСФСР).

Можно выделить по крайней мере два направления такой реконструкции: реконструкцию самого события преступления и объективных условий, которые способствовали его совершению. Окончательной целью такой реконструкции является получение исчерпывающих сведений об объекте и объективной стороне состава преступления.

Второе направление реконструкции — исследование личности преступника в ее эволюции, развитии, изучение механизма образования преступного умысла, преступной установки, исследование субъективного отношения преступника к совершенному деянию. Такая реконструкция необходима для того, чтобы получить исчерпывающую информацию о субъекте и субъективной стороне состава преступления, о конкретных причинах данного преступления, которые проявляются через преступные установки и преступное поведение исследуемой личности.

В рамках следственной психологии разрабатываются психологические основы важнейших следственных действий (осмотра, допроса, обыска, опознания и др.) и разрабатываются психологические рекомендации, направленные на повышение их эффективности.

Психология рассмотрения уголовного дела в суде исследует закономерности психической деятельности всех лиц, участвующих в рассмотрении уголовного дела в суде, а также воспитательное воздействие судебного процесса и приговора на подсудимого и других лиц, роль общественного мнения как фактора, влияющего на судебный процесс, и др. С этим разделом тесно связаны уголовное право, уголовный процесс, социальная психология, судебная этика.

Психологический анализ судебного процесса дает возможность разработать рекомендации, направленные на повышение эффективности правосудия, культуры процесса, максимального воспитательного воздействия на всех его участников.

Исправительно-трудовая (пенитенциарная) психология исследует психологические стороны перевоспитания лиц, совершивших преступления, приобщения их к трудовой деятельности и адаптации к нормальному существованию в нормальной социальной среде, динамику личности осужденного, факторы, влияющие на его перевоспитание, структуру коллектива осужденных, а также разрабатывает практические рекомендации по перевоспитанию и ресоциализации осужденных.

Эти задачи не могут быть решены без использования данных различных наук, изучающих личность человека, его взаимоотношения с коллективом, а также роль различных факторов, положительно или отрицательно воздействующих на личность осужденного. Исправительно-трудовая психология тесно связана с исправительно-трудовым правом, педагогикой, психологией труда и социальной психологией.

33.4. Перспективы развития юридической психологии

Синтез психологии и юриспруденции в новой научной дисциплине — юридической психологии — должен привести к взаимному обогащению обеих наук, разрешению одной из наиболее актуальных проблем — повышению эффективности деятельности правоохранительной системы.

Если в самом общем виде охарактеризовать состояние современного научного знания и формирующиеся на этой основе методологические потребности, то, видимо, надо прежде всего констатировать, что научное знание стало более глубоким и сложным, многоуровневым и многомерным. Именно этим свойствам и, вместе с тем, потребностям развития современного научного

знания и соответствуют основные направления системного подхода.

Значительный рост преступности, а также развитие ее наиболее опасных форм (организованной преступности, убийств на сексуальной почве, заказных убийств и т. п.) предъявляют особые требования к деятельности правоохранительной системы. В то же время, эти требования сопровождаются усилением охраны прав и интересов отдельных граждан в процессе привлечения их к уголовной ответственности и тенденцией к гуманизации процесса расследования и судебного рассмотрения уголовных дел. Все это определяет необходимость высокого уровня профессиональной компетентности работников правоохранительной системы как главного фактора, обеспечивающего, с одной стороны, защиту интересов отдельных лиц и организаций от преступных посягательств и, с другой стороны, соблюдение при этом всех законных прав и интересов граждан и коллективов. Сама профессиональная компетентность в значительной степени определяется личностным потенциалом правоведа, т. е. системой психологических факторов, которые можно объединить общим понятием «психологическая культура».

Задача повышения психологической культуры работника правоохранительной системы в настоящее время решается в следующих направлениях:

1. Профессиографическое направление определяет психологическую структуру личности и деятельности следователя, сотрудников уголовного розыска, ОБЭП, РУОП, ГИБДД и других подразделений ОВД, и на их основе разрабатывает рекомендаций в области профессионального отбора, профессиональной ориентации, профессиональной консультации, профессионального обучения и воспитания, расстановки кадров, психодиагностики, психокоррекции и предупреждения профессиональной деформации. Основной задачей этого направления является определение рациональных соотношений между структурой личности и требованиями, которые предъявляются к этой личности правоохранительной деятельностью.

Системно-структурный анализ позволяет определить взаимосвязь между психологическими качествами, навыками и умениями в структуре личности, выделить среди них наиболее значимые для той или иной стороны правоохранительной деятельности.

В этом же разделе разрабатываются психолого-педагогические аспекты профессионального обучения и воспитания и, в частности, внедрения в учебный процесс методов активного обучения (дискуссий, деловых игр и т. п.).

2. Второе направление, которое условно может быть названо следственно-психологическим, представляет систему психологических рекомендаций и методов, направленных на наиболее эффективное, всестороннее и полное раскрытие преступлений. В этом направлении исследуются психологические закономерности раскрытия и расследования отдельных видов преступлений (убийств, сложных многоэпизодных хищений, изнасилований и т. д.), а также психология отдельных следственных действий (допроса, осмотра места происшествия, обыска, опознания и др.). На основе исследованных закономерностей разрабатываются психологические рекомендации, направленные на быстрейшее раскрытие сложных преступлений, высококачественное их расследование, а также повышение эффективности, культуры и гуманизации таких следственных действий, как допрос, осмотр места происшествия и др.

Раскрытие и расследование преступлений, совершаемых организованными преступными группировками, представляет для следователя, оперативных работников и других работников правоохранительных органов значительные трудности, которые определяются целым рядом особенностей структуры и функционирования преступной организации. К этим особенностям относятся высокая степень «защиты» преступной группировки за счет коррумпированных связей в государственном аппарате и правоохранительных органах, иерархической системы организации преступного сообщества, имеющего трехзвенный и более высокие уровни управления, обеспечивающие контроль за каждым «рядовым» членом группировки и сравнительную безопасность «высших эшелонов управления».

Для раскрытия и расследования преступлений в этой сфере требуется перейти от анализа отдельных преступных фактов и отдельных исполнителей к системно-структурному подходу в оценке, с одной стороны, структуры преступной группировки, а с другой стороны, преступной деятельности ее членов как одной из главных функций в деятельности этой группировки. Далее следует определить «слабые звенья» в преступной структуре, порядок и очередность первоначальных следственных действий по конкретным преступным эпизодам и направлениям дальнейшего расследования.

Все это требует от оперативно-следственных работников, наряду с высоким уровнем юридических

знаний и криминалистических навыков, большого творческого потенциала, знаний и навыков в области психологического анализа группового поведения, управления группой в условиях противостояния на начальных этапах раскрытия преступной деятельности такой группы.

Процесс взаимодействия оперативно-следственной группы с преступным формированием можно рассматривать как разрешение игровой ситуации. «Выигрыш» в этой игре в значительной степени обеспечивается уровнем рефлексии в процессе оценки ситуации, способности «видеть» эту ситуацию глазами противника и принимать тактические и стратегические решения с учетом предполагаемых «ходов» противной стороны. Здесь уместно употребить заимствованный нами из спортивной психологии термин «антиципация», обозначающий упреждение действий противника. При этом даже очень сильный ход противника может быть использован против него.

Например, следователь, выяснив, что участники преступной группировки установили в его кабинете подслушивающее устройство, организует со своим партнером заранее спланированный диалог, рассчитанный для восприятия лидерами группировки как план действий по ее задержанию. На самом деле все действия проводятся по другому сценарию, группа попадает в прорыв, и большинство ее участников видит в своем лидере главную причину неудач, происходит дискредитация лидера. Таким образом, можно говорить об акмеологических аспектах борьбы с преступностью, которые можно сформулировать для следователя следующим образом:

— быть способным обобщить с помощью криминалистического и психологического анализа данные о преступной деятельности в определенном регионе, сфере экономики, жизненного пространства и др. и представить себе эти обобщенные факты как результат организованной преступной деятельности криминальной группировки;

- на основании анализа уголовных дел, оперативных данных, бесед с населением, данных психологического анализа иметь представление об иерархической структуре преступной группы, о каждом ее участнике, его месте в этой структуре и системе отношений;

- иметь представление о функциях «защиты» преступной группировки, осуществляемой путем коррупции и «внедрения» своих людей в государственный аппарат и правоохранительную систему.

- определить «слабые звенья» в структуре преступной группы, выявить в ней оппозицию по отношению к лидеру и другим управленческим структурам;

- иметь представление о рефлексии группы, управлять в нужном направлении этой рефлексией, особенно в момент раскрытия преступной деятельности;

- использовать внутригрупповые конфликты;

- определить очередность допросов членов преступного сообщества с учетом указанных выше факторов;

- при формировании оперативно-следственной группы учитывать психологические рекомендации о творческом потенциале ее членов, их психологической совместимости, профессиональном опыте, индивидуальном стиле деятельности и др.

3. Следующее направление предполагает использование психолога в качестве консультанта, специалиста и эксперта в процессе раскрытия преступлений, их расследования и рассмотрения в судебном заседании уголовных дел о совершенных преступлениях. В практике работы наиболее опытных следователей есть немало примеров, когда успешному разрешению сложных ситуаций способствовала помощь психолога в качестве специалиста-консультанта или эксперта. В ряде случаев (раскрытие серийных убийств, совершенных на сексуальной почве, планирование первоначального этапа раскрытия преступной деятельности организованной преступной группировки) такая помощь явилась главным фактором, определившим успех в раскрытии этих преступлений. Можно отметить, что чем выше профессиональная компетентность следователей и оперативных работников, тем эффективнее их сотрудничество с психологом.

Сотрудничество с психологом приобретает важное значение при расследовании дел об организованной преступности и групповых преступлениях. Психолог способен оказать содействие в выявлении внутренней структуры группы, характера взаимосвязей между ее участниками, выяснить сложившееся распределение ролей в группе, ее лидеров, способствовать поиску уязвимого звена и эффективного способа воздействия на него при расследовании преступления.

Сотрудничество с психологом не ограничивается взаимодействием в процессе раскрытия особо опасных преступлений. Специфика деятельности следователей и оперативных работников предъявляет повышенные требования к их стрессоустойчивости, саморегуляции психического состояния, работоспособности. Грамотный психолог может помочь следователю выработать оптимальный

индивидуальный ритм деятельности, преодолеть негативные эмоциональные состояния, предупредить развитие профессиональной деформации. В настоящее время на кафедре правовой психологии Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ разработан и внедрен в практику комплексный метод психологического консультирования в форме компьютерной психодиагностики и оказания разносторонней психологической помощи. Слушатели института на добровольной основе имеют возможность пройти достаточно глубокое и всестороннее психологическое обследование, индивидуальное собеседование с психологом, в необходимых случаях принять участие в психологических тренингах и других формах психокоррекции.

Роль психолога в качестве специалиста регламентируется ст. 133 (1) УПК РСФСР. В этом случае психолог может быть привлечен к участию в производстве следственных действий — допроса, обыска, осмотра места происшествия. Результаты деятельности специалиста фиксируются в протоколе следственного действия, задача следователя — придать им доказательственное значение.

Как и любая иная, судебно-психологическая экспертиза (СПЭ) представляет собой исследование, проведенное сведущим лицом — экспертом на основе специальных познаний, в данном случае — в области психологии, с целью дачи заключения, которое после соответствующей его проверки и оценки следователем или судом будет являться доказательством по уголовному делу. Предметом СПЭ является изучение конкретных процессов, свойств, состояний и механизмов психической деятельности человека, имеющих значение для установления истины по уголовному делу. Объектом СПЭ является психическая деятельность здорового человека.

К компетенции СПЭ относятся:

а) установление способности несовершеннолетних обвиняемых, имеющих признаки отставания в психическом развитии, полностью сознавать значение своих действий и определение, в какой мере они способны руководить ими;

б) установление способности обвиняемых, потерпевших и свидетелей адекватно воспринимать имеющие значение для дела обстоятельства и давать о них правильные показания;

в) установление способности потерпевших по делам об изнасиловании (в том числе малолетних и несовершеннолетних) правильно понимать характер и значение совершаемых с ними действий и оказывать сопротивление;

г) установление наличия или отсутствия у подэкспертного в момент совершения преступления состояния аффекта или иных непатологических эмоциональных состояний (сильного страха, депрессии, эмоционального стресса, фрустрации), способных существенно влиять на его сознание и деятельность;

д) установление наличия у лица, предположительно покончившего жизнь самоубийством, в период, предшествовавший его смерти, психического состояния, предрасполагавшего к самоубийству, и определение возможных причин возникновения этого состояния;

е) установление ведущих мотивов в поведении человека и мотивации отдельных поступков как важных психологических обстоятельств, характеризующих личность;

ж) установление индивидуально-психологических особенностей подэкспертного, способных существенно повлиять на его поведение и на формирование у него намерения на совершение преступления.

Кроме того, проводятся СПЭ, направленные на определение наличия или отсутствия у лица, управлявшего техническим устройством, психического состояния, существенно повлиявшего на его способность управлять этим техническим устройством (на транспорте, в производстве).

В последнее время получила новое применение СПЭ социально-психологической структуры преступной группы; такая экспертиза стала использоваться в отношении организованных преступных формирований.

Роль и значение психологии в решении указанных выше вопросов будет, очевидно, возрастать по мере развития и разработки психологии труда следователей и оперативных работников (как отрасли психологии юридического труда), криминальной и следственной психологии и судебно-психологической экспертизы (как разделов юридической психологии).

Вопросы для повторения

1. Каковы методологические основы юридической психологии?
2. Назовите основные задачи юридической психологии.
3. Дайте определение предмета юридической психологии.

4. В чем состоит содержание общей части юридической психологии?

5. Какова структура особенной части юридической психологии — судебной психологии?

6. Каковы основные направления использования достижения юридической психологии в практике борьбы с преступностью?

7. В чем заключается сущность психологии юридического труда.

Рекомендуемая литература

Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. — М., 1977. С. 14.

Васильев В. Л. Юридическая психология. — Изд. ЛГУ, 1974.

Васильев В. Л. Юридическая психология: Уч-к для юридических вузов. — М., 1991.

Васильев В. Л. Юридическая психология: Уч-к для юридических вузов. — СПб., 1997.

Васильев В. Л. Юридическая психология: Уч-к «Нового века». — СПб., 2000.

Васильев В. Л. Психологическая культура прокурорско-следственной деятельности. — СПб., 1998.

Васильев В. Л., Мамайчук И. И., Смирнов В. П. Использование психолога в качестве консультанта, специалиста и эксперта на предварительном следствии. — СПб.,1997.

Енгалычев В. Ф., Шипшин С. С. Судебно-психологическая экспертиза. — Калуга; Москва, 1997.

Еникеев М. И. Основы общей и юридической психологии. — М., 1997.

Леонтьев А. Н. Проблемы деятельности в психологии // Вопросы психологии. — 1972. — № 9. — С. 98-99.

Мерлин В. С. Об интегральном исследовании индивидуальности // Проблемы интегрального исследования индивидуальности. — Пермь, 1978. — С. 17.

Нагиев В. В. Основы судебно-психологической экспертизы. — М., 2000.

Орзих М. Ф. Личность и право. - М., 1975. - С. 48.

Платонов К. К. О системе психологии. — М., 1972. — С. 150—151

Познышев С. В. Криминальная психология. — М., 1926. — С. 9.

Романов В. В. Юридическая психология. — М., 1998.

Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. — М., 1957. С. 256

Сафуанов Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовного процесса. — М., 1998.

ЧАСТЬ IX. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Глава 34. Экологическая психология

Краткое содержание главы

Предмет и история экологической психологии. Определение экологической психологии. Компоненты окружающей среды: собственно природная среда, квазиприродная среда, искусственная среда,социальная среда.

Психологические эффекты взаимодействия человека и среды. Уровень адаптации. Влияние физических факторов. Территориальность и персонализация среды. Типы личности по Холланду. Межличностная дистанция. Влияние других людей на поведение человека. «Социальное безделье».

34.1. Предмет и история экологической психологии

Экологическую психологию можно рассматривать как ответвление экологии, в последние 20-30 лет

оформившееся в самостоятельную науку. Что же касается самой экологии, то как научная дисциплина она зародилась еще в XIX в. Коротко можно определить экологию как науку об окружающей среде. Среди различных направлений этой области знания ближе всего к экологической психологии стоят экология человека и социальная экология. Важно отметить, однако, что в центре практически любой экологической проблемы всегда был человек. Можно сказать, что экологическое знание человечества страдает коллективным эгоизмом: какой бы вопрос экологии ни обсуждался, например проблема выживания редких видов растений или животных, влияние индустрии на леса Амазонии, люди, по большому счету, думают не о растениях, животных и лесах самих по себе, а о том, будет ли человеку плохо без этих растений, животных, или лесов и как поступать с окружающей средой, чтобы потом не пострадать самим.

В силу указанной особенности экологического знания вполне естественно выглядит появление *экологической психологии* как науки о психологических эффектах взаимодействия человека со средой. Поясним это определение. Во-первых, что означает слово «эффект» в данном контексте? Под ним понимается результат, исход, следствие, итоговое влияние. Почему употребляется выражение «взаимодействие человека со средой», а не «воздействие среды на человека»? Дело все в том, что человек является существом не только и не столько пассивно воспринимающим воздействия среды, сколько активно действующим на нее. Человек строит плотины на реках, вырубает леса, изменяет ландшафты, возводит многочисленные сооружения, уничтожает животных, но также высаживает зеленые насаждения, разводит и охраняет ценных животных, ликвидирует последствия экологических катастроф. Но и среда не бездействует. При этом многие (в том числе психологические) влияния среды на человека являются, по сути дела, результатом воздействия человека на среду. Особенно это касается так называемой искусственной среды, т. е. того, что создано человеком. Кто станет отрицать, что особенности городской среды, например ее архитектура, влияют на наше психическое состояние?

Экологическая психология — наука о психологических эффектах взаимодействия человека со средой.

Экологическая психология начала развиваться только в 60-х гг. XX в., в основном в работах зарубежных исследователей. В 1970-х гг. это направление бурно развивалось в США и странах Западной Европы. Появились специальные журналы, ассоциации, стали проводиться научные конференции, связанные с проблемами экологической психологии (в англоязычной литературе она фигурирует под названием *environmental psychology*).

Для того чтобы систематизировать результаты исследований, проводимые в рамках этой дисциплины, воспользуемся следующей классификацией. Окружающую человека среду можно подразделить на четыре компонента (Реймерс Н. Ф., 1994): собственно природную среду, квазиприродную среду, искусственную среду и социальную среду.

Природная среда, окружающая человека, имеет естественное происхождение, она характеризуется, как говорят экологи, свойствами самоподдержания и саморегуляции без постоянного корректирующего воздействия со стороны человека. Иначе говоря, этот компонент среды существует и функционирует сам по себе. К числу факторов природной среды можно отнести, например, такие, как магнитное и гравитационное поля, влажность и химический состав воды, характер местности (равнинная, холмистая, гористая), особенности растительного и животного мира, вероятность землетрясений, наводнений, ураганов и других природных катаклизмов.

Квазиприродную среду образуют все модификации природной среды, являющиеся результатом деятельности людей. К такой среде относятся пахотные и иные угодья, зеленые насаждения, домашние животные и растения. Квазиприродная среда характеризуется отсутствием способности к самоподдержанию, т. е. постепенно разрушается без постоянного регулирующего воздействия со стороны человека. Угодья перестают давать урожай и зарастают сорняками без культивации, а брошенные домашние животные дичают и болеют.

К искусственной среде относится вся совокупность созданных человеком объектов, которые без непрерывного обновления начинают разрушаться. К искусственной среде относятся технические виды транспорта, технологическое оборудование, здания, сооружения, различные изделия (мебель, одежда, оружие и т. п.). Эта среда мало похожа на то, что создано природой. Вспомните свои впечатления от индустриальных окраин больших городов с их автострадами, автомобилями, товарными вагонами, асфальтом и сравните их с живой, естественной средой полей и лесов.

Под социальной средой можно понимать совокупность экономических, политических, культурных,

этических условий жизни человека. По сути дела, экологическая психология в своем социально-средовом аспекте связана с особенностями взаимодействия человека с его социальным окружением. Это не только непосредственное взаимодействие — частота контактов с другими людьми, скученность, теснота среды обитания, наличие собственной территории, — но и опосредованное законами, правилами и традициями общества. Влияние и изменение социальной среды легко почувствовать как бывая в различных странах, так и переезжая из одной местности в другую в пределах одной страны.

34.2. Психологические эффекты взаимодействия человека и среды

При анализе влияния на человека средовых факторов прежде всего необходимо определить, насколько их наличный уровень отличается от привычного, т. е. того, к которому человек адаптировался. Абсолютная оценка уровня шума, тесноты помещений или частоты социальных контактов — это только половина картины; важно знать, насколько данные условия отличаются от привычных. В психологии существует понятие «*уровень адаптации*», под которым понимается психологически нейтральная точка или участок в диапазоне некоторого параметра стимула, относительно которых оцениваются все остальные стимулы данного типа. При всей тяжеловесности этой формулировки суть понятия довольно проста. Уровень адаптации — это то, к чему мы привыкли, или та «печка, от которой мы пляшем». Психологическое содержание понятия «уровень адаптации» можно проиллюстрировать следующим опытом. Возьмите три емкости с водой. Слева поставьте емкость с теплой водой, справа —с холодной, посередине — с водой комнатной температуры. Поместите левую руку в теплую воду, правую — в холодную и подержите их там, пока руки не привыкнут к температуре.

После этого поместите обе руки в емкость с водой комнатной температуры. Что будет чувствовать ваша левая рука? То, что вода в сосуде холодная. Что будет чувствовать ваша правая рука? То, что вода теплая. А почему? Потому что каждая из ваших рук адаптировалась к разной температуре: для левой руки, изнеженной теплом, и комнатная вода кажется холодной, для правой, закаленной в холоде, комнатная вода кажется подогретой. Не так ли происходит в жизни? Единственное отличие состоит в том, что привыкать нам приходится значительно дольше. При восприятии факторов среды большое значение имеет уровень адаптации, свойственный каждому из нас. Так, для человека, который половину жизни провел в тесных бараках, просторно и в «хрущевке».

Уровень адаптации—психологически нейтральная точка или участок в диапазоне некоторого параметра стимула, относительно которых оцениваются все остальные стимулы данного типа.

Есть еще одно общее для любого средового влияния обстоятельство, которое необходимо учитывать. Когда значение некоторого фактора сильно отклоняется по своей величине от точки адаптации, индивид оказывается в ситуации, по отношению к которой у него нет готовых программ реагирования, иначе говоря, возникает стрессовая ситуация. Стресс же, как известно, является неспецифической реакцией организма, что означает сходство психологических реакций при различных факторах, вызвавших стресс: например, психологические реакции даже на такие различные по своей природе факторы, как чрезмерный шум и чрезмерная частота социальных контактов имеют сходные характеристики.

Вместе с тем (особенно когда речь не идет об экстремальных значениях воздействий) каждый фактор оказывает специфическое, отличное от других влияние на психику и поведение человека.

Ниже мы рассмотрим наиболее хорошо установленные эффекты взаимодействия человека со средой. Экологическая психология — очень молодая наука, поэтому в ней больше «белых пятен», чем исследованных областей. Читатель может в этом легко убедиться, если с помощью приведенной выше классификации выделит потенциальные проблемы этой науки, а потом попытается найти их решения в дальнейшем изложении.

Несмотря на то, что каждый из рассмотренных ниже факторов за редким исключением не может быть строго отнесен к одному их четырех типов среды (скажем, даже шум может в одних случаях рассматриваться как атрибут природной среды, а в других — искусственной), последовательность описания психологических эффектов взаимодействия человека с окружением построена по принципу снижения доли природного и нарастания доли социального в этом окружении.

При исследовании влияние физических факторов установлено, что с повышением температуры

увеличивается агрессивность человека, хотя и до определенного предела, после которого агрессия (видимо, в силу усталости и переутомления) снижается.

В одном эксперименте испытуемых просили дать оценку некоторому человеку по его фотографии. Одна группа испытуемых находилась в комнате с нормальной температурой, другая сидела в комнате, где было слишком жарко. Выяснилось, что испытуемые, находившиеся в жаркой комнате, относились к оцениваемому лицу более негативно по сравнению с группой, работавшей в нормальных условиях.

Шум ухудшает непроизвольное внимание к социальным признакам ситуации. В эксперименте испытуемым в то время, когда они заучивали бессмысленные слоги, демонстрировались слайды с изображениями повседневных ситуаций (например, мужчина, расплачивающийся за бензин у бензозаправки) и ситуаций, связанных с опасностью (например, человек, пытающийся ограбить ту же заправочную станцию). Когда участников эксперимента неожиданно попросили описать слайды, которые они видели, испытуемые, работавшие в шуме, вспомнили меньше опасных ситуаций, чем представители контрольной группы.

Такие эксперименты показывают, что у человека снижается способность к адекватной оценке ситуации в условиях повышенного уровня шума, он как бы теряет часть своей социальной чувствительности, относительно хуже ориентируется в ситуациях социального взаимодействия. Кроме того, ряд экспериментов показывает, что не только снижается чувствительность по отношению к социальным ситуациям, но изменяется и социальное поведение: в условиях сильного шума люди проявляют меньшую склонность к помощи и сотрудничеству (Черноушек М., 1989). Подобно действию чрезмерно высокой температуры, повышенный уровень шума увеличивает агрессивность человека.

Освещенность повышает уровень активации, например при относительно более сильном освещении люди громче разговаривают. Освещенность влияет даже на уровень психологической открытости человека. В одном из исследований было обнаружено, что студенты, которые писали письма своим друзьям, были более откровенны при ярком освещении, чем при слабом его уровне, в другом — что прохожие проявляли большую готовность ответить на вопросы анкеты при относительно более ясной погоде.

Городская среда отличается от сельской переизбытком информации и событий. В противодействие этой перенасыщенности среды люди вырабатывают специальную адаптационную стратегию, суть которой состоит в том, что они стараются не замечать некоторой, на их взгляд, второстепенной информации и не пропускать ее в сознание. Понятно, что эта стратегия имеет свои негативные побочные эффекты: в частности, при последовательном и систематическом ее применении у жителя большого города возникает своего рода закрытость, замкнутость и отстраненность, которая может приводить к эмоциональной черствости, ограничению количества социальных контактов и появлению хронического чувства одиночества.

Под территориальностью понимают контроль и управление человеком определенным местом, территорией или объектом с разделением среды на «мое» и «чужое»; персонализация среды — это включение некоторого места или объекта в сферу своего «я» (Хейдметс М. Э., 1989). Таким образом, у человека есть территории, которые он считает своими и в которых он стремится быть хозяином (примерами территорий, по отношению к которым человек проявляет стремление контролировать их, могут быть его дом, рабочее место, больничная койка). С помощью этих территорий человек выражает свои ценности, статус, характер и т. д. («это мой дом, он дорогой, красивый, просторный — вот какой я значительный», — как бы говорит вам хозяин дачи, пригласивший вас посмотреть, «как он живет»).

Исследования территориальности показывают, что на своей территории человек чувствует себя свободно, вторжение чужих на эту территорию воспринимается как нечто неприятное. При этом у человека повышается тревожность, и тем больше, чем в большей степени человек считает данную территорию своей.

В исследованиях персонализации отмечается, что человек стремится оставить свой «отпечаток» практически на всех местах, которыми он пользуется: повесить фотографии членов семьи, родственников, любимых, знаменитых людей, чтобы продемонстрировать свое отношение к определенным людям; повесить лозунги, плакаты, иконы, рисунки, репродукции, чтобы выразить свои ценности и эстетическую направленность; выставить на обозрение предметы, связанные с проведением досуга (спортивный инвентарь, акустическую систему), чтобы выразить свои интересы и склонности.

Исследователи персонализации утверждают, что основными ее функциями являются обретение чувства уверенности и постоянства, ощущение связности со своим прошлым, со своей группой и возможность лучшей адаптации к новой среде (когда человек привозит на новое место часть своего

старого окружения, адаптация проходит более эффективно).

Кроме того, замечено, что, проживая в определенных местах — городах, районах, домах, — люди как бы срастаются с ними, включая их в свою «Я-концепцию». Места становятся частью их «я». Чем больше времени проводят люди в определенном месте, тем сильнее их самоидентификация с ним и тем обширнее территория, которую они считают своей.

Организация рабочей среды, в частности работа в отдельном кабинете по сравнению с работой в офисах с большим количеством сотрудников, не разделенных стенами и перегородками, оказывает влияние на эффективность деятельности и удовлетворенность рабочей средой. Правда, многое зависит от особенностей выполняемой трудовой деятельности. Оказывается, что выполнение относительно простых, рутинных заданий более продуктивно и сопровождается более высокой удовлетворенностью рабочей средой, если деятельность протекает в присутствии других людей, и наоборот, выполнению сложных, творческих задач способствует приватная обстановка (работа в отдельном помещении). Исследователи объясняют этот факт с помощью закономерностей социального облегчения и подавления: присутствие других людей негативно сказывается на эффективности выполнения сложных и позитивно — на выполнении простых задач.

Планировка помещений — это один из частных вопросов взаимодействия человека со своей профессиональной средой. Более существенным моментом этого взаимодействия является соответствие типа личности типу профессиональной деятельности и особенностям организации, в которой человек работает. С этой проблемой непосредственно связана теория профессионального выбора Холланда, согласно которой существуют шесть типов личности в зависимости от профессиональных склонностей:

1**. Предпринимательский тип**. Наиболее близкими сферами деятельности для людей этого типа являются руководство людьми в организациях коммерческого, предпринимательского характера, такими как большие оптовые и розничные торговые компании, агентства недвижимости, брокерские и страховые фирмы. Люди этого типа предпочитают работу, связанную с крупной финансовой игрой, риском, новыми начинаниями.

2. **Исследовательский тип.** Люди этого типа склонны к сбору, систематизации и анализу информации, выполнению сложных абстрактных задач, решению проблем путем размышления. Они любят работать независимо, им подходят организации, предоставляющие существенную свободу действия, например исследовательские лаборатории и фирмы.

3. **Артистический тип.** Наиболее близкая таким людям сфера деятельности — художественное творчество. Им подходит профессиональная среда без жесткой системы подчинения, организации, предоставляющие свободу самовыражения.

4. **Социальный тип.** Представители этого типа склонны к работе с людьми (обучение, консультирование, помощь, организация групповых мероприятий). Наиболее близкими им по духу являются различные социальные организации (школы, учреждения по подбору персонала, консультативные службы, агентства социальной защиты).

5. **Конвенциональный тип**. У людей этого типа отмечается склонность к деятельности, основным содержанием которой является выполнение некоторых правил и четкое следование предписанному алгоритму деятельности (управление офисным оборудованием, ведение картотек, финансовых книг и т. п.) Им подходят большие организации с четкой структурой и системой подчинения.

6. **Реалистический тип**. Наиболее подходящими видами деятельности для людей этого типа являются такие, которые связаны с получением некоторого осязаемого, ощутимого результата (управление механизмами, использование инструментов, требующих точности и ловкости). Подходит работа в строительстве, инженерном деле, на транспорте, в вооруженных силах — в организациях с жесткой системой подчинения и четкой регламентацией деятельности.

Проблема профессионального выбора, таким образом, состоит в том, чтобы найти профессиональную среду (тип профессиональной деятельности и тип организации), в наибольшей степени соответствующую склонностям личности. Но дело в том, что человек не всегда осознает свои предпочтения и не всегда сопоставляет свои предпочтения с реальным типом окружения, в котором он находится. Бывает так, что, например, артистический тип, стремящийся к артистическому самовыражению, художественной деятельности, творчеству, предпочитающий организации без жесткой структуры и системы подчинения типа артистических студий и художественных союзов, в силу тех или иных обстоятельств устраивается на работу в некоторую жесткую бюрократическую организацию и попадает в несвойственное ему окружение. Результатом этого будет постоянное чувство дискомфорта, негативные эмоциональные реакции, неудовлетворенность работой и в итоге — низкая ее

продуктивность. Это типичный случай несоответствия личности и окружения и, как следствие, — отрицательные психологические и поведенческие реакции.

Для предотвращения указанных выше проблем используется разработанная Холландом методика диагностики профессиональных предпочтений, которая позволяет подобрать для человека подходящую профессиональную среду.

Большое влияние на социальное взаимодействие оказывает относительное положение в пространстве его участников. Попробуйте случайным образом рассадить несколько человек по периметру круглого стола. Позвольте людям свободно разговаривать между собой. Обратите внимание на то, кто наиболее часто отвечает на реплики партнеров, как они располагаются за столом по отношению друг к другу. Как правило, чаще отвечает тот, кто сидит напротив говорящего, кому удобнее смотреть ему прямо в глаза.

В процессе межличностной коммуникации в зависимости от ситуации и взаимоотношений общающихся люди держатся на определенном расстоянии друг от друга. Естественно, что в ситуациях формального, служебного общения люди в буквальном смысле соблюдают большую дистанцию, чем в ситуациях дружеского контакта.

Антрополог Холл (Hall, 1982) предложил классификацию межличностных дистанций, характерных для различных типов социальных отношений. Он выделил четыре типа дистанций: интимную, личную, социальную и публичную.

Интимная дистанция равна приблизительно 0,5 м. На таком расстоянии друг от друга обычно общаются близкие друзья или люди, находящиеся между собой в интимных отношениях. Личная дистанция находится в пределах от 0,5 до 1,25 м. Она характерна для друзей и знакомых в ситуациях повседневного общения. Социальная дистанция — 1,25-3,5 м. Дистанцию такого порядка сохраняют люди, находящиеся в деловых отношениях. Публичная дистанция — 3,5-7,5 м. Она характерна для формальных контактов типа публичных выступлений или общения с официальным лицом (например, с судьей).

Когда нам нравится человек, мы стремимся уменьшить физическое расстояние до него в процессе коммуникации. Когда, напротив, человек нам антипатичен, мы стремимся удалиться от него. Следует, однако, отметить, что, несмотря на то что соотношение указанных выше дистанций может быть относительно универсально (например, социальная дистанция меньше публичной у всех народов), сами по себе расстояния могут зависеть от типа культуры.

Степень влияния других людей на поведение человека зависит от целого ряда факторов. Во-первых, необходимо отметить, что с ростом числа присутствующих увеличивается влияние. Кроме того, имеет значение непосредственность контакта: аудитория, которая находится в непосредственной близости, влияет сильнее, чем группа людей, находящихся в некотором удалении. Особую роль играет социальный статус присутствующих: чем выше статус, тем сильнее влияние.

В некоторых случаях присутствие аудитории может положительно повлиять на деятельность человека, в других — привести к ухудшению деятельности. Термин «социальное облегчение» обозначает позитивное влияние аудитории на деятельность, а «социальное подавление» — негативное.

Одной из основных проблем влияния других на деятельность является проблема выяснения условий, в которых имеет место как социальное подавление, так и социальное облегчение.

Зайонк (Zajonc, 1965) предложил теоретическую модель влияния аудитории. Автор считает, что присутствие других является источником общей активации, оно вызывает у индивида чувство неопределенности, поскольку поведение других людей недостаточно предсказуемо. Когда деятельность хорошо освоена, происходит ее улучшение в присутствии других людей, когда же, наоборот, она освоена недостаточно, присутствие аудитории приводит к ухудшению деятельности. Эта гипотеза получила подтверждение в ряде экспериментов.

Когда люди работают в группе, часто наблюдается снижение индивидуальной активности: члены группы начинают прилагать меньше усилий, чем в тех случаях, когда они работают в одиночестве. Этот эффект получил название «социальное безделье». Традиционный эксперимент, демонстрирующий наличие этого эффекта, строится следующим образом. Испытуемых просят как можно громче хлопать в ладоши в одиночестве и в группах различной численности. В каждом случае экспериментаторы измеряют громкость звука, вызванного ударами в ладоши, у каждого испытуемого. Испытуемые надевают повязки на глаза и наушники с тем, чтобы не видеть и не слышать то, что делают другие. Обычно данные такого рода экспериментов показывают ясно выраженные эффекты социального безделья. Индивид прикладывает все меньше усилий по мере увеличения размеров группы.

Одним из объяснений эффекта социального безделья является чувство «спрятанности в толпе».

Исследования показывают, что в том случае, когда испытуемые знают, что их индивидуальное исполнение будет регистрироваться, эффект социального безделья исчезает (Deaux K., Dane F. C., Wrightsman L. S., 1993).

Вопросы для повторения

1. Почему более точным будет определение экологической психологии как науки о психологических эффектах взаимодействия человека и среды, а не воздействия среды на человека?
2. Дайте определение стресса, используя понятие «уровень адаптации».
3. Как вы думаете, почему уровень освещенности влияет на степень психологической открытости человека?
4. Какие особенности национальной культуры, на ваш взгляд, могут быть связаны с абсолютной величиной межличностной дистанции? У каких народов дистанция должна быть относительно меньше по сравнению с нашей культурой?
5. Какие компоненты среды представлены в жизни сельского жителя относительно более полно по сравнению с городским жителем?

Рекомендуемая литература

Реймерс Н. Ф. Экология (теории, законы, правила, принципы и гипотезы). — М.: Журнал «Россия молодая», 1994.

Хейдметс М. Э. Социально-психологические факторы формирования пространственной структуры жилой среды. Дисс. на соискание уч. ст. канд. психол наук. — Таллин: Таллинский пед. ин-т., 1989.

Черноушек М. Психология жизненной среды. — М.: Мысль, 1989.

ЧАСТЬ X. ПСИХОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА

Глава 35. Психология творчества

Краткое содержание главы

Творчество как психический процесс. Отношение к творчеству в различные эпохи. Проблема способности к творчеству. Роль бессознательного в творческом процессе. Спонтанность творческого акта. Концепция творчества Я. А. Пономарева. Основные подходы к проблеме творческих способностей.

Концепции креативности. Концепция редукции творчества к интеллекту. Концепция креативности Дж. Гилфорда и Э. П. Торренса. Концепция М. Воллаха и Н. Когана. Концепция С. Медника. «Теория инвестирования» Р. Стернберга.

Творческая личность и ее жизненный путь. Чезаре Ломброзо о таланте и гениальности. Мотивация творческой личности. Личностные черты творческих людей. Модели креативного поведения. Возрастная динамика творчества.

Развитие творческих способностей. Основные подходы в психологии развития: генетический подход, средовой подход, подход генотип-средового взаимодействия. Функциональная когнитивная избыточность как основа человеческого творчества.

35.1. Творчество как психический процесс

Большинство философов и психологов различает два основных типа поведения: адаптивное (связанное с имеющимися в распоряжении человека ресурсами) и креативное, определяемое как «созидательное разрушение». В творческом процессе человек создает новую реальность, которая может

быть осмыслена и использована другими людьми.

Отношение к творчеству в различные эпохи изменялось кардинально. В Древнем Риме в книге ценился лишь материал и работа переплетчика, а автор был бесправен — не преследовались ни плагиат, ни подделки. В Средние века и значительно позднее творец был приравнен к ремесленнику, а если он дерзал проявлять творческую самостоятельность, то она никак не поощрялась. Творец должен был зарабатывать на жизнь иным путем: Мольер был придворным обойщиком, да и великого Ломоносова ценили за утилитарную продукцию — придворные оды и создание праздничных фейерверков.

И лишь в XIX в. художники, литераторы, ученые и прочие представители творческих профессий получили возможность жить за счет продажи своего творческого продукта. Как писал А. С. Пушкин, «не продается вдохновенье, но можно рукопись продать». При этом рукопись ценили только как матрицу для тиражирования, для производства массового продукта.

В XX в. реальная ценность любого творческого продукта также определялась не вкладом в сокровищницу мировой культуры, а тем, в какой мере она может служить материалом для тиражирования (в репродукциях, телефильмах, радиопередачах и т. д.). Поэтому существуют неприятные для интеллектуалов различия в доходах, с одной стороны, представителей исполнительского искусства (балета, музыкального исполнительства и т. д.), а также дельцов массовой культуры и, с другой стороны, творцов.

Обществом, однако, разделялись во все времена две сферы человеческой активности: *otium* и *oficium* (*negotium*), соответственно, активность на досуге и деятельность социально регламентированная. Причем социальная значимость этих сфер менялась со временем. В Древних Афинах *bios theoretikos* — жизнь теоретическая — считалась более «престижной» и приемлемой для свободного гражданина, чем *bios praktikos* — жизнь практическая.

В Древнем Риме *vita activa* — жизнь деятельная (*negotium*) — считалась долгом и основным занятием каждого гражданина и главы семейства, между тем как *vita contemplativa* — жизнь созерцательная — и вообще досуг мало ценились на фоне гражданского служения. Возможно, поэтому все гениальные идеи античности родились в Древней Греции, а римляне воплотили их в статьи Римского права, инженерные сооружения и блестящие по форме рукописи, популяризирующие труды великих греков (например — Лукреций).

В эпоху Возрождения, по крайней мере в умах идеологов гуманизма, господствовал примат досуга над практической деятельностью, которая должна была служить лишь источником средств развития личности в свободное от выполнения социальных и практических задач время. Новое время поставило на первое место Дело (в частности, устами гетевского Фауста), а *otium* сузило до буржуазного хобби.

Интерес к творчеству, личности творца в XX в. связан, возможно, с глобальным кризисом, проявлением тотального отчуждения человека от мира, ощущением, что целенаправленной деятельностью люди не разрешают проблему места человека в мире, а еще более отдаляют ее решение.

Главное в творчестве — не внешняя активность, а внутренняя — акт создания «идеала», образа мира, где проблема отчуждения человека и среды разрешена. Внешняя активность есть лишь экспликация продуктов внутреннего акта. Особенности протекания творческого процесса как ментального (душевного) акта и будут предметом дальнейшего изложения и анализа.

Выделяя признаки творческого акта, практически все исследователи подчеркивали его бессознательность, спонтанность, невозможность его контроля со стороны воли и разума, а также изменение состояния сознания.

Можно привести характерные высказывания А. де Виньи («Я свою книгу не делаю, а она сама делается. Она зреет и растет в моей голове как великий плод»), В. Гюго («Бог диктовал, а я писал»), Августина («Я не сам думаю, но мои мысли думают за меня»), Микеланджело («Если мой тяжелый молот придает твердым скалам то один, то другой вид, то его приводит в движение не рука, которая держит его, направляет и руководит им: он действует под давлением посторонней силы») и т. д.

С ведущей ролью бессознательного, доминированием его над сознанием в процессе творческого акта связан и ряд других особенностей творчества, в частности эффект «бессилия воли» при вдохновении. В момент творчества человек не способен управлять потоком образов, произвольно воспроизводить образы и переживания. Художник бессилен восполнить пробелы творческой фантазии. Образы зарождаются и исчезают спонтанно, борются с первичным замыслом художника (рационально созданным планом произведения), более яркие и динамичные образы вытесняют из сознания менее яркие. Сознание становится пассивным «экраном», на который человеческое бессознательное отображает себя.

Творец всегда испытывает замешательство при попытках объяснить причину, источник своих фантазий. С. О. Грузенберг (1923) выделяет несколько вариантов объяснения художниками творческой одержимости.

Наиболее распространены «божественная» и «демоническая» версии атрибуции причины творчества. Причем художники и писатели принимали эти версии в зависимости от своего мировоззрения. Если Байрон полагал, что в человека вселяется «демон», то Микеланджело полагал, что его рукой водит Бог: «Хорошая картина приближается к Богу и сливается с ним».

Следствием этого является тенденция, наблюдаемая у многих авторов, к отрешению от авторства. Поскольку писал не я, а Бог, дьявол, дух, «внутренний голос», то творец осознает себя инструментом посторонней силы.

Примечательно то, что версия неличностного источника творческого акта проходит через пространства, эпохи и культуры. И в наше время она возрождается в мыслях великого Иосифа Бродского: «Поэт, повторяю, есть средство существования языка. Пишущий стихотворение, однако, пишет его не потому, что он рассчитывает на посмертную славу, хотя часто и надеется, что стихотворение его переживет, пусть ненадолго. Пишущий стихотворение пишет его потому, что язык ему подсказывает или попросту диктует следующую строчку.

Начиная стихотворение, поэт, как правило, не знает, чем оно кончится, и порой оказывается очень удивлен тем, что получилось, ибо часто получается лучше, чем он предполагал, часто мысль заходит дальше, чем он рассчитывал. Это и есть тот момент, когда будущее языка вмешивается в настоящее... Пишущий стихотворение пишет его прежде всего потому, что стихосложение — колоссальный ускоритель сознания, мышления, миросозерцания. Испытав это ускорение единожды, человек уже не в состоянии отказаться от повторения этого опыта, он впадает в зависимость от этого процесса, как впадает в зависимость от наркотиков и алкоголя. Человек, находящийся в подобной зависимости от языка, я полагаю, и называется поэтом» (Бродский И., 1991. С.17-18).

В этом состоянии отсутствует ощущение личной инициативы и не чувствуется личной заслуги при создании творческого продукта, в человека как бы вселяется чуждый дух, или ему внушают мысли, образы, чувства извне. Это переживание приводит к неожиданному эффекту: творец начинает с равнодушием относиться к своим творениям или, более того, с отвращением. Возникает так называемая посттворческая сатурация. Автор отчуждается от своего труда. При выполнении же целесообразной деятельности, в том числе — трудовой, присутствует противоположный эффект, а именно — «эффект вложенной деятельности». Чем больше человек затратил усилий на достижение цели, производство продукта, тем большую эмоциональную значимость этот продукт для него приобретает.

Поскольку активность бессознательного в творческом процессе сопряжена с особым состоянием сознания, творческий акт иногда совершается во сне, в состоянии опьянения и под наркозом. Для того, чтобы внешними средствами воспроизвести это состояние, многие прибегали к искусственной стимуляции. Когда Р. Роллан писал «Кола Брюньон», он пил вино; Шиллер держал ноги в холодной воде; Байрон принимал лауданум; Руссо стоял на солнце с непокрытой головой; Мильтон и Пушкин любили писать, лежа на софе или кушетке. Кофеманами были Бальзак, Бах, Шиллер; наркоманами — Эдгар По, Джон Леннон и Джим Моррисон.

Спонтанность, внезапность, независимость творческого акта от внешних причин — второй основной его признак. Потребность в творчестве возникает даже тогда, когда она нежелательна. При этом авторская активность устраняет всякую возможность логической мысли и способность к восприятию окружающего. Многие авторы принимают свои образы за реальность. Творческий акт сопровождается возбуждением и нервной напряженностью. На долю разума остается только обработка, придание законченной, социально приемлемой формы продуктам творчества, отбрасывание лишнего и детализация.

Итак, спонтанность творческого акта, пассивность воли и измененное состояние сознания в момент вдохновения, активность бессознательного, говорят об особых отношениях сознания и бессознательного. Сознание (сознательный субъект) пассивно и лишь воспринимает творческий продукт. Бессознательное (бессознательный творческий субъект) активно порождает творческий продукт и представляет его сознанию.

В отечественной психологии наиболее целостную концепцию творчества как психического процесса предложил Я. А. Пономарев (1988). Он разработал структурно-уровневую модель центрального звена психологического механизма творчества. Изучая умственное развитие детей и решение задач взрослыми, Пономарев пришел к выводу, что результаты опытов дают право схематически изобразить

центральное звено психологического интеллекта в виде двух проникающих одна в другую сфер. Внешние границы этих сфер можно представить как абстрактные пределы (асимптоты) мышления. Снизу таким пределом окажется интуитивное мышление (за ним простирается сфера строго интуитивного мышления животных). Сверху — логическое (за ним простирается сфера строго логического мышления компьютеров).

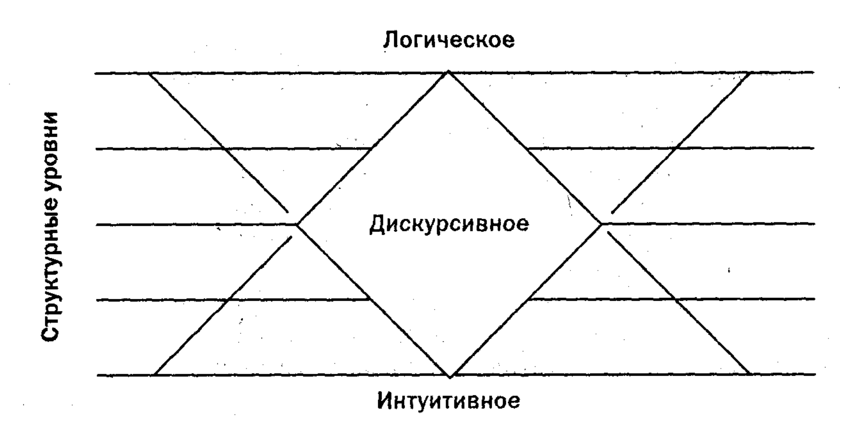

Рис. 35-1. Схема центрального звена психологического механизма творческого акта по Я. А. Пономареву

Критерием творческого акта, по Пономареву, является уровневый переход: потребность в новом знании складывается на высшем структурном уровне организации творческой деятельности; средства удовлетворения этой потребности складываются на низких структурных уровнях. Эти средства включаются в процесс, происходящий на высшем уровне, что приводит к возникновению нового способа взаимодействия субъекта с объектом и возникновению нового знания. Тем самым творческий продукт предполагает включение интуиции и не может быть получен на основе логического вывода.

Основой успеха решения творческих задач является способность действовать «в уме», определяемая высоким уровнем развития внутреннего плана действия. Эта способность, возможно, является структурным эквивалентом понятия «общая способность», или «генеральный интеллект».

С креативностью сопряжены два личностных качества, а именно — интенсивность поисковой мотивации и чувствительность к побочным образованиям, которые возникают при мыслительном процессе.

Пономарев рассматривает творческий акт как включенный в контекст интеллектуальной деятельности по следующей схеме: на начальном этапе постановки проблемы активно сознание, затем, на этапе решения, активно бессознательное, а отбором и проверкой правильности решения (на третьем этапе) вновь занимается сознание. Естественно, если мышление изначально логично, т. е. целесообразно, то творческий продукт может появиться лишь в качестве побочного. Но этот вариант процесса является лишь одним из возможных.

В качестве «ментальной единицы» измерения креативности мыслительного акта, «кванта» творчества Пономарев предлагает рассматривать разность уровней, доминирующих при постановке и решении задачи (задача всегда решается на более высоком уровне структуры психологического механизма, по отношению к уровню, на котором приобретаются средства ее решения).

В целом, в психологии существует как минимум три основных подхода к проблеме творческих способностей. Они могут быть сформулированы следующим образом:

1. Как таковых творческих способностей нет. Интеллектуальная одаренность выступает в качестве необходимого, но недостаточного условия творческой активности личности. Главную роль в детерминации творческого поведения играют мотивация, ценности, личностные черты (А. Танненбаум, А. Олох, Д. Б. Богоявленская, А. Маслоу и др.). К числу основных черт творческой личности эти исследователи относят когнитивную одаренность, чувствительность к проблемам, независимость в неопределенных и сложных ситуациях.

Особняком стоит концепция Д. Б. Богоявленской (1971, 1983), которая вводит понятие «креативная активность личности», полагая, что она эта активность определенной психической структурой, присущей креативному типу личности. Творчество, с точки зрения Богоявленской, является ситуативно нестимулированной активностью, проявляющейся в стремлении выйти за пределы заданной проблемы.

Креативный тип личности присущ всем новаторам, независимо от рода деятельности: летчикам-испытателям, художникам, музыкантам, изобретателям.

2. Творческая способность (креативность) является самостоятельным фактором, независимым от интеллекта (Дж. Гилфорд, К. Тейлор, Г. Грубер, Я. А. Пономарев). В более «мягком» варианте эта теория гласит, что между уровнем интеллекта и уровнем креативности есть незначительная корреляция. Наиболее развитой концепцией является «теория интеллектуального порога» Э. П. Торренса: если IQ ниже 115-120, интеллект и креативность образуют единый фактор, при IQ выше 120 творческая способность становится независимой величиной, т. е. нет творческих личностей с низким интеллектом, но есть интеллектуалы с низкой креативностью (Torrance E. P., 1964, 1965).

2. Высокий уровень развития интеллекта предполагает высокий уровень творческих способностей и наоборот. Творческого процесса как специфической формы психической активности нет. Эту точку зрения разделяли и разделяют практически все специалисты в области интеллекта (Д. Векслер, Р. Уайсберг, Г. Айзенк, Л. Термен, Р. Стернберг и др.).

35.2. Концепции креативности

Концепция редукции творчества к интеллекту. Рассмотрим точку зрения, согласно которой уровень творческих способностей определяется уровнем развития интеллекта.

Айзенк (1995), опираясь на значимые (но все же невысокие) корреляции между IQ и тестами Гилфорда на дивергентное мышление, высказал мнение, что креативность есть компонент общей умственной одаренности.

Как бы то ни было, теоретические рассуждения должны подкрепляться фактами. Сторонники редукции творческих способностей к интеллекту опираются на результаты эмпирических исследований, к числу которых относится классическая работа Л. Термена (Terman L. M., 1937). В 1926 году он совместно с К. Кокс проанализировал биографии 282 западноевропейских знаменитостей и попытался оценить их IQ на основе достижений в возрасте от 17 до 26 лет. Кроме того, он опирался на шкалу Стэнфорд—Бине для оценки их интеллекта в детстве. При этом в ходе оценки достижений учитывались не только интеллектуальные, но и творческие достижения, что априорно ставит под вопрос правильность выводов. Если методика учитывает в IQ не только интеллектуальные, но и творческие показатели, выводы о связи IQ и творческих способностей являются артефактами метода. Но тем не менее результаты, полученные в этом исследовании, получили широкую известность и вошли во многие учебники психологии (Богоявленская Д. Б., 1983).

Было проведено сравнение возрастных показателей приобретения знаний и навыков у знаменитых людей с аналогичными данными выборки обычных детей. Оказалось, что IQ знаменитостей значительно выше среднего (158,9). Отсюда Термен сделал вывод, что гении — это те люди, которых еще в раннем детстве по данным тестирования можно отнести к категории высокоодаренных.

Наибольший интерес представляют результаты Калифорнийского лонгитюда, который Термен организовал в 1921 г. Термен и Кокс отобрали из учащихся 95 средних школ Калифорнии 1528 мальчиков и девочек в возрасте от 8 до 12 лет с IQ равным 135 баллов, что составило 1 % от всей выборки. Уровень интеллекта определялся по тесту Стэнфорд—Бине. Контрольная выборка была сформирована из учащихся тех же школ. Выяснилось, что интеллектуально одаренные дети опережают своих сверстников в уровне развития в среднем на два школьных класса.

В ходе исследования проводились три среза по измерению IQ: в 1927-1928,1932-1940 и 1951-1952 гг. Последняя проверка осуществлена Д. Фельдманом через 60 лет после начала исследования: он проверил достижения членов выборки Термена с 135 <IQ<180 и cIQ>180.

800 мужчин с IQ, превышающим 135 баллов, входящих в выборку Термена, опубликовали к 50-м годам 67 книг (21 — художественные произведения и 46 — научные монографии), получили 150 патентов на изобретения, 78 человек стали докторами философии, 48 стали докторами медицины и т. д. Фамилии 47 мужчин вошли в справочник «Лучшие люди Америки за 1949 год». Эти показатели в 30 раз превысили данные по контрольной выборке.

Надо сказать, что испытуемые, отобранные Терменом, отличались ранним развитием (рано начали ходить, говорить, читать, писать и др.). Все интеллектуальные дети успешно закончили школу, 2/3 получили университетское образование, а 200 человек стали докторами наук.

Что касается творческих достижений, то результаты не так однозначны. Ни один ранний

интеллектуал из выборки Термена не проявил себя как исключительно талантливый творец в области науки, литературы, искусства и т. д. Никто из них не внес существенного вклада в развитие мировой культуры.

Интересно, что у членов обследуемой группы в 1955 г. доход был в четыре раза выше среднего дохода на душу населения в США. Практически все они добились высокого социального статуса. Таким образом, ранние интеллектуалы чрезвычайно успешно адаптировались в обществе. Однако высокий (и даже сверхвысокий) уровень интеллекта не гарантирует творческих достижений. Можно быть интеллектуалом и не стать творцом.

Концепция креативности Дж. Гилфорда и Э. П. Торренса. Концепция креативности как универсальной познавательной творческой способности приобрела популярность после выхода в свет работ Дж. Гилфорда (Guilford J. P., 1967).

Гилфорд указал на принципиальное различие между двумя типами мыслительных операций: конвергенцией и дивергенцией. Конвергентное мышление (схождение) актуализируется в том случае, когда человеку, решающему задачу, надо на основе множества условий найти единственно верное решение. В принципе, конкретных решений может быть и несколько (множество корней уравнения), но это множество всегда ограничено.

Дивергентное мышление определяется как «тип мышления, идущего в различных направлениях» (Дж. Гилфорд). Такой тип мышления допускает варьирование путей решения проблемы, приводит к неожиданным выводам и результатам.

Гилфорд считал операцию дивергенции, наряду с операциями преобразования и импликации, основой креативности как общей творческой способности. Исследователи интеллекта давно пришли к выводу о слабой связи творческих способностей со способностями к обучению и интеллектом. Одним из первых на различие творческой способности и интеллекта обратил внимание Терстоун. Он отметил, что в творческой активности важную роль играют такие факторы, как особенности темперамента, способность быстро усваивать и порождать идеи (а не критически относиться к ним), что творческие решения приходят в момент релаксации, рассеивания внимания, а не в момент, когда внимание сознательно концентрируется на решении проблем.

Дальнейшие достижения в области исследования и тестирования креативности связаны в основном с работой психологов Южнокалифорнийского университета, хотя их деятельность охватывает не весь спектр исследований креативности.

Гилфорд выделил четыре основных параметра креативности: 1) оригинальность — способность продуцировать отдаленные ассоциации, необычные ответы; 2) семантическая гибкость — способность выявить основное свойство объекта и предложить новый способ его использования; 3) образная адаптивная гибкость — способность изменить форму стимула таким образом, чтобы увидеть в нем новые признаки и возможности для использования; 4) семантическая спонтанная гибкость — способность продуцировать разнообразные идеи в нерегламентированной ситуации. Общий интеллект не включается в структуру креативности. На основе этих теоретических предпосылок Гилфорд и его сотрудники разработали тесты программы исследования способностей (ARP), которые тестируют преимущественно дивергентную продуктивность.

Приведем примеры тестов.

1. Тест легкости словоупотребления: «Напишите слова, содержащие указанную букву»(например,«о»).

2. Тест на использование предмета: «Перечислите как можно больше способов использования каждого предмета» (например, консервной банки).

3. Составление изображений: «Нарисуйте заданные объекты, пользуясь следующим набором фигур: круг, прямоугольник, треугольник, трапеция. Каждую фигуру можно использовать многократно, меняя ее размеры, но нельзя добавлять другие фигуры или лишние».

Всего в батарее тестов Гилфорда 14 субтестов, из них 10 — на вербальную креативность и 4 — на невербальную креативность. Тесты предназначены для старшеклассников и людей с более высоким уровнем образования. Время выполнения тестов ограничено.

Дальнейшее развитие эта программа получила в исследованиях Торренса (Torrance E. P., 1964,1965). Торренс разрабатывал свои тесты в ходе учебно-методической работы по развитию творческих способностей детей. Его программа включала в себя несколько этапов. На первом этапе испытуемому предлагали вербальные задачи на решение анаграмм. Он должен был выделить единственно верную гипотезу и сформулировать правило, ведущее к решению проблемы. Тем самым тренировалось

конвергентное мышление (по Гилфорду).

На следующем этапе испытуемому предлагали картинки. Он должен был описать все вероятные и невероятные обстоятельства, которые привели к ситуации, изображенной на картинке, и спрогнозировать ее возможные последствия.

Затем испытуемому предлагали разные предметы. Его просили перечислить возможные способы их применения. Согласно Торренсу, такой подход к тренингу способностей позволяет освободить человека от заданных извне рамок, и он начинает мыслить творчески и нестандартно. Под креативностью Торренс понимает способность к обостренному восприятию недостатков, пробелов в знаниях, дисгармонии и т. д. Он считает, что творческий акт делится на восприятие проблемы, поиск решения, возникновение и формулировку гипотез, проверку гипотез, их модификацию и нахождение результата. По Торренсу, идеальный тест должен тестировать протекание всех указанных операций, но в реальности этот исследователь ограничился адаптацией и переработкой методик Южнокалифорнийского университета для своих целей.

В состав батареи Торренса входит 12 тестов, сгруппированных в три серии: вербальную, изобразительную и звуковую, диагностирующие соответственно словесное творческое мышление, изобразительное творческое мышление и словесно-звуковое творческое мышление.

Словесная шкала включает в себя семь заданий. В трех первых заданиях испытуемый должен задавать вопросы таким образом, чтобы полученные ответы помогли ему отгадать содержание загадочных изображений. Испытуемый должен записать все вопросы, на которые он хотел бы получить ответ, перечислить все возможные причины и последствия ситуаций, изображенных на рисунке. В четвертом задании фиксируются способы использования игрушки в игре. В пятом задании перечисляются возможные способы необычного употребления обычных предметов. В шестом задании задаются вопросы по поводу свойств тех же предметов, а в седьмом задании испытуемый должен рассказать обо всем, что может случиться, если возникнет какая-либо неправдоподобная ситуация. Оценивается легкость, гибкость и оригинальность ответа.

Изобразительная шкала состоит из трех заданий. Первое задание состоит в том, что испытуемый должен на белом листе бумаги нарисовать картинку, используя данную фигуру. Во втором задании испытуемому предлагают дорисовать несколько линий, чтобы получились осмысленные изображения. В третьем задании испытуемого просят составить как можно больше изображений с помощью двух параллельных линий или кругов. Оценивается легкость, гибкость, оригинальность, точность.

Словесно-звуковая шкала состоит из двух заданий, которые предъявляются путем воспроизведения магнитофонной записи. В тесте «Звуки и образы» в качестве стимулов используются знакомые и незнакомые звуки. Во втором задании «Звукоподражание и образы» используются звукоподражательные слова, имитирующие звуки, присущие какому-либо объекту (животному, механизму и т. д.). Испытуемый должен написать, на что похожи эти звуки. Оценивается оригинальность ответа.

Надежность тестов Торренса (по данным автора) очень велика: от 0,7 до 0,9. Вербальные тесты более надежны, чем изобразительные. В отличие от тестов Гилфорда, тесты Торренса предназначены для более широкого спектра возрастов: от дошкольников до взрослых. Факторный анализ тестов Торренса выявил факторы, соответствующие специфике заданий, а не параметрам легкости, гибкости, точности и оригинальности. Корреляции этих параметров внутри одного теста выше, чем корреляции аналогичных параметров разных тестов.

Рассмотрим характеристику основных параметров креативности, предложенных Торренсом. Легкость оценивается как быстрота выполнения тестовых заданий, и, следовательно, тестовые нормы получаются аналогично нормам тестов скоростного интеллекта. Гибкость оценивается как число переключений с одного класса объектов на другой в ходе ответов. Проблема заключается в разбивке ответов испытуемого на классы. Число и характеристика классов определяются экспериментатором, что порождает произвольность. Оригинальность оценивается как минимальная частота встречаемости данного ответа в однородной группе. В тестах Торренса принята следующая модель: если ответ испытуемого встречается менее чем в 1 % случаев, то он оценивается 4 баллами, если ответ встречается менее чем в 1-2 % случаев, испытуемый получает 3 балла и так далее. Когда ответ встречается более чем в 6% случаев, присваивается 0 баллов. Тем самым оценки оригинальности «привязаны» к частотам ответов, которые дает выборка стандартизации. Опыт применения тестов Торренса показывает, что влияние характеристик группы, в которой получены нормы, очень велико, и перенос норм с выборки стандартизации на другую (пусть аналогичную) выборку дает большие ошибки, а часто и просто

невозможен.

Точность в тестах Торренса оценивается по аналогии с тестами интеллекта.

Успешность выполнения данных тестов определяется скоростными качествами психики, и критики справедливо указывают на влияние скоростного интеллекта при решении тестов, диагностирующих, по мысли их разработчиков, креативность. Наиболее последовательную критику работ Гилфорда, Торренса и их последователей дали М. Воллах и Н. Коган (Wollach M. A., Kogan N. A., 1965). В исследованиях Торренса и Гилфорда выявлена высокая положительная корреляция уровня IQ и уровня креативности. Чем выше уровень интеллекта, тем больше вероятность того, что у испытуемого будут высокие показатели по тестам креативности, хотя у лиц с высокоразвитым интеллектом могут встречаться и низкие показатели креативности. Между тем при низком IQ никогда не обнаруживается высокая дивергентная продуктивность. Торренс даже предложил теорию интеллектуального порога. Он полагает, что при IQ ниже 115-120 баллов (среднее плюс стандартное отклонение) интеллект и креативность неразличимы и образуют единый фактор. При коэффициенте интеллекта выше 120 творческие способности и интеллект становятся независимыми факторами.

При этом корреляции между креативностью и интеллектом выше, если при тестировании в обоих случаях используется аналогичный материал (словесный, числовой, пространственный и др.), и ниже, если материал тестов интеллекта и креативности разнороден.

Концепция М. Воллаха и Н. Когана. М. Воллах и Н. Коган полагают, что перенесение Гилфордом, Торренсом и их последователями тестовых моделей измерения интеллекта на измерение креативности привело к тому, что тесты креативности просто диагностируют IQ, как и обычные тесты интеллекта (с поправкой на «шумы», создаваемые специфичной экспериментальной процедурой). Эти авторы высказываются против жестких лимитов времени, атмосферы соревновательности и единственного критерия правильности ответа, т. е. отвергают такой критерий креативности, как точность. В этом положении они ближе к исходной мысли Гилфорда о различии дивергентного и конвергентного мышления, чем сам ее автор. По мнению Воллаха и Когана, а также таких авторов, как П. Вернон и Д. Харгривс (Vernon P. E., 1967), для проявления творчества нужна непринужденная, свободная обстановка. Желательно, чтобы исследование и тестирование творческих способностей проводилось в обычных жизненных ситуациях, когда испытуемый может иметь свободный доступ к дополнительной информации по предмету задания.

Многие исследования показали, что мотивация достижений, соревновательная мотивация и мотивация социального одобрения блокируют самоактуализацию личности, затрудняют проявление ее творческих возможностей.

Воллах и Коган в своей работе изменили систему проведения тестов креативности. Во-первых, они предоставляли испытуемым столько времени, сколько им было необходимо для решения задачи или для формулирования ответа на вопрос. Тестирование проводилось в ходе игры, при этом соревнование между участниками сводилось к минимуму, а экспериментатор принимал любой ответ испытуемого. Если соблюсти эти условия, то корреляция креативности и тестового интеллекта будет близка к нулю.

В исследованиях, проведенных в лаборатории психологии способностей Института психологии РАН А. Н. Ворониным на взрослых испытуемых (студентах экономического колледжа), получены аналогичные результаты: фактор интеллекта и фактор креативности являются независимыми.

Подход Воллаха и Когана позволил по-иному взглянуть на проблему связи между креативностью и интеллектом. Упомянутые исследователи, тестируя интеллект и креативность учащихся 11-12 лет, выявили четыре группы детей с разными уровнями развития интеллекта и креативности. Дети, принадлежащие к разным группам, отличались способами адаптации к внешним условиям и решения жизненных проблем.

Дети, обладающие высоким уровнем интеллекта и высокой креативностью, были уверены в своих способностях, имели адекватный уровень самооценки. Они обладали внутренней свободой и вместе с тем высоким самоконтролем. При этом они могут казаться маленькими детьми, а через некоторое время, если того требует ситуация, вести себя по-взрослому. Проявляя большой интерес ко всему новому и необычному, они очень инициативны, но при этом успешно приспосабливаются к требованиям своего социального окружения, сохраняя личную независимость суждений и действий.

Дети с высоким уровнем интеллекта и низким уровнем креативности стремятся к школьным успехам, которые должны выразиться в форме отличной оценки. Они крайне тяжело воспринимают неудачу, можно сказать, что у них преобладает не надежда на успех, а страх перед неудачей. Они избегают риска, не любят высказывать публично свои мысли. Они сдержанны, скрытны и дистанцируются от

своих одноклассников. У них очень мало близких друзей. Они не любят быть предоставлены самим себе и страдают без внешней адекватной оценки своих поступков, результатов учебы или деятельности.

Дети, обладающие низким уровнем интеллекта, но высоким уровнем креативности, часто становятся «изгоями». Они с трудом приспосабливаются к школьным требованиям, часто занимаются в кружках, имеют необычные хобби и т. д., где они в свободной обстановке могут проявить свою креативность. Они очень тревожны, страдают от неверия в себя, «комплекса неполноценности». Часто учителя характеризуют их как тупых, невнимательных, поскольку они с неохотой выполняют рутинные задания и не могут сосредоточиться.

Дети с низким уровнем интеллекта и творческих способностей внешне хорошо адаптируются, держатся в «середняках» и довольны своим положением. Они имеют адекватную самооценку, низкий уровень их предметных способностей компенсируется развитием социального интеллекта, общительностью, пассивностью в учебе.

Креативность и интеллект взаимосвязаны не только на уровне свойств личности, но и на уровне целостного познавательного процесса. В исследовании Е. Л. Григоренко была выявлена взаимодополнительность этих способностей при решении познавательных задач.

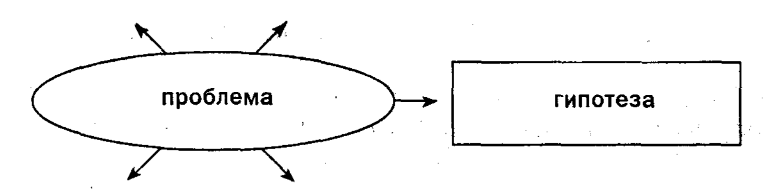

Рис. 35-2. Схема процесса дивергентного мышления

Григоренко использовала в своем исследовании тесты Векслера и Амтхауэра, тест Торренса и ряд тестов на определение когнитивных стилей. В качестве испытуемых выступали школьники 9-10 классов. Оказалось, что число гипотез, выдвигаемых при решении мыслительных задач, коррелирует с креативностью по Торренсу (для вербальной части г = 0,43, для невербальной — г = 0,52). Причем оригинальность гипотез до начала решения задачи имела более высокую корреляцию с креативностью по Торренсу (для вербальной части теста г = 0,57, для невербальной — г = 0,38), число гипотез во время решения коррелирует с IQ по Амтхауэру (0,46) и оригинальность во время решения теста — с IQ по Амтхауэру (0,50).

Отсюда автор делает вывод, что на ранних стадиях решения задачи у испытуемых актуализируется дивергентное мышление, а на поздних — конвергентное мышление. Все эти результаты получены в ходе использования тестов креативности, основанных на теории дивергентного мышления.

Концепция А. Медника. Несколько иная концепция лежит в основе разработанного А. Медником теста RAT (тест отдаленных ассоциаций) (Mednich S. A., 1969).

Приведем для пояснения несколько схем.

Процесс дивергентного мышления идет следующим образом: есть проблема, и мыслительный поиск следует как бы в разных направлениях семантического пространства, отталкиваясь от содержания проблемы (рис. 35-2). Дивергентное мышление — это как бы боковое, периферическое мышление, мышление «около проблемы».

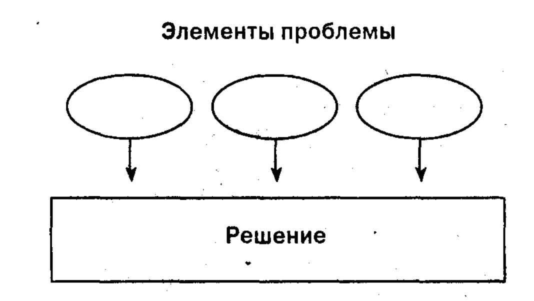

Рис. 35-3. Схема процесса конвергентного мышления

Конвергентное мышление увязывает все элементы семантического пространства, относящиеся к

проблеме, воедино, находит единственно верную композицию этих элементов (рис. 35-3).

Медник полагает, что в творческом процессе присутствует как конвергентная, так и дивергентная составляющие. По мнению Медника, чем из более отдаленных областей взяты элементы проблемы, тем более креативным является процесс ее решения. Тем самым дивергенция заменяется актуализацией отдаленных зон смыслового пространства. Но вместе с тем синтез элементов может быть нетворческим и стереотипным, например соединение черт лошади и человека актуализирует образ кентавра, а не образ человека с головой лошади.

Творческое решение отклоняется от стереотипного: суть творчества, по Меднику, не в особенности операции, а в способности преодолевать стереотипы на конечном этапе мыслительного синтеза и, как было отмечено ранее, в широте поля ассоциаций (рис. 35-4).

В соответствии с этой моделью в тесте отдаленных ассоциаций испытуемому предлагают слова из максимально удаленных ассоциативных областей. Испытуемый должен предложить слово, увязанное по смыслу со всеми тремя словами. Причем тест строится так, чтобы каждые три слова-стимула имели слово-стереотип, сочетающееся с ними. Соответственно оригинальность ответа будет определяться отклонением от стереотипа. Исходные слова могут быть трансформированы грамматически, можно использовать предлоги.

В основе теста RAT лежат следующие предположения Медника:

1. Люди — «носители языка» привыкают употреблять слова в определенной ассоциативной связи с другими словами. В каждой культуре и каждой эпохе эти привычки уникальны.

2. Креативный мыслительный процесс состоит в формировании новых ассоциаций по смыслу.

3. Величина отдаленности ассоциаций испытуемого от стереотипа измеряет его креативность.

4. В каждой культуре существуют свои стереотипы, поэтому шаблонные и оригинальные ответы определяются специально для каждой выборки.

5. Уникальность выполнения теста RAT определяют ассоциативная беглость (измеряется числом ассоциаций на стимул), организация индивидуальных ассоциаций (измеряется числом ассоциативных ответов), особенности селективного процесса (отбор оригинальных ассоциаций из общего числа связей). Важную роль играют беглость генерации гипотез и вербальная беглость.

6. Механизм решения теста RAT аналогичен решению любых других мыслительных задач.

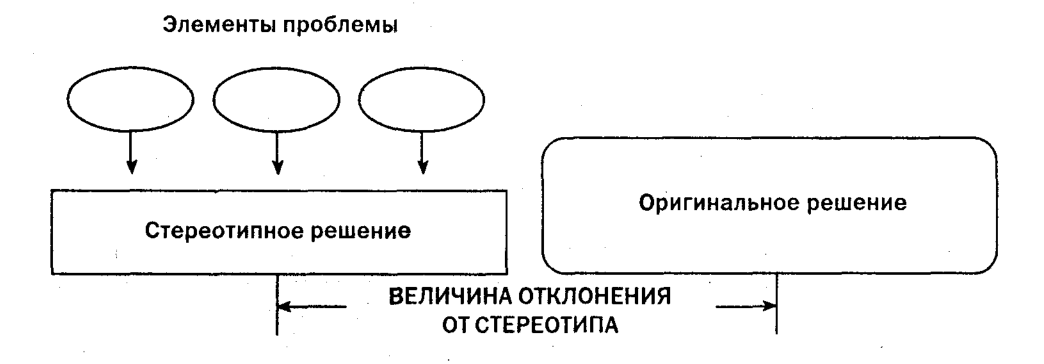

Рис. 35-4. Схема процесса творческого мышления (по С. Меднику)

Ревалидизация RAT на отечественной выборке проведена сотрудниками лаборатории психологии способностей Института психологии РАН Т. В. Галкиной и Л. Г. Хуснутдиновой. Для валидизации использовались метод контрастных групп (сравнение речемыслительной креативности студентов технического вуза и Литературного института им. М. Горького), экспертная оценка креативности школьников психологами и педагогами, а также сравнение данных по RAT с результатами применения методики Торренса «Рисунок треугольника». Тест имеет две модификации — для детей и для взрослых.

В тесте речемыслительной креативности (РМК) применяются следующие индексы:

1) индекс продуктивности — отношение числа ответов к количеству заданий;

2) индекс оригинальности — сумма индексов оригинальности отдельных ответов, отнесенных к общему числу ответов (индекс оригинальности отдельного ответа — обратная величина по отношению к частоте встречаемости ответа в выборке);

3) индекс уникальности ответов — равен отношению количества уникальных ответов к общему

числу ответов;

4) индекс селективности (избирательности) — процедура получения индекса селективного процесса заключается в следующем: ответы на каждый стимул, полученные на выборке, предлагаются испытуемому, который должен выбрать самый оригинальный ответ; выбор испытуемого сравнивается с выбором экспертов и подсчитывается отношение числа совпадений к числу заданий.

«Теория инвестирования» Р. Стернберга. Одной из последних по времени возникновения концепций креативности является так называемая «теория инвестирования», предложенная Р. Стернбергом и Д. Лавертом (Sternberg R., 1985). Эти авторы считают креативным такого человека, который стремится и способен «покупать идеи по низкой цене и продавать по высокой». «Покупать по низкой цене» — значит заниматься неизвестными, непризнанными или непопулярными идеями. Задача заключается в том, чтобы верно оценить потенциал их развития и возможный спрос. Творческий человек вопреки сопротивлению среды, непониманию и неприятию настаивает на определенных идеях и «продает их по высокой цене». После достижения рыночного успеха он переходит к другой непопулярной или новой идее. Вторая проблема в том, откуда эти идеи берутся.

Стернберг считает, что человек может не реализовать свой творческий потенциал в двух случаях: 1) если он высказывает идеи преждевременно; 2) если он не выносит их на обсуждение слишком долго и тогда они становятся очевидными, «устаревают». Следует отметить, что в данном случае автор подменяет проявление творчества его социальным принятием и оценкой.

По Стернбергу, творческие проявления определяются шестью основными факторами: 1) интеллектом как способностью; 2) знанием; 3) стилем мышления; 4) индивидуальными чертами; 5) мотивацией; 6) внешней средой.

Интеллектуальная способность является основной. Для творчества особенно важны следующие составляющие интеллекта: 1) синтетическая способность — новое видение проблемы, преодоление границ обыденного сознания; 2) аналитическая способность — выявление идей, достойных дальнейшей разработки; 3) практические способности — умение убеждать других в ценности идеи («продажа»). Если у индивида слишком развита аналитическая способность в ущерб двум другим, то он является блестящим критиком, но не творцом. Синтетическая способность, не подкрепленная аналитической практикой, порождает массу новых идей, но не обоснованных исследованиями и бесполезных. Практическая способность без двух остальных может привести к продаже «недоброкачественных», но ярко представленных публике идей.

Влияние знаний может быть как позитивным, так и негативным: человек должен представлять, что именно он собирается сделать. Выйти за пределы поля возможностей и проявить креативность нельзя, если не знаешь границ этого поля. Вместе с тем знания слишком устоявшиеся могут ограничивать кругозор исследователя, лишать его возможности по-новому взглянуть на проблему.

Для творчества необходима независимость мышления от стереотипов и внешнего влияния. Творческий человек самостоятельно ставит проблемы и автономно их решает.

Креативность предполагает, с точки зрения Стернберга, способность идти на разумный риск, готовность преодолевать препятствия, внутреннюю мотивацию, толерантность к неопределенности, готовность противостоять мнению окружающих. Проявление креативности невозможно, если отсутствует творческая среда.

Отдельные компоненты, отвечающие за творческий процесс, взаимодействуют. И совокупный эффект от их взаимодействия несводим к влиянию какого-либо одного из них. Мотивация может компенсировать отсутствие творческой среды, а интеллект, взаимодействуя с мотивацией, значительно повышает уровень креативности.

Приведем результаты одного из исследований, проведенных под руководством Стернберга. Изучалась связь креативности и интеллекта. Были отобраны 48 испытуемых в возрасте от 18 до 65 лет. Они должны были создать по два произведения четырех жанров: сочинение, реклама, рисунок, исследование. Испытуемому предлагалось 3-10 тем, из которых он выбирал две. Уровень креативности по всем произведениям оценивался по критериям новизны, соответствия произведения теме, эстетической ценности, интеграции несопоставимых элементов, технике исполнения, качеству результата.

Интеллектуальные способности измеряли с помощью теста CFT Кэттелла (форма А). Знания оценивали с помощью биографического опросника. Помимо того оценивались: 1) стиль мышления — по опроснику «Майерс—Бригс индикатор тестов» (MBTG, форма G) и «Опроснику стилей мышления» Стернберга—Вагнера; 2) личностные особенности — по тестам ACL и PRF (форма Е).

Оценки креативности индивидов оказались достаточно надежными. Согласованность оценок экспертов в каждой из четырех областей колебалась от 0,81 до 0,89. Усредненная согласованность была еще выше — 0,92.

Высокой была корреляция внутри областей:

- для сочинений — 0,63;
- для рекламы — 0,65;
- для науки — 0,52;
- для рисунка — 0,37.

Корреляция с общим баллом креативности — 0,67.

Уровень креативности зависел от специфики предметной деятельности; корреляции между результатами, показанными в разных областях, изменялись от 0,23 до 0,62. В наибольшей степени коррелировали с творческой продуктивностью интеллектуальные способности (флюидный интеллект), в наименьшей — личностные особенности.

Результаты позволили Стернбергу утверждать, что существует «синдром креативности».

Стернберг провел дополнительные исследования для того, чтобы выявить роль аналитических интеллектуальных способностей в структуре креативности. Вербальный, пространственный и математический интеллекты измеряли с помощью теста STAT (*Stemberg Triarchic Abilities Test*). В исследовании принимали участие 199 студентов, которые были разбиты на две группы — высококреативных и низкокреативных. Им читали в колледже один и тот же психологический курс в двух разных вариантах. Один курс был построен так, чтобы стимулировать творческое мышление, другой — нет. Оценивался достигнутый студентами результат в зависимости от начального уровня креативности и типа обучения.

Студенты, изначально обладавшие более высоким уровнем креативности, чаще генерировали собственные идеи, самостоятельно организовывали эксперименты, выдвигали разнообразные гипотезы в случае варьирования условий эксперимента и выборки, т. е. показали более высокие результаты в условиях творческого обучения, чем те, которые тоже обладали высокими показателями креативности, но обучались в обыкновенных условиях.

Следовательно, для проявления креативности необходима соответствующая (творческая) среда. Это же вытекает из результатов предыдущих исследований.

35.3. Творческая личность и ее жизненный путь

Многие из исследователей сводят проблему человеческих способностей к проблеме творческой личности: не существует особых творческих способностей, а есть личность, обладающая определенной мотивацией и чертами. Действительно, если интеллектуальная одаренность не влияет непосредственно на творческие успехи человека, если в ходе развития креативности формирование определенной мотивации и личностных черт предшествует творческим проявлениям, то можно сделать вывод о существовании особого типа личности — «Человека творческого».

Знаниями об особенностях творческой личности психологи обязаны не столько своим усилиям, сколько работе литературоведов, историков науки и культуры, искусствоведов, которые так или иначе касались проблемы творческой личности, так как нет творения без творца.

Творчество есть выход за пределы традиции и стереотипов. Это лишь негативное определение творчества, но первое, что бросается в глаза, — сходство поведения творческой личности и человека с психическими нарушениями. Поведение того и другого отклоняется от стереотипного, общепринятого.

Есть две противоположные точки зрения: талант — это максимальная степень здоровья, талант — это болезнь.

Традиционно последнюю точку зрения связывают с именем Чезаре Ломброзо. Правда сам Ломброзо никогда не утверждал, что существует прямая зависимость между гениальностью и безумием, хотя и подбирал эмпирические примеры в пользу этой гипотезы: «Седина и облысение, худоба тела, а также плохая мускульная и половая деятельность, свойственная всем помешанным, очень часто встречается у великих мыслителей.... Кроме того, мыслителям, наряду с помешанными, свойственны: постоянное переполнение мозга кровью (гиперемия), сильный жар в голове и охлаждение конечностей, склонность к острым болезням мозга и слабая чувствительность к голоду и холоду» (Ломброзо Ч., 1992).

Ломброзо характеризует гениев как людей одиноких, холодных, равнодушных к семейным и

общественным обязанностям. Среди них много наркоманов и пьяниц: Мюссе, Клейст, Сократ, Сенека, Гендель, По. XX век добавил в этот список множество имен, от Фолкнера и Есенина до Хендрикса и Моррисона.

Гениальные люди всегда болезненно чувствительны. У них наблюдаются резкие спады и подъемы активности. Они гиперчувствительпы к социальному поощрению и наказанию и т. д. Ломброзо приводит любопытные данные: в популяции евреев-ашкенази, живущих в Италии, больше душевнобольных, чем у итальянцев, но больше и талантливых людей (сам Ломброзо был итальянским евреем). Вывод, к которому он приходит, звучит следующим образом: гений и безумие могут совмещаться в одном человеке.

Список гениев, страдающих психическими расстройствами, бесконечен. Эпилепсией болели Петрарка, Мольер, Флобер, Достоевский, не говоря уже об Александре Македонском, Наполеоне и Юлии Цезаре. Меланхолия была у Руссо, Шатобриана. Психопатами (по Кречмеру) являлись Жорж Санд, Микеланджело, Байрон, Гете и другие. Галлюцинации были у Байрона, Гончарова и многих других. Количество пьяниц, наркоманов и самоубийц среди творческой элиты не поддается подсчету.

Гипотеза «гений и безумие» возрождается и в наши дни. Д. Карлсон (Karlson Y. L., 1978) считает, что гений — это носитель рецессивного гена шизофрении. В гомозиготном состоянии ген проявляется в болезни. Например, сын гениального Эйнштейна болел шизофренией. В этом списке — Декарт, Паскаль, Ньютон, Фарадей, Дарвин, Платон, Эмерсон, Ницше, Спенсер, Джемс и др.

Но не присутствует ли в основе представлений о связи гениальности и психических отклонений иллюзия восприятия: таланты на виду и все их личностные качества тоже. Может быть, душевнобольных среди «средних» не меньше, а даже больше, чем среди «гениев»? Т. Саймонтон провел такой анализ и выявил, что среди гениев число душевнобольных не больше, чем среди основной массы населения (около 10 %). Единственная проблема: кого считать гением, а кого не считать таковым?

Если исходить из вышеизложенной трактовки творчества как процесса, то *гений* — это человек, творящий на основе бессознательной активности, который способен переживать самый широкий диапазон состояний ввиду того, что бессознательный творческий субъект выходит из-под контроля рационального начала и саморегуляции.

Гений — человек, творящий на основе бессознательной активности, который способен переживать самый широкий диапазон состояний ввиду того, что бессознательный творческий субъект выходит из-под контроля рационального начала и саморегуляции.

Как это ни удивительно, именно такое, согласующееся с современными представлениями о природе творчества, определение гениальности дал Ломброзо: «Особенности гениальности по сравнению с талантом в том отношении, что она является чем-то бессознательным и проявляется неожиданно».

Главное отличие творческой личности представители глубинной психологии и психоанализа (здесь их позиции сходятся) видят в специфической мотивации. Остановимся лишь вкратце на позициях ряда авторов, поскольку эти взгляды изложены в многочисленных источниках.

Отличие заключается только в том, какая мотивация лежит в основе творческого поведения. 3. Фрейд считал творческую активность результатом сублимации (смещения) полового влечения на другую сферу деятельности: в творческом продукте опредмечивается в социально приемлемой форме сексуальная фантазия.

А. Адлер считал творчество способом компенсации «комплекса неполноценности». Наибольшее внимание феномену творчества уделил К. Юнг, видевший в нем проявление архетипов коллективного бессознательного.

Р. Ассаджиоли (отчасти вслед за А. Адлером) считал творчество процессом восхождения личности к «идеальному Я», способом ее самораскрытия.

Психологи гуманистического направления (Г. Оллпорт и А. Маслоу) считали, что первоначальный источник творчества — мотивация личностного роста, не подчиняющаяся гомеостатическому принципу удовольствия; по Маслоу, это потребность в самоактуализации, полной и свободной реализации своих способностей и жизненных возможностей.

Ряд исследователей полагает, что для творчества необходима мотивация достижения, другие считают, что она блокирует творческий процесс. Однако большинство авторов все же убеждено в том, что наличие всякой мотивации и личностной увлеченности является главным признаком творческой

личности. К этому часто добавляют такие особенности, как независимость и убежденность. Независимость, ориентация на личные ценности, а не на внешние оценки, пожалуй, может считаться главным личностным качеством творческой личности.

Творческим людям присущи следующие личностные черты:

1) независимость — личностные стандарты важнее стандартов группы; неконформность оценок и суждений;

2) открытость ума — готовность поверить своим и чужим фантазиям, восприимчивость к новому и необычному;

3) высокая толерантность к неопределенным и неразрешимым ситуациям, конструктивная активность в этих ситуациях;

4) развитое эстетическое чувство, стремление к красоте.

Часто в этом ряду упоминают особенности «Я-концепции», которая характеризуется уверенностью в своих способностях и силой характера, и смешанные черты женственности и мужественности в поведении (их отмечают не только психоаналитики, но и генетики).

Наиболее противоречивы данные о психической эмоциональной уравновешенности. Хотя гуманистические психологи «во весь голос» утверждают, что творческие люди характеризуются эмоциональной и социальной зрелостью, высокой адаптивностью, уравновешенностью, оптимизмом и т. п., но большинство экспериментальных результатов противоречит этому.

Согласно приведенной выше модели творческого процесса, креативы должны быть склонны к психофизиологическому истощению в ходе творческой активности, так как творческая мотивация работает по механизму положительной обратной связи, а рациональный контроль эмоционального состояния при творческом процессе ослаблен. Следовательно, единственный ограничитель творчества — истощение психофизиологических ресурсов (ресурсов бессознательного), что неизбежно приводит к крайним эмоциональным состояниям.

Исследования показали, что одаренные дети, чьи реальные достижения ниже их возможностей, переживают серьезные проблемы в личностной и эмоциональной сфере, а также в сфере межличностных отношений (Рудкевич Л. А., Рыбалко Е. Ф., 1997). То же относится и к детям с IQ выше 180 баллов.

Аналогичные выводы о высокой тревожности и плохой адаптированности творческих людей к социальной среде приводятся в ряде других исследований. Такой специалист, как Ф. Баррон, утверждает, что, для того чтобы быть творческим, надо быть немного невротиком; следовательно, эмоциональные нарушения, искажающие «нормальное» видение мира, создают предпосылки для нового подхода к действительности. Однако возможно, что здесь перепутаны причины и следствия, и невротические симптомы есть побочный результат творческой активности.

Независимость от группы в сочетании с собственным видением мира, оригинальным «бесконтрольным» мышлением и поведением вызывает негативную реакцию социальной микросреды, как правило, ратующей за соблюдение традиций.

Сама творческая активность, связанная с изменением состояния сознания, психическим перенапряжением и истощением, вызывает нарушения психической регуляции и поведения.

Приведем результаты еще нескольких исследований, целью которых было выявление личностных особенностей творческих людей.

Наиболее часто в научной литературе упоминаются такие черты творческих личностей, как независимость в суждениях, самоуважение, предпочтение сложных задач, развитое чувство прекрасного, склонность к риску, внутренняя мотивация, стремление к порядку.

К. Тейлор (Taylor C. W., 1985) в результате многолетних исследований творчески одаренных детей пришел к выводу, что, на взгляд окружающих, они излишне независимы в суждениях, у них нет почтения к условностям и авторитетам, чрезвычайно развито чувство юмора и умение найти смешное в необычных ситуациях, они менее озабочены порядком и организацией работы, у них более темпераментная натура.

Одно из наиболее основательных исследований по выявлению личностных черт творческих людей было проведено под руководством К. Тейлора и Р. Б. Кэттелла. Оно было посвящено изучению сходств и различий креативного поведения в науке, искусстве и практической деятельности.

В качестве основной диагностической методики авторы использовали известный специалистам опросник 16PF Кэттелла.

В одной из серий исследования сравнивались профили личностных черт известных ученых и

инженеров (36 человек), музыкантов (21 человек), художников и обычных студентов последних курсов университетов (42 человека). Авторы не обнаружили никаких значимых различий между учеными и художниками по предложенному ими комбинированному индексу креативности. Однако удалось выявить значимые различия между этими группами по отдельным шкалам 16PF. Профили обеих групп творческих личностей значимо отличались от профиля группы студентов.

Из чего складывался «индекс креативности»? Было высказано предположение, что креативное поведение описывается двухфакторной структурой (результат вторичной факторизации чисел 16 PF на выборке креативов). Креативы, по сравнению с некреативами, являются более отстраненными или сдержанными, они более интеллектуальны и способны к абстрактному мышлению, склонны к лидерству, более серьезны, являются более практичными или свободно трактующими правила, более социально смелы, более чувствительны, обладают очень богатым воображением, они либеральны и открыты опыту и самодостаточны.

Таблица 35.1.

Корреляции шести различных показателей творческих способностей в различных областях деятельности (Хочевар Д., по Лук А. Н., 1979)

Изящные искусства	0,63	0,34	0,22	0,68	0,17	—
Умение работать руками	—	0,76	0,41	0,46	0,48	0,24
Исполнительское мастерство	0,57	0,47	—	0,29	0,46	0,27
Математика	0,45	0,43	0,50	-	0,30	0,17
Литература	0,66	0.54	0,47	0,51	-	0,28
Музыка	0,45	0,48	0,35	0,45	0,41	-

В более поздних исследованиях Гетцельна выявились различия между деятелями искусства и учеными по шкалам 16PF: у первых было более развитое вображение (фактор M), и они имели низкие баллы по фактору G.

Для исследования личностной составляющей креативности был разработан тест-опросник «Что вы за личность?» (WKPY— *What kind of person are you*?). Результаты заполнения этого теста коррелировали с данными, получеными с помощью 16PF. При исследовании 100 художественно одаренных студентов было выявлено пять значимых факторов, коррелирующих с индексом креативности по WKPY: Q1(+), E(+); Q2(+); J(+); G(-).

Практически все исследователи отмечают существенные различия психологических портретов ученых и деятелей искусства. Р. Сноу отмечает большой прагматизм ученых и склонность к эмоциональным формам самовыражения у литераторов. Ученые и инженеры более сдержанны, менее социально смелы, более тактичны и менее чувствительны, чем деятели искусства.

Эти данные и легли в основу предположения, что креативное поведение можно расположить в пространстве двух факторов. Первый фактор включает изобразительное искусство, науку, инженерию, бизнес, видео- и фотодизайн. Второй фактор включает музыку, литературу и дизайн одежды.

Двухфакторная модель креативного поведения проверялась во множестве исследований. Выявлено, что факторы не являются ортогональными: r = 0,41.

В одном из исследований на выборке 590 человек проверялась модель, предложенная К. Тейлором: он выделил восемь областей проявления креативности. Использовался опросник ASAS (*Artistic and Scientific activities survey*). Он предназначен для выявления различий между новичками и профессионалами и призван охватить разнообразные сферы проявления творческой активности: 1) искусство, 2) музыку, 3) театр, 4) науку и инженерию, 5) литературу, 6) бизнес, 7) дизайн одежды, 8) видео-и фотодизайн. Результаты, полученные с помощью ASAS, коррелируют с показателями тестов креативности по Торренсу (Torrance E. P., 1964).

В результате эмпирического исследования вновь выявлены два фактора креативного поведения. В первый фактор вошли изобразительное искусство, видео- и фотодизайн, музыка, литература, дизайн

одежды, театр. Во второй фактор объединились наука, инженерия и бизнес. Причем корреляция между факторами равна 0,32.

Следовательно, существует четкое разделение личностных проявлений творческого поведения в искусстве и науке. Кроме того, деятельность бизнесмена более сходна с деятельностью ученого (по своим творческим проявлениям), затем — с деятельностью художника, артиста, литератора и т. д.

Не менее важен и другой вывод: личностные проявления креативности распространяются на многие области человеческой активности. Как правило, творческая продуктивность в одной основной для личности области сопровождается продуктивностью в других областях.

Главное же в том, что ученые и бизнесмены в среднем лучше контролируют свое поведение и менее эмоциональны и чувствительны, чем деятели искусства.

Можно рассмотреть приведенные выше результаты исследований с точки зрения отношений уровня интеллекта и креативности у конкретной личности.

В том случае, когда высокий интеллект сочетается с высоким уровнем креативности, творческий человек чаще всего хорошо адаптирован к среде, активен, эмоционально уравновешен, независим и т. д. Наоборот, при сочетании креативности с невысоким интеллектом человек чаще всего невротичен, тревожен, плохо адаптирован к требованиям социального окружения. Сочетание интеллекта и креативности предрасполагает к выбору разных сфер социальной активности.

Различные исследователи, приписывая совершенно противоположные черты творческим личностям, имеют дело с различными типами людей (по классификации Когана и Воллаха) и переносят выводы, справедливые для одного типа, на всю совокупность творческих людей прошлого, настоящего и будущего.

Продуктивность научного творчества стала предметом исследования не так давно. По мнению многих авторов, начало наукометрического подхода к проблеме возрастной динамики творчества связано с работами Г. Лемана (Karlson Y. L., 1978).

В монографии «Возраст и достижения» (1953) он опубликовал результаты анализа сотен биографий не только политиков, писателей, поэтов и художников, но и математиков, химиков, философов и других ученых.

Динамика достижений представителей точных и естественных наук такова:

1) подъем от 20 до 30 лет; 2) пик продуктивности в 30-35 лет; 3) спад к 45 годам (50 % от первоначальной продуктивности); 4) к 60 годам утрата творческих способностей. Качественное снижение продуктивности предшествует количественному спаду. И чем более ценен вклад творческой личности, тем выше вероятность, что творческий пик пришелся на молодой возраст. Выводы Лемана о значимости вклада личности в культуру базировались на подсчете числа строк, посвященных им в энциклопедиях и словарях. Позже Е. Клег анализировал словарь-справочник «Американцы в науке» и пришел к выводу, что спад творческой продуктивности у наиболее выдающихся ученых начинает наблюдаться не раньше 60 лет.

Среди российских ученых впервые (задолго до работ Лемана) к проблеме возрастной динамики творчества обратился И. Я. Перна. В 1925 г. он опубликовал работу «Ритмы жизни и творчества». По данным Перна, пик творческого развития приходится на 35-40 лет, именно в это время крупный ученый обычно публикует свою первую работу (средний возраст — 39 лет). Наиболее рано пик творческих достижений наблюдается у математиков (25-30 лет), затем идут физики-теоретики и химики (25-35 лет), затем — представители других естественных наук и физики-экспериментаторы (35-40 лет), позже всех пик творчества наблюдается у гуманитариев и философов. За пиком следует неминуемый спад, хотя при этом чередуются взлеты и падения продуктивности (Парандовский Я., 1990).

Одно из последних исследований возрастной динамики творческой продуктивности ученых провели Л. А. Рудкевич и Е. Ф. Рыбалко (1997). Они основывались на анализе биографий и творческих достижений ученых. Были выделены две группы: в группу А вошли 372 самых знаменитых, по мнению авторов, ученых и деятелей искусства; в группу В — 419 известных, но не столь знаменитых представителей творческих профессий.

В группе А спад творческой активности наблюдался редко, а в группе В он наблюдался во всех профессиональных группах (особенно — в группе представителей точных наук). Представители группы А дольше учатся, чем представители группы В, но и период наивысшей творческой продуктивности у них значительно продолжительнее. И вместе с тем наиболее выдающиеся люди раньше начинают творческую деятельность, чем менее выдающиеся.

Многие авторы считают, что существуют два типа творческой продуктивности в течение жизни:

первый приходится на 25-40 лет (в зависимости от сферы деятельности), а второй наблюдается в конце четвертого десятилетия жизни с последующим спадом после 65 лет.

У наиболее выдающихся деятелей науки и искусства не наблюдается и установленный во многих исследованиях типичный спад творческой активности перед смертью.

Творческую продуктивность проявляют до глубокой старости люди, сохранившие свободомыслие, независимость взглядов, т. е. качества, присущие юности. Кроме того, творческие личности сохраняют высокую критичность по отношению к своим трудам. В структуре их способностей оптимально сочетаются способность к творчеству с рефлективным интеллектом.

Таким образом, особенности взаимодействия сознания и бессознательного, а в наших терминах — субъекта сознательной деятельности и бессознательного творческого субъекта, определяют типологию творческих личностей и особенности их жизненного пути.

35.4. Развитие творческих способностей

В психологии развития борются и дополняют друг друга три подхода: 1) генетический, отводящий основную роль в детерминации психических свойств наследственности; 2) средовой, представители которого считают решающим фактором развития психических способностей внешние условия; 3) генотип-средового взаимодействия, сторонники которого выделяют разные типы адаптации индивида к среде в зависимости от наследственных черт.

Многочисленные исторические примеры: семейства математиков Бернулли, композиторов Бахов, русских писателей и мыслителей — на первый взгляд убедительно свидетельствуют о преимущественном влияний наследственности на формирование творческой личности.

Критики генетического подхода возражают против прямолинейной интерпретации этих примеров. Возможны еще два альтернативных объяснения: во-первых, творческая среда, создаваемая старшими членами семьи, их пример воздействуют на развитие творческих способностей детей и внуков (средовой подход). Во-вторых, наличие одинаковых способностей у детей и родителей подкрепляется стихийно складывающейся творческой средой, адекватной генотипу (гипотеза генотип-средового взаимодействия).

В обзоре Николса, обобщившего результаты 211 близнецовых исследований, приведены результаты диагностики дивергентного мышления в 10 исследованиях. Средняя величина корреляций между МЗ близнецами равна 0,61, а между ДЗ близнецами — 0,50. Следовательно, вклад наследственности в детерминацию индивидуальных различий по уровню развития дивергентного мышления весьма невелик. Российские психологи Е. Л. Григоренко и Б. И. Кочубей в 1989 г. провели исследование МЗ и ДЗ близнецов (учащихся 9-10-х классов средней школы) (Григоренко Е. А., Кочубей Б. И., 1989). Главный вывод, к которому пришли авторы, — индивидуальные различия в креативности и показателях процесса проверки выдвижения гипотез определяются средовыми факторами. Высокий уровень креативности встречался у детей с широким кругом общения и демократическим стилем взаимоотношений с матерью.

Таким образом, психологические исследования не подтверждают гипотезу о наследуемости индивидуальных различий в креативности (точнее — уровня развития дивергентного мышления).

Попытка реализации другого подхода к выявлению наследственных детерминант креативности предпринята в работах исследователей, принадлежащих к отечественной школе дифференциальной психофизиологии. Представители этого направления утверждают, что в основе общих способностей лежат свойства нервной системы (задатки), которые также обусловливают особенности темперамента.

Гипотетическим свойством нервной системы человека, которое могло бы в ходе индивидуального развития детерминировать креативность, считается «пластичность». Пластичность обычно определяется по показателям вариативности параметров ЭЭГ и вызванных потенциалов. Классическим условно-рефлекторным методом диагностики пластичности являлась переделка навыка с позитивного на негативный или наоборот.

Полюсом, противоположным пластичности, является ригидность, которая проявляется в малой вариативности показателей электрофизиологической активности центральной нервной системы, затруднении переключаемости, неадекватности переноса старых способов действия на новые условия, стереотипности мышления и т. д.

Одна из попыток выявления наследуемости пластичности была предпринята в диссертационном

исследовании С. Д. Бирюкова. Удалось выявить наследуемость «полезависимости—поленезависимости» (успешность выполнения теста встроенных фигур) и индивидуальных различий выполнения теста «Прямое и обратное письмо». Средовая компонента общей фенотипической дисперсии по этим измерениям была близка к нулю. Кроме того, методом факторного анализа удалось выявить два независимых фактора, характеризующих пластичность: «адаптивный» и «афферентный». Первый связан с общей регуляцией поведения (характеристиками внимания и моторикой), а второй — с параметрами восприятия.

По данным Бирюкова, онтогенез пластичности завершается к окончанию полового созревания, при этом половых различий ни по фактору «адаптивной» пластичности, ни по фактору «афферентной» пластичности нет.

Фенотипическая изменчивость этих показателей очень велика, но вопрос о связи пластичности с креативностью остается открытым. Поскольку психологические исследования до сих пор не выявили наследуемости индивидуальных различий в креативности, обратим внимание на факторы внешней среды, которые могут оказать позитивное или негативное влияние на развитие творческих способностей. До сих пор исследователи отводили решающую роль микросреде, в которой формируется ребенок, и, в первую очередь, влиянию семейных отношений. Большинство исследователей выявляют при анализе семейных отношений следующие параметры: 1) гармоничность — негармоничность отношений между родителями, а также между родителями и детьми; 2) творческая — нетворческая личность родителя как образец подражания и субъект идентификации; 3) общность интеллектуальных интересов членов семьи либо ее отсутствие; 4) ожидания родителей по отношению к ребенку: ожидание достижений или независимости.

Если в семье культивируется регламентация поведения, предъявляются одинаковые требования ко всем детям, существуют гармоничные отношения между членами семьи, то это приводит к низкому уровню креативности детей.

Похоже на то, что больший спектр допустимых поведенческих проявлений (в том числе — эмоциональных), меньшая однозначность требований не способствуют раннему образованию жестких социальных стереотипов и благоприятствуют развитию креативности. Тем самым творческая личность выглядит как психологически нестабильная. Требование достижения успехов через послушание не способствует развитию независимости и, как следствие, креативности.

К. Берри провел сравнительное исследование особенностей семейного воспитания лауреатов Нобелевской премии по науке и литературе. Почти все лауреаты происходили из семей интеллектуалов или бизнесменов, практически не было выходцев из низших слоев общества. Большинство из них родились в крупных городах (столицах или мегаполисах). Среди Нобелевских лауреатов, рожденных в США, только один происходил из среднезападных штатов, зато из Нью-Йорка — 60. Чаще всего Нобелевские премии получали выходцы из еврейских семей, реже — из семей протестантов, еще реже — из католических семей.

Родители Нобелевских лауреатов-ученых чаще всего также занимались наукой или работали в области образования. Выходцы из семей ученых и преподавателей крайне редко получали Нобелевские премии за литературу или борьбу за мир.

Обстановка в семьях лауреатов-ученых была более стабильной, чем в семьях лауреатов-литераторов. Большинство ученых подчеркивали в интервью, что у них было счастливое детство и рано началась научная карьера, протекавшая без существенных срывов. Правда, нельзя сказать, способствует ли спокойная семейная среда развитии таланта или становлению личностных качеств, благоприятствующих карьере. Достаточно вспомнить нищее и безрадостное детство Кеплера и Фарадея. Известно, что маленького Ньютона бросила мать и он воспитывался бабушкой.

Трагические события в жизни семей лауреатов Нобелевской премии по литературе — явление типичное. Тридцать процентов лауреатов-литераторов в детстве потеряли одного из родителей или их семьи разорились.

Специалисты в области посттравматического стресса, переживаемого некоторыми людьми после воздействия выходящей за рамки обычной жизни ситуации (природная или техническая катастрофа, клиническая смерть, участие в боевых действиях и т. д.), утверждают, что у последних возникает неконтролируемое стремление выговориться, рассказать о своих необычных переживаниях, сопровождающееся чувством непонятости. Возможно, травма, связанная с потерей близких в детстве, и является той незаживающей раной, которая заставляет писателя через свою личную драму раскрывать в слове драматизм человеческого существования.

Д. Саймонтон, а затем и ряд других исследователей выдвинули гипотезу, что среда, благоприятная для развития креативности, должна подкреплять креативное поведение детей, предоставлять образцы творческого поведения для подражания. С его точки зрения, максимально благоприятна для развития креативности социально и политически нестабильная среда.

Среди многочисленных фактов, которые подтверждают важнейшую роль семейно-родительских отношений, есть и такие:

1. Большие шансы проявить творческие способности имеет, как правило, старший или единственный сын в семье.

2. Меньше шансов проявить творческие способности у детей, которые идентифицируют себя с родителями (отцом). Наоборот, если ребенок отождествляет себя с «идеальным героем», то шансов стать креативным у него больше. Этот факт объясняется тем, что у большинства детей родители — «средние», нетворческие люди, идентификация с ними приводит к формированию у детей нетворческого поведения.

3. Чаще творческие дети появляются в семьях, где отец значительно старше матери.

4. Ранняя смерть родителей приводит к отсутствию образца поведения с ограничением поведения в детстве. Это событие характерно для жизни как крупных политиков, выдающихся ученых, так и преступников и психически больных.

5. Для развития креативности благоприятно повышенное внимание к способностям ребенка, ситуация, когда его талант становится организующим началом в семье.

Итак, семейная среда, где, с одной стороны, есть внимание к ребенку, а с другой стороны, где к нему предъявляются различные, несогласованные требования, где мал внешний контроль за поведением, где есть творческие члены семьи и поощряется нестереотипное поведение, приводит к развитию креативности у ребенка.

Гипотеза о том, что подражание является основным механизмом формирования креативности, подразумевает, что для развития творческих способностей ребенка необходимо, чтобы среди близких ребенку людей был творческий человек, с которым бы ребенок себя идентифицировал. Процесс идентификации зависит от отношений в семье: в качестве образца для ребенка могут выступать не родители, а «идеальный герой», обладающий творческими чертами в большей мере, чем родители,

Негармонические эмоциональные отношения в семье способствуют эмоциональному отдалению ребенка от, как правило, нетворческих родителей, но сами по себе они не стимулируют развитие креативности.

Для развития креативности необходима нерегламентированная среда с демократическими отношениями и подражание ребенка творческой личности.

Развитие креативности, возможно, идет по следующему механизму: на основе общей одаренности под влиянием микросреды и подражания формируется система мотивов и личностных свойств (нонконформизм, независимость, мотивация самоактуализации), и общая одаренность преобразуется в актуальную креативность (синтез одаренности и определенной структуры личности).

Если обобщить немногочисленные исследования, посвященные сензитивному периоду развития креативности, то наиболее вероятно, что этот период приходится на возраст в 3-5 лет. К 3 годам у ребенка появляется потребность действовать, как взрослый, «сравняться со взрослым». У детей появляется «потребность в компенсации» и развиваются механизмы бескорыстного подражания деятельности взрослого. Попытки подражать трудовым действиям взрослого начинают наблюдаться с конца ворого по четвертый год жизни. Скорее всего, именно в это время ребенок максимально сензитивен к развитию творческих способностей через подражание.

В исследовании В. И. Тютюнника показано, что потребности и способность к творческому труду развиваются как минимум с 5 лет. Главным фактором, определяющим это развитие, является содержание взаимоотношений ребенка со взрослым, позиция, занимаемая взрослым по отношению к ребенку.

В ходе социализации устанавливаются весьма специфические отношения между творческой личностью и социальной средой. Во-первых, часто креативы испытывают дискриминацию в школе из-за ориентации обучения на «средние оценки», унификации программ, преобладания жесткой регламентации поведения, отношения учителей. Учителя, как правило, оценивают креативов как «выскочек», демонстративных, истеричных, упрямых и т. д. Сопротивление креативов репродуктивным работам, их большая чувствительность к монотонии расценивается как лень, упрямство, глупость. Часто талантливые дети становятся объектом преследований сверстников-подростков. Поэтому, по

данным Гилфорда, к концу школьного обучения одаренные дети впадают в депрессию, маскируя свои способности, но, с другой стороны, эти дети быстрее проходят начальные уровни развития интеллекта и быстрее достигают высоких уровней развития нравственного сознания (по Л. Колбергу).

Дальнейшая судьба креативов складывается в зависимости от условий среды и от общих закономерностей развития творческой личности.

В ходе профессионального становления огромную роль играет профессиональный образец — личность профессионала, на которую ориентируется креатив. Считается, что для развития креативности оптимален «средний» уровень сопротивления среды и поощрения таланта.

Однако среда, несомненно, играет исключительную роль в формировании и проявлении творческой личности. Если разделять ту точку зрения, что креативность присуща каждому человеку, а средовые влияния, запреты, «табу», социальные шаблоны только блокируют ее проявление, можно трактовать «влияние» нерегламентированности поведения как отсутствие всякого влияния. И на этой основе развитие креативности в позднем возрасте выступает как путь высвобождения творческого потенциала от «зажимов», приобретенных в раннем детстве. Но если полагать, что влияние среды позитивно и для развития креативности совершенно необходимо подкрепление общей одаренности определенным средовым влиянием, то идентификация и подражание креативному образцу, демократический, но эмоционально неуравновешенный стиль отношений в семье выступают как формирующие воздействия.

Функциональная когнитивная избыточность как основа человеческого творчества. Способность изобретать новое и воплощать новые идеи в реальность, очевидно, является важнейшей (если не главной) особенностью, отличающей человека от высших приматов и других высокоорганизованных животных.

Мало кто из социобиологов, этологов и зоопсихологов сомневается в наличии у высших обезьян способности к мышлению и простейшим формам псевдоречевого общения.

Интеллект как способность решать актуальные проблемы в уме без поведенческих проб присущ не только человеку, но ни один вид не создал хотя бы что-то напоминающее человеческую культуру. Элементы человеческой культуры — музыка, книги, нормы поведения, технологические средства, здания и др. — являются изобретениями, тиражируемыми и распространяемыми во времени и пространстве.

Важно ответить на вопрос: могли бы люди физически существовать без культурной среды, если культура есть необходимое средство адаптации человека к миру, а человеческий индивид вне культуры обречен на гибель. «Маугли», казалось бы, являются доказательством этого тезиса, но они «жертвы» лишь духовно, а физически — выживают! Можно сказать иначе: культура есть не обязательный «довесок» к человечеству, но она возникает потому, что отдельный человек не может существовать, не производя новых предметов культуры, как не может прекратить есть, пить или дышать. Возникает ли из этого тезиса мысль, что способность к творчеству изначально присуща человеку? Возможно. Но на мой взгляд (и это гипотеза!) творчество само по себе также является культуральным изобретением. Постараюсь обосновать такое предположение.

Для этого следует привести ряд теоретических соображений:

1. Человек отличается от других животных не просто «уровнем интеллекта», а функциональной избыточностью когнитивного ресурса по отношению к задачам адаптации. Проще говоря, интеллектуальные способности нормального человека («среднего человека») как представителя вида превышают те требования, которые предъявляет к нему окружающая природная среда.

2. С развитием культуры и цивилизации возрастают культуральные требования. Связанные с овладением культурой, снижаются требования адаптации к природной среде. Человек защищен от воздействий опасностей «излишком» изобретений. Функциональная избыточность по отношению к природной адаптации возрастает, по отношению к культурно-социальной — падает.

3. Множество моделей поведения, гипотез, образов будущего мира остается «невостребованным», поскольку большинство из них невозможно применить для регуляции адаптивного поведения. Но человек постоянно порождает гипотезы, которые активны и требуют своей реализации.

Каждый из нас, как М. Ю. Лермонтов, может сказать, что «в моей душе я создал мир иной и образов других существование», уточнив лишь, что таких миров много. Каждый (в воображении!) потенциально мог бы прожить множество разных жизней, но реализует лишь один линейный, необратимый жизненный путь. Время линейно, параллельных жизней не дано.

Творчество как способ социального поведения изобретено человечеством для реализации идей — плодов человеческого активного воображения. Альтернативой творчеству является адаптивное

поведение и психическая деградация или же разрушение как экстернализация психической активности человека по уничтожению собственных мыслей, планов, образов и т. д.

Каким образом может человек воплотить свои фантазии («параллельные» модели реальности) в жизнь, если она требует повседневной адаптации и реализации одного, единственного верного варианта поведения?.

Возможность для творчества предоставляется тогда, когда человек выпадает из потока решения задач на адаптацию, когда ему предоставляется «покой и воля», когда он не занят заботами о хлебе насущном или отказывается от этих забот, когда он предоставлен сам себе — на больничной койке, в камере одиночного заключения Шлиссельбурга, ночью за письменным столом Болдинской осенью.

Одним из аргументов в пользу представления творчества как социального изобретения являются данные психогенетики и психологии развития.

Исследования внутрипарного сходства моно- и дизиготных близнецов М. Резникова с соавторами (Resnikoff M., Domino G., Bridges C., Honeyman N., 1973) показали что генотип обусловливает лишь 25% дисперсии одиннадцати показателей креативности.

Развитие креативности детей сопровождается увеличением частоты неврозоподобных реакций, неадаптивного поведения, тревожности, психической неуравновешенности и эмотивности, что прямо свидетельствует о тесной взаимосвязи этих психических состояний с творческим процессом.

Индивиды различаются уровнем когнитивной функциональной избыточности (КФИ). Чем ниже избыточность, тем более адаптивным и удовлетворенным должен чувствовать себя человек. С этим выводом совпадают результаты исследований в области интеллектуальной адаптации, свидетельствующие о наличии «социального оптимума» уровня интеллекта: наиболее социально адаптированы и профессионально успешны лица со средним (или чуть выше среднего) интеллектом. Вместе с тем существуют и данные о высокой адаптивности и удовлетворенности жизнью индивидов с интеллектом ниже среднего и даже с умеренной олигофренией.

Установлено, что лица с высоким и сверхвысоким интеллектом наименее удовлетворены жизнью. Этот феномен наблюдается как в странах Запада, так и в России.

Все меньше индивидов удовлетворяет требованиям культуральной адаптации выдвигаемой современным производством (понимая этот термин в широком смысле как производство предметов культуры). Отсюда — распространение и потребление упрощенной культуры, суррогатов типа произведений «массовой культуры» и т. д., относительное уменьшение численности субъектов, способных участвовать в культурном творчестве, воспринимать и понимать смысл изобретений, теорий, открытий. Мало кто, кроме узкого круга профессионалов, может воспроизвести недавно полученное доказательство теоремы Ферма; мало любителей изящной словесности, действительно способных понять метафоры Т. Элиота или И. Бродского.

Творчество все больше и больше специализируется, и творцы, как птицы, сидящие на удаленных ветках одного и того же дерева человеческой культуры, далеки от земли и едва слышат и понимают друг друга. Большинство же вынуждено принимать на веру их открытия и пользоваться плодами их ума в быту, не отдавая себе отчета, что и капиллярную авторучку, и застежку-«молнию», и видеоплеер кто-то когда-то изобрел.

Итак, когнитивной функциональной избыточностью как свойством психики обладают в разной мере все нормальные, без генетических дефектов, ведущих к снижению интеллекта, представители человеческой популяции. Но уровень КФИ, требуемый для профессионального творчества в большинстве сфер человеческой культуры, таков, что оставляет большинство людей за пределами профессионального творчества. Но человечество и здесь нашло выход в форме «любительства», «творчества на досуге», хобби в тех сферах, которые пока еще доступны для большинства.

Эта форма творчества доступна практически всем и каждому: и детям с поражениями опорно-двигательного аппарата, и душевнобольным, и людям, утомленным монотонной или сверхсложной профессиональной деятельностью. Массовость «любительского» творчества, его благотворное влияние на душевное здоровье человека свидетельствует в пользу гипотезы «функциональной избыточности как видоспецифичном признаке человека».

Если гипотеза верна, то она объясняет такие важнейшие характеристики поведения творческих людей, как склонность проявлять «надситуативную активность» (Д. Б. Богоявленская) или тенденцию к сверхнормативной активности (В. А. Петровский).

Вопросы для повторения

1. Какова роль бессознательного в творческом процессе?
2. Дайте определение побочного продукта деятельности по Я. А. Пономереву.
3. Чем отличаются операции конвергентного и дивергентного мышления?
4. В чем сущность концепции «интеллектуального порога»?
5. Каковы относительные вклады наследственности и среды в развитие креативности?
6. Перечислите основные черты творческой личности.
7. На какой возраст приходится пик творческой продуктивности научных работников?
8. Как оценивается оригинальность ответов в тесте Торренса?
9. В чем суть гипотезы когнитивной функциональной избыточности?

Рекомендуемая литература

Айзенк Г. Ю. Интеллект: новый взгляд// Вопросы психологии. — № 1.— 1995. — С. 111-131.

Арнаудов М. Психология литературного творчества. — М.: Прогресс, 1970.

Богоявленская Д. Б. Интеллектуальная активность как проблема творчества. — Ростов-на-Дону, 1983.

Богоявленская Д. Б. Метод исследования уровней интеллектуальной активности // Вопросы психологии, 1971.-№ 1.-С. 144-146.

Богоявленская Д. Б. Интеллектуальная активность как проблема творчества. — Ростов-на-Дону,1983.

Бродский И. Нобелевская лекция // Стихотворения. — Таллинн, 1991. — С. 17-18.

Годфруа Ж. Что такое психология. В 2 т. — М.: Мир, 1992.

Гончаренко Н. В. Гений в искусстве и науке. — М.: Искусство, 1991.

Григоренко Е. А., Кочубей Б. И. Исследование процесса выдвижения и проверки гипотез близнецами // Новые исследования в психологии. — 1989. — №2. — С. 15-20.

Грузенберг С.О. Психология творчества. — Минск, 1923.

Дружинин В. Н., Хазратова Н. В. Экспериментальное наследование формирующего влияния микросреды на креативность // Психологический журнал. — 1994. — № 4.

Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. — СПб., 1992. — С. 15-16, 2-1-23.

Лук А.Н. Проблемы научного творчества / Сер. Науковедение за рубежом. — М., ИПИОН АН СССР, 1983.

Олах А. Творческий потенциал и личностные перемены // Общественные науки за рубежом. Р. Ж. Сер. Науковедение. - 1968. - № 4. - С. 69-73.

Парандовский Я. Алхимия слова. — М.: Правда, 1990.

Перна И. Я. Ритмы жизни и творчества. — Л., 1925.

Пономарев Я. А. Психология творчества // Тенденции развития психологической науки. — М.: Наука, 1988. С.21-25.

Развитие и диагностика способностей // Под ред. В. Н. Дружинина и В. В. Шадрикова. — М.: Наука, 1991.

Рудкевич Л. А., Рыбалко Е. Ф. Возрастная динамика самореализации творческой личности // Психологические проблемы самореализации личности. — СПб: Изд-во СПбГУ, 1997. — С. 89-106.

Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. — Москва; Томск, 1996.

Хоровитц Ф. Д., Байер О. Одаренные и талантливые дети: состояние проблемы и направления исследований // Общественные науки за рубежом. Р. Ж. Серия Науковедение, 1988. № 1.

Эллиот П. К. Префронтальная область коры больших полушарий головного мозга как организатор волевых действий и ее роль в высвобождении творческого потенциала человека // Общественные науки за рубежом. Р. Ж. Сер. Науковедение. - 1988. - № 1. - С. 86-87.

Bogerman W. G. Studies of Genius. - N.Y., 1947. P. 171.

Brand C. R., Egan V., Deary J.J. Genral intelligence and personality: No relation? // Current topics in human intelligence.

Guilford Y. P. The nature of human intelligence. - N. Y.: Mc-Graw Hill, 1967.

Karlson Y.L. Inheritance of creative intelligence. — Cicago, 1978. P. 138.

Lehman H. C. Age and Achievement. — Prinston, 1953.

Mednich S. A. The associative basis of the creative process // Psychol. - Rewiew. - 1969. - № 2. - P. 220-232.
Resnikoff M., Domino G., Bridges C., Honeyman N. Creative abilities in identical and fraterral twins // Behavior Genetics. - 1973. - V.3. - P. 356-377.
Sternberg R, General intellectual ability // Human abilities by R. Sternberg. — 1985. — P. 5-31.
Sternberg R.Y. Inside intelligence // American scientist. - 1986. - Vol. 74, 32. - P. 137-143.
Taylor C. W. Cultirating multiple creative talents in students //Journal for the Education of the Giften. — 1985.-Vol. 8.-P 187-198.
Terman L. M. The Measurement of Intelligence. — Boston,1937.
Torrance E. P. Guiding creative talent — Englewood Cliffs, WJ,: Prentice-Holl, 1964.
Torrance E. P. Scientific views of creativity and factors affecting its growth // Daedalus: Creativity and Learning. — 1965.- P.663-679.
Vernon P. E. Psychological studyes on creativity //Journal of Child Psychology and Psychiatry, 1967. № 8. P. 135-165.
Waller N.G., Boucharh T.J., Lykken D.T., Tellegen A. Creativity, heriability, familiality: Which word does not belong? // Psychological Inquing. - 1993. - Vol.4. - P.235-237.
Wollach M. A., Kogan N. A. A new look at the creativity — intelligence distinction //Journal of Personality. — 1965.-№ 33. - P. 348-369.

СЛОВАРЬ

А

абсолютный порог чувствительности – величина стимула, при кторой начинает возникать ощущение

абулия – полное или частичное отсутствие побуждений к дятельности, падение активности, потеря интереса ко всему

агнозия – затрудненность узнавания предметов, звуков

адаптация – эффективное взаимодействие организма со средой

адаптация к труду – процесс приспособления субъекта труда к особенностям трудовой деятельности

алкоголизм – заболевание, которое развивается в результате длительного злоупотребления спиртными напитками и характеризуется патологическим стремлением к спиртному, психической, а затем и физической зависимостью от алкоголя

амнезия – полное выпадение из памяти событий, фактов и ситуаций, имевших место в определенный временной отрезок жизни

анимизм – вера в то, что любой объект обладает душой, которая может существовать независимо от этого объекта

аномалия – несоответствие задач, поставленных парадигмой , установленным фактам и закономерностям

антропогенез – развитие человека как вида

апперцепция – зависимость восприятия от прошлого опыта

артифициализм – объяснение возникновения предметов и явлений искусственным путем

архетипы – наследственно передающиеся первичные идеи

аттракция – процесс формирования привлекательности человека для воспринимающего, результатом чего является формирование межличностных отношений

аутизм – утрата контактов с окружающими, уход от действительности во внутрений мир, отгороженность, замкнутость

афазия – полная или частичная потеря речи

аффект – быстро возникающее очень интенсивное и кратковременное эмоциональное состояние, вызываемое сильным или особо значимым для человека стимулом

Б

благодушие – беспечное и беззаботное эмоциональное состояние с оттенком полного удовлетворения, без стремления к деятельности

большая диффузная группа – многочисленная, но нечетко определенная по составу, высокодинамичная и низкоинтегрированная совокупность людей, лишь локально и опосредованно связанных друг с другом

бред – расстройство, при котором возникают непоколебимые суждения и умозаключения, не соответствующие действительности

В

внешнегрупповая дискриминация — тенденция к установлению различий в оценках «своей» и «чужой» группы в пользу «своей»

внимание — осуществление отбора нужной информации, обеспечение избирательных программ действий и сохранение постоянного контроля за их протеканием

внутригрупповой фаворитизм — тенденция оказывать предпочтение своей группе в противовес интересам другой

восприятие — процесс обработки сенсорной информации, результатом которой является отражение окружающего нас мира как совокупности предметов и событий

Г

галлюцинация — расстройство восприятия, при котором человек видит, слышит, ощущает то, что в реальной действительности не существует, т. е. это восприятие без объекта

гений — человек, творящий на основе бессознательной активности, который способен переживать самый широкий диапазон состояний ввиду того, что бессознательный творческий субъект выходит из-под контроля рационального начала и саморегуляции

генотип — набор генов индивида

герменевтика — традиция и способы толкования многозначных или не поддающихся уточнению текстов (большей частью древних)

гилозоизм — философское учение, в основе которого лежит представление о жизни как всеобщем свойстве материи

гипермнезия — усиленное вспоминание, которое сочетается с ослаблением запоминания текущей информации

гипомнезия — нарушение способности запоминать, удерживать, воспроизводить отдельные события и факты или их отдельные части

гипотимия — сниженное настроение

гносеология — философская теория познания

групповая оценка личности (ГОЛ) — способ получения характеристики человека через взаимные оценки членов группы

групповое давление - процесс влияния установок, норм, ценностей и поведения членов группы на мнения и поведение индивида

Д

девиантное поведение — отклонение от нормы, связанное с совершением поступка или внеинституциональным поведением

дезадаптация — процесс, который приводит к нарушению взаимодействия со средой

делинквентное поведение — противонормное сознательно осуществляемое поведение, целью которого является уничтожение, изменение, замена норм, принятых данным социальным институтом

деменция — приобретенное слабоумие

дереализация — расстройство восприятия, при котором окружающие больного предметы, люди, животные воспринимается измененными, что сопровождается чувством их чуждости, неестественности, нереальности

детерминация — генетическая связь явлений

деятельность — процесс активного отношения человека к действительности, в ходе которого происходит достижение субъектом поставленных ранее целей, удовлетворение разнообразных потребностей и освоение общественного опыта

дифференциальная психология — наука о психологических различиях между людьми и группами людей

дифференциальный порог — величина физического различия между стимулами, при которой мы начинаем их различать

Е

едва заметное различие -минимальное различие между физическими значениями стимулов, которое вызывает ощущение различия

Ж

жизненный путь — процесс развития человека в качестве субъекта собственной жизни, в ходе которого осуществляется регуляция жизненного процесса и формирование устойчивой и пластичной структуры личности

З

задатки — врожденные особенности, лежащие в основе развития способностей

И

ид — совокупность бессознательных побуждений

идентификация — мысленный процесс уподобления себя партнеру по общению с целью познать и понять его мысли и представления

идентификация личности с профессией — процесс адаптации личности к требованиям конкретной деятельности

идиографический подход — исследовательский подход, ориентированный на описание уникальных, единичных объектов

измененное состояние сознания — качественный сдвиг в характере психологического функционирования

иллюзия — расстройство восприятия, при котором реальные явления или предметы воспринимаются человеком в измененном, ошибочном виде

имитация — формирование нового поведения путем воспроизведения чужих действий

имплицитная память — память без осознания предмета запоминания, или бессознательная память

инсайт — моментальное научение

интеллект — способность к мышлению

интроверсия — ориентация на внутренний мир, на собственные переживания

историческая психология — наука, выявляющая зависимости между историческими и психологическими феноменами и описывающая закономерности формирования личности как объекта и субъекта исторического процесса

К

классическое обусловливание — выработка условных рефлексов

когнитивный диссонанс — некоторое противоречие между двумя или более ког-нициями

когниция — любое знание, мнение или убеждение, касающееся среды, себя или собственного поведения

коллективное бессознательное — совокупность всех врожденных архетипов константность восприятия — восприятие объектов как относительно постоянных по форме, размеру, цвету и т. д.

контрфакт — представление об альтернативном реальности исходе события

конформизм — изменение мнений, установок и поведения индивидов под влиянием окружающих

креативность — интегративное качество психики человека, которое обеспечивает продуктивные преобразования в деятельности личности, позволяя удовлетворять потребность в исследовательской

активности

Л

лидерство — феномен воздействия или влияния индивида на мнения, оценки, отношения и поведение группы в целом или отдельных ее членов

М

малая группа — небольшое по размеру объединение людей, связанных непосредственным взаимодействием

маниакально-депрессивный психоз (МДП) — эндогенное психическое заболевание, которое протекает в виде приступов или фаз с аффективными расстройствами и светлыми промежутками между приступами (ремиссиями)

моббинг — постоянные нападки и притеснения кого-либо со стороны коллег

монотония — однообразие деятельности

мотив — побуждения, объясняющие индивидуально-психологические различия между людьми в протекании деятельности в идентичных условиях

мотивация — совокупность психических процессов, которые придают поведению энергетический импульс и общую направленность

мышление — опосредованное и обобщенное познание объективной реальности

Н

направленность — система устойчивых предпочтений и мотивов личности, задающая главные тенденции поведения личности

наркомания — болезнь, которая возникает в результате систематического употребления наркотиков и проявляется в психической, а иногда и физической зависимости от них

настроение — слабо выраженное устойчивое эмоциональное состояние, причина которого человеку может быть не ясна

научение — формирование нового индивидуального опыта в процессе активного взаимоотношения организма со средой

невроз — психическое расстройство, которое возникает в результате нарушения особенно значимых жизненных отношений человека и проявляется, в основном, психогенно обусловленными эмоциональными и соматовегетативными расстройствами при отсутствии психотических явлений

нейротизм — свойства личности, связанные с высокой раздражительностью и возбудимостью

номотетический подход — исследовательский подход, направленный на установление обобщений

нормы — принципы, предписывающие поведение в той или иной культуре, разделяемые членами данной культуры

О

образ жизни — совокупность устоявшихся типичных форм жизнедеятельности

общение — реальность человеческих отношений, предполагающая любые формы совместной деятельности людей

одаренность — индивидуальное сочетание способностей, от которых зависит успешность деятельности

олигофрения (умственная отсталость) — наследственное, врожденное или приобретенное в первые годы жизни слабоумие, выражающееся в общем психическом недоразвитии (с преобладанием в первую очередь интеллектуального дефекта) и в затруднении вследствие этого социальной адаптации

онтогенез — развитие индивидуальных организмов

оперантное обусловливание — научение, в ходе которого приобретение нового опыта и реализация его в поведении приводят к достижению определенной цели

организационный конфликт — интерактивное состояние, проявляемое в разногласиях, различиях

или несовместимостях между индивидами и группами

ощущение — процесс первичной обработки информации на уровне отдельных свойств предметов и явлений

П

память — способность живой системы фиксировать факт взаимодействия со средой, сохранять результат этого взаимодействия в форме опыта и использовать его в поведении

паника — стихийно возникающее состояние и поведение большой совокупности людей, находящихся в условиях поведенческой неопределенности в повышенном эмоциональном возбуждении от бесконтрольного чувства страха

панпсихизм — представление об одушевленности объектов и живой, и неживой природы

парадигма — тип исследования, принятый определенной группой специалистов за образец

парамнезия — ошибочное, ложное, превратное воспоминание

перенос — влияние раннее приобретенного индивидуального опыта на его последующее формирование

подкрепление — предмет или событие, которое значимо для организма

поступок — действие, совершение которого связано со сменой состояния, а также условий и характера деятельности

предмет психологического исследования — структура субъекта психической деятельности и процессы его взаимоотношений с реальностью

простая раздражимость — способность отражать только жизненно значимые воздействия среды

профессиограмма — описание различных объективных характеристик профессии

профессиография — комплексный метод изучения и описания содержательных и структурных характеристик профессии

профессионал — специалист в определенной области трудовой деятельности

профессионализация — формирование специфических видов трудовой активности человека

профессиональная деформация личности — гипертрофированное развитие профессиональных особенностей личности

профессиональная надежность субъекта труда — уровень безотказности, безошибочности и своевременности рабочих операций

профессиональная ориентация — система мероприятий по ознакомлению с миром профессий и содействию в выборе профессии

профессиональная пригодность — соответствие человека требованиям конкретной трудовой деятельности

профессионально важные качества — любые качества субъекта, включенные в процесс деятельности и обеспечивающие эффективность ее выполнения по параметрам производительности, качества труда и надежности

профессиональное самоопределение — выбор профессии и последующее формирование человека как профессионала

профессиональный отбор — выявление лиц, соответствующих по своим индивидуальным качествам требованиям конкретной специальности

профессия — совокупность форм деятельности, объединенных родственными особенностями

психическая анестезия — потеря чувствительности, исчезновение ощущений как со стороны отдельных анализаторов, так и нескольких сразу при их полной анатомо-физиологической сохранности

психическая гиперестезия — обостренное, усиленное чувственное восприятие при воздействии обычных или даже слабых раздражителей

психическая гипестезия — понижение чувствительности к внешним раздражителям

психические свойства — индивидуально-психологические особенности, определяющие постоянные способы взаимодействия человека с миром

психический процесс — психическая функциональная система в действии

психическое выгорание — синдром, включающий в себя эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию профессиональных достижений

психическое состояние — внутренняя целостная характеристика индивидуальной психики,

относительно неизменная во времени

психогигиена — часть общей гигиены, разрабатывающая мероприятия по сохранению и укреплению нервно-психического здоровья человека

психограмма — описание психологических характеристик деятельности

психодиагностика — наука о распознавании и измерении психологических особенностей человека

психолингвистика — научное направление, которое изучает природу и функционирование языка и речи, используя данные и подходы двух наук — психологии и лингвистики

психологическая готовность — психическое состояние, которое характеризуется мобилизацией ресурсов субъекта труда на выполнение конкретной деятельности

психологическая коррекция — восстановление психических функций, а также устранение или компенсация психических аномалий развития с помощью восстановительного обучения

психологическая система деятельности — совокупность психических свойств, качеств субъекта труда, организованная для выполнения функций конкретной деятельности

психологический отбор — оценка психических и психофизиологических качеств человека, требуемых конкретной профессией

психологический стресс — состояние чрезмерной психической напряженности и дезорганизации поведения

психологическое консультирование — оказание помощи в определении, уточнении и решении проблем клиента

психология трудовой деятельности — отрасль психологической науки, изучающая условия, пути и методы научно обоснованного решения практических задач в области функционирования и формирования человека как субъекта труда

психометрическая функция — зависимость вероятности обнаружения (различения) стимулов от их интенсивности

психопатия — аномалия характера, которая определяет психический облик, накладывая отпечаток на весь душевный склад, в течение жизни не подвергается сколько-нибудь резким изменениям и мешает приспосабливаться к социальной среде

психотерапия — планируемый процесс психологического воздействия, направленный на редукцию болезненной симптоматики как с помощью научения, так и путем структурной перестройки личности

психотизм — свойства личности, отражающие безразличие, равнодушие к другим людям, неприятие социальных нормативов

психофармакология — раздел фармакологии, изучающий как влияние психотропных средств на ЦНС, психические состояния и деятельность, так и их применение для лечения нервно-психических заболеваний

Р

работоспособность — возможность выполнять конкретную работу в течение заданного времени с необходимым уровнем эффективности и качества

распознавание образов — процесс отнесения образов восприятия к некоторой категории

реактивный психоз — расстройство психики, возникающее под влиянием психической травмы и проявляющееся целиком или преимущественно неадекватным отражением реального мира с нарушением поведения, изменением различных сторон психической деятельности с возникновением не свойственных нормальной психике явлений (бред, галлюцинации и др.)

редукционизм — принцип, объясняющий свойства объектов и явлений через наиболее простые процессы и свойства, лежащие в основе объясняемого

рефлексия — осмысление индивидом того, как он воспринимается и понимается партнером по общению

речь — использование языка

С

самоконтроль — совокупность свойств саморегуляции, связанная с осознанием личностью самой

себя

сенестопатия — неопределенные, часто трудно локализуемые, мигрирующие ощущения, возникающие в различных частях тела или внутренних органах и не связанные с какими-либо телесными заболеваниями

сензитивные периоды — интервалы онтогенеза, в течение которых организм наиболее чувствителен к определенным воздействиям среды

синестезия — особенности чувственного восприятия, заключающиеся в том, что внешний раздражитель, адресованный к одному анализатору, вызывает одновременно ответ какого-то другого или нескольких анализаторов

слухи — форма искаженной информации о значимом объекте, циркулирующей в больших диффузных группах в условиях неопределенности и социально-психологической нестабильности

соотношение Вебера — отношение едва заметного различия к величине исходного стимула равно некоторой константной для каждой сенсорной модальности величине

социализация — овладение индивидом в процессе взаимодействия с социальной средой механизмами социального поведения и усвоение его норм, имеющих адаптивное значение

социальная адаптация — процесс эффективного взаимодействия с социальной средой

социальная психология — наука о психических явлениях (процессах, состояниях и свойствах), характеризующих индивида и группу как субъектов социального взаимодействия

социальная установка — состояние психологической готовности личности вести себя определенным образом в отношении объекта, детерминированное ее прошлым опытом

социальный институт — начало, организующее членов общества в систему отношений, ролей и статусов

социобиология — наука, объясняющая все феномены поведения человека с биологических позиций

социометрия — процедура, предполагающая опрос каждого члена малой группы с целью установления возможности его участия (или неучастия) в определенном виде совместной деятельности или ситуации

специальность — конкретная форма деятельности в рамках определенной профессии

способности — психическое свойство, проявляющееся в успешности освоения и реализации деятельности

сублимация — направление энергии инстинкта на выполнение видов деятельности, не связанных с прямым удовлетворением потребности

субъект труда — это активно действующий, познающий и преобразующий, обладающий сознанием и волей индивид или социальная группа

суперэго — психическая структура, содержащая социальные нормы, установки, моральные ценности общества

Т

толпа — стихийно возникшее (или утратившее организованность) и характеризующееся отсутствием общей для всех осознанной цели многочисленное скопление людей, находящихся в непосредственных контактах друг с другом и в состоянии повышенного эмоционального возбуждения

труд — деятельность по преобразованию окружающего мира с целью удовлетворения потребностей человека

У

уровень адаптации — психологически нейтральная точка или участок в диапазоне некоторого параметра стимула, относительно которых оцениваются все остальные стимулы данного типа

утомление — временное нарушении ряда психических и физиологических функций в результате рабочей нагрузки

Ф

физиогномика — учение о связи между внешним обликом человека и его характером

филогенез — эволюция биологических видов

фобия — навязчивый страх

функциональная надежность субъекта труда — свойство функциональных систем человека обеспечивать его динамическую устойчивость в выполнении профессиональной задачи в течение определенного времени и с заданным качеством

функциональная система — система различных процессов, которые формируются применительно к данной ситуации и приводят к полезному для индивида результату

функциональное состояние — интегральный динамический комплекс наличных характеристик физиологических, психологических, поведенческих функций и качеств, которые обусловливают выполнение деятельности

Х

характер — совокупность морально-нравственных и волевых свойств человека

холизм — принцип, постулирующий невыводимость свойств целого из свойств компонентов и признающий целостность первичным началом

Ч

черта — предрасположенность человека вести себя сходным образом в различное время и в различных ситуациях

чувствительность — способность реагировать на сигнальные раздражения

чувство — выражение человеком долговременного оценочного отношения

Ш

шизофрения — психическое расстройство неясной этиологии, для которого характерно прогрессирующее или приступообразное течение, обычно завершающееся однотипной картиной изменения личности (дефекта) с дезорганизацией психических функций (мышления, эмоций, психомоторики — всего поведения в целом) при сохранности памяти и приобретенных ранее знаний

Э

эволюция — процесс накопления изменений в структуре взаимодействующих объектов и отбора новых форм по их адаптивной ценности

эвристика — метод поиска, который со значительной вероятностью позволяет отбирать наиболее удачные способы решения задачи

эго — совокупность преимущественно осознаваемых человеком познавательных и исполнительных функций психики

эйдетизм — явление, при котором предмет или явление после исчезновения сохраняет в сознании человека свой живой наглядный образ

эйфория — веселое, «лучезарное» и радостное состояние

экологическая психология — наука о психологических эффектах взаимодействия человека со средой

эксплицитная память — осознаваемая память

экстаз — наивысший уровень «приподнятости» эмоций, экзальтация

экстраверсия — ориентация на объект

электроэнцефалография — метод регистрации и анализа электрической активности мозга

элементаризм — принцип, предполагающий составленность целого из элементов

эмоция — переживание человеком в данный момент своего отношения к чему-либо

эмпатия — сопереживание

этнопсихология — наука, изучающая психологические особенности индивида или группы людей, связанные с этнической или культурной принадлежностью, и проявляющиеся на сознательном и бессознательном уровнях

этнос — исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей,

обладающих общими относительно стабильными особенностями языка, культуры и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании

этноцентризм — свойство сознания этнической группы, связанное с преувеличением положительно оцениваемых характеристик собственной этнической группы, ценности и нормы которой выступают центром, критерием оценки всех других групп

Ю

юридическая психология — научно-практическая дисциплина, которая изучает психологические закономерности системы «человек — право» и разрабатывает рекомендации, направленные на повышение эффективности этой системы

Я

Я-концепция — сложный составной образ или картина, включающая в себя совокупность представлений личности о себе самой вместе с эмоционально-оценочными компонентами этих представлений

ЛИТЕРАТУРА

Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. - М.: Наука, 1980.- 335 с.

Абульханова-Славская К. А. Личностная регуляция времени // Психология личности в социалистическом обществе: В 2 ч. — Ч. II. Личность и ее жизненный путь. — М.: Наука, 1990. - 295 с.

Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. — М.: Мысль, 1991. — 299 с.

Абульханова-Славская К. А., Брушлинский А. В. Философско-психологическая концепция С. Л. Рубинштейна: К 100-летию со дня рождения / АН СССР, Ин-т психологии; Отв. ред. Е. А. Будилова. - М.: Наука, 1989. - 243 с.

Авиационная медицина. Руководство / Под ред. Н. М. Рудного, П. В. Васильева, С. А. Гозулева. — М.: Медицина, 1986. — 534 с.

Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие: Социально-психологические проблемы. — Изд-во МГУ, 1990. - 239 с.

Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии / Пер. с нем., вступ. ст. А Боковикова. - М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1995. - 291 с. - (Б-ка зарубежной психологии).

Айзенк Г. Ю. Интеллект: новый взгляд // Вопросы психологии. — 1995. - № 1. — С. 111-

Александров А. А. Современная психотерапия. — СПб.: Академический проект, 1997.

Алешина Ю. Е. Семейное и индивидуальное психологическое консультирование. М.: Консорциум «Социальное здоровье семьи», 1993.

Алмаев Н. А. Динамическая визуализация как метод исследования языкового сознания // Языковое сознание: формирование и функционирование. / РАН, Ин-т языкознания; Отв. ред. Н. В. Уфимцева. - М.: РАН, Ин-т языкознания, 1998. - 255 с.

Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды: В 2-х т. Т. 1 / Под. ред. А. А. Бодалева Б. Ф. Ломова. - М.: Педагогика, 1980. - 230 с. - (Труды для членов и членов-корреспондентовАПН СССР).

Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания // Избранные психологические труды в 2-х т. / Под ред. А. Бодалева, Б. Ломова. — Т.І. - М.: Педагогика, 1980. — 213

Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. — Л.: Изд— во ЛГУ, 1968. — 339 с.

Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. / АН СССР, Ин-т психолоп М.: Наука, 1977. - 380 с. - С. 14

Анастази А. Психологическое тестирование: В 2-х кн. Кн. 2 / Пер. с англ., предисл. К. М. Гуревича. — М.: Педагогика, 1982. — 318 с.

Андреева Г. М. Социальная психология. — М.: Изд-во МГУ, 1988. — 429 с.

Анохин П. К. Системные механизмы высшей нервной деятельности: Избранные труды, М.: Наука, 1979. - 454 с.

Анохин П. К. Философские аспекты теории функциональной системы: Избранные труды. - М.:

Наука, 1978. - 400 с.

Анцыферова Л. И. О динамическом подходе к динамическому изучению личности // Психологический журнал. — 1981. — № 2. — С. 8-18.

Арбиб М. Метафорический мозг. — М.: Мир. 1976. — 224 с.

Арнаудов М. Психология литературного творчества. / Пер. с болг. Д. Николаева. — М.: Прогресс, 1970. - 654 с.

Арно А., Лансло К. Всеобщая рациональная грамматика: (Грамматика Пор-Рояля). / Пер. с фр. Ю. С. Маслова; ЛГУ. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. - 126с.

Артемьева Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики / Под ред. И. Б. Ханиной. — М.: Смысл, 1999. - 349 с.

Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества// Расы и народы: Ежегодник. — Вып. 2 — М.: Наука, 1972.

Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирование личности. — М.: Мысль, 1976. —342с. — (Фундаментальная психология).

Аткинсон Р. Человеческая память и процесс обучения / Под. ред. Ю. М. Забродина. — М.: Прогресс, 1980.-528 с.

Ахутина Т. В. Порождение речи: Нейролингвистический анализ синтаксиса. / МГУ. — М.: Изд-во МГУ,1989.-213с.

Базаров Т. Ю. и др. Методы оценки управленческого персонала государственных и коммерческих структур / Т. Ю. Базаров, Беков Ч. А., Аксенова Е. А — М., 1995.

Барабанщиков В. А. Окуломоторные структуры восприятия / РАН, Ин-т психологии. — М.: ИП РАН, 1997. - 383 с.

Бардин К. В. Проблема порогов чувствительности и психофизические методы / АН СССР, Ин-т психологии. — М.: Наука, 1976. — 395 с.

Бардин К. В., Индлин Ю. А. Начала субъективной психофизики. — М.: ИП РАН, 1993.

Барская А. Д. Особенности мышления гомеровского человека// Вестник МГУ. — Сер. 14. Психология.- 1997.- С. 23-32

Бейтс Э. Интенции, конвенции, символы. // Психолингвистика: Сб. стат. / Сост. А. М. Шахнарович; Общ. ред. А. М. Шахнаровича. — М.: Прогресс, 1984. — 367 с. — С. 50-103.

Белик А. А. Психологическая антропология: История и теория. / РАН, Ин-т этнологии и антропологии. - М.: ИЭИА, 1993. - 190 с.

Беличева С. А. Основы превентивной психологии. — М.: Консорциум «Социальное здоровье России»,1993. - 198 с.

Белявский И. Г. Историческая психология. — Одесса, 1991.

Белянин В. П. Введение в психолингвистику. — М.: ЧеРо, 1999. — 247 с.

Бердяев Н. А. Смысл истории. — М.: Мысль, 1990. — 173 с.

Березин Ф. Б. и др. Методика многостороннего исследования личности (в клинической медицине и психогигиене) / Ф. Б. Березин, Мирошников М. П., Рожанец Р. В. — М.: Медицина, 1976. - 176 с.

Берн Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы / Пер. с англ.; Общ. ред. М. С. Мацковского. - СПб.: Лениздат, 1992. - 399 с.

Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание / Общ. ред. В. Я. Пилиповского. — М.: Прогресс, 1986. - 420 с.

Бернштейн Н. А. Физиология движений и активность / Под ред. О. Г. Газенко. — М.: Наука, 1990. — 494 с. — (Классики науки).

Бехтерев В. М. Избранные работы по социальной психологии / Отв. ред. Е. А. Будилова, Е. И. Степанова; РАН, Ин-т психологии. — М.: Наука, 1994. — 3.99 с. — (Памятники психологической мысли).

Блум Ф. и др. Мозг, разум, поведение / Пер. с англ.; Ф. Блум, А. Лайзерсон, Л. Хофстедтер. - М.: Мир, 1988. - 246 с.

Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения. — М.: Наука, 1978. — 311 с.

Боброва Е. Ю. Основы исторической психологии. / СПб. ГУ. — СПб.: Изд-во СПбГУ, — 1997.-235 с.

Богоявленская Д. Б. Интеллектуальная активность как проблема творчества. / Отв. ред. Б. М.Кедров. — Ростов-на-Дону.: Изд-во Ростовского Университета, 1983. — 173с.

Богоявленская Д. Б. Интеллектуальная активность как проблема творчества. / Отв. ред. Б. М. Кедров. — Ростов-на-Дону.: Изд-во Ростовского Университета, 1983. — 173 с.
Богоявленская Д. Б. Метод исследования уровней интеллектуальной активности // Вопросы психологии. — 1971. —№1.— С. 144-146.
Бодалев А. А. Восприятие и понимание человека человеком. — М.: Изд-во МГУ, 1982. — 199с.
Бодалев А. А. Личность и общение: Избранные труды. — М.: Педагогика, 1983. — 271 с.
Бодров В. А. и др. Психологический отбор летчиков и космонавтов / В. А. Бодров, Малкин В. Б., Покровский Б. Л., Шпаченко Д. И. — М.: Наука, 1984. — 264 с. — (Проблемы космической биологии / АН СССР; Отд. физиологии; т. 48).
Бодров В. А. Проблема утомления летного состава // Физиология человека. — 1988. — №5.
Бодров В. А. Проблемы профессионального психологического отбора // Психологический журнал. - 1985. - Т. 6.-№ 2. - С. 103-106.
Бодров В. А. Психологический стресс: развитие учения и современное состояние проблемы / РАН, Ин-т психологии. - М.; ИП РАН, 1995. - 136 с.
Бодров В. А. Работоспособность человека-оператора и пути ее повышения // Психологический журнал - 1987. - Т. 8.-№ 3 - С. 107-117.
Бодров В. А., Орлов В. Я. Психология и надежность: человек в системах управления техникой / РАН, Институт психологии. — М.: Институт психологии РАН, 1998. — 285 с.
Божович Л. И. Избранные психологические труды: Проблемы формирования личности / Под. ред. Д. И. Фельдштейна. — М.: Междунар. пед. акад., 1995. — 209 с.
Братусь Б. С. Аномалии личности. — М.: Мысль, 1988. — 304 с.
Братусь Б. С., Сидоров П. И. Психология, клиника и профилактика раннего алкоголизма. -М.: Изд-во МГУ, 1984. - 145 с.
Братусь Б. С. Психология. Нравственность. Культура. — М.: Изд-во МГУ, 1994. — 96 с.
Бреденкамп Ю. Связь различных инвариантных гипотез в области психологии памяти // Психологический журнал. — 1995. — Т. 16. — № 3. — С. 74-81.
Бродский И. Нобелевская лекция // Стихотворения. — Таллинн: Ээсти раамат: Александра, 1991. - 255 с, - С. 17-18.
Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. — М.: Наука, 1983. — 412 с.
Брунер Дж. Онтогенез речевых актов.// Психолингвистика.: Сб. статей. / Отв.ред., сост. А. М. Шахнарович. — М.: Прогресс, 1984. — 367 с.
Брушлинский А. В. Мышление и прогнозирование. — М.: Мысль, 1979. — 230 с.
Брушлинский А. В. О взаимосвязи природного и социального в психическом развитии че ловека // Проблемы генетической психофизиологии: Сб. статей. — М.: Наука, 1978. — 123 с. -С. 11-21.
Брушлинский А. В. Проблемы психологии субъекта. — М.: ИП РАН, 1994. — 346 с.
Брушлинский А. В. Субъект: мышление, учение, воображение. — М.; Воронеж: Институт практической психологии, 1996. — 167 с.
Брушлинский А. В., Поликарпов В. А. Мышление и общение. — Минск: Изд-в «Университетское», 1990. — 212 с.
Будилова Е. А. Социально-психологические проблемы в русской науке. — М.: Наука, 1983.-232 с.
Бюлер К. Духовное развитие ребенка. — М.,1924.
Ваниорек А., Ватюрек Л. Моббинг: когда работа становится адом / Пер. с нем. — М.: АО «Интерэксперт», 1996. — 165с.
Васильев В. Л. Юридическая психология . — СПб и др.: Питер, 2000 . — 613 с. — гл. 8— Психология юридического труда. — (Учебник нового века).
Васильев В. Л. Юридическая психология. — М.: Право, 1991 — 649 с.
Величковский Б. М. Современная когнитивная психология. — М.: Изд-во МГУ, 1982. — 336 с.
Венда В. Ф. Перспективы развития психологической теории обучения // Психологический журнал. — 1980. — Т. 1.—№ 4.
Вернан Ж. П. Происхождение древнегреческой мысли. / Общ. ред. Р.Ф. Кессиди. — М.: Прогресс, 1988. - 221 с.
Вилли К. Биология / Пер. с англ. Н. Н. Баевской. — М.: Мир, 1966. — 685 с.
Вилюнас В. К. Психология эмоциональных состояний. — М.: Изд-во МГУ, 1976. — 142 с.
Власенко И. Т., Чиркина Г. В. Методы обследования речи детей. / АПН СССР, НИИ дефектологии. — М.: Педагогика.,1992. — 183 с.

Вундт В. Очерки психологии. — М.: Космос, 1912. — 9 с.
Выготский Л. С. История развития высших психических функций // Собр. соч.: В 6-ти т. Т. 3 / Отв. ред. А. В. Запорожец. - М.: Педагогика, 1983. - 367 с. - С. 5-328.
Выготский Л.С. Мышление и речь. — 5-е изд., испр. — М.: Лабиринт, 1999.—350с.—(Философия риторики. Риторика философии)
Гаврилов В. Сравнительная психофизиология // Основы психофизиологии: Учеб. пособ. / Отв. ред. Ю. И. Александров. - М.: Инфра-М, 1997. - 430 с. - С. 384-396.
Гадамер Х. Г. Истина и метод. Основы (философской герменевтики / Пер. с нем.; Общ. ред. Р. Н. Бессонова. - М.: Прогресс, 1988. - 699 с.
Гальперин П. Я. К проблеме внимания // Доклады АПН РСФСР. - 1958. - № 3. -С. 33-38.
Гамезо М. В. и др. Возрастная психология: личность от молодости до старости: Учеб. пособие/М. В. Гамезо, Герасимова В. С., Горелова Г. Г., Орлова Л. М. — М.: Пед. о-во России: «Ноосфера», 1999. - 269 с.
Гарфилд П. Управление сновидениями: Сборник. — М.: Беловодье, 1994. — 192 с.
Гвоздев А. Н. Вопросы изучения детской речи. / АПН РСФСР. — М.: Изд-во АПН РСФСР,1961.-471с.
Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию / Отв. ред. О. И. Лонгвиненко. — М.: Прогресс. 1988. — 461 с.
ГилфордД. Три стороны интеллекта // Психология мышления / Ред. А. М. Матюшкин. — М.: Прогресс, 1965.-525 с.-С. 433-456.
Гиппенрейтер Ю. Б. Движения человеческого глаза. — М.: Изд-во МГУ, 1978. — 437 с.
Гиппенрейтер Ю. Б. Деятельность и внимание // А. Н. Леонтьев и современная психология: Сб. стат. / Под. ред. А. В. Запорожца, В. П. Зинченко и др. — М: Изд-во МГУ, 1983. — 288 с.-С. 165-177.
Годфруа Ж. Что такое психология: В 2 т. / Пер. с фр. Н. Н. Алипова; Под ред. Г. Г. Аракелова. - М.: Мир, 1996. - 370 с.
Годфруа Ж. Что такое психология: В 2-х т. — Т. 1., ч. 2, гл. 4 / Пер. с фр. Н. Н. Алипова; Под ред. Г. Г. Аракелова. - М.: Мир, 1996. - 370 с.
Гончаренко Н. В. Гений в искусстве и науке. — М.: Искусство, 1991. — 432 с.
Гордеева Н. Д. Экспериментальная психология исполнительного действия. — М.: Тривола, 1995.-321с.
Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики: Учеб. пособие. — М.: Лабиринт, 1998. - 256 с.
Грановская Р. М. Элементы практической психологии. /ЛГУ — 2-е изд., испр. и доп. — Л.: Изд-во ЛГУ,1988.-564с.
Грегори Р. Л. Глаз и мозг: Психология зрительного восприятия / Отв. ред. А. И. Лурия. — М.: Прогресс, 1970. - 271 с.
Грей Д. А. Нейропсихология темперамента // Иностранная психология. — 1993. — №1-2.-С. 24-36.
Григоренко Е. А., Кочубей Б. И. Исследование процесса выдвижения и проверки гипотез близнецами // Новые исследования в психологии. — 1989. — №2. — С. 15-20.
Грузенберг С.О. Психология творчества. — Минск, 1923.
Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. / Общ. ред. А. В. Гулыш, Г. В. Рамишвили. — М.: Прогресс, 1985. - 451 с. - (Языковеды мира)
Гумилев Л. Н. Этносфера: История людей и история природы. — М.: Прогресс: Изд. фирма «Пангея»; «Экопрос», 1993. — 543 с.
Гуревич Б. Х. Движения глаз как основа пространственного зрения и как модель поведения. - Л.: Наука, 1971. - 226 с.
ГуревичА. Я. Категории средневековой культуры. — М.: Искусство, 1972. — 318 с.
Гусев А. Н. и др. Общепсихологический практикум: Измерения в психологии / А. Н. Гусев, Измайлов Ч. А., Михалевская М. Б. — М.: Смысл, 1997.
Гэйто Дж. Молекулярная психобиология / Под ред. Л. В. Крушинского. — М.: Мир, 1969.-275 с.
Данилова Н. Н. Психофизиологическая диагностика функциональных состояний. — М.: Изд-во МГУ,1992.-192с.
Деятельностный подход в психологии: Проблемы и перспективы: Сборник научных трудов / АПН СССР; Под ред. В. В. Давыдова, Д. А. Леонтьева. - М.: АПН РСФСР, 1990. - 180 с.
Диагностическая и коррекционная работа школьного психолога: Сборник научных трудов / АПН

СССР; Под ред. И. В. Дубровиной. - М.: АПН СССР, 1987. - 178 с.

Дикая Л. Г., Гримак Л. П. Теоретические и экспериментальные проблемы управления психическим состоянием человека // Вопросы кибернетики. Психические состояния и эффективность деятельности. — М.: Наука, 1983. — 234 с.

Дилигенский Г. Г. Некоторые методологические проблемы исследования психологии больших групп // Методологические проблемы социальной психологии / Отв. ред. Е. В. Шорохова. - М.: Наука, 1975. - 295 с. - С. 196-205.

Добрынин Н. Ф. О теории и воспитании внимания // Советская педагогика. — 1938. — № 8. - С. 12-32.

Додонов Б. И. Эмоции как ценность. — М.: Политиздат, 1978. — 272 с.

Дормышев Ю. Б., Романов В. Я. Психология внимания. — М: Тривола, 1995. — 357 с.

Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Пробл. семиосоционсихологии. / Отв. ред. Т. Левыкин. — М.: Наука, 1984. — 268 с.

Дружинин В. Н. Психологическая диагностика способностей: теоретические основы: В 2 ч. — Саратов: Изд-во СГУ, 1990. - 292 с.

Дружинин В. Н. Психология общих способностей. — СПб.: Питер, 1999. — 356 с. — (Мастера психологии).

Дружинин В. Н., Хазратова Н. В. Экспериментальное наследование формирующего влияния микросреды на креативность // Психологический журнал. — 1994. — № 4.

Дружинин В. Н. Экспериментальная психология: Учеб. пособ. — СПб.: Питер, 2000. — 318 с. — (Учебник нового века).

Дубровина И. В., Акимова М. К. Рабочая книга школьного психолога / Под ред. И. В. Дубровиной. — М.: Просвещение, 1991. — 303 с.

Дьяченко М. И. и др. Готовность к деятельности в напряженных ситуациях / М. И. Дьяченко, Кандыбович Л. А., Пономоренко В. А. — Минск: Изд-во «Университетское», 1985. — 206с.

Егорова А. И. Исследование полоролевых стереотипов народа саха. // Этническая психология и общество. / СПбГУ. - СПб.: Изд-во СПб ГУ, 1994. - 168 с.- С. 183-190.

Егорова М. С. Психология индивидуальных различий / Ин-т «Открытое общество». — М.: Планета детей,1997. - 327 с.

Енгалычев В. Ф., Шипшин С. С. Методические указания к практическим занятиям по курсу «Судебно-психологическая экспертиза» / КГПУ. — Калуга-Москва: КГПУ, 1997 . — 27 с.

Еникеева Д.Д. Популярные основы психиатрии. — Донецк: Сталкер, 1997. — 525 с.

Ждан А. Н. История психологии: От античности до наших дней: Учебник. — М.: Изд-во МГУ, 1990.- 366 с.

Жизненный путь личности: Вопросы теории и методологии социально-психологических исследований / Отв. ред. Л. В. Сохань; АН УССР. — Киев: Наукова Думка, 1987. — 277 с.

Жинкин Н. И. Механизмы речи. / АПН РСФСР. - М.: Изд-во АПН РСФСР, 1958. -370с.

Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. / Предисл. Р. Г. Котова. — М.: Наука, 1982.- 159с.

Жинкин Н. И. Язык — Речь — Творчество.: Исследования по семиотике, психолингвистике, поэтике: (Избранные труды). — М.: Лабиринт, 1998. — 364 с.

Забродин Ю. М. и др. Особенности решения сенсорных задач человеком / Забродин Ю. М., Фришман Е. 3., Шляхтин Г. С. - М.: Наука, 1981. - 198 с.

Забродин Ю. М., Лебедев А. Н. Психофизиология и психофизика/АН СССР. — М.: Наука, 1977.-288 с.

Забродин Ю. М., Похилько В. И., Шмелев А. Г. Статистические и семантические проблемы конструирования и адаптации многофакторпых личностных тест-опросников // Психологический журнал. - 1987. - № 8. - С, 79-89.

Завалишина Д. Н. Психологическая структура способностей // Развитие и диагностика способностей: Сборник научных трудов / Под ред. В. Н. Дружинина. — М.: Наука, 1991. — 236 с.

Загрядский В. П., Егоров А. С. Психофизиология умственного труда. — Л.: Наука, 1973. — 110с.

Загрядский В. П., Сулимо-Самуйлло 3. К. Методы исследования в физиологии труда: Методическое пособие / ВМА им. С. М. Кирова. — Л.: Б. и., 1976. — 1991 с. — 110 с.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику: Учеб. для студентов вузов / Рос. гуманит. ун-т. - М.: РГГУ, 1999. - 381 с.

Замфир К. Удовлетворенность трудом: Мнение социолога. — М.: Политиздат, 1983. — 142 с.

Зараковский Г. М. Психофизиологический анализ трудовой деятельности. — М.: Наука, 1966.-114 с.
Зейгарник Б. В. Патопсихология: Учебник. — М.: Изд-во МГУ, 1976. — 238 с.
Зимняя И. А. Функциональная психологическая схема формирования и формулирования мысли посредством языка // Исследование речевого мышления в психолингвистике / Ф. В. Ахутина, И. А. Горелов, А. Залевская и др.; Отв. ред. Е. Ф. Тарасов. — М.: Наука, 1985.-239 с.
Зинченко В. П. и др. Психометрика утомления / Зинченко В. П., Леонова А. Б., Стрелков Ю. К.; Научн. ред. А. Л. Журавлев, - М.: Изд-во МГУ, 1977. - 129 с.
Зинченко П. И. Непроизвольное запоминание. — М.: Прогресс, 1961. — 562 с.
Знаков В. В. Понимание в познании и общении / РАН. — М.: ИП РАН, 1994. — 235.
Знаков В. В. Понимание правды и лжи в русской историко-культурной традиции. //Этническая психология и общество. /СпбГУ. — Спб.: Изд-во Спб ГУ, 1994. — 168с.— С. 119-126.
Зотова О. И. и др. Особенности психологии крестьянства: Прошлое и настоящее / О. И. Зотова, Новиков В. В., Шорохова Е. В. - М.: Наука, 1983. - 168 с.
Иган Дж. Теория обнаружения сигнала и анализ рабочих характеристик / Под ред. Б. Ф. Ломова. - М.: Наука. 1983. - 216 с.
Изард К. Е. Психология эмоций. — СПб.: Питер, 1999. — 460 с. — (Мастера психологии).
Исследование проблем психологии творчества: Сборник статей / АН СССР, Ин-т психологии; Отв. ред. Я. А. Пономарев. — М.: Наука, 1983. — 336 с.
Исследования памяти / АН СССР, Ин-т психологии; Под ред. Корж Н. Н. — М.: Наука, 1990.-215 с.
История советской психологии труда (20-30-х г. XX в.): Тексты / Под ред. В. П. Зинчен-ко, В. М. Мунипова, О. Г. Носковой. - М: Изд-во МГУ, 1983. - 359 с.
Калошина И. П. Структура и механизмы творческой деятельности. Нормативный подход. - М.: Изд-во МГУ, 1983. - 168 с.
Каплан Г. И., Сэдок Б. Дж. Клиническая психиатрия: В 2 т. / Пер. с англ. В. В. Стрелец. — М.: Медицина, 1994. - 1192 с.
Караулов Ю. Н. и др. Русский ассоциативный словарь./ Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. А., Тарасов Е.Ф, Уфцмцева Н.В., Черкасова Г.А.; РАН, Ин-т русского языка. — Т.1-6. — М., 1994-1999. — (Ассоциативный тезаурус современного русского языка)
Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М.: Наука, 1987. — 312 с.
Карвасарский Б. Д. Медицинская психология. — Л.: Медицина, 1982. — 271 с.
Карвасарский Б. Д. Психотерапия. — М.: Медицина, 1985. — 308 с.
Касьянова К. О русском национальном характере. — М.: Ин-т национальной модели экономики, 1994. — 367 с.
Келер В. Исследование интеллекта человекоподобных обезьян // Хрестоматия по общей психологии: Психология мышления / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтера, В. Петухова. — М.: Изд-во МГУ, 1981. - 400 с. - С. 235-249.
Китаев-Смык Л. А. Психология стресса. — М.: Наука, 1983. — 368 с.
Кларк Е. Универсальные категории: о семантике слов-классисрикаторов и значениях первых слов, усваиваемых детьми // Психолингвистика.: Сб. статей / Отв. ред., сост. А. М. Шахнарович. - М.: Прогресс, 1984. - 367 с. - С. 221-241.
Климов Е. А. Введение в психологию труда: Учебник. — М.: Культура и спорт: ЮНИТИ, 1998. - 343с.
Климов Е. А. Образ мира в разнотипных профессиях: Учеб. пособие. — М.: Изд-во МГУ, 1995. – 222 с.
Климов Е. А. Психология профессионала: Учебное пособие. — М.-Воронеж: Институт практической психологии,1996. — 509 с.
Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения.: Учеб. пособ. — Ростов н/ Д: Феникс,1996. - 509 с.
Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения: Учебное пособие. — Ростов н/Д.: Феникс, 1996. - 509 с.
Климов Е. А. Психолого-педагогические проблемы профконсультации. — М.: Знание, 1983. - 95 с.
Ковалев А. Г. Психология личности. — М.: Просвещение, 1965. — 254 с.
Ковалева А. И. Социализация: норма и отклонение. — М.: Ин-т Молодежи, 1996.
Кольцова М. М. Ребенок учится говорить. — М.: Сов. Рос., 1979. — 192 с.
Кон И. С. Дружба: Этико-психологический очерк. — М.: Политиздат, 1987. — 255 с.

Кон И. С. К. проблеме национального характера. // История и психология: Сб. стат. / АПН СССР, Ин-т всеобщ, истории; Под. ред. Б. Ф. Поршнева. — М.: Наука, 1971. — 384 с.

Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление: Психологический очерк / Под ред. Р. А. Лурия. — М.: Прогресс, 1977. — 261 с. — (Обществ, науки за рубежом).

Кречмер Э. Строение тела и характер. — М.: Педагогика-Пресс, 1995. — 607 с. — (Библиотека зарубежной психологии).

Кричевский Р. Л., Дубовская Е. М. Психология малой группы: Теоретический и прикладной аспекты. - М.: Изд-во МГУ, 1991. - 205 с,

Кудрявцев Г. В. Психологические основы профобучения. — М.: Педагогика, 1988. — 286 с. Кудрявцев Т. В. Психология профессионального обучения и воспитания: Учеб. пособие. / Мос.энерг. ин-т; Отв. ред. Ю. Ф. Гущин. — М.: МЭИ, 1986. — 108 с.

Кулагин Б. В. Основы профессиональной психодиагностики. — Л.: Медицина, 1984. — 216с.

Кулагина И. Ю. Возрастная психология: Развитие ребенка от рождения до 17 лет: Учеб. пособ. / Университет Российской академии образования. — М.: Изд-во УРАО, 1998. — 175 с.

Кун Т. Структура научных революций. 2-е изд. / Пер. с англ. И. 3. Налетова.; Общ. ред. Д. Микуленского. — М.: Прогресс, 1977. — 300 с.

Кэнтрил X. Чудовища вокруг нас// Страх: Антология. Философия маргиналии проф. П. Гуревича / Сост. П. С. Гуревич. — М.: Алетейа, 1998. — 402 с. — С. 52-70. — (Страсти человеческие).

Лазарус Р. Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс / Под. ред. Л. Леви. — Л.: Медицина, 1970. — 104 с.

Ланге Н.Н. Внимание//Хрестоматия по вниманию/Под. ред. А. Н.Леонтьева. — М.: Изд-во МГУ, 1976. - 295 с. - С. 103-106.

Латынов В. В. Исследование социальных представлений методом интент-анализа. //Языковое сознание: формирование и функционирование. / РАН, Ин-т языкознания; Отв. ред. Н. В. Уфимцева. — М.: РАН, Ин-т языкознания, 1998. — 255 с.

Лебедев А. Н., Боковиков А. К. Экспериментальная психология в российской рекламе /ИП РАН. — М.: Изд. центр «Академия», 1995. — 135 с.

Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию: Учеб. пособие. — М.: Ключ — С, 1999. — 223 с. — (Университетский учебник)

Лебедева Н. М. Новая русская диаспора: Социально-психологический анализ / РАН, Ин-т этнологии и антропологии. — М.: ИЭИА, 1997. — 333 с.

Лебедева Н. М. Социальная психология этнических миграций. / РАН, Ин-т этнологии и антропологии.— М.: ИЭИА, 1993. — 195 с.

Лебединский В. В. Аутизм как модель эмоционального дизонтогенеза // Вестник МГУ. — Серия 14, Психология. - 1996. - № 2. - С. 32-45.

Лебединский В. В. и др. Эмоциональные нарушения в детском возрасте и их коррекция / В. В. Лебединский, О. С. Никольская, Е. Р. Баенская, Н. Либлина. — М.: Изд-во МГУ, 1990. — 196 с.

Левитов Н.Д. О психических состояниях человека. — М.: Просвещение, 1964. — 344 с.

Левонтин Р. Человеческая индивидуальность: наследственность и среда/ Общ. ред. Ю. Г. Рычкова. — М.: Прогресс—Универс, 1993. — 206 с.

Лекции по методике конкретных социальных исследований / Под ред. Г. М. Андреевой. — М.: Изд-во МГУ, 1972. - 202 с.

Леонгард К. Акцентуированные личности. // Психология и психоанализ характера: Хрестоматия / Ред.-сост. Д. Я. Райгородский. — Самара: Бахрах, 1998.— 639 с.

Леонова А. Б. Психодиагностика функциональных состояний человека. — М.: Изд-во МГУ, 1984.- 199 с.

Леонтьев А. А. Общение как объект психологического исследования // Методологические проблемы психологии / Отв. ред. Е. В. Шорохова. — М.: Наука, 1975. — 295 с. — С. 79.

Леонтьев А. А. Основы психолингвистики: Учеб. — М.: Смысл, 1999. — 287 с. — (Психология для студента).

Леонтьев А. А. Проблемы развития психики. — М.: Наука, 1985. — 73 с.

Леонтьев А. А. Психолингвистика. — Л.: Наука, 1967. — 118 с.

Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. —М.: Наука,

1969, 307 с.
Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М.: Политиздат, 1975. — 304 с.
Леонтьев А. Н. и современная психология: Сборник статей // Под ред. А. В. Запорожца, В. П. Зинченко, О. В. Овчинниковой, О. К. Тихомирова. — М.: Изд-во МГУ, 1983. — 288 с.
Леонтьев А. Н. Проблемы деятельности в психологии // Вопросы психологии. — 1972. —№ 9. - С.98-99
Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. — М.: Изд-во МГУ, 1972. — 575 с.
Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. — М.: Наука, 1972. — 375 с.
Лисина М. И. Общение, личность и психика ребенка. / Под ред. Рузской А.Г.; Акад. пед. и соц. наук; Моск. психол.- соц. ин-т. — М; Воронеж: Институт практической психологии; НПО «МОДЭК», 1997. - 383 с.
Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. — Л.: Медицина, 1977. — 208 с.
Логвиненко А. Д. Зрительное восприятие пространства. М.: Изд. МГУ, 1981. — 224 с.
Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. — М.: Изд-во ТПО ТАМП, 1990. — 252 с. —С.15-16,21-23.
Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Отв. ред. Ю. Забродин. - М.: Наука, 1989. - 449 с.
Лосский Н. О. Характер русского народа. В 2 кн. (Репринт. воспр. изд. 1957 г.). — М.: Ключ, 1990.- 124 с.
Лук А.Н. Проблемы научного творчества: Сб. аналитических обзоров. / АН СССР, ИНИОН. - М.: ИНИОН, 1985. - Вып. 4. - 98 с. - (Науковедение за рубежом).
Лурия А. Р. Внимание и память. Материалы к курсу лекций по общей психологии. — М: Изд-во МГУ, 1975.-108 с.
Лурия А. Р. Основы нейропсихологии. — М.: Изд-во МГУ, 1973. — 374 с.
Лучшие психологические тесты для профотбора и профориентации / Отв. ред. А. Ф. Кудряшов. — Петрозаводск: Петроком, 1992. — 318 с.
Ляудис В. Я. Память в процессе развития. — М. Изд-во МГУ, 1976. — 255 с.
Майерс Д. Социальная психология / Пер. с англ. Гаврилов В. и др. — СПб.: Питер, 1998. —682 с. — Гл. 4,11. — (Мастера психологии).
Маккей Ч. Наиболее распространенные заблуждения и безумства толпы. — М.: АЛЬПИНА, 1998.- 332 с.
Мак-Фарленд Д. Поведение животных. — М.: Мир, 1988.
Малых С. Б. и др. Основы психогепетики / С. Б. Малых, Егорова М. С., Мешкова Т. А. —М.: Эпидавр,1998.
Марасанов Г. И. Методы моделирования и анализа ситуаций в социально-психологическом тренинге. — М.: Совершенство, 1998.
Маркова А. К. Психология профессионализма. — М.: Международ. гуманит. фонд «Знание», 1996. - 308с.
Марютина Т. М. Об использовании понятия «критический» и «сензитивный» период индивидуального развития // Психологический журнал. — 1981. — Т. 2. — № 1. — С. 145-153.
Маслоу А. Мотивация и личность. — СПб.: Евразия, 1999. — 479 с.
Медведев В. И. Функциональные состояния оператора // Эргономика: Принципы и рекомендации: Сборник статей. Вып. 1. - М.: ВНИИТЭ, 1970. - 120 с.
Медведев В. И., Леонова А. Б. Функциональные состояния человека // Физиология трудовой деятельности / Отв. ред. В. И. Медведев, В, С. Аверьянов; РАН. — СПб.: Наука, 1993. -522с.-С.30.
Мельников В. М., Ямпольский Л. Т. Введение в экспериментальную психологию личности: Учеб. пособие. — М.: Просвещение, 1985. — 319 с.
Мельничук А. С. О роли мышления в формировании структуры языка// Язык и мышление: Сб. статей / АН СССР, Ин-т языкознания; Отв. ред. П. Филин. — М.: Наука, 1967. — 312с.
Ментальная репрезентация: динамика и структура / РАН; Под ред. Е. А. Андреевой, В. И. Белопольского, И. В. Блинникова. — М.: Институт психологии РАН, 1997. — 319 с.
Мерлин В. С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. — М.: Педагогика, 1986. - 137 с.
Мерлин В. С. 06 интегральном исследовании индивидуальности // Проблемы интегрального исследования индивидуальности: Сб. науч. трудов. / М-во просвет. РСФСР, Пермский гос. пед. ин-т;

Отв. ред. В. Белоус. — Пермь: Перм. гос. пед. ин-т, 1981. — 110с.

Методики социально-психологического исследования личности и малых групп: Сборник научных трудов / ИП РАН; Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Журавлева. — М.: ИП РАН, 1995. — 196 с.

Методики социально-психологической диагностики личности и группы: Сборник научных трудов / АН СССР, Ин-т психологии; Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Хащенко. — М.: ИП АН СССР, 1990.-217 с.

Методология и методы социальной психологии: Сборник статей / АН СССР, Ин-т психологии; Отв. ред. Е. В. Шорохова. — М.: Наука, 1977. — 247 с.

Методы социальной психологии / Под ред. Е. С. Кузьмина, В. Е. Семенова. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.-175с.

Миллер Г. А. и др. Планы и структура поведения / Г. А. Миллер, Галантер Е., Прибрам К. Х. — М.: Прогресс. 1965.

Мильнер Б. 3. Теория организаций: Курс лекций: Учебное пособие для студентов вузов. — М.: Инфра-М, 1998. - 334 с.

Митькин А. А. Системная организация зрительных функций / ИП АН СССР; Отв. ред. Б. Ф Ломов. - М.: Наука, 1988. - 200 с.

Морган Ребекка Л. Исскуство продавать: как стать профессионалом. — М.: Консэко: Изд-во «Х. Г. С.», 1994. - 158 с.

Моренков Э. Д. Общий обзор строения центральной нервной системы // Хрестоматия по анатомии центральной нервной системы. — М.: Российское Психологическое Общество, 1998.-С.6-10.

Московичи С. Век толп: Исторический трактат по психологии масс / Пер. с фр.; Предисл. А. В. Брушлинского; ИП РАН, Дом наук о человеке (Франция). — М.: Центр психологии и психотерапии,1996.— 478 с.

Мясищев В. Н. Личность и неврозы. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1960. — 426 с.

Нагиев В. В. Основы судебно-психологической экспертизы — М., 2000.

Надирашвили Ш. А. Социальные ориентации личности //Социальная психология личности.: Сб. стат. Глава 8 / Под ред. М. И. Бобневой, Е. В. Шороховой. — М.: Наука, 1979. — 352 с.- С.43.

Наенко Н. И. Психическая напряженность. М.: МГУ, 1976. — 112с.

Найссер У. Познание и реальность / Отв. ред. В. М. Величковский. — М.: Прогресс, 1981. — 230с.

Налчаджян А. А. Социально-психологическая адаптация личности. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1988. — 262 с. — (Формы, механизмы, стратегии).

Натадзе Р. Г. Экспериментальные основы теории установки Д. Н. Узнадзе // Психологическая наука в СССР: Сборник статей: В 2 т. Т. 2. - М.: АПН СССР, 1960.-656 с.-С.'114-167.

Небылицын В. Д. Избранные психологические труды / Под ред. Б. Ф. Ломова. — М.: Педагогика, 1990. - 403 с.

Небылицын В. Д. Основные свойства нервной системы человека. — М.: Просвещение, 1966.-383 с.

Неттер П. Биохимические переменные в исследованиях темперамента // Иностранная психология. - 1993. - № 1- 2. - С. 49-56.

Николаева В. В., Арина Г. А. От традиционной психосоматики к психологии телесности // Вестник МГУ. — Серия 14. — Психология. — 1996. — № 2.

Носуленко В. Н. Психология слухового восприятия / Отв. ред. Б. Ф. Ломов. — М.: Наука, 1988.-214 с.

Нотон Д., Старк Л. Движение глаз и зрительное восприятие // Восприятие: механизмы и модели: Сборник научных трудов. - М.: Мир, 1974. — 354 с. — С. 56.

Обозов Н. Н. Межличностные отношения. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. — 151с.

Общая психодиагностика / Под ред. А. А. Бодалева, В. В. Столина. — М.: МГУ, 1987. — 303с.

Общая психология: Учебник для студентов под. ин-тов // Под ред. А. В. Петровского. — 3-е изд., перераб. и дон. — М.: Просвещение, 1986. — 463 с.

Олах А. Творческий потенциал и личностные перемены /'/ Общественные науки за рубежом.: Р. Ж. - Сер. Науковедение. - 1968. - Na 4. - С. 69-73.

Оллпорт Г. В. Личность в психологии.- М.: КСП+; СПб.: ЮВЕНТА, 1998.-345 с. — (Теории личности).

Орел В. Е. Исследование феномена психического выгорания в отечественной и зарубежной психологии // Проблемы общей и организационной психологии.: Сб. науч. тр. / М-во образов. РФ, Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова; Под ред. А. В. Карпова. — Ярославль: ЯрГУ, 1999.-203 с.- С. 76-97.

Орел В. Е. Психологическое изучение влияния профессии на личность // Реферативный сборник избранных работ по грантам в области гуманитарных наук. — Екатеринбург, 1999. — С, 113-115.

Орзих М. Ф. Право и личность: Вопросы теории правового воздействия на личность соц. общества — Киев; Одесса: Вища школа, 1978. — 143 с. — С. 48

Основы психодиагностики: Учеб. пособ. для студ. вузов / Под общ. ред. Н. К Акимова и др. - Ростов н/Д.: Феникс, 1996. - 540 с.

Основы психофизиологии / Ю. И. Александров, Д. Г. Шевченко, И. Александров и др.; Отв. ред. Александров Ю. И. — М.: Инфра-М, 1997. — 430 с. — (Высшее образование).

Отклоняющееся поведение молодежи: Краткий словарь-справочник / Владимир. гос. пед ин-т.; Под ред. В. А. Попова, С. А. Завражина. — Владимир: Ред.-изд. отд. — 1994. — 141 с.

Ошанин Д. А. Концепция оперативного отражения в инженерной и общей психологии // Инженерная психология. Теория, методология, практическое применение.: Сб. стат. — М.: Наука., 1977. - 256 с. - С. 134-148.

Павлова А. А., Шустова Л. А. Методика выявления особенностей речевого развития детей // Вопр. психологии. — 1987. — №6.

Павлова Н.Д., Ушакова Т. Н. Речь, язык, коммуникация. // Современная психология: Справочное руководство / РАН, Ин-т психологии; Под ред. В.Н.Дружинина. — М.: Инфра-М, 1999.-687 с. - (Справочники ИНФРА-М).

Панасюк А. Ю. Обвинительный уклон в зеркале психологического исследования // Психологический журнал. — 1992. — Т.13. — № 3. — С. 54-65.

Панкратов В. Н. Уловки в спорах и их нейтрализация. - М.: Рос. пед. агенство, 1996. — 136 с.

Парандовский Я. Алхимия слова. — М.: Правда, 1990. — 651 с.

Парыгин Б. Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории / ИГУП. - СПб.: ИГУП, 1999. - 134 с.

Перна И. Я. Ритмы жизни и творчества. — Л., 1925.

Петренко В. Ф. Основы психосемантики. — Смоленск: Изд-во Смоленского гуманитарного ун-та, 1997,-395 с.

Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. — М.: Изд-во МГУ, 1988. — 207 с.

Петренко В. Ф. Основы психосемантики: Учеб. пособие. — Смоленск; Изд-во Смоленского гуманитарного ун-та, 1997. — 395 с.

Петровский А. В., Ярошевский М. Г. История психологии: Учеб. пособ. — М.: РГГУ, 1996. — 445с.

Пиаже Ж. Избранные психологические труды. — М.: Просвещение, 1969. т- 435 с.

Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. — СПб: СОЮЗ, 1997. — 250 с. — (Психология ребенка).

Платонов К. К. О системе психологии . — М.: Медицина, 1972. — 321 с. — С. 150—151

Платонов К. К. Проблемы способностей. — М.: Наука, 1972.

Платонов К. К. Структура и развитие личности. — М.: Наука, 1986.

Поваренков Ю. П. Психология становления профессионала. — Курск, 1991.

Поваренков Ю. П., Шадриков В. Д. Исследование динамики информационной основы деятельности на разных этапах формирования ПСД // Проблемы индустриальной психологии: Межвузовский тематический сборник / ЯрГУ; Отв. ред. В. Д. Шадриков. — Ярославль: ЯрГУ, 1979.-178 с.

Познышев С. В. Криминальная психология. — М., 1926. — С. 9.

Поляков Ю. Ф., Николаева В. В. (ред.) Психосоматическая проблема: психологический аспект. - М., 1992.

Пономарев Я. А. Методологическое введение в психологию. — М.: Наука, 1983. — 205 с.

Пономарев Я. А. Психология творчества. — М.: Наука, 1976. — 303 с.

Пономарев Я. А. Психология творчества // Тенденции развития психологической науки: Сб. стат. / АН СССР, Ин-т психологии; Отв. ред. Б. Ломов. - М.: Наука, 1989. - 268 с. -С. 21-25.

Пономаренко В. А. Психология жизни и труда летчика. — М.: Воениздат, 1992. — 224 с.

Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы / Сост. Н. Садовский. — М.: Прогресс, 1983. - 605 с.

Потебня А. А. Мысль и язык.// Эстетика и поэтика. — М., 1976.

Практикум по психодиагностике. Прикладная психодиагностика. — М.: Изд-во МГУ, 1989.-176 с.

Пригожин И. С., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. — М.: Прогресс, 1986.

Проблемы общения в психологии: Сборник статей / АН, Ин-т социологии.; Отв. ред. Б. Ф. Ломов. -

М.: Наука, 1981. - 280 с.

Профконсультационная работа со старшеклассниками / С. Я. Карпиловская, Е. М. Ткаченко; Под ред. Б. А. Федоришина. — Киев: Рад. школа, 1980. — 160 с.

Пряжников Н. С. Профессиональное и личностное самоопределение. — М.; Воронеж, НПО МОДЭК, 1996.

Психолингвистика.: Сб. статей. / Отв.ред., сост. А. М. Шахнарович. — М.: Прогресс, 1984; — 367с.

Психологическая диагностика: проблемы и методы / Под ред. К. М. Гуревича. — М.: Педагогика, 1981. - 177с.

Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Отв. ред. А. В. Брушлинский. - М.: ИП РАН, 1997. - 177 с.

Психологические исследования творческой деятельности / Под ред. О. К. Тихомирова. — М.: Наука, 1975.-253 с,

Психологические исследования: Проблемы формирования личности профессионала / Под. ред. В. А. Бодрова. - М.: ИП РАН, 1991. - 124 с.

Психологические проблемы подготовки специалистов с использованием тренажерных средств / Под ред. В. А. Бодрова. - М.: ИП АН СССР, 1988. - 283 с.

Психологическое обеспечение профессиональной деятельности / Под ред. Г. С. Никифорова. СПб: Изд-во СПбГУ, 1991. - 151 с.

Психология масс: Хрестоматия / Сост. Д. Я. Райгородский. — Самара: Бахрах, 1998. — 591с.

Психология смерти и умирания: Хрестоматия / Сост. Сельченок К. В. — Минск: Харвест, 1998.

Психология творчества: Общая, дифференциальная, прикладная / АН СССР. Под ред. Я. А. Пономарева. - М.: Наука, 1990. - 222 с.

Психология толп / Сост. А. Бовиков. — М.: Институт психологии РАН, 1998. — 412 с.

Психология человеческих проблем: Хрестоматия / Сост. Сельченок К. В. — Минск: Харвест, 1998. - 103 с.

Психология эмоций. Тексты / Под ред. Вилюнаса В. — М.: Изд-во МГУ, 1984. — 303 с.

Равич-Щербо И. А. и др. Психогенетика: Учебник / Равич-Щербо И. А., Марютина Т. М., Грирогенко Е. Л. — М.: Аспект-пресс, 1999. — 447 с.

Развитие и диагностика способностей / Л. Г. Алексеева, А. Н. Воронин, Т. В. Галина и др.; Отв. ред. В. Н Дружинин, В. В. Шадриков; АН СССР, Ин-т психологии. — М.: Наука, 1991. — 177с.

Рассел Б. История западной философии: В 2 т. — М.: МИФ, 1993. — 954 с.

Рац У., Михайлова Н. Б. Новый метод диагнстики языковой компетенции; Ц-тест. // Иностранная психология. 1995. — №5.

Резников Е. Н. Межличностное восприятие и понимание // Современная психология: Справочное руководство / Под ред. В. Н. Дружинина. — М.: Инфра-М, 1999. — 687 с. — С. 508-516.

Резников Е. Н. Межличностные отношения // Современная психология: Справочное руководство / Под ред. В. Н. Дружинина. - М.: Инфра-М, 1999. - 687 с. - С. 516-523, - (Справочники «ИНФРА-М»).

Реймерс Н. Ф. Экология : Теория, законы, правила, принципы и гипотезы. — М.: Журнал «Россия молодая», 1994. — 364 с.

Ришар Ж.-Фр. Ментальная активность: Понимание, рассуждение, нахождение решений / РАН, Ин-т психологии; Дом наук о человеке (Франция). — М.; Институт психологии РАН, 1998. - 232 с.

Рогов Е. И. Учитель как объект психологического исследования. — М.: Владос, 1998. — 494 с.

Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека / Пер. с англ. М. Исениной; Общ. ред. И. Е. Исенина. — М.: Прогресс, 1994. — 479 с.

Роджерс К. Взгляд на психотерапию. — М.: Mass Media, 1999.

Розенблат В. В. Проблема утомления. — М.: Наука, 1975. — 220 с.

Роль среды и наследственности в формировании индивидуальности человека / Под ред. И. В. Равич-Щербо. - М.: Педагогика, 1988. - 333 с.

Романова Е. С., Суворова Г. А. Психологические основы профессиографии: Практикум. — М.:МГПИ,1990.-142с,

Ротенберг В. С., Аршавский В. В. Поисковая активность и адаптация. — М.: Наука, 1984.

Рощин С. К. Психология толпы: анализ прошлых исследований и проблемы сегодняшнего дня // Психологический журнал. — 1990. — Т. 11. — № 5. — С. 3-16.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. — СПб.: Питер, 1998. — 705 с. — (Мастера психологии).

Рубинштейн С. Л. Избранные философско-психологические труды: Основы онтологии, логики и психологии / РАН, Ин-т психологии. — М.: Наука, 1997. — 462 с. — (Памятники психологической мысли).
Рубинштейн С. Л. О мышлении и путях его исследования / АН СССР, Ин-т психологии. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. - 347 с.
Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. — М.: Педагогика, 1976.
Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. Т.1. / Сост. А. В. Брушлинский, — Спб.: Питер, 1999. — 712 с. — (Мастера психологии).
Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание: О месте психологического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. — М: Изд. АН СССР, 1957. — 328 с. — С. 256
Рудестам К. Групповая психотерапия / Пер. с англ. А. Голубева. — СПб: Питер, 1998. — 373 с. — (Мастера психологии).
Рудкевич Л. А., Рыбалко Е. Ф. Возрастная динамика самореализации творческой личности // Психологические проблемы самореализации личности. СПб: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 89-106.
Русалов В. М. Актуальные проблемы психологии личности и индивидуальных различий // Иностранная психология. — 1993. — № 1-2. — С. 7-8.
Русалов В. М. Биологические основы индивидуально-психологических различий. — М.: Наука,1979.
Русалов В. М. Темперамент // Современная психология: Справочное руководство / Под ред. В. Н. Дружинина. - М.: Инфра-М, 1999. - 687 с.
Русалов В. М. Опросник формально-динамических свойств индивидуальности: (ОФДСИ): Метод. пособ. / РАН, Ин-т психологии. — М.: Изд-во АО «Диалог МГУ», 1997. — 50 с.
Рыбников Н. А. Язык ребенка. — М.-Л., 1926.
Рэфф Р., Кофмен Т. Эмбрионы, гены и эволюция. — М.: Мир, 1986.
Савельев С. В. Изменчивость мозга // Хрестоматия по анатомии центральной нервной системы / Российское Психологическое Общество. — М.: Изд-во РПО, 1998.
Сафуанов Ф.С., Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе.: Науч. практ. пособие. — М.: Смысл: Гардарика, 1998. — 191 с.
Светс Дж. и др. Статистическая теория решений и восприятие // Инженерная психология / Светс Дж., Таннер В., Бердсолл Т.; Под ред. Д. Ю. Панова, В. П. Зинченко. — М.: Прогресс, 1964. - 476 с. - С. 269-335.
Сгалл П. К программе лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. — М.: Прогресс, 1978.
Селье Г. На уровне целого организма. — М.: Наука, 1972.
Селье Г. Стресс без дистресса. — М.: Прогресс, 1979.
Сергиенко Е. А. и др. Развитие близнецов и особенности их воспитания / Сергиенко Е. А, Рязанова Т. Б., Виленская Г. А., Дозорцева А. В.; РАН, Ин-т психологии. — М.: ИП РАН, 1996-68 с.
Сергиенко Е. А., Рязанова Т. Б. Младенческое лонгитюдное исследование: специфика психического развития // Психологический журнал. — 1999. — Т. 20. — № 2. — С. 39-54.
Симонов П. В. Высшая нервная деятельность человека: мотивациопно-амоциопальные аспекты. — М.: Наука,1975.
Симонов П. В. Что такое эмоция. — М.: Наука, 1966. — 85 с.
Скиннер Б. Ф. Размышления о бихевиоризме и обществе. — М., 1978.
Слобин Д. Когнитивные предпосылки развития грамматики. // Психолингвистика.: Сб. статей. / Отв. ред., сост. А. М. Шахнарович. — М.: Прогресс, 1984. — 367 с. — С. 143-208.
Слободяник А. П. Психотерапия, внушение, гипноз. — Киев: «Здоров'я», 1977. — 479 с.
Смирнов А. А. Проблемы психологии памяти — М.: Просвещение, 1966. — 275 с.
Смирнов С. Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. — М.: Изд-во МГУ, 1985.
Собчик Л. Н. Пособие по применению MMPI. - М.: МЗ РСФСР, 1971. - 63 с.
Совместная деятельность в условиях организационно-экономических изменений / Отв. ред. А. Л. Журавлев. - М.: ИП РАН, 1997. - 142 с.
Совместная деятельность: методология, теория, практика / АН СССР; Ин-т психологии; Отв. ред. А. Л. Журавлев, П. Н. Шихирев, Е. В. Шорохова. - М.: Наука, 1988. - 228 с.
Современная психология: Справочное руководство / РАН, Ин-т психологии; Под ред. В.Н.Дружинина. — М.: Инфра — М, 1999. — 687 с. — Раздел 3.8. Речь, язык, коммуникация. —

(Справочники ИНФРА-М)
Современная психология: Справочное руководство / Под ред. В. Н. Дружинина. — М.: Инфра-М, 1999. - 687 с. - (Справочники «ИНФРА-М»).
Соколова Е. Е. Тринадцать диалогов о психологии: Хрестоматия с комментариями по курсу «Введение в психологию». — М.: Изд. центр «Академия», 1995. — 651 с. — (Психология для студентов).
Соколова Е. Т. Мотивация и восприятие: в норме и патологии. — М.; Изд-во МГУ, 1976. — 128с.
Солсо Р. Л. Когнитивная психология. — М.: Тривола, 1996. — 598 с.
Соснин В. А. Автономные рабочие группы: теория и практика метода в исследованиях западной организационной психологии // Психологический журнал.— 1990.— Т. 11.— №6.-С. 28-37.
Соснин В. А., Лунев П. А. Как стать хозяином положения. Анатомия эффективного общения. Руководство практического психолога / ИП РАН. — М.: Academia, 1996. — 219 с.
Соссюр Ф. Труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1977. — 695 с.
Социальная психология / Под ред. Е. С. Кузьмина, В. Е. Семенова. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1973.- 167 с.
Социальная психология личности / Отв. ред. М. И. Бобнева, Е. В. Шорохова. — М.: Наука, 1979.-344 с.
Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений / РАН, Ин-т психологии; Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова, В. А. Хащенко и др. — М.: ИП РАН, 1998. - 259 с.
Спивак Л. И., Спивак Д. Л. Измененные состояния сознания: типология, семиотика, психофизиология // Сознание и физическая реальность. — 1996. — Т. 2. — № 4. — С. 48-55.
Спицына Л. В. Историко-психологическая реконструкция становления форм и способов общения в советском обществе в послереволюционный период ('10-е — 20-с годы XX столетия) / Автореферат дисс. канд. психологических наук. — М., 1994.
Степанов Ю. С. Язык и метод: К современной философии языка. — М.: Яз. рус. культуры, 1998. — 779 с. — (Язык. Семиотика. Культура.)
Стернберг Р., Григоренко Е. Л. Модель структуры интеллекта Гилфорда: структура без фундамента// Основные современные концепции творчества и одаренности / Под ред. Д. Б. Богоявленской. — М.: Молодая гвардия, 1997. — 402 с. — С 111-126. — (Библиотека «Одаренные дети»).
Стефаненко Т. Г. и др. Методы этнопсихологического исследования.: Спецпрактикум по социальной психологии/ Стефаненко Т.Г., Шлягина Е.И., Ениколопов С.Н.; МГУ. — М.: Изд-во МГУ, 1993. - 79 с.
Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: Учебник. — М.: Ин-т психологии РАН: Академический проект, 1999. — 320 с.—(Б-ка соц. психологии).
Стивенс С. Математика, измерение и психофизика // Экспериментальная психология: В 2 т. — Т. 1 / АН СССР, Ин-т психологии. Под ред. С. Стивенса. — М.: Изд-во иностр. лит., 1960.-165 с.-С. 19-99.
Субботин В. Е. Мотивация и эмоции // Современная психология: Справочное руководство / Под ред. В. Н. Дружинина. — М.: Инфра-М, 1999. — 687 с. — (Справочники «ИНФРА-М»),
Сусоколов А. А. Структурные факторы самоорганизации этноса. // Расы и народы: Ежегодник. - Вып. 20 - М.: Наука, 1990. - С. 5-36.
Тайны сознания и бессознательного: Хрестоматия / Сост. Сельченок К. В. — Минск: Харвест, 1998.
Тарабрина Н. В. Психологические последствия войны // Психологическое обозрение. — 1996.-№1.
Тарабрина Н. В., Графинина Н. А. Новый вариант калифорнийского психологического опросника // Методики анализа и контроля трудовой деятельности и функциональных состояний / ИП РАН. - М.: Изд-во ИП РАН. - 1992. - С. 250-260.
Тарабрина Н. В., Лазебная Е. О. Синдром посттравматических стрессовых нарушений: современное состояние проблемы // Психологический журнал. — 1996. — Т. 13. — № 2. — С. 14-29.
Теплов Б. М. Избранные труды: В 2 т. / Ред.-сост. Н. С. Лейтес. — М.: Педагогика, 1985.
Теплов Б. М. Проблемы индивидуальных различий. — М.: АПН РСФСР, 1961. — 536 с.
Тинберген Н. Поведение животных / Пер. с англ. Орлова А. — М.: Мир, 1969. — 192 с.
Тобиас Л. Психологическое консультирование и менеджмент: Взгляд клинициста / Пер. с англ. А. И. Сотова. — М.: Класс, 1999. — 148 с. — (Библиотека психологии и психотерапии).
Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. — М.: Наука, 1966. — 451 с.
Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. — Тбилиси: Изд-во АН Грузии, 1961.-210 с.
Уманский Л. И. Психология организаторской деятельности школьников. — М.: Просвещение, 1980. -

160 с.
Управление персоналом организации: Энц. словарь/ Кибанов А. Я. и др. Под ред. А. Я. Кибанова — М.: Инфра-М, 1997. — 451 с.
Управленческое консультирование: В 2-х т. / Под ред. М. Кубра. — М.: СП-«Интерэксперт», 1992.- 667 с.
Уфимцева Н. В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских// Языковое сознание: формирование и функционирование/РАН, Ин-т языкознания; Отв. ред. Н. В. Уфимцева. - М.: РАН Ин-т языкознания, 1998. - 255 с. - С. 135-170.
Ушаков Д. В. Проблемы и надежды франкоязычной когнитивной психологии // Иностранная психология. — 1995. — № 5. — С. 5-8.
Ушакова Т. И. Природные основания речеязыковой способности //Языковое сознание: формирование и функционирование / РАН, Ин-т языкознания; Отв. ред. Н.В.Уфимцева. — М.: РАН Ин-т языкознания, 1998. - 255 с.
Ушакова Т. Н. Психология речи и психолингвистика.// Психологический журнал. — 1991. — Т.12.- №6.- С.12-25.
Ушакова Т. Н. Функциональные структуры второй сигнальной системы. Психофизиологические механизмы внутренней речи. / АН СССР. — М.: Наука, 1979. — 248 с.
Ушакова Т. Н. Детская речь — ее истоки и первые шаги в развитии // Психологический журнал. - 1999. - Т. 20. - №3. - с. 59-69.
Фабри К. Э. Зоопсихология. - М.: Изд. МГУ, 1993. - 334 с.
Фабри К. Э. Основы зоопсихологии. — М.: Изд. МГУ, 1976. — 287 с.
Февр Л. Бои за историю: Сб. стат. / Пер. А. Бобовича и др.; АН СССР. — М.: Наука, 1991. — 629 с. — (Памятники историии мысли).
Филичева Т.Б. и др. Основы логопедии / Филичева Т. Б., Чевелева Н. А., Чиркина Г. Б, — М.: Просвещение, 1989. - 221 с.
Фишер Р., Юри У. Путь к согласию или переговоры без поражения / Отв. ред. В. Кремнюченко. — М.: Наука,1990. — 155 с.
Флевел Дж. Генетическая психология Жана Пиаже. — М., 1967.
Фогель Ф., Мотульский А. Г. Генетика человека: В 3 т. / Под. ред. Ю. Л. Алтухова. — М.: Мир,1989.
Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности / Общ. ред. Ю. М. Забродина. - М.: Прогресс, 1987. - 232 с.
Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. —М.:Наука, 1991. —455с. — (Классики науки).
Фрейд 3. О психоанализе. Пять лекций // История психологии. Период открытого кризиса: Тексты / Под ред. П. Я. Гальперина. - М.: Изд. -во МГУ, 1992. - 362 с.
Фрейд 3. Я и Оно // История психологии. Период открытого кризиса: Тексты / Под ред. П. Я. Гальперина. - М.: Изд-во МГУ, 1992. - 362 с.
Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология: Сборник статей / Общ. ред. А. Н. Леонтьева. — М.: Прогресс 1973. — 429 с.
Фромм Э. Бегство от свободы. / Пер. с англ. Г. Ф. Швейника; Общ. ред. П. С. Гуревича. — М.: Прогресс, 1990. - 269 с.
Харди И. Врач, сестра, больной: психология работы с больными / Под ред. М. В. Коркина. — Будапешт: Изд-во АН Венгрии, 1988. — 338 с.
Харман Д. Факторный анализ. — М.: Финансы и статистика, 1973.
Хейдметс М. Э. Социально-психлогические факторы формирования пространственной структуры жилой среды. Дисс. на соискание уч. ст. канд. психол наук. — Таллин: Таллинский пед. ин-т, 1989
Хёйзинга Й. Осень средневековья. / Пер. Д. Сильвестрова; Отв. ред. С. Аверинцев; АН СССР. - М.: Наука, 1988. - 539 с.
Хекхаузен X. Мотивация и деятельность / Пер. с нем.; Под ред. Б. М. Величковского. — М.: Педагогика, 1986. — 406 с.
Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. / РАН, Ин-т психологии, Межвуз. центр по проблемам интеллектуал. развития личности. — М.-Томск: Барс: Изд-во Томского ун-та, 1997. — 391 с.
Хомская Е. Д. Нейропсихологическая диагностика / Под ред. Е. Хомской. — М.: Изд-во МГУ, 1994.- 226 с.
Хомский Н. Язык и мышление. / под ред. В. Раскина. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. — 122 с.

Хоровитц Ф. Д., Байер О. Одаренные и талантливые дети: состояние проблемы и направления исследований // Общественные науки за рубежом: Р. Ж. — Серия Науковедение. — 1988. - № 1.

Хьелл Л., ЗиглерД. Теории личности: Основные положения, исследования и применение / Пер. с англ. С. Меленевская, Д. Викторова. — 2-е изд., испр. — СПб.: Питер, 1998. — 606 с. — (Мастера психологии).

Хьюбел Д. Глаз, мозг, зрение. — М.: Мир, 1990. — 239 с.

Хэзлем М. Т. Психиатрия / Пер. с англ. Г. А. Лубочкова. — Львов.: Инициатива, 1998. — 609 с. — (Классики зарубежной психологии).

Цветкова Л. С. Восстановительное обучение при локальных поражениях мозга. — М: Педагогика, 1972. - 271 с.

Цепцов В. А. Переговоры: Психология, воздействие, практика / Ран, Ин-т психологии. — М.:ИП РАН,1996.-134с.

Цепцов В. А. Переговоры: Психология. Воздействие. Практика. / РАН, Ин-т психологии. — М.:ИП РАН,1996.-134с.

Человеческий фактор. В 6 т.: Т. 3. Ч. 2. / Под ред. Г. Салвенди; Пер. с англ. В. П. Зинченко. — М.: Мир, 1991.-487 с.

Черноушек М. Психология жизненной среды. / вступ. ст. Л. А. Китаева-Смыка. — М.: Мысль. 1989. — 174 с. — (Человечество на пороге XXI в.)

Чернышев А. С. Лабораторный эксперимент в социально-психологическом изучении организованности коллектива // Психологический журнал. — Т. 1. — 1980. — № 4. — С. 84-94.

Чугунова Э. С. Социально-психологические особенности творческой активности инженеров / Отв. ред В. Я. Ядов.; ЛГУ. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. - 160 с.

Чуковский К. И. От двух до пяти. — М.: Просвещение, 1966.— 399 с.

Шадриков В. Д. Введение в психологическую теорию профессионального обучения: Учеб. пособие. — Ярославль: ЯрГУ, 1981. — 72 с.

Шадриков В. Д. Деятельность и способности. — М.:Изд. корпорация «Логос», 1994. — 315с.

Шадриков В. Д. Проблемы профессиональных способностей // Психологический журнал. - 1982. - Т. 3-№ 5. - С. 44-62.

Шадриков В. Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности /АН СССР, Ин-т психологии. — М.: Наука, 1982. — 185с.

Шадриков В. Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. — М.: Наука, 1982.-326 с.

Шадриков В.. Д. Психология деятельности и способности человека: Учеб. пособие для вузов. — М.: Изд. корпорация «Логос», 1996. — 318 с.

Шадриков В. Д., Дружинин В. Н. Формирование подсистемы профессионально-важных качеств в процессе профессионализации // Проблемы индустриальной психологии: Межвузовский тематический сборник / Отв. ред. В. Д. Шадриков. — Ярославль: ЯрГУ, 1979. — 178 с.

Шапинский В. А., Мареев В. И. Девиантное поведение и социальный контроль: Учеб. пособ / Науч. ред. А. А. Греков; Рост. гос. под. ун-т. — Ростов н/Д: Изд-во Рост. гос. пед. ин-та, 1997. — 98с.

Швырков В. Б. Введение в объективную психологию: Нейронал. основы психики / РАН, Ин-т психологии. - М.: ИП РАН, 1995. - 164 с.

Шевченко Д. Г. Сон и сновидения // Основы психофизиологии: Учебник / Ю. И. Александров, Д. Г. Шевченко, И. О. Александров; Отв. ред. Ю. И. Александров. — М.: Инфра-М, 1997. - 430 с. - С. 244-264, - (Высшее образование).

Шемякин Ф. Н. Ориентация в пространстве //Психологическая наука в СССР: Сборник статей: В 2 т. Т 1. / АПН РСФСР. - М.: АПН РСФСР, 1959. - 599 с. - С. 140-192.

Шихирев П. Н. Современная социальная психология в Западной Европе: Проблемы методологии и теории / Отв. ред. Е. В. Шорохова. — М., 1985. — 175 с. — С. 109-114.

Шихирев П. Н. Современная социальная психология США. — М.: Наука, 1979. — 229 с.

Шихирев П. Н. Современная социальная психология.: Учеб. пособ. для студ. вузов. — М.: ИП РАН, 1999.-447 с.

Шихирев П.Н. Перспективы теоретического развития этнической психологии. // Этническая психология и общество. / СПбГУ. - СПб.: Изд-во СПб ГУ, 1994. - 168 с. - С. 11-17.

Шкуратов В. А. Историческая психология. / Ин-т «Открытое общество». — 2-е изд. — М.: Смысл, 1997. — 505 с. — (Психология для студента)

Шкуратов В. А. Историческая психология. / Ин-т «Открытое общество». — 2-е изд. — М.: Смысл,

1997. — 505 с. — (Психология для студента).
Шмидт Р. Искусство общения / Пер. с нем. — М.: СП «Интерэксперт», 1992. — 77 с. — (Практикум делового человека).
Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию. — СПб.: «П. Э. Т.»; Алетейя: Кренов, 1996.— 153с.
Шрейдер Р. В. Уровень профессионализации как фактор, определяющий структуру профессионально-важных качеств // Проблема системогенеза деятельности. Ярославль, 1980.-С. 56-67.
Штерн В. Дифференциальная психология и ее методические основы / РАН, Ин-т психологии. — М.: Наука, 1998. — 335 с. — (Памятники психологической мысли)
Штерн В. Психология раннего детства до 6-тилетнего возраста. — Петроград, 1922.
Шульц Д., Шульц С. Э. История современной психологии / Пер. с англ. Говорунов А. В. — СПб.: Евразия, 1998. - 526 с.
Эделмен Дж., Маунткасл В. Разумный мозг: Кортикал. орг. и селекции групп в теории высш. ф-ции головн. мозга / Пер. с англ. М. Алексеенко; Под. ред. Е. Н. Соколова. — М.: Мир, 1981.-133 с.
Экклс Дж. Физиология синапсов / Под. ред. П. К. Анохина. — М.: Мир, 1966. — 395 с.
Экспериментальная психология; Сб. стат / Ред. Сост. П. Фресс, Ж. Пиаже.; Общ. ред. А. Н. Леонтьева. - Вып. 4. - М.: Прогресс, 1973. - 343 с.
Элкинд Д. Эрик Эриксон и восемь стадий человеческой жизни / Пер. с англ. — М.: Когитоцентр,1996.-16с.
Эллиот П. К. Прифронтальная область коры больших полушарий головного мозга как организатор волевых действий и ее роль в высвобождении творческого потенциала человека // Общественные науки за рубежом: Р. Ж. — Сер. Науковедение, 1988. — № 1. — С. 86-87.
Эльконин Д. Б. Психическое развитие в детских возрастах. — М.: Изд. Ин-т практ. психологии. - Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. - 287 с.
Эрман Л., Парсонс П. Генетика поведения и эволюция / Под ред. Е. Н. Панова. — М.: Мир, 1984-566 с.
Этническая психология и общество. / СПбГУ. — СПб.: Изд-во СПб ГУ, 1994. — 168 с.
Юнг К. Аналитическая психология. — СПб.: Кентавр, 1994. — 136 с.
Юнг К. Проблемы души нашего времени / Предисл. А. В. Брушлинского. — М.: Прогресс, 1993.-329 с.
Ядов В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии / Отв. ред. Е. В. Шорохова. — М.: Наука, 1975. — 295 с.-С. 89-105.
Ясперс К. Общая психопатология / Пер. с нем. Л. О. Акопяна. — М.: Практика, 1995. — 1053с.
Argyle M. Intercultural communication // Cultures in Contact: Studies in Cross-Cultural Interaction. / edited by Stephen Bocher. — Oxford; New York: Pergamon Press, 1982. — 232 p.
Atkinson N. et al. Introduction to Psychology. — Fort Worth, TX: Harcourt Brace Jovanovich College Publishers . - 1993. - 289 p.
Babiker l. E. et al. The measurement of culture distance. //Social Psychiatry.— 1980. — V.15. — P. 101-116.
Berry J. W. & Pleasants M. Ethnic tolerance in plural societies. — Paper given at the International Conference on Authoritarism and Dogmatism. — N.Y., 1984.
Berry J.W. et al. Cross-cultural psychology: Research and applications. /J. Berry, Poortinga,Y.H., Segall, M.N. & Dasen P.R.-Cambridgc; New York:Cambridge University Prcss,1992. - 459 p.
Bock Ph. Continuties in psychological anthropology: a historical introduction. — San-Francisco: W.H. Freeman, 1980. - 288 p.
Bogerman W. G. Studies of Genius. - New York, 1947. - 234 p. - P. 171.
Brand C. R., Egan V., Deary].]. Genral intelligence and personality: No relation? // Current topics in human intelligence. — Norwood, NJ.:Ablex pub. Corp., 1985. — Vol. 1.
Brislin R. W. Orientation programs for cross-cultural preparation// Perspectives on Cross-Cultural Psychology./ edited by Antony J. Marsella, Roland G. Tharp, Thomas J. Ciborowski. — New York: Academic Press, 1979.-413 p.
Butterworth G., Harris M. Principles of Developmental Psychology. — Cambridge, 1994.
Crites S. The vocational choice. N.Y., 1964.
Csanyi V. Az emberi termeszet. Humanetologia. — Budapest: Vince Kiady, 1999. — 308 p.
Deaux K. et al. Social psychology in the '90s. / Deaux K., Dane F. C. & Wrightsman L. S. Pacific Grove, CA: Brooks/Cole Publishing Company, 1993. - 499 p.

Dennett D. C. Kinds of Minds. - New York: Basic Books, 1996. - 184 p.
Furnham A., Bochner S. Culture Shock: Psychological reactions to unfamiliar environments, — London.; New York: Methuen, 1986. - 298 p.
Gudykunst W. et al. Culture and interpersonal communication/ Gudykunst W, Stella Ting-Toomey with Elisabeth Chua. — Newbory Park, Calif.: Sage Publications. — 288 p. — Beverly Hills., 1988.
Guilford Y. P. The nature of human intelligence. - New York: Mc-Gaw Hill, 1967. - 164 p.
Hebb D. Textbook of psychology. — Philadelphia: W. B. Saunders Company; London-Toronto, 1972.-326 p.
Hofstede G. Culture's consequences: international differences in work-related values / Geert Hofstcde - Beverly Hills-.Sage Publications, 1984. - 327 p.
Kaplan B. Studying personality cross-culturally. — New York: Evanston, 1961. — 687 p.
Kardos L. Az alati ernlekezet. — Budapest: Akademia kiady, 1988. — 246 p.
Karlson Y. L. Inheritance of creative intelligence. — Cicago: Nelson — Hall., 1978. — 206 p. — P. 138.
Lehman H. C. Age and achievement. — Prinston: Prynston University Press, 1953. — 358 p.
Le-Vine R. A., Campbell D. T. Ethnocentrism: theories ofconflict, ethnic attitudes and group behavior. / Robert A. Le Vine and Donald T. Campbell. - New York: Wiley, 1972. - 310 p.
Matsumoto D. Culture and Psychology. — New York: Pacific Grove: Brooks., 1996. — 350 p.
Mednich S. A. The associative basis of the creative process // Psychol. Rewiew. — 1969. — № 2. - P.220-232.
Popper K. R. Knowledge and the body-mind problem: in defence of interaction. -- London: Rou-tiedge, 1995. - 158 p.
Professional burnout: Recent developments in the theory and research / Ed. W. B. Shaufeli, Cr. Maslach & T. Marek. - Washington DC: Taylor&Francis, 1993. - 299 p.
Resnikoff M. Creative abilities in identical and fraterral twins.// Behavior Genetics./ Resnikoff M , Domino G., Bridges C., Honeyman N 1973. - Vol. 3. - P. 356-377.
Sternberg R. General intellectual ability // Human abilities by R. Sternberg. — 1985. — P. 5-31.
Sternberg R. Y. Inside intelligence //American scientist.- 1986.- Vol. 74,32.- P. 137-143. Tajfel H. Social identity and intergroup relations. — Cambridge ; New York: Cambridge University Press, 1982. - 528 p.
Tajfel H. Social identity and intergroup relations. Cambride; New York: Cambride University Press, 1982. – 528 p.
Taylor C. W. Cultirating multiple creative talents in students // Journal for the Education of the Giften.- 1985.- Vol 8. - P 187-198.
Terman L. M. The Measurement of Intelligence. — New York, Boston: Arno Press, 1975. — 362 p.
Torrance E. P. Guiding creative talent - Englewood Cliffs, WJ.: Prentice-Holl, 1962. - 278 p.
Torrance E. P. Scientific views of creativity and factors affecting its growth. Daedalus: Creativity and Learning,.,1965. - P. 663-679.
Triandis H. C. Culture and social behavior. — New York: Me Graw-Hill. — 1994. — 330 p.
Triandis H. C. Psychology and culture. // Annual Review of Psychology. — 1973. — Vol. 24.
Vernon P. E. Psychological studyes on creativity //Journal of Child Psychology and Psychiatry. - 1967.- №8.- P. 135-165.
Waller N. G., Boucharh T.J.. Lykken D. T., Tellegen A. Creativity, heriability, familiality: Which word does not belong? Psychological Inquing. - 1993. - Vol.4. - p.235-237.
Wollach M. A., Kogan N. A. A new look at the creativity — intelligence distinction //Journal of Personality. - 1965. - № 33.- P. 348-369.